

Сборник статей (1970–2009)
Владимир Леонидович Махнач

Спланированное убийство для среднего школьного возраста

Предлагаем вниманию читателя последний текст Владимира Махнача, надиктованный им в Вербное Воскресенье 12 апреля 2009 г. главному редактору Правой.ру. Своим последним текстом он открывает на нашем сайте новую тему: критический обзор некоторых учебных пособий, внедренных в среднюю общеобразовательную школу для формирования антипатриотических взглядов учащихся.

У меня в руках учебник для 8–9 классов общеобразовательных учреждений (заметьте, не учебное пособие, которое может издать вообще кто угодно), под редакцией незнакомого мне, но не вызывающего ни малейшей симпатии г-на А.И.Алексеева (все-таки редактор отвечает за содержание). Это восьмое издание, стереотипное, тиражом 85 тысяч, т. е. сверхмассовое учебное издание. Мне ничего не говорит состав авторов. Состав рецензентов включает уважаемого мной доктора географических наук Родомана, но, возможно, он интересующие меня разделы не читал, потому что он не демограф, а географ. Меня же будет интересовать вопрос исключительно о населении. Это тема 9 данного учебника («Сколько нас – россиян?»), содержащая два параграфа: §43 «Численность населения» и §44 «Воспроизводство населения». Страницы 236–242. И тут у меня появляется масса вопросов, поскольку за этими внешне наукообразными словами скрыта откровенная русофобская идеология, фактически, замаскированный геноцид. А как иначе можно назвать стремление внушить 13–14-летним подросткам мысль о том, что необходимо обязательно планировать семью и ни в коем случае не следует иметь больше двоих детей?!

Любопытно, что до этой темы всё более-менее благопристойно. «Изучение географии России, – цитирую, – подготовит вас к пониманию географии хозяйства, которой вы будете заниматься в 9-ом классе». Это хорошо. Это разумно. География населения и характера хозяйственных симпатий

действительно должна изучаться раньше. На следующей странице – 235 – мы даже видим биографическую справку – и не о ком-нибудь, а о выдающемся географе, путешественнике, исследователе, сенаторе Семенове-Тянь-Шанском, чей сын был православным епископом, автором великолепного катехизиса, самого современного на сегодняшний день.

Наверное, там в семье было все в порядке, а с детьми уж точно – больше десяти. В семье учителя, а потом инспектора общеобразовательных учебных заведений Менделеева, сына священника, в которой родился Дмитрий Иванович Менделеев, было 19 детей, и 19-ым был сам Дмитрий. Так вот если бы эта семья планировала себя, то периодическую систему, вероятно, создали бы в другой стране.

Кстати, обращаю внимание, что есть такие сведения, принятые, но не афишируемые Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ), что, как правило, не первенцы являются самыми талантливыми в семье. Не знаю, зачем Бог это устроил, но Он так устроил. А великий, хотя и циничный масон Фридрих Прусский вообще в свое время узаконил, что, вопреки всем европейским традициям, младший сын должен наследовать хозяйство бауэра. Дескать, он – талантливый крестьянин, а эти – солдаты!

Так вот, дальше, вслед за биографией Семенова, я начинаю потрясающие вещи читать, причем за цифры авторы, наверное, отвечают, иначе можно и клевету, и разжигание межнациональной розни здесь найти.

Мы довольно точно знаем, сколько россиян (а кто это? такого народа нет) было 9 октября 2002 года – 145,2 млн. человек. Дальнейшие изменения выявляются с помощью текущего учета. Дальше в учебнике идет справочка: «По переписи населения 1897 года численность населения в пределах современных границ Российской Федерации...» Позвольте, а кто это посчитал границы РФ на 1897 год? Нынешняя Курская область РФ, к примеру, тогда являлась частью Черниговской губернии Российской империи... Так вот, продолжаем, численность в 1897 году в границах современной Российской Федерации составляла 67,5 млн. человек из 124,6

млн. населения Российской Империи. Периодами демографического кризиса явились Первая мировая война 1914–18 гг., Гражданская война 1918–21 гг. Это ошибка – Гражданская война закончилась в 1922 году. Да и Первая мировая война фактически закончилась для России в 1917... «Сопровождавшаяся эпидемией» – детям объясняют после демографии что такое эпидемия – и массовым отъездом из России...

Что такое отъезд? Отъезд и в начале XX века наблюдался, до известных событий. Дальше у нас есть график, численность населения, но главное вот это соотношение – 67,5 и 124,6 млн. А почему детям не сообщают, сколько было русских людей? Почему детям – а была очень четкая статистика – сколько было православных людей? Ведь за пределами этих 67 осталось население Украины и Белоруссии (они вообще тогда не знали, что их назначат украинцами или белорусами), а также население совершенно русского Казахстана, который Казахстаном сделал Сталин или, если угодно, Назарбаев – преемник Сталина, потому что никакой Казахстан в СССР не входил никогда, но уже в составе СССР в 1932 году был вырезан.

Иными словами, русское население составляло более трех четвертей, невзирая на гражданскую войну. Дальше идет очень интересный вопрос. Общие потери населения с 1914 по 1922 (заметьте, появился 1922 год!) составили по разным оценкам от 12 до 18 млн. человек. Такова была цена войны и революции. Согласен с автором. Следующий демографический кризис был вызван насильственной коллективизацией (детям объясняют, что такое коллективизация), повлекшей за собой репрессии (объясняется, что такое репрессии), выселение сотен тысяч крестьянских семей, упадок сельского хозяйства, засуха, постигшая многие районы Юга России (еще более хочется сказать, усугубила, как говорил Горбачев), все это привело к голоду 1933–34 гг., во время которого общие потери населения, включая потери снижения рождаемости, оценивается в 5–6,5 млн. человек.

Автор данного текста ошибается. Русский ученый, живший не по своей воле в США, профессор Курганов оценивает голод начала 30-ых гг. по потерям в 7 млн. без учета демографического спада.

Теперь перейдем к совершенно другой отрасли – к воспроизводству населения. Даже минуем то, что в XX веке Россия понесла самые страшные людские потери за всю тысячелетнюю свою историю... Вообще, конечно, у России не тысячелетняя история, а по крайней мере, полуторатысячетная. В войнах, конфликтах гибнет цвет нации, – пугают авторы. И продолжают: «Помня об этом, нельзя допускать новых потрясений и прежде всего беречь людей». О сбережении людей писал еще Михаил Ломоносов, светлая ему память, есть у него такая работа. Но его трудно заподозрить в отсутствии патриотизма. И тем более – в патриотизме лицемерном. Здесь же эти патриотические, почти националистические декларации пахнут откровенным цинизмом – если учесть, чему будет учить школьников следующий параграф учебника. Или, может быть, эти два параграфа просто писали разные люди?

И вот, наконец, этот §44. «Воспроизводство населения». В первобытном обществе наблюдалось, цитирую, естественное равновесие продовольственных ресурсов, которое зависело от объема пищи, охоты, рыболовства и собирательства. Тут трудно возразить... Каждая территория могла прокормить определенное число людей. Это правда, но все дело в том, что в любом обществе, в том числе и современном, каждая территория может прокормить только определенное количество людей. Вот территория Москвы и Московской области не может прокормить население Москвы и Московской области. Наши леса от рекреационной нагрузки погибают, и об этом достаточно публикаций. Почему об этом ничего не говорится?

Между прочим, Россия достаточно велика, и от рекреационной нагрузки она не погибнет, даже если в ней будет жить один миллиард человек. Не вся территория России пригодна для большого населения. Оставим огромную территорию вечной мерзлоты, зато за пределами мерзлотной

части у нас почти не осталось пустынь (все отобрали). Южная Сибирь – это идеальный климат, хорошая почва, много воды. Европейская Россия ниже пояса вечной мерзлоты. А вечная мерзлота в европейской части опускается намного севернее Южной Сибири. Здесь только живи!

Но не хотят авторы учебника, чтобы жили русские люди!

Вот что они пишут: «Если в каждой семье рождается два ребенка, и оба они доживают до брачного возраста, тогда поколение детей по численности равно поколению родителей, и общая численность населения будет неизменной». Это неправда. Это вонючая ложь! Для того, чтобы обеспечить простое воспроизводство населения, нужно не два ребенка, а два и три десятых. А так как рождения трех десятых ребенка история не знает, то кто-то должен рожать трех. Хоть тресните, объявите меня кем хотите, шовинистом, нацистом, – но такова статистика. Потому что эти 0,3 ребенка уходят на травматическую убыль, а она все равно есть. Если нету 23 детей на 20 мамочек и папочек, то население падает. Так устроено все в мире по воле Божьей и, конечно, стараниями нечистого. В учебнике же утверждается, что численность населения сокращается, если до брачного возраста доживает меньше двух детей из семьи. Да, но о травматической убыли – ни слова! Количество детей зависит не только от хорошего питания и отсутствия детской смертности.

Вот написали бы эти 23 ребенка на десять семей только для простого воспроизводства, и это было бы верно. А скрыв эту цифру, допустив эту небольшую неточность, Россию обрекают на вырождение. Детям объясняют, что достаточно иметь двоих детей, но не говорят при этом, что из 20 этих детей, согласно статистике, в брак вступят только 17! Поэтому хотя бы три семьи из 20 должны иметь троих детей – и это только для простого воспроизводства!

Это чудовищная ложь, она попадет к восьмикласснику. Дальше пишется, что в Западной Европе все стабилизировалось на двух детях. И это ложь. В Западной Европе число детей растет, правда, за счет пришлых мигрантов, но что это меняет? Население Западной Европы растет,

население США растет. 30 лет назад на 250 млн. СССР было 190 млн. населения США. Теперь на наши жалкие менее полутора миллиона существует почти 240 млн. в США.

Здесь есть ещё две страшные картинки, за что автора можно привлечь к ответственности по 282 статье – разжигание розни, где фигурки желтенькие (почему желтенькие?) на фоне пейзажа, и традиционный тип воспроизводства слева, современный – справа. Современный тип – это, видимо, мужик плюс баба, два отпрыска, из них – стрелочка – вырастают молодые мужик и баба. Традиционный тип – там соответственно толпушечка детей. Объясняют, что дети в основном помирают, что в крестьянской семье рождалось 7–8 детей, из которых только трое сохранялись.

По одной из моих линий – моей бабки по матери (к сожалению, у нас такой мир, что я достаточно плохо знаю остальные линии), моя бабка Анна Павловна была урожденной потомственной дворянкой Прокливетантовой. Да, с иностранной фамилией, греческого происхождения, но давно обрусевшей. Ее отец, Павел Петрович Прокливетантов, был дворянин, ее мать, Мария Никаноровна, была урожденной крестьянкой. Поместья они никакого не имели, он всю жизнь служил. Но они родили 10 детей. Только трое из них умерли младенческой смертью, и одна девочка лет десяти. А шестерых – четырех парней и двух девок – они вырастили абсолютно здоровенькими, они все умирали за 80 лет, нарожали сами такую же кучу.

При советской власти было хуже. Парни все получили, при скромных возможностях моего деда, высшее образование. Двое – университет, один – военное училище, один – путей сообщения. Обе девки – полный гимназический курс с одним дополнительным классом, дающим право преподавать. И это малограмотная крестьянская семья? Правда, и бабка закончила не гимназию, но прогимназию, шесть классов, просто тогда учили лучше. И она никогда не работала, воспитывала детей.

Современной женщине лучше, она должна учиться, получать профессию и т.д. Но сейчас, когда развиты компьютерные технологии, женщина может работать дома, бухгалтером, консультантом, дистрибьютором. Сидя за

«машинкой», кормить младенца. Нам доказывают, что нет, мы непременно «должны дать своим детям хорошее образование и воспитание». Это отдельный вопрос. Да, надо, но это можно сделать дома. Но дело ведь не в этом.

Вы отдайте нам деньги! Мы ещё в 1917 году отдали все свои деньги. Сначала их забрали в виде общенародной собственности, и с нами немножко делились. Потом общенародную собственность «прихватизировали» и делиться перестали. Вот интересно, издатели этого учебника понимают, что рано или поздно люди заберут свои деньги? Подвожу итог, который был сделан в начале века и проверен сейчас.

По экстраполяции Дмитрия Ивановича Менделеева, уже упоминавшегося, мы должны были к началу XXI века иметь населения в целых полмиллиарда человек. Французы сделали прогноз на четыреста с лишним миллионов на 1963 год, что с поправкой на разницу в 17 лет как раз и дает необходимые полмиллиарда. Мой коллега, современный историк и социолог Сергей Николаевич Марочкин оспаривает данные Менделеева и довольно убедительно. Он указывает, что Дмитрий Иванович не мог ни при каких обстоятельствах предвидеть появление антибиотиков. А следовательно, резкое снижение младенческой смерти и эпидемиологической смерти. Получается 600–650 миллионов, из которых 500–550 миллионов было бы русских. Вот о чем разговор. А приведенная в конце §43 цифра в 270 млн. является, таким образом, ещё одной ложью.

Хочется поинтересоваться у автора: почему вы брежете? Нет, ну брехать пенсионерке тете Дусе, брехать мне и моему редактору по данному изданию – это дурно, но не преступно. Но брехать детям? Почему вы лжете детям в учебнике, они же полагают, что это истина в последней инстанции?!

В выводах к §44 пишут буквально, что России необходимо как можно скорее перейти к «современному типу воспроизводства», то есть к планированию семьи, низкой рождаемости, малодетным семьям и низкой смертности. В результате чего все, якобы, «стабилизируется». Планирование семьи? О, да! Должно быть государственное агентство по планированию семьи, и оно должно заниматься только одним –

повышением численности детей в семье. Еще 12 лет назад Союз православных граждан неофициально встречался с уже давно не занимающими свои посты министром образования Российской Федерации и министром здравоохранения. Их нет, но оба – министр образования решительно, министр здравоохранения уклончиво, но столь же положительно – пообещали, что ни одной копейки государственных средств на российскую ассоциацию планирования семьи не будет ассигновано, только зарубежные средства, в чем они отказать не могут, дескать, свобода и т.д.

Но мы только что убедились, что ассигнуют, т.е. воруют наши деньги на убийство наших детей или внуков, или племянников. Вот так и следует относиться к властям, дающим разрешение на издание такого учебника – как к убийцам, хотя бы косвенным, наших детей и внуков.

Что такое Россия?

Статья 1997 года.

Мы часто спрашиваем себя: что значит жить по-русски? Что такое русская судьба, русский характер, русский образ жизни? Как началась Россия? Откуда мы родом?

Мы дважды рождались в Русской земле: сперва как славяне, затем как русские. Это только в пределах строго документальной истории. А до того в нашей стране, видимо, жили праславяне – венеды, а до них – арийцы, общие предки индоевропейских народов. Они не собирали Россию, а заселяли, заполняли «вмещающий ландшафт». Славяне родились перед Рождеством Христовым в теплой лесостепи к северу от Черного моря и в широколиственных лесах Карпат. Они складывались в единый народ в спокойной обстановке на обширном малонаселенном пространстве. Не были они не только имперским народом, но даже и достаточно государственным, походя на кельтов, близкую родню, вольнолюбием и установкой на федерализм.

Единая «Киевская Русь» существует только в школьных учебниках. Государством в Домонгольской Руси было каждое княжество. Усилия князей объединителей Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Славяне их не понимали, ибо Русь и так была велика и обильна. А русские – этнос XIII века – складывались в обстановке чудовищного давления и с Запада и с Востока. Немцы-крестоносцы, шведы, поляки, венгры, язычники-литовцы, Орда... Идея единой России сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII века дрались за добычу, за чужую землю, искали «себе чести, а князю славы». «Усобицы» же XIV века – это борьба трех сторон за создание единой Владимирской державы: Суздаля, Твери и Москвы; и борьба двух сторон за создание империи: Владимира и Вильны.

Не у Орды и даже не у Византии как государства «перехватила» Русь имперскую идею. Православная Церковь,

стремившаяся создать себе опору в виде христианского царства, приобрела эту идею у Рима при Константине Великом, сохранив это достояние в лице Византийской империи. Однако в XIV столетии любой русский, побывавший в Константинополе или хорошо осведомленный о тамошних делах, понимал, что православное царство идет к закату и, скорее всего, не выживет. А уж грек-то в этом точно не сомневался. Посмотрите, как действуют разноэтничные русские митрополиты в XIII-XV веках: галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, грек Феогност, москвич Алексей, болгарин Киприан, грек Фотий, рязанец Иона. В их действиях одно не меняется никогда: установка на создание Российской державы. Ее Церковь и готовила – как преемницу уходящей Византии.

Так что в качестве имперцев русские были воспитаны друзьями, государственниками их воспитали враги, а православными они родились, ибо их предки приняли христианство вдумчиво и не торопясь еще в первом тысячелетии нашей эры. Причем никто не сомневался, что первый отмеченный историками русский человек Александр Невский именно на камне веры основал свой культурный выбор. И первый пассионарий нового русского этноса о пассионарности не задумывался, он спасал Русь, которая вовсе не хотела тогда, чтобы ее спасали. Александр надорвался, не дожив до сорока, и остался навсегда любимейшим русским князем. А могла бы быть столица Русской державы и в Вильне, и в Киеве. Но уступили князю-вероотступнику Ягайле, не выгнали его вон предки нынешних «украинцев» и «белорусов», отдав тем самым Москве право основать Царство.

Что же точнее отражает понятие «Русский путь»: славянское единство, «евразийство» или единство православное? Славянский единый народ к XV веку давно закончил свою жизнь. Когда в XI столетии Болеслав Храбрый лез в киевские дела, то воспринималось летописцем как естественное участие еще одного славянского правителя в междоусобной брани: польский ли, черниговский – какая разница! А в Смутное время поляки для русских – уже грязные оккупанты. Возможно, последний шанс использовать в

политических целях любовь славян друг к другу преступно упустило последнее русское правительство в период Первой мировой войны. Тогда даже хорваты перебежали на русскую сторону, чтобы с немцами биться.

Евразийцы были во многом правы, описывая сходные природные условия жизни русских и их восточных соседей, и отмечая нашу с ними совместимость, взаимное тяготение. Кстати, еще славяне Древней Руси замечательно уживались с половцами, и даже включили их в орбиту своей культуры. Но Средняя Азия исторически не часть России. А без Туркестана – какое «тюрко-славянское единство»? В Российской Федерации 90% населения принадлежит к восточнохристианской культуре. Это просто православная страна. Вы же не называете Сирию или Египет «христианскими» государствами, а там доля христиан куда больше, чем у нас доля мусульман. Добрососедство и дружба с мусульманами возможны и желательны, но с христианами Балкан и Закавказья у нас больше оснований для близости.

Наш путь неизбежно будет следовать не только из более чем тысячелетнего прошлого России, но также из наследия восточнохристианской культуры, из двухтысячелетней жизни Церкви, из многих тысяч лет ветхозаветной библейской традиции. И еще из загадочного языческого прошлого славян и их предков. Из смутно различимого общеарийского мифа, с его сословностью, с его понятиями чести и благородства. А в чем-то – из памяти обо всех живших людях. Мы все – от Адама, хотя все разные.

Точнее всего сущность нашего пути и предназначения определяет сформулированная полтысячи лет назад национальная идея – «Святая Русь» – понятие, живущее в национальной традиции. Понятие «традиция» почти синонимично понятию «культура». Когда о ком-то говорят «традиционалист», то говорят о человеке высокой культуры. Общество вне традиции немыслимо. Любая форма государственного устройства будет нормально работать только в «домашнем» варианте. Пора закрыть спор славянофилов с западниками: можно учиться, можно заимствовать, но лишь то,

что ложится в национальную традицию. Вот бюрократическое правление в России нетрадиционно и может весьма печально завершиться для многих бюрократов.

Как и на чем мы договоримся – слишком многогранная тема. Многое тут в компетенции не историка, а философа, богослова, социолога, эколога. Одно условие видится мне более или менее явно: на антикоммунизме мы уже не договорились. На коммунизме, на социализме – даже после 70 лет рабства – не договоримся никогда. А вот на отвержении революции реально можем договориться. На том, что не коммунист плох, а всякий революционер, всякий разрушитель.

* * *

Многие, утверждающие, что русские – еще не нация, вовсе не хотят русских оскорбить. Просто применяют термин в его западном (искаженном) значении. Латинское слово «нация» значит «народ», конечно, то же, что и греческое «этнос», но у него своя странная судьба. В Средние века нация – это землячество или совокупность подданных одного государя. В Пражском университете времен Яна Гуса отмечены четыре так называемые «нации»: чешская, польская, баварская и саксонская. Из них три, в сущности, – немцы, так как «польскую нацию» составляли немцы, подданные польского короля. Мнимая победа национальных государств над феодальными и имперскими в Западной Европе есть не что иное, как идеологическая модернизация. Если бы Бургундия отстояла свою независимость от агрессии Франции в XV веке, мы читали бы в учебниках, что свободолюбивые бургундцы в союзе с фламандцами, фризами и лотарингцами отразили интернациональную агрессию французов, бретонцев, провансальцев и аквитанов... Что в истории было, то было... За «Французскую республику, единую и неделимую» Париж расплатился Вандейской войной, на которой обломала зубки революционная армия. Бретонцы не признавали себя французами.

«Нация» как сумма граждан государства есть понятие, существующее только на Западе, только в западнохристианской культуре, сейчас уже просто западной. В России, во всей Азии, в

Африке «нация» есть этнос, и только этнос. Свидетельство тому есть полное фиаско партии Индийский Национальный Конгресс, несмотря на исключительные дарования деятелей клана Ганди. То, что в Индии два государственных языка, есть не наследие «проклятого колониального прошлого», а реальность, в которой бенгалец и сикх не желают говорить на хинди. И с хиндустанцем они желают общаться только по-английски.

Не будет никогда «индийской нации», не будет и «российской»! Не пожелает любой нормальный русский человек слышать в телепередаче, что первое место на Олимпийских играх занял «россиянин» Иванов, а второе – «украинец» Петров. Да хоть бы и Петренко! Не сможет ни один послекоммунистический правитель безнаказанно для своей политической карьеры использовать коммунистическую подмену понятия «великоросс» термином «русский». И в XVI, и в XVII, и в XVIII веках наши соотечественники в оккупированных Малой и Белой Руси (а также в Червонной, и в Подкарпатской) гордо именовали себя русскими. Даже в «Путеводителе по Крыму» (уже не Таврии!) 1925 года национальная статистика выглядит так: русских – свыше 300 тысяч, в том числе великороссов, «украинцев» (заметьте, уже не малороссов – работает большевистская пропаганда!), белорусов столько-то. Сначала великороссам приказали зваться русскими, отказав тем самым в праве на имя русских малороссам и белорусам. Теперь пытаются в этом праве отказать и великороссам. В приличном обществе афроамериканца не назовут «dirty nigger», армянина – «армяшкой», еврея – жидом «пархатым». Однако в бытность главой правительства Российской Федерации Виктор Черномырдин перед телекамерами запросто обложил русских «этническими россиянами». Только ведь это не значит, что русские согласились быть этими «россиянами», что они согласились с ленинским расчленением их нации, что русины Закарпатья признали себя частью «украинской нации», что Чернигов и Харьков, основанный на земле вполне «москальского» царя с его разрешения, добровольно согласились стать заграницей.

Право же смешно подозревать, что «мировому сообществу» или «прогрессивному человечеству» удастся заставить нас всерьез полагать, что некоторые нерусские люди принадлежат к «российской нации», а иные настоящие русские, оказавшиеся в 1991 году за пределами РФ, не принадлежат.

О «советском народе». Когда выживший из ума Леонид Брежнев сообщил, что «сложилась новая историческая общность», все вежливо посмеялись. Но в 20–30-е годы угроза реального формирования новой нации политическими средствами была серьезной. Дело в том, что этносы не создаются по воле политиков. Они рождаются по воле Божией или в силу законов природы – это как кому удобней. Усилиями коммунистической партократии и «чрезвычайки» (Чрезвычайной комиссии) можно было сколотить не народ, а химеру. Насколько процесс химеризации успел достичь результатов, как благодаря химеризации удалось назвать Россию «Советским Союзом», а клочок России – «Российской Федерацией», как жертвами химеризации стали несчастные, скандировавшие «Са-вет-ский Са-юз», – все это станет предметом исследования ученых уже следующего века.

Нужно помнить, что империя всегда многолика. Она потому и империя, что состоит из сохраняющих свой драгоценный культурный облик провинций. Однако и любая значительная нация состоит из субэтносов, а богатый язык включает множество диалектов. И то прекрасно. Одно из важнейших наблюдений Константина Леонтьева, великого мыслителя, состоит в том, что «упрощение есть всегда деградация». Упростить общество стремится тиран. Быть может, самый мерзостный из них – Иван IV. Он всерьез полагал, что все русские люди поголовно его рабы. Не лучше ведут себя иные «демократы», уверяющие, что Россия населена «электоратом», то есть толпой, быдлом, «массами». От угрозы чудовищной унификации предостерегает Хосе Ортега-и-Гассет в «Восстании масс». И Сергей Левицкий в «Трагедии свободы» напоминает нам, что общество стремится к симфонии сограждан, а массы – к унисону. Другой тиран, Петр I, упрощал уже всерьез: различные группы земледельцев вместе с холопами сплющивал

в одно сословие крепостных крестьян, боярскую аристократию размещивал в служилом дворянстве. Бюрократия всегда стремится к социальному упрощению, дай ей только волю! А интернационально-тоталитарный режим стремится еще и к унификации внутреннего мира человека.

Зато взгляните, как многообразна Россия в эпохи расцвета! В XI веке мы еще учились у греков приемам каменного зодчества, а в XII веке уже засияла радуга изумительных местных школ: смоленской, новгородской, суздальской, галицкой. В XVII столетии Москва – культурный центр, несомненно, мирового класса, но для Ярославля, Рязани, Нижнего она вовсе не центр. В 1630-е годы заказчиком-ярославцем в Москве возведена церковь Троицы в Никитниках. С середины века она становится предметом подражания, но еще в 40-е подобная и ничуть не хуже появляется на Торгу Великого Устюга. Маленькой столицей должен был казаться в XVII столетии красавец Тобольск.

Именно петербургская бюрократия поделила Россию на два мира – столицу и провинцию. Впрочем, в полной мере то не удалось: помешала старушка Москва, сохранявшая промежуточное положение.

Но вот наступил последний культурный подъем. В блестящую эпоху модерна искусство, литература, философия, многие научные школы впервые с XIII века куда значительнее у нас, чем у западных соседей. Хозяйственный подъем конца XIX столетия сменяется экономическим бумом начала XX, не имеющим себе равных.

Россия переживала демографический взрыв. В пятидесятые годы нашего века численность населения России (по западным данным) должна была превысить 300 миллионов человек. Одних это страшило, другими воспринималось как признак неизбежного великого будущего России. Наконец, только во второй половине нашего века благодаря исследованиям физика Федосеева стало известно, что в 1913 году наш жизненный уровень был несколько выше, чем в самой Англии. Все 75 лет советской власти мы учились видеть только свои дореволюционные недостатки и не замечали, что, скажем,

старая Россия производила практически все виды продукции, что ее автомобильная промышленность была на уровне немецкой, а авиационная – на уровне американской. Подобные примеры можно привести из разных областей.

Русское хозяйство сохраняло заметную национальную специфику. Значительный удельный вес в экономике предреволюционной России составляли весьма процветающие мелкие, и даже семейные предприятия, высококвалифицированные кустари, которые экспортировали в страны Европы. Мы продолжаем считать это признаком отсталости «реакционной царской России», хотя конец XX века показывает, что на современном Западе наиболее динамично развиваются предприятия средние и мелкие, в том числе семейные предприятия, они более гибко приспосабливаются к требованиям рынка.

Русские рабочие в 1910-е годы имели самую совершенную систему страхования труда и гарантий для наемных рабочих, что признал президент США Вильям Тафт, а мы до сих пор продолжаем подозревать, что «несчастному угнетенному русскому рабочему» зачем-то было необходимо, опережая западных коллег, совершить социальную революцию.

С середины прошлого по вторую половину нашего, XX века (130–140 лет) живет замечательная русская философская школа. У кого угодно ее уже назвали бы русской классической философией. По продуктивности идей, трудов, по влиянию на мыслителей других стран были две сопоставимые с ней эпохи: греческая классическая и немецкая классическая философия. Но мы того не замечаем и поныне.

Итак, мы не замечали и не замечаем собственных преимуществ и продолжаем подчеркивать собственные недостатки. Еще в середине прошлого века универсальный мыслитель Алексей Хомяков отметил, что «мы заимствуем недостатки Запада, проходя мимо его достоинств. Недостатками Запада мы вытесняем собственные достоинства, при этом наши недостатки при нас остаются». Наблюдение Хомякова справедливо и для XX века, включая его 90-е годы.

И снова начинает сиять созвездие центров: университетских, промышленных, торговых, издательских. Нижний Новгород, Одесса, Казань, Томск... Московская архитектурная школа значительней петербургской, но в Москве строят и ярославец Поздеев, и самарец Зеленко. Есть и чистый модерн, и национально-романтический, и неоклассический! Нестеров настолько же не похож на Борисова-Мусатова, насколько оба они не похожи на живописцев «Мира искусства».

В этом сложном спектре проявлений культуры самой высокой пробы немало имперского и весьма много национального. Ведь империя, в отличие от федерации, всегда создается вокруг ведущего, стержневого этноса. Можно строить чисто национальное государство, можно отказаться от роли имперского народа, как поступили турки, изгоняя целые народы с их земель: греков, армян, ассирийцев, курдов... Но нельзя сохранить имперское наследие, разрушая национальное самосознание.

Что же касается всемирной роли империй, то они всегда исполняли роль арбитра, а не мирового властителя. Вспоминая эпоху Александра III, французский автор писал, что в его царствование «в Европе нельзя было воевать без разрешения русского царя, а он этого разрешения не давал». К владычеству во всей вселенной стремились как раз те, у кого империя не получилась: Александр Македонский, Тамерлан, Наполеон. Говоря о советской истории нужно отметить следующее. Большевицкий режим начинает с того, что выводит Россию из победоносной войны, лишив ее тем самым заслуженных плодов победы. Более того, послевоенный мир устраивается уже без участия России и без учета ее интересов. К тому же она уже не защищает своих православных собратьев.

В итоге Франция искусственно «вырезала» из Сирии государство Ливан по местам преимущественного обитания католиков в ущерб православным сирийцам. Но исторического государства Ливан никогда не было! Россия не осуществила свой протекторат над Иерусалимом. А далее в Палестине было устроено конфессиональное государство Израиль, и должно было быть устроено арабское государство, но никто и не поднял

вопроса о создании христианского государства и христианского сектора Иерусалима. Позже Израиль оккупировал арабскую палестинскую территорию. Последствия разделения Палестины на «еврейское» и арабское государства были примерно такими же, как и в Боснии, где якобы «сербы воюют с мусульманами», ведь «евреи» (иудеи талмудические) – это религиозная общность, а арабы – этнос, и точно так же мусульмане – религиозная общность, а сербы – этнос.

В 1921–1922 годах Кемаль-паша, начинающий Ататюрк, воюет с нашими многовековыми союзниками греками и Дашнакским армянским правительством. Вечная защитница армян и греков Россия силами большевиков наносит прямой военный удар в спину Дашнакскому правительству и финансовый удар в спину грекам, предоставив колоссальный золотой заем Кемалю, вследствие чего греки теряют сектор Смирны, а Турция с того времени приобретает уже геополитически опасный характер.

Сталина подозревают в восстановлении имперской внешней политики, но эти подозрения ложны. Например, Сталин дарит Чехословакии Прешовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которую им обещали еще в 1918 году. Сталин дарит Холмщину и Белостокское воеводство полякам, и теперь это целиком ополяченные территории (православных русских людей там больше нет). А Литве Сталин дарит не только Виленский округ, но и два района Белоруссии.

«Великий советский патриот» Сталин ухитрился создать предельную угрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Цзэдуна Манчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Он мог бы создать народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую республики, но предпочел другой путь – выстроить у себя под боком опасную России китайскую социалистическую «империю».

У Сталина была возможность улучшать отношения с греками и опереться на прорусские настроения в Сербии. Но это его не интересовало, его интересовал коммунистический

лагерь. В итоге в Сербии сформировался антиправославный режим.

Антиправославной оказалась и политика венгерского коммунистического правительства. По соглашению религиозных кругов Венгрии с венгерским режимом Яноша Кадара в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римско-католическими, одна реформатская и одна иудейская. Но православные в Венгрии есть, и последуй в той ситуации даже тихий голос из Кремля, православная гимназия была бы.

Этот конгломерат политических решений можно оценить только как последовательно антирусский. А ведь русские – стержневой православный этнос, опора империи и опора Церкви. Кроме того, советский режим не препятствовал ассимиляции средними народами малых, нарушая еще один общеимперский принцип. Этот же режим предпринял все возможное для уничтожения прежней имперской элиты, взамен которой вырастил квазиэлиту, ставшую главным инструментом разрушения территории страны. Все это вместе на фоне внешней политики СССР, которая делала бывших врагов Российской империи друзьями, а друзей – врагами, снимает вопрос о советском государстве как империи. У Российской империи большевицкий режим позаимствовал лишь отдельные декоративные черты.

* * *

В истории России, как и в истории любой страны, множество событий и эпох могут быть названы ключевыми. Только одни оставляли после себя инерцию подъема или предопределяли будущий расцвет, другие же снижали уровень общественной нравственности или копили разрушительный потенциал. В XVI веке была Опричнина, но были и реформы Избранной рады, в XVII веке был не только садист Разин, но были и Земские соборы, в XIX веке была антinationальная политика Александра I и целая толпа мерзейших революционеров, но был и пушкинский Золотой век, были и Великие реформы Александра II, и рождение русской философской школы. А вот что из нашего прошлого мы выбираем в качестве типично

русского, во многом определяет лицо нашей эпохи. До сих пор в учебниках отводится целая глава Разинщине, а о русской парламентской и муниципальной традициях, то есть о соборах и земстве даже не упоминается.

Так же преподносится набор исторических портретов. Ну, кого знает средний школьник из русских царей? Ивана IV и Петра I. У нас было всего-то два тирана за тысячелетнюю историю докоммунистического порабощения (а у итальянцев – десятки!), но именно их «светлые» образы заполняют учебники, беллетристику, киноэкран. Да еще с эпитетами «Грозный», украденным у великого деда – Ивана III, и «Великий», преподнесенным самому себе! Нужны ли они нашей истории? Разумеется. Но если бы мы всерьез заботились о наших юных гражданах, давно бы звали их «Ивашкой» и «Петрушкой». Остались же в Византийской истории Михаил III Пьяница и Константин V Копроним (то есть, простите, Константин V Говнюк). Мало ли подлинно добрых имен у нас? Иван III – истинный основатель Российской державы, но есть ли еще в мире государство, не воздвигшее ни одного памятника основателю?! Борис Федорович – первый Годунов – строитель и просветитель. Михаил Федорович – первый Романов – государь, преодолевший последствия Опричнины и Смуты. Алексей Михайлович – знаток богослужения и основатель театра, покровитель продуктивного животноводства и насадитель парламентаризма. Павел Петрович – гений внешней политики, чей портрет так и остается бесстыдно искаженным. И четыре последних императора, столь много сделавших, дабы провести страну мимо революционных безобразий. А ведь кроме царей были еще ученые, писатели, полководцы, дипломаты, предприниматели. Святые были.

Какой тип исторической личности наинужнейший? В различных ситуациях разный. Посмотрим на Смутное время с позиций этнологии. Смута XVII столетия – это первая гражданская война в России. Сословия и социальные группы выдвинули лидеров и, если не программы, то требования. Один за другим на исторической сцене появляются пассионарии, титаны: Лжедмитрий с авантюристами и деклассированными

элементами, царь Василий с аристократами, Ляпунов с помещиками, Болотников с крестьянами, казацки атаманы, патриарх Гермоген, архимандрит Дионисий, келарь Авраамий (Палицын), боярин Салтыков с конституционным проектом, гетман Жолковский... Пассионарии сражаются и в основном погибают, и ведут к гибели сограждан. Наконец, последними появляются черносотенцы, то бишь городская демократия, а если точно, то городские налогоплательщики. Эти выдвигают своего пассионарного лидера – Козьму Минина, делают его диктатором (дословно «выборным человеком всея Земли»). Минин находит еще одного честного пассионария – князя Пожарского на пост главнокомандующего (помощник римского диктатора назывался «начальником конницы»). Трудом Минина и Пожарского нация вышвыривает оккупантов и избирает на престол Михаила Романова, добронравную гармоническую личность. Про пассионарность те русские люди ничего не слыхивали, но здравым смыслом обладали поболее нынешних. Потому понимали, что Отечество уже спасено, а в нормальной жизни во главе государства не нужны спасители и реформаторы, а нужен честный, воспитанный, спокойный человек из семьи с хорошей репутацией.

Александр Второй – восстановитель традиции

12 марта 2008 г.

Март – страшный для отечественной истории месяц. 1 марта по нашему православному календарю, весьма значительно открывая этот месяц, произошло цареубийство Александра II. На следующий день – отречение императора Николая II. А 13-го, то есть 24-го марта по западному календарю – память цареубийства императора Павла Первого

Март – поистине страшный для отечественной истории месяц. 1 марта по нашему православному календарю, весьма значительно открывая этот месяц, произошло цареубийство Александра Второго. На следующий день произошли два трагических и героических события, учитывая, какие пласты русской истории они сдвигают. Злополучное и даже злокозненное отречение императора Николая Второго. А 13-го, то есть 24-го по западному календарю марта – память цареубийства императора Павла Первого.

Итак, 1 марта 1881 года император Александр ездил из Зимнего дворца в Казанский собор на освящение гвардейских знамен. Его уговаривали не ехать, уговаривали приближенные, они знали, что это опасно. Революционеры, преступная шайка «Народной воли» устроили постыдную охоту на собственного императора.

Шесть покушений, это много. Его пытались взорвать бомбой. Погибли невинные люди, в том числе рабочие, ремонтировавшие некоторые помещения Зимнего дворца. Император не пострадал. На безоружного, точнее вооруженного только саблей императора набросился стрелок с револьвером и преследовал его по Дворцовой площади. Не попал.

И вот церемония освящения гвардейских знамен. Вторая супруга императора, морганатическая супруга, но обвенчанная, то есть, как женщина вполне законная, светлейшая княгиня Юрьевская умоляла мужа не ездить на эту церемонию. Пытался отговорить и министр-председатель и министр внутренних дел

граф Лорис-Меликов. Он знал, что полиция и жандармы уже ведут аресты народовольцев и в считанные дни революционной шайки больше не будет. В эти бы дни побережся. Но император Александр был рыцарь. Он не мог не поехать на такое богослужение, богослужение воинской чести, церковное освящение знамен.

Скажем несколько слов об императоре. Он был великим сыном великого отца. И великий отец его, безусловно великий, император Николай Первый очень серьезно готовил своего сына к занятию престола. Так воспитывали, так образовывали только будущего Павла Первого. Больше настолько образованных императоров не было.

С младенчества Александра Николаевича готовили к занятию престола. Но Павел Первый – это XVIII век. Тогда еще нормальных принципов образования Нового времени как бы не установилось. А воспитателем будущего Александра Второго был сам Жуковский, избранный, конечно же, его родителями. Замечательный поэт и великий человек. И он воспитывал не просто настоящего наследника престола, он воспитывал человека, который понимал, любил свою страну, любил и жалел в определенных условиях ее народ, и искренне всю жизнь старался, чтобы народу было лучше. Даже за злодеев заступался, при жизни отца еще, будучи наследным великим князем, например, неоднократно просил смягчить участь сосланных декабристов.

Однажды император Николай грозил при свидетелях Жуковскому: «Я знаю, Василий Андреевич, чье это влияние». Однако Василия Андреевича не казнили, не посадили, не выпороли, и даже не устранили от наследника. Так воспитателем и остался. По нормам университетов и училищ того времени Александр Второй имел высшее юридическое и высшее военное образование. И соответствующий практический опыт. Потом такое же образование, только, может быть, еще более качественное, учитывая развитие педагогики наук, получит наш пока еще последний император, внук его, страстотерпец Николай Второй.

Страстотерпцем станет и Александр Второй, хотя мы пока медлим с его прославлением. Но его не только учили, будущий император совершил длительную поездку по европейским столицам, он был принят в ведущих королевских домах Европы. Но это делали все, это было принято, чтобы наследный принц совершал поездку, пока он еще не монарх. Однако именно Александр Второй совершил длительное путешествие по всей России, включая еще диковатую тогда Сибирь. Маршрут с ним, невзирая на занятость главы государства, готовил, помимо, естественно, Жуковского, и царствующий император Николай Первый. Еженедельно великий князь писал своему отцу письмо-отчет о проделанной работе. Между прочим, тем самым наследник доставлял порой ценные сведения своему отцу, у которого, как у царствующего императора не было времени, чтобы объехать такую огромную страну, как Россия.

Это была замечательная поездка. Напомним, что в те времена, еще не было железных дорог, они были в Европейской России, меж двумя столицами – Москвой и Петербургом. Все остальное – конной тягой. Император Николай отвечал, по крайней мере, на каждое второе письмо сына. Это делает честь организации дела. Русских нередко упрекают в неорганизованности, а ведь письмо находило наследника на бескрайних просторах Сибири. Конечно, царское письмо, но все-таки. Это ведь надо точно знать, где должен в это время быть Александр Николаевич.

Он был готов править Россией. Он был храбрым человеком, лично храбр до чрезвычайности. Это единственный русский царь, который был награжден любимейшим, почетнейшим офицерским орденом – орденом Святого Георгия четвертой степени. Больше никто. Он получит потом и Святого Георгия первой степени. Но это совсем другое. Это будет столетие беленького эмалевого крестика, столетие Георгиевского офицерского ордена, и в честь столетия император возложит на себя этот знак. Это нормально. Тем более, что он был главой Капитула всех российских орденов. Но орден четвертой степени он получит в бою, на Кавказе, под пулями. Лихой кавалерийской атакой он, молодой офицер, вызовет попавший в тяжелое

положение русский пехотный батальон, после чего его вежливо выгонят с Кавказа, куда он напросился сам, и отец не смог ему отказать. Ведь и Николай Первый был истинный рыцарь.

И позднее, императором, Александр Второй окажется более волевым и более храбрым, чем его министры, когда в 1876 году турки, намереваясь учинить большое кровопролитие, двинут войска в Сербию, и никто из министров не решится подсказать план действий императору, а он просто отдаст приказ канцлеру, князю Александру Михайловичу Горчакову, направить ноту османскому правительству в Константинополь, предостерегая, что либо турецкие войска будут остановлены, либо русский посол немедленно покинет турецкую столицу. Этой одной угрозы хватило. Этого не происходит сейчас. Соединенные Штаты должны дрожать под угрозой, что российский посол просто покинет Вашингтон, а о турках и говорить не приходится. Но не дрожат. Даже турки. Я думаю, что даже княжество Монако сейчас и то не задрожит.

Тогда – дрожали. И не потому, что немедленно последовала бы война, никто не стремился в России к войне, а потому что неисчислимы последствия самого дипломатического акта были для всех нежелательны.

В следующем, 1877 году такой угрозой уже не удастся отвлечь турецкое нападение на болгар, и Александр будет достаточно тверд для того, чтобы начать войну в защиту братских балканских народов. Конечно иногда ему не хватало твердости и он тоже совершал ошибки, но их совершали и самые великие святые.

Имя императора Александра связывается с тем, что он был царь-освободитель. Вся подготовительная работа была сделана его отцом Николаем Первым и выдающимся министром его графом Киселевым, но потребовалось огромное волевое усилие, в частности, для того, чтобы преодолеть сопротивление высшего законосовещательного органа империи – Государственного совета. потребовалось усилие самого императора. И в 1861 году, пусть по реальной необходимости, по реальным надобностям России, с ровно столетним

опозданием освобождение крестьян от крепостной неволи окончательно состоялось.

Реформа была проведена с серьезными ошибками, в которых сам Александр Второй не был виновен. Это были ошибки науки, общественной жизни того времени, умонастроений того времени. Немало было и злонамеренности. Крестьяне, освободившись из неволи у помещика, попали в неволю, иногда и к не очень трудолюбивым сородичам. Крестьянин не получил землю для самого себя, а только лишь в наделное пользование. Это ошибка увлечения общиной, которой увлекались и чиновники, видя в общине дополнительный полицейский институт угнетения крестьян. Ошибались ученейшие люди эпохи, славянофилы, потому что видели, правильно видели, в общине традицию. Это была традиция славянская, с глубочайших языческих еще времен. Только ведь традиция, искаженная веками крепостничества. Наконец, революционеры, тоже ведь, мерзавцы, поддерживали общину, видя, как Александр Герцен, в общине прообраз будущего социализма. Исправлять все это пришлось уже при Николае Втором самому последнему нашему императору и великому его министру Петру Аркадьевичу Столыпину. Но освобождение крестьян все-таки состоялось, и народ прозвал Александра царем-освободителем. Сравните: Александра Первого, любимца Европы – Александром Благословенным прозвали не в России, а на Западе – сомнительный комплимент для русского государя. А вот Александра Второго освободителем прозвал собственный народ.

Но были и другие реформы. В земской и городской реформах вернулось, наконец, местное самоуправление. Это было абсолютно необходимо и это то, чего мы не имеем сейчас. Потому что, когда государство управляется неограниченным монархом, но на земском, теперь говорят – на муниципальном, уровне масса выборных лиц, и в основном народ управляется выборными лицами на местах, в этом государстве как раз и есть демократия.

А можно представить себе другое. Это наше с вами сегодня, когда у нас двухпалатный парламент, зато на местах –

одни чиновники, жэковские обнаглевшие служащие и дядя-милиционер. В таких государствах, сколько бы палат у парламента не было, нет никакой демократии, демократия выстраивается только снизу. Насколько мы правильнее по-русски, в славянских, во многом демократических традициях, управлялись после великих реформ Александра Второго. Кстати, задолго до революции эти реформы были названы великими. И сейчас, когда вы слышите «великие реформы в России», это не какие-нибудь реформы Петра Первого, это реформы царя-освободителя.

Судебная реформа, самая милосердная в мире, самый милосердный суд. Ведь у нас до Александра Второго был полицейский суд, где не было профессиональной обязательной защиты, не было состязания сторон, не было гласности, не было участия крестьян в судебном заседании. Мы получили присяжных заседателей, мы получили профессиональных защитников, которые назывались по-русски присяжные поверенные.

Но мы получили и то, чего не было даже в Европе. Так, русский прокурор мог, имел право убедиться в ходе уже судебного слушания в невинности обвиняемого и отказаться поддерживать обвинение. Французский прокурор не имел подобного права. Он должен был давить до конца. Русский судья ошибочное решение, ошибочный вердикт присяжных заседателей мог отменить, если они ошибались не в пользу обвиняемого, своим единоличным решением. Тогда – новое слушание. Но если присяжные ошибались в пользу – судья не мог отменить их решение. Повторяю, европейские державы не знали, не говоря уже о Соединенных Штатах Америки, столь милосердного суда.

Ну и, наконец, военная реформа, которая уравнивала всех перед воинской службой. Вводилась всеобщая воинская обязанность, которой нас, разрушая русскую национальную традицию, хотят лишить теперь те, кто называет сам себя демократами без достаточного основания. Традиция получила всеобщее оформление при императоре Александре Втором.

А ведь не так много у него времени было. Он царствовал с 1855-го, но венчался на царство, твердо не желая венчаться до окончания войны, только в 58-м, а реформы шли с 61-го года, а в 81-м – взрыв бомбы оборвал жизнь государя.

Государь собирался сделать еще одно деяние – созвать Земский собор, только уже под названием Государственная дума. Это ведь тоже наша старинная русская традиция. В 16 и 17 веках государи управляли Россией с аристократией и демократией. То есть, с Боярской думой и Земским собором. Такими ли уж западническими, как нас нередко стараются в этом убедить, были реформы Александра Второго? Ведь у нас было до Петра широчайшее земское самоуправление, городские сотни и слободы. Наконец, у нас был Земский собор.

То есть, пусть и с определенным западным влиянием, Александр Второй был русский царь и восстанавливал именно наши, национальные традиции. Действуя как бы на английский манер, Александр Второй восстанавливал национальную традицию. И если бы Александр Второй создал Государственную думу, она была бы беспартийной. Нам, русским, присуща беспартийная демократия. Демократия, в которой мы голосуем не за коммуниста или вообще лишённого каких бы то ни было политических убеждений бывшего коммуниста из «Единой России», а такая демократия, когда мы в Совет при государе избираем лично знакомого Ивана Ивановича, Василия Васильевича, и даже Абдурахман Абдурахмановича. И мы получили бы такой парламент, такую Государственную думу.

Но это был бы совсем острый нож революционерам, которые и так оказались в растерянности, когда не освободили крестьян, когда это сделал за них государь-император. За то и стремились убить. Убить, между прочим, восстановителя допетровских, как монархических, так и аристократических традиций. И заодно демократии.

Вот чего мы могли бы избежать, вот чего не хотели избежать революционеры. Хороших революционеров не бывает.

Раздался взрыв. Погибли или были переранены казаки конвоя. Всего шесть казаков охраняло императора. Карета была

разбита в щепки, как Царь уцелел, было совершенно непонятно. Погиб мальчишка, ученик булочника. Он размахивал руками, приветствуя своего государя. И ему оторвало обе руки. Император вышел из расщепленного экипажа и пошел к убийце, которого держали простые люди, его тут же схватили прохожие. Подлетевший полицеймейстер Санкт-Петербурга умолял государя покинуть это место, он-то прекрасно знал, что бомбисты ходят попарно.

Это недостаток петровской России. Лицемерить стали, трусить слишком много стали. До Петра такой начальник полиции, губной староста, схватил бы императора поперек талии, кинул бы его в сани и ударил бы по лошадям, а после уж пусть государь сам решает, что с ним делать. Не посмел полицеймейстер. Вторая бомба убила императора.

Нет на нас грехов цареубийства, ни Федора Годунова, ни Павла Петровича, ни Александра Николаевича, ни Николая Александровича. Это пусть придумывают враги, чтобы русские больше били себя кулаком в грудь. Другой грех есть – допустили. Стеной не сплотились вокруг своих государей. А без государя ох как туго. И никакой выборный глава государства нам подлинного государя не заменит. Пойдете в Храм, не забудьте в поминании усопших записать на панихиду убиенного царя Александра.

Свобода никогда не обреталась отказом от сапог

В. Махнач, В. Саулкин.

Текстовая версия Радио “Радонеж” (2007 г.)

Виктор Саулкин – Добрый вечер, братья и сестры. Я думаю, что радиослушатели сегодня догадались, речь будет идти в нашей передаче о русской истории и о том, что происходит с нашей страной сегодня. В этот четверг, 20-того числа отмечается предпразднество Рождества Пресвятой Богородицы, и наша церковь молитвенно поминает двух святых, которых православные христиане чествуют и как преподобных мучеников и как святых воинов. Каждый православный знает, что преподобный Сергей благословил этих двух послушников, двух рясофорных монахов на участие в Куликовской Битве. Преподобный благословил их великую схиму как оружие нетленное, благословил их идти на поле Куликово вместе с благоверным князем Димитрием и русскими воинами. Молитвенно вспоминая эти события, Церковь еще раз свидетельствует о своем отношении к воинскому служению.

А сегодня Владимир Леонидович принес в студию радиостанции «Радонеж» удивительную листовочку. В ней говорится: «Марш за добровольную армию. Меняем сапоги на свободу. Как обменять сапоги на свободу и отказаться от воинской службы по убеждениям. Помните, отказаться от потери времени и здоровья никогда не поздно, приходите». Приходить предлагается в «Воскресную школу пацифиста», которая проходит каждое воскресенье в 14.00 в музее-общественном центре имени Андрея Сахарова. Наши слушатели знают этот центр, как центр антихристианский и кощунственный. И вот теперь этот центр предлагает “бесплатные консультации призывников и офицеров”. Я попросил Владимира Леонидовича прокомментировать эту листовку и ту опасность, которая за ней скрывается.

Владимир Махнач – Эта листовка, братья и сестры, пришла ко мне можно сказать, сама. Значит, ее Господь или, по крайней

мере, ангельские воинства послали. Я подходил к собственному дому вечером, когда мне ее дали молодые люди – приходите, мол, поддержите. Первое, что надо заметить – они не пишут, “марш за наемную армию”. Слово некрасивое. Они пишут “марш за добровольную армию”. Это ложь. Надо прежде всего указать, что они лжецы. «Меняем сапоги на свободу» Звучит красиво. Но разве кому-нибудь удавалось обменять сапоги на свободу?

Я 34 года преподаю историю, и могу сказать, в реальности всегда было ровно наоборот. Только надев сапоги, обретали свободу. Хотя эти сапоги, эта воинская обувь, могли быть и древнеегипетскими сандалиями, и калигами – сапогами римских легионеров, и ичигами, которые носили кочевые народы нашей великой степи, или русскими сапогами, в которых сражались наши предки. Я мог бы целую лекцию прочитать о сапогах.

Никогда не бывало наоборот – свобода не обреталась отказом от сапог, от исполнения воинского долга.

Начиная со времен Древней Месопотамии, шумеров, можно отметить историческую закономерность, о которой писали и Лев Николаевич Гумилев и Игорь Ростиславович Шафаревич, (классические труды которых я Вам рекомендую). Там, где все принадлежит государству, как это было у нас, там портится армия. Можно собрать огромную толпу рабов и послать ее в бой. Но они привыкли все делать из-под палки и они и проиграют малочисленным, необразованным безписьменным кочевникам или кому угодно еще. Потому что солдаты не получают из рабов. Солдаты не получают из толпы. Солдаты получают из людей, которых в детстве воспитывали в сознании чувства собственного достоинства. Именно с этим связана категория чести, оттуда категория воинской доблести. Только свободный человек может обладать таким римским качеством, как дисциплина. Есть такой прекрасный православный молодежный журнал «Наследник». В нем, в номере втором за этот год можно прочитать и мои ответы на вопросы о такой добродетели, как честь. Я горячо рекомендую вам этот журнал, его можно приобрести в Новоспасском монастыре.

И вот листовка, о которой мы говорим, жирным шрифтом, огромными буквами обещает бесплатно консультировать призывников и офицеров запаса о том, как выгоднее обменять сапоги на свободу и отказаться от воинской службы по убеждению. Закон сейчас позволяет отказаться от воинской службы по убеждениям. Еще недавно не позволял. Сейчас позволяет. Поэтому в принципе офицер запаса или призывник может так поступить. И он не совершит уголовно наказуемого деяния.

Но Сергей Егорович Сорокин, который проводит эти занятия совершает уголовное деяние. Уголовно наказуемое преступление. Он призывает к нарушению, причем массовому нарушению закона о всеобщей воинской обязанности. Я недоумеваю, почему Московские власти не пресекают его деятельность. Почему он до сих пор не задержан? Я сам готов выступить в роли эксперта, сесть рядом со следователем и помочь следователю задавать безупречные вопросы этому правонарушителю.

Дальше в листовке идет “полезная информация” – указание контактов “Союза комитетов солдатских матерей России”. Но в действительности эти люди не имеют права называться союзами солдатских матерей. Они не помогли ни одному солдату. Они ни разу не потребовали, чтобы и гражданские должностные лица, в частности – предатель и убийца Сергей Адамович Ковалев, были привлечены к уголовной ответственности за тех русских солдат, которых он погубил. Статьи, позволяющие это, есть. Какие же они тогда солдатские матери? Они не защищают солдат. Они защищают дезертиров. Было бы честнее назвать их «Союзом комитетов дезертирских матерей”.

В.С. – Владимир Леонидович, дело в том, что там нет ни одной женщины, у которой сын бы служил в армии.

В.М. – Конечно.

В.С. – И как-то они сказали удивительно точные слова в передаче с отцом Саввой, игуменом Саввой Молчановым: “да мы вообще мечтаем закрыть вашу армию”. То есть они мечтают

закрыть навсегда российскую армию. А какую же армию они хотят видеть?

В.М. – А вот что они пишут в листовке на другой стороне, на обороте. Если у вас в руках оказалась такая листовка, вы пожалуйста, не выкидывайте ее некоторое время, а покажите друзьям, объясните детям, ученикам или учителям, или сослуживцам, по работе коллегам, объясните, что печатают.

Я цитирую: «Служба в армии должна быть добровольной, а рекрутчина так же, как рабство и крепостное право являются недопустимым анахронизмом в современном обществе. Тот, кто не склонен в военной службе может использовать свой потенциал на благо экономики России». Обратите внимание, как нас пытаются подкупить. И далее “Отменим всеобщую воинскую обязанность вместе». Я кое-что уже говорил об этом, но хотел бы добавить, чтобы будущие солдаты и бывшие солдаты и нынешние офицеры сейчас слышали, что я говорю.

Всеобщая воинская обязанность отсутствует в англосаксонских странах. В Великобритании, которая перестала быть великой державой и после Второй мировой войны превратилась в рваный шлейф своего патрона, своего господина Соединенных Штатов Америки. Я очень люблю английскую культуру и очень люблю английскую историю. И вы это обо мне могли бы слышать. Только все это в прошлом. Нет этого. И Соединенные Штаты. А Соединенные Штаты потребляют 40 процентов мировых богатств. Поэтому они за наш с вами счет, а также за счет китайцев, малайцев, зулусов и тому подобных добрых людей так богаты, что могут нанимать наемников. Любых. В том числе черных, красных желтых, цветных.

А в других странах, практически везде, та самая всеобщая воинская обязанность, которая в листовке называется “крепостным правом”. Значит, крепостное право во Франции, Бундесвер комплектуется на основе крепостного права или рабства? Одна из лучших армий мира, если не лучшая сейчас. Или посмотрим, как комплектует свою армию Израиль. В этой стране всеобщая воинская обязанность распространяется даже на всех девиц. Правда, они в бой не ходят, но военную службу несут. Сейчас существует масса совершенно женских служб –

связь, радиолокация, гидролокация, где женщины работают лучше, чем мужчины. И поэтому израильтяне тут правы. У них рабство или они в крепостном состоянии?

Даже два европейских государства, которые уже очень давно ни с кем не воюют, они давно нейтральные – Швеция и Швейцария, имеют закон о всеобщей воинской обязанности. И кто бы сказал, что они рабы. Или хотя бы о шведах, что они крепостные. Это одна из самых свободных стран европейского мира, с давними военными традициями, с давними традициями воинской доблести и благородства. Именно такими доблестными и благородными они шли на безнадежную битву под Полтавой с нашими блистательными русскими полками. Мы можем гордиться Полтавой, но и шведы могут гордиться Полтавой. Но они давно уже не воюют. Последний раз они выставляли армию против Наполеона в 1812–1814. С самого 1814 года, посчитайте, сколько лет шведы не воюют – и, тем не менее, сохраняют всеобщую воинскую обязанность.

Воинская служба – это то, что делает человека благородным. От словосочетания благой, то есть добрый род. Борцы за демократию – а демократия вещь такая же древняя, как и монархия – всегда боролись за право нести воинскую службу. Служба уравнивала их с аристократами. Когда демократ, то есть рядовой гражданин, землепашец, животновод, скотовод, кузнец воюет, он становится вровень с аристократом офицером, командиром, кованым рыцарем-латником. Этого добивались, военная служба делала человека полноправным гражданином.

И сейчас пусть те, кто не хотят служить, не служат. Но пусть тогда и не ходят голосовать. Потому что не воин – это не гражданин. И мы с Вами должны потребовать, чтобы те, кто отказываются от службы, не обладали избирательными правами. И нас, православных, тут поддержат и старообрядцы, и многие протестанты старых конфессий, вроде баптистов. Нас в этом поддержат и мусульмане. Еще в своей старой, 10-летней давности статье «Демос и его кратия» я доказываю, что не может голосовать, тем более, не может быть избранным

человек, который не нес положенную военную службу. Потому что он тем самым показал, что он не гражданин.

В.С. – Мне, Владимир Леонидович, хотелось бы дополнить ваши слова. Дело в том, в Германии существует не только всеобщая воинская повинность. Любой немец, который выбирает альтернативную службу, которую позволяет закон – идет работать в больницу или заниматься экологией, знает, что ему будет полностью закрыта дорога на государственную службу. Германия – это очень пацифистская страна. После Второй мировой войны разгромленная Германия стала очень миролюбивой. Но каждый немец знает, что если он свой долг Отечеству не отдал, то на государственную службу он не имеет права надеяться. Также во многих странах.

В.М. – простите, Виктор Александрович, что я вас прервал. Сейчас продолжите. Да, в Германии это так – ты можешь выбирать альтернативную службу, но ты не будешь служить в полиции. Ты не будешь преподавателем в средней и высшей школе. Потому, что ты не надежный. Ты не немец. Ты Отечеству не служил. У них короткая служба. Мы тоже могли бы ввести короткую. Мы тоже можем ввести одногодичную службу, если мы вернем в школу на несколько – на два, на три, лучше даже на четыре года первоначальную военную подготовку.

Все, кроме тех, кто пожелает быть профессиональным военным, пусть служат всего один год, как и немцы. Но этот один год изволь отмаршировать. Что характерно, между прочим, в сапогах. Если, конечно, ты не в горной прославленной горно-пехотной дивизии. Надо учиться и нам иметь такую дивизию. Они не меняют сапоги или армейские ботинки на свободу. Наоборот, их сапоги и ботинки дают им свободу.

В.С. – Владимир Леонидович, мы сейчас ответим на звонок нашего слушателя. А затем мне хотелось бы все-таки эту тему продолжить. Говорите, пожалуйста, вы в эфире.

Слушательница: – Добрый вечер, я так волнуюсь по поводу армии. То, что наши ребятки должны служить. Если бы мы жили, конечно, в Германии, я бы с удовольствием внука, которому 15 лет, послала бы служить в армию. Но так как мы живем в такой стране, где над нашими детьми издеваются, насилуют их там,

избивают, я считаю в такой армии нечего нашим детям делать. Понимаете, они приходят оттуда уродами, моральными уродами. Когда наша армия будет нормальной, такой, что смогут родители отправлять своих детей.

В.М. – Вот к тому моменту, сударыня, когда наша армия станет нормальной, она прекратит свое существование. И вместе с ней прекратит свое существование Россия. Тот, кто не хочет кормить свою армию, кормит чужую армию. Вы можете найти все мои статьи об отношении к солдатам. Я еще в 94-м году написал статью, она есть в Интернете «Кто будет служить?», где я писал о необходимости вежливого внимания не только к офицерской, тут уж говорить даже не о чем, но и солдатской чести. Я был в Святой земле, в Палестине, то есть в государстве Израиль. Я видел, как их солдатики, между прочим, среди них и девочки, заходят в кафе со штатной винтовкой М-16 на ремне и пьют свой кофе. Все совершенно нормально. А у нас не только солдатам, у нас офицерам боятся оружие дать в руки. Офицер русской армии до революции, при Государе Императоре, а последнего Государя мы чтим, как святого, не имел права, кроме особых случаев, в церкви или если он купался, быть без оружия. Во всех остальных случаях жизни он должен был быть при оружии, заметьте, не для защиты Отечества. Где-нибудь в городе Томске, если не грозит никакая война ни в Европе, ни на юге, для какой защиты Отечества он ходил при шашке. Или, если ехал в автомобиле, мог вместо шашки иметь револьвер. Да нет, конечно, для защиты чести, для защиты чести. Когда я ходил ночью по Иерусалиму, я обратил внимание на очень важную вещь. Это я для вас, сударыня, говорю, для той, кто задавала мне вопрос. Военнослужащие, которых я особенно ночью-то и не видел, всегда хотя бы при штатной автоматической винтовке. А полицейские Иерусалима вооружены дубинкой и пистолетом. Никакого автомата, как у наших милиционеров, у них нет. Это же оскорбление, когда милиционер ходит при автомате, да еще имеет наглость держать его наперевес, то есть стволом вам в пузо. А военнослужащий, который должен быть при оружии, ходит без оружия.

Вы сказали, вашему внуку 15 лет. Вот я и желаю вам, давайте, при моей поддержке, при поддержке Союза православных граждан, мы приступим к основанию Союза православных солдатских матерей и бабушек. Я в руководстве, Виктор Александрович Саулкин в руководстве Союза православных граждан, мы сможем этому поспособствовать. Будьте основательницей и солдатской бабушкой. И уверяю вас, все у нас в вооруженных силах будет в порядке. Кстати, мы с Виктором Александровичем оба действительную военную службу отслужили. Мы имеем права. Хотя мы и не были под пулями, по крайней мере, свой служилый долг Отечеству мы отдали.

В.С. – Я хотел бы нашей слушательнице сказать о том, что у этого микрофона, бывает Савва Молчанов. И отец Савва не раз говорил о том, как работает Синодальный отдел по связям церкви с вооруженными силами и правоохранительными органами. У нас каждое воскресенье бывает отец Дмитрий Смирнов, помогает бабушкам, солдатским матерям, матерям тех, кто действительно служит. Надо бы попросить отца Савву еще раз об этом вопросе подробно рассказать. Но, дорогая слушательница, поверьте, очень тяжело, очень страшно. Много в армии нехорошего, плохого, уродливого и ужасного, которое накопилось, как и во всей нашей жизни за последние 20 лет. Владимир Леонидович, я думаю, согласится. Но если мы Православные – не будем говорить, что мы отдадим в какую-то сказочную армию, отдадим только тогда, когда она появится. А кто же за нас должен отдавать, кто же должен своих детей отдавать в эту армию. Те, кто хуже нас с вами. Те, кто не так любит своих детей. Или те, кто больше нас любит Отечество. А это звучит уже совсем странно.

Мы тогда защитим права детей и внуков, когда в случае чего-то непотребного, что станет нам известным, начнем решительно требовать на каждом углу, на каждый праздник, в каждом стоянии, в каждом марше, в каждой процессии вмешательства прокуратуры, правоохранительных органов. Функция прокуратуры пресекать правонарушения. В том числе и в вооруженных силах. Мы тогда добьемся результата, когда мы

будем добиваться не отсутствия армии, а настоящей армии. Когда мы будем любоваться молодым человеком, который идет по улице в форме прославленного полка или в нашивках прославленного эсминца или ракетного крейсера. И другого пути нет.

Владимир Леонидович, мне хотелось бы обратиться к нашим слушателям. Я думаю, они согласятся с нами. Дорогие братья и сестры, ведь на наших же глазах 20 лет назад армию унижали и шельмовали, всячески над ней издевались. Офицеры в те годы, в позднегорбачевское и ельцинское время, боялись появляться в форме в городском транспорте. Но мы же это с вами пережили. Но кто это допустил, если не мы? Я могу сейчас сказать с Владимиром Леонидовичем, что мы и в те годы защищали. Те, кто слушают радиостанцию «Радонеж» 16 лет, знают, как мы в передачах отзывались о нашей армии и говорили. Я считаю, через лет, наверное, 15–20, осознав то, что совершила наша армия в Чечне, спасая Россию, весь народ земной поклон отвесит русскому офицеру. На наших глазах нашу армию смешивали с грязью, уничтожали. Сейчас армия еле-еле поднимается, а как могла армия голодная, оплеванная НТВ, гусинскими, всеми прочими, воевать и быть нормальной. Есть проблема и с теми, кого посылают в армию. Мы говорили об этом с отцом Саввой. Существует дедовщина в детских садах, дедовщина в ПТУ, дедовщина в институтах.

В.М. – Я призывался в армию в 1967 году. Замечу, между прочим, при всем моем патриотическом рвении, что мне повезло. Это был первый год, когда начинали служить два года, а не три. Я под него попал. Не прошел в Университет, пошел в армию, и уже после поступил в университет. Дедовщина и тогда была. Насколько я помню, вся дедовщина заключалась в том, что в самый неприятный наряд, то есть в наряд по кухне, в основном чистить картошку, ходили только молодые. Это справедливо. Так во всех армиях мира. Так было при государе императоре. Такая дедовщина была в Кадетском пажемском корпусе, где служили только дети аристократов.

В Морском корпусе, где служили дети дворян. Всегда старший обладал некоторыми правами. Это нормально

считалось во все времена и ни разу никого не подвело. Я тоже самое знаю из германской истории. Я немножечко знаю историю, хотя знаю очень плохо. Но, скажем, система воспитания в военно-морской академии Анаполиса, мне известно, я специально читал, предполагала то же самое. Будущих американских морских офицеров тоже учат в условиях дедовщины. Сейчас это превратилось в нечто чудовищное. Во-первых, вам концентрированно лгут. Выбирают самые жуткие случаи. Вам не показывают ни одного случая, такие случаи есть, когда молодой человек, подвергающийся в той или иной степени насилию, оказывает сопротивление, побеждает так называемого «деда» и его оправдывает начальство. Потом, поверьте мне, к нему побоятся подойти. Ко мне забоялись. Это был 68-й год. Дед стал мне угрожать: чего, сказал я, и сорвал спинку с кровати. Больше желающих не было. Я старших уважал. Детей надо воспитывать. Надо всех воспитывать в категориях чести и чувства собственного достоинства. Тогда у нас будет и общество другое и армия другая.

В.С. – Сейчас гораздо сложнее, чем в те годы, когда мы с вами служили. Дело в том, что действительно очень много проблем. Одна из проблем – этнические землячества в наших частях. Эта проблема вполне может решаться на уровне руководства.

В.М. – На уровне военкоматов.

В.С. – Военкоматов и армии. Это одна из важных задач. Существовала традиция, когда в одну часть направлялись призывники, из одного города, из одного села. У нас были полки по названию – Владимирский, Нижегородский, полки русской армии. Славные полки. Ахтырские гусары. Они, в основном, формировались в одной местности. Казачьи части – там служили все родичи. Можно эту ситуацию переломить. Была бы воля, воля высшего руководства. У нас звонок еще один.

Слушатель: – Добрый вечер. Владимир Леонидович, я под Рязанью служил, но не в этом дело, не о себе я хочу сказать. Замечательно вы все говорили, красочно, вдохновительно. Но как все-таки вас послушать должна, к примеру славянская обычная женщина, у которой один-единственный сын, которого

она, допустим, отправит защищать. И что она скажет ему, кого защищать? Родину, где такие, как Прохоров возят несовершеннолетнюю девочку своим друзьям, а православная церковь награждает Прохорова орденами Святого Даниила Московского. Защищать всю эту шайку-лейку вместе с РПЦ, которая сутенеров орденами награждает. Иначе получается, что человек идет служить, чтобы их защищать. Ответьте на этот вопрос.

В.М. – Дорогой друг мой, я вообще-то вас понимаю. И можно я отвечу вам сравнительно. А кого защищали наши предки, ближайшие предки. Кое-кто жив еще в Великой Отечественной войне? Оккупантов-большевичков, оккупантов-интернационалистов, которые мучили русский народ, которые устроили искусственный голод. Я не буду сейчас говорить о расстрелах, искусственный голод 20–21-го годов с числом жертв в шесть миллионов и искусственный голод 31–32-го годов с числом жертв семь миллионов. Но вопрос-то встал о том, что мы теряем территорию, жизненное пространство, что нацисты угрожают самому существованию русской нации, русского народа. Нацисты не преследовали православие специально. Но ведь если не будет православной земли, не будет и православия. Где же тогда уместится святая церковь, мать наша, кроме как в катакомбах. И, тем не менее, несмотря на большевистскую власть, солдаты пошли защищать нашу страну и защитили. И мы их не упрекаем. Еще раз вам говорю, никакого патриотического долга перед ленинским, троцкистским, сталинским и тому подобными режимами у русских православных людей не было, быть не могло, и ими это не ощущалось. Они хоть и униженно, хоть и оккупированную тоже, от следующей оккупации святую Русь, тем не менее, защитили. Ведь все равно, земля та же. Земля, дорогой друг мой, земля-то ведь все равно наша. Я даже не знаю, кто такой Прохоров. Честно, простите меня грешного.

В.С. – Олигарх.

В.М. – Да? Есть такой. Если он насиловал несовершеннолетних девочек, то я, желаю, чтобы он был сурово наказан. Вы правы здесь. Но здесь надо не детей уберегать от

военной службы. А детей уберегать от воспитания безрелигиозного, негражданского, лишенного чувства собственного достоинства. А девочек особенно. Вот, опять-таки прочитайте журнал «Наследник». Вы найдете подобные материалы и в журнале «Православная беседа». Там есть совершенно изумительное письмо и изумительный ответ. Молодая леди пишет о том, как ее чистую и непорочную в самом полном смысле этого слова бросил и предал ее жених. Это гнусно. В чине венчания, между прочим, есть вопрос от иерея к брачующемуся, не обещался ли иной девице. Впрочем, девицу тоже об этом спрашивают. А потом ее второй ухажер, ну почти жених, она тоже его ждала, взял и тоже предал. Потом в конце концов она взяла, уступила и невинности лишилась. А ей таким чужим оказался молодой человек, который как раз-то был и готов на ней жениться, что она сама его бросила. И совершенно изумительным пасторским словом удивительно тактично, удивительно не обидев, наоборот, скорее сожалея, чуть ли не плача вместе с девицей, отвечает главный редактор журнала священник Максим Преображенский. Я знаю, что отец Максим прекрасный священник, дай ему Бог здоровья, но все равно это его особенная пасторская удача. Я бы не всегда бы сумел на это ответить. Вот тоже самое. Воспитывать надо. Девочку надо воспитывать так, чтобы она завопила не своим голосом, если ее пытаются увезти, к олигарху. А всех других людей – мальчиков и девочек – надо воспитывать так, что на черный «Мерседес» или джип очень широкий, если девочка завопит утаскиваемая, немедленно кинулись бы все – от бабушки с клюкой до старшеклассника. Мы должны такое общество создавать, дорогой брат мой. Я сейчас не очень боец. А когда-то был боец совсем неплохой. Но, увы, когда тебе к 60-ти, теряешь бойцовые качества, я все равно брошусь защищать девочку.

В.С. – Владимир Леонидович, мне хотелось бы напомнить нашему слушателю, задававшему вопрос, что, пройдя лагеря и ссылки, молодой иеромонах Пимен Извеков, это будущий святейший патриарх Пимен, не имел никаких оснований любить Советскую власть. Но он от рядового дослужился до майора и

награжден был многими орденами. Это путь православного человека, его отношение к земле. Дело в том, что о Швейцарии, о Швеции, о которой мы с вами упоминали Владимир Леонидович, никто не говорит с такой завистью, как говорит о России. Они говорят, что несправедливо, чтобы одна страна обладала во многом 60 процентами мировых запасов. Эти запасы должны принадлежать всему миру. Они, правда, забывают, что Америка имеет 3 процента населения, а потребляет 40 процентов мировых запасов.

В.М. – А я хотел бы привести строки, открыл журнал «Наследник», прекрасный номер, последний. Здесь письмо великой княгини Ольги Александровны племяннице, великой княгине Татьяне, царевне-мученице, великой княжне. Ольга Александровна нашла в лазарете письмо, над которым рыдала в своей комнате. Письмо матери к сыну-офицеру в действующую армию. Ольга Александровна переписала это письмо. Мать пишет сыну-офицеру: “твой отец был убит далеко от нас за Леоленом. Тебя отдала святому делу – на защиту нашей милой родины от близкого и страшного врага. Помни, ты сын героя. Мое сердце сжимается, глаза плачут, когда я говорю тебе, будь его достоин. Ведь я знаю роковой ужас этих слов и все-таки в муке за тебя повторяю их. Что наша жизнь? Это капля в океане прекрасной России. Нас всех не будет, но пусть цветет и радуется она. Я знаю, мы будем забыты, наши счастливые потомки и не вспомнят тех, кто истлел в братских могилах. Целую и благословляя тебя, я простилась с тобой. Когда тебя пошлют на подвиг, не помни помин слез. Помни только мое благословение”. Это слова великой русской матери.

В.С.– Я хочу сказать, что, вообще, как-то, братья и сестры, вы что-то читаете мало. Тиражи наших хороших православных изданий небольшие, а как-то расходятся плохо. Или вы в таком унынии, что одно телевидение, смотрите? Телевидение-то делают либо нейтральные люди – их процентов десять, либо враги православия – их остальные 90 процентов. Так что вы имейте в виду, если вы не читаете, вы не защищаетесь. Поэтому потом вы задаете те вопросы, которые вы задали. Заканчивая разговор, скажу, что в этом «Наследнике» сквозной номер 1314,

на обложке морской кадет, гардемарин московских кадетских классов, узнаете сразу и в Новоспасском монастыре уж точно купите, я думаю, и в других церковных лавках. И еще. Там есть и моя статья, но обойдемся пока без этого. Там есть прекрасные совершенно материалы по Второй мировой войне, которые подготовил друг и коллега мой, историк Василий Пичугин. Но одну статью я не могу не назвать. Я не знаком с ее автором. Это один из руководителей журнала, зовут его Артем Ермаков. Видимо, это достаточно молодой человек, блеснул по полной программе. Называется статья «Три богатыря и один святитель». О святителе Иннокентии Московском. Он закончил в Москве, а вся славная служба его прошла на Дальнем Востоке и в русской Америке. И трех создателей русского Дальнего Востока графе Николае Муравьеве-Амурском и адмиралах Геннадии Невельском и Василии Завойко. Прочитайте. Такой журнал, если попал к вам в руки, надо, чтобы его не один человек прочитал, а двадцать. Ну, пусть за пару лет. Но это не все, что у нас издается. Мы просто впервые так решительно рекламируем журнал «Наследник». Но мы 16 лет работаем еще с одним журналом. И он отнюдь не уронил своего высокого качества.

Журнал «Православная беседа». И мне хотелось бы обратить внимание, в последних трех номерах замечательные публикации: это материал монаха Лазаря «Торжествующий дух», повесть о царственных мучениках, брошенных большевиками в старую шахту под Алапаевском. Здесь фотографии, я сейчас открыл этот материал, фотографии Константиновичей – Игоря, Олега, Константина, Татьяны, Гавриила, Иоанна, Елизаветы Маврикиевны и Константина Константиновича Романова, знаменитого нашего поэта. Материал посвящен им, здесь, кстати в начале материала говорится, как они жили. Августейшие дети жили в Оптиной пустыне. Но весь номер интересен. Четвертый номер журнала «Православная беседа». Я хотел бы присоединиться к словам Владимира Леонидовича. Идет подписка. Дорогие, братья и сестры, вы не представляете, как своей подпиской вы поддерживаете журналы «Наследник», «Православные

беседы», газеты «Обозрение «Радонеж», «Русь державную», «Православный вестник». Это наш долг. Тиражи, действительно, не очень большие. Так что будем помогать нашим изданиям. И мне хотелось бы для тех, кто любит историю, предложить и лекции по истории Владимира Леонидовича. Они изданы на дисках. «Крещение Руси», «Русско-японская война и ее последствия», «Социально-политическое устройство Руси и России 1204 год». «Падение Византии» – это один диск. И есть лекции на диске видео. Кажется, это видеокассеты. Лекции по истории России Владимира Леонидовича Махнача. А те, кто пишет историю, определяет будущее страны. Так вот историю мы должны с вами не только писать, но и преподавать нашим детям. А главное, мы должны ее знать. У нас звонок, Владимир Леонидович.

Слушательница: – Очень серьезный вопрос был поднят сегодня об отношении, родителей к армии. У меня сын служил в армии. Там была дедовщина, драка, и, сын мой чуть не погиб. Я, конечно, переживала, понимаю родителей, что такое отдавать детей в армию в нынешних условиях, когда идут такие диверсии против и армии, против народа, против наших детей. Но дело нас родителей, детей воспитывать и самим не быть слепыми спящими людьми. Дети наши будут погибать, если мы не станем на защиту сами нашей страны и наших детей и нашей родины.

В.С. – Спасибо, дорогая слушательница. Действительно, тема сегодня серьезная. Не в одном эфире поднимал эту тему и отец Савва Молчанов. Я думаю, мы продолжим как-нибудь с Владимиром Леонидовичем говорить и об общественном устройстве в нашей стране. Мне хотелось бы попросить вас в следующей передаче раскрыть тему химеры и антисистемы. В истории не только России, вообще в истории мира и Европы. У нас звонок, наверное, последний. Мы слушаем вас, говорите, пожалуйста.

Слушательница: – Добрый вечер. Меня зовут Елена. Я бы очень хотела ответить вот тому слушателю, который сказал, что в нашем государстве некого защищать, потому что русская православная церковь награждает олигархов, которые как-то

там себя запятнали своим поведением. Я считаю, что их награждают для того, чтобы пробудить в них лучшие человеческие качества. Потому что они тоже члены нашего общества. И я думаю, что заблуждается этот слушатель, если он думает, что если армии у нашего государства не будет, и нами будет управлять не это правительство, хотя бы которое есть, а мировое закулисье напрямую, у него сохранятся те же права и те же условия жизни, которые он имеет сейчас.

В.С. – Я согласен с вами. Но тем не менее утверждаю, что наши правящие круги, в широком смысле, как говорят американцы, истэблишмент, с каждым годом все больше боятся собственного народа. И это хорошо. И пусть боятся. И мы не должны оставлять их в покое, мы должны добиваться свобод и благосостояния. Мы к этому обратимся в специальных передачах. Я был свидетелем одного поразительного случая. Я не назову имя. Он не хотел, он очень не хотел. Я стоял в сумерках, утром, у ранней литургии в Соборе Дивеевской обители. Я никогда бы не узнал того, кто стоит в нескольких метрах от меня, но слишком уж близко он от меня был. И хотя он был очень скромно, неброско одет. Но все-таки стоял на клиросе. Тихо, смиренно, пошел к исповеди, потом тихо, смиренно пошел к причастию. И так же тихо, тихо-тихо, чтобы его никто не узнал, сел в свой мощный автомобиль и унесся по своим делам. Ведь очень же хотел, чтобы его не видели молящимся в храме. Это смирение, сестра. А это очень видный олигарх, я знаю, о ком я говорю. Просто он не доверил мне сказать, что я это видел, нет. бывает и так. Но и помнить надо, что этих не только меньшинство, этих считанные единицы. Все остальные – ворье, враги православной церкви, враги русской нации, враги преподавания основ православной культуры, о чем они не раз заявляли. Вот так.

Владимир Леонидович, наша передача подошла к концу. Мы сегодня затронули важную тему, и мне кажется, по звонкам некоторых наших слушателей, не все понимают, что состояние нашей армии, состояние нашего общества зависит не только от тех, кто сидит наверху, а и от нас с вами. А тут, увы, прозвучали

эти слова – “Пока армия не изменится, я туда сына не отдам, за кого воевать?”

А вы сказали, очень точно, власть начинает бояться народ. В хорошем смысле этого слова, то есть прислушиваться к мнению народа. И наверное хотелось бы, чтобы этот процесс был необратимым.

Завершающее слово, Владимир Леонидович.

В.М.– Скажите мне, сестры, а кто вам сказал, что вы имеете право не дать сыну исполнить его долг и служить в нашей армии? Но при этом вы почему-то считаете, что власть имеет право не прислушиваться и править, как она хочет. Да почему бы проще, не отдать сына, ну, куда, в погреб посадить, да? А не наоборот, почему вам не приходит в голову, что вам проще повлиять на власть? Да пребудет с вами благословение Господне!

В.С. – Спаси Христос. Прощаемся с вами, дорогие братья и сестры. Спасибо за внимание. Владимир Леонидович, до следующих встреч в эфире радиостанции «Радонеж». Храни вас Господь, дорогие братья и сестры.

Радонеж. 29.09.2007

Были ли ошибки у Николая II?

Мне приходилось писать о Государе еще до канонизации. Причем с необычного ракурса. Я утверждал и продолжаю утверждать, что Император Николай Александрович был высочайшего качества человек своей эпохи. Он был добр и народолюбив.

Надо заметить, что трагические цареубийства, связанные с революциями, забирали далеко не худших монархов. Так Карл I Стюарт был сноб, аристократ, но очень любил Англию и заботился об английских интересах. Луи XVI Бурбон был очень народолюбивым монархом. Он был прекрасный семьянин, любил свою супругу, как и она его.

Возвращаясь к личности Николая Александровича, надо отметить его нравственное величие. Он был хорошим семьянином. При этом, хорошими семьянинами были и Николай I, и Александр III, но именно к Семье последнего Императора династии Романовых применимо слово «идеальная».

По сути, семья Николая II – это икона семьи. Он был блестяще образован – было, кому его учить. Он имел высшее юридическое и высшее военное образование и был вполне компетентен в этих вопросах. Требовать от него, чтобы он был великим полководцем, бессмысленно, ибо для этого есть полководцы (в Первую мировую такого понятия и не было уже, а единственным полководцем, который не проиграл ни одного сражения, был Николай Юденич). Но при этом, заслуга Государя, как Главнокомандующего, безусловно, есть. Она – в создании атмосферы в армии: поднятие духа, утверждение принципов иерархии. Также наша армия понесла меньшие потери, чем противники. Все разговоры о том, что трупами заваливали противников – это ложь! Общие потери нашей армии чуть больше за счет того, что много оказалось военнопленных, которые появились в период Временного правительства.

При этом на императора лидирующей в православном мире страны налагаются определенные обязательства. Так мыслился

император еще с иранских времен. Он не глава всем, но он третейский судья, миротворец. Сознание этого дожило до XX века. Сегодня Россия не только восточноевропейский лидер, хотя и не имеет православной государственности вообще, но и сердце христианского мира. А поэтому еще в конце 80-х гг., когда я не мог печататься, говорил публично, что феномен русофобии предельно ясен. Вероятно, каждый народ кто-то ненавидит. Это печально, но это факт. При этом ненависть к русским выходит за все пределы.

Почему? Потому что русофобия – это антиправославие, ненависть к Православию. Если бы русские не были православными или были теплохладными, то нас кто-нибудь не любил бы, но не было бы такой ненависти к нам.

Это всегда так, поэтому придумывали фантастические вещи. Например, про жесткость Иоанна IV, но его старший современник Генрих VIII пролили крови гораздо больше, однако им умилялись. А как пугали Петром I? Чуть что – появлялось его поддельное завещание. Но он не писал никакого политического завещания. Все более-менее приличные историки на Западе пришли к выводу, что это фальшивка.

Здесь момент, в котором можно обвинить русских императоров, но менее всего Николая II. Можно обвинить Николая I, безусловно Александра II и даже Александра III. При них происходило освобождение балканских народов, и Россия воспринималась везде с восторгом, и надо было использовать этот момент, в том числе прямое давление, чтобы не допустить конфликта между балканскими христианами.

Почему Болгария была в двух мировых войнах официальной противницей России? Притом, что ни одни болгарин в них не выстрелил в русского и наоборот. Почему Болгария оказывается союзницей Германии? Из-за болгаро-сербских и болгаро-греческих споров, в том числе и территориальных. Это за полвека до войны могла уврачевать Россия. Она могла способствовать тому, чтобы молодые болгары не ездили учиться во Францию, а греки в Англию, но учились бы вместе в России. Чтобы грек, серб, русский и румын оказывались бы в одной учебной аудитории. Обеспокоенность

ситуацией мы видим еще в XIX веке в отзывах и письмах митрополита Филарета и Константина Леонтьева. Последний – дипломат на Балканах – вообще видел все изнутри. Освободив Балканы от османского гегемона, Россия не сумела сама стать таковым, хотя должна была стать.

Единственный, кого нельзя упрекнуть в отсутствии продуманной балканской политики – это Николай Александрович. Когда назрела вторая балканская война 1912 года, России хватило дальновидности в нее не вступить. А болгар с греками, в свою очередь, хватило для того, чтобы победить турок.

Признав ошибки Романовых по отношению к господствующему русскому народу, не могу не заметить, что икона Новомучеников с Царственными страстотерпцами появилась у меня в кабинете задолго до их канонизации (правда, после канонизации в РПЦЗ). Так что я их почитаю. Тем не менее, могу сказать, что мы сами плохо занимаемся православным воспитанием. Православию всегда был чужд иезуитизм. Правду, даже горькую, всегда следует говорить. Святые ошибались, а абсолютно безгрешным человеком была Пресвятая Богородица. Когда мы занимаемся вместо истории розовыми слюнями и боимся указывать на ошибки и конфликты, мы тем самым подрываем искреннюю веру. Это всегда лазейка для атаки противника. Не надо допускать грязь и непочтительность, но ошибки признавать надо. Были ошибки и у Николая II. Страшной ошибкой была одна – это посылка русских батальонов во Францию. Они там были лучшими, получали ордена, но они же там и проливали кровь.

Давайте также вспомним провокации и провокаторов (подробно описанные в книге Александра Боханова о Распутине). Они старались опорочить, возвести напраслину на Царскую Семью, на монархию, на династию – а их отпускали. А между тем обвинили в измене бывшего военного министра генерала Сухомлинова и судили его военным судом. Он пришел и сел на скамью подсудимых в парадном мундире и орденах. А ведь ни в коем случае нельзя показывать простым солдатам генерала в парадной форме, сидящего на скамье подсудимых.

Сухомлинова, естественно, оправдали, никаким изменником он не был. Во Франции – для сравнения – маршала Жоффра заменили генералом Форшем, и никто целый месяц не знал. И это в свободолюбивой Франции! А потому что война, никто и пикнуть не посмел. У нас были забастовки, в конце 1916 года это стало заметно. А в Англии забастовок, близких к военному производству, не могло быть. Свободолюбивая парламентская Англия, как только началась война, мобилизовала рабочих в действующую армию. Потому забастовка автоматически превращалась в бунт, а это уже виселица. Но человек XIX века в человеколюбивой России вести себя так не мог.

Да, когда его предали, а его предали – одни косвенно (как генерал Алексеев), другие прямо (как генерал Рузский, задержавший поезд с императором в 1917 году). Как это происходило по минутам, можно посмотреть в книге Кобылина «Анатомия измены».

Итак, совсем не все потеряно. Пришел Рузский и грозит, чуть ли не крича на своего Императора. В поезде с императором его друг контр-адмирал Нилов (герой японской войны), древний дряхлый министр двора Фредерикс и конвой. Можно крикнуть Нилову и повесить Рузского. Дать телеграмму через Фредерикса, что предатель повешен, а ситуация под контролем.

Так мог бы поступить человек XVIII или XX века, а человек XIX не мог! При всем богатырстве Императора Александра Александровича, я сомневаюсь, что и он мог бы поступить по-другому, потому что человек своего – XIX – века. Это все надо знать, когда мы говорим о времени, об эпохе.

Теперь посмотрите на разговоры нашей эпохи. Повторять «зады», что Император был «слабенький», «подкаблучник» после всего, что написано, – бессмысленно. Нужно говорить людям, чтобы не лгали. А тот, кто продолжает распространять ложь, чаще всего злодей. Тот же, кто повторяет за злодеем – тот дурак, несомненно. Нельзя спускать это с рук.

Некоторым сегодня хочется снять тему Государя. Похвалить и забыть. Как, например, сделали французы. Им легко написать про Людовика XVI, дескать, был такой хороший монарх, но это

все древность. Мы не в таком положении, мы моложе французов этнически лет на 400, и на них не лежит никакой миссии. У нас ничего не получается без Государя. Наша демократия, древняя как монархия, всегда опиралась на Государя, а не на партии. Земства существовали только потому, что их гарантией и основанием был Государь. У нас единства не может быть без Государя, потому что все империи – монархии. Государь – символ единства, и, покуда был Николай II, Россия была едина при своих более 200 различных народах, включая самые малые, некоторых из них уже нет «стараниями» революционеров. Русская монархия не уничтожила ни один народ.

Мы можем получить особое благословение Церкви через миропомазание нового Государя. Этого не стоит забывать. Мы, конечно, можем избирать президента, и, не исключено, что он окажется порядочным человеком. Но миропомазывать сменяемых президентов, испрашивая для них особые дары, мы не можем, это было бы кощунственно.

Мы имеем право считать, что Россия – монархия, так как нет ни одного акта, упраздняющего ее. Последний и.о. правителя, он один день правил, и отказался быть Государем, Великий князь Михаил, оставил решение вопроса – монархия или республика – Учредительному собранию, которое не состоялось. Более к этому вопросу никто не возвращался. Поэтому Россия по-прежнему монархия, но пока у нее нет монарха. Именно так, и мы должны стоять на этих позициях. В истории такое бывало. Англия во время революции оставалась королевством, и наследный принц Карл, как только отрубили голову его отцу, стал Карлом II Стюартом, просто временно не правил. Испания при генералиссимусе Франко была монархией, просто не было монарха. К концу правления Франко монарх появился.

К России нужно относиться именно так. У нас просто перерыв. Перерыв, который слишком затянулся.

Екатеринбургская инициатива, 22.07.08

Быстрые деньги не бывают нравственными

21 октября 2004 года.

В гостях у «Трибуны» – известный историк, профессор Православного университета святого Иоанна Богослова, сопредседатель Союза православных граждан России Владимир Махнач.

– Владимир Леонидович, есть известные изречения о том, что нельзя одновременно служить двум господам – Богу и Маммоне, как трудно богатому войти в Царство Божие и сколь бессмысленно собирать сокровища на Земле, где моль и ржа истребляют, и воры подкапывают и крадут. Так совместимо ли предпринимательство с христианской религией?

– Безусловно, христианская вера с самого начала не навязывала ни форм собственности, ни форм социальной организации, за исключением нравственного осуждения некоторых, особенно тяжких пороков языческого мира. Уместно заметить, что постепенно, но довольно последовательно христианство избавило мир от рабовладения. Один бравирующий безбожник в двадцатые годы прошлого века обвинил христиан в том, что они пугают людей Страшным судом и таким образом делают людей рабами. И Честертон ему изумительно возразил: «Лучше бы вы сказали, что христиане пугали рабовладельцев Страшным судом, и те делали рабов свободными».

У русского философа Ивана Ильина есть замечательная книга, которую я бы рекомендовал всем читателям «Трибуны», – «Пути духовного обновления». Там есть главы о совести, о семье, о государстве, а последняя, десятая, о частной собственности. И в ней главочка: «Нравственный смысл частной собственности».

– Даже так?

– Это очень серьезный нравственный смысл не богатства, а именно частной собственности, потому что частная собственность дает человеку дополнительные возможности

быть достойным и уважаемым членом общества. Далее он становится уважаемым прихожанином, то есть членом христианской общины, а также и гражданином. Потому что ему есть что защищать – свой дом, свою семью. Собственник ведь может быть и небогатым человеком.

В Российской империи подавляющее большинство населения было собственниками. Каждый крестьянин был собственником своего подворья. А благодаря Столыпинской реформе становился и окончательным собственником земли. Полагаю, что то было нравственно. Я согласен с Ильиным.

Как показала история, православное учение не противоречит созданию и работе капитала. Церковные авторитеты говорили о том, что праведный человек может обладать любым богатством. Только чем больше он получает, тем больше и раздает, потому что знает, что все богатства ему дарованы Богом. Однако дело тут, мне думается, не в православных, а в русских традициях, по своему корню вполне христианских.

У русских есть уходящие в старинные времена традиции отношения народа к различным видам предпринимательской деятельности. Они укоренены в национальном сознании и не стерты даже десятилетиями большевицкого господства. В России всегда самым уважаемым предпринимателем – предпринимателем первого класса – был промышленник, купец был уже второго класса, а банкир, ростовщик – третьего, низшего класса, иногда, вспомним Достоевского, с пренебрежительной кличкой «процентщик».

– А сейчас?

– Сейчас у нас все наоборот. У нас дикий торговый капитал и процветающее банковское дело. Долго так продолжаться не может. Рано или поздно пересмотр собственности произойдет. А пересмотреть ее довольно легко, потому что есть еще одна русская традиция.

На Руси всегда подозрительно относились к скоробогачам. Быстрые деньги вызвали серьезное подозрение.

– Существует «бизнес» внутри церкви или «бизнес» от лица церковнослужителей. Священники освящают «Мерседесы»,

ездят на иномарках...

– В начале XX века во главе Петербургской епархии стоял маститый митрополит Антоний. Через него проходили очень большие деньги. И то вызывало шепот за спиной. Но многие благотворители просто доверяли ему капитал. Когда митрополит скончался, выяснилось, что у него ничего не осталось: все деньги он раздал на дела благотворительности. Святого отца Иоанна Кронштадтского иногда упрекали в том, что у него свой выезд. На что он говорил: «А если его не будет, так я не успею к больным и умирающим». А вообще свой выезд у протоиерея в начале XX века, сто лет назад, был примерно тем же самым «Мерседесом», что сейчас.

Об освящении «Мерседесов». В православии есть много чинов освящений. Открыв большой требник, мы увидим там чины освящения жилища, лошади, другой домашней скотины. Если можно было благословить и освятить лошадь, почему нельзя автомобиль?

Теперь об участии церковнослужителей в торговом или ином предпринимательстве. Несколько лет назад одного из наших иерархов пресса обвиняла в торговле табаком и даже спиртными напитками. Но я так и не получил доказательства того. Если написанное соответствует действительности, это скверно. Однако никаких достоверных фактов и подтверждающих документов нету.

Другой пример. Если костромской архиерей участвовал в компании по производству воды «Святой источник», то я категорически отказываюсь видеть что-нибудь предосудительное в его действиях. Хорошая, высококачественная вода. Средства от ее продажи шли на восстановление Костромской епархии.

– Можно ли сказать, что таким образом Церкви приходится материально выживать в окружающем ее мире?

– Да, конечно, и так было всегда. В каждую эпоху Церковь в той или иной степени, иногда хуже, иногда лучше, пристраивается к системе общественных отношений.

Великие и белые: Такие разные великорусы

Столетие назад не только все белорусы, а и все малорусы (за исключением небольшого количества украино-польской интеллигенции, проживавшей в Австро-Венгрии и получавшей серьезные субсидии венского режима) просто не знали, что они уже не русские люди. Когда в 20-е годы прошлого века создавался Советский Союз, все «украинцы» жили в Польше, а малорусы не знали, что они «украинцы». Белорусы, похоже, и сейчас не очень уверены в своем отдельном белорусском происхождении.

В наше время все слышнее раздаются призывы к воссоединению братских восточнославянских народов. Чаше – к воссоединению русских и белорусов, хотя и об украинцах, об Украине говорят то же самое. Для этого делается мало, но процесс некоего политического и экономического сближения наблюдаем. Мне бы хотелось его приветствовать, однако не могу – по той бесхитростной причине, что нет двух или трех братских славянских народов, а есть один славянский, русский народ.

Так писали еще в начале коммунистической власти¹. В вышедшем в 1926 году путеводителе по Крыму, составленном блестящими профессионалами (получившими настоящее, дореволюционное образование), численность населения Крыма указывалась общая: на полуострове жили тогда примерно триста тысяч русских. А далее они подразделялись на великорусов, украинцев (уже украинцев, не малорусов!) и белорусов. Все три этноса как русские упоминались под общей чертой, что большинством считалось вполне естественным. Раздражало это лишь революционеров и старых украинофилов галицийской формации, проживавших вне России, вроде Ивана Франко и его кружка.

А теперь, видимо, следует уточнить и то, что даже погодинская схема о триединстве славянского, русского народа неверна. Русские или, как их иначе называют (это тоже

приобретение коммунистического времени), восточные славяне на самом деле имеют значительно более сложную структуру и должны подразделяться на значительно большее количество субэтносов.

Старая наша этнография так и писала. И не путала, например, белорусов с близкими им полищуками. Никто же не отрицает, что среди великорусов есть донские казаки, а есть поморы Архангельской области, и они друг на друга очень непохожи, хотя признают себя русскими как те, так и другие. Еще более сложна картина на Украине. Например, в Ужгородской области, то есть в Закарпатье живут русины, но делятся они на две категории: на тех, кто считает, что они отдельный народ, и тех, кто считает, что они русские. А украинцем там не считает себя никто. Это чисто этнический, обычный, не противоречащий теории этногенеза процесс самоидентификации.

Большинство великорусов считают, что мы и белорусы принадлежим к одному народу. И большинство белорусов тоже. Так и не удалось убедить белорусов в том, что они особая, отдельно существующая нация. С большинством украинцев это получилось, но до сих пор большая часть украинского населения, даже считая себя украинцами, предпочла бы жить в одном с нами общем государстве. Такой вывод дают как социологические опросы, так и личные наблюдения автора этой статьи.

Сарматы и кельты нам не чужие. У нас общие предки: два народа, жившие в первом тысячелетии христианской эры, – славяне и русы. Различия между славянами и русами подтверждаются таким замечательным памятником, как «Трактат об управлении империей» императора Константина VII Багрянородного, в котором приводятся названия приднепровских народов параллельно по-славянски и по-русски. И названия эти совершенно не похожи.

Они из разных языков. Кто наши общие предки-славяне – представить себе легко. Их предками еще до Рождества Христова были, во-первых, протославяне, называвшие себя вендами. Приглядитесь к однокоренным словам: слово вене –

самая древняя их форма, но еще в XVIII веке немцы часто называли славян винды, а эстонцы, соседствовавшие со славянами много веков, до сих пор называют их вене. Другим, тоже бесспорным предком славянского мира следует признать кельтов, которые во множестве жили на территории современной Польши, Подкарпатской Руси и Галиции. Кстати, на галльское (кельтское) поселение указывают сами топонимы Галиция, Галич, страна Галлов.

Третий, возможный предок (от которого сейчас этнология отказалась, но сто лет назад все крупные русисты и византилисты считали его именно предком) – это сарматы Северного Причерноморья, как протославяне и кельты – народ индоевропейского происхождения, арийского языка, но восточной, иранской ветви. Самые прямые потомки сарматов сейчас – осетины, кстати, тоже веками дружественное русским племя.

Сложились славяне как народ в регионе Карпат и в соответствии с «Повестью временных лет» расселились до Северного Причерноморья (это вполне славянские земли). К эпохе Великого переселения народов восточная граница славянского мира находилась в низовьях Дона, а что касается западной границы, то даже на Севере, где Дуная никогда не было, в фольклоре постоянно слышится слово «Дунай» – это еще одна древнеславянская ветвь.

Гораздо сложнее с происхождением русов – здесь единой точки зрения у историков нет. Некоторые считают древних русов, которые дали нам имя «Русь», славянским племенем или же союзом племен, хотя, судя по византийским памятникам, это сомнительно. Арабы, кстати, тоже прекрасно знали русов и славян и не смешивали их. Существует версия, что русы были германцами. И, наконец, существует версия видного историка Аполлона Григорьевича Кузьмина, что русы – иллиро-фракийское, то есть очень близкое к славянам население.

Во всяком случае, русы и славяне были различны. У них были разные прически: даже в X веке славяне носили довольно длинные волосы и бороды, а русы головы брили, как и подбородки, и носили оселедцы с усами. Князь Святослав

Киевский, отец святого Владимира, византийским историком Львом Дияконом описывается именно стриженным по русской моде и с длинными усищами.

Совместное участие в создании государства славян и русов, прежде всего по Днепру и Западной Двине, как и равноправие этих двух народов в государстве, подчеркивается древнейшим памятником Киева, «Русской Правдой» Ярослава Мудрого, где в преамбуле оговаривает: «Аще ты славянин или русин». То есть закон писан в равной степени для славян и русов и они в равной степени им пользуются. Это очень показательно. И славяне, русы, судя по всему (в том числе и по «Русской Правде»), были исконными оседлыми скотоводами. И все их предки – скотоводы. Это очень серьезно, потому что накладывает определенный отпечаток на национальный характер. Любой оседлый скотовод знает земледелие и землю пашет, и вместе с тем невозможно представить себе земледельца, который не держит домашней скотины. У всего восточнославянского населения до наших дней сохранился устойчивый стереотип общинного отношения к земле: земля прежде всего Божия, затем общая. Речь идет о русской земле – значит, земля русских людей. Она принадлежит каждому, в том числе и тому, кто ее пашет.

Чрезвычайно интересно, что подтверждаемое мифологией изначальное земледельчество славян развивается затем по политическим причинам, по мере распространения крепостничества. Потому что земледelec в сравнении со скотоводом, а также рыбаком, охотником, горожанином наиболее удобоугнетаем. Легче всего покорять и подчинять именно земледельцев. Вот и бывали сначала дореволюционно-крепостнические эпохи, когда в XVIII веке возникло и бурно распространялось исконное земледельчество, а потом уже коммунистическая власть закрепила этот исторический процесс, но для нужд неокрепостничества.

Таким образом, у славян и русов – общие черты отношения к земле, отношения к системе материальных ценностей плюс общие обширные земли.

К концу XI века русы перестают упоминаться в памятниках, видимо, полностью растворившись в славянской, более многочисленной среде. История славян, как полагал Лев Николаевич Гумилев, заканчивается в XIII веке, с которого и начинается история русских. Но даже и без отсылки к Гумилеву с тем, что славяне – единый народ, проживавший на юго-западе нынешней России в I тысячелетии нашей эры, никто не спорит. Так считали и крупнейшие ученые теперь уже минувшего века, в частности известнейший академик Борис Александрович Рыбаков.

Лесостепной народ славяне – участники Великого переселения народов. По расположению названий озер и рек видно, что славяне из региона Карпат частично распространились по лесостепной зоне, а частично продвинулись в Европу. Это тысячелетний процесс, в развитии которого одни славянские племена, продвигаясь на север, постепенно перешли границу лесной зоны, а другие, и прежде всего кривичи (территориально прямые предки белорусов), были вытеснены с запада, с земель нынешней Польши и восточных областей Германии в лесную зону.

Замечательный русский ученый XIX столетия профессор Санкт-Петербургской духовной академии Михаил Осипович Коялович указывает на то, что границы Западной России проходят по границам почв: подзолистые и полуподзолистые почвы заселены белорусами, а там, где начинается чернозем, живут малорусы. И отличия между ними складывались в зависимости от отличий природных, по мере заполнения ими окружающего ландшафта. Древние славяне были народом лесостепным, устраивали их и теплые широколиственные леса Карпат и Закарпатья. И потом русские отнюдь не покинули лесостепную зону, но можно вспомнить, что по линии степей прошло несколько волн кочевников, иные из которых были очень агрессивными. Началось это в эпоху Великого переселения народов, когда славян оттеснили с Дона – то была гуннская волна.

Да и после гуннов через восточные славянские земли, через южную часть России проходили хазары, печенеги,

мадьяры, половцы, турки... Там время от времени жизнь становилась прямо-таки неудобной. И только после половецкого вторжения в конце XI столетия начинается заметный отток кочевников. Но еще в VIII веке на территории белорусской земли и в северо-восточной Залесской Руси жившее там славянское население начинает возрастать. Господствующим оно станет только с рождением следующего, русского народа. В том, что русский народ сложно устроен на субэтническом уровне – его богатство.

Константин Николаевич Леонтьев, выдающийся философ и историк XIX столетия, в статье «Византизм и славянство» устанавливает великую закономерность: «Всякое упрощение системы – всегда деградация». Следовательно, усложнение системы – это процветание, и чем из большего числа ветвей состоит народ, чем он сложнее устроен, тем выше его культурное и этнокультурное обогащение.

Быть за Литвой – не быть за Ордой

Почему же значительную часть истории русские люди прожили в разных государствах?

XIII век – конец истории славян и начало русской истории, начало чудовищного разобщения обитателей Руси. Смерть этноса – это не смерть его людей, но утрата внутриэтнической солидарности. Чем окружающий мир и воспользовался: XIII век ознаменован рекордным числом нашествий на русскую землю. То была не только Орда, но и поляки, и мадьяры, и впервые появившиеся на исторической арене литовцы, и шведы попытались урвать свою долю, а в прибалтийских землях, где стояли русские города, долгое время удерживались датчане. Ну и самый страшный сосед, конечно, – немецкие орденовые крестоносцы, продукт некогда глубоко христианской, но в XIII веке уже выродившейся крестоносной идеи. Те самые ордена немецких рыцарей, которые превращались в чудовищную машину для пожирания людей и пространств.

Русский народ не только вынужден защищаться со всех сторон, но и лишается союзников: в 1204 году крестоносцы захватили Константинополь, главного нашего союзника и культурного лидера, и Византийской империи некоторое время

фактически не было. Крайне беспокойно и у балканских славян. Черниговские земли в результате ордынского вторжения запустели – и надолго. Они будут очень медленно заполняться выходцами с запада и северо-запада. (К черниговским землям, кстати, исторически относятся и брянские, а на Брянщине и сейчас невозможно отличить великорусов, украинцев и белорусов). То есть кругом враги, друзей не предвидится. А хоть какая-то поддержка необходима. И все начинают на кого-то ориентироваться.

Северо-Восточная Русь подчинилась Орде, приняла ордынскую ориентацию. Этот выбор прежде всего связан с именем великого государственного деятеля XIII века, одного из любимейших наших князей Александра Невского. И мы видим, что Александр не ошибся: ордынцы не собирались жить на русских землях, не замахивались на основания нашей культуры, и в результате Восточная Русь сохранила гораздо больше, чем Западная.

Обратите внимание – все былины русского народа сохранились только у великорусов, в Белоруссии и на Украине не осталось своих былин.

Мы знаем примерно четыре сотни храмов Домонгольской Руси. Из них две трети находятся на территории, где проживали украинцы и белорусы. Понятно почему: там, на Днепре и на Западной Двине – самые коренные славяно-русские земли. От большинства храмов остались фундаменты, однако более трех десятков сохранились в архитектурном виде. Но две трети сохранившихся находятся, наоборот, на Новгородчине и во Владимирщине, только одна треть – на русском северо-западе. Почему? Потому что у нас храмы ветшали, могли пострадать от пожара, а там, на украинских и белорусских землях их целенаправленно разрушали, уничтожая православную русскую культуру. В древнем городе Белой Руси Смоленске, одном из крупнейших городов, сопоставимом с Новгородом и немногим уступавшем Киеву, из тридцати каменных храмов сохранились только два и от одного остались фрагменты. Все остальное было уничтожено во времена польского владычества.

Ни одна из икон домонгольского письма не сохранилась в Западной Руси. Из трех десятков дошедших до нас икон все – здешние.

Вот в чем правота Александра Невского: хотя бы ненадолго попасть в подчинение к западноевропейцам означало утратить сразу и очень многое.

Однако не со всеми соседями русичи того времени воевали (тогда слово «рус » окончательно исчезло как наименование этноса, слово «русский » еще не укрепилось, были русичи или иногда русины). Таким беспокойным, но вовсе не постоянно враждебным народом оказались литовцы. У них подъем начался раньше, чем у русских. В XII веке – это очень воинственный и очень могущественный народ, к тому же не обремененный древней культурой: бесписьменный язык, сохранившийся таковым до XIX века, отсутствие каменной архитектуры... Спокойная, ничем не обремененная жизнь помогла им приступить к созданию нового государства, и великий литовский князь Миндаугас (в русском произношении Миндовг) начинает прихватывать земли, населенные русичами, а именно – белорусами. Территориально это было вполне естественно – белорусские земли граничили с государством природных литовцев.

Но были и другие оттенки взаимоотношения с Литвой. Например, в Пскове, хотя и непродолжительно, и в Полоцке оказываются литовские князья, ревностно служившие своему новому городу и поэтому оставившие по себе добрую память. Довмонт Псковский канонизован как русский святой, Товтивил Полоцкий был другом Александра Невского и проводником идеи союза Александра и Миндовга (такой союз они и заключили, но слишком поздно, в следующем году скончался Александр). То есть литовцы сами шли на русскую службу или подчиняли себе русские земли. А русский князь, сын знаменитого Даниила Галицкого, сам побыл одно время литовским князем. Его звали Шварн Даниилович. Так что это довольно продолжительный, медленный процесс взаимопроникновения. Но в середине XIV века литовское государство, набравшееся русских земель, становится просто грандиозным по размерам, прежде всего

стараниями первого и поистине великого литовского князя Гедимина или по-литовски Гедиминаса, современника Ивана Калиты. Если живший в одно время с Александром Невским Миндовг был похож на Святослава I Игоревича (сына князя Игоря), то есть на типичного варварского вождя, то Гедимин во времена Калиты похож на Калиту: он выдающийся государственный создатель. Интересно, что Гедимин почти не прибегает к завоеваниям. Все больше и больше русских земель входит в состав его державы, но это происходит преимущественно мирным путем. Женил Гедимин на витебской княжне своего любимца Ольгерда, и когда помер витебский князь – следующим князем, естественно, назначается Ольгерд. На волынской княжне женил младшенького своего Любарта. Гедимин может завоевывать, у него силенок хватило бы, но он предпочитает действовать иначе.

В данном случае можно ждать обиженного вопроса, особенно от белорусов: «Как же так? Русские земли подчиняли себе литовцы, а русские люди не оборонялись, не защищались, не собирали ополчение для противостояния врагам?». Ответ очень простой. Во-первых, быть за Литвой означало не быть за Ордой. Есть из чего выбирать. Во-вторых, варварское Литовское государство было дешевым и менее обременительным для подданных, чем ордынские дани. В-третьих, русский человек, становившийся литовским подданным, ничего не терял в социальном плане: бояре оставались боярами, крестьяне оставались крестьянами, и даже князья некоторое время сохраняли некие следы княжеской самостоятельности, постепенно ее утрачивая, но вливаясь, как магнаты, в верхний слой литовской знати. И, наконец, не следует забывать о факторе личного обаяния такого мудрого правителя, как Гедимин, и такого доблестного воина, как следующий литовский князь Ольгерд (по-литовски Альгирдас).

А заглядывать в будущее люди не умеют. Будущего польско-литовского союза никто не мог предвидеть. Последствия сближения с Западом проявятся через века.

К концу правления Ольгерда вся Западная Русь входит в состав государства, которое уже при Гедимине (что очень

важно) носит название «Великое княжество Литовское и Русское». И оправданно носит, если учесть, что примерно 90 процентов населения его было русским. Здесь надо бы напомнить, что в разные времена прозвищ у земель Руси бывало много. Мы знаем Белую Русь, рядом была Черная Русь (тоже Белоруссия, точных границ ее никто не знает, но Гродно – это город Черной Руси). Была Червонная Русь – Галиция и Волынь, крайний юго-запад. Как мы уже отмечали, была (есть и сейчас) Подкарпатская Русь. Была Залесская Русь. Кроме того, и по городам частенько называли русские земли: Киевская Русь, Владимирская или Владимиро-Суздальская Русь, Волынская Русь... Стоит ли этому удивляться? Ведь, судя по всему, единого государства «Киевская Русь» никогда не существовало. То есть, конечно, бывали очень могущественные киевские князья, Святой Владимир, например, или Владимир Мономах, и они оказывали влияние на других князей, но это – лишь личное могущество того или иного Владимира, или Ярослава, или Даниила. Политическая система Древней Руси не допускала пребывания князя над князьями. Каждое княжество – государство. То есть славяне создали не единое государство, а конфедерацию княжеств. Число городов росло и вместе с ним росло число князей.

А попытки выдающихся государственных деятелей Андрея Боголюбского и Всеволода III Большое Гнездо еще в XII веке превратить конфедерацию хотя бы в федерацию, сделать Владимир-на-Клязьме стольным городом славян не встречали поддержки. Их никто не понимал. Кому это нужно? Русь все равно настолько велика и обильна, что у нее нет конкурентов, настоящие противники только на границе могут показаться.

Княжение Дмитрия Донского

История славян перед Рождеством Христовым, в I-II веках до нашей эры начиналась в курортных условиях, а история русских начиналась в XIII веке в чудовищной обстановке утраты «золотого века» и нашествия врагов со всех сторон. Поэтому довольно быстро русские приобретают один из стереотипов поведения, которого были лишены славяне, – стереотип созидания государства. В проекте сразу появляется единая

Русь, то есть будущая единая Россия. Никаких междоусобиц в истории Руси не было. В XII веке шла борьба всех со всеми – за плохо лежащий кусок земли, за военную добычу или просто потому, что «нашему князю показали фигу» – так это объясняет автор «Слова о полку Игореве» на примере курских дружинников, которые «ищут себе чести, а князю славы». Но в XIV, XV, даже XVI веках не было борьбы за независимость кого-то от кого-то: то, что учебники наивно называют междоусобицей, было борьбой за первенство и только. А в том, что «первый» необходим, и единое государство надо создавать, тогда уже никто не сомневался – всем надоели эта конфедеративность и слабость.

В конце XIV века три княжеские династии, три города борются за великое княжение Владимирское – Суздаль, Тверь и Москва (младшенькая, но наиболее удалая). И одновременно идет борьба двух уже грандиозных государственных образований за создание единой державы – это конкуренция Великого княжества Владимирского и Московского и Великого княжества Литовского и Русского. Было два государства, которые в перспективе должны были объединиться. Оставалось выбрать лидера, но конкуренты оказались слишком сильными, чтобы уступить друг другу.

Но была и еще одна причина, серьезно препятствующая такому объединению. Государство, основанное Гедимином, к концу XIV века становилось, пожалуй, самым сильным в Восточной Европе, и если бы из владимирских и литовских земель возникло единое Русское государство, то такая держава стала бы сильнее любой коалиции. А это не нужно было ни Орде, ни слабеющему уже Ордену, ни Польше. Поэтому против воссоединения Руси усердно работали и орденская дипломатия, и ордынская дипломатия, и такая сильная организация, как польское католическое духовенство, за которым стояли мощные монашеские ордена, прежде всего, естественно, францисканцы, доминиканцы и все силы римской Курии. Вот что было направлено против процесса воссоздания Руси.

Сравните: в XIV веке все старались не допустить объединения Руси, как стараются и сейчас, в начале XXI века, не допустить такого объединения. Очень похоже. К концу XIV века на короткое время союз все-таки сложится. Для нас это – княжение Дмитрия Донского, для Вильны – конец правления Ольгерда и начало правления его сына и преемника Ягайло (Ягелло). Но все-таки победит сплоченный римско-католический мир.

Ягайло был правителем по масштабу мельче уже очень популярного Дмитрия. Популярен Дмитрий и в западных русских землях, и среди сыновей Ольгерда (братьев Ягайло) есть у него союзники и близкие друзья. Это Ягайло настораживало. Но самое главное в том, что и крестоносцы, и ордынцы подталкивали Ягайло к приобретению земель. Результат известен: союз с Москвой разрушен, Ягайло становится союзником Мамаю, но – опаздывает на Куликово поле, опаздывает «на лед».

И еще несколько витков неудач постигли его – конечно, то, что Дмитрия не удалось сокрушить, было очень крупной неудачей. И то, что вслед за этим происходит разрыв отношений Ягайло с сыном Гедимина, своим дядей князем Кейстутом (Кястутис), тоже большая неудача. Но Кейстута удастся уговорить приехать на перемирие. Он и поехал – к своей гибели...

После этого «очаровательного» предательского шага, убийства собственного дяди, Ягайло становится уже единовластным правителем Вильны. Но – без союзников. И новые союзники тут же появляются: ему предлагают вакантное место польского короля путем заключения брака с королевной Ядвигой.

Вот тогда произошло действительно нечто страшное: Литва сделала первый шаг к сближению не с остальной Русью, а с Польшей.

Прирученная элита

Получить неограниченную власть в обоих государствах Ягайло (принявший католическое имя Владислав), разумеется, не может. И Польша, и, главное, Литва к этому не готовы (все-

таки два государства). Но в данной ситуации возможен долгий путь взаимных уступок, в результате чего в Польше он становится королем, а в Вильно добивается княжения сына Кейстута, своего кузена Витовта (по-литовски Витаутас). То был незаурядный военный. Правда, на все у Витовта сил не хватает.

В 1397 году происходит еще одно сражение Великого княжества с Ордой, самое кровопролитное сражение эпохи – битва на Ворскле. Сражались там по большей части наши предки, русские люди. Естественно, ведь главные силы были выставлены Великим княжеством Литовским и Русским, и вел войско Витовт. Впрочем, как можно судить по некоторым перечисляемым именам, и великорусов там хватало – кто-то все-таки в литовское войско против ордынцев вступил. Битва на Ворскле кончилась колоссальным поражением, погибло множество литовцев, добровольцев-поляков, даже немецких крестоносцев (и они в ней участвовали). Витовт спасся. В результате поражения он лишился такого количества отборных воинов, что активно попираť московское войско уже не может. Остаются сближение с Польшей и надежда унаследовать польский престол.

В интересах Польши Витовт, вновь собрав большое количество русских людей, участвует в следующем сражении, но уже с крестоносцами – это Грюнвальдская битва. Опять погибают русские люди. Казалось бы, и от Орды нужно защищаться, и Запад остановить пора, однако все это снизило духовный подъем на Руси и, видимо, привело к наибольшим потерям, как теперь говорят, пассионарности русских людей. Пострадали в основном белорусы. Именно они, главным образом, сражались под Грюнбергом, но много их погибло и на Ворскле.

Да, Витовт был незаурядным военным, но он никак не мог решиться на конкретную ориентацию: ему хотелось и Польшу к рукам прибрать, унаследовав у Ягайло Польское королевство, и укрепить свою власть над русскими землями. Поэтому, с одной стороны, Витовт выдает свою дочь (прямой династический брак) за сына Дмитрия Донского Василия Дмитриевича, Василия I, но с другой стороны – заключает два договора с Ягайло.

Последовательно на Кревском и Городельском сеймах кузены договариваются, что Витовт наследует Ягайле и Ягайло в свою очередь наследует Витовту: либо умрет польский король и великий князь станет польским королем, либо умрет великий князь и Великое княжество Литовское и Русское войдет в Польское королевство. Возможно, при этом Витовт был просто убит. Большинство литовцев не сомневаются, что поляки его отравили. А это приводит к тому, что уже в XV веке, оставаясь различными государствами, Польша и Литва объединены личными униями. Государство пало, но монарх есть, польский король теперь уже навсегда является и великим князем Литовским.

Литва продолжает еще некоторое время оставаться самой могущественной державой Восточной Европы, но двусмысленность ее положения приводит к тому, что энергичные люди начинают оттуда разъезжаться – одни на московскую службу, заканчивать затянувшуюся историю ордынского владычества, другие – на польскую службу, где признают полноту шляхетских прав. И процесс ополячивания Литвы пошел.

И вот что получилось. Силой подчинить Литву было все еще невозможно. В начале XV века Литва пока настолько могущественна, что способна выбирать, кого ей присоединить – Владимирскую Русь или Польшу (она не смогла сделать этого выбора). Но столетием позже, в начале XVI века Литва (а вместе с ней и Белоруссия) еще могущественна и может выбирать, кто ее присоединит – Польша или ставшая при Третьем Василии мировой державой Русь. Ситуация могла разрешиться, впрочем, иначе. Не следует забывать, что в Великом княжестве оставалось численно русское большинство населения. Следует также помнить, что официальным языком, да и просто языком письменности литовской оставался тогдашний западнорусский язык, весьма незаметно отличавшийся от восточнорусского. Литовский, бесписьменный, все больше и больше становился языком простонародья, языком «литовских мужиков», и если документ касался Польши, то составлялся он на русском и на латинском языках. Литовские

князья стали католиками, но подданные в большинстве остались православными. Русь сохранилась единой в своем вероисповедании.

Однако следует признать, что Западная Европа и в те времена работать умела планомерно, с расчетом на длительный период. И хотя загнать в католичество подданных Великого княжества было невозможно, но их можно было постепенно ополячить и тем самым окатоличить. Что и происходит в XV веке с предками белорусов, а чуть позже и с предками украинцев. В процессе ополячивания они в первую очередь лишаются элиты, у западных русских людей уже нет своей знати.

Я не могу сказать с уверенностью о сегодняшнем составе польской знати — кого там больше: потомков литовцев, белорусов и украинцев или потомков природных поляков. Но среди бывшей знати их действительно больше, чем природных поляков. Литовские и белорусские фамилии в среде польского дворянства и шляхты можно перечислять долго. Это будут громкие фамилии: Чарторыйские, Вишневецкие, Ходовичи, Глебовичи, Сангушки, Сапегы, Пуцины, Поцеи, Острожские и так далее, и так далее.

Многие читатели старшего поколения хорошо помнят замечательную польскую актрису Беату Тышкевич и многие даже знают, что она урожденная графиня Тышкевич. Но мало кто, к сожалению, помнит, что Тышкевичи — не польский, а ополяченный род. Поляки, если хотят, могут хвастаться тем, что они, видимо, единственный народ в мире, у которого самый знаменитый поэт принадлежит другой национальности. Это Адам Мицкевич, разумеется, в сущности, белорус, ополяченный шляхтич из Новопудка. Правда, прошло уже очень много времени, но Мицкевич был пламенным польским патриотом и не любил русских, невзирая на дружбу с Пушкиным.

Каждая империя строится, в том числе и (не сразу, по выбору) включением представителей местной аристократии в круг имперской знати. Со времен еще ассирийских царей это прекрасно знали великие созидатели империй — иранцы, римляне, германцы, русские, наконец. Крупнейшими, например,

византийскими фамилиями в высоком Средневековье X века были вовсе не греки, а славяне Владиславичи и армяне Цимисхий. Эту общеимперскую практику все применяли. Но если идет речь не о создании империи, а приобретении колонии, то есть о порабощении народа, то знать необходимо уничтожить. Ее можно уничтожить физически – но это стоит больших материальных и физических затрат. Ее можно уничтожить социально, сбив в социальные низы – но тогда любая знать будет сопротивляться, и это тоже обойдется недешево. А можно ее ассимилировать. Поляки ее ассимилировали. На что потребовалось двести лет.

Надо учесть, что за ними были колоссальные ресурсы всей Европы, что у них были престижные для знатного человека, очень красивые (по-своему) рыцарские обычаи и ритуалы – на это ведь тоже можно было купить! И у них куда прочнее стояло дело образования. Старейший европейский университет основан еще в XIII веке, а в Вильно много университетов, было где учиться. Заметим, что у нас высшая школа появилась в XVII веке. Есть разница.

Ну и на что труднее было купить настоящего аристократа магната, но зато очень легко бедного шляхтича – полновластие по польскому образцу над мужиками, над крестьянами. Средневековая Польша – самое феодальное государство Европы.

Давайте сравним. По-русски сельский житель называется крестьянин, то есть христианин, адаптировано от слова християне. По-польски (и постепенно это употребление проникает в Литву) сельский житель называется хлоп, то есть холоп – в смысле его бесправия. Михаил Коялович называл это «польской шляхетской теорией». И действительно, в Польше человек должен был быть шляхтичем и доказать свое шляхетство или оставаться бесправным хлопом. Середины не было. Не случайно уже в XVIII веке Польша за это очень жестоко поплатится, когда начнутся разделы Польши и выяснится, что защищать ее некому, кроме шляхты. Потому что простому замордованному мужику все равно, кто будет следующим барином – австриец, пруссак, русский... А польского

городского населения вообще не существует. Города в Польше были, но польское городское дворянское население составляли кто угодно, только не поляки. Русские составляли, подразумевая по-прежнему украинцев и белорусов, евреи, немцы, даже татары – но не природные поляки. Впрочем, за свою дворянскую политику Польша расплатится лишь в XVIII веке, а в XV она дворянской политикой переманивала литовскую знать.

К сожалению, нашелся и чисто субъективный фактор, сыгравший на руку Польше: в середине XVI века на русском троне (а мы называли себя уже Россией, только все еще писали через букву «у» название «Русь» или «Россия») оказывается первый тиран нашей истории, Иван IV. Один из самых мерзких исторических персонажей, которому удается не только укрепить свой тиранский режим, но и совершить (это было его оружие) акт чудовищного террора под названием «опричнины».

Ползучее расчленение Руси

Какое отношение это имеет к Белоруссии? Самое прямое. В Польше заканчивал свою жизнь не имевший наследников Ягайло, последний король из династии Гедиминов. И, будучи глубоко польским патриотом, он совершает акт полного государственного объединения Польши и Литвы. В Великом княжестве было православное большинство и была промосковская партия, но никакого сопротивления этому акту даже не высказывалось. Почему? Во-первых, Польша уже сильнее Великого княжества, а во-вторых – кто в Великом княжестве не знал, что творится в Москве? Можно было отказать польскому королю, послать его куда подальше и заключить унию с тираном, но кто же пойдет в подданство тирану, зная про ужасы опричнины? А в 1569 году действия опричнины как раз достигли апогея, и Иван просто оттолкнул этим русское население Литвы. Вот и состоялось объединение, которое называется Люблинской унией. Уже не личная уния, а государственная. Государственное объединение.

Что меняло это для православных? Что менялось для русских людей? В Великом княжестве все еще очень могущественна православная знать (Константин, князь

Острожский, например, по силе сопоставим с королем). Но дело в том, что во времена личной унии поляки не могли служить в Литве, получать литовские волости, заседать в литовском сейме, а литовцы не могли это делать в Польше. Что замедляло процесс взаимопроникновения. Теперь же, в одном государстве все возможности оказались у панов, и в XVI веке появляется новая, мощнейшая профессиональная организация, занимающаяся в основном образованием и воспитанием польско-литовской знати. Процесс ополячивания разгоняется. К тому же если польскую шляхту не интересовало вероисповедание русских хлопов (а чего интересоваться, они же все равно хлопы), то польское государство вероисповедание подданных интересовало, а самое главное – это сильно интересовало Рим. В свое время, для того чтобы переманить к себе подавляющее большинство русско-литовской знати, Риму потребовалось 200 лет. Тратить еще 200 лет на ополячивание мужиков не хотелось, а насильственный перевод в католичество неизбежно вызвал бы гражданскую войну. Ее можно подавить, но это ведь были живые крестьяне и нация неубитая...

И свершается следующий шаг, которому уже некому противодействовать: Литва поглощена, ее знать ополячена, Россия предельно ослаблена правлением Ивана. Из бывших тогда в Речи Посполитой восьми епископов втягиваются в заговор шестеро (двое отказались), и в 1596 году заключается еще одна уния, уже церковная («Брестская»).

Уния назначается, и православие в польско-литовском государстве оказывается подчиненным Римскому Папе. Во-первых, потому, что мало кому было по силам оказать сопротивление. Кроме того, ведь римо-католики неглупы: у простого белорусского мужика все осталось, как было – тот же храм, тот же священник в том же облачении, тот же иконостас, тот же богослужебный язык.

Совершается та же литургия Иоанна Златоуста. Ну, правда, одно маленькое отличие есть – на службе постоянно упоминают Папу. Но, собственно, почему бы не помолиться за Папу? Может, он хороший человек. Знать в унию практически не переходила. В XVII веке нормальная терминология у нее –

«панска вера», «хлопска вера». Панска – это, естественно, настоящая латинская римско-католическая, а униатская – для мужика. Если последние еще православные магнаты и шляхтичи изменяли своему исповеданию, они сразу переходили в латинско-католический обряд вероисповедания. Ступенечка нужна была для простонародья, и ее создали: разрешили женатое духовенство православным. Но постепенно женатые священники оставались только в деревнях, в городах их вытесняли униатскими иеромонахами. Постоянно реформировалось богослужение. Появилась латинская музыка. Еще без инструмента для церковного песнопения, но вполне григорианская. То есть Брестская уния – это постоянно действующий процесс лишения западнорусского населения не только своего же вероисповедования, но и полностью своей национальной принадлежности. Плавный вялотекущий процесс вовлечения в настоящее католичество.

Кто оказал сопротивление унии? Сопротивление оказали, во-первых, ученые-интеллектуалы, первоначально группировавшиеся вокруг Киевского Братского монастыря (затем Киевской академии). Во-вторых, мещанские братства. Вот здесь некоторые преимущества старых литовских традиций можно было использовать: мещанские братства законны, они обладали высокой автономией внутри своего города, и король старался защитить их от своеволия панов, потому что это была его единственная опора против сейма, против шляхты. У мещан были деньги, а деньги тоже многого стоят. Раз деньги – значит, и русское-белорусское книгопечатание, и какие-никакие школы. Так что это тоже серьезный столп, а первые мещанские братства упомянуты еще в XV веке. Одно из крупнейших братств было Виленское, в Вильне, где русского населения все еще больше, чем литовского. Известны Львовское, Витебское, Полоцкое и другие русские мещанские братства.

Ну и, наконец, третья сила, правда, не имеющая прямого отношения к нашей белорусской. Сила далеко, на юге, но в ней тоже было заинтересовано сопротивление унии: казаки нарушали шляхетскую концепцию, их не признавали полноценными шляхтичами. Но если кто-нибудь стремился

доказать казакам, что они хлопы, так ведь у казаков были сабли...

История казачества – это очень сложный вопрос (мы сейчас от него уйдем). Неверно утверждение, что они были рыцарями, защищавшими русский народ и православие. Как неверно и утверждение противоположное, что они мечтали о польском шляхетстве. Истина где-то посередине: казаки были тверды в православии, но хотели стать шляхтичами. Сделать же их шляхтой оказалось невозможным, потому что казачество было размытым, нижняя его граница всегда оставалась открытой для притока из крестьянского населения. Это приведет к дальнейшим кровопролитиям и при гетмане Богдане Зиновии Хмельницком – к присоединению отдельных земель к русскому государству.

А несчастье Белоруссии заключалось в том, что от белорусских земель казачество находилось слишком далеко. Поэтому и в XVII, и в XVIII веках белорусов продолжали загонять в унию и большинство загнали. А из унии ухитрялись переводить в настоящее римское католичество. То есть мы продолжаем видеть, что все, что происходило (а отчасти и сейчас происходит) на западнорусских землях, – это процесс расчленения Руси, России.

Удел отступников – «шестерить»

Унию все-таки удалось победить. По так называемым трем разделам Польши (Петербургские конвенции 1770–1790 годов) вся территория Белоруссии и еще сохранившиеся территории Украины входят в состав Российской империи. Конечно, это меняет положение, хотя не радикально – ведь знать польская так и осталась знатью. Однако хочу, чтобы наши читатели помнили: по трем разделам Польши Россия не получила ни одного кусочка, так сказать, «этнической» польской территории. По третьему разделу, правда, приобрела Литву, собственные литовские земли. А до этого – только русские земли Украины и Белоруссии, причем не все: австрийцам удалось начать раздел Польши с захвата Галиции.

Уния сохранилась в России. Чтобы освободиться от нее, потребовался довольно долгий процесс. Надо отметить, что

императорское правительство не прибегало к грубой силе, но в 1839 году, в царствование Николая I, состоялся Полоцкий церковный собор, в результате которого остававшиеся еще униаты присоединились к православию. После этого уния сохранилась только в Австрии (потом Австро-Венгрии), в Галиции. Именно оттуда, из Галиции сегодня всеми правдами и неправдами стараются распространить унию по всей Украине. В Белоруссии унии не оказалось вообще, но очень многих из белорусов успели превратить в римо-католиков. Римо-католик, наверное, в какой-то степени становился «своим» для католиков: есть белорусский термин XIX столетия «костельный поляк», то есть тот, который еще не поляк, но уже в костеле. А в следующем поколении может стать совсем поляком. Поэтому как прост был выбор для украинца, еще проще выбор для белоруса: быть русским или костельным поляком (перестать быть русским).

С этим мы дожили до XXI века, и хочу заметить, что большинство (их немного) белорусских оппозиционеров русскому единству – выходцы именно из окатоличенных семей (об этом почти не писали). Все радикальные политические и общественные деятели происходили из виленских, то есть живших близ литовской столицы ополяченных белорусских семей.

Кстати, еще одно подобное сравнение: все белорусские руководители, участвовавшие в Беловежском процессе, не случайного происхождения. На католические имена очень хорошо обратить внимание. Вот тут-то, правда, сразу видно, из какой семьи человек.

Таким образом, сегодня решается все тот же вопрос: быть единой Руси или не быть, сохраниться ей в качестве страны православной, то есть страны восточнохристианской культуры, или утратить свою культуру.

Тем, кто испытывает какие-то сомнения (нужно ли держаться православия, от храма люди отвыкли...), хочу посоветовать задуматься еще над одним. Перейти в чужую цивилизацию можно. Так на наших глазах Турция практически перестала быть страной мусульманского мира и стала

европейской. Какой ценой? Ценой вечного аутсайдера. Современная Турецкая Республика – страна Запада, но самая «задрипанная». Переход в другую культуру – это всегда пребывание на последних ролях, в последних рядах.

Как совершенно самостоятельные страны Восточной Европы ни Белоруссия, ни Украина существовать не могут. Поэтому уже в XVII веке при первом Романове, Михаиле Федоровиче, лидеры православного сопротивления обращались к царю с просьбой о принятии их в подданство. Но после Смутного времени Россия была слишком слаба. Она пошла на это только через двадцать лет, при Алексее Михайловиче и походе на войну с поляками.

Ни для кого не секрет, что весь XVII век – это еще и век постоянной эмиграции белорусского и украинского населения. В частности (сейчас это тоже все почему-то забывают), город Харьков основан при царе Михаиле действительно эмигрировавшими малорусами и белорусами (в меньшинстве) – с разрешения русского царя и на его земле. Никогда эта земля не входила в состав ни Великого княжества Литовского, ни Речи Посполитой.

То есть можно либо сохранить единство и свою культуру на пути постоянного укрепления единства нации, на пути центристском, либо самый ревностный восточный христианин рано или поздно будет вынужден бросить свои земли и эмигрировать в Россию. Этот путь тоже уже проходил, вряд ли он целесообразен.

Крым? Нет, Таврия!

Итак: а что делать-то?. Как это ни странно, я убежден: прежде всего надо заняться правильным словоупотреблением. Посмотрите – столетие назад не только все белорусы, а и все малорусы (за исключением небольшого количества украино-польской интеллигенции, проживавшей в Австро-Венгрии и получавшей серьезные субсидии венского режима) просто не знали, что они уже не русские люди.

Когда в 20-е годы создавался Советский Союз, все «украинцы» жили в Польше, а малорусы не знали, что они «украинцы». Белорусы, похоже, и сейчас не очень уверены в

своем отдельном белорусском происхождении. Так обратим же внимание на то, что для крупнейших историков XIX столетия, таких, как малорус Дмитрий Бантыш-Каменский и белорус Коялович, было понятие «Западная Россия». Хотя и существовали в ней малорусы и белорусы как субэтноты.

Но большевики с нами проделали то, на что не хватило энергии у униатов.

Сначала (это было преступление, несомненно) добились исчезновения термина «великорус», и великорусов стали называть русскими, тем самым первоначально обижая, а затем постепенно отталкивая украинцев и белорусов, которые автоматически как бы переставали быть русскими. А сейчас происходит нечто еще более интересное: теперь уже и «русских» больше нет. Теперь есть украинцы, белорусы, россияне, русскоязычные да, пожалуй, еще новые русские.

Поэтому я бы рекомендовал вспомнить, что словоупотребление оказывает воздействие на наше мышление. Как говорим, так и поступаем. Если говорим об исключительно конфедеративном Союзе России и Белоруссии – значит, соглашаемся с расчлененным состоянием как государства, так и страны, исторической русской земли и, наконец, народа.

Так же точно – одно дело, когда мы говорим «Таврия» о земле, где проповедовал первый креститель Руси апостол Андрей Первозванный, и где Русь окончательно крестилась, и совсем другое, когда говорим «Крым», признавая, таким образом, права на полуостров крымско-татарского населения, появившегося там веков на 12–13 позже славян. Называем земли, примыкающие к Черному морю, как привычно с конца XVIII века, «Новороссия» – значит, говорим о земле общей для нас всех и заселенной как великорусами, так и малорусами, и белорусами. Говорим иначе, нет термина «Великороссия» – ну, тогда получается, что это, вероятно, «исторические» украинские или «крымско-татарские» земли.

И так все время: как говорим, так и поступаем.

Но некоторые основания для оптимизма остаются. Даже в словоупотреблении. Например, как хорошо, что, правда, только

в названии «Беларусь», но все же сохранилось исконное
самоназвание «Русь». Это серьезный фактор

Клуб мировой политической экономики, 14.06.2007

Вечный «второй фронт» России. Русские в Средней Азии

Геополитическая дуэль

Разговор о Средней Азии разумно начать с Индии. С тех времен, когда в ее состав входили нынешние Пакистан с Бангладеш. Два самостоятельных государства, окружающие с двух сторон современную Индию, появились лишь в XX веке. Пенджабское – Пакистан и «страна бенгалов» – Бангладеш.

Вот оттуда и двигались в Среднюю Азию англосаксы. Натиск был таков, что им даже не хватало людей, чтобы контролировать все захватываемые территории. А местные не очень-то желали стеречь свои исконные земли в пользу Лондона.

Но британцы продолжали настойчиво продвигаться к границам Российской империи. И уже в XVIII в. начали подкармливать диких номадов-кочевников, грабивших российские окраины.

В XVIII в. это было еще терпимо – русские прикрывались с юго-востока казаками: Оренбургским, Уральским, Сибирским казачьими войсками. Но со временем натиск становился все сильнее.

Великая Англия хотела заменить собой вышедшую в расход Турцию.

Вечный «второй фронт» России

Почему, например, в XVI-XVII вв. Россия не могла навести порядок в Восточной Европе? Это наши земли – православные, там же жили и живут наши братья. Но Россия не смогла помочь потому, что «снизу» ее подпирало «турецкое подбрюшье» – Крымское ханство, Ногайская орда и прочие вассалы Османской империи, угонявшие пленных на невольничьи рынки Стамбула, Антакии и других городов. Для России это был вечный «второй фронт». Когда сейчас говорят о тяжелом геостратегическом положении России, то забывают, каким тяжелым оно было в XVIII веке. Тогдашних русских можно назвать гениями геостратегической политики.

Азиатская любовь... к рабам и набегам

Англичанам было легче, чем нам, потому что они воевали с туземцами. Руками тех же пенджабцев. А нам приходилось проливать свою кровь. Русские никогда не хотели владеть Средней Азией с ее устойчивыми религиозными и местными структурами. Мы изначально и Казань не хотели присоединять. Было единственное желание иметь в Казани дружественного хана. И Астрахань не хотели по той же причине. И самой сокровенной мечтой московских правителей было – подружиться с крымским ханом. В Средней Азии так не получалось. Тюрки там были более дикими, менее культурными, чем казанские татары. Любили набеги, рабов. Россия не хотела присоединять Туркестан категорически. Мы заняли часть Закаспийской области (ныне Туркмения) лишь потому, что там просто никого не было.

Александр III посадил туркменов на коней, а мог и на кол...

Когда генерал Скобелев занял самый сильный аул Туркмении – Ахалтеке, местный этнос – текинцы – решили, что их уничтожат. Не было у них больше сил бороться против стальных русских пушек и проводной связи. Но император Александр III выразил ахалтекинцам благодарность за то, что они были верны своему эмиру. За это он их прощает и дарит каждому коня. После этого как минимум три поколения простодушных текинцев были благодарны Александру III. Поэтому туркмены отнеслись к русским с искренним радушием – приглашали служить наших врачей, инженеров, офицеров. Офицеры получали огромного размера ордена, во всю грудь, – бухарские и хивинские. Более того, местные жители Средней Азии не обязаны были нести военную службу в России – формально они жили в независимых государствах. Но добровольно служить им было можно. И они служили в добровольческих частях. Правда, части эти были не самого лучшего качества. Но воины храбрые, поэтому совершали подвиги.

Потом случилась поразительная вещь. Текинцы служили в русской армии в Первую мировую войну. Значит, они любили русских, если пошли их защищать? Кстати, они подарили нам еще до войны по боевому кораблю. Эскадренный миноносец «Эмир Бухарский» был построен на бухарские деньги, а канонерская лодка «Хивинец» – на хивинские. Ведь подарили – независимые государства. Это о чем-то говорит? Такого вообще не было в мировой истории. Во второй половине XIX в. Россия пришла и на Памир. С одной стороны, политически не было большого желания завоевывать эти территории.

С другой, это было очень легко сделать. Евразийское пространство окружено горами и представляет собой единообразный ландшафт, «вмещающий» степи и тайгу. Поэтому народы, живущие там, обладают сходными с русскими характерами – будь они христиане (большинство), мусульмане

(меньшинство), буддисты (совсем немного). Ужиться было можно.

Русские избавили Эмираты от «клоповника»

В конце XIX столетия наша экспедиция отправляется в Туркестан. Там было три эмирата – Бухарский, Хивинский и Кокандский. Или Кокандское ханство – что, по сути, одно и то же. Этой статьи не хватит, чтобы живописать, как петербургское правительство боролось за сохранение Кокандского ханства. Оно посылало войска, оружие в помощь хану. Но он был неудачным правителем и не смог сохранить свою власть даже с русской помощью. В конце концов Коканд вместе с Ташкентом пришлось присоединить.

А вот Бухарский эмират и Хивинское ханство сохранились. Но там не было власти. Конечно, проявилась цивилизаторская миссия русских царей. Думается, что жители Хивы, Бухары и тем более Коканда отнеслись к этому благожелательно. Потому что жить им не мешали. Действовал шариат, то есть исламское право. Адат – то есть обычай – соблюдался. Но бесчеловечные наказания русские запретили к большой радости и турок, и таджиков, которые на самом деле иранцы. Например, отменили «клоповник». Было такое наказание – полуголого дехкана сажали в яму с клопами, где его ели, а точнее – пили, голодные клопы. Шариатские суды лишили права смертной казни. Нельзя было сажать на кол, бить по ногам палками.

Кокандом стал управлять туркестанский генерал-губернатор. Первым был великий Кауфман. А Бухара и Хива обязались официально не заключать международных договоров и не поддерживать самым прямым международным связям – никаких, без согласия Санкт-Петербургского правительства. То есть, если говорить по старинке, они стали вассалами Российской империи, но не подданными. Они не обязаны были платить России налоги, служить в русской армии. Вопреки нежеланию царского правительства присоединять земли, это сделали большевики.

Ленин и Чичерин отняли у таджиков их гордость

Страшные преступления в Средней Азии еще до Сталина совершил Ульянов-Ленин и сделал это руками наркома иностранных дел Чичерина. Он переделал эмираты на новые республики. Ведь в состав Советского Союза входили Бухарская Народная Республика, Хивинская Народная Республика. А что из этого сделали в Советском Союзе? Узбекистан. И отняли лучшие таджикские земли у дружественных нам таджиков. Узбеки – турки, а таджики – иранцы, они же – арийцы. А что такое отнятые у таджиков Самарканд и Бухара? Это примерно то же самое, что у русских одновременно отнять Москву и Санкт-Петербург. Это древние таджикские города. И даже сейчас в них проживает большинство этнических таджиков. Вот что еще дико усложняет ситуацию в Средней Азии.

Текинские капитаны спасали русских генералов

И вот пришло время, когда русских генералов, пытавшихся спасти Россию от Временного правительства – Корнилова, Алексеева, Деникина, – арестовали и постыдно содержали в Быховской тюрьме. Кто не дал распустившейся пьяной солдатне просто убить русских генералов? Текинцы и текинские капитаны – армейские капитаны, служившие в русской армии.

Кстати, знакомое многим слово «курбаши» означает «капитан». Так вот, они недвусмысленно дали понять, что текинцы будут стоять насмерть. И пока они живы – в тюрьму никто не войдет. Но этим все не кончилось. Сегодня это сложно доказать строго – пока нет на руках цифр и имен. Но это было. Самыми отчаянными, страшными и жестокими курбаши басмаческого движения были поименно – те же самые текинские капитаны, которые спасали русских генералов: Корнилова, Маркова, Деникина, Алексеева.

В этом была разница в их отношениях к русским и к большевикам. То есть текинские капитаны-курбаши были самыми жестокими басмачами Средней Азии. А до этого они были героями русской армии. Почему? Потому, что запретил «Белый русский Царь» «клоповник». И все обрадовались. Но шариат-то он не запретил. На ислам-то не посягал. Нам не надо там было быть никогда.

Геополитика – дело тонкое

Почему нельзя было упускать Среднюю Азию? Тогда нам постоянно грозила Англия. Мы даже ввязывались в афганские дела. Это англичане три раза вводили туда войска и два раза теряли там армию. Их били «дикие», но доблестные афганцы. Но и сегодня нам по двум причинам важна Средняя Азия. Мы не имеем права ее отпустить.

У нас сейчас нет сильных дружественных «ханов» на границе. А именно оттуда, из Афганистана, идет сегодня основная волна азиатских наркотиков. Не контролировать эту границу нельзя. Можно, конечно, запереться – но по какой границе? У России нет тех прав, какие были у СССР. Закрывать же границу между бывшими союзными республиками и Россией мы не можем. Ни при каких обстоятельствах. Иначе бросим там своих соотечественников.

Пролетарская солидарность вместо суфийских традиций?

В Средней Азии есть два серьезных аспекта религиозной традиции. Одна из них касается и нашего Дальнего Востока – буддистов Бурятии, той же Тувы. Другая – только мусульман Средней Азии. Там очень сильна суфийская традиция. Суфии христианам дружелюбны. Христиане не просто «люди книги» – это братья, которые в чем-то знают больше, чем мусульмане. Например, некие глубокие суфийские системы не отрицают пресвятую Троицу. Только суфии считают, что триединство – это тайна, а христиане ее сделали доступной всем профанам.

В Средней Азии существуют до пяти суфийских орденов. На Кавказе два ордена. И все они к нам точно очень доброжелательны. Но кто же у нас этим занимался? Кто сейчас думает об этом? Суфизм из всего ислама наиболее близок к христианству. Не потому, что суфии собираются стать христианами. Отнюдь нет – они правоверные мусульмане. Просто они лучше всех понимают нашу близость. Вот что получается в итоге. Во-первых, суфийская традиция сблизила бы Россию и Среднюю Азию против Запада. На Востоке Запад начинают презирать, потому что он отворачивается от христианства. В суфийской традиции это прослеживается довольно тонко – там есть понятие «человек, не знающий Бога». Это хуже еретика и колдуна.

К нам на Востоке относятся плохо те, кто считает, что русские не знают Бога. Мы сами виноваты – дали повод. Отсюда и боевики, которые сражаются против нас на Кавказе. Но Иран, который считает, что русские Бога все-таки знают, – ни одного боевика на нас не послал.

Во-вторых, весь Восток звал нашего государя «Белый Царь». Это и сегодня имеет для них важное религиозное значение – в Москве «Белый Царь»!

Последняя советская перепись.

Среднеазиатская статистика времен недоразвитого коммунизма.

По последней советской переписи, среди населения Узбекской ССР было 10 млн. 569 тыс. узбеков и 1 млн. 666 тыс. русских. Сейчас русских меньше. Что, 1,5 млн. выбросили? А ведь там были еще народы, которые всегда привержены России, а не Узбекистану. Те же татары, корейцы, которые там живут.

О Казахстане и говорить нечего – русских там и сейчас больше, чем казахов. Это известно. Земли-то это русские. Но есть и земли так называемого Туркестана – Киргизская ССР, где, по данным той же переписи, проживало 1 млн. 687 тыс. киргизов и 912 тыс. русских. Причем в число русских около 100 тыс. украинцев не включали. Немцы уехали. Но остались татары, уйгуры, которые скорее с русскими, чем с киргизами. Остались таджики.

В Таджикской ССР было 2 млн. 237 тыс. таджиков, и вслед за ними по численности шли узбеки. Но ведь и русских 395 тыс. – совсем не маленький анклав. Туркменская ССР, так называемая Туркменбашетия, состояла из 1 млн. 892 тыс. туркмен, 349 тыс. русских, 40 тыс. татар, 37 тыс. украинцев, 27 тыс. армян.

Все это были территориальные приобретения советского периода. В советское время мы наполнили их заводы русскими рабочими. Как с этим теперь быть? Это ошибка или даже преступление советского режима. Мы не должны были этого делать. Не должны были там ассимилироваться. Помогать им? Да.

<http://www.pravaya.ru/look/14026>

Правая.ру, 25.10.07

Возвращение к себе, или Казахстан

Главная беда сегодняшней России – в разрушенном национальном самосознании. Современная РФ – это лишь жалкий «обрубок» исторической, настоящей России. Нужно ли пытаться вернуть утраченные земли? Можно ли это сделать и если да, то каким образом? Увы, проводимая нынешним русским политическим руководством национальная политика пока не дает ответы на эти болезненные вопросы.

Казахстан стоит на особицу даже среди всех прочих странноватых гособразований, коих мы именуем «бывшими республиками Союза ССР». Дело в том, что родился он из «чрева» РСФСР, причем спустя почти целых три года после основания СССР. Соответственно, по логике-то Беловежский акт 1991 года автоматически ... упразднил само существование Казахстана как такового. Казахстан не был субъектом СССР, не участвовал в его учреждении, никогда не являлся для России границей. Казахи всегда были составной частью русского этноса, составляя в «коммунистическое» время всего лишь около 14 процентов населения самого Казахстана – ненамного больше, чем проживавшие там немцы (сейчас эта цифра изменилась, однако все равно казахи малочисленнее русских).

Отсюда особо неприятной выглядит гримаса истории – кровоточащие ныне проблемы и боли русских в этой когдатошней российской автономии.

«Приехали» казаки

Нынешний Казахстан более чем наполовину состоит из чисто русских областей. Это бывшие – территории четырех казачьих войск. Большой кусок (в западной части) Оренбургского казачьего войска, почти целиком (кроме северного краешка) – область войска Уральскаго с центром в городе Уральске (Яицкий городок), небольшая часть Сибирского и полностью земля Семиречинского казачьего войска (с административным центром Верный, переименованным в последующем в Алма-Ату).

Вообще казачество – любопытнейший и своеобразнейший русский субэтнос. Скажем, уральские казаки, безусловно, считали и считают себя русскими людьми. Область их проживания – исконнейшая территория старообрядчества. Впрочем, точнее сказать, уральские казаки – единоверцы, то есть старообрядцы, включенные в православие (показательно, что в Уральске главный храм, собор Архангела Михаила, – единоверческий).

Присоединение к православию, впрочем, никак не лишило уральских казаков религиозного и культурного своеобразия. Обычаи блюли свято. К примеру, яицким казакам категорически воспрещалось курить. И в этом смысле случались интересные «загогулины». Если казак попадал служить в уральскую сотню столичного сводно-казачьего гвардейского полка, то по столичным нормам он закуривал. А кончалась служба – с грустью (привык ведь!) выкуривал последнюю папиросу или трубку. После этого курительные принадлежности – друзьям или на выброс, дома табачком побаловаться никак невозможно...

Яицкие казаки в XVIII веке серьезно «огорчили» центральную власть, став ядром пугачевщины. Императрица Екатерина за это лишила их права называться яицкими – казаки стали «просто» уральскими. Впрочем, сей факт особенно не обидел казаков, со временем привыкших к своему новому имени.

Кстати сказать, уральские казаки были не единственными русскими, проживавшими на территории Уральской казачьей области. Имелось множество пришлых великороссов-мещан или торговых людей. В частности, приморский город Гурьев – крайняя точка Уральской области – был основан ярославскими купцами братьями Гурьевыми в XVII веке. И никому до новейшего времени (ни местным тюркам, ни угрофинам) не приходила в голову мысль изобрести для города другое название – торговая фактория всегда носит имя своих основателей. Как, между прочим, нет оснований видеть какие-то имперские корни в названиях тех или иных русских улиц и переулков: на русских окраинах они просто-напросто получали имя углового жителя. Сворачиваешь у дома Прохорова, будь он граф или сапожник, – значит, попадешь на Прохоровскую или Прохоровский.

И только в наше время стало возможным Гурьев превратить в Атирау – и сделать это демонстративно, с таким пафосом, словно от этого всерьез зависят судьбы Казахстана. Осталось еще во всех ресторанах мира ввести новое название – атираузская каша. Ведь не Гурьевы эту кашу придумали, они были просто любителями сего кушанья, ели его на территории, ныне России не принадлежащей.

Поменять, к слову сказать, хотели и название города Уральска. Но – не посмели. В Гурьеве таки казахов по паспорту – около половины населения, а в Уральске, увы, для новаторов-радикалов, всего-то процентов десять.

Ищу казаха...

Небезынтересен принцип, по которому «нарезали» коммунно-большевики Казахстан. Собственно, механизм «выделения территории» для того или иного народа у коммунистической власти был прост и «справедлив», как все, революционно-целесообразное. Как, скажем, образовывали Якутию? Якуты появились на территории нынешней Якутской АССР лишь в XVII веке, в то время как русские – в XVI. Коренной народ в Якутии вообще эвенки, ныне, слава Богу, не претендующие на роль так называемой титульной нации и не стремящихся изгнать якутов и русских со «своей» территории.

И Якутия, и Казахстан (еще в качестве Киргизской автономной республики) выделялись одинаково: граница проходит там, где проживает самый удаленный от этнического центра представитель этой национальности. Где живет таковой русский не интересовало, разумеется, никого. Именно поэтому Якутия и Казахстан имеют территорию, сопоставимую не только с европейскими, но и даже с американскими державами. Якутия имеет границу по Северному Ледовитому океану, где если какой якут и встречается, то только в качестве научного сотрудника-метеоролога, впрочем, с таким же успехом могущего оказаться молдаваном или малороссом. То же с казахами.

В большевистские времена для границ могло сгодиться любое случайное поселение казахов-кочевников, а то и казах-почмейстер, коих немало было на русской службе. Теперь в Москве об этом мало кто помнит (а в Казахстане не принято говорить), но киргизская (впоследствии казахская) автономия впервые в качестве административного центра была учреждена в Оренбурге! Об этом свидетельствует мемориальная досочка на стенах здания бывшего дворянского собрания, расположенного на главной оренбургской улице. Кстати, она весьма трогательно сосуществует с также расположенной на здании мемориальном знаке о посещении города цесаревичем Николаем Александровичем, будущим Николаем II. То есть, и

Оренбург коммунисты 20-х годов планировали сделать казахским. К счастью, хотя бы этого не случилось.

Зато ныне случилось перемещение казахстанской столицы из Верного (Алма-Аты) в Акмолинск (Астану, Акмалу), за чем стоит враждебная России позиция, разделяемая ничтожным количеством казахов из числа взбесившихся «советских интеллигентов». Это – явное проявление пан-туранизма (пан-тюркизма) с амбициями Турции: оренбургская область мешает Казахстану сомкнуться с Башкирией (как армянские земли не дают соединиться Турции с Азербайджаном). Мешают 30 километров в самом узком месте...

Кстати, в Оренбурге как историческом перевалочном пункте, кроме некоторой части казахов, проживали и проживают татары и евреи – с таким же успехом большевики по их логике могли сделать его частью еврейских или татарских земель.

Вообще есть такая «интересная» логика, навязанная русскому мышлению за коммунистическое время. Если город основан нерусскими, а большинство населения его составляют русские, то это нерусский город. Например, Рига (основана, впрочем, не латышами, но немцами). Если город основан русскими, а население в нем по большей части нерусское, то это тоже нерусский город. Скажем, Грозный или Верный. Но и если город основан русскими и большинство проживающих в нем – русские, то и в этом случае остается возможность считать город нерусским. Пример тому – Нарва, основанная русскими в 12 веке и называвшийся Ругодив (захвачен немецким орденом, названный ими Нарвой и возвращенный Россией). Эстонцы в Нарве если когда-то и жили, то лишь в качестве домашней прислуги у немцев и у русских. Впрочем, немцы на Нарву, как и на Дерпт (Юрьев) не претендуют – для них это исторически русские города.

Как сделать родиной чужбину

Может ли народ, волею судеб оказавшийся на территории другого государства, благополучно адаптироваться – так, чтобы территориальный вопрос продолжал представлять интерес лишь для специалистов-историков? В принципе может.

К примеру, в середине XVII века в Сконской войне Швеция приобрела датский полуостров Сконе. Весь XVIII век Дания мечтала вернуть утерянную территорию, однако потом как-то успокоилась. Территориальный вопрос практически перестал волновать соседей-скандинавов. Почему? Разумеется, шведы и датчане – «близкие родственники», в том числе и по языку. Кроме того, на сконской земле всегда проживало немало шведов, которым неплохо было жить как поданным датского короля, ну а стать под шведскую корону – и вовсе удовольствие. В общем, для национально-освободительной войны не нашлось никаких стимулов. И даже разность темпераментов: шведы преимущественно чопорны, а датчане – рубахи парни не сыграла никакой роли. Кому принадлежит Сконе – для шведов и датчан как-то все равно, нравится полуостров – имея деньги, купи там дом, живи и радуйся жизни безо всяких раздумий о проблемах, связанных с понятиями Родины и зарубежья.

Есть вообще парадоксальные случаи. Французы и немцы в истории, как мячиком, кидались Эльзасом и Лотарингией. Население этих земель в основном немцы. Однако так уж сложилось, что, несмотря на свою этническую принадлежность, эльзасцы и лотарингцы всегда хотели быть французами. Величайшая героиня французской нации, Жанна Д'Арк, между прочим, немка, всю свою жизнь плохо, с диким акцентом, говорившая по-французски. Но об этом теперь уже мало кто помнит. Жизнь свою Жанна Д'Арк отдала за французского короля – она героиня французского народа. Это и то уж теперь как дважды два – так что спорить в XXI веке о том, чьи они по праву, Эльзас и Лотарингия...

На просторах бывшего СССР ситуация обстоит, конечно, совсем иным образом. Хотя и тут не стоит ее драматизировать.

Казахам с русскими всегда жилось легко. Ибо, во-первых, русские казахов цивилизовали. Во-вторых, казахи всегда были окраинными степняками и потому мусульманами лишь официально. Ислам они приняли поздно, как-то не очень всерьез, а за коммунистическое время даже начатки его растеряли. Поэтому «Аллах акбар» то и дело не кричат и исламский фундаментализм им не грозит. Любопытно, что и татары, коих было в Казахстане в коммунистическое время немало, более тяготели к русским нежели, чем к казахам. Даром что мусульмане.

Автор этих строк действительно военную службу провел именно в Казахстане. Причем даже не в казачьей, а «чисто казахской» области – Джамбульской, у поселка Луговой, почти у самой границы с Киргизией. Могу засвидетельствовать: казахи русским, можно сказать, стали своеобразными родственниками. В доме они разговаривали на своем языке, а выйдя на улицу, переходили на русский. Меня, воздушного наблюдателя на военном полигоне, они постоянно приглашали в гости откусать, чего Создатель послал. Кто-то скажет: хотели выслужиться перед колониальными войсками. Да уж, могучий из меня, восемнадцатилетнего в степи загнанного солдата, был колонизатор-империалист! Нет, уверен: дело не в этом. Просто сердца у людей были большими, а противоречий между нами никаких не имелось и в помине.

Иногда, впрочем, слышались в тех местах выстрелы. Но это я пугал овец ракетницей – чтобы не ушли они слишком далеко от жилищ в степи, не заблудились и не погибли.

В общем, русским в Казахстане и сегодня вполне можно было жить привольно и счастливо. При одном, впрочем, условии. ТАК МОГЛО БЫТЬ, если бы правительство страны, потерявшей свои исторические земли, проводило хоть мало-мальски осознанную и твердую национальную политику. Но поскольку таковой нет, то и речь, увы, о другом.

Мы вернемся

Болезнь эта, надо сказать, тяжелая, хроническая, поразившая Россию вместе с приходом к власти большевиков. Провозвестники мировой революции и их последователи потрудились основательно, чтобы заставить русских забыть, что они именно русские и что видеть и отстаивать свои национальные интересы – это вовсе не какое-то недопустимое и постыдное, а как раз естественное и необходимое дело. Однако русское самосознание как таковое за семьдесят с лишком десятилетий почти исчезло.

Само название государства – СССР – уникально. США – тоже вненациональное обозначение, но по нему хотя бы понятно, где страна находится. А где существовал Союз ССР – на Марсе, Венере или еще где, и то непонятно. Более таких государств мировая история не знает.

Все народы, этносы и субэтносы, пострадали в коммунистическую эпоху. Но русский народ, без всякого сомнения, в особой степени. С начала революции сразу же новая власть повела борьбу с церковными школами, основанными православными институтами. Антирусский акт? Разумеется. В тех школах изучался славянский язык, основы православной веры. А вот последняя мечеть была построена в Казани в 1928 году – в этом же году был закрыт последний русский монастырь. Большевики уничтожали всякое национальное самосознание, но сначала и прежде всего русское, а внутри него – в первую очередь православное. То есть били, по сути, по сердцевине.

1 февраля 1918 года был введен календарь нового стиля. Почему его так торопились ввести? Для облегчения международных контактов? Да в то время наша страна была в полнейшей изоляции! В том же месяце выходит декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и декрет «О подготовке реформы правописания». Все эти акции были явственно направлены на разрушение русской культуры, а значит и национального самосознания.

Сегодня подобная тенденция еще никак не преодолена. Власть, к примеру, минувшей зимой определила начало школьных каникул на католическое Рождество, а конец – на православное. То есть когда детям надо ходить в Церковь, их побуждали веселиться, зато на «гулятельные» святки недрогнувшей рукой вновь загнали за парты. У взрослых из-за 8 марта отняли воскресенье... Попробовал бы кто в Израиле сделать рабочим днем субботу или в государстве пусть светском, но где большинство составляют мусульмане, – пятницу! Скандал вышел бы – да и только.

Что же делать? Неужели в итоге все так беспросветно? Не думаю.

Вспомним Россию 1858 года – времени после проигранной Крымской войны. Граф Орлов, представитель России на Парижском конгрессе, обсуждает трактат, где наша страна отказывалась от военного флота на Черном море, претензий на проливы, от присутствия на Балканах и т.д. По понятной причине, граф не сияющ, но спокоен. Он говорит: «Да, господа, мы проиграли войну и мы уходим с Балкан. Но мы – вернемся».

И когда в 1871 году Франция с треском проиграла Пруссии войну, Россия росчерком пера упразднила Парижский трактат. И никто на это в мире даже не отреагировал. Все приняли это как данность, как должное. Ибо время изменилось – и Россия изменилась вместе с ним, вновь обретая прежнюю силу.

Тогда на это потребовалось всего 13 лет. Ум и воля лучших государственных людей России за столь короткий срок в корне изменила ситуацию.

Хочется верить, такие люди еще не перевелись в нашем Отечестве. Россия вернется.

Воруют ли русские

Статья 2002 года.

Казалось бы, что за банальный вопрос! Говорят ведь, что только одним словом «воруют» определил положение в России сам Карамзин. Правда, неизвестно кому Николай Михайлович это сказал. И вроде бы сказал-то Фонвизин, а лишь потом приписали Карамзину. Но сказано было. А с другой стороны, всем известно, что в русских деревнях двери всерьез не запирали: где-то это было в прошлом веке, а где-то – лет десять тому назад. А днем не очень запирали и в небольших городах. Да что там! Есть места, где и поныне не очень запирают.

Так вот, отправная точка известна – короткий отрезок времени от учреждения Коллегий в 1718 году до издания Табели о рангах 24 января 1722 года. То был бюрократический апофеоз Петра I. При создании Коллегий государственный аппарат составляли 1169 чиновников, в их числе 924 низших канцеляриста (79% от общего состава). А в 1723 году было уже 2100 чиновников, из них – 1962 канцеляриста (уже 93,4%). С бешеной скоростью поднимался чудовищный вал бумаг, вызывая столь же бешеный рост числа письмоводителей. Не случайно при Петре резко падает спрос на образованных людей, нужны лишь грамотные. А платить такой прорве неимущих грамотеев нечем. Государственный бюджет при Петре I вырос с 1,5 миллионов до 10 миллионов рублей. Из крестьян выбивали неслыханные подати, посылая для того воинские команды (первые «продразвестки» как при большевиках!). Но деньги съедали армия, флот, государственные празднества и казнокрадство. И тогда превеликого ума «птенец гнезда Петрова» Меншиков предложил, чтобы низшие канцеляристы вообще не получали жалованья, а кормились «акциденциями». Хороший все-таки язык латынь! Скажешь, что писари должны брать взятки, можно сразу брать тебя под белые руки и тащить в кутузку. А в «акциденции» есть даже нечто благородное.

Сам Александр Данилович тоже не в обиде оставался, в основном, за счет казны. Когда в 1723 году Петр оштрафовал

его на 200 тысяч рублей и лишил 15 тысяч душ крестьян, то нисколько не расстроило его состояния. По самым скромным подсчетам, за время своей службы «светлейший князь Святого Римского и Российского государств, князь и герцог Ижорский, в Дубровне, Горках и Почепе, граф, наследный господин Ораниенбаумский и Батуринский, Его Императорского Величества Всероссийский над войсками командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, рейхсмаршал, государственной военной коллегии президент, адмирал Красного флага, генерал-губернатор Санкт-Петербургской, подполковник Преображенский...» спер 5 миллионов рублей, то есть средний годовой бюджет России. А ведь не только крал, но и пожалования получал немалые. Во всяком случае, после его смерти только в банках Лондона и Амстердама осталось 9 миллионов. А были ведь и другие любители «акциденций». А как разворовывали русское достояние в бироновщину!

При Екатерине II пожалований тоже было немало, но воровали намного меньше, а высокие вельможи и вообще не воровали. В XIX столетии еще меньше, потому что появились дворянские выборные должности, и страна становилась всё менее бюрократической. Дворянская честь значила всё больше, как и купеческое слово. Помнится один эпизод времен Николая I. Крупного курского купца надул его дальний родственник: он получил под честное слово значительную сумму и скрылся. Купец оказывался банкротом, и позор убивал его больше грядущей нищеты. Но он понес свои седины на позор в Москву, пригласил коллег-дельцов на обед в Купеческое собрание и после обеда признался в происшедшем. Воцарилось молчание, капиталисты переглядывались. Наконец, старейший изрек: «Мы с тобой, Василий Макарыч, оперируем тридцать лет. Платежи произведешь, восстановив капитал». И с этими словами пустил вдоль стола свой цилиндр, куда предприниматели бросали деньги.

Ну, а земская реформа Александра II и вовсе сворачивала Россию с бюрократического пути. К несчастью, нам хватило глупости совершить революцию, и советский режим с лихвой

перекрыл все петровские достижения. Согласно официальным данным, в конце 1970 годов выпускалось 357 документов в год на каждого жителя, включая оленеводов Таймыра, девяностолетних старцев и младенцев. Но и то не предел. В начале 1997 года центральный аппарат Российской Федерации в 2,7 раза превосходил суммарную численность аппарата СССР, РСФСР и ЦК КПСС вместе взятых. Так что ельцинский режим вполне может оказаться бюрократическим рекордсменом всемирной истории. И про «акциденции» вспомнили. Первым предложил узаконить взятки, кажется, Гавриил Попов. Да и Никита Михалков разок с экрана телевизора увещевал соотечественников не разгонять правящий режим, так как эти уже наворовали, а новым заново воровать придется.

Ну, на этот счет не беспокойтесь. После смерти отца и собственного освобождения из березовской ссылки молодой Александр Меншиков вернул в Россию миллионные суммы из Лондона и Амстердама, как миленький вернул. И все нынешние вернут «страха ради иудейска».

И еще одно не забудьте, услышав в очередной раз ссылку на Фонвизина (или Карамзина). Если уж русские временами воруют, то они это воровством и называют. А французы в XIX веке вдесятеро против наших воровали, но ни один из «бессмертных» о «своей» Франции никогда не скажет: «воруют».

Время империй

О чистоте терминов

Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке – понятие «империя». В конце XX-начале XXI вв. оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы.

Трудно сказать, когда это случилось. В понятие империи не вдумывались в XIX столетии. А в конце XX века, как справедливо отмечает С.Кортунов, сразу заговорили и об имперском мышлении, и об «имперских амбициях». Об имперской традиции, наконец, даже не обязательно с негативной оценкой. Но собственно сущность империи оставалась за скобками. Между тем, принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу этого понятия.

«Imperium» – это вообще высшая власть в Риме еще республиканского периода. Кстати сказать, это являлось только почетным титулом главы государства. Как лицо уважаемое он был императором, но императором не работал. По должности он был принцепсом, «первенствующим», как подразумевалось первоначально – первенствующим в сенате. При Римской империи в сознании народов окончательно складывается идея универсальности империи. Не то, чтобы империя могла поглотить весь обитаемый мир: на это претендовал только Александр Македонский, а у него-то империя как раз не удалась. Но веками император мыслился единственным первенствующим среди вполне суверенных правителей и республик. На него возлагали миссию поддержания политического равновесия, элементарной порядочности в международных отношениях.

Универсальность империи сознавалась всегда. До восстановления Западной империи Карлом Великим для западных христиан императором был византийский василевс. Пятый Вселенский собор признает равенство чести римского и константинопольского епископов, так как последний – епископ царского города. Отсюда формула «Константинополь – Новый

Рим». И поэтому после захвата Константинополя турками Москва становится «Третьим Римом».

Универсальность права подтверждается императором: в Средние века на Западе полноценный юрист должен был иметь диплом императорской школы. При этом он мог вовсе не служить императору, а служить, скажем, французскому королю, который в тот момент мог враждовать с императором. Средневековый университет, вмещающий универсального знания – тоже своеобразное отражение римской идеи универсальности империи.

Трудно не заметить, что империя на протяжении двух с половиной тысячелетий лучше справлялась с функцией вселенского арбитра, чем Лига Наций в течение всего лишь двадцати лет или ООН – последние полвека.

Поэтому неудивительно, что значительная часть западной политологии и журналистики враждебны самому понятию «империя». Оно противостоит космополитической идее новой мировой универсальности.

Империя и провинция

В тоже время универсального рабства в империях не существовало. Например, в Римской империи провинции, охватывающие почти все Средиземноморье, благополучно сохраняли нисколько не поврежденный Римом уклад жизни, со своими обычаями, часто со своим законодательством, со своими неповторимыми социополитическими, социоэкономическими отношениями.

Их связывал не только чисто условный, исполнявший роль государственной присяги культ императора, но и такие сугубо имперские учреждения, как почта, дороги, в какой-то степени регулируемое мореплавание – к общей радости провинций. И все они были разными, хотя и не все равноправными. Наиболее уважаемыми, наиболее самостоятельными были старые римские союзники, старые римские друзья, близкие по культуре или охотно принявшие Рим. Но все жили по-разному.

Таким образом, уже Рим показывал, что империя не может существовать без понятия провинции, а «провинция» – это не оскорбление, но обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории.

В истории Руси классическая иллюстрация сказанного – Касимовское царство, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV веке Касимов – это некоторый противовес Казани, но в XVII-то веке – какая Казань?! Кто мог угрожать на этом направлении России? Тем не менее, никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно действительно остается государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь – это ведь титул императорский. И единственная причина, по которой Касимовское царство было в конце концов упразднено как самостоятельное государственное образование, это пресечение династии.

Другой пример. 1611 год, смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ – Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские. Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемис, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань всего шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу – «враг моего врага мой друг» – казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы Первой мировой войны по возможности на немцев – слишком натерпелись от англичан.

Происходит, однако, совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и отправляются освобождать Москву. Мне встречались суждения, объясняющие это исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы.

Вот примеры имперского духа и имперской идеи, того, без чего империя не существует и что является необходимым, хотя, может быть, и недостаточным условием для их существования.

Рим создал идею универсальной империи как идею общего блага. Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. Романизация – это дороги, почты, акведуки, водопроводы. И все это, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства – безусловно, общее благо для всего Средиземноморья.

Рим правил, опираясь не только на титул римского гражданина, статут муниципия, на звание друга и союзника римского народа. Рим, безусловно, правил под лозунгом

единства во имя общего блага. И этого хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

Империя и провинциальная элита

Есть, разумеется, и другие общие черты империй. Каждая империя стремится создать имперскую знать, аристократию, в состав которой обязательно приглашаются представители знати народов, завоеванных империей или, что бывало часто, прибегших к помощи империи.

Это, безусловно, и римская традиция. Конечно, римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов, «Греция, взятая в плен, победителей диких пленила». Это не грек написал, а римлянин, Вергилий. Но, романизируя другие провинции, тем не менее, римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно – и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами. Точно так же действует потом наследница римской политической традиции – Византия.

У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку. Известный тезис «Москва – Третий Рим» не имел ни малейшего оттенка самодовольства. Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточнохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься. Тогда же вполне проявляется и важный аспект – включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий, при всем том, что Россия никогда не забывала о своей миссии.

Империя и ее союзники

На римском примере мы можем увидеть, как в жесточайшей конкурентной борьбе этнос имперский победил и рассеял этнос принципиально не имперский – пунов, карфагенян.

Римляне, несомненно, были величайшими администраторами древности, величайшими государственными созидателями. Римляне великолепно использовали различные градации признаваемого гражданства: италийское гражданство, латинское гражданство, наконец, на самом верху, римское гражданство. И все это даровалось.

Все знают о самнитских войнах. За что сражались самниты? Стереотипно мыслящие люди полагают – за свою независимость. Ничуть не бывало. Самниты обрушивались на римлян за то, что те затягивали предоставление Самнии латинского гражданства. Представим для сравнения, что Чечня объявляет сейчас войну России по причине непредоставления ей аналогичных прав... Если бы такие войны объявлялись, я бы считал, что с Россией все в порядке.

Предоставлением этих иерархически организованных прав римляне создавали стройное здание имперского организма. Классическая формула: «Я – римский гражданин!» произносилась с такой значительностью и гордостью, что с этим считались везде, даже за пределами империи. Для парфян это тоже звучало. «Я – римский гражданин!» – произносит подозреваемый в антигосударственной деятельности апостол Павел. Это означает, что его нельзя пороть, нельзя пытать, правда, можно казнить, но это будут решать император, имперский суд, для этого надо подозреваемого этапировать в Рим. Апостола и этапируют в Рим, где казнят. Но по пути он обращает в веру Христову тысячи и тысячи новых прозелитов (согласитесь, это не советский этап).

Римско-карфагенская парадигма давно занимает не только историков, но и поэтов, философов. Ее сущность блестяще раскрывает Гилберт Честертон в своем «Вечном человеке», может быть, даже не полностью. Карфаген как торговая

держава был предельно эгоистичен. Все войны, которые он вел, – это войны в обеспечение торговых монополий. Карфагеняне терпели нехотя. У них были союзники, в основном из тех, кто опасался возрастания могущества Рима, но никто не любил карфагенян. Как любой торговый город-республика, Карфаген был слишком эгоистичен.

Карфаген предавал легко. Рим не предавал союзников никогда. «Друг и союзник римского народа» – вот, пожалуйста, еще один титул, которым оперировал Рим, создавая империю. Конечно, «друг и союзник римского народа» – это тот правитель, а иногда и город, который должен срочно раскошелиться на военные нужды, предоставлять свои корабли, участвовать как союзник в войне римского народа. Никакого равноправия здесь не было, это был уважительный, но вассалитет. И Рим являлся властным сюзереном. Но римляне даже в безнадёжной ситуации не предавали союзников. Это запоминалось. Вот римский механизм созидания империи, еще одна чрезвычайно важная его черта.

Похожим образом вела себя Священная римская империя германской нации. Позднее – австрийская держава, защищавшая любых своих окраинных подданных или союзников от турецкой экспансии. Так вела себя Византийская империя по отношению к христианам Кавказа и Закавказья. Общеизвестно поведение Российской империи. Это не прерогатива России – быть честной по отношению к подданным и младшим союзникам, это имперская традиция. Все настоящие имперские организмы в той или иной степени выдерживали этот экзамен.

Империи и химеры

Империями называли себя многие государства. Мне представляется целесообразным считать не все организмы, принимающие некоторые элементы имперского устройства, собственно империями. Ряд государств в мировой истории даже напрямую называли себя империями, но таковыми не являлись.

Безусловно, самозванкой была так называемая Британская империя – обычная колониальная держава, имевшая основания на свое наименование ничуть не большие, чем, например, Нидерланды, где признаки частей имперского организма представляли не колонии (как в английской политической системе), а доминионы. Но в них как раз доминировало англосаксонское население. Это были тоже колонии, но в античном смысле этого слова, колонии с действующим лицом – не колонизатором, а колонистом. Колониальные державы посему не есть империи, даже если они так называются.

Необычной являлась недолго просуществовавшая Германская империя. Она империя лишь постольку, поскольку конкурировала с Австрией за наследие Священной римской империи, очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя. Хотя, безусловно, это государство обладало рядом существенных черт имперской организации.

Еще два государства, которые обладали определенными имперскими чертами, но полноценными империями так и не стали: Турция и Китай. Турки-османы были блестящими администраторами, под стать римлянам. У них могло получиться. Однако их поведение в качестве хозяев положения было настолько непоследовательным, что они постоянно вызывали центробежные настроения не только у многочисленного восточнохристианского населения – славян, греков, сирийцев, но и у подвластных им мусульман, например, арабов и курдов. Турция не создала единого организма, ее

отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX века с колониями. Поэтому Турция очень легко потеряла свои нетурецкие территории. И хотя даже это повлекло за собой неприятные последствия для ряда малых народов, попавших под новое владычество, вряд ли можно сейчас найти среди бывших вассалов сторонников идеи возвращения в Турцию. Более того, и сами турки-османы не имеют внутренней установки на воссоздание империи. Вероятно, это может означать, что Блистательная Порты при ее имперском аппарате, каком-никаком имперском устройстве не имела имперской идеи. Ничто не удерживало ее на наднациональном уровне.

В аналогичной ситуации оказался и Китай, но здесь сыграли роль другие факторы. Китайцы были исключительно терпимы к представителям других народов. Однако – абсолютно нетерпимы к представителям других культур. Поэтому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество некитайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в результате не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали китайцев природных вполне своими. Поэтому Китай – страна, обладавшая и создававшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики.

Империи вообще – редкое явление. Но, тем не менее, мы видим, что они существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. И уже это обстоятельство позволяет полагать, что время империй не прошло. Так же как и время монархий, и время республик, которые, кстати, ничуть не моложе монархий.

Распад империй: причины и последствия

В этом мире распадается все, даже планеты и Земля когда-нибудь распадутся. Но из всех государственных образований империя – как раз долгожительница. А дело вот в чем. Как мне кажется, империя, имея федеративное устройство (тем самым я утверждаю, что унитарная держава не есть империя), обязательно опирается на стержневой этнос. (Это наводит на осторожную гипотезу, что империя органичнее, например, федерации, она живой организм, она более связана с этносом).

Действительно, мы всегда можем назвать имперские народы – персов, римлян, средневековых греков-византийцев (которые называли себя римлянами), немцев, русских. Нормальное окончание существования империи – это исчерпание сил имперского этноса. После гибели последнего римлянина не мог существовать и Рим. Византия даже пережила свой век. Здесь закат средневекового греческого этноса явно проявился в 1204 году, когда крестоносцы взяли Константинополь.

Россия была, безусловно, полноценной империей, но она прекратила свое существование раньше, чем состарился имперский великорусский этнос. Версий на этот счет очень много. Одна – что никакого распада вовсе не было. Другая объясняет случившееся исключительно внешними по отношению к России факторами. Есть версия, что повторилась австрийская ситуация: стержневой этнос, русский, уклонился от выполнения имперских функций.

Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что в 1917 году повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й, после чего, как известно, империя была восстановлена. Думаю, никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя, и империя восстановлена быть не может.

Представляется очевидным, что наиболее удобной, бесконфликтной является жизнь общества моноэтнического, но такое бывает чрезвычайно редко. Большинство из когда бы то

ни было существовавших государств полиэтничны. Так вот, среди не моноэтнических государств наиболее удобные условия для этносов предоставляли как раз империи. Империя универсальна по своей идее, в силу этого она наиболее терпима.

Империя всегда уравнивает народы, и было бы странным упрощением считать, что в государствах, тем более в имперских образованиях, существует только соотношение: большой народ – и множество малых. Среди подданных Рима существовали численно значительные копты, кельты, эллины, не столь значительные сирийцы, а иберов, последних этрусков было совсем немного. Жил какой-то странный народ на Балеарских островах, про который мы даже не знаем, кто они такие. Они тоже были подданными Римской империи.

Мы вправе говорить о том, что существуют имперские и неимперские народы, этносы. Трудно сказать, врожденный ли это этнокультурный стереотип, который позволяет приступить к созиданию империи, или он приобретается в процессе созидания. Я склонен полагать, что он исторически складывается. Но способность выработать подобный стереотип – это условие и путь к созданию империи.

Если схематизировать этническую структуру некой обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя – защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: «малый» народ всегда с «большим» против «среднего». Действие этого правила мы наблюдаем сейчас на территории нашей страны.

Поэтому распад всякой империи, чем бы он ни вызывался – всегда вселенская скорбь, всегда стон множества народов. Высвободившиеся из-под имперской опеки – не обязательно владычества, скорее опеки – более многочисленные средние, не имевшие навыка руководства имперским организмом, первым делом ужесточают положение малых народов. Немедленно! Империи даже не обязательно для этого

полностью разваливаться. Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским, весьма прилично к немцам, ничего дурного об австрийских властителях не помнят. Но при слове «мадьяры»... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А все почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория, населенная русинами, досталась венграм. Венгры – не злодеи, конечно, а просто средний народ, не имеющий имперских навыков. И это тут же чудовищно ужесточило положение малых.

Имперская идея на Руси

Если уж мы заговорили о распаде империй, имеет смысл вернуться к тому, что удерживает их от распада, иногда вопреки стратегическим, этническим факторам, против которых, казалось бы, «не попрешь». Речь об имперской идее. О Риме уже говорилось. То, что Рим нес благо общего спокойствия, гражданского благоденствия, признают даже авторы Нового Завета.

Рим сменяет Византия. У нее стержневая идея гораздо мощнее. Это христианская держава, для каждого ее подданного сохранение империи, ее оборона, защита ее интересов – христианский долг. Для него соотечественник – любой другой подданный православного царства, более того, каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был, а они бывали очень замысловатого происхождения. Все они свои, все сородичи, такими их помнили.

Идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией (религией большинства, а не религией всех!). Почему так случилось? Думается, потому, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались созвучными.

Надо сказать, что славянорусы домонгольского периода были совершенно не имперским народом, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в обстановке спокойной, на обширном, малонаселенном ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, вольнолюбием и установкой на федерализм.

Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель-княжеств. Среди князей выделялся для общего удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом – Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако – против единой державы. Усилия

объединителей Андрея Боголюбского и Всеволода III, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

Русские – этнос XIII века, и он складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока, отторжения литовским, частично польским государствами западнорусских земель и Ордынского владычества. Идея Владимирской державы, идея Андрея и Всеволода, сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII века дрались за добычу, престиж, искали «себе чести, а князю славу», дрались за сферы влияния и рынки. А усобицы XIV века – это борьба трех сторон за создание Владимирской державы: Суздаля, Твери и Москвы. И борьба двух сторон за создание империи: Владимира и Вильны.

Русские XIV века уже обладают государственным инстинктом, что пока говорит лишь об определенной способности народа, потенциальной пригодности к воспитанию из него народа имперского. Импульс к созданию Российской империи, как представляется, был привнесен извне – не из Орды, не из Византии как государства, а из кругов вселенской православной Церкви. Церковь стремилась создать христианское царство как свою опору и приобрела его в Риме при Константине Великом. Церковь сохранила свое достоинство в виде Византийской империи. В XIV веке любой русский, который побывал в Константинополе или хорошо был осведомлен о тамошних делах, прекрасно представлял себе, что империя идет к закату и скорее всего не выживет. А уж грек-то в этом точно не сомневался.

Обратим внимание на характерную деталь. С момента Ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди. Галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, москвич Алексей, болгарин Киприан, грек Фотий... Они разноэтничны и разнокультурны. А действуют как одно лицо. Даже политические симпатии у них не схожи. Не менялось одно: установка на созидание Российской державы.

Церковь готовила в XIII веке союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV – ее преемницу. У князей такой четкости не было.

Таким образом, созидателей государства из русских выковали враги, но как этнос имперский – идея православного царства, миссия защитника христиан.

Поэтому религиозно и, что гораздо более существенно, культурно, я полагаю, Россия как империя была запрограммирована. А что программировало русский имперский этнос на бытовом уровне? Тут многое разработано евразийцами, которыми столь увлекаются в последнее время. Но один важный аспект они «проморгали», не придали ему большого значения. Русь ухитрялась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния кочевников и полукочевников. Вот этого не достигли ни римляне, ни византийцы, ни даже персы, потерпевшие неудачу в Туране.

Русские сумели. Торки и берендеи, затем половцы в XI веке именовались «свои поганые», в смысле «свои язычники», без всякого уничтожения. В XII веке они остаются своими, но перестают постепенно быть погаными; среди половцев и особенно тюрок все больше появляется христиан.

Российская империя

Россия приобретает черты империи, сохраняя автономию инородческих правителей, еще не став единой и независимой державой. В XVI-XVII веках мы видим в составе империи Казанское, Астраханское, Сибирское царства. Кстати, Казань около века никто не собирался завоевывать. Россию вполне устраивала независимая Казань при дружественной династии, так сказать, «друг и союзник русского народа». Только укрепление на казанском престоле крымской династии, явного врага и турецкого агента, вынудило к жестким мерам. Впрочем, большинство территорий вошло в состав Российской империи добровольно. Некоторые по двести лет помогали права стать подданными России, как это было с мелкими властителями разных грузинских царств и княжеств.

А вот идею имперскую, идею православного царства Россия приняла из рук погибшей Константинопольской империи в царствование великого создателя нашей державы Иоанна III. И, конечно, дело было не в браке с Софией Палеолог (империю в приданое получить даже русским не удалось бы). Мы приняли тяжелое наследство: оберегать Церковь, стать основным центром восточнохристианской культуры, помогать православным народам, особенно поработанным. А к середине XVI века за пределами России все православные были поработаны либо западными христианами, либо мусульманами.

Россия получила Двуглавого Орла – символ симфонии Церкви и Царства, сам же Иоанн принял титул «царь». Во многих книгах можно прочесть об основании Российской империи в 1721 году. Это совершенно неверно. Обратите внимание, как сопротивлялся Запад титулованию русского государя «царем» в XV-XVI вв. (особенно Вена – столица Западной империи). Все объясняется просто: «царь» и значит «император». А в 1721 году Петр I заменил православный русский титул на западный того же достоинства. Потому-то нового сопротивления и не было...

Так что история петербургской империи – простое продолжение истории России как империи. К сожалению, в некоторых чертах Россия XVIII-XIX вв. отстывает от норм безупречной имперской политики. Однако, несмотря на это, Россия в петербургский период как никогда успешно исполняет свой имперский долг. В так называемых «разделах Польши» она освобождает предков нынешних украинцев и белорусов; в войнах русско-турецких и кавказских – греков, сербов, болгар, молдаван, грузин, абхазов, осетин, армян... И имперская элита в России вырастает столь безупречно, что революционерам пришлось устроить обильное кровопускание, почитай, всем народам империи.

Была ли «коммунистическая империя»?

А СССР? Была ли советская империя? Или сталинская «Империя зла»? Решительно полагаю: все эти термины существуют не только для того (как отмечает С. Кортунов), чтобы ошельмовать новую Россию и не дать ей подняться с колен, но и для дискредитации самой идеи империи. После 1917 года великороссы как стержневой имперский этнос всегда были если не истребляемым, то угнетаемым народом. Доказательства тому в изобилии приводит демография. Имперская культура уничтожалась, начиная с февраля 17-го и по наши дни. Внутренняя политика даже самого жестокого из советских – сталинского режима была принципиально антиимперской: «средним» этносам не мешали втихую дискриминировать, а то и ассимилировать «малые». Так, латгальцы оказались латышами, гуцулы и русины – украинцами, памирцы – таджиками. Общее число этносов за советское время сократилось вдвое (на бумаге, конечно). Одновременно советская национальная политика включала попытку химеризации, создания ложноэтнической общности «советский народ».

Именно большевистский режим, выведя Россию из победоносной войны, не только лишил ее заслуженных плодов победы, но лишил Россию возможности избавиться от чрезмерного унижения Германию, и именно оно породило будущий гитлеризм.

В 1916 году были подписаны секретные параграфы послевоенного расчленения Османской империи. Предательский удар большевиков в спину русской армии спас для турок будущее запланированное греческое Трапезундское государство вдоль южного берега Черного моря, отдал им Великую Армению до озера Ван и предотвратил утрату европейской части Турции, которую она, как азиатская страна, и должна была утратить. Кипр, к сожалению, доставался подмандатно Англии. Но мандат в Сирии мы должны были осуществлять вместе с французами и, хотя Палестина

становилась подмандатной Великобритании, Россия должна была стать одним из трех протекторов Иерусалима.

Чем кончился вывод России из войны большевиками? Ливан (такого исторического государства не было!) был искусственно «вырезан» Францией из Сирии по местам преимущественного обитания католиков в ущерб православным сирийцам. В Палестине было организовано так называемое государство Израиль (для любого христианина Церковь – новый Израиль, и ни одно христианское государство не могло признать такого названия!). Россия не осуществила протекторат над Иерусалимом, и впоследствии Израиль оккупировал арабскую палестинскую территорию.

Последствия причудливого разделения Палестины на еврейское и арабское государства привело примерно к такой ситуации, которую мы видим сейчас в Боснии – сербы воюют с мусульманами! Ведь евреи – это религиозная общность, а арабы – этнос, точно так же как мусульмане – религиозная общность, а сербы – этнос.

В 1921–1922 Кемаль-паша, начинающий Ататюрк, воюет с нашими многовековыми союзниками греками и дашнакским армянским правительством. Вечная защитница армян и греков, Россия силами большевиков наносит прямой военный удар в спину дашнакскому правительству и финансовый удар в спину грекам, предоставляя колоссальный золотой заем Кемалю. Результат – греки теряют сектор Смирны, а Турция приобретает тот самый – уже опасный – геополитический характер, который она имеет сейчас.

Большевистский режим всегда был западничеством, а потому и антиимперским

Как ведет себя Советская Россия, а потом Советский Союз по отношению к этносам? Если Российская Империя никогда не стремилась владеть Туркестаном, лишь осуществляя там свое влияние, то территориальный захват Туркестана – это чисто советское деяние. Это не Россия, здесь территории ее вассалов – эмиратов.

Зато какая трогательная нежность была проявлена к Прибалтике, где живут захолустные ошметки западного «цивилизованного мира»! Там в государства превращаются немецкие оккупационные зоны 1918 года. Более того, ни один латышский националист не осмеливался помыслить о том, что Латвии достанется Латгалия, но ее им щедрой рукой подарил первый лидер большевистского режима. Теперь Латгалии будто бы и нет.

Как проходила «нарезка» республик и автономий, нам известно. Она проводилась не только антирусским способом, что мы видим на Украине, в Казахстане (области четырех казачьих войск), в Прибалтике, но и постоянно антиправославно. В силу этой причудливой «нарезки» в составе СССР и России еще в 80-е годы появились «мусульманские народы» и даже «мусульманские республики», но до сих пор не появилось ни православных регионов, ни исторически признанных православных народов. Соответствующая фразеология была внедрена в язык политиков и журналистов, демонстрирующих последовательное антиправославие.

Сталина время от времени подозревают в восстановлении имперской внешней политики. Легко продемонстрировать ложность этих подозрений.

Например, Сталин дарит Чехословакии Прешовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которая была им обещана еще в 1918 году. Сталин дарит Холмщину и Белостокское воеводство полякам. Теперь это целиком ополяченные

территории, там больше нет русских православных людей. Сталин, кроме того, дарит Литве не только Виленский округ, но и два района Белоруссии.

«Великий советский патриот» Сталин ухитрился создать сверхугрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Мог бы народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую республики создать, но предпочел другой путь – выстроить у себя под боком опасную для России китайскую «социалистическую» империю.

У Сталина была возможность улучшать отношения с греками и опереться на прорусские настроения в Сербии. Но это его не интересовало. Его интересовал коммунистический лагерь. В результате власть захватил антиправославный режим Тито, последствия деятельности которого в бывшей Югославии мы имеем сейчас, в том числе и в части искусственной «нарезки» территорий.

Антиправославной оказалась политика коммунистического правительства в Венгрии, о чем все давно забыли. Казалось бы, там православных мало, это католическая земля, а вот смотрите: по соглашению церковных кругов Венгрии с режимом Кадара в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римско-католическими, одна реформатская и одна иудейская гимназии. А ведь православные в Венгрии есть! Чем же реформаты и иудеи оказались выше православных? Если бы в этой ситуации последовал хотя бы тихий голос из Кремля, такая школа была бы.

Как можно оценить весь этот конгломерат политических решений? Как последовательно антирусский! А русские – стержневой православный этнос, опора империи и опора Церкви.

Последний акт коммунистической группы в Думе – акт о денонсации Беловежских соглашений – очередной раз навредил и православным, и русским. Дело в том, что беловежское упразднение СССР де-юре восстанавливало ситуацию до 1922 года, и законными становились границы Российской империи.

Де-факто мы их получить не могли, но могли бы на этом стоять де-юре. Коммунисты, даже бессильные, лишившиеся власти, очередной раз предали и православие, и русских.

Россия будущего: варианты выбора

Что бывает, когда имперский этнос начинает вести себя не «по-имперски»? По-видимому, это проявляется двояко: в отказе защитить старого союзника, старую провинцию, и в отказе от самой идеи империи, в стремлении к изоляционизму. В сегодняшней России такая тенденция есть, она достаточно широко распространена. Корни явления, конечно, не в сфере этнологии. Это чистейшей воды культурный упадок, который, в отличие от этнического, может преодолеваться. Смею полагать, что если русские начинают легко переносить потерю бывших многовековых территорий Российской империи, то вскоре они перестанут по-имперски вести себя и с теми инородцами, которые остались на территории России. Это взаимосвязанные явления. Изоляционизм – опасная штука, изоляционисты гораздо менее справедливы и уж точно менее терпимы к малым сим, нежели империалисты. Если учесть, что русским уже объяснили понятие «мигрант», неудивительно, что сегодня о мигрантах заговорили русские.

Я принимаю, хотя и с известными оговорками, этнологическую теорию Л. Гумилева. Как ее осторожно ни применяй – у русских тяжелая фаза, фаза надлома. За выход из надлома немцы заплатили едва ли не тремя четвертями жизни, Тридцатилетней войной. Но оставшейся одной четверти немцев вполне хватило не только на битву с численно превосходящим противником в двух мировых войнах, но и на создание немецкой классической философии, немецкого романтизма, потрясающей немецкой музыки, много еще чего и, наконец, нынешней вполне благоденствующей Германии. Сегодня по многим аспектам это мощнейшая держава в Европе.

Так что в нашей шкуре побывали и другие народы. И доказали, что из надлома все-таки выходят.

Неизбежен ли для нас 1453 год? Абсолютно неизбежен, в мире все заканчивается. Завершается история народов, следовательно, и государств, и империй. Правда, с одной маленькой оговоркой: бывают этнические подъемы, и тогда

имперская эстафетная палочка передается по наследству. Это прослеживается, скажем, на примере Ирана. Мы не знаем, кто явится нашим наследником через несколько столетий; восстановится ли Россия как имперский организм или распадется. А может быть, она передаст эстафетную палочку...

Но позволю себе историческую аналогию. Когда в середине XIII века Александр Невский спасал Русь, Русь совсем не хотела, чтобы ее кто-нибудь спасал. Александр Ярославович скончался на 43-м году жизни, хотя был крепким, здоровым, красивым мужем. Он надорвался, не вынес этой тяжести. Но исторически-то оправдан оказался Александр Невский! Он не знал этнологической теории Гумилева, руководствовался чувством долга, интуицией, не более того, как многие политики. И остался самым популярным правителем в исторической памяти нашего народа. Во всяком положении нужно просто достойно себя вести.

Что же касается ориентации на будущее, то, как я думаю, возможны три варианта выбора. Можно стать на путь изоляции и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, результат получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это возможный путь – он, кстати, спокойный.

Возможно возвращение к имперскому самосознанию. Это вовсе не означает, что народ в обязательном порядке должен за столбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не существования республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получают необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть третий путь, не исключаящий второго. Я бы его назвал культурологическим. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной для нас культуре – восточнохристианской. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это дело народа. Будет культурный подъем – мы можем воссоздаваться в таком ключе.

Россия – страна восточнохристианского происхождения, восточноевропейская. Вследствие этого она не может подчиняться тем внутренним и внешним процессам, которые подталкивают ее сползание в глубь Азии. Что такое Россия без территорий по Днестру, без Закавказья, без Прибалтики, но со Средней Азией? Я никого не хочу обидеть, и пренебрежение к среднеазиатам мне чуждо, как и агрессивные амбиции в отношении тех, кто уже давно созрел для отделения. Я утверждаю только: Россия всегда экономически, политически, стратегически тяготела к Балканам и Ближнему Востоку. Россия – страна восточноевропейской культуры и должна тяготеть к Восточной Европе. Это ее нормальное состояние.

Как отмечает С.Кортунов, отовсюду слышится вопрос: а что если Россия опять вернется к «имперским амбициям»? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям – тогда плохо. Амбиции – это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория – наша земля, и отделяться она может, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам.

КМПЭ 21.10.07

Все мы вышли из Руси...

Украинский этнос никакого отдельного государства никогда не образовывал, а сегодняшняя так называемая территориальная целостность Украины основывается на юридически не обоснованных волюнтаристских советских актах.

Украина... без украинцев

Однажды Николай Иванович Рыжков, выступая по радио в прямом эфире, сказал странную вещь. На вопрос, не было ли создание СССР ошибкой, этакой заложенной под наше государство «миной замедленного действия», которая рано или поздно не могла не сработать, он, не колеблясь, ответил: дескать, украинцы и белорусы только потому и согласились жить с нами, русскими, в одном государстве, ибо родился Советский Союз. Кто-то скажет: вот упертый большевик – все плачет по уплывшей из рук власти. Я же уверен, что бывший премьер искренен в своих взглядах. Его так учили. Так учили миллионы «советских» людей. Наши учебники полны чудовищной лжи – «украинский вопрос» тут не исключение.

А ведь еще в 1922 году, когда создавался СССР, малороссы и думать не думали, что есть какая-то особая отдельная украинская нация.

Перенесемся на сто лет назад. Тогда действительно существовало понятие «Украина». А вот украинцев не было. Лишь несколько сотен полуграмотных галицийских интеллигентов, живя в Австро-Венгрии на австрийские денежки, видели себя некоей сугубой украинской нацией. Тогда они были в абсолютном меньшинстве, зато... Их высокопарные рассуждения позже весьма пришлись к «коммунистическому двору», где все использовалось исключительно с точки зрения революционной прагматики. На свалку истории ниспровергатели основ сразу же выбросили понимание того, что нация – это только тот этнос, который создал свое государство. Им не было дела до той простой истины, что в этом смысле «украинский» этнос никакого отдельного государства никогда не образовывал. Итог действий революционеров печален: историческая Россия ныне развалена и деструктурирована. А то, что мы имеем сегодня под видом Украины, – всего лишь результат волюнтаристских действий разного рода большевиков и социалистов.

Итак, столетие назад была Украина, но не было украинцев. Понятие «Украина» впервые встречается в исторических документах XII века. Украина – в смысле окраина. Самое первое упоминание Украины – это Залесская Украина. Коренная Русь была на Днепре, а Украина – на Владимирщине, к чему относилась и Московия. Веками позже коренная Русь, впрочем, переместилась на Северную Волгу и Оку, а Украиной стали именовать Русь Днепровскую, но только лишь опять-таки потому, что была окраиной. За развитием понятия Украина стояло перемещение политических и культурных центров. Только и всего.

Таким образом, выглядит довольно странно, когда не в меру горячие головы решительно требуют ото всего мира признать их именно украинцами (то есть жителями окраины-провинциалами). Вроде, куда почетнее было бы слыть представителями Малороссии или Малой Руси! Ведь Малая Русь – это культурное ядро, в то время как Великая Русь – периферия (кстати, так же дело обстояло и у древних греков: Малая Эллада – это собственно Греция, а великая Греция – колонии в Италии, Испании, по берегам Черного моря...).

Спасите наши души!

Когда Великое Княжество Литовское (девять десятых его населения составляли русские), во многом по вине Ивана IV (опричника!), повернулось в сторону Польши, в 1569 году состоялась Люблинская Уния. Польша и Литва объединились в Речь Посполитую. И Польша взялась за окатоличевание русского населения. Наши предки, к сожалению, битву за веру во многом проиграли. Князь-изменник Ягайло перешел к папистам, дабы стать польским королем. Большинство литовцев-язычников также приняли католичество. Западные русичи низложить Ягайло не решились. Баланс сил, таким образом, изменился: совершенно очевидной угрозой стало включение малороссийских и белорусских (то есть, западнорусских) земель в состав многолюдного католического Польского государства.

В XVII веке выяснилось, что, несмотря на мужественное сопротивление Киевской духовной коллегии (интеллектуальная сила), мещанских братств (финансово-социальная) и казаков (воинская) православные не могут противостоять мощному давлению на них Польши. За ее спиной стоял весь католический мир. В 1632 году киевский митрополит Иов (Борецкий) обратился к русскому государю с нижайшим соборным прошением принять малорусские (украинские) земли в подданство Российской державы. Однако царь Михаил Федорович после Смуты был для этого слишком слаб.

Впрочем, такие просьбы быстро и не решались. К примеру, грузины с шестью независимыми государствами, двумя царствами и четырьмя княжествами, попросили русских о принятии их в подданство еще в конце XVI века, а были приняты в состав России лишь через два столетия. Что касается Малой Руси, то ее прошение оказалось выполненным в куда более короткий срок – через четверть века. Что означало: малороссы спасли свою веру, культуру, этническую принадлежность, наконец. И это не просто высокие слова, ибо в той же Белоруссии, скажем, принявший в XIX веке католичество

местный уроженец слыл за «костельного поляка», за быдло, чьи дети лишь в будущем могли претендовать на то, чтобы в будущем называться настоящими поляками. Вряд ли стоит говорить о том, какой слом сознания испытывал человек, лишивший себя национальной идентичности.

«Конкурс» столиц России

Однако вернемся к истокам проблемы. Разумеется, Днепровская Русь – это не вся Русь, и все же Днепр как торговый путь еще в IX веке настойчиво притягивал к себе внимание жителей старых городов. Это – колыбель русской государственности. Надо сказать, что никакой единой Киевской Руси никогда не существовало: государством было каждое княжество. Другое дело, что единая Русь имела место быть не как государство, но как страна. Русь представляла собой конфедерацию земель и княжеств, связанных религиозно и церковно-канонически (единого князя всея Руси никогда не было, зато был митрополит в Киеве). Все говорили и писали на одном языке, имелась общая транзитная связь и монетная система (беличья шкурка), что позволяет вести речь о едином экономическом пространстве. Везде действовала «Русская Правда Ярослава» и церковно-брачные византийские законы, что свидетельствует о наличии единой юридической системы. Русь была также связана династией Рюриковичей.

«Россия там, Россия тут, – везде, где русские живут»... Стихи это, наверное, слабые, зато верные по смыслу. Принадлежность к Руси, безусловно, существовала и в сознании европейца, и византийца, и араба...

Тем не менее, история распорядилась так, что все вышеперечисленные связи ослабевали – по мере старения славяно-русского этноса. В XIII веке этот народ закончил свою историю, началась другая – уже не славянского народа, а русского.

Новая история не привела к разделению двух народов, великорусского и украинского. Конечно, утрата внутриэтнической солидарности – вещь неприятная, однако не смертельная: на разных витках развития она может быть крепче, а может и естественным образом и ослабевать. Куда страшнее, что к XIII веку русские оказались слабы в принципе. Та же Орда – что она могла выставить? Ну, тридцать-сорок тысяч воинов: Русь же, по самым скромным подсчетам, – 110 тысяч. Была бы воля

сопротивляться! Есть замечательный литературный памятник – «Слово о погибели русской земли». Что пишет неизвестный нам автор о XII веке, времени Владимира Мономаха? О том, что «половцы его именем малых детей своих пугали, а венгры укрепляли каменные стены градов своих, а Литва из болот своих не показывались, а немцы радовались, что далеко живут – за синим морем»... Вот какой могущественной была конфедеративная Русь! Никто и не помышлял в ее просторы вторгнуться... Но зато, когда Русь ослабела, «сунулись» все! И венгры, и Литва, и Орда...

В этой ситуации и великороссы, и малороссы, и белоруссы по-разному вошли в состав разных государственных объединений.

Возвышающаяся Литва, начиная с XIV века начинает созидать Великое Княжество Литовское. Московская Русь – Великое Княжество Владимирское. Это были устойчивые конкуренты, и если бы Литва успела стать столь православной, каковой стала Москва, Церковь, несомненно, предпочла бы не последнюю, а Вильно. И сегодня мы имели бы там русскую столицу. Однако князья Гедиминова рода вели себя в религиозном плане ненадежно, а предки украинцев не прогнали вероотступника князя Ягайло, чем навсегда отдали первенство Москве. Да, могла бы быть Россия со столицей в Киеве, однако не сумели малороссы доказать, что они – ее этническое и культурное ядро.

Трудное слово – свобода

Последнее упоминание в наших исторических учебниках о западнорусских землях относится к моменту ордынского нашествия и датируется 1240 годом. Речь – о взятии Ордой Киева. А что после того? Да ничего! После этого вся Западная Русь – и Украина, и Белоруссия – как бы исчезают. И появляются лишь при гетмане Богдане Хмельницком. Сия историческая безграмотность провоцирует малороссов-украинцев на попытку доказать, что они – другие. «Неизведанные» исторические страницы составляют немного немало – 400 лет (от середины XIII до середины XVII века).

Подход к русской истории не только безграмотен, но и предвзят. Ведь какая только не была Русь! Белая, Черная, Червонная, Подкарпатская, Залесская... Но ведь все это – Русь!

Недавно мне пришлось беседовать с несколькими украинцами. Они говорили, что хотели бы жить со мной в одном государстве. Но при том очень уж им хочется быть украинцами! Ибо они уверены, что русские – это одно (одна нация), а украинцы вовсе другое (другой народ). Мне это и смешно и горько. Ибо москаль с киевлянином больше похожи друг на друга, нежели донской казак и помор. Последние, к счастью, считают себя русскими людьми. Да проживи я лет пять в Киеве или находишься киевлянин столько же времени в Москве, – нас практически не отличить. В то время как проживший столько же времени в Москве сибиряк все равно не сойдет за москвича или украинца: ему некуда деться хотя бы от его выговора. Так какие же мы – «чужие»?!

Нас разводил только исторический путь, а не процессы этногенеза. Никак не процессы этнической истории.

И о каких национально-освободительных движениях в России может идти речь? Народы если и «уходили», то от большевистского режима. А взять ту же Украину... Даже Временное правительство оказалось в украинской коллизии все-таки русским. Когда в 1917 году учредили Центральную Украинскую Раду, то она обратилась в Петербург с требованием

признать действительность принимаемых ею законов ... на правах автономии. Никакой Винниченко не осмеливался даже и подумать о какой-то там самостоятельности. Что ответило Временное правительство? Оно признало право нации на самоопределение (на правах автономии), но подчеркнуло, что при этом надо дожидаться созыва Учредительного собрания. Было отмечено: Украина может претендовать на автономию в границах 4 (!) губерний, а не 10 (!). Временное правительство было, конечно, революционным, но оно, тем не менее, понимало всю меру своей исторической ответственности за «соревнование по проглатыванию суверенитетов».

И в 1991 году можно и нужно было сказать не в меру ретивым украинским радикал-демократам: хотите отделяться – пожалуйста! Однако делайте это в пределах исторической Украины! Без выхода к Черному морю, – в Новороссии мы завоевали это право во времена Российской империи в XVIII веке! Уходите без Левобережья, потому что – это Черниговская, Сумская и Харьковская области? Это не Украина! К коренной, гетманской Украине принадлежат только Киевские, Полтавские, Житомирские и Подольские земли. И только!

Донбасские земли? Это – историческая область донцов, часть области Всевеликого Войска Донского. Как Донбасс попал в состав Украины? Чтобы ответить на этот вопрос, придется вспомнить о зоне германской оккупации уже при большевиках в 1918 году. Немцы удерживали Донбасс ради угля и по инерции в качестве зоны своего влияния, – таким образом регион оказался в составе Украинской ССР. У российского парламента сегодня нет территориальных претензий к Украине, зато вот донские казаки мыслят иначе.

Или вот Новороссия. Степные, лесостепные и субтропические зоны вдоль Черноморского побережья. Разве они исторически не русские? На них предки русских проживают столько, сколько они вообще существуют – с I века от Рождества Христова. А Таврия? Название Крым вообще искусственное, исходит от названия ханства со столицей в Старом Крыму (тогда оно называлось просто Крымом – нынешний поселок Старый Крым). Когда мы вернули себе эту

территорию, ее снова стали называть Таврией. Была Таврическая губерния, Таврическая православная епархия и светлейший князь Потёмкин был Таврическим.

Интересно, что в Подкарпатской Руси до сих пор проживают люди, именующие себя русинами. В коммунистическое время их переписали украинцами, однако, я видел паспорт одного из таких людей, где было зачеркнуто слово «украинец» и четко выписано – «русин». Русский, то есть. Власти делают вид, что не замечают подобных «выходок». Но все это – токи реальной исторической памяти и национального самосознания.

Из галичанина шестьсот лет делали раба, «хлопа». По отношению к западной культуре, прежде всего. Но не смогли сего сделать ни в польское, ни в австрийское, ни в австро-венгерское время. Галичанин также стремился остаться русичем, русином, стремился к Руси. А во время Первой мировой войны десятки тысяч галичан погибли в концлагерях только за право быть православными. История горько надсмеялась над ними: их мечта о присоединении сбылась, когда они попали в сталинскую Россию...

А историческая Украина – это всего лишь Днепровское Правобережье.

Что дальше?

Что будет с русскими и украинцами в будущем? Конечно, можно остановить подачу газа на Украину – в любое морозное время. Украина попросту замерзнет, ее политическое руководство падет. Но вот только кто кому этим что докажет?!

Самостийность, – она хороша лишь для анекдотов. «Диду, диду, москали у в космос улетели?» Контр-вопрос деда – «Уси?»

Но жить-то надо на земле.

Между тем, из того же Крыма русских выживают. Пока российские политики откладывают проблему статуса полуострова в дальний ящик, происходит явное изменение этнического состава его жителей. Под видом возвращения татар таврическую землю уже заселяют и турки, все, кто угодно, но только не русские. Нам не надо объявлять войну Украине. Но сказать, что Крым, – это часть России попросту необходимо.

Настала пора признать, что так называемая сегодняшняя целостность Украины зиждется на преступных актах коммунистов. Если бы в период Беловежья украинским политикам предложили бы «лишь» реально историческую Украину – без Новороссии и, разумеется, без города союзного подчинения – Севастополя (вообще, заметим, без выхода к Черному морю!), то вряд ли Кравчук поставил бы свою подпись под пресловутым документом.

Настало время возвращать свое. Впрочем, это смогут сделать только по-настоящему прорусски ориентированные политики. Ибо все последнее десятилетие национальные интересы России подчинялись личностным. Кучме с легкостью прощались газовые долги, а в его избирательную кампанию вкладывались немалые финансы от русского налогоплательщика, так же, как и, впрочем, украинские денежки шли на поддержку избрания Ельцина.

Строительство газопровода через Польшу в обход Украины, кажется, говорит о какой-то смене акцентов. Давайте признаем, что никакого взаимовыгодного сотрудничества с Украиной у

России сегодня не существует. Украина по-прежнему российский иждивенец. Так не стоит ли говорить с ней в политическом отношении, так сказать, построже, пореалистичней?

Все помнить и ничего не забыть

Исторические имена мстят

И Слово плоть бысть (Иоан. 1:14)

Люди тысячелетиями ответственно относились к слову. Неосторожно произнесенное слово в иные эпохи приводило к смертельному поединку. Неверность данному слову вызывала войну. Или, во всяком случае, навлекала на неверного позор. Тем больший, если неверный слову был воином, аристократом, начальником. Неизгладимый, – если жрецом или государем. Знаменитый русский философ протоиерей С. Булгаков полагал, что каждое слово обладает софийностью, т.е. определяет сущность того, что называет, именует. Древние египтяне рассказывали, как бог Птах творил вселенную: он называл различные вещи, и вещи возникали. А св. Иоанн Богослов открыл нам, что Слово – имя Божие.

Если небезопасно слово, то сколь же опасностей таит имя. Многие народы скрывали подлинные имена, полагая, что знающий имя человека имеет над ним власть. Для тех же египтян подлинное имя – “ах” – одна из сущностей человека, если хотите, часть его души. Желая изменить сущность, изменяли имя. Отпущенный на волю римский раб принимал родовое имя своего бывшего господина. После людоедского восстания самозванного “мессии” Бар Кохбы в Палестине император Элий Адриан упразднил имя Иерусалим, назвав город Элиа Капитолина. И даже на Первом вселенском соборе 325 года не было епископа иерусалимского, был – элийский. Одно дело Константинополь – величайший христианский город, совсем другое – турецкий Стамбул. Одно дело – Таврия, совсем противоположное – Крым.

Таврия – Таврика – Таврида. За тысячелетия кто только не побывал на прославленной земле: тавры и киммерийцы, скифы и сарматы, древние греки и греки византийские, римляне и понтийцы Митридата, готы и армяне... Славяне и русы жили в Северном Причерноморье повсюду, по крайней мере, с 1 века н. э., столько, сколько известны в исторических документах. И хотя большую часть времени жили в чужих государствах, оставили

свои имена. Эллинизированный сарматский Боспор звался по-русски Корчев (Керчь). Славянское имя Сугдеи – Сурож (теперь, зачем-то, по-татарски – “Судак”). В 966 году местные русы открыли князю Святославу ворота оккупированной хазарами Тьмутаракани. В 988 году местные соплеменники открыли св. Владимиру не только путь ко взятию Корсуня (Херсонеса – нашего Севастополя!), но и путь ко крещению. В Таврии первых славян крестил апостол Андрей Первозванный, и в Таврии Русь крестилась окончательно и бесповоротно!

На тринадцать столетий позже на таврической земле появились первые татары. Жили они в северо-восточной части полуострова, звали свое ханство крымским по столице в городке Крым (ныне – поселок Старый Крым). Вся же земля так и оставалась Таврикой. И только с XVI века, после разрушения высадившимися в 1475 году турками последних христианских владений, полуостров постепенно начинают называть Крымом. Нам что за дело до этого? Иноземцы тоже называли Россию “Московией”, но русские так не говорили. Когда в 1783 году Российская империя упразднила, наконец, Крымское ханство, в исторические документы вернулось историческое имя: Таврическая губерния, Таврическая епархия, светлейший князь Потемкин-Таврический. Бездумно, а то и безумно бросаем слова. Помните, когда мы говорим о Таврии, речь идет о месте Крещения Руси, о корнях русской православной культуры, о земле, общей для всех русских людей: и великорусов, и малороссов, и белорусов, и подкарпатских русинов, и донских казаков. Если же покорно сохраняем чужое имя “Крым”, как на картах, так и на языке, внутренне признаем права на эту русскую землю поздних мигрантов, триста лет угонявших наших предков на невольничьи рынки. Смотрите, как бы до новых рынков не “доназываться”!

Созидая великую Россию, наши предки также терпимо относились к аборигенным названиям, как и к самим аборигенам. Увеличивали русскую землю по большей части мирно, а часть и по доброй воле местного нерусского населения. Так остались на карте и Казань, и Астрахань. Получили аборигенные имена города русского заложения

Акмолинск, Тюмень, Якутск (между тем, русские появились на территории будущей Якутии в XVI веке, а якуты – в XVII). Реки и озера вообще не переименовывали, образовывали от их имен русские названия: Томск, Енисейск, Верхнеудинск. Даже Москва и Можайск – топонимы неславянского происхождения. Русским от всего этого неуютно не было, тем, кто жил до них, видимо, было уютнее. Сравните эту манеру с поведением испанцев в Южной Америке, французов – в Северной, англичан – в Австралии и Новой Зеландии.

Коммунисты-большевики, стремясь изменить сущность России, осатанело набросилась на имена. Даже само гордое имя страны заменили ничего не значащей аббревиатурой СССР (где находится такое государство, на Марсе?). Несчастные наши города поначалу либо получали клички большевистских “праведников”: Сталинабад, Ульяновск, Троцк (Гатчина), Карлликнехтовск, либо случайные прозвища с корнем “красный”, Так, Верхнеудинск превратился в Улан-Удэ, Белоцарск (как красиво!) стал прозываться Кизилом. Был Царевококшайск – стал Краснококшайск, лишь много позже сочинили искусственное название Йошкар-Ола. Заметьте, убивали почти исключительно русские имена.

Позднее начали сочинять “советские” названия из корней местных наречий. Город Усть-Сысольск известен с XV века, основан новгородцами. И почему же это он в 1930 году превратился в Сыктывкар? Город Обдорск (от Оби) основан в 1595 году, в 1933 – переименован в Салехард. А ведь Обдорская земля известна еще раньше, “правитель Обдорский” – один из титулов русского государя. Самое ужасное, что мы забываем исторические топонимы, хотя должны были бы знать с младенчества, наплевав на все усилия советской школы. Автору этих строк довелось однажды задать вопрос очень сильной, заинтересованной аудитории: “Кто помнит историческое название Махачкалы?” Никто из трехсот слушателей. “А кто хотя бы знал, что Махачкала – новое название?” Тот же результат. Так вот, этот город русского заложения называется Петровск-Порт, а “Махач” – кличка красного разбойничка М. Дахадаева. Разве удивительно, что на

фоне нашего поведения Назарбаев осмеливается переименовать Гурьев в Атырау? Город основан ярославскими купцами братьями Гурьевыми в XVII столетии. Если так легко забываете, зайдя в русский ресторан, закажите атыраускую кашу!

Самое пакостное, что в подобном духе воспитывают детей. И не в “независимом Казахстане”, а в школах Российской Федерации. Раскройте стандартный учебник Зырянова для IX классов по русской истории XIX века. На форзацах – карты Российской империи середины прошлого столетия и, соответственно, его конца. Вполне естественно, на картах нет Ленинграда, Ульяновска, Кирова, но загадочным образом обнаруживаются: Вильюс, Тбилиси, Таллин – вместо Вильны, Тифлиса, Ревеля. Видимо, по мнению издателей и министерства названия “Горький” или “Калинин” придумали революционеры, а топонимы “Тарту” или “Таллин” – не революционеры, а некто неведомый. Неведомо когда. На учебных картах изменяют имена, снова желая изменить сущность. Сущность России, сущность нашей истории, суть нашего мышления. И это только города, с ними приходится идти на наглую фальсификацию. А вот названия исторических земель можно просто истребить, изъять с карт, из учебников, справочников, энциклопедий. Ну, как же можно нашим нынешним чиновникам и журналистам применять историческое название “Новороссия”? Ведь тогда всем станет ясно, что историческая

“Украина” никогда не имела выхода к морю: там – Новороссия. Как можно называть своим именем Семиречье, если Верный – центр Семиреченского казачьего войска – переименован в Алма-Ату, а затем и в Алматы? Как рассказывать о землях Всевеликого Войска Донского, если среди них и Донбасс? И Латгалия должна исчезнуть, ибо она часть отнюдь не Латвии, а вовсе даже наоборот – Витебской губернии. И Бессарабия не нужна, и Холмщина. Вдумайтесь, какое внутреннее ощущение создает одна и та же информация в следующих вариантах: “русская армия рассеяла вооруженные банды, вторгшиеся в область Терского казачьего войска”, и

“федеральные войска вели войну в Чечне”. А, ведь, нету никакой исторической Чечни между Терекон и Сунжей. Меняя имена, меняем сущность.

Странно мы, однако, себя ведем. Ну, еще в “Союзе нерушимом” как-то можно было объяснить, почему мы калечим русский язык, произнося топонимы на литовский или грузинский манер. Менее понятно было появление перестроечных “Ашгабата” и “Таллинна”, который, кстати, до недавнего времени мелькал на экране телевизора. И уже совсем нелепо сохранять нерусские названия для территорий зарубежных государств, когда есть русские. Мы, между прочим, Лондон не по-английски произносим и Рим не по-итальянски. И в названии французской столицы нет буквы “ж”. Неужели неисторическая Эстония весомее Франции?

А вот другие народы ведут себя иначе. На немецкой карте всегда в ситуации, подобной нашей, будут два названия: “Вроцлав – Бреслау”, “Гданьск – Данциг”, “Калининград – Кенигсберг”. И поляки Львов никогда не именовали Лембергом. Давно пора и нам писать: “Юрьев – Тарту” и “Ругодив – Нарва” – оба они русские города XII столетия. И Двинск должен вернуться, и Верный. И это на современной политической карте. А на исторических вообще имеют право на существование только исторические имена. И, ежели кто-то в министерстве желает изменить сущность, вымарывать фальсификации необходимо прямо в учебниках. Вместе с ребятами: лучше запомнят. Должно быть всем нам, а в особенности высшей церковной иерархии, стыдно и за названия епархий, и за титулы архиереев. Что это за “епископ Ульяновский”, “Кировский”, “Краснодарский”, “Алма-Атинский”, “Вильнюсский”? Ну, слава Богу, уже не “Свердловский”. Греческие земли четыреста лет были оккупированы полностью, но не назывался патриарх – “Стамбульским”. По-прежнему Архиепископ Константинополя – Нового Рима и Вселенский патриарх. А Антиохийский патриарх носит свой апостольский титул, хотя уже несколько столетий вынужден пребывать в Дамаске.

Наше право и наш долг в отношении исторических имен совпадают. Нужно только помнить, что бесспорными для всех

они станут, когда Санкт-Петербург освободится из плена в Ленинградской области, а Екатеринбург – в Свердловской. Когда вместо косноязычного Тутаева мы вновь увидим эпический Романов-Борисоглебск, а на месте Тольяттей засияет прекрасное имя Ставрополь Волжский. Когда с лица наших дивных городов смоем непроизносимых Либкнехтов, Цеткин, Войковых, Урицких и Володарских, а неповторимая псковская Званица избавится от имени Леона Поземского (не псковича даже!). А ежели вас станут стращать дороговизной восстановления дорогих имен, искренне рекомендуем ответить вопросом: “А ты-то сам родился в нашем городе? Или ты – мигрант, не имеющий права голоса?”.

Одна мысль давно уже не дает покоя: посмел бы бандит Басаев бесчинствовать в Буденновске, если бы город продолжал носить свое славное и праведное имя Святой Крест?

Русский город

Прейдём к другой, но близкой теме.

Человек живет в городе более семи тысяч лет. Знаменитый Иерихон, древнейшие городские поселения на Кипре и в южной части Малой Азии, ученые относят к шестому тысячелетию до Р.Х. А так как всё больше исследователей склоняются к тому, что история человека занимает не сотни и не десятки тысяч лет, а всего лишь тысячи (возможно, 8000–10000 лет!), то усиливаются подозрения, что большую часть своей жизни человечество связано с городами. Они были очень разные – города – у всех свои. Мы хорошо знаем западный город и мусульманский, весьма неплохо – античный. Да что античный! Мы и Вавилон недурно себе представляем. А был ли русский город? Или, хотя бы, восточноевропейский, общий с нашими братьями, восточными христианами? Или всегда были лишь большие деревни?

Город – это наше все

За исключением периодов крайнего упадка городов, они всегда были не только культурными центрами, не только основными потребителями культуры, но и основными ее производителями. И вовсе не только создателями произведений искусства, центрами художественной жизни. Ведь культура – это все, что не природа. Иногда города определяли даже развитие сельского хозяйства. Иерихон был цветущим оазисом. Древнейшие арийские города III-го тысячелетия до Р.Х., теперь нам известные, как Аркаим в нынешней Челябинской области, были центрами не только бронзовой металлургии, но и коневодства. Древнегреческий полис, утопая в зелени виноградников, был еще и окружен оливковыми рощами.

Напоминать, что города – основные вместилища ремесла и торговли – банально. Важнее отметить, что это почти единственные центры профессионального ремесла. Почти всегда было и крестьянское ремесло, и крестьянское искусство. Но влияло обычно профессиональное ремесло на крестьянское, высокая поэзия на фольклор, каменное зодчество на деревянное. Когда в XIX веке русские художники, ученые, аристократы обратятся к крестьянскому творчеству, это произойдет не потому, что у него выше художественный потенциал, а от того, что крестьянин консервативен и законсервировал русское профессиональное искусство, не поврежденное западничеством.

Город много более сельской среды склонен к формированию корпораций, а, значит, и к созданию настоящего крепкого общества. Античный полис закономерно пришел к созданию гражданского общества и демократии, через полторы тысячи лет это повторят средневековые городские коммуны. И парламенты будут созданы королями в содружестве с бюргерами. Впрочем, к городу, как правило, тяготела и власть, а, значит, и политическая жизнь. Только представим себе ряд понятий, восходящих к греческому “полис”: полития (государственное устройство), политика, полиция, метрополия,

метрополитен, митрополит (епископ главного города). А из других городов добавятся: буржуа, мещанин, гражданин... Ко всему еще и “цивилизация” (civitas – “город”, civilis – “гражданский”). Есть много оснований полагать, что в культуре человек жил всегда, но в цивилизации – только с появления городов.

Христианский мир – городской

Вера Христова была проповедана в полисном мире: примерно четверть населения Римской империи жила в городах. Став частью империи, греческие и италийские полисы сохраняли свой внутренний уклад, африканские и азиатские – его перенимали. Христианство проповедовали всем, но принимали его и быстрее, и охотнее горожане. Собственно, уже апостолы были горожанами. А то, что рыбу ловили, так берега Генисаретского озера были усеяны маленькими красивыми городками. Что за поселения упомянуты в Евангелии? Почти сплошь города: Вифлеем, Назарет, Кана, Капернаум... Где гремит апостольская проповедь? В Эфесе, в Антиохии, в Афинах... Видимо, при Константине Великом большинство горожан были уже христианами, тогда как в хоре – сельском округе – еще преобладали язычники. Тогда-то латинское “*paganus*” – деревенщина – стало означать и язычника (откуда наше “поганый”). “Церковь Божия, пребывающая в Риме, Церкви Божией, пребывающей в Коринфе”, – начинается одно из древнейших христианских посланий. У нас, русских, ныне похожая ситуация: городские храмы наполнены молящимися, а деревня... деревня ведь консервирует все – и хорошее, и дурное. Теперь она консервирует “атеистическое воспитание”.

Церковь сложилась в античном, полисном мире и очень многое приняла в нем. Приняла и освятила. Например, епископальное устройство. Когда христиане еще были гонимы, они собирались за богослужением все вместе во главе с епископом своего города. Когда христианами стали все, они построили поместительные храмы, и небольшой город с тремя-пятью тысячами сограждан так и продолжал собираться воедино. Ряд Правил, действующих поныне как у нас, так и у римо-католиков, и у англикан, воспрещают в одном граде быть двум епископам. Зато, в идеале, каждый град должен иметь своего епископа. Сельская же местность по-прежнему канонически воспринимается как хора – сельский округ полиса.

С падением Рима, нашествием варваров, упадком Античности города начинают быстро “усыхать”. Классический пример – Арль на юге Франции – римский Арелат. Город быстро сократился до размеров римского амфитеатра, в котором несколько веков и умещался. Но, не исчез с лица земли, как не исчезло большинство римских городов. Ведь в городе оставался епископ. А раз епископ, то и церковные дела, и суд. Раз в город продолжают ездить, то – какая-никакая торговлишка. Христианская культура была настолько городской, что спасала города в совершенно аграрном окружении.

И возвышала города. После мученической гибели первого ростовского епископа св. Леонтия два его преемника вынуждены были перенести кафедру в Суздаль. Этого оказалось достаточным, чтобы незначительное поселение выросло в первоклассный стольный град. Градов же на Руси было немало.

Гардарики

Именно так – “страна городов” – называли скандинавы еще языческую Русь. Изобилие богатых градов русских отмечали и византийцы, и арабские купцы. А в начале XIII-го столетия православная Русь насчитывала около 400 городов. Крупнейший русский город – Киев – насчитывал в период расцвета не менее 50 тысяч жителей. Были и “30-тысячники”: Новгород, Смоленск, Чернигов. На деревенском Западе таких не было. Для сравнения отметим, что когда в конце XII века закладывали собор Парижской Богоматери, планировали, что он вместит всех парижан. Собор огромен, он вмещает 10 тысяч человек. Если согласиться с мнением демографов, оценивающих население Домонгольской Руси в 6,5 – 7,5 миллионов, нетрудно видеть, что горожане составляли тогда 20–25% всех русичей. Примерно как в конце Римской империи. Правда, социальный состав горожан значительно отличался от западноевропейского. В русском городе жили не только купцы и ремесленники, но и князь со своим двором, и бояре, и мелкие служилые люди – отроки, детские, кмети, и огородники, и молочники. Европейский город отгораживался от сельской жизни и отворачивался от пейзажа, русский город был теснейшим образом связан с сельским хозяйством и поистине развернут лицом к природе.

Вспомним европейский средневековый бург. Он замкнут в кольцо каменных стен, обороняясь не столько от врагов, сколько от собственного сеньора, запершегося в замке. Поэтому земля баснословно дорога, а дорожке всего – протяженность фасада вдоль улицы, и нередко бывал и такой фасад – дверь, рядом окно, а дальше уже следующее владение. В историческом центре Ревеля или Львова можно видеть остатки такой застройки – фасады домов плотно примыкают друг к другу. Выше второй этаж, который чуть-чуть нависает над первым, а третий – над вторым. Пешеходные улицы появились в наше время именно на Западе, ибо там бывают переулки шириной в три метра. Тесно, а посреди улицы сточная канава –

и ходить надо с умом. Конечно, порядочный бургер сначала выглядывает в окна, а уже затем выплескивает ночную посуду, но ведь не все же порядочны!

Для нашего же города характерна полностью усадебная застройка. Дома – в глубине участков, на улицах лишь храмы, лавки, мастерские. Во всех старых городах сохранились дома, стоящие не по красным линиям улиц, потому что построены до полицейского требования начала XIX века строиться по ниточке. На усадьбах держали лошадей, молочный скот, поутру скотину надо было выгнать на пастбище. Даже Москва XVIII века была окружена общинными выгонами. Замечательная исследовательница – Г. В. Алферова – в своей книге “Русский город”, которую мы искренне всем рекомендуем, отмечает, что планировка наших городов была рассчитана на возможно более быстрый выезд за его пределы.

Подобны были и другие города нашей восточнохристианской культуры: византийские, южнославянские. Даже полумиллионный Константинополь кроме своей главной улицы – Месы – был застроен усадьбами, представляя собой настоящий город-сад. Не случайно наши древние предки перевели византийскую “Книгу эпарха” (градоначальника), назвав ее “Закон градский”. С Законом градским надолго приобрело силу “правило прозора” (от глагола “зри”). Оно юридически реализовывало следующую норму: если вы имеете со своего участка прекрасный вид, а сосед застроил этот вид, то вы имеете право через суд добиться сноса его постройки. Это правило действовало веками и имело немалое градообразующее воздействие.

Демос русского града

Европейская городская коммуна сплотилась, жестко организовалась в цехи и гильдии в борьбе с сеньором. У горожанина-русича сеньора не было. Князь был городским воеводой, градоначальником и градским судьей. Князя не выбирали, но зарвавшегося князя – изгоняли, а случалось и убивали. Еще В. О. Ключевский убедительно показал служилый характер княжеской власти по отношению к городу. Князь и жил в городе вместе со своими подданными. А боярин? Сравним поведение русского боярина и западного рыцаря в случае войны. Рыцарь в случае опасности прежде всего запирался в замке – потом разберемся! Боярин бросал вотчину и мчался оборонять свой город.

При таких обстоятельствах и организация градского общества у нас была много мягче. Купеческие братства, подобные западным гильдиям, у нас известны, а цехов – не было. Русские горожане были объединены по улицам, собиравшим уличанский сход и избиравшим своего старосту. Уровнем выше был “конец”, созывавший кончанское вече, и, наконец, вершиной демократии Древней Руси являлось вече городское. Властная действенность нашей исконной демократии проявляется, например, в том, что хотя князь волен был воевать со своей дружиной, когда ему заблагорассудится, ополчать город могло только вече.

Но еще более свободолюбие и уверенность в себе русского горожанина-домохозяина видны в устойчивости вкусов, незыблемости национальной эстетики. Для нашего открытого города с широкими улицами характерны связанные с природой композиции. Лестницы с площадками-рундуками, лоджии, галереи. Городской дом в два-три этажа, а зажиточный еще имеет “вышку” или “терем”, с которого можно обозреть пейзаж. В Кремле есть Теремной дворец московских царей 1630-х годов. Там наверху – палата с большими окнами, окруженная открытой галереей, чтобы в хорошую погоду государь мог пригласить

гостей прогуляться, а в дурную – полюбоваться видом из этих окон.

Иногда улицу было уместно изогнуть так, чтобы она обошла храм. Таким образом храм оставался замыкающим взгляд объемом, воздействуя на людей как городская доминанта, обращенная к небесам. Кривые улицы русских городов помимо того, что не устраивали в холодную зиму “аэродинамических труб”, имели еще и эстетическое значение. Вы постоянно находились как бы в живой среде, двигаясь по улице, вы открывали следующий образ, следующую доминанту. В наших городах многие улицы ориентированы на отдаленный храм, часто находящийся в более высокой части города. Так, в Москве Большая Дмитровка и Ордынка ориентированы на Храм Василия Блаженного.

Палисадник, мезонин, сарай...

Думается, что на особый характер близости нашей среды обитания с богоданной природой влияло и дерево, излюбленный русский строительный материал. Еще в XVI веке появляются каменные постройки с деревянным верхним этажом. Любопытно, что эта традиция дожила до нашего века в мещанских полукаменных домах. Причем, в кирпичном этаже устраивали лавку или сдавали этаж внаймы, семья же хозяина жила наверху в деревянном.

Русская городская среда обитания сопротивлялась регулярности. Когда появилось требование строить дома по красной линии улицы, русский домовладелец начал отгораживаться крошечной полоской полурукотворной природы – между фасадом и тротуаром завел палисадник. И давно забытое “правило прозора” продолжало действовать: мы почти не видим улиц, кроме Петербурга, где старая застройка образует непрерывный фасад.

Россия долго сопротивлялась классицизму. Его пропагандировала Екатерина II, однако, классицизм оставался в XVIII веке казенным стилем и стилем дворянской усадьбы. Классицизм был по-настоящему принят нашими соотечественниками лишь в начале XIX века, когда он обрусел, стал теплее, уютнее. Классическая архитектура выразила старинную национальную форму, которая звалась вышкой, затем теремом, потом светлицей, в мезонине. Только в России колонный портик превратили в террасу для чаепития. Все то же неизбывное стремление к связи дома с пейзажем. И, разумеется, каждый дом имел надворные постройки, необходимые любой нормальной самостоятельной семье, и заросший травой двор. Было где детям играть.

Заметьте, еще в начале нашего века большинство русских горожан жили в своих домах. Как тут не вспомнить Пушкина: “В России нет человека, который не имел бы собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет

в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности”.

Коммунисты разрушили все наиболее русское

Русский город начали разрушать революционеры в 1917 году, продолжают разрушать их потомки, ловкачи, посжигавшие или припрятавшие свои партбилеты, на наших глазах. Первым достижением “пролетарской” власти (напомним, что “пролетарий” на русский язык правильно переводится словом “босьяк”) стали коммунальные квартиры. Иностранцы не понимают этого термина: для них “коммунальная” – это квартира в доме, принадлежащем городской коммуне, муниципалитету, а не частному владельцу. Справедливее называть такие квартиры “коммунистическими” – все равно больше нигде таких нет. Откуда же взялась катастрофическая нехватка жилья? Первыми в крупные города хлынули представители “угнетенных народов” с окраин Российской империи. Сами окраины – одни надолго, другие навсегда – стали иностранными государствами, но кого это волновало. Некому было указать на дверь интернациональным оккупантам. За ними примчалось революционное босьячье с установкой “все поделить поровну”. Эти годились штыками выбивать из крестьян продразверстку, работать на земле они не собирались.

Далее пошла волна неслыханной в истории бюрократизации: конторы, подкомитеты и подотделы росли как поганые грибы. Еще в 1928 году рижский журнал “Русский колокол” сообщал, что в губернских городах Европейской России от 20 до 50(!)% жилой площади занято партийными, советскими и непонятными организациями. При этом, заметьте, ничего не строилось. И не ремонтировалось, а амортизировали несчастные дома всякие коммуны и жилтоварищества с усердием, описанным М. Булгаковым. Вскоре добавилось большое человеческое горе: в городах искали убежища жертвы коллективизации, раскулачивания, расказачивания. В 40-е годы в одних областях жилье разрушала война, в других – эвакуация, особенно эвакуация предприятий. Правда, в это время уже строили, но сколько строили, столько и сносили.

Но, поистине страшный удар по русскому дому и русскому городу нанес Н. С. Хрущев. Архитектура закончила в России свою историю. Русский дом, впрочем, тоже. Вместо дома миллионам соотечественников предоставили клетушки сначала в 5-ти, затем в 12-ти, а позже в 16-ти и 22-х-этажных бараках. А барак, даже если клетушка снабжена “удобствами”, так баракom и останется. Вы заметили, как вас тогда ограбили? Похлеще времен красного террора! Сколько прекрасной старой мебели осталось на помойках! Сколько тонн антиквариата уплыло за границу! Ведь вас лишили семейного достояния, копившегося поколениями.

Сейчас говорят о вымирании русских. А когда этот “процесс пошел”? Ответим точно: ежегодный прирост русского населения стал ниже, чем у мусульманских народов СССР, много меньше затронутых индустриальным жилищным строительством, только в 60-х годах. То есть, русский народ пережил революцию, страшную войну, но не смог пережить “хрущоб”. Вот уж, поистине, “русские в неволе не размножаются!” Вы задумывались над тем, сколько русских женщин абортiroвали не потому, что не на что воспитывать детей, а потому, что негде?

А родившимся детям наши микрорайоны массовой застройки опаснее всего. Ю. М. Лотман предостерегал, что новые города создают у детей информационный голод от рождения. Сельский мальчик набирает необходимую информацию, глядя на речку, рошу, лужайку; городской должен насыщаться, бегая по кривому переулку с непохожими друг на друга домами, а, особенно, во дворе или на чердаке. Дворов у нас давно уж нет, а в новых районах и улиц нет. А есть проезжая часть. Еще 12 лет назад В. Л. Глазычев опубликовал две подборки детских рисунков. Одна группа ребят жила и училась в домах старой застройки, другая – в новом районе. Страшненькое сопоставление. У детей второй группы не было неба: фасад многоэтажной коробки доходил до края листа.

Возражения возможны, но, как правило, они лживы.

Ложь первая: индустриальные методы дают возможность быстро, небольшим количеством рабочих рук, создать столь необходимое жилье. Семиэтажные кирпичные дома в предреволюционные годы возводились за два строительных сезона. Железобетонный дом длиной в квартал напротив Данилова монастыря в Москве строили лет пятнадцать. Рабочих мало стало на площадке, но много на заводе ЖБИ. Потеряли работу каменщики и плотники высокой квалификации, и образовалось множество мест разнорабочих. Кстати, демократия всегда составлялась из людей квалифицированных и зажиточных. Мастер, живущий в своем доме, – вполне естественный гражданин. Чернорабочий-алкоголик из 16-этажного барака – лишь элемент массы, толпы, голосующий по приказу начальства.

Ложь вторая: дорога городская земля. Уже в начале перестройки видные архитекторы признавали, что разумный градостроитель всю Москву с промышленностью и парками уместил бы в пределах Садового кольца. В кварталах сплошной 16-этажной застройки нормы требуют оставлять гигантское расстояние между корпусами. Все это – выброшенная земля. Вы задумывались над тем, почему наши города такие пыльные? Из-за немеренных пустырей. Земля в городе имеет право существовать либо под асфальтом, либо под травой. Кстати, самая плотная застройка достигается, когда мы варьируем этажность в одном квартале от 4-х до 12-ти этажей.

Ложь третья: если ты не секретарь райкома (новый рашен), собственный дом можешь иметь только с удобствами на дворе. Однако весь мир живет не так. Для людей бедных, которые не могут владеть приличным земельным участком, придуманы секционированные постройки. Это когда у вас свои 2–3 этажа, вы выходите из дома не на лестничную клетку, а в собственный садик, но за стеной справа такая же секция другой семьи, то же и за стеной слева. В Финляндии примерно 30% населения живет в собственных домах, 20% – в городских квартирах, а около

половины финнов – в домах секционных. Среди сосен. Заметим, что Финляндия – довольно небогатая страна, просто это часть Российской империи, не пережившая революций.

Человек – не крыса

Для современной географической науки мегаполис – особый тип поселения, так же отличный от города, как город от деревни. Жаль, что социологи, психологи, политики пока еще не уяснили, что мегаполис не город. В мегаполисах люди быстро теряют совесть, по крайней мере профессиональную: стоит ли водопроводчику заботиться о своей репутации, если его вызывают по телефонной книге? В мегаполисе разрушаются нити неформальных связей, пронизывающих город и составляющих скелет любой демократии.

В мегаполисах разрушаются корпорации, общество теряет структуру, превращаясь в толпу. Мегаполис притягивает мигрантов, босяков, бомжей, преступников. Мегаполис порождает переуплотненную среду обитания, как бы оправдывая массовое многоэтажное строительство.

Выше 12-го этажа жить вообще вредно из-за вибраций, ведь дом раскачивается. Вредно и вследствие чрезмерного расстояния до земли. Мы не осознаем, что нам неуютно смотреть в окно, но на самом деле на высоких этажах живем в состоянии непрерывного стресса. Малышам это просто уродует нервную систему. Мы нынче подражаем Западу? Но там люди не живут в небоскребах. Все высотные здания – это офисы или гостиницы, в которых вы проведете неделю-другую. Даже Нью-Йорк – это не Манхэттен, а уж вся Америка – далеко не Нью-Йорк. Стыдно признать, но современный небольшой американский город куда больше советского похож на город русский. Кроме несчастной России существует только одна страна в мире, ведущая массовую многоэтажную застройку – это Япония. Японцев можно понять. Их – 130 миллионов на скалах. А у нас места куда больше, чем у голландцев, датчан, немцев. Поспрашивайте родных, соседей, сослуживцев, сколько этажей должно быть в доме, где они хотели бы жить. Гарантируем, самый частый ответ будет – два этажа.

Около 20 лет назад английские биологи провели эксперимент на довольно миролюбивых черных крысах. Их

поместили в необычайно плотную среду, разделенную на клетушки, подобные современным квартирам. Пищи, воды, света, воздуха вполне хватало. Крысы посходили с ума, у них началась эпидемия небывалой агрессии: убийства и даже изнасилования, чего вообще не бывает в животном мире. Мы, конечно, не крысы, но это означает лишь то, что мы напрягаем волю и дабы не обижать соседей, соотечественников.

Граждане XXI века

Многие выводы и рекомендации, которые мы можем предложить, уже делались и делались уважаемыми профессионалами. Мы разучились создавать достойную человека среду обитания и, покуда не научимся вновь, не смеем ломать ничего, принадлежавшего настоящему русскому городу. Ни одного сарая дореволюционных времен!

Мы могли видеть по телевидению, как в огромном промышленном Манчестере разбирают многоэтажные дома 60-х годов, а на их месте возникает традиционная английская застройка. Ну, автор сошел с ума! Разве мы, нищие, можем сносить жилье? Во-первых, сносим все время. А, во-вторых, в определенный момент каждая постройка вырабатывает свою балансовую стоимость. И дополнительную балансовую стоимость может перенести на нее только капитальный ремонт. Мы действительно можем и должны добиться, чтобы людоедские дома капитально не ремонтировались. Чтобы на все проектные листы уродующая русский город застройка наносилась штриховой линией, и каждый архитектор знал бы – эти дома во внимание принимать не нужно, они подлежат сносу.

Мы должны добиваться расчленения мегаполисов, для начала – административного, а затем – градостроительного. Мегаполисы поглотили много населенных пунктов. Их вполне можно восстановить, а потом – отделить друг от друга парковыми посадками.

Нам следует осознать, что строительный комплекс, превративший в роботов и архитекторов, и обитателей наших городов, – одна из самых опасных антинациональных структур. Пора добиваться изгнания строительного начальства из городской администрации и, уж конечно, с выборных должностей.

И, разумеется, нам нужно отчетливо представлять, как выглядел раньше ваш собственный город. Особенно ребятам. Пожалуйста, собирайте для них альбомы, открытки, календари. Позаботьтесь, чтобы русский город был исчерпывающе

представлен на школьных уроках истории, обществоведения, географии, художественной культуры, родной речи.

Уже в детском саду русские дети должны представлять себе настоящий русский город. Не мы, а они будут в нем жить – граждане XXI века.

Выбор благоверного князя

Статья 2002 года.

Соавтор: Сергей Марочкин.

Святой благоверный князь. С него начинается, в некотором смысле, наша история. Не история государства, не история культуры – история русского народа, великорусского этноса. До него были восточные славяне, древнерусский этнос. Со времени его правления начинаются русские, начинается воссоздание русской государственности в самую тяжелую эпоху, подобной которой не было затем до XX века.

Александр Невский Рюрикович, сын великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, внук Всеволода III Большое Гнездо, потомок Владимира Мономаха, Ярослава Мудрого, равноапостольных Владимира и Ольги. Пожалуй, он всегда помнился и почитался больше любого правителя в русской истории. Даже больше, чем былинный равноапостольный Владимир – Красное Солнышко. И, правду сказать, не много государственных деятелей такого масштаба и в нашей, да и во всемирной истории. Немного, но есть. Но совсем уже трудно найти государственного мужа такого нравственного величия.

Доблестный воин и великий полководец, защитник русской земли, одержавший славные победы. С ними он и вошел в историю, об этом помнят все. Потому хочется поговорить о выборе, который стоял перед Александром Ярославичем, который он обязан был сделать, и сделал, как мы теперь можем судить, безошибочно. Судьбоносный был выбор! Не менее ответственный, чем тот, перед которым стоял в конце X века равноапостольный князь Владимир. Выбор веры, выбор культуры, выбор пути... во многом за весь русский народ.

Середина XIII века. Годы княжения, годы правления, годы очень недолгой, всего 42 года, жизни Александра Невского – это время иноземных вторжений. Со всех сторон. Как плохо, что в школе мы обращаем внимание только на Орду, на Батыево

нашествие. А посмотрите на карту, и попытайтесь обойти русские земли по часовой стрелке.

Итак, Батыева Орда: не всегда враг, но зато абсолютно непобедимая, могущественнейшая, созданная монголами держава.

Дальше. Степи Причерноморья. Еще недавно там жили скорее старые друзья и союзники русских: свои поганые (свои язычники, это слово не было оскорбительным). Многие из них становились христианами. Торки, берендеи, половцы... Александр Невский по материнской линии был внуком хана Кончака. Теперь этих союзников не стало. Все захватила Орда.

Дальше идет часовая стрелка. Наша церковная метрополия, историческая родина нашей восточнохристианской культуры, наш культурный старший брат – Восточная Империя, Империя Ромеев, Золотая Византия. Но и ее не стало. В 1204 году крестоносцы-католики взяли Константинополь, и на месте старинного союзника и друга появилось враждебное латинское государство.

Дальше. Юго-запад. Венгры, поляки. Выдающийся воин и политик, современник и в конце жизни союзник Александра Невского, Даниил Романович, великий князь Галицкий, не случайно всю жизнь укреплялся, возводил крепость за крепостью. И не на востоке, не от ордынского вторжения – от непрерывного натиска с Запада, вторжений мадьяр, часто в союзе с поляками. Город Львов, город Холм (ныне Хелм, подаренный полякам сначала Лениным, а затем Сталиным) – вот твердыни Даниила Галицкого.

Дальше к западу. Литва. Потомки древних балтов, литовцы, переживали в то время подъем, и их подъем опережал наш почти на сто лет. Это энергичный и очень опасный сосед. Полоцкое княжество подчинится литовским князьям еще при жизни Александра Ярославича. Правда, у литовцев были страшные враги на западе, немцы-крестоносцы, и в конце жизни Александра Невского великий князь Литовский Миндовг (Миндаугас) – его союзник, но недолгий, ненадежный. Назревал литовский натиск на русские земли.

А вот еще дальше. Теперь часовая стрелка пришла в самое страшное место. В Прибалтике, к северо-востоку от Литвы, враг смертельный, чудовищный продукт разложения крестоносной идеи, которая зародилась как светлое стремление освободить восточных братьев-христиан, но за столетия успела деградировать. Ордена немецких рыцарей, тогда Тевтоны и Меченосцы. Эти не знают ни пощады, ни компромисса. Знают лишь «натиск на Восток».

Еще севернее. Швеция. В Невской битве 1240 года Александру Ярославичу придется отбивать шведское вторжение, попытку захватить устье Невы, окончательно закупорить наш выход к морю.

Северо-восток. Языческие племена, тогда – недружелюбные. Правда, от них набегов можно не ждать, но и помощи никакой, и к себе не пустят.

Итак, со всех сторон недруги. Таких моментов немного в русской истории. У нас много было врагов, но почти всегда были и союзники, иногда даже друзья. По-разному бывало.

Насколько серьезным был натиск крестоносцев? Посмотрите: в Ледовом побоище латиняне потеряли 50 рыцарей убитыми и 400 рыцарей пленными. Из них только 20 убитых и 50 пленных были орденскими рыцарями, «крестоносцами-профессионалами». Из участвовавших в сражении примерно 2 тысяч рыцарей лишь около 200 были орденскими рыцарями. Остальные – «интернационалисты». Не вся ль Европа здесь была? В «Кентерберийских рассказах» Чосера свидетельствуется, что даже в XIV веке, во время Столетней войны (!), в послужном списке образцового английского рыцаря значилось: «Ходил на русских».

Рыцарей сопровождали примерно 4 тысячи оруженосцев и до 10 тысяч кнехтов-пехотинцев. Среди них были и слуги, прибывшие вместе с рыцарями, но большинство кнехтов составляли эстонцы и латыши – орденские холопы. Они шли со своими хозяевами за легкой добычей, словно воронье слетается на покойника.

Много ли это, 2 тысячи рыцарей, 4 тысячи оруженосцев и 10 тысяч кнехтов? Для сравнения, в 1204 году в IV крестовом

походе, в захвате Константинополя – превосходно укрепленного, крупнейшего и богатейшего города Европы с населением 300 тысяч человек – участвовали 4,5 тысячи рыцарей, 9 тысяч оруженосцев и 20 тысяч пехотинцев. Так что Александр Невский в 1240 году разгромил крупную общеевропейскую армию.

Могли ли мы победить Орду с помощью Запада, если бы князь согласился принять римо-католичество и окатоличить страну? Насколько реальной была бы военная помощь Запада? Вряд ли против Орды римо-католическая Европа смогла бы выставить намного больше воинов, чем для завоевания Константинополя в 1204 году. И то был бы единичный поход. Для постоянной обороны осталось бы только небольшая часть рыцарей (земля наша богата, но не забывайте про холодные зимы).

А Орда? По оценке крупнейшего историка Великой Степи, Льва Николаевича Гумилева, численность войска хана Бату (Батые) в нашествии на Русь и Центральную Европу колебалась от 30 до 50 тысяч конницы. Орда смогла бы выставить еще больше воинов, но более крупную армию просто невозможно было прокормить за счет грабежа тех земель, по которым она проходила. Но и того хватало: мы не успевали своевременно мобилизовать, развернуть, сосредоточить наши войска, и ордынцы били нас по частям. Не из-за так называемой «феодальной раздробленности» – могли же преодолевать политическую разобщенность Владимир Мономах и Дмитрий Донской! Из-за недостаточной сплоченности народа, упадка внутриэтнической солидарности.

Ордынцы побеждали не только русских. Но и доблестных польских и венгерских рыцарей, которым могла быть оказана помощь от их братьев римо-католиков из других западноевропейских стран. Вообще, крестовые походы против хорошо организованного противника в дальних странах неизменно терпели поражение, несмотря на великолепную индивидуальную подготовку и тяжелое вооружение рыцарей. Им не удавалось победить ни Салах-ад-дина в конце XII века, ни турок в конце XIV века, ни Александра Невского.

Даже если бы Запад оказал максимально возможную помощь, то в идеальном – для Запада – варианте дело кончилось бы тем, что после нескольких тяжелых поражений соединенных войск русских и крестоносцев, немцы укрепились бы не только в Прибалтике, но и в Новгородской земле, и на верхней Волге – везде, куда ордынцам было бы не далековато совершать частые карательные экспедиции. А вся Залесская Русь, Владимиро-Суздальская земля, будущая «Московия» (в этом случае не состоявшаяся) превратилась бы в постоянное поле боя между немцами и ордынцами. Русским пришлось бы проливать кровь в бесчисленных сражениях, прикрывая немецкие колонии в бывших северных русских землях.

Предвидим возражения: Но как же?! А Ключевский?! А Карамзин?! А сам Пушкин?! Все отмечали, что колоссальная заслуга России в том, что она прикрыла от ордынцев цивилизованный мир... Мы чтим эти имена, но позволим себе с ними не согласиться. Если бы то было правдой, то значило бы, что историческая заслуга России в том, что она спасла рыцарей, которые ходили в русские земли грабить и убивать, спасла купцов, торговавших русскими пленниками, католических монахов, проклинавших нас как еретиков, и тем самым оправдывавших все преступления Запада против православных.

Ордынцам хватило бы сил совершить рейд через всю Западную Европу до Атлантики. Они дошли до Адриатики и отступили лишь из-за смерти великого хана, торопясь назад, в столицу Монголии Каракорум, для участия в решении вопроса о престолонаследии. Ордынцы могли совершить грабительский поход на Запад, но не могли завоевать Западную Европу. Потому же, почему они пограбили, но не завоевали Польшу и Венгрию. Кто там сейчас помнит об ордынском нашествии? Потому же, почему они не завоевали и Русь, но ограничились протекторатом, наложением дани. Дело в том, что ордынцы были кочевниками и не хотели менять образа жизни. А кочевой образ жизни возможен только в Великой Степи. Ни в Западной Европе, ни на Руси степной образ жизни невозможен. Русь для

Орды не могла быть объектом завоевания, но лишь источником добычи, взятой в набегах. Или дани, отступного.

Русь была рядом с Великой Степью, потому она была уязвима для постоянных набегов. И вынуждена была согласиться на протекторат. А Западная Европа – Польша, Венгрия, не говоря уже о Германии и Франции – далековато, за горами, за лесами...

А что мог дать нам Запад «в нагрузку» к сомнительной, как мы убедились, помощи? Что дал бы переход в римо-католичество для нашей культуры, для нашей государственности? Народ вообще-то может сменить культуру, но только одной ценой: оказаться провинцией, захолустьем, оказаться на периферии новой, чужой культуры. В лучшем случае потребуются века, чтобы «выйти в люди», преодолеть культурный разрыв.

Посмотрим на историю тех исконно русских земель, которые постепенно попали под власть Литвы, а затем достались Польше. Под властью Запада оказались: современная Украина (Галицко-Волынские, Киевские, Черниговские земли), современная Белоруссия (Полоцкие, Туровские земли), Смоленская земля... Там не осталось православной знати, русской аристократии, русской национальной элиты, почти не осталось следов русского православного просвещения. Элита была уничтожена, она была или вытеснена в Россию, или ополячена.

Посмотрите. В Домонгольской Руси было более 300 каменных храмов. Две трети из них находились в тех русских землях, которые потом оказались в составе Речи Посполитой, побывали под римо-католической оккупацией, и лишь одна треть – в землях, которые побывали под протекторатом Орды, но спаслись от римо-католиков. И что мы видим теперь? К 1917 году сохранилось около 50 домонгольских храмов. Но из них больше половины сохранились в землях, бывших под Ордой. В западнорусских землях, переживших римо-католическую оккупацию, доля сохранившихся памятников гораздо меньше, и большинство из них сохранились гораздо хуже – почти все с тяжелыми повреждениями. В западных русских землях не

сохранилось ни одной иконы! Анализируя выбор Александра Невского, вспомним, что незадолго до ордынского нашествия на Русь, крестоносцы захватили и дотла разорили Константинополь. Память об этом была еще свежа, и гибель Константинополя ясно показывала, чего следует ожидать православным от римо-католиков. А еще чуть раньше немцы завоевали земли северо-западных славян. Выбирая между ордынским протекторатом и подчинением Западу, князь не мог не сравнивать ордынское нашествие на Русь с разгромом Константинополя и истреблением западных славян латинянами. И ордынское иго казалось меньшим из зол...

Одно из великих деяний Александра Ярославича – создание в 1261 году в Сарае, столице Орды, православной епархии. Много писалось о том, для чего она была нужна Орде, в частности для дипломатических отношений с уже освобожденной от латинян Византией. Но ведь открыли-то не ордынцы! А зачем русским была нужна эта епархия? Ответ прост: для одной цели – миссионерской! И действительно: карательную экспедицию на Владимир против брата Невского Андрея Ярославича возглавлял темник Неврюй. Его сын Олекса Неврюй, высокий ордынский чиновник, – уже православный христианин. Крестником Александра Невского был великий владимирский баскак Амирхан, в крещении Захар. Дети Амирхана-Захара жили на Руси, его правнук – преподобный Пафнутий Боровский. Посмотрите, сколько дворянских родов, сколько русской национальной элиты ордынского происхождения: Суворовы, Кутузовы, Ушаковы, Карамзины, Аксаковы, Тургеневы, Тенешевы, Балашовы...

Нам не удалось крестить Орду. Если бы мы выиграли состязание с исламом, и Орда стала бы православной – чести нам было бы, думается, гораздо больше, чем от Куликовской победы. Не удалось, может быть, потому, что слишком рано не стало Александра Ярославича. Нет, его не убивали в Орде, это нелепица, его там ценили. Если кто и был заинтересован в устранении Невского – так это был Ватикан и его передовые отряды, орденские немцы. Он просто надорвался. Он дважды защищал Новгород, и дважды новгородцы его изгоняли. Он всю

жизнь спасал Русь, а Русь тогда вовсе не хотела, чтобы ее спасали. На Руси был упадок народного духа, ослабление сплоченности и деятельной энергии народа, нарушение внутриэтнической солидарности. Заслуга Александра Невского в том, что, приняв протекторат Орды и отразив римокатолическую экспансию, он сохранил нашу православную культуру и русскую государственность. Когда князя не стало, в надгробном слове его соратник, который вместе с ним нес бремя власти, спасал Русь, великий митрополит Кирилл Киевский и Владимирский сказал: «Уже зашло солнце земли Суздальской!» И народ рыдал. А позднее летописцы переиначили фразу и писали: «Уже зашло солнце земли Русской!»

Существует легенда, связанная с культурным выбором Александра Невского. Рассказывают, что, когда Петр I переносил мощи святого князя из Владимира в Санкт-Петербург, в Александро-Невскую Лавру, князь увидел, что Петр I одет в голландский кафтан, сбрил бороду и курит трубку. Нелюбо то пришлось благоверному князю, плюнул он в лицо императору-западнику и ушел обратно во Владимир. И когда большевики вскрыли великолепное серебряное надгробие в Александро-Невской Лавре – оно оказалось пустым...

2002 год.

Где жить русскому народу?

Владимир Махнач, Сергей Марочкин

Человеку современного биологического вида около 40 тыс. лет. Из них более семи тысяч лет человек живет в городе. Знаменитый Иерихон, древнейшие городские поселения на Кипре и в южной части Малой Азии ученые относят к шестому тысячелетию до Рождества Христова. Везде, от Центральной Африки до доколумбовой Америки, от Двуречья до Южного Урала, независимо друг от друга неизбежно возникали города, как только общество перерастало родоплеменной уклад и появлялись зачатки государственности. Как только человек переступает границу первобытности, его жизнь связана с городом.

Конечно, до XX века в любом народе, в любой стране большая часть населения жила в деревне. Но всюду именно город был сосредоточением элиты, лучших людей. В городе формируется элита концептуальная и культурная – духовенство, интеллектуалы, художники; элита политическая и военная – аристократия и высшая администрация, элита производительная – наиболее квалифицированные ремесленники и купечество. Исторически город был стержнем, вокруг которого формировалась общественная структура, хотя всегда и везде город был продолжением традиционной системы обитания своего народа, из которой он вырастал как наивысшая форма развития.

У каждого народа свой город. Мы хорошо знаем западный город и мусульманский, весьма неплохо – античный город. По историческим источникам мы и Вавилон недурно себе представляем. А был ли русский город? Каким он был в домонгольский, допетровский периоды? Как выглядел типичный русский город до начала XX века? Наконец, что произошло с русским городом, как и со всем русским этносом, в XX веке, и каковы пути возрождения, регенерации русского города, образующего сегодня среду повседневной жизни большинства русских людей?

I. Традиционный русский город

1.1. Город – это наше все

За исключением периодов крайнего упадка городов, когда они выживали лишь благодаря своим религиозным, культовым функциям, города всегда были не только «культурными центрами», не только основными потребителями культуры, но и ее основными производителями. И вовсе не только создателями произведений искусства, центрами художественной жизни. Ведь культура – это все, что не природа. Нередко города определяли даже развитие сельского хозяйства. Иерихон был цветущим оазисом. Древнейшие арийские города III-го тысячелетия до Р.Х., теперь нам известные, – такие, как Аркаим в нынешней Челябинской области, были центрами не только бронзовой металлургии, но и коневодства. Древнегреческий полис, утопая в зелени виноградников, был еще и окружен оливковыми рощами.

Город, от Иерихона до Аркаима, возникал в первую очередь как культурный центр, центр духовной культуры, затем – центр материальной культуры, высокопрофессионального ремесла и искусства, который естественно становился административно-политическим центром. Религиозное святилище требовало поселения в городе священнослужителей и художников, создающих предметы религиозного культа. К ним присоединялись ремесленники, производившие потребительские товары. Потребность в продуктах питания приводила к возникновению рынка, где происходил обмен продукцией ремесла и сельского хозяйства. Для защиты святилища и связанного с ним поселения от «лихих людей» приглашали князя с дружиной, который обычно становился главой не только вооруженных сил, но часто и главой исполнительной власти, а иногда – и главой судебной власти. Для усиления обороноспособности, обеспечения от внезапных набегов неприятеля появлялись укрепления. Само слово «город» на Руси означает укрепление, оборонительную ограду и то, что внутри нее, «огороженное» место.

В пустынных и полупустынных местностях города возникали в оазисах, где благоприятные природные условия обеспечивали концентрацию населения, в первую очередь земледельческого. Оазисы соединялись караванными путями и превращались в комплексные центры – важные торговые пункты, центры ремесла, материальной и духовной культуры. На Руси город возникал из укрепленного погоста – религиозного и административного центра волости, в котором располагался княжеский или боярский двор. Город был окружен предместьем – посадом, сначала неукрепленным, а затем получавшим собственную линию укреплений. При погосте имелся центр церковного прихода, рядом с администрацией, располагался торг, ярмарка, при ярмарке – повышенная концентрация ремесленников, наиболее искусных. А при храме возникала школа – центр просвещения.

Напоминать, что города – основные вместилища ремесла и торговли – банально. Важнее отметить, что это почти единственные центры профессионального ремесла. Почти всегда было и крестьянское ремесло, и крестьянское искусство. Но обычно профессиональное ремесло влияло на крестьянское, высокая поэзия – на фольклор, каменное зодчество – на деревянное. Когда в XIX веке русские художники, ученые, аристократы обратятся к крестьянскому творчеству, это произойдет не потому, что у него выше художественный потенциал, а оттого, что крестьянин консервативен и сохранил русское профессиональное искусство, не поврежденное западничеством.

Город много более сельской среды склонен к формированию корпораций, а значит, и к созданию настоящего крепкого общества. Античный полис закономерно пришел к созданию гражданского общества и демократии. Через полторы тысячи лет это повторят средневековые городские коммуны. И парламенты будут созданы королями в содружестве с бюргерами. Впрочем, к городу, как правило, тяготела и власть, а значит, и политическая жизнь. Только представим себе ряд понятий, восходящих к греческому «полис»: полития (государственное устройство), политика, полиция, метрополия,

метрополитен, митрополит (епископ главного города). А из других языков добавятся: буржуа, мещанин, гражданин... Ко всему еще и «цивилизация» (civitas – «город», civilis «гражданский»).

Есть много оснований полагать, что в культуре человек жил всегда, но в цивилизации – только с появлением городов.

1.2. Христианский мир – городской.

Вера Христова была проповедана в полисном мире: примерно четверть населения Римской империи жила в городах. Став частью империи, греческие и италийские полисы сохраняли свой внутренний уклад, африканские и азиатские – перенимали его. Христианство проповедовали всем, но горожане принимали его и быстрее, и охотнее. Собственно, уже апостолы были горожанами. А то, что они ловили рыбу объясняется тем, что берега Генисаретского озера были усеяны маленькими красивыми городками.

Что за поселения упомянуты в Евангелии? Почти сплошь города: Вифлеем, Назарет, Кана, Капернаум... Где гремит апостольская проповедь? В Эфесе, в Антиохии, в Афинах... Видимо, при Константине Великом большинство горожан были уже христианами, тогда как в хоре – сельском округе – еще преобладали язычники. Тогда-то латинское «*paganus*» – «деревенщина» – стало означать и язычника (откуда наше «поганый»). «Церковь Божия, пребывающая в Риме, Церкви Божией, пребывающей в Коринфе», – начинается одно из древнейших христианских посланий.

Проповедь христианства на Руси пришла тоже через города. В городах возникали епархии, в городах князья, бояре, богатые купцы строили православные храмы, переписывались книги, писались иконы. А консервативная деревня консервировала язычество. Впрочем, при Совдепии, когда храмы были закрыты, а священнослужители репрессированы, консервативная деревня консервировала уже православие: по церковным праздникам крестьяне (само слово «крестьяне» означает «христиане») ходили на кладбище: церковь была закрыта – а на кладбище стояла «полулегальная» часовня. Почти во всех деревенских домах, даже у местного начальства, в красном углу висели унаследованные от прадедов иконы. Ядром «деревенского православия» были женщины, выросшие в православной культуре до коллективизации и закрытия церквей. Деревенские жители, в основном женщины,

собирались у самой грамотной и по церковным праздникам читали богослужебные книги.

Теперь, когда с момента закрытия деревенской церкви прошло более полувека, консервативная деревня консервирует уже «атеистическое воспитание»: деревня ведь консервирует все – и хорошее, и дурное. Нынешний «деревенский атеизм» – это поколение женщин, выросших после Великой Отечественной войны. Зато в городах все больше православных храмов возвращается к жизни, они наполнены молящимися. А по селам еще великое множество церквей стоит заброшенными, и уцелевшая деревенская молодежь не всегда спешит возродить веру предков... Все этого говорит о том, что в культуре деревня всегда шла за городом, отставая по фазе. Город – это динамичное мужское начало, это развитие, деревня – это консервативное женское начало, это стабильность.

Церковь сложилась в античном, полисном мире и очень многое приняла в нем. Приняла и освятила. Например, епископальное устройство. Когда христиане были еще гонимы, они собирались за богослужением все вместе во главе с епископом своего города. Когда христианами стали все, они построили вместительные храмы, и небольшой город с тремя-пятью тысячами сограждан так и продолжал собираться воедино. Ряд правил, действующих поныне как у нас, так и у римо-католиков и у англикан, воспрещает в одном граде быть двум епископам. Зато, в идеале, каждый град должен иметь своего епископа. Сельская же местность по-прежнему канонически воспринимается как хора – сельский округ полиса.

С падением Рима, нашествием варваров, упадком Античности города начинают быстро «усыхать». Классический пример – Арль на юге Франции, римский Арлеат. Город быстро сократился до размеров римского амфитеатра, в котором несколько веков и уместался, но не исчез с лица земли, как не исчезло большинство римских городов. Ведь в городе оставался епископ. А раз есть епископ, есть и церковные дела, и суд. Раз в город продолжают ездить, то сохраняется какая-никакая торговлишка. Христианская культура была настолько

городской, что спасала города даже в совершенно варварском окружении. Она же и возвышала города.

После мученической гибели первого ростовского епископа св. Леонтия два его преемника вынуждены были перенести кафедру в Суздаль. Этого оказалось достаточно, чтобы незначительное поселение выросло в первоклассный стольный град. Градов же обычных на Руси было немало.

На Руси, где епархий всегда было гораздо меньше, чем требовалось, роль духовных центров часто переходила к монастырям. Русский монастырь, основанный в провинции, вдали от крупных городов, нередко сам становился ядром города, выполняющим роль Кремля, соборного и административного центра города. Характерные примеры – Макарьев-Желтоводский монастырь на Волге, Борисоглебский монастырь под Ростовом, и конечно «великие государевы крепости»: Троице-Сергиева лавра, Кирилло-Белоозерский монастырь, Соловки, где существует даже официальный термин «Соловецкий кремль».

Пригородные монастыри, расположенные неподалеку от городов, становились ядрами подмонастырских слобод, тянувшихся вдоль дороги между городом и монастырем. Интересно, что пригородный монастырь всегда был повернут своим главным фасадом, той стеной, где были Святые ворота с надвратной церковью, лицом к городу или к дороге, ведущей в город. Также и дальние монастыри были обращены лицом к транспортной коммуникации, ведущей в другие города: к большой дороге, большой реке, озеру, морю.

Монастыри, как и епископские дворы, были на Руси не только чисто религиозными, но и общекультурными центрами, где велось летописание, писались иконы и переписывались книги. При монастырях были больницы, действовали школы, иногда даже высшие школы-протоуниверситеты. Например, Григорьевский затвор в Ростове.

Так русская христианская культура создавала город – русское национальное достояние, складывающее и воспроизводящее русский характер, русскую традицию.

1.3. Гардарики

Именно так – «Страна городов» – называли скандинавы еще языческую Русь. Изобилие богатых градов русских отмечали и византийские, и арабские купцы. В начале XII столетия православная Русь насчитывала около 400 городов. Крупнейший русский домонгольский город – Киев – насчитывал в период расцвета не меньше 50 тысяч жителей. Были и «30-тысячники»: Новгород, Смоленск, Чернигов; многие города имели по 15–20 тысяч. Крупных городов на Руси было ненамного меньше, чем во всей католической Европе, на деревенском Западе. Если согласиться с мнением демографов, оценивающих население Домонгольской Руси в 6,5–7,5 миллионов, нетрудно видеть, что горожане составляли тогда 20–25% всех русичей. Примерно как в конце Римской империи и намного больше, чем в любой стране средневековой Западной Европы.

В типичном католическом городе все население умещалось в городском соборе, вместимостью от 1 до 5 тысяч человек. В среднем западном городе часто имеется всего один собор, который строили веками, а достраивали уже в XIX веке, когда достраивались и соборы крупнейших западноевропейских городов – Праги, Кельна, Флоренции. А нередко собор так и остался недостроенным. В крупном западном городе, например Ревеле, Риге, Кракове, Берлине, кроме собора стояла пара приходских церквей и пара монастырей – мужской и женский. А в равном по населению, но гораздо более просторном русском городе, приходские церкви были небольшие, но церквей были десятки. Даже в Париже в конце XII века, когда один из величайших королей Франции, Филипп II Август, который является для Франции тем же, чем для нас, русских, был гениальный Иван Калита, одновременно со строительством новых стен Парижа заложил собор Парижской Богоматери, то планировали, что он вместит всех парижан, живших в городе до его расширения великим королем. Собор действительно очень большой, он вмещает 10 тысяч человек.

Хотя население Парижа в новых стенах Филиппа II Августа стало в несколько раз больше, его укрепленная площадь была ненамного меньше Новгорода, а плотность заселения западных городов была по крайней мере вдвое выше, чем на Руси. Так что население Парижа сравнимо с населением Киева, превысив 50 тысяч. И храмов, как приходских, так и монастырских, в Париже было немало.

В Западной Европе пространство внутри города противопоставлялось миру вне города, так же, как в древнегерманской, восходящей к древнеарийской традиции, земной мир – Митгард – противопоставляется подземному миру темных сил – Унгарду. Даже термины употребляются одни и те же: пространство внутри города, как и земной мир, именуется Митгардом, а мир вне городских стен, как и подземный мир темных духов – Унгардом. Но если на Западе город воспринимался только как Митгард, земной мир, то на Руси город был образом Асгарда – райской обители праведников, небесного Горнего Иерусалима. И в то же время город на Руси не противостоял миру вне городских стен, а являлся его органическим продолжением, высшей точкой развития.

Западноевропейский средневековый город замкнут в скорлупе каменных стен, он обороняется не только и даже не столько от чужестранных врагов, сколько от собственного сеньора, запершегося в замке. В Риге или Ревеле замок противопоставлен городу, укрепления города и замка противостоят друг другу, как стоящие по разные стороны линии фронта.

Земля внутри периметра городских стен баснословно дорога, а дороже всего – протяженность фасада вдоль улицы. Нередко бывал и такой фасад: дверь, рядом окно, а дальше уже следующее владение. В историческом центре Ревеля или Львова можно видеть остатки такой застройки: фасады домов плотно примыкают друг к другу. Выше второй этаж, который чуть-чуть нависает над первым, а третий – над вторым. Пешеходные улицы появились в наше время именно на Западе, ибо там бывают переулки шириной в три метра, по которым невозможно проехать на автомобиле, да и изначально можно

было ездить или верхом, или на носилках. И вот картина европейского города: тесно, а посреди улицы сточная канава – и ходить надо с умом. Конечно, порядочный бургер сначала выглядывает в окно, а уже затем выплескивает содержимое ночной посуды. Но ведь не все же порядочны...

Сейчас старые западноевропейские города выглядят как образцы чистоты и ухоженности, но такими они стали не так уж давно: до XVII века уровень благоустройства на Западе был заметно ниже, чем на Руси, а в Средние века нормой западного города была непролазная грязь – после дождей улицы превращались в болото, по которому было трудно передвигаться даже верхом на лошади. А пока Запад утопал в грязи, у нас на улицах издревле устраивали деревянные мостовые, многие ярусы которых найдены археологами и в Новгороде, и в Москве, и в других русских городах. А на обочине просто росла трава, по которой можно было ходить.

Хотя на Западе гораздо теплее, чем у нас, – историческая граница между германцами и славянами (она же граница между ФРГ и бывшей ГДР, или западная граница империи Карла Великого) проходит по отрицательной изотерме января, но у нас дети, а нередко и взрослые, ходили босиком до морозов, и не только в деревне, но и в городе. А на Западе было настолько грязно, что босиком ходить не стоило – отличительным признаком «западного образа жизни» были тяжеленные деревянные башмаки.

Вообще, чистоплотность была распространена по периферии Европы, в отличие от Европы французской и немецкой. Даже в XVII веке великий итальянский архитектор Бернини называл французский двор «нечистоплотным и дурно пахнущим». Не случайно король был вынужден ввести моду на крепкие духи. А у нас было множество бань – и общественных, и частных. В деревнях бани были почти у всех. Стояли они обычно в стороне от двора, у реки. Да и в Москве, кроме общественных, бани были во всех зажиточных домах.

В русском городе плотность застройки была гораздо ниже, чем в западноевропейском. Поэтому немалая часть населения, кроме ремесла и торговли, занималась и огородничеством, и

молочным скотоводством, и даже садоводством. Поутру скотину надо было выгонять на пастбище. Западноевропейские горожане держали свиней, нередко – гусей, но там невозможно было держать молочную скотину, трудно выгонять за ворота в путанице улиц.

Замечательная исследовательница Г.В.Алферова в своей книге «Русский город», которую мы искренне всем рекомендуем, отмечает, что планировка наших городов была рассчитана на возможно более быстрый выезд за его пределы. Даже Москва в XVIII веке была окружена обширными выгонами. На окраине Москвы молочную скотину держали до середины XX века, по крайней мере до разорения, затеянного Хрущевым. А курей держали и в Центре, в Замоскворечье.

Для русского города, в отличие от затесненного западного, характерна полностью усадебная застройка с приусадебным садом-огородом. Дома – в глубине участков, на улицах лишь храмы, лавки, мастерские. Во всех старых городах сохранились дома, стоящие не по красным линиям улиц, потому что построены до полицейского требования начала XIX века строиться по ниточке красной линии.

Западный город отгораживался от сельской жизни и отворачивался от пейзажа, русский город органически перерастал в пригородные слободы, он был теснейшим образом связан с сельским хозяйством и поистине развернут лицом к природе. Умение вписать поселение в пейзаж, поставить наиболее выдающиеся здания в наивыгоднейших точках – отличительная особенность русской культуры.

Подобны русским были и другие города нашей восточнохристианской культуры: византийские, южнославянские. Даже чуть ли не полумиллионный Константинополь имел сплошную застройку только по своей главной улице – Меси, окруженной портиками, как в Пальмире, – а большая часть города была застроена усадьбами, представляя собой настоящий город-сад. Не случайно наши древние предки перевели византийскую «Книгу епарха» (градоначальника), назвав ее «Закон градский».

С Законом градским надолго приобрело силу «правило прозора» (от глагола «зри»). Оно юридически реализовывало следующую норму: если вы имеете со своего участка прекрасный вид, а сосед застроил этот вид, то вы имеете право через суд добиться сноса его постройки. Это правило действовало веками и имело немалое градообразующее значение.

Русская страна городов, таким образом, была одним из мощных факторов русского развития, сохранявшего гармонию благоустройства места обитания со сбережением природы и теплоты человеческих отношений.

1.4. Социальная и архитектурная организация русского города

На Руси город не противостоял деревне, но просто был качественно более высокой ступенью развития. И в деревне, и в городе первичной ячейкой был односемейный двор-усадыба, часто очень похожий внешне. Разве что в деревне сад-огород был побольше.

Город не очень сильно отрывается от деревни, то есть от природы, потому что тип жилища и образ жизни определялись природно-климатическими условиями, единым вмещающим ландшафтом, в котором сформировалась этническая популяция русского народа. Зато город, в отличие от деревни, имел гораздо более сложную многоступенчатую структуру. Впрочем, в любой стране город имеет сложную структуру, и топографическую – сити – таун, бург – штадт, шахристан – рабат, кремль – посад, – и социально-политическую: систему корпораций, гильдий, цехов, слобод. В этом и состоит более высокий уровень организации по сравнению с деревней.

Типичная русская средневековая деревня – это фактически хутор, от 1 до 4 дворов. Если в деревне имелась усадыба дворянина-помещика, то такая деревня именовалась «сельцом». Еще более высокая ступень развития – село, то есть деревенское поселение, имеющее церковь. Наличие церкви превращает село в центр прихода, объединяющего несколько окрестных деревень, и одновременно в центр волости – административной единицы. Наконец, большое село, из нескольких десятков, а то и сотен дворов, расположенных в несколько порядков-улиц, было базарным: раз в неделю в базарном селе устраивался торг, куда съезжались продавцы и покупатели за много верст.

Городская структура вырастала из сельской – была ее логическим продолжением и одновременно переходила в новое качество. В русском городе дворы-усадыбы также располагались вдоль улиц-порядков, объединяясь в церковные приходы, включавшие обычно несколько десятков дворов. Более высокие

уровни организации были различными в разное время и в разных русских землях. Наиболее известны слободы, населенные представителями одной профессии и включавшие от 1 до 5 приходов. Известно также деление на улицы, как низовые звенья самоуправления, объединенные в сотни или концы, а в послепетровское время – на участки, объединенные в части.

Пригородные слободы, расположенные снаружи городских ворот и тянувшиеся вдоль больших дорог, представляли собой промежуточный тип поселения между селом и одной из структур города. Они часто были населены ямщиками, обслуживающими государственную систему почтовых и пассажирских междугородних перевозок. Еще одной промежуточной формой поселения между городом и селом были большие торгово-промышленные села, получившие особенное развитие в XVIII-XIX веках, а в советское время ставшие значительными городами. Такие села, жители которых занимались в большей степени ремеслом, чем сельским хозяйством, насчитывали иногда многие сотни, а то и тысячи дворов, и не один десяток церковных приходов.

Вне зависимости от размеров, русский город – и домонгольский, и допетровский, и XVIII-XIX веков, имел два общегородских центра: церковно-государственный центр – согласно «Политике» Аристотеля, центр монархической составляющей государственной властной вертикали – детинец, он же кремль, с соборным ансамблем, где располагался княжеский, а позднее воеводский двор. И тут же был архиерейский двор. (В Ростове и Вологде сейчас «кремлями» именуют великолепные комплексы архиерейских дворов). Если город возникал при монастыре, роль соборно-государственного центра играл монастырь, например, «Соловецкий кремль». Второй центр, центр посада – согласно «Политике» Аристотеля, центр демоса – торговая площадь, обычно с комплексом торговых рядов, гостиного двора и мытного двора, где собирали пошлину. Все государственные учреждения тяготели к соборному центру, кремлю; все земское, относящееся к посадскому самоуправлению, – к торговой площади.

В Москве Земский приказ, а затем городская Дума – русский аналог ратуши – располагались на границе торговой Красной площади. Но и на торговой площади всегда располагался храм, а в Москве – даже великий храм, Троицко-Покровско-Иерусалимский собор (храм Василия Блаженного). В дни больших церковных праздников Красная площадь из торговой площади превращалась в храм под открытым небом, собор Василия Блаженного играл роль алтаря торговой площади, а лобное место – роль амвона.

В Новгороде западный берег Волхова, где находился Детинец, с собором, архиерейским Владычным двором, центром боярского правления, именовался Софийской стороной, а восточный берег, где находился Торг и собиралось Вече – Торговой стороной.

Кроме двух общегородских центров, города имели и локальные центры, центры слобод или улиц: церковно-приходской центр (часто из двух церквей, зимней и летней), центр слободского самоуправления – съезжая изба или палата, локальный торг – слободской рынок.

Город должен быть соразмерным, сомасштабным человеку. По Аристотелю весь город должен был обозреваться с вершины Акрополя. Всю старую Москву можно было обозреть с Кремлевского холма, с галереи Большого Кремлевского дворца в хорошую погоду было видно Коломенское, до которого около 10 км. Существуют фотографические панорамы 2-й половины XIX века, отснятые с крыши Храма Христа Спасителя и с колокольни Ивана Великого, на которых запечатлена вся Москва с близкими окрестностями.

Существовал и противоположный взгляд, вид на город – с Поклонных гор. Поклонная гора – это пересечение большой дороги с отметкой рельефа, от которой впервые открывается вид на город или село, с дистанции 5 – 7 км. Даже Москву можно было окинуть единым взглядом, так как Москва в пределах Садового кольца (Земляного города) вписывается в круг диаметром 5 км, в центре которого храм Василия Блаженного и его амвон – Лобное место.

На Поклонной горе обычно стояла часовня с крестом, подобная той, что сохранилась на Поклонной горе при подъезде к Переяславлю-Залесскому из Москвы. Здесь путник останавливался и крестился на храмы города или села – здоровался или прощался с поселением.

У каждого населенного пункта столько Поклонных гор, сколько подходит к нему больших дорог. Пушкин в «Евгении Онегине» описал вид на Москву с Поклонной горы на Петербургской (Тверской или Новгородской) дороге:

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!

Начиная с XVII века сохранились панорамы, изображающие Москву с Воробьевых гор. Подобные виды открывались с каждой из Поклонных гор.

В Москве, как и в каждом русском городе, чем ближе к центру города – тем чаще стояли храмы, тем больше было вертикалей и тем выше они были. Самая высокая – соборная колокольня, в Москве – Иван Великий, которого окружали кремлевские башни и Василий Блаженный. Зато на окраинах стояли монастыри и храмы подмонастырских слобод – локальные концентрации вертикалей, возглавляемые монастырской колокольней. Например, Новодевичий монастырь в Москве.

В старом русском городе все дороги вели к храму, особенно при движении к центру города. Улицы шли не по прямой, а по слегка ломаной линии. В перспективе улицы вертикаль была всегда – храм или башня городских укреплений, та же Сухарева башня, оставались замыкающим взгляд объемом, воздействуя на людей, как городская доминанта, обращенная к небесам. При изгибах улиц вертикали храмов менялись.

Кривые улицы русских городов, помимо того, что вписывались в рельеф и уменьшали скорость ветра, а это облегчало жизнь в холодную зиму и препятствовало распространению пожаров, имели еще и эстетическое значение. Вы постоянно находились как бы в живой среде: двигаясь по улице, вы открывали следующий образ, следующую доминанту.

Многие улицы замыкались отдаленным храмом, особенно находящимся в более высокой части города. В Москве на Солянке, после игры вертикалей церквей Троицы в Серебряниках и Рождества на Стрелке, на горизонте вырастает силуэт храма Николы на Болвановке, стоящей на далекой Таганской площади. В перспективе Сретенки чередуются Иван Великий и Богоявленский монастырь. Большая Дмитровка и Большая Ордынка ориентированы на Василия Блаженного. При движении из центра такую роль играли пригородные монастыри. До тех пор, как Лужков застроил виды на Кремль с Пятницкой улицы, эта смена вертикалей продолжала работать и в Замоскворечье, где сохранилось 2/3 церквей.

Герцен писал, что в Москве на каждой версте прекрасный вид. Фактически прекрасный вид был на каждом повороте, а нередко и в каждом дворе, из которого открывался вид на прекрасную колокольню, на Кремль или монастырь. Старинная Москва, особенно до 1812 года, – это Суздаль, увеличенный в 20 раз.

Таким образом, русский город был организован как социально, так и архитектурно, соединяя в себе человеческую и природную гармонию.

1.5. Демос русского города

И социальный состав городского населения, и организация городского общества на Руси сильно отличались от средневекового Запада. Западноевропейская городская коммуна сплотилась, жестко организовалась в цехи и гильдии в борьбе с сеньором. У горожанина-русича сеньора не было.

На Западе сеньор – это хозяин, собственник города. На Руси князь скорее «исполнительный директор». Князь был городским воеводой, градоначальником – главой исполнительной власти и градским судьей. Законодательная власть, включая бюджет и налогообложение, очень часто принадлежала Вечу, как позднее, в Русском царстве, – Земскому собору, органу сословного представительства, русскому аналогу парламента.

В книге А.П.Паршева «Почему Россия не Америка», замечено, что на Руси всегда было дешевое государство, то есть доля чиновничества была самой низкой в мире. При нашем климате население физически не смогло бы содержать чиновничество, столь же многочисленное, как в гораздо более благоприятном для земледелия климате Западной Европы. Поэтому многие функции чиновничества, в том числе сбор налогов, нотариат, рассмотрение мелких судебных дел, у нас и в городе, и в деревне, выполняло местное самоуправление.

Князя иногда приглашали, то есть выбирали из представителей разных княжеских домов, иногда князь получал город вместе с округой по лествичному праву наследования, в соответствии со значением города и местом данного князя в родовой иерархии Рюриковичей. Позднее князь получал город по наследству от отца или старшего брата. Но зарвавшегося князя изгоняли, а случалось – и убивали.

Еще В.О.Ключевский убедительно показал служилый характер княжеской власти по отношению к городу. Князь и жил в городе вместе со своими поданными, его двор стоял рядом с городским собором. И бояре с челядью, и мелкие служилые

люди, будущие дворяне – отроки, детские, кметы – тоже жили в городе.

Сравним поведение русского боярина и западного рыцаря в случае войны. Рыцарь в случае опасности прежде всего запирался в загородном замке – потом разберемся! А боярин бросал свою вотчину и мчался оборонять город. В 1382 году Тохтамыш сжег Москву потому, что бояре и дворяне в конце лета убирали урожай в своих сельхозугодьях, разбросанных по всей Московской земле, и не успели в город, окруженный Тохтамышем. А среди наиболее доблестных посадских слишком многие погибли в Куликовской битве, и город не смог защитить себя.

При таких обстоятельствах, когда князь зависел от городского веча, и организация градского общества у нас была много мягче. Купеческие братства, подобные западным гильдиям, у нас известны, а цехов, с их жесткой монополией, не было. Русские горожане были объединены по улицам, собиравшим уличный сход и избиравшим своего старосту. Уровнем выше был «конец», созывавший кончанское вече, и, наконец, вершиной демократии Древней Руси являлось вече городское.

Властная действенность нашей исконной демократии проявлялась, например, в том, что князь волен был воевать, когда ему заблагорассудится, но лишь во главе своей дружины и на деньги из своей княжеской казны. А ополчать город могло только вече. Интересно, что от Новгорода в Куликовской битве участвовало 6 полков (хоругвей): 1 полк – общегородская дружина, и 5 полков – ополчение от каждого из 5 концов.

В национально-освободительных войнах, как на Руси, так и в других странах, ополчение чаще набиралось из горожан, а не из деревенских жителей, от молотобойцев дю Геклена до ополчения Минина и Пожарского, а также из посадских и купечества (мещанства, бюргерства). Крестьяне – прекрасные новобранцы, стойкие, выносливые, неприхотливые, но в сравнении с горожанами они менее инициативны, менее способны на самостоятельные действия, и, что самое главное, крестьяне менее последовательны, быстрее остывают, а

горожане более склонны идти до конца. Во время войны крестьяне бегут в лес, а горожане защищают свои родные стены, и бежать им некуда. Укрепления – это отличительный признак города, само слово «город» по-русски означает ограду, стены и то, что внутри нее, но укрепления имеют смысл только тогда, когда есть люди, способные их защищать.

В городском вече участвовали лишь домовладельцы, жители городских усадеб, по принципу: одно домовладение (семья) – один голос. Но Великий князь с начала XIII века, с Всеволода III Большое Гнездо, мог собрать Земский собор – выборных от всей Земли.

С точки зрения трехчленной схемы Аристотеля-Полибия, когда наивыгоднейшей, наиболее устойчивой и эффективной формой правления является сочетание демократии, аристократии и монархии, демос (народ, который в русской традиции именуется «обществом») – это Вече, аристократия – это Боярская дума (в Новгороде – это «300 золотых поясов»), монархия – это князь (в Новгороде – приглашенный князь и выборный архиепископ).

Статус полновесного города давало лишь наличие князя, то есть собственного военачальника и верховного судьи. Пусть этот князь был лишь малолетним сыном Великого князя. Без князя город имел лишь статус «пригорода» и управлялся княжеским наместником. Так, Псков долго был лишь «пригородом» Новгорода.

Местное вече было и в «пригороде», как и в деревне был сельский сход. Но из трехчленной схемы Аристотеля-Полибия в деревне было только звено демоса, общества, а звенья аристократии (боярство) и монархии (князь) – городские.

Город, в отличие от деревни, сложноструктурирован: в деревне максимум два уровня (деревня – волость), а в городе сложная организация, не только многоуровневая, но и многокоординатная. На корпоративную систему сословного самоуправления – дворянского, купеческого, слободского – накладывалась система территориальных корпораций – церковных приходов.

Особенно развитой многокоординатная структура была в допетровское время. Система профессиональных корпораций – слобод и сотен (откуда название «черная сотня»), организация горожан, посадских, плативших подать, тягло Государю. Система приходов, объединявших по несколько десятков дворов на одной улице.

Устойчивое общество – это общество структурированное, корпоративное, и в русских городах, где в городскую структуру входили не только посадские, но и дворяне, общество было более консолидировано, чем на Западе.

Если в крупных западных городах на площади в полсотни гектаров был один собор, пара приходских церквей и пара монастырей, то в русском городе на такой же площади могли стоять более двух десятков церквей. Небольшие, но многочисленные приходы требовали многочисленного духовенства – людей книжных, способных обеспечить массовое обучение грамоте. Археологически доказано, что на Западе, где даже многие дворяне были неграмотными, у нас существовала поголовная грамотность, в том числе и среди женщин.

Приходская жизнь поддерживала традиционную патриархальность даже в межсословных отношениях: богатый слобожанин, купец, даже дворянин – это прихожанин твоего же храма, это хоть и богатый, но сосед, который часто крестит детей соседей, то есть кум – к нему можно обратиться за помощью. Слободской храм строили всем приходом, а совместная деятельность сплачивает. Горожанин участвовал в приходской жизни, а несколько раз в году участвовал в общегородских богослужениях под открытым небом на главной площади, когда храмом становилась вся площадь, и в крестных ходах, когда храмом становился весь город – образ небесного Горнего Иерусалима.

«Черные сотни» – мещанство, городские домохозяева, ремесленники, лавочники, высококвалифицированные рабочие, которых либеральные интеллигенты презрительно называли «рабочей аристократией», отдавая предпочтение люмпен-босю, – эти крепкие городские слои всегда были опорой сильной власти, действующей в интересах страны. Мещанство

вызывало ненависть либеральной интеллигенции, потому что оно всегда было носителем национально-патриотической стабильности. Вспомним «нижегородского мещанина» Минина.

В романе Горького «Мать» высококвалифицированный рабочий пьет и бьет жену, но живет не в казарме-общежитии, и даже не в многокомнатном бараке, а в собственном домике, наверняка с садом-огородом, и зарабатывает достаточно, чтобы его жена могла не работать на производстве. Насчет пьянства квалифицированных рабочих – оставим это на совести писателя-босяка – в 1913 году потребление алкоголя на душу населения было в 2,5 раза меньше, чем при Брежневе и в 4 раза меньше, чем при Ельцине. А вот насчет собственного домика с садом, часто двухэтажного – нижний этаж кирпичный, верхний деревянный, – и неработающей на производстве жены – это правда, такую же картину дают и «Сказы» Бажова. То есть, это было повседневной нормой. Заработок квалифицированного рабочего в начале XX века не уступал окладу офицера, дети рабочих очень часто получали не только начальное, но и среднее образование: вспомним, что жена Сталина, дочь рабочего Алилуева, училась в гимназии. И в прошлую Гражданскую войну значительная часть квалифицированных рабочих, например Ижевские и Боткинские оружейники, дрались на стороне белых.

Русский город, как мы видим, отражает и закрепляет демократическое устройство русской жизни и ее традиционный уклад, придающий демократии стабильность и историческую укорененность.

1.6. Русская усадьба: палисадник, мезонин, сарай

На особый характер близости нашей среды обитания с богоданной природой влияло и дерево, излюбленный русский строительный материал. Не позднее, чем в XVI веке появляются каменные постройки с верхним деревянным этажом (они могли быть и раньше). Первоначально в полукаменных домах жили очень состоятельные люди, начиная с Государя, бояр и богатейших купцов. В каменных помещениях первоначально размещались либо парадные помещения, либо защищенные от пожара кладовые, а жить даже самые богатые и знатные предпочитали в деревянных. Любопытно, что эта традиция прожила до нашего века в мещанских полукаменных домах. Причем в нижнем кирпичном этаже устраивали лавку или сдавали этаж внаймы. Семья же хозяина жила наверху в деревянном.

В допетровской Руси разница между жилищем мужика и барина, посадского и Государя была лишь количественной, но все они основывались на общих принципах, и художественных, и функциональных. Свободолюбие и уверенность в себе русского горожанина, домохозяина видны в устойчивости вкусов, незыблемости национальной эстетики. Для нашего открытого города с широкими улицами характерны связанные с природой композиции. Лестницы с площадками-рундуками, лоджии, галереи. Городской дом – в два-три этажа, а зажиточный еще имеет «вышку» или «терем», с которого можно обозреть пейзаж. Старые палаты – каменные дома зажиточных горожан XVII века не сохранили верхних деревянных этажей, но и дома XIX века часто имеют мезонин, а это та же светелка, вышка, терем. Богатые дома, «полудворцы», нередко имели бельведер, с которого открывался вид на много километров вокруг.

Сегодня в остатках московского Замоскворечья или Заяузья еще можно видеть старорусские дома: дом победнее – одноэтажный с мезонином, побогаче – двухэтажный с мезонином. Чем богаче усадьба, тем больше было

возможностей для выражения эстетического и бытового идеала русского человека.

В Кремле есть Теремной дворец московских царей 1630-х годов. Там наверху – палата с большими окнами, окруженная открытой галереей, чтобы в хорошую погоду Государь мог пригласить гостей прогуляться, а в дурную – полюбоваться видом из этих окон. Это был первый в русской истории пятиэтажный сплошь каменный дворец. Из теремка, верхней палаты Теремного дворца, открывалась панорама Замоскворечья, южного полукольца монастырей и дворца в Коломенском.

Под стать царскому Теремному дворцу были палаты Строгановых на Вшивой горке, над Котельнической набережной, рядом с позднейшим домом Тутолмина. Из их верхних деревянных этажей открывались виды на Замоскворечье, Кремль и Лефортово.

Живописность и связь с природой хорошо видны в сохранившихся в Москве богатых усадебных комплексах: Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной, Крутицком подворье, палатах Юсуповых в Харитоньевском переулке. В конце XVII века таких усадеб, с палатами, окруженными несколькими дворами, парадными и хозяйственными, со множеством служебных построек, часто с церковью, связанной с домом галереей-переходом, в Москве было несколько десятков.

Русская городская среда обитания сопротивлялась регулярности. Когда появилось требование строить дома по красной линии улицы, русский домовладелец начал отгораживаться крошечной полоской полурукотворной природы – между фасадом и тротуаром завел палисадник. И давно забытое «правило прозора» продолжало действовать: мы почти не видим улиц, кроме Петербурга, где старая застройка образует непрерывный фасад.

Россия долго сопротивлялась классицизму. Его пропагандировала Екатерина II, однако классицизм оставался в XVIII веке казенным стилем и стилем дворянской усадьбы. Классицизм был по-настоящему принят нашими соотечественниками лишь в начале XIX века, когда он обрусел,

стал теплее, уютнее. Классическая архитектура выразила старинную национальную форму, которая звалась вышкой, затем теремом, потом светлицей, в мезонине. Только в России колонный портик превратился в террасу для чаепития. Все то же неизбывное стремление к связи дома с пейзажем. И, разумеется, каждый дом имел надворные постройки, необходимые любой нормальной самостоятельной семье, и заросший травой двор. Было где и скотину поселить, и добро хранить, и детям играть.

Еще в начале нашего века большинство русских горожан жили в своих домах. Как тут не вспомнить Пушкина: «В России нет человека, который не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях. Иметь корову везде в Европе есть знак роскоши; у нас не иметь коровы есть знак ужасной бедности».

В нашем климате жить в деревянном доме было гигиеничнее, особенно зимой, да и дров на отопление требовалось меньше, чем в кирпичном. Сплошь деревянные русские города страдали от пожаров, но поразительно быстро отстраивались. Леса было много, и всегда можно было купить готовый срубовой дом, которые рубились плотниками на продажу и перевозились разобранными на бревна. После покупки, уже на постоянном месте, такой дом собирался за несколько дней.

I.7. Город – сад

На рубеже XIX – XX веков в Англии возникла идея города-сада, как альтернативы традиционному стесненному западноевропейскому городу, к тому времени быстро перерождавшемуся в промышленный мегаполис. Согласно идеям Говарда и Энвина, город должен быть застроен односемейными домами с приусадебными участками, с общегородским общественным центром. Несколько небольших городов должны были окружать более крупный – с большим числом общественных учреждений, например, с высшей школой.

Если внимательно присмотреться к этим проектам, то получается система поселений, очень близких к традиционному русскому городу. Совпадает все: и многоступенчатая внутренняя структура города, и характер застройки, и числовые характеристики – плотность заселения, количество домовладений на единицу площади. Даже идея не прямых, а изломанных улиц повторяет древнерусский город, вписанный в ландшафт.

Русский город, в отличие от пыльного и грязного западного, утопал в зелени. На каждой усадьбе был сад-огород (мелкая усадьба была в 2–4 и больше соток, а богатая до гектара и больше), деревья росли на церковных участках, на улицах и площадях, в поймах рек и на берегах прудов.

Старинный русский город – это русское воплощение, точнее, русский прототип английской мечты о городе-саде, здоровой среде обитания. Этот тип поселения до сих пор сохранился у нас в провинциальных городах с односемейной усадебной застройкой, но его фрагменты уцелели даже в Москве. И сейчас, в 2001 году, усадьба, где умер Гоголь, на Никитском бульваре, рядом с Арбатской площадью, в самом центре мегаполиса, захлебывающегося от транспорта, смотрится как сельская усадьба. Особенно во дворе, где стоит памятник Гоголю. До начала XX века такие усадьбы были нормой. Московский дворик на картине Поленова, совершенно

деревенский, заросший травой, находился на Арбате, перед домом Второва (ныне Спасо-хаусом, резиденцией посла США в Москве).

По наблюдениям Е.И.Кириченко, одного из крупнейших специалистов по русской архитектуре и градостроительству середины XIX – начала XX века, в предреволюционной России по системе города-сада развивались рабочие поселки. Для удешевления строительства в них появились секционные дома – на 4 семьи, с приусадебными участками, примыкающими к дому со всех сторон. Наиболее зрелым воплощением идеи города-сада были пристанционные поселки. При станции возникал административный, церковный, культурный, торговый, школьный центр, окруженный односемейными усадьбами с садами-огородами.

До 1917 г. русский народ даже в городах продолжал жить в традиционной среде обитания, во вмещающем ландшафте, соответствующем укладу жизни русского этноса. Поэтому мы были не только быстроразвивающейся страной, с темпами экономического роста выше, чем в Китае при Дэн Сяопине, но и страной с быстро растущим населением. В XIX – начале XX века русский народ плодился и размножался на уровне лучших мировых достижений – не хуже таких “высокоэффективных” этносов, как чечены, афганцы или албанцы.

По подсчетам члена «Союза русского народа», великого русского химика Д.И.Менделеева, численность населения Российской Империи к 1985 г. должна была составить 560 млн. человек, а по новейшим оценкам П.С.Янычарова – более 600 млн., включая около 500 млн. русских (православных великороссов, малороссов и белорусов). К сожалению, на деле оказалось меньше половины ожидаемого.

В XX веке идея города-сада получила громадное распространение на Западе, так что современный американский город, а тем более современный европейский, гораздо больше похож на традиционный русский город, чем город советский. Москвича, приехавшего в Лондон, больше всего поражает, что там почти нет многоквартирных многоэтажных жилых домов: почти все живут в односемейных домах с приусадебными

участками. Соответственно, ни у кого нет нужды в даче – втором загородном жилье.

Америка считает себя «первой в мире страной пригородного типа». Американская пропаганда как всегда лжет. Мы, русские, и другие народы восточнохристианского суперэтнуса, «Византийского содружества наций», были странами «пригородного типа», то есть с городами, застроенными односемейными домами с приусадебными участками, задолго до Америки.

Но американский опыт тоже заслуживает внимания. Один по-настоящему умный американец Бил Левит создал альтернативу тому, что у нас называют «хрущевками» – дешевым многоэтажным многоквартирным домам. Вместо маленьких квартир было начато строительство дешевых односемейных домов с участками. Стандартный дом для американца из нижнего среднего класса: 74 м², 4 яблони, холодильник и телевизор – стоил 8 тыс. \$ с рассрочкой платежа (ипотекой) на 20–30 лет под 10% годовых. Сейчас этим домам уже полвека. С 1947 по 1951 под Нью-Йорком был построен Левит-таун, городок в 17,5 тыс. домов. Строилось по 36 домов в день, по принципу конвейерной сборки (широкое разделение труда по операциям).

Разумеется, американский дом гораздо дешевле русского по природно-климатическим причинам. Дом системы Левита строился без фундамента, с тонкими стенами – там тепло, грунт не промерзает и не раскисает. Но и у нас, в Средневековой Руси, был Лубяной торг – массовое деревянное срубное жилье, которое продавалось готовым к сборке и собиралось очень быстро. Из готовых «полуфабрикатов» при Иване Грозном русский десант перебросил под Казань и возвел рядом с ней целый город Свияжск.

Бил Левит утверждал, что «если у человека есть свой дом и участок земли, то он никогда не станет коммунистом – ему и без того есть чем заняться». А Хрущев, строя хрущевки, строил не столько жилье, сколько коммунизм. Хрущев уничтожал Россию как «страну пригородного типа». Он уничтожал односемейные дома с подсобным хозяйством даже в деревне, чтобы все стали

коммунистами (разумеется, за исключением партгосноменклатуры, которая жила на спецдачах и готовилась стать новыми рашенами). И именно при Хрущеве рождаемость среди русских упала ниже, чем у кавказцев и среднеазиатов, сохранивших традиционный уклад жизни.

2. Смута.

2.1. Разрушители русского общества и русского города

Порядок, противостоящий хаосу Смуты – это корпоративная организация домохозяев, точнее – домосемейств. По-гречески это «демос», а по-русски – «общество». Полноценный гражданин, во все времена у всех народов – женатый домохозяин, отслуживший в армии, «добрый отец семейства». Впрочем, на Руси, как и в античном Риме, это может быть и мать – «матерая вдова», возглавляющая домохозяйство после смерти мужа. По-римски *domus* – «очаг» – это и дом (усадьба, двор), и фамилия (семья). Настоящее общество, обеспечивающее порядок, это организация крепких домохозяев. Смута наступает, когда общество оказывается ослабленным, а на поверхность всплывает прослойка людей, выпавших из общества.

Народы дикие любят свободу и демократию, народы культурные любят порядок и процветание. Порядок, который обеспечивает процветание – это структура. Разруха, которую маскируют лозунгами «свободы и демократии» – это хаос. Смута – это торжество охлократии, власть черни, пролетариата. А пролетарий – это не тот, кто не имеет собственности. Это тот, кто не имеет отечества. Революция, победившая в 1917-ом, точно так же, как и революция, победившая в 1991-ом, была пролетарской в том смысле, что она была не рабоче-крестьянской, а босяцко-интеллигентской – бунтом прослойки, выпавшей из сословно-корпоративной системы. И в 1917, и в 1991 мы видим один и тот же тип власти – власть люмпен-пролетариата, возглавляемого люмпен-интеллигенцией.

Интеллигенция потому и именуется «прослойкой», что она *выпала из этноса*. Само слово «разночинец» означает то же, что и «гулящие люди», то есть выпавшие из общественных структур. Это перекасти-поле, недаром она сама называла себя «внутренней эмиграцией». По наблюдению социологов, во время предвыборной кампании 1999 года, когда вставал вопрос о блоке Юрия Болдырева, типичной реакцией интеллигента

было: «так он же с русскими спутался» (то есть, с Конгрессом русских общин). Заметьте: не с «красно-коричневыми», а именно с русскими. То есть, для интеллигенции само слово «русский» – самое страшное ругательство, вроде «фашиста». Как тут не вспомнить Бердяева, который гордился тем, что он интеллигент и больше всего на свете ненавидит национально мыслящих.

В начале XVII века русское общество было ослаблено опричным террором и порожденной им хозяйственной разрухой, и те же причины резко увеличили число «гулящих людей» – люмпен-пролетариев, переставших нести обязанности перед обществом, часто живущих грабежом и разбоем. Именно «гулящие люди» послужили опорой Лжедмитриев, которых подсунил нам Запад – Ватикан и Речь Посполитая. Смута начала XVII века была бунтом «гулящих людей». Напротив, Минин и Пожарский, сумевшие прекратить Смуту, выражали интересы партии порядка – сословных корпораций, собравших для спасения страны и народа все оставшиеся силы крепких хозяев.

К началу XX века в России происходили три процесса: 1. Ослабели старые «удерживающие», деградировали аристократия и высшая бюрократия, низким был общественный авторитет духовенства; 2. Росли силы хаоса – босячество, выпавшее из традиционного образа жизни, и либеральная интеллигенция, выпавшая из национального образа мышления; 3. Усиливалась организация демоса, общества, национально ориентированного среднего класса – крепких крестьян, городских домохозяев, квалифицированных рабочих, началась консолидация русской национальной крупной буржуазии, возрождение духовенства, росло влияние национально мыслящих русских интеллектуалов, подобных Менделееву и авторам «Вех». В стране был здоровый, сильный народ, но ослабленная, выродившаяся элита, во многом вытесненная злокачественной иноэлитой.

Новая здоровая русская национальная элита, способная противостоять иноэлите – прозападной «прогрессивной» интеллигенции, находилась в начале XX века в процессе становления, но не успела дорасти до власти. Мы оказались

недостаточно организованными, недостаточно политически опытными, чтобы противостоять хаосу – босйчеству, возглавляемому интеллигенцией. По свидетельству крупнейшего политолога начала XX века В.И.Ульянова-Ленина, нам надо было продержаться до конца 1920-х годов, чтобы Менделеевы вытеснили Писаревых и Горьких, чтобы во главе нашего общества оказались читатели «Вех», опирающиеся на столыпинских хуторян и организованных высококвалифицированных рабочих. Но иноэлита успела обрушить страну в Смуту.

А вот в Афганистане «прогрессивные силы» победить не смогли: там страна была очень бедной (гораздо беднее России), но общество осталось структурированным, и там просто не оказалось выпавших из общества босйков, чтобы укомплектовать комбеды. И коммунисты, захватившие власть, но не принятые страной, повисли в воздухе...

2.2. Революция разрушила все наиболее русское.

Русский город начали разрушать революционеры в 1917 году, продолжают разрушать их потомки (очень часто это прямые биологические потомки) – ловкачи, посжигавшие или припрятавшие свои партбилеты на наших глазах.

Любая система ведет отбор на неформальное соответствие. Победившая революция 1991 года стремилась воспроизвести свою питательную среду – «пролетариат» (напомним, что «пролетарий» на русский язык правильно переводится словом «босьяк»). То есть, разрушить структурированное общество “до основания, а затем”, превратить народ в население, в хаотичную россыпь индивидов, ликвидировать демос, заменив его покорным стадом.

Общеизвестен термин стратицид, означающий истребление лучших, последовательное истребление или изгнание из хозяйственной и общественной жизни всех сколь-нибудь выдающихся людей, ликвидировались из соответствующих социальных групп – от интеллектуалов и промышленников до крепких мужиков. Менее известно разрушение русской национальной традиции общественного самоуправления и кооперации, а также традиционного образа жизни, в том числе и уничтожение русского города как «цивилизации пригородного типа».

Революция 1917 года разрушила земское и сословное самоуправление. В результате на смену самоорганизации горожан и крестьян пришла диктатура бюрократии, произвол властной вертикали, со временем выродившейся в многоначалие и многописание, служение букве инструкции, волокиту бесчисленных справок и согласований. Падение Советской власти привело лишь к смене вывесок чиновничьих кабинетов и чудовищному разгулу коррупции.

Интересно, что сейчас, при «демократах», в системе представительных органов нет низового – микрорайонного звена, ослаблено и полностью поставлено под контроль вышестоящей бюрократии районное звено. Эти звенья начали

было стихийно восстанавливаться в конце Советской власти, но Ельцин, Лужков и чубайсы подавили тенденцию восстановления муниципального самоуправления (земскости).

Местные Советы были разрушены, зато сохранились более высокие инстанции, превратившиеся в бюрократические сходы. А ведь и в Средневековой Руси городское самоуправление начиналось с улицы или прихода, участвовавшего в самоуправлении конца или слободы, в свою очередь участвовавшего в общегородском вече. В XIX веке, при Александре II, земства создавались с низового уровня, с низшего самоуправления, с волостного, а в городе – с улицы, с применением сословного принципа (курий). Во второй половине XIX – начале XX века система корпоративной самоорганизации пережила новый расцвет, особенно в связи с развитием земского самоуправления. Накануне революции стоял вопрос о придании квалифицированным фабричным и транспортным рабочим статуса сословия с правами сословного самоуправления.

Когда Ленин говорил о «пролетарской» или о «рабоче-крестьянской» революции, он искажал правду. О пролетарской революции можно говорить лишь в том смысле, что босаяцкий элемент, люмпен, воспетый «великим пролетарским писателем» Горьким, действительно охотно принимал участие в массовых беспорядках, и из этого элемента рекрутировались «красные шапки» – активисты большевистской власти и в городе, и в деревне, привлеченные возможностью грабить крепких хозяев, прикрываясь мандатом «рабоче-крестьянской власти». Но основной движущей силой революции 1905–1917, так же, как и в 1985–1991, был «малый народ» – прозападная либеральная интеллигенция, именующая себя «приличными людьми» – идеологическая секта, чьи задачи идейны, а идеи беспочвенны.

Первым достижением «пролетарской» власти стали коммунальные квартиры. Откуда же взялась катастрофическая нехватка жилья? Первыми в крупные города хлынули представители «угнетенных народов» с окраин Российской Империи. Сами окраины – одни надолго, другие навсегда – стали иностранными государствами, но кого это волновало!

Некому было указать на дверь интернациональным оккупантам. За ними примчалось революционное босячье с установкой «все поделить поровну». Эти годились штыками выбивать из крестьян продразверстку, работать на земле они не собирались. Далее пошла волна неслыханной в истории бюрократизации: конторы, советы, подкомитеты и подотделы росли как поганые грибы. Еще в 1928 году рижский журнал «Русский колокол» сообщал, что в губернских городах Европейской России от 20 до 50% жилой площади занято партийными, советскими и непонятными организациями. При этом, заметьте, ничего не строилось и не ремонтировалось. А амортизировали несчастные дома всякие коммуны и жилтоварищества – с усердием, описанным М.Булгаковым. Вскоре добавилось большое человеческое горе: в городах искали убежища жертвы коллективизации, раскулачивания, расказачивания. В 40-е годы в одних областях жилье разрушала война, в других – эвакуация (особенно эвакуация предприятий). Правда, в это время уже строили. Но сколько строили, столько и сносили.

Поистине страшный удар по русскому дому и русскому городу нанес Н.С.Хрущев. Архитектура закончила в России свою историю. Русский дом, впрочем, тоже. Вместо дома миллионам соотечественников предоставили клетушки сначала в 5, затем в 9, а позже в 16 и 22-х этажных бараках. А барак, даже если клетушка снабжена «удобствами», так барак и останется.

Сколько прекрасной старой мебели тогда погибло, осталось на помойках! Сколько тонн антиквариата погибло или уплыло за границу: не могло пролезть через узкие двери и лестницы хрущев, и не осело в подсобных помещениях, которые не были предусмотрены. Так нас лишили семейного достояния, копившегося поколениями.

По своему мироощущению Хрущев, как истинный представитель прослойки, был вне этноса и вне культуры, он был враждебен всему русскому, всему традиционному. В этом номенклатура не отличается от «прогрессивной» интеллигенции.

Кстати, интеллигенция, несмотря на все столкновения с Хрущевым, подсознательно воспринимала его как своего, а теперь и вовсе боготворит вне зависимости от этнического

происхождения – он такой же «разночинец», «гулящий человек», «перекати-поле». Не случайно его сын перешел в американское гражданство, да и коммунизм для Хрущева был воплощением его смутных, невежественных представлений об Америке.

Великий русский историк Лев Гумилев заметил: для того, чтобы стать интеллигентом, достаточно не окончить университет. Хрущев был архиинтеллигентом: он не окончил начальную школу. Другой кумир интеллигенции, Ельцин, отличался от Хрущева только наличием диплома о высшем образовании и умением подбирать абсолютно лояльные кадры.

Чем более враждебна власть интересам русского народа, тем милее она интеллигенции, именующей себя приличными людьми.

У Салтыкова-Щедрина есть сказка про дурного барина, которому не нравился запах мужика, и про то, что из этого вышло. Никита Хрущев и Татьяна Заславская воплотили щедринскую сказку в жизнь. Не стало ни скотины, ни огорода, умер русский дом – и русские, согнанные в бетонные бараки, перестали размножаться, зато стали покупать хлеб в Америке. Оказалось, что запах мужика – это запах процветания, благосостояния.

Сейчас говорят о вымирании русских. А когда этот «процесс пошел»? Ответим точно: ежегодный прирост русского населения стал ниже, чем у мусульманских народов СССР, много меньше затронутых индустриальным жилищным строительством и сохранивших традиционный уклад жизни, только в 1960-х годах. То есть, русский народ пережил революцию, коллективизацию, страшную войну, но не смог пережить хрущеб. Вот уж поистине «русские в неволе не размножаются»!

Сколько десятков миллионов НЕСЧАСТНЫХ русских женщин вынуждены были решиться на аборт не потому, что не на что воспитывать детей, а потому, что негде. По наблюдению политолога С.П.Пыхтина, в Чечне у чечен рождаемость была почти втрое выше, чем у русских – но в одном и том же городе Грозном русские семьи жили в основном в многоэтажных коробках, а чеченские – в традиционных односемейных усадьбах.

Нормальную рождаемость обеспечивает не «исламская традиция многодетности» – тогда пришлось бы признать, что и старая русская деревня, и русская колхозная деревня, и традиционный русский город исповедовали ислам – ведь рождаемость там была не хуже, чем в Афгане, Чечне и Албании, но традиционный образ жизни во вмещающем ландшафте, соответствующий этническому стереотипу поведения, да и просто особенностям человека как биологического вида. В «квартире с удобствами» невозможно вырастить не только дюжину, но даже троих детей. Впрочем, в провинциальных городах – в каком-нибудь Темникове – возводились даже хрущобы без удобств: двухэтажные коробки без водопровода, с печным отоплением и сортиром во дворе. И начиная с хрущевских времен русские, в отличие от таджиков, чечен и цыган, сохранивших национальный уклад жизни, перестали размножаться. А при Ельцине вымирание русских ускорили хроническая неуверенность в завтрашнем дне, неустойчивость экономического положения, лавинообразный рост стоимости жизни при падении доходов подавляющего большинства семей, особенно рост стоимости удовлетворительного образования. В нищающем городе стало трудно вырастить даже одного ребенка. Русских женщин на «планирование семьи», то есть на аборт, вынуждает антирусская политика власти – сначала коммунистической, а после 1991 года – «демократической».

Суррогатом традиционного русского дома – усадьбы с подсобными постройками, погребом, огородом – стали дача, лоджия, гараж, «ракушка». История советской урбанизации – это история уничтожения подсобных надворных построек. В крупнейших городах их нередко превращали в коммуналки, где люди жили «как селедки в бочке», позднее – ломали.

В Вологде, как и в Москве, генпланом были установлены новые красные линии. По ним за надворными постройками строились новые 9–12 этажные дома, а надворные постройки выламывались как «мусор».

Уничтожая надворные постройки, в русском мужике убивали семьянина, домохозяина – чтобы не было подсобных помещений для семейной традиции и хранения семейного

достояния – если бабушкино кресло сохранится в сарае, правнук сможет его реставрировать, будет раритет, антикварная вещь. Сейчас роль сарая и одновременно роль приусадебного огорода играет дача – курятник на 6 сотках. Но до дачи надо еще доехать, в лучшем случае 2 часа в один конец, даже на автомобиле не меньше часа. Горожанин разрывается между квартирой и дачей, теряет время и нервы на дорогу. А зимой там не живут. Значит трудно держать скотину и урожай на зиму приходится привозить в квартиру, да и для воров дача, где хозяева бывают только по воскресеньям, гораздо доступнее. Функции сарая часто выполняет гараж, иногда имеющий погреб – и овощи хранятся вместе с бензином, а все свободные пространства между многоэтажными коробками поглощаются «ракушками» – ни детям поиграть, ни собаку вывести.

В современном многоэтажном многоквартирном бараке с удобствами усадьба (двор, домовладение) сжалась до размеров балкона или лоджии. Городское начальство долго вело борьбу с остеклением лоджий. Но по наблюдению А.П.Паршева, автора превосходной книги «Почему Россия не Америка» – это народная реакция на строительство домов, неудобных для жизни. «Зодчий был педант и требовал симметрии, хозяин – удобства».

Уничтожая нормальные семейные жилища «прогрессивные силы» босяцкой революции разрушали и весь город как единый организм, превращая его в безликое и однообразное скопление оштукатуренных коробок. Уничтожали русскую национальную культуру, выламывали оба городских центра – и соборный, и торговый. Это был не только разгул атеизма. Стремилась уничтожить любые проявления русской традиции. В 1931 – 1934 годах сносятся не только множество соборных ансамблей – в Ярославле, Костроме, Твери, Муроме – но и множество комплексов торговых рядов. Уничтожена половина гостиного двора в Ярославле; в Галиче Костромском уродуется собор, сносятся половина торгового двора; в Муроме вместе с собором исчезает торговый двор, в Твери сносятся гостиный двор – творение России; в Старице собор уцелел, но торговый ансамбль России уничтожается; разрушен практически весь Гостиный двор в Новгороде.

Стремились уничтожить, по возможности, оба центра, но в любом случае хотя бы один. И в Москве Китай-город и центральные площади от Манежной до Балчуга превратились из торгового центра в конторский. При «демократах» торговля вроде бы возвращается в центр Москвы, но это торговля не для простого народа: в иноэлитных торговых центрах покупателей гораздо меньше, чем продавцов.

Наряду с общегородскими центрами уничтожаются локальные, на смену приходу-общине пришел двор-коммуналка, затем – продувной двор, где никто никого не знает (теперь пространства между домами оккупировали «ракушки»). Сносятся церкви, организовавшие застройку слобод – архитектурные доминанты, разрушается визуальная организация города, с «прекрасными видами». В Москве уничтожено больше половины церквей, в том числе выломаны все церкви по красным линиям улиц, по которым ездило начальство из Кремля в Кунцево и к «трем вокзалам». Разрушается образ прекрасного старинного русского города – отражения образа рая, Небесного Иерусалима, с выразительным силуэтом на фоне неба, с застройкой, соразмерной человеку, с прекрасным видом на каждом повороте, где все дороги ведут к Храму.

Ю.М.Лотман предупреждал, что новые, послехрущевские, ставшие нерусскими города создают у детей от рождения информационный голод. Сельский мальчик набирает необходимую информацию, глядя на речку, рощу, лужайку; городской должен насыщаться, бегая по кривому переулку, с непохожими друг на друга домами, над которыми господствует богатый силуэт колокольни, а особенно – во дворе или на чердаке. И так у нас рождается все меньше детей, но и родившимся детям опаснее всего наши микрорайоны массовой застройки. Дворов у нас давно уже нет, а в новых районах и улиц нет. А есть проезжая часть. Еще 12 лет назад В.Л.Глазычев опубликовал две подборки детских рисунков. Одна группа ребят жила и училась в домах старой застройки, другая – в новом районе. Страшненькое сопоставление. У детей второй группы не было неба: фасад многоэтажной коробки доходил до края

листа. Вот откуда нервные заболевания у детей – от сенсорного голода.

2.3. Советский город

Говоря о проблемах и пороках советского и постсоветского, «демославянского» города – города, который перестал быть русским, так что теперь мы и наши дети живем в нерусском городе – чаще всего приходится обращаться к примеру Москвы. В ней все проблемы сконцентрированы, так как именно в ней собраны наибольшие материальные возможности для удовлетворения всех прихотей начальства. В других городах начальство стремилось подражать Москве, но в разные десятилетия XX века условия для этого были разные, наибольшие – в хрущевское и брежневское правление.

В 20-е годы почти ничего не строилось, да и ломать начали лишь в конце десятилетия, только уплотнялись – квартиры превращались в коммуналки, а гостиницы в конторы. Но в это время проходила «дискуссия о социалистическом расселении»: каким должен быть будущий город? Обсуждалось несколько моделей. Русские национально мыслящие интеллектуалы предлагали дезурбанистическую модель, близкую к идеям теоретика кооперации Чаянова: отказ от роста крупных городов, создание небольших поселков из односемейных домов с приусадебными участками. Они объединяли русскую национальную традицию и западные идеи города-сада. Им противостояли урбанисты, сторонники крупных сверхгородов-мегаполисов, близкие к идеям Ле Корбюзье: дом – это машина для жилья. Широкое распространение имела радикальная коммунистическая модель, восходящая к идеям Платона, Кампанеллы, Чернышевского, Энгельса: полное вычленение бытового обслуживания, включая воспитание детей, в общественный сектор, с перспективой полного отмирания семьи.

Конечно, платонические идеи были неосуществимы даже по экономическим соображениям, тем более, что перед разоренной страной стояла задача индустриализации. Но и идеи сторонников Чаянова оказались не ко двору. Хотя односемейные домохозяйства, когда каждая семья сама строит

себе дом, были не дороже многоэтажных многоквартирных муравейников, но дезурбанисты и кооператоры оказались «социально чуждыми», Чаянов погиб. На практике победила полумера: в перспективе был взят курс на урбанистическую модель с максимальным развитием обобществленного бытового обслуживания, и квартирами в многоэтажных домах, а в качестве временной меры, до полного построения социализма применялась модель общежития и квартир в коммуналках. Однако, точно так же, как в колхозной деревне, крестьянам сохранили приусадебные участки и скотину для собственного прокормления – вплоть до хрущевских времен продолжали существовать и пригородные деревни, население которых работало на городских предприятиях, и сложившиеся еще до революции рабочие слободы и поселки с традиционной усадебной застройкой.

В 20-е годы разрабатывались планы перспективного развития Москвы. Проектный план Щусева стремился к максимально возможному сохранению историко-культурного наследия, хотя и содержал порочные идеи продолжения Бульварного кольца в Замоскворечье и значительных сносов застройки исторической части города для устройства обширных парков. Проект Большой Москвы Шестакова предлагал сохранить старый город как историческую ценность, вокруг него создать пояс лесопарков, а за ними – несколько районов, равных Старой Москве, соединенных кольцевыми магистралями.

К сожалению, восторжествовало враждебное отношение к русской национальной культуре, и в основу реконструкции Москвы были положены идеи Ле Корбюзье, породившие Генплан 1935 года: шесть больших проспектов, соединяющихся на Красной площади. Предусматривалось расширение и выпрямление улиц – намечались новые красные линии, а великое множество превосходных домов – от дворцов XVIII – XIX веков до многоквартирных домов начала XX века – подлежали сносу, хотя полезная площадь в уничтожаемых домах часто была больше, чем в новых, возводимых на их месте. В центре Москвы намечалось строительство крупных

конторских зданий для непрерывно растущего бюрократического аппарата. Для их строительства также сносилась существующая застройка, а концентрация конторских зданий и транспортных потоков в центре города создавала предпосылки для транспортной перегрузки Центра, которая проявилась к 1980-м годам.

В 1922 году в Москве сносится первая часовня, в 1924 – первая церковь, а с 1928 года уничтожение памятников архитектуры, в первую очередь церквей, становится массовым. Глава «Союза воинствующих безбожников» Емельян Израильевич Губельман-Ярославский провозгласил безбожную пятилетку. В Москве его идеи воплощали Каганович и Хрущев. Среди многих других выдающихся памятников русской архитектуры были разрушены Чудов, Вознесенский, Никитский, Златоустовский, Симонов монастыри, церкви Успения на Покровке, Николы Большой крест, Пятницы на Пятницкой, Сергия на Дмитровке, Красные ворота, Сухарева башня, стена Китай-город, снесено множество старых кладбищ с великолепными надгробиями. Если на улице было много церквей – уничтожали самые лучшие.

«Светлое будущее» сначала воспринималось в образах стиля конструктивизм. По первоначальной идее он должен был стать наиболее функциональным, но на деле конструктивистские здания были дорогие в постройке и неудобные в эксплуатации – из-за подчинения композиции здания идеологизированной схеме, холодные – из-за злоупотребления сплошным остеклением, нуждающиеся в частых ремонтах. С художественной точки зрения это первый в истории искусства античеловечный стиль. Его постройки больше всего напоминают лагерные бараки с вышками для вертухаев.

Реакцией на конструктивизм стал сталинский академизм, позднее заклеянный как «стиль украшения и излишеств». Но сразу после конструктивизма он всем понравился – как воспоминание об архитектуре начала XX века. Да и архитекторы были те же. Но и в этом стиле проявился дух эпохи: образ возвышенный, но тяжеловесный, здания громоздкие, с представительными фасадами и затрапезными

задними дворами. Нормы этажности сталинских домов – 8, максимум 12 этажей – это предел для массовой городской застройки по нормам видеозкологии, законам зрительного восприятия. Но в этих домах многокомнатные квартиры с комнатой для прислуги либо предназначались для начальства, либо заселялись покомнатно, превращаясь в коммуналки.

С конца 1930-х годов сталинская власть, в поисках новой идеологической опоры, пытается обратиться к ценностям русской национальной культуры. Возникает идея «сталинских небоскребов», осуществленных уже после войны. Это попытка возрождения традиционного силуэта Москвы как русского города. «Сталинские небоскребы» немассивны, остроконечны, часто с красивыми силуэтами. Чем ближе к центру города – тем выше сталинские высотки. Самыми высокими должны были стать так и не выстроенные 300-метровый «карандаш» здания ведомства Лаврентия Берии на месте Зарядья и более чем 400-метровый Дворец Советов на месте Храма Христа Спасителя.

Хрущев, придя к власти, вспомнил молодость: началась новая волна закрытия и сноса церквей. За время его правления были закрыты больше половины церквей, действовавших в конце правления Сталина. Например, в Шацке взорвали собор к ожидавшемуся приезду Хрущева. Разорение церквей было настолько массовым, что в нормах расценок появилась графа: 500 хрущевских рублей (по покупательной способности 2000 года – около 1000 долларов) за «вырубку иконостаса». При Хрущеве продолжается реализация идей Генплана 1935 года: через историческую застройку прорубается Новый Арбат – «вставная челюсть старой Москвы», на месте Зарядья строится гостиница «Россия», изуродовавшая Красную площадь, в Кремле строится Дворец съездов – «стиляга среди бояр». Осуждаются «архитектурные излишества», разгоняется Академия архитектуры, возвращается стиль конструктивизма. Архитектура окончилась – осталось индустриальное домостроение. Но особенный вред принесло строительство хрущб – панельных пятиэтажек. Города начали расползаться, как кляксы, поглощая пригородные деревни и сельхозугодья.

Страна к этому времени стала уже достаточно богатой, поэтому пороки Москвы тиражировались по всей провинции.

Падение Хрущева остановило массовый снос церквей. В частности, были спасены церкви на Варварке (ул. Разина), в Зарядье. В Москве, подняла было голову общественность, было создано Общество охраны памятников истории и культуры.

Правление Брежнева – эпоха постепенного окостенения и загнивания Москвы. Город развивался на основе идей, заложенных при Хрущеве: расползались по окраинам многоэтажные новостройки, отличавшиеся от «хрущеб» лишь возрастающей этажностью, сносились пригородные деревни. В исторической части Москвы, преодолевая сопротивление общественности, выламывалась застройка слобод – особенно пострадала территория между Садовым кольцом и Камер-Колежским валом. На улицах появлялись «выбитые зубы» – сносы отдельных домов, были разрушены почти все ансамбли площадей. Генплан Москвы 1971 года, созданный под руководством Посохина-отца – соратника Хрущева, создателя Дворца съездов и Нового Арбата – переводил Генплан 1935 года с языка сталинского академизма снова на язык конструктивизма.

Ломать церкви стало уже неприлично, хотя в 1969–1971 годах к приезду в Москву Президента США Никсона были уничтожены церкви на Якиманке. Но историческая застройка подлежала полному уничтожению, за исключением памятников, стоящих на Госохране. Продолжалась концентрация в центре Москвы конторских зданий, усиливалась транспортная перегрузка Центра, предусматривались новые пробивки магистралей и расширение красных линий улиц.

К достоинствам Генплана 1971 года относятся запланированные центры периферийных планировочных зон и превращение долин московских рек в пояс парков – легких города. Но именно эти части Генплана выполнены не были, долины рек продолжали застраивать. В то же время общественности нередко удавалось сохранить от сноса немалую часть исторической застройки в пределах Садового

кольца. Были созданы Заповедные зоны, хотя и не имевшие утвержденного статуса.

2.4. Лужковская Москва

Имя Лужкова стоит в истории Москвы в одном ряду с Тохтамышем, Наполеоном, Кагановичем и Посохиным-отцом. Лужковская Москва унаследовала наихудшие традиции сталинской, хрущевской и брежневской. Подобно тому, как Горбачевская «перестройка» и ельцинские «демократические реформы» сохранили и приумножили все плохое, что было при Советской власти, уничтожив все, что было хорошего, заимствовали с Запада не то, что там было хорошего, но лишь то, что там было плохого.

Пришествию Лужкова в Москву предшествовал короткий всплеск активности общественности в 1986–1989 годах, когда начальство впервые стало бояться нажима «снизу». Это был «золотой век» эколого-культурного движения – замыслы чиновников стали подвергаться общественной экспертизе, возникли реальные перспективы сохранения остатков исторической Москвы, появился шанс на подчинение бюрократии власти демоса. К сожалению, номенклатура оказалась хитрее. Общественность была отвлечена на умело раскрученное противостояние Лигачев-Горбачев-Ельцин, а нарастающий хаос – новая смута – привел к тому, что общественность, зарождающийся демос, быстро утратил рычаги власти.

После августа 1991 года – «Великой криминальной революции» – мнение низов уже никого не интересовало. Общественные организации – Общество охраны памятников, Общество охраны природы, Экспертно-консультационный общественный совет при Главмосархитектуре, зарождающееся микрорайонное самоуправление утратили возможность хоть как-то влиять на принятие решений начальства. Низовые – районные – Советы были разогнаны, МосгорДума и районные «советники» превратились в послушный придаток исполнительной вертикали. Зато как тараканы плодятся чиновники – и московские, и «федеральные». После очередной революции вновь возникла нехватка конторских помещений,

переименованных в «офисы». Хотя население, управляемое из Москвы, сократилось в 2 раза, производство на душу населения – тоже в 2 раза, число конторских служащих в Москве выросло более, чем вдвое. То есть, число чиновников в государственных и коммерческих структурах на 1000 жителей выросло более, чем в четыре раза, а на единицу продукции – в восемь раз.

Стиль – это не столько набор формальных приемов, сколько доминирующий эмоциональный настрой, дух времени и дух места. После октября 1993 года в Москве господствует стиль лужок, лужковская Москва стала городом новых рашенов, чье сознание и бытие принадлежат не русскому народу, а золотому миллиарду. Это те 2% жителей бывшей РСФСР (1 миллион семей), которые получают больше половины всех доходов «этой страны». Половина из этого «золотого миллиона» проживает в Москве и ближнем Подмосковье.

Стиль “лужок”, выражающий дух иноэлиты. Ведь новые рашены не русские, а именно «рашены». Их стиль – агрессивный, подавляющий, как рок-музыка, по своему действию подобная наркотику. Если «хрущебы» безлики – они угнетают монотонностью, то «лужок» бьет по мозгам, опустошает душу.

По определению директора Института Искусствознания АН РФ А.И.Комеча, то что делается с Москвой при Лужкове – это торжествующее надругательство.

Сейчас в Москве за год уничтожается и уродуется даже больше памятников истории и культуры, стоящих на Госохране (не говоря уже о рядовой исторической застройке), чем при Брежневе за 10 лет. Стало нормой, когда памятник архитектуры уничтожается, на его месте строится фасадная стена с сохранением числа оконных осей – часто с искажением пропорций – а за ней пристраивается многоэтажный дом – конторский или жилой для «новых рашенов». Даже Храм Христа Спасителя лишь приблизительно похож на то, чем он был до 1931 года. Изуродован Гостиный двор Кваренги, уничтожена Манежная площадь, зато повсюду торчат уродцы, изваянные Зурабом Церетели. Именно при Лужкове о Москве как об

историческом городе стало возможным говорить лишь в прошедшем времени.

Стиль “лужок” полностью игнорирует требования видеозкологии. Уничтожается здоровая зрительная среда: везде, где возможно и невозможно, повышается этажность, нарушаются даже санитарные нормы расстояний между домами. Переулки превращаются в ущелья, а дворы – в колодцы. Выламываются соразмерные человеку двухэтажные дома, их заменяют многоэтажки «агрессивного» стиля. Бедствием стала «мансандризация»: реконструируемые старые дома надстраиваются мансардами, чуждыми традиции московской архитектуры, их высота нередко увеличивается в полтора-два раза, закрывая остаток неба. В ключевых точках, где до 1917 года стояли церкви, строятся наиболее претенциозные, наиболее античеловечные торговые и конторские сооружения. Даже на тех холмах, где сохранились и еще недавно господствовали над местностью древние храмы и другие прекрасные старинные здания, теперь торчат мансарды новых или надстроенных домов – на Ваганьковском холме, на Таганской площади. Закрыт вид на Красную площадь из Замоскворечья.

Взамен усердно уничтожаемых Лужковым остатков прекрасного старого города строится элитные жилые (точнее иноэлитное, ибо оно предназначено для новых рашенов) и конторские небоскребы. Гораздо быстрее, чем при Советской власти, уничтожается традиционная городская структура. Застройка Москвы, включая исторический центр, становится все более хаотичной. В центре города, особенно в пределах Садового кольца, концентрируется жилье и рабочие места для состоятельных людей, передвигающихся на собственных автомобилях.

Число легковых автомобилей в Москве за 10 лет выросло в пять раз. Никогда еще транспортная перегрузка Центра не была столь острой. Все дворы забиты гаражами-ракушками, скверы занимают под автостоянки, уничтожается зелень. Подземных и многоэтажных гаражей строится мало, особенно там, где больше всего автомобилей. По улицам невозможно ни пройти,

из-за стоящих на тротуарах автомашин, ни проехать. Дело идет к тому, что вся Москва в пределах Садового кольца станет единой транспортной пробкой. Пробивка новых магистралей в обход Центра не спасает положения – ведь пункты назначения находятся в Центре.

Уничтожаются не только внутридворовые и внутриквартальные, но и общегородские зеленые насаждения. Уничтожаются «легкие города»: иноэлитными коттеджами и многоэтажками перекрываются речные долины, многоэтажные микрорайоны перерезали «зеленый клин» на юго-западе – основной коридор свежего воздуха. Под застройку, несмотря на попытки сопротивления со стороны жителей, отгрызаются куски от лесопарков.

Из-за пренебрежения гидрогеологией повседневными стали просадки и обвалы, вызванные земляными работами, например, раскололся грот Бове в Александровском саду, развалилось Кокоревское подворье в Замоскворечье, треснул фундамент Исторического музея.

Качество строительных и отделочных работ даже на престижных объектах настолько неудовлетворительно, что это заметно невооруженным глазом: краска слезает, а штукатурка растрескивается уже на следующий год. Профессионалы обратили внимание на трещины во вновь выстроенных Казанском соборе и Храме Христа Спасителя.

Еще один лозунг «демократов» – «центр Москвы не для бедных». То есть, не для русских. Ибо чем выше уровень благосостояния, тем меньше доля русских в данной социальной группе. Русские вытесняются «новыми районами» – уже сейчас в Москве больше двух миллионов кавказцев и более миллиона «лиц, имеющих право на иностранное гражданство». А русских изгоняют за Кольцевую автодорогу и на канализационные поля орошения. Там для нас, для русских и жилье строится соответствующее: в результате победы «демократических реформ» на смену хрущевкам приходят лужковки: в квартире нет кухни – только плита в нише в жилой комнате, в совмещенном туалете – душ вместо ванны. Теснее бывает только в гробу. Не случайно мировое сообщество хочет сократить численность

русского народа до 50 миллионов человек, а Маргарет Тетчер говорит даже о 15 миллионах – о сокращении русских в десять раз!

Лужковская Москва становится “городом контрастов” – иноэлитный Центр и Запад противостоят “Бруклинам” и “Гарлемам” на Востоке и Юго-Востоке и за Кольцевой дорогой, куда выдавливаются простой народ. “Третий Рим” превращается в Вавилон блудницы.

2.5. Ложь современных строителей.

Военно-промышленный комплекс был нашей национальной гордостью. Строительный комплекс был и остается нашим национальным позором. Не случайно именно из последнего происходят и Ельцин, и подавляющее большинство приближенных Лужкова. Образ жизни строительной номенклатуры – это глобальные проекты и пропагандистская ложь вокруг них. Даже когда профессиональные строители-урбанисты («прогрессивная» интеллигенция, обслуживающая интересы строительного комплекса) возражают дезурбанистам (национально мыслящим интеллектуалам, сторонникам традиционного образа жизни), то эти возражения, как правило, лживы.

Ложь первая: высокая производительность труда, высокая скорость строительства и дешевизна многоэтажных многоквартирных домов, возводимых индустриальными методами. Якобы только индустриальные методы дают возможность быстро, небольшим количеством рук создать столь необходимое жилье.

Семиэтажные кирпичные дома в предреволюционной России возводились вручную за два строительных сезона, а железобетонный дом длиной в квартал напротив Данилова монастыря в Москве строили лет пятнадцать. То есть, скорость строительства не возросла. Просто рабочих мало стало на площадке, но много на заводе ЖБИ. Потеряли работу каменщики и плотники высокой квалификации, зато образовалось множество мест для разнорабочих и конторских служащих.

Кстати, демократия всегда была властью людей квалифицированных и зажиточных. Мастер, живущий в своем доме, – вполне естественный гражданин, патриот своей страны, защитник традиционного образа жизни. А чернорабочий-алкоголик из 16-этажного барака – лишь элемент массы, голосующей по приказу начальства.

Когда говорят о решении «жилищного вопроса», надо вспомнить как быстро – всего за год – отстраивались старые русские города и села после больших пожаров. Правда, дома там были не из бетона, штукатурки и краски, а из дерева. Три мужика всегда могли срубить большую избу за один сезон. Леса в России всегда хватало, так что весь «жилищный вопрос» в масштабах страны мог быть решен за пару лет. Надо также вспомнить, что здоровее всего жить в деревянных постройках, а вреднее всего – в железобетоне и пластмассе.

У нас могло бы вообще не быть коммуналок. Ведь собственные дома с участками не дороже барачков даже с некомнатным заселением – тем более, что при увеличении семьи дом можно расширять и благоустраивать постепенно, по мере надобности. Собственный дом воспитывает самостоятельность, готовность улучшать свою жизнь собственными руками, а казенное жилье – от койки в общежитии до квартиры в многоэтажке – распространяет иждивенчество: встань на очередь и жди, когда «дадут». Ведь до сих пор покупка квартиры доступна лишь малочисленному «верхнему среднему классу».

Ложь вторая: дороговизна городской земли. Якобы, чем выше дома, тем выше плотность заселения, меньше расходы и затраты времени на транспорт. Но чем выше дома – тем больше расстояния между домами по санитарным нормам (нормы инсоляции – освещения квартир – перестал соблюдать только Лужков), в кварталах 16 и 22-этажной застройки расстояния между корпусами должны быть гигантскими. Все это – выброшенная земля. Именно в силу ее бесхозности наши города такие пыльные. В нормальном русском городе земля имеет право существовать либо под строением, либо под зеленью, либо под дорогой с покрытием. Не должно быть выбитой, вытопанной земли, грязи и луж, заброшенной земли, земли под свалкой.

Начиная с Хрущева, с каждым десятилетием все выше многоэтажные коробки с удобствами. Но при росте этажности от 5 до 9, а затем до 16–22 этажей, количество полезной площади на гектар почти не растет. Зато строительство все дороже.

Самая плотная застройка достигается, когда этажность варьируется в одном квартале от 4 до 12 этажей, в условиях самой дорогой земли – «ковровая» застройка. Малоэтажная высокоплотная застройка от 2 до 4 этажей сопоставима по полезной площади на гектар с современной многоэтажной. К тому же, чем плотнее заселение – тем больше транспортная нагрузка, тем больше пробок, тем шире должно быть полотно дорог, тем больше от них шуму и вредных выхлопов.

Критикуя расползание современных свехгородов-мегаполисов, один видный архитектор заявил, что разумный градостроитель всю Москву с промышленностью и парками уместил бы в пределах Садового кольца. В действительности на эту площадь девятимиллионный мегаполис втиснуть невозможно, но вопрос в том, какова наивыгоднейшая численность и плотность населения города?

До начала промышленного развития в середине XIX века в Москве внутри Садового кольца проживало не более 200 тысяч, а в пределах Камер-Колежского вала – до 400 тысяч жителей. Перед революцией в Москве, вышедшей за Камер-Коллежский вал, проживало 2 миллиона. Константинополь, чья укрепленная площадь меньше, чем Москва внутри Садового кольца, имел до 300, возможно до 500 тысяч жителей – застройка была плотнее, чем в Москве, но соблюдалось «правило прозора» – сохранения «прекрасного вида», по сути – норма инсоляции и видеоэкологии. Позднеантичный Рим на той же площади в стенах Аврелиана насчитывал более 1 миллиона, может быть – до 2 миллионов, но в нем было много многоэтажных доходных домов-иноул, а множество рабов жило и вовсе в «общежитиях». Но это был город периода упадка, в котором проявились черты мегаполиса, а богатые римляне предпочитали жить в загородных виллах.

Квартира в многоэтажном доме имеет оборотную сторону – дачу с огородом, то есть «удвоение жилища». И удвоение расходов – на землю, на строительство, на транспорт, даже на мебель и посуду. Традиционная односемейная усадьба заведомо экономичнее двух жилищ (квартира и дача), особенно с расходами и затратами времени на поездки «туда и обратно».

Поразительно, что при Советской власти многоквартирные дома старались строить даже в небольших городах. В несчастном Нефтегорске, погибшем от землетрясения, городок в 3 тысячи жителей был застроен пятиэтажками – и очень многие имели за городом дачи с огородами. При Хрущеве даже в деревнях пытались строить хрущобы – пятиэтажки с постоянно выходящими из строя «удобствами», взамен усадеб со скотиной. В зоне БАМа, вместо односемейных домов с участками-огородами, людей годами заставляли жить в вагончиках и бараках, обещая в перспективе построить многоэтажные многоквартирные дома, хотя это и дорого, и неудобно жить. В Переяславле-Залесском – очень небольшом городе – и сейчас стараются строить многоквартирные дома.

Ложь третья: экономия на коммуникациях, социально-бытовой инфраструктуре и эксплуатационных расходах. Якобы не только строительство, но и обслуживание, поддержание в работоспособном состоянии «урбанистического» города значительно дешевле, чем поселения пригородного типа. Но бетонные, а затем и стеклянные стены, насаждаемые у нас сначала Ле Корбюзье, а затем Хрущевым, в нашем климате требуют гораздо больших расходов на отопление, чем деревянные. Не случайно в старой Руси даже князья пировали в каменных палатах, а жили в деревянных хоромы. Чем выше дом, тем больше расходы на лифты, на подачу воды в верхние этажи. Город с усадебной застройкой экономит даже на утилизации отходов: все, что может гореть – в печь, органика и все, что может гнить – в компост. Отходы канализации не заражают «поля орошения», а используются на своем огороде для повышения плодородия. Погреб – решение проблемы сохранения овощей на зиму – вместо городских овощехранилищ каждая семья может обеспечить сохранение урожая.

Самое главное достоинство «дезурбанистического» поселения – живучесть. В Нефтегорске при землетрясении в пятиэтажках погибли 2 из 3 тысяч жителей – если бы они жили в односемейных усадьбах, погибло бы в 100 раз меньше. От террористических актов в Москве в одном доме погибали сотни жителей. Если сравнить военные действия в Чечне и в

Югославии, то Югославия капитулировала потому, что Белград – город урбанизированный – не мог жить без электричества – без водоснабжения и холодильников, а чечены, живя в традиционном жилище, обходились колодцем и погребом. Во время Блокады Ленинграда в городе сотни тысяч погибли от голода и холода, а пригороды выживали за счет припасов – в односемейной усадьбе есть что хранить и есть где хранить.

Ложь четвертая: индивидуальное жилье, тем более с удобствами – дорогое, только для богатых. Якобы, если ты не «новый рашен» (в прошлом – секретарь райкома хотя бы комсомола), то собственный дом можешь иметь только с удобствами во дворе. Однако весь мир живет не так. Для людей бедных, которые не могут владеть приличными земельными участками, придуманы секционированные постройки. Это когда выход из своей квартиры в 2 – 3 этажа не на лестничную клетку, а в собственный садик, а за стенами справа и слева – такие же секции для других семей. Кроме того, существуют автономные системы водоснабжения и канализации, по стоимости не превышающие недорогой автомобиль и способные работать при наличии электричества, а при необходимости – и без него. Да и электричество при необходимости можно получать от собственного «движка», а еще лучше – от ветряка или малой ГЭС.

В Финляндии примерно 30% населения живет в собственных домах, 20% – в городских квартирах, а около половины финнов – в домах секционных, среди сосен. Заметим, что Финляндия – довольно бедная ресурсами страна. Просто это часть Российской империи, не пережившая революции и избежавшая Советской власти – что-то вроде «Острова Крым». Разница между Финляндией и бывшим СССР – примерно такая же, как между Северной и Южной Кореей. Можно категорически и со всей ответственностью настаивать на том, что если бы в марте 1917 «прогрессивная» интеллигенция и примкнувший к ней генералитет не устроили государственный переворот, именуемый «февральской революцией», то мы, русские жили бы сейчас как в сегодняшней Финляндии и в Древней Руси – в собственных домах среди сосен.

2.6. Человек – не крыса

Для современной географической науки мегаполис – особый тип поселения, так же отличный от города, как город от деревни. Жаль, что социологи, психологи, политики пока еще не уяснили, что мегаполис – не город. Это злокачественное перерождение города, это город, утративший соразмерность, раздувшийся настолько, что он уже физически не может функционировать как единый организм. Даже территориальная доступность, когда ежедневно можно ездить «туда и обратно», не должна превышать 1 часа в один конец, в мегаполисе становится недостижимой ни на автомобиле (из-за пробок), ни на метро (доезжать до места приходится на троллейбусе).

В мегаполисах люди быстро теряют совесть, по крайней мере профессиональную: стоит ли водопроводчику заботиться о своей репутации, если его вызывают по телефонной книге? В мегаполисе разрушаются нити неформальных связей, пронизывающих город и составляющих скелет любой демократии.

В урбанистическом городе, а тем более в мегаполисе, исчезло социально-психологическое множество «соседи»: люди, как правило, не знают по имени даже соседей по лестничной площадке. Отсюда отношение к «местам общего пользования» – от лестничной клетки и лифта до улицы вокруг дома – как к ничейной территории, к пустырю, стихийно превращающемуся в свалку.

Из-за чрезмерных затрат времени на дорогу ослабевают родственные и дружеские связи – людям становится трудно встречаться, общаются лишь по телефону, а видятся лишь на свадьбах и похоронах. В мегаполисах разрушаются корпорации, общество теряет структуру, превращается в толпу. Мегаполис притягивает мигрантов, босяков, бомжей, преступников, инородцев. Он порождает переуплотненную среду обитания, как бы оправдывая массовое многоэтажное строительство.

Предел этажности для жилого дома – 8–9 этажей. 12 этажей – это уже за гранью нормального. Выше жить вообще вредно из-

за вибраций, ведь дом раскачивается. Вредно и вследствие чрезмерного расстояния до земли. Мы не осознаем, что нам неуютно смотреть в окно, что на высоких этажах мы живем в состоянии непрерывного стресса. Малышам это просто уродует нервную систему. Тем более, когда из окон виден не прекрасный пейзаж, как в горах, а лишь бесконечные многоэтажные коробки монотонного или агрессивного облика. Из окна человек должен видеть небо, а под небом – деревья, а не бездушные коробки.

Особенно отвратительны виды в современных «дворах» – замкнутое пространство высотой в 16–22 этажа, больше всего напоминающее гигантский общественный туалет. В квартирах, выходящих в такой “двор” человек подсознательно старается отворачиваться от окна, ему неприятно проходить к дому через такой двор.

Подражание Западу у нас выражается в приверженности к небоскрегам. Но на Западе люди не живут в небоскрегах. Все высотные здания – это конторы (офисы) или гостиницы, в которых вы проведете неделю-другую. Там человек не успевает вымотаться. Даже Нью-Йорк – это не Манхэттен, а уж вся Америка – далеко не Нью-Йорк. Стыдно признать, но современный небольшой американский город куда больше советского похож на город русский.

Кроме несчастной России существует только одна страна в мире, ведущая массовую многоэтажную застройку, – Япония. Но японцев можно понять – их 130 миллионов. А для жизни – маленькие острова и скалы. У нас места куда больше, чем у голландцев, датчан, немцев, но “демократическая Россия” предпочитает мучиться в многоэтажных норах.

Около 20 лет назад английские биологи провели эксперимент на довольно миролюбивых черных крысах. Их поместили в необычайно плотную среду, разделенную на клетушки, подобные современным квартирам – хрущевкам и лужковкам. Пищи, воды, света, воздуха вполне хватало, но крысы посходили с ума. У них началась эпидемия небывалой агрессии: убийства и даже изнасилования, чего вообще не бывает в животном мире.

У людей хронический стресс, нервное истощение – одна из главных причин сердечно-сосудистых, онкологических, гастроэнтерологических заболеваний, роста преступности и самоубийств, не говоря уже о неурядицах в личной жизни. Мы, конечно, не крысы, но это означает лишь то, что мы вынуждены напрягать волю и разум, дабы не обижать соседей, соотечественников, живущих рядом с нами.

3. Регенерация

3.1. Город Русской Империи

Новое никогда не борется со старым. Борются разные формы нового, а старое уходит само. И любая реставрация – это не возвращение к старому, а еще одна форма нового.

Когда наша бывшая страна вновь станет нашей страной, перед воссозданным русским национальным государством встанут три исторические задачи, без решения которых невозможно долговременное противостояние как Западу (точнее Северо-западу, или Океании), так и Востоку (точнее Юго-Востоку, или Ост-Азии):

1. Воспитание незыблемого национального духа, имперской консолидации.

2. Восстановление нормальной рождаемости, когда численность русской этнической популяции сможет удваиваться каждые 30 лет, как это делают чечены, албанцы и афганцы.

3. Обеспечение наивысшей производительности труда, эффективности производства и качества продукции.

Когда идея овладевает массами, она становится материальной силой. Наша страна – Север (точнее Северо-Восток, или Русская империя) должна иметь наилучшую структуру власти и управления, наилучшую систему воспитания и образования, наилучшую организацию экономики, включающую понятие имперского качества – имперское не должно быть плохим. Это касается и жилища, и городской среды, в которой должна жить в современном обществе основная масса населения. Каким же должен стать русский город – город победившей Русской империи – чтобы в наибольшей степени соответствовать интересам нашего народа? Наша цель – восстановление русского образа жизни как цивилизации пригородного типа, с городским набором рабочих мест и учреждений культуры и традиционным укладом быта.

Эталоном русского традиционного образа жизни, при котором у русских нормальная рождаемость, веками перекрывавшая все бедствия и потери, – старообрядческие общины в Латинской Америке. Там ни в одном доме нет

телеящика – ибо «Блажен муж, иже не читит демроссийскую прессу и не зрит идиотский ящик по реклу Тель-Авизор», зато по 5 и больше детей, в каждом доме – трактор, у каждого мужика – автомат (от лихих людей). Вспомним «Лад» Василия Белова...

Регенерация русского города – это воссоздание таких условий для жизни, чтобы наш народ снова смог стать демосом – организованным, структурированным обществом, а не разрозненным перекасти-полем и снова начал плодиться и размножаться. К началу XXII века население Русской империи в границах СССР 1984 года должно превысить 1 миллиард человек, в том числе около 800 миллионов русских (православных великороссов, малороссов, белорусов и казаков).

Односемейное домохозяйство, или домосемейство обеспечивает здоровый образ жизни, когда свободное время и взрослых, и детей тратится не на безделье, именуемое сейчас «балдежом», и не на просмотр телеящика, а на работу на огороде, физическую нагрузку, продовольственное самообеспечение, экономию на втором жилище (даче), включая время и силы на дорогу на эту дачу. Семейная усадьба – это “школа № 1”, в которой дети не бездельничают, а вырастают во взрослую жизнь в совместном труде со старшими. Здесь многое делается своими руками – развивается мастеровитость взрослых, и детей. А это не только физическое, но и умственное развитие. Даже для физкультуры усадьба с надворными постройками и чердаками не уступит спорткомплексам Никитиных и Скрипалева.

Для восстановления нормальной рождаемости необходимо, чтобы как можно больше женщин получили возможность надомной работы. Русская женщина – великая труженица: и пряжа, и ткаха, и в своем огороде, и на барском поле, и на колхозном. Но работая на фабрике или в конторе, надо тащить детей в детсад, а при надомной работе дети весь день при матери. Компьютер с интернетом создают возможность для надомного труда в большей части непроизводственной сферы, а хорошие дороги с всепогодным твердым покрытием – для значительной части производственной сферы. Недостаток

надомничества – понижение коэффициента сменности в использовании оборудования, достоинства – не надо производственных помещений, само собой происходит воспитание внутренней дисциплины, возникает возможность участия детей в работе матери.

Интересно, что до революции были Иваново-Вознесенские ткачи, то есть женщины ткали и пряли дома, в деревне, а на ткацкой фабрике работали мужчины. Когда Иваново перестало быть Иваново-Вознесенском, появились ткачихи (ведь Иваново – город невест, часто так и не выходявших замуж). Советская власть всеми мерами, от экономических до пропагандистских, стремилась вовлечь женщин в производство за пределами домашнего хозяйства. Это называлось «раскрепощением». Но в народе говорят: баба – это хорошая русская женщина, которая выполняет тяжелую грязную работу. Вместо раскрепощения русскую женщину погрузили в эту грязь, сделали советской бабой.

Женщина может родить до 20 раз, реально в русской семье в конце XIX века рождалось в среднем 10 детей (от 5 до 15). Если муж из деревни регулярно уходил на заработки (отходничество), среднее число детей падало вдвое – с 10 до 5. В семьях православных священников, где не признают насаждаемого антирусской «демократической» властью «планирования семьи», и сейчас детей не меньше, чем в старину. Отсюда – задача восстановления традиционного семейного уклада, формированию которого должен служить русский город и русский труд.

Во все времена у всех народов в здоровом обществе наипервейший гражданский долг полноценного мужчины – защищать отечество с оружием в руках; наипервейший гражданский долг полноценной женщины, способной произвести на свет здоровое потомство – родить и воспитать как можно больше себе подобных, принявших наследие отцов и традиции предков.

Чтобы успешно функционировать, город должен иметь наивыгоднейшую структуру организации – основу общественного самоуправления, корпоративной жизни и систем

жизнеобеспечения. Ступени городской структуры, соответствующие радиусу доступности и числу жителей (или односемейных домовладений) – это разные уровни обеспечения социально-бытовыми и культурно-просветительными учреждениями. Естественно, чтобы они соответствовали уровням муниципального самоуправления.

Если взять за основу средневековый Новгород, то город в 35 тысяч жителей включает 5000 дворов и состоит из 100 приходов по 50 дворов. Город разделен на 5 концов по 1000 дворов, включающих по 20 приходов. Москва в начале XIX века также делилась на части приблизительно по 1000 дворов, включающих приходы по несколько десятков дворов. Видимо, дезурбанистический город должен делиться на районы в 30–50 тысяч жителей, а районы – на микрорайоны, включающие около 1000 дворов. Необходим и более низкий, первичный уровень муниципальной организации и самоуправления – «уличанский», соответствующий сельскому сходу, в несколько десятков дворов. Наряду со сферой обслуживания, школами, поликлиниками, отделениями полиции и церковными приходами, необходимы «дома культурного досуга» с клубами по интересам, кружками, физкультурными залами. Для охраны порядка необходимо возродить «бригады содействия полиции» – они могут формироваться на основе военно-физкультурных клубов.

Естественно, чтобы все эти учреждения и действовали согласованно, и располагались комплексно, образуя градостроительный центр микрорайона, напоминающий центры старинных слобод, организованных вокруг церковного ансамбля, центра самоуправления – съезжей избы или палаты и слободского рынка – «Торжка», что будет способствовать укреплению корпоративной жизни демоса.

Общество должно быть организовано по нескольким «координатным осям» – многоступенчатое территориальное (муниципальное) самоуправление, отраслевые клубы и общественные организации (например, федерация военно-физкультурных клубов, общество защиты прав потребителей, эколого-культурное движение), производственные и

профессиональные организации. Представительные органы власти Русской империи также должны формироваться по нескольким «координатным осям» – территориальным и отраслевым, по многоступенчатой схеме: например, микрорайонные или волостные «земские собрания» выбирают районное, районные выбирают городское или уездное, те – губернское а губернские – территориальную курию Земского собора.

Наряду с организацией социальной структуры, город должен быть наилучшим образом организован градостроительно – иметь наивыгоднейшую планировку и размещение общегородских объектов. Вершиной отечественного градостроительного искусства на сегодняшний день является проект Генплана Москвы А.Б.Тренина, разработанный вместе с В.А.Виноградовым, Г.Я.Мокеевым и М.П.Кудрявцевым. Его основная идея – разгрузка Центра за счет развития треугольной планировочной схемы: три периферийных центра, соединены тремя хордовыми магистралями. Треугольник – единственная фигура, где кратчайшее расстояние между углами проходит не внутри фигуры, а по внешнему периметру. В отличие от принятой Ле Корбюзье, Посохиным-отцом и Лужковым радиально-кольцевой схемы с концентрацией притягивающих транспорт конторских и торговых объектов в центре Москвы, треугольная схема Тренина обеспечивает наилучшее решение проблемы размещения общегородских объектов, преодоление транспортной перегрузки Центра, а также сохранение историко-культурных памятников старого города.

Мы должны стремиться, чтобы наши города вновь стали соразмерными. Город может функционировать как единый организм, если транспортная доступность между любыми его точками не превышает 1 часа. Предельные размеры города должны быть такими, чтобы по нему можно было бы передвигаться если не пешком, то хотя бы на роликовых коньках или на велосипеде. Необходимо ограничить рост каждого города, особенно крупных – население должно быть равномерно распределено по всей пригодной для жизни территории нашей страны.

При решении градостроительных, архитектурных и видео-экологических задач необходим эталон – образец для подражания. Достаточный материал по облику наших городов имеется, как правило, начиная с XVI – XVII веков, а с середины XIX века все прекрасно отснято на фотографиях. Эталонем образа русского города в 50–100 тысяч жителей должны служить дореволюционные Вятка, Кострома, Калуга, Ярославль, а для городов в 500 тысяч – Москва середины XIX века. Это город с выразительно организованными и соподчиненными главными и периферийными общественными центрами, со зрительными связями, с «кустами» вертикалей и «прекрасными видами».

В Российской империи – 120-миллионной стране в конце XIX века только 19 городов имели более 100 тысяч жителей, в том числе только 2 города, Москва и Петербург – более 1 миллиона – размер, предельный для города, не перерастающего в мегаполис. Типичные губернские города имели десятки тысяч жителей, типичные уездные – меньше 10 тысяч. Это ориентир для нас: губернские города не больше 500 тысяч жителей, прочие – не больше 100 тысяч. В городах с населением меньше 100 тысяч, при односемейных участках с огородом в 25 соток, площадь города будет сопоставима с Москвой внутри Камер-Коллежского вала, в городе с населением в 500 тысяч при участках с огородом в 12,5 соток, город будет значительно меньше дохрущевской Москвы внутри Малой окружной железной дороги.

3.2. Граждане XXI века

В благоустроенном, разумно управляемом городе должен быть перспективный план развития городского ландшафта, с указанием для каждого домовладения как желательных, так и предельно возможных высот, этажности, назначения, с указанием необходимых «прозоров» – сохранения или восстановления «прекрасных видов». На все проекты – планировки, градостроительных чертежей, силуэтов – обязательно должны наноситься предельные габариты того, что допустимо для возведения, и наоборот, того, что не должно сохраняться, но лишь терпимо до истечения срока исчерпания балансовой стоимости. А все исторически, художественно и градостроительно ценные здания, погибшие, но подлежащие воссозданию, должны отмечаться на Генплане и иных проектах, и учитываться при строительстве соседних зданий, как существующие. Это в идеале. А пока мы не восстановим способность создавать достойную человека среду обитания, мы не должны ломать ничего, принадлежавшего традиционному русскому – настоящему русскому – городу. Ни одного сарая дореволюционных времен!

В Москве в конце 1980-х годов была сделана попытка полностью воссоздать облик дореволюционной улицы. Это улица Школьная (1-я Рогожская) вблизи Андроникова монастыря – опыт, достойный подражания. Сделано было много и хорошо, но из-за победы «курса реформ» улица не была окончена и пришла в упадок. Русская власть, безусловно, вернется к этому эксперименту и превратит его в обыденное дело.

Недавно в огромном промышленном Манчестере разобрали многоэтажные дома 1960-х годов, а на их месте возникла традиционная английская застройка. Может показаться, что это негодный пример – разве мы, нищие, можем сносить жилье? Но, во-первых, мы сносим жилье все время. А во-вторых, в определенный момент каждая постройка вырабатывает свою балансовую стоимость. И дополнительную балансовую стоимость может перенести на нее только капитальный ремонт.

По мнению архитекторов, закрепленному в нормативных актах, типичный дом вырабатывает 96% (практически всю) балансовую стоимость приблизительно за 50 лет, после чего нуждается в капремонте. Хотя доходные дома начала XX века успешно стоят без капремонта уже около 100 лет, а хрущобы пришли в крайнюю ветхость за 30 лет. После выработки балансовой стоимости дом, не являющийся памятником архитектуры и не принадлежащий к исторической застройке, образующей художественно ценную среду обитания, вполне можно снести как исчерпавший расчетный срок службы. Мы действительно можем и должны добиться, чтобы людоедские дома капитально не ремонтировались. Чтобы на все проектные листы уродующая русский город застройка наносилась штриховой линией и каждый архитектор знал бы: эти дома во внимание принимать не нужно, они подлежат сносу.

Для каждого исторического русского города необходимо создать Генеральный план регенерации, воссоздания, а для любого населенного пункта – Генеральный план санации, очищения. Если реставрация – это приведение в божеский вид, то регенерация – это воссоздание того, что полностью или большей частью утрачено, уничтожено.

Для Москвы в качестве основы для регенерации должны быть использованы идеи Генпланов Шестакова, 1920-х годов, и Тренина, 1980-х. Конечно, чтобы осуществить полную регенерацию Москвы, необходимо снести почти все, что построил Лужков, и многое из того, что построено при Советской власти. К счастью, качество работ на лужковских постройках не лучше хрущевского: вспомним метромост на Воробьевых горах – нечто подобное видно невооруженным глазом хотя бы на Храме Христа Спасителя.

Необходимо принять жесткие меры по прекращению роста крупных и крупнейших городов. Так как главная причина роста городов – создание новых рабочих мест в градообразующих отраслях (в каждом городе эти отрасли свои: где-то это промышленность, а где-то, например в современной Москве – чиновничьи конторы), то чем крупнее город, тем жестче должны быть экономические санкции за создание в этих отраслях

каждого нового рабочего места, чтобы против роста городов работал фактор себестоимости и конкурентоспособности продукции. Ведь именно градообразующие отрасли влекут за собой шлейф роста рабочих мест в отраслях социально-бытового и культурно-просветительного обслуживания.

Мы должны добиваться расчленения мегаполисов: для начала – административного, а затем – градостроительного. Мегаполисы поглотили много населенных пунктов. Их вполне можно восстановить, а потом – отделить друг от друга парковыми посадками.

Нам следует осознать, что строительный комплекс, превративший в рабов и самих архитекторов, и обитателей наших городов – одна из самых опасных антинациональных структур. Строительный комплекс, вместе с ориентированными на него чиновниками, приобрел черты антисистемы – злокачественного образования, сеющего хаос, делающего среду обитания непригодной для жизни. Пора добиваться изгнания строительного начальства из городской администрации и, уж конечно, с выборных должностей. Строители, как и мелиораторы (вспомним поворот северных рек!) могут быть только исполнителями, но не должны допускаться к принятию решений.

Необходим общественный контроль над проектированием и принятием решений в градостроительной, архитектурной и строительной сфере. Причем независимые общественные организации должны не только участвовать в обсуждении, но и иметь право «вето». Конечно, общественность – это не только и не столько «бабушки на лавочке», хотя и они незаменимы в деле контроля за выполнением принятых решений, в недопущении произвола властей. Это в первую очередь независимые профессионалы и любители высокого класса, не состоящие в подчинении у тех, кого они должны контролировать.

Нужно прекрасно представлять, как выглядел раньше ваш собственный город. Это дело семьи и муниципальных властей – альбомы, открытки, календарики родного города в его первозданном, традиционном виде. Это дело учителей истории, обществоведения, географии, художественной культуры –

русский город был исчерпывающе представлен на школьных уроках. Уже в детском саду русские дети должны представлять себе настоящий русский город. Не мы, а они будут в нем жить – граждане XXI века.

Конечно, решить проблемы русского города, который в XX веке перестал быть русским (так что мы теперь живем в нерусском городе) можно будет лишь тогда, когда будет решен главный вопрос – вопрос о власти. Русский город может существовать только в нашей, в русской стране. Но борьба за русский город – это одно из направлений борьбы за будущее русского рода, одна из задач русского национально-освободительного движения.

Главные вопросы конституционного строительства

Конституция, возникшая вместе с фактом учреждения нового государства пусть даже и в старой стране, должна решать коренные вопросы, а не превращаться в фальшивку, которую временщики подсовывают народу лишь для того, чтобы еще немного продержаться у власти.

Первый вопрос – вопрос о правопреемстве. Он может решаться по-разному. Россия может признать себя правопреемницей Российской державы, существовавшей в начале 1917 года, на территории практически всего бывшего Советского Союза, за исключением значительной части Средней Азии. Она может признать себя правопреемницей СССР, в том случае, если конституция декларирует, что СССР в свою очередь в какой-то степени преемствовал исторической России. Это сложнее, но может быть принята и такая позиция – Россия может признать преемство от РСФСР в составе СССР. Но тогда неизбежно должна вступить в дележку собственности, которая русским людям и РСФСР, несомненно, принадлежит и за пределами ее территории, в других республиках СССР. Такой собственности как, скажем, автомобильный завод в Риге, филиал Нижегородского автозавода или Таллинский морской порт, построенный русскими людьми для русских надобностей и русским принадлежащий. Такое бывает, многие народы владеют собственностью в других государствах.

Если же всего этого не происходит, и вопрос о правопреемстве опущен, русским людям предлагается признать, что историческая Россия уничтожена, бесследно разрушена, что у нас историческую Россию отобрали, а взамен швырнули некоторую территорию для проживания, не связанную ни с кем и ни с чем историческим правопреемством.

За вопросом о правопреемстве неизбежно следует вопрос о территории и населении. Он решается или в конституции любого государства, или автоматически, когда территорией государства

признается вся территория предшествующего государства, существовавшего в той же стране.

Если признать территорию государства исторически сложившейся, то тогда очень странно ответить на целый ряд вопросов. Например, куда девалась Черниговщина, бывшая почти всю свою историю в составе России, и Харьковщина, которая просто всегда была русской? Как быть с исторически сложившимися в ходе русско-турецких войн русскими землями в Новороссии, вдоль северного побережья Черного моря. Как могут оказаться вне России территории, исторически сложившиеся как области русских казачьих войск – Терского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского?

Или вот такой пример. Город Ругодив основан русскими в XII веке, его первое летописное упоминание значится под 1171 годом. Затем Ругодив был захвачен Орденом немцев и превращен в немецкую Нарву. Город вернулся в состав России, снова обрусел. Теперь более чем на 90% город населен русскими, но почему-то принадлежит Эстонии. Хотя эстонцы в Нарве и вообще никогда не составляли сколько-нибудь заметной части населения.

Если же учреждение статуса территории происходит при составлении конституции, то Российской державы как бы никогда не существовало, и правопреемства она не имеет. Тогда, конечно, ее территория создана только в 1993 году.

Но возникает другой вопрос, а откуда в конституцию попали бесконечные республики со своими границами? Какое учредительное собрание учредило территории Татарии, Башкирии, Чечни? Если до 1993 года России не существовало, и она правопреемства не имеет, должен обсуждаться вопрос о создании правового базиса для определения статуса этих территорий. Но нет, они как бы с неба свалились!

К вопросу о территории, несомненно, примыкает вопрос о населении, являющийся основанием вопроса о гражданстве. Кто юридически считается нашим? Каковы их права и обязанности? Кто становится гражданином новоучреждаемой России?

Это серьезные вопросы, если конечно не считать, что любой человек, случайно оказавшийся на территории Российской Федерации в момент принятия Конституции, только в силу этого уже становится гражданином, а тот, кто случайно не находился (например, был в заграничной командировке или в туристической поездке), тот уже гражданином не является.

Как приобретается гражданство? Сколько должен прожить в России человек, чтобы стать гражданином? Для любого государства это весьма серьезный вопрос.

Интересно, что в нашей «переходной конституции» вопрос о гражданстве опущен. Соответствующая статья говорит только о том, что статус гражданина решается законом о гражданстве. То есть, закон о гражданстве ниже конституции? А кто же тогда принимал конституцию? И не следует ли считать конституцию не действующей уже на том только основании, что к голосованию по конституции были допущены многие беженцы, оказавшиеся в период «перестройки» на территории Российской Федерации? Например, несчастные месхи, чья историческая родина находится в Грузии. Если Узбекистан выгоняет месхов, а Грузия почему-то не желает их пустить к себе, русские из традиционного христианского милосердия могут предоставить им жилье у себя. Но ведь только жилье, а не права гражданства!

Только разрешив вопросы о правопреемстве, территории, населении и статусе гражданина, можно перейти к вопросу о статусе государства.

Тип государства – серьезная вещь. Россия исторически была империей. Конечно, Россия может быть не империей, а унитарным государством. Может быть она и федерацией или даже конфедерацией. Только ведь кто это определил? Опять-таки, тесный кружок, создавший проект той самой «переходной» конституции?

А откуда вообще взялась необходимость России быть федерацией? Из периода большевицкой оккупации? Но ведь этот период «отменен». Конституция создает совершенно новое государство. Следовательно, при создании конституции должен был бы обсуждаться вопрос о типе государства.

Кстати, если мы признаем коммунистический режим незаконным и злодейским, мы должны автоматически, создавая новое государство, упразднить и все коммунистическое наследие.

Напомню здесь, что именно коммунистическая власть, в лице Верховного Совета РСФСР, навязала Российской Федерации перед новыми выборами двухпалатный Верховный Совет и Съезд народных депутатов. Другим республикам советская власть этого почему-то не навязала. А ведь кроме Российской Федерации внутреннее деление с автономиями имели также Грузия, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан. Не говоря уже о том, что все республики бывшего Союза, кроме Армении и Азербайджана, где были проведены этнические чистки, имели гораздо больше, чем Российская Федерация оснований считаться многонациональными.

В самом деле, первенствующая по численности нация в Казахстане – русские, в Латвии – тоже русские. Следовательно, Латвия и Казахстан – это русские государства, пусть даже и независимые.

На Украине или в Узбекистане так называемый коренной народ в пропорции гораздо малочисленнее, чем в Российской Федерации. Русских в России почти 80%. по западным меркам, это мононациональное государство, в котором есть еще национальные меньшинства. Даже литовцев в Литве меньше.

Отсюда вытекает вопрос, требующий твердого ответа в Основном законе: если Россия собирается вернуть отторгнутые у нее земли бывших союзных республик, тогда она остается многонациональным государством. Если Россия собирается существовать в куцых границах РСФСР, она многонациональным государством не является, и двухпалатный Верховный Совет или двухпалатная Государственная дума ей не нужны.

Пятый вопрос, который заранее отказались решать при составлении новой конституции – вопрос о типе власти. Их всего три – монархия, аристократия и демократия. И никто не мог заранее считать, что в России уже существует демократия, если речь шла об учреждении новой государственности.

Кстати, исторически Россия лучшие периоды своей истории существовало как государство, сочетающее все три типа власти. В Домонгольской Руси – князь, бояре, вече. В русском царстве – Царь (монархия), Боярская дума (аристократия), Земский собор (демократия). Кроме того, монархический строй в России никто и никогда не упразднял через легитимные процедуры.

Отречение, вымученное у впоследствии убиенного государя Николая Александровича предательством, не может считаться законным, хотя бы потому, что русские Основные законы не предусматривали отречения монарха. Тем более незаконным является отречение Николая II, совершенное им за несовершеннолетнего сына. Ну и, наконец, даже если признать этот акт законным, то тогда последний Российский монарх – некоронованный великий князь Михаил, брат государя, оставил вопрос об установлении монархического или иного правления Учредительному Собранию. Учредительного Собрания не было, и вопрос открыт.

Шестой вопрос – это вопрос о политической системе. Если принять, что новое государство будет демократическим, то политическая система может называться республикой и возникает вопрос об избирательной системе. Но мы-то знаем, что Россия – страна стародавней демократической традиции и у нас не только допетровская демократия. Великие реформы Государя-Освободителя Александра II восстановили у нас Земства, то есть низовую демократию. Это позволяет сделать вывод о том, что более полувека перед революцией Россия была страной с демократическим элементом власти.

Что из этого вытекает? То, что мы должны следовать национальной традиции, а национальная традиция указывает на то, что русским неприемлемо господство политических партий. Может быть, их и следует терпеть, но никакими особыми правами, кроме суеты с избирательной кампанией, они обладать не должны. Русские всегда выбирали конкретную личность – лично знакомого депутата. Кстати, депутат по-русски называется «гласный», то есть «имеющий право голоса».

Свидетельствует ли неприятие партий о нашей отсталости? На Западе большинство политиков предполагают партийную систему неизбежным злом демократии. Хотя и неизбежным, но – злом. Ибо сами политические партии устроены не демократично. Это всегда шайка, накладывающая, естественно, свой отпечаток на демократию и вторгающаяся в жизнь демократии. Попытка устроить демократию по партийному списку в нашей истории однажды уже окончилась провалом. Эта попытка Учредительного Собрания 1917 года.

И еще один важнейший вопрос. Россия – не просто исторически страна православная. Россия создана Вселенской православной Церковью как преемница Византии (христианской Римской империи). В пределах странных, навязанных нам границ люди православные по вероисповеданию – самая крупная общественная группа. А люди православные по культуре составляют более 9/10 всего населения. Это православные по рождению – великороссы, украинцы, коми, чуваша, мордва, марийцы, удмурты и многие другие.

Заметим здесь, что самая крупная культурная группа в Казахстане – это православные. В Латвии – православные тоже доминируют со значительным отрывом, потому что если латыши – лютеране, то латгальцы – римо-католики.

Всех православных, даже не очень церковных людей, не может не касаться акт Священного Поместного Собора Российской Православной Церкви от 3.12.1917 года. Собор постановил, что православие, имеющее особые заслуги в создании Российской державы, пользуется в этой державе преимуществом. По тому же акту глава Всероссийского государства, министр вероисповедания и министр народного просвещения могут быть только православными.

Конечно, весьма далекая от православия группа, формировавшая переходную конституцию, могла этого не знать. Но в таком случае все православные могут учрежденное таким образом на их земле государство, государство, возникшее на земле Святой Руси, в крайнем случае, только лишь терпеть. Своим для них это государство не будет.

Не может быть своей и та конституция, которая считается сегодня действующей. Не может такая конституция рассчитывать ни на верность православных христиан, ни на их присягу.

Подводя итог, мы можем заключить, что при нынешней конституции в России налицо перманентный конституционный кризис, кризис государственности. Выход из этого кризиса может быть связан с началом новой конституционной реформы, которая может и должна опираться на процесс воссоединения российских земель.

Грузинские метаморфозы

История свидетельствует: русские штыки спасли грузин от исчезновения с карты мира. Так почему же сегодня мы терпим, что Грузия воспринимает любые русские интересы в штыки?

Славные времена, страшные времена

История Грузии насчитывает несколько тысячелетий, уходя корнями во вторую половину III века до Р.Х. Столь древняя история всегда устанавливается гадательно, слаба датировками, не имеет письменных источников... Впрочем, с определенностью можно сказать, что самые отдаленные, полулегендарные предки грузин – тубалы или тувалы – были высококультурным и интересным, хотя и мрачноватым (горцы таки!) народом. Последнее, возможно, также связано с высочайшим искусством, которым народ обладал: тувалы были великими мастерами металла – сначала меди, потом бронзы, а затем и железа. Тубалы даже определяются в Библии как изобретатели металлургии и кузнечного ремесла. Металлические изделия тубалов распространялись по всей передней Азии – по Месопотамии, Сирии, различным государствам Малой Азии. Известно, что ассирийцы – изобретатели первых настоящих булатных клинков: вполне возможно, что и своему искусству они во многом научились от предков грузин.

Жили тубалы поначалу не только на современном Южном Кавказе, но и в Малой Азии, вплоть до ее южной части. Однако оттуда они были потеснены великим арийским переселением в первой половине II тысячелетия до н.э.

Более внятная история грузин относится к временам Античности. Грузия совершенно отчетливо делилась на две части и не имела общего названия. Западная Грузия называлась Колхидой, Восточная – Иверией или Иберией. Иверия в меньшей степени была связана с Античным миром, зато соприкасалась с Сирией и Ираном. Колхида упоминается со временем Античности часто: кто не знает знаменитого похода аргонавтов, где Колхида – важная составная часть мифа. Государственность в то время у грузин уже существует, – Впрочем, несмотря на родственность племен, грузины не собраны в единое государство. Были колхийские цари, были иверские.

Первые христиане появились в Грузии, скорее всего, еще в апостольском веке. Во всяком случае, Священное Предание и православных и католиков указывает на Иверию как на один из четырех известных уделов Богоматери. Однако по-настоящему христианской Грузия стала только в V веке, причем довлеющую роль тут играет Сирия, прежде всего в архитектурной части. Вообще культура Грузии почти вся христианская, от своих отдаленных прапредков грузины мало что сохранили. За исключением, правда, уже обозначенного выше мастерства работы по металлу.

Несмотря на подчинение Римской Империи, Грузия долго сохраняла довольно большую самостоятельность. Но вот в V веке началось столкновение Рима, а затем и Константинополя с Ираном, и Грузия вместе с Арменией становится главной ареной боев. Начиная с этого времени и до исламского вторжения Грузия оказывается поделенной на сферы влияния – иранскую и византийскую. Следы этого есть и в грузинском языке (языках): имеются индоевропейский и греческий пласты, обширные иранские корни и речения. Хотя, стоит заметить, что грузины, – несомненно кавказцы, пусть и весьма отличающиеся от своих соседей.

Больших потрясений грузины, находясь в подвассальном состоянии, в V-VII веках не испытали. Несколько восстаний успеха не имели: после одного из них иранский царь посадил там своего правителя, что опять-таки не очень досадило грузинам. Иранский посланник не привез с собой большой бюрократии, основная власть осталась у местной знати – азнауров.

Но в VIII-м веке Грузия будет захвачена мусульманами, еще арабами. Примерно на столетие она окажется включенной в состав халифата. Халиф назначал в Грузию эмира, правившего из Тифлиса. Эмир, впрочем, став наследственным, начал делать попытки вырваться из-под власти халифа. Учитывая большую терпимость ранних мусульман, это опять же делало жизнь грузин не слишком тяжелой. Тифлис отстраивался, в нем нормально сосуществовали разноплеменники – греки, персы, евреи, арабы, курды... (причина того, что и по сей день Тифлис

весьма интернациональный город). А в борьбу за столицу с абхазским эмиром включились абхазский царь, кварджетская грузинская знать и грузинские князья – лазики (на некоторое время Грузия даже окажется во власти абхазских царей: так что не всегда абхазы жили «под грузинами» – было и наоборот).

Как уже было сказано, последователи ислама, и грузины-христиане вполне уживались на одной земле. Поэтому когда царь Давид-строитель, правивший в 1089–1125 годах, объединил, наконец, весь Южный Кавказ, он взял всех мусульман под свое покровительство. Царь Давид одолел мусульман на полях брани, одновременно усмирив грузинскую знать, – центробежных тенденций Грузия не знала вплоть до его смерти.

Со смертью Давида Грузия слабеет, но вскоре начинает еще один свой блестящий период. Речь идет о правлении царицы Тамар (1184–1212). Это время самых знаменитых грузинских мыслителей, ученых, поэтов... В эти годы особенно ощутимы провизантийские тенденции, и резко крепнет связь между Грузией и Русью. Она наметилась уже при царе Давиде, однако в XII веке явно усилилась. Интересно, что, кроме русских, только грузины писали летописи. Именно летописи, а не хроники, составлявшие и на Западе, и в Византии, и в мусульманском мире (летопись в отличие от хроники пишется не по царствованиям, но по годам церковного календаря).

Впрочем, после серьезного церковного разрыва, случившегося в 451 году на IV Вселенском Халкидонском Соборе, отношения грузин с русскими (как и с армянами) несколько осложнились и, надо сказать, подпутали грузинскую историю. Интересно, что и грузины и армяне поступали на византийскую службу. Однако тем, кто хотел сделать хорошую карьеру, следовало стать православными. Отсюда переходы из григорианского вероисповедания в православное (и наоборот). И получается, что в этом смысле некоторые грузины «становились армянами», «армяне – грузинами». Знать византийского периода «перепуталась» – с этим ничего не могут поделать даже самые ревностные грузинские и армянские историки.

После Тамар на века для грузин начинаются страшные времена. В начале XIII века последовало вторжение бежавшего от Чингисхана старшего сына хорезм-шаха Джелал-Ад-Дина, учинившего в Грузии свирепую резню. Предание сообщает, что дотоле такого от мусульман даже не подозревалось. Джелал-Ад-Дин разрушил купол кафедрального тифлисского собора и на мосту через Куру положил икону Богоматери. После чего всех жителей столицы Грузии прогнали через мост, заставляя наступать на икону. Отказавшихся это сделать тут же обезглавливали.

От Джелал-Ад-Дина грузин спасли монголы. Впрочем, грузины после этого не повели себя так благоразумно, как русские. Монголы предложили честный вассалитет с невмешательством в грузинские дела, но два грузинских царя подняли восстание, причем, не сговорившись между собой. Вначале крепко получил от монголов один и бежал, бросив свой народ. Потом то же самое произошло со вторым. Что спасло грузин, так это то, что после занятия Грузии, монголы переключились на передний Восток: Грузия более или менее восстановилась. Царь Георгий V Блистательный в XIV веке даже восстановил блеск грузинского двора и связи с Византией, но это был короткий период относительного грузинского благоденствия. А затем последовали четыре нашествия Тамерлана...

После этого Грузия навсегда осталась в истории как страна с разрушенной городской культурой. В XV веке она распадается, но уже не на Западную и Восточную Грузию, а на три независимых друг от друга царства: Имеретию, Картли и Кахетию и пять от них совершенно независимых княжеств. Часть грузин при этом откровенно исламизируется.

Дальнейшая история грузинских государств – это череда ударов, которые наносят, с одной стороны, турки, с другой – персы. Грузинские цари при этом ссорятся, враги методично и жесточайшим образом грабят и уничтожают грузинское население. Грузия терпит уже не военный, но демографический урон.

Она еле-еле существует. Еще в конце XVI века картлийское посольство в Москве просит русских о подданстве. Вначале просили о вассалитете, но вскоре уже и о полнокровном правлении русского царя. Но грузинские государства в то время были слишком далеко расположены: Россия могла дать только деньги и оружие (несмотря на свое искусство работать с металлом, делать огнестрельное оружие грузины не могли).

В XVII веке в Москве возникают грузинские кварталы. Здесь восстанавливают и дополняют грузинскую Библию. Происходит еще целый ряд знаменательных признаков русско-грузинского сближения. И все это под аккомпанемент одних и тех же просьб о принятии в покровительство или в подданство.

В конце XVIII века Грузия опять подвергается разрушительному нашествию. Ираклий Второй бежит, прячется в горах и начинает уже отчаянно проситься под русскую руку. Все надежды грузин на выживание связаны с Россией и только с ней.

Немало грузин поступает на русскую службу. Один из первых четырех гусарских полков, созданных при Елизавете Петровне, – грузинский.

Российское правительство Екатерины Второй посылает войска в Грузию. Присутствие русских гарнизонов снижает непосредственную военную угрозу, однако II русско-турецкая война требует отозвать войска.

И, наконец, в 1801 году картли-кахетинская знать окончательно подписывает переход в русское подданство. В Грузию назначены наместники, Восточная Грузия становится частью Российской империи. Затем, в течение двух десятилетий, присягу русскому императору приносят все остальные грузинские правители. Два царя и четыре князя входят в состав русской знати, вся грузинская (как и абхазская) земля становится частью Российской Империи.

До недавнего времени и все грузинские историки признавали, что только это спасло от полного уничтожения грузинский народ.

Прочь от процветания

В составе Российской Империи грузинам жилось неплохо. Правда, одну бестактность русское правительство совершило. Грузины шли в состав России добровольно, но добровольно подчиняться Синоду они, как православные христиане, не хотели. У них был свой католикос-Патриарх. Поскольку у русских Патриарх отсутствовал, возникал диссонанс: епископату, прежде всего, колот глаза факт того, что у младшего народа есть, в отличие от старшего, свой Предстоятель. Во-вторых, грузинское православие во времена Давида-строителя попало под сильный пресс со стороны государственной власти. Грузинский католикос, в сущности, не избирался духовенством, а назначался царем. И тут возникло некое несоответствие. За времена тяжких гонений, а они начались в XIV веке, грузины несколько «объязычились»: воскресли многие языческие обряды, полуязыческий образ приобрело почитание небесного покровителя Грузии – Георгия Победоносца. В ряде храмов женщин не пускали к пасхальной утрени. Надо было наводить порядок с Тифлисской семинарией, – но католикоса увезли, практически арестовав, в один из русских монастырей.

Впрочем, это забылось. Нормальное положение продолжалось до тех пор, пока революционеры, в том числе и из грузинского духовенства, без всякого мнения Патриарха и действовавшего в Москве православного Собора не разорвали отношения, по сути дела, учинив раскол.

И все же Грузия процветала под защитой «дружеских штыков». Грузинскими делами занимались. Грузинская знать быстро и охотно была принята в высшее общество Российской Империи: генерал Багратион далеко не один блестящий воитель русской службы. В Грузии развивалась промышленность: железные дороги здесь появляются в 70-е годы XIX века (первая железная дорога Москва-Петербург была построена только в 1859 году – всего на 20 лет раньше!).

Конечно, не все было в порядке в России, – так же было и в Грузии. Если грузинская знать охотно служила, поступала в высшие учебные заведения, не то происходило с появившейся грузинской интеллигенцией. Разночинная грузинская интеллигенция смотрела на революционный Запад: отсюда ее стремление к сепаратизму, которое приобрело во второй половине XIX века вполне решительные очертания. К сожалению, этому очень мало противодействовали. В результате к началу XX века в Грузии складывается мощный слой революционеров. Эсеров и социал-демократов на долю населения оказалось в Грузии непропорционально много. Когда произошла революция, грузины одними из первых сумели реализовать потенциал сепаратизма. И революционеры сумели вырвать Грузию из нормальной благоприятной жизни...

Метаморфозы наций

Первая Мировая война Грузию почти не затронула. В отличие от других фронтов, действия русской армии на турецком фронте были исключительно успешными. Грузия оказалась и на окраине Гражданской войны: Кавказ вообще был счастливо мало затронут этим кровавым побоищем. Даже вхождение Грузии в состав Закавказской Федерации (а годом позже вместе с ней – в состав Советского Союза) прошло относительно безболезненно. Степень большевизации Грузии определила и степень репрессий в ней...

Сталин покровительствовал Грузии – республике лучше других жилось в составе СССР. Чего стоит одно только освобождение Грузии от налогов в силу того, что Грузия ... якобы особенно пострадала в годы Великой отечественной войны (для русских и белорусов это звучало в высшей степени оскорбительно!).

Однако Грузия получила другой удар – тогда же, в сталинские десятилетия.

Если в целом грузины пострадали меньше многих других национальностей, то образованные слои грузинского общества понесли глубочайший урон. Возможно, более всех. Грузинская аристократия, дворянство, буржуазия и духовенство были вычищены жесточайшим образом. Почему? Как автору этих строк горько заметила чудом уцелевшая престарелая тифлисская дворянка, «этому нечего удивляться – он ведь всех здесь знал, лично знал всех!». Вместе с тем в Грузии неохотно и в послесталинское время снимали памятники Сталину (а огромный, горийский, так и остался), продолжали отмечать 5 марта – день рождения тирана. Покровительство простонародью и вырезание образованных слоев дало «своеобразный» результат: облик и характер грузинского народа за сталинский период изменился больше, чем за четыреста лет мусульманских вторжений. Опять же автору этих строк еще в 1977 году интеллигентнейший грузинский врач (правда, в

застолье) сказал буквально следующее: «Мы были народом воинов и поэтов, а стали народом кепок на рынке!»

И в последующее «коммунистическое» время Грузия оказывалась в предпочтительном положении. Известно, что на мировом рынке трудоемкость производства картофеля и цитрусовых примерно одинакова. Одинаковы вследствие этого и цены. Сравним же цены на цитрусовые и картофель в Советском Союзе! А всем известно, кто выращивал картошку, а кто мандарины...

Стоит вспомнить, студенческие волнения по поводу грузинского языка. При составлении закона Грузинской ССР он был назван языком общения, но не получил статуса государственного. Волнения точно были спровоцированы, но грузинским властям дали добро не преследовать бузотеров. Все в СССР шептались: никому, дескать, подобное нельзя, а грузинам можно.

Что же в новейшее время?

Роль Шеварднадзе в развале СССР нельзя недооценить. Министру иностранных дел Шеварднадзе мы обязаны уничтожением лучшей в мире ракеты ближней дальности, которая не должна была подпадать под условия всем известного договора. Шеварднадзе изменил границу рыболовных зон и континентального шельфа в районе Командорских островов и вообще северной части Тихого океана. Все это явный ущерб СССР, а точнее России! Шеварднадзе и иже с ним, эти ловкачи в тигровых шкурах, давно были готовы к «побегу» в Грузию (лидеры разваливавшегося СССР гарантировали Грузии сохранение сталинских коммунистических границ: статус черноморской державы с хорошей курортной зоной, возможностями морской торговли, теоретической возможностью содержания военно-морских сил и т.п.), – так почему же не поиздеваться над Россией?! Вопрос: куда смотрели сами русские – лидеры государства, влиятельные и авторитетные политики?!

Отчего американцы сочли себя вправе (и никто их не опроверг) высадить войска в Панаме, арестовать законного президента Панамы генерала Норьегу, вывезти его в США и судить по американским законам? Почему мы, русские, не сделали того же с Шеварднадзе? Не судили его – нет, не за деятельность в качестве президента независимой Грузии! – но за антирусскую деятельность на посту министра иностранных дел СССР? Мало того, – никто просто-напросто даже не заявил о необходимости, возможности или невозможности этого.

В Грузии к власти пришли кэжэбэшник и два реальных уголовника, воры в законе. Но горькие метаморфозы, как видим, произошли не только с грузинами.

Каковы рецепты российской политики по отношению к Грузии?

Я бы сразу настаивал на том, что грузинских границ, являющихся субъектами международного права, не существует. Россия не собирается вторгаться в Грузию, но Грузия должна

знать, что законных границ у нее нет. Это довод и козырь для многих возможных тем в возможных разнообразных переговорах. Грузинская земля есть, но территорий грузинских не существует.

Далее. Русские власти обязаны жестко отслеживать положение русских в Грузии. При малейших притеснениях возможен адекватный ответ. Нет, не действовать, как действуют грузинские бандиты по отношению к простым грузинам в России, но ответствовать цивилизованными ограничениями. Для начала ведь можно закрыть в России избирательный процесс этническим грузинам, быть крайне придирчивыми к законности грузинской собственности... Как это понравится имеющим огромное влияние на собственно Грузию российским грузинам, понятно.

Безусловно, мы обязаны в случае обращения Абхазии или Осетии о принятии их в состав России удовлетворить эти законные требования. Почему Россия на протяжении веков была вправе спасать грузин от турок и персов, а теперь не может сделать это же по отношению к абхазам и осетинам? Примерно то же можно сказать и об Аджарии. А что Грузия без Абхазии и Аджарии? Она теряет выход к морю и нормально существовать не может, оказавшись, грубо говоря, между морем и турками, между морем и мусульманами.

И только не надо тут говорить об имперских замашках России etc. Хотя я понимаю, насколько в России забыли о том, как надо отстаивать русские же интересы.

Грузия, Украина и терпение Кремля

Статья 22 ноября 2008 года.

В наше время многих интересует, что происходит с Украиной? Почему правительство Украины так радикализировалось? Почему Ющенко буквально «на стенку лезет» в ситуации, его прямо не касающейся? Речь, естественно, идет о грузино-осетинском и грузино-абхазском конфликте.

Безусловно, мы говорим о двух православных странах, что отнюдь не значит, что они – православные государства. Ющенко в попытках «сварганить» автокефальную церковь вызвал очень большие вопросы о своей «православности». Его нигде не поняли, даже в Константинополе.

Но дело не в этом, а в том, что и Грузия, и Украина обладают искусственно созданными в советское время территориями. Эти территории никем не гарантированы, в том числе и всякими международными организациями. Их положение гарантировано лишь терпением Кремля.

ГРУЗИЯ

Государственная история Грузии уходит в дохристианскую Древность, но и тогда Грузия состояла из двух исторических образований – Колхиды и Иверии. Они были очень различны во многом, включая международные связи. Иверия более тяготела к Востоку, Колхида – к средиземноморским странам.

Впрочем, Грузия в своей истории была не только единой державой, но и великой. Наибольшего веса она достигла в конце XI века при царе Давиде-Строителе. Но на основании того трудно утверждать, что нынешняя Грузия есть наследница той. У царя Давида были в составе также армянские земли, которые сегодня, кстати, принадлежат даже не Армении, а оккупированы Турцией. Были у Давида также земли в области не только нынешних Южной и Северной Осетии. Но державы, как это часто бывает, не стало. Если опыт имперского строительства заканчивается неудачей, то большие империи рассыпаются, поскольку их ничто не держит.

Однако довольно скоро Грузия опять едина и могущественна. Имя правителя столь же достохвального – царица Тамара. Это XII век. Но уже в XIII веке единой Грузии нету. Мало того, что там два царя, которые не могут договориться против монголо-татар. Монголы победили и потребовали умеренного вассалитета (включая командировку отрядов в свое войско), а также подоходный налог. В XVI веке на этих территориях уже семь государств: три царства и четыре княжества, включая Абхазское.

АБХАЗИЯ

Почему такую странную оборонительную позицию по отношению к Грузии всегда занимает Абхазия?

Мне довелось заниматься исследованием империй. И мне удалось установить непреложную закономерность – малый народ всегда с большим против среднего. Большой народ ничем малому не угрожает, а вот средний угрожает малому пострашному! И каждый раз, когда прекращает свое существование настоящая империя (как это было, например, Иран или Рим), раздается стон, но не стон имперского, стержневого народа, а стон малых народов, ибо средние начинают тут же над ними издеваться.

Потому абхаз всегда с русским против грузин, потому гагауз всегда с русским против молдаван.

Абхазы федеративны, легко входят в состав Византии и России, а между ними легко ориентируются на чуждых им турок, потому что турки, как большой народ, не угрожают существованию абхазов.

ОСЕТИЯ

Более заметны в истории аланы – потрясатели Европы IV-VI веков и предки осетин. В 90-ые годы была агрессия грузин против осетин. А в короткий промежуток времени с 1918 года по 1921 год грузинское меньшевицкое правительство устроило настоящую резню осетин.

Почему Осетия разделена труднопроходимыми горами? Южные осетины – беженцы. Они переселились из-за давления мусульман, которое началось еще в X веке. Тогда они перевалили через Большой Кавказский хребет. Остались самые

сильные осетины, плюс те немногие, которые омусульманились. То есть, осетины попали на чужую территорию.

Но после их переселения прошло более тысячи лет. Следовательно, это не параллель Косову. Осетины переселились по решению грузинского царя. Возможно, он был настоящим православным и помогал православным. К тому же, территория была мало заселена, а грузинским государствам угрожали мусульмане-кочевники. Осетины становились для грузин своеобразными казаками. Потому надо безо всяких оговорок смело признавать Южную Осетию землей осетин.

ГРУЗИЯ И РОССИЯ

Когда, наконец, грузинским правителям удастся уговорить Россию принять отдельные государства в российское подданство, грузины вместе с абхазами были единственными восточными христианами, кто сохранил свое государство (кроме, русских, конечно). Уже царя Феодора Иоанновича грузинские послы умоляют принять Грузию. Но ситуация в России была тяжелой, к тому же была очень большая проблема коммуникаций. Учитывая эти проблемы и угрозу Турции, ситуация оказалась замороженной.

Грузины двести лет просились в русское подданство. К концу XVIII века грузины были под угрозой депопуляции (исчезновения этноса). Потому и дождались – в царствование Александра I был подписан Георгиевский трактат. Грузин приняли на условиях присяги и вхождения государств в состав России. Потому грузины отказались от своего суверенитета и от династических прав. То не редкость в истории. В Европе есть отречшиеся династии – греческие, румынские, болгарские.

Грузин мог стать офицером, а вот обыкновенные грузины не служили, дескать, языка не знали. Притом татар и башкир призывали. Льготы грузинам были колоссальные. Грузия рано получила приличные дороги, железнодорожную сеть, а также неслыханные привилегии для своих знатных людей. В законах царя Вахтанга XVII века было деление на три княжеские категории – малая, большая и средняя. Была даже такая поговорка: «В Грузии, у кого два барана, уже князь». Потому в

России обесценились княжеские звания, в России стало престижней получать графа.

Среди трех категорий Азнауров только Азнаур Возвеличившийся может считаться князем. Такой «блеск» своей знати подарили сами грузины. На кого же после того жаловаться?!

Абхазы тоже приносили присягу во главе со своим князем Шаваршидзе. Тамошних князей и беков также признали российскими дворянами. Что касается южных осетин, то они приносили присягу местным военным русским властям в лице родовых властей, вполне серьезно и независимо.

Таким образом, Грузия состоит из разнородных регионов. Такова ее история на протяжении тысячелетий (нельзя не отметить разницу, например, в архитектуре, которая разных корней в Грузии и Абхазии). Потому на территории Грузии после «распада СССР», если бы он распался, а не был разделен, возникли бы те же шесть государств. Кстати, абхазы, как азербайджанцы и армяне, независимо входили в состав СССР как части Закавказской Федерации. В состав Грузии они попали только после решения Сталина. Абхазцы переносили то тяжело, осетины легче.

А была еще Аджария. Аджарцы – грузины, но они мусульмане. И аджарский лидер – последний перед оккупацией – г-н Абашидзе был из мусульманской княжеской семьи. А еще в Грузии должна была быть четвертая автономия – Джавахетия, где живут армяне. И живут они там где-то со времен царя Давида-Строителя.

В ленинско-сталинской национальной политике вообще редко что было в порядке.

Такова картина. Сейчас она усложнена деспотическим режимом Саакашвили. Предыдущие режимы «независимой» Грузии также могли мало чем порадовать. Все началось со сверх-элитного диссидента Звиада Гамсахурдия, сына известного литератора и лютого националиста. Все это ознаменовалось бойней в Тбилиси.

Следующий режим вызвал реакцию даже в самом Тифлисе – дескать, что может получиться у правительства, которое

возглавляют КГБ-шник и два уголовника.

Нынешний же Саакашвили кажется клинически неуравновешенным. Даже если он психиатрически не больной, то есть такой диагноз – уродство личности. С ним даже в советскую армию не брали.

Не получилось бы у него и с Аджарией, но предательски по отношению к ней и Абашидзе поступили московские власти. Если бы было четыре автономии, то Саакашвили сидел бы изолированным, с единственным портом в Поти.

И то неизвестно, поступил бы так Кремль, если бы не Северная Осетия, – те своих уж точно не сдадут.

Хочу коснуться еще одного момента. Откуда в Грузии сторонники Саакашвили? Ведь в Российской Империи жили хорошо, и вдруг такой сепаратизм. А виноваты Советы.

От коммунистического режима более всех пострадали русские, оказавшиеся расчлененной нацией (появились белорусы и украинцы). Грузины же оказались на совершенно особом положении. Народ жил нормально, но элита последовательно уничтожалась – от дворян до духовенства. Верхушку снимали, а низы подкармливали. После войны Грузия была освобождена от налогов как пострадавшая от войны, что, конечно, было особым оскорблением тем же белорусам. Десятилетиями грузин просто портили.

ГРУЗИЯ И УКРАИНА

Во-первых, у Украины земля есть, но настоящей территории нету и взяться ей неоткуда. Еще когда Горбачев, Кравчук и Шушкевич уничтожали Советский Союз, было замечено, что украинцам следовало бы предложить лишь то, на что они имеют право – территорию гетманской Украины, без Левобережья и без единого клочка моря. После того ни один самый националистический лидер в Киеве и даже во Львове не согласился бы на такое отделение.

Во-вторых, если в чем и могли упрекнуть грузины Россию, так это в ликвидации патриаршества. Последнего грузинского патриарха посадили под домашний арест. Патриаршество было восстановлено позже в ходе революции. Материнская Антиохийская церковь, кстати, не считает грузинского

католикоса патриархом. Но ведь у России еще со времен Петра не было патриарха, а у маленькой Грузии был. И то было как-то странно.

В-третьих, был еще один момент. На протяжении второй половины XVII и всего XVIII века от постоянных притеснений со стороны турок и реже персов грузины одичали. Они были уже не грузины времен царицы Тамары и не грузины времен Руставели. То было большей частью неграмотное население. Достаточно привести такой пример: в горах вполне православных женщин грузинок не допускали в церковь даже на Пасху.

Украинской же патриархии не было вообще никогда. В конце XV века западнорусские епархии и восточнорусские епархии оказались без Константинопольского патриарха (вследствие Ферраро-Флорентийской унии), но были оторваны друг от друга. Затем Киев совместно с другими епархиями пошел в подчинение Константинопольского патриарха. Все же заметные церковные деятели Украины и Белоруссии были сторонниками соединения с Русской автокефальной церковью, даже объединения в границах. Малороссы – нынешние украинцы – впервые попросились в подданство московского царя еще в начале 30-ых годов XVII века. Только в отличие от грузин они не могли защитить свое православие не от мусульман, а от католиков. То было первое прошение на имя царя Михаила Феодоровича. Все было так же, как и с Грузией. Первое прошение подписал митрополит Иов, теперь канонизованный.

К вопросу об украинцах. Каких-то 80 лет назад предки нынешних украинцев и белорусов и не подозревали, что они «украинцы» и «белорусы». Слово «украина» древнее, оно значит окраина. Но слово «украинец» придумано в середине XIX века в Галичине, в Австро-Венгрии.

Самостоятельной церковной истории Украина никогда не имела, но хочет. Саакашвили пользуется же услугами своего послушного патриарха, вот и Ющенко хочется. В этом направлении начал действовать еще Кравчук, который создал псевдо-православную секту во главе с Денисенко.

РЕГИОНЫ УКРАИНЫ

Теперь посмотрим на регионы. Надо отказаться от термина «Западная Украина», потому что их несколько.

Во-первых, западная Украина – это две с половиной области Галичины: Львовская, Ивано-Франковская и половина Тернопольской. Это 600 лет в отрыве от всей Руси, это 600 лет выковыивания западного раба, это погромы и убийства жителей во время Первой мировой войны, когда проводилась зачистка православных. Это особенный регион.

Воынь и Подолье – это тоже Западная Украина, но другая. Лужская и Ровенская области – тоже Западная Украина, но православная. Они чувствуют себя не украинцами, но западными европейцами, абсолютно глухи к униатству.

Еще один особенный регион – это Подкарпатская Русь или Закарпатская область с центром в Ужгороде. Православная, довольно долго бывшая вне Руси, но в окружении не воинственных поляков, а мирных словаков. Население Подкарпатской Руси называет себя русинами и делится на две категории – меньшинство, для которых «русин» значит русский, и большинство, для которых «русин» значит просто русин. Но ни те, ни другие не считают себя украинцами.

Есть еще один мини-регион, сельскохозяйственный и твердый в православии. Это Северная Буковина. Они были прежде в Румынии.

Центральная Украина в отношениях с русскими плавно покачивается, как маятник. Области: Киевская, Полтавская, Житомирская будут вести себя в зависимости от грамотности политики Москвы. Если совсем не окрикивать, то будут склоняться на Запад. Если же одергивать экономически, то будут склоняться в сторону Москвы, но за исключением Киева, где крайне русофобская интеллигенция.

Теперь о Восточной Украине. Это тоже не один регион. Это Слободская Украина: области Черниговская, Сумская, Харьковская. Черниговская область была всего столетие в составе Речи Посполитой. Население самого Чернигова говорит по-русски. Сумская и Харьковская области просто русские. Знаменитые рубежные земли. Эти области всегда будут тяготеть к великорусским.

Совершенно особый регион – Донбасс. Он вообще русский. Это пришитая коммунистами к Украине область Всевеликого войска Донского. И когда решался в Думе вопрос о территориальных претензиях к Украине (он и решился в ее пользу, т.е. не было заявлено претензий), Всевеликое войско Донское постановило, что вот оно территориальные претензии как раз имеет. И этот момент может проявиться.

Почему Донбасс попал в состав Украинской ССР? Точно так же, как немцы создали в 1918 году государства Латвия и Эстония. Германия захлебывалась в войне, Донбасс был ей необходим. Благодаря стараниям гетмана Скоропадского Донбасс побыл немного в германско-скоропадской оккупации и только потому достался потом Украине. Там украинцами себя не считает никто. Это центр анти-ющенковской «Партии регионов».

Последний регион – это Новороссия. Она включает и Таврию (Крым). Это земли, которые принадлежали некогда древним славянам, которые там жили с момента своего рождения, с рубежа первого тысячелетия, с начала нашей эры. Первое вытеснение произошло при гуннах. Затем ордынцы, но славяне там кое-как жили и при ордынцах, а Успенский монастырь никогда не закрывался. Затем были попытки возвращения русских на Черное и Азовское моря. Два похода Петра, две экспедиции под предводительством Миниха (опять удаленность коммуникаций помешала удержать Крым), потом две довольно серьезные турецкие войны при Екатерине II. На том все и закончилось. Туда приглашали греков (в Мариуполь), болгар и немцев. Русское население пополнялось как великорусами, так и малорусами. Настроение там везде промосковское, речь исключительно русская.

Если посмотреть карту, то будет видно, как окружена та Украина, которая называет себя «Украиной». Они окружены гигантской подковой. Откровенные враги русских – только небольшой галицийский анклав.

Галичина с XIV века находилась в составе Польши, а Волынь и Подолье – в княжестве Литовском, где почти все были русские. Однако, регионы-то очень разные.

Около восьми регионов вошли в состав нынешней Украины. Одни вестернизировались, другие нет. Одни побывали в унии, другие выпадали в разное время, третьи вообще никогда в ней не были.

Я всегда говорил, что есть два пути будущего Украины. Первый – более желательный, второй – более вероятный.

На первом пути Ющенко надоеет, и Украина вернется, возможно, потеряв две области Галичины, о чем мы плакать не будем, хотя Львов очень красивый город.

На втором пути Украина посыплется. А мы будем подбирать регион за регионом.

ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В заключение хотел бы обратить внимание, что есть части исторической России, а есть части Российской империи.

Я, разумеется, сторонник империи. Если какой-то кусок хочет к нам вернуться, то его право. Что это за земли? Это часть Средней Азии. Некоторые куски Средней Азии никогда не были даже частями империи – это большевицкие захваты. Далее Бессарабская губерния. Практически весь Кавказ, кроме казачьих территорий. Это и Прибалтика, за исключением Латгалии, которая всегда была русской, была частью Витебской губернии.

Вместе с тем, Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Приднестровье – это все части исторической России. Так нужно преподавать, начиная с детского сада. Это должны знать все!

Дальний Восток. Придя, не уходи

Беседа профессора кафедры мировой политики Высшей школы экономики Владимира Махнача с журналистом Александром Губановым весной 2008 года.

– Пожалуй, сегодня стоит задаться вопросом: может быть, когда-то нам и не надо было «идти» на Дальний Восток? Кто знает! Другое дело, что когда «пришли», уходить уже нельзя было. Таков закон геополитики, того, что обеспечивает безопасность государства.

Как мы вообще попали на Дальний Восток? Сначала достигли Сибири. Пришли за Урал, «за Камень», как тогда говорили русские, а это были новгородцы: они еще в XII веке появились на Югорской земле. Это низовья, нижнее течение Оби. Мы ходили туда за пушниной. Это был самый высокий по стоимости продукт, который вывозила тогда Россия. Она вывозила и соль, и даже металлы, но все-таки ничего дороже пушнины в этом смысле не было, а европейцы к тому моменту своего пушного зверя просто выбили.

Потом начались некоторые ограничения. Они были связаны с возникновением Орды, нашим вассальным отношением к ней и тем, что Орда была все-таки великой Ордой. Правда, она распалась довольно быстро, но известное единство ордынских народов продолжало иметь место, то есть нескольких орд – хуаргистской, чеготайской и так далее, в том числе и великой Орды с ханом в Каракоруме, наследником великого Чингисхана. Они основывали свои орды и свои ханства. И связь между ними имелась, и просто так «обижать» их было нельзя до тех пор, пока русские не решили, что время пришло.

– Тут стоит отметить роль Православной церкви: она сказала – пришло время Орду ликвидировать.

– Именно так. Но, ликвидировав Орду, мы, заметьте, отнюдь не бросились на восток. Наоборот, у нас тут же возникли дипломатические отношения с Казанью, мало кто об этом помнит, но возникла дипломатическая миссия – страшно подумать, при дворе сибирского хана, предка знаменитого

Кучума. По сути дела, мы осколкам орды предложили: будьте независимы, чеканьте монеты, имейте ханов, но будьте нам лояльны. Мы ведь были лояльны золотоордынским ханам! А теперь мы сильнее, будьте лояльны нам. Больше мы ни на что не претендуем.

Мы укрепляемся на Урале, потому что, взявши Казань, укрепляешься на нем однозначно. И тут происходит одна из величайших наших трагедий. Нам рано было «за Камень» расселяться, нам рано было в Сибирь. У нас народа не хватало. У нас и сейчас народа на то не хватает. Если бы мы пошли за Урал, предварительно восстановив народонаселение, приобретя не белорусские, а хотя бы малороссийские земли, т. е. веком позже, в XVII веке, а не в XVI, может быть, все было бы по-иному.

– Но ведь отчаянная экспедиция Ермака – это спровоцированная Строгановыми экспедиция на защиту имевшихся рубежей!

– Конечно. Ермак вел донских казаков преимущественно, а также всех, кто прибился, и у него были свои интересы – получить пушной ясак, откупиться от царя и еще себе «зипунов набрать», как говаривалось. Но это было бы полбеды. Эта экспедиция могла быть, что называется, одноразовой: побили Кучума и удалились.

Но произошла другая беда. В 1558 году, становясь тираном, Иван IV «организовал» Ливонскую войну, которая продолжалась 25 лет, почти до его смерти. В 1583 году подписали проигрышный мир, слава Богу, не капитуляцию, а в 1584-м Россия от тирана избавилась.

– Но опричнина случилась...

– Да, и это было началом откровенного террора. А экспедиция Ермака была уже. Народ побежал. Бежали так, что в центральных уездах Русского или Московского государства запашка, то есть площадь под пахотой, сокращалась в 10–12 раз. Куда бежали? В Литву, вовсе не считая это непатриотическим. На Дон, естественно, ведь с Дона выдачи нет. И бежали в Сибирь – самые отчаянные. И пошла волна,

покатилась. Кучум еще был жив после гибели Ермака, но серьезно упал его авторитет у азиатских соседей – у алтайцев.

А больше там никого не оказалось вообще, потому что старейшин коренных сибирских народов, во-первых, сразу подкупили. Им сказали, что московский царь изволит с них меньший пушной ясак брать, чем брал Кучум. Кто же не согласится? А что им эти татары? Почему, собственно, не «лечь» под московского царя, если он ясак берет, но берет меньше. А для самих русских места было сколько угодно. Сибирь чудовищно малонаселена сейчас, и неправдоподобно малонаселенной она была и тогда.

– То есть, еще раз отметим: русские пошли в Сибирь преждевременно?

– Преждевременно исторически и биологически. После Урала можно было остановиться на Оби. Есть такая наука геополитика. Один из жесточайших ее постулатов, абсолютно верный, гласит, что границы всегда тяготеют к естественным рубежам. Остановиться можно было на Оби, тем более что мы до Оби уже в XII веке ходили. Однако дошли до Оби, а за Обью никого. И пошли дальше...

Следующий рубеж. На Иртыше еще кто-то был, это все-таки кучумовские земли. А ниже впадения Иртыша в Обь никого. Пошли еще дальше. Следующий естественный рубеж, хороший, удобный, это – Енисей с Ангарой, естественно с выходом на берега Байкала, с возможностью забайкальской торговли. Можно остановиться. Но вот в чем досада. Южнее Байкала есть буряты. В сущности, это северные монголы, северные лесные монголы, лесостепные. А севернее Байкала, на Ангаре и Енисее, никого нет. Потому покатались вперед.

– Что происходит дальше?

– Дальше? Если в XVI-XVII веках русские люди карты изучали очень хорошо, даже умели сами составлять их превосходно, но читали больше исторические хроники, летописи и Священное Писание, то в XVIII веке начали читать ученых «европеев». И какое только зло они нам не принесли! Во времена Чингисхана, то есть во времена Александра Невского, понаслышке русским людям было известно (они в Каракорум к

великому хану вынуждены были ездить на поклон), что река Амур впадает в океан широким устьем. А еще во времена Чингисхана и Александра Невского знали совершенно поразительную вещь, что есть остров Сахалин. А в XVIII веке, после Лаперуза, начисто забыли...

Нас убедили за XVIII век, что Амур в болотах тонет, Сахалин – полуостров. И воспользовавшись еще к тому же тяжелым положением Европейской России в 1689 году, тогда еще сильное маньчжурское правительство устроило нам хорошую головомойку, заставило подписать Нерчинский позорный договор.

– Но в 1848 году в Санкт-Петербурге от стрелки Васильевского острова, то есть Биржи, ушел в плаванье упрямый, пробивший инициативу такого плаванья, практически наполовину кругосветного, капитан-лейтенант Невельской...

– Да, это он составит карту и неоспоримо докажет, что амурский лиман – это устье Амура. Между ним и лиманом никаких болот, а Сахалин – остров. Он открыл нам наполовину дорогу на Дальний Восток, потому что до него можно было добраться до Байкала, а дальше до Охотска. А единственным городом, если только этот поселок вообще можно было считать городом даже тогда, был Охотск. В Охотске холодно. И Охотское море холодное. И Охотск замерзает. Ну, где, какое тут развитие Дальнего Востока?

– Итак, на Дальнем Востоке был промерзший насквозь Охотск.

– Да, и тут все меняется. Невельской открывает устье Амура и демонстративно воздвигает русский флаг на южном берегу лимана, на азиатском. Другой достойнейший русский человек тогда, капитан II ранга Завойко, строит и укрепляет Охотск, после чего, получив сведения Невельского, предпринимает экспедицию и основывает Владивосток. Прекрасный, замечательный, с бухтой Золотой Рог. И это не все.

В Иркутске появляется новый генерал-губернатор Николай Муравьев, будущий граф Муравьев-Амурский. И наводит Николай Муравьев порядок по всей Сибири. Появляются тракты, ямская гоньба, школы в огромном количестве. В

Нерчинске сначала возникает каторга, а потом два крупных учебных заведения – инженерное училище и гимназия. И народу там больше, чем на каторге, кстати сказать. Это три гиганта, открывшие дорогу на Дальний Восток.

– А вот теперь собственно о геополитике...

– Что ж, одна из ее норм – двухбереговая держава, должна устойчиво держаться за оба берега и тяготеть к ним всей своей жизнью. Почему мы, в общем, правильно, рвались к берегам Черного и Балтийского морей? Что, для того, чтобы нам выйти в морские державы и торговать? Балтийское море запирается. Как вы понимаете, запирается датскими проливами намертво. А при Иване IV оно запиралось даже до датских проливов просто вооруженными кораблями Ганзы. Черное море запирается еще надежнее. Но когда мы докатились до Дальнего Востока, то характер двухбереговой, а фактически трехбереговой державы изменился. Нам надо было держаться за тихоокеанское побережье или оттуда соскальзывать при любой перемене конъюнктуры: вдруг крепкий император образуется в Бейпине-Пекине и погонит нас оттуда. И вылетим. А когда держимся за берег, двухбереговая держава все выдерживает.

У нас там должны быть свои Сиэтл, Сан-Франциско и Лос-Анджелес, тогда Россия будет в порядке. Между европейской частью России и Дальним Востоком есть Южная Сибирь. Это довольно широкая полоса великолепной плодородной земли, с замечательным климатом, кстати, гораздо лучшим, чем в Москве. Там, правда, порезче и посуровее зима, так там и лето длиннее. В Москве 3,5 месяца, а там 4,5. И воды там хватает. И все что угодно растет.

А дальше в некоторых местах довольно близко начинается мерзлотная зона. Русскому человеку там делать нечего. Полезные ископаемые следует, как это и делается, добывать вахтовым методом. Чем меньше народа там будет работать, тем лучше. Американцы тоже не стремятся все переселиться в Аляску. Если там любят жить ханты и манси, то надо их опекать так же, как канадцы опекают своих индейцев. Пусть на здоровье живут. Ханты и манси за много веков привыкли там жить, а русским там привыкать незачем. Вообще там хороший климат,

достаточно теплый. А небольшой участок от Владивостока до нашей государственной границы – это вообще субтропики, субтропический климат. Живи – не хочу. На Южных Курилах, которые время от времени некие силы хотят отдать японцам, субтропический климат. На крайне Южном Кунашире бамбуковые леса, птички – только что не колибри – щебечут. Кунашир – это, может быть, мирового класса курорт...

– Вы хотите сказать, что на Дальнем Востоке, как и в Греции, есть все?

– Что-то вроде того. Мы теперь прекрасно знаем, что в Восточной Сибири есть нефть. Власти мечтают гнать ее в Китай. Обнаружилось, что в Туве крупное месторождение коксующихся углей. Теперь кое-кто мечтает заключить договор, пробить туннель в Китай... А еще на отмелях Сахалина и Курил великое множество рыбы и морепродуктов, но всё съедают японцы.

– Так в итоге-то, Владимир Леонидович, нужен нам или нет Дальний Восток?

– Да нет ничего страшнее, как если бы мы покатались назад на Запад с Дальнего Востока. Вы заметьте, русские веками двигались на восток, сейчас отчетливо двигаются на Запад. Если это допустить, во-первых, мы потеряем главное наше достояние, которое дороже нефти, – транссибирскую магистраль. Между бассейнами Атлантического и Тихого океанов самое быстрое сообщение – Транссиб. Да, это требует вложений в европейской части. Мы должны быстро менять вагоны с узкой на широкую колею, потому что весь Транссиб в другой колее не перестроишь. А мы это делать умеем. Но это делать мы научились еще в довоенные годы: на домкраты ставят вагоны, выкатывают колеса, меняют, и едут дальше. Мы должны построить терминалы, шоссейные дороги, новые железнодорожные ветки, которые связывались бы с огромными грузовыми терминалами. Нам будут платить за перевоз грузов, причем, в основном, за контейнерные перевозки, разумеется. При контейнерной транспортировке можно не выкатывать тележки, но нужны большие терминалы. Нам будут платить столько, сколько нам за нефть не платят.

Если мы всерьез покатаемся на Запад, то потеряем к тому же, может быть, самое большое, бесценное наше достояние – озеро Байкал.

На планете безумно не хватает пресной воды. С каждым годом ситуация становится все хуже. Приблизительно одна десятая часть всей пресной воды принадлежит нам. Примерно 5% ее – озеро Байкал. Причем это возобновляемый ресурс. Его как питали 360 рек и ручьев, так и питают. Без Байкала мы богатой страной не будем.

Нефть, в конце концов, ведь кончится, она не возобновляема. Байкальская вода не денется никуда. А без пресной воды человек жить не может.

И еще. Океанских флотов у нас два – Северный и Тихоокеанский. Важнее, разумеется, Тихоокеанский. Потому что Северный подpiraет весьма милитаризованную Европейскую Россию. Мы здесь так и так защищены. А Тихоокеанский защищает полупустой Дальний Восток. Тем не менее, на Тихоокеанском флоте уничтожили два авианесущих крейсера, пусть плохих, но других ведь пока нет. Относительно нормальный авианосец у нас один – «Адмирал Кузнецов» на Северном флоте. На Дальнем Востоке, в зоне ответственности Тихоокеанского флота, где можно представить себе локальный военный конфликт – в Корее, во Вьетнаме, где угодно, у нас нет ни одного авианосца, а теперь даже и плохонького авианесущего крейсера.

На Дальнем Востоке под предлогом «устарения» списали ракетные крейсера, которые в состоянии доставлять крайнюю головную боль китайцам одним фактом своего существования. На Дальний Восток загнали, поставили на консервацию великолепное, построенное финнами по нашему проекту, бесценное, по сути дела, единственное транспортно-десантное судно-док. Если оно загружается катерами, то они сами из него выплывают. Однако этот проект не эксплуатируется.

Наконец, последнее, что совсем не лезет ни в какие ворота. Именно мы ухитрились построить единственный в мире атомный разведывательный корабль. Это самый большой атомный не авианосец в мире: имя ему «Урал».

Заказ был от Главного разведывательного управления. Затем ГРУшники никак не могли успокоиться, все умоляли, чтобы им второй такой построили, чтобы весь земной шар контролировать. Не построили. Потом развалился Советский Союз. Но «Урал»-то есть. У него неограниченная продолжительность плавания, но в океан сегодня он не выходит. Такое стремительное уничтожение Тихоокеанского флота не может не пугать, потому что это на Дальнем Востоке главная защита, опора всего.

А куда ж нам теперь без Дальнего Востока!

Две мифологемы в русском историческом сознании

Лекция на семинаре по проблемам отечественного и зарубежного консерватизма 21 ноября 2000 года.

Осмелюсь предложить вашему вниманию свои соображения по поводу двух мифологем, укрепившихся в нашей историографии и вполне подхваченных историографией зарубежной в той части, в которой они касаются России.

Первая – это представление об изначальном земледельчестве славян, о земледельческом характере славянских культур и цивилизаций. Вторая мифологема – это представление о том, что некогда, в X-XI веках (хронологические рамки здесь подвижны) существовало единое Древнерусское государство, именуемое Киевской Русью.

Итак, славяне родились, начали свой этногенез, по Гумилеву – в I веке новой эры, по Рыбакову, с которым согласны многие исследователи, – в I или II веке до нашей эры. Разброс не очень значительный.

Сейчас безусловно общепризнаны два этноса-предка славян: протославяне и кельты. Третий предок – гипотетический, его признают сейчас далеко не все ученые, но признавали все историки в начале XX века. Это сарматы Северного Причерноморья. Обращаю ваше внимание на то, что все три этноса – арийские. Два, протославяне и кельты, принадлежат к западной ветви арийцев, а сарматы – к южной, протоиранской, они ираноязычны.

Кем, собственно, были почти не поддающиеся исследованию первоначальные арии? Сегодня можно предполагать, что они были единым народом. Конечно, сейчас арийцы – это группа народов индоевропейских языков, ни о каком этническом родстве речи не может быть. Так же, как сейчас турки – это группа народов тюркских языков, но когда-то были турки – единый народ.

Изначальные арии занимали землю между Северным Прикаспием и Северным Причерноморьем. Ядро их обитания

установлено археологически: Южный Урал – Северный Прикаспий, никаких Гималаев, никакого Заполярья, никакой «Гипербореи». Их земля – это Северный Прикаспий, где археологическая разведка обнаружила много протоарийских городов. Детально исследован из них Аркаим. Время начала следующего витка этногенеза, породившего много арийских народов, установлено достаточно строго. Это начало II тысячелетия до Рождества Христова.

Что дает право это утверждать? Тут очень просто. Первое документированное индоевропейское государство начинает свое существование в первые годы XVIII века до нашей эры. Это государство хеттов в Малой Азии, в Анатолии. Хетты в ходе Великого арийского переселения должны были дойти до Анатолии, причем несомненно не азиатским путем, а «циркумчерноморским» – вокруг Черного моря. На это потребовалось не менее века. Вот вам и начало XIX века до нашей эры. Потому гипотеза о том, что этнический старт, породивший это движение, произошел в XX веке до нашей эры, вполне правдоподобна и может быть принята. Так же точно в XVIII веке до нашей эры на Балканах появляются ахейцы, предки эллинов. Можно приводить и другие примеры. Следовательно, первоначальных ариев от славян отделяют два витка этногенеза. И венеды или протославяне (мы не знаем, называли ли они сами себя венетами) тоже один из народов Великого арийского переселения.

Что мы точно знаем о первоначальных арийцах? Что необходимо знать о них? То, что они были исконные скотоводы, причем величайшие скотоводы в мировой истории. Вне всякого сомнения, они первыми одомашнили лошадь, первыми встали на колесницы, гипотетически они также первые коровьи пастухи, одомашнили корову. Можно говорить о великих скотоводах, поскольку предок коровы – это тур, более чем суровое животное. Предок лошади всем известен – это дикая лошадка Пржевальского. До арийского скотоводческого подвига человек имел дело только с мелкими домашними животными не крупнее осла. Первоначальная арийская мифология нам не известна, но в мифологиях потомков ариев мы всюду видим скотоводческие

приоритеты. Они прослеживаются у греков. Даже в период греческой классики, в период Перикла или Софокла эпитет красавицы девицы – «стобыковая», то есть такая девица, за которую не жаль отдать ее роду сто быков. Оседлое скотоводство германцев исчерпывающе описано Тацитом в его небольшом трактате «Германия». О скотоводстве кельтов известно подробно, об иранцах тоже. Таким образом, у своих отдаленных предков все эти народы наследуют скотоводческие стереотипы.

Действительно ли протославяне именовали себя венедами, мы не знаем, но оба эти этнонима одного корня: «сло-вене» (так раньше писали и говорили) и «вене-ды». В немецком языке еще в XVIII веке славяне назывались «винд», а по-эстонски до сих пор называются «венэ». Эстонцы – народ древний, реликтовый и славян знают много веков. Этот этноним древнее, чем этноним «славяне». Протославяне, которые, возможно, именовали себя «венедами», были, по всей вероятности, скотоводы, ибо их ареал обитания – это уже Северное Причерноморье вплоть до восточного берега Дуная. Зона преимущественно лесостепная, прерываемая теплыми широколиственными лесами, зона чрезвычайно удобная для развитого оседлого скотоводства. Разумеется, притом не исключается, что скотоводы знали земледелие.

Кельты, несомненно, были не только оседлые скотоводы, но и полуоседлые, поскольку среди всех европейских народов Древности кельты более всего склонны к миграции, что указывают все классические историки от Геродота до Страбона и Тацита. Кельты упомянуты в Восточной Европе еще Геродотом. Кельты совершили как знаменитый «дранг нах вестен» до Ирландии, так и «дранг нах остен», они достигли Малой Азии, где существовало небольшое королевство галатов (галатов, галлов, то есть кельтов). Послание апостола Павла галатам – это, без сомнения, послание какой-то общине малоазийских кельтов.

Кельты на территории славянских земель, безусловно, жили в Польше. Немецкие ученые в XIX веке иногда в оскорбительной форме указывали на «кельтичность» поляков. Безусловно, они

жили в Белоруссии, оставили нам этнонимы на крайнем юго-западе Руси: Галиция, Галичина. Этот второй предок не вызывает опровержения у современных историков. Первым предком были протославяне, потому язык у нас славянский, а не кельтский.

Что же касается сарматов, то ни Рыбаков, ни Гумилев, ни в целом школа Санкт-Петербургского университета – Мавродин, Фроянов и так далее – не разделяют представления, что сарматы – одни из предков славян. Но прошу учесть, что в начале XX века почти все серьезные ученые считали сарматов предками славян. Среди них были такие видные византилисты, как Васильевский, Успенский, такие русисты, как Пархоменко, Левченко, Приселков, Пресняков. С этим все соглашались, но это ушло из науки.

Есть много аргументов в пользу того, что сарматы славянам родня. Это нерасшифрованная до сих пор сарматская вязь, начертательно напоминающая первую славянскую азбуку, то есть глаголицу. Это геральдика. Сарматские цари Боспора имели своим геральдическим знаком причудливый трезубец, как и киевские князья – трезубец святого Владимира. Это древние славянские топонимы в Таврии, к сожалению, именуемой нами Крымом: Корчев (Керчь) по-гречески именовался Пантикапея, а эллинизированными сарматами – Боспор. И Сурож (по-гречески Сугдея) сейчас почему-то называется по-татарски Судак. То наше с вами упущение, господа консерваторы! Обычно свои топонимы имеют там, где жили, даже если не имели государственности, но жили. Прямые потомки сарматов Причерноморья – осетины. И можно обратить внимание на многовековую взаимную симпатию славян, а затем русских и осетин, что подтверждается летописно. Итак, что касается сарматов, я думаю, вопросов тут не будет. Это отгонные скотоводы, то есть умеренные полукочевники, кочующие примерно два раза в год. С этими скотоводами все в порядке. Таким образом, к началу этногенеза славян мы видим трех предков – двух бесспорных и одного предположительного, и все они скотоводы.

Что я вкладываю в понятие скотовод? Исключительно систему ценностей, о которой уже сказал. Как правило, скотовод знает земледелие. Если мы возьмем Библию, то увидим, что в период эмиграции Авраама предки будущих тогда еще древних евреев были несомненные скотоводы, но примитивное злаковое земледелие знали, во всяком случае у своих кожаных палаток лук и чеснок выращивать умели.

Как правило, скотовод обладает определенными земледельческими навыками. Думаю, что никто из присутствующих коллег не будет утверждать, что был когда-либо скотовод, не знакомый с практикой земледелия. Следовательно, дело тут не в способе производства, не в основном виде хозяйства, а в системе ценностей.

Так, Тацит в «Германии» точно указывает на то, что ценностью германца был его скот, и в первую очередь быки. Оттуда жилища германцев первых веков нашей эры – так называемый «длинный дом», хорошо исследованный археологами, в котором торцовую часть занимает семья, а всю остальную протяженную часть занимает скотина, те же самые быки. Все-таки даже в Германии бывает зима, а германцы пришли из Сканды, так называли Скандинавию в античное время, а там зима бывает очень даже суровой.

Наиболее сохранившееся русское жилище – классический дом русского севера. Их уже мало, они сохраняются в основном в Кижях, в Малых Карелах, но изучены хорошо. В нем обязательно есть развитый крытый двор, отделенный от жилой части служебными помещениями – сенями или тем, что в Тверской области называется «мост».

Если вы сравните русский дом с германским «длинным домом» не по архитектурным параметрам, а по функциональным, структурным частям, то увидите, что это тот же вариант длинного дома, где скотина пребывает вместе с хозяином.

Для германца Тацита ценность – его быки, в то время как земля, несомненно, общая. Земля принадлежит богам. Естественно, она также германская, естественно, она пребывает в распоряжении общины германцев, но ни в коем случае не

принадлежит одной семье. Это верно также для складывающейся аристократии и для упоминаемых Тацитом датских племенных королей – рексов, конунгов, у которых тоже не было ни малейшего собственного землевладения.

Мы можем сделать из этого чрезвычайно интересный вывод. У славян уже в языческий период существует исключительно четкое представление о том, что земля носит общинный характер, изначально и безусловно она принадлежит только богам. И в христианский период земля по-прежнему прежде всего Божья. Господь – Творец и Промыслитель – безусловный землевладелец, а все остальные – условные землевладельцы.

Условное землевладение может быть очень сложным. После Господа Вседержителя земля принадлежит Руси, то есть славяно-русам. Земля, безусловно, также принадлежит князю, хотя его владение землей заключается только в получении с его земли дани, а именно формы налога, ни в коем случае не поземельной ренты. Надеюсь, вы все об этом помните. Именно налог, потому что князь получает эту дань функционально, то есть не как князь Мстислав или Глеб, а как князь Курский или Брянский. Поменяв княжение, он получает новую дань, а предыдущую тут же теряет, отдавая ее следующему по старшинству, согласно летописному праву. После князя земля принадлежит и смерду, так тогда именовали крестьянина, смерду-общиннику. Причем и там она находится в общинном владении. Земля не может выйти из общины.

Это славянское общинное землепользование попало со славянским переселением (довольно давним, в V-VI веке) в Византию и позднее отразилось в византийских законодательных документах. Там славянизация скорректировала Римское право, которое допускало частное землевладение.

Тут мне хочется сделать одно очень интересное наблюдение. Когда в наше время подавляющее большинство населения нашей страны (не только Российской Федерации, а всей России) решительно отвергает неограниченную частную собственность на землю с правом отчуждения земли, то это

свидетельствует не о «колхозном» наследии, а о том, что мы лучше германцев сохранили до XX века скотоводческие стереотипы поведения. Скотовод – это не «колхозник», господа. Скотовод мыслит так: земля, несомненно, общая, а быки мои, и плохо будет тому, кто в этом хоть на секунду усомнится.

Таким образом, мы подошли к самому главному моменту: можно ли это подтвердить документально? Прежде всего, мое предположение подтверждает первый законодательный памятник русской истории «Правда Русская» Ярослава, изданная многократно. О скотине там на каждом шагу: о стойлах, о табунах, об особом положении конюха. И ничего – о земле. Совсем ничего. А это середина XI века. Причем, по мнению большинства историков и правоведов на «Правде Русской» нисколько не сказалось Римское (византийское) право, это – исконно славянское законотворчество. По-моему, Ключевский доказал это безупречно. Это значит, что «Правда Русская» есть фиксация обычного права, а обычай этот уходит в языческую историю славян и протославян. А юридические памятники, уважаемые коллеги, не врут никогда, потому что они регулируют реальные для своей эпохи общественные отношения.

Хочу к этому добавить свое предположение о том, откуда взялась первая мифологема о земледельчестве славян. В Домонгольской Руси «деревня» – это одно или двухдворное хозяйство, то есть то, что мы сейчас по здравому размышлению называем «хутор», а не «деревня». Новгородская деревня была таковой еще в XVI веке. Это показывают уже писцовые книги. Одно-два-три двора. Были погосты, были торговые села. Но большинство населения жило на хуторах, в одном-двух дворах. На русском севере это сохранилось местами вплоть до XX века. И даже сейчас еще можно видеть, проплывая северной рекой, давно обветшавший дом, не один сохранившийся в деревне дом, а именно единственный. Он один и был деревней, которая вымерла за советское время, потому что она никак не вписывалась в «колхозное» хозяйство.

Таким образом, нас не нужно учить быть «фермерами». Смерд, а затем крестьянин – он и есть фермер. Но в

центральных уездах или волостях мы видим в XVI веке усилия по укрупнению населенных пунктов, усилия по подселению крестьян поближе друг к другу, усилия, которые принимаются уже вотчинниками, особенно помещиками. То есть, уже в процессе феодализации, когда формируются крепостнические отношения, деревня становится большой, и от села отличается только тем, что село, как мы помним, имеет храм, а деревня храма не имеет. Это единственный строгий критерий. Деревни стали большими. Почему? Потому что так было существенно удобнее для получения оброков, это результат крепостничества.

Отсюда я делаю вывод, что мифологема об изначальном земледельчестве славян есть не что иное, как результат крепостнического творчества, поскольку земледелец из всех основных видов производителей, как я однажды написал, наиболее «удобоугнетаемый». И охотник, и рыбак, и ремесленник, и, конечно же, скотовод гораздо более строптивы и вольнолюбивы. Потому не только практика подчинения крестьян, но идеология того тоже корректировалась и оформилась, когда уже сложилась академическая наука. Она сложилась у нас в XVIII веке, в эпоху наивысшего, наиболее разрушительного для нашего общества крепостничества – екатерининского крепостничества. Понятно, что сообразительные ученые, преимущественно немцы из Санкт-Петербургской академии наук, потрудились в этом направлении, создавая земледельческую легенду.

Косвенно правоту моей гипотезы подтверждает то, что именно север, о чем я уже говорил, сохранил однодвухдворные деревни. В Олонецкой губернии (нынешней Карелии), в Архангельской губернии (нынешней республики Коми) вообще не было помещичьего землевладения, а в Вологодской и Костромской губерниях оно было только в южной части. И даже в Ярославской губернии (ближний север) большинство крестьян были государственными крестьянами, а не помещичьими. Следовательно, и крепостническая реформация проявилась там меньше, а традиционный уклад жизни сохранился неизмеримо лучше. Это всё о первой мифологеме, и я сразу перехожу ко второй.

Еще больше въелось в наше сознание представление о том, что некогда существовало единое государство «Киевская Русь», а потом оно раньше или позже «раздробилось». Хронологический разброс тут очень велик. Ключевский в своем «Курсе русской истории» полагал с определенными оговорками, что во весь домонгольский период существовало единое Русское государство. Именно он назвал древнерусского князя «нигде долго не задерживающейся кометой» (кажется, в его работе «Боярская дума Древней Руси»). Он отмечал, что столицей того единого государства сперва был Киев, а последние 80 лет – Владимир. Период со второй четверти XIII века, с ордынского вторжения Ключевский назвал «удельными веками», что очень близко к более позднему термину «феодальная раздробленность». Просто он очень осторожно пользовался термином «феодальный». Так или иначе, у него «раздробление» связано с разрушением единого государства в итоге иноземного вторжения.

Советская историография создала иную периодизацию. Во время работы академика Грекова единая Киевская Русь существовала сначала до середины XII века, пока Киев еще сохранял престиж, до Юрия Долгорукого. Потом этот срок сократился: феодальная раздробленность наступила уже в начале XII века, и, наконец, хронологически переехала к Любечскому княжескому съезду, откуда любят цитировать знаменитую Мономахову формулу: «Каждый да владеет своей вотчиной». Но цитируют с нарушением правил цитирования, я бы сказал, цитируют в ленинской манере, потому что фраза усечена. Фраза целиком звучит так: «Каждый да управляет вотчиной своей, да устроится этим единая Русская земля». Ничего себе формула феодальной раздробленности! Тем не менее, в таком усеченном виде она вошла во все учебники, учебные программы, так учат учителей, а учителя – школьников. А потом студентам приходится объяснять, что это не совсем так.

Дальнейшее еще более странно. Феодальная раздробленность в послевоенный период советской историографии продолжается только до середины или до конца

XIII века, а дальше начинается борьба за создание единого Русского государства, то есть был такой затяжной прыжок «из единого Русского государства в единое Русское государство».

Что тут можно сказать? Действительно ли, как еще писали во время Карамзина, единую Киевскую державу погубило исключительное чадолюбие князя Ярослава Мудрого, который имел неосторожность между своими ближайшими потомками поделить княжение? Конечно, ученые-рационалисты, а тем более ученые-марксисты уже не относят всё к частному движению Ярослава. Но все равно получается нечто подобное. Ярослав, а затем князья в борьбе друг с другом поделили Русскую землю. Некоторая борьба Ярославичей известна. Что-то в этом духе было. Следующее поколение Ярославичей, то есть поколение, к которому принадлежит Мономах, окончательно разошлось. Осталось договориться о том, что каждый держит вотчину свою.

Однако прошу обратить внимание на то, что до Ярослава подобным же образом ведет себя Владимир. Он тоже рассаживает своих детей, где возможно, в том числе в отдаленных колонизируемых землях Северо-Восточной Руси, где мы с вами находимся (тогда это еще угро-финская земля, действительно колонизируемые земли). Причем любимейших своих детей сажает как раз в Ростове и Муроме, то есть святых детей-страстотерпцев Бориса и Глеба соответственно. Более того, не отказывается от стремления обеспечить именно Борису наследие Киевского престола.

Тут не все ясно. Никогда не будет ясно, какие вокруг этого шли интриги. Точно так же, как мы никогда точно не узнаем, был ли Святополк Окаянный Владимирович или Ярополчич, был ли он сыном Владимира или его пасынком.

Более того, до Владимира таким же образом ведет себя даже Святослав. Он тоже сажает киевским наместником на Вышгород Ярополка, в Древлянскую землю – Олега и убеждает новгородцев принять Владимира, видимо, располагая только тремя сыновьями. Сколько у него было девиц, нам неизвестно. То очень интересно еще потому, что Ярослав очень много занимался Русской землей, много строил, много

законодательствовал, а Святослав Русской землей совсем не занимался и был плохим Киевским князем. После своего Балканского похода Святослав написал, фактически отрекшись от престола, что не хочет сидеть в Киеве, а хочет в Переяславце-на-Дунае, то есть в Преславе – второй столице Болгарского царства.

Я склонен полагать, что случайная гибель Святослава в стычке с печенегами в 972 году и его сидение на острове до того объясняется именно тем, что он боялся возвращаться в Киев, он не знал, что будет в Киеве: впустят его или убьют. Ведь он изменил киевским интересам, помчавшись на Балканы, он бросил Киев, он даже отрекся своим посланием! Свенельд же добрался до Киева. По всей вероятности, он отправился разузнать, что киевляне будут делать с князем, можно ли Святославу в Киев или лучше и близко не приближаться. Даже такой князь-неудачник, князь-авантюрист, несомненно, блистательный князь-полководец, но совсем не государственный деятель и то стремился обеспечить своим ближайшим наследникам столы в некоторых русских городах!

С чем для меня связана легенда о призвании еще более ранних братьев варягов? Можно доказать, что никаких братьев не было, что это искажение скандинавского текста, что Рюрик на самом деле пришел на Русь со своим имуществом и верной дружиной, а не с братьями. Но легенда все-таки была, и она отражает некоторое политическое сознание славян и политическую практику. Если мы посмотрим на практику киевской или домонгольской государственности, то увидим, что каждый город стремится обзавестись князем, потому что «некняжой» город воспринимается как пригород. Не в современном значении слова, а в значении «зависимый город». Например, Псков был пригородом Новгорода одно время. А суздальцы упрекали владимирцев, что те зазнались, ведь на самом деле Владимир – пригород Суздаля. И так далее, и так далее.

В первой новгородской летописи указано, что когда в начале XII века Новгород около полутора лет оставался без князя, была в новгородцах «туга» великая. Конечно,

марксистскому воспитаннику сие будет непонятно. Как же так? Ведь избавились от угнетателя! Потому надо собрать митинг и напиться от радости. А новгородцы тужили, потому что твердо знали, что Новгород резко падает в общественном мнении окружающего не только славяно-русского, но и прибалтийского мира. «Некняжой» город – это так, нечто.

Если мы посмотрим глазами Ключевского на государственное устройство, то мы увидим, что, бесспорно, и в XI, и в XII веке государство на Руси – это княжества и только княжества. Во второй половине XIX века это детализировал известнейший петербургский профессор Игорь Яковлевич Фроянов. Каждый город стремится приобрести князя. Псков боролся несколько сот лет, чтобы укрепить у себя княжескую династию, и всегда принимал князей-беженцев, даже бежавших от Орды, как Александра Михайловича Тверского. А то было опасно. Но псковичи все равно радостно приняли князя и вокняжили его у себя.

Государства в Древней Руси – это отдельные княжества, и определял тут всё город. Ключевский указал на служилый характер княжеской власти. А мне довелось наблюдать, что каждое княжество управлялось монархией в лице князя, аристократией – в лице боярства и демократией – в лице вечевого строя и довольно сложных вечевых институтов. Такое управление соответствовало идеальной схеме великого греческого ученого Полибия, считавшего идеальным государством именно такое, в котором соединяются все три правильные формы власти. Я назвал такую составную форму власти «полибиевой схемой». Этим термином уже пользуются историки.

Таким образом, вся Русская земля представляла собой конфедерацию княжеских земель с довольно мощными механизмами единства. Единства этнического. Единства культурного – один, русский язык (тут можно не спорить). Единства религиозного. Единства церковно-канонического (единого государства не было, но единый митрополичий округ был, и даже единая патриархия была, просто патриарх находился в Константинополе; но у нас была своя патриархия,

и был свой патриарх). Единого экономического пространства, объединенного не только транзитными путями, рассекавшими тогда Русскую землю к ее вящим богатствам, но и единой монетной системой, даже если устойчивой монетой была беличья шкурка. Единства юридического с тех пор, как мы приняли «Мерило праведное» и издали «Правду Русскую». И, наконец, была одна династия Рюриковичей.

Но не было никакого политического единства. Русское политическое мышление не допускало того, что князь может быть над князем. Великий князь – это просто самый уважаемый князь. Есть 2-й князь, есть 3-й князь, есть 25-й князь. Каждый кого-то старше, кого-то моложе. То не исключает отдельных выдающихся великих князей, как Владимира Святого или Владимира Мономаха. Но то их личный политический вес, а не их положение. Попытка встать над князьями, оставаясь князем, не удалась даже таким могущественным и незаурядным деятелям, как Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Попытка превратить конфедерацию хотя бы в федерацию провалилась. Политическое мышление того не допускало.

Стремление князей рассадить своих братьев и сыновей по столам – это стремление не разъединить Русь, а объединить. И другого пути не было. Можно было уговорить Новгород принять князя Владимира. Но нельзя было посадить в Новгород посадника и его руками управлять Новгородом из Киева. Посадника выгнали бы, не нужен был чиновник городу, нужен был свой князь. Другого пути не было. Даже посадив наместников, пришлось бы каждый год в каждый город посылать карательные экспедиции. Ни у кого для того средств не было. Это отторгалось социально-политическим мышлением славяно-русов.

Таким образом, я наблюдаю конфедерацию земель-княжеств, которая действительно была разрушена иноземными вторжениями, но больше с запада, чем с востока. Вторжения поляков, венгров, немцев-крестоносцев, шведов были куда страшнее ордынского вторжения. К тому же иноземные вторжения XIII столетия совпали с обскурацией славян и сменой

этноса – уходят славяне, а приходят русские. Окончательно они приходят в эпоху Куликовской битвы. История тогда только начиналась.

Теперь я обязан указать, откуда взялась эта мифологема. Из одного допущения. Его вы с легкостью найдете в школьных и вузовских учебниках. Всем известно, что Олег, родич Рюрика, захватил Киев, вероломно убив на переговорах киевского князя Аскольда, первого князя-христианина. И, соответственно, вокняжился. Из этого делается вывод, модернизирующий ситуацию. Историки, начиная с XVIII века, пишут: Олег пришел из Новгорода и захватил Киев, и то значит, что он объединил Новгород и Киев в одних руках и тем самым контролирует важнейший тогда Днепровский транзитный путь «Из варяг в греки».

Во-первых, важнейшим транзитным путем был Волжский, что доказано современными петербургскими археологами Булкиным, Лебедевым и их блестящей компанией. До момента, когда новгородцы принимают малолетнего Владимира, мы о Новгороде не знаем ничего, кроме того, что он вообще существовал! Мы не знаем, кто там княжил, мы не знаем, был ли у Рюрика сын, исчезнувший из истории, был ли вообще в Новгороде еще один князь, призванный со стороны. Может быть, новгородцы сидели в народоправстве и князя не имели. Мы ничего не знаем.

Во-вторых, прошло полтора столетия, Новгород исчезает из летописного материала. Потому я делаю вывод, что Олег покинул Новгород, и мы не знаем, собирался ли он сохранить хотя бы тень своей власти в Новгороде. Может быть, он оттуда убежал. Или, если даже собирался, то сохранил ли он реально хотя бы тень своей власти?

Таково происхождение этой мифологемы и очень вредоносной идеологемы. Она вытекает из этатизма, из государственничества, которому подчинено с XVIII века изучение русской истории. А этатизм вреден до чрезвычайности! Например, в школьном учебнике мы как этатисты изучали сначала единую Киевскую Русь. Она заканчивалась в 1240 году, то есть в год взятия ордынцами Киева. После того на 400 лет

западнорусские земли исчезали из учебников и появлялись обратно только при гетмане Богдане Хмельницком. Изучая таким образом русскую историю, отказывая русским в изучении части их истории, мы довели дело до «самостийной» и весьма «незалежной» Украины сего дня.

Этатизм стремится устранить все национальное, национально-культурное, национально-религиозное в истории. Вот почему он вреден. Именно этатизм, стремление везде видеть, как Сталин велел это называть, «централизованное единое Русское государство» привело к укреплению научной ошибки в нашей историографии.

У меня все. Благодарю вас.

Демос и его кратия

Статья 1997 года.

Вы думали, что демократия – это власть народа? Вас обманули. Это не так.

Житель – еще не гражданин

«Демос» по-гречески, разумеется, означает народ. Но и этнос (нация) тоже означает народ. И лаос (население) тоже. Однако, мы нигде не прочитаем об этнократии или лаократии в Древней Элладе. Небезынтересно поспрашивать учащихся, кто с их точки зрения не имел гражданских прав в античных демократиях, иными словами, кто не принадлежал к демосу. Даже самый серенький школьник, не задумываясь, назовет рабов. Ученик покрепче вспомнит о женщинах и юношах – эфебах, перепутав гражданские права с политическими. Владеть имуществом, наследовать его, обращаться в суд свободные женщины, конечно, могли. Наиболее старательный не забудет о вольноотпущенниках, о варварах-инородцах. И почти никто из наших «рыцарей печального образования» не укажет весьма значительный слой свободнорожденных совершеннолетних эллинов, не имевших ни малейшего отношения к демосу и, следовательно, к демократии. Это были «метеки», например, коринфяне, живущие вне стен Коринфа, фиванцы, вынужденные поселиться вдалеке от Фив. Чаще всего изгнанники, то есть в нашей терминологии «лимитчики» или беженцы. Причем, мы в разговоре не называем собеседника «лимитчиком», а эллин обязательно добавил бы к его имени «метек».

Почему в Античном мире изгнание часто было наказанием за весьма серьезные преступления? Да потому, что оно было лишением гражданских прав. Таким же по последствиям было изгнание из средневековой городской коммуны Западной Европы. Так же точно изгнание практиковалось в Домонгольской Руси IX-XIII веков с ее множеством богатейших городов и вечевой демократией.

Мог ли метек приобрести права гражданства? В разных греческих полисах по-разному, но всегда в форме дарования ему гражданами этих прав. Например, за то, что в тяжелый час метек добровольно становился в строй фаланги и вместе с гражданами защищал город. Еще не свой, чужой! В Риме союзники служили во вспомогательных войсках, где служба была продолжительней и тяжелей, чем в легионах. Но служили вполне добровольно, ибо в отставку выходили гражданами. Признание «своим» у всех разумных народов требовало службы обществу и благонадежности. Можно видеть, как при избрании двух представителей от рязанских дворян в Земский собор 1638 года ото всех станом выдвигают по два выборщика, а от «новокрещенов» – недавних христиан – по одному. И даже в Соединенных Штатах наших дней счастливчики, сподобившиеся гражданства, приносят торжественную присягу на верность не только законам, но и идеалам страны и нации.

На первый взгляд кажется, что число граждан в классических демократиях постоянно растет. До начала VI века до Р.Х. Афины управлялись аристократией, а народное собрание имело мало реального веса. Затем Солон поделил граждан на четыре имущественных разряда, и наибольшие права приобрели афиняне первых двух. Граждане III разряда – тяжеловооруженные гоплиты – составили демократическое меньшинство, а бедняки-феты остались практически вне власти. А в середине V века, при Перикле демократия охватила все 30 тысяч свободных афинян, и было даже запрещено упоминать, что у кого-то предки были фетами. И в Риме плебеи добились полноты гражданских прав, и в средневековых городах цеховые мастера, как правило, добивались равенства со старым торговым патрициатом. И так далее ко всеобщему равенству и светлому будущему?

Не тут-то было! Чем больше прав для своих, тем меньше прав для пришлых! При том же Перикле гражданином признавался только сын афинского гражданина и афинской гражданки. Сам великий стратег угодил в этот капкан: его жена Аспазия не была афинянкой, и Периклу пришлось униженно просить народное собрание особым законом даровать

гражданство его сыновьям. Во многих государствах нашего времени гражданство вообще не даруется. Можете не сомневаться, что это как раз богатые и благоустроенные страны.

А как же такие непререкаемые «демократические нормы» как недопустимость лишения гражданских прав даже осужденного преступника? Право двойного гражданства? Права человека, наконец? Преступник изгнан если не с территории, то, во всяком случае, из демоса. Следовательно, демосу и решать, после отбытия метеком наказания, принять ли в свой состав нового гражданина и за какие заслуги. Двойное гражданство означает ущемление прав своего демоса в пользу чужого, если, конечно, там, где живет «двойной гражданин», тоже демократия. А признание прав человека, то есть прав варвара, иммигранта, «бомжа», врага вашего демоса, наконец, есть попрание прав и каждого гражданина, и всего общества, демоса и, следовательно, эта норма предельно антидемократическая.

В античной Элладе сторонники аристократии посмеивались над монархистами, что у тех де в городе нашелся лишь один достойный человек, потому-то и царская власть, в то время как у них самих достойных граждан достаточно для аристократического правления. Так вот поборники демократии тоже веками исходили не из представления о неизвестно откуда взявшихся и на всякую, простите, пьянь свалившихся демократических правах, а из гордого сознания, что в их государстве честных и доблестных граждан достаточно для правления демократического.

РОЖДЕНИЕ ПОТОМКА ДАРУЕТ ВЛАСТЬ

Предположим, что у нас все в порядке с происхождением, и наша благонадежность, верность демосу ни у кого сомнения не вызывает. Значит ли это, что нами полные политические права уже приобретены? Как мы уже заметили, прежде чем стать гражданином, демократ вступает в строй фиванской фаланги, гентского ополчения, новгородской тысячи. Но, хотя формально афинянин переставал быть эфебом двадцати лет от роду, политическое полноправие он приобретал, только женившись и родив ребенка. Гражданское общество тысячелетиями не сомневалось, что долг гражданина и в том, чтобы производить

новых граждан. Иначе это действовало у римлян. Они были много менее социальны, нежели греки, и погружены в семейную жизнь. Они создали римское право (до сих пор достояние всего человечества – редчайший случай!), предельно оберегая частную жизнь. Но не жизнь индивидуума, а жизнь семьи. И полноправным субъектом римского права, естественно, становился «добрый отец семейства». В нашей национальной традиции нигде прямо не звучит, что долг гражданина – деторождение. Однако, ни кто иные, как свободные домохозяева, составляют вече в любом городе Киевской Руси и, позднее, в Новгороде и Пскове. Подати до конца XVII столетия платятся «со двора», то есть субъектом права остается домохозяин. Он же участвует в земском самоуправлении XVI-XVII веков, он же заседает в парламенте – Земском Соборе. И даже законодательство Российской империи косвенно поддерживает идею нормальности деторождения гражданином: малолетство исчислялось до достижения 17 лет, а гражданское несовершеннолетие – до 25.

А какой смысл обретала собственность в приобретении гражданства? Неужели правы марксисты, что власть всегда захватывают богатенькие? Великий Аристотель – первый, кто детально исследовал формы власти – полагал желательной причастность к правлению людей среднего достатка, исходя из того, что они вынуждены трудиться и не могут, подобно богачам посвятить всю жизнь опасным для общества политическим играм. Вместе с тем, в отличие от бедных, средние (так у Стагирита!) не склонны посягать на чужое имущество. Стагирит также благоразумно рекомендовал изменять имущественный ценз: с повышением общественного богатства повышать его и наоборот, дабы круг причастных к власти средних граждан сохранялся. И Сократ в одной из речей перечисляет эгоизм и прочие пороки богатых, завершая утверждением, что «богатые столь ужасны, что хуже них могут быть только бедные». Римляне долгое время бедняков-пролетариев (по-русски не «рабочих», а «босяков»!) не допускали к службе в легионе, не доверяли. И. А. Ильин – давший единственным из русских философов нравственное обоснование частной собственности –

убедительно показал, что любое общество заинтересовано вовсе не в наличии богачей, но в наличии собственности, особенно недвижимой, у большинства граждан. Настоятельно рекомендуем всем, услышав очередную ругань в адрес «мелкобуржуазных идей», видеть в данном авторе врага своего демоса и демократии. Также, впрочем, и в том, кто поет славу «новым рашенам», которые, разбогатев, станут якобы и нас кормить. Гражданин предпочитает сам кормить себя и свою семью.

Гражданское общество обычно было солидарно или стремилось к солидарности. Но даже очень малочисленный демос состоял из корпораций. Плутарх рассказывает о великом афинском царе Тесее, что тот «не допустил, чтобы беспорядочные толпы переселенцев вызвали в государстве смешение и расстройство, что он впервые выделил сословия благородных, землевладельцев и ремесленников, и благородным предоставил судить о религии, занимать высшие должности, хотя в целом как бы уравнил меж собою все три сословия». Аристотель утверждает: «Невозможным окажется создание государства без разделения и обособления входящих в его состав элементов либо при помощи сисситий (товариществ), либо при помощи фратрий и фил (общин)». Городские коммуны – колыбель западной демократии – состояли из цехов и купеческих гильдий. Наша история, весьма насыщенная демократической традицией, веками знает сельскую общину, в XII-XVI веках – купеческие братства, в позднем Средневековье – городские сотни и слободы, в XIX-XX веках – земства. Когда XX столетие повсеместно выращивает многомиллионные мегаполисы, лживо называя это урбанизацией, идет разрушение гражданского общества. В мегаполисе разваливаются корпорации, исчезает внутригородская солидарность, общество превращается в массы, которыми лихо правят шайки, олигархии. Когда ныне со всех сторон лукаво проповедуется индивидуализм, это означает, что гражданин должен стоять один как перст перед корпорацией чиновников, корпорацией банкиров, корпорацией чеченцев, преступников, журналистов, милиционеров...

ПОКА НЕ ВЗВИЛАСЬ «ЧЕТЫРЕХХВОСТКА»...

Демократия сурова. В сравнении с аристократией и монархией – двумя другими формами власти – наиболее сурова. О вредоносных для общества искажениях основных форм – тирании, олигархии и охлократии, столь привычных для нас с 1917 года и доныне – пока речь не идет. Монархия терпима вследствие своей надсословности и высочайшей ответственности за судьбы нации, груз которой тащит каждый монарх, особенно христианский. Аристократия снисходительна в силу благородства и все той же ответственности. Демократия не может умалить ни достоинства, ни прав гражданина. Демократия, к примеру, не могла бы согласиться на запрещение продажи спиртного (а теперь уже и табака – С. П.) до определенного часа или в определенном количестве. Она скорее примет решение пороть алкоголиков, сажать бродяг в позорные колодки на городских площадях, как поступали в Англии до 1830 года. И, разумеется, решит, что поротый, опозоренный гражданином более не является. Демократия никогда не разрешит не продавать гражданам лекарства. А если существует проблема наркомании, то страдать уж точно не будет добрый гражданин. Страдать будет торговец наркотиками, а если потребуется, то и наркоман. Страдать так жестоко, как потребуют интересы граждан.

Иногда демократия бывает бессмысленно жестока. В 406 году до Р.Х. афинский флот одержал победу. Но восемь стратегов-победителей были казнены за то, что не воздали должных почестей павшим. А стратеги воздать их не могли: помешала буря, но из пятисот судей-гелиастов лишь один осмелился голосовать против смертного приговора. То был Сократ. Победитель при Марафоне Мильтиад умер в тюрьме, победитель при Саламине Фемистокл – в изгнании. Совершенно так же в 1634 году был казнен наш заслуженный полководец и герой, боярин Михаил Шеин. Общественное мнение не простило ему поражения под Смоленском, хотя добрейший царь Михаил Федорович был против казни.

Но зато демократия не станет и славить память военачальника, расплатившегося тремя-четырьмя бойцами за

каждого солдата противника. В 1945 году демос по случаю окончания бойни заслуженно казнил бы маршалов во главе с Верховным главнокомандующим, а затем радостно отпраздновал бы победу.

Демократия стара почти как монархия: обе они древнее государства. Если прообраз монархии – это семья, нормальная, разумеется, то демократия восходит к роду, равноправию сородичей. С увеличением населения и размеров государства прямая демократия сменяется представительной. Это неизбежно: ведь не бывает площадей для сотысячных народных собраний, да и не сможет работать такое собрание. Сословное представительство рождается в борьбе за единство: монарх в союзе с выборными от рыцарей и горожан противостоит раздробляющей воле крупных феодалов. В Арагоне первые кортесы собрались в 1185 году, в Англии первый парламент заседал в 1265, у нас – при Всеволоде Большое Гнездо в 1211 году. На полвека старше наш парламентаризм! Парламент – всегда объединитель: американцы в борьбе за демократическое представительство шею сломали своим сепаратистам, а нашим школьникам и доселе лгут, что Гражданская война в США велась из-за негров. Нам доводилось обращать внимание слушателей еще в 1991 году на эту неоспоримую закономерность: будет развитие парламентаризма в России, не будет Россия терять свои земли под названием «независимых государств». Из расчленения нашей страны в 1991 закономерно вытекает расстрел Верховного Совета в 1993.

Став представительной, демократия долгое время сохраняла элементы неформальных связей, присущие прямой демократии. Граждане избирали лично знакомых представителей. Когда население увеличилось еще больше, выборы стали двухстепенными. Граждане избирали лично знакомых выборщиков, а те, как правило, были людьми опытными, представлявшими себе достоинства будущего депутата (по-русски – гласного, то есть имеющего право голоса!). Но как только ослабевают неформальность, между избирателем и избираемым протискивается шайка –

политическая партия. Видный английский философ Френсис Хатчесон еще в 1-ой половине XVIII века задавал вопрос: может ли член партии считаться порядочным гражданином. И давал отрицательный ответ: ведь такой человек станет защищать интересы партии, а не общества! Но главное не в том: каждая партия внутри себя устроена не демократически и, следовательно, представляет олигархию, паразитирующую на демократии. Кстати, крупнейшие западные ученые признают партийность болезнью демократической системы, правда, неизбежной. В отечественной же истории партийная структура Государственных дум и Учредительного собрания уже привела Россию к краху в 1917 году.

Нормы, отделяющие гражданское общество от толпы, в представительной демократии принимают форму цензов. Основных цензов четыре: возрастной, образовательный, имущественный и ценз оседлости. Их знали уже древние. Четко сформулированы они были и в Городской и Земской реформах Царя-Освободителя Александра II. Как работал возрастной ценз, мы уже видели: он отстаивал интересы людей семейных и предоставлял гражданину возможность исполнить долг защитника Отечества в новых условиях всеобщей воинской обязанности. Образовательный ценз во всех странах сохранял смысл только до достижения всеобщей грамотности. Зато весьма интересен имущественный: из трех курий – землевладельцев, городских домохозяев и крестьян – он касался только второй. Таким образом, этот ценз защищал не интересы богатых, а права собственника. Ведь любой крестьянин собственностью владел и жил в своем доме! А вот городские босяки имущественным цензом отсекались. Что же касается ценза оседлости, присущего всем без исключения демократиям до начала нашего столетия, то он представляется совершенно необходимым условием разделения демоса и охлоса, граждан и толпы. А революционеры требовали «четырёххвостки»: всеобщего, равного, прямого и тайного голосования.

Зададимся вопросом, как продемонстрировать фиктивность демократии при коммунистическом режиме? Наивный школьник,

скорее всего, укажет на наличие только одного кандидата в избирательных бюллетенях. Но это не критерий: а что если, скажем, в Калуге так любят своего депутата, что больше ни о ком и слышать не желают? Лучше вспомним открепительные талоны. Вы совершенно реально могли поехать из Уральска в Гурьев и там участвовать в избрании даже депутатов местных советов. Даже судей, народных, между прочим. А когда г-н Собчак публично похвастался открытием в Санкт-Петербурге специального избирательного участка для бомжей, только ленивому не стало всё ясно про нынешнюю «демократию»...

СЛОВО «МАССЫ» – ИЗ ДРУГОГО КОНТЕКСТА

Когда решения принимаются одним процентом общества, мы видим аристократию или олигархию, когда десятью – уже демократию. Вряд ли можно говорить о демократии, если число граждан – 90% населения. Увы, любое общество создает некий «отстой»: социальные низы, неприкасаемых, плебс, пролетариат, клошаров... Здоровое общество не жалеет сил и средств для уменьшения этого слоя. Честное общество всегда предоставляет возможность подняться из низов в народ, как и возможность подняться из народа в элиту. Разумное общество стремится не допустить деградации: культурной, профессиональной, социальной. Если общество допускает превращение инженеров, учителей и мастеров-стеклодувов в «челноков» и не отрывает виновным головы, то общество больно. Лучше всех умеют бороться с деградацией православные христиане, у которых «хранитель веры православной – сам православный народ», у которых даже Православного Царя делает таковым, легитимизует только православный народ – тело церкви. Церковь каждого христианина пускает в народ, но и предъявляет требования повыше тех, что выполнял афинянин или даже римлянин. Однако, низы остаются всегда.

Наши революционеры навязали нам нелепейшую социальную пару: дворянство и народ. Римляне говорили иначе: Сенат, Римский народ и плебс. Когда плебеи тоже стали народом, остался пролетариат. О злобном противопоставлении дворян народу нам доводилось писать в работе «Диагноз»

(«Иное», М., 1995; «Москва», №1, 1996), как об итоге работы антисистемы. При таком подходе не только элита отрывается от нации, но и народ, средние люди, выталкиваются в социальные низы. В советское время противопоставление стало еще идиотичней: интеллигенция и народ.

На научном жаргоне толпа, в которой мечтают смешать народ и низы, называется «массы». «В этих массах всякий и каждый не мерит себя особой мерой ни в добре, ни в зле, а только ощущает себя таким же, «как и все», и не только тем не удручен, но и доволен собственной неотличимостью». «Как говорят американцы, отличаться – неприлично». «При всеобщем голосовании массы не решали, а присоединялись к решению того или иного меньшинства. А меньшинства предлагали свои «программы» – отличный термин. Эти программы – по сути, программы совместной жизни – приглашали массу одобрить проект решения». Все это написал Хосе Ортега-и-Гассет, ставя мрачный диагноз «Восстанию масс». И именно это нам предлагают, величая нас «электоратом», бесстыдно навязывая вместо роли демоса, властно решающего свою судьбу, топот толпы, шарахающейся от одного плаката с обещаниями к другому.

Демос предпочитал, даже победив аристократию, доверять видные посты людям благородным. «Таких должностей, которые приносят спасение, если заняты благородными людьми, и подвергают опасности весь народ, если заняты неблагородными – таких должностей народ вовсе не добивается» – писал афинский публицист. Новгородец мог свергнуть и изгнать посадника, но предложение избрать посадника не из бояр отверг бы не из рабской покорности, а из гордости, потому что не может всякая мелюзга править Господином Великим Новгородом. Гражданам присуще чувство ранга. А ключевую фразу массового сознания «А я не хуже тебя!» восхитительно разбирает К. С. Льюис: «Произнося такую фразу, никто не верит ей. Если бы кто верил, он бы так не сказал. Сенбернар не скажет этого болонке, ученый – невежде, красавица – дурнушке. Если выйти за пределы политики (не обязательно! – В. М.), на равенство ссылаются только те,

которые чувствуют, что они хуже. Фраза эта именно и означает, что человек мучительно, нестерпимо ощущает свою неполноценность, но ее не признает».

Если все поголовно объявляются гражданами, то нет ни одного гражданина. Подзабытый русский мыслитель Сергей Левицкий тонко отмечал, что общество стремится к симфонии граждан, а массы – к унисону. Массовое сознание легко наблюдать, когда толпа, толкаясь, ломится в одну входную дверь, хотя и другая не заперта. Или когда целенаправленно швыряют окурки под несчастные московские липы. А гражданин, если нет урны, бросит окурочек на тротуар: за уборку персоналу деньги платят, а дерево – жалко!

И вообще, не омерзительно ли почувствовать себя даже на мгновение массой? Рассказывают, что великий русский лингвист Роман Jakobson, попав после долгих лет на Родину, поймал в Москве кого-то из дореволюционных друзей и пожаловался: «Поразительно меняется лексика русского языка! Не понимаю, как можно пасху называть «сырковой массой». Массы – это же из другого контекста. Ну, скажем, массы кала».

БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

О совместимости демократии с другими нормальными формами власти мы уже говорили, но надо добавить, что демократию чаще встречаешь как раз в сочетании с монархией или аристократией, чем в одиночестве. Народные собрания у греков долго существовали при аристократиях, но и во времена высшего расцвета афинского народоправства первый архонт, имя которого носил год, был благородного происхождения. В Спарте также была составная система, и она считалась весьма устойчивой. Аристократии с демократиями правили в средневековом Новгороде и Генуе. А король, управляющий с парламентом, дает образец союза монархии с демократией. Рим послужил величайшему античному историку Полибию образцом идеального государства с монархическим элементом в виде консульской власти, аристократическим сенатом и народным собранием. Подобную Полибиеву схему мы видим и в Великобритании времен ее высочайшего могущества: король, палата лордов, палата общин. Для нас Полибиева схема – это,

несомненно, национальная традиция, в которой мы жили в эпохи нашего наивысшего расцвета и благоденствия. В Домонгольской Руси: князь, бояре, вече, а в России XVI-XVII веков: царь, боярская дума, Земский собор.

Тюркская или монгольская орда, представлявшая собою народ-войско, избирала хана на курултае. Избирался и константинопольский василевс, более того, от православного народа он принимал посвящение христианского Царя, что дало право Владимиру Видеманну в «Знаках империи» назвать византийскую систему «самодержавной демократией». И правил василевс, считаясь с волей столичного народа, организованного в димы (их часто некорректно называют «партиями цирка»). Каждый русский царь избирался собором, начиная со смерти первого тирана Ивана IV в 1584 году и до бюрократического переворота Петра I – второго тирана.

Зато цензовые демократии небезуспешно борются с искажениями власти. Демократы убивают тиранов, как Гармодий и Аристокитон Гиппарха в Афинах, как Брут Тарквиния в Риме. Цензовые демократии блюдут публичность политики, чем мешают пристроиться у себя за спиной олигархической шайке.

А охлократии, а массы? Аристократию люто ненавидят в соответствии с принципом «я не хуже тебя». За монархизмом толпы скрывается тиранолюбие, потому что кто же лучше тирана посвертывает шеи ненавистным гражданам! И тогда все будут «как все». Так революционная охлократия в борьбе с партийной олигархией вызвала к власти тирана Сталина. Ну, а олигархия тысячелетиями уютнее всего чувствует себя, угождая толпе внешне и манипулируя ею посредством демагогов.

«ПРЕЗИРАЯ СМЕРТЬ»

Подлинные демократии, как мы видели, воспитывали гражданина воином. Более того: воинская служба создавала демократии. Пламенный аристократ Ксенофонт, описывая одну из страниц в истории Афин, походя, признает, что когда шла война, власть принадлежала имевшим тяжелое оружие, и то было справедливо. Неизвестный греческий публицист утверждает решительнее: «В Афинах справедливо простому

народу пользоваться преимуществом перед благородными и богатыми по той причине, что народ-то как раз и приводит в движение корабли...» Ношение оружия и военная служба воспитывают в гражданском обществе даже чисто аристократические добродетели: честь и верность, ответственность и готовность принимать решения. Древние признавали за спартанцами исключительное умение отдавать приказы и исполнять их. Только гражданское общество могло воспитывать такое превосходное римское качество как дисциплина. Мы за советское время утратили смысл этого человеческого достоинства: мы думаем, что это – то ли послушание, то ли субординация. А на самом деле дисциплина – это понимание (откуда и термин «учебная дисциплина»). То есть: «Мне тяжело, но я это делаю, ибо понимаю, зачем это нужно». И с этим качеством римляне подчинили мир!

Когда спартанского царя Агида спросили, как человеку оставаться свободным, он ответил: «Презирая смерть». А разве верность не величайшая из христианских добродетелей? Разве Спаситель наш Иисус Христос не победил смерть?

Знаменитый американский фантаст Роберт Хайнлайн в «Космической пехоте» рисует общество близкого будущего, которому смертельно надоела безответственность политиков. Военная служба там совершенно добровольна: можешь не служить, быть бизнесменом, но тогда ты не сможешь принять участие в политической жизни и не станешь учителем. А нам довелось наблюдать одного юношу, увлеченного рокера, которому умственная неполноценность помешала служить в войсках (неизвестно и неважно, действительно ли он был болен или симулировал), но она не помешала ему гонять на мотоцикле и, представьте себе, голосовать. Целый греческий полис мог бы помереть со смеху в коликах от анекдота об эфебе, ненормальном, чтобы сражаться за Родину, но достаточно нормальном, чтобы скакать на боевом коне и участвовать в политической жизни.

С воинской службой обычно связано естественное право свободного человека носить оружие. Знаменитый американский «Билль о правах» своей второй статьей декларирует, что так как

государству необходима хорошо подготовленная милиция, право граждан владеть оружием не подлежит ограничениям. Русские люди всегда были вооружены. «Русская правда» в случае нападения на вас с палкой предоставляла вам право ответить мечом. Устанавливала более высокую виру (штраф) за синяк, чем за кровавую рану: ведь синяк позорит, а кровь нет! Только предельно антидемократическая система может создать ситуацию, когда бунтовщики и бандиты обвешаны оружием (теперь уже на «законном» основании), а граждане безоружны. Демократия вела бы себя диаметрально противоположно: граждан она призвала бы поголовно вооружиться, а бунтовщиков при обнаружении оружия вешала бы.

Охлократия, пока не превратится в бунтующую толпу, оружия не любит: «вдруг напьюсь «как все» и полезу драться, а этот гад-гражданин, который не «как все», мне мозги выпустит!» Тиран или олигархи могут гнать массы в качестве пушечного мяса. Представителю черни можно приказать не стрелять, когда его бьют по морде. Это, пожалуй, единственный приказ, которого демократ никогда не выполняет. А еще лучше на «альтернативной службе»: куда спокойней три года дерьмо разгребать. Солдат, впрочем, из толпы действительно не получается. Римляне были правы.

ЕСЛИ КТО-ТО, КОЕ-ГДЕ...

Древние демократы оставили в наследство два принципа формирования полиции. В Афинах полицейскую службу несли 300 скифов – государственных рабов. Оттуда идет здоровая традиция отношения к полицейской службе как к важной работе в сфере обслуживания. Нам большевики навязали кретинический термин «медицинское обслуживание». Врач не обслуживает, врач пользуется. Зато полицию – городскую службу до сих пор лживо зовут «милицией», то есть ополчением. А ведь до тех пор, пока милиционерам не внушили, что они обслуживают граждан, а вовсе не служат государству, над нами продолжает висеть угроза полицейского государства, хуже которого и не придумаешь.

Хосе Ортега-и-Гассет пишет: «В самом начале прошлого века, когда с ростом пролетариата стала расти преступность,

Франция поспешила создать многочисленные отряды полиции. К 1810 году преступность по той же причине возросла и в Англии, и англичане обнаружили, что полиции у них нет. У власти стояли консерваторы. И что же они предпринимают? Спешат создать полицию? Куда там!» «У парижан,— пишет Дж. У. Уорд,— блистательная полиция, но они дорого платят за этот блеск. Пусть уж лучше каждые три-четыре года полудюжине мужчин сносят голову на Радклиф-роуд, чем сносить домашние обыски, слежку...» (и мордобой — В. М.).

Массы полицейский вариант устраивает. Массам даже может нравиться, что такой же «как все» сосед выбился в начальство, и лихо орудует полицейской дубинкой. А вот гражданина злоупотребление резиновым «демократизатором» не устраивает категорически. Демос, если уж допечет, скорее, пустит по улицам гражданские патрули со своим оружием и собаками.

Есть и другой принцип. Греки четко формулировали, что «законного правителя охраняют граждане, а тирана — наемники». Гражданами были римские ликторы, носившие перед консулами и преторами за стенами города пучки розог — фасций с воткнутыми в них топорами, что символизировало право римской власти сечь и рубить головы. В стенах же Рима топоры убирались, а перед народным собранием фасции склонялись как перед властью наивысшей. Автоматы перед демократией не показывают, дубинки же склоняют. Нам доводилось видеть в Иерусалиме, как солдаты ходят всюду с винтовкой на ремне, но полицейские — только с пистолетами и дубинками. Массам может и нравятся безоружные солдаты, но гражданам отвратительно, когда милиционер смеет держать автомат стволом им в лицо, чего не позволит себе ни один военнослужащий.

Внутренние войска? Не может у демократов быть таких войск! Аристотель писал об охране законного правителя: «Царь должен владеть вооруженной силой, и она должна быть настолько значительной, чтобы опираясь на нее, царь оказывался сильнее каждого человека и даже нескольких человек, но слабее сообщества граждан». Оказавшись

перенесенным в наше время, эллин наверняка сказал бы: служба безопасности президента должна быть достаточно сильна, чтобы противостоять не только солнцевской братве, но и чеченцам, и достаточно слаба, чтобы противостоять русскому народу...

Заметим, что в США функции внутренних войск исполняет при надобности Национальная Гвардия, то есть ополчение граждан. Вообще, развитие принципа полицейской службы граждан демонстрирует нам всем знакомый выборный американский «шериф». Это и наша национальная традиция: выборные из местных дворян «шерифы» звались в России «губными старостами», а их выборные из крестьян помощники – «губными целовальниками».

CUI PRODEST?

«Кому выгодно?» – знаменитый вопрос римских юристов – право же требует ответа. Ведь не только то, что творится в злополучной Российской Федерации, но и то, что ей преподносят в виде образцов для подражания «цивилизованному Западу», демократией не признал бы ни эллин, ни римлянин, ни гражданин средневекового Бремена или Пскова, ни ученый юрист прошлого столетия. Везде охлократия. Нет, говорят «демократия», но цинично при том констатируют, что гражданское общество сменилось «массовым обществом». Охлократии обычно недолговечны, часто порождают тирании. Но нынешние живут уже довольно долго, в чем же тут дело? А в том, что теперь каждая охлократия мнит себя «демократией» и маскирует олигархию – «власть немногих». Олигархий может быть и несколько, как у нас. Олигархия богачей и олигархия тайных обществ не внове. Рассмотрим свеженькое – прессу наших дней. Менее всего мы враждебны свободной прессе: гласность – форма существования демократии (как и монархии, как и аристократии). Но когда всерьез называют прессу «четвертой властью», возникает вопрос, а какова природа этой власти? Демократическая? Кто избирает редактора? Кто избирает журналиста? Аристократическая? Смешно! Пока пресса – отрасль сферы обслуживания (как и полиция), дай ей

Бог здоровья! Но когда она становится властью (как и полиция), то вы в опасности, граждане. Это уже олигархия.

Любая олигархия заинтересована в массах, в уничтожении общества, в замене его стадом. Коммунистический режим для этого перемешивал народ, лишая его гражданской солидарности. Перемешивал комсомольскими стройками, «лимитом», уничтожением «неперспективных деревень». Больше всего страдала Москва, за ней следом – немногие крупнейшие города. Их власти всегда боялись и усердно создавали население «без роду, без племени», покорное начальству. Не за «демократов» голосовали Москва, Петербург, Екатеринбург, а за начальство. Не интеллигенты обеспечивали прохождение на выборах иных депутатов, которые для многих – явные враги русского народа, а «лимитчики». Еще во время «ельцинского референдума» 1993 года было замечено: где есть рабочие общежития, там послушно отбарабанят пресловутое «Да. Да. Нет. Да» все 90%. А в соседнем квартале с семейным укладом жизни уже только 50%. Так же закономерно город лимитчиков Зеленоград выезжал автобусами на «демократические» массовки. И так же закономерно превратился в криминальный центр Подмосковья.

Бюрократия, бюрократическая олигархия, обожает перемещенных лиц. Не по доброте душевной расселял Горбачев в русских областях месхов, изгнанных Сталиным из Грузии, а затем узбекских погромщиков из Узбекистана вместо того, чтобы переселить их домой в Грузию на узбекские деньги. Потом пристраивали армянских беженцев из Азербайджана и азербайджанских беженцев из Армении. Теперь журналистка смеет заявлять с телеэкрана, что «беженцы пользуются всеми правами российских граждан». Посмела бы она такое ляпнуть гражданскому обществу, и завтра уже лишилась бы гражданских прав вместе со всем семейством!

Теперь, замечая неизвестно, откуда взявшуюся, страстную озабоченность судьбами русских в «ближнем зарубежье», озабоченность изданий, ранее особых симпатий к русским не проявлявших, задумываешься. На поверхности, конечно, мы видим их страх перед вполне реальной русской ирредентой –

движением русских за воссоединение нации. Не лучше ли поскорей выпихнуть великороссов с их земель в усеченную РФ? Но право же, а вдруг они умные? Вдруг это еще и стремление обогатить олигархию несколькими миллионами людей, лишенных корней и собственности, полностью зависимых от начальства?

Думается, однако, что социальная ситуация хуже, чем нам хотелось бы, но лучше, чем нам кажется. Воронежская область первой разграничила категории «гражданин» и «житель». Демократическая тенденция в обществе есть, как есть и монархическая. И они не враждебны друг другу.

День зарезанных мужиков

Восьмого марта нового стиля, то есть, западного григорианского календаря, в двух-трех государствах будет официально праздноваться Международный женский день. Он будет также отмечаться и в других государствах, но – в узком кругу. Интересно, почему его с таким упорством навязывают нам, русским?

8 марта, когда автор этих строк был маленьким, еще не был неприсутственным днем – это хрущевское нововведение, при Сталине этот праздник отмечался, но сдержанно. Не сохранился он и в большинстве республик уничтоженного СССР. Интересно, почему его с таким упорством навязывают нам?

Это было бы простым вопросом, если бы не замечательное сочетание нынешнего года: в этом году совпадают 8 марта и первое воскресение Великого поста, то есть неделя Торжества Православия. Давайте посмотрим, как интересно в этом году сошелся календарь.

Праздник Торжества Православия – праздник, который должен совершаться всеми архиереями в соборных храмах с обязательным совершением Чина Православия, установленного много веков тому назад (на 7 Вселенском Соборе, то есть в VIII веке по Р.Х.), – это праздник избавления от иконоборчества. С ним связан подвиг святителя Тарасия, которого ради совершения этого деяния и избрали Патриархом (заметим, из мирян), он был канонически пригоден – не был женат, а вообще был видным государственным чиновником и вельможей – и успешно решил эту задачу. Задача признавалась настолько важной, что первое воскресение Великого поста было отведено под этот особый праздник. А, собственно, почему?

Откуда взялось иконоборчество, историкам искусств неизвестно. Общая фраза, что это ересь восточного происхождения. Дело в том, что существует кораническое запрещение изображения живых существ, в результате чего в арабском и в тюркском мире никогда, даже когда они перестали соблюдать запрет, не было ни одного хоть сколько-нибудь

заметного художника – они этого не умеют. Сколько угодно поэтов, а художников нет. Зато у тех мусульман, у которых была доисламская живописная традиция, живопись есть и сейчас, – это иранцы. В Ветхом Завете тоже не изображали одушевленных существ, но с самого ли начала? Возьмите в книге Исход описание Ковчега завета и вы увидите детальнейшее описание отлитых из золота по указанию Моисея и Аарона изображений серафимов, а серафимы-то уж, определенно, одушевленные существа, это иконы! В сущности, ковчег завета окружали иконы. Так что здесь загадка.

Конечно, я считаю, что все художники должны праздновать Торжество Православия как свой профессиональный праздник. Ибо кому бы они были нужны со своими орнаментами и каков был бы их социальный вес, если бы восторжествовало иконоборчество? Но дело в другом. Господу было угодно воплотиться и стать Богочеловеком, и Его видели. Значит, если мы примем иконоборческую доктрину, мы не будем видеть через образ первообраз. Но мы, несомненно, видим! Если бы не было икон святых и праздников основных, то мы лишились бы очень ценной возможности общения с ними. Вот, может, великие святые и сохранили бы возможность общения с другими святыми при жизни, но простой человек лишился бы этой возможности. А Господь нам эту возможность даровал. И святая императрица Ирина и святитель Тарасий нам вернули эту возможность. Через изображение вы беседуете со святым. А с кем вы беседуете 8 марта?

Праздник этот придуман в 1910 году большевичкой и феминисткой Кларой Цеткин совместно с актрисой (говорят, выдающейся, но тоже феминисткой) – тогда их называли «суфражистки» – Элизабет Хепберн. О ней мы знаем понаслышке, но ее дочь – Одри Хепберн – старшее поколение видело на экранах, она довольно известная актриса. Они придумали этот праздник, который был утвержден в следующем, 1911 году, на Европейской конференции женщин-социалисток.

Во-первых, у всех, кто не испытывает особой симпатии к социализму, этот праздник, по идее, не должен вызвать

симпатии. Но это не все. А во-вторых, этот день очень удачно пришелся на иудейский праздник Пурим. Пурим празднуется в честь подвига Есфири, он описан в соответствующей книге Ветхого Завета. Здесь все ясно, здесь дело заключается, несомненно, в защите избранного народа, пребывающего к тому же в плену. Поэтому любая женщина, которая совершила бы пролитие крови во спасение Православной Церкви, должна была бы почитаться как праведная Есфирь. Разумеется, Хепберн и Цеткин понимали это не столько не по-христиански, но даже и не по-иудейски. Они понимали это по-суфражистски, или феминистически: опа, сколько мужиков замочила!

Еще раз подумайте, справедливо ли хорошо относиться к этому празднику? Оставим иудеям Пурим. Но ведь 8 марта мы тем самым тоже празднуем Пурим, да еще в феминистической версии!

Я назвал причину появления праздника 8 марта, но есть еще и повод. Именно 8 марта 1910 года в Вене произошла первая крупная европейски замеченная демонстрация труждающихся и угнетенных проституток. Вот что послужило Цеткин и Хепберн поводом. Поэтому особенно я обращаюсь к молодым людям: подумайте, стоит ли поздравлять с праздником проституток маму или любимую девушку? Надо такое делать или нет?

Вы посмотрите, какой образ высвечивается праздником Торжества Православия – образ святых, который зрим для нас благодаря иконам, образ Пресвятой Богородицы и Спасителя. И какой образ высвечивается женским днем 8 марта: образ осатанелой Есфири – бабы, убивающей мужиков, и проституток, венских шлюх!

Хуже всего, что оба парных праздника – мужской и женский – 23 февраля и 8 марта, представляют собой раздвоение одного. 23 февраля – это 8 марта по старому стилю. Так что 23 февраля мы тоже празднуем Пурим, только от лица тех самых зарезанных мужиков, и заодно еще раз день международной валютной проститутки.

Давайте избавимся от этих дней, и чем скорее, тем лучше. Но при этом День защитника Отечества может, вообще говоря,

праздноваться неоднократно, и, в конце концов, у нас такой день есть – это утвержденный Церковью праздник 9 мая, по сути дела, день павших героев. Есть у нас и свой международный женский день – это день святых жен мироносиц, второе воскресенье после Пасхи. Давайте всех в этот день поздравлять, цветы дарить, шампанское открывать. Этот день еще и в XX веке, когда он перестал отмечаться в России, отмечался в Болгарии, в Сербии. Давайте возвращаться к своей хорошей традиции, нас Господь не обездолил и не запретил нам праздники!

Правая.ру, 6.03.09

Диагноз. Размышления историка культуры

Статья 1993 года.

Стоит ли об этом писать? Диагноз серьезно захворавшей России ставили, начиная с осьмнадцатого столетия, сотни умнейших и честнейших людей. Ставили мыслители и ученые, в их числе и иностранцы. Ставили мужи совета и мужи войны. Ставили святые.

Стоит. У тех великих не было еще этнологической теории, не ясны были до конца взлеты и спады, которые проходит в своей жизни каждый народ. Не было и истории культур, давшей четкость понимания собственной русской культуры и места ее в мире. А самое главное, они наблюдали предпосылки и развитие Смуты XX века. А мы присутствуем при окончании Смуты и можем видеть ее панорамно, как бы сверху. А сверху видны три основные составляющие Смуты, на фоне которых революционеры, радикалы, иностранные недруги – все это просто мелочь.

РУССКОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО. ДОГОВОРИМСЯ О ТЕРМИНАХ

В строго научном смысле западничество без кавычек – течение философской и общественной мысли середины XIX века (период споров западников и славянофилов). Оно весьма непродолжительно по времени жизни и по воздействию на общество, охватывает всего лишь два поколения мыслителей и политических деятелей.

Однако западничество (как, кстати, и славянофильство) еще с конца прошлого века трактуется публицистами весьма расширительно. Иногда это происходит в полемическом задоре, иногда по злой воле, ради искажения исторических воззрений оппонента, часто по безграмотности.

Мы не склонны ни в коем случае подразумевать под западничеством стремление к социально-экономической или политической модернизации России и отдельных сторон ее жизни. При ближайшем рассмотрении такая модернизация может вовсе и не быть западной, а, наоборот,

представлять собой нечто традиционалистское, что не всегда заметно. Западничество не есть заимствование отдельных черт, форм, проявлений, даже имеющих четкое адресное происхождение, привязанных конкретно к национальной традиции одной из стран европейского Запада. Такое заимствование следует рассматривать в парадигме культурных влияний. На протяжении всей мировой истории подобные влияния оказывали друг на друга самые различные страны и, кстати, великие культуры тоже.

Под западничеством мы подразумеваем стремление представителя этой тенденции перейти целиком в своих вкусах, воззрениях, системе мышления (в том числе социально-политического) в другой великий культурный ареал, перейти из восточнохристианской культуры (к которой принадлежат, в частности, русские и большинство этносов России) в западнохристианскую, в культуру Запада. Западничеством мы также будем считать стремление переместить Россию из ее суперэтнического ареала в другой – западный.

Исходя из вышесказанного, мощное влияние культуры итальянского Возрождения на русскую культуру в конце XV века, в царствование Ивана III, или в конце XVI, в Годуновскую эпоху, не может считаться западничеством. Более того, в русском обществе и культуре до эпохи Петра I никакого западничества как постоянного фактора нет. К сожалению, очень часто (это традиция еще прошлого столетия) западниками числят исторических деятелей-реформаторов, хотя они оставались людьми своей культуры.

МЫ ОПОЗДАЛИ С УНИВЕРСИТЕТОМ

В России для появления западничества сложились две предпосылки еще в допетровскую эпоху.

Первая – в конце XV века. Россия должна была создать свою высшую школу, но она этого не сделала, что, несомненно, было нашей национальной ошибкой.

Университет – явление довольно позднее. Старейшие университеты Запада начинают свою историю в начале XIII века. Византийская традиция знает университеты с V века,

мусульманская (причем на дальней окраине мусульманского мира – в мавританской Кордове) – с VIII века.

До возникновения регулярных высших школ – университетов – высшая школа чаще всего существовала в виде крупных епископских школ. Иногда их считают прямыми предшественниками университетов тех времен. Можно условно назвать такие нерегулярные высшие школы протоуниверситетами.

От университета их отличает нестабильный характер (живет в каком-то городе или аббатстве видный профессор, собираются вокруг него ученики и последователи – есть школа, а умер или уехал – нет школы). Именно подобный нестабильный характер задолго до возникновения университетов вызвал появление на Западе обширной категории вагантов – странствующих студентов.

Протоуниверситеты знала в своей истории и Россия. Первая высшая школа нерегулярного типа была открыта в Киеве при соборной церкви еще крестителем Руси святым Владимиром. О высшем характере этой школы свидетельствует появление в следующем поколении уже целого ряда эллинистически образованных интеллектуалов. Даже в самые мрачные годы раздробленности, иноземного порабощения протоуниверситеты сохранялись. Так, в XIV веке эту роль выполнял ростовский монастырь «Григорьевский затвор», который, например, дал совершенное эллинистическое образование одному из блестящих филологов Высокого Средневековья – Стефану Пермскому. Но монастырь не может заменить собою университета даже не потому, что монах не годится в качестве профессора (история знает тысячи и тысячи знаменитых профессоров, бывших монахами), а потому, что университет – совершенно особая среда, полностью подчиненная науке, задачам образования.

До конца XV века университет в России ни в коем случае не мог появиться, ибо его просто некому было основать. Все крупнейшие университеты Запада основывались могущественными государями. До создания единой России Иваном III не было и спроса на большое количество

высокообразованных людей. Однако когда этот спрос возник, обучение в России осталось монастырским. Переоценить последствия этой трагической ошибки трудно.

В конце XV века академическая наука в Восточной Европе была в таком же зачаточном состоянии, как и на Западе. Ни о каком приоритете речь идти не могла. Но, возжелав основать университет, русские власти могли бы заполучить сколько угодно высокообразованных греческих профессоров, которых тогда сманивают в огромном количестве в Италию. И первый университет (пусть даже с иноземной профессурой) был бы, тем не менее, высшей школой нашей региональной культуры. Возникла бы высшая школа своего суперэтнуса, высшая восточнохристианская школа. Но момент был упущен, греки уехали просвещать латинский Запад.

А в конце XVI века царь Борис, стремясь учредить университет, уже столкнулся с мощной оппозицией высшего духовенства, обоснованно опасавшегося латинизации. Дело в том, что за минувшее столетие академическое отставание приобрело чудовищные размеры, и, чтобы в эпоху Годуновых основать университет, нужно было не просто пригласить латинских (преимущественно католических) преподавателей, но и ввести латынь в качестве языка преподавания, языка науки. Другого пути уже не было. Однако и в годуновское время, как это ни прискорбно, университет не был основан.

Первая высшая школа в Восточной Европе возникает в виде Киевской коллегии (тогда еще в составе Речи Посполитой) в тридцатые годы XVII века. С переходом гетманской Украины под юрисдикцию московских государей Киевская коллегия становится единственным российским университетом. В Москве же свой университет был основан еще позже (в 1685 году) как Славяно-греко-латинская академия.

Латынь была введена в Киеве и Москве, и оставалась на протяжении XVIII столетия основным языком преподавания, и в значительной степени мышления, всех университетов России (в том числе Московского, основанного в 1755 году). В итоге, запоздав на полтора столетия со своим появлением, высшая школа вестернизировала русских интеллектуалов. Это не

делало из них западников, они слишком сильно были привязаны к восточнохристианской культуре собственным вероисповеданием, но предпосылка была создана. Надо сказать, трагическая ошибка XV века была преодолена только к концу XIX. Мы, наконец, получили не только национальные, но и восточнохристианские высшие школы. Однако революция Новейшего времени снова отбросила нас назад. За национальные ошибки приходится расплачиваться веками.

ДВЕ КУЛЬТУРНЫЕ АГРЕССИИ

Вторая предпосылка к появлению западничества была следствием прямой, но весьма растянутой во времени агрессии латинского Запада в западнорусские земли, то есть земли нынешних Украины и Белоруссии. Агрессия протекала не столько в политической, сколько в культурной форме в рамках Великого княжества Литовского и Русского, объединенного с Польским королевством личной унией задолго до поглощения Польшей литовской державы. Обращена эта вестернизация была исключительно на литовско-русскую знать. Именно знать (в полном соответствии со шляхетской концепцией Польского государства) подлежала окатоличиванию и постепенному ополячиванию.

Процесс, начавшийся еще в конце XIV века, медленно продолжался в течение XV – первой половины XVI века. Он создал основу для возможного поглощения Литвы Польшей, что произошло в 1569 году, и с этого момента стал головокружительно быстрым. Еще два поколения, всего полвека – и предки нынешних украинцев и белорусов остались без национальной знати. В тот момент, благодаря деятельности знати Речи Посполитой, с одной стороны, и иезуитов – с другой, ставится вопрос о латинизации (то есть по масштабам того времени вестернизации) и простого народа бывшего Великого княжества. Это осуществляется, начиная с 1596 года в форме Унии, которую мы склонны рассматривать как инструмент культурной агрессии Запада в восточнохристианские земли Западной Руси.

Если бы западнорусская знать устояла, ареной противоборства Запада и Востока Европы была бы не Украина,

а Польша. Но этого не случилось, зная была западными русичами потеряна, а сопротивление организовали средние слои социума: казачество, мещанские братства и интеллектуалы (в основном Киевской академии и монастырей), обратившиеся за помощью к российской державе.

Все это оставило мощный отпечаток западничества на западнорусском населении, которое постепенно входило в состав российской державы. Конечно, это не полноценное западничество хотя бы потому, например, что Киевская коллегия (будущая академия), где преподавание велось на латыни, где была введена в православный обиход иезуитская просветительская драма как учебная драматургия, по-прежнему противостояла латинизации, иезуитскому влиянию на Украине. Но обратим внимание на один типический вариант.

В Западной Руси несколько десятилетий высшее и среднее образование в значительной мере было монополизировано иезуитами и в меньшей – другими римско-католическими кругами. Чтобы получить образование, зажиточный малороссиянин или белорус зачастую притворно принимал католичество, поступал в иезуитскую коллегию, заканчивал иногда Болонский университет, а потом возвращался на родину и каялся православному попу. Но ведь несколько лет притворства не могли не оставлять глубокого следа в психологии, мировоззрении такого человека!

Однако настоящее западничество могло сложиться и сложилось в рамках российской державы лишь при Петре I. Россия к тому времени осталась единственным государством восточных христиан. Все остальные восточнохристианские народы уже были поработаны либо мусульманами, либо западноевропейцами.

Еще историк Сергей Соловьев отметил, что к моменту прихода к власти Петра I русское общество было расколото между тремя партиями: партией старообрядцев, так называемой Старомосковской партией, стремившейся законсервировать официальное православие и московскую, к тому времени уже имперскую, традицию, и партией западников-реформаторов. К последней принадлежал клан Нарышкиных, из

которого вышел будущий «прорубатель» окна в Европу. Позволим себе не согласиться с Соловьевым. Партий было не три, а четыре.

Безусловно, была партия старообрядцев. Старообрядцы – наследники тех русских кругов, которые стремились к национальной исключительности, и, следовательно, к изоляционизму, еще в XVI веке. Апофеозом их движения был Стоглавый собор 1551 года. Не случайно и поныне старообрядцы чтут Стоглав. Возникновение старообрядчества было обусловлено политическими событиями. Константинополь пал под ударами турок, а перед этим вынужденно пошел на унию с латинским Западом. Греки «пошатнулись в вере». Это давало некоторые основания к провозглашению национально-религиозной исключительности. Старообрядцы создавали культурную парадигму «Россия и Европа». Такое состязание Россия выиграть никогда не могла, ибо Россия вовсе не равноценна всему Западу. Можно противопоставить, скажем, Россию и Францию или Западную Европу и Восточную, но противопоставление России и Европы равнозначно противопоставлению Византийского мира Нидерландам – вот приведенная к абсурду старообрядческая идея.

Старомосковская партия консерваторов, как и все консерваторы, гарантировала спокойствие и благоденствие своей стране и культуре. Однако из-за отсутствия национальной высшей школы (своего российского университета) Старомосковская партия лишилась к концу XVII века блистательных интеллектуалов, которые могли бы противостоять даже начетничеству старообрядцев. Лидером Старомосковской партии по праву был патриарх Иоаким, человек по происхождению служилый, мелкий дворянин, консерватор охранительного толка.

Партию реформаторов представляли такие имена, как князь Василий Васильевич Голицын и архимандрит Сильвестр Медведев. Князь Голицын – канцлер державы. Антикрепостник, он делал ставку на частную хозяйственную свободу, на либеральное развитие страны. Архимандрит Сильвестр

Медведев – универсальный ученый, поэт, писавший латинские и русские стихи, историк, астроном, математик, богослов.

Партия реформаторов была связана с блестяще образованным царем Федором Алексеевичем (чье царствование было коротким), а затем с правительством царевны Софьи Алексеевны. Эту партию в обиходе называли бы умеренными западниками, но мы (как уже говорилось) не считаем сторонников культурного влияния западниками.

Партия реформаторов очень заметна в 80-е годы XVII века своей культурной деятельностью, организацией регулярной армии, большим строительством – в частности, в стиле Нарышкинского барокко. Для этого стиля характерно сохранение национальной традиции и активное заимствование отдельных форм западноевропейского зодчества. Это же можно видеть в литературе, живописи, философии, школьном деле. Детищем именно этих кругов стала Славяно-греко-латинская академия.

Чрезвычайно важно, что так называемая «Софьиная партия» в лице своих лучших представителей апеллировала к общественности, общественному прогрессу и полагала необходимым культурное заимствование у Запада, но не государством, а обществом. Тем самым их деятельность лежала в рамках нормальной парадигмы культурных влияний. Мы не рискуем сказать, что они были демократами. Аристократического начала в деятельности этой группы, пожалуй, больше. Но они, безусловно, антибюрократы и, следовательно, антиэтатисты.

Многовековая русская традиция всегда оставалась антибюрократической. Трудно представить себе страну средиземноморского региона, в которой, как в России, так мало места отводилось бюрократическому правлению. Единственное исключение – Англия. Она тоже пережила свое бюрократическое правление и даже свою тиранию. И все-таки Англия являлась всё Средневековье страной сословного представительства. Вслед за Англией, опережая Испанию, страной сословного представительства была Россия. Этатизм в России всегда был связан лишь с носителем центральной

власти. Но даже носители этатистских тенденций были антибюрократами, поэтому этатистские тенденции в России, не говоря уже об антиэтатистских, были антибюрократическими.

Бюрократия в России XVII века, представленная классической фигурой дьяка, воспринималась всем населением, начиная с низов, только как администрация. Власть же, за исключением верховной власти самодержавного государя, была представлена выборным элементом. «Лучшие люди» судили вместе с любым судьей (зачаточная форма суда присяжных, что впервые отмечено Судебником 1497 года, но, несомненно, уходящая в более глубокое Средневековье). Выборные должностные лица управляли волостями (земские старосты и целовальники), выборные, наподобие англосаксонских шерифов, лица отвечали за полицейский порядок и низшее уголовное законодательство (губные старосты и целовальники). По сути дела, власть имела под собой мощную демократическую базу. О развитости этой демократии можно спорить, но это была не бюрократическая, а антибюрократическая система правления.

На высшем уровне даже до созыва первого Земского собора (парламента Русского государства) сохранялась сильная аристократическая традиция, ибо правительство государства (Боярская дума) было аристократическим. Бюрократический элемент в Думе был представлен лишь несколькими дьяками. В сравнении с этим Франция, например, создавала свое бюрократическое правление еще во времена Филиппа Красивого. В ряде небольших германских государств существовала давняя средневековая традиция бюрократического управления. В России этой традиции не было.

Но этатисты в России были, и это – четвертая партия, партия Нарышкиных. Видимо, изначально они не были западниками, но стали ими в силу этатистского мышления, в силу того, что Запад именно в XVII веке предлагал образцы бюрократического правления.

РАЗРУШИТЕЛЬ ТРАДИЦИИ

В XVII веке на Западе, особенно в Центральной Европе и во Франции, следовало учиться образцам не демократии или

аристократии, а бюрократии, так как в Европе наступал абсолютизм. Он побеждал традиции средневекового сословного представительства и традиции аристократические, подминал под себя городские коммуны. Абсолютизм – один из самых обнаженных вариантов этатизма.

Партия Нарышкиных ринулась в объятия Запада и иностранцев Кукуйской слободы в Москве не из исконного или доктринального западничества, а из своего этатизма, ибо они находили там готовые образцы. Это произошло, когда Петр I был еще юн, подвержен влиянию и играл в солдатиков (сначала в игрушечных, потом в живых). Он играл долго, не принимая участие в решении государственных дел, до переворота 1689 года и даже некоторое время после.

Методологически Петр I был тираном, укладывающимся в схемы Аристотеля, но тираном не классическим, ибо исходил не из эгоистической тиранической воли, а из примата государства. Среди панорамы этатистов мировой истории Петр был одним из наиболее выдающихся. Он не случайно играл всю свою жизнь в службу и получал чины, он искренне служил государству, как Левиафану Гоббса. Гоббсова теория пришлась ко времени и к личности.

Антицерковные реформы Петра родились, разумеется, не из его осознанного антиправославия. Просто Петр не мог себе представить не только мистическую природу Церкви, но и социальную природу человека, он был лишен понятия «общество». Для него также не существовали понятия «нация», «народ». Всё это были атрибуты государства. Есть только человек и государство – других категорий нет! В этой ситуации вполне естественно его заимствование бюрократических форм у Запада (прежде всего у основного противника России в Северной войне – Швеции). Для него это не было и западничеством. Он просто совершенствовал свое государство, конструируя его как некий аппарат или организм, элементом которого являлся любой человек, в том числе и он сам.

Здесь не место отмечать исключительную неэффективность петровских реформ: сочиненные на бумаге, они не работали в действительности. Интереснее другое: в сфере

государственного созидания Петр выступает большим последователем Гоббса, чем сам Гоббс. Он создает одну из наиболее бюрократизированных систем в мировой истории. Петровские реформы привели к чудовищному росту бюрократического аппарата. Выросла и коррупция, так как нормальные в демократическом и аристократическом обществах неформальные связи, объявленные бюрократической системой вне закона, стали незаконными неформальными связями. Сверхбюрократическая система Петра работать не могла, поэтому на протяжении XVIII – первой половины XIX века шло постоянное смягчение бюрократического характера государства. Домонгольская Русь управлялась княжеской монархией в сочетании с боярской аристократией и вечевой демократией. В 1211 году, пытаясь добиться консолидации русских в единое государство, великий князь Всеволод III созвал первое сословное представительство – прообраз будущих Земских соборов. Произошло это на 54 года раньше созыва первого английского парламента. Демократические традиции не умирали в России даже в период иноземных господств и раздробленности: сохранялись в городах сотни и слободы, а среди крестьян сельские и волостные сходы, сохранялась традиция судейства совместно с «лучшими людьми».

Петр I явился страшным разрушителем демократических русских традиций. Он не просто прекратил созыв Земских соборов, он уничтожил их основу – низовое земство, самоуправление, бюрократизировав низшую сферу самоуправления. Интересно вслед за Евгением Анисимовым проследить, как Петр работал со шведскими прототипами.

В Швеции конца XVII века существовала трехчленная система областного управления: приход («кирхшпиль»), затем «дистрихт», «херад» и, наконец, земля – «ланц». Более высокие ступени бюрократизированной абсолютистской Швеции были, конечно, чиновничьими, низшим же (очень важным) звеном шведского управления был кирхшпиль – самоуправляемый приход во главе со старостой («фохтом»). Деятельность прихода основывалась на активном участии в управлении

народа, крестьян, что и стало в будущем ядром восстановления шведской демократии.

Разбирая шведский образец, Сенат, естественно, с подачи Петра, постановил: «Кирхшпильфохту и из крестьян выборным при судах и уделах не быть. К тому же в уезде из крестьянства умных людей нет». Это про Россию с ее многовековой земской демократической системой! Демократия выстраивается только снизу. Разрушая низовую демократию, Петр I надолго устранял возможность восстановления ее и в более высоких звеньях.

Сложнейшее общество XVII века Петр разрушает его упрощением. Константин Леонтьев впервые сформулировал универсальный культурный исторический тезис: «Всякое упрощение есть деградация», который в наше время был детально разработан Львом Гумилевым. Мы полагаем этот тезис действительно доказательным и универсальным.

В России XVII века высшим сословием являлось не дворянство, а боярская аристократия. Но виднейшие буржуа в России имеют даже особый титул – «гости», а еще выше стоят «именитые люди», которые могут сравниться по своему положению с незначительными боярами. Не только виднейшие купцы, но даже зажиточные ремесленники («посадские люди» в терминологии XVII века) и многие крестьяне могли в реальной жизни быть зажиточнее, а то и влиятельнее низовых служилых дворян.

Это была исключительно сложная система, включающая в себя по горизонтали категории людей служилых, людей посадских и тяглое крестьянство. По вертикали они были весьма смещены относительно оси, так что высший слой каждой категории был много влиятельнее и богаче низшего слоя категории более высокой (богачейший посадский был богаче рядового дворянина).

Петр I спрессовал пять различных категорий земледельцев в одну категорию «крестьян», что блестяще доказал Василий Ключевский. Но выдающийся историк начала XX века не обратил внимания, что Петр был упростиателем и аристократии, размешав отечественную аристократию в рядах низового дворянства. Уравнитель не может возвысить. Петр не возвел

служилого дворянина на уровень боярина, а лишь пообещал это, но низвел боярина-аристократа до уровня служилого дворянина, закрепив уравнительную систему своей Табелью о рангах 1721 года.

Петр был чрезвычайно активен и в своей культурной политике. Не случайно он строил столицу на голом болотистом месте.

Следует отметить, что русская культура XVII века (особенно в формах искусства, хотя также в политических и социальных формах) уже вступает в формы Нового времени. Стилистически это проявляется в категории барокко. Барокко – первый стиль, который можно точно описать в истории русской культуры. Русская архитектура уже в первой половине XVII века вполне барочна. Другие виды русского искусства становятся барочными в середине XVII века. Стиль барокко не заимствован с Запада. В нем очень мало западных черт. Это – культурное влияние на уровне стадияльной близости. Весь XVII век, включая Нарышкинское барокко (последнее двадцатилетие XVII века), сохраняет национальную традицию. Искусство остается русским. Но среди восприятия западных форм явно чувствуются эстетические предпочтения. Русским нравится искусство католического южноевропейского круга и отвергается, за редчайшими исключениями, протестантский круг.

Петр I своей приверженностью к искусству, политическим и социальным формам североевропейских, протестантских, голландско-германских стран противостоял и национальной традиции, и национальному вкусу. Ему нравилось на Западе не то, что нравилось его подданным. Конечно, культурное влияние возможно, но так ли безразлично – какое? В Петровскую эпоху русским сословным антибюрократическим формам самоуправления наиболее соответствовали английские образцы. Петр I к Англии присматривался, однако, поглощенный своим этатизмом, ничего интересного не нашел. Русскому художественному вкусу соответствовали итало-фламандские формы, можно было заимствовать их, но Петр насильственно навязывал голландско-германские.

Таким образом, западничество, по-видимому, – это еще и навязывание не тех форм западной культуры, социальной практики, политического устройства, которые созвучны отечественной традиции. А ведь культура необычайно многообразна и многогранна, если во главу угла ставится отечественная традиция, поэтому на Западе всегда можно найти образцы, достойные подражания, не разрушая при этом систему национального и суперэтнического предпочтения.

Итак, во-первых, Петр, как истинный тиран, ненавидел и разрушал отечественную аристократию. Во-вторых, Петр разрушал отечественную демократию, уничтожая ее основу на уровне муниципальном, на уровне низового самоуправления. В-третьих, Петр нарушал традицию нормального взаимодействия с другими культурами, навязывая не то, что органически устраивало большинство его подданных. Он навязывал России облик Голландии, причем не настоящей, а сочиненной им самим. В-четвертых, Петр создал, пожалуй, самое бюрократическое государство своей эпохи.

Через период абсолютизма и бюрократизма проходили многие страны. Свой тиран был в Англии – Генри VIII, и парламент, уже ставший традиционным среди европейских стран, послушно голосовал за все безумства тирана. В Швеции при Карле XI риксдаг пикнуть не смел. Но тираны уходят, и муниципальная традиция низовой демократии и даже парламентарная традиция имеют тенденцию восстанавливаться.

А что же происходит в России? Земские соборы и земское самоуправление относятся после Петра I к «непросвещенному» прошлому России. Когда те или иные острые умы стремятся к восстановлению сословного представительства (пусть даже скромного, низового), они начинают искать формы на Западе, причем произвольно выбирают наиболее заметные или модные. Шведы не прививали себе традицию русских земских соборов. Испанцы не пытались ввести польский сейм. Все восстанавливали свою представительную традицию. А русские всегда после Петра пытались восстановить чужую, что связано со сложностями. Но даже это не самое страшное.

ДВОРЯНЕ И НАРОД. РАСКОЛ ЭТНИЧЕСКОГО ПОЛЯ

Есть много примеров тому, как государства, принадлежащие к разным великим культурам, живут бок о бок и не воюют. Часто в одном государстве веками мирно уживаются представители разных суперэтнотосов (скажем, христиане и мусульмане). Но Петр I создает редчайшую ситуацию: он проводит суперэтническую границу не между разными народами, а по ведущему в России великоросскому этносу. Высшее сословие новой России отныне начинает относить себя к культуре западноевропейской. Все же остальные сословия (богатейшее купечество, духовенство, не говоря уже о более низкоставленных кругах) остаются в рамках своей традиции, своей великой культуры – восточнохристианской. Петровские реформы исподволь вырыли канаву, разделившую этнос на две полярные культурные ориентации. Правда, при Петре это все-таки была канавка, а не пропасть.

Вторая половина XVIII века проходит в основном под знаком Екатерины II. Это – особая эпоха, золотой век русского дворянства, одно из наиболее продворянских правлений в русской истории. Допетровская Россия дворянской не была. Петр I провел свои реформы с опорой на дворянство, предложив провинциальным служилым людям владеть землей в стране. Не случайно при Петре применительно к дворянам возник широко употребительный термин «благородное шляхетство».

Но почему использовался католический польский термин? Петр поляков не любил, католичества не терпел, он симпатизировал протестантскому миру. Дело в том, что Польша – самая феодальная страна поздней средневековой Европы. Именно Польша делила подданных на шляхетство и холопство – полноправных и неправых. Именуя шляхетством свое дворянство, Петр недвусмысленно давал определенные гарантии: «Служите, не покладая рук, не жалея жизни своей, и вы будете такими же всевластными в России, как шляхта всевластна в Польше». Конечно, аристократию подобное не соблазняло – она патриархальна. А вот для провинциальных служилых людей, которые по своему реальному положению

были менее значительны, чем богатейшее купечество и даже иные крестьяне, это был соблазн. В социальном плане Петровская эпоха, возможно, произвела революцию.

Екатерина II преумножила эту тенденцию, восстановив самоуправление, но самоуправление чисто дворянское. Это не старинное земство, где целовальники избирались из зажиточных крестьян, а во главе сотен и слобод стояли буржуа из этих сотен и слобод. Это – система выборных должностей, которые могут занимать только дворяне.

Более того, екатерининское правление проходит под знаком указа «О вольности дворянской». Пусть не она его приняла, его утвердил за четыре месяца до своей гибели ее муж Петр III в 1761 году, но сказаться этот указ мог именно при Екатерине. Этим указом русское крестьянство попало под исключительно тяжелый податной пресс, а высокоразвитая, по меркам XVIII века, русская промышленность потеряла дальнейший импульс к своему развитию из-за огромных валютных отчислений (от труда русского крепостного крестьянина) на финансирование не русской, а (в погоне за предметами роскоши) французской, фламандской, итальянской промышленности. Главное, впрочем, не в этом.

Русский крестьянин веками трудился на своего барина, что естественно, так как барин всю жизнь защищал русского крестьянина. Не стоит идеализировать отношения служилого человека и земледельца в России. Они были всякими, но они были нормальными. Если служилый человек переходил границы дозволенного, он мог нарваться на крестьянские вилы. Как правило, же, этого не происходило, потому что отношения были, в понятии своего времени, справедливыми. Не царь решал, что дворянин не платит налога, ибо тот платит налог кровью. Сам крестьянин знал, что его барин – воин, и его содержат как воина.

Но теперь крестьянин узнал, что на его шее сидит бездельник, которому почему-то он, крестьянин, принадлежит. Принадлежит ему и крестьянская земля, которую крестьянин привык столетиями считать своей. И, тем не менее, этого

бездельника он, крестьянин, должен кормить. Не удивительно, что крестьянство ответило на это пугачевщиной.

Начиная с Петровской эпохи, за крестьянином остались старинные традиционные обязанности, но добавились и новые, так как отныне он подвергался рекрутским наборам и пополнял регулярную российскую армию. Вот с этой эпохи, когда крестьянин продолжал служить свои двадцать пять лет, будучи оторванным от родных, в российских войсках, а дворянин от этой службы избавился указом о вольности, канава, вырытая Петром, превратилась в пропасть.

Попытка императора Павла I устранить некоторый межсословный дисбаланс привела к гибели самого Павла и к длительной, непрекращающейся и по сей день ненависти к его памяти у представителей того самого западничества, которое возникло за сто лет до его правления. Антинациональная, вне всякого сомнения, особенно со времен Венского конгресса, политика Александра I вызвала национальное негодование. Коллизия еще усложнилась тем, что защитником национальных интересов выступило западническое дворянство. Попытки русского правительства, влиятельных интеллектуалов, имевших возможность воздействовать на государственную политику, вернуться в свое суперэтническое русло, в рамки восточнохристианской культуры, не могли иметь успеха.

Такая политика возникает уже при Николае I, но обречена на провал. Правительство и близкие к правительству круги стремятся восстановить культурное единство с обществом, что образованная его часть встречает в штыки, ибо рассматривает политику правительства как антинациональную со своих западнических позиций. Один и тот же исторический деятель XIX века может в итоге дисбаланса XVIII века оказаться поборником национальных традиций и врагом национальных интересов и наоборот. В этом не только трагедия тридцатилетнего правления Николая Павловича, в этом также недостаточная эффективность александровских Великих реформ 1860-х годов.

Декабристы представляли собой национальную реакцию на антинациональную политику Александра I. В возникновении

декабризма повинны император и бюрократическая государственная политика (поведение Александра I на Венском конгрессе и в Париже, его поведение в отношении проигравшей Польши). Но при этом критика и само выступление, казалось бы, национальной аристократии велось не на национальном понятийном уровне. Еще историк Василий Ключевский обратил внимание на воспитание декабристов. Они прошли последовательно, волнами, воспитание просветительски классическое, франкмасонское и, наконец, иезуитское. Эти волны вовсе не складывались в некое целое. Масонство было связано с романтизмом и во многом уже в конце XVIII века отвергало Просвещение. Иезуитизм (последняя волна Контрреформации), несомненно, глубоко враждебен масонству. Но все эти волны, сталкиваясь в образованнейшем русском офицере, все дальше и дальше уводили его от понимания национальных проблем.

Александр I сказал, когда ему доложили о существовании тайных обществ: «Не мне их судить». Обычно эту фразу объясняют терзаниями его совести из-за причастности к цареубийству и отцеубийству 1801 года. Думается, что это не так. Его фраза, вероятно, означала: «Не мне их судить, потому что я такой же, со своим лагарповским воспитанием, стремлением осчастливить всех людей, отчего многих сделал несчастными». Александру I была свойственна высокая этическая самооценка.

Россия не взорвалась на сто лет раньше вовсе не потому, что привыкла к рабству. Тому было три причины.

1. Как ни странно, причастность крестьян к службе. Каждый рекрут из крепостных знал, что вчера он был человек барский, а сегодня – царский. Во все времена, с начала XVIII века и до окончания истории России в ее исторических формах, рядовой солдат самого низкого происхождения мог выслужить офицерский чин и даже генеральский. Если не в своем полку, то в соседнем он мог видеть офицера из солдат.

2. Россия и в XVIII, и в XIX веке, несмотря на все парадоксы ее правления, продолжает выполнять исторически сложившуюся имперскую функцию: защищает восточных

христиан. Так называемые «три раздела Польши» – освобождение православных христиан от владычества западного. Русско-турецкие войны (две при Екатерине II, потом при Александре I, две при Николае I, при Александре II) – освобождение принадлежащих к той же культуре славян, греков, грузин и армян, даже арабов и коптов от турецкого владычества. Это культурное единство ощущается простым необразованным человеком, да и любым человеком не богословом куда острее, чем принадлежность к строгому догматическому вероисповеданию. Возможность принести пользу своей культуре в какой-то степени сохраняла, невзирая на раскол, национально-культурное единство.

3. Русскую аристократию пытались разрушить все тираны русской истории, но их было всего двое: Иван IV и Петр I. Аристократия после Петра восстанавливается, особенно в екатерининское, а потом в александровское время. Аристократическая традиция присуща мышлению русского народа в отличие от бюрократической. Русского аристократа стремились сделать таким же чиновником, каким был любой провинциальный дворянин. Но крестьянин хотел в нем видеть аристократа, ответственного за судьбы не государства, а нации, общества, культуры (неслучайно простонародное «барин» восходит не к дворянину, а к старинному термину «боярин»). Отсюда продолжали существовать (правда, всё в меньшей степени) патриархальные отношения земельного дворянина и крестьянина-земледелца. Эта инерция тоже могла бы довольно долго сохранять национально-культурное единство и противостоять деструкции, если бы адекватными реформами удалось преодолеть возникший в этнокультурном поле петровский раскол. Но так не случилось. Чем сильнее аристократическое (шире – помещное) дворянство стремилось к возвращению в национальную традицию, тем активнее в обществе формировались новые категории западников.

Западники XIX века – это маргиналы. Их принято называть интеллигентами, однако этот термин ни в коем случае не соответствует таковому в XX веке. Сейчас интеллигентом считается человек, принадлежащий к образованной части

общества. В XIX веке интеллигент – это образованный человек, но не аристократ, не помещик, не офицер, не священник (а священство в XIX веке становится все образованней и влиятельней), не буржуа (все более заметный в культурной жизни XIX века). Интеллигент XIX века – это образованный маргинал.

Сохрани общество этнокультурную традицию, образованных маргиналов привлекли бы в состав национальной элиты (происходило же это на военной службе, где солдат мог дослужиться и до генерала). Но национально-культурная традиция была разорвана, и маргинал оставался «подвешенным», со своим западническим воспитанием, с неприятием государства обществом, с сознанием общности не с предками, а со всеми угнетенными. Возвышаясь, маргинал был готовым деструктором. Деструкция же эта – итог раскола этнического поля, происшедшего в XVIII веке. Число же маргиналов в XIX веке неуклонно возрастает в силу вполне объективной причины: вступления русских в фазу надлома.

ФАЗА ЭТНИЧЕСКОГО НАДЛОМА. ПЕРВЫЙ ЗВОНК – ДЕКАБРИСТЫ

Каждый этнос, согласно этнологической теории Льва Гумилева, после прохождения фаз подъема и перегрева вступает в надлом. Несомненно, это – снижение активности этноса. Еще важнее резкое падение внутриэтнической солидарности, которая является необходимым условием существования этноса. Гумилев объясняет надлом тем, что в итоге фазы перегрева число пассионариев (людей, у которых стереотип служения идее доминирует над стереотипом сохранения рода) сокращается за счет их естественной убыли. В таком случае (если принять это объяснение, не бесспорное с нашей точки зрения) влияние каждого отдельного пассионария, естественно, возрастает. До надлома они попросту мешали друг другу, им было тесно. Теперь влияние каждого из них увеличилось, и каждый увлекает менее энергичных членов этноса в свою сторону.

Но если о пассионарности можно и нужно спорить, даже принимая гумилевскую теорию в основных ее аспектах, не

представляется возможным спорить о наличии самих фаз. Те этносы, чью историю мы можем наблюдать от начала до конца, рисуют нам фактологически смену фаз достаточно точно по Гумилеву. Не он первый заметил прохождение этих фаз. Они были отмечены еще мифологическим сознанием, а в академической науке фазы истории народов достаточно четко просматриваются у Джамбаттисты Вико, Константина Леонтьева, далее у Шпенглера, Сорокина, Тойнби. Сейчас это данность.

Что свидетельствует о наступлении фазы надлома у русских в начале XIX века?

Первый звонок – восстание декабристов. В большинстве своем декабристы могут быть причислены не просто к служилому дворянству, а к аристократии. Аристократия консервативна, она во все времена – охранительница государства, ведь для нее государство – ее собственность в гораздо большей степени, чем для монарха, не говоря уже о демократии.

Разумеется, аристократия устраивает заговоры, перевороты, меняет не только правителей, но и династии, корректирует государственное устройство. После того как Александр I третировал русских в Париже, чтобы понравиться французам, аристократия должна была бы путем заговора устранить его. Ведь ликвидировала же она, несомненно, выполняя функцию национальной элиты, непригодного монарха Петра III. В мировой истории таких примеров тоже множество. Но в лице декабристов аристократия посягает на само государство, на свою собственность. Поистине, известная эпиграмма Ростопчина была уместна! Только надломом можно объяснить такую ситуацию. Никакое воспитание декабристов, никакие иноземные или даже ненациональные космополитические влияния не могут объяснить, почему элита сословия принимает участие в разрушении государства, а сословие не отторгает эту часть. Государство постепенно перестает быть «своим».

РАССМОТРИМ ПЕРСОНАЛИИ

Гаврила Романович Державин – крупнейший поэт, яркий культурный деятель, глава лидирующего кружка. За свою жизнь был министром у трех государей и считал для себя службу явлением не только нормальным, но и совершенно обязательным.

Следующее поколение – Николай Михайлович Карамзин. Для Карамзина государство, несомненно, свое, и все-таки он не стремится к обыденной службе, ищет службу особую и находит ее в должности историографа. Указ о вольности дворянской позволял не служить, но этические требования побуждали-таки дворянина искать службы, хотя бы ненадолго. А то можно было и невесты не приискать!

Александр Сергеевич Пушкин служить вообще не любил, не умел, чиновником был плохим, и все-таки государство – это его государство. Правда, ощущает он это только в напряженные моменты, когда государству что-то угрожает. Тогда он пишет «Клеветникам России». Можно представить себе Пушкина сражающимся в ополчении, невозможно – служащим в канцелярии. Но Пушкин – деятель русской культуры с необычайно обостренным национальным чутьем.

Уже в поколении Пушкина многие службой откровенно тяготятся. Еще поколение – и появляются «лишние люди». Однако лишний человек в любом нормальном обществе – это маргинал. Если общество достаточно гуманно, оно его кормит, не дает умереть с голоду, но больше ничего ему не гарантирует. И при взгляде на мировую историю это справедливо. Лишние же люди 30–40-х годов бравируют тем, что они лишние.

НАС ЛИШАЮТ ГЕРОЯ

В классической русской литературе XIX века исчезает герой (не персонаж, а герой в античном смысле этого слова). У Пушкина герой есть. Есть он в романтической литературе пушкинского времени. Романтизм вообще без героя жить не может. А что происходит дальше?

Вот Гончаров – писатель первого ряда, человек не чуждый героизма, по собственной инициативе совершивший кругосветное плавание, откуда возвращается с Дальнего Востока сухим путем через всю Россию. В своих Записках он с

восхищением описывает встреченных им русских людей (офицеров, чиновников, купцов, землепроходцев). Все они сплошь – герои. Однако по возвращении он пишет не о них, а о диванном лежебоке Обломове, человеке в высшей степени лишнем. Понятно, что критики, немного утрируя, видят в его Обломове осуждение Штольца, добродетельного делового человека, который пытается спасти погрязших в нищете и безделье жителей Обломовки, да и самого Обломова. Но не Штолец герой Гончарова, а ведь по пути с Дальнего Востока в европейскую Россию он восхищался «штольцами»!

В ранних вещах графа Льва Толстого (например, в романтическом «Хаджи-Мурате») герои, конечно, есть, есть они и в «Казаках». Но вот Толстой достигает первой, признанной всем миром высочайшей вершины своего творчества, создав эпопею «Война и мир». В этом огромном сочинении он вывел только одного классического героя – князя Андрея, да и тот ему если и удался, то отнюдь не в своей героической ипостаси. Вторая вершина Толстого – «Анна Каренина». Честный, мудрый государственный муж, умеющий решать самые сложные задачи, выходит у него сомнительным для читателя семейным тираном. Он мог бы сделать «героем» менее серьезного, довольно бестолкового, но, в общем, честного и храброго офицера. Однако в центре повествования оказывается дамочка, которая сначала портит жизнь первому, затем второму из этих персонажей и далее закономерно приводит себя на рельсы.

Антон Чехов бездельником не был, хотя и не был героем. Он был хорошим врачом, трудолюбивым журналистом, изумительно тонким и работоспособным литератором. Но и этот великий мастер рассказа выводит в своих сочинениях бесчисленное количество бездельников. А ведь его героями должны были бы стать его коллега Ионыч или принадлежащий к его категории просветителей и трудолюбцев Беликов!

У нас достойными внимания оказались те, кто в литературах других стран был маргинализирован самой литературой, не говоря уже об их маргинализации обществом. Из русских литераторов XIX века только у Лескова маргиналы не в центре внимания. Вот Лесков и остался для всех чужим:

для левых и правых, для традиционалистов и реформистов, для революционеров и архиереев.

Однако в русской жизни XIX века героев было сколько угодно! Генерал Ермолов и Петр Столыпин, Муравьев-Амурский, Кауфман-Туркестанский – можно называть множество имен из всех сословий. Достаточно вспомнить один только род Муравьевых (три поколения и три ветви одного рода).

Сенатор Муравьев-Апостол, блестящий дипломат, человек безупречной нравственности, который в эпоху сближения России с Францией при жестком императоре Павле I рискнул вразрез с отечественной политикой предоставить политическое убежище французским эмигрантам, будучи в одном из крошечных германских государств представителем российского флага. Естественно, никто не посмел арестовать находившихся под покровительством русского агента, даже Франция, которая и не заметила бы границ любого Бадена. Но своего императора Муравьев знал, и знал, что его карьера могла кончиться. Однако известен документ, где рукою Павла начертано: «Действительный статский советник Муравьев-Апостол поступил по совести. Павел».

Два сына сенатора – самые яркие и благородные представители декабристского движения, кузены (три брата Муравьевых) – тоже достойные декабристы. Никита Муравьев – автор разумного умеренного проекта конституции – в противовес безумной, деструктивной «Правде» Павла Пестеля.

С этим либералом и пятью революционерами в ближайшем родстве состоял генерал Муравьев-Карский, взявший ряд самых суровых и стратегически важных для России турецких твердынь, и поразительный Муравьев-Амурский – созидатель Российской Сибири и человек, под покровительством которого ссыльные декабристы совершили в Сибири великое дело просвещения.

Их же родственник – Муравьев-Виленский, которого советские авторы предпочитают именовать Муравьевым-Вешателем. А ведь это была лишь шутка. На первом приеме по случаю назначения виленским губернатором его издевательски спросили, не из тех ли он Муравьевых, которых повесили. На

что Виленский жестко ответил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Сказано это было так сурово и твердо, что и вешать не пришлось.

Был еще и Андрей Муравьев – поразительный духовный писатель, паломник к святым местам Палестины, Греции, Рима, России, чьи книги только сейчас начинают открываться нашему читателю. Был Муравьев – министр юстиции, еще несколько интересных Муравьевых-военных.

Героев хватало, но о них не писали; между тем страна процветала.

ЧУДО, КОТОРЫМ БЫЛА РОССИЯ

Хозяйственный подъем второй половины XIX века сменился хозяйственным бумом начала XX. Россия переживала демографический взрыв. В пятидесятые годы нашего века численность российского населения (по западным данным) должна была превысить 300 миллионов человек. Одних это страшило, другими воспринималось как признак неизбежного великого будущего России. Наконец, только во второй половине нашего века, благодаря исследованиям физика Федосеева, стало известно, что на 1913 год наш жизненный уровень был несколько выше, чем у самой Англии. 75 лет советской власти мы учились видеть только свои дореволюционные недостатки и не замечали, что, скажем, старая Россия производила практически все виды продукции, что ее автомобильная промышленность была на уровне немецкой, а авиационная – на уровне американской. Подобные примеры можно привести из разных областей.

Русское хозяйство сохраняло заметную национальную специфику. Значительный удельный вес в экономике предреволюционной России составляли весьма процветающие мелкие, и даже семейные, предприятия, высококвалифицированные кустари, которые имели экспорт в страны Европы. Но мы продолжаем считать это признаком отсталости реакционной царской России, хотя конец XX века показывает, что наиболее динамически развивающимися предприятиями современного Запада являются средние и

мелкие (в том числе семейные) предприятия. Они более гибко приспособляются к требованиям рынка.

Русские рабочие в 1910-е годы имели самую совершенную систему страхования труда и гарантии для наемных рабочих, что признал президент США Тафт, а мы до сих пор продолжаем подозревать, что несчастному угнетенному русскому рабочему почему-то было необходимо, опережая западных коллег, совершить социальную революцию.

С середины прошлого по вторую половину нашего века (130–140 лет) живет замечательная русская философская школа. У кого угодно это уже называлось бы русской классической философией. По продуктивности идей, трудов, по влиянию на мыслителей других стран были две сопоставимые с ней эпохи: греческая классическая и немецкая классическая философии. Мы этого не замечаем поныне.

Итак, мы не замечали и не замечаем собственных преимуществ и продолжаем подчеркивать собственные недостатки. Еще в середине прошлого века универсальный мыслитель Алексей Хомяков отметил, что мы заимствуем недостатки Запада, проходя мимо его достоинств. Недостатками Запада мы вытесняем собственные достоинства, при этом наши недостатки при нас остаются. Наблюдение Хомякова справедливо и для XX века, включая его 90-е годы. В этом нет ничего удивительного – это классическая надломная ситуация.

Что же касается высочайшей русской культуры XIX – начала XX века (Пушкинская плеяда, Серебряный век, блистательная русская архитектура), то для фаз надлома высокая культура естественна. Например, фазу надлома итальянцы проходили в эпоху Возрождения, первыми из западноевропейцев. Италия впитала раньше средневековой Европы импульс Ренессанса, идущего из Константинополя, дала наиболее блистательные результаты – эпоху Донателло, Боттичелли, Леонардо. Но кончилась эта эпоха для Италии не только тем, что французские и испанские войска разорвали ее в клочья и оккупировали (мы тоже не раз были оккупированы), но и гораздо большим национальным позором – тем, что итальянцы убивали друг

друга: одни сражались в испанских, другие – во французских войсках (что прекрасно описано в романе прошлого века «Турнир в Барлетте» Д'Адзельо).

Фаза надлома вообще тяжелая фаза, а выход из надлома любому этносу обходится дорого. Поэтому, предаваясь бесконечной скорби по поводу людских потерь XX века, мы лишь продолжаем вести себя как люди надломной эпохи. Для немцев выход из надлома – это Тридцатилетняя война. Она шла на территории германских земель и стоила жизни двум третям немцев. Это печально, но уцелевшей трети хватило на германский романтизм, немецкую классическую философию, великолепную – в Западной Европе, конечно, лидирующую – немецкую музыкальную школу, борьбу с превосходящим противником в двух мировых войнах и, в конце концов, нынешнюю процветающую Германию. Всему свое время. Они заплатили множеством жизней за выход и вышли. Помнить надо и о том, что не все этносы выходят из надлома, как не вышли ахейцы (предшественники греков), готы, лангобарды в раннем европейском Средневековье. Но есть и позитивные соображения.

Россия в начале XX века переживает не только хозяйственный и культурный подъем. Русские явно возвращаются к национальным и, более того, региональным восточнохристианским традициям. Это проявляется во множестве черт.

Например, давно замечено, что величайший русский святой XIX века Серафим Саровский и величайший русский поэт Александр Пушкин, будучи современниками, ничего не знали друг о друге. А в следующем поколении наиболее яркий философ Иван Киреевский и крупнейший монашеский авторитет Макарий Оптинский взаимодействуют, занимаясь книгоиздательством, они – близкие люди. Еще поколение, и монашеская традиция становится не лидирующим, но заметным элементом русской культуры. Для Константина Леонтьева Амвросий Оптинский и Оптиная пустынь – стержень его философского творчества. В Оптиной бывали все сколько-нибудь заметные деятели русской культуры.

Архитекторы в середине XIX века тоже уже обратились не только к национальной, но и к православной традиции. В середине XIX века живописцы изображали монахов либо пьяными, либо дерущимися друг с другом в трапезной, а в конце XIX века для Василия Нестерова монашеский подвиг – основная тема творчества.

Есть много оснований полагать, что к началу XX века русская культура обладала потенциалом Возрождения. После работ академика Конрада Возрождение воспринимается как универсальная историко-культурная категория, как форма культурного подъема через обращение к классической Древности. Конечно, для каждого Возрождения в каждую эпоху в каждой стране существует своя классическая Древность. Для итальянского Возрождения XV века ею была римская Античность, а для китайцев эпохи Тан – Китай эпохи Хань. Но именно возможность подобных сопоставлений делает Ренессанс универсальной категорией.

Русская культура переживала Возрождение в стилистических формах модерна. Особенность русского Возрождения в том, что избранных периодов классической Древности было несколько: Античность, Древний Египет, западноевропейское Средневековье, но доминировало, конечно, отечественное наследие (прежде всего русское Высокое Средневековье XIV–XV веков).

Анализ эволюции русской поэзии от символизма к акмеизму, русской архитектуры от историзма к модерну, русской живописи от плакатно-политического передвижничества к тому же модерну Нестерова, Билибина, Кустодиева, художников «Мира искусства» показывает, что тенденции деструкции уступают место тенденциям созидания.

Примерно то же самое происходит в обществе. В конце XIX века общество еще сочувствовало революционерам и дружно оплакивало их, если они плохо кончали свой жизненный путь. В 1910-е годы общество от революционеров отвернулось. Сборник «Вехи» 1909-го года вызвал бурю негодования в интеллигентских кругах, но возражали, критиковали, бесновались представители старшего поколения, а молодежь

«Вехами» зачитывалась. Очень вскоре повзрослевшие гимназисты и студенты, прочитавшие «Вехи», были бы навсегда потеряны для революции, для деструкции, для надлома.

Давно уже отмечено, что, если бы Столыпинская реформа завершилась (предположительно она должна была окончиться в 1926 году), для революции навсегда были бы потеряны крестьяне.

РЕВОЛЮЦИЯ «ВОВРЕМЯ»

Все это позволяет предполагать, что Россия в начале XX века обладала нереализованным потенциалом культурного Возрождения, а русские обладали потенциалом выхода из фазы надлома. Если наша гипотеза верна, то надлом у русских был очень кратким (примерно столетним), зато чрезвычайно продолжительна самая тяжелая переходная фаза – выхода из надлома в инерцию. Кроме того, мы осмеливаемся полагать, что совокупность этносов России в некотором смысле вовремя прошла через революцию.

Французы свою революцию прошли после окончания надлома самым неудачным образом – в фазе инерции. В итоге они романтизировали и героизировали революцию, до сих пор сохраняют бандитское песнопение в качестве национального гимна, а революционные цвета сделали национальным знаменем. За это они расплатились на протяжении почти полутора веков тремя революциями, директорией, двумя империями, двумя реставрированными монархиями, пятью республиками, генералом Буланже, вполне реальной гражданской диктатурой Леона Гамбетта, попыткой фашистского переворота. Короче, французов полтора столетия лет трясло, и только великий француз генерал де Голль в конце инерции дал Франции стабильность.

Англичане прошли свою революцию более чем на сто лет раньше – в фазе надлома. В фазе инерции они (ровесники французов) не только не сохранили революционной романтики, героики и истерии, но сделали революцию для себя неприличной. Английский традиционализм – это традиционность, но также отрицание всякой и всяческой революции. Если и есть культурная категория английскости, то

она обращена к нормандскому, англосаксонскому, даже британскому, кельтскому Средневековью, к античной кельто-римской Древности. Она обращена и к более близким эпохам – к традициям елизаветинского времени, когда Англия становилась властительницей морей; к традициям викторианским, когда Англия была уже самой благоустроенной, процветающей державой, хотя и не самой богатой; к любым другим традициям – но только не к революционным!

И русские, в тяжелых условиях, при серьезном противодействии многих соседей, выходя сейчас из надлома, могли бы точно так же сделать неприличной свою революцию. Тогда нас может ждать по-своему переживаемая некая викторианская эпоха и будущая благоденствующая Россия. На это не жалко ни трудов, ни средств. Любых средств.

АНТИСИСТЕМЫ В РОССИИ. ЛОЖЬ ДЛЯ НИХ ПРАВЕДНА

Антисистема – категория новая в гуманитарном знании. Понятие антисистемы предложил Лев Гумилев. Он уделил много внимания этому историческому явлению. Ему посвящена заключительная глава основного трактата Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», значительная часть главы «Этногенез и культурогенез» работы «География этноса в исторический период».

В своих работах по русской истории Гумилев тоже обращал внимание на антисистемные явления. По сути дела, антисистема принадлежит не этнологии, а культурологии, истории культуры. Но Гумилева это заинтересовало, он подробно и убедительно описал – хотя и не определил – эти структуры, разрушительные для этноса. Ибо антисистемы – структуры, способствующие сокращению жизни этноса, а, следовательно, разрушительные для общества и могут рассматриваться в обеих областях исторического знания.

Нам представляется важным внесение категории «антисистема» в область политической истории, социологии, политологии. Возможно, это важная категория и для ряда областей географической науки.

Весьма интересно – и к этому мы еще вернемся, – что Гумилев не дал дефиниции антисистем. Но называл их и

призраками систем, и системами, стремящимися сменить мироощущение на обратное, сменить знак стереотипа поведения данного этноса или его части, субэтноса, социальной страты. Лев Гумилев убедительно отмечает ряд характеристических черт антисистем. Антисистемы отличаются негативным мировосприятием и, как следствие этого, стремятся к разрушению мироздания. Таким образом, пафос антисистемы – самоубийство.

Антисистемы, или большинство их, рождаются в зонах контакта великих культур, из чего можно сделать вывод: что большинство антисистем синкретичны. Несколько более смелый и, быть может, преждевременный вывод: все синкретические конструкции – религиозные, социальные, философские – суть антисистемы или ведут к образованию антисистемы. Антисистемы всегда характеризуются разрешенностью лжи или даже праведностью лжи для адептов данной антисистемы. Из этого наблюдения необходимо вытекает следующее. Антисистемы, по крайней мере, в своей социально структурированной части герметичны и представляют собой структуры со множеством степеней посвящения, в которых на каждой новой ступени посвящаемому открывается некая новая «истина», иногда полярно исключающая «истину» предыдущую. В силу разрешенности лжи адепты антисистемы охотно используют любые привлекательные стереотипы системы, на которой паразитируют. Правильно воспитанный кармат, принадлежащий к антисистеме мира ислама, вел себя с шиитом как шиит, с суннитом как суннит, казался христианину – христианином, еврею – евреем.

Эта тенденция универсальна, и из нее проистекает печальный вывод о невозможности полемики с антисистемой. Любой наш аргумент будет незамедлительно присвоен и предложен нам уже как аргумент антисистемы. Исключительное удобство разрешенности лжи!

Наконец – и это особенно важно при рассмотрении русской культуры, – если антисистема, захватывающая большинство населения небольшой страны или большинство членов некоторой замкнутой группы, стремительно подталкивает их к

самоубийству, то совершенно иная ситуация наблюдается, когда представители антисистемы захватывают власть в некотором регионе, большинство населения которого не включено в антисистему. Тогда антисистема меняет знак. Прекращая саморазрушение, она порождает в обществе более или менее деспотический режим, в котором представители антисистемы образуют элиту. Этот режим не разрушает сам социум, ибо социум рассматривается представителями элиты только как некое средство их собственного антисистемного благоденствия, как рабочая скотина. Подобные, сменившие знак, антисистемы могут жить долго, отказавшись от основного принципа антисистемы – отвержения мироздания. Однако, потерпев политическое поражение и потеряв место «элиты», подобная антисистема снова меняет знак, ибо законсервированный характер не меняет ее сущности: потеряв власть, перестав быть «элитой», антисистема снова становится антисистемой, снова подталкивает этнос к саморазрушению.

Существуют два вопроса, поставленные Львом Гумилевым и, как нам представляется, весьма далекие от разрешения. Так, ученый сблизил понятие антисистемы и химеры, ложноэтнической общности, попыткой искусственно, политически или шире, социально-культурными средствами, сформировать этнос. Гумилев приводит в разных своих работах множество примеров химер и достаточно убедительно показывает неизбежность их распада. Но вот насколько антисистема – порождение химеры (а ученый все более склонялся к этой точке зрения), нам, думается, судить преждевременно.

Антисистемы, как видно из работ других авторов, могут рассматриваться уже в древнейшей части документальной истории человечества, на материалах IV–III тысячелетий до нашей эры. В эти эпохи сама чрезвычайная разреженность населения делала сомнительной попытку химеризации. Химеры недолговечны, в то время как срок жизни антисистем может исчисляться многими столетиями, а может быть, и тысячелетиями. Попытка химеризации подразумевает значительность межэтнических контактов. Антисистемы тоже

часто возникают в зоне межэтнического контакта, особенно синкретические антисистемы. Но пока невозможно доказать, что антисистемы всегда рождаются только в зоне контакта. Категория «химеры» принадлежит этнологии, без сомнения. Категория антисистемы скорее принадлежит культурологии. Оба эти явления, несомненно, деструктивны для этноса и для социума, однако химеры распадаются самостоятельно по внутренней деструктивности. Можно предполагать, что антисистемы самостоятельно не распадаются никогда. Все исчезнувшие антисистемы подвергались истреблению.

Таким образом, преждевременно считать антисистему порождением химеры, или, осторожнее, процесса химеризации, а вот антисистема действительно может стремиться породить химеру, что прекрасно иллюстрирует история России. Действующая в революции антисистема или группа антисистемы, придя к власти, предприняла попытку тотальной химеризации, создания ложноэтнической общности «советский народ». То, что химеризация не удалась, может считаться большой удачей русского общества, но, тем не менее, такая попытка имела место.

Еще один вопрос, порожденный гумилевской разработкой антисистем, возможно, и не может быть разрешен средствами исторической науки. В самом деле, совершенно не ясно, каким образом антисистемы могут консервироваться, в течение длительного времени сохраняться в скрытом, «эмбриональном» состоянии и затем воспроизводиться. Манихейская антисистема прекращает свое существование, во всяком случае, не упоминается в исторических источниках, уже в VI веке, а в X веке антисистемы манихейского корня распространяются по всем культурам средиземноморского ареала. Где хранилось учение манихеев в продолжение трех-четырех столетий и в каких формах, нам неизвестно, но философы, историки, практические деятели Средневековья не ошибались, именуя павликиан и богомилов, катаров и альбигойцев манихеями. Повторим еще раз, что, возможно, эта проблема неразрешима. Если антисистема в неблагоприятных условиях обладает способностью сжиматься до размеров небольшого кружка,

никакие исторические источники не донесут до нас этой информации. Как ненавидели мироздание, как убеждали самих себя и немногих приближенных адептов в допустимости и праведности лжи, на каких кухнях злобствовали, глядя на окружающий мир, те, кто сохранял антисистему на протяжении многих поколений, мы можем только гадать, строить фантазии, но наши гипотезы не будут научными, ибо невозможно существование источников, на которые эта гипотеза бы опиралась.

Именно эта способность антисистем как бы исчезать, а затем реконструироваться, более всего подталкивает нас к скептическому отношению к самой гумилевской теории. А быть может, антисистема есть нечто чисто умозрительное? Может быть, подобным образом было удобно провести обобщение одному Гумилеву? Нам представляется, что, хотя термин «антисистема» – недавний, хотя источники именуют их по-разному: антисистемы оказываются «ересями», «группами революционеров», «интеллектуальными клубами», – тем не менее, Гумилев был прав, и общие черты антисистемы мы можем достаточно убедительно проследить. Люди не знали категории антисистем, и, тем не менее, отдельные религиозные и философские конструкции в разные эпохи, сталкиваясь с разными культурами и социальными системами, вызывали отчаянное и агрессивное сопротивление окружающего мира. Сасанидский Иран был исключительно веротерпим. В нем, кроме зороастрийцев, уживались представители разных религиозных систем, а христиан начали принимать раньше, чем терпимость к ним проявил Императорский Рим. И, тем не менее, манихеи подвергались истреблению. Римский мир был иным и лежал в рамках иной великой культуры, античной, и тоже стремился к истреблению манихеев. Терпимость первоначального победоносного Халифата была достаточно высокой, правда, первые мусульмане старались обратить или уничтожить язычников, но и христиане, и иудеи, и зороастрийцы могли существовать в пределах Халифата вполне безбедно, уплачивая лишь незначительный дополнительный налог. В то же время зиндиков уничтожали, и даже существовала специальная

должность инквизитора, чей пост назывался «палач зиндиков». Кстати, «зиндик» – от слова «зенд» – знание, калька с греческого «гностик». Но это практические представления самых разных народов. Мы можем привести длинную иерархию, в которой не последнее место займет практически поголовное истребление исмаилитов, подчинявшихся Старцу Горы, победоносными монголами.

Генетическое родство многих антисистем не было секретом и для многих самых образованных деятелей Античности и Средневековья. То, что академическая наука до относительно недавнего времени не выделяла антисистем, не удивительно. Слишком иррациональным оказывался предмет изучения. Но до поры. Появляются религиоведение, история культур, этнология. XX век отличается в лучшую сторону от предшествующих эпох существования академических университетских наук тем, что ни один предмет не может быть исключен из числа изучаемых. Кроме того, поразительные наблюдения делаются на стыках различных академических дисциплин, и, что уже совсем интересно, делаются не только учеными, а и художниками слова, и философами. Так происходит и с антисистемой. Гумилев начал изучение своих антисистем с периода эллинизма. Но мы теперь можем предложить рассмотрение их со значительно более удаленной исторической эпохи.

И ВСЕ ОНИ ОПИСЫВАЛИ АНТИСИСТЕМЫ

Рассматривая в своем трактате «Вечный человек» столкновение Рима и Карфагена, Гилберт Честертон, решительно принимая сторону Рима, дает Карфагену удивительную характеристику: это был город, государство, общество, которое верило, что зло всегда побеждает. Эмоциональная, ненаучная оценка? Однако если мы обратимся к статьям современного американского исследователя ханаанейской мифологии С. Гордона, то увидим, что эта система, из которой выросла и религиозная система Карфагена, именно такой и была, и основополагающие мифы Ханаана повествуют о преобладании Ваала над древним богом Элом. Но ведь Эл на семитических языках означает просто «Бог»! И таким образом, мифология Ханаана содержала определенный момент

отвержения мироздания, негативного к нему отношения. Кстати, антисистемы часто полагают, что зло неизбежно побеждает. Сомневающийся в этих словах может обратить внимание на любые советские учебники истории. В них в каждую отдельную историческую эпоху побеждает зло – крестьянам всегда становится жить хуже и хуже, даже удивительно, как крестьянство ухитрилось просуществовать до XX века.

В известнейшем трактате «Социализм как явление мировой истории» Игорь Шафаревич рассмотрел уравнилельные социалистические тенденции, начиная с шумерских храмовых государств, то есть почти на протяжении пяти с половиной тысяч лет. Определенные примеры в работе Шафаревича могут считаться спорными. Так, спорна попытка применить категории социализма для рассмотрения истории Египта. Границы уравнилельных тенденций в древнейшей китайской истории, безусловно, должны быть скорректированы. Китайский материал был воспринят автором некритически, но это ничего не меняет. Достаточно того, что социалистические тенденции просматриваются на протяжении тысячелетий, и они всегда в той или иной степени разрушительны. Они стремятся к разрушению социального уклада, к его предельному упрощению, разрушению аристократии, религиозной общности, семьи, бюрократизации государства и бюрократизации жизни.

Таким образом, эти системы подпадают под определение антисистемы, данное Гумилевым. Является ли социализм антисистемой или социалистические черты присущи большинству антисистем – могут показать только специальные исследования вопроса. Во всяком случае, чрезвычайно важно, что трактат Шафаревича рассматривает историко-культурные явления, аналогичные соответствующим главам и статьям Гумилева, часто просто одни и те же. Шафаревич даже утверждал, что итог социализма, логический финал, к которому он должен прийти, – это массовое самоубийство. К самоуничтожению стремились типические антисистемы в силу своего негативного восприятия мироздания. Мы можем на недавних примерах отметить правоту подобного утверждения. К самоубийству этническому, тотальному самоубийству вела

кхмерский этнос социалистическая система Пол Пота. Гайанская трагедия, чей масштаб был меньше (несколько сот человек), увенчалась на глазах ужаснувшегося человечества успешным групповым самоубийством. Если внимательно изучить замкнутые секты, которые практиковали групповое самоубийство на протяжении XX века, – а ряд примеров имеется, – возможно, удастся найти повторяющуюся социалистическую тенденцию, и, несомненно, рассматривая подобные секты, мы найдем во всех них антисистемный характер.

Обращение к мифологическим системам Древности и древним культурам дало возможность обобщить антисистемные явления ряду величайших литераторов нашего столетия. Так, великий мистический поэт Даниил Андреев в своей «Розе Мира» усмотрел общее в разрушительных религиозно-философских системах и применил к ним термин «религии левой руки». По сути дела, он собрал под этим названием то, что у Гумилева названо «антисистемой». Интересно, что сделал это человек, предельно религиозно терпимый, сочинения которого прямо призывают к содружеству религиозных и культурных систем.

Выдающийся английский писатель Джон Рональд Толкин, чьи произведения посвящены активной борьбе со злом, неоднократно описал действие лжи во всей его разрушительности. Можно – как в «Сильмариллионе», так и во «Властелине колец» найти многие черты антисистем, однако в соответствии с жанром творчества, в вымышленной, сказочно-мифологизированной форме. Нам представляется, что особенно четко антисистема прослеживается в хронике «Падение Нуменора».

Многие работы ученых-религиоведов дают нам основание утверждать, что классические антисистемы, убежденные в примате зла, в примате деструкции в нашем мире, часто явно или скрыто стоящие на позициях негативного мировосприятия, никуда не исчезли. И если они не были заметны в XVIII – первой половине XIX веков, то зато сейчас, в наше время, их великое изобилие.

Антисистемами современности занимался видный американский ученый, православный иеромонах Серафим Роуз. Этому посвящена его работа «Православие и религия будущего». Автор рассматривает, как разрушительны синкретические секты и системы, то есть то, что образуется в религиозно-философской жизни в итоге смешения нескольких религиозных учений с принципиально различными системами ценностей, в итоге смешения несовместимого. Подобные смешения делаются всегда ценой насилия над системой, то есть ценой лжи. Ибо совершенно невозможно образовать непротиворечивую синкретическую структуру из идеалов, скажем, буддизма и христианства, потому что христиане – последовательные реалисты, а для достаточно глубокого буддиста мир реальный – это «майя», иллюзия. Тем не менее, такие секты появляются. Они всегда или часто являются антисистемами, они вносят деструкцию в данное общество, а следовательно, сокращают жизнь данного этноса. Богатейшую панораму синкретических антисистем теперь уже удобнее наблюдать не в Америке, а в России, где последовательно даже в поле зрения печати оказываются «Белое братство», «Богородичный центр» и еще более причудливые секты. Менее заметно, но постоянно действуют такие синкретические антисистемы, как секта американского корейца Муна, чья деятельность запрещена в ряде европейских стран.

Наш современник, незаурядный апологет и философ диакон Андрей Кураев в своих статьях описал еще несколько интересных особенностей антисистем нашего времени. Например, склонность, в силу разрешенности лжи, скрывать религиозные объединения под вывеской научных, научно-просветительских обществ.

Об антисистемных явлениях в академической среде и возможности сложения антисистем еще в 50-е годы писал замечательный английский писатель и апологет, друг Джона Толкина Клайв Льюис. Третья часть его космической трилогии, роман «Мерзейшая мощь», – блестящее и убедительное описание антисистемы современности. Миниатюра «Баламут произносит тост» Льюиса – это буквально сводка антисистемной

методологии, особенно применительно к образовательным системам.

«МАЛЫЙ НАРОД» – АНТИСИСТЕМА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Все перечисленные авторы в основном касались классических гумилевских антисистем. Нам представляется, что антисистемы, по преимуществу обращенные ко злу, к небытию, негативно воспринимающие мир, человека в этом мире, антисистемы, стремящиеся освободить от оков мира своих адептов, более характерны для Древности и Средневековья. Антисистемные явления в Новое время проявляются иначе. Во-первых, антисистемы Нового времени, по крайней мере, за пределами узкого круга высших посвященных, негативно ориентированы не на мироздание, а на творение человека, на культуру. На конкретную религиозную систему и порожденную ею великую культуру. На конкретную нацию и созданный ею национальный культурный вариант. На конкретное государство как порождение национальной культуры.

Подобным антисистемам тоже уже много веков. Возможно, первый европейский пример рассматривает французский историк Робер Амбелен в своей переведенной на русский язык книге «Драмы и секреты истории», в главе «Тайный внутренний круг Тамплиеров». После публикации книги Амбелена отпадают все сомнения в том, что тамплиеры образовывали своеобразную синкретическую секту-антисистему; что учение этого внутреннего круга состояло из противоречащих друг другу элементов различных религий; что тамплиерство было разрушительно для западнохристианского мира и его культурных порождений – национальных и государственных образований. Эта старейшая неклассическая антисистема была физически уничтожена, как и антисистемы классические. Здесь мы можем подтвердить печальный вывод Гумилева: антисистема может быть только полностью уничтожена.

Само собой разумеется, люди далеко не всегда были готовы к столь крупному кровопролитию, как тотальное уничтожение адептов антисистемы. Весьма часто антисистемы вытеснялись за пределы страны, государства. В этом случае разрушительное действие антисистемы может сказаться

значительно позднее, иногда через много столетий. Уместно отметить, что таким анклавом вытеснения антисистемы во времена Высокого Средневековья была Босния. Разрушительный характер этого европейского захолустья сказался в наши дни.

Все же антисистема, целенаправленно разрушающая культуру, конкретную религиозную систему, конкретную национальную традицию, для Средневековья – редчайшее исключение. Ей открывает дорогу эпоха Возрождения, автономизировавшая ценности. Итогом этой автономизации явился отрыв этики от религиозного учения и, как прямая закономерность этого, отрыв политики, прикладной этики от собственно этической системы, от нравственности. Антиэтичность Возрождения и появление в эту эпоху многих кружков, поклонявшихся злу в более или менее открытой форме, рассмотрены крупнейшим русским философом второй половины XX века Алексеем Лосевым в его «Эстетике Возрождения».

Но наиболее значительными такие системы становятся с XVIII века, с эпохи Просвещения. В Просвещении расцветают пышным цветом антисистемы, воспринимающие негативно часть мироздания, конкретную культуру, например региональную или национальную. Их идеологию легко наблюдать в таких сочинениях видных просветителей, как «Персидские письма» Шарля Луи Монтескье или «Гурон» Вольтера. Персонаж обладает уровнем цивилизации современных ему французов, говорит на безупречном французском, знает, как вести себя в обществе, и вместе с тем не понимает ничего из культурного комплекса данного общества, а потому воспринимает весь этот культурный комплекс как нелепый, безумный. Владеет техническим уровнем общества, но не воспринимает все то, что составляет его культурную традицию – монархию и преданность монарху, аристократию, Церковь, коммунальные демократические институты и тому подобное, вплоть до бытовых особенностей, бытовых отличий данного народа. Подобные «персы», подобные «индейцы» не встречались на Иранском нагорье или в долине Миссисипи, но зато они в

изобилии выращивались в аристократических салонах, философских академиях и масонских ложах.

Рассматривая подобную антисистему, хотя и не зная еще этой категории, видный историк XX века Огюстен Кошен, занимавшийся историей Великой Французской революции, предложил категорию «малый народ». Этот термин неудачно переводится на русский язык, в котором «народ» – категория этническая. Вероятно, термин Кошена по-русски адекватнее звучит как «малое общество», так как это категория не этническая, даже не социальная, а чисто культурологическая. «Малое общество» – это группа людей с негативным мировосприятием, группа, принадлежащая по формальным признакам к данной культуре, но воспринимающая ее негативно, даже с ненавистью.

Интересно, что этот круг можно расширить, обратившись к истории английской революции. Там подобным негативным восприятием окружающей культуры отличались пуритане, английские кальвинисты, составившие ядро и наиболее разрушительную силу этой революции. Но пуритане достигли апогея своего могущества не в Англии, к счастью для английской культуры, а в Новом Свете, где они составили большинство и в силу этого утратили свой антисистемный характер. По принципу разрешенности лжи антисистема «малый народ» вовсе не обязательно должна негативно относиться к самой нации, к идее патриотизма. Французская революция, как известно, проходила под знаменем патриотизма. Вполне достаточно, чтобы вместо реально существующей Франции знаменем патриотов была вымышленная Франция. Чем более пламенно в этом случае адепт антисистемы, адепт будущей революции любит эту вымышленную Францию, тем более пламенно он ненавидит Францию реальную, со всеми ее нелепыми, с его точки зрения, традициями.

Нам думается, что подобные антисистемы и подобная антисистемность, ориентированная не на природный мир, не на установления, присущие большинству людей, скажем на семью, а негативно воспринимающие только конкретную национальную

культуру, наиболее характерны вообще для Нового времени, вплоть до наших дней.

ГОСПОДЬ ДОЛГО ХРАНИЛ РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

В истории России мы встречаемся в основном с подобными антисистемами. До XV столетия история русской культуры не знает антисистем. Мощная культура домонгольской Руси, опиравшаяся к тому же на первоклассную цивилизацию, на исключительно высокий жизненный уровень для XI–XII веков, не восприняла антисистемного влияния, несмотря на высокий для той эпохи удельный вес городского населения (а город, несомненно, более удобная среда для возникновения антисистемы), несмотря на широчайшие международные контакты со всеми регионами, где существовали антисистемы. Ни от Византии, ни от балканских славян, ни с Запада, ни из мусульманского мира ничего деструктивного заимствовано не было.

В XIII – первой половине XV века новый этнос – русские, или великороссы, – переживает фазу подъема. Кроме высокого уровня внутриэтнической солидарности, обычного для подъемов, Русь слишком бедна для того, чтобы тратить время, силы, мыслительную энергию на отвлеченные построения. И только в конце XV века, накануне создания Российского государства, появляется первая антисистема в виде так называемой «ереси жидовствующих». Это антисистема Нового времени. Она представляла собой, во-первых, вполне организованный кружок, точнее – ряд кружков довольно высокого среднего уровня образованности, что справедливо позволило Дмитрию Лихачеву считать ее типичной для интеллектуальных ренессансных кружков. Она была синкретична: название ее, родившееся в ту эпоху, более чем условно. Единственно, что и было иудейского в этих группах, – это активное использование талмудической критики Нового Завета. Эти кружки активно прибегали ко всем достижениям оккультизма своего богатого колдовскими увлечениями времени. Они были скептически, особенно по отношению к своему миру, к своей культуре. И, несомненно, претендовали на

то, чтобы подчинить своему влиянию все интеллектуальное ядро, достаточно незначительное в России XV столетия.

Принцип разрешенности лжи прослеживается в этой ранней антисистеме убедительно. Первый новгородский кружок был, после нескольких лет существования, обнаружен энергичным архиепископом Геннадием. Участники кружка незамедлительно принесли полное и, вероятно, внешне выглядевшее необычайно искренним, покаяние и, покайся, приобрели свободу от ответственности: архиепископ Геннадий про разрешенность лжи еще ничего не знал. Это дало возможность новгородскому кружку основать московский и некоторые провинциальные. Но есть и другое применение принципа разрешенности лжи. Московские еретики активно прибегали к подлогу в целях пропаганды. Так, от них сохранилась и описана историками Казаковой и Лурье Псалтырь, которая по своей структуре, внешним показателям и начальным страницам действительно представляла собой образцовую славянскую Псалтырь своей эпохи. Но по мере углубления в эту книгу вы видите, как псалмы заменяются специфическими текстами, выработанными внутри антисистемы. Таким образом, грамотный, но малообразованный человек читал то, что было необходимо пропагандисту, искренно при этом полагая, что читает Псалтырь.

Интересна аналогия с антисистемой XX века. Автору этих строк довелось видеть в частном собрании в Москве солдатский молитвослов времен Первой мировой войны без даты и места издания. Это действительно молитвенник, и начинается он, как все православные молитвенники, утренними молитвами, молитвой Иисусовой, молитвой «Отче наш». Нас не удивило бы, если бы через несколько страниц в книжке оказалась бы политическая прокламация, – это нисколько не означало бы антисистемного момента, так всегда маскировали свои книги революционеры, те или иные пропагандисты. Если бы, скажем, на седьмой странице обнаружился текст типа «Россией управляет не правительство, а шайка разбойников во главе с венценосным атаманом Николаем II», – это не означало бы антисистемности документа. Вместо этого продолжают молитвы. Однако каковы молитвы?.. Через одну, через две –

это молитвы о том, чтобы «Господь вразумил правителей прекратить братоубийственную войну». Легко представить себе, какое влияние это оказывало на действующую армию.

Однако вернемся к Позднему Средневековью. На пороге Нового времени Россия встретила еще одну антисистему, в отличие от ереси жидовствующих, не ввезенной, не импортированной, а разработанной с богатейшей фантазией на местном материале. Речь идет об опричнине.

Приоритет рассмотрения опричнины как антисистемы принадлежит Льву Гумилеву и Александру Панченко в их замечательном диалоге «Свеча бы не угасла». После трудов С. Веселовского, А. Зимина, Р. Скрынникова отпали все возможности рассмотрения опричнины строго в рамках социально-политической истории. Ни социально-экономической, ни социально-политической целесообразности, вообще никакой социальной основы у опричнины не было. Можно считать общим местом работ нашего времени справедливое рассмотрение опричнины как аппарата личной власти тирана. Это тем более легко принять, что Иван IV не только первый тиран в отечественной истории, но и тиран, мы бы сказали, классический, подходящий под все возможные определения тирана, начиная с античных авторов. Менее очевидно, что Иван IV был первым прослеживаемым в нашей истории западником. Это тоже было проанализировано тем же профессором Панченко в соавторстве с Л. Успенским. Но западничество Ивана – вопрос его личного вкуса. Общество и русская культура не были готовы вместить фактор западничества, а тиран не располагал механизмами, которые бы позволили ускорить этот процесс. Иное дело – антисистемность его изобретения. Опричнина была основана на принципе отречения опричников от собственной нации, сознательного и обязательного отречения от семьи. Опричнина подразумевала и отречение от собственного вероисповедания. Достаточно отметить обязательное участие опричника в пародировании монашеской жизни. Опричник, несомненно, готовился к исполнению своих задач в качестве человека, лишенного шансов на прощение. Опричнику не на что было

надеяться в вечной жизни. А в XVI веке это было основой жизни любого человека, в том числе любого разбойника. Опричнику, таким образом, после всех отречений оставалось только служение злу. Это осознавалось окружающей опричника социальной средой. Не случайно пародирование названия «опричина», «опричники» термином «кромешники». Слово «опричь» и означает «кроме». Но вместе с тем «кромешник» – прямо указывает на адский характер выполняемой миссии. «Тьма кромешная» читаем мы в славянском тексте Писания.

Весьма сомнительным показалось бы утверждение, что опричники стремились разорвать связи с материальным миром. Однако история опричнины и ее соучастников подтверждает, что все они и привели к гибели свою недолговечную антисистему и друг друга в отдельности. Можно считать последним опричником, который был социально уничтожен в результате несовместимости с нормальной жизнью страны и общества, Василия Шуйского – самого неудачного правителя в истории России.

Ереси жидовствующих, приходящейся на фазу этнического подъема, опричнине в начале акматической фазы, разумеется, не удалось увлечь в деструкцию большую часть русского общества своих эпох. Но историко-культурные последствия существования этих антисистем колоссальны, особенно если учесть ничтожное количество адептов первой антисистемы и относительно небольшое – второй. Речь идет о значительном снижении уровня социальной нравственности к концу XVI века, после двух волн антисистем в России. Тем не менее, в XVII и XVIII веках, в эпоху сложения Российской империи, приобретения русской культурой имперского характера, превращения России в несомненный центр восточнохристианской культуры и цивилизации, мы можем наблюдать много интересных явлений, в том числе и парадоксальное сложение феномена «русского западничества». Но антисистем мы не наблюдаем. Не наблюдаем до вступления ведущих этносов в фазу надлома.

Русская антисистема XIX века определенно формировалась по описанной Огюстеном Кошеном схеме «малого народа», или

«малого социума». Она могла быть включена в те или иные организации или не организовываться. Она никогда не была по-настоящему социально структурированной. Хотя в огромной степени, как и любая антисистема, прогрессировала в маргинальных слоях. Она сложилась в необычайно выгодной для расцвета антисистемы ситуации.

Напомним, что фаза надлома резко снижает внутриэтническую солидарность, снижает солидарность и внутри суперэтноса, внутри великой культуры. Напомним также, что антисистема могла использовать внутренний раскол этнического поля, тот российский парадокс, который был создан в XVIII веке распространением русского западничества.

НАРОДОЛЮБИЕ, ИЛИ СТРАСТЬ К БОСЯКУ

Антисистемные проявления не могут быть объяснены, если исходить только из категорий этнологических, из определения характерных черт фазы надлома как таковой. Антисистема не может быть объяснена западничеством, так как не все представители антисистемы ощущали себя западниками и уж тем более далеко не все западники были носителями антисистемного мышления. XIX век в России был необычайно удобен для распространения антисистемы. Пожалуй, антисистемное мировоззрение первым наилучшим образом описал Достоевский в строках о Герцене в Дневнике писателя за 1873 год: «К русскому народу они питали одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года».

Негативное отношение к России революционера или радикального реформатора само по себе не свидетельствует об антисистемности его взглядов. Целью революции может быть изменение социальной картины сохраняемого общества и сохраняемого этноса. И тогда революционное мировоззрение не антисистемно, а революционная организация не есть антисистема. Целью революции может быть коррекция или

полная смена элиты данного социума. Это удобно для внедрения в социум антисистемы, но само по себе еще не антисистема. Однако мы видим в России не только негативное отношение к правительству и правящей элите, к сложившейся системе власти. Мы видим устойчиво негативное восприятие национальной традиции, национального уклада, стремление не видеть национальной аристократической традиции, национальной традиции демократической. Видим презрение к нации, то есть презрение к народу в сочетании с болезненно гипертрофированным требованием служения народу. При таком подходе служение народу превращается в служение плебсу. Не только Россия приобретает фантастические черты в умах радикалов, но и русский народ приобретает черты фантастические, черты социальных низов. Несложно видеть, что, когда некий реформатор, радикал рассматривает общество по низшему социальному срезу – это разрушительно для общества, а, следовательно, и для этноса. Для этноса болезненна утрата национальной элиты, но это возможно преодолеть. Однако, в случае антисистемного подхода, который нам сейчас открывается, разрушению подвергается уже не элитарная среда, а средние слои общества, которые и являются несомненным фундаментом, опорой любого общества, следовательно, и любого этноса. Заметим здесь неслучайность того, что в интеллигентском сознании XIX века средних слоев в русском народе как бы и не существует. Зажиточный крестьянин, обширные слои ремесленников, складывающиеся с развитием промышленности круги высококвалифицированных рабочих, так называемая «рабочая аристократия», профессионально ориентированная нереволюционная интеллигенция, например инженеры, мелкие, в основном провинциальные чиновники, – всего этого как бы нет. Со времен античных мы встречаемся с двумя основными социальными значениями термина «народ», «демос», «пополо». Подход этнокультурный, при котором «демос» практически идентичен этносу: народ есть нация, и подход социально-стратификационный: если мы отсекаем от народа как самостоятельное целое элиту, аристократию, «всадничество»,

то неизбежно должны отсекают и низы, плебс, холопов, пролетариат. Тогда народ – это среднее большинство гражданского общества и среднее большинство нации.

Легче всего увидеть реальность антисистемы XIX века в противопоставлении дворян народу, а во второй половине XIX века – интеллигенции народу. Эта точка зрения, не изжитая в нашем обществе и в нашей литературе до настоящего момента, – итог продолжительного действия антисистемы. Если дворянство или интеллигенция не часть народа, то тогда мы рассматриваем средние слои как часть плебса, отталкиваем базовую и процветающую часть общества к его нижнему полюсу. Одновременно, изолируя элитную, или считающуюся элитной, группу, мы придаем ей черты опричнины, группы, пребывающей вне социума и вне нации.

Замечательную иллюстрацию антисистемного мышления подобного рода наблюдала Е. Кириченко, один из крупнейших отечественных историков архитектуры. Она отмечает, что постройки архитектора Константина Тона, и прежде всего его Храм Христа Спасителя в Москве, воспринимались полярно. Высшей бюрократией и радикальными кругами – как символ бюрократической империи, а всем остальным обществом – как олицетворение национальной православной культуры. Антисистема в России не располагалась только в революционных кругах: они были в любой момент времени малочисленны. Но антисистема вольготно располагалась среди интеллигенции, особенно маргинальной, – а мы отмечали, что большая часть российской интеллигенции в XIX веке была маргинальна, – и в кругах бюрократических. Ведь чиновники тоже в значительной степени были маргинальны, и не только потому, что существовало более чем значительное количество низших чиновников разночинного происхождения, а и потому, что в бюрократической системе происходит естественный отрыв ее членов от нормальных аристократических или демократических традиций как воспитания, так и существования. Бюрократизированность старой России – дополнительное условие успеха антисистемы.

Известны события Кровавого воскресенья 9 января 1905 года. То была блистательно проведенная эсеровская провокация. Уже давно историки располагают сведениями (блестяще выявленными С. Семановым), что священник Георгий Гапон был действительно провокатором, но провокатором эсеровским и в качестве революционера давно должен был быть реабилитирован. Но гораздо интереснее, что накануне трагедии министр внутренних дел России, либеральный чиновник, любимый общественностью, князь Святополк-Мирский на докладе в Царском Селе на вопрос о положении в столице дезинформировал императора, заверив, что в столице все спокойно. 8 января Святополк-Мирский точно знал о готовящемся шествии и как министр внутренних дел, по административной линии и от полиции, и как шеф корпуса жандармов. Минимум три источника должны были предупредить министра. Невозможно предположить, что по каким-то обстоятельствам сплеховали все три источника. То есть, один из главных, как теперь говорят, «силовых министров» сознательно спровоцировал трагедию, которая должна была столкнуть в непосредственном противостоянии не правительство с народом, а само государство, монархическую идею и нацию, что и удалось в этой, повторим, блистательно проведенной провокации. Таким примерам несть числа.

Давно отмечены и многие другие антисистемные черты в полуобразованной части общества дореволюционной России. Дело в том, что культурная элита России была почти не затронута антисистемными тенденциями. Если мы обратимся к сборнику «Вехи» 1909 года, то заметим, что революционная и радикально-реформистская интеллигенция (причислим туда же и многочисленное сочувствующее чиновничество) была абсолютно не восприимчива к высшим достижениям отечественной философской и гуманитарно-научной мысли. Мы отметим с вами происходящее в бешеном темпе разрушение семьи, семейного уклада, супружеских отношений в этих кругах, о чем писал Изгоев. Мы заметим, благодаря С. Франку, утопический характер идеологии радикальных кругов и вспомним, что утопии по большей части были связаны с

антисистемами XVI–XVIII веков. Возможно, более всего дает для осознания реальности существования антисистем в России С. Булгаков, благодаря которому мы можем оценить «орденский характер» революционной и радикальной русской интеллигентности (это при отсутствии формальной ее организации). Ну и, пожалуй, самое главное – стремление к небытию, стремление к смерти. Булгаков справедливо отмечает, что подлинным гимном русской революционной интеллигенции был похоронный марш. Если мы сопоставим это с воспоминаниями революционеров, а современному отечественному читателю вполне доступны воспоминания Бурцева и Савинкова, то мы получим множество примеров, включая поразительный трагикомический эпизод с террористкой Дорой Бриллиант, которая требовала, чтобы ей тоже разрешили умереть за благо народа. Итак, по крайней мере, с середины XVII века в России действует антисистема или группа антисистем, разграничить которые возможно с помощью скрупулезного исследования. Антисистема не была локализована политически и даже социально. Процесс уничтожения, вытеснения в маргинальные слои, вытеснения в эмиграцию представителей антисистемного мировоззрения, сохранивших свои взгляды, хорошо описан у И. Бунина в целом ряде его сочинений, но прежде всего в «Окаянных днях».

И МЕСТО ИМ В БОСЯКАХ

И остается один вопрос: о судьбе антисистемы. Гумилев отмечает, что антисистема, приходящая к власти, меняет знак, порождая чудовищный, деспотический, полицейский режим, но прекращающая деструкцию, став оторванной от социума и этноса правящей элитой. Прямая аналогия подобному поведению наблюдается в русской истории XX века. В сущности, с точки зрения концепции антисистемы ленинский «нэп» и сталинское псевдоимперское поведение – одного происхождения: антисистема меняет знак. Можно было довести в рамках чисто антисистемного правления крестьян Поволжья до тотального голода 1920–21 годов. Но дальше нельзя, потому что эти крестьяне должны кормить антисистемщиков, пришедших к власти. Можно было уничтожить офицерство,

казачество, лучших защитников Отечества, следуя нормам революционной деструкции, можно было проиграть войну накануне победного ее завершения (трудно предположить, что Германия продержалась лишний год по какой-нибудь еще причине, кроме выхода революционной России из мировой войны). Но дальше нельзя. Нельзя бесконечно разрушать социальную среду, порождающую воинов, ибо государство должно стать крепким и защищать представителей антисистемы, оказавшихся у власти.

Вот прямая аналогия XX века с прорывавшимися к власти деструкторами X–XI веков. Но из аналогии вытекает и необходимость предостережения в нашей сегодняшней ситуации. Потеряв политическую власть в Египте, исмаилитская антисистема породила страшную террористическую машину ассасинов. Антисистема научилась воздействовать прямо на этническое поле, разрушая уже не культуру, не общество, а этнос. На наших глазах в 90-е годы XX века революционная антисистема потеряла власть, и она неизбежно меняет знак. Те, кто были несколько лет назад деспотическими правителями в рамках полицейского коммунистического режима, снова становятся чистыми деструкторами. Думаю, что это наиболее проявилось в событиях 1 мая 1993 года, когда невозможно было не заметить в действиях обеих сторон стремления добиться кровопролития, развития деструкции любой ценой.

Мы полагаем, что нахождение десятков примеров новейшего времени незатруднительно, и не считаем необходимым выходить в область конкретной политологии. Антисистема существует, и она продолжает оставаться с нами. Чудовищная бюрократизация страны в наши дни – ее питательная среда. Рецептов излечения от антисистемы нет. Все известные исторические антисистемы были уничтожены путем поголовного истребления их представителей. Вместе с тем трудно не замечать, что современное общество вряд ли готово к массовому кровопролитию, которое для этого требуется, даже если общество осознает наличие антисистемы, что, безусловно, необходимо для избавления от нее. Хотя бы потому, что восстановиться путем возрождения русская

культура может только как культура христианская. Общество не согласится на поголовное истребление антисистемщиков не потому, что их жалко, а потому, что террор налагает неизгладимую печать на общественную нравственность.

Тогда остается только одно: обществу необходимо осознать постоянную угрозу деструкторов и маргинализировать их. Вытолкнуть их в социальные низы. Причем это не может сделать государство, даже в лице выборных представителей, это не может сделать судебная система. Маргинализировать деструкторов – политиков, литераторов, журналистов, военнослужащих может только общество в целом. Христианам сказано: «Не убий». И еще многое сказано в развитие этого Синайского тезиса. Но христианам никто и никогда не сказал, что человек, опасный для культуры, для общества, может рассчитывать на что-либо иное, чем самый непрестижный, тяжелый и низкооплачиваемый труд. И это самая мягкая и терпимая рекомендация, представляющаяся реальной.

Доктрина прогресса и искажение фактов

Статья 1995 года.

Мы сегодня всё чаще убеждаемся, что с преподаванием исторических дисциплин в школе не всё в порядке. Убеждаемся, невзирая на то, что уровень гуманитарного знания в нашей стране был настолько высок вопреки самым тяжким обстоятельствам, что, право, затруднимся сказать, какая из зарубежных стран достигла того же уровня. Однако это был уровень академической науки, высший прорыв мысли. Студенты-гуманитарии уже не всегда поражали великолепием своей гуманитарной подготовки. А средняя школа десятилетиями отрывалась от высшей всё больше и больше. В 1970-е годы абитуриенты моего поколения, поступая на исторический факультет, если и занимались с репетиторами по разным предметам, то уж, по крайней мере, в репетиторе по истории не нуждались. Ныне я не представляю себе абитуриента, который готовится к поступлению на исторический факультет совершенно самостоятельно.

Что же беспокоит в преподавании школьной истории? Все ли сегодняшние странности и методические нелепицы можно отнести только к советскому периоду, всё ли зависит генетически от «единственно верного» учения и атмосферы единственно допустимого научного атеизма? Безусловно, существуют огрехи чисто марксистского происхождения. Вот, например, злополучные общественно-экономические формации. Такая стройная была система, а теперь совершенно непонятно, что с ней делать. Если следить за нашей политикой, то, по всей вероятности, следует поменять две непреложные формации местами и постановить, что за феодализмом во всех обществах следует социализм, а затем светлое капиталистическое будущее, на котором смена формаций и заканчивается. А ведь видные ученые, например, Федор Успенский, автор самой фундаментальной книги по истории Византии, еще в начале XX века предупреждали, что ряд категорий механически перенесен в нашу историографию из западной. В частности, характерный

для Запада феодализм и само это понятие нужно употреблять предельно осторожно применительно к истории стран восточноевропейских. А сейчас не так уже трудно доказать, что македонских царей и их дружинников-гетайров связывали отношения вассалитета. В западной науке вполне привыкли эллинистическую Александрию считать позднеантичным капиталистическим городом.

Видно, с коммунизмом надо бороться не столько на Старой площади, сколько в самом себе. И начинать с переосмысления важнейших марксистских категорий. Я далек от мысли утверждать, что не существует феодализма или рабовладения. Но только это категории, а не формации, и ничего непреложного в них нет. Весьма многие периоды всемирной истории вообще с этими категориями не связаны. И все-таки буду вести речь совсем не об ошибках, навязанных извне политиками. В преподавании истории есть куда более солидные и въедливые нелепицы. Скажу лишь о двух из них.

Нелепица первая может быть названа хронологическим дисбалансом или диспропорцией в изучении различных исторических эпох: Древний мир, Средние века, Новое время. Уже Освальду Шпенглеру было предельно ясно, что у европейцев никакого Древнего мира не было и то, что скрывается под этим названием, на самом деле представляет собой историю совершенно иных культур, полностью прошедших свой путь и исчезнувших из исторического процесса. Ну не странно ли, в самом деле, что на первом году преподавания всеобщей истории в школе мы преподносим ученикам несколько тысяч лет истории человека. В 7-м классе ограничиваемся одним тысячелетием, а там, глядишь, дойдем и до рассмотрения в течение целого учебного года одного XIX века. Да чем же так важен этот век XIX в сравнении с XV нашей эры или с XV до нашей эры? Слишком много материала? В меньшее время «не влезает»? А разве так называемый Древний мир «влезает»? Ведь мы действительно только что соприкоснувшись с музой Клио шестиклассникам предлагаем за год изучить несколько великих культур, уже не говоря о том, что иные, за недостатком времени, выбрасываем. Из

тысячелетней христианской страны опускаем историю ветхозаветных евреев, полностью игнорируем Финикию, оставляя, таким образом, школьника в недоумении, с кем воевали римляне и что сулило значительной части человечества поражение в Пунических войнах. Мы игнорируем, может быть, еще более интересный для нас зороастрийский Иран и тоже оставляем неясным социальный и культурный портрет противника Эллина в греко-персидских войнах. За год – несколько тысяч лет и несколько крупнейших регионов, регионов великих культур. Кто из школьных учителей не согласится с автором, что средний школьник, не гуманитарий, с интересом занимается историей Древнего мира, на истории Средних веков лишь позволяет себе позевывать, и именно тогда, когда вместо исторического процесса появляются сухие социальные схемы? Но вот ребята переходят к изучению истории нового времени, и большая часть класса засыпает, просыпаясь в зависимости от личной склонности к теме искусства или великих географических открытий, путешествий, крупных войн, – вот, пожалуй, и всё.

Сэр Арнольд Тойнби рекомендовал начинающему историку вне зависимости от избранной им специальности написать еще в университете небольшую античную штудию. Объяснял великий англичанин это очень просто: от Античного мира сохранилось относительно много – храмов, шедевров вазописи, героических поэм – и относительно мало актового материала. Чем эпоха ближе к нашим современникам, тем актового материала становится больше, история объективно скучнее. А учитель-историк вместе с учеником закапываются в буржуазном законодательстве, профсоюзной борьбе, подробнейшем изучении крошечных, не очень-то заметных современникам революционных кружков – и панорама исчезает, эпоху не удается рассмотреть как бы сверху.

Мне довелось изложить эти претензии несколько лет назад одному из незаурядных университетских историков, специалисту по новому времени. Он не взялся ответить мне на вопрос, чем XVIII и XIX столетия важнее нашим современникам, чем великое переселение народов или походы Александра

Македонского. Но он выдвинул, безусловно, весомый аргумент: мы считаем, сказал он, что надо учитывать и то, в какой степени та или иная эпоха отражается в менталитете сегодняшнего человека. Моя реакция на его ответ, в свою очередь, повергла высокого ученого собеседника в некий ступор. Я сказал: я, безусловно, согласен, что эпоха Просвещения сыграла большую роль в становлении характера современного человека, чем эпоха Вселенских соборов или Крестовых походов, или даже Возрождения. Да, согласен. Но ведь это болезнь, лечиться от этого надо. Болезнь эта не является отечественной прерогативой, и советская власть здесь ни при чем. Да, у нас издавали время от времени двухтомную историю СССР для вузов, где первый том объемом 450–500 страниц заключал в себе 15 веков отечественной истории, а второй том, страниц на 600, начинался с Октябрьского переворота 1917 года. Но и во Франции издали научно-популярный 30-томник, посвященный 30 основным датам, создавшим современную Францию, и Великая Французская революция, занимающая целых 6 томов из 30, находилась хронологически примерно посередине. Эта нелепица действительно порождена эпохой Просвещения, стремлением представить всемирную историю в виде однонаправленного эволюционного процесса, к тому же процесса, связанного с непрерывным прогрессом. Все страны и народы проходят один и тот же путь – вот вам и место для появления общественно-экономических формаций. Одни из них передовые, другие – отсталые. Отсталым народам нужно помогать, иногда отечески пороть, убыстряя процесс их эволюции к прекрасному прогрессивному будущему. На этом пути человечество выстраивало множество утопий – либеральных, масонских, нацистских. Более всего – социалистических. За эти утопии расплатилось десятками миллионов жизней.

Кстати, я не взялся бы утверждать, что категория «прогресс» неприменима в исторической науке. Она применима, если мы задаем пространственные и временные параметры. Да, я могу исследовать прогресс в социальной сфере на протяжении 150–200 лет в отдельном регионе, отдельной

стране. Но непрерывный прогресс от первобытного человека до сегодняшнего дня – нелепица, против которой вопиют все факты во множестве дошедших до нас источников. Достаточно вспомнить, что окончание истории каждой цивилизации неизбежно приводит к исчезновению большей части наследия. Посмотрите, как мало сохранилось от Античного мира, а ведь Античность – своего рода рекордсмен. От всех остальных культур прошлого сохранилось во много раз меньше. Из эволюционистской доктрины Просвещения непреложно вытекает западничество; при перенесении ее на отечественную историю мы получаем оценку XVIII века, особенно периода Петровских реформ, как чего-то необычайно прогрессивного, хотя это была эпоха тотальной бюрократизации и разрушения демократических традиций русской общественности. XIX век представляется с этих позиций некоторым застоем. Во всяком случае, сильное Русское государство оказывается в сравнении с XVIII веком тотально реакционным, а прогрессивными называются разрушители государства. Хотя именно в XIX веке идет восстановление здоровой социальности, в том числе и в виде земских демократических традиций. Доктрина непрерывного прогресса заставляет историков постоянно искажать факты. Возьмем, к примеру, историю русского искусства. В XVI веке русская живопись – это икона. В XVII веке русскому искусству полагается «обмирщаться». Потому великолепную икону этой эпохи подозревают в приближении к упадку. А с XVIII века икона и вообще исчезает из рассмотрения в курсе Истории искусств. А ведь искусствоведы прекрасно знают, что и в XVIII, и в XIX, и в XX веках создавались шедевры иконописи. Причины такого взгляда – те же самые: эволюционистский прогрессизм, порожденный эпохой Просвещения. Но неужели не пора к концу XX века разобраться, что эпоха Просвещения была эпохой воинствующих недоучек, и она оставила после себя, может быть, самую скучную и беспомощную во всей истории философию? Школьные программы можно и должно корректировать для устранения хронологического дисбаланса. Но не стоит учинять революций – каждый учитель реально может растягивать в отведенном ему

количестве учебных часов более ранние, пренебрегаемые эпохи и сокращать те, на которые времени отведено с избытком.

Существует и вторая нелепица, подобная первой. Это пренебрежение собственной культурой ради чужих, пренебрежение историей собственного культурного региона, родственных стран и народов. В самом деле, история Древнего мира кроме Античности включает в себя, хоть и бегло, Египет и Месопотамию, Индию и Китай. История Средних веков локализована в Западной Европе. Там же локализована и история нового времени, что, по-своему, справедливо, ибо это деление условно, и Средние века и Новое время пребывают в рамках одной цивилизации, цивилизации Запада. Но почему изучение западной истории так предпочтительно для нашего современника? Да, у нашей цивилизации и цивилизации западной одни корни – античные и христианские. Да, мы взаимодействовали с Западом больше, чем с кем бы то ни было, на протяжении всей истории государства Российского. Но разве у нас нет своей культуры и своей цивилизации, в рамки которой умещалась бы Россия? Следствие подобной методической ошибки в том, что русский человек до сих пор затрудняется ответить на вопрос: кто он, европеец или азиат, что такое русская культура – Восток или Запад? Печальное затруднение. Ведь никакого Востока в чистом виде не существует. В этом несложно убедиться, сравнив, скажем, перса или вьетнамца. Или еще убедительнее: если кому-то придет в голову сравнивать национальный характер, стереотипы поведения, социальную культуру современных французов, турок, китайцев, не окажутся ли первые два похожими друг на друга больше, чем любой из них на третьего? Значит, «чистого» Востока нет, но есть великая культура ислама, есть регион дальневосточной цивилизации, есть Индостан. Это было ясно уже в XIX веке, по крайней мере, ведущим историкам и философам, так же точно, как, начиная с работ Николая Яковлевича Данилевского, мы постепенно приходили к тому, что Россия не принадлежит ни к Востоку, ни к Западу, а к особому миру, по словам Владимира Сергеевича Соловьева, – греко-славянскому.

В XX веке после работ Освальда Шпенглера, Ханса Зедльмайра и особенно Арнольда Тойнби регион восточноевропейской культуры есть общепринятая данность исторической науки. Но, к сожалению, не общепринятая норма программ исторических дисциплин в школе. Мы в лучшем случае остаемся как бы враскорячку между Европой и Азией. Это старая болезнь. Она начала складываться еще в XVIII веке, у нее свои исторические корни. Восточные европейцы упустили шанс основать свою собственную высшую школу и, следовательно, университетскую традицию еще в XV веке вместе с основанием Русского государства. И потому мы попали в ситуацию длительного отставания от Запада. Именно потому, начиная с Киевской и Московской академий, Славяно-греко-латинской у нас укрепляется вестернизированный методологический подход к гуманитарным наукам, о чем я уже говорил выше. В формировании современного русского человека это играет весьма мрачную роль. Наши ученики оказываются перед выбором – либо считать Россию страной западной, но чрезвычайно отсталой, что приводит к комплексу этнокультурной неполноценности, либо декларировать не меньшую нелепицу – отводить России роль особого мира, особой цивилизации и, следовательно, исповедовать изоляционизм. И всё потому, что мы не изучаем в школе историю и культуру родственных народов и государств – славян, греков, грузин и армян, может быть, даже коптов Египта и эфиопов. Потому что мы даже исторические процессы в мусульманских странах готовы до определенной степени рассматривать с поправкой на их культурную традицию, но себе в том же отказываем. Само собой разумеется, видов власти существует всего три, что было известно уже Аристотелю, и все политические системы укладываются в этот трехвариантный набор из монархии, аристократии и демократии. Но сами монархические и демократические традиции имеют неисчислимо количество этнокультурных вариантов. Так же и всё остальное. Мы любим указывать на запоздалое упразднение крепостничества в России, но не указываем поздний характер его сложения – только в XVII веке. Не

указываем потому, что это нарушает феодальную схему. Советский период чудовищно обострил обе проблемы, о которых идет речь. Наш официальный научный атеизм на поверку оказывался не просто атеизмом, а сомнительно научным антиправославием. Именно в силу того, например, в «Библиотеке всемирной литературы», в грандиозном 200-томном издании, предпринятом на нашей памяти издательством «Художественная литература», не нашлось ни одной страницы на тысячелетнюю византийскую литературу, тогда как, для сравнения, средневековый Запад заполнил шесть, а средневековый ислам даже семь томов! Сегодня эта ситуация абсолютно нетерпима, и ее придется исправлять педагогам. Еще раз – никакой революции не требуется, программа предусматривает соприкосновение с византийской историей, византийской культурой, даже если и не включает пока очерков истории балканских славян или христиан Закавказья. Так же, как и с проблемой хронологического дисбаланса; можно рекомендовать растягивать одни темы за счет сокращения других.

В этой статье делаю лишь попытку поставить острейшие вопросы составления программ и методических рекомендаций нашего времени. Но проблема гораздо шире: она касается и преподавания словесности. Мы предлагаем совсем еще малышам поверить в величие и всемирное значение «Слова о полку Игореве», а затем сразу совершаем головокружительный прыжок в литературу конца XVIII века. Да, школьники еще малы, чтобы работать с текстом «Слова...». Им проще было бы читать главы из «Повести временных лет», из «Патерики», «Поучения Владимира Мономаха». Во всяком случае, понятие «русская классическая литература» не имеет права ограничиваться XIX веком, даже если начинать изучение не с «Иллариона», а с того же «Слова...». Так же точно, как это мы наблюдали в истории, русская литература остается оторванной от своего наднационального окружения, от своего великого региона. Мы ничего не говорим о византийской литературе. А ведь есть прекрасные переводы, и в отличие от русской средневековой литературы нам вполне естественно византийскую изучать в

переводе, как мы изучаем Шекспира. Эти проблемы в какой-то степени касаются преподавания географии в школе, по крайней мере, в аспекте исторической географии. Пределы профессиональной компетенции автора не позволяют углубиться в эту область. Закончу, однако, тем, что жгучие эти проблемы необходимо решать сегодня. Но и тогда исправление программ и методик даст результат минимум через десятилетие. Промедление же может дать самые непредсказуемые и нежелательные последствия на территории государства, 90 процентов населения которого принадлежит к восточноевропейской культуре.

Долг мирянина

Статья 2000 года.

В последнее время нередко слышны голоса о появившемся якобы недавно «мускулистом» Православии, которое стараются навязать русскому народу, но которое вряд ли будет им принято.

Часто в этих голосах проскальзывают испуг и маловерие, но обратимся к истории. Разве почти двухтысячелетняя история Воинствующей Церкви была недостаточна мускулиста? Разве не мускулистой была политика Константина Великого, первого христианского императора? Разве святые Кирилл и Мефодий – просветители славян – не заявляли, что они, как и все христиане, конечно же, за мир, но будут сражаться мечом в том случае, если их оппоненты попытаются отворать братьев-христиан от истинной Веры. Разве не преподобному Феодосию Киево-Печерскому принадлежит чеканная формулировка: «Живи в мире не только со своими друзьями, но и с врагами своими, но только со своими врагами, а не с врагами Божиими»?

Разве недостаточно мускулисты были наши святые князья, особенно Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Донской? Разве не были достаточно мускулисты их дружинники, известные витязи земли Русской? Не следует ли признать мускулистой политику преподобного Сергия Радонежского, который, несомненно, горой стоял за мир и большую часть своей жизни посвятил служению миру, однако благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву? А еще задумаемся: разве не ошиблись наши западнорусские братья, не отвергнув, не изгнав, не истребив, в крайнем случае, князей-вероотступников Ягайло и Витовта? Не привела ли к печальнейшим последствиям недостаточно мускулистая политика наших малороссийских и белорусских братьев в XV веке? И разве не пришлось компенсировать это куда более мускулистой политикой казаков, мещанских братств, отстоявших в XVII веке западнорусские земли от полного поглощения их

унией и чуждой нам западноевропейской культурой? Зачем же стесняемся мы позиции силы? – она же противоположна отнюдь не позиции чести и даже не позиции терпимости и дружелюбия. Позиция силы противоположна лишь позиции слабости, и эту слабость прекрасно видит и не приемлет русский народ, равно как и складывающееся в нашей многострадальной стране гражданское общество.

Каких-нибудь 5 лет назад отдельные неоязычники вызывали у православных не более, чем улыбку, и вот мы видим достаточно реальные успехи неоязыческой пропаганды, пропаганды безбожного патриотизма. Народ, общество ждут мускулистой позиции. Но, увы, мы многих вводим в соблазн недостаточной мускулистостью – конечно, не членов Церкви, не прихожан, не христиан церковных, но мы вводим в соблазн множество русских людей, находящихся на пути к Храму и Господу, симпатизирующих Православию, испытывающих почтение к церкви и тысячелетней традиции русской церковности. Людей, еще не православных по вере, но по-прежнему православных по культурной и этнокультурной принадлежности. А таковых, между прочим, в Российской Федерации 90%.

Мы затрудняемся сформулировать четкие принципы государственно-церковных отношений, хотя в установлении нормальных церковных и государственных отношений более заинтересована не Церковь, представляющая большинство, а слабые государства, образовавшиеся на территории исторической России. Между тем, никакого своеволия православным не нужно. Существует Соборный акт о публично-правовом положении Православной Российской Церкви от 2 декабря 1917 года. Он действует и обязателен для всех православных. Не составляет труда заметить, что ни одно из полутора десятков государств, ныне существующих на русской земле, и в малой степени не соответствует требованиям этого акта. Напомним, акт 1917-го года требовал, чтобы глава Российского государства, его заместитель, министр народного образования были лицами православного вероисповедания. Акт утверждал неприкосновенность церковных имуществ, включая

все имущества, принадлежавшие и принадлежащие не только епархиям, монастырям, приходам, но и православным братствам, учебным заведениям, больницам, богадельням и просветительским обществам. Отобранное имущество не возвращено до сих пор.

Акт 17-го года утверждал необходимость сохранения государственного православного Юлианского календаря. Объявлял, что великие церковные праздники в российском государстве должны сохраняться как неприсутственные дни. Требовал сохранения полной юридической силы церковного брака до тех пор, пока соответствующие нормы не введены в государственное употребление. Любое государство, не выполняющее всех этих условий, для нас – чужое. Конечно, православие не устраивает революций и заговоров, но государственные установления должны быть информированы о том, что все они лишь терпимы православными христианами, но не более того.

Мы должны научиться твердо говорить с государством, обществом, с международными объединениями. Мы должны говорить как власть имущие, прежде всего по воле Всемогущего Бога, который создал в XIII веке русский народ и даровал ему Русскую землю.

Мы должны говорить как власть имущие по воле Вселенской Церкви, обладающей для нас непреложным вероисповеданием и истинной, абсолютной властью в материальном мире, ибо Вселенская Церковь сформировала к концу XV века Россию как первенствующую православную и восточнохристианскую державу, защитницу других восточных христиан и всей вселенной. Этого от нас ждет общество, государство, общественные деятели, политические партии, в том числе совсем не православные. В настоящее время только безнадежные политические маргиналы вроде ДВР (Демократический выбор России) не включают в свои политические документы вопросы православного вероисповедания и культуры, ибо все прекрасно понимают, что это – вероисповедание и культура большинства.

Мы, наконец, должны говорить как власть имущие даже по воле врагов наших. Напомним, что, когда в декабре 1996 года было впервые оглашено намерение приступить к созданию Союза Православных граждан, когда он еще не существовал, но целесообразность его создания обсуждалась, радиостанция «Голос Америки» посвятила часовую передачу критике Союза как политической партии, созданной, с их точки зрения, на принципах национальном и социальном. Заметим, что ранее упомянутые мусульманские движения и даже мусульманские политические партии не вызывали столь жесткой критики со стороны радиостанции «Голос Америки».

России как государства пока еще не существует, но, невзирая на это, ее очень многие побаиваются, боятся ее исторического имени. Точно так же, когда еще не было православного общественного движения, его уже побаивались. Полагаю, достаточно аргументов и примеров для того, чтобы говорить с позиции большинства. Благородной терпимости, миролюбивой силы – достаточно для того, чтобы говорить мускулисто.

Впрочем, для тех, кому недостаточно рациональных аргументов, существует целый ряд богослужебных текстов: все они составляют часть Священного Предания Православной Церкви, следовательно, часть нашего вероучения.

Прокимен Великий на Пасху утверждает: «Кто Бог велий яко Бог наш».

В Великом Повечерии на Рождество декларируется: «С нами Бог. Разумейте языцы и покоряйтесь, яко с нами Бог».

Каждый христианин вступает в Церковь через Таинство Крещения и слышит следующий прокимен: «Господь – защититель живота моего, от кого утрашуся?»

И в самом деле: если всемогущий Бог – защитник не только души, но и земной жизни, неужели мы утрашимся от безбожников, язычников, от «прогрессивного человечества»?

Достичь полумиллиарда

5–7 марта в Сарове, бывшем ядерном центре Арзамас-16, прошел семинар на тему «Власть, церковь и общество». Впервые подобное собрание было инициировано не общественностью, не центром и не церковной иерархией, но представителями местной власти – руководством Приволжского федерального округа.

Свою программу на семинаре представил ведущий научный сотрудник Национального института развития РАН Владимир Махнач.

Теперь уже не по указке сверху власть ищет контакта с другими двумя ветвями нашего, так сказать, существования, нашего социального бытия. Удивительно? Пожалуй. Семинар оказался хорошо подобранным, прошел в обстановке взаимного внимания и понимания, в атмосфере, можно сказать, искренности. На него прибыла высшая окружная администрация во главе с Сергеем Кириенко, а первый заместитель полномочного представителя в округе Сергей Обозов так и вообще интенсивно проработал все три семинарских дня. Видимо, проблемы взаимодействия власти с Церковью и обществом действительно важны для руководства региона. Именно проблемы.

Начну с того, что православное (хотя бы по принадлежности к культуре) большинство нынешней РФ явно критически относится к проводимой властью социальной политике. Хотя все социологические опросы свидетельствуют, что оно отнюдь не желает возврата к социалистической уравниловке, россиян волнует социальная незащищенность целого ряда слоев общества. А более всего беспокоит проблема того, что трудоспособный человек, призванный прокормить себя и свою семью, сегодня во многих случаях сделать этого не может. Те, кто, по идее, должны были бы составлять относительно благополучный в имущественном плане слой общества, таковыми никак не являются. Людей не устраивает единый для инженера и для олигарха 13-процентный налог, а также

стремящийся стать рекордным на планете разрыв между минимальными и максимальными доходами. Все это приводит к неприятию власти значительной частью общества, причем тотальному неприятию. Слишком серьезное большинство имеет реальные основания недоброжелательно относиться к власти. И то не может не тревожить эту самую власть.

Можно ли восстановить утраченное доверие? Можно, хотя и весьма сложно. Кое-что надо осознать обществу, но более всего надо измениться власти.

Взять хотя бы вопрос о местном самоуправлении. Несмотря на последствия советского периода, все большее число россиян не желает далее наблюдать за всеобщей бюрократизацией жизни нашего государства. Местное самоуправление есть дело общества. И когда власть, и федеральная, и региональная, мешает его развитию, это не может не вызывать соответствующей реакции.

У Церкви, ее руководства также масса недопониманий с властью. Общеизвестно, что Церковь за минувшие десятилетия была варварски ограблена, и если сейчас ее не продолжают грабить, то возвращать наворованное тоже не спешат. Храмы за редчайшим исключением восстанавливаются на средства церковного народа, имущество Церкви (здания, бывшие церковные учебные заведения, богадельни и пр.) по-прежнему заняты государственными учреждениями, запасники музеев набиты иконами, которых никто не видит, предметами богослужения, церковными облачениями. Не возвращены Церкви также земельные угодья. Покойный Нижегородский митрополит Николай однажды заметил, что государство задолжало Церкви по крайней мере на два миллиарда рублей того, что оно могло бы вернуть. Но, увы.

Есть у руководства РПЦ и свои, так сказать, внутренние проблемы. Оно занимает, безусловно, исторически выверенную позицию добрых отношений с государственной властью. Однако когда государство ведет себя антиправославно и антиобщественно (а такое случается), ориентация церковной иерархии на безусловную поддержку государства приводит к охлаждению отношений между церковным народом и

иерархами. Должно признать, что на фоне событий последних лет решительная поддержка руководства РПЦ высшей власти страны во многом означает «вбивание клина» между Церковью и обществом. А этого Церковь не может позволить себе никакой ценой: безопасней испортить отношения с государственной властью, это проверено всеми минувшими веками.

Стоит заметить, что разговор идет о тех, кто персонифицирует власть, Церковь и общество. Власть олицетворяют носители ее высших ветвей, Церковь – ее епископат, хотя она представляет собой совокупность всех христиан, общество – его наиболее известные деятели. Три поля – власти, Церкви и общества – значительно пересекаются, частично перекрывая друг друга: ведь и носитель власти бывает православным, притом осознавая себя членом общества.

На семинаре Сергеем Кириенко и Сергеем Обозовым, прежде всего, был поставлен один серьезный вопрос: Ладно, признается, что поля деятельности власти, Церкви и общества пересекаются. А вот в какой степени пересекаются их интересы? Если нет общей идеологии, то есть ли хотя бы общая идея?

И семинар эту общую идею предложил.

Итак, общая идея, выраженная хотя бы как общность совокупных интересов власти, Церкви и общества, существует. Прежде всего, это идея населения.

России всегда не хватало населения. А как только мы перевалили за Урал, проблема обострилась до предела. Земельные резервы оказались попросту немереными, никто не препятствовал продвижению русских аж до Тихого океана. Населения в России не хватало ни в XVII, ни в XVIII веках. Недаром величайший русский ученый Михаил Васильевич Ломоносов вынужден был написать работу «О сбережении народа». В XIX веке населения продолжало не хватать, а в конце столетия выяснилось, что его чудовищно не хватает. По нормам элементарной геополитики мы как двухбереговая держава, имея основой с одной стороны Балтийское и Черное моря, должны были бы с другой стороны опереться на Тихий океан. Северная, как и мы, страна Канада – внутри пуста, народ

ее численностью в 30 миллионов живет по берегам Тихого и Атлантического океанов. Канада – в общем, придаток США, потому у нее нету проблем. А у нас... Что будет между Дальним Востоком и Европейской Россией по большому счету неважно, но если мы не имеем Дальнего Востока, соразмерного с Европейской Россией, то мы рискуем потерять этот Дальний Восток. Не случайно российские власти так настойчиво занимались переселенческой политикой, предлагая крестьянам земли в Южной Сибири и на Дальнем Востоке практически задаром.

Сегодня мы живем в ситуации демографического кризиса – население сокращается, а значит, испытываем серьезное демографическое давление, преимущественно со стороны мусульман и китайцев. Мусульмане, впрочем, грозят нам только демографическим давлением (нужно только четко следить за притоком незаконных мигрантов-мусульман), а вот китайцы – народ молодой. Достигнув критической массы, китайцы опасны и в геостратегическом отношении. На Дальнем Востоке и в Восточной Сибири в настоящее время их живет уже от 1 до 2 миллионов. Китайцам действительно тесно, еще немного, и они могут перейти к насильственному освоению новых территорий. В России земля, как известно, «плохо лежит», потому выводы вполне очевидны.

Чья это проблема?

Во-первых, общества, ибо это проблема людей, которых выдают с родной земли, богатой и милой сердцу, с земли, которая может обеспечить россиянам очень высокий жизненный уровень.

Во-вторых, это проблема Церкви, это ведь земли православные. Ситуация грозит потерей канонических территорий РПЦ и значительного числа православной паствы. А земли, просвещенные светом Евангелия, должны оставаться им просвещенными.

Ну, и в-третьих, какое государство захочет потерять свои территории? Лишившись хотя бы части территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока, наше государство лишится самого перспективного дохода – дохода от развития Транссибирского

пути, самого дешевого направления транзитной торговли, способного принести России колоссальные прибыли, обеспечивая тем самым существенный рост жизненного уровня населения. Дело за малым – нужно лишь построить терминалы, дороги вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Это, заверяю, даст нам больше, чем дает нефть.

Совпадают тут интересы государства, Церкви и общества? Безусловно. Значит, надо назвать это направление приоритетным, и во всю силу трудиться на нем.

Первое положение. Нам, русским, непременно надо понять, что нас сегодня должно было бы быть не менее полумиллиарда. В начале XX века замечательный русский ученый Дмитрий Менделеев, учитывая прирост населения России, предполагал, что к рубежу XX-XXI веков население Российской империи будет составлять 500–560 миллионов жителей. Одновременно и независимо от Менделеева французские социологи пришли к выводу, что население России в начале 1960-х годов должно было достичь 350 млн. человек. Если продолжить экстраполяцию до наших дней, то нетрудно получить ту же цифру, которую вывел Менделеев. Современный историк Сергей Марочкин корректирует выводы Менделеева и французов, указывая на то, что в обоих случаях не учитывался фактор резкого падения младенческой смертности. Марочкин утверждает, что при несомненно сокращающемся приросте все равно население России должно было бы составить 600 миллионов, из которых 500 млн. были бы русскими.

Но так не случилось в силу революционных потрясений, всех трагических коллизий XX века, всех античеловеческих и антирусских деяний людей, захвативших власть над Россией, начиная с 1917 года.

Но можно ли все же достичь этого самого полумиллиарда? Думаю, да. Все – власть, Церковь и общество – должны озаботиться этой задачей, выяснить для начала, что именно вопиюще мешает русским (россиянам) увеличивать свою численность.

Мешает многое. Например, как не признать чудовищной ошибкой, а то и преступлением принятое I Съездом народных

депутатов решение об отмене налога за бездетность! Я бы также предложил следующий тезис: национальным или хотя бы патриотичным, а также религиозным общественным деятелем может считаться только тот, кто признает необходимость достижения российского полумиллиарда. Напротив, приветствующий в любом виде сокращение прироста нации обязан именоваться антирусским шовинистом, к которому может быть (при определенном размахе его деятельности) применен и новый Закон об экстремизме. Необходимо разработать поощрительные налоговые законы, без которых усилия Церкви в противодействии абортам и проповеди ценностей многодетной семьи, как и усилия общества на том же направлении будут малоэффективными. Опыт, который спас, например, Францию от катастрофического падения народонаселения, известен со времен Шарля де Голля. Бездетный налог во Франции того времени был очень высоким, с рождением одного ребенка он не отменялся, но сокращался, а при наличии двух детей в семье достигался так называемый нулевой баланс. Начиная с третьего чада, французские семьи уже получали возрастающие пособия. Принцип может быть усовершенствован, однако смысл его универсален и весьма действенен.

Второе положение. Нам нужно, конечно же, не просто полмиллиарда, но полмиллиарда образованных и воспитанных людей. Если вопрос образования – это вопрос совместного дела семьи и школы, а следовательно, общества и государства, то проблема воспитания – это поле для совместной деятельности Церкви и общества, где государство может лишь благожелательно поддерживать процесс (например, предоставив соответствующие государственные теле- и радиоресурсы представителям традиционных религий и просвещенной общественности).

Третье положение вытекает из двух предыдущих. Нам необходимо полмиллиарда собственников. О том, что настоящим членом общества может быть только собственник, знали уже древние. Причем это не обязательно богатый человек, но гражданин среднего и даже небольшого достатка, обладающий каким-либо своим делом – предприятием,

мастерской, пакетом акций или как минимум собственным жилищем. Разрушение прироста населения приобрело катастрофический характер в СССР, начиная с рубежа 1950-х годов – времени начала строительства «хрущевок», когда был категорически нарушен принцип семейного жилища, когда люди были загнаны в малогабаритные квартиры. Программа «Русское жилище» или «Семейный дом» должна стать в России совместной общественно-государственной программой при благословении и поддержке Церкви.

Из первых трех положений следует и четвертое. Нам нужно полмиллиарда граждан (иначе мы получим просто полумиллиардную толпу, которая никак не помешает демографическому давлению соседей). Настоящий гражданин есть непременно собственник, он также почти всегда принадлежит традиционной религии (хотя бы по признаку культуры). Чтобы не быть толпой, любое общество всегда структурировано, то есть состоит из корпораций. Обществу необходимо трудиться над созданием корпораций, а государству и Церкви их поддерживать. Пока же корпоративность у нас, к сожалению, очень низка. Среди наиболее естественных типов корпораций следует различать два – муниципальный тип и религиозное сообщество. Муниципальная корпорация – это, собственно, то же самоуправление. Если гражданин не хочет становиться политиком, он обязан принимать участие в работе органов самоуправления. Настоящий религиозный гражданин также не может мыслить себя вне жизни церковного прихода, мусульманской общины и пр.

И, наконец, пятое, последнее положение. Россию в идеале должны населять полмиллиарда патриотов. Это может быть достигнуто по исполнению предыдущих четырех положений. И в этом положении более всего, пожалуй, заинтересована власть. Патриоты – это люди, не шарахающиеся от того или иного вида воинской службы. При полумиллиарде, кстати, нет необходимости устраивать такой воинский призыв, который шокирует общество ныне. В принципе, нормальным было бы такое правило: ты не хочешь служить – ну и пожалуйста! Но только притом ты должен знать, что отказавшийся от службы

своей стране отказывается и от своих гражданских прав. Повторю, что патриотов не вырастишь, не выполнив четырех вышеназванных принципов, однако это не значит, что сначала, к примеру, надо нарастить население, а потом уже браться за его воспитание, в том числе и патриотическое. Всем этим надо заниматься одновременно.

Сколько же нужно времени для выполнения подобной программы? Не надо строить иллюзий – при расчете на четырехдетную семью следует вырастить четыре поколения граждан. Это одно столетие.

Долго? Сегодня надо быть реалистами и делателями без радужных планов. Трудно себе представить теперешние русские семьи даже из четырех-пяти человек. Хотя совсем недавно жил и творил мною уже упоминавшийся великий Дмитрий Иванович Менделеев – семнадцатый ребенок в семье. Братья и сестры Дмитрия Ивановича были, наверно, хорошими людьми, однако о них мы знаем не так много. Остановись, рожая чад, супруги Менделеевы чуть раньше – и Периодическая система химических элементов была бы, вероятно, открыта не нашим соотечественником.

Древние молдаване писали по-славянски

Предки русских и молдаван в действительности ближайшие родичи, и разъединить эти народы не позволит хотя бы единая вера.

Современная Молдавия (не путать с Молдовой, находящейся в составе Румынии), она же в недавнем прошлом Бессарабская губерния Российской империи, ограничена морем, Днестром и, с запада, Прутом и Дунаем. Сразу стоит обратить внимание, что так называемое Приднестровье в состав Бессарабии не входило. Хотя – как это всегда бывает в приграничных территориях – молдаване там жили. В далеком прошлом Дунай на протяжении столетий являлся устойчивой границей Римской империи.

Первое, сколько-нибудь представимое население в этих пределах, несомненно, скифы, которых мы знаем с VII-VIII веков до Рождества Христова. Скифское население было потеснено на восток продвижением даков. Последних обычно считают фракийскими племенами, и, следовательно, близкой родней древнейших ругов или руссов, которые, как многие полагают, также были фракийцами, а не славянами, представлявшими другой народ. Впрочем, в Киевской Руси они сосуществовали более чем дружественно, смешивались и даже оставили после себя имя – Русь. То есть, отдаленные предки у нас, современных русских, и у молдаван – ближайшие родичи.

Дакия была завоевана римлянами во II веке нашей эры: это стало единственным выдвижением римлян за пределы Дуная – и то на короткое время и не на всю территорию нынешней Молдавии. А дальше началось нечто совершенно невероятное – великое переселение народов. Следует помнить, что по степям Молдавии, то есть степной части Северного Причерноморья, кто только не ходил, начиная с IV и заканчивая XI веками новой эры. Но кто пришел туда первым, потеснив даков? Это были гунны, впрочем, «проскочившие» в Европу, не задержавшись на территории Молдавии. Зато анты, крайне восточные славяне,

там «притормозили», окончательно потеснив даков назад на Запад, за Дунай.

Нельзя не сказать и о том, что на территории Молдавии кратковременно побывали готы, а также через нее прошло несколько волн кочевников, из которых первыми были авары в конце VI века. Авары в значительной степени подчинили славян и надолго отделили Молдавию от цивилизованного Античного мира, постепенно превращавшегося в средневековый византийский. Аварский каганат был уничтожен Карлом Великим и славянами к началу IX века, однако кочевники проходить через Молдавию не перестали, задерживаясь там достаточно надолго. И печенеги, и венгры, и половцы, – все побывали тут. Впрочем, кочевникам нужны были степи, и в цветущих частях Молдавии продолжало спокойно находиться славянское население.

Что сообщают нам наши летописи? Начальная решительно и конкретно размещает на территории современной Молдавии славянское население – уличей и тиверцев. Как это ни странно, но прямых предков нынешних молдаван там не наблюдается. Прямые предки и носители молдавского языка появляются в Молдавии позже славян – не ранее X, а скорее всего, в XI веке. Называли они себя по-разному, чаще – рамеями или романами. Откуда они взялись? Спустились с гор, как только ослабел натиск кочевников. Будучи горцами, они представляли собой весьма малочисленное население (больше их было в Валахии, на территории собственно нынешней Румынии). У славянского населения они заимствовали культуру, по сути византийскую и им близкую. Будучи потомками романизированных даков с большой примесью римской крови, говорили они на романском бесписьменном языке, и когда появилась необходимость и в письме, в ход более всего пошел язык славянский. Молдаване могли вообще сильно славянизироваться, однако в то время начался общий упадок славян, выразившийся в XIII веке в закате единого славянского народа. Славяне в ту пору повсеместно попадали под чью-нибудь власть: не стало исключением и взаимодействие с молдавскими господарями.

И все же славянизация молдаван была сильна, – древнейшие молдавские летописи написаны на славянском языке. Молдавская письменность появилась лишь в XVI веке, но и она основывалась на кириллической графике, ибо немногочисленные грамотные молдаване владели только ею. Кириллическая графика просуществовала долго и была заменена на романскую путем государственного насилия.

Помнится, одна дама в конце существования СССР возмущенно требовала вернуть молдаванам «исконно романскую» графику. Она обосновывала это тем, что у молдаван – романский язык. Я привел ей суть вышенаписанного, добавив, что мы, кроме того, не удивляемся славянству поляков при латинской графике их языка. «Но поляки – католики!» – последовал «убийственный» довод. Дама, увы, совсем запамятовала, что молдаване-то – православные...

Несколько слов о том, как молдаване разделились с румынами, по отношению к которым несомненно являются субэтносом, имея при том с ними довольно значимые различия в языке и культуре. Потомков даков отодвинули на запад кочевники и славяне: причем на территории Молдавии, в отличие от Румынии, их загнали в горы. Потом, после того, как кочевники ушли, молдаване с гор спустились и в силу своего числа ассимилировали славян, приобретя при том многое из их культуры. Думается, ни один самый пламенный молдавский шовинист не осмелится утверждать, что фамилия первого президента Молдавии Снегура – молдавского происхождения. Снегур – от «снегурочки», фамилия – абсолютно славянская.

С XVI века на Балканах, как известно, началось мощное давление турок. Легче всего его переносили правители и жители Молдавии и Малахии. Они вообще не оказывали никакого сопротивления: просто с готовностью приняли вассалитет османцев. Отчасти за это они были вознаграждены – сохранили свою пусть и эфемерную государственность, свою культуру. Турки не стремились туркизировать Молдавию и Малахию столь сильно, как они это делали, допустим, с Болгарией и Грецией. Молдавский господарь Димитрий Кантемир в начале XVIII века

описывал Молдавию как вполне самостоятельное государство: господарь – наивысшая власть в стране, хотя над ним и есть султан, время от времени «в силу прихотей» отменяющий те или иные господарские приказы. В этих случаях надо было засвидетельствовать Константинополю свою покорность – султан отблагодарит за это сторицей. Даже смещение господаря не беда: очередной виток османской политики наверняка вернет его на свое место. Все это привело к совершенно особому положению Молдавии и Валахии в истории развития Балкан. Сербь, болгарь и греки боролись за свою независимость с оружием в руках, а получили ее позже молдаван и румын. Такой вот исторический парадокс.

Стоит заметить, что молдаване и румыны в период Средневековья и в начале Нового времени всегда сознавали себя частью православного мира. Они сохраняли византийскую культуру, чему способствовало то, что высшая аристократия в Молдавии и Румынии была исключительно греческой. Последняя имела хорошо налаженные контакты с Русью, значительную группу молдавского монашества на святой горе Афон.

На содействие малахов и молдаван очень надеялся при проведении своей южной политики Петр I. Однако всерьез для этого он ничего так и не сделал. В результате чего произошла трагедия – Петр потерпел поражение в Прутском походе в 1711 году против османов. Валашский господарь Бранкован Петра обманул, не выступив на его стороне: впрочем, как свидетельствует дальнейшая история, тут он поступил совершенно разумно, спася свое княжество (Кантемир сделал наоборот, за что и поплатился – вынужден был после поражения бежать из родных пределов).

Ситуация в Валахии и Молдавии до середины XVIII столетия как бы застыла. По результатам двух русско-турецких войн Россия сначала встала на Днестре, а затем по Дунаю. Между Днестром и Дунаем была основана Бессарабская губерния: можно сказать, вернулось на круги своя положение, существовавшее в регионе в Поздней Древности, Раннем Средневековье.

В 1870 году, получив международное признание, княжество Валахское переименовывает себя в королевство Румыния (Романия). Это вызвало усмешки в мире, ибо назвать себя Романией значило назвать себя Римом. Бисмарк позволил себе по этому поводу предельно едкую шутку, сказав, что он всегда считал: «румын – это профессия». С этого времени Румыния начинает стремительную вестернизацию. Страна принимает западный календарь, латинскую графику (что вызвало значительное сопротивление духовенства и простого народа). Русское правительство отнеслось к этим шагам неодобрительно, однако никакого противодействия не оказало.

Все это способствовало тому, что разрыв между двумя бывшими дакскими землями начал резко возрастать. Румыны за Дунаем рвались быть похожими на французов, учась во Франции; молдаване за Днестром оставались православными со своей собственной культурой, обучаясь в духовных академиях Москвы и Казани. Православное единство Балкан уходило в Лету, чему, увы, во многом способствовала непоследовательная и не достаточно решительная политика России на этих территориях...

А потом наступил и XX век.

В I мировой войне Россия оказывается союзницей Румынии, хотя та и довольно поздно, в 1916 году, вступает в боевые действия. Румыны начали воевать крайне неудачно: они терпят сокрушительное поражение от австро-венгров, и России приходится ввести в незанятую немцами и австрийцами часть Румынии войска, образовав Румынский фронт под командованием генерала Сахарова.

Сбылись прогнозы, вещавшие, что для России более всего был бы выгоден нейтралитет Румынии – выступи она на стороне Германии, с ней нужно сражаться, на стороне России – за нее. Одни и те же русские вооруженные силы пришлось задействовать, одни и те же проблемы и трудности заполучить. А когда началась русская революция, Румыния отплатила России за все это самой черной неблагодарностью.

Румыния предприняла все меры для того, чтобы интернировать все войска Румынского фронта и не дать им

присоединиться к Белому движению. Знаменитому отряду генерала Дроздовского пришлось покрывать себя славой, вырываясь из Румынии. Румыны неохотно принимали у себя эмигрантов, категорически не предоставляли им мест на государственной службе (в Болгарии и Югославии для сравнения была противоположная ситуация). Почему?

Ответ прост: румынские власти рассчитывали на приобретение Бессарабии – и они ее под одобрительные кивки европейских держав получили, прихватив даже кусок за Днестром, откуда, собственно, и появляется в истории «проблема Приднестровья». Во все времена русского населения там было больше, чем молдавского. В Бессарабскую губернию эта земля, повторимся, НЕ ВХОДИЛА.

Во II мировой войне Румыния стала просто-напросто союзницей Германии, активно действующей против Советской России. Болгары тоже выступили на стороне немцев, однако, будучи антикоммунистами, «в русских не стреляли». Румыны же выставили на Восточный фронт ряд армий и воевали с нами, как говорится, с удовольствием. Понятно, что на это повлиял и тот факт, что перед самой войной Бессарабия вновь от Румынии отошла к России.

Как вели себя молдаване? Они и в составе Румынии нормально сосуществовали с русскими, а после присоединения к СССР и вовсе «отодвинулись» от румын. Они без проблем призывались в Красную Армию, более того – на территории Молдавии самостийно возникло партизанское движение, что являлось знаковым показателем народных настроений. Молдаване не хотели быть «советскими», однако желание жить в православном мире превозмогало все остальное.

Что сегодня? Оголтелые попытки присоединить Молдавию к Румынии, хочется верить, закончились, напрочь себя изжив. Однако проблем в русско-молдавских отношениях по-прежнему масса. Скажем, русский язык благодаря успешной провокации, проведенной молдавскими шовинистами, так и не получил статуса государственного. Еще ранее молдавский язык начали интенсивно сближать с румынским, введя латинскую графику. Молдаван по-прежнему яро пытаются «оттащить» от России,

несмотря на все исторические сближающие два народа «магниты».

Что касается проблемы Приднестровья, то в свете всего вышесказанного она является спорной. Многие русские политики искренне и обоснованно выступают за сохранение Приднестровья в составе России. Но ведь вся Молдавия – часть Государства Российского! Отсюда не меньше логики в том, чтобы и эти земли вернулись в русское лоно. Понятно, что в Приднестровье больше русских, но это лишь «более очевидное звено одного вполне ясного вопроса».

Впрочем, все в таких случаях, я уверен, должно решать народное волеизъявление. Пока же приднестровцы, в отличие, к примеру, от абхазов, в Россию не попросились...

Уровень жизни людей решает сегодня многое, если не все. Поэтому нужно сделать упор на развитие как можно более близких отношений с Приднестровьем и добиться там хороших показателей в экономике, социальной сфере, культуре... Тогда и молдаване, задумаются с кем и как лучше им жить.

Духовность. Вне Церкви?

Возможно, это кому-то покажется странным, но одна из существеннейших проблем нашей жизни – это проблема отделения Церкви от государства. Одолеть ее успешно – значило бы решить многие наши больные вопросы.

Начать стоит с определения самого термина «светское государство». Он конституирован, то есть, введен в Конституцию – учреждение и Основной Закон Российской Федерации. Сам принцип «отделения Церкви от государства» зафиксирован и Конституцией РФ и Законом РФ «О религиозных объединениях». Но вот понимание термина и принципа у многих российских политиков и журналистов весьма странное...

Ну, действительно, что это вообще такое – отделение Церкви от государства? Отделение от государственной власти церковной иерархии? Такая постановка вопроса, в общем, было бы понятна. Однако Церковь – это не церковная иерархия, Церковь – это совокупность одинаково исповедующих веру христиан, в данной стране или в данном государстве проживающих. Как могут, скажем, меня, православного христианина, отделить от государства, если я как гражданин хожу на выборы, имею право быть избранным, вести ту или иную пропаганду и агитацию... Располагая последним «пакетом прав», я ведь не перестаю быть членом Церкви! Так кто же и от чего меня в таком случае способен «отделить»?!

Да, Церковь сама предприняла ряд шагов в развитие вышеназванного принципа. Решением Архиерейского собора уже в течение нескольких лет священнослужителям запрещено принимать участие в партийной деятельности. Но опять же партийная деятельность – это отнюдь еще не вся политическая деятельность. Быть членом партии или ту или иную партию поддерживать заказано и рядовому иерею, и дьякону, и Патриарху (запретив другим, запретил себе). Однако иметь политические взгляды, высказывать свои оценки по поводу того, что происходит в стране может как Патриарх, так и юный псаломщик. Кроме того, повторим: это все касается лишь

священнослужителей. Миряне же, будучи активными членами Церкви, становятся и политиками, и судьями... Где ж тут принцип отделения Церкви от государства? Что же он таки означает?

Я убежден, что сам по себе данный принцип не плох и не хорош. Все дело в том, исчерпывающе ли мы его воспринимаем.

Вообще-то Церковь с давних времен предпочитала христианское государство. Напомним, что Рим был (а точнее, бывал) гонителем христиан по причине того, что сам являлся вселенским, универсальным организмом – как Империя. Церковь также была универсальной и вселенской – следовательно, происходило столкновение двух универсалий. Примирить это было идейно невозможно: отсюда вовсе не худшие, а напротив, даже лучшие римские правители, исполняя свой государственный долг, оказывались в роли гонителей христиан. Проблема разрешилась с принятием христианской веры Константином Великим (два прецедента случились до того, когда в маленьком сирийском княжестве Эдесса и Царстве Армянском аристократия и монарх также стали христианами).

В начале V века святой Иоанн Златоуст в комментариях на Послание апостолу Павлу разработал принципы христианской государственности. Довершил дело в VI веке святой император Константинопольский Юстиниан Великий, давший оным исчерпывающий греческий термин – «симфония», то есть созвучие. Согласно таким принципам Церковь поддерживает христианское государство, а христианское государство оберегает Церковь, причем оба субъекта не вмешиваются во внутренние дела друг друга.

Симфония «звучала» на протяжении почти полторы тысячи лет. Имелись «диссонансы» – были злоупотребления стороны Церкви, больше, впрочем, это случалось по вине государства. И все же можно с уверенностью сказать, что принцип работал!

Кому же понадобилось отделяться? Наша Церковь, в принципе, никогда не была против «дружеского, но более отстраненного взаимодействия». Но что она получила на практике?!

Три четверти века существования советской власти нас убеждали в том, что Церковь отделена от государства и последнее не вмешивается в его дела. Какие ложь и цинизм! Советское государство никак не желало «отделяться» от Русской Православной Церкви! Да, Церковь не имела никакого влияния на государственные дела, зато уж государство свой длинный коммунистический нос совало решительно в любые церковные начинания. Действовало при этом хамски – прямо-таки в библейском смысле этого слова, стремясь «поиздеваться над наготой родителя своего» (впрочем, какая Церковь коммунистам мать!).

За примерами далеко ходить не надо. Скажем, советское законодательство ЗАПРЕЩАЛО переводить средства из одного прихода в другой. То есть, даже если какой-то приход в буквальном смысле погибал, а ему пусть и небогатые другие могли помочь сохраниться, сделать это последним категорически возбранялось. Епископа за попытку того могли просто-напросто посадить. Что тут сказать: «отделение по-советски» – только и всего.

Или вот с 1929 по 1989 годы действовал Указ, запрещающий священнослужителям «организацию чудес». За это могли посадить, и пытались сделать это даже в не столь давних восьмидесятых во владимирских Киржачах (тюремный срок грозил протоиерею Алексию).

Приводить подобные примеры издевательства над принципом отделения Церкви от государства в Советской России – бумаги не хватит.

Можно, конечно, проводить «отделение» и по-другому. Скажем, по-американски.

Американская нация – нация мигрантов, осваивавшая новую землю религиозными общинами. Именно поэтому сегодня в США есть квакерский штат Виржиния, кальвинистский штат Нью-Джерси, мормонский штат Юта, по преимуществу католическая Луизиана... В новом государстве надо было как-то уживаться всем – так возник принцип полного равноправия всех религиозных общин. Иначе, впрочем, и быть не могло – в прошлом веке таковых имелось многие десятки и нормально

сосуществовать, взаимодействовать, начиная «играть с нуля», способны были только абсолютно равные. Другое дело, что последствия этого есть и совершенно плачевные: в США, допустим, возможно совершенно легально зарегистрировать общину сатанистов, и до тех пор, пока они кого-нибудь не принесут в жертву (и это не будет безупречно доказано в суде!) к ним, как говорится, ноль претензий. Старушка-Европа, разумеется, себе такого бы и в мыслях не позволила!

Кстати, о Европе. Она шла от религиозной несвободы, от господствующей государственной Церкви, от принципа религиозного единообразия к постепенному смягчению таковых.

Взять Великобританию. Там можно было быть кем угодно, но кончилась английская революция – и вот уже римский католик не имел права далее чем на десять миль удаляться от своего дома или ближе чем на пятнадцать миль приближаться к Лондону – без на то разрешения, а обращаться в суд мог лишь через посредство англиканина. Эти ограничения были отменены только в 1830 году, тогда же, кстати, когда, наконец, с английских площадей убрали позорные колодки, куда на посмеище заковывались мелкие жулики, мошенники и прочие правонарушители. Это говорит о том, что англичане «доросли» до существующей сегодня степени религиозной свободы, в общем-то, совсем недавно, и если мы обратимся к нашим родным пенатам, то придется спросить: «А нам такое не рановато ли? Ведь мы этнически лет этак на четыреста помоложе!»

Может быть, шокирую читателя, но скажу, что нам-то как раз впору ставить подобные колодки на площадях. И уж тем более с религиозными свободами да плюрализмом не стоит шибко-то баловать...

Впрочем, англичане и сегодня свою англиканскую конфессию достаточно зорко оберегают. Скажем, каждый англичанин имеет право изменить свое вероисповедование. Однако Ее Величество королева этого сделать не может. В ту же секунду, когда она решит стать, допустим, католичкой или православной, она автоматически лишится трона. Она может и

должна быть только англиканкой! Есть традиция, ее можно постепенно смягчать, но – до определенных пределов.

Практически во всех европейских странах существует понятие либо государственной религии (таких может быть больше, чем одна), либо понятие религии или конфессии с полным публичным правовым статусом, либо понятие покровительствуемой религии. И уж везде непременно присутствует понятие исторической религии – это просто разумно-достаточный минимум.

Как реализуется все это в государственной и общественной жизни?

Например, в Финляндии (между прочим, бывшей части Российской Империи – сюда поучительно бросить взгляд, так как это наша бывшая земля, не претерпевшая однако революционных безобразий) все по-простому. Там существует понятие первой государственной религии (лютеранство) и второй – это православие. Первая имеет ряд преимуществ над второй, все же остальные государственными не являются.

Что – «в конкретике»?

Вы можете быть методистом, римо-католиком, иудеем, даже мусульманином – существование вашей общины будет разрешено. Но... При этом вам не удастся получить полного освобождения от налогов (как арендатор, к примеру, вы будете в отличие от лютеранина или православного платить за государственную землю), бесплатного времени на государственном радио и телевидении (лютеранам и православным это положено, они и просить не должны) и т.д. и т.п.

В Германии по достижении совершеннолетия вы должны заполнить анкету налогоплательщика. В ней есть вопрос о вашем вероисповедовании. И если вы напишете, что вы римский католик, то государство в силу конкордата, то есть соглашения с Римской Церковью, будет брать с вас налог в пользу католической епархии. Напишите, что лютеранин – будете платить лютеранской. Почему не написать, что я, дескать, безбожник? Немцы не делают этого за редким исключением. Почему? Во-первых, это абсолютно неприлично

(вы можете не ходить в Церковь, но такое сказать про себя нельзя!). А во-вторых, вам уж точно навсегда будет закрыта государственная служба. Учителем в школу вас не возьмут, полицейским – тоже. Причем, даже вряд ли будут открыто обвинять в атеизме, просто деликатно заметят, что вы для этих должностей не подходите. И никак проскочить мимо этого нельзя.

Интересно, что самая безбожная европейская страна, Франция, первой дала определение, что такое религиозная секта – объемное четкое с целой серией параграфов определение. Чего, увы, нет у нас и в помине. В результате чего сектанты «с пол-оборота» подают в суд на тех, кто совершенно справедливо их сектантами именует. Все, чего пока добились духовно здоровые люди, это вообще пользоваться терминами «секта» и «сектанты». И то – хорошо. Но определения «секта» в административном и уголовном праве, к сожалению, у нас как не было, так и нет. Одуматься бы нам, как французам – нас ведь сектанты не меньше их «достали»!

В той же Германии запрещена регистрация религиозной общины, где объектом поклонения является ныне здравствующий персонаж. Поэтому, например, секта американского миллиардера корейца Муна там легально действовать не может, а вот у нас способна иметь место быть на любом углу.

В давно светской Греции также есть ограничения на публичное миссионерство. Если какой-нибудь мормон встанет на перекрестке и начнет проповедовать, то заметивший его священник или дьякон не будет писать никому жалобу. Они просто зайдут в полицейский участок и скажут об этом. И полицейский тут же направится в нужное место и, взяв мормона за шиворот, популярно объяснит ему, что, в Греции – свобода, и потому он может, к примеру, арендовать гимнастический зал. После чего повесить объявление, где будет четко указано, что он – проповедник-мормон и никто другой, никакой иной преподаватель Библии. Тогда – можно проповедовать. Но только так: в строго отведенном месте, с полной ясностью, что за слово вы обращаете к людям.

Можно сказать, что взгляд на религию, отношение к ней, реализация духовных потребностей для европейских стран сегодня стали общими. Произошло это из-за того, что всякая из них поняла, насколько важно оберегать свою национальную культуру, свою национальную самобытность. Безрелигиозных культур не бывает. Своими корнями любая культура всегда уходит в религию, а лиши корней что-либо – чего хорошего от него возможно ожидать?

То же – с нравственностью. Отчасти она – часть культуры, но по сути конфессиональна. Любое нормальное здоровое государство призвано заботиться о нравственности своих граждан, и значит, оно не может не оберегать их главные конфессии.

Европа ведет себя разумно и естественно. А вот Россия...

К сожалению, Государственная дума только во втором чтении Закона «О религиозных объединениях» ввела понятие исторической религии, да и то прописано это не четко и трактуется расширительно. Журналисты – те в большинстве своем вообще трактуют его более чем странно. Они, например, почему-то полагают, что историческими религиями у нас, кроме православия, являются ислам и иудаизм. Но у нас иудеев едва триста тысяч – тех же желтошапошных буддистов-ламаистов и то больше (к последним относятся три народа: тувинцы, частично буряты и калмыки). Старообрядцев, хотя они и реликт, также больше, чем иудеев.

Помнится, римский папа прислал президенту Ельцину протест по поводу введения у нас понятия «историческая религия». Понтифик беспокоился, что в результате принятия нового закона о религиозных конфессиях римское католичество может стать на территории России иностранной религией. К сожалению, главе римо-католиков до сих пор никто не задал вопрос: а что, собственно, для него Россия? Если это – СССР (что сомнительно), то тогда римское католичество действительно является здесь исторической религией. Но если Россия – это нынешняя куца РФ, то есть без территорий Украины, Белоруссии и Литвы, то римское католичество – безусловно, иностранная религия. Кстати, в таком же

положении – без Украины, Белоруссии и Литвы – находится и иудаизм.

Краткий вывод. Принцип светского государства, как и норма отделения Церкви от государства, означает только одно: вы имеете права поменять вероисповедание – за это вас не подвергнут ни уголовному или административному преследованиям, ни имущественным преследованиям. Больше это не означает ничего.

Быть «вообще» вне Церкви государство и тем более его граждане быть не могут. Даже в Америке президент – непременно христианин-протестант, причем традиционный (Картер как радикальный – исключение). Вступая в должность, он клянется на Библии.

Так что не стоит оболванивать народ разговорами о том, что в мире, дескать, «все религии важны, все религии равны»...

Ещё раз о сбережении народа

Журнал «Золотой Лев» № 123–124 – издание русской консервативной мысли

Демографическую проблему необходимо решать и с помощью церковной проповеди. Я хочу, преклонив колена, обратиться к нашим священникам: Батюшки! Перестаньте народ стращать грядущей Божьей карой за сделанные аборты. Главное не пугать, а рассказывать прихожанам о преимуществах многодетной православной семьи. Ведь в конечном итоге, побеждает вовсе не страх перед наказанием, а радость полноценной жизни!

К концу 19 века Россия уже занимала второе место в Европе по росту населения. Первое место принадлежало католической Ирландии. Ирландцы размножались быстрее всех, а население Ирландии быстро сокращалось, потому что от притеснений англичан ирландцы бежали в Штаты. По расчёту французских социологов, сделанных в 1912 г., через полвека, т.е. в 1962 г. население России должно было составить 350 млн. чел.

Примерно в это же время, независимо от французов, великий русский учёный Д.И. Менделеев сделал свою экстраполяцию на конец 20-го века. Согласно выкладкам Менделеева, сейчас нас должно было бы быть 500 млн. чел. Нетрудно догадаться, что расчёты французов и расчёты Менделеева не противоречат друг другу, ведь разница между годами экстраполяции составляет 40 лет. Наш современник, историк и социолог С.Н. Марочкин, исследуя труды Менделеева, подтвердил правильность его расчётов. Однако, Менделеев не мог учесть изобретения антибиотиков, которые резко сократили младенческую смертность. Вводя в исследование Менделеева соответствующую коррекцию, Марочкин утверждает, что сейчас население России должно было бы составлять 600 млн. чел., из которых 500 млн. чел. были бы русскими, включая украинцев и белорусов.

Россию сегодня раздирают внутренние противоречия. Три великие составляющие русской жизни: Русская церковь, Русское общество и Русское государство² никак не могут договориться друг с другом и постоянно друг на друга обижаются.

Государство обижается, что церковь не очень деятельно поддерживает его, а общество с ним не очень активно сотрудничает. Справедливости ради отметим, что наше государство заработало такое к себе отношение своей коммунистической и посткоммунистической политикой. Но, тем не менее, такая проблема существует. Действительно, нормальное государство вправе рассчитывать на несравнимо большую поддержку со стороны своих граждан и социальных институтов. Общество обижается на государство по всем известным причинам, которые в этой статье даже и перечислять не стоит. Иногда общество обижается и на церковь, дескать, священники мало занимаются проблемами мирян. К сожалению, в этом также есть доля правды. Церковь обижается на то, что её ограбили и пока ничего из награбленного не возвращают. Государство не способствует возвращению основной культуро-определяющей силы – православной церкви на своё место.

Перспективная задача восстановления численности русского народа, тех самых 500 млн. чел. русских, которые были убиты, или не были рождены из-за революции, коммунистического режима и нового смутного времени могла бы объединить три великие силы: церковь, общество и государство уже сегодня. Ведь если завтра за Уралом у нас начнут отхватывать территории, то проиграют все. Проиграет государство, потому что без Дальнего Востока и Тихого океана Россия уже никогда не станет великой державой. А что произойдёт с нашей системой противовоздушной обороны? А сколько мы потеряем стационарного военного имущества, которое там всё ещё имеется? Мы позволили латышам уничтожить одну из наших мощнейших радиолокационных станций дальнего обнаружения, а если мы лишимся Сибири, то наше воздушное пространство станет вообще неохраняемым. Между прочим, США имеют единую систему ПВО с Канадой и

вовсе не потому, что им очень хочется защищать канадцев, а потому что на этом участке суши американцам просто необходимо держать станцию электронного наблюдения. При потере стратегически важных территорий за Уралом наше государство потеряет все нити управления и все механизмы давления в Тихоокеанском регионе. Россия уже не сможет влиять на тамошние процессы, а страны Восточной Азии на наши дела влиять будут.

Что потеряет общество? Во-первых, оно потеряет жизненное пространство с дивными землями и прекрасным климатом. Именно об этом климате и об этих землях мечтают сегодня китайцы и мусульмане. Им не нужна наша зона вечной мерзлоты. Китайцы там не выживут. Они родились в гораздо более мягком климате. Россия потеряет последний шанс стать по-настоящему богатой страной. Русские люди были богатыми и заслужили право быть богатыми. Дело даже не в многочисленных месторождениях нефти и молибдена, которые мы можем потерять. Кроме общеизвестных природных ресурсов в Сибири есть ещё два источника сказочного богатства. Одним из них является транссибирская магистраль. Это самая дешёвая коммуникация, связывающая Европу, Африку и Тихоокеанский регион. Если мы всерьёз развернём Транссиб, то на одних транспортных доходах мы будем получать больше, чем от продажи нефти. Вторым сибирским источником богатства является Байкал. Он содержит в себе 10% мировых запасов пресной воды, которой в мире всё больше и больше не хватает. Вычерпать Байкал невозможно, потому что его питают 350 рек, а водосброс идёт через одну Ангару. К счастью, построенный коммунистами ЦБК так и не смог испортить Байкал. Впрочем, его всё равно следует поскорее закрыть. Рабочих ЦБК из этих мест также желательно выселить. Древнейшее и чистейшее озеро на планете нам следует беречь как зеницу ока. Если Россия всё это потеряет, тогда она навсегда останется нищей. И, наконец, от потери наших территорий проиграет православная церковь, потому что утрата православной земли, которая станет неправославной – это не просто потеря источника дохода церковной иерархии, это преступление, за

которое церковным иерархам, а, может быть, и всем нам придётся отвечать на Страшном суде.

К сожалению, выдвигаемый в этой статье тезис о возможности утраты наших территорий непременно станет реальностью, если Россия помимо всех других необходимых мер, связанных с укреплением своей государственности, не примет срочных мер для изменения демографической ситуации. Прежде всего, стране необходимо полумиллиардное население по описанным выше причинам. К тому же, так оно и должно было быть по расчётам начала века. Для того чтобы исправить все последствия своего революционного прошлого, России нужно полмиллиарда образованных и воспитанных человек. Эта проблема государством вообще не решается. Государство может только поддержать решение этой проблемы, и непременно должно это сделать. Проблема воспитания и образования решается русским обществом в союзе с традиционными религиями. В этом вопросе мусульмане и буддисты будут солидарны с православными. Система образования создаётся совместными усилиями общества и государства, а система воспитания – совместными усилиями церкви и общества. Однако, в этих делах должны участвовать только традиционные религии. Никакая секта не даст нам ни образованных, ни воспитанных людей.

России необходимо полмиллиарда собственников. Следует вспомнить, что от великого Аристотеля до великого Ивана Ильина на протяжении почти 2-х с половиной тысяч лет множество не самых глупых людей писало о том, что общество не заинтересовано в богачах. Общество может их терпеть. Однако, общество заинтересовано в том, что как можно больше его членов стали собственниками. Полноценный человек – это собственник, который должен быть хотя бы владельцем собственного дома и, вполне возможно, владельцем собственного дела.

Как ни странно, главным человекоубецем последнего столетия оказался не Ленин и не Сталин, а Хрущёв, лишивший миллионы русских людей их собственного жилища. Только в 60-е годы 20-го века русские перестали размножаться так, как

размножались раньше. Большинство наших отцов и дедов выросло в крепких многодетных семьях, которые пережили революцию, коллективизацию, тяжелейшую войну – и ту пережили. Не смогли русские люди пережить только печально известных хрущёвских квартир. Огромное количество русских женщин делали аборты не потому, что детей нечем было кормить, а потому, что их просто негде было растить. Без общественно-государственной программы создания достойного семейного жилища население России восстановить невозможно.

России необходимо полмиллиарда граждан. Гражданин – это человек, участвующий в делах политики. Не будучи политиком, гражданин всерьёз интересуется делами избранных им депутатов, градоначальников, советников городской Думы. Гражданин активно участвует в делах своего квартала. Его совсем не устраивает, что босяки разворовывают его оставленный на зиму дачный дом. Гражданин подавляет босяков и будет это делать до тех пор, пока они не прекратят безобразничать. У гражданина есть дети, поэтому его волнует состояние школы, в которой они учатся. Одним словом, гражданин – тот, которого касается абсолютно всё.

И, наконец, России нужно полмиллиарда патриотов. Римляне не разрешали босякам вступать в свои легионы. Кстати, в Древнем Риме босяки назывались пролетариями. Латинское слово пролетарий переводится не как рабочий, а как босяк. Босяков не пускали служить в легионы, потому, что им нечего было защищать. А человеку, у которого есть свои политические интересы, своя семья, свой дом, своё имущество, своя страна от Балтийского моря до Тихого океана – такому человеку есть что защищать! Поэтому нам просто необходимо иметь полмиллиарда патриотов.

Что же сегодня могут сделать общество, государство и церковь? Ну, во-первых, осознать важность и срочность стоящих перед ними задач. В обществе должно обсуждаться: быть или не быть русскому народу, владеть, или не владеть ему Россией, которая, между прочим, подарена русскому народу Богом, и за которую Бог с русского народа спросит – это серьёзная тема для обсуждения.

Демографическую проблему необходимо решать и с помощью церковной проповеди. Я хочу, преклонив колена, обратиться к нашим священникам: Батюшки! Перестаньте народ страшить грядущей Божьей карой за сделанные аборты. Главное, не пугать, а рассказывать прихожанам о преимуществах многодетной православной семьи. Ведь в конечном итоге, побеждает вовсе не страх перед наказанием, а радость полноценной жизни! И здесь мусульмане будут с нами солидарны. Но, общество не сможет решить эти проблемы без участия государства. Оправдаться перед церковью и перед обществом государство может введением поощрительного налогообложения для многодетных семей. Отмена Съездом народных депутатов налога за бездетность была, безусловно, ошибкой. Этот налог работал плохо, он был даже в чём-то нелепым, но, тем не менее, его нельзя было отменять до тех пор, пока не будет разработан новый налог. В этом вопросе России мог бы пригодиться зарубежный опыт.

Во Франции в период правления генерала де Голля был принят налог на бездетность, спасший французов от вырождения. В послевоенной Франции стала стремительно падать рождаемость. Правительством был введён довольно высокий налог за бездетность. В случае рождения первого ребёнка этот налог сокращался примерно вдвое. Рождение второго ребёнка освобождало французов от уплаты налога. А семьям, в которых появлялся третий ребёнок, государство начинало выплачивать очень большие пособия. Де Голль заставил бездетных граждан оплачивать жизнь многодетных. Это было справедливо и очень полезно для Франции.

Сам по себе налог на бездетность Россию не спасёт, но без этого налога усилия церковных проповедников, общественных деятелей и учителей также не достигнут желаемого результата. Сегодня срочно нужно делать всё и сразу. И дай нам Бог это совершить!

<http://www.pravaya.ru/look/13078>

Правая.Ru, 2.08.07

Земский собор 1 сентября 1648 года

Статья 1970 года.

Выбрать такой день семнадцатого столетия, который был бы достойным представителем своего века, одновременно и трудно и легко. Легко, потому что столетие оставило по себе огромное число документов и колоссальное культурное наследие, большее по объему, пожалуй, чем все предыдущие, вместе взятые. А сколько событий! Даже глаза разбегаются: раскол, восстание Степана Разина, открытие первого высшего учебного заведения – Славяно-Греко-Латинской академии. И трудно, потому что век бурный, «бунташный» в самых различных смыслах, но в нем не было событий, изменивших лицо страны так, как разгром Хазарии или Куликовская битва.

При всех «бунтах» семнадцатый век монолитен и даже «нерешителен». Много раз уже писали и говорили о том, что продолжительность исторического века отлична, иногда резко отлична от продолжительности астрономического. Шестнадцатый исторический, например, плавно и величественно вылился на страницы истории еще в пятнадцатом астрономическом, в правление славного воссоздателя Руси Ивана III, а великой трагедией Смуты захватил и кусок астрономического семнадцатого. Совсем не то – семнадцатый исторический.

Смутное время неразрывно связано с наследием шестнадцатого века: его политической мыслью, неудачной Ливонской войной, опричниной, началом оформленного крепостничества. А Петр уже весь в восемнадцатом, хотя формально его правление началось 27 апреля 1682 года. Видимо, нельзя четко разделить семнадцатый век (эти от силы семь десятков лет) на периоды. Рубежом, вообще говоря, может быть революция, крупная реформа, иногда война, иногда даже грань царствований. Историк культуры свободно пользуется термином «елизаветинское время» (1741–1761), которое не менее характерно, чем екатерининское или даже петровское. А царствование Алексея Михайловича не имеет резких отличий ни

от правления его отца Михаила, ни от правления его сына Федора.

1 сентября 1648 года – день начала Собора, принявшего, в конце концов, Уложение – свод законов, замененный другим лишь через два века. Этот день можно выбрать не потому, что он «из ряду вон выходящий», но потому, что он выбрал сразу много тенденций своего времени. То был день выбора пути, неокончательного, конечно, но все же выбора: ускорить или замедлить развитие буржуазных отношений в недрах феодального общества и государства. Участники Собора, разумеется, не знали, что перед ними практически стоял выбор между смягчением крепостничества или окончательным закрепощением, а также между усилением в стране абсолютизма или укреплением сословного представительства. Причем каждый участник Собора вполне мог в одном из двух случаев быть сторонником прогрессивного пути, а в другом – наоборот. Строго говоря, у нас нет прямых сведений, что открытие Собора состоялось именно 1 сентября 1648 года. Более того, мы знаем, что не все земские представители успели к 1 сентября приехать в Москву. Но сомневаться в дате не стоит. Любой Собор был событием немалым в жизни страны, а Уложенный – особенно. Для значительного события в XVII веке должны были подобрать значительный день. Праздник для заседания не годился, а вот 1 сентября подходило как нельзя лучше – это было «новолетие». В этот день начинался 7157 год «от сотворения мира».

Соборные представители неторопливо шествовали в Кремль. По сторонам шествия попарно выстроились московские стрельцы, возможно, только Стремянного, гвардейского полка. Несомненно, то было эффектное зрелище. Кафтан из цветного сукна с длинными, узкими рукавами был для XVII века наиболее распространенной мужской одеждой во всех сословиях, кроме духовенства, от крестьян до бояр. Само собой, отличие даже выходных, опушенных мехом и старательно украшенных кафтанов провинциальных дворян и посадских от придворных кафтанов знати из бархата и парчи было огромным. Горлатные

собольи шапки придворных к тому времени стали высокими; у всех же прочих головные уборы были и пониже и «пожиже».

Многие Соборы начинали свои заседания в Грановитой палате, и скорее всего, так было и в 1648 году.

Земские соборы к 1648 году были привычным явлением политической жизни, они имели уже столетнюю историю. Первый известный российский Собор состоялся еще в 1549 году. Это обычная для всей Европы позднего Средневековья форма сословного представительства, которая в Испании носила название «кортесов», во Франции – «генеральных штатов», в Англии – «парламента». Заседания сословий везде проходили по палатам (куриям), которых в Англии было две, во Франции – три; в испанском Арагоне – четыре.

Западноевропейцам XVI-XVII веков представительство сословий в России не кажется отличным от их собственных. Кстати, они так и переводят русский термин «собор»: англичанин сообщает о созыве в Москве «парламента», а поляк – «сейма». Известный советский историк Л.В. Черепнин приводит даты возникновения сословных учреждений по странам: 1188 год – Леон и Кастилия, 1218 год – Каталония, 1254 – Португалия, 1265 – Англия, 1274 – Арагон.

Более позднее оформление в России сословно-представительной монархии, возможно, связано с ослаблением значения городов в ордынское время. Прежде Русь, как раз наоборот, отличалась развитием городов и городских институтов. В связи с этим важно вспомнить о созыве великим князем Всеволодом Юрьевичем Собора в 1211 году. Таким образом, Собор как орган и форма сословного представительства появился на Руси раньше, чем в большинстве европейских стран, но вскоре ордынское вторжение оборвало эту линию развития.

Представляется вполне закономерным, что возрождение Соборов в середине XVI века совпало с возникновением выборных органов земского самоуправления (губных старост и целовальников) в короткий период правления Избранной рады при Иване IV. Наивысшего авторитета сословное представительство достигает к концу так называемой Смуты, в

1611–13 годах, когда страной вообще управляет Совет всея земли; то есть, первая половина XVII века была периодом наибольшего влияния Земских соборов.

Пожалуй, самым интересным подтверждением влияния сословий остается то, что, несмотря на обычно строгое соблюдение принципов престолонаследия и понятия о «природном царе» в политической теории, каждый государь XVII столетия, вступая на престол, получал подтверждение своей власти от избирательного Земского собора. Л.В. Черепнин указывает, что впервые это произошло еще в 1584 году, в царствование Федора Ивановича.

Можно полагать, что при определенных исторических условиях Земский собор как представительная форма мог бы получить дальнейшее развитие. Об этом свидетельствует проект Ивана Андреевича Бутурлина, предложившего в 1634 году превратить Земский собор в постоянно действующий орган с годичным сроком полномочий участников.

Состав Уложенного собора 1648–49 годов достаточно типичен и представительен. В любом значительном и продолжительном Земском соборе можно выделить четыре курии. Первую из них составляют Боярская дума и некоторые представители высшей администрации (казначей и печатник, то есть хранитель государственной печати). Вторую курию, так называемый Освященный собор, составляют помимо епископов настоятели влиятельных монастырей и протоиереи московских соборов. Если в эти две курии входили государственные и церковные деятели, занимавшие определенное положение, то две другие составлялись из земских выборных представителей московского дворянства и дворянства других городов и, наконец, выборных от московского посада и других посадов.

Можно полагать, что на некоторых Соборах были и выборные черносозного крестьянства, то есть крестьян государственных, а не помещичьих. Определенно они были в составе Совета всея земли 1611–13 годов. А на Уложенном соборе крестьян не было, что, несомненно, отрицательно сказалось на характере крестьянских статей Уложения.

Перечислим «по чинам» участников этого Собора на основании «рукоприкладства», то есть подписей. Уложение подписали патриарх, два митрополита, три архиепископа, епископ, пять архимандритов, игумен, благовещенский протопоп, пятнадцать бояр, десять окольничих, думный дворянин, казначей, печатник, думный дьяк, пять московских дворян, сто сорок восемь провинциальных дворян, три гостя (крупнейших из купцов), двенадцать представителей московского посада, восемьдесят девять выборных других посадов, пятнадцать стрельцов. Таким образом, Освященный собор дал четырнадцать подписей, Дума – двадцать девять, служилое дворянство – сто пятьдесят три, посадские круги – сто девятнадцать (если причислить к ним и стрельцов). Цифры приблизительны, историк А.Н. Зерцалов установил, что около тридцати членов Собора Уложения не подписали.

На Соборе было представлено сто семнадцать городов с уездами. Собор состоял из двух палат. Дума и Освященный собор большую часть времени заседали отдельно, вместе с царем, а депутаты сословий заседали под председательством боярина (обычно руководителя подготовительной комиссии, князя Никиты Ивановича Одоевского) или в особых комиссиях, разбирая отдельные главы Уложения.

Что же думали о себе и своей государственной роли сами представители сословий? Влияние Собора было огромно. Какими были влияние и статус выборных? Выборный человек, безусловно, ощущал себя представителем своего города, земства, видел в себе делегата, что выражалось формулировками типа: «прислан к Москве», «во всего города место», «в выборе ото всего города». Видел он в себе и представителя своего класса, сословия, что не афишировалось в соответствии с социальной этикой того времени, но достаточно ясно прослеживается в групповых проектах и «челобитьях».

Роль выборных представителей в Соборах с течением времени медленно, но неуклонно повышается. Вместе с тем за столетнюю историю Соборов выработался взгляд, что выборные созваны «по государеву указу для государевых и земских дел».

«По государеву указу» оставалось неизменной формулировкой и тогда, когда Земский собор созывался явно по инициативе сословий, как и было в 1646 году. Отсюда и представление об участии в соборной работе как о «службе государю».

Дворянин Савва Аристов из Казани жалуется, например, что не получил положенного «от городов выборным людям жалованья придачи учинить к прежним их окладам по пять рублей человеку за то, что они в нынешнем, в 157 году по выбору... всяких чинов людей, были на Москве для государевых и земских дел в приказе с бояры». Участие в Соборе рассматривалось как повод для материального вознаграждения, для увеличения поместных окладов, для получения государственной помощи в сыске беглых, как основание для служебного продвижения.

Сейчас мы уже вряд ли согласимся с известным русским историком В.О. Ключевским, видевшим в участии в Соборах в XVII веке для провинциальных дворян одну лишь тяжелую, неприятную повинность. Такой оценке мешает множество фактов «предвыборной борьбы» в уездах. Мешает и жалоба курского депутата Гаврилы Малышева, поданная царю 9 марта 1649 года, то есть более чем через месяц после окончания Собора и подписания Уложения. Малышев писал, что боится возвращаться в родной Курск (!), так как он не выполнил всех наказов, данных ему при избрании. Царь дал именной указ курскому воеводе оберегать Малышева, а «озорников унимать с наказанием».

То обстоятельство, что часть делегатов отказалась подписать Уложение, видимо, говорит о весьма серьезном отношении их к своей миссии, о чувстве ответственности перед избирателями.

Значит, деятельность сословных представителей сама по себе считалась в XVII веке особо важным делом, как общественным, так и государственным. Эту точку зрения отстаивало и правительство, дабы продемонстрировать единство царя и сословий.

Появление Уложения обусловлено длительной эволюцией общества и государства, которые все более нуждались в новом

достаточно полном своде законов. Непосредственные же предпосылки его появления были весьма бурными – целая цепь народных выступлений и политических акций. В июне 1648 года в Москве вспыхнуло восстание против боярской и приказной верхушки. Вот выдержки из различных источников, в которых заметно переплетение самых разных форм социального протеста, от подачи жалоб и петиций до открытого бунта: «и стрельцы, и драгуны, и солдаты, и казаки, и с чернью за их боярские великия неправды возмутися во граде Москве», «была смута великая на Москве», «били челом государю всею Москвою посадские и всяких чинов люди...», «на Москве чернь стала в скопе и бояр побили», «в то же лето московский жители и иных градов мужики и чернь сотвориша мятеж и учиниша челобитье на бояр и на судей».

Восстанию предшествовали мирские сходки по утрам и вечерам у приходских церквей. 1 июня все началось с попытки подать царю, возвращавшемуся из Троице-Сергиева монастыря, челобитную с жалобой на злоупотребления администрации. Произошло столкновение между челобитчиками и окружением молодого царя. На следующий день безуспешные попытки вручить царю челобитную привели к тому, что часть стрельцов присоединилась к восстанию, а народ начал громить дворы знати и высшей бюрократии. 2 и 3 июня были разграблены дворы воспитателей царя Б. Морозова, П. Траханиотова, Н. Чистого, Л. Плещеева, В. Гусельникова, гостя Василия Шорина и других.

Правительство пребывало в растерянности, городские низы становились хозяевами положения. Девятнадцатилетний царь пытался спасти приближенных от неминуемой смерти, выслав их из Москвы, однако уже 4 июня Плещеев, глава Земского приказа, был схвачен и убит. Тайно направленный на воеводство в Великий Устюг Траханиотов был возвращен с дороги и 5 июня публично казнен по требованию восставших. Б.И. Морозова «государь у мира упросил», но тот был устранен ото всех постов и 12 июня сослан в Кирилло-Белозерский монастырь. Постоянно повторяются устойчивые формулы: «миром и всею землею возмутились», «миром и всею землею

государю челом ударили», «весь мир вместе с чернью», «всей земле выдать головою» требовали Плещеева, а затем его же «убиша миром». «Мир» есть обычно город, посадская организация, «земля» – население уезда или даже всей страны в целом, но прежде всего земские круги поместного дворянства. Поместное же дворянство было не прочь воспользоваться народным гневом как тараном для пробивания своих требований к правительству. На этом этапе его интересы совпадали с интересами высших и средних слоев посада, недовольных администрацией, но испуганных бунтом.

Правительство, безусловно, стремилось опереться на средние слои населения, отгородиться от восставших Земским собором.

От служилых и торговых кругов в виде челобитных исходят вполне конструктивные требования. Одна из таких челобитных полностью сохранилась в приложении к донесению шведского посланника Поммеренинга. За перечислением жалоб и «плачей» на «великих людей» следует два четких предложения: немедленного созыва Земского собора и реорганизации суда – царь должен или заменить неправедных судей праведными или предложить «мирским людям выбрать в судьи меж собой праведных и рассудительных великих людей, и ему государю будет покой ото всякие мирские доуки, ведати о своем царском венце».

Л.В. Черепнин был абсолютно прав, утверждая, что это, по сути, попытка отстранения царя от верховного суда. Трудно лишь согласиться, что движение дворянства и посада направлено, прежде всего, против феодальной знати. Упоминания бояр и «великих людей» имеют в виду высшую администрацию, а не крупных вотчинников и аристократов. Борьба между боярством и служилым дворянством была бы лишь борьбой в рамках одного класса – феодалов. В борьбе с «начальством» городская и земская общественность выступала против высшей бюрократии и бюрократизации управления. На этом пути интересы помещиков и городов совпадали.

Меж тем, затихнув несколько в Москве, волнения распространились на другие города и уезды. В июне-июле они

захватывают Великий Устюг, Сольвычегодск, Воронеж, Козлов, Курск и другие места, причем, по крайней мере, в Курске вместе с посадскими и стрельцами восстали крестьяне. Да и в Москве отнюдь не было спокойно. Под 27-ым июня летописцы сообщают, что «боярские холопы просили, чтобы им была дана свобода». Шестерых обезглавили, семьдесят два холопа были взяты под стражу. В подобной обстановке примерно в середине июля (до 16 числа) прошел кратковременный Земский собор. Правительство явно торопилось: в состав третьей курии этого Собора кроме москвичей включили служилых людей, в тот момент вызванных в Москву на службу. Четвертая же курия состояла из московских гостей и представителей московских сотен и слобод. Сословия тоже торопились и торопили – подается новая челобитная о составлении пространной Уложенной книги, для чего должен быть созван большой Собор.

Норма представительства была такова: от каждого чина московских служилых – по два человека (чинов этих было четыре: стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы); от больших городов – по два дворянина; от малых – по одному; три гостя (мы помним, что все трое потом подписали Уложение, и торгово-промышленную элиту оно устраивало); от гостинной и суконной сотен – по два человека; от прочих сотен, слобод и городов – по одному посадскому. По стране были разосланы соответствующие грамоты, выборным надлежало являться с грамотами-мандатами избирателей. Предварительный текст Уложения должны были писать члены «приказа бояр» в составе бояр Одоевского и Прозоровского, окольничего Волконского, дьяков Леонтьева и Грибоедова.

Документы сохранили два мнения относительно того, кем было предложено созвать Уложенный собор. «Память», направленная летним Собором «приказу бояр», естественно, признает инициативу сословий, а чрезвычайно ловко составленное (вероятнее всего самим Одоевским) предисловие к Уложению приписывает инициативу царю с боярами.

Весьма интересны для нас члены «приказа бояр», то есть кодификационной комиссии. Три блестящих аристократа и два незнатных приказных «интеллигента». Об их роли

высказывались самые различные мнения: от уверенности в ведущей роли князя Одоевского, до мысли о том, что трое знатных только сидели и толковали, а работали дьяки.

П.Я. Черных сообщает их биографические данные.

Род Рюриковича Никиты Ивановича Одоевского (1601–1689) восходил к князю Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, замученному в Орде в 1246 году. Сам князь Никита – боярин с 1640 года. Это властный и жестокий феодал, что видно по его переписке со своей вотчиной. Не похоже, чтобы Одоевский был политическим мыслителем, реформатором, человеком большой культуры и далекой исторической перспективы. Однако он, несомненно, умный, незаурядный администратор, блестящий дипломат, то есть как раз человек, подходящий для роли главы комиссии, предназначенной сдерживать активность выборных людей. Саксонский дипломат Лаврентий Рингубер пишет о боярине в 1677 году как о «мудром старце», «первом вельможе империи, в высшей степени достойном уважения». Но интересней всего для нас отзыв патриарха Никона, считавшего Одоевского едва ли не автором Уложения. «В Уложенной книге своего списания», «в своем ложном и проклятом писании», – так пишет Никон, обращаясь к Одоевскому по поводу Уложения. А вот какую характеристику дает Никон главе «приказа бояр»: «Он, князь Никита, человек прегордый, страху божия в сердце не имеет и божественного писания и правил святых апостолов и святых отец ниже чтет, ниже разумеет и жити в них не хочет и живущих в них ненавидит, яко врагов сущих, сам быв враг всякой истине».

Проект, предложенный «приказом бояр», не сохранился, и мы знаем Уложение не в редакции Н.И. Одоевского, а в редакции Собора; ведь глава комиссии еще и председательствовал на заседаниях выборных членов, и роль его в составлении книги можно признать самой значительной. Кстати, все сказанное позволяет видеть на Соборе в князе Одоевском представителя не столько высшей аристократии, к которой он принадлежал по рождению, сколько сановой бюрократии.

Ясно, что в малолюдной комиссии при бешеных темпах работы роль князей С.В. Прозоровского и Ф.Ф. Волконского не могла быть декоративной, а высокое положение исключало пассивность. О старшем из дьяков, Гавриле Леонтьеве, мы знаем, что в 1628–1634 годах он был дьяком Патриаршего двора, стало быть, «специалистом» в делах церковных. Впрочем, он не заработал персональных выпадов Никона, и значит глава XIII «О монастырском приказе» – не его творение.

Последний член «приказа» дьяк Федор Акимович Грибоедов в 1669 году напишет «Историю о царях – великих князьях земли русской» – учебное руководство для царских детей. Это серьезный штрих к портрету, а многие исследователи отводили Грибоедову первенствующую функцию. Во всяком случае, не для черновой работы Ф.А. Грибоедова в июле 1648 года произвели из подъячих в дьяки, и сразу же назначили в состав комиссии. Историк, конечно же, был нужен!

Собор должен был дать правительству опору в многолюдных средних слоях общества, ослабить классовую борьбу или, по меньшей мере, упростить политическую картину в стране. Между тем выборы начались, но продолжалось и народное движение в провинции. Наши сведения о ходе выборов неполны. Полнейшие данные есть по Переяславлю Рязанскому (нынешней Рязани): население здесь было к выборам безразлично, особенно помещики, и это иногда необоснованно распространяли на всю страну или даже на всю эпоху Земских соборов. Впрочем, рязанский воевода Григорий Кириллович Огарев получил грамоту из Разрядного приказа с нормами представительства только 9 августа. Рязанские дворяне должны были выбрать «свою братию – из больших станов по два человека, а из меньших и из новокрещенов по человеку». Тщетно надрывался Огарев, тщетно носились по уездам разосланные им рязанские пушкарки: 20 августа в съезжей избе перед воеводой предстали лишь двенадцать рязанских помещиков, которые к тому же категорически заявили, «что де им малыми людьми выборных людей выбрать не умет, потому что город де большой». Через неделю несчастный Огарев пишет в Москву, что ни один новый человек

к нему не прибыл. Впрочем, посад своего представителя выбрал. 27 августа приехали еще десять дворян.

4 сентября, когда сроки прошли, и Собор уже открылся (!), воевода получил царскую грамоту с требованием немедленно провести выборы. 16 сентября пришла еще одна грамота, сообщающая, между прочим: «А из городов многие люди для нашего и земского дела съехались и живут на Москве... из дальних городов Новгорода Великого и изо всех городов». Все напрасно. Только 24 сентября, притом с нарушением норм представительства, были выбраны два рязанских помещика. Вздыхнув, видно, с немалым облегчением, 25 сентября воевода выслал в Москву документы, но сами депутаты тронулись в путь лишь 1 октября.

Картина интересна, и она имеет, как представляется, объяснение. Рязань была слишком богата и благополучна. Даже события Смутного времени ее мало затронули. Ее большей частью обходят стороной и потрясения «бунташного века». Вот и не торопились рязанские выборные – в городе ничего не ждали от Собора.

Однако чаще было иначе. Великий Новгород дал пример выборного конфликта между «нарочитыми» и «молодшими» людьми. Первые 10 августа выбрали «лучших людей» Андрея Васильева и Никиту Тетерина. В ответ на это бедная часть посада избрала Никифора Клетку и Якуша Шипулина. «Нарочитые» били челом, что эти двое «кроме смуты никаких дел не знают», что «молодые» не дают выбрать представителей, которым «земские дела за обычай». Притом самое, может быть, интересное, что вторые выборы прошли после нескольких дней интенсивной предвыборной кампании и состоялись в той же земской избе, то есть, мы тут имеем дело не с бунтом, а с ожесточенной «парламентской борьбой». Итогом конфликта был компромисс: 21 августа в Москву поехали Андрей Степанов сын Шолковинков и Никифор Васильев сын Клетка.

В Ельце же произошло резкое столкновение дворян с воеводой. Последний, опираясь на стрелецкого голову Буженинова, пытался «выбрать» своих людей. Дворянство

решительно провалило эти попытки. Здесь мы видим интересный пример столкновения средних слоев общества с бюрократией. Но нередко выборы проходили довольно быстро и гладко, – вероятнее всего, в тех городах, где у воеводы сложились терпеливые отношения с населением, и там, где выборная власть губных старост преобладала над воеводской.

Рассмотрение известнейшего Земского собора в русской истории близится к концу. А где же ход самого Собора? А вот тут-то нам известно постыдно мало: запись о Соборе исчезла и, весьма вероятно, не случайно. В петровские времена она стала лишней. О ходе Собора кое-что сообщает официальное предисловие к Уложению, кое-что – челобитные, а кое-что содержится в шведских посольских реляциях о русском «риксдаге».

Слушание проекта Уложения постатейно началось в обеих палатах 3 октября, а закончилось незадолго до 29 января 1649 года. Интересно, что от даты открытия Собора до начала постатейного чтения проекта прошло чуть более месяца. Значит ли то, что «земские деятели» даром поедали государевы корма? Нет, существует целый ряд указаний на работу в это время комиссий над отдельными главами Уложения. Эта работа по существу примыкает к работе «приказа» князя Одоевского.

Челобитные нижней палаты, поданные в ходе Собора, по сути своей представляют законопроекты или фрагменты законопроектов. Иногда царь сам заседал вместе со всеми куриями. В.О. Ключевский приводит в качестве примера того обсуждения 42-й статьи большой важности XVII-й главы о запрещении завещать, дарить и даже продавать землю церкви. Несмотря на исключительную обтекаемость формулировок предисловия к Уложению, там упоминается «общий совет», учинивший в государстве одинаковый суд и расправу для всех людей. Этот одинаковый суд был огромной уступкой, вырванной сословными представителями, как у боярской знати, так и у правительства. Конечно, речь шла не о полном равенстве перед законом, а лишь о равенстве процессуальных норм. Да и оно, разумеется, было в большой степени формальным. Нельзя забывать, что значительная часть населения, закрепощенная

именно Уложением, фактически оказалась вне процессуальных норм государственного характера.

Мы совсем ничего не знаем о работе верхней палаты, а ведь она заседала постоянно, но характер статей Уложения убеждает в том, что правительство многого добилось для себя в ходе создания свода законов, аристократия же – ничего. Мало заметно в Уложенной книге влияние Освященного собора, а ведь монастырский приказ взял на себя многие функции высшего духовенства. Может быть, слишком велико было давление на епископов не только выборных, но и Думы. Может быть, немалую роль сыграла личная слабость патриарха Иосифа. Уложение подписали только семь архиереев: кто-то не был на Соборе, а кто-то, видимо, отказался от подписи. Но сам Никон, так резко нападавший позже на «проклятую книгу», подписал ее в 1649 году как архимандрит Новоспасского монастыря.

«Уложенная книга» была «освящена» 29 января 1649 года. Этот день можно считать датой окончания Собора. 7 апреля вышел указ о напечатании Уложения, а 20 мая – о его продаже. Один за другим вышли два тиража по 1200 экземпляров каждый. Два столетия пройдет до издания нового Свода законов при Николае Первом!

Добавим несколько штрихов. Более всего побед одержала самая многочисленная дворянская курия. Закончился почти столетний процесс закрепощения крестьян помещиками: были отменены урочные годы, отведенные на розыск беглых. Сыск их стал бессрочным; вечным состоянием земледельца стала крепостная неволя. Если на первые этапы закрепощения крестьянство ответило восстанием под руководством Ивана Болотникова, то ответом на крепостнические нормы Уложения стала крестьянская война Разина.

Правда, крепостничество XVII века еще было далеко от форм, сложившихся к концу следующего столетия и так хорошо известных нам из классической литературы. Помещики тогда стремились закрепить за собой плоды крестьянского труда, но государство более охраняло для себя налогоплательщика. Крестьянина еще нельзя было продать, он был навечно

прикреплен к наделу, помещик получил широкие возможности выжимать из него оброк, но и оброчные наделы были неотчуждаемо прикреплены к крестьянам. Запрещался перевод крестьянина в холопское состояние, то есть крестьянин был связан с землей, а не с господином. Охранялись некоторые хозяйственные права крестьян. Но если черносозные крестьяне, как и посадские люди, могли брать на откуп таможи, кабаки и прочее, то помещичьих Уложение этого права лишало. До тех пор, пока поместья оставались лишь условными владениями дворян, пока крестьянин связан с помещиком только оброком, любое поощрение хозяйственной деятельности крестьянина его бы усиливало, и было бы, по сути, мерой антикрепостнической. Причем служилое дворянство не обязательно должно было сопротивляться мерам такого рода. Но некому оказалось на Соборе эти меры предложить и провести – делегатов крестьян здесь не было.

Что же касается русской буржуазии, то она не оказала влияния на крестьянское законодательство, поскольку пока это было не в ее прямых интересах, пока уровень производства еще не требовал значительного рынка рабочей силы.

Статьи Уложения, касающиеся посада, отразили противоречивые тенденции общественного развития. Посады, как и помещики, жаловались на своих беглых, ведь подать разверстывалась на посад или слободу без учета того, что часть налогоплательщиков сбежала. Уходили же бедные посадские, разумеется, не в темный лес, а на дворы, податю не облагавшиеся, – к боярам, приказным, духовенству. Переселялись, так сказать, на соседнюю улицу и тем избегали тягла.

И вот Собор монополизировал регулярную торговлю. Право держать или арендовать лавку закрепляется за посадскими. Крестьянам разрешается теперь только торговля с воза. Эта мера рассчитана на усиление посада, она прогрессивна, более того, она – антикрепостническая. Но одновременно с этим Собор превращает посад в коллективного крепостника, дав ему право силой возвращать беглых тяглецов. Тут самым показательным образом столкнулись две системы мышления:

мировоззрение сторонника поощрения хозяйственной инициативы и точка зрения крепостника-охранителя. Они столкнулись – и каждая получила закрепление в законе! Заметим, что если неволю крестьянскую следующий, XVIII век, многократно ужесточил, то посадское крепостничество развалилось само собой в силу развития производственных отношений.

Итак, антикрепостническая в широком смысле слова тенденция могла проявляться в любом отказе от мелочной регламентации хозяйства, в поощрении инициативы предпринимателя. Но уже само по себе такое поощрение хотя бы хозяйственной свободы крестьянина могло постепенно вести к развалу крепостничества. Собор, однако, и тут, как мы с вами видели, серьезных мер для обеспечения такой хозяйственной свободы не принял.

Обращает на себя особое внимание принятая Собором шкала штрафов за бесчестье. Оскорбление митрополита карается штрафом в 400 рублей, именитого человека из Строгановых – в 100 рублей. Гостю полагалось за бесчестье 50 рублей, а крестьянину – всего лишь рубль. Такова логика феодального сословного общества. С другой стороны, назначением этого самого рубля за бесчестье крестьянина признается, что у него тоже есть честь. А ведь эта идея показалась бы смехотворной большинству просвещенных дворян екатерининского «золотого века». Тут XVII век стоял на голову выше XVIII века.

Пора подвести черту под разговором о самом известном Земском соборе и вообще о Земских соборах. В XVII веке они жили. Тогда публицист Юрий Крижанич полагал монархию с Земским собором «совершенным самовладством» – идеалом, отказ от которого приводит к тирании. Иван Тихонович Посошков, публицист петровской эпохи, тоже полагал созыв Соборов делом нужным и даже с присутствием на них крестьянских делегатов.

И вдруг Соборов не стало. Отчего? Традиционный ответ напоминает о том, что произошел переход от сословно-

представительной монархии к абсолютизму, переход неизбежный и «прогрессивный». Что же, это справедливо.

Но посмотрим на историю европейских соседей. Швеция прошла стадию абсолютизма, риксдаг ослаб, но не исчез, а при переходе к новой монархии, конституционной, вновь обрел полноту власти. Созванные Людовиком XVI генеральные штаты положили начало французской революции. Английский парламент пережил даже откровенную тиранию Генриха VIII, которого недаром часто сравнивают с Иваном Грозным. В эпоху абсолютизма представительные учреждения всюду приходят в упадок, а затем восстанавливают и даже увеличивают свою власть.

Часто указывают еще, что в России дворянство очень многого добилось на Соборах первой половины XVII века и потому потеряло к Соборам интерес. Это верно; несомненно и то, что буржуазия еще была слишком слаба, чтобы одной «вытянуть» Соборы. И все-таки, мне кажется, таких объяснений маловато.

Хотелось бы добавить еще, по меньшей мере, два соображения. Во-первых, бюрократизация государства неизбежно разрушала выборную форму власти. Соборы были необходимы, они могли дать отпор бюрократическим кругам высшей администрации, что мы и видели на примере Уложенного собора; но бюрократизация подкрадывалась и «снизу». В середине XVI века, в эпоху первых Соборов, власть в уездах – «губах» переходит к выборным губным старостам (из дворян) и их помощникам губным целовальникам (из черносошных крестьян). Затем на исторической арене появляются параллельные власти – воеводы и приказные дьяки, то есть представители бюрократии, и они постепенно начинают подминать под себя губные власти. Собор же опирался, прежде всего, на выборность земских властей.

Во-вторых, если даже в XVII веке буржуазия не могла быть основной опорой сословного представительства, то тем более она не подходила для того в XVIII столетии, причем не только в силу своего политического бесправия. Ее верхушку непрестанно «срезали», переводя в другое сословие, возводя во

дворянство. В XVII веке Строгановы были единственными в стране «именитыми людьми», и в XVIII веке они затерялись среди других графов.

Итак, конкретные социальные условия помещичьей России в дальнейшем отнюдь не способствовали развитию сословного представительства. Но значение его на определенном этапе истории не следует забывать.

Иван IV Грозный: миф и реальность

Часть1

В России веками существовала образовательная система с уродливыми перекосами, при которой обычный русский школьник подробно знал периоды царствования двух тиранов: Ивана 4-го и Петра 1-го. В то же время дети не знали множество выдающихся поступков нашего первого царя Ивана 3-го, преемника византийских василевсов и создателя единой России. Учащиеся имели плохое представление о деятельности русского царя Алексея Михайловича – реформатора, сторонника парламентаризма, талантливого животновода и основателя первых российских театров. Российской исторической наукой а, следовательно, и системой образования недооценивались заслуги императрицы Елизаветы Петровны, проводившей удивительно точную не только внешнюю, но и внутреннюю политику, благодаря которой русский народ смог облегчённо вздохнуть после эпохи временщиков и казнокрадов. Многими поколениями историков был оболган император Павел Петрович – гений внешней политики. Замалчивались и продолжают замалчиваться школьными учителями труды последних четырёх российских самодержцев: Николая 1-го, Александра 2-го, Александра 3-го и Николая 2-го, так много сделавших для того, чтобы страна не свалилась в пропасть революции.

Увы, в истории каждой нации встречаются периоды тирании. Я без труда могу назвать десятки греческих, или, скажем, итальянских тиранов. Однако, за всю многовековую историю нашего отечества дореволюционной Россией правили всего лишь два тирана. И надо же было такому случиться, что именно их имена вбивали в мозги многих подрастающих поколений! Это было и, к сожалению, по сей день остаётся очень большой проблемой российского образования.

Народная память не пощадила Ивана 4-го. В исторических песнях русского народа его прозвали Дракулой, который, как известно, тезоименит самому дьяволу. Однако, апологеты

Ивана утверждают, что в некоторых фольклорных произведениях он выглядит суровым, но справедливым царём. Между тем исследователи уже давно разобрались в этом парадоксе. Дело в том, что в «преданьях старины глубокой» в образе царя Ивана Васильевича причудливо переплелись черты характеров великого Ивана 3-го и его безумного внука Ивана 4-го. В историческом эпосе прозвище Грозный перешло от Ивана 3-го, которого так звали ещё при жизни, к Ивану 4-му. Эти удивительные метаморфозы стали возможными, прежде всего, потому, что оба царя были не только Иванами, но и Васильевичами. К тому же, периоды их царствований разделяло очень мало времени. Иван 3-й, создатель великой московской державы, собиратель русских земель, был действительно и грозен, и велик. Но жестоким он никогда не был. За своё 42-летнее царствование по политическим приговорам он казнил всего 6 человек. Вряд ли потомки, слагавшие о нём песни, могли назвать его Дракулой.

Так в русских былинах нашли своё противоречивое отражение любовь к справедливому царю Ивану Васильевичу и ненависть к кровавому злодею Ивану.

Историки 17-го века, которых никак нельзя назвать западниками или масонами, оставили в источниках много неодобрительных высказываний об Иване 4-м. Николай Михайлович Карамзин первым вынес академически обоснованный вердикт правлению Ивана. Осторожный Карамзин, считаясь с волей государя и с монархическими настроениями русской элиты, писал, что в начальный период правления Ивана народ благоденствовал, а последние годы его царствования оказались для страны губительными. Следует отметить, что начальный период правления Ивана Грозного продолжался всего одиннадцать лет, с 1547 по 1558 г., а его злодеяния не прекращались целых двадцать шесть лет, с 1558 по 1584 г. После Карамзина в России практически не было историков, отзывавшихся об Иване с симпатией или сочувствием. Даже известный своей сдержанностью Сергей Михайлович Соловьёв, не любивший выносить исторических приговоров русским самодержцам, не смог ничего сказать в его

оправдание. Умнейший ученик Соловьёва, Василий Осипович Ключевский подверг безжалостной критике государственную деятельность Ивана 4-го.

Не жаловало этого царя и русское общество, которое до революции очень трепетно относилось к своему историческому наследию. Свидетельством такого отношения стал, в частности, огромный памятник, сооружённый в Новгороде в честь 1000-летия России. Его украшают многочисленные рельефные композиции, на которых можно найти изображение даже практически забытых государственных деятелей, например, Кействуда Литовского. Но для Ивана 4-го на этом памятнике места не нашлось! Более того, в России не было ни одного учебного заведения, больницы, богадельни или корабля, когда-либо носивших его имя. Русский народ и Церковь не желали лишний раз вспоминать Ивана 4-го. С содроганием рассказывает о нём и великая русская литература. Если Карамзина еще можно упрекнуть в юношеской причастности к масонству, то о личном друге царя, стороннике монархии, аристократе Алексее Константиновиче Толстом ничего предосудительного сказать нельзя. Его единственное прозаическое произведение – «Князь Серебряный» во времена моего отрочества читал каждый второй мальчик и каждая третья девочка.

Эпохой Ивана Грозного много занимались и в советское время. Интересно, что именно тогда, когда Сталин увлекался изучением его личности, появляется целый ряд фундаментальных исследований, в которых негативная оценка царствования Ивана 4-го подтверждалась очень серьёзным научным анализом. Академик Веселовский и профессор Зимин убедительно доказали, что опричный террор не был ни орудием борьбы царя против боярства, ни тем более средством для преодоления феодальной раздробленности. Константин Бадигин – выдающийся полярник, ставший писателем, написал замечательную книгу «Корсары Ивана Грозного». Миллионы читателей узнали из этого бестселлера, сколь мрачной и деспотичной была в России вторая половина 16-го века. Лучшие отечественные историки, писатели и публицисты оказались

поразительно единодушны в своих мнениях о трагичности последствий этого периода русской истории. Однако, в наше странное время нашлись люди, готовые не только подвергнуть ревизии сделанные ранее выводы, но и провозгласить Ивана святым и праведным. Сторонники канонизации Ивана опираются на книгу «Самодержавие духа», написанную историком церкви митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым). Ученик подвижника 20-х –30-х годов минувшего столетия митрополита Мануила Лемешевского, он был первым архиереем советского времени, начавшим говорить с властями тоном, подобающим его сану. Наряду с яркими рассказами об Александре Невском и героях Куликовской битвы, а также глубоким историческим анализом царствований Петра 1-го и Екатерины 2-й, в «Самодержавии духа» сделана попытка реабилитации Ивана. Однако историки и филологи давно подозревают, что апология Ивана 4-го не принадлежит перу митрополита Иоанна и вставлена в его книгу позднее. Правда, анализ частоты словоупотреблений, способный установить подлинность этих текстов, ещё не проводился. На данный момент не исключено, что попытка реабилитации Ивана 4-го действительно сделана митрополитом Иоанном. Тут уж ничего не поделаешь. Великие люди, даже и святые, тоже ошибаются.

Вслед за тиранолюбцами предположим и мы, что Иоанна 4-го действительно оклеветали. Это могли сделать, например, иностранные офицеры, служившие в опричнине: Таубе, Крузе, Штаден или оказавшийся в русском плену Шлихтиг. В своих мемуарах они дружно поливают Россию грязью. Но, нельзя же всерьёз говорить о существовании «жидомасонского заговора», который, якобы, и был причиной того, что все иностранцы одинаково плохо писали о России. Про Россию писали многие и по-разному. До наших дней дошли записки капитана мушкетёров Моржарета, состоявшего на русской службе в эпоху смуты. Этот наёмник отзывался о русских с искренней симпатией. И он был не один. Часто авторами путевых заметок становились заморские купцы и торговые агенты, например англичанин Гарсий. Среди иноземных мемуаристов были как

враги России, так и её друзья. Встречались и те, которые к русским были равнодушны, поэтому они не выискивали грязь в окружающей их российской действительности.

Предположим, что Ивана оклеветали и в убийстве своего сына. Но куда же исчез царевич Иоанн Иоаннович? Может быть, он скоропостижно скончался, а враги царя тут же распустили слух об его убийстве? Сегодня уже и Репина обвиняют в том, что он свою знаменитую картину «Иван Грозный и сын его Иван» написал, выполняя чей-то заказ. Наверняка наши урапатриоты вспомнили недобрым словом и происхождение художника. Репин хоть и был родом из казаков, но отчество почему-то имел Ефимович.... Но «Иван Грозный..» принадлежит к числу лучших полотен гениального мастера. Допустим, что с царевичем вышла какая-то странная история. Однако, исторические факты говорят в пользу того, что Иван в гневе запросто мог убить кого угодно, в том числе и самых близких родственников. Уже не из иноземных, а из русских источников хорошо известно, что Иван в приступе ярости избил свою беременную невестку только за то, что она в домашней обстановке явилась перед ним недостаточно одетой.

А ещё сторонники канонизации Ивана 4-го утверждают, будто он и митрополита Филиппа не убивал. По их мнению, Филипп, оказывается, был верным слугой Ивана и не мог с Евангелием в руках грозить царю отлучением от Церкви во время их известной ссоры в Успенском соборе. Но тогда возникает вопрос: а что же ещё мог делать в этот момент митрополит? Апологеты Ивана предлагают православным людям поверить, что Филиппа – верного слугу царя убили враги Ивана, которые боялись разоблачения со стороны митрополита. Но тогда почему митрополит оказался в ссылке в Тверском Отрочьем монастыре? Даже если допустить, что Иван и не приказывал убивать митрополита, то незаконное изгнание святителя с кафедры всё равно является тяжким каноническим преступлением, чреватым отлучением от Церкви. Желая поскорее расстаться с несговорчивым иерархом, царь созвал неканоничный Собор, от участия в котором уклонилось подавляющее большинство архиереев. Возможно, епископу

Крутицкому Галактиону такое поведение стоило жизни. После Собора владыка Галактион почему-то перестаёт упоминаться в документах. Поговаривают наши тиранолюбцы и о том, что митрополита Филиппа убил по своему окаянству Малюта Скуратов – главный палач Ивана. Это утверждение напоминает мифотворчество советского образца о безмерной доброте товарища Сталина и лютом человеконенавистничестве Лаврентия Бериин. Увы, так не бывает. Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский по прозвищу Малюта панически боялся Ивана и шагу ступить не мог без разрешения своего хозяина. Сразу же после смерти тирана в 1584 г. монахи Соловецкого монастыря забрали из Твери мощи святителя, почтив своего великого игумена погребением его останков в святой соловецкой земле. Заняв в 1652 г. патриаршую кафедру, один из самых величайших церковных деятелей в русской истории – патриарх Никон немедленно отправляется на Соловки, где был когда-то постриженником. С постоянным молебствием патриарх возвращает мощи святителя Филиппа обратно в Москву для захоронения их в Успенском соборе. На границе Москвы мощи владыки Филиппа встречает молодой царь Алексей Михайлович и принародно просит у святителя прощения за преступления, совершённые своим предшественником. Неужели и патриарх Никон, и все русские архиереи и множество православных мирян, на глазах которых происходило покаяние царя, являются разбойниками, клеветниками или масонами? Думается, расправа над святым митрополитом всецело лежит на совести Ивана 4-го. Кстати, Филипп был не единственным святителем, загубленным по его приказу. Блестящий русский аристократ князь Андрей Михайлович Курбский, сбежавший от преследований Грозного в Литву, обвинил Ивана в убийстве святителя Германа Казанского. Утверждение Курбского оспаривалось некоторыми историками. По всей видимости Герман убит не был. Он так же, как и владыка Филипп, умер лишённым кафедры, находясь в ссылке в чужом монастыре. А вот священно-мученика Корнилия Иван убил собственноручно. До сих пор в Псково – Печерском монастыре путь от надвратной Никольской церкви до Успенского собора называется кровавым.

Своего духовника, священника Благовещенского собора Сильвестра – учёнейшего человека, автора знаменитого «Домостроя» Иван выслал на Соловки. Сильвестр оказался в монастыре в то время, когда его игуменом был Филипп. Они, конечно, беседовали, и будущий митрополит из первых рук узнал о царе всю правду задолго до появления опричнины. Сильвестр исчез из монастыря при загадочных обстоятельствах. Бежать с Соловков, находясь к тому же под надзором, в 16-м веке было невозможно. Никто так и не знает, что с ним стало. Скорее всего, Сильвестр покинул монастырь с благословения игумена, прожив остаток своих дней в каком-нибудь уединённом уголке Соловецкого острова.

Судя по всему, в военном отношении Иван был человеком бездарным. Само по себе это обстоятельство нельзя поставить ему в вину. Царь может и не быть талантливым военачальником, хотя с августейшими особами такое иногда случалось. А вот величайшего полководца своего времени Иван довёл до смерти. Им был боярин князь Михайло Воротынский, воевода, разгромивший Казанское ханство. Правда, вся слава от этой победы досталась не ему, а 22-летнему Ивану, который тогда командовал войском чисто символически. Двадцатью годами позже, в 1572 г. уже состарившийся Воротынский спас Москву от крымско-татарского нашествия. Войска Девлет Гирея потерпели сокрушительное поражение. Крымцы понесли такие потери, что 20 лет не смели приблизиться к Москве, а их командующий Дивей Мурза попал в плен. Но, уже через год осыпанный царскими милостями Воротынский был арестован и жестоко пытан. Целый ряд отечественных историков утверждают, ссылаясь на источники, что Иван пытал его собственноручно. Конечно, в те далёкие времена пытка была всего лишь неприятной нормой. Но, в России, кроме Ивана Грозного и Петра 1-го, больше не было царей, которые бы пожелали стать палачами. Воротынский даже под пытками не желал называть вымышленных злоумышленников. Устрашившись твёрдости старика, его едва живого сослали в Кирилловский монастырь, где он и скончался в монашестве. В последние месяцы жизни Ивана над гробницей Воротынского

был построен небольшой придельчик. Там и сейчас стоит при соборе маленькая Владимирская церковь. Неужели мы вскоре узнаем, что Иван и Воротынского не убивал, а монахи Кириллово-Белозерского монастыря снова ошиблись, или, ещё хуже, оказались изменниками?

Часть 2

При восшествии на престол Иван IV получил Россию в полном порядке. Бояре, правившие в годы его юности, сделали ее еще сильнее и богаче. Что же стало со страной за время его царствования? Внешняя политика Ивана привела страну к сокрушительному геополитическому поражению, несмотря на то, что международная обстановка в начале его царствования складывалась для русских весьма благоприятно. Великое княжество Литовское постепенно приходило в упадок. В начале XV века оно вмещало в себя почти всю Украину, всю нынешнюю Белоруссию и Смоленскую область. В то время Литва была настолько сильна, что всерьез раздумывала, кого бы еще к себе присоединить: Московскую Русь или, может быть, Польшу? Но со временем одни энергичные люди стали уезжать из Литвы на запад, в Польшу – драться с немцами, а другие на восток, на Русь – сражаться с ордынцами. Всего за столетие Литва очень ослабела, и в начале XVI столетия сама превратилась в легкую наживу для своих соседей, каждый из которых хотел присоединить ее к себе. Естественно, на Литву претендовала католическая Польша, с которой она к тому времени оказалась связанной личной унией. Польские короли одновременно являлись и литовскими правителями, хотя формально эти государства оставались самостоятельными. Единоверная Литве православная Русь также была вправе рассчитывать на роль сюзерена. В Великом княжестве Литовском промосковская партия была очень сильна, однако далеко не все православные там являлись сторонниками присоединения к Руси.

Начиная с царствования Ивана III Ливонский орден платил России дань за временное пользование русскими городами Юрьев (Тарту) и Нарва. Крепость Ивангород и Нарва, когда-то называвшаяся Ругодивом, были соседями, находившимися на противоположных берегах реки Наровы. Однако груженные

заморскими товарами торговые суда чаще заходили именно в Нарву, расположенную на западном берегу. Под предлогом укрепления внешней торговли Иван решил захватить ливонскую Нарву, ставшую к тому времени крупным перевалочным центром. Отобрать Нарву было нетрудно. Однако за слабенькую Ливонию готовы были вступить мощные европейские государства, имеющие свои интересы в Прибалтике, например Швеция, Дания и Литва, за спиной которой стояла союзная ей Польша. Иван не мог не понимать, что при таких обстоятельствах любая вооруженная стычка неизбежно перерастет в большой конфликт, причем последствия для России будут непредсказуемыми. Однако его это не остановило.

Согласно традиции, объявление войны должно было быть ратифицировано боярским приговором. Иван знал, что Боярская дума согласия на войну не даст. В принципе, он мог бы созвать Земский собор и, опираясь на выборных дворян и посадских людей, попробовать законным способом преодолеть силу боярского приговора. Но, видимо, царь был уверен, что Земский собор останется на стороне Думы, и законной санкции на войну он все равно не получит. Тогда Иван решил устроить провокацию. В 1568 г., как раз в то время, когда литовские послы, обеспокоенные военными приготовлениями русских, гостили в Москве, отряд численностью всего 500 человек, под командованием нового любимца Ивана Алексея Басманова, будущего руководителя царской опричнины, захватил Нарву.

Результатом этой красивой операции стала 25-летняя война, которую Россия с позором проиграла. Тиран вопреки воле сословий и законного правительства все-таки втянул русский народ в бесперспективную военную авантюру. Война уже шла, а бояре продолжали почтительно просить Ивана вернуться к поправленным нормам ответственного правления. Встретив решительное сопротивление высшего руководства страны, Иван устроил новую провокацию. Он громко заявил об отречении от престола и спешно уехал в Александровскую слободу, совершив при этом страшное святотатство. Под покровом ночи царь увез из Кремля часть государственной казны и несколько чудотворных икон, лично ему не

принадлежавших, а являвшихся достоянием всех русских людей. Иван прекрасно понимал, чем рискует. Ведь если бы Боярская дума согласилась с его отречением, он уже не смог бы вернуть себе русский трон. И все же он решил рискнуть, поставив на карту свое будущее. Из подлинных, опубликованных текстов переписки Ивана IV и Елизаветы Английской становится ясно, что в случае провала Иван готовился бежать из России и просил у королевы Елизаветы политического убежища. Тайные планы верховного главнокомандующего о бегстве в чужую страну во время войны сильно напоминают государственную измену. Переиграв Думу, Грозный выторговал себе право на опричнину. Дума не приняла отречение царя только потому, что бояре оказались патриотами, не захотевшими менять царя во время войны.

Развязав войну с Литвой, Иван совершил роковую ошибку, последствия которой Россия расхлебывает по сей день. Страна надолго лишилась выходов к Балтийскому морю и важнейших западных земель. Были потеряны стратегически важные крепости Ивангород, Ям (Орешек) и Копорье, по сравнению с которыми приобретение Астрахани и Казани выглядело мелочью. Геополитическое значение утраченных территорий было для России намного важнее. Кроме того, Иван толкнул Литву в объятия Польши. В 1569 г. была заключена Люблинская уния. Польское королевство и Великое княжество Литовское объединились в одну державу – Речь Посполитую. С этого момента в западных землях, некогда принадлежавших Руси, начались бедствие русской культуры и гонения на православие. Пройдет немного времени, и Брестская церковная уния, заключенная в 1596 г., подчинит литовских православных папе. Именно в те времена впервые возникли проблемы, до сих пор играющие очень важную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Тогда же закладывалась и основа будущего украинского сепаратизма.

Малороссийские казаки в Запорожской сечи были друзьями России и сторонниками православия. Вместе с малочисленным донским казачеством они изъявили готовность сражаться за русские интересы. Лидер запорожцев, русско-литовский

аристократ князь Байда-Вишневецкий, осыпанный милостями и подарками московских бояр, готовился к военной экспедиции в Крым. Именно тогда в Запорожской сечи появились русские пушки. Если бы не тиранический срыв, русские войска, вдохновленные победами над Казанью и Астраханью, уже к концу XVI века крепко стояли бы как на Балтике, так и на Черном море. Но все планы спутала Ливонская война, в которой запорожские казаки, бывшие в то время подданными польского короля, являвшегося одновременно и великим князем литовским, не могли оставаться на стороне Москвы. Так Россия потеряла возможность использовать в своих геополитических интересах огромный потенциал казачьей энергии. Более того, вся их мощь оказалась направлена как раз против русских. Главной движущей силой Смутного времени и опорой обоих Лжедмитриев стали вовсе не польские шляхтичи, а запорожские казаки. Правда, впоследствии они во главе с гетманом Сагайдачным всенародно покаялись в грехе пролития братской славянской крови.

Ливонская война и бушевавший в стране опричный террор подорвали сложившуюся систему национального хозяйствования. Крестьяне прятались от репрессий в северных лесах, бежали в Литву, на Дон, за Урал и в Сибирь. Стихийное движение крестьян-переселенцев, двинувшихся из центральных областей страны на восток, создало проблему нехватки населения, слишком малочисленного для освоения гигантских территорий, которые стала тогда занимать Россия. Согласно писцовым книгам, в центральных волостях запашка земель сократилась в 10–12 раз.

Поместный дворянин, несущий государственную службу и кормящийся с поместья, должен был покупать дорогостоящее вооружение, а также содержать сопровождавших его слуг и кормить лошадей. В условиях повсеместного оттока крестьян дворяне разорялись буквально на глазах. Там, где это было возможно, они начали силой удерживать крестьян от перехода к другому землевладельцу. Царю пришлось по нраву дворянская инициатива. Известна его грамота на Двину, где он указывает: «Быть вам за вашим помещиком неотлучно и оброку платить,

сколько он вас изоброчит». Это был решительный шаг к крепостничеству. В поддержке крепостнических тенденций часто незаслуженно упрекают Ивана III. Однако норма «Юрьева дня», введенная им, была лишь законодательным закреплением прав крестьян на переход к другому землевладельцу. Именно опричный террор Ивана IV является, как это доказал Скрынников, одной из главных причин развития крепостного строя в России.

Начиная с правления Ивана, жестокость нравов надолго стала характерной чертой русской политической жизни. Если посмотреть на административные предпочтения Иоанна III и Алексея Михайловича, окажется, что разница между ними очень велика. Иван III был государем жестким, а иногда и жестоким. Обладая острым умом, тонким интеллектом, но слишком властным характером, он не был приятным в общении человеком. Свою дочь царь обрек на притеснения в Литве, выдав ее замуж за нелюбимого человека. Сохранились письма несчастной царевны, умолявшей отца разрешить ей вернуться домой и постричься в монахини, только бы не оставаться в Литве, где ее принуждают к принятию католической веры. Иван III молчал, считая себя вправе принести свое дитя в жертву политическим интересам. Однако при этом правителе не было так называемой квалифицированной казни, устанавливающей жестокий способ умерщвления преступников. В России на протяжении многих столетий единственным орудием казни являлся топор.

Царь Алексей Михайлович, напротив, был очень человеколюбив. За добрый нрав подданные прозвали его Тишайшим. Правда, это прозвище было справедливым лишь отчасти. Время от времени он срывался на крик и громко ругался. С царем Алексеем, имевшим великолепное образование и разносторонние интересы, наверняка, было приятно побеседовать о политике, земледелии, театре или архитектуре. Но при нем казнили много, причем квалифицированной казнью. Правление Ивана III в конце XV века отличалось от царствования Алексея в середине XVII

столетия прежде всего нормами социальной нравственности, поврежденной кровавым режимом Ивана IV.

Иван лишил Россию множества необходимейших для нее людей, как боярского, так и чиновного ранга. Среди них оказались и талантливый православный просветитель князь Андрей Курбский, вынужденный скрываться в эмиграции, и выдающийся реформатор, человек нравственно безупречный, царский сокольничий Алексей Адашев, доведенный Иваном IV до смерти. Были причислены к изменникам конюший боярин, то есть председатель Думы, Иван Челеднин, печатник Висковатый, казначей Фуников. Кроме видных государственных деятелей и канонизированных святых ко Господу вопиют тысячи неизвестных, но ведомых Ему праведников, замученных Иваном. К ним принадлежит и боярин, который, будучи посаженным на кол, до самой смерти пел каноны Спасителю, совершая свое последнее богослужение. Уничтожение отечественной аристократии имело тяжкие последствия для ближайшего будущего России и открыло дорогу наступившим вскоре смутным временам. Такова картина одного из самых неудачных царствований во всей российской истории.

Некоторым монархистам даже подумать страшно, что царя-батюшку, каким бы он ни был, можно назвать предателем национальных интересов. Ведь царь – это помазанник Божий. Да, действительно, во время венчания на царство над Иваном IV был совершен чин второго, то есть царского миропомазания. Но таинство миропомазания вовсе не делает фигуру царя священной. В этом таинстве каждый православный христианин сподобляется по прошению Церкви даров Святого Духа, которых ему должно хватить на тяжкую христианскую жизнь. Поэтому, когда Церковь помазует государя, она как бы испрашивает для него дополнительные Святые Дары, ибо нет ничего тяжелее службы государя. Древнееврейское «машиах», звучащее в греческой огласовке как «мессия», и греческое Христос переводятся как помазанник. На Руси, как и в других европейских странах, решили не менять греческое звучание в имени Спасителя, которое дословно переводится на русский язык как Господь наш Иисус помазанник. Итак, первым

помазанником был сам Христос. Во вторую очередь помазанниками являются все православные христиане, потому что во время крещения над ними совершается таинство миропомазания. И только в третью очередь помазанником Божиим становится царь.

В Византии второе миропомазание было включено в чин царского венчания только в XIII веке, когда захватившие Константинополь крестоносцы венчали на царство и миропомазали своего императора Балдуина. Позднее византийский император Феодор, временно потерявший константинопольский трон, возможно по совету архиереев, счел необходимым включить миропомазание в чин своего венчания, чтобы не выглядеть ущербно в сравнении с захватчиком. До помазания Феодора в истории Византии были десятки праведных царей. Некоторые из них канонизированы. Например, мы чтим память святого благоверного царя Юстиниана великого. Живший в VI веке, он не мог быть помазан на царство. Однако это обстоятельство не мешает нам относиться к нему как к святому.

В наше время появляются самочинные, никем не благословленные иконы с изображением Ивана Грозного. На одной из них он показан в царском облачении, в иконографическом изводе благоверного царя. Другая икона сообщает нам о явлении Ивану IV Святителя Николая Мирликийского. Выпуск подобных икон есть тяжкое церковное преступление. Последний Архиерейский собор в полной мере восстановил инстанцию церковного суда, и лица, причастные к выпуску подобной провокационной продукции, если они принадлежат к православной Церкви, должны быть подвержены разысканию, суду и прещению (???) вплоть до отлучения. Далее, сторонники канонизации Ивана IV утверждают, что в Грановитой палате московского Кремля он изображен с нимбом. Не надо забывать, что роспись Грановитой палаты была сделана палехскими мастерами во второй половине XIX века. Эта работа является весьма сомнительным свидетельством, на которое лучше не опираться в серьезном каноническом споре. Чего только не было во второй половине XIX столетия... Между

прочим, в намного более древних росписях Архангельского собора не только Иван, но и все князья, великие князья и цари изображены с нимбом над головой. Нимб является знаком святости царского служения, а отнюдь не личной святости каждого из правителей. Это легко доказать на примере московского князя Юрия Даниловича, сына святого Даниила и старшего брата Ивана Калиты. В Архангельском соборе он изображен с нимбом, но никто и никогда не заикнулся о его канонизации, так как он спровоцировал убийство в Орде своего господина – святого благоверного великого князя Михаила Тверского, также изображенного с нимбом. Всех византийских василевсов было принято писать с нимбами. Но, греки, более тонкие иконописцы по сравнению с наивными русскими, всегда выделяли императорский нимб оранжевым тоном, чтобы он отличался от золотого нимба, символизирующего личную святость.

Нынешние апологеты Ивана Грозного ни разу не сослались на тех, кто мог бы свидетельствовать о видении ему святителя Николая. Я даже готов допустить, что такое свидетельство обнаружилось в одном из бесчисленных списков какой-нибудь летописи. Возможно, Ивану IV действительно было видение, так ведь святитель Николай за долгие века являлся многим. На любой его житийной иконе можно найти клеймо, изображающее, как Николай чудотворец явился палачу и остановил несправедную казнь троих праведных мужей. Но этот факт еще не говорит о том, что и палача следует изображать с нимбом. Вспомним, что и Пресвятая Богородица являлась не только одним достойным людям. Видения бывают и предостерегающими.

Заказчиками, финансирующими написание икон Ивана Грозного, могут быть люди далекие от русского народа, от вселенского православия и даже прямые враги России. При помощи красочных буклетов, календарей и брошюр, издающихся большими тиражами, они пытаются в уставшем и деморализованном российском обществе распространить идеологию, близкую тем, кто хотел бы и Сталина канонизировать.

Святейший патриарх Алексей II давно заявил, что церковной канонизации Ивана IV не будет. Однако непрекращающиеся разговоры на эту тему могут быть использованы определенными силами для того, чтобы лишить православных других, поистине своевременных канонизаций. Сегодня в церковных кругах всерьез рассматривается вопрос о церковном прославлении Козьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Иоанна Сусанина и Александра Суворова. И, если в одном ряду с именами этих благочестивых христиан будут стоять имена Грозного и Распутина, прославление спасителей Отечества, столь необходимое в наше время разобщенности и всеобщего уныния, может задержаться на неопределенный срок.

Тиранолюбие, сильно дискредитирующее достойный монархизм, является разновидностью начальстволюбия и присуще маргинальным слоям населения. Этим «несчастненьким» хочется, чтобы какой-нибудь очередной деспот порол их хоть каждый день, лишь бы он и другим спуску не давал. В своем первом послании Курбскому Иван IV пишет: «Жаловати своих холопов есме вольны, а и казнить вольны же». Эти строчки омерзительны как русской, так и византийской монархической традиции. Византийские василевсы с особой гордостью говорили о том, что управляют свободным народом. Любовь к деспотизму является частью психологии представителей социальных низов, мечтающих о том, чтобы жестокость деспота уравнила их с людьми самодостаточными, полными чувства собственного достоинства. Для таких маргиналов нет ничего дороже сильной власти. Гражданам восстанавливающейся России надо всегда быть готовыми поставить их на место, если потребуется.

Иго лжеумствования

Журнал «Золотой Лев» № 61–62 – издание русской консервативной мысли

В. Махнач

Есть ли сегодня опасность нагнетания сепаратистских тенденций в Татарстане? Иные политики и политологи пугают: дай хоть чуть-чуть «лишней» воли тем же чеченцам – и пойдет разваливаться Россия, и в первую очередь по «татарской линии». Уверен, это ложные страхи.

«Татары» – враги татар

Русские и татары... Здесь есть крайне интересная проблема, созданная всего лишь невольным употреблением слова историками XVIII века, когда еще не только этнологии, но и этнографии просто не было. Кто такие – татары?

Древние татары – это один из народов, которые были втянуты монголами Чингисхана в свой грандиозный поход, – от них уже ничего не осталось. Однако ирония истории заключается в том, что случайно их имя «прилипло» к разным народам. Есть волжские татары и сибирские – разные субэтносы (видимо, один народ, ветви которого разошлись весьма далеко), есть татары крымские – это совсем другой народ с совсем другим языком. Кстати, азербайджанцев до революции и в первые послереволюционные годы тоже называли татарами – кавказскими. То есть, слово «татарин», по сути, применялось просто к тюркам вообще: не ко всем, впрочем, но ко многим.

Отсюда полная нелепость – сохранять до сих в наших учебниках словосочетание «татаро-монголы» или «монголо-татары». Тюрки, извините, монголам совсем не близкая родня.

Что за отношения были у русских с татарами на протяжении истории? Зададимся этим вопросом потому, что он по-своему стал актуален сегодня – в том смысле, что интеллектуальная элита волжских татар во многом воспринимает себя как многовековых потомков тюркской традиции. В самом деле, попытка обращения к истории, к национальной идентификации, когда она предвзята и малограмотная, способна вызвать

самые разные диковатые умонастроения и действия. Что мы от отдельных представителей нынешнего Татарстана время от времени и получаем.

А как хотелось бы побольше исторической грамотности!

Итак, еще раз подчеркнем, что тех древних татар, которые дали имя татарам нынешним, много веков уже не существует. Это, кстати, никого не должно изумлять, ибо история вообще с именами народов проделывает самые прелюбопытные штуки. Ну, скажем, китайцы в русском языке носят имя своих злейших врагов – киданей. Была такая Киданьская, или Каракитайская империя, на короткое время завоевавшая Северный Китай. Китайцы называют себя «хань», а мы их – именем племен монгольской группы. Но – ничего, китайцы на то не обижаются, как и немцы, которые для нас – немые, не умеющие говорить по-русски люди, а отнюдь не германцы. Не в названии, в конце концов, дело: главное, понять «ху из ху», рассуждая о народах. Не подменять одного другим, не дай Бог.

Как же все-таки развивались наши отношения? Что связывало народы? Как произошло так, что сначала один народ как бы поработил другой, а потом все произошло ровно наоборот? Кто что под этими самыми «порабощениями» понимает?

В XIII веке сложилось могущественное прото-имперское государство великого Чингисхана. Последний, надо заметить, обладал не только огромной волей и желанием захватывать территории, но и большим умом. Это позволило Чингисхану, в частности, создать замечательный закон, из которого следовало: если твой брат, следуя впереди в строю, уронил стрелу, а ты ее не поднял (или брата не окликнул), то тебя выпорют, а могут и казнить. Жестоко? В общем, конечно, но этого требовала от Чингисхана «сверхуплотненная» ситуация – завоевателей было намного меньше, чем завоеванных. Имелись и менее строгие наказания, – например, ссылка в Сибирь, где степняку жить оказывалось крайне тяжело (вот где корни нашей примечательной традиции). Между прочим, тот же самый закон требовал, чтобы человека за преступление непременно судили (пусть хотя бы начальник в поле) – убить «просто так» не

представлялось возможным. Европа тогда до этого, заметим, еще не созрела... Тот же закон требовал, чтобы аристократа покоренного народа судил хан. А кто был хан? И в тюркских, и в монгольских языках – это выборный военный правитель, тот, кто обладает огромнейшей властью во время войны, однако совсем мало имеет ее в мирные дни. При Чингисхане съезд вождей и свободных полноправных воинов выбирал хана: недостойному трудно было удержаться в «высоком седле». В науке такая система управления называется «народ-войско». Система жесткая, но очень честная.

Было в чингисхановском законе еще одно хорошее правило: он требовал оказывать покровительство (не просто терпеть или допускать!) любой религии и ее жрецам. Сами монголы были последними митраистами: они верили в светлое и черное начала, которые постоянно противоборствуют. В той же Орде имелись кэреиты и найманы – христиане, буддисты – среди уйгур. А вот мусульман было чуть! Именно поэтому когда монголы (которых самих было мало, зато много было племен, ведомых ими) пришли в Восточную Европу, первым досталось татарам. Одной сотой того разорения, которой подвергся Волжский Булгар (прародины нынешних казанских татар) не подверглись ни русские, ни армяне, ни осетины, ни грузины, ни какие другие христианские народы. Завоеватели устроили резню, исходя из сущностей военного похода на очень богатый город. Поэтому кое-кому сегодня стоит напомнить: те «татары», которые Орда, тех татар, которые настоящие предки татар нынешних, резали и избивали так, как, скажем, не резали и не избивали русских даже в Козельске.

А что хотели ордынцы от Руси?

Поскребите татарина – и обнаружите русского

Ордынцы хотели, чтобы Русь дала им степь. Русь к тому времени уже слабела: славяне и русы заканчивали свою историю (мы, русские, сегодня уже совершенно другой народ). Грандиозная конфедерация земель-княжеств стать федерацией не смогла, несмотря на все попытки святого Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо. В XIII веке народы

Руси были готовы, чтобы их завоевали. Вот ордынцы и сделали это.

Ордынцы не умели жить в лесах и лесостепях. Интересен тот факт, что в раскопанных селищах русов нет скоплений органики, т. е. серьезных следов тел людей и животных. Что это означает? То, что крестьянин успевал, завидев ордынца, угнать свою скотину в ближайший лес или даже рощу. Доблестный нукер (дружинник), столь славный в битве в чистом поле, оказывался там беспомощным. В ордынском вторжении пострадали, в основном, горожане – бояре, дворяне, купцы и ремесленники...

Вообще общепринятая точка зрения о «постоянных набегах» кочевников на беспомощных селян в корне неверна. Ну, представьте себе: живет мирное племя – и вдруг на него налетает стая ордынцев, убивает мужчин, насилует женщин, все съедает и ... снова исчезает. Куда исчезает? Да, конь способен развить скорость до сорока километров в час (очень хороший и один раз в день), лошадь – 10–12 км/ч в походе, телега с кибиткой может двигаться со скоростью 5 км/ч. Но зимой-то уже не кочуют! А значит, «недорезанные» земледельцы, восплавав естественным желанием отомстить, легко могли собраться в ответный поход (с хорошо кормленными конями и куда лучшим, чем у кочевников, вооружением). Должны были собираться в контрпоходы! Однако мы о таковых не знаем. Следовательно, и перманентные разоры со стороны ордынцев не более чем миф.

Повторим, не русские были ордынцам нужны, а причерноморские степи, да проживавшие в них племена (к примеру, половцы), причем, не как рабы, но члены Орды. Именно поэтому черниговские земли, издавна дружившие с половцами, пострадали от ордынцев более всего (били по ним, подчиняя половцев). Почему казанского татарина трудно отличить от русского? Да потому, что он, чаще всего, классический европеоид. Кто-то сказал: «Поскребите русского – и обнаружите татарина». Что ж, пусть так. Но совершенно справедливо и обратное высказывание: «Поколупайте татарина – и найдете русского».

История развивалась. Русские признали в монголах своих повелителей на правах вассалов. Что это означало? Вассалитет – норма Средневековья, отнюдь не унижительная для вассала. Вассал не раб синьора, но его дружинник. Уважаемый слуга! Английский король на протяжении трех веков тоже был вассалом французского короля, что, кстати, плохо кончилось для ... Франции. И наш вассалитет закончился трагично для Орды.

Кто-то скажет: но все же ордынцы устраивали набеги, убивали русских князей... Да, было такое. И набеги, и убийства. Но, скажем, за что убили святого Михаила Черниговского? Да за то, что он ездил в Европу сколачивать антиордынский блок. Если для русских Михаил Черниговский святой мученик, то для ордынцев он, по естественной логике, политический преступник. Михаил Черниговский отказался от унижительных для христианина обрядов? Так. Но Александр Невский тоже ездил в Орду, однако, его не заставляли предпринимать ничего подобного (чего он, конечно же, не сделал бы). Ибо отношения его с Ордой были вовсе другого свойства.

Ордынцы были предсказуемыми политиками. Честными («Нельзя лгать доверившемуся» – гласило одно из их правил), пусть и суровыми людьми. Потому русские мудро (в отличие, скажем, от грузин) и выстраивали с ними вполне терпимые отношения.

Русь сцепилась с Золотой Ордой в одну гигантскую систему. Культурно, религиозно мы были связаны с Византией, являлись восточными христианами, а вот геополитически оказались привязанными к Золотой Орде, вписались в ее систему. И став ведущим народом Восточной Евразии, сделались ответственными за последнюю!

Как известно, Орда была разрушена царем Иоанном III Васильевичем в 1480 году. Произошло это вследствие того, что к тому времени Золотая Орда совершенно выродилась, превратившись в бюрократическое образование, государство взяточников, способное разве что получать дань от того, кто платить ее соглашался. Дикие честные степняки оказались развращенными комфортом, исходявшим от ислама. Яства,

бассейны, танцы живота... Мурза малый «тянул» с мурзы большого, мурза большой – с бегларбега, бегларбег – с темника, темник – с хана... И хан знал, что, если он не будет «отстегивать», то его зарежут. Ордынцы превратились в иждивенцев не только русских, но и народов Кавказа, прежде всего, христиан. Ордынцев, которых все более «замещали» турки, погубили излишки, к которым ислам привык за тысячелетия (как нас сегодня губят дорвавшиеся до «высот цивилизации» так называемые «новые русские», неочиновники, всякого рода братки, сбившиеся в современную орду у рычагов управления обществом). При российской монархии многие из сегодняшних нуворишей, возможно, дослужились бы до степеней известных, но вот закупать на корню шикарные кабаки с голыми девками они явно не смогли бы. Ну, не принято тогда это было: сие – не только не по средствам, но и не прилично!). Когда мало культуры, но очень много цивилизации, – это очень печально...

Другая, не менее существенная причина гибели Золотой Орды – конфессиональная. Турки вытесняли монголов, и Орда стала посягать на православную веру. Мамай пригрозил православным – и был побит. Вскоре, впрочем, и мы были побиты Тохтомышем, турком по воспитанию. Битву вер уже было не остановить: проиграть должен был слабейший. Русь оказалась сильнее.

Она, впрочем, не смогла Орду крестить – на это сил и средств так и не хватило. Но многие ордынцы становились православными. Их потомки и сейчас рассеяны по всему миру (например, фамилии Аксаковых, Баскаковых, Кутузовых, Тютчевых...). Русские стали наследниками Золотой Орды, заполнив чингизидово пространство.

Все знают, что на реке Угре мы победили противника «стоянием». Менее известно, что великому царю Иоанну III даже «надоело» ожидать каких-либо действий со стороны врага, и он уехал в Москву. Так вот там ему никак невозможно было высунуться из Кремля: народ на площадях клеймил его как дезертира, называл «бегуном». Вот вам и «Русские-рабы», извечная раба Россия! Впрочем, царь Иоанн III был мудр:

настали холода, Ахмат ушел, а после был убит своими же. Русь была свободна, а война выиграна практически без единого выстрела.

Я бы назвал эту победу самым блестящим сражением России.

Орда распалась, но осколки ее оказались разными. Что делать дальше? Взять Казань? Это элементарно. Но долгое время Москва на это не идет, надеясь на то, что в Казани сохранится касимовская прорусская династия (зачем тогда лишние военные хлопоты?). Однако к власти прорвалась династия крымская. А османских агентов на обозримых просторах Русь потерпеть не могла. Вот и взяли в 1552 году Казань, а через четыре года, в 1556-м, Астрахань. В те времена Москва и думать не могла вести себя с позиции слабости.

«Завоеватели» и «порабощенные»

Итак, татар завоевывать русские не хотели. Но были вынуждены, как уже было сказано выше, это сделать. Однако, взяв Казань, русские повели себя по отношению к татарам весьма осмотрительно.

В Казань сразу же был назначен епископ – им стал святой Гурий (и это притом, что на Руси был один митрополит – в Москве и два архиепископа – Новгороде и в Ростове). Земский собор специально отметил, что приводить к святой вере должно только увещаниями, но не насилием.

Ханство было ликвидировано, но вся татарская знать получила статус служивых российских дворян. Есть красивая легенда: посередине Казани стоит башня Суюмбике, с которой в 1552 году бросилась и разбилась ханша. Башня обследована с предельной тщательностью – в ней нет ни одного татарского кирпича, это дозорная и сигнальная башня русского Кремля. Ханша вообще не бросалась ни с какой башни: ее почетно препроводили в Касимов и выдали замуж за касимовского хана.

А вот далее в стране началась Смута, первая Гражданская война в России. Происходит нечто парадоксальное. Есть золотое правило: враг моего врага – мой друг. Однако вопреки этому правилу в 1610 году выносятся Казанский Земский Приговор... об участии в ополчении Минина и Пожарского.

Почему подписал этот документ архиепископ Исая, понятно. Отчего поставили свои подписи немногочисленные в Казани русские дворяне, тоже ясно. Все по сердцу, по совести. Черемисы подписали (можно предположить), так они предпочитали русских татарам. Но Приговор подписали сами татарские мурзы! Они не ударили русским в спину, но поехали освобождать Москву от поляков. О чем это говорит? Понятное дело, о том, как вели себя русские «завоеватели» по отношению к «порабощенным» татарам.

Есть, впрочем, все же одна вещь, за которую русским должно быть перед татарами стыдно. В XVIII веке стало отчего-то неприлично вспоминать об одном человеке как о татарине. Этот человек – великий герой борьбы со Смутой земский староста Нижнего Новгорода Козьма Захарович Минин, он крещеный татарин Кириша Минибаев! Этот факт особенно красноречив на фоне неких попыток ныне вдруг ставшими туркофилами интеллигентов из Казани опорочить исторические взаимоотношения русских и татар. Да уж, за этих господ лишь домыслы, подогреваемые не менее пустыми надеждами подкормиться от Турции, а вот за того же автора этих строк, их оппонента, сам Минин...

Татары весьма хорошо служили в русской армии. Кроме того, они считались главными интеллектуалами по части ислама. Большинство мулл были из татар. Мулла, известный писатель и просветитель Казани Каюм Насыри вообще произнес фразу, которую никому, кроме как самому мулле, и произнести было бы никак невозможно:

«Русский больше всех знает, что нужно мусульманину».

Своим ордынским происхождением страшно гордился Куприн. Он считал, что самое большое его достоинство – то, что он русский офицер, затем – что он потомок ордынского мурзы. Ну, а уж писательский талант – дело десятое.

Именно поэтому до 1917 года не случилось ни одного татарского восстания против русских, ни одного сколько-нибудь серьезного социального недовольствия.

Вообще до советского периода пантюркистов на Волге замечено не было.

Тем не менее, коммунистическая власть немедленно произвела на свет татарскую республику. Так большевикам было удобнее поработать тех, кто не желал принять их власть (а для тюрков эта власть как безбожная вообще была неприемлема. Это вам не веротерпимый русский православный царь). Истинным своим поработителям татары сопротивлялись, как могли. Татарские кавалерийские формирования существовали в армии Александра Васильевича Колчака. Они боролись за Российскую империю до конца – боролись героически. А татары-кряшены (крещенные из язычества татары) – так те упорнее других оберегали христианскую веру и при победившем большевизме. В эпоху господствующего атеизма они преуспели в этом даже более православных русских и татар-мусульман.

Сила хитрости и правота силы

Есть ли сегодня опасность нагнетания сепаратистских тенденций в Татарстане? Иные политики и политологи пугают: дай хоть чуть-чуть «лишней» воли тем же чеченцам – и пойдет разваливаться Россия, и, в первую очередь, по «татарской линии». Уверен, это ложные страхи.

Ну, не получается у татар с сепаратизмом, сколько бы ни старалась раздуть его кучка протюркистско настроенных интеллигентов, даже и вошедших во властные кабинеты. Народ татарский, общая история русских и татар против них категорически. Пара сотен «пламенных» простамбульских семей ничто по сравнению с подавляющим большинством татар, не мыслящих себя вне России.

Хотя соблазны были и остаются.

Прежде всего, соблазняет нефть. Хотя в случае с татарами это, пожалуй, напротив, «игра в поддавки». Есть один неоспоримый, хотя и тщательно оберегаемый от гласности факт: наша нефть в целом не имеет реальной цены. Мы пускаем тюменскую нефть по одной трубе с башкирской и татарской, которые на 1/5 дешевле, поскольку хуже. И в итоге теряем в цене, подравниваясь по нижней. Зачем это надо? До каких пор это будут терпеть сибирские нефтяники? Серьезные вопросы, и тут уж татарам не до сепаратистских настроений.

Неужели татарские пантюркисты не понимают, что отключить Татарстан от нефтяной трубы для Москвы – элементарное дело?

Шаймиев и его окружение попугивают Кремль туркизацией – время от времени, когда есть причина выторговать что-либо. Для любого политика хорошо иметь какое-то серьезное оружие, даже если он никогда не собирается им воспользоваться и, вообще, оно по какой-то причине неисправно. Руководство Татарстана вроде бы во всем «за» Москву, «за» общую единую Россию, и потому «за» умеренный ислам. Но, вот, мечети отчего-то строятся османского типа. Это – так, казалось бы, не сверхвеликий знак, однако, он опять-таки с намеком: мы, татары, если что, можем и к Турции повернуться... Наивно? Разумеется, но ведь в политике еще какие мифические рычаги срабатывают.

Общеизвестно, что ласковый телок двух маток сосет. Можно уважать татарское руководство за его действия с позиции силы и при отсутствии оной.

Нашим русским политикам не помешало бы поучиться у татар такой, без сомнения, славной манере поведения, особенно при отстаивании интересов собственно русского населения. Пораженцы, вечно боящиеся обидеть везде и всюду то братские народы, то мировое общественное мнение и путающие при этом шовинизм с разумной силой, основанной на правоте позиции, более чем надоели.

Иго лжеумствования надо скидывать. В политике сохранения целостности России в том числе.

2001 год

Идеологические технологии

Набор аргументов русских националистов для полемики с политическими оппонентами или для обоснования собственной позиции

Название статьи не должно вводить читателя в заблуждение. Мы не собираемся лицемерить, предлагая исчерпывающий рецепт спасения России и русского народа. Это спасение зависит, во-первых, от четкого понимания, что же происходило в стране и с нацией на протяжении последних столетий ее истории, и, во-вторых, от осознанных усилий народа, общества для преодоления негативных составляющих нашей истории. Мы не собираемся лгать о якобы существующей возможности выработки национальной идеи. Национальная идея выработана за века русской истории всем обществом, всей нацией, а прежде всего нашими великими государственными деятелями, богословами, философами, историками. Мы всего лишь предлагаем простейшие технологии, применимые в избирательном процессе, облегчающие выбор достойного кандидата на ту или иную должность и полемику с кандидатом противника, облегчающие русскому кандидату выработку политической программы и крайне затрудняющие подобную деятельность кандидату антирусскому.

Речь идет о простейших технологиях, даже механическое применение которых дает любому гражданину великолепную возможность разобраться в направлении той или иной партии, того или иного депутата, чиновника, журналиста, газеты или телеканала. Простейшие технологии в сложную эпоху якобы происходящей в России деидеологизации помогут преподавателю и средней, и высшей школы разобраться вместе со своими учениками в сложных вопросах национального бытия как в прошлом, так и в настоящем.

Любая технология может совершенствоваться каждым по своему усмотрению. Примеры и аргументы не по нраву могут заменяться выбранными в соответствии со шкалой этих

технологий. Но мы уверены, что если вы, уважаемый читатель, будете применять изложенные здесь технологии, то уже следующие, ближайшие к нам выборы, дадут успех русским кандидатам. Если же вы согласитесь с тем, что эти технологии имеют смысл и целесообразны, но при этом не приложите ни малейших усилий для их пропаганды, чтобы идеологическими технологиями овладели ваши друзья, коллеги, ученики, соотечественники, то вы совершите серьезную ошибку, а может быть, и тяжкое преступление перед русским обществом и русской нацией.

ТЕХНОЛОГИЯ 1. СОПОСТАВЛЕНИЕ

Сопоставление есть естественный метод аргументации политика, общественного деятеля, педагога и журналиста. Этот метод применялся с успехом уже в классической Древности.

Всегда сопоставляйте. Помните лишь о том, что чем ближе аналогия, чем больше параметров двух сопоставляемых картин будут совпадать, тем аналогия будет убедительнее.

Конечно, чем хронологически ближе два примера из практической политики, тем эффективнее будет ваше сопоставление, хотя это и не обязательное условие. Иногда исторические коллизии повторяются через столетия. Сопоставляйте, прежде всего, исторический материал.

Именно сопоставление позволяет избавиться от терминологической путаницы со многими понятиями, используемыми повседневно, прежде всего, в печатных изданиях и электронных средствах массовой информации.

Ровным счетом ничего не означает вне исторического опыта понятие «монархия», понятие «демократия», понятие «республика». Чрезвычайно важно давать им определенную привязку. Тогда мы увидим, что вписывается в национальную традицию и дает хорошие результаты, а что нет.

Нашу с вами страну обвиняют частенько в отсутствии глубоких демократических традиций. Вместе с тем, наши демократические традиции уходят глубоко в догосударственную историю славян. Это вечевой строй, это община. На протяжении долгих веков нашей истории демократические элементы практически не исчезали, сохранившись вплоть до двадцатого

века. Полностью они не исчезают даже в крепостническую петербургскую эпоху. Мы знали вече и земства, знали сельский и волостной сход, в городах – сотни и слободы. Мы знали собственный парламентаризм.

«Учитесь парламентаризму на Западе, ведь английский парламент впервые собрался еще в 1265 году» – будет сказано вам. На это вам вполне естественно ответить, что наш парламентский опыт на 54 года старше западного, его первое проявление датируется 1211 годом, когда возникло сословное представительство, созданное Великим князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо.

Мы должны отчетливо видеть, что в каждой стране демократические институты приживаются только в национальной форме и только тогда, когда их уместно иметь, что наша демократическая традиция земского свойства, что ей чужда система политических партий.

Последнее время нам частенько пропагандируют идею восстановления монархии. Что ж, у нас действительно необычайно древняя монархическая традиция. Однако следует помнить, что западные образцы монархий нового времени, то есть монархии абсолютные и монархии конституционные, не свойственны русской истории. Нам свойственна монархия сословно-представительная. Кстати, она прекрасно уживалась с мощной демократической традицией и с традицией аристократической.

«В русской истории чаще всего действуют деспотические методы правления. В русской истории полно тиранов!» – говорят нам. Но самое взыскательное исследование исторического процесса до 1917 года даст не более двух тиранов. При любых натяжках на эту роль могут подойти только цари Иван IV и, с определенными оговорками, Петр I. Для сравнения, в итальянской истории без труда можно насчитать многие десятки тиранов.

Чрезвычайно удачным бывает сравнение двух нерусских демократий. Так, сопоставление образцов классической демократии Греции, средневековой демократии городов-государств, парламентских демократий XVII-XIX веков и

западных демократий современности приводит к мысли, что если на Западе демократия сейчас и существует, то она сильно повреждена, во-первых, бюрократией и, во-вторых, различными олигархиями – корпорациями богатых, корпорациями тайных обществ, корпорациями прессы. Поврежденная демократия, вполне естественно, не годится в качестве образца для восстановления демократических традиций в нашей стране (см. технологии 3 и 7).

Вполне естественно пользоваться сопоставлением в важном вопросе об истории сложения национальных и государственных территорий.

Несомненно, все читатели помнят, что большая часть территорий, имевших собственное население и вошедших в состав России, сделали это добровольно. Однако чрезвычайно важно помнить, что, например, грузины сами добивались вступления в состав Российской империи с конца XVI века на протяжении двух столетий. И в конце XVIII века они того добились. Есть и другие подобные аналогии.

Другое прямое сопоставление. Северная Ирландия отрезана у Ирландии в силу того, что большинство населения Северной Ирландии составили английские переселенцы во времена порабощения Великобританией всей Ирландии. Сопоставьте: Харьков отрезан у нынешней Российской Федерации на том основании, что с разрешения русского царя на эту территорию переселились украинцы.

Обратите внимание на предлагаемую нам логику. Если город основан русскими, а в настоящее время большинство населения составляют нерусские, то этот город уже нерусский, например, город Грозный. А если город основан не русскими, но большинство населения в нем русские, то и этот город тоже не русский, например, город Рига.

А вот еще один поразительный пример. Город Ругодив основан русскими, затем стал немецким и получил имя «Нарва», снова вошел в состав России и имеет на сегодня не менее 9/10 русского населения, находясь на территории Эстонии. Однако и этот город тоже «нерусский», хотя, насколько нам известно, немцы на него не претендуют, а эстонцы и ранее

никогда не составляли в Нарве сколько-нибудь значительного процента населения.

Видоизменяясь и трансформируясь, не выходит из употребления миф об отсталости царской России. Сопоставление полностью развенчивает этот миф. Мы сошлемся на чрезвычайно интересное исследование, которое было проведено в начале семидесятых годов известным физиком Федосеевым, занимавшимся сопоставлением жизненного уровня. При принятии уровня жизни в России 1913 года за сто условных единиц, уровень жизни в Великобритании в том же 1913 году составил 80 условных единиц – на одну пятую ниже. Уровень жизни в Великобритании в 1968 году составлял 216 условных единиц, а уровень жизни в Советском Союзе в том же 1968 году – 53 условные единицы. В 1968 году мы жили вдвое хуже, чем в 1913! Желающие могут провести и следующее сопоставление жизненного уровня 1968-го и нынешнего, текущего года.

Картины жизни России, не прошедшей через революцию и революционные разрушения, как ни странно, предоставляет нам Финляндия – в прошлом одна из наиболее отсталых европейских стран, представлявшая в начале XIX века, в момент присоединения, одну из наиболее нищих и отсталых частей Российской империи. Все, что было приобретено финнами за последние примерно двести лет, приобретено благодаря присоединению к России. Таким образом, глядя на современное финское жилище, на благоустройство финских дорог, сохранность финской природы, мы глядим с вами на часть России, не претерпевшую революционных измывательств.

Отсюда уместно обратиться к серии сопоставлений, которые рисуют положение Российской Федерации в послереволюционном СССР, положение русских в РСФСР. Обширный материал подобных сопоставлений опубликовала еще в 1984–85 годах доктор юридических наук Галина Ильинична Литвинова.

Обратим внимание на экономику. Как известно, Советский Союз жил в замкнутой, определяемой высшими инстанциями системе цен. Так вот, трудоемкость такой сельскохозяйственной

культуры как картофель примерно совпадает с трудоемкостью цитрусовых. Потому на мировом рынке цены на картофель близки к ценам на цитрусовые. Нетрудно вспомнить, во сколько раз картофель был дешевле цитрусовых в СССР, и какие регионы производили картофель, а какие – цитрусовые. Сопоставление рисует нам дискриминацию русских регионов.

Примеров таких множество. Есть и примеры административные – примеры из области государственного устройства. Российская Федерация – единственная в СССР – не имела своего центрального комитета коммунистической партии. При партийной системе тогдашнего управления то была явная дискриминация. Российская Федерация не имела своей Академии наук. Следовательно, ее населению было предоставлено меньшее число академических институтов, меньшее число академических званий и должностей, докторских и кандидатских ставок, мест в аспирантуре и так далее. Итогом всего того был значительно более низкий уровень распространенности высшего образования среди русского населения (см. технологию 2).

Следует помнить, что к началу XXI века население России должно было составлять полмиллиарда, что в русских областях Российской империи в 1913 году русские составляли 95% населения, в то время как в 1989 году – только 82%. Следует учитывать, что темпы прироста русских уступили темпам прироста мусульманских народов Советского Союза только в 60-е годы XX века. Таким образом, сопоставление рисует нам не только картину ограбления русского населения революционным и послереволюционным режимом, но и на уровне современных представлений, принятых международными организациями, позволяет убедительно квалифицировать обращение с русским народом на протяжении восьмидесяти лет как геноцид, продолжающийся и в настоящее время.

Обратите внимание, что коммунистический режим поставил русских в положение расчлененной нации, так как до революции белорусы и украинцы считались русскими, а послекоммунистический режим закрепил русских в положении

расчлененной нации, разделив территорию исторической России между полутора десятками государств. Здесь уместно сопоставление с положением немцев до воссоединения Германии, с положением вьетнамцев до окончания Вьетнамской войны, с нынешним положением корейцев.

В начале перестройки громко звучали напоминания о депортации народов при сталинском режиме. Но та депортация была преодолена впоследствии. И любое упоминание о ней должно служить русскому или дружественному русским политику поводом напомнить о том, что в процессе сложения так называемой национальной Турции была проведена депортация греков, ассирийцев, армян, а в настоящее время проводится депортация сербов с территорий, оккупированных хорватами. Напоминать надо и о депортации русских из ряда сопредельных РФ регионов, получивших статус независимых государств.

Наиболее усердствуют в депортационной политике правительства современных Латвии и Эстонии. Кстати, ради сопоставления заметим, что в то время как русские подвергались идеологическому расчленению на неисторические нации, некоторые народы исторической России напротив резко увеличили свое население, административно ассимилируя инородческое население. Так, латгальцы оказались латышами, памирцы – таджиками. Есть и другие примеры.

На фоне вышесказанного нужно вспомнить о решении Конгресса США, который отказался включить русских в число поработанных коммунистическим режимом народов. Это решение не должно забываться, и следует квалифицировать как откровенный шовинизм.

Пожалуй, самый убедительный материал для сопоставлений дают примеры практической внешней политики. Так, государством Израиль была проведена в свое время бомбардировка двух заводов на территории Ирака на том основании, что Ирак на этих предприятиях вел подготовку своего ядерного процесса. Любое сопоставление с этим убеждает, что отныне любое государство вправе нанести бомбовый удар по территории государства Израиль в случае

серьезности подозрений в успехе проводимой им программы создания ядерного оружия.

Как известно, Ирак подвергся жестоким бомбардировкам и удару сухопутных (в основном американских) войск в силу захвата им небольшого государства Кувейт. Однако Турция уже на протяжении четверти века оккупирует значительную часть территории Республики Кипр, из чего вполне естественно вытекает еще большее право любого сообщества государств бомбить территорию Турции.

Продолжим рассмотрение подобных сопоставлений. Обратимся к политике США. Как известно, Соединенные Штаты Америки десантной операцией устранили невыгодный им режим в небольшом латиноамериканском государстве на острове Гренада. Вполне естественно, тем самым США подтвердили право любого заинтересованного государства на подобную десантную операцию в пределах объявленной этим государством зоны его национальных интересов.

Есть еще маломасштабные, но более интересные примеры. Так, например, те же американцы захватили на территории суверенной Республики Панама законного президента этой страны, генерала Норьегу по обвинению в причастности его к наркобизнесу, то есть, в совершении уголовного преступления. Впоследствии Норьега был отдан в США под суд. Вполне естественно, что любая страна вправе в результате прямой аналогии арестовать государственного деятеля другой страны, если он совершил уголовно наказуемое деяние, которое мог бы рассмотреть суд захватывающей страны. Так, например, Российская Федерация, а тем более историческая Россия, вправе арестовать на территории сопредельного суверенного или независимого государства любого государственного деятеля, хотя бы и президента какой-нибудь республики, если ранее он совершил уголовно наказуемое деяние на территории России.

В принципе, метод международного террора осуждается практически всеми политическими кругами. Однако простые сопоставления показывают, что не любой захват человека на территории другой страны есть акт террора. Уже

упоминавшееся государство Израиль таким образом захватило не где-нибудь, а на территории Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии, израильского физика Вануну, депортировало его тайно на территорию государства Израиль, где он был предан суду по обвинению в разглашении израильской государственной тайны. Кстати, речь шла об обвинении правительства Израиля в тайном создании ядерного оружия.

Вряд ли можно предложить по этому поводу захватывать любого человека в любой стране. Но в аналогичной ситуации после подобной выходки любое государство вправе тайно захватить преступника, разглашавшего его государственные тайны, во всяком случае, на территории государства Израиль.

Рекомендуем нашим читателям помнить, что любой жесткий пример, любая система фактов, включенная в систему сопоставлений, необязательно является декларацией вашей готовности поступать подобным образом. Так, например, русский человек, русский политик вправе посчитать, что чье-то неблагородное поведение еще не есть основание для того, чтобы и он вел себя столь же неблагородно, тем более преступно. Но сопоставление есть необходимое условие успешного применения других идеологических технологий. Потому, декларируя права на те или иные жесткие действия, вы не обязательно собираетесь их применять, а лишь ставите оппонента в чрезвычайно неудобное положение.

Не проведя серии сопоставлений, никогда не входите в положение оппонента. Напротив, весьма целесообразно заявлять максимальные претензии и ждать предложений компромисса. Компромисс – хороший вариант политической игры, но лишь при том условии, когда компромисс есть уступки с обеих сторон. Компромисс с одной стороны называется не компромиссом, а капитуляцией.

Нужно помнить, что за последние десятилетия, а особенно последние пять-шесть лет, русские уже столько уступали, что на полвека вперед обеспечили себе право требовать уступок противоположных сторон, и только в этих условиях русским политикам следует соглашаться на компромиссы.

Весьма настоятельно рекомендуем отметить различные формы лести о терпимости, смирении, благородстве русских, о чем говорится каждый раз, когда нас начинают бояться или хотят обмануть. Когда вы слышите утверждения некоторых собеседников (обычно западного происхождения), что бедность русских людей не имеет существенного значения, а гораздо важнее высокая духовность наших соотечественников, вы получаете право возразить, что Россия есть последняя великая христианская страна, что она явно обладала еще более высокой духовностью в начале нашего века, но обладала одновременно и могуществом, богатством одной из крупнейших держав. Таким образом, когда собеседник поет дифирамбы вашей бедности, он лишь стремится, чтобы вы забыли утраченное Россией, причем утраченное, вероятно, не без помощи соотечественников вашего собеседника (см. технологию 5). К полному провалу приведет общественного деятеля доверие к странным уверениям некоторых христианских авторов в том, что Россия восстановится как благочестивая христианская страна, хотя всегда будет бедной. Можно не сомневаться, что подобные утверждения уж молодую-то часть населения оттолкнут стопроцентно (см. технологию 3).

Наконец, предостерегаем от доверчивого отношения к политикам и идеологам, провозглашающим известный кинематографический тезис «за державу обидно» и обещающим порядок, то есть сохранение нынешнего нищенского уровня. Это – не что иное, как попытка еще раз в нашей истории принести общество и нацию в жертву государству, в то время как государство напротив должно безупречно служить этим вышестоящим категориям (см. технологию 7).

Бесполезно и бесперспективно скандировать: «Са-вет-ский Са-юз!», но может быть гораздо эффективнее напевать песенку:

«Все, что можно, хоть кому-то. Можно нам, можно нам!»

ТЕХНОЛОГИЯ 2. КОМПЕНСАЦИЯ

Принцип компенсации (возмещения ущерба) – один из древнейших принципов правовых обществ. Можно, пожалуй, утверждать, что право, прежде всего, опирается на принцип компенсации. Древнейшие правовые акты именно из этого

принципа и исходили, ибо разрешали, прежде всего, отношения между гражданами.

Вопреки утверждениям как марксистских, так и современных отечественных либерально-демократических публицистов, большая часть обществ мировой истории были обществами свободных граждан, вне зависимости от того, управлялись они монархически, демократически или аристократически. Демократия принимает принцип компенсации без всяких условий, или демократией называться не может.

Конечно, и другие принципы составляют основу правосознания. Та же система наказаний опирается в наше время не только на принцип компенсации. Вслед за ним появился принцип устрашения потенциального преступника, а затем и принцип воспитания преступника, его исправления. Они могут обогатить правовую структуру, но они не могут отменить принцип компенсации.

Заметим сразу, что системы деспотические, а особенно системы полицейские, – худшие из политических систем, ибо они принцип компенсации вуалируют или даже стремятся полностью упразднить. Мы все желаем жить в правовой системе. Более того, мы не против того, чтобы эта система была демократической или содержала элемент демократии. Потому для нас сейчас компенсация есть принцип наиважнейший, тем более, что послереволюционный коммунистический советский режим сделал всё, чтобы этот принцип не ощущался в нашей жизни, в правовой системе и системе наказаний.

Принцип компенсации необычайно важен. Представьте себе: вас, к несчастью, обвинили в убийстве человека. Хотя вы никого не убивали, улики таковы, что суд вынес обвинительный приговор. В силу шаткости некоторых улик или милосердия судей вас не расстреляли. Из пятнадцати лет тюремного заключения вы отсидели четырнадцать. Тогда и выяснился, благодаря стечению обстоятельств, настоящий убийца. Что может сделать общество и государство, которым повелевает общество, для того, чтобы компенсировать происшедшее? Время обратить вспять человек бессилен. Даже вернуть вам

утраченное за четырнадцать лет зоны здоровье мог бы только сам Господь Бог. Но общество делает то, что оно может: просит извинения, публичного и опубликованного так, чтобы ни у кого не осталось сомнения в вашей невиновности, и назначает вам такую демонстративно огромную пенсию, дабы вы могли лечиться не только у лучших отечественных, но и у лучших зарубежных врачей. Справедливо? Несомненно. Вряд ли в этом случае кто-нибудь из нас станет возражать против незыблемости принципа компенсации.

Принцип компенсации должен, прежде всего, проводиться в интересах отдельного человека, отдельной семьи – семьи полноправного гражданина, нашего с вами соотечественника. Он должен проводиться так последовательно, чтобы никто не сомневался в его необходимости.

Например, по вине муниципальных властей, муниципальной администрации у вас, кроме обычных трех недель профилактических работ, еще целый месяц не подавалась горячая вода. Вам нанесен ущерб. Минимальная компенсация, которая, безусловно, должна предусматриваться, – это неоплата вами соответствующей невыполненной коммунальной услуги. Или, скажем, вы получили легкое отравление в силу некачественного продукта, приобретенного в магазине. Ваше лечение и ваша вынужденная временная нетрудоспособность (хотя бы и в течение одного дня) должны, естественно, проводиться за счет этого магазина.

Прежде всего, принцип компенсации у людей, строящих правовое, а тем более демократическое правовое общество, распространяется на подобные случаи, особенно когда ущерб нанесен по вине администрации, по вине чиновников. Ибо соблюдение принципа компенсации уведет нас от соскальзывания к худшей политической структуре из возможных – к полицейскому режиму (см. технологию 7).

Разумеется, речь может идти о компенсации по вероисповедному принципу, о компенсации по национальному принципу, о компенсации по гражданскому принципу.

Самый простой пример. Представим себе ситуацию в крупном городе, особенно если это столица, когда вас

коммунистический режим пятнадцать или двадцать лет назад насильственно (а что тогда делалось ненасильственно?) выселил из старой московской квартиры в некий район, который и сейчас с трудом можно признать частью Москвы, например, в Бутово. Освободившаяся от вас и вам подобных коренных москвичей жилищная площадь используется для создания молодежного жилищного кооператива, то есть, в ваш дом вселяют отличившихся комсомольцев – будущих «новых рашенов». И вот наступила эпоха приватизации жилья. Вы можете до посинения приватизировать никому не нужную квартиру в Бутове, а комсомольцы, посжигав комсомольские билеты, вливаются в ряды новых богачей и приватизируют невероятно дорогую жилищную площадь в пределах Садового кольца. Принцип компенсации заключается в том, что вы – коренной москвич или москвич, натурализовавшийся и проживший в Москве не один десяток лет, несомненно, вправе потребовать, чтобы вам была возвращена ваша площадь в историческом городе вне зависимости от того, как на это посмотрят бывшие комсомольцы.

Если немного расширить подобное рассмотрение механизма компенсации, она касается и многого другого. Например, навязанное нам действующее законодательство допустило к избирательному процессу явных мигрантов, переместившихся из других областей нашей страны, ставших к настоящему моменту суверенными государствами. Привнесенный в избирательный процесс компенсационный принцип позволяет оспорить, скажем, не только избрание того или иного состава Государственной думы, но и действенность Конституции 1993 года на том лишь основании, что за нее проголосовали вместе с гражданами еще и иммигранты, более всех заинтересованные в отношениях с властями. Если иммигранты тоже голосовали, значит, Конституция недействительна.

Принцип компенсации эффективно работает только благодаря последовательно примененной системе сопоставлений (см. технологию 1). Рассмотрим пример. В своем антирусском законодательстве правительства нынешних

суверенных государств Латвии и Эстонии ведут отсчет граждан от 1940 года, то есть года, который они полагают годом насильственного присоединения исторически не сложившихся, но существовавших между двадцатым и сороковым годами нашего столетия республик Эстония и Латвия. Применяя принцип компенсации к сопоставлению положения русских и ряда других народностей в исторической России, мы вправе принять в Российской Федерации закон, полагающий иммигрантами, не имеющими политических прав, всех, чьи предки поселились в пределах Российской Федерации после 3 марта 1917 года, когда был разрушен легитимный исторический режим России. Заметим, кстати, что принятие подобной нормы будет вариантом применения гражданской, а не национальной компенсации, тем более, что именно так эту норму толкуют в Прибалтике.

Несомненно, каждый беженец или вынужденный переселенец вправе получить исчерпывающую компенсацию за нанесенный ущерб, в том числе и моральный. Компенсацию должно предоставить правительство той бывшей союзной республики, на территории которой осталось имущество беженца. Никакой срок давности не может быть применен к подобной ситуации, как и к ситуации вынужденного покидания евреями территории Германии, за что компенсации выплачиваются и по сей день. Задержка в предоставлении компенсации вынужденным переселенцам, прежде всего русским, в перспективе приведет только к увеличению их объема (возрастанию процента), за что в отдаленном будущем все равно придется расплачиваться либо соответствующему правительству, либо за отсутствием правительства – всему народу, повинному в вытеснении беженцев.

А как может действовать принцип компенсации национальной? Международные нормы признают право любой народности добиваться восстановления справедливого баланса, если в том или ином государстве эта народность обделена собственностью, образовательным цензом, теми или иными гражданскими правами. Повторим еще раз, что это – международная норма. В силу послереволюционного геноцида

именно русские снизили свою численность, утратили уровень рождаемости, в силу чего в антирусском направлении изменился демографический баланс народностей в СССР. Как должна действовать компенсация в наших условиях? Русские имеют право добиваться компенсации в виде поощрения рождаемости, особых мер по охране русской семьи, особой жилищной политики, без которой не разрешима ни проблема сохранения семьи, ни проблема повышения рождаемости. Если мы твердо знаем, что русские были дискриминируемы в системе образования, в системе предоставления мест в аспирантурах и докторантурах, в предоставлении престижных ставок по месту работы, то русские имеют право на национальную компенсацию и, естественно, не только и не столько на территории нынешней Российской Федерации, сколько на территории бывшего Советского Союза. Поскольку в Эстонской ССР или Львовской области подобная дискриминация представляла собой многолетнее явление, в этих регионах русские должны получить специальные дополнительные места в учебном процессе для восстановления справедливого национального баланса. И где бы ни находились русские, где бы они ни жили, гражданами какого бы государства они на сегодняшний день ни были, они вправе требовать от администраций хотя бы и безупречно суверенных государств проведения компенсационного национального принципа.

Известно, что советский режим, превративший так называемый научный атеизм в свою официальную религию, дискриминировал и угнетал представителей всех вероисповеданий. Однако неоспоримо, что в течение наибольшего по продолжительности отрезка времени дискриминировались именно православные – подавляющее большинство населения исторической России.

Хотя бы один пример на эту тему. Последняя мечеть была построена в Казани в 1928 году. Но в том же году уже было закончено закрытие монастырей православной церкви, и власти приступали к массовому закрытию приходских храмов. Естественно, эта вероисповедная дискриминация касалась не только молитвенных помещений. В еще большей степени

дискриминация касалась системы образования, упразднения на территории Советского Союза официально действовавшего ранее православного календаря – опоры православного вероисповедания и восточнохристианской культуры. Следовательно, мы можем требовать компенсации вероисповедной, которая заключается не только в возвращении православного имущества епархиям, монастырям, приходам и добровольным объединениям (например, братствам), но и в восстановлении календаря, в предоставлении системы льгот и материальных поощрений для восстановления позиций православия в системах образования и воспитания.

Если поэтические творения суфийского шейха Джалаледдина Руми издавались тиражами во многие сотни тысяч, а поэтические творения Иоанна Златоуста, поэта не менее великого, не издавались никогда в советское время, то компенсация в этой области – отнюдь не дело частной инициативы, а дело всего общества и государства. Это касается также и капиталовложений в различные виды искусства, например, в кинематографию. Это должно касаться, несомненно, и всей государственной политики в комплектовании музеев, особенно библиотек.

Принцип компенсации должен особенно ревностно охраняться в вопросах внешней, международной политики. Вспомним ряд сопоставлений из технологии 1. Если Ирак, оккупировавший Кувейт, подвергался бомбардировкам, а Турция, оккупировавшая Кипр, и государство Израиль, оккупировавшее палестинские арабские территории, бомбардировкам не подвергались, это является основанием для требования компенсации населению Ирака. Если сербские территории подвергались военному воздействию, а хорватские военному воздействию не подвергались даже тогда, когда хорватские власти провели чудовищное избиение сербов, зачищая районы Республики Сербская Краина, это означает, что сербы имеют право на значительную компенсацию со стороны мирового сообщества и сохраняют это право на компенсацию, по крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь не отбомбится по хорватским городам и селам.

Ваш оппонент может в качестве аргументов обращаться к нормам гуманизма, принципу ненасильственности, и, несомненно, признаваемому нами всеми принципу равноправия (равноправия граждан, равноправия народов, равноправия государств...). Не спорьте с подобным оппонентом. Проще ответить ему еще одним веселым куплетом:

«Равноправие – после компенсации!»

ТЕХНОЛОГИЯ 3. КРЕПКОЕ ОБЩЕСТВО

Почему в Польше победил профсоюз «Солидарность»? Почему он победил во вполне социалистической стране при весьма многолюдной коммунистической партии? Почему «Солидарность» победила тогда, когда угроза ввода советских танков, да еще вместе с восточногерманскими, болгарскими, венгерскими и чехословацкими была вполне реальной? Почему, когда вместо Леха Валенсы президентом оказался генерал Ярузельский, это уже означало победу «Солидарности», ибо тут же выяснилось, что этот коммунист и генерал Варшавского пакта вовсе не намерен отдавать на растерзание свою польскую «Солидарность»?

Почему много раньше, уже в пятидесятые годы, в коммунистической Польше, где все было, как у других, даже государственная безопасность была, не закрывали костелы? Разве поляки набожнее русских? Ни в коем случае! Есть много оснований полагать, что русские набожнее. Но даже смешно было бы представить себе, что поляки отдадут свои костелы или, смешно подумать, позволят разорять свои костелы инородцам – белорусам, евреям, или, скажем, интернационалистам.

Все указанное было возможно, потому что польский руководитель, польский чиновник, польский милиционер, чуть что не так, выслушивал прямой вопрос: ты поляк или дерьмо? Выслушивал дома, выслушивал в гостях, выслушивал на своей службе, хотя, разумеется, во внеслужебной обстановке.

Возьмем менее масштабный пример. Поляки любят собак. Поменьше, чем англичане, но, может быть, немного больше, чем русские, которые тоже любят собак. И вот задолго до перестройки и «Солидарности» в одном квартале появился

постовой милиционер, который активно не любил собак и вовсе того не скрывал. И что же? Общественное давление на начальство оказалось столь серьезным, что милиционера вышвырнули вон, возможно, в такое место, где вообще нет собак.

Это очень важный пример. Поляк не хочет быть дерьмом. Более того, он недвусмысленно хочет оставаться поляком. Потому поляку невозможно сказать с телеэкрана, что точек зрения на его национальные интересы столько, сколько есть законных граждан Польской Республики, что и те, кто полагают, что интересы страны полностью должны быть подчинены мировому сообществу или прогрессивному человечеству, – тоже поляки.

И нам тоже нельзя будет подобное заявлять, как только мы в ответ начнем твердо и недвусмысленно говорить: есть русские, а есть вонючие. Или что-то в этом роде.

А вот еще пример крепкого общества, его деятельности, его самозащиты, нередко проявляющейся в Западной Европе. И на Западе существует инфляция, и на Западе растут цены. Однако на резкие скачки цен (скажем, на отдельные продовольственные продукты) домохозяйки Дании или Голландии отвечают забастовкой: перестают покупать масло, временно, но солидарно переходя на маргарин. Как правило, продавцы капитулируют быстро, ибо убытки от такой домашней забастовки невозможно компенсировать резким повышением цен. Думается, торговцам даже не приходит в голову нанять мордоворотов, чтобы разогнать пикеты домохозяек. И не потому, что домохозяек, разумеется, будет защищать полиция, а потому, что полиция может не успеть спасти и мордоворотов, и самих торговцев от разгневанных голландских или датских мужей.

Как же нам прямо сейчас, в кратчайшие сроки, восстановить крепкое общество, без которого и вне которого бессмысленны разговоры и о демократии, и о национальных интересах?

Во-первых, обществу надлежит всерьез заинтересоваться, кто и на что тратит деньги. Сейчас проповедуется

индивидуализм, и нам внушают, что каждого порядочного и цивилизованного человека вообще не касается, кто и каким образом зарабатывает деньги, и сколько он их зарабатывает (если при этом непосредственно сейчас не совершается уголовное преступление), и уж совсем не касается, на что он тратит заработанные средства.

Следует решительно признать и утвердить, что пропаганда безудержного индивидуализма есть социально опасная ложь. Когда проповедуется безграничный индивидуализм, это делается для того, чтобы русский гражданин стоял один как перст перед сплоченной корпорацией чиновников, корпорацией банкиров, журналистов, преступников, чеченцев или милиционеров.

Сейчас в России нет настоящих богатых людей, чей семейный капитал складывался бы на протяжении поколений. Есть скоробогачи, средства которых в той или иной степени представляют собой присвоенную часть общенародной собственности. Это не традиционно для России, где скоробогачей никогда не уважали. Однако в нашей ситуации в этой социальной картине есть огромная положительная черта.

Помнится, еще в конце восьмидесятых годов отдельные социально мыслящие патриоты говорили: когда мы придем к власти, нас не будет интересовать, откуда и кто взял деньги, нас будет интересовать, как и на что потратил.

В самом деле, вполне естественно обществу полагать, что богач в значительной степени оправдывает свое богатство, если материально поддерживает русскую национальную политическую партию, русскую школу, финансирует библиотеки или спасает народные промыслы, воссоздает детские лагеря и молодежные спортивные клубы, заботится о здоровом подрастающем поколении, помогает церковному приходу, религиозному братству, участвует в охране природы и охране памятников. Совсем иначе общество должно оценивать того богача, который финансирует псевдорелигиозную секту или секту, спрятавшуюся под видом научного общества, который не жалеет средств на развитие поп-ансамблей, может быть, и популярных, но существующих вне русской традиции, который

финансирует чужое. Первый предприниматель возвращает то, что, может быть, не вполне законно приобрел несколько лет назад, а второй крадет дважды.

Обществу надлежит обсуждать это постоянно, предавая гласности все траты богатых людей, все спонсорские ухищрения, и результат не замедлит проявиться. Ибо каждый состоятельный человек желает сохранить и оставить в наследство детям то, чем он более или менее законно владеет сейчас, не подвергая себя перспективе будущей конфискации.

Причем в тяжелой нынешней ситуации общество должно интересоваться не только тем, кому дарят и помогают, но и как это делают. Например, когда православному приходу помогают обзавестись столь редкой сейчас приходской библиотекой или помогают открыть православную школу – это безусловное благо, а когда настоятелю дарится роскошное паникадило или сотовый телефон – это благо уже весьма относительно.

Общество становится крепким тогда, когда граждане помогают друг другу в жизненных невзгодах.

Мы подаем нищим, в том числе и огромному количеству профессиональных прохиндеев, выдающих себя за нищих. Крепкое же общество прежде всего стремится помочь каждому из сограждан не превратиться в нищего. Крепкое общество стремится, чтобы сограждане не снижали своего общественного уровня, чтобы профессионал высокой квалификации был уважаемым и не лишался безумной политикой государства своего профессионального статуса.

Если в невзгодах помогают друг другу постольку поскольку, ибо невзгоды не всегда видны окружающим, то в беде в крепком обществе помогают всегда. Если русского где-нибудь бьют (ну, скажем, какие-нибудь «тьмутараканы»), то долг любого русского – немедленно бежать на помощь. Долг русских – сбегаться на помощь своему! Долг физически немощных, стариков или женщин – вопить не своим голосом, созывая помощь, долг немощных – безусловно, идти в подобной ситуации свидетелями в пользу своего. Неоказание помощи своему есть безусловный позор, и не оказавший помощь

должен недвусмысленно быть предан общественному презрению.

Общества, оказавшиеся в столь тяжелом положении, в котором сейчас находится русское общество, поступали даже еще жестче. Монголы в XII-XIII веках за неоказание помощи просто казнили. С нас, пожалуй, довольно казней, но именно в этой ситуации есть русские, и есть вонючие. И только таким может быть мнение крепкого общества. Таким же должно быть и воспитание в крепком обществе.

Если же помощь своим не оказывает милиционер, если интересы чужих поддерживает чиновник, иным словом, если противником крепкого общества становится власть имущий, социальное давление есть наиболее эффективное средство против него. Причем в этом случае давлению стыда должна, несомненно, подвергаться и вся семья власть имущего.

Не станет ни один чиновник защищать «тмутараканские» товары в ущерб отечественным, не станет милиционер помогать «тмутараканам» в ущерб своим, если после того его родителей не пригласят на чай, жену станут публично стыдить в магазине или на автобусной остановке, если, наконец, его ребенка поколотят одноклассники.

Все это есть меры самозащиты крепкого общества в процессе его формирования. Общество существует лишь тогда, когда оно действительно консолидировано. Консолидироваться, прийти к солидарности общество может, только объединяясь в различные корпорации. Формы подобных корпораций чрезвычайно многообразны. Существует богатейшая как всемирная, так и наша национальная традиция.

Консолидирует, например, церковный приход, хотя над консолидацией прихожан тоже еще нужно трудиться, ибо корпорацией становится не такая церковь, про которую грустно иронизировал один священник, говоря, что «раньше был приход, а теперь приход и уход». Консолидирует только тот приход, где прихожанин знает других прихожан, знает его детей, знает семейные проблемы своих прихожан.

Еще успешнее консолидирует церковное братство или просветительский кружок. Это наша старинная, православная и

русская традиция. Консолидирует любой клуб национальной ориентации, в частности, клуб военно-спортивный или военно-исторический, консолидирует деятельность по охране памятников природы, защите животных. Весьма старинным инструментом консолидации, так распространенным некогда по всей Руси, были хоровые общества. Несомненно, консолидирует практически любая форма профессионального единства.

Заметьте, многие формы консолидации, из перечисленных у нас, сложились в крайне неблагоприятных условиях советского режима и были разрушены за последние десять лет. Так, к 1984 году в Москве стало невозможным снести не то что памятник архитектуры – стало невозможным разрушать историческую застройку, что теперь делается не только с успехом, но и с размахом, во много раз превосходящим брежневский. С участия в охране памятников, превратившегося в «перестройку» в эколого-культурное движение, начинали весьма и весьма многие современные политики и общественные деятели. И то было хорошо, ибо для крепкого общества политика есть часть культуры и служанка культуры. Теперь это здоровое соотношение нужно снова восстанавливать.

Весьма серьезным было и движение за охрану природы. Вспомните, ведь остановка поворота северных рек была нашей общенациональной акцией. Тогда мы победили. Да что говорить, еще совсем недавно школьники в составе зеленого патруля запросто могли поймать за руку нерадивого огородника, в «шестисоточном» рвении уродующего берега русской реки, не говоря уже о преступном водителе, пожелавшем помыть в этой реке свою автомашину. И то было возможным потому, что за школьниками стояло общество, и то будет возможным снова, как только до каждого водителя и огородника дойдет простая истина – обидеть мальчика из зеленого патруля невозможно, ибо возмездие последует со стороны всего общества.

Кстати, молодежь вообще склонна к консолидации. Студенческие движения, студенческое единство уходят корнями в глубину Средневековья. Эти формы единства имеют у нас свою историю, в том числе историю недавнего прошлого.

К сожалению, недруги нашего общества сумели последние годы разрушить очень многие здоровые формы детской и юношеской солидарности. Эти формы нуждались в коррекции, в них было зло, в них было уродство – их безбожие и марксизм. Но безбожие и марксизм составляли, если можно позволить себе такой подсчет, немногие проценты в жизни пионерских лагерей или в проведении военно-патриотической игры «Зарница». Эти проценты должны были быть устранены, однако вместо них уничтожены сами игры, сами лагеря, само здоровое воспитание детей и молодежи.

Крепкое общество не может с этим смириться. У нас есть свой опыт, есть русский зарубежный опыт. Вместо пионерских лагерей мы в состоянии восстановить (и уже восстанавливаем понемногу) лагеря Русских юных разведчиков или Русских витезей. Все это сегодня должно стать повсеместно решаемой задачей.

Да, конечно, нам необходимо, прежде всего, войти в крепкое общество самим, но одновременно стремиться ввести в него и наших детей. Крепкое общество начинается с воспитания. Основы воспитания выполняют вышеуказанные задачи достаточно легко. Достаточно легко объяснить подростку, что только не русские, а «вонючие» бьют стекла, уродуя русскую природу, создавая угрозу своим же ближним, своим же соотечественникам: босиком не пробежишься, да и собаку не выгуляешь. Именно «вонючие» ломают деревья, «вонючие» устраивают свалки на обочинах улиц и дорог, а русские, напротив, деревья сажают, ибо это их земля – Русская земля.

В государстве Израиль огромный размах приобрело движение «Посади дерево». Конечно, у нас деревьев побольше, но вот дубов – этого древнейшего символа Русской земли – почти не осталось. А ведь дуб вырастает в подлинного красавца в течение трехсот лет.

Народ становится крепким, только обретая лидеров и защищая лидеров. Лидерами у нас норовят стать начальники. А кто у нас теперь начальник? До тех пор, пока в обществе «начальником» будут называть чиновника, в том числе и такого

чиновника, который на самом-то деле есть сотрудник обслуживающего персонала, например, чиновника ЖКХ и вообще коммунальной системы, чиновника из правоохранительных органов, крепкого общества нам не видать. В крепком обществе все они – слуги общества, а не начальники. Начальник же в нашей традиции есть, прежде всего, тот, которого выдвигает, иногда выбирает само общество – лидер, староста, старшина. Не будет у нас с вами крепкого общества до тех пор, пока мы не осознаем, что глава любой из форм консолидации, которые мы перечислили, есть такой же начальник, как и господин «мэр», министр, президент. Церковный староста, председатель православного братства, председатель просветительского общества, клуба, отделения движения охраны памятников или защиты животных, все они – наши полноправные начальники.

Только что у нас были известные «неприятности» в Чечне. У чеченцев были свои начальники – старейшины тейпов и, как теперь стали говорить, «полевые командиры». А у нас были чужие начальники – сплошь государственные чиновники, которые, вообще-то говоря, по закону и в силу своего статуса являются общими начальниками и для нас, и для чеченцев. Ну и кто, скажите мне, с большим успехом вышел из этой ситуации к настоящему моменту?

Естественно, крепкое общество защищает своего начальника. Физическая, нравственная, правовая защита священника, учителя, профессора, русского правоведа и публициста есть долг всего общества. В разной степени, в зависимости от пола, возраста, физических и других возможностей, но все-таки защита начальника есть долг всех членов общества. Если будем их защищать, будет у нас и крепкое общество, будет и государство, наконец, на службе у общества. Вот тогда и будет настоящая демократия.

Крепкое общество безусловно и недвусмысленно заботится о разрешении демографической проблемы. У нас нет крепкого общества, если остается хотя бы даже меньшинство, полагающее, что уменьшение народонаселения его не касается, или даже что уменьшение народонаселения нормально. Мы

можем признать принадлежащими к нашему обществу только тех, кто полагает, что нас должно было стать полмиллиарда к началу очередного столетия, а не стало, потому что государством управляли нерусские люди. К нашему обществу могут принадлежать только те, чьи усилия подчинены восстановлению этой полумиллиардной численности. В крайнем случае, мы можем согласиться считать членом общества того, кто полагает, что отрицательный демографический баланс должен быть преодолен, что сокращение населения должно быть остановлено. Логика крепкого общества такова: нас больше – мы сильнее, а не слабее; нас больше – мы богаче, а не беднее.

Враждебная обществу ложь, например, может звучать так: если нас станет больше, нам грозит безработица. Крепкое общество отвечает: когда нас будет больше, следствием этого будет не безработица, а освоение земли, и возвращение нашей собственности и земли, у нас украденной или отторгнутой.

Не может быть крепкого общества там, где нет крепкой семьи, и не только крепкой, но и в большей или меньшей степени традиционной. Кстати, для того, чтобы была забастовка домохозяек, для того, чтобы бойкот товаров заставлял торговцев капитулировать, должно быть много домохозяек. И чтобы организованно давить на семьи забывшихся чиновников и богачей, тоже должно быть много домохозяек, потому что в обществе, как ни парадоксально, подобное внутреннее идеологическое воздействие есть, прежде всего, женская функция. А для того, чтобы домохозяйка стало много, мы должны дать нашим женщинам настоящий дом, такой дом, про который англичане говорят: «My home is my castle» – «Мой дом – моя крепость».

Вот мы и замкнули разговор о крепком обществе. Крепкое общество состоит из домохозяев. Крепкое общество – это то общество, в котором в мой дом без моего разрешения вообще никто никогда не войдет, а ежели войдет, то крепенько пожалеет. Крепкое общество, таким образом, станет крепким, когда научится крепко произносить короткое слово: мое.

ТЕХНОЛОГИЯ 4. РОССИЯ И РУССКИЕ

Вероятно, никто не забыл, как в течение всего советского времени слово «Россия» было если не запретным, то нежелательным. Вот и патриарх у нас «Московский и всея Руси».

Русь – это нечто красивое, но географически неопределенное, почти сказочное, а в 1918 году святитель Тихон носил титул патриарха «Московского и всея России». «Всея Руси» появилось при сталинском режиме.

Впрочем, примеров много. В семидесятых годах были изданы красочные альбомы. Пятнадцать альбомов, каждый о красотах и достижениях союзной республики. Названия их были составлены по одной и той же схеме: «Пою Отечество мое, республику мою – Узбекистан», «Пою Отечество мое, республику мою – Украина», и так далее. Но было одно исключение. Никто почему-то не «пел Россию». Название того альбома было «РСФСР».

Это делалось тотально, повсеместно. У одного московского биолога лет двенадцать тому назад исправили в его статье в чисто научном журнале ареал обитания вида с «европейской части России» на «европейскую часть Советского Союза», хотя первое было научно корректнее.

Общеизвестно, как советский режим определял границы союзных республик и автономий: там, где живет самый удаленный от своего этнического центра эстонец, заканчивается Эстония, а там, где живет самый удаленный якут, должна пройти граница Якутии. Но совершенно никого не интересовало, где живет на своей земле самый удаленный от этнического центра русский. Чудо еще, что не оказался Оренбург административным центром Киргизской Республики. А ведь была такая попытка.

В полном соответствии с этой антирусской и антироссийской практикой, России при Горбачеве навязали двухпалатный республиканский Верховный Совет, а все остальные союзные республики остались с однопалатными парламентами – без Палаты Национальностей, тогда численно равной территориально избранной палате. А ведь кроме Российской Федерации внутренние автономии были также в

Грузии, Азербайджане, Узбекистане и Таджикистане! Причем в Российской Федерации русские составляли 85 процентов населения – много больше, чем в республиках Средней Азии и даже чем в Литве, не говоря уж о Казахстане, где русских было больше, чем казахов, или Латвии, где русских было больше, чем латышей.

И уже в наше, послесоветское время на географических картах школьных учебников, посвященных дореволюционной России, на территории так называемого «ближнего зарубежья» вдруг появляются советские названия, например, «Казахстан». Юрьев оказывается «Тарту», Вильно – «Вильнюсом», Пишпек – «Бишкеком». Несомненный долг каждого русского учителя – исправлять эти ошибки в учебном процессе, показывая на них своим ученикам. Это запомнится.

А как обстояло дело с Россией исторически? Исторически была Русская земля, иначе – Русь. Название более древнее, чем даже возраст русского народа. Везде, где жили русы, была Русь. А Русь бывала разная, и государственное управление бывало разным.

Исторически мы знаем Малую Русь, Белую Русь, Черную Русь, Залесскую Русь, Червонную Русь и даже Литовскую и Угорскую Русь – то есть такую русскую землю, которая временно находилась под литовским или, соответственно, венгерским управлением. В позднем Средневековье вместо «Русь» стали писать «Русия», а в семнадцатом веке – «Россия».

Как же вести себя ныне русскому человеку, когда одни политиканы ратуют за воссоздание Советского Союза (то есть за восстановление тех же самых республиканских территорий, отрезанных от исторического тела России), а другие объявляют стремление к воссозданию Советского Союза безумием и пугают русских людей тем, что в таком случае придется снова их всех кормить? Проблема разрешима достаточно просто. В русском языке понятия «страна» и «государство» различны, так же, кстати, как и в английском, и во многих других языках. Совершенно очевидно, обоснованно исторически, этнологически, культурологически, что никогда не было страны «Советский Союз». Было государство СССР на территории

России. Так же, как государство Соединенные Штаты находится на территории части Северной Америки.

Вспомним, как мы все были обижены, когда Верховный Совет под председательством Хасбулатова выбирал название нового независимого государства, и как в названии Россия ему было снова отказано. Официальным названием стало «Российская Федерация». В скобках, правда, прибавили: «Россия». Мы были обижены за свою историческую родину, а ведь на самом деле политиканы оказали нам колоссальную услугу. Мы теперь на совершенно законном и законопослушном основании имеем право не ставить знак равенства между Россией и Российской Федерацией, между территорией государства Российская Федерация и территорией страны Россия.

В этом нет ничего удивительного. Границы стран и государств часто не совпадают. В домонгольский период русской истории государством суверенным и полноправным было каждое княжество. К концу пятнадцатого века на русской земле, то есть на исторической территории России, было два крупнейших государства – «Великое княжество Владимирское и Московское» и «Великое княжество Литовское и Русское», чью историю нам также необходимо изучать в средней и высшей школе, как и историю Московской Руси.

В дни революции на территории исторической России, на Русской земле, образовалось несколько государств, одни из которых были основаны революционерами (то есть бандитами), последствия деятельности которых мы сейчас преодолеваем, другие же были основаны германскими оккупантами. А в 1991 году на территории России были снова основаны около дюжины государств. Около дюжины, так как большая часть Средней Азии не составляет историческую территорию России, а является результатом коммунистического захвата. Но то было только в Средней Азии.

Мы действуем на законном основании и ведем себя совершенно законопослушно, говоря, что в настоящий момент действительно существует государство Украина. И с ним у государства Российская Федерация могут быть

межгосударственные отношения. Но нет такой страны – Украина, и не может быть, ибо само это название означает «окраина России».

Государство может состоять и из нескольких стран. Так, существует государство Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии. И Германия состоит из нескольких стран, ибо Бавария, несомненно, страна, но не государство.

У нас в настоящий момент, к сожалению, наоборот. Таков исторический период. Но политические требования текущего момента не должны перестраивать наше сознание. Надо рекомендовать каждому доброму русскому человеку внимательно следить за собственным словоупотреблением. Не следует никогда говорить: «президент России», «федеральное собрание России», «правительство России», но только лишь: «президент РФ», «федеральное собрание РФ», «правительство Российской Федерации». Кстати, это законно и законопослушно.

А кто же мы сами – русские или россияне? Впрочем, еще мы бываем, как говорят, «русскоязычными».

Обратите внимание, как эти термины расчленяют нацию. Те русские, которые живут в Российской Федерации, для некоторых публицистов – не русские, а часть россиян (вместе с нерусскими россиянами, что не конкретизируется), а те русские, которые живут в «ближнем зарубежье», – тоже не русские, а только «русскоязычные». Зато банк у нас бывает «русским», хотя богачи по большей части нерусского происхождения. Они оказываются «новыми русскими».

Делается это всё вовсе не для Запада. По-английски вообще нельзя по-разному написать: «русский» и «россиянин». Это делается для нас, для промывки наших мозгов.

Давайте снова посмотрим, как это было в истории. Некогда русская земля принадлежала славянам и русам. Кто были те древние русы, наши отдаленные предки, толком не известно. До сих пор не укрепились в едином мнении ученые-историки. Однако русская земля была, и звалась она Русь. Вместо этнонима «руссы» стали говорить «русины» (так до сих пор зовут себя коренные жители Закарпатья), затем «русичи», наконец –

«русские». Причем так звали себя все русские люди и под русским, и под литовским, и под польским управлением. И они не сомневались в своем праве на это имя и гордились им.

Известный политик и писатель, киевлянин Василий Витальевич Шульгин, даже написал, что «великороссы, конечно, настоящие русские, но мы, малороссы, все-таки немного более русские». Еще в середине двадцатых годов, когда активно пропагандировалось новое словечко «украинцы», население той или иной области статистически учитывалось, например, так: русских всего – 300 тысяч, в том числе великороссов – 250 тысяч, украинцев – 40 тысяч, белорусов – 10 тысяч.

Недавно, отвечая на вопрос в прямом радиозэфире, не было ли преступным создание в 1922 году Советского Союза с предоставлением республикам права самоопределения вплоть до отделения, глава правительства Николай Рыжков резко возразил, что это было необходимо, иначе украинцы и белорусы не согласились бы жить с нами в едином государстве. Рыжков солгал, в чем не его вина. В этом вина нашего изувеченного школьного образования. В 1922 году «украинцы», те, кто уже начал себя так называть, то есть население Львовской и Ивано-Франковской областей, еще не вошли в состав Советского Союза, эти области были оккупированы Польшей, а малороссы просто еще не знали, что они уже «украинцы».

Когда мы по-ленински вместо «великоросс» говорим «русский», во-первых, мы расчленяем единую русскую нацию, во-вторых, оскорбляем наших братьев белорусов и украинцев, лишая их права на гордое историческое имя русских.

Посмотрите, как это происходило на протяжении последних восьмидесяти лет. Сначала было упразднено понятие «великоросс». Не сразу, лет десять потребовалось, и возник нелепый термин «восточные славяне», хотя восточные славяне – это и есть русские. А теперь русских и вообще по чьему-то замыслу не должно остаться, а должны быть вместо них «украинцы», «белорусы», «россияне» и «русскаяязычные», да еще, вероятно, «новые русские».

Так давайте говорить грамотно! И заодно еще один добрый совет. Дабы не создавалось никаких странных иллюзий с

«новыми русскими», которые, кажется, единственные имеют право на свое собственное название, следует говорить не «новые русские» и не «нью рашенз», а «новые рашены». Тогда сразу всё станет понятным. Это не национальное название, а некая политическая кличка.

Задумайтесь: разве французы позволили бы кому бы то ни было навязать себе другое название? Вы можете представить себе что-нибудь подобное с англичанами, или даже с американцами, хотя американцы и вообще не образуют этнической общности, а только лишь общность граждан одного многоплеменного государства? Следует не позволять и нам. И если мы будем твердо называть «русскими» всех русских, неизбежно станет реальным политическим понятием Русская земля, а затем и Россия:

«Россия – там, Россия – тут, везде, где русские живут».

ТЕХНОЛОГИЯ 5. МЫ И ЗАПАД

У нас с Западом – общие древние корни: общий Ветхий Завет, общее наследие Вселенской христианской церкви, долгие века пребывания вместе в одном христианском мире, общее античное наследие, в том числе и наследие христианской Античности четвертого-шестого веков.

Запад обособился в отдельную региональную культуру в девятом веке. Церковное единство еще сохранялось, но христианских культур стало две: наша и западная. Это обособление, заметим, произошло еще до крещения Руси.

Обособившись как цивилизация, Запад потихоньку начал отхватывать куски восточнохристианского мира – Хорватию, Чехию. Пытался отхватить и Русь. В том была миссия епископа Адальберта при Святом Владимире. Совершив церковный раскол в середине одиннадцатого века, Запад закрепил его омерзительным погромом 1204 года, когда крестоносцы разграбили величайший город всего христианского мира – Константинополь. В 1261 году рыцари-крестоносцы, владельцы последних крестоносных государств Ближнего Востока, предадут восточных христиан, помогая мамлюкской армии против монголов, вовлеченных своей христианской частью в

Желтый крестовый поход. В 1204 они нанесли удар своим, а в 1261 году предали интересы уже всемирного христианства.

Запад станет называть себя «миром христианским», тем самым как бы вытесняя за пределы этого мира славян и греков, грузин и молдаван, христиан Сирии и Египта. Конечно, совесть колола глаза, потому что осталось называть греков «еретиками, от которых самого Бога тошнит».

В тринадцатом веке к сближению с Западом и подчинению папе стремятся подтолкнуть величайших русских правителей того времени – князей Даниила Галицкого и Александра Невского. В 1239 году Запад навязет унию – подчинение – изнемогавшей под натиском турок Византии. Другую унию пиками навязут западнорусскому населению в 1596 году.

Когда началась Смута семнадцатого века, первая в истории России гражданская война, Запад незамедлительно влез в русские дела. Причем в трогательном единодушии на нашей территории оказались оккупанты из враждовавших между собой Польши и Швеции.

При Петре Первом начинается откровенная экспансия западной цивилизации в Россию под видом и в форме русского западничества. Однако одновременно нас ввязали в войну со Швецией и постарались держать в состоянии этой войны как можно дольше.

Во время так называемых разделов Польши Россия не получила ни единого куска собственно польских земель, зато Австрия захватила Галицию, крайний русский юго-запад, удержала ее в ходе всех трех разделов и сохранила за собой во времена Венского конгресса. В Галичине австрийские деньги и полицейское давление сохранили униатов – русских людей, полностью поработанных Западом. В Галичине были выращены первые «украинцы», то есть было подготовлено расчленение русской нации (см. технологию 4).

Запад всегда был готов поддерживать любой западнический режим в России, не останавливаясь и перед преступлением. Английский посол, английские связи и средства соучаствовали в заговоре, а затем и цареубийстве императора Павла Первого. Зато Запад полагал своим благодетелем

Александра Первого, императора-западника, поставившего в рамках Венского конгресса и конгрессовой политики Россию на службу западноевропейским интересам, превратившего Россию в европейского жандарма, разумеется, в интересах крупнейших держав Западной Европы.

Запад ссорил русских с обретавшими независимость греками. На перемену внешнеполитической и культурной ориентации России, наметившуюся в царствование Николая Первого, когда Россия начала осознавать себя Третьим Римом, ведущим государством восточнохристианского мира, Запад ответил мировой войной, называемой в наших учебниках пока еще «Крымской».

После победоносной Балканской войны 70-х годов западные державы объединились против России на Берлинском конгрессе 1878 года, лишив нашу страну и в еще большей степени балканских христиан заслуженных плодов победы.

Запад был особенно опасным России не в качестве врага, а в качестве союзника.

Вот несколько сюжетов Первой мировой войны.

В самом начале войны английская средиземноморская эскадра пропускает германский линейный крейсер «Гебен» в турецкие воды, тем самым на некоторое время уравнивая положение турецких и русских морских сил в Черном море.

Запад осмеливался продавать русскому союзнику оружие, несмотря на то, что численно русских войск было значительно больше, и на них лежала основная тяжесть военных действий. Вот откуда пресловутые долги царского правительства западным державам – плата за оружие! Однако Запад не заикнулся о своем долге, не захотел оплатить, компенсировать колоссальные человеческие потери России на фронтах Первой мировой. Запад даже набрался наглости требовать русские бригады на Западный фронт во Франции.

Еврейские круги Соединенных Штатов Америки добились секретных гарантий от своих английских партнеров не поставлять американское оружие и военное снаряжение союзной России. При этом ни один западный христианин не

озаботился разоблачением этого чудовищного сговора за спиной союзников.

Западные державы и их дипломаты, такие, как английский посол Бьюкенен и особенно французский Палеолог интриговали в пользу революционных кругов, то есть чудовищно нарушали свой статус дипломатических представителей, особенно если учесть, что это делалось в дни войны и в столице союзной державы. Все знают о немецком золоте Ульянова (Ленина) и большевиков, но ведь было и английское, и французское, только попадало оно другим революционерам – будущим творцам Февраля.

Еще в 1915 году западные державы, прежде всего под давлением перепуганной и проигрывающей на своих фронтах Франции, согласились с тем, что Турция как враждебная держава будет лишена захваченных ею некогда, как Османской империей, земель, прежде всего, всех земель восточнохристианских. Россия получала Константинополь и контроль над проливами, делила с Грецией Фракию. Греции отходили многие острова Эгейского моря, за исключением некоторых островов, обещанных Италии в колониальное владение. Греция получала сектор Смирны, а вдоль южного берега Черного моря создавалось независимое греческое Трапезундское государство. Черное море снова становилось, как некогда и было, внутренним восточнохристианским озером. Турция лишалась арабских территорий в Сирии, Палестине и Месопотамии. России отходила Великая Армения до озера Ван. Турция должна была навсегда перестать быть европейской державой.

Россия была выбита из числа держав-победительниц своевременно начавшейся не без западной помощи русской революцией (см. технологию 8). Потому другие восточные христиане либо не получили того, что должны были получить, либо лишились в двадцатые годы вновь захваченных турками земель. Даже Северная Сирия удерживается Турцией. Восточнохристианский мир вправе считать, что Запад не исполнил договорных союзнических обязательств (см. технологию 2).

Европейская поддержка в начале 20-х обеспечила Польше возможность оккупации значительных русских территорий. Неисторические государства Латвия и Эстония были созданы в германской зоне оккупации.

На фронтах Гражданской войны Запад неоднократно предавал своих союзников – «белых», быть может, самое гнусное предательство – выдача на смерть адмирала Колчака.

Западноевропейцы многократно повинны в ограблении русских эмигрантов. Они осмелились требовать плату с нищих белогвардейцев за их эвакуацию с юга России. Малоизвестный факт: значительные авуары страхового общества «Россия» в послереволюционные годы оказались в Соединенных Штатах Америки. Русские эмигранты – бывшие акционеры «России» – обратились к американским властям с просьбой вернуть им их средства. Американские власти отказали на том основании, что страховое общество «Россия» национализировано революционным режимом, не имевшим тогда даже дипломатических отношений с США, в то время как американским акционерам общества «Россия» их средства вернули.

Впрочем, ограбление России не прекращалось с начала революции до наших дней никогда. Режим интернационалистов расшвыривал русское золото, распродал художественные сокровища России. Запад с удовольствием их приобретал. По подсчетам специалистов Эрмитаж лишился в двадцатые-тридцатые годы трех четвертей шедевров мирового значения, составлявших ядро его собрания.

Часть золотого запаса Российской империи попала в крупнейшие банки Запада. Три четверти века этот капитал находился в обращении, и на него приобретались проценты. В настоящий момент русские, несомненно, вправе требовать не только возвращения золотого запаса, но и выплаты процентов с оборота (см. технологию 2).

Россия переживала кровавый красный террор, потом заработала лагерная система. Запад не замечал происходящего. Множество влиятельнейших литераторов западного мира – Бернард Шоу, Лион Фейхтвангер, Анри

Барбюс, Луи Арагон, Жан-Поль Сартр и другие – восхваляли коммунистический режим. Альберт Эйнштейн использовал всё свое влияние, дабы сведения о репрессиях по возможности не попадали в западную печать. Европа заговорила о коммунистических репрессиях как раз тогда, когда режим ослаб, и репрессии, по сути, прекратились. Так же помалкивала «свободная» пресса и о репрессиях, которым русские подвергались в сопредельных государствах, например, в Польше. Общеизвестно, как вели себя по отношению к своему союзнику западные государства во время Второй мировой войны.

Но есть еще одно особенное по своей омерзительности предательство. В нарушение норм международного права, Запад подписал секретные параграфы Ялтинских соглашений, согласно которым подлежали выдаче на явную смерть все русские, служившие в дни войны в Вермахте (в германской армии). Однако западные союзники пошли на большее. Помимо власовцев, изменивших присяге, они выдавали на убой и казаков, которые никогда не были гражданами Советского Союза и потому не могли считаться предателями. Зачастую выдавались и перемещенные лица, хотя западное руководство обладало достаточной информацией, что эти никого не предававшие военнопленные и люди, угнанные на работу в Германию, имеют реальную перспективу по возвращении в Советский Союз подвергнуться неправомерным наказаниям. Заметьте, Запад с удовольствием убивал русских руками русских.

Каковы корни этой хорошо организованной западноевропейской русофобии? Известный эмигрантский мыслитель Владимир Ильин отмечал еще в двадцатые годы, что Запад, может быть, и простил бы нам кремлевские соборы и оптинских старцев, но никогда не простит того, что кроме них у нас еще были паровозы в Сормове, пароходы в Николаеве и Одессе, того, что наша культура не ниже западноевропейской, а цивилизация, по крайней мере, приближается к уровню западной.

То, что рядом расположена великая держава, оставшаяся по начало двадцатого века христианской, не променявшей христианство на блага цивилизации, для Запада было мучительно стыдным. Ведь не случайно бывший христианский мир давно уже называет себя «миром цивилизованным», то есть миром, где место религии заняла цивилизация.

Запад может нас терпеть, если мы во всем станем такими же, как они сами. Или потерпит в том случае, если мы будем традиционно религиозной, но нищей страной, желательно, еще и расчлененной между несколькими государствами.

Каждый народ, живущий на Земле, кому-то неприятен, у каждого народа есть свои враги, и русские, сами по себе, ничем не заработали особенной неприязни. Таким образом, это – не столько неприязнь к русским как к таковым, сколько неприязнь к восточнохристианской культуре и цивилизации со стороны тех, кто некогда был второй христианской культурой и цивилизацией.

Посмотрим, как это сказывалось на отношениях западных с другими, восточными христианами хотя бы в двадцатом веке. Греки были союзниками Запада в Первой мировой войне, но западные державы заставили Грецию отдать туркам уже занятый греческими войсками Адрианополь. В 1921 году Запад не воспрепятствовал захвату греческого сектора Смирны турецкими войсками. Не воспрепятствовал он и депортации греков из секторов Смирны и Трапезунда. Сквозь пальцы посмотрел Запад на теми же турками учиненный геноцид армян и ассирийцев. Запад препятствовал превращению Кипра в греческое государство, хотя депортация турок с Кипра была бы только законной компенсацией за депортацию греков 20-х годов и оккупацию турками области Великой Армении.

Заметим, что Турция уже давно не часть мусульманского мира, а часть мира западного. Запад своими собственными руками – руками хорватского режима усташей, представляющего собой часть Западной Европы – совершил чудовищный геноцид сербов в дни Второй мировой войны, причем с благословения Ватикана.

Запад промолчал, когда антисербский режим Тито округлял на счет сербских исконных земель территории Хорватии, зато

радостно поддержал расчленение Югославии, поддержал католиков хорватов и мусульман в Боснии и Герцеговине, хотя мусульманское население Боснии и Герцеговины – это омусульманенные сербы, а большая часть населения Хорватии – окатоличенные сербы.

Запад аплодировал расчленению территории исторической России – Советского Союза, расчленению территории Югославии, хотя памятные Хельсинские соглашения ОБСЕ охраняют только внешние государственные границы, но никак не внутренние административные.

Зачем всё это еще раз повторять? Дело в том, что обширный перечень прегрешений Запада перед русскими и всеми восточными христианами представляет собой основания для весьма успешной работы нашей пропаганды.

Если бы Западу не было стыдно за расовую политику германских нацистов, евреи никогда не получили бы территорию искусственного государства Израиль. Если бы белые американцы не испытывали уколов остатков своей христианской совести за работорговлю и рабовладение своих предков, негры не получили бы в США тех колоссальных льгот и компенсаций, благодаря которым они сейчас даже запрещают звать себя «неграми».

По подсчетам американского профессора Курганова, за период Гражданской и Второй мировой войн, за время интернационального коммунистического режима, демографические потери России составили 67 миллионов 558 тысяч. Причем цифра несколько занижена, так как Курганов использовал официальные заявления Хрущева о числе жертв за годы Второй мировой войны, составляющем двадцать миллионов. Это дает нам право и твердое основание утверждать везде и постоянно, что мы – не только расчлененная нация, но и нация, подвергшаяся геноциду и пострадавшая более любого другого народа в двадцатом столетии.

Любое упоминание о жертвах репрессий, геноцидов, депортаций когда бы то ни было и где бы то ни было в мировой истории должны использоваться русским человеком для

напоминания о том, что, хотя это достойно самого глубокого сожаления, русские всё же пострадали значительно больше. Мы должны использовать для того любые конгрессы, проводить специальные конференции, устраивать выставки, а может быть, и создавать музеи утрат и потерь русского народа, устраивать для западноевропейцев специальные семинары и экскурсии, демонстрирующие им наглядно эти утраты. В наших школьных учебниках не только должна содержаться соответствующая статистика, не только помещаться фотографии разрушенных храмов и изуродованных русских городов. Нам следует печатать и репродукции шедевров живописи, украденных из Эрмитажа и украшающих сейчас крупнейшие западные музеи.

Большинство населения Запада все-таки считают себя христианами, и остатки христианской совести сохранили. Потому обращаться прямо к этим остаткам – наше право, и, учитывая положение России – наша обязанность. Просим учесть: если эта тенденция не станет широко распространенной, постоянно звучащей, если любой человек, отвергающий справедливое утверждение, что восточные христиане пострадали больше, чем представители всех остальных культур, а русские – больше любого другого народа, не будет немедленно приобретать репутацию шовиниста, к тому же разжигающего межнациональную и межрелигиозную рознь, – всё это будет бессмысленно. Отдельные голоса будут заглушены.

А успех может быть весьма значительным, если лейтмотивом наших разговоров с Западом станут самые назойливые напоминания, подобные таким:

«Вы нам задолжали и нас обокрали, потому отдадите нам всё!»

ТЕХНОЛОГИЯ 6. РЕГИОНЫ

Пять лет обсуждается проблема регионов. Пять лет мы выслушиваем соображения журналистов о том, что увеличение влияния регионов – это увеличение власти «удельных князей». Пять лет время от времени нас начинают пугать: «Вы же видите, Советский Союз распался; если предоставить больше влияния регионам, то распадется и Российская Федерация».

Напоминаем забывчивым: Советский Союз не распался, а был расчленен в итоге преступного заговора нескольких должностных лиц.

Пространство Советского Союза почти полностью совпадает с исторической страной Россией (см. технологию 4). Автономные республики Советского Союза в горбачевские времена были настроены противодействовать сепаратизму союзных республик. Они же требовали восстановления «справедливости», восстановления равноправия со случайно образовавшимися союзными республиками, уместно напоминая, что пять миллионов волжских татар обладают почему-то меньшими правами, чем девятьсот тысяч эстонцев, а якуты ничуть не хуже грузин. Напомним также, что многие области и края РСФСР тоже обладают большей территорией, более многочисленным населением и более высокой культурой, нежели иные «суверенизовавшиеся» республики СССР.

Напомним и о том, что разрушители державы позволили раскрутку чрезмерных требований автономий лишь тогда, когда объявили пространство Советского Союза распавшимся. Автономии перестали мешать новым суверенным государствам, и им было позволено приобретать исключительные права, большие, нежели у русских областей Российской Федерации. Наконец, был торопливый октябрьский расстрел 1993 года. Торопливый потому, что приближался понедельник, и съехавшиеся в Москву в ситуации двоевластия главы регионов могли не пригласить Ельцина присесть, а пожелать выслушивать его стоящим столбом.

Теперь ситуация иная. Номенклатуру субъектов Федерации, как и принцип равноправия этих субъектов поддерживает Конституция Российской Федерации, которая, хотя и была отвергнута избирателями, что признали все, даже газета «Московский комсомолец», пока считается действующей.

В 1993 году президент Ельцин мог послать московский ОМОН вышвырнуть из кресла областного Брянского руководителя. Теперь, я думаю, в Кремле подобная акция не приснится никому даже спяну. Если этот ОМОН вернется, то всем омовцам придется вставлять за государственный счет

искусственные челюсти по причине полного отсутствия собственных зубов, и это будет в любой республике. Даже большая часть формирований вооруженных сил крепче привязана к местному начальству, чем к начальству московско-кремлевскому. Что же говорить после этого о милиции, административных и коммунальных службах, наконец, о местной прессе.

Существует ли опасность регионального сепаратизма? Да, существует, но только не опасность сепаратизма, а опасность эгоизма, которая может преодолеваться только широким распространением национального воспитания.

Ни одна область, ни одна республика в составе Федерации не в состоянии выжить в одиночестве. Все они не готовы и никогда не будут готовы к статусу государства. Даже почти совсем независимая сегодня «Чечня» видит свою независимость только в статусе побирушки, успешно живущей за наш русский счет.

Каковы положительные стороны укрепления позиций регионов? Прежде всего, это – укрепление русских национальных позиций. Русских все-таки в Российской Федерации 85 процентов. Даже если уже завтра каждая область будет вести себя столь же весомо, как подписывающая двусторонний договор с Кремлем Казань, это еще не будет полным восстановлением национальных позиций русских. Русским, которые были слишком много лишены последние три четверти века, за счет которых лихо устраивали свое суверенное житие государства «ближнего зарубежья», еще предстоит компенсировать утраченное (см. технологии 2 и 4).

Советуем читателям учесть и пропагандировать: в настоящее время в регионах приемлемы только две категории руководителей – умеренные, которые пообещают завтра же добиться того, чтобы отчисление области в федеральный бюджет было не больше, чем любой республики, и радикальные, которые пообещают добиться компенсации своей области, а в идеале – всем русским областям, за счет республик. Каждый, кто допускает, что любая русская область может хоть в чем-то обладать меньшими правами, нежели

нерусская «республика», вполне может квалифицироваться как «враг русского народа». И не бойтесь этого вполне закономерного словосочетания!

Ваш оппонент может сослаться на то, что термин «враг народа» есть термин сталинский и посему людоедский. Уместно ответить, что сталинский лозунг действительно был людоедским, ибо не бывает врагов абстрактного народа. Бывают только враги конкретного народа – русского, или, скажем, американского. Как правило, это почему-то разные лица.

Следующая положительная сторона усиления регионов есть движение к возрождению империи. Как известно профессионалам, все империи, в отличие от унитарных государств, потому и были империями, что включали в свой состав самоуправляемые провинции. Такова была Римская империя, где провинции сохраняли не только уклад жизни, но даже и элементы своего традиционного законодательства. Такова была и Византийская империя, состоявшая из самоуправляемых областей – фем. Такова была Священная Римская Империя германской нации, состоявшая из государств, чьи полномочия были ограничены вступлением этих королевств, герцогств и вольных городов в состав империи. Такова была Российская империя, и у нас за плечами тоже долгие века имперской истории.

Такая гигантская страна как Россия вообще вряд ли может управляться унитарно. Солидарность достигается не управлением, а религиозным, культурным и национальным воспитанием. Если Новгородская область решит, что будет управляться не губернатором, а посадником (а такой проект существовал), то это нисколько не умалит имперского единства России – единства в многообразии. К тому же нация не может существовать без национальной элиты, а империя – без имперской элиты, составленной из представителей элит народов и территорий.

Советский режим повинен в уничтожении старой элиты, взамен которой он смог вырастить только псевдоэлиту, которая его же, Советский Союз, и разрушила. Концентрация

инициативных, даровитых, высокоученых русских людей в немногих крупных городах чрезвычайно вредит и культурному, и национальному, и имперскому возрождению. Дело за регионами, и их долг – воспитывать эту новую элиту. Другого пути нет.

Если и существует серьезная опасность укрепления регионов, то только одна – если мы вместо элит получим местные бюрократии, находящиеся в конфликте с бюрократией кремлевской. Мы поменяем шило на мыло. Потому основные негативные стороны укрепления регионов ни в коем случае не должны подавляться столицей. И мы не должны этого допустить. Они должны подавляться развивающимся и укрепляющимся местным самоуправлением.

Мы живем, по-видимому, в странный исторический момент, когда в интересах русской нации регионы преодолевают сопротивление Кремля, но местное муниципальное самоуправление успешно отстаивает свои права от вмешательства как бюрократии области, так и «республики». Демократия выращивается только на муниципальном уровне, только снизу. К тому же, так называемые титульные народы нынешних республик сумели за последние десять лет захватить ключевые посты в регионах, в том числе и там, где русские составляют большинство.

Права русских могут быть защищены только на уровне районного, городского, любого муниципального самоуправления, начиная с села, потому что на этих низовых уровнях действительно всё будет решать процентное соотношение численности населения по народам. И если одеяло на себя будут тянуть уже национальные округа, входящие в состав русских областей, то им с успехом будут противостоять районы, входящие в те же области.

Ограничивать мощь регионов нужно только для развития земства (муниципальности). Этого требует сама необходимость создания современного русского общества (см. технологию 3). При этом правовое равенство регионов есть сегодня одно из важнейших требований, и проводиться это требование должно с предельной жесткостью.

Если субъект Федерации «Чечня» решает вопрос об отсутствии на своей территории федеральных войск, тот же вопрос может поставить и Приморский край. Если журналисты рекомендуют президенту Ельцину снять с поста законно избранного губернатора Наздратенко, но не рекомендуют снять «президента» Шаймиева, то эти журналисты или газета уже могут быть подозреваемы во враждебности к русскому народу, русскому делу. Если Башкирия вслед за Чечней втихую обзаводится собственной этнической гвардией численностью в десять тысяч штыков, подобное вооруженное образование также автоматически дозволено Смоленской области или Ставрополью.

Имеется формальная декларация прав, того, что обязательно должно проводиться в жизнь. Далее наступает период консультаций и компромиссов. В конце концов, есть два пути: утвердить этнические гвардии во всех субъектах Федерации или, по крайней мере, в тех субъектах, которые уже сейчас в них нуждаются, или распустить таковые образования там, где они созданы явочным путем. Но уступка другим регионам за счет прав собственного региона есть преступление.

Перед зданием Совета Федерации стоит шеренга флажштоков с «республиканскими» флагами. Пока там нет ни одного областного. Даже Москва, на чьей земле расположен Совет Федерации, и то не вывесила там своего широко употребляемого флага со святым Георгием-Победоносцем. Региональный флаг есть существенное достояние полноправного региона, и всем регионам надлежит позаботиться и об утверждении такого флага, и о том, чтобы этот флаг висел перед Советом Федерации. Флажштоков не хватает? Что же делать? В соответствии с принципом равноправия должны быть спущены ныне висящие «республиканские».

Вспомним историю. После эпохи гражданских войн Римская империя была восстановлена провинциалами. Один из них – Марк Ульпий Траян – получил от сената титул «наилучший император». В 1870 году Германская империя была создана вокруг Пруссии. А ведь пруссаки – самые глубокие провинциалы

германского мира. Один историк пошутил: «У них было пруссачество, а у нас будет казачество». Впрочем, и в русской истории такой фрагмент имел место быть.

Мы уже переживали Смуту в начале XVII века. И там было двоевластие, сменившееся многовластием, а затем кажущимся безвластием. Кажущимся, подчеркиваю, ибо как раз многие регионы сохранили власть. Вспомним, с чего началось тогда великое дело освобождения России. Шло лето 1610 года. Еще не был смещен Земским собором с престола за профессиональную непригодность и пренебрежение национальными интересами царь Василий. Разворачивались действия оккупантов. Близ Москвы Коломна и Кашира присягают самозванцу. В Москве появились сторонники избрания на престол польского королевича. И вот в небольшом Зарайске, по инициативе воеводы князя Дмитрия Михайловича Пожарского, главы местной администрации, был принят Земский приговор – решение представительной власти. Звучал он так: «Ныне ни царя Василия, ни вора, ни королевича не слушать, а стоять всем за державу».

ТЕХНОЛОГИЯ 7. ПОЛИЦЕЙСКИЙ РЕЖИМ

Чем нас пугают последние годы? Инфляцией, безработицей, ростом преступности, возвратом коммунистического режима. Иногда пугают гражданской войной, причем эта последняя тема становится более интенсивной в преддверии любых выборов: «Смотрите же, изберите меня, а то иначе будет гражданская война!» И вообще, как удачно пошутил некий журналист года четыре назад, лейтмотив прессы сводится к пламенному призыву: «Лучше смерть, чем гражданская война!»

Еще последние годы нас частенько пугают террористами (чаще всего чеченскими, но и другими, и даже просто абстрактными террористами), окончательным распадом государства. Да еще время от времени пугают фашизмом, обычно почему-то русским фашизмом.

А что же чаще всего обещают, предлагая свои личные или партийные избирательные программы? Обещают порядок.

Особенно убежденно связывают порядок с воцарением собственной персоны господ Жириновский и Лебедь.

Образ обещанного порядка представлен на экране телевизоров американскими полицейскими фильмами, где бравые копы лихо заламывают подозреваемым руки, тычут им в лицо табельным оружием, напяливают наручники и вообще обращаются с гражданами ну почти так, как добродушный раннеримский рабовладелец со своими рабами. Ведь если с гражданами безнаказанно обращаются как со скотиной даже в том случае, когда до судебного разбирательства еще далеко или его вовсе не будет, то не возникнет вопрос, в чем же тогда смысл утверждения, что человек может быть признан преступником только в ходе судебного разбирательства.

А чем же нас не пугают последние годы? Не пугают нас угрозой тирании. Тирания – это как-то ненаучно, тиран – это ведь, как известно, муж пьяный, который жену дубасит. Не пугают также олигархией, потому что слово какое-то нерусское, «массам» его не понять. Да, не русское, но ведь есть и другое понятие – шайка. Не пугают нас бюрократическим режимом. И наконец, категорически не желают пугать худшим вариантом бюрократического режима – режимом полицейским.

Бюрократический режим бывает там, где бюрократия из обслуживания власти сама превращается во власть. Вот, например, мы пользуемся словосочетанием «местная власть». А ведь местная власть, она и не власть вовсе, а администрация, род обслуживающего персонала. Полицейский режим бывает там, где властью становится полиция. Хуже того – там, где полицейский становится барином.

Помнится, пять или шесть лет назад, как раз у входа в милицейскую комнату на станции метро «Пушкинская» стояло несколько десятков мужчин с суровыми лицами, твердо намереваясь навести порядок. Причем навести его в милиции, где перед этим избили задержанного юношу. И как ни уговаривали милиционеры разойтись, ссылаясь на то, что юноша был то ли наркоманом, то ли даже торговцем наркотиками, мужчины не расходились. И было видно

невооруженным глазом, как боятся милиционеры общественного гнева.

А недавно рассказывали, как в двух шагах от того же места майор милиции с двумя подручными выдворял из подземного перехода безногого мальчика на коляске, несмотря на спокойное и вежливое объяснение мальчика, что за ним родные придут только через несколько часов. Да помилуйте, какой не то что майор, а даже генерал милиции, и не в Москве, а в заштатном Мухомойске посмел бы обидеть мальчика-инвалида несколько лет назад! Да, пожалуй, и до «перестройки» поостерегся бы. И первыми вмешались бы дамы. У дам есть свои своеобразные привилегии, тут уж деваться некуда. Расцарапает тебе физиономию, и можешь сколько угодно потом рассказывать, что расцарапали во время несения службы враги правопорядка. Всё равно все будут знать, что на самом деле расцарапала баба.

Да, подраспустились мы, ослабли, в то время, когда должны были становиться крепче, восстанавливая крепкое русское общество (см. технологию 3). А сейчас мы, может быть, уже на полпути к полицейскому государству.

А как это будет? А это будет так. Постовой милиционер-лимитчик на том основании, что ему не понравилась физиономия пожилого профессора, школьного учителя, священника, закатит по этой физиономии оплеуху, и что характерно, сделает это безнаказанно. Есть над чем задуматься, сограждане!

Каковы же необходимые нормы общественной самозащиты от установления полицейского режима?

Во-первых, это безусловность нормы неприкосновенности жилища. Неприкосновенность вашего жилища, декларированная Основным государственным законом, находится под серьезной угрозой. Может быть, не все заметили, что среди норм и гарантий, которые прописаны в Конституции, но могут быть отменены введением режима чрезвычайного положения, есть и неприкосновенность жилища. То есть, представим себе, что президент, губернатор или, простите, «мэр» испугался за итоги выборов и установил во имя «спасения от гражданской войны»

режим чрезвычайного положения. Тут же милицейский генерал со злобным худощавым усатым лицом – помню одного такого – получит, страшно подумать, законное основание послать молодчиков-ОМОНовцев вломиться в ваш дом.

Простите, но мы были более гарантированы от потрясений подобного рода брежневской инструкцией милиции. Она разрешала нарушить неприкосновенность жилища только в двух случаях: когда к милиции обратился один из обитающих в доме или в квартире за помощью, или когда милиционер непосредственно преследует преступника, а он укрывается в вашем жилище. И это всё. Во всех остальных случаях было необходимо разрешение прокурора.

Неприкосновенность жилища есть норма настолько непреложная, что в свободной Англии, если вы влезете на территорию частного владения, а владелец разрядит в вас ружье, ни один суд не возбудит против него уголовного дела. Конечно, скорее всего, не разрядит – из человеколюбия и дружелюбного отношения к соотечественнику. Но разрядить может. И мы будем с вами на пути к свободному обществу, только если подобное право не будет подвергаться сомнению.

Во-вторых, необходимой нормой, гарантирующей существование свободного общества, остается владение гражданами огнестрельным оружием. Нам нагло и лицемерно объясняют, что гражданину оружие не поможет, ибо профессиональный преступник его у гражданина отберет. Повторим еще раз: это наглая и опасная ложь. Во-первых, у профессионального преступника оружие уже есть, и он применяет его, не боясь получить в ответ пулю в лоб или живот. А иначе будет опасаться. Во-вторых, все свободные общества были вооружены. Для русских же это стариннейшая национальная традиция. Еще в Домонгольской Руси признавалось право любого свободного человека на нападение с палкой ответить мечом. К тому же свободное общество может весьма эффективно бороться и со злоупотреблением оружием тем, что просто лишит права владеть оружием преступника, даже и отбывшего наказание, бывшего участника банды, даже амнистированного.

Оружие должно быть у граждан. Не должно быть его у преступников. Число жертв от постоянной перестрелки – это тоже лицемерная уловка. Человеку, в общем, не свойственно легко лишать жизни другого человека, тем более, соотечественника, а ношение оружия вообще дисциплинирует.

Разумеется, право и возможность владения оружием можно регламентировать. Существуют различные категории оружия. Может подвергаться ограничению право ношения оружия, но уж в доме-то свободный человек оружие должен иметь. Без этого гражданского общества не будет.

В-третьих, повсеместно в воспитание подрастающего поколения, а тем более в систему воспитания полицейских, должно быть крепко заложено представление о полицейской службе как части сферы обслуживания, части коммунального хозяйства. Военнослужащий из рядов нашей полуразрушенной, облитой либеральными помоями армии есть, напротив, защитник Отечества, он служит Отечеству. Полицейский же должен находиться на службе не у Отечества, а у города, у поселения.

Кстати, весьма досадно и, вероятно, имеет определенные политические причины сохранение термина «милиция» вместо общепринятого, в том числе и в России, названия «полиция». Милиция есть ополчение граждан, а полиция – это служба поддержания порядка в городе (полисе). В большинстве свободных стран полицейская служба обычно подчинена своему муниципалитету, местной администрации. Конечно, это не исключает возможности существования общегосударственной сыскной службы.

В-четвертых, вооружение полиции и способы его использования, а также и ношения, должны быть регламентированы не менее строго, чем владение оружием гражданами. Наши милиционеры уже совершенно распустились и носят автоматы наперевес, стволом вам в лицо, чего никогда не делают военнослужащие, которые не так воспитаны.

В демократическом государстве Израиль полицейские ходят с пистолетами, хотя солдаты вооруженных сил ходят по улицам городов со своей штатной винтовкой на ремне. Заметим здесь,

что безоружность наших солдат, и, горько сказать, даже и безоружность офицеров, чего вообще никогда нельзя было представить в исторической России, есть прямое следствие безоружности граждан и лишнее основание подозревать реальную угрозу установления полицейского режима.

В-пятых, пора вспомнить, что кроме полицейской службы как части коммунального обслуживания существует многовековая традиция полицейской службы граждан. Американцы избирают «шерифа», русские тоже избирали своего шерифа. Он назывался у нас «губным старостой».

В-шестых, всем надлежит понять, что в свободных странах не бывает внутренних войск. Если Российской Федерации не под силу сохранять нынешнюю численность вооруженных контингентов, сокращение и должно было быть проведено, прежде всего, за счет внутренних войск – возможного и наиболее вероятного орудия полицейского режима. Да и к бурно растущим вооруженным рядам МЧС обществу следует присмотреться.

Со всем вышесказанным должны быть связаны наши непрестанные усилия в области воспитания и пропаганды. Армейцам годами пеняли за несколько человек, которые погибли в Тбилиси и Вильнюсе при не выясненных обстоятельствах. Зря после того мы забыли, как полицейским сошел с рук террор в столице в 1993 году. В здоровом обществе гражданин обязан противостоять любым попыткам опорочить армию, как и попыткам утвердить полицейский произвол. В том числе и с оружием в руках.

ТЕХНОЛОГИЯ 8. СОЦИАЛИЗМ

В начале 1991 года, еще до преступных политических событий, расчленивших территорию нашей страны, новосибирская газета «Граду и миру» поставила вопрос уже достаточно отчетливо звучавший в то время. Многие наши читатели, писал обозреватель, удивляются тому, что уничтожители России в начале века были сторонниками общественной собственности на средства производства, в то время как современные разрушители России, напротив, – сторонники частной собственности. Нам кажется, замечала

новосибирская газета, что противоречие здесь мнимое, ибо и в начале века, и в наши дни целью радикалов и революционеров было не введение той или иной формы собственности на средства производства, но разрушение России. Возражений на это много, в основном они весьма эмоциональны. А как же Чкалов, челюскинцы, станция Северный полюс? А как же такие достижения советского времени, как ядерная физика, атомная бомба, позволившая нам противостоять Соединенным Штатам, и все другие достижения отечественной науки? А освоение целинных земель и замечательный, прославленный на весь мир советский балет? Как же великий подвиг советского народа во Второй мировой войне, как же великое государство, являвшееся одним из двух супердержав? Да, вопросов много, но ответы на них достаточно просты.

Герой – всегда герой, и каждый живой герой должен чувствовать, что окружен почтением своих соотечественников, а каждый павший герой должен быть удостоен светлой памяти. Герой не в ответе за то, каковы были его начальники. Это в полной мере относится и к героям Великой Отечественной и к героям Финской кампании, но когда умаляется героизм русских воинов Первой мировой войны, то умаляются и достоинства героев мировой войны Второй. Валерий Павлович Чкалов был великим пилотом, были и другие блестящие пилоты, но они не стали бы менее блестящими, не стали бы менее знаменитыми, если бы звались не «сталинскими соколами», а императорскими, царскими, или, что еще лучше, просто русскими соколами. Более того, и тогда, когда они звались «сталинскими», они не переставали быть русскими соколами.

Очень многие достижения советского времени – это просто достижения нашей великой страны, а вовсе не поработившего ее коммунистического режима. Первенец отечественной гидроэнергетики Волховская гидроэлектростанция была спроектирована до революции, и ее строительство было просто задержано Германской войной. Мы не оказались бы, скорее всего, на задворках автомобилестроения, если бы не перерыв в работе наших великолепных заводов и нашей великолепной инженерной мысли вследствие Гражданской войны и разрухи.

До революции мы и были одной из ведущих автомобильных держав мира, более того, мы были в числе пяти величайших промышленных держав, несмотря на то, что больше половины известных теперь ресурсов, полезных ископаемых, вообще не были в то время разведаны. Дореволюционная Россия еще не была сырьевым придатком Запада. Московский метрополитен должен был быть пущен в 1922 году, то есть на 12 лет раньше, нежели то произошло. Кроме того, не будем путать страну и государство (см. технологию 4)

Великие русские люди успешно творили на территориях различных государств; первопечатник Иван Федоров большую часть своей жизни работал на благо православного русского народа на территории тогдашней Польши. Первое высшее заведение нашей страны – Киевская академия, которая была основана в тридцатые годы XVII века, когда Киев еще не был возвращен России. Также точно великий философ Иван Ильин не перестал быть русским, работая во Франции, а великий историк Лев Карсавин не перестал быть русским, проработав большую часть своей научной биографии на территории неисторического государства Латвия. На территории нашей страны всегда было много государств, и несчастье нации заключается в их неоднократном расчленении. Во всем этом более прочих повинны революция и революционеры, а, следовательно, в первую очередь, любые социалисты.

Все творческие достижения XX века – это наши достижения, даже если большая часть России была подвластна государству Советский Союз. Все подвиги русских людей в XX веке есть всё равно наши подвиги, даже если русские люди совершили эти подвиги, скажем в Испании. Эти подвиги совершали также революционеры и коммунисты. Но они же, то есть революционеры, и в частности коммунисты, лишили свое отечество победы и привилегий державы победительницы в Первой мировой войне. Революционеры, и прежде всего коммунисты, убили миллионы своих соплеменников. Именно революционеры и в полной мере коммунисты всегда оставались западниками. Вспомним, как Ульянов (Ленин) подарил новоявленной Латвии целую Латгалию, часть Витебской

губернии, о чем не осмеливались мечтать самые пламенные латышские сепаратисты. Наша школа на протяжении всего советского периода оставалась настолько западнической, что жители города Юрьева сильно подозревали, что живут в эстонском городе Тарту. Именно революционеры положили начало расчленению нации, а коммунисты завершили это расчленение, убедив малороссов в том, что они не часть русского народа, а новая «украинская нация» (см. технологию 4).

Интернационализм, привнесенный в наше отечество революционерами, оказался разрушительным для великой Православной державы и для русской земли. Вспомним, что термин «воины-интернационалисты» появился в годы Гражданской войны, и именно этот термин объединял латышских стрелков, эстонскую дивизию, бывших военнопленных австрийцев, мадьяр... Кого только не объединял он из тех, кто заливал Россию кровью. Воины-интернационалисты, то есть иноземные наемники, были ядром Рабоче-крестьянской Красной армии. Коммунистический режим Тито отдал сербские земли хорватам и выдумал немыслимую национальность «мусульмане». В то время как на самом деле мусульмане Боснии – это омусульманенные сербы. Хотя в годы советской власти русский народ не всегда был избиваемым, но привилегированным он не был никогда. Отсюда простейшая логика – государство, угнетающее национальное меньшинство может быть названо несправедливым, жестоким, шовинистическим, нацистским, наконец, но государство, угнетающее национальное большинство, может быть названо только оккупационным. Другого термина ни в одном языке мира вы не найдете (см. технологии 4, 5, 6).

Невозможно сомневаться в том, что современные разрушители Отечества – это потомки революционеров-разрушителей. Более того, большинство чиновников современного режима, большинство «новых рашенов», ранее принадлежали к советской номенклатуре. Из окружения Андропова вышли основные разрушители, включая Яковлева. «Прораб перестройки» Юрий Афанасьев был последовательно

пионерским и комсомольским работником, заместителем главного редактора журнала «Коммунист». В почерке тех разрушителей и разрушителей нынешних не изменилось практически ничего. Пролетарский интернационализм, мешавший русским задуматься о своем угнетенном неполноценном существовании, заменен теперь буржуазным космополитизмом. А какая разница? Между ними еще никто не сумел провести четкую грань.

Те коммунисты лишили нас календаря, навязав вместо него календарь западный, отняли у нас русские праздники. Нынешние номенклатурщики не возвращают наш календарь и продолжают лишать нас наших праздников, но трогательно сохраняют праздники своего бывшего режима, даже постыдный день восьмого марта, придуманный Кларой Цеткин и не празднуемый ни в одном другом государстве мира. Те, бывшие, десятилетиями разрушали Церковь, убивали сотни тысяч православных. Эти, нынешние, открыли зеленый свет чудовищно опасным для человека и человечества сектам, запрещенным в большинстве государств мира. Если бы Церковь была столь же могущественна, а церковность русского народа столь же бесспорна, как в начале века, можно было бы допускать в Россию любые секты. Без всякой государственной помощи русские люди разогнали бы их сами. Посмотрите, как едины в вопросе расчленения нашей страны нынешние коммунисты вкупе со стоящими у власти или рвущимися к ней бывшими коммунистами. И те, и другие говорят нам одно и то же: «Поезд ушел, историю не обратить вспять», касаясь нашего влияния на Балканах, касаясь утраты нами значительных и прекрасных русских земель. Но ведь поступить и сказать затем можно совсем иначе. Можно снова прийти в свои земли, вернуть утраченное влияние и уже затем объявить: «Вот теперь поезд действительно ушел», предложив миру согласиться с тем, что на данном этапе историю на самом деле «не обратить вспять».

Послушайте иных: «Ах, как жалко Советского Союза, но что же делать, не воевать же нам с ними!» А русский человек сказал бы иначе: «Не воевать же им с нами!» В самом деле, но

не придет же всерьез кому-нибудь в голову, что эстонцы могут осмелиться воевать с русскими. Помнится, как ведущая центрального телевидения Комарова, лет пять назад, сообщив о каком-то подзабытом ныне патриотическом конгрессе и рассказав, что его участники намереваются устроить жизнь Российской Федерации на основании русских традиций, позволила себе язвительно заметить, что тогда, вероятно, не удастся сохранить и нынешнюю территорию Российской Федерации. Слышали ли вы когда-нибудь из уст как бывших коммунистов, так и нынешних коммунистов, что если Грузия будет устраивать жизнь у себя в соответствии с грузинскими традициями, Литва – с литовскими, Казахстан – с казахскими, то им вряд ли удастся сохранить свои территории? Нет, вы этого не услышите ни от тех, ни от других. А ведь русских на каждой из этих территорий много больше, чем нерусских на территории Российской Федерации. Потомки революционеров не желают пользоваться сопоставлениями и не заикаются о компенсациях православному русскому народу (см. технологии 1 и 2), из чего легко сделать заключение об их враждебности, как к русскому народу, так и к основным демократическим принципам.

Время от времени многие, теперь уже и нынешние коммунисты, заговаривают о необходимости всенародного покаяния. Как правило, при этом подразумевается покаяние русских. Обратимся еще раз к революции. Только на одной территории на выборах в Учредительное собрание в 1917 году победили большевики – то была территория будущей Латвии. Вспомним деятелей революции. Да, к сожалению, среди них было немало русских, любых русских – и великороссов, и малороссов, и белорусов. Но разве можно сравнить их процент среди своего народа с процентным участием в революции грузин и армян, литовцев и эстонцев, венгров и китайцев (не говоря уже о том грандиозном усердии в революционном порыве, какое проявили латыши и евреи). Если коммунизм, наконец, признан злом, то покаяться должны многие народы перед русскими, а никак не наоборот. Что же касается самих русских, то, думается, и нам есть, в чем покаяться, ибо каждый христианин должен непрерывно каяться перед Всемогущим

Богом. Но нам нужно покаяться и перед самими собой в том, что мы допустили 80 лет безобразия. Но покаяться значит измениться и исправить то, что за эти 80 лет натворили. Из всего сказанного очевидно, что мы вправе считать революцию и социалистический режим интернационалистическим, то есть делом рук интернационалистов, людей безусловно нерусских, действовавших на пользу врагам как русских людей, так и всех православных собратьев. А раз мы имеем это право, имеем по совести и имеем по науке, то было бы несправедливо признавать революцию своей и признавать своим восьмидесятилетний оккупационный режим.

Запомните, мы свободны в своих решениях, мы вовсе не обязаны добиваться возвращения всех без исключения территорий бывшей Российской империи, но мы вправе твердо стоять на том, что никаких законных государств на территории страны России кроме государства Российского не было и нет. Что русские люди и восстановленное ими Русское государство не имеют оснований беседовать с Молдавией, Киргизией и Латвией, но могут вести переговоры с представителями молдаван, киргизов и латышей. Франция не вела переговоров с несуществующим Барбадосом, но с представителями барбадосской общественности. Мы вполне можем признать выгодным образование новых государств, но они должны при этом быть организованы в итоге переговоров с нами, в результате выплаты компенсаций за свое незаконное благоденствие в составе Советского Союза. Напомним здесь, что в ценах внутрисоюзного рынка, только шесть союзных республик имели положительный баланс: три славянские республики и три закавказские, а остальные девять жили за их счет. В ценах же мирового рынка имели положительный баланс только две республики: РСФСР и Азербайджанская ССР. Все остальные сильно задолжали. Представители этой общественности, этих народов, могут быть признаны нами и получить права на собственную государственность лишь в тех границах, которые будут определены по соглашению с нами. Эти государства, несомненно, должны признать на своей территории наличие русской собственности, и, наконец, мы

вправе оговорить статус русских людей на территории этих будущих государств. Русские люди должны иметь такой же особый статус в Молдавии или, скажем, в Латвии, какой шведы имеют в Финляндии. Само собой разумеется, исходя из русского дружелюбия и христианского милосердия, исходя из инстинкта имперской целостности, с тех, кто пожелает с нами остаться, мы можем не взыскивать долги и не требовать компенсации, лишь установив на вечные времена равные права русских граждан России с нерусскими. Вот последовательная и неунизительная для нас позиция. Вдумайтесь в нее еще и еще раз. И вы согласитесь с тем, что нам, русским, признавать революцию своей, и признавать послереволюционные режимы своими, невыгодно. Поступая таким образом, мы предаем своих детей. С нами не хотели говорить ни по совести, ни по закону. Сейчас пришло время восстанавливать свои права.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СВЯЩЕННОГО СОБОРА ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

2 декабря 1917 года

Священный Собор Православной Российской Церкви признает, что для обеспечения свободы и независимости Православной Церкви в России, при изменившемся государственном строе, должны быть приняты государством следующие основные положения:

1. Православная Российская Церковь, составляя часть единой Вселенской Христовой Церкви, занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей, как величайшей святыне огромного большинства населения и как великой исторической силе, созидавшей Российское государство.

2. Православная Церковь в России в учении веры и нравственности, богослужении, внутренней церковной дисциплине и сношениях с другими автокефальными Церквями независима от государственной власти и, руководствуясь своими догматико-каноническими началами, пользуется в делах церковного законодательства, управления и суда правами самоопределения и самоуправления.

3. Постановления и узаконения, издаваемые для себя Православною Церковью в установленном ею порядке, со времени обнародования их церковною властью, равно и акты церковного управления и суда признаются государством имеющими юридическую силу и значение, поскольку ими не нарушаются государственные законы.

4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью.

5. Церковная иерархия и церковные установления признаются государством в силе и значении, какие им приданы церковными постановлениями.

6. Действия органов Православной Церкви подлежат наблюдению государственной власти лишь со стороны соответствия их государственным законам, в судебно-административном и судебном порядке.

7. Глава Российского государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения и Товарищи их должны быть православными.

8. Во всех случаях государственной жизни, в которых государство обращается к религии, преимуществом пользуется Православная Церковь.

9. Православный календарь признается государственным календарем.

10. Дванадцатые праздники, воскресные и особо чтимые Православною Церковью дни признаются в государстве неприсутственными днями.

11. Свобода исповедания и проповедования православной веры, равно и свобода православного богослужения ограждаются государственною властью. Посему под страхом уголовного наказания воспрещаются: 1) публичное поношение и поругание учения, православной веры, предметов религиозного почитания и священно-церковно-служителей ее; 2) осквернение мест богослужения и религиозного почитания; 3) насилие и угрозы для отвращения из Православия.

12. Добровольный выход из Православия допускается не ранее достижения возраста, установленного для вступления в

брак. Прежде достижения этого возраста дети могут оставить Православие только по желанию родителей, и притом лишь в случае оставления Православия самими родителями; от детей, достигших 9-летнего возраста, требуется их согласие.

13. Государственное законодательство относительно условий заключения брака лиц православного исповедания устанавливается сообразно с нормами церковного права.

14. Церковное венчание по православному чину признается законною формой заключения брака.

15. Церковно-судебные решения по делам о разводе и о признании совершенного Церковью брака незаконным или недействительным признаются в силе судебных решений.

16. Юридические условия и последствия смешанных браков, если один из брачующихся принадлежит к Православной Церкви, определяются согласно с законодательством последней.

17. Церковные метрические книги ведутся согласно государственным законам и имеют значение актов гражданского состояния.

18. Учреждаемые Православною Церковью низшие, средние и высшие школы как специально богословские, так и общеобразовательные, пользуются в государстве всеми правами правительственных учебных заведений на общем основании.

19. Во всех светских государственных и частных школах воспитание православных детей должно соответствовать духу Православной Церкви; преподавание Закона Божия для православных учащихся обязательно как в низших и средних, так и в высших учебных заведениях, содержание законоучительских должностей в государственных школах принимается на счет казны.

20. Удовлетворение религиозных нужд членов Православной Церкви, состоящих в армии и флоте, должно быть обеспечено заботой государства; каждая воинская часть должна иметь православное духовенство.

21. Священнослужители, монашествующие и штатные псаломщики свободны от воинской и других личных

натуральных повинностей. Служащие в учреждениях церковных пользуются правами государственной службы.

22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации или отобранию, а самые установления не могут быть упраздняемы без согласия церковной власти.

23. Имущества, принадлежащие установлениям Православной Церкви, не подлежат обложению государственными налогами, волостными, городскими и земскими сборами, если эти имущества не приносят дохода путем отдачи их в аренду или наем.

24. Православная Церковь получает из средств Государственного казначейства по особой смете, составляемой высшим церковным управлением и утверждаемой в законодательном порядке, ежегодные ассигнования в пределах ее потребностей, представляя отчетность в полученных суммах на общем основании.

25. Установления Православной Церкви, пользующиеся в настоящее время правами юридического лица, сохраняют эти права, а установления, не имеющие их или вновь возникающие, получают таковые права по заявлению церковной власти.

Империи в мировой истории

Статья 1995 года.

1. О ЧИСТОТЕ ТЕРМИНОВ

- Первоначальный смысл понятия
- Не размером единым
- Император и монарх

Одно из самых десемантизированных понятий в современном языке – понятие «империя». Оно утратило прежнее содержание, превратилось в общепринятое наименование нечистой силы.

Трудно сказать, когда это случилось. В понятие империи не вдумывались в минувшем столетии. А в XX веке сразу заговорили об имперском мышлении, имперских амбициях. Об имперской традиции, наконец, даже не обязательно с негативной оценкой. Но собственно сущность империи оставалась за скобками. Между тем, принципиально важно обратиться к первоначальному смыслу понятия.

Невозможно представить себе, чтобы империю делали таковой только ее размеры. В 1261 году Михаил Палеолог вышвырнул из Константинополя крестоносных оккупантов и восстановил империю с ее имперской столицей. Это не вызвало всеобщего восторга, но было признано всеми без звука, в том числе и на Западе. Последние же два столетия Византийской империи до турецкой оккупации – это непрерывная агония, сокращение территории. Однако даже несчастный Константин XI Драгас, павший при защите Константинополя (доказав, что он был достоин пурпурной обуви), владевший небольшим участком земли вокруг столицы, несколькими островами Эгейского моря и небольшим кусочком в Южной Элладе, безусловно, оставался для всех василевсом, то есть в латинизированной форме – императором.

Более того, несмотря на то, что за имперской столицей, пожалуй, все охотились, имперская идея почти на два века продлила жизнь Византии, которая, не будь она империей, прекратила бы свое существование, видимо, раньше. Византия XIV-XV веков – противоестественная держава, однако она живет.

На протяжении многих веков люди прекрасно улавливали различия между императором и просто монархом. Например, величайший из исландцев Снорри Стурлусон в своей «Младшей Эдде» детально разбирает, какие кеннинги (то есть эпитеты, иногда с оттенком славословия) полагаются императору, какие – только конунгу, королю, какие могут доставаться ярлу, и так далее.

Теперь присмотримся к самому титулу императора. Слово «imperiū» – это вообще высшая власть в Риме еще республиканского периода. Кстати сказать, это слово было только почетным титулом главы государства. Как лицо уважаемое он был «императором», но не работал императором. По должности он был «принцепсом», то есть «первенствующим». Первоначально подразумевалось – первенствующим в сенате. Византийский титул мало о чем говорит, ибо «василевс» – это просто царь. Но вот персидский монарх столетиями назывался «шаханшах» – царь царей, именно в том смысле, что есть и просто цари (например, царь армянский, царь лидийский или даже среди чисто персидского населения – царь саксаганский). Это не единственный пример: император Эфиопии тоже носил титул царя царей – «ныгусе негест» (негус негусов).

Уже во времена ахеменидского Ирана (Эраншахра), а при Римской империи окончательно в сознании народов складывается идея универсальности империи. Не то, чтобы империя могла поглотить весь обитаемый мир: на то претендовал только Александр Македонский, а у него-то империя как раз и не удалась. Но веками император мыслился единственным первенствующим среди вполне суверенных правителей и республик. На него возлагали миссию поддержания политического равновесия, элементарной порядочности в международных отношениях.

Эта мысль дожила до нашей эпохи. В 1894 году в одном из французских некрологов на смерть императора Александра III писалось: «...Европа почувствовала, что она теряет арбитра, который всегда руководился идеей справедливости». Другой француз тогда же отмечал, что в царствование Александра III в

Европе нельзя было воевать без согласия русского царя, а он этого согласия не давал.

Еще пример, вдвое более близкий к нам. Пробужденный после многовекового сна Мерлин в фантастической «Мерзейшей мощи» К.С. Льюиса узнает, что современная Англия бессильна бороться с демоническим нашествием, и потому предлагает прибегнуть к помощи императора. Известие, что императора больше нет, повергает великого мага в ужас.

Когда лучшие из римских императоров учиняли гонения на христиан (при исключительной веротерпимости Рима!), то было вызвано, прежде всего, столкновением двух мировых универсальностей – Церкви и Империи. Чтобы, продолжая честно исполнять свой долг, примириться с Церковью, Константин Великий мог стать только христианином. Но уже апостол Павел считает языческого императора «Удерживающим мировое зло». Это становится на столетия стержневой идеей христианской философии и политики. В ее развитие появляется принцип «симфонии» Церкви и христианского Царства, которые поддерживают друг друга, оставляя за собой свои сферы деятельности. Притом Церковь, не вмешиваясь в дела управления, имеет право нравственного суждения по любому политическому решению.

Универсальность империи сознавалась всегда. До восстановления Западной империи Карлом Великим для западных христиан императором был византийский василевс. Оттуда: Константинополь – Новый Рим. Пятый Вселенский собор признает равенство чести римского и константинопольского епископов, так как последний – епископ царского города. Оттуда же, после захвата Константинополя турками, Москва становится Третьим Римом.

Универсальность права подтверждается императором: в Средние века на Западе полноценный юрист должен был иметь диплом императорской школы. Притом он мог вовсе не служить императору, а служить, скажем, французскому королю, который в тот момент мог враждовать с императором. Средневековый университет, вместилище универсального знания – тоже

своеобразное отражение римской идеи универсальности империи.

Трудно не заметить, что империя на протяжении двух с половиной тысячелетий лучше справлялась с функцией вселенского арбитра, чем Лига Наций в течение всего лишь двадцати лет или ООН последние полвека. Потому неудивительно, что значительная часть западной политологии и журналистики враждебны самому понятию «империя». Оно противостоит космополитической идее новой мировой универсальности.

Забегая вперед, скажу, что империя есть нечто с «царем царей» во главе, объединяющее государства, разумеется, потерявшие часть своей независимости, в основном, внешней. По этому принципу была, например, смоделирована – смешно подумать, всего лишь 120 лет назад – Германская империя. Не совсем обычная, она ведь не была многонациональной. Но, тем не менее, она была составлена из независимых государств, которые сохранили определенные прерогативы, и король Прусский, став кайзером Германии, оставался все тем же королем Прусским.

2. ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИЯ

- Самобытность римских провинций
- Почта, дороги, водопровод и др. как имперские учреждения
- Русь и Касимово царство

Может быть, нелишне отметить, что именно впервые автора подтолкнуло к размышлению о сущности империи.

В 1971 году был выпущен сборник в двух выпусках, которые назывались «Рабство в западных провинциях Римской империи» и соответственно «... в восточных провинциях...» Листая сборник, автор, еще студент, с изумлением отметил, что рабства универсального там на самом деле не существовало. Рабство из школьных учебников, то есть толпы невольников в огромных латифундиях, встречалось, но только в Италии и Северной Африке, и то не везде. Совершенно другим, патриархальным, мелкоземельным было рабство в Элладе. Оставалось ветхозаветным и рабство в Иудее с обязательством отпускать рабов в юбилейные годы. А в Египте и вообще никакого рабства не было, зато имелось зависимое, «крепостное» крестьянство, из чего надлежало сделать вывод, что египетская провинция была феодальной частью Римской империи.

Автор начал вникать в детали, обратился к другой литературе и пришел к кощунственному для того времени выводу: провинции, охватывающие почти все Средиземноморье, благополучно сохраняли нисколько не поврежденный Римом уклад жизни со своими обычаями, часто со своим законодательством, со своими неповторимыми общественно-политическими, общественно-экономическими отношениями.

Да, их связывал чисто условный, выполнявший роль государственной присяги культ императора. Но связывали и такие чисто имперские учреждения, как почта, дороги, в какой-то степени регулируемое мореплавание – к общей радости провинций. И все они были разными, хотя и не все

равноправными. Наиболее уважаемыми, наиболее самостоятельными были старые римские союзники, старые римские друзья, близкие по культуре или охотно принявшие Рим. Но все жили по-разному.

Таким образом, по крайней мере, Рим подсказывал, что империя не может существовать без понятия «провинция», а «провинция» – это не оскорбление, а обозначение некой самоуправляемой, сохраняющей свой неповторимый облик территории.

В истории Руси классическая иллюстрация сказанного – Касимово царство, основанное целым кланом выехавших на русскую службу волжских татар во главе с царевичем Касимом. Касимовские царевичи неоднократно являли пример героизма на русской службе. Да, в XV веке Касимов – это некоторый противовес Казани, но в XVII-то веке – какая Казань?! Кто мог угрожать России на этом направлении? А, тем не менее, никто не упраздняет Касимовское царство. Там чеканят свою монету. Оно остается действительно государством в рамках России. Разве что правители этого царства титуловались не касимовскими царями, а касимовскими царевичами. Царь – это ведь титул императорский. Единственной причиной, по которой Касимовское царство было упразднено как самостоятельное государственное образование, было пресечение династии.

Другой пример. 1611 год, смута. Идет формирование второго земского ополчения князя Пожарского. Сохранился замечательный документ – Казанский земский приговор по этому поводу. Список собравшихся открывает митрополит, далее следуют представители чинов и сословий. Понятно, почему стремятся на бой ради освобождения столицы, родной земли русские. Можно с некоторым напряжением объяснить участие в ополчении черемисов, то есть марийцев. Но совсем, казалось бы, противоестественно участие татар. Ведь Казань шестьдесят лет как присоединена. По старинному правилу – враг моего врага мой друг – казанские татары должны были ударить в спину ненавистному оккупанту. И ни один историк потом не упрекнул бы их, как никто не упрекнет ирландцев, работавших в годы Первой мировой войны по возможности на

немцев – слишком натерпелись от англичан. Происходит же совершенно неожиданное: казанские татары садятся на коней и отправляются освобождать Москву. Мне встречались суждения, объясняющие то исключительным гуманизмом русских. Я же склонен объяснять этот факт имперским характером России, в которой уживались все, как прежде уживались в Риме. В том числе за шесть десятилетий вполне ужились с Россией и казанцы. Вот примеры имперского духа и имперской идеи, того, без чего империя не существует и что является необходимым, хотя, может быть, и недостаточным условием для их существования.

Рим создал идею универсальной империи как идею «общего блага». Рим не навязывал принципов организации хозяйства, торговли, существования рабства или отсутствия такового, форм зависимости колоната, прохождения службы полисными, муниципальными чинами. Романизация – это дороги, почты, акведуки, водопроводы. Римская культура была необычайно водолюбивой. Достаточно сказать, что высокоцивилизованная Западная Европа только к рубежу XIX-XX веков начала в крупнейших городах доставлять на душу населения столько воды, сколько доставлялось в Риме. И такое навязывание всеми, безусловно, воспринималось как общее благо. Истребление пиратства, организация судоходства есть, безусловно, общее благо для всего Средиземноморья.

Рим правил, опираясь не только на титул римского гражданина, статут муниципия, на звание «друга» и «союзника римского народа». Рим, безусловно, правил под лозунгом единства во имя общего блага. И того хватало до тех пор, пока сохранялся имперский этнос.

3. ИМПЕРИЯ И ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЭЛИТА

- Первый опыт создания империи
- Интернационализация знати как римская традиция
- Москва – Третий Рим для всех

Есть, разумеется, и другие общие черты империй. Каждая империя стремится создать имперскую знать, аристократию, в состав которой обязательно приглашаются представители знати народов, завоеванных империей или, что бывало часто, прибегших к помощи империи.

Представление о необходимости создания имперской знати относится к древнейшему и, как представляется, первому опыту создания империи, к ассирийской, точнее, новоассирийской державы.

Начиная с Ашшур-убаллита Первого, а особенно при великих монархах Синаххерибе, Асархаддоне интенсивно формируется имперская знать. Старинная аристократия Ашшура, связанная с древней столицей, уходит в тень. А в Ниневии интенсивно формируется имперская знать – не только из военных кругов предельно милитаризованной державы (по сути дела Ассирия – это народ-войско), но и из знати покоренных народов. То был совершенно осознанный и правильный выбор. Заметим также, что Ассирия была не чужда сохранению и государственных образований внутри империи. Она сохранила вавилонское царство, но настолько третировала его, что спровоцировала вавилонское восстание и потом разрушение Вавилона. Здесь не было последовательности и разумной политики. Потому говорю только о первом опыте создания империи.

Что же касается имперской знати, то это, безусловно, и римская традиция. Конечно, вся римская знать из провинциалов была романизирована, за исключением эллинской. На романизацию эллинов римляне никогда не осмеливались. В конце концов:

«Греция, взятая в плен, победителей диких пленила».

Это не грек написал, а римлянин, поэт Вергилий.

Романизируя, тем не менее, римляне создавали имперскую знать. Мы знаем знаменитейших римлян провинциального происхождения. Военная знать вообще могла пополняться кем угодно – и греками, и африканцами, и сирийцами, и галлами. Точно так же действует потом наследница римской политической традиции – Византия. Если опереться на исследования А. Каждана, то получится, что в средневизантийский период, по крайней мере, армян вместе со славянами в сумме было больше, чем фамилий истинно греческого византийского происхождения.

У русского народа имперская культура вполне сложилась к XVI веку. Известный тезис «Москва – Третий Рим» не имел ни малейшего оттенка самодовольства. Напротив, он воспринимался как огромная тяжесть, которую христианский долг повелевает принять по той бесхитростной причине, что нет другого мощного проводника восточнохристианской культуры, больше некому после падения Константинополя этим заниматься. Тогда же вполне проявляется и важный аспект – включение сначала отдельных представителей, а потом и целых народов в имперскую культуру. Это не подразумевало превращение всех в русских. Культурные границы, в отличие от этнических, достаточно подвижны. А русско-имперская культура ухитрялась включать в себя даже представителей других религий, при всем том, что Россия никогда не забывала о своей миссии.

4. ИМПЕРИЯ И ЕЕ СОЮЗНИКИ

- Вассал воюет за... предоставление гражданства
- О верных империалистах и продажных республиканцах

На римском примере мы можем увидеть, как в жесточайшей конкурентной борьбе этнос имперский победил и рассеял этнос принципиально не имперский – пунов, карфагенян.

Рим – империя задолго до того, как его устройство сменилось с республиканского на монархическое. Кстати, переход был очень плавным, грани здесь нет, тенденция к установлению монархического образа правления много древнее Августа, и после Августа очень долго держались республиканские традиции. Они, по-видимому, не противоречат факту существования империи.

Римляне, несомненно, были величайшими администраторами древности, величайшими государственными созидателями. То, что было у персов на уровне чутья, гениальной интуиции, у римлян было предельно четко разработано. Римляне великолепно использовали различные градации гражданства: италийское гражданство, латинское гражданство, наконец, на самом верху, римское гражданство. И все это даровалось.

Я думаю, что каждый приличный школьник знает о Самнитских войнах. За что сражались самниты? Стереотипно мыслящие люди полагают – за свою независимость. Ничуть не бывало. Самниты обрушивались на римлян за то, что те затягивали предоставление Самнии латинского гражданства. Представим для сравнения, что Чечня объявляет сейчас войну России по причине непредоставления ей аналогичных прав... Если бы такие войны объявлялись, я бы считал, что с Россией все в порядке.

Предоставлением этих иерархически организованных прав римляне создавали стройное здание имперского организма. Классическая формула: «Я – римский гражданин!» произносилась с такой значительностью и гордостью, что с этим считались везде, даже за пределами империи. Для парфян это

тоже звучало. «Я – римский гражданин!» произносит подозреваемый в антигосударственной деятельности апостол Павел. Это означает, что его нельзя пороть, нельзя пытать, правда, можно казнить, но то будут решать император, имперский суд, для того надо подозреваемого этапировать в Рим. Апостола и этапируют в Рим, где казнят. Но по пути он обращает в веру Христову тысячи и тысячи новых прозелитов (согласитесь, то был не советский этап).

Действовал и статут города. Муниципий – это, в общем, и есть римский полис, только имперский, обладающий самоуправлением, полисными прерогативами, но в рамках империи. Статут муниципия даровался существовавшим полисам и его принимали с удовлетворением. Принимали не из страха перед римским легионом. Почему?

Римско-карфагенская парадигма давно занимает не только историков, но и поэтов, философов. Ее сущность блестяще раскрывает Гилберт Честертон в своем «Вечном человеке», может быть, даже не полностью. Карфаген как торговая держава был предельно эгоистичен. Все войны, которые он вел, – это войны в обеспечение торговых монополий. Карфагеняне терпели нехотя. У них были союзники, в основном из тех, кто опасался возрастания могущества Рима, но никто не любил карфагеняне. Как любой торговый город-республика, он был слишком эгоистичен.

Карфаген мог даже по-обезьяньи копировать римскую политику. Например, лучшим своим солдатам-ливи́йцам мог пообещать карфагенское гражданство... и его не дать. Самый пламенный патриот Карфагена, великий Ганнибал, пытался немного корректировать эту эгоистичную политику, дарить карфагенские титулы нумидийским царям, даровать ливийцам карфагенское гражданство. Карфагенская аристократия на то не шла и подозревала Ганнибала (может быть, и обоснованно) в стремлении установить царскую власть. Потому Карфаген легко лишался союзников. В решающем сражении при Заме Ганнибал мог видеть против себя ту самую нумидийскую конницу, которая столько раз оказывала ему неоценимые услуги.

Карфаген предавал легко. Рим не предавал союзников никогда. «Друг и союзник римского народа» – вот, пожалуйста, еще один титул, которым оперировал Рим, создавая империю. Конечно, «друг и союзник римского народа» – это тот правитель, а иногда и город, который должен срочно раскошелиться на военные нужды, предоставлять свои корабли, участвовать как союзник в войне римского народа. Никакого равноправия здесь не было, это был уважительный, но вассалитет. И Рим являлся властным сюзереном. Но римляне даже в безнадежной ситуации не предавали союзников. И то запоминалось. Вот римский механизм созидания империи, его еще одна чрезвычайно важная черта.

Похожим образом вела себя Священная Римская империя Германской нации, позднее – австрийская держава, защищавшая любых своих окраинных подданных или союзников от турецкой экспансии. Так вела себя Византийская империя по отношению к христианам Кавказа и Закавказья. Общеизвестно поведение Российской империи. Это не прерогатива России – быть честной по отношению к подданным и младшим союзникам, это – имперская традиция. Все настоящие имперские организмы в той или иной степени выдерживали этот экзамен.

5. ИМПЕРИИ И ХИМЕРЫ

- Завоевали – и не режут?!
- Имперскость или унитарность
- Терпимость к народам и терпимость к культурам

Кто впервые в мировой истории создал настоящее имперское образование? Думается, Персия при Ахеменидах. Как заметил однажды человек, тонко знающий персидскую историю, все приняли радостно или, по крайней мере, терпимо великого Куруша (Кира) от удивления. Мол, странные какие-то люди эти персы – завоевали и не режут! Пожалуй, с ними можно жить...

Возьмем пример самый хрестоматийный. Могущественный Крез с репутацией богатейшего человека тогдашнего Средиземноморья вздумал воевать с Киром. Крез проиграл. Что мог сделать Кир? Мог великодушно выгнать вон, но тогда он создал бы себе непримиримого врага, реваншиста. Мог казнить – показательно, жестоко. Но он и того не делает, а приглашает Креза во дворец, где нарочито титулует его царем. Крез считался Лидийским царем, получал почести, даже доход, сохранял определенную власть в пределах Лидии и располагал своим войском. Стоит ли удивляться, что после того побежденный при каждом удобном случае говорил, что Куруш – избранник богов, и если бы он, Крез, понял это раньше, то не оказал бы ему сопротивления. Раздавленный монарх не говорил бы таких вещей, а потрясенный великодушием победителя – мог.

Ахемениды создали свою державу, и настолько успешно, что даже когда борьба с Персией была объявлена общегреческим делом, малазийские греки сохраняли верность своему царю персу и поставляли ему войска. А почему? Да потому, что в державе Кира они жили в любезной их сердцу полисной организации. Было за что сохранять преданность Ахеменидам.

Теперь несколько слов о самоназваниях.

«Империями» называли себя многие государства. Мне представляется целесообразным считать не все организмы, принимающие некоторые элементы имперского устройства, собственно империями. Выше была сделана оговорка: Ассирия пыталась создать империю, но то ей не удалось. Ряд государств в мировой истории даже напрямую называли себя «империями», но таковыми не являлись.

Безусловно, самозванкой была так называемая «Британская империя» – обычная колониальная держава, имевшая оснований на свое наименование ничуть не больше, чем, например, Нидерланды, где признаки частей имперского организма представляли не колонии (как в английской политической системе), а доминионы. Но в них как раз доминировало англо-саксонское население. То были тоже колонии, но в античном смысле этого слова, колонии с действующим лицом – не колонизатором, а колонистом. Колониальные державы посему не есть империи, даже если они так называются.

Необычной являлась недолго просуществовавшая Германская империя. Она империя лишь постольку, поскольку конкурировала с Австрией за наследие Священной Римской империи, очень старалась соответствовать своему названию, но была державой националистического, а не имперского характера. Населенная почти исключительно немцами, она не типична, это не вполне империя. Хотя, безусловно, это государство обладало рядом существенных черт имперской организации.

Есть еще два государства, которые обладали определенными имперскими чертами, но полноценными империями так и не стали: Турция и Китай. Турки-османы были блестящими администраторами, под стать римлянам. У них могло получиться. Однако их поведение в качестве хозяев положения было настолько непоследовательным, что они постоянно вызывали центробежные настроения не только у многочисленного восточнохристианского населения – славян, греков, сирийцев, но даже у подвластных им мусульман, например, арабов и курдов. Турция не создала единого

организма, ее отношения с иноэтническими территориями походят на отношения европейских держав XIX века с колониями. Потому Турция очень легко потеряла свои нетурецкие территории. И хотя то повлекло за собой неприятные последствия для ряда малых народов, попавших под новое владычество, вряд ли можно сейчас найти среди бывших вассалов сторонников идеи возвращения в Турцию. Более того, и сами турки-османы не имеют внутренней установки на воссоздание империи. Вероятно, то может означать, что Блистательная Порта при ее имперском аппарате, каком-никаком имперском устройстве не имела имперской идеи. Ничто не удерживало ее на наднациональном уровне.

В подобном же положении оказался Китай, но тут сработали другие факторы. Китайцы были исключительно терпимы к представителям других народов, однако абсолютно нетерпимы к представителям других культур. Потому каждый раз, когда в состав Китая попадало значительное количество некитайцев, их активно адаптировали. Полноценных китайцев из них не выходило, вместо империи образовывалась химера, ложное единство. Единый этнос в итоге не возникал (он вообще вряд ли может быть рукотворным делом). Такие установки на объединение подтачивали Китай изнутри, появлялись в значительном количестве ложные китайцы, которые не воспринимали природных китайцев вполне своими. Потому Китай – страна, обладавшая и создававшая имперскую культуру, но абсолютно не чувствовавшая верной имперской политики.

Империи – вообще редкое явление. Но, тем не менее, мы видим, что они существуют на протяжении свыше двух с половиной тысяч лет. И уже это обстоятельство позволяет полагать, что время империй не прошло, так же как и время монархий, и время республик, которые, кстати, ничуть не моложе монархий.

6. РАСПАД ИМПЕРИЙ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

– Распадается все, но империя – долгожительница

– За «последними римлянами» уходит Рим

– Малый и большой всегда объединяются против среднего

Держава персов была разрушена Александром. Я склонен полагать, что причины крушения объяснила этнология Льва Николаевича Гумилева – старость имперского этноса.

Империя Александра не удалась, оказалась химерой, но после ее распада преемницей имперской идеи становится Селевкидская держава в примерно прежних пределах. Потерпели фиаско Селевкиды. Следующие этапы – Парфянская держава, Сасанидская держава. Даже если исключить мусульманский период, то от начала Ахеменидов и до конца Сасанидов империя просуществовала четырнадцать веков. В какой-то степени имперскую идею подобрал и мусульманский Иран.

Позволю себе замечание а проро. Да, империи распадаются. В этом мире распадается все, даже планеты и Земля когда-нибудь распадутся. Но из всех государственных образований империя – как раз долгожительница. Я не знаю, какая держава продолжительностью существования может конкурировать с Эраншахром. Можно привести много примеров, посмотреть, сколько просуществовала идея новой Западной империи, если даже начинать ее не с Карла Великого, а с Отто Первого, тоже Великого. Все они будут державы огромной продолжительности жизни.

Еще раз соглашусь с Гумилевым: Римская империя прекратила свое существование не потому, что разделилась, ибо она никогда не делилась. Не было Восточной и Западной Римской империи, а были Восточный и Западный императоры. У них были свои сферы управления, но империя воспринималась как целостный организм.

Если бы дело было только в разделении, то тогда почему не удалось восстановление былого единства? Ведь его блестяще провел к середине VI века император Юстиниан Великий. А

дело вот в чем. Как мне кажется, империя, имея федеративное устройство (тем самым я утверждаю, что унитарная держава не есть империя), обязательно опирается на стержневой этнос. Это наводит на осторожную гипотезу, что империя органичнее, например, федерации, она живой организм, она более связана с этносом.

Действительно, мы всегда можем назвать имперские народы – персов, римлян, средневековых греков-византийцев (которые называли себя римлянами), немцев, русских. Нормальное окончание существования империи – это исчерпание сил имперского этноса. Где находим подтверждения? В истории Ирана – несколько раз. Во всяком случае, конец империи Ахеменидов и конец империи Сасанидов – это явно усталостные явления, закат этносов. У римлян это не оспаривает ни один исследователь Античного мира. Сначала полководца Аэция, потом и философа Боэция называли последними римлянами. После гибели последнего римлянина не мог существовать и Рим. Византия даже пережила свой век. Здесь закат средневекового греческого этноса явно проявился в 1204 году, когда крестоносцы взяли Константинополь.

Россия была, безусловно, полноценной империей, но она прекратила свое существование раньше, чем состарился имперский великорусский этнос. Не здесь анализировать причины распада Российской империи. Версий очень много. Одна утверждает, что никакого распада вовсе не было. Другая объясняет случившееся исключительно внешними по отношению к России факторами. Есть версия, что повторилась австрийская ситуация: стержневой этнос, русский, уклонился от выполнения имперских функций.

Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что в 1917 году повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й, после чего, как известно, империя была восстановлена. Я думаю, что никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя и что империя восстановлена быть не может.

Представляется очевидным, что наиболее удобной, бесконфликтной является жизнь общества моноэтнического, но

такое бывает чрезвычайно редко. Большинство когда бы то ни было существовавших государств полиэтничны. Так вот, среди не моноэтнических государств наиболее удобные условия для этносов предоставляли как раз империи. Империя универсальна по своей идее, в силу того она наиболее терпима.

Империя всегда уравнивает народы, а ведь было бы странным упрощением считать, что в государствах, тем более в имперских образованиях, существует только соотношение: большой народ и множество малых. Среди подданных Рима существовали численно значительные копты, кельты, эллины, не столь значительные сирийцы, а иберов, последних этрусков было совсем немного. Жил какой-то странный народ на Балеарских островах, про который мы даже не знаем, кто они такие. Они тоже были подданными Римской империи.

Мы вправе говорить о том, что существуют имперские и неимперские народы, этносы. Трудно сказать, врожденный ли это этнокультурный стереотип, который позволяет приступить к созиданию империи, или он приобретается в процессе созидания. Я склонен полагать, что он исторически складывается. Но способность выработать подобный стереотип есть условие и путь к созданию империи.

Если схематизировать этническую структуру некой обобщенной империи, то правильнее сказать, что ее населяет большой народ, несколько средних и известное количество малых. Так вот, для огромной части населения империи эта последняя – защитница малых от агрессии средних. Универсальный исторический закон, работающий в пользу империй, я бы сформулировал так: «малый» всегда с «большим» против «среднего». Действие этого правила мы наблюдаем сейчас на территории нашей страны, анализ чего, кажется, не входит в наши задачи сегодня.

Потому распад всякой империи, чем бы он ни вызывался, – всегда вселенская скорбь, всегда стон не только людей, а множества народов. Высвободившиеся из-под имперской опеки – не обязательно владычества, скорее опеки – более многочисленные средние народы, не имевшие навыка руководства имперским организмом, первым делом ужесточают

положение малых народов. Немедленно! Империи даже не обязательно для того полностью разваливаться. Можно проверить это, отправившись в Угорскую Русь, в Закарпатье. Там прилично относятся к русским, весьма прилично к немцам, ничего дурного о них, австрийских властителях, не помнят. Но при слове «мадьяр»... я, пожалуй, воздержусь от цитирования русинских пословиц по их поводу. А все почему? При превращении Австрии в Австро-Венгрию территория досталась венграм. Венгры – не злодеи, конечно, а просто средний народ, не имеющий имперских навыков. И это тут же чудовищно ужесточило положение малых.

7. ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ НА РУСИ

– Созвучие идей универсальности Церкви и универсальности государства

– Русский имперский этнос выковала православная Церковь

– От «своих поганных» к просто «своим»

Если уж мы заговорили о распаде империй, имеет смысл вернуться к тому, что удерживает их от распада, иногда вопреки стратегическим, этническим факторам, против которых, казалось бы, не попрешь. Речь об имперской идее. О Риме уже говорилось. То, что Рим нес благо общего спокойствия, гражданского благоденствия, признают даже авторы Нового Завета.

Рим сменяет Византия. У нее стержневая идея гораздо мощнее. Это христианская держава, для каждого ее подданного сохранение империи, ее оборона, защита ее интересов – христианский долг. Для него соотечественник – любой другой подданный православного царства, более того, каждый христианский мученик первых веков, кем бы он ни был, а они бывали очень замысловатого происхождения. Все они свои, все сородичи, такими их помнили.

Идея империи как христианского государства родилась задолго до того, как Рим признал христианство официальной религией (религией большинства, а не религией всех!). Почему так случилось? Думается, потому, что идеи универсальности церкви и универсальности империи, совершенно автономные по своему происхождению, оказались созвучными. Доказательства? Их очень много. Интересно, что когда после большого интервала на Западе была воссоздана империя (800 год, коронация Карла Великого), совершенно спокойно продолжали пользоваться наименованиями «западный император» и «восточный император». Хотя, конечно, налицо были разные государства, и не самые дружественные – империя Каролингов и Византия. Но в сознании народов империя оставалась единой. По сути дела, несмотря на разделение

церквей, эта традиция сохранялась вплоть до гибели Константинополя.

Надо сказать, что славяно-русы домонгольского периода были совершенно не имперским народом, в общем, даже не этатистским, без особенного государственного инстинкта. Они формировались в последние века до нашей эры в спокойной обстановке, в обширном, малонаселенном ландшафте. Они были достаточно похожи на кельтов, своих отдаленных предков, своим вольнолюбием и установкой на федерализм.

Единая Киевская Русь существует только в школьных учебниках. Русь всегда была федерацией земель, княжеств. Среди князей выделялся для общего удобства первый среди равных, Великий князь Киевский, потом – Владимирский, но до централизованной державы было далеко. Все были за единство, однако – против единой державы. Усилия объединителей Андрея Боголюбского и Всеволода III, при всем их таланте и могуществе, были тщетны. Их не понимали. Русь и так была велика и обильна.

А русские, этнос XIII века, складывался в обстановке чудовищного давления как с Запада, так и с Востока, отторжения литовским, частично польским государствами западнорусских земель и Ордынского владычества. Идея Владимирской державы, идея Андрея и Всеволода, сразу стала не просто популярной, она стала всеобщей, стала этнокультурным стереотипом. В усобицах XII века дрались за добычу, престиж, искали «себе чести, а князю славу», дрались за сферы влияния и рынки. А усобицы XIV века – это борьба трех сторон за создание Владимирской державы: Суздаля, Твери и Москвы. И борьба двух сторон за создание империи: Владимира и Вильны.

Русские XIV века уже обладают государственным инстинктом, что пока говорит лишь об определенной способности народа, потенциальной пригодности к воспитанию из него народа имперского. Импульс к созданию Российской империи, как представляется, был привнесен извне – не из Орды, не из Византии как государства, а из кругов Вселенской православной церкви. Церковь стремилась создать

христианское царство как свою опору и приобрела его в Риме при Константине Великом. Церковь сохранила свое достоинство в виде Византийской империи. В XIV веке любой русский, который побывал в Константинополе или хорошо был осведомлен о тамошних делах, прекрасно представлял себе, что империя идет к закату и скорее всего не выживет. А уж грек-то в этом точно не сомневался.

Обратим внимание на характерную деталь. С момента ордынского вторжения на русской митрополичьей кафедре сменялись очень разные люди: галичанин Кирилл, грек Максим, галичанин Петр, москвич Алексей, болгарин Киприан, грек Фотий... Они разноэтничны и разнокультурны, но действуют как одно лицо. Даже политические симпатии у них не схожи. Не менялось одно: установка на созидание Российской державы. Церковь готовила в XIII веке союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV века – ее преемницу. У князей такой четкости не было.

Таким образом, созидателей государства из русских выковали враги, но имперский этнос из русских создала идея православного царства, миссия защитника христиан.

Потому полагаю, что религиозно и, что гораздо более существенно, культурно Россия как империя была запрограммирована.

Далее. Что программировало русский имперский этнос на, так сказать, обиходном, бытовом уровне? Тут многое разработано евразийцами, которыми столь увлекаются в последнее время. Я укажу важный аспект, который они проморгали, не придали ему большого значения. Русь ухитрялась быть единственным государством в мировой истории, включившим в орбиту своего культурного влияния кочевников и полукочевников. Вот этого не достигли ни римляне, ни византийцы, ни даже персы, потерпевшие неудачу в Туране.

Русские сумели. Торки и берендеи, затем половцы в XI веке именовались «своими погаными», в смысле «свои язычники», без всякого уничтожения. В XII веке они остаются своими, но постепенно перестают быть погаными; среди половцев и

особенно тюрков появляется все больше христиан. Политически подчинившись Орде, Русь незамедлительно начинает в Орде миссионерскую деятельность. Подразумеваю основание Сарайской епархии в 1261 году. Тогда миссия не увенчалась успехом по причине явной слабости народа. Было просто рано.

8. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

- Она существует с XV века
- «Царь» значит «император»
- Западничество ведет к нарушению долга
- СССР – неудачная пародия

Россия приобретает черты империи, сохраняя автономию инородческих правителей, еще не став единой и независимой державой. В XVI-XVII веках эта практика сохраняется: мы видим в составе империи Казанское, Астраханское, Сибирское царства. Кстати, Казань около века никто не собирался завоевывать. Россию вполне устраивала независимая Казань при дружественной династии, так сказать, «друг и союзник русского народа». Только укрепление на казанском престоле крымской династии, явного врага и турецкого агента, вынудило к жестким мерам. Впрочем, большинство территорий вошло в состав Российской империи добровольно. Некоторые по двести лет помогали права стать подданными России, как это было с мелкими властителями разных грузинских царств и княжеств.

А вот идею имперскую, идею православного царства Россия приняла из рук погибшей Константинопольской империи в царствование великого создателя нашей державы Иоанна III. Интересно, что мы – единственное государство, в котором нет памятника его основателю? И, конечно, дело было не в браке с Софией Палеолог: империю в приданое получить даже русским не удалось бы. Мы приняли тяжелое наследство: оберегать Церковь, стать основным центром восточнохристианской культуры, помогать православным народам, особенно, поработанным. А к середине XVI века за пределами России все православные были поработаны либо западными христианами, либо мусульманами.

Россия получила Двуглавого Орла – символ симфонии Церкви и Царства, сам же Иоанн принял титул «царь». Во многих книгах можно прочесть об основании Российской империи в 1721 году. Это совершенно неверно. Обратите внимание, как сопротивлялся Запад титулованию русского

государя «царем» в XV-XVI веках, особенно Вена – столица Западной империи. Все объясняется просто: «царь» и значит «император». А в 1721 году Петр I заменил православный, русский титул на западный того же достоинства. Потому-то нового сопротивления и не было.

Так что история Петербургской империи – простое продолжение истории России как империи. К сожалению, в некоторых чертах Россия XVIII-XIX веков отстает от норм безупречной имперской политики. Петр I создал самое бюрократическое государство своего времени. Всю остальную свою историю Россия боролась с бюрократизацией, смягчая петровскую систему, но многое осталось. Бюрократия по сути своей стремится к унитарности. Но унитарное государство, как мы видели, не есть империя.

Россия петербургская безусловно пренебрегала первенствующим положением стержневого имперского этноса. Военную службу, в основном, несли великороссы. И, в основном, великороссы же были крепостными. Римляне тоже предпочитали римские легионы вспомогательным союзническим. Но если один этнос проливает больше крови, то остальные, естественно, должны больше пахать – в прямом и переносном смысле.

Еще больше было в культурной ориентации утрачено в силу тенденций «западничества». Антицерковные петровские реформы разрушили симфонию, екатерининская секуляризация закрепила эту тенденцию. Церковь так и не удалось превратить в один из департаментов бюрократического государства, что довольно легко удавалось в протестантских странах, но империя почти лишилась сурового стража совести, а заодно и могущественного союзника.

Примеры поразительно антиимперской (и антинациональной, кстати!) политики оставил нам Александр I. Стремясь быть благодетелем Европы, он уклоняется от православной политики на Балканах, ослабляет помощь грекам. Стремясь облагодетельствовать поляков, дарит им единую Польшу, которую тогда допустили бы существовать только под русским скипетром. И за то оставляет в руках Австрии исконно

русские земли Галиции вместе с возможностью спасти от естественной смерти унию и вырастить к концу XIX века украинский сепаратизм под австрийским желто-голубым стягом.

Однако, несмотря на указанные деструктивные тенденции, Россия в петербургский период как никогда успешно исполняет свой имперский долг. В так называемых «разделах Польши» она освобождает предков нынешних украинцев и белорусов; в войнах русско-турецких и кавказских – греков, сербов, болгар, молдаван, грузин, абхазов, осетин, армян... И имперская элита в России вырастает столь безупречно, что революционерам пришлось устроить обильное кровопускание почитай всем народам империи.

А СССР? Была ли советская империя? Или сталинская «Империя зла»? Решительно полагаю: все эти термины существуют лишь для дискредитации идеи империи. Прежде всего советское правительство сразу и демонстративно переориентирует внешнюю политику, сознательно разрушая имперское наследие. Мы курировали Балканы? Вон с Балкан! И еще Кемаль-паше денег побольше дали, чтобы воевал с греками и армянами, которых Россия всегда поддерживала! Причем деньги ему передаются как раз во время голода в Поволжье и ограбления храмов!

Стержневой этнос? После 1917 года великороссы всегда были если не истребляемым, то угнетаемым народом. Доказательства тому в изобилии приводит демография. Имперская культура уничтожалась, начиная с Февраля и по наши дни. Внутренняя политика даже самого жестокого из советских – сталинского режима была принципиально антиимперской: «средним» этносам не мешали втихую дискриминировать, а то и ассимилировать «малые». Так, латгальцы оказались латышами, гуцулы и русины – украинцами, памирцы – таджиками. Общее число этносов за советское время сократилось вдвое (на бумаге, конечно).

И самое главное: советская национальная политика включала попытку химеризации, создания ложноэтнической общности «советский народ».

9. БЫЛА ЛИ «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ»?

- «Готтентотская» логика
- Антирусская политика Советской России и СССР
- Денонсация Беловежских соглашений

Просветитель славянский Кирилл однажды сказал, полемизируя с мусульманами: «Мы за мир, но будем драться с вами стальным мечем, потому что иначе вы наших братьев принудите отказаться от истинной веры». Это и совершенное оправдание христоролюбивого воинства и праведной войны.

Существует политика Поместной Церкви в интересах христиан данной местности. И существует политика Вселенской церкви в интересах всех ныне живущих христиан, а также и тех христиан, которые будут жить. Церковь надпартийна, внепартийна (церковь целая, а партия – часть), но политична.

Исходя из приведенных соображений, проверка СССР на «имперскость» должна следовать логике, которую один из основоположников «единственно верного учения» назвал «готтентотской». Она состоит в следующем. Если где-либо жили православные христиане и жить перестали – это однозначно зло, и меня не интересует здесь ни «мировой заговор», ни что-либо подобное. Если же стали жить православные христиане там, где не жили – это добро. Это и есть вариант «готтентотской логики».

Теперь посмотрим на безбожную революцию 1917 года. Февральская и октябрьская революции – проявления одного и того же процесса. Но именно большевицкий режим, выведя Россию из победоносной войны, не только лишил ее заслуженных плодов победы, но лишил Россию возможности избавить от чрезмерного унижения Германию, чем готовился будущий гитлеризм.

В 1916 году были подписаны секретные параграфы послевоенного расчленения Османской империи. Предательский удар большевиков в спину русской армии спас турок от будущего запланированного греческого Трапезундского государства вдоль южного берега Черного моря, отдал им

Великую Армению до озера Ван и предотвратил утрату европейской части Турции, которую она, как азиатская страна, и должна была утратить. Кипр, к сожалению, доставался подмандатно Англии. Но мандат в Сирии мы должны были осуществлять вместе с французами. И хотя Палестина становилась подмандатной Великобритании, Россия должна была стать одним из трех протекторов Иерусалима.

Чем кончился вывод России из войны большевиками? Ливан был искусственно «вырезан» Францией из Сирии по местам преимущественного обитания римо-католиков в ущерб православным сирийцам. Такого исторического государства не было! В Палестине было организовано так называемое «государство Израиль». Для любого христианина Церковь есть новый Израиль, и ни одно христианское государство не могло признать такого названия! Россия не осуществила протекторат над Иерусалимом, и впоследствии Израиль оккупировал арабскую палестинскую территорию.

Последствия причудливого разделения Палестины на еврейское и арабское государства привели примерно к такой ситуации, которую мы видим сейчас в Боснии – сербы воюют с мусульманами! Но ведь «евреи» сейчас – это религиозная общность, а арабы – этнос, точно так же как мусульмане – религиозная общность, а сербы – этнос.

В 1921–1922 Кемаль-паша, начинающий Ататюрк, воюет с нашими многовековыми союзниками греками и Дашнакским армянским правительством. Вечная защитница армян и греков, Россия силами большевиков наносит прямой военный удар в спину Дашнакскому правительству и финансовый удар в спину грекам, предоставляя колоссальный золотой заем Кемалю. Результат – греки теряют сектор Смирны, а Турция приобретает тот самый – уже опасный – геополитический характер, который она имеет сейчас.

Большевицкий режим всегда был западническим и потому также антиимперским.

Как ведет себя Советская Россия, а потом Советский Союз по отношению к этносам? Если Российская империя никогда не стремилась владеть Туркестаном, лишь осуществляла там свое

влияние, то территориальный захват Туркестана – это чисто советское деяние. Это не Россия, здесь были территории ее вассалов – эмиратов.

Зато какая трогательная нежность была проявлена к Прибалтике, где живут захолустные ошметки западного «цивилизованного мира»! Там в государства превращаются немецкие оккупационные зоны 1918 года. Более того, ни один латышский националист не осмеливался помыслить о том, что Латвии достанется Латгалия, но им ее щедрой рукой подарил первый лидер большевистского режима. Теперь Латгалии будто бы и нет.

Как проходила нарезка республик и автономий, нам известно. Она проводилась не только антирусским способом, что мы видим на Украине, в Казахстане (области четырех казачьих войск), в Прибалтике, но и постоянно антиправославно. В силу этой причудливой нарезки у нас еще в 80-е годы появились «мусульманские народы» и даже «мусульманские республики» в составе СССР и России, но до сих пор не появилось ни православных регионов, ни исторически признанных православных народов. Соответствующая фразеология была внедрена в язык политиков и журналистов, демонстрирующих последовательное антиправославие.

Сталина время от времени подозревают в восстановлении имперской внешней политики. Легко продемонстрировать ложность этих подозрений.

Например, Сталин дарит Чехословакии Прешовскую область, не позаботившись о том, чтобы русинам этой области была дарована та самая автономия, которая была им обещана еще в 1918 году. Сталин дарит Холмщину и Белостокское воеводство полякам. Теперь это целиком ополяченные территории, там больше нету русских православных. Сталин, кроме того, дарит Литве не только Виленский округ, но и два района Белоруссии.

«Великий советский патриот» Сталин ухитрился создать сверхугрозу на Дальнем Востоке, небрежно подарив режиму Мао Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет. Он мог бы

создать народно-демократические Маньчжурскую и Монгольскую республики, но предпочел другой путь – выстроить у себя под боком опасную России Китайскую «социалистическую» империю.

У Сталина была возможность улучшать отношения с греками и опереться на прорусские настроения в Сербии. Но то его не интересовало. Его интересовал коммунистический лагерь. В итоге мы имеем сейчас антиправославный режим и последствия деятельности режима Тито, в том числе искусственность нарезки территории.

Антиправославной оказалась политика Венгерского коммунистического правительства, о чем все давно забыли. Казалось бы, там православных мало, там католическая земля, а вот посмотрите. По соглашению церковных кругов Венгрии с венгерским режимом Кадора в государстве было оставлено десять религиозных школ, остальные сделаны атеистическими. Из этих школ восемь были римско-католическими, одна реформатская, одна иудейская. А ведь православные в Венгрии есть! Чем же реформаты и иудеи оказались выше православных? Если бы в этой ситуации последовал бы хотя бы тихий голос из Кремля, такая школа была бы.

Вторая мировая война была использована Сталиным, но лишь по счастливому стечению обстоятельств, возбуждавших чувство этнического самосохранения. Если бы нам противостоял не нацистский режим, а любой другой – монархический, республиканский, даже фашистский – мы проиграли бы войну за несколько месяцев.

Как можно оценить весь этот конгломерат политических решений? Как последовательно антирусский! А русские – стержневой православный этнос, опора империи и опора Церкви.

Последний акт коммунистической группы в Думе – акт денонсации Беловежских соглашений – в очередной раз навредил и православным, и русским. Дело в том, что Беловежское упразднение СССР де-юре восстанавливало ситуацию до 1922 года, и потому законными становились границы Российской империи. Де-факто мы их получить не

могли, но могли бы на том стоять де-юре. Коммунисты, даже бессильные, лишившиеся власти, в очередной раз предали православных и русских людей.

10. РОССИЯ БУДУЩЕГО: ВАРИАНТЫ ВЫБОРА

- Изоляционизм как симптом культурного упадка
- Русский этнос в фазе надлома
- Важнее не то, сколько земель, а какие земли

Что бывает, когда имперский этнос начинает вести себя не «по-имперски»? По-видимому, это проявляется двояко: в отказе защитить старого союзника, старую провинцию, а также в отказе от самой идеи империи, в стремлении к изоляционизму.

В австрийском варианте, например, это, в конце концов, привело к изоляционизму, желанию замкнуться в южногерманском, австрийском анклав. В сегодняшней России такая тенденция есть, она достаточно широко распространена. Корни явления, конечно, не в сфере этнологии. Это чистейшей воды культурный упадок, который, в отличие от этнического, может преодолеваться. Смею полагать, что если русские начинают легко переносить потерю бывших многовековых территорий Российской империи, то вскоре они перестанут по-имперски вести себя и с теми инородцами, которые остались на территории России. Это взаимосвязанные явления. Изоляционизм – опасная штука, изоляционисты гораздо менее справедливы и уж точно менее терпимы к малым сим, нежели империалисты. Если учесть, что русским уже объяснили понятие мигрант, будет неудивительно, если в самое ближайшее время о мигрантах заговорят и русские.

Я принимаю, хотя и с известными оговорками, этнологическую теорию Льва Гумилева. Как ее осторожно ни применяй – у русских тяжелая фаза, фаза надлома. За выход из надлома немцы заплатили едва ли не тремя четвертями жизни – Тридцатилетней войной. Но оставшейся одной четверти немцев вполне хватило не только на битву с численно превосходящим противником в двух Мировых войнах, но и на создание немецкой классической философии, немецкого романтизма, потрясающей немецкой музыки, много еще чего и, наконец, нынешней вполне благоденствующей Германии. Сегодня по многим аспектам это мощнейшая держава в Европе.

Так что в нашей шкуре побывали и другие народы. И доказали, что из надлома все-таки выходят.

Неизбежен ли для нас 1453 год? Абсолютно неизбежен, в мире все заканчивается. Завершается история народов, следовательно, и государств, и империй. Правда, с одной маленькой оговоркой: бывают этнические подъемы, и тогда имперская эстафетная палочка передается по наследству. Это прослеживается, скажем, на примере Ирана. Мы не знаем, кто явится нашим наследником через несколько столетий, восстановится ли Россия как имперский организм или распадется. Может быть, русские тоже передадут эстафетную палочку. Я не пророк.

Позволю себе историческую аналогию. Когда в середине XIII века Александр Невский спасал Русь, Русь совсем не хотела, чтобы ее кто-нибудь спасал. Александр Ярославович скончался на 43-м году жизни, хотя был крепким, здоровым, красивым мужем. Он надорвался, не вынес этой тяжести. Но исторически-то оправдан оказался именно Александр Невский! Он не знал этнологической теории Гумилева, руководствовался чувством долга, интуицией, не более того, как и многие политики. И остался самым популярным правителем в исторической памяти нашего народа.

Во всяком положении нужно просто достойно себя вести. Что же касается ориентации на будущее, то, как я думаю, возможны три варианта выбора.

Можно стать на путь изоляции и породить, скорее всего, пренеприятнейшее государство, отпихивающее всех. Тогда большой культуры у нас впереди нет. Державин, Карамзин, Пушкин, Достоевский (ставлю многоточие), наконец, Бунин и Шмелев принадлежат имперской культуре. Если взять другие области, итог получится тот же самый. Мы порвем с собственной традицией. Это – возможный путь. Он, кстати, спокойный.

Возможно возвращение к имперскому самосознанию. Это вовсе не значит, что народ в обязательном порядке должен за столбить границы бывшего Советского Союза или Российской империи на 1913 год вместе с царством Польским и великим

княжеством Финляндским. Это – готовность решительно сказать, что империя существует, мы ее сохраняем и готовы принять всех, кто желает остаться. Но исходить мы будем из приоритета существования империи, а не республиканских границ в Советском Союзе. Если есть желающие жить в составе исторической России, то они получают необходимую поддержку, любую. Но та территория будет частью империи.

Есть и третий путь, не исключаящий второго. Я бы его назвал культурологическим. Он наиболее продуктивен и возможен только в варианте подлинного культурного подъема. Прецедентов было полно в мировой истории, в том числе и в нашей. Я имею в виду ориентацию на верность органичной нам культуре – восточнохристианской. Тогда нас интересуют, безусловно, все восточнохристианские дела, а это обременительно. Хочу подчеркнуть, что имею в виду не конфессиональную верность. Если вероисповедание – это личное дело каждого отдельного человека, проблема его отношения к Творцу, то вопрос о принадлежности к культуре – дело не человека, это – дело народа. Будет культурный подъем – мы можем воссоздаваться в таком ключе.

Тем русским, которые ориентируются на такой вариант выбора, важно не то, сколько у них будет земель, а главное, какие будут земли. Элементарная геополитика подсказывает, что Россия как классическая двубереговая держава не может держаться за Балтийское и Черное моря мизинцами, а должна все-таки держаться руками.

Что подсказывает культурология вопроса?

Россия – страна восточнохристианского происхождения, восточноевропейская. Вследствие того она не может подчиняться тем внутренним и внешним процессам, которые подталкивают ее сползание в глубь Азии. Что такое Россия без территорий по Днестру, без Закавказья, без Прибалтики, но со Средней Азией? Я никого не хочу обидеть, и пренебрежение к среднеазиатам мне чуждо, как и агрессивные амбиции в отношении тех, кто уже давно созрел для отделения. Я утверждаю только то, что Россия всегда экономически, политически, стратегически тяготела к Балканам и Ближнему

Востоку. Россия – страна восточноевропейской культуры и должна тяготеть к Восточной Европе. Это – ее нормальное состояние.

Отовсюду слышится вопрос: а что если Россия опять вернется к имперским амбициям? Я бы ответил так: если она вернется к имперскому сознанию, то честь ей и хвала, а если только к амбициям – тогда плохо. Амбиции – это сугубо территориальные претензии политиков. Гораздо более мощными мне кажутся заявления о том, что та или иная территория – наша земля, и отделяться они могут, оговаривая с нами границы, нормы внутреннего и внешнего поведения. Это было бы спокойной имперской политикой, кстати, уважительной по отношению к соседним этносам.

Многие считают, подобно льюисовскому Мерлину, что империя необходима. Я встречал печальные суждения не только глубоко религиозных православных, но и римокатоликов, и мусульман, что если Россия не восстановится, человечество выйдет на финишную прямую своей Истории. Это убеждение, конечно, лежит вне строго научного анализа, как и еще одно соображение. Византийцы сохраняли империю столько, сколько оставалось сил у имперского этноса ромеев. Может быть, у них будут свои неприятности на Страшном Суде, но свой национальный долг они выполнили, о чем могут смело свидетельствовать перед Творцом.

А вот русским рано еще уходить с исторической арены. И передать эстафетную палочку – имперский скипетр – некому.

К вопросу о русско-белорусской конституции

Латинское слово «constitutio» имеет два значения. Причем, более привычное нам со школьной скамьи – не первоначальное и не главное. Первое значение этого термина – установление, учреждение чего-то ранее не существовавшего. Это настолько не входило в советское образование, что мне до сих пор смешно вспоминать, как в 93-м – 94-м годах демократическая интеллигенция бурно спорила о том, что следует нам созывать, учредительное собрание или конституционную ассамблею, в то время как это буквально одно и то же.

Таким образом, конституция – это прежде всего учреждение никогда не существовавшего государства на месте принципиально новых, например, завоеванных территорий, или учреждение принципиально нового по своему устройству государства на территории исторической страны.

В первом случае это – конституция Соединенных Штатов Америки. Не только такого государства, но и страны такой, разумеется, не существовало, а существовали британские колонии, и конституция означала конец американской революции, создание никогда не существовавшего государства.

Во втором случае это – всем известная французская конституция. Разумеется, Франция существовала до того веками, но было уничтожено французское королевство с историческими генами, и возникла Французская республика, единая и неделимая. Что в свою очередь вызвало гражданские войны, много всяких беспорядков, но конституция существует.

В этой связи интересно отметить, что многие государства не имеют и никогда не имели конституций. Причем, среди них – государства, которые всеми признаются правовыми и демократическими. Вот, например, никогда не имела конституции Великобритания, а уж как-то так привычно считать ее историю образцом демократической истории. Не имеет конституции и молодое государство Израиль.

Почему?

Ну, англичан никто не убедит, что им следует что-то учреждать. Для настоящего англичанина добрая старая Англия существовала, в некотором смысле, всегда, и допустить появление конституции, то есть, учредить новое государство – просто как-то оскорбительно. С сожалением отмечу, что мы, русские, не думаем, не привыкли думать так о вечной России.

Что же касается государства Израиль, то тут причин две – политическая и религиозная. Государство это исторически не складывалось, израильцы его не создавали, оно создано решением Организации Объединенных наций в 1948 году. Таким образом, конституцией, учреждением этого государства и является решение ООН. Но есть, думаю, для многих евреев и более серьезная причина. Согласно их убеждениям, эта земля дарована народу самим Всевышним. Ну, в таком случае роль конституции исполняет Библия, и конституция неуместна.

Уместно напомнить, что в обоих этих государствах есть развитая правовая система, проводится принцип разделения властей, существуют парламенты, много законов издано – но вот конституций нет.

Это, пожалуй, редкие примеры, поэтому перейдем ко второму значению термина «конституция». Конституция – как основной закон. В этом случае конституционные государства предполагают, что конституция не изменяема. Это – неизменяемая часть закона. Именно на этом основании, собственно, все остальные законы и административные акты, по общему мнению, ни при каких обстоятельствах не должны противоречить конституции.

Нетрудно видеть, что конституция Соединенных Штатов Америки, не изменявшаяся двести лет, работает. Конституция же Российской Федерации, которая существует меньше десяти лет, не работает, и на это жалуются не только журналисты, но и политики.

Думается, в немалой степени это зависит от того, что, когда в 93-м году всех нас умоляли проголосовать за конституцию (многие не расположены были этого делать), но умоляли с такой оговоркой: нам необходимо сейчас принять конституцию, это будет временная конституция, впоследствии мы выработаем

лучшую. Так вот, если временная, то – не конституция, не основной закон, не – неизменяемая часть (обратите внимание, как торопятся постоянно ее изменить). Вот так с конституцией не обращаются.

Уместна ли конституция в России и знает ли Россия конституционные эпохи?

Несомненно да, именно во втором смысле – неизменяемой части законодательства.

Первый общерусский законодательный акт относится к середине XI века – это «Русская Правда», изданная князем Ярославом Мудрым. Великим князем Киевским Ярославом Мудрым, несомненно, по согласованию со всеми остальными князьями. Конституцией ее считать нельзя, более того, Правда Русская уже в следующем поколении князей дополнялась, следовательно – изменялась. Но одновременно с этим нашим национальным законодательным корпусом мы приняли целый ряд византийских законов, касающихся церковного законодательства, законодательства о браке и семье (до христиано-церковной юрисдикции), следовательно, в какой-то степени права наследования имущества. Так же это – закон о градоустроении, назывался у нас «закон градский», переведенная византийская книга Эпарха, градоначальника.

Так вот, в силу того, что мы приняли законы и тем самым в XI веке ввели в обиход нормы Римского права, ибо Византийское право прямо наследовало Римскому. Так как это были чужие законы, мы могли их принять или отвергнуть, но никому у нас не приходило в голову их изменять. Таким образом, Правда Русская – свод законов, а Мерило Праведное в какой-то степени исполняло роль конституции.

И последующими законодательными актами (в ближайшие века были только частные законодательные акты в отдельных княжествах, страна была раздроблена, подвергалась нашествиям, имела дело с оккупантами) развивать общерусское законодательство было некому.

Но когда появилась Россия в конце XV века, сразу был создан Судебник 1493 года, изданный царем Иоанном III. В середине следующего, XVI века – еще один «Судебник» (1550

год). В середине XVII века – «Соборное уложение», изданное царем Алексеем Михайловичем и Земским собором. Так вот, все они учитывали древние нормы Русского права. Правопреемство сохранялось.

То есть, в какой-то степени некая тень конституционности была нашей истории присуща.

Но совсем конституционной становится Россия с переизданием основных законов Российской Империи в 1906 году императором Николаем II.

Все дело в том, что предстояло избрание Государственной думы, возвращение впервые после XVII века к парламентской монархии в России. И император изменил основные законы избрания.

Что это означало?

Он навсегда лишил депутатов возможности изменять основные законы. Они их не принимали, их издал император. Но вместе с тем он лишил и себя возможности изменять основные законы, потому что в первой главе сказано – император осуществляет верховную власть совместно с Государственным Советом и Государственной Думой. И, таким образом, вся будущая власть лишилась возможности изменять основные законы. И мы получили (ненадолго, на 10 с небольшим лет) вполне конституционное устройство. Которого нас, увы, лишили революционеры.

Что же касается конституций Советского времени, то они, конечно, были, их было несколько, но сам режим был настолько неконституционен, что содержащие очень гуманные и благородные нормы конституции были только лишь декорацией, и обращаться к ним просто не хочется.

Таким образом, когда сейчас становится вопрос о возможности принятия конституции Союзного государства, объединяющего Российскую Федерацию и Беларусь, возникает несколько, естественно, вопросов, первый из которых – насколько эти основные законы будут признаны неизменяемыми? Во-вторых, насколько будет проведена норма того, что все законодательство будет противоречить конституции Российской Федерации и будет противоречить конституции

Союзного государства. Если эта норма будет проведена, то тогда конституция Российской Федерации, вообще говоря, перестанет действовать. Она станет подзаконным актом. Для юриста здесь много проблем. А если будет действовать, то это, несомненно, будет решительный шаг к окончательному объединению двух государств в одно федеративное, а не в конфедерацию, которой является Союз.

Вообще-то конфедерации не имеют конституций. Дело все в том, что, по мнению многих ученых, конфедерация – это не государство. Это союз государств. А государствами являются субъекты конфедерации. Союз, безусловно, временный. А если союз временный, то он не может иметь неизменяемой конституции.

Правда, и история Соединенных Штатов показывает нам нечто иное. Когда готовилась их первая конституция, она была конфедеративной, и Соединенные Штаты еще представляли собой по сути конфедерацию. Но творцы ее конституции, и прежде всего Томас Джефферсон, заложили очень сильное объединяющее начало, то есть конфедерация уже имела федеративную конституцию. Но Джефферсон понимал, что съехавшиеся депутаты от всех штатов не примут такую конституцию, и для того, чтобы приняли, был написан знаменитый Билль о правах, который, строго говоря, в конституцию не входит. Он к ней примыкает (обычно в русском языке это называется «первые десять поправок к конституции», хотя на самом деле не поправок, а условий, благодаря которым депутаты соглашались принять конституцию. Это – знаменитое ополчение, неограниченное право владения оружием и многие другие свободы личности, действующие и сейчас в США.

Здесь уместно заметить: что мы собираемся заложить в конституцию? Поступить, как американцы, дабы конфедерация плавно и в ближайшем будущем превратилась бы в федерацию, учесть при этом, что и другие субъекты могут войти в союзное государство (вдруг украинцы задумаются, а абхазы просто просятся), или это не делать. Конфедерации стремятся превратиться в федерации или распадаются.

Когда во время гражданской войны с испанцами и нидерландской революции Голландия была создана как конфедерация, они, как только острота военных действий спала, тут же рассыпались. С другой стороны, Швейцарский Союз был тоже создан в XIV веке под прямой военной угрозой агрессии со стороны Герцогства Бургундского, тогда объединились всего три кантона, но горцам, хотя они разноэтничны (швейцарские немцы, французы, итальянцы), среднеевропейским горцам в их бедной ресурсами стране жилось хорошо, и они – не распались. Они сосуществуют и сейчас. Но конфедерация превратилась в федерацию. А в Соединенных Штатах окончательно сторонников конфедерации разгромили в Гражданской войне, и к настоящему моменту в США федерация только по форме, по сущности это уже унитарное государство.

Нормальный путь образования государств – центростремительный: от конфедерации к федерации, от федерации к унитарному государству или, по обстоятельствам – к империи. Аномальный путь – учреждение федерации на месте уже существовавшего унитарного или имперского государства, что было сделано в России, сначала в 1917 году, а затем в 1991, так что надо заранее решить, чего мы хотим – нового распада или уверенного объединения.

Каково содержание конституции?

Надо сказать, что неизменяемая часть законодательства не может быть большой. В этом отношении возмутительно раздута конституция Российской Федерации. Конституции европейский государств (там, где они есть) обычно компактны.

Что обязательно должно быть в конституции?

Первейший вопрос – это вопрос о правопреемстве – если оно есть.

Бывшие республики расчлененного Советского Союза, создавая свои законодательства, первым делом бросились вспоминать или придумывать себе правопреемство. Например, Эстония, Латвия, Казахстан – государства неисторические, они никогда не были созданы своими народами, они созданы были внешней силой и, вообще говоря, правопреемства не имеют. Но

эстонцы и латыши позаботились заявить о своем правопреемстве с теми просуществовавшими два десятка лет государствами, которые были между двумя мировыми войнами. Хоть какое-нибудь правопреемство.

Литва исторична, безусловно. Правда, правопреемником Великого княжества Литовского и Русского является не только Литва, но и русский народ, что совершенно законно. Однако, заявив правопреемство по отношению к Литве 20–30 годов XX века, официальный Вильнюс сделал свое положение крайне уязвимым: значительная часть современной Литвы тогда была в составе Польши. В частности, и Вильнюс, а столицей тогдашней независимой Литвы был Каунас.

Забавнее всех поступили в Российской Федерации. Мы были вправе заявить правопреемство по отношению в РСФСР советского времени – границы ведь совпадают. Но тогда мы не должны были бы никогда и никому возвращать по долгам СССР. В том числе и вооружения, которые были на нашей территории.

Мы могли заявить правопреемство в отношении Российской Империи, исторической России. Нам тогда пришлось бы платить по долгам царского правительства. Но мы заодно получили бы законное право требовать золотой запас Российской Империи, украденный у нас, в частности, французами, японцами и чехословаками, да еще потребовать возвращения с процентами, потому что только благодаря украденной части золотого запаса между мировыми войнами в Чехословакии была золотая крона – крона с золотым обеспечением – за наш счет.

Поэтому и это не было сделано, а заявлено было правопреемство в отношении Советского Союза. Это возлагает на нас долги Советского Союза, хотя и не должно возлагать долгов царского правительства. Мы – не его правопреемники.

Однако, согласно этому современному подходу, мы долги признаем, от золотого запаса Российской Империи отказываемся, но не требуем почему-то нашего имущества.

Кроме того, наше использование принципа правопреемства не включает в себя, как у всех других государств, упоминание о праве континуитета, возвращения насильственно отторгнутых

территорий. Разумеется, разумно было заявлять правопреемство по отношению ко всем государственным образованиям, начиная даже не с Российской Империи, а с Киевской Руси. Правопреемство в отношении Киева, Новгорода, Москвы...

Следующим после вопроса о правопреемстве идет вопрос о территории.

Все конституции стараются свою территорию описать. Если это принципиально новое государство, то достаточно перечислить те земли, которые в это новое государство вошли. Казалось бы, конституция Российской Федерации, государства федеративного, это сделала. В ней полностью перечислены все субъекты. Но дело все в том, что не существует конституционных актов, которые указывали на происхождение самих этих субъектов и их территорий. Получается смешная ситуация: конституционно будто не в России образованы Орловская, Калужская области, Красноярский край, республики Татарстан и Башкыркистан, а это Российская Федерация образована в 1991 году, но из субъектов, не имеющих территорий.

Между прочим, недоговорки в вопросе о территории исключают постановку вопроса о континуитете и вообще делает вашу территорию уязвимой.

Следующим после территориального следует, вне сомнения, вопрос о населении. Французская конституция Великой революции сразу решала этот вопрос, первыми же словами указывая, кто создал новое государство: «Мы, французский народ». Кто создал Российскую Федерацию, кто создал республику Беларусь неизвестно и нигде не оговорено. А поэтому, собственно, также неизвестно, а кто в них живет.

В принципе, можно свести вопрос о населении к вопросу о гражданстве. Но тогда вопрос о гражданстве вносится в конституцию, что тоже не сделано, закон о гражданстве является подзаконным актом по отношению к конституции, то есть нижестоящим. А кто ж тогда учредил современные государственные территории исторической России?

Иначе говоря, все поставлено с ног на голову.

И только после решения вопросов о правопреемстве, территории, населении и гражданстве можно ставить вопрос о государственном устройстве. И он должен быть поставлен предельно кратко. Разумные творцы конституций ставят вопрос о государственном устройстве настолько общо, чтобы государство могло эволюционировать. Основной закон государства менять нельзя, но каждое государство живет своей жизнью, изменяются права палат парламентов, права президента, появляются их новые функции и исчезают... Поэтому для федеративной республики вполне достаточно указания на то, что она – федеративная республика. Но можно и просто написать «федерация», ибо никто не сказал, что мы никогда не захотим возвратиться к монархическому возглавлению. Парламент, конечно, тогда все равно сохранится, а вот президентской власти, разумеется, не будет. Надо оставлять себе свободу рук.

Это почти все, что должно содержаться в конституции. Потому что такие важнейшие вопросы, как личная неприкосновенность, неприкосновенность жилищ, право владения оружием, право наследовать и завещать имущества, относятся к тому, что у американцев отмечено в билле о правах, и может стоять ниже конституции. Это, по сути дела, и есть части закона о гражданстве, который тоже должен иметь возможность видоизменяться. Например, в сторону расширения прав граждан.

Однако (не во всех, но в большинстве конституционных держав), как правило, решается конституцией еще один вопрос. Иногда нет, иногда да, иногда в конституции, иногда в специальном законе, но закон этот соблюдается очень серьезно. Это вопрос о правовом статусе религий.

Нам навязано со времен Горбачева разрешение вопроса о вероисповедании по американскому образцу, то есть полное равноправие всех вероисповеданий – в Соединенных Штатах можно на легальном основании быть даже и сатанистом, и все самые изуверские секты существуют законно до тех пор, пока суд не докажет безупречно, что, скажем, они человека в жертву принесли.

Подобный американский подход понятен. Американцы – потомки эмигрантов, иногда недавних. Американцы переселялись из Европы группами единоверцев, они иначе не выдержали бы этого переселения. Так было, начиная с конца XVII века, и XVIII, и в общем даже и XIX век. Поэтому и селились вместе, им было проще.

Поэтому существует квакерский, преимущественно, штат Нью-Джерси, католический – Луизиана, (когда-то французская колония), мормонский штат Юта и так далее.

Разумеется, сейчас это не так, все перемешались, живут в разных городах, разных штатах, но сложилось это – так, поэтому и создать Соединенные штаты (вспомним о Джефферсоне) никак было невозможно, не признав религиозного равноправия.

Но в Европе это – не так. Каждая европейская страна имеет либо официальное понятие государственной религии, либо религии с полным публично-правовым статусом (значит, другие – с неполным), либо покровительствуемые религии. Это – обязательно. Причем, заметим, что все это светские государства. В Европе есть только одно религиозное государство – Ватикан, но оно – понятное исключение из правила (два квартала в Риме).

Правда, на планете религиозных государств много. Государство Израиль официально иудейское. Королевство Таиланд официально буддийское. Мусульманских государств, которые оговаривают, что они мусульманские, довольно много. Однако мы говорим о Европе. Мы по преимуществу – европейские государства, и Российская Федерация, и Беларусь.

Так вот, принцип отделения церкви от государства в Европе означает только то, что если вы смените свое религиозное объединение, то вас не будут преследовать. Ни в имущественном плане, ни в плане политических прав, вас не посадят в тюрьму, вы не подвергнетесь административному аресту. Ничего вам за это не будет. Больше этот принцип светского государства не означает ничего.

Ну, скажем, в Финляндии – это очень показательно, потому что это бывшая часть Российской Империи – существует две

государственные церкви. Они так и называются, «первая» и «вторая». Первая – лютеране, вторая – православные. Из этого вытекает, что, конечно, вы можете в Хельсинки быть римокатоликом или иудеем, но тогда вы не получите полного освобождения от налогов по недвижимости (для ваших церковных построек), тогда вам не предоставят бесплатного времени на государственном радио и телевидении, а лютеранам и православным это положено.

В Германии существует такая норма... Государство светское, церковь отделена от государства, но когда вы достигаете совершеннолетия, вы заполняете анкету налогоплательщика с графой «вероисповедание». И если вы пишете, что вы католик, то государство с вас взимает налоги в пользу католической епархии, а если лютеранин, то в пользу лютеранской, и это считается нормой, таковы договоренности между церквями и государством. А можно, конечно, написать «безбожник», но так никто не пишет практически. По многим причинам. Во-первых, для немца это абсолютно непристойно, а во-вторых, на всю жизнь забудь про государственную службу: в полицию не возьмут, учителем в государственной школе не будешь, и никто не скажет, что это потому что ты безбожник, а скажут, что, простите, вы нам не подходите – но все это знают.

Так вот, почему существуют подобные нормы (я могу привести еще много примеров из практики различных европейских держав). А вот почему. Исторические религии (как видите, их может быть и больше одной в одном государстве) являются культуuroобразующими. А если они культуuroобразующие, то они и государствообразующие. Каждое государство, защищая себя, защищает национальную культуру.

Писать о Российской Федерации или о Белоруссии, что это государства поликонфессиональные – большой перебор. Точной религиозной статистики у нас нет, но приблизительно, то есть по рождениям, православных в Российской Федерации является около 90 % населения, мусульман – около 9 %, на долю остальных приходится, может быть, полный процент, но это уже безусловные религиозные меньшинства. И такое государство никак поликонфессиональным признать нельзя.

Исторических религий у нас не так уж и много. Полного десятка не наберется (сейчас не хочется подробно обсуждать этот вопрос, он требует большой серьезной аргументации. Но решать этот вопрос нужно, и решать его нужно конституционно, потому что иначе конституция не оберегает культуру, а тогда государство (государственность – это часть культуры) не оберегает ничего.

Поэтому в нынешний момент – а это определенный поворот конституционного процесса – следует очень всерьез задуматься над основаниями конституционности во всех смыслах и над опытом других стран.

А может быть (это не самый дурной путь), вообще не учреждаться, а посчитать, что мы существовали всегда. Как добрая старая Англия. И отказаться от конституции. Российская федерация и Беларусь могут ограничиться союзным договором. С этого все начинали.

К отделению церкви от государства

Каждое европейское государство оберегает историческую религию или исторические вероисповедания в силу того, что на них опирается культура в данной стране, опирается нравственность.

Один из вопросов, часто встречающийся на страницах прессы, самых иногда, казалось бы, далеких от этой проблематики, вопрос об отношениях Церкви и государства, причем в контексте того, что государство принципиально признается светским, а в его отношениях действует принцип отделения Церкви от государства.

Казалось бы, если существует такое разделение, то и каковы отношения? Но Церковь, отделенная от государства, не отделена от общества и с обществом взаимодействует. Действительно, светское государство находится в некоторых правовых и политических отношениях с Церковью.

Исторически Церковь государственную власть уважала. Это отношение коренится в Писании, в словах Спасителя Иисуса Христа в известном вопросе о динарии кесаря. А также в посланиях, прежде всего в посланиях апостола Павла, где сформулированы несколько принципов: начальник не напрасно носит меч, существующая власть – от Бога установлена и т.д. Заметим, что Церковь тогда действительно была отделена от государства, ибо государство это было языческим.

Предпочитает ли Церковь подобные отношения? Надо полагать, что исторически это не так. Вспомним вопросы о гонениях на Церковь. На протяжении первых трех эпох существования христианства, только в Римской Империи таковых гонений было 11. Из этого следует, что они отнюдь не были постоянными, а Церковь не существовала в подполье всю свою 3-вековую историю бытия в языческом окружении, но они тем не менее были.

Почему? Очень просто. Государство представляло собой имперское образование уже в течение длительного времени и приобрело имперскую универсальность. Это не претензия на

всемирное господство. Ни одна империя на такое господство не претендовала, а претендовали те правители, у которых это не получилось (Александр Македонский, чье государство развалилось через 4 года после его смерти или, например, Тамерлан).

Государство не претендовало на всемирное владычество, но претендовало на всемирное первенство, как бы на положение государства-арбитра. Рим к этому привык, и с появлением христианства универсальная империя столкнулась с универсальной Вселенской Церковью, которая как раз претендовала на всемирный (хотя и немного другой характер) характер. И вот примирить неизбежное столкновение их ценностей было возможно только таким путем, которым это и произошло при императоре Константине Великом.

Император сначала признал полноту прав Церкви, а затем и сам стал христианином. Таким образом, сложились уже другие отношения, отношения Церкви и христианского государства. Принципы этих взаимоотношений были разработаны в начале V века святителем Иоанном Златоустом, в его толкованиях на Послания апостола Павла. Это – принцип взаимной поддержки Церкви и государства, распространяющийся на их сферу деятельности. В VI веке при императоре Юстиниане Великом это было юридически оформлено, и появился термин «Симфония» – дословно «созвучие» Церкви и государства.

В отношениях «Симфонии» принцип этот сохранялся приемлемым, признаваемым, нетленным более, чем тысячелетие. (А в России – вплоть до начала XX века). В отношениях «Симфонии» государство и Церковь поддерживают друг друга, если это государство христианское, находятся в отношениях любви, естественных для христианского вероучения, но сохраняют свои сферы деятельности.

В частности, существует ряд канонических правил, запрещающих священнослужителям занимать государственные должности. То есть сферу государственной жизни, сферу управления и управляющей власти Церковь оставляет государю, ибо христианское государство персонифицируется в особе монарха. Отношения «Симфонии» нормально,

полноценно могут существовать только с государством монархическим.

Кстати, государство монархическое не исключает наличие демократической или аристократической составляющей во властных структурах. Но дело в том, что Церковь не может совершить для республиканского правителя, избираемого на несколько лет, полностью чин царского венчания, чин коронации. Это сопряжено с совершением таинства, и совершать миропомазание раз в 4 года было бы вероятно кощунством. Что абсолютно не исключает самых добрых, близких к симфоническим отношений Церкви с республиканским государством, но в более упрощенном виде.

Итак, на протяжении истории Церковь предпочитала иметь дело с христианским государством, хотя готова была иметь дело с любым, что доказывает многовековое существование христианских общин в государствах исламских, существующих и в наше время.

Есть иллюстрирующий отношения Симфонии принцип «двух мечей», который у православных и у римо-католиков прочитывается по-разному. С римско-католической точки зрения, два меча символизирующие духовную силу и светскую, находятся в руках Папы Римского. И, таким образом, в полной мере легитимным государем является только тот, кто признает главенство Рима. Это довольно трудновыполнимо в наше время, но такова была трактовка Симфонии.

С православной точки зрения, Церковь действительно обладает по праву обоими мечами, в силу того, что глава Церкви Сам Христос, но оставляя в своих руках меч духовной власти, вручает меч светской власти государю и далее не вмешивается в его дела, однако сохраняет право нравственного суждения по любому поводу, по любому действию, совершенному государством. Ибо она этот меч государю и государству вручила. Таким образом, мы имеем многовековую традицию и многовековую позицию Церкви.

Не следует полагать, что вытекает подобное из некоего церковного властолюбия. Дело все в том, что Церковь стремится освятить этот мир. Подобно тому, как совершается на

праздник погребения великое водосвятие, и все воды, текущие в мире, в этот момент освящены, Церковь стремится освятить все. И если Церковь признает необходимость существования государства, то Церковь естественно стремится освятить государство. Это совершенно одинаковые моменты.

В настоящее время в Российской Федерации и в других государствах, находящихся на территории исторической России, то есть на территории СССР другой принцип церковно-государственных отношений. Эти государства себя декларировали как государства светские и в конституциях заявлен принцип отделения Церкви от государства. Этот принцип воспринимался только в одном контексте – в том, что Церковь не имеет влияния на ход государственной жизни. Церковь таким образом была отделена от государства, но государство отнюдь от Церкви отделяться не собиралось, зачастую нагло и репрессивно вторгаясь во внутрицерковную жизнь.

Насколько это норма, действительна и непреложна для Церкви? Прежде всего, заметим одну вещь. Ельцинская Конституция 1993 года считается действующей номинально, но, судя по всему, не была принята на выборах. Однако признаем, что большинство граждан РФ считают эту Конституцию действующей. Принципы, в ней заявленные: как их размещают внутри? Все законодательство должно быть подчинено конституции.

Их трактуют по-американски. То есть все действующие вероисповедания абсолютно равноправны и равномощны. Но в Соединенных Штатах Америки, видимо, законодательство иначе нельзя было построить о религиозных объединениях. Американцы – нация эмигрантов. История США насчитывает всего 300 лет. Причем достаточно многолюдной Северная Америка – белая Северная Америка – стала только во второй половине 19 века. Все они были выходцами из разных стран, государств и религиозных общин.

Отдельные штаты Северной Америки были созданы именно группой единоверцев религиозных эмигрантов. Так, соответственно была католической Виржиния, носящая имя

Пресвятой Богородицы. Так, штат Нью-Джерси изначально был пуританским, кальвинистским, а штат Юта, как известно, – это мормонское объединение. Конечно, в современной Америке все перемешалось. Но складывалось это так.

Поэтому в Соединенных Штатах можно зарегистрировать любую религиозную общину, в том числе и общину откровенных сатанистов. Они будут существовать на законных основаниях до тех пор, пока суд не докажет, что они принесли человека в жертву. Нигде в Европе такого нет.

Заметим, сейчас на планете существует довольно много религиозных, конфессиональных государств. Конфессиональным иудейским является государство Израиль. И, кстати сказать, миссионерство на территории этого государства запрещено. Христианина, который вздумает обращать в христианство иудея, в этом государстве просто арестуют и выставят.

Религиозными являются многие мусульманские государства, и это даже содержится в их официальном названии. Например, Исламская Республика Мавритания. Или Иорданское Хашинитское Королевство, что не исключает признания полноправия местных христиан. И все-таки государство является религиозным. Религиозным является Таиланд. Официально – это буддистское королевство. В Таиланде достигший совершеннолетия юноша должен 3 месяца провести в буддистском монастыре. Как нам кажется, очень симпатичное законоположение.

Но в Европе к настоящему моменту все государства светские за единственным исключением государства Ватикан. (Оно очень невелико, это квартал в Риме, и специфичность его не нуждается в обосновании.) Однако в каждом европейском государстве либо конституция, либо специальный акт, подзаконный по отношению к конституции, о религиозных объединениях признает существование либо государственной Церкви (может быть, ни одной, а нескольких), либо Церкви, религии с полным правовым статусом, либо официально покровительствуемой Церкви, также, может быть, не одной. Это

можно установить по законоположениям всех европейских государств, за исключением бывших коммунистических.

Из бывших республик Советского Союза (исторической России), такое законодательство установлено Литвой. Что это означает на практике? Финляндия пользуется в своих законах термином «государственная Церковь». Их две: первая и вторая. Первая государственная Церковь – лютеране, вторая – Православная. Это исторически в Финляндии оправдано.

На практике это означает, что вы можете быть католиком или стать католиком, изменив свое вероисповедание, можете, оставаясь финским гражданином быть иудеем или мусульманином. Но в этом случае вы не получите полного освобождения от налогов на недвижимость вашего религиозного объединения, на ваше церковное здание. Вы не получите бесплатного времени на государственном радио и телевидении, которое соответственно лютеранам и православным положено по закону. Во всем остальном, вы можете быть свободным в выборе вашего вероисповедания.

То есть отделение Церкви от государства означает только одно: вы в состоянии сделать выбор, вы вправе поменять свое вероисповедание, вы не будете за изменения (как бывало в религиозных государствах) подвергнуты ни уголовному, ни административному преследованию, ни ограничению в имущественных правах. Больше это не означает ничего.

Это может касаться не всех граждан. Так, в Великобритании каждый подданный Соединенного Королевства может изменить свое вероисповедание. Не может один человек – ее Величество королева. Она обязана быть англиканкой. Если английская королева или король покинет англиканскую Церковь, в эту же секунду он лишится трона.

Подобное же положение было в имперской России, при монархах, и каждый русский монарх приносил во время коронации, помимо того, что она совершалась Церковью в соединении с церковными таинствами, присягу. Он читал православный Символ Веры. И хотя были русские монархи – Петр Первый, Екатерина Вторая, – которые симпатизировали более лютеранству, никто из них несомненно и не помыслил

изменить вероисповедание, поскольку знали, чем это в России кончится.

Обратимся еще к нескольким европейским примерам. В Федеративной Республике Германии, стране несомненно светской, демократической и правовой по достижении совершеннолетия вы должны заполнить анкету налогоплательщика, где, в частности, содержится вопрос и о вашей конфессиональной принадлежности, вашем вероисповедании. Если вы будете в этой анкете писать, что вы лютеранин, государство будет с вас брать налог в пользу лютеранской епархии, а если – римский католик, государство на основании Конкордата – соглашения с Римско-католической Церковью – будет брать с вас налог в пользу католической епархии.

Конечно, вы можете написать, что вы атеист или, по крайней мере, агностик, т.е. человек, не определившийся в своем вероисповедании. Но немцы так практически никогда не пишут. Во-первых, это абсолютно неприлично. Во-вторых, указавший один раз в жизни подобным образом себя в анкете налогоплательщика немец лишится навсегда возможности поступления на государственную службу. В полицию не возьмут. Учителем в школе не будешь. Причем, разумеется, никто при этом не скажет, что при приеме на службу отказывают по этой причине, по причине безбожия. Скажут, что вы нам не подходите. И все.

Нужно отметить, что самая воинствующая безбожная европейская страна – а это несомненно Франция конца 19 – 20 вв. – в настоящий момент очень серьезно относится к вопросу вероисповедания и первая вводит в законодательство юридическое обоснование термина «секта» и юридические признаки сектантства. К сожалению, в российском законодательстве подобного категориального строения, подобного юридического определения не существует. Из-за чего сектанты постоянно возбуждают судебные иски против православных, которые пользуются термином секта. Правда при этом все суды они проигрывают.

Существуют и другие ограничения. Вспомним еще раз Германию. В Германии запрещена регистрация религиозных объединений, объектом поклонения в которых является ныне живой человек. На этом основании в отличие от России в ФРГ не может действовать так называемая церковь объединения – секта американского миллиардера, корейца Муна. Муниты не могут там действовать, поскольку Мун жив.

Безусловно, православной страной является Греция – там значительно больше 90% православного населения. Однако, даже будучи православным королевством в 60-е и более поздние годы нашего века, Греция была тоже государством светским, с принципом отделения Церкви. Однако публичная уличная проповедь в Греции разрешена только представителям православного большинства.

И если какой-нибудь мормон вздумает в Афинах на перекрестке вести свою мормонскую проповедь, а это, предположим, заметит какой-нибудь священник, то священник зайдет в полицейский участок и объяснит полицейскому сержанту, что вообще-то в нескольких шагах от его прихода на перекрестке проповедует мормон. Козырнув, сержант пройдет на перекресток, возьмет одного мормона за шиворот и, увлакивая, вежливо объяснит, что Греция – страна свободная и что оный мормон может арендовать спортивный зал. И повесить вывеску, что в этом спортзале состоится в такое-то время мормонская проповедь и – проповедовать. А вот на улице – нет, никогда.

Таким образом, мы видим некоторую определенную тенденцию общего характера для европейских государств, и она объяснима. Дело в том, что каждое европейское государство оберегает историческую религию или исторические вероисповедания в силу того, что на них опирается культура в данной стране, опирается нравственность, в том числе и общественная нравственность, имеющая, безусловно только религиозные корни, и зачастую, даже и сама государственность.

Дальше можно было бы посмотреть геральдику – гербовая геральдика европейских государств содержит христианскую символику повсеместно. А иногда и не гербовая. Известны

флаги, единственной эмблемой которых является крест. Таковы все флаги Скандинавских стран. Таков с двойным крестом флаг Великобритании, таков флаг Швейцарии. Поэтому каждое государство заинтересовано в сохранении своих исторических корней, всей социальной нравственности, в охране исторических религий.

Какие религии являются историческими в Российской Федерации? Очень не многие. Предложим два принципа. Прежде всего, это те религиозные направления и системы, которые существовали до 2 марта 1917 года – Единственная строгая дата, после которой российская государственность вполне легитимной считаться не может, ибо началась революция.

Таким образом, если подходить к этим историческим принципам, евангельские христиане-баптисты – историческая религия, хотя могли бы быть и не покровительствуемы на территории России, а вот иеговисты – нет. Их просто не было. Не говоря уже о мунитах, белом братстве, Богородичном центре и так далее.

Это один подход. Но возможен и другой. Безусловно, Православие – это историческая религия, таковой является и старообрядчество как поповского, так и беспоповского толка. Хотя в царской России и они подвергались некоторым ограничениям. Безусловно, оба основных направления ислама: и суннизм, и шиизм – исторические религии.

А вот историческая ли религия римское католичество? Помнится, когда изменялся закон о религиозных организациях РФ и появлялся в законе термин «историческая религия», Папа Римский обратился к тогдашнему президенту Ельцину с протестом, выражая некоторое опасение, что не исторической религией может быть признано римское католичество в Российской Федерации.

Должен сказать, что Римский Папа не объяснил, что для него историческая Россия. Дело в том, что если историческая Россия – Советский Союз или почти вся его территория – тогда римское католичество – историческая религия. А если Россия – это Российская Федерация, усеченная со всех сторон, то без

Украины, Белоруссии и Литвы римское католичество становится не исторической религией, и в настоящей Российской Федерации это религия иностранцев. Абсолютно в таком же положении неисторической религией становится иудаизм. Опять-таки без территории Украины, Белоруссии.

Таким образом, в настоящий момент в России действует не европейский принцип отделения Церкви от государства, а принцип, подобающий государству дикарей.

К юбилею святого филолога Стефана Великопермского

Статья 1996 года.

26 апреля нашего церковного календаря и нашего русского календаря, естественно, – память преставления отца нашего святителя Стефана Великопермского, а в этом году еще и юбилейная дата – 600 лет со дня преставления. И, возможно, мы живем с вами в такое время, когда житие, труды и подвиги святителя Стефана чрезвычайно важны как образ действия для современных христиан и всей нашей поместной церкви.

Святой Стефан родился в Великом Устюге около 1340 года. Надо сказать, что Великий Устюг – место весьма знаменательное. Это старинный русский город, который, почитай, всю свою историю, начиная с довольно глубокого Средневековья, был всегда значителен. Он был расположен далеко по тем временам, когда иноземцы, бывало, шастали по Русской Земле (почти как в наше время). Это было дополнительным достоинством города, дополнительной возможностью для него укрепляться и процветать. Подумайте, много ли городов имело устойчивое прозвание «Великий»: Великий Новгород, но мы назовем его просто Новгородом; Ростов Великий, а многие ли вспомнят, что замечательный, очень красивый, но маленький ярославский районный центр Ростов – это Ростов Великий? Мы говорим – Ростов Ярославский. А вот Великий Устюг сохранил свое название и даже прилагательное «великоустюжский», хотя не говорят и не говорили «великоновгородский» и «великоростовский».

Святой Стефан родился и вырос в городе процветающем, удаленном от врагов, в городе с самого начала своего христианском, причем поставленном на достаточно обжитом еще язычниками месте, таком, если хотите, форпосте славянской и русской, великорусской культуры и цивилизации на Севере. В городе со значительными церквями и, следовательно, достаточно значительной книжностью. Отец его, Симеон, был чтецом в соборном храме, человеком в городе, видимо,

достаточно заметным и, хоть и не в священном сане, но опять-таки человеком, видимо, достаточно книжным. Вообще, «книжность» простых людей, «книжность» младших клириков есть замечательная традиция русская, дожившая вплоть до революционных времен. Это такой первый урок, который, может быть, дает нам Житие. У отца при соборном храме святой Стефан и учился. И учился так, что по году обучения еще отроком уже получил благословение читать и быть канонархом хора в соборном храме, а это делало уж совсем заметным незаурядного отрока в глазах его сограждан.

Мы говорим о святителе Стефане как о великом русском ученом. А где он положил начало своей учености? Он положил его за чтением и пением в соборном храме. Вот мы сейчас не уделяем достаточного внимания углубленному изучению богослужебных текстов. Мы часто бубним канон за всеобщим бдением так, что в храме никому не понятно, а богослужебное наследие Православия, прежде всего, конечно, Минеи, – это огромное количество знаний – знаний богословских, знаний философских, гуманитарных, а иногда даже естественнонаучных. Хотя суждение, которое сейчас высказываю, для многих непривычно и может показаться парадоксальным. А ведь так начиналась биография великого ученого. Слава Богу, мы сейчас имеем возможность читать Писание. У нас появилась возможность читать и святоотеческие творения. Если для вас это возможно, постарайтесь углубленно изучать богослужебные тексты, и прежде всего, конечно, каноны.

Следующий период жизни будущего святого проходит в Ростове. Было естественным продолжить образование там, так как Ростов – средневековый центр русской учености. Кроме того, будущий святитель с отрочества стремился к монашеству, а Ростовские монастыри были заметны, особенно в период до начала пустынножительного движения. До эпохи, когда ученики преподобного Сергия Радонежского, великого современника святителя Стефана, основали множество обителей.

Великий Устюг – город Ростовского княжества, покуда оно было независимым, и Ростовской епархии, когда его земли

отошли к Москве, точнее, к Великим князьям Владимирским, которыми чаще всего бывали Московские князья.

Но Ростов – совершенно особенный город. Еще в начале XIII века Ростовский княжеский двор сиял ослепительным придворным блеском. Это был, как отмечают некоторые исследователи, своего рода рыцарский готический двор, где были нередки состязания знатных людей (наподобие рыцарских турниров). Но, конечно, не только тем был славен Ростов, но и библиотекой Ростовских князей, затем – библиотекой Ростовских епископов. В XIII веке Ростовский княжеский род захирел, обеднел, но, видимо, библиотека не была рассеяна и не покинула Ростов. В те времена, во времена Ордынского нашествия и еще более страшного нашествия Запада, в середине XIII века, когда основы домонгольской русской учености, заложенной еще равноапостольным Владимиром, утрачивались, когда людей, умеющих читать по-гречески, становилось все меньше, контактов с Константинополем становилось тоже все меньше, что неудивительно, ведь не только мы были поработаны, но и Константинополь был поработан крестоносцами, вот в те времена Ростов оставался островком учености. В XIII веке при Ростовском епископе Парфении, который был греком, один из клиросов в Ростовском кафедральном соборе пел по-гречески, второй же – по-славянски. Такого нигде тогда не было! А дальше ученость еще сжималась, еще сужалась. Подумайте, в XII – начале XIII века каждый горожанин в Русской Земле был грамотен, а ученые люди, иные князья, бояре, конечно, все епископы, а также многие представители духовенства, и не только монахи, умели по-гречески читать. Теперь же ученых людей стало мало. Вместо учености, в основном, осталась грамотность; читающих по-гречески осталось совсем мало. А вот в Ростове при архиерейском дворе сохранился небольшой монастырь строгого устава (не случайно он назывался «Григорьевский затвор»), где по-прежнему читали по-гречески, по-прежнему совершенствовались в классической учености, по-прежнему изучали святоотеческие творения в подлиннике. Церковь

Григория Богослова на том месте стоит и сейчас. Не случайно святитель Стефан становится монахом Григорьевского затвора.

Там, в Ростове, он был рукоположен во диакона, но пресвитером стал в Москве, ибо он поставил себе задачу просвещения остававшихся во тьме язычества пермяков, или зырян (ныне это народ коми), наших соседей, живших бок о бок с русскими, но еще не вперемешку, и остававшихся глубокими и достаточно свирепыми язычниками. Естественно, такие подвиги на себя самочинно не возлагают, и, видимо, с разрешения Ростовских властей он отправляется в Москву.

В Москве тогда не было митрополита. Наместником в отсутствие митрополита был Коломенский епископ Герасим, и именно Герасим благословляет святителя Стефана на миссионерский подвиг и рукополагает его во пресвитера. По всей вероятности, начало того подвига – в конце 1370 годов. В это время будущий святитель, пресвитер Стефан – уже зрелый и ученый муж. И вот тут обратим внимание на самое поразительное. Конечно, святитель Стефан был великий миссионер, просветитель целого народа. Он мог бы, наверное, почитаться как просветитель народа, даже в высоком чине равноапостольного. Но есть и другие просветители целых народов. Он один из великих миссионеров христианских, но были и другие великие миссионеры, и были просветители, которые успели просветить, обратить к вере Христовой больше новообращенных христиан, нежели удалось Стефану. А вот как великий ученый, как великий подвижник-филолог святитель Стефан, как нам кажется, равных не имеет.

Сравним его подвиг с подвигом просветителей Словенских Кирилла и Мефодия. Они переводили Писания на славянский язык с греческого, то есть они переводили с родного языка на язык, который им был знаком с детства. Они прозваны Солунскими братьями, то есть, они родом из Фессалоник, где всегда был славянский квартал. Наверняка, они знали славянский язык. Конечно, их подвиг колоссален. Но у них при том, с самого начала их апостольской деятельности вырастает мощная дружина учеников. Итак, они переводили с помощью ученых помощников – с родного языка на язык, хорошо

знакомый. А святитель Стефан переводил с неродного языка на зырянский; он переводил Писания не со славянского, но с греческого оригинала. Он работал один, по крайней мере, большую часть своей деятельности. И с Божией помощью уже в 1383 году учреждается новая епархия.

Житие сообщает нам и много иного: какие прения он претерпевал с зырянскими жрецами, какие прижизненные чудеса были при том совершены. Житие его издается практически в каждом собрании Житий Святых, и его желательно подробно читать. Обращу внимание на одно интересное свидетельство из другого жития: из жития преподобного Сергия. Как-то раз преподобный сидел со своей братией за трапезой и вдруг встал и в непонятном направлении отвесил поклон. Монахи спросили, в чем дело, а он ответил: «Это отец наш Стефан из Перми в Москву идет!» Так на большом расстоянии приветствовали друг друга два великих подвижника XIV века.

Святитель Стефан завершил свой подвиг: он оставил великую Пермь крещеной, закончив земной путь в 1396 году. Его Житие – образец бесстрашия. Святитель пошел к чужому, языческому народу, который, и он ждал этого, встретит его достаточно агрессивно. Мы с вами ведем себя робко, а часто и трусовато, хотя находимся среди христиан, в христианской земле. Он же находился в земле языческой. Святитель Стефан показал нам образец праведной учености, и нам хотелось бы дать всем совет совершенствоваться в учености по образу святителя Великопермского Стефана.

Как забывают Золотой век

Статья 1997 года.

Всевышний Творец наградил человека творческим даром. Пусть со-творческим. Бог сотворил волка, а человек превратил его не только в овчарку, но и в болонку. Иные мыслители полагали этот дар наивысшим. Иные не сомневались, что более этот дар не достался никому. Даже ангелам.

Не станем об этом судить, однако, не усомнимся в исключительной опасности для человека совершения своеобразного отступничества – отказа от сотворческого потенциала. Отказа по лености, отказа в форме опрощения (разрыва с традицией предков), отказа в форме присвоения плодов чужого творчества ценой презрения к своим. Последнее страшнее всего. И мы сейчас увидим, как этим путем даровитый и героический народ ушел в небытие.

А сколько талантливых личностей сошло этим путем – Бог весть.

Одна из наиболее сомнительных идей, определяющих мировоззрение среднего европейца, есть идея непрерывности прогресса, потому что каждая культура, каждая цивилизация, заканчивая историческое существование, уносит в небытие большую часть своего достояния. А то, что сохранилось, люди вскоре перестают понимать.

О том, насколько мало мы понимаем эгейскую культуру (она же – критская; она же – минойская, как ее назвал археолог Артур Эванс, первым начавший раскопки на острове Крит), свидетельствуют два факта. В середине 1970-х годов в Москве выходит книга-альбом «Эгейский мир» примерно с таким резюме: «Судя по всему, на Крите мы имеем дело с редким проявлением чисто светской культуры, в которой религиозная составляющая не была заметной». А в самом конце 1970-х годов выходит трехтомник «История Древнего мира», где в крошечной главке, касающейся Эгейского мира, написано, что, по-видимому, великолепные дворцы на Крите представляли собой храмовые ансамбли, а цари, окруженные изящными

дамами и кавалерами, совершали жертвоприношения. Так, с интервалом в несколько лет появляются две взаимоисключающие, диаметрально противоположные версии, высказанные историками. Регионы великих культур существуют, и эгейская культура – одна из таковых наряду с античной, египетской, месопотамской. Культуры приходят и уходят, они смертны. Что же способствует сложению великой региональной культуры? На этот вопрос отвечает гипотеза Флоренского: религия не материальна, в то время как культура во всех своих проявлениях материальна или, по крайней мере, принципиально материализуема, потому основание культуры есть не религия, а культ, то есть тип и образ богослужения.

В мировой истории всегда сначала возникал культ, потом создавалась культура, а далее культура рождала цивилизацию. Единственным исключением стала современная цивилизация Запада, которая совершила кульбит и поставила себя над культурой, однако это уже произошло к концу XVIII века.

Сегодня мы можем изучать эгейскую цивилизацию, ибо перед нами множество ее материальных свидетельств, в том числе и за пределами Крита. Однако эгейской культуры для нас не существует даже на уровне образов, ибо мы видим краски, формы, пространство, линии, но ничего за ними. И совсем уже в сумраке теряется эгейский культ, который был стержнем этой культуры. Мы не понимаем культа эгейцев, в силу чего можем только эстетически оценить их культуру, а смысл ее нам не ясен.

Первые следы пребывания человека на Крите относятся примерно к 6000 году до н.э. В это время появляются первые земледельцы (они же, видимо, и скотоводы). Можно не сомневаться в том, что они не были предками эллинов. Но, скорее всего, они не были предками и критян.

Следующая заметная дата на 3000 лет ближе к нам. Где-то около 3000 года до н.э. появляются первые бронзовые вещи. На Крите, который продолжал быть связан с Балканами, начали выплавлять бронзу. Почти в то же время, около 2900 года до н.э., появляется (по эвансовой, но сильно не оспариваемой датировке) эгейская иероглифика. На самом деле так называемая иероглифика или, точнее, пиктографическое письмо

имеет несколько разновидностей. Оно совершенствовалось, хотя первоначально то были настоящие пиктограммы.

Следующая очень важная дата – появление около 2000 года до н.э. пиктографического курсива, который был предшественником минойского «линейного слогового письма А». В ту же эпоху, около 1900 года до н.э., на Крите начинают возводить дворцы. Видимо, тогда же отстраивается и город на острове Фера с трехэтажными частными домами, с великолепными фресками внутри, с канализацией. Ранее 1700 года до н.э. появляется «линейное слоговое письмо А», на котором записаны минойские тексты. Оно просуществовало примерно до 1470–1450 года до н.э., то есть до взрыва острова Фера – самого страшного вулканического взрыва за все время существования человека. Остров Фера (он же – Тира, а ныне – Санторин), который многие теперь считают центром эгейской цивилизации и прообразом Платоновой Атлантиды, погиб в той чудовищной катастрофе. Крит был засыпан пеплом. Цивилизация, просуществовавшая не более пяти веков, уже никогда не смогла восстановиться.

Интересно, что с появлением «линейного слогового письма А» курсив исчезает, а надписи иероглификой остаются до самого конца – до взрыва острова Фера. Возможно, то было сакральное письмо, и оно сохранилось в ритуалах. Либо его сохраняли и изучали по той же причине, по какой нововавилонские или позднеассирийские писцы высокой квалификации изучали давно уже мертвый шумерский язык, – как классику, как в хороших университетах позднее будут изучать латынь.

А примерно за 1500 лет до н.э. появляется «линейное слоговое письмо В». Оно впервые расшифровано и, надо заметить, неубедительно американцем Вентрисом в 1952 году. Тем не менее, ключ он нашел. Вентрис предложил некие принципы дешифровки, пользуясь которыми, сумел расшифровать ряд текстов, а позднее с рядом текстов не справился. Но во всяком случае ясно, что «линейное слоговое письмо В» – это ахейский язык индоевропейской группы, и он

поддается дешифровке, тогда как «линейное слоговое письмо А» мы читать не умеем, как и иероглифику.

ЭГЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Об уровне эгейской цивилизации говорят следующие факты. Критяне были замечательными инженерами. Они строили многоэтажные дворцы. Кносский дворец, можно не сомневаться, был трехэтажным (по крайней мере, в отдельных частях), что доказывает расположение лестниц и световых колодцев. А, между прочим, весь Вавилон – сверхгород своего времени – был одноэтажным!

Критяне достигли талассократии (морского господства). Боевые корабли критян позволили поначалу оттеснить появившихся ханаанейских (будущих финикийских) мореплавателей и задержать их наступление на моря. В то время двигателем боевого корабля была мускульная сила. Ее совершенствование было возможно, но оно не могло дать принципиального преимущества. Вот почему есть все основания полагать, что преимущество критянам дала совершенная гидродинамика их кораблей. Это правдоподобная гипотеза, хотя у нас нет хорошо сохранившегося критского корабля, который бы подтвердил ее. Однако сделали же скандинавы гидродинамический рывок, легший в основу походов викингов! По всей вероятности, нечто подобное произошло и в начале II тысячелетия до н.э. на Крите.

Критяне были великими военными строителями. Они блестяще строили городские инженерные укрепления, но не у себя дома – критские поселения эгейского периода не укреплены. По тем временам это было крайней редкостью и объяснялось полным господством критян на море. Критские инженеры строили укрепления Микен, Тиринфа, Пилоса. Эти постройки позднее назовут циклопическими, ибо представить себе, что их когда-то построили люди, эллин не мог. В его понимании такое могли сделать только циклопы! Несомненно, чтобы передвигать с места на место девятитонные глыбы, имея в качестве двигателя лишь мускульную энергию, надо быть очень хорошим инженером! Есть также гипотеза, что совершенные мегалитические постройки в Западной Европе (в

том числе «Стоунхендж» в Великобритании) строили приглашенные критские инженеры.

Критяне были великими инженерами-механиками. На Крите, как известно, жил Дедал, коему приписывается невероятное число изобретений. Едва ли один человек мог быть их автором. Скорее, слово «дедал» у критян означало «инженер» или «ученый муж», и все критские инженеры-механики были по сословной принадлежности, по должности или по образу жизни «дедалами».

В частности, «дедалы» строили маяки, и, возможно, не хуже Фаросского эллинистического, а вот мы сегодня, используя технологии времен эллинизма (живой огонь и систему полированных зеркал), не смогли бы его построить. Что же касается мира Античного, то он не умел того в течение многих столетий.

И «дедалы» летали. Миф об Икаре – причудливая и легендарная передача подлинного исторического материала. Кстати, горный Крит идеально подходит для безмоторных летательных аппаратов – планеров. После критян научились летать только люди Нового времени.

Критяне были также великолепными врачами. Именно они изобрели противозачаточные средства. Античный мир этого не знал, а в Новое время их изобрели вновь.

Усомнимся ли мы после всего перечисленного, что творческий потенциал Минойского мира был столь колоссален, что его хватило бы на цивилизационный скачок всего тогдашнего человечества? Но в Месопотамии отнюдь не начали строить четырехэтажные дома, не распространились по Средиземноморью прекрасные длинные бронзовые мечи, и даже финикияне – морской народ – не смогли воспроизвести совершенные формы эгейских кораблей. И, скорее всего, не потому, что критяне создали сверхмощную систему промышленного контршпионажа. Просто, чтобы стать вровень с минойцами, надо было обладать не меньшим творческим потенциалом даже для примитивного заимствования их идей и технологий.

ЭГЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

У критян и ахейцев, пришедших на их место, структуры жилища и города столь не похожи, что есть все основания подозревать, что они – принципиально неродственные народы. Критянам принадлежат невероятно странные, парадоксальные сооружения – лабиринты. Слово это происходит от минойского названия двойной обоюдоострой секиры «лабрис». Может, и нельзя было насмерть заплутаться в помещениях Кносского дворца, как о том повествует миф, но то, что Кносский дворец невероятно запутан, – правда.

Правда и другое. Когда человек, привычный к чтению планов, начинает внимательно рассматривать план Кносского дворца, пытаясь просчитать закономерности хотя бы по переходам, у него подсознательно возникают музыкальные ассоциации, поскольку в плане дворца заложен очень четкий ритм. Это не хаотическое, а ритмическое построение пространства. Однако классическому арийцу оно должно было казаться ужасной путаницей, как кажется и нам независимо от нашей этнической принадлежности, ибо все мы несем мощнейший заряд индоевропейского наследия. Кносский лабиринт может быть для нас невыносимым или приятным, но все равно остается непонятым, алогичным. Лишь начав смотреть его план, вдруг слышишь какую-то странную музыку. Так было и со мной.

На смену лабиринту критян пришел ахейский мегарон – логичнейшее строение! План его таков: в главный зал выходят и жилые помещения, и хозяйственные, находящиеся в торце здания. Все они более или менее равновелики (не симметричны, конечно, но соразмерны) и ориентированы на главный зал. Собственно, «симметрично» по-гречески и значит «соразмерно». Ахейцы строили логичные большие жилища. Например, в Микенах очень большой дворец, но он не производит столь потрясающего впечатления как Кносский.

Однако лабиринт – не единственный алогичный элемент в критских строениях.

Колонна в мире известна, Бог знает, сколько тысячелетий. Если считать колоннами лишь то, что построено «в ордере», тогда их первыми создателями были эллины. Ордеров нам

известно шесть (простой смертный обычно знает три). Они же используются и в позднейшей архитектуре. И все-таки египетские колонны – тоже колонны. И колонны индийских, даже скальных, храмов (какой-нибудь чайты в Карли) в общем тоже колонны, так как, хотя они и высечены из монолита, но имеют капитель.

Есть колонны изящные, колонны с энтазисом – упругим утолщением на трети от основания. Это нормальная эллинская колонна, но так эллины делали не везде. В глухой провинции они того не чувствовали и рубили, как получится, – никакого энтазиса там нет. Тем не менее, все колонны сужаются от основы до капители! Только в очень примитивных строениях они одинаковы по всей длине (это грубые колонны, почти столбы). И лишь критяне строили колонны, расширяющиеся кверху, как бы бросая вызов закону всемирного тяготения! Когда колонна расширяется кверху, вы не будете читать архитектуру по стоечно-балочной логике сверху вниз. Наоборот, эта архитектура выплескивается ниоткуда, как фонтан!

ЭГЕЙСКИЙ КУЛЬТ

Еще одна загадка Крита – ритуальные игры (или пляски) с быком, присущие только минойской цивилизации и запечатленные на фресках. Такие игры возможны, но все же смертельно опасны, более опасны, чем испанская *corrida de toros*, и их исполнение требует от танцоров и танцовщиц мощной спортивной подготовки, хотя это, конечно, не спортивные состязания.

Писатель-фантаст Иван Ефремов в романе «На краю Ойкумены» предположил, что культовые пляски с быком есть вызов, который человек бросает грубой силе. Следует отметить также, что, согласно греческой мифологии, имеющей во многих пластах эгейский подтекст, для эллина проявление подобного героизма – совершенно нормальное состояние. Чем, собственно, занимается герой? В основном, сокрушает чудовищ! Геракл, совершая подвиги, борется то с гидрой, то с птицами стимфальскими. Все они – хтонические чудовища, грубые и омерзительные, хуже варвара. Аполлон, который, с нашей точки зрения, безнравственно жестоко карает Марсия, содрав с него

живого кожу, на самом деле выступает как начало культуры против начала варварства, ибо грубейшей силой Марсий вздумал тягаться в музыкальном соревновании с самим Аполлоном!

Я категорически не согласен с теми, кто считает эгейскую культуру промежуточным звеном между египетской и европейской культурами, ибо сомнителен сам термин «европейская культура». Но то, что с Египтом эгейская культура тесно контактировала, несомненно. Есть египетские тексты, указывающие на контакты с Критом, и даже фреска с изображением послов страны «Кефтиу» (так сейчас Крит читается по-египетски). Их парадное обмундирование примерно такое же, как у придворных кавалеров на кносских фресках: те же сложно уложенные (не менее сложно, чем римские тоги) набедренные повязки, очень богато украшенный пояс, высокие сапожки и сложный головной убор.

Эгейская живопись с египетской связана, если не генетически, то уж на уровне влияний, безусловно. Влияния шли из долины Нила. Критские живописцы так же легко передавали движение, как и египтяне. У критян прекрасно получалась поза, что вообще умели тогда только египтяне – у прочих народов в те времена живописи либо совсем нет, либо она чрезвычайно примитивна. Критяне так же, как и египтяне, на профильном изображении писали глаз человеческий анфас.

Однако эгейская живопись иная, нежели египетская. В ней больше настроения. Правда, египетскую живопись, хоть она и древнее, мы всё же понимаем. Мы читаем тексты. Существуют великолепные исследования, в том числе в блистательной русской египтологии, о религии египтян и выходе ее в культуру Древнего Египта. А эгейскую не понимаем. Мы смотрим на критские фрески, на критскую вазопись как на изображения, не имеющие семантики, несущие только эстетическую нагрузку. Возможно, именно потому в эгейской живописи ощущается невероятное обаяние. Например, известная фреска с изображением очень кокетливой критской дамы получила название «Парижанка», и в этом есть смысл, это не прихоть искусствоведа.

Никакой импрессионистичности в египетской живописи нет, а в эгейской – есть (ни в Античном мире, ни в Средневековье этого уже не будет). Критянам было под силу передать впечатление момента. В этой связи следует отметить еще одну характерную черту критских дворцов. Они необычайно интересны также с точки зрения постоянного контраста освещения: проходя по дворцу, вы из полутемных (причем продуманно полутемных!) залов, в том числе и расписанных, неожиданно попадаете на залитое солнцем пространство (в световой колодец или во внутренний дворик). Подобные развороты подталкивали критских художников додуматься до импрессионистичности. Сама архитектура в интерьере диктовала художникам, чтобы они в разном освещении смотрели на одно и то же пространство. Изменение освещения в течение дня во дворцах особенно заметно.

Вообще эгейская культура не видится мрачной, что странно, ибо человек всегда боялся смерти, стремился ее преодолеть (прежде всего, магическими усилиями), и везде страх смерти очень сильно влиял на культуру, правда, за одним исключением. У замечательного немецкого философа XX века Вальтера Шубарта есть забавная шкала. Он выделил 4 типа культур в зависимости от их отношения к жизни и к загробному миру: 1) «здесь плохо – там хорошо»; 2) «здесь хорошо – там плохо»; 3) «здесь плохо – там плохо»; 4) «здесь хорошо – там хорошо».

По этой типологии эллины относятся ко 2-му типу. Согласно Гомеру, дабы уговорить Одиссея согласиться на бессмертие, Цирцея вызывает Ахилла, Аякса и Агамемнона из загробного мира, и они говорят Одиссею, что там плохо даже царю, который и там царь, как Ахилл! Культур, относящихся к первому и третьему типам, довольно много, а вот четвертый тип – редкостный. Из древних к нему определенно относится одна-единственная культура – египетская. Однако, глядя на искусство критян, можно предположить, что эгейская культура того же типа и родственна египетской в самой корневой своей части.

КРИТЯНЕ-АХЕЙЦЫ-ЭЛЛИНЫ

Для меня, учившегося у Льва Гумилева, смена этносов – закономерность неоспоримая. Ахейцы критян застали, будучи их младшими современниками. Они приглашали критян строить дворцы для своих фратрий, ибо полисов тогда еще не было. Полисы созданы Античным эллинским миром, а не ахейским; никакого полиса в Микенах не было, был аристократический арийский мир. Ахейцы ввозили критскую керамику. А когда, наконец, грозной талассократии не стало (есть легенда, что Минос с флотом погиб на Сицилии) и появилась возможность на любых суденышках высаживаться на Крит, ахейцы захватили остров и расположились в критских дворцах. Но потом наступили Темные века – период деградации ахейцев.

Гомер, несомненно, – человек Темных веков. И куда убедительнее более древняя датировка «Одиссеи» и «Илиады», а не VIII век и, уж, естественно, не VII век до н.э.! В его поэмах бросаются в глаза противоречия. Так, величественный список ахейских кораблей совершенно не соответствует описанию дома Одиссея с земляным утоптаным полом и громадным коптящим очагом посреди мегарона. Точно так же, исторический Одиссей был, конечно, мелким правителем, но все-таки едва ли знал сам, сколько у него пифосов с зерном и сколько амфор с маслом, а гомеровский Одиссей знает это. Историческая Навзикая вряд ли была дочерью очень знатного и видного властителя, и, вероятно, ее отношения с подружками и даже, может быть, рабынями были патриархальны, но гомеровские Одиссей и Навзикая встречаются на берегу моря, где царевна Навзикая, босая, полощет белье вместе с тремя рабынями. То есть бытовые реалии гомеровского века совершенно не соответствуют реалиям Микенского мира, куда более величественным, потому я убежден, что те, о ком писал Гомер, не были эллинами, они были ахейцами.

Для эллинов же критяне стали уже мифом, потому-то эллины и не оставили нам сведений о них. Мы даже не знаем, «Минос» – это имя выдающегося царя-талассократа (возможно, самого выдающегося из правителей Крита), или «минос» – это должность, и так за 1600 лет до н.э. называли царя или вождя.

А у эллинов Минос уже становится одним из судей загробного мира. Более того, Минос ведь еще и Минотавр! Миф о том, что Минотавр есть чудовищное дитя супруги Миноса Пасифаи от случайной связи, – миф поздний, размытый и не очень понятный. Скорее, это – попытка как-то объяснить в истории Тесея, откуда взялось чудовище с головой быка на очень могучем теле человека.

Первый великий исследователь греческой мифологии Грейвс был уверен, что Минос и Минотавр – одно и то же явление, а разделились они потому, что сказание прошло легендарную обработку, ибо жило в устном предании, в Темные века ахейцы перестали писать. Кроме того, устное предание породило еще одну забавную трансформацию этого сказания. Дело в том, что эллины получили его уже в чужом предании – в ахейском. Однако эллины – другой этнос, и хотя они понимали ахейский язык, их представления были иными, чем представления ахейцев. Кстати, в греческом языке остались и оттуда попали в наш язык отдельные слова минойского происхождения (в основном, названия растений, как то: кипарис, гиацинт, нарцисс), но таких слов в греческом языке совсем немного. Видимо, минойские тексты нетвердо читали уже ахейцы, а эллины их уже вообще прочесть не могли.

ПОЧЕМУ ЖЕ СТОЛЬ СИЛЬНО ДЕГРАДИРОВАЛИ АХЕЙЦЫ?

Предлагаю следующую гипотезу.

Ахейцы были арийцами. Для них Крит, говоривший и писавший на другом языке, был не очень понятен, но вождеден, и, в конце концов, они захватили его. Грубыми варварами ахейцы не были, хотя были значительно грубее критян. У них была своя письменность, они уже делали керамику, им принадлежали великолепные крепости, построенные для них критянами. В ахейском укладе аристократическое начало доминировало над слабой демократией и слабой царской властью – не такой уж плохой мир!

Но ахейцы, захватив Крит, ДАРОМ получили слишком много ЧУЖОЙ цивилизации, а культуры – гораздо меньше (очень многое в ней было им непонятно); и культ у них был другой. В итоге это убило собственный творческий потенциал ахейцев, и

они перестали создавать свою цивилизацию, а лишь доедали остатки Эгейского мира и просто одичали. Такое в истории случалось.

Например, самым победоносным, самым прославленным народом эпохи Великого переселения были, несомненно, готы. У них был свой великий просветитель, епископ Ульфилас, который перевел Библию на готский язык. У них был свой великолепный историк Иордан. Они – потрясатели Вселенной, властители Италии, основатели королевства в Испании и в Таврии. Однако с VIII века упоминания о готах исчезают. Не варварство, а любовь к античному наследию того же Теодориха Великого погубила готов. У них не осталось своего – только чужое. В итоге не стало готской культуры, а вскоре после того и самих готов.

Так печально заканчиваются попытки жить чужой жизнью, даже если это жизнь Золотого века.

Как мы не крестили Орду

Другое название: Основание Сарайской (Крутицкой) епархии

Православная епархия в столице Орды – Сарае, тремя столетиями позже перенесенная на Крутицы, учреждена в 1261 году.

Многие авторы указывают на множество причин основания новой кафедры.

Во-первых, число русских в Орде в 1250-е годы все росло. Речь шла уже не столько о русских рабах, духовные нужды которых вряд ли волновали завоевателей, сколько об участвовавших в посещениях ханской резиденции русскими князьями с их приближенными, купцами, различными посольствами. Князья содержали в Сарае свои дворы с челядью. Многие из этих русичей волей или неволей проводили в Орде годы.

Во-вторых, ордынская власть к этому времени уже вполне наладила отношения с духовным сословием, находившемся в привилегированном положении в сравнении с остальным русским населением, и, вероятно, не противилась стремлению русского духовенства упрочить свое влияние на новой обширной территории.

В-третьих, в ордынских землях, особенно по Дону, жили бродники – христианизированные потомки хазар и предки донских казаков.

В-четвертых, ханская власть придавала особое значение Сарайскому епископу во взаимоотношениях Орды с Византией. Вряд ли случайным совпадением было основание кафедры в том самом 1261 году, когда Михаил Палеолог вышвырнул крестоносцев из Константинополя, восстановив православную столицу. Известно летописное свидетельство о возвращении в 1279 году Феоноста, 2-го епископа Сарайского, «из Грек, послан бо бе митрополитом к патриарху и царем Менгутемером к царю греческому Палеологу» .

Русские князья и высшее духовенство, видимо, получали от Сарайского архиерея сведения об обстановке в ставке, об отношении хана к тому или иному из русских князей. В какой-то степени епископ мог влиять на эти отношения.

При всей изученности вопроса бросается в глаза странная ситуация, когда историки преимущественно интересуются, чем была полезна Сарайская кафедра ордынцам, а не русским, не Византийской империи, не Вселенской Православной церкви. В конце концов, не ордынцы же учредили епархию!

Была и еще одна серьезнейшая причина стремления русского духовенства к усилению влияния в Орде: борьба с римо-католичеством, которое с XIII столетия постоянно усиливало натиск на Восток. С установлением Ордынской власти на Руси в Риме сочли, что теперь появилась возможность распространить папизм как среди русских с помощью Орды, так и среди самих ордынцев, возможно, с помощью наших. Преследовалась и цель привлечь степняков к борьбе с турками-сельджуками, с Никейской (Византийской) империей, с германским императором Фридрихом II Барбароссой. Этот нажим осуществлялся с помощью миссионеров, чаще всего францисканцев и доминиканцев, которых папы, снабдив посланиями, посылали на Русь и в Орду и в XIII и, еще, в XIV веках. Таким из них, как Иоанн де Плано Карпини (Джованни дель Плано Карпини), Гильом де Рубрук (Гильом из Рубрука), Юлиан, мы обязаны интереснейшими свидетельствами о тех странах, где они побывали. Но посланы они были совсем не с познавательными целями. Их донесения подчас даже носили ложный характер при описании собственных миссионерских успехов. Так, венгерский монах-доминиканец Юлиан в 1235 году сообщал о словах, сказанных будто бы князем великой «Лаудамерии» (Владимиром): «...ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти».

Интересно отметить, что еще в булле 1233 года папа Григорий IX давал индульгенцию всем доминиканцам, отправлявшимся на Русь, прощая им такие грехи как поджог и убийство клирика; им также дано было право самим отпускать

эти грехи. В ряде посланий, начиная с XIII века, папы призывали русских князей к отречению «от своих заблуждений», то есть от Православия.

Геополитическая обстановка в XIII веке была тяжелейшей во всей русской истории. Русь не смогла оградить себя от вторжения монгольской Орды, в кампаниях 1237–38 годов и 1240 года опустошавшей ее земли. Ряд важнейших городов был razoren, ремесленники толпами угонялись в полон. Страх перед шайками степняков делал невозможным движение купеческих караванов. Еще в XII веке иссяк Великий Днепровский транзитный «путь из варяг в греки». К тому же западная граница стала враждебной, а уцелевшие города Северо-Запада – Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск – стремились перенаправить свою торговлю на Балтику, потеряв русский рынок. Упадок торговли поощрял упадок ремесел и наоборот, что образует порочный круг. Падение заказа под влиянием социально-психологического шока было чудовищным: богатейший, никем не razorenный Новгород, около 60 лет не вел каменного строительства. Отсеченный Великой схизмой Запад стал окончательно чужим после razорения Константинополя в 1204 году. Византийская империя, выстояв шестивековой натиск Ислама, пала под предательскими ударами крестоносцев. Между Русью и Черным морем вместо «своих поганых» – торков, берендеев, половцев – уже была Орда. Культурная изоляция и экономический упадок влекли за собой утрату влияния городов и городских монастырей. Место городской Руси заступала Русь аграрная, Русь боярских вотчин, Русь удельной грызни.

Лишь Церковь оставалась твердыней русского человека. Церковь, которую не тронули и монголы, которую «и врата адавы не одолеют...». Религиозно-культурная терпимость монгол изумляла современников. Ханские ярлыки освобождали духовенство ото всех видов дани, всех повинностей в пользу хана. «Сию грамоту видяще и слышаще от попов и чернецов ни дани, ни иного чего ни хотят, ни возьмут баскаци, княжьи писцы, поплужники, тамошники, а возьмут ине по велицей Язе извиняться и умруть» (из ярлыка Менгу-Тимура 1267 года).

Ярлыки оберегают земли, воды, сады, огороды, мельницы, принадлежащие духовенству. Церковные дома освобождаются от постоя. За оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книг и тому подобного) полагалась смертная казнь. Как тут не сравнить монгольскую власть с нынешним режимом! Ярлык Тайдулы 1347 года прямо обращается к русским князьям с призывом поддерживать все эти привилегии Церкви.

Представляется уместным отметить, что Русская земля, оправившись от первого потрясения, могла сопротивляться, могла добиться разгрома монгольских войск. В 110 тысяч воинов оценивают историки силу объединенных княжеств в XIII веке. Это заведомо больше, нежели силы Батыева (Джучиева) улуса. Но Русь сражалась и на Западе. Поляки, венгры, шведы и несравненно более опасный Тевтонский орден – вот страшные бескомпромиссные враги. Блестящий анализ Льва Гумилева не оставляет сомнений в том, что Русь могла победить ценой союза с папством, но... ценой окатоличивания и феодализации, той ценой, которую в конечном итоге отказался платить и князь Даниил Галицкий и которую решительно отвергли святой благоверный князь Александр Невский и митрополит Кирилл.

К тому же, положение и в Орде, и в ставке великого хана отличалось исключительной нестабильностью и даже поддавалось русскому влиянию. Во время похода Батый рассорился со своими кузенами, Гуюком, сыном самого великого хана Угедея, и Бури, сыном великого хранителя Ясы, Чагатая. «Отцы стали на сторону Батыя и наказали опалой своих зарвавшихся сынков, но когда умер в 1241 году Угедей и власть попала в руки матери Гуюка, ханши Туракины, дружины Гуюка и Бури были отозваны, и бедняга Батый оказался властителем огромной страны, имея всего четыре тысячи верных воинов при сверхнатянутых отношениях с центральным правительством. О насильственном удержании завоеванных территорий не могло быть и речи. Возвращение в Монголию означало более или менее жестокую смерть. И тут Батый, человек неглупый и дальновидный, начал политику заигрывания со своими подданными, в частности с русскими князьями

Ярославом Всеволодовичем и его сыном Александром. Их земли не были обложены данью» [3, стр. 431–432].

Но и Гуюку было несладко. Против него выступили монгольские ветераны, сподвижники его деда, и несториане, связанные с детьми Толуя. Хотя в 1246 году Гуюка провозгласили великим ханом, но настоящей опоры у него не было. Гуюк попытался найти ее там же, где и его враг Батый, – среди православного населения завоеванных стран. Он пригласил к себе «священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов и Руси» и провозгласил программу, угодную этим народам, – поход на латинский Запад.

Миссия Плано Карпини официально состояла в том, чтобы передать великому хану предложение принять римо-католичество. В отношении монгольской державы эти планы на том этапе были безнадежны: сохранилось письмо хана Гуюка папе Иннокентию IV, где хан, угрожая нашествием, требовал полного подчинения. «Отсюда знайте за верное, – сообщал Гильом Рубрук в 1253 году, – что они весьма далеки от веры вследствие того мнения, которое укрепилось среди них благодаря русским, количество которых среди них весьма велико» .

В начале 1248 года Гуюк внезапно умер или был отравлен. Батый, получивший перевес сил, возвел на престол сына Толуя, Мункэ, вождя несторианской партии. А сторонники Гуюка были казнены в 1251 году.

После завоевания Руси Батыем и ссоры Батые с наследником престола, а потом великим ханом Гуюком в 1241 году русскими делами в Золотой Орде заведовал Сартак, сын Батые. Христианские симпатии Сартака были широко известны, и, даже, есть данные, что он был крещен, разумеется, по несторианскому обряду. Однако, к римо-католикам и православным Сартак не благоволил, делая исключение лишь для своего друга и побратима – Александра Ярославича Невского.

Такое положение продолжалось до смерти Сартака в 1256 году, после чего хан Берке перешел в ислам, но постарался учредить в Сарае епархию Православной Церкви в 1261 году и

благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства. Именно с этого момента несторианская проблема становится для русских неактуальной, а православная контрмиссия – направленной прежде всего против латинян.

Поразительно, однако, как все историки отказываются замечать еще одну причину основания кафедры в Сарае, на наш взгляд, главнейшую: организацию широкой миссии среди ордынцев. Ведь число пленников неуклонно сокращалось с нормализацией уважительных вассальных отношений. Русь перестала выделять в Орду воинов уже при Александре Невском, а для «посольской» церкви священников можно было присылать, рукополагая где угодно.

Правда, может померещиться, что наше миссионерство берет начало только со святителя Стефана Великопермского и что Домонгольская Русь не знала священномученика Кукшу и преподобного Авраамия Ростовского!

Н.М. Карамзин приписывал замысел учреждения кафедры в Сарае святому благоверному князю Александру Невскому, митрополит Макарий (Булгаков) и Е.Е. Голубинский – митрополиту Кириллу. Оба они, без сомнения, знали, что грозная степная опасность прежде раз уже была отведена от Руси Крестом: половецкая угроза закончилась крещением многих и многих половцев.

О христианизации половцев сообщают «Житие черноризца Никона» и «Сказание о пленном половчине». В «Вопрошаниях Кириковых» записано: «И се ми поведал чернец пискупль Лука Овдоким молитвы оглашенные творити: болгарину, половчину, чюдину, преди крещения сорок дней поста, из церкви исходити от оглашенных». Известны факты: половецкий хан Амурат крестился в Рязани в 1132 году, Айдар – в Киеве в 1168 году, Бастий – в 1223 году, вступая в союз с русскими против монгол; из православных половцев состояло целое крыло войск царя Давида Строителя в Дидгорской битве; половцы, переселившиеся в Венгрию, были православными. Следует помнить, что и само монгольское нашествие Русь навлекла на себя, заступившись за друзей-половцев.

Бесконечно много писали и будут не меньше писать об Александре Невском, но, пожалуй, незаслуженно мало о митрополите Кирилле, заслоненном от нас светлым образом великих Святителей Московских. А, между тем, сей владыка занимал первосвятительскую кафедру с 1243 по 1280 годы, то есть дольше, чем кто-либо когда-либо. Неустанно разъезжал он все это время по измученной Русской земле, восстанавливая епархии, приходы, монастыри; открыл три новые епархии: Холмскую в 1250 году, Сарайскую в 1261 году и Тверскую около 1271 года. Именно он достиг согласия между князьями Александром Невским и Даниилом Галицким, между Александром Невским и его братом Андреем. Он созвал Владимирский Поместный собор 1274 года. Он проводил святого князя Александра в последний путь, сказав над его гробом слова, ставшие бессмертными: «Уже зашло солнце Земли Суздальской». Диву даемся, как и до сих пор наша поместная церковь забывает о прославлении сего Светильника Божия! Решительно невозможным представляется нам разделить честь устройства Сарайской епархии между святым князем Александром и великим митрополитом Кириллом!

Положительными свидетельствами в пользу откровенно миссионерского характера новой кафедры служат, прежде всего, вопросы преосвященного Феоноста, 2-го епископа Сарайского, Константинопольскому Поместному собору и ответы на них: «Если святителю случится служить литургию, а не будет диакона, только много священников, – можно ли ему служить? Если будет нужда, да служит и без диакона со священниками: один из священников пусть говорит ектению внутри алтаря. Если будут многие священники вместе, но не будет диакона, должно ли им служить или нет? Должно; только один из них пусть произносит ектению, стоя в алтаре, а не выходя из него». Дяконов русских, видимо, всех успели рукоположить во иереев, а дяконов-степняков не вполне подготовили. «Если священник убьет на войне человека, можно ли ему потом служить? Это возбранено Святыми канонами». Где это встречались такие драчливые священники?

Для нашего вопроса о миссионерском характере епархии особенно интересны следующие три вопроса епископа Феогноста. Во-первых, как подобает крестить несториан? Во-вторых, можно ли «освященную Трапезу» переносить с места на место и употреблять в богослужении. Собор ответил утвердительно с добавлением: «Ходящие люди (кочевники – В.М.) не имеют себе упокойна места». В-третьих, можно ли крестить песком при отсутствии воды? И на это Собор дал благословение.

Епископство Феогноста связано и с его участием в Соборе 1274 года, и в хиротонии знаменитого Киево-Печерского проповедника Серапиона в епископа Владимирского, и с решением в Константинополе вопроса о крещении дочери хана Менгу-Темира (Анны), вышедшей замуж за ярославского святого благоверного князя Феодора. Феогност трижды был в Царьграде, где был весьма уважаем, как ученейший Сарайский архипастырь. (Еще один нами забытый Святитель? – В.М.) .

Где же результаты того деятельного миссионерского служения? Это, прежде всего, почитаемый нашей Церковью Петр царевич Ордынский – неизвестный чингизид. Это и Четмурза, родоначальник фамилий Сабуровых и Годуновых, по легенде отъехавший на русскую службу при Иване Калите. С.Б. Веселовский убедительно показал, что легендарный Чет мог быть, во всяком случае, лишь современником святого благоверного князя Даниила Московского. То было еще слишком рано для массового бегства ордынских христиан от насильственной исламизации при хане Узбеке (после 1311 года). Но что, если Чет был попросту крещен еще русскими клириками Сарайской епархии?

Широко известно, что нелепое антиордынское возмущение во Владимире при князе Андрее Ярославиче подавлял темник Неврюй. В 1296 году «была брань русским князем», «в то бо время был посол из Орды Алекса Неврюй». Это был сын Неврюя, он был уже православным христианином. Интересно, что «был сей съезд во Владимире, где мало не воспоследовало кровопролитий, когда б не смирил их Симеон владыка да владыка Сарайский Измаил».

Великим баскаком Владимирским при трех первых Золотоордынских ханах и при трех великих князьях Владимирских был некто Амирхан. Мы знаем, что православное имя его было – Захар, что он был крестником самого Александра Невского. Ярославич умел упрочить свое положение! Праправнуком Захара – Амирхана был преподобный Пафнутий Боровский, последователь преподобного Сергия Радонежского и учитель преподобного Иосифа Волоцкого. От родного брата преподобного Пафнутия пошли до наших дней дворянские фамилии Баскаковых и Зубовых. От тех крещеных ордынцев тянутся и линии Аксаковых, Кутузовых, Апраксиных, Бахметевых, Шереметевых, Тютчевых...

Мы проиграли миссионерское состязание с мусульманами, несмотря на то, что в XIII веке христиан в Орде было неизмеримо больше, чем мусульман. Причиной тому была низкая энергия нашего народа, низкая солидарность русских, только вступавших в историю на смену славянам. Причиной была и наша бедность в сравнении, как с Западом, так и с мусульманской Средней Азией. Орда приняла ислам, чем предопределила Куликово поле.

Но автор всегда считал, что как ни славна Куликовская победа, много большую Небесную славу нам принесло бы крещение Орды!

Литература

1. Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М. 1977.
2. Насонов А.Н. Золотая Орда и Русь. М. 1968.
3. Гумилев Л.Н. В поисках вымышленного царства. М. 1970.
4. Соловьев Н.А. Сарайская и Крутицкая епархия.
5. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев в России. М. 1969.

Как это было у других

Статья 2000 года.

Все согласны с утверждением, что мы отстали. Различия в оценках сводятся к тому, отстали ли мы только за последние семьдесят лет своей истории, или отставали и ранее, и таким образом отстали значительно.

И вот тут начинаются парадоксы. Если речь о техническом отставании, то догонять следует, активно заимствуя технические идеи, конструкции, технологии, и таким образом, ближайшие образцы для нас – Япония или Саудовская Аравия, блестяще показавшие, что нет ни малейшей необходимости отказываться от собственной культуры для того, чтобы набраться ума у чужой цивилизации. Однако, речь не о том: нам инкриминируется отставание социальное.

Мы совершили трагическую ошибку вселенского размаха – прошли через революцию, преодолеваем ее последствия, и из преодоления последствий должны выйти вполне цивилизованной страной. Заметьте, страной, а не пустыней, не разрушенным пространством. Через революции прошли многие народы. И всякий раз революции проходили сходные фазы разрушения. В каждой последующей фазе революционеры истребляли деятелей предыдущей... Все революции оказывались исключительно кровавыми. Жозеф де Местр справедливо утверждал, что каждая революция порождена злоупотреблением власти, но последствия каждой революции неизмеримо страшнее последствий любых злоупотреблений любой власти. Французская революция пролила крови не меньше, чем русская, английская – не меньше, чем французская. С поправкой, разумеется, на демографию каждой страны в каждую отдельную эпоху. Но выходили все из революций по-разному, и столь же неодинаково оценивали собственное прошлое.

Французы имели неосторожность свою революцию героизировать и романтизировать. Они сохранили революционные цвета национального флага, вполне

«людоедскую» песенку сделали государственным гимном. Из поколения в поколение лучшие художники кисти и слова, сцены и киноэкрана превращали революционные последствия в часть национального стереотипа поведения французов. Народ в это поверил, и поплатился. Францию трясло полтора века в трех революциях, двух империях, двух реставрированных монархиях, в пяти республиках. Франция пережила генерала Буланже и вполне гражданскую диктатуру Леона Гамбетта, попытку фашистского переворота. Франция терпела поражения в мировых войнах, которые, правда, за нее выиграли другие, в основном – русские. И только стараниями великого француза Шарля де Голля уже на наших глазах Франция обрела стабильность. И все же она навсегда перестала быть крупнейшей страной Европы, жесткими мерами спасла себя от сокращения численности населения, жесткими мерами вынуждена защищать французский язык.

Англичане тоже прошли через свое цареубийство, через свою гражданскую войну, свою диктатуру, свою реставрацию. Хотя у них, в отличие от французов и американцев, не было перед глазами подходящего чужого опыта, они проявили достаточно здравого смысла и отвергли революцию. Более того, сделали революционную тему неприличной. О ней за столом не говорят, а, следовательно, не говорят в парламенте и в политическом клубе. Покаялись ли англичане? Покаяние (по-гречески «метанойя») – это не битье себя кулаком в грудь с воплями о собственной мерзости, что сейчас некоторые хотят навязать русским, а перестройка ума. Англичане так и поступили. Добрая старая Англия – страна традиций и, следовательно, страна высочайшей культуры, ибо покуда народ жив, традиции – это, в сущности, и есть культура. Не станет англичан – не будет и английских традиций, и английская культура останется только в музеях. В английской традиции есть место викторианской благопристойности, елизаветинскому воинственному национализму, газонам, живым изгородям, вересковым пустошам и Королевскому Дубу. Есть место английскому завтраку и даже королю Артуру за круглым столом. Но нет места революционным безобразиям.

На этом пути Англия обрела новый идеал – идеал джентльмена – человека благовоспитанного, достойного, умеренного, уважаемого. Идеал оказался необычайно удачным. Английский слуга всегда немного подражал джентльмену. Потому в Англии, как нигде, отношения слуги к хозяину были больше служением, чем прислуживанием. Английский унтер-офицер всегда немного подражал джентльмену-офицеру, и тем самым был промежуточной инстанцией по внедрению манер, достоинства, чести джентльмена в английский народ. В Англии не приходилось специально прививать ни почтения к учености, ни почтения к офицерской службе, как это было в Германии. Не приходилось, так как школьный учитель – джентльмен, а уж профессор – джентльмен, несомненно. Каждый британский буржуа стремился не только выглядеть, но и быть джентльменом, ибо без этого не будет успеха в делах. Таким путем англичане выполняли сложнейшую задачу – восстанавливали уничтоженную революцией национальную элиту. На этом пути Англия стала «мастерской мира» и «владычицей морей», пусть не самой богатой, но, видимо, самой благоустроенной страной в мире. Что явилось причиной такой блестящей победы над революцией? Только ли верность британской традиции, только ли гений британской элиты и доверие к ней нации? Все это необходимо, но если верна этнологическая теория нашего великого современника Льва Николаевича Гумилева, то англичане прошли революцию в фазе этнического надлома. На этом этапе доля пассионариев – людей, у которых служение идее доминирует над стереотипом самосохранения, падает. Резко сокращается внутриэтническая солидарность. Такая ситуация в высшей степени подходит для беспорядков и безобразий. Всякая революция – безобразия, а безобразие – это то, что не имеет образа.

С выходом из надлома в стадию инерции этнос, осознав утрату прежней энергии, стремится к идеалам умеренности. Пассионариев любят и берегут как национальное достояние. Но на первые роли в государстве их не пускают – общество осторожно. Формируя новый идеал, новый национальный стереотип, открывая себе путь к могуществу и благосостоянию,

англичане блестяще преодолели надлом и уверенно создали себе во всех отношениях изумительную инерцию.

Французы опоздали. Будучи ровесниками англичан, они должны были превратить в социальную революцию Фронду, и тогда, закончив с людоедством и безобразиями, создали бы свой новый национальный стереотип на фазу инерции. Но Фронда революцией не стала. Революция обрушилась на Францию, уже изменившую стереотипы, на Францию, уже пребывающую в инерционной фазе. И французскими национальными стереотипами поведения стали революционные.

России повезло. Русский этнос, родившийся в XIII веке, на четыреста лет моложе французов и англичан. Наши безобразия приходятся на фазу надлома, начавшуюся двести лет назад, примерно во времена декабристов. Потому вряд ли стоит верить тем, кто пугает нас уничтожением генофонда в диких кровопусканиях советского времени. За выход из надлома дорого платят все народы, даже и без всяких революций. Для немцев это обернулось Тридцатилетней войной начала XVII века, унесшей жизни двух третей тогдашнего населения. Но оставшихся немцев хватило на классическую философию, германский романтизм, лучшую музыкальную школу Запада. Хватило на то, чтобы выстоять в двух мировых войнах против численно и материально превосходящего противника. Хватает и на нынешнюю процветающую Германию. Хватит и нам, если мы приложим усилия для выхода, если выберем правильные ориентиры. Нам предстоит создать новые стереотипы, нас ждет инерция.

А что, если теория Гумилева неверна? Что, если мы не прошли революцию «вовремя»? Тогда нам тем более важно изучать чужой опыт преодоления ее мрачных последствий. Сравнивать себя не с развивающимися странами наших дней, а с нынешними высокоразвитыми, но тех времен, когда они развивались. Выйдет ли что-нибудь путное из Бразилии и Аргентины, мы не ведаем, а что получилось в Германии, Нидерландах, Швеции, мы знаем прекрасно. И обязаны внимательно изучать, как и почему у них получилось.

Компьютеры могут быть чужими, а социальная среда, политическая жизнь, система воспитания – только своими. И неизбежно мы должны больше напоминать Запад четырехсотлетней давности, а не наших дней. Если же возжелаем развлекаться как в нынешних Соединенных Штатах, то есть, работая, торгуя, голосуя как при социализме, то останемся с социалистическими персональными компьютерами и общественными уборными. Если будем лицемерно заботиться о «правах человека» (о правах босяков, бродяг, «бомжей»), а не о полноправии граждан, то ждет нас впереди не свободная Канада, а бюрократическая полицейская Мексика.

Нам ныне пытаются доказать, что мы обязаны радостно терпеть торгующее и вывозящее наше состояние ворье, дожидаясь, пока внуки ворья превратятся в Мамонтовых и Морозовых. Семьдесят лет нам лгали, что торговец есть вор, а теперь лгут, что вор есть торговец.

Предки Морозовых и Мамонтовых были крестьянами. И когда кто-либо из «первоначальных накопителей» зарывался, тогдашняя «элита» бесхитростно драла «накопителя» на конюшне, а то и ссылала на каторгу. Не развитая система страховых компаний защищала гражданина от неплательщиков и банкротов, а долговая яма. Нет долговой тюрьмы – нет и ответственности предпринимателя. Перестали пороть? Да, но к тому времени, когда перестали пороть, «накопитель», подражая барину, как раз и превратился в известного нам Крестовникова или Хлудова!

Во Франции XVII века поставщиков недоброкачественной продукции били палками и ссылали на галеры.

Стране нужен хозяин. Мы должны воспитать в человеке хозяина, твердят почти все от Валерии Новодворской до генерала Лебеда. Люди тысячелетиями так и считали. У древних греков метеки (лимитчики) не имели политических прав. Римляне пролетариев не брали в легион: не доверяли тем, кому нечего защищать. Казаки резко ограничивали права иногородних, в том числе и имущественные. В средневековом

городе – колыбели современной демократии – права приобретались высоким профессионализмом. И советский, и послесоветский режимы усердно разрушали саму основу воспитания хозяина-гражданина. Отправкой на «комсомольские стройки» и принудительным распределением молодых специалистов. Выращиванием «бомжей» и беженцев, и отменой наказания за бродяжничество. Коллективизацией и продажей земли пришлым. Коммунальными квартирами, позорными четырехсоточными наделами огородных кооперативов и сносом частных домов в городах. Разрушением корпоративного единства профессионалов высоких технологий. Темпы разрушения растут. Продолжают нарезаться Бог знает для кого смехотворные наделы в перенаселенном Подмоскovie, вместо законодательных мер, запрещающих дробление существующих участков. Продолжает разрушаться военно-промышленный комплекс, не только эталон технической культуры, но и сфера, из которой могли выйти во множестве хозяева-граждане. Но процветает постыдный строительный комплекс, навязывающий русским выживание в железобетонных двадцатипятиэтажных бараках вместо жизни в собственных домах.

Так не получится. Бродяг и босяков много после любой революции. И английские законы боролись с бродяжничеством помещением в работные дома и даже отрубанием ушей. Хозяином в России сможет стать только гражданин города Костромы, имеющий семью, дом, дело или службу, исполнивший свой долг в Вооруженных Силах или Национальной Гвардии, и сурово решающий, кому в его городе можно торговать и основать банк. В свободной и демократической, даже еще и монархической России не сможет лимитчик из Баку стать депутатом, а лимитчик из Самарканда – главой крупной телекомпании.

Позорные колодки, в которых помещали бродяг, мелких жуликов и мошенников, были сняты с площадей английских городов только в 1830 году.

В Греции времен Аристотеля сторонники аристократии посмеивались над монархистами, утверждая, что у тех в городе нашелся только один достойный человек, потому и власть вручена одному. Демократия рождается из сознания того, что достойных людей в данном обществе больше одного, а вовсе не из представления о «правах человека», неизвестно откуда взявшихся. Потому ранние демократии делегируют многие властные функции уважаемым корпорациям. В старой России за состоянием памятников культуры властно следило Императорское Археологическое общество, а бессловесных скотов оберегало Общество защиты животных.

Действительный член Общества защиты животных мог приказать снять часть поклажи с перегруженного воза, а городской полицейский был обязан привести такое распоряжение в действие.

В советский период зачатки настоящей демократии представляли собой ВООПИК (Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры) и Общество охраны природы, набиравшие силу. Восстановлением реальной мощи подобных корпораций мы не только защитим свою среду обитания от варварства, но и сделаем серьезный шаг в воспитании гражданина и хозяина. Если же у нас милиционер на рынке игнорирует требования санитарного врача, а общество через день не вышвыривает его со службы, а через неделю – из города, тогда нам и правда далеко до гражданского общества. Тогда последствия революции по-прежнему с нами.

Весьма многими осознается необходимость формирования новой элиты. Одной из целей революции как раз и является смена элит. Однако цель эта невыполнима, ибо каждый новый виток любой революции стирает с лица земли большинство ловкачей предыдущего витка. Но вот людоедство завершилось. И что же, повезло последним ловкачам? «Людам Термидора»? Те, кто об этом мечтает, только продлевает кровопролитие, ибо никакое общество на то не согласится. Наверху не удержатся «вориши и нувориши». Наполеон и реставрация Бурбонов

привели к власти составную элиту, куда попал и кто-то из новых, и кто-то из предыдущих, и недорезанные аристократы, остатки дореволюционной знати. И новую российскую знать тоже не удастся собрать из бюрократов и «новых русских». Но кое-кто из них в нее попадет наряду с профессорами, дипломатами, офицерами, с выходцами из старого дворянства, духовенства, церковными интеллектуалами. Именно наряду, а иначе не получится. И, быть может, аналогом британского джентльмена вновь станет русский барин, человек традиции, носитель и хранитель русской культуры.

Новая элита всегда должна твердо обещать обществу нечто новое и весомое. Англия, например, стала «мастерской мира» и «владычицей морей». Элита, обещающая только «выживание», годится только низам, только черни, а обществу она не подойдет. Не подойдут все, кто лишал страну ее территорий, посягал на национальные интересы, игнорировал и пытался унижить общество.

После победы американской революции несколько сот тысяч верноподданных английского короля (законного короля!) были лишены политических прав.

Изобличенные в католицизме не могли в Англии поступать на гражданскую и военную службу, удаляться от места жительства без разрешения более, чем на 5 миль, приближаться к Лондону ближе, чем на десять миль, приносить жалобы в суды! Эти ограничения сохранялись до 1829 года.

Россия – не Англия, и Англией не станет. Но мы похожи на англичан более чем на континентальных европейцев. У нас старинные земские традиции. Мы не любим бюрократии и бюрократов. Мы чтим Церковь, несмотря ни на что. Английские влияния на русскую культуру (взаимные!) были всегда плодотворны, тогда как французские – разрушительны.

Да и вообще, восстанавливая Россию, подобает учиться на образцах самого высокого качества. Запад и тот учится и на наших достижениях, и на наших ошибках.

Канонический, но не Поместный

Такое масштабное событие, как Поместный собор Русской православной церкви, не может не вызывать желание поразмышлять над его итогами – даже два месяца спустя после его окончания. Свое главное дело Собор исполнил: слава Богу, был избран новый предстоятель нашей поместной церкви. Но возникает ряд вопросов: а чем еще занимался Поместный собор?

Напомню, что он не собирался до того 18 лет. Как-то даже неудобно перед памятью почившего патриарха, потому что получается так, как будто он виноват во всей этой пролонгации, слишком долго был первоиерархом. Напомню, что никем никогда не отмененное решение Поместного собора нашей церкви 1917–18 годов продолжает требовать, чтобы Собор собирался раз в три года. Причем надо учесть обстоятельства того времени – не только условия нараставших гонений, но и то, что созывать Собор тогда было значительно труднее. Например, тогда архиерею с Камчатки было значительно труднее достичь Москвы, и электронной связи не было, и Интернета, и телефонной связи на такие расстояния. Тем не менее все епархиальные начальники в Соборе 1917–18-го года участвовали, кроме первомученика, митрополита Владимира (Богоявленского), который не участвовал по не зависящим от него причинам.

Интересно, что нынешний Поместный собор никак не коснулся существеннейшего вопроса: когда созывать следующий?

Нет сомнений, что прошедший Собор каноничен. Подготовка к нему – другой вопрос. Неужели же не нашлось тем, которые, во-первых, должны были быть подготовлены предсоборным совещанием и, во-вторых, должны были быть рассмотрены на соборе! Мы же помним, что даже в условиях революционных безобразий предсоборное совещание работало и было очень представительным.

Начнем с самых вопиющих проблем Поместной церкви.

Во времена большевицкого плена существовала широкая практика тайных крещений, потому что, чтобы крестить ребенка с нормальной регистрацией в церковных книгах мать должна была быть дояркой или уборщицей, к тому довольно смелой и независимой. С дояркой никто ничего сделать бы не смог. Но мама-инженер не могла, мама-учительница оказалась бы уборщицей на всю оставшуюся жизнь уже на следующий день. Потому хорошо, что была практика тайных крещений.

Исключение, известное мне, составляло Антиохийское подворье (где я имел честь быть не только прихожанином, но и прислуживать в алтаре), потому что там можно было зарегистрироваться совершенно спокойно. Ни один «спецслужбист», которым, несомненно, был уполномоченный по делам религий, не мог явиться в этот приход, где настоятель – гражданин Ливана, и потребовать представить ему регистрационные книги. Один как-то попытался, еще в хрущевские гонения, и на следующий день извиняться за него пришел уже другой уполномоченный.

Эти моменты интересны, но сейчас уже никто никого не боится, сейчас крещение совершается на совершенно законном основании. Но совершается притом, как правило, без всякой катехизации. Без оглашения крестили уже во времена легального православия. Началось это 20 лет назад, в 1989 году. Горбачев отменил регистрацию треб. То было воспринято как либеральная норма, никто больше не будет следить, кто кого крестил. Мы сейчас, по прошествии 20 лет, можем сказать, что нам теперь все равно, кто будет выяснять, и будут ли выяснять, кто из нас крещен. Наоборот, теперь мы хотим знать, крещены ли вообще дети Медведева и Путина. Если да, то когда, где и с какой катехизацией, ведь они должностные люди.

Так вот, когда не регистрировали, в 80–90 годах, то было понятно – люди шли к крещению, начали, наконец, вступать в венчанные законные браки. Но сейчас это абсолютно ненормально! Люди принимают крещение, не проходя оглашения. Им даже не объясняют основ их вероисповедания. Их не связывают перед святым распятием обещанием ходить в храм, прибегать к таинствам исповеди и причастия более или

менее регулярно. А такое обещание хорошо действует. Мы не в древней Церкви, где оглашение длилось не меньше года, а были епархии, где и по три года, и то было в условиях гонений! Неслучайно есть такое святоотеческое положение, что если оглашенный попал в полосу гонений и был убит, то он верный, ибо крещен кровью. Сегодня же доходит до невозможного: взрослый и его восприемники не в состоянии прочитать Символ веры. От христианина требуется знать наизусть всего две молитвы – «Отче наш» и Символ веры. Первую заповедал Сам Господь, вторая есть минимальная догматика, которую необходимо знать христианину. Не знаешь – не христианин. Нет, не знают! Приносят младенцев, а ни родители, ни восприемники не могут прочитать Символ веры.

Кто объясняет сейчас, что крещение младенца совершается условно, то есть при условии обязательства со стороны родителей и восприемников дать минимальное христианское воспитание? А ведь это должны объяснять всем желающим совершить крещение. Не стоит забывать, что в первые века христианства крестили только взрослых по их вере, и только постоянное давление родителей, боявшихся, что ребенок может неожиданно погибнуть некрещеным привело к нынешнему обычаю крестить младенцев. Так что исполнять условие необходимо.

Я помогал знакомому священнику во время крещения, потому что было некому больше купель наполнить, свечи поставить, подать, что надо. И однажды он мне сказал: «Владимир Леонидович, вы меня осуждаете». Я ему: «Что вы, батюшка, за что?» Он отвечает: «Я понимаю, что они ничего не знают, но я два часа с ними вел огласительную беседу. А если я их разверну, то они уйдут в соседний храм, где их и спрашивать ни о чем не будут».

То есть, священник лишен возможности исправить эту ситуацию, хотя многие понимают, что происходит. И епископ тоже лишен. А Собор может это исправить, потому что Собор может всё или почти всё. Однако вопрос о катехизации так и не подняли.

Далее. Я коснулся вопроса религиозной статистики. А хорошо ли это – отсутствие религиозной статистики? Да, во времена Горбачева это воспринималось однозначно послаблением, отсутствием страха перед начальством и т.д. Теперь уже нету страха перед начальством, теперь оно нас боится. Но теперь из-за того, что нету религиозной статистики нам постоянно «впаривают», во-первых, что у нас то ли 20 млн, то ли 20% мусульман. Это ложь, их всего около 9%. И, во-вторых, что у нас верующих меньше, чем называющих себя православными. Но вот эти данные как раз и должны опираться на религиозную статистику, а не на «ВЦИОМовские» опросы.

Более того, мы не знаем сегодня, кто вообще крещен. И если крещен, то можно ли ему избираться в церковный совет, являться на приходское собрание? Мы не знаем, кто в венчаном браке живет, а кто в блуде. Тем более что при большевиках «гражданским браком» назывался брак, зарегистрированный в ЗАГСе, в отличие от церковного. А теперь телевидение доказывает, что гражданский брак – это блуд. В таком случае вообще стало непонятным, а что же такое брак, заключенный в ЗАГСе. Это все неправильно и должно быть устранено.

Отсутствие церковной регистрации мешает большему. Я думаю, что все-таки редко в алтарь или в псаломщики лезет откровенный блудодей, но ведь мы не знаем, кто члены прихода. Ходить-то можно в любой храм, но христианин, как и повелось с апостольских времен, должен быть где-то прихожанином.

В итоге выходит нонсенс, потому что все это мешает нормальному устройству поместной церкви, а может, и мироустройству, потому что Господь доверил Церкви мироустройство. Это мешает нормальному устройству нашего государства, которое по-прежнему остается безбожным в православной стране.

Потому настоящее положение дел должно быть исправлено. Будет ли возражать государственная власть? Наверняка не будет. Кто это может сделать? Епископ? Нет. Это должен сделать Поместный собор. Но вопрос о регистрации

крещений не был вынесен на Собор. А ведь надо было просто решить, установить, например, годичный срок для заведения соответствующей канцелярии.

Мы коснулись вопросов приходского устройства. По ныне действующему уставу приходское собрание должно избирать приходской совет. Но подавляющее большинство даже не слышало о том, что оно должно собираться. Есть образцовый Приходской устав 1918 года. Там указаны все нормативы: как проводить приходские собрания, как формировать приходской совет. Сейчас ведь никто не будет сомневаться, что все члены причта должны входить в приходской совет, а его главой должен быть настоятель. Никаких демократических посягательств на права настоятеля не предвидится. А почему не предвидится? А чтобы оставался «приход и уход», как шутили батюшки 70-х годов. И Собор должен был этим заниматься.

Еще одна тема. В Ветхом завете была установлена церковная десятина. Потом эту ветхозаветную традицию приняла новозаветная христианская Церковь. Потом, став христианской, ее приняла Римская империя, за ней Византийская. Последний и окончательный креститель Руси св. Владимир установил эту практику, надо полагать, в 989 году. Прошло 1020 лет. Кто сказал, что мы не обязаны нести десятину? Иные стараются. А иные даже не знают о том. А кто отменил внутрицерковное самообложение? Отменили коммунисты. Я помню, что всем было строжайше запрещено предлагать какие-нибудь сборы в пользу прихода или епархии. Приход был обязан обеспечивать себя сам, только на добровольные даяния, т.е. из копеечек на тарелке. А если у епископа из 50 приходов (тогда это очень большая епархия) 48 «лопались» от денег, а два посещались пятью старухами, то приходилось их закрывать, потому что если владыка перенесет из одного кошелька в другой, то его можно сажать. Но ведь эти законы были отменены еще при Горбачеве.

Пока у нас нету нормального крещения, нет и регистрации. Пока нету регистрации – нету настоящего прихода. А пока нету настоящего прихода, мы можем и должны постоянно проповедовать самообложение в форме старинной

общецерковной десятины, которую, кстати, несут даже баптисты, потому что им сразу разъясняют, что 10% дохода баптиста – это не его заслуга, а долг перед баптистской общиной. А вот если он сверху что-нибудь потратит – тогда это заслуга.

Хорошо ли, что у нас появились олигархи, которые чуть ли не с брезгливой усмешкой «отстегивают» подаяния на церковные дела? Это плохо – плохо для их душ. А вот когда им будут говорить: «Если ты потратил 10% своего дохода, то ты ничего не сделал, ты просто исполнил свой долг, миллиардер Пупкин. Дай больше, и тогда можно сказать, что ты что-то пожертвовал для Церкви».

Вопросы о приходском собрании и приходском совете – это важнейшие вопросы церковного устройства. Возьмем выше: а есть ли благочинные собрания? Участвуют ли миряне в епархиальных собраниях? Как правило, нет или участвуют два-три человека, особо приглашенные епископом. Правильно ли то?

Я вовсе не пытаюсь тут агитировать за демократию. Это не посягательства на права духовенства. Но если не призывать на собрания мирян, то не следует ожидать и ответного рвения, отдачи от них.

Я снова вынужден вспомнить Собор 1918 года. Его решением во главе Церкви был учрежден в соответствии с конституцией Священный Синод при Патриархе, который должен был состоять из 12 иерархов. Постоянным членом Синода (кроме Патриарха) был только митрополит Киевский как митрополит первопрестольной кафедры. Еще 5 иерархов должны избираться на 3 года поместным собором и, наконец, еще 6 – вызываться на год, «на череду».

Кто мне скажет, каковы правила формирования постоянных членов нынешнего Синода? Кто переменные члены Синода, то есть, кого вызвали на череду? А ведь это временно высшая церковная власть при Патриархе. Почему нам не сообщают, кто в этом году временные члены Синода? И кто скажет, откуда берутся постоянные члены, ведь их количество меняется –

сперва было 3, потом 4, теперь 6. Кто это решил? Кто изменил? Сам Синод? Синод себя конституирует и восполняет?

Такого быть не должно. Это власть и прерогатива собора! Поместный собор решает, каким образом формируется Священный Синод. Конечно, дай Бог здоровья его высокопреосвященным членам, но мы должны знать, как они стали этими членами.

Церковь всегда действовала гласно. Замкнутая герметичная бюрократия чужда Церкви, потому что бюрократия вообще чужда природе Церкви, основанной на Вере и Любви. Веровать бюрократия, наверное, может, но чтобы она любила – это для меня непредставимо!

Проблем в церковном устройстве, конечно, гораздо больше. Я указал только те, которые вопиют, поскольку оставляют след в течение многих десятилетий. Но с исправлением этих проблем исправились бы и более мелкие.

Собор каноничен. Но если положить руку на сердце, Поместный собор не состоялся. Состоялся не Поместный, а Архиерейский собор РПЦ. На основании Книги Правил Архиерейский собор властен избрать первоиерарха. Потому избрание Патриарха было каноничным. Но это не был Поместный собор.

Крепкое общество

Статья 2007 года.

Почему в Польше в 80-х годах, во вполне социалистической стране, имеющей многочисленную коммунистическую партию, победил профсоюз «Солидарность»? Почему «Солидарность» победила тогда, когда угроза ввода советских танков была вполне реальной? Почему когда генерал Варшавского блока и коммунист Ярузельский стал президентом Польши, оказалось, что он вовсе не намерен отдавать на растерзание польскую «Солидарность».

Почему в послевоенной коммунистической Польше было трудно даже представить, что поляки позволят кому-нибудь разорять свои костелы?

Известно, что поляки любят собак. Несколько меньше, чем англичане, но, может быть, немного больше, чем мы, русские. Задолго до возникновения «Солидарности» в одном из кварталов Варшавы появился постовой милиционер, который не любил собак и не собирался скрывать это от жителей своего участка. Общественное давление на местное начальство оказалось столь серьезным, что милиционера пришлось перевести на другое место службы. Возможно, ему подыскивали такую территорию, где вообще не было собак.

Это всё стало возможным лишь потому, что польские чиновники, находясь во внеслужебной обстановке, в любой момент могли услышать от своих соотечественников прямой вопрос: «Ты поляк или дерьмо?»

Поляк хочет всегда оставаться поляком, а не «дерьмом». Потому он не будет говорить с телеэкрана, что интересы Польши должны быть полностью подчинены «мировому сообществу» или, скажем, «прогрессивному человечеству».

И русские чиновники тоже будут заботиться о национальных интересах, когда в ответ они будут со всех сторон слышать: ты не русский, а ... «вонючий», или что-нибудь в этом роде.

В Западной Европе можно найти много примеров самозащиты общества. Скажем, резкое повышение цен на

продовольственные товары запросто может сопровождаться забастовкой домохозяек, которые, например, солидарно перестанут покупать подорожавшее масло. Как правило, продавцы капитулируют быстро, ибо убытки от такой домашней забастовки невозможно компенсировать резким повышением цен. При этом торговцы даже не пытаются нанять уличную шпану для разгона пикетов домохозяек, осаждающих их офисы и магазины. Во-первых, домохозяек обязательно будет защищать полиция, а во-вторых, полиция может не успеть спасти ни шпану, ни самих торговцев от разгневанных обывателей.

Как же в России в кратчайшие сроки восстановить крепкое общество, без которого всякие разговоры и о демократии, и о национальных интересах становятся бессмысленными?

Надо сказать, что наши современники могут и не спрашивать, каким путем тот или иной гражданин заработал деньги. Однако им должно быть вовсе не безразлично, где он хранит эти деньги и как он их тратит.

Сегодня апологеты демократии внушают нам, что порядочного и цивилизованного человека вообще не должно волновать, каким образом другие люди зарабатывают деньги, сколько они зарабатывают, и как они тратят их.

Искусственное насаждение чуждого русскому менталитету безудержного индивидуализма и социал-дарвинизма выгодно тем, кто хочет, чтобы русский гражданин стоял один как перст перед сплоченными корпорациями чиновников, банкиров, бандитов, или милиционеров.

Сейчас в России нет по-настоящему богатых людей, обладающих семейным капиталом, заработанным на протяжении нескольких поколений. Есть богачи, средства которых представляют собой присвоенную в той или иной степени часть общенародной собственности. В России скоробогачей никогда не любили. Однако сегодня богач может в значительной степени реабилитировать свое богатство в глазах общества, если он финансирует русскую национальную политическую партию, школу, библиотеки или народные промыслы, воссоздает детские лагеря и молодежные

спортивные клубы, помогает церковному приходу и так далее. Совсем иначе общество должно оценивать коммерсанта, который не жалеет средств на псевдорелигиозную секту, или развитие поп-музыки вне русской традиции, потому что в таких случаях он финансирует чужое. Первый предприниматель возвращает обществу то, что, может быть, не вполне законно присвоил несколько лет назад, второй крадет у своих соотечественников дважды.

Обществу надлежит предавать гласности все траты богатых людей, все спонсорские ухищрения, и результат не замедлит сказаться. Ведь каждый состоятельный человек желает сохранить и оставить в наследство детям все, чем он владеет, не подвергая себя опасности будущей конфискации. Общество должно живо интересоваться не только личностью мецената, но и характером его помощи. Например, когда предприниматель помогает православному приходу обзавестись библиотекой или открывает воскресную школу – это безусловное благо, а когда он дарит настоятелю храма роскошное паникадило или сотовый телефон, то такое «благо» уже весьма относительно.

Общество становится крепким тогда, когда граждане помогают друг другу в жизненных невзгодах. Крепкое общество зорко следит, чтобы специалист высокой квалификации ценился обществом, чтобы сограждане ни при каких обстоятельствах не лишались своего профессионального и социального статуса. Долг русских – сбегаться на помощь своим и не бояться свидетельствовать в пользу своих. Отказ в помощи своему – безусловный позор. Если же помощь своим не оказывает милиционер, или чиновник обслуживает чужие интересы, то наиболее эффективное средство борьбы с этим злом есть социальное давление, а инструментом давления должен стать стыд, который будут испытывать и сам власть имущий, и его семья.

Отказавший в помощи человек должен быть унижен общественным презрением.

Ни один чиновник не будет продвигать импортные товары в ущерб отечественным, ни один милиционер не возьмется помогать инородцам, если впоследствии их родителей не

пригласят на чай в приличное общество, жен публично устыдят в магазине или на автобусной остановке, а их детей поколотят одноклассники.

Формы объединения граждан в различные корпорации могут быть чрезвычайно многообразны. Например, консолидирует любая форма профессионального единства. Объединяет, несомненно, и церковный приход. В хорошем приходе православные не только знают друг друга, но и помогают друг другу в житейских проблемах. Еще успешнее сплачивает людей церковное братство, хоровое общество или просветительский кружок. Сближает участие в работе военно-спортивного или военно-исторического клуба, деятельность по охране памятников, природы, или защите животных.

За последние десять лет были разрушены многие формы консолидации общества, сложившиеся в условиях советского режима. Например, многие современные политики и общественные деятели начинали свою карьеру в обществе по охране памятников, которое в период перестройки превратилось в эколого-культурное движение. Для крепкого общества политика есть часть культуры и должна служить культуре. Весьма серьезным было и движение за охрану природы. Между прочим, остановка поворота северных рек стала удачной общенациональной акцией. Еще совсем недавно школьники в составе зеленого патруля могли запросто поймать за руку нерадивого огородника, уродующего берега русской реки, не говоря уже о водителе, пожелавшем помыть в этой реке свою автомашину. Всё это вновь станет возможным, когда до каждого нарушителя дойдет простая истина: обидеть мальчика из зеленого патруля невозможно, ибо возмездие последует со стороны всего общества.

Кстати, молодежь вообще склонна к консолидации. Студенческие объединения уходят своими корнями в Средневековье. К сожалению, наши недруги за последние годы сумели разрушить очень многие формы детской и юношеской солидарности. Безусловно, эти формы нуждались в коррекции. Безбожие и марксизм, уродуя самые добрые начинания, портили жизнь пионерских лагерей. Между тем в России есть

положительный опыт патриотического воспитания детей и молодежи. Вместо пионерских лагерей мы понемногу восстанавливаем лагерь юных русских витязей. Крепкое общество начинается с воспитания подрастающего поколения. Ребятам можно объяснить, что бьют стекла и уродуют русскую природу не русские, а «вонючие». Это они ломают деревья, устраивают свалки на обочинах улиц и дорог, а русские, напротив, деревья сажают, ибо это их земля, русская.

Народ становится крепким, обретая своих лидеров и защищая их. До тех пор, пока в России понятие «начальник» будет применяться к чиновнику, крепкого общества нам не видать. В крепком обществе чиновники есть слуги общества, а не начальники. Начальник же в русской традиции есть, прежде всего, тот, кого выдвигает и избирает на ответственную должность само общество: лидер, староста, старшина.

Не будет у нас крепкого общества до тех пор, пока мы не осознаем, что церковный староста, председатель православного братства, председатель просветительского общества, или отделения движения охраны памятников – такой же начальник, как и господин «мэр», министр, президент. Естественно, крепкое общество должно всегда защищать своего начальника.

У нас не будет крепкого общества, если останется хотя бы небольшое число граждан, равнодушных к проблеме сокращения народонаселения. К русскому обществу могут принадлежать только те, кто полагает, что к началу следующего столетия русских должно стать полмиллиарда. Чем нас больше, тем мы богаче и сильнее.

Не может быть крепкого общества там, где нет крепкой традиционной семьи. Чтобы оказывать организованное давление на семьи зарвавшихся чиновников и богачей, должно быть много домохозяек, потому что в обществе, как это ни парадоксально, подобное идеологическое воздействие есть, прежде всего, женское дело. А для того, чтобы домохозяйка стало много, русские мужчины должны построить для своих семей настоящие дома. Такие, про которые англичане говорят: «My home is my castle» (Мой дом – моя крепость). Крепкое

общество не может обойтись без крепких хозяев. Таким образом, общество станет крепким только тогда, когда научится крепко произносить короткое слово: моё.

Кто будет служить?

Статья 1995 года.

Четыре года кряду нас учили бояться собственной армии, силы весьма реакционной, самым фактом своего существования повинной в подавлении мирных национальных демонстраций и нарушении всех и всяческих прав человека, грозящей ежегодными военными переворотами. Так успешно учили, что в 1991 году моя трехлетняя родственница весомо заявляла, что «мы не любим танков». «Танков» невзлюбили столь искренно и пламенно, что служить с ними первыми отказались латыши и эстонцы, еще не покинув самовольно «пространство бывшего СССР». Более простодушные украинцы с танками мириться соглашались, но только на «суверенной» украинской земле. А тут и само пространство «распалось». Теперь «танков» не полюбили обитатели Северного Кавказа, правда, только федеральных «танков». Их собственные танки, невесть откуда взявшиеся, обладали несравненно более добрым нравом. Дошла очередь и до законопослушных великороссов: «Как же мы служить пойдем? Танков разве любим? Так, с имперскими амбициями и в мракобесы попасть недолго!»

Так бы и иссяк призывной контингент вместе с целым рядом проблем, препятствующих внедрению гражданского общества в нашу с вами многострадальную страну. Но помешал октябрь 1993-го, когда в вооруженных силах случайно обнаружились четыре неразвращенных танка. А следом выяснилось, что на Памире срочно нуждается в защите чья-то чужая граница. И дудаевские бандформирования тоже должен кто-нибудь разгонять...

И вот уже высокопоставленный чиновник сообщает как о важном открытии, что наши мальчики на Тереке и Сунже умирают с улыбкой на устах. Вся Русь вздрогнула, а чиновник через несколько дней снова вылезает на экран – неймется же ему! – и доводит до сведения соотечественников, что мальчики служат тоже с улыбкой на устах.

Неслыханный размах приобретает подготовка к юбилею Победы 1945-го года. На срытой большевиками Поклонной горе воздвигнут чудовищный языческий идол, воздвигнут большевиками-расстригами, как кто-то метко выразился, рядом с православным храмом, который и освящать в таком соседстве – грешно. Кто новый конкурс провел? Какая общественность обсуждала? Бог весть!

И грандиозный парад устроили, от каких отвыкли уже, правда, не на Красной площади, ибо строительство торгового центра все ж важнее. Спасибо, что хоть не на Красной площади. И конный памятник Жукову установили, не восстановив ни одного памятника, снесенного революционерами, даже памятника великому русскому полководцу Михаилу Скобелеву!

Теперь есть и орден Георгия Жукова (рука чуть не написала «святого»). Поставить в юбилейный год памятник крупному военачальнику – понятно. Но кто и когда называл ордена именами современников? 30 апреля 1920 года другой большой военачальник и честный солдат Петр Врангель учредил орден св. Николая Чудотворца (не Корнилова, заметим). Девиз ордена: «Верой спасется Россия» А вы, нынешние, чем, полагаете, спасется Россия? Реформами? Или, может быть, конституцией?

Среди всего перечисленного великолепия появилась на короткое время даже русская армия. Давненько мы о ней не слыхивали. Появилась она в телевизионном диалоге правозащитника Сергея Ковалева и журналиста Евгения Киселева, в весьма своеобразном контексте. Речь шла о том, что «русская армия терпит поражение от чеченских ополченцев». Но как только выяснилось, что не терпит, «русская армия» незаметно превратилась в «федеральные войска». Так же, приблизительно, жонглировали понятиями на Западе в эпоху холодной войны: «русские танки в Праге», но «успехи советского балета».

Грустно, но все это мы уже проходили. Именно так революционеры, духовные предшественники нынешних «расстриг», разложили русскую армию в 1917 году накануне заслуженной победы. Так, спохватившись, что страна уже

захвачена, что кто-то теперь должен за революционеров кровь проливать, возвращали и погоны, и гордое имя «офицер», и песню «Вставай, страна огромная».

Но, может быть, мы одумались и, хоть и вынуждено, полюбили армию? Вот что писал о месте армии в воспитании ребенка величайший наш мыслитель XX столетия Иван Александрович Ильин: «Ребенок должен научиться переживать успех своей национальной армии как свой личный успех, его сердце должно сжиматься от ее неудачи; ее вожди должны быть его героями; ее знамена – его святынею. Сердце человека вообще принадлежит той стране и той нации, чью армию он считает своею».

А как мы любим солдата? Мы в лучшем случае жалеем «солдатику», а не восхищаемся молодым красавцем в форме прославленного полка. Навсегда запомню, как личный позор, начало осетино-ингушского конфликта. Разъяренная толпа ворвалась в военное училище, а по телефону следовали строжайшие запреты применять оружие. Один курсант был убит. А кто посчитал тех униженных, обесчещенных, из кого уже не получатся настоящие офицеры? Где был доблестный Комитет солдатских матерей? Почему он не добился снятия погон с виновных в убийстве и безнаказанном оскорблении сыновей своих? Или жалеть будем только дезертиров? Или мы хотим, чтобы солдаты были подобны персонажам страшных кадров фильма «Зеркало» гениального Андрея Тарковского, где оцепление, держась за руки и поворачась спиной к ревущей китайской толпе, терпит плевки и пинки? Не будет у нас больше таких солдат; не задумаемся – никаких не будет!

Мы теперь учим любить и почитать полицию, а не армию. Совсем неслучайно телеэкран забит заграничными сериалами, где brave копы тычут всем в лицо табельным оружием и лихо заламывают подозреваемым руки за спину. По-видимому, в американских наручниках ходить легко и приятно. Армейцам годами пеняли за несколько человек, погибших при не вполне выясненных обстоятельствах в Тбилиси и Вильнюсе, а «омоновцам» сошел с рук полицейский террор в Москве осенью 93-го. Только мы ведь не в Майами, и не станем американцами,

тем более – мексиканцами. Еще теплится в нас традиция уважения к защитнику Отечества, а милиционера мы тоже готовы уважать, но ничуть не больше, чем любого другого соотечественника, например – водопроводчика.

На рукаве у наших военных появилась идиотская надпись: «Вооруженные силы». Это что – напоминание? Разве бывают силы безоружные? Еще как бывают, но, правда, в единственной стране мира – в стране, где, прежде всего, стремятся обезоружить представителей ведущей нации, где пресса надывается от возмущения, обнаружив у казаков один невооруженный бронетранспортер, и не надывается от изумления, откуда же взялось «чеченское ополчение». В стране, где граждан уверяют, что свобода владения оружием навредит им больше, чем оружие в руках частных охранников и бесчисленных бандитов. А ведь ношение оружия – наша национальная традиция. Еще в Киевской Руси признавалось право ответить мечом на нападение с палкой. И демократическим можно назвать только то государство, где оружие, прежде всего, есть у гражданина, и нет его у преступника, даже у бывшего преступника, уже вышедшего из тюрьмы, где демобилизованные в запас воины уходят по домам со стрелковым оружием, которое и содержат в порядке на случай призыва. Так в Швеции, в Швейцарии. И защищает свободный гражданин себя и свою семью. Убийство – чудовищно. Но изнасилование невесты на глазах у безоружного жениха стократ чудовищнее! Впрочем, ничто так не дисциплинирует, как оружие в руках. Во время известной блокады московской «мэрии» службой безопасности, солдат оцепления с автоматом излил поток ненормативной лексики на пожилую москвичку, поднимавшуюся на мост с двумя тяжелыми сумками. Дама преспокойно поставила ношу и ответила: «Голубчик! С автоматом в руках хамить невозможно. Ведь вы же воин!» Автоматчик остолбенел и сменил тон: видно было, что он услышал такое впервые, но – согласен.

Одна из важнейших функций наших «вооруженных сил» – прятать оружие от собственных солдат. В Наманганской трагедии, когда толпа убивала наших солдат, честный офицер

вывел гарнизон. Безоружных военных загнали обратно стрельбой. Своих спасти не удалось, они сгорели. Да-да, сгорели безоружные солдаты, а не Наманган, чем, весьма вероятно, кончился бы подобный эксперимент с другой армией. Во время безобразий 1905 года русский офицер полковник Гордеев, наводивший порядок в Курляндии, издал приказ: «На оскорбление отвечать выстрелом, на выстрел – десятью». И, что же, пролил много крови? Совсем нет: поверили на слово.

Русский солдат в XVII веке носил саблю, а в XVIII – шпагу, затем ее сменили полусабля или тесак. Носили «для чести» (так это означено в документах), для боя у него было ружье. А как нам лгали в школе про замордованного солдатика из крепостных! Да ведь тяжкая военная служба держалась прежде всего на сознании воина, что вчера он был «барский», а теперь – «царский», что службой он может достичь благородства, основать благой род, что в своем полку он своими глазами видит таких офицеров из солдат. А бывали и генералы.

Еще один незабвенный мучительный позор. В дни антиалкогольной кампании милиция, случалось, шныряла в штатском по невообразимым очередям, высматривая недовольных, а то и провоцируя скандалы. С последствиями. И вот пожилой генерал жаловался автору этих строк, как он опасается таких агентов. Стоп! Дошли до точки. Безоружный офицер, а рядом милиционер с автоматом? Да русский офицер не имел права даже носить штатское платье! И без оружия бывал только в церкви, на балу, в гостиной. Офицера могло коснуться только оружие. В офицеры не мог быть произведен ни один человек, хотя бы раз подвергнутый телесному наказанию. Офицер даже не мог быть подвергнут аресту или заключению за неуплату долга: могло быть конфисковано его имущество. В бытность генерала Алексея Брусилова начальником кавалерийской школы одного из его офицеров оскорбил пьяный рабочий. Кавалерист незамедлительно раскроил тому голову ударом сабли. Брусилов объявил офицеру благодарность в приказе «за умелое владение оружием при защите чести».

Ну, что, будем и дальше оскорблять офицера безоружностью? Будем и дальше оскорблять его маршальскими

погонами Брежнева и подполковничьими погонами Жириновского? Будем и дальше оскорблять солдата, относясь к нему, как к пушечному мясу, скрывая потери и, самое главное, соотношение потерь, когда в стычке может быть убито восемнадцать воинов и шестнадцать представителей «мирного населения»? Может быть, апофеоз Жукова убедил нас, что нормально воевать по-жуковски, расплачиваясь тремя солдатами за каждого солдата противника? Будем справедливы: маршал был талантливым военным, и на Халхин-Голе воевал не так. Но то, что мы до сих пор скрываем соотношение боевых потерь в Отечественную, навсегда связалось с именами Сталина и Жукова.

Быть может, в этой статье многовато эмоций. Но закончена она будет холодным анализом состояния нации. Этнологически русские выходят сейчас из фазы надлома. Впереди – инерция, фаза, в которой этнос восстанавливает свою жизнеспособность, научившись себя беречь. Лишней энергии больше нет и не будет! Каким будет наше будущее, историк не ведает. Быть может, те, кто стремится заливать просчеты своей политики реками русской крови, сумеют сохранить покорную толпу вместо войска. Но тогда боееспособным такое войско больше никогда не будет. Из надлома выходят не все народы. Покорность будет означать, что русские не вышли, что в самое ближайшее время защищать и защищаться станет некому.

Но если впереди долгая и процветающая инерция, позаботьтесь о памятниках тем генералам, у кого погибал только один боец на десяток неприятелей и которые все же сожалели о своих потерях. Учтите, что бездарного генерала, погубившего солдат, нация в инерции с позором увольняет, а иногда и расстреливает. Забудьте, что солдат может воевать голодным и раздетым. Иначе сначала останетесь без офицеров, а потом и без призывников. Арестовывать пошлете? Не позавидуем тем, кого пошлете. И верните законное место всем русским героям. Велик и возвышен подвиг героев Бреста и Курской дуги, но когда в военно-патриотическом воспитании 99 процентов места занимает Отечественная война, а один уделяют Александру Невскому и Александру Суворову,

молодежь эти 99% замечать не желает. А служить им, молодым. И подвиги совершать им – русским приближающегося периода инерции.

Кто и почему придумал страшные репрессии 1937 года

Статья 8 августа 2007 года.

Сегодня мы обращаемся к теме, которая должна была бы быть и духовной скорбью, но и большой духовной радостью – прибытие в Москву на Бутовский полигон из Соловецкого монастыря Поклонного креста памяти павших, в том числе на Соловках. Павших мы, разумеется, чтим, и теперь мы гораздо яснее представляем всё после прославления Новомучеников и Исповедников Российских. Все это, может быть, даже не требовало бы особого разговора.

Но есть одно но, и здесь должен говорить историк, потому что нашей печалью и нашей памятью злоупотребляют особенно сейчас, когда дата 8 августа по новому календарю (круглая годовщина 8 августа 1937 года) назначена началом страшных репрессий.

Но дело в том, что никакие репрессии в 1937 году не начинались.

Репрессии начались в 1917 году, сперва «малой кровью», а затем, с начала 1918 года кровь стала большой, и пошла полоса красного террора. Есть округленные подсчеты американского профессора Курганова, русского, работавшего в США, потомка эмигрантов. Итак, что дает Курганов? Красный террор с 1917 по 1923 год подсчитан им по категориям.

Погибло академиков, профессоров, писателей, художников, учителей и студентов: 160 тысяч человек.

Погибло чиновников, офицеров, фабрикантов, торговцев, полицейских с жандармами, не считая Гражданской войны, т.е. только прямые жертвы террора: 50 тысяч человек.

Духовенства и церковнослужителей, церковного актива: до 40 тысяч человек.

Рабочих и крестьян: 1 миллион 300 тысяч человек.

В итоге по Курганову получается 1 миллион 550 тысяч жертв. К ним следует прибавить еще три миллиона потерь в Гражданской войне. Итого 4 миллиона 550 тысяч.

То была первая волна. И получается, что ничего в 1937 году не начиналось.

Вторая волна началась сразу же. То уже чисто чекистский террор. С 1923 по 1930 год погибло еще 2 миллиона человек. Еще был первый голод в 1921–1922 годах, который обычно называют «голодом в Поволжье» (хотя он затрагивал не только Поволжье). Умерло 6 миллионов человек. И был еще второй голод, который обычно называют «украинским», хотя он затрагивал и русские области Северного Кавказа и немного Поволжье. Умерло 7 миллионов человек.

Убитые так называемые «кулаки» (по мнению чекистов, конечно же, «кулаки»): еще 750 тысяч жертв.

Следующая волна чекистского террора 1933–37 годов, связанная, кстати, и со стройками каналов и железных дорог, дает еще 1 миллион 600 тысяч жертв.

Если не брать жертв искусственно устроенных «голодов», а только касаться жертв террора, получается почти 6 миллионов убитых. А если добавить 13 миллионов уморенных голодом, то цифра приближается к 20 миллионам.

На этом фоне то, о чем предпочитают много говорить, то есть «ежовщина» 1937–38 годов, дает очень скромную цифру – немногим более миллиона жертв. Т.е. количество жертв красного террора, как подсчитали уже после работ Курганова, в два раза превосходит число всех сталинских жертв. Это не оправдывает Сталина и не делает его лучше, одна жертва не лучше другой.

Но вот, что важно именно сегодня, – почему и когда «37-ой год» был сделан нарицательным? Почему, как только заходит речь о репрессиях, то все время повторяется «37-ой год»? А вот почему. Это произошло при Хрущеве.

Вернемся к подсчетам Курганова уже этого периода.

Интеллигенция, рабочие, крестьяне: 635 тысяч погибших.

«Чистка» Красной армии, причем в основном комиссаров, тех, кто запятнал себя убийствами в годы Гражданской войны, в 20-ые годы, во время антоновского восстания, подавленного ядовитыми газами Тухачевским: еще 30 тысяч.

Члены коммунистической партии (сосчитали уже при Хрущеве): 340 тысяч.

Так вот почему «37-ой год». Потому что до 1937 года погибали как жертвы красного террора либо люди невинные, либо просто люди откровенно порядочные. Погибали и подвижники Православия.

А в 1937 году впервые жертвами, наряду с достойными людьми, стали начальники, стали сами чекисты, т.е. убийцы предыдущих десятилетий. Двадцать лет они убивали, и, наконец, через двадцать лет их тоже начали убивать.

Принципиально то ничего не меняет, целый ряд священномучеников, в том числе епископов, погибли именно в 1938 и 1939 годах, и даже в 1940 году. Погибали и другие люди, и ученые, и рабочие с крестьянами погибали. Их всех жаль, и память их драгоценна. Поминать надо всех, тех, кто канонизован, на молебнах, остальных – на панихидах.

Но никогда не забывайте, что о начале репрессий 1937 года вам говорят либо физические, либо духовные потомки репрессированных и в значительной степени потом реабилитированных убийц.

Помните об этом и не давайте лгать.

Храни вас Бог!

Кто там шагает левой

За время, прошедшее с думских и президентских выборов, не было недостатка в анализе их результатов – ожидавшихся и неожиданных. Правда, по большей части этот анализ грешил чем-то одним – либо выдавал откровенную обиду не прошедших в Думу партий, либо сбивался на чрезмерное славословие действующему главе государства. Написано и сказано много, но практически все – на уровне политическом (исключением разве что стали, впрочем, вовсе не оригинальные и очередные обвинения русского народа в рабстве, в выборе себе очередного «царя»). Но что же показали выборы на уровне социальном? Это, между прочим, самое интересное и есть.

Вдобавок еще темой семинаров, «круглых столов», всякого рода конференций, радио – и телерассуждений и вообще интеллектуальных собраний стал вопрос: «Если не Путин, то кто? (и есть ли вообще ему альтернатива?)» Привычно это как-то, не правда ли? Вспоминается, как вопрошалось еще недавно: ну, разве, может быть замена Горбачеву, Ельцину? Заметим, что подход этот предельно недемократический. Ибо настоящий демократ не только не скажет, но даже не подумает таким образом.

Демократ рассуждает совершенно иначе, причем уже в течение тысячелетий (демократия весьма старинная форма правления). Он мыслит так: выберем Петрова. Выясняется, что Петров не годится. Что ж, пинка Петрову. Выберем Мухамедшина. Еще более не годится? Отлично! В тюрьму его. Рабиновича? Совсем не годится? На виселицу! И так – до тех пор, пока не найдется подходящий.

Самое интересное, что это – не только демократический подход. Такое здоровое отношение к носителю власти свойственно любому свободному человеку. Взять монархию. Настоящего монархиста с государем, впрочем, связывает не лояльность, но личная преданность. Между монархом и монархистом существуют (даже если они друг друга никогда не видели) неформальные отношения. Отсюда термин –

«верноподданный». Таковым, заметим, может быть только свободный человек: рабы верноподданными не бывают. И, тем не менее, несмотря на специфику монархических отношений, в остатке видим то же самое: если не годится – убираем (убиваем). Только у республиканцев этот процесс (импичмент) проходит весело, пусть и с некоторой озабоченностью по поводу дальнейших судеб государства, а у монархистов – трагически. Если монарх категорически не годится, монархист вступает в трагедию действующим лицом.

Так в 1610 году окончательно выяснилась не только полная профессиональная непригодность, но и вредоносность для охваченной смутой России царя Василия Ивановича Шуйского. Что ж, Земский собор его низложил – совершенно легитимно (сам избрал, сам и устранил). В 1762 году стала совершенно очевидной пагубность для Российской империи императора Петра III Федоровича. К несчастью, парламента, то есть Земского Собора, к этому моменту в стране уже не существовало. Пришлось императора Петра устранить силою и – умертвить. Никто при этом особой злобы не испытывал: просто нельзя было государству усилиями императора оставаться вассалом прусского королевства.

А кто уж совсем хорошо умеет справляться с подобными проблемами, так это англичане! К примеру, когда выяснилось, что король Эдвард III позорит Англию перед всем христианским миром по причине своей нетрадиционной сексуальной ориентации, то англичане его не только принудили к отречению, но и умертвили весьма жестоким способом – воткнули королю раскаленный железный прут в заднее место. Впредь в последующие столетия в политической жизни Великобритании голубизной даже и не пахло: ощущений для всех хватило.

Короче говоря, отношение к власти свободных людей, в общем-то, одинаково. По-настоящему свободные люди не будут по мелочам беспокоить свою верховную власть, не превратятся в разнузданную толпу и не учинят мерзостного бунта. Но уж если дело дойдет до явных непристойностей и безобразий, то не будут и терпеть таковые, как это делают замордованные

рабы. В тупиковой ситуации свободные люди просто меняют носителей верховной власти.

Итак, выборы показали нечто существенное. Прежде всего то, что российские граждане более не хотят терпеть (уверен, что и не потерпят впредь), никаких иностранных партий (СПС во многом существовала в политической жизни благодаря иностранным деньгам и голосам лиц, имеющих двойное гражданство). Провал «Яблока» стал лишь в небольшой степени неожиданностью, как и громкий успех Жириновского. Снижение числа электората коммунистов ожидалось вместе с победой начальства, сиречь «медведей». Словом, все прошло, как и должно было пройти, – некоторую интригу создал разве что блок «Родина», ставший ныне партией. В успехе одного сомневались, однако жизнь доказала, что он-то как раз более всего ныне страной и востребован.

Повторю, исчезновение из Думы так называемых правых естественно и закономерно. Хотя бы потому, что исчезли самозванцы. Какие представители СПС – правые? Они левые радикалы (в перестройку Гайдар, к примеру, радостно называл себя левым), конъюнктурно присвоившие чужое имя – имя консерваторов, традиционалистов, патриотов, мыслящих категориями национального сознания. Но, говоря о достижениях «Родины» и ЛДПР, мы и подходим к главному – к произошедшему в обществе социальному сдвигу. Именно он обусловил успех блока «Родина», который, кстати, мог был бы быть куда более значительным, сформируйся блок пораньше и поработай с электоратом поумнее (не было бы нонсенса: в демократической Москве «Родина» взяла 15 проц., а, скажем, за Уралом, где патриотические настроения всегда сильнее, всего 3), а также успех ЛДПР. Первый успех – осмысленный, основанный на выборе образованных слоев, второй – так сказать, реактивный, «от тети Дуси», которая ничего не понимает про Жириновского, но ей по сердцу та национальная составляющая, с которой он работает с аудиторией. Два разных успеха, но суть обоих в одном.

Общество совершило небывалый за последнее десятилетие сдвиг вправо – то есть, в настоящее право, не в

желтое и не в красное, а в белое. К тем правым, которые могут быть прогрессивны, но для которых всегда дороже традиция, в том числе православная. И с этим теперь придется считаться всем, в первую очередь – главе государства.

Годовщина Куликовской битвы

Беседа на радио «Свобода» 22 сентября 2005 года. Ведущий: священник Яков Кротов. Участники: историк Игорь Данилевский, историк Владимир Махнач.

ЯКОВ КРОТОВ: Наша программа посвящена годовщине Куликовской победы. У нас в гостях историки Игорь Николаевич Данилевский и Владимир Леонидович Махнач.

Куликовская битва. Начиная с 1980 года, с Московской олимпиады, празднование Куликовской битвы стало всероссийским событием. Но, подчеркну, всероссийским, а не всесоюзным. В 1980 году специально спустили празднование на этаж пониже, чтобы поддержать, видимо, межнациональный мир. Уже 25 лет, как это событие вошло в повседневную мифологию среднего российского жителя. Войти-то оно вошло, но что все-таки имеется в виду под Куликовской битвой? Почему патриарх Алексий, выступая 21 сентября, сказал: «Ныне празднуемое великое историческое событие далеко отстоит от нашего времени, но именно оно положило начало и стало краеугольным камнем будущей российской государственности»?

Ведь преподобный Сергей Радонежский, современник Куликовской битвы, имел совсем другое представление об истоках своей страны, своего народа. Для него Русская земля пошла с призвания русов на землю словен и так она стала Русской. Если я ошибаюсь, поправьте меня, уважаемые эксперты, историки, единоверцы.

У многих ли народов в основе своего национального самосознания лежит именно битва, военная победа? И какое, с вашей точки зрения, имела значение Куликовская битва для людей XIV столетия и для русских последующих веков?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: На первый вопрос, о том, какие еще народы имеют битву в качестве отправной точки своей национальной истории, я, честно говоря, затрудняюсь ответить. Таких случаев я не знаю, хотя известны случаи, когда битвы, даже небольшие, становились знаковыми событиями, например,

битва в Ронсельванском ущелье у французов, пожалуйста, «Песнь о Роланде».

Второй вопрос более сложный. Как представляли себе люди XIV века это событие, сказать трудно, поскольку источники, близко стоящие к Куликовской битве, довольно спокойны. Они просто фиксируют события. В источниках более позднего времени Куликовская битва с каждым годом приобретала все большее и большее звучание и значение, что само по себе очень любопытно.

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Я не вполне согласен, коллега. Можно считать, что в основании истории Франции лежит первая битва при Пуатье, которую одержал Карл Мартелл. Собственно, эта битва закончила процесс продвижения мусульман вглубь Европы, не Галлии, понятно, а собственно Франции. У англичан это, конечно, битва при Гастингсе. Правда, их побили, но норманны с ними слились, и нынешняя королева Елизавета хоть и дальний, но действительно кровный родственник герцога Вильгельма. Так что тут есть некоторые сходства.

Я твердо убежден, что Россия как единое государство существует не прямо с Куликовской битвы, а с Ивана III. Единая Киевская Русь – это миф XVIII века, хотя государственность и прежде была, но единой России не было. Эти два события, первый удар по Орде в 1380 году и окончательное упразднение Орды за полной ее ненадобностью Иваном Васильевичем в 1480 году, очень удобно коррелируются – между ними ровно 100 лет, и конечно они связаны. Вот так мне это мыслится.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из Томска. Добрый день, Виктор Николаевич, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый день. То была просто-напросто проявившаяся в то время псевдо-забота о русских и об их нации. Тем более, что вы подчеркнули, от кого это пошло. То есть, они были заинтересованы. Это все равно, что праздновать 100-летие русского граненого стакана. Потому серьезно относиться к этому не считаю нужным, этот праздник празднуется на уровне 2 мая, а нормальные люди все это воспринимают с иронией.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Виктор Николаевич. Позиция ваша понятна. А к чему в этой жизни можно относиться серьезно? Материалисты серьезно относятся к деньгам. Поговорим немножко о них.

Например, известный литератор, автор многочисленных фэнтези Александр Бушков, сейчас обратился к истории и написал труд, в котором вообще сомневается, что была какая-то Куликовская битва. Какая еще Куликовская битва или малюковская битва! Россия же всегда была равноправным союзником Улуса Джучи, как, собственно, и должна называться Золотая Орда. Россия же была совершенно независимой страной! О чем мы вообще говорим? То была мелкая стычка с непокорным центральной ставке человеком.

Однако если мы посмотрим на деньги, Русь в XIV веке, как и в XIII веке, платила Орде дань, которая почему-то называлась «выход», хотя то был довольно сомнительный выход для страны. Дань составляла в начале XIV столетия около 2 тысяч рублей. В 1383 году Дмитрий Донской, после захвата Москвы Тахтомышем, уплатил чуть меньше – около 1300 рублей.

Тут у меня большой вопрос к нашим гостям. Во-первых, насколько то были существенные деньги? Сегодня на 1300 рублей, наверное, можно отпраздновать годовщину Куликовской битвы нам втроем, но не более того. Насколько то были большие деньги для XIV века? И насколько можно говорить об автономности и независимости Руси в правление Дмитрия Донского, как до Куликовской битвы, так и после?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Конечно, о реальной стоимости этих денег трудно говорить. Я знаю приблизительно, что в первой четверти XV века, то есть чуть-чуть позднее 8 рублей стоило село с несколькими деревнями. Так что то были деньги очень солидные, судя по всему.

ЯКОВ КРОТОВ: Считали ли себя современники Куликовской битвы подданными хана Улуса Джучи?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Да, конечно.

ЯКОВ КРОТОВ: Сегодня много говорят, и святейший патриарх говорил, что татары вообще не участвовали в Куликовской битве, что у современных татар нету причины

жаловаться на то, что их обижают, поминая их как агрессора. Владимир Леонидович, насколько устарели выражения «татарская рать», «татарская власть»? Насколько они были приняты в XIV веке? Какая связь между Шаймиевым и Тахтомышем или Мамаем?

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Термин «татары» есть анахронизм, очень давно укрепившийся в целом ряде языков, прежде всего в русском. Волжские татары и сибирские татары – это разные субэтноты, довольно сильно отличающиеся. А волжские татары и крымские татары – это разные этноты, совершенно разные народы. А слово «азербайджанец» было придумано в советское время, прежде их называли «кавказскими татарами», и они тоже другой народ. Обычно под словом «татары» подразумевают волжских татар. Конечно в этногенезе этого этноса участвовали ордынцы, но базовым для него были волжские булгары, древнее население Поволжья. Причем булгар Орда на самом деле разорила раньше, чем появилась на Руси, и гораздо более жестоко. Потому нынешняя Казань может праздновать вместе с нами годовщину Куликовской битвы как годовщину удара по своим обидчикам.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Итак, Куликовская битва. 21 сентября в Москве прошел крестный ход в честь, как было написано в газетах, «победы Русского духа и Русского оружия над языческо-католическо-мусульманско-буддистской Ордой Мамая». Священник Владимир Силовьев, руководитель издательского отдела Московской патриархии и настоятель храма в Старом Симонове, где по преданию лежат мощи Пересвета и Осляби, заявил, что их противник Челубей был монахом буддистского ордена, который умел левитировать, ударять в энергетический центр противника, и потому считался непобедимым. Потому Пересвет сумел его победить только благодаря помощи Божьей. «Именно это, – цитирую отца Владимира, – позволяет нам говорить о духовном поединке и битве вообще».

Владимир Леонидович, насколько то, действительно, было сражение с языческо-католическо-мусульманско-буддистской Ордой?

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Наши отношения с Ордой были вассальными, хоть и назывались иначе. Такие отношения были обычными для средневековой Европы и вполне уважительными, кстати сказать, и к улусникам, то есть к вассальным князьям. Никогда у нас ордынской власти не было, правили русские князья, а при них были, правда, послы-баскаки, которые за ними присматривали, но все-таки послы. Орда считалась с нашим принципом престолонаследия, она поддерживала великого князя Владимирского. Все было нормально. Но после хана Бердыбека в Орде началась «великая замятня», ханов начали постоянно и часто менять. Кажется, при темнике Мамае сменилось шесть ханов, хотя точно никто подсчитать не может, слишком часто они сменялись. Мамай же не был ханом, он был темник и военный узурпатор. И ханом он не мог быть, потому что не был чингизидом. Но правил он.

Так вот, во-первых, в Орде установилась незаконная власть. Во-вторых, Мамай стал претендовать на незаконные поборы сверх положенного «выхода». Он тянул подарки. Это как у нас сейчас: еще на лапу мне, Мамаю; вот это «выход», а это мне на лапу.

В-третьих, когда ему сказали, что «на лапу не дадим», он начал грозить истребить веру православную, заметьте, угрожал культуре. Такой угрозы не было при Батые, ее не было до Мамае на протяжении очень длительного времени. Были только отношения не вполне полноправного вассала. Ну и что с того? Английский король тоже был вассалом Французского короля. Кончилось это плохо для Франции, а не для Англии. В нашем случае кончилось это плохо для Орды, а не для Руси, в конце концов, в XV веке. Вот примерно, что тогда происходило.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из Москвы. Добрый день, Александр Иванов, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый день. Во-первых, хотелось бы отметить тому товарищу, который отмечал «праздник граненого стакана», что на Куликовском поле погибли реальные русские люди, реальная русская кровь там пролилась.

Во-вторых, вопрос такой. Почему принято сейчас с такой высокомерной усмешкой поплевывать на собственную историю,

подвергать сомнению Куликовскую битву, еще целый ряд исторических событий? Почему это стало в моде?

И еще замечание о наших якобы «хороших отношениях с Ордой». Вы вспомните, как Орда пришла на Русь, и что было с Киевом, со всеми городами юга Руси и так далее. Спасибо.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Александр. Итак, каковы были наши отношения с Ордой к 1380 году? Были ли в войске Мама я римо-католики, мусульмане, буддисты? И насколько религиозным был конфликт?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Вообще конфликт с Ордой не носил конфессионального характера очень долгое время. Только при хане Узбеке ислам был принят в качестве государственной религии в Орде, и с того времени в русских источниках появляется такая нотка, что был конфликт уже и конфессиональный. До того времени не шел разговор об истреблении христианской веры и тому подобном.

Что касается самого Куликова поля, я затрудняюсь ответить, например, на вопрос, был ли конфликт религиозным, потому что в войске Мама я, судя, правда, по поздним источникам, были еще и армяне, которые, судя по всему, были христианами.

Что касается победы русского духа, то давайте не будем забывать, что Ягайло не успел дойти к Мамаю, но к Дмитрию Ивановичу пришли Ольгердовичи, литовские отряды. Боброк Волынский был выходцем из Волыни (тогда Великого княжества Литовского) и сыграл очень серьезную роль в победе на Куликовом поле. То есть, этот вопрос не совсем корректно сформулирован. В дальнейшем, да, эта битва приобретает именно такой, религиозный характер, но то было связано с другими обстоятельствами, с другой ситуацией.

ЯКОВ КРОТОВ: Сама битва или память о ней?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Память о ней, конечно.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из Москвы. Добрый день, Сергей, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. У меня вопрос к вашим гостям. Конечно, сам символ Куликова поля есть неременный знак, символ русского оружия и духа. То всем известно. Но многие

забыли древнеславянское поверье, что сила и великодушие всегда едины. Известно, что Россия проявляет определенное добродушие к своим бывшим восточным оппонентам. У меня вопрос такой. Не настали ли исторические предпосылки для того, чтобы Россия была вместе со всеми своими ближайшими соседями? От этого она будет только выигрывать в будущем, это логично и оправданно, именно с исторической точки зрения. Благодарю.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Владимир Леонидович, насколько я понимаю, слушатель предлагает проект восстановления Золотой Орды с правителем Кремля в роли преемника чингизидов. Отчасти такая идеология уже использовалась в XVI веке, когда татары, например, награждали Русского царя титулом «белый царь», хотя в Москве не обращали на то большого внимания, насколько я помню.

Насколько добродушна была Русь в XIV веке и насколько Куликовская битва критична для формирования Русского государства?

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Россия, действительно, геополитически, геостратегически есть наследница Золотой Орды. Восстановился размер Золотой Орды. Похожий климат, похожие природные условия, похожая орография. Окаймлена эта гигантская Евразия горами, имеет устойчивые географические границы.

В XII веке русские имели хорошие отношения с половцами, турками, берендеями, мы называли их «свои поганые», без желания оскорбить, в значении «свои язычники». Многие крестились. И понятное дело, женились на крещеных половчанках, не на язычницах.

В XV веке весьма родовитый мурза Касым выезжает на русскую службу и получает Касимовские земли, вместе с ним выезжает целый небольшой улус.

После разгрома Орды очень долго, 70 лет, никто не собирался завоевывать Казань. Но когда в Казани укрепились крымская династия, потерпеть на таком расстоянии от Москвы турецкого шпиона (как мы теперь в Грузии терпим

американского шпиона) тогдашняя Москва не могла. А так, в принципе, у нас были добрые отношения.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Игорь Николаевич, насколько Россия, как государство, возникшее в XV-XVI веках, своеобразно по сравнению с той же Золотой Ордой? Насколько можно говорить о ее большей миролюбивости, добродушии, большей православности?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Думаю, что вопрос о миролюбии и добродушии вообще ни у какого государства не стоит, потому что государство на то и государство, чтобы защищать интересы прежде всего своих подданных, а то, извините, мирными средствами не всегда возможно, а чаще всего вообще невозможно.

Что касается преемства Золотой Орды, да, то было так. Причем с той же самой Ордой были не просто хорошие отношения. Например, Юрий Данилович, московский князь, был женат на сестре хана Узбека, на Кончаке. Такие браки были совершенно нормальны.

Да, Московское царство было Московским царством. Что касается миролюбия, трудно сказать, потому что Москва и защищала свои границы, и присоединяла соседние территории. Совершенно справедливо было замечено, что Казань действительно не собирались завоевывать сразу, но были, кстати сказать, и прецеденты совершенно потрясающие. Если не ошибаюсь, в 1530 году русские войска подошли к Казани. Казань оставили, город простоял четыре часа с открытыми воротами. А русские войска так и не зашли, потому что не могли решить, которому князю – Горбатову или Бельскому первым заходить в ворота. То есть, Казанское взятие – следствие таких походов, которые были походами и в то же время не были походами. Но сказать, что то был миролюбивый поход, конечно, нельзя.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из Москвы. Добрый день, Игорь Анатольевич, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый день. Я присоединяюсь к Александру из Москвы. Скажу больше, кошмарней радиопередачи я еще не слышал. Я возражу на то, что то была победа русского оружия.

Мечи нам поставили литовцы, копья – немцы. Кроме того, тогда не было русских, а были еще русичи. Пришло еще 70 тысяч отборного литовского войска, погибли все. Откуда пошла новая переделка истории? Пошла она с товарища коммуниста Льва Гумилева. Когда-то Лев Гумилев захотел стать великим. Он взял все то, о чем вы говорите, у Карла Маркса, все переписал у него, сослался на Карла Маркса. И потому пришлось дать ему ученую степень.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Игорь Анатольевич. Видимо, были обнаружены новые, неизвестные ранее историкам приходно-расходные ведомости Оружейной палаты о закупке мечей у немцев. Пока этот факт не был известным.

И все-таки, Игорь Николаевич, скажите, насколько действительно Россия в 1380 году послужила щитом между Западом и Востоком. Кого спасала Куликовская битва, кого защищала?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: В первую очередь она спасла и защитила Тохтамыш. Он поздравил Дмитрия Ивановича с победой на Куликовом поле и сообщил об убийстве Мама, которого убили убийцы, посланные Тахтомышем. А Дмитрий Иванович поздравил Тохтамыш с восшествием на законный престол.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Таким образом, Куликовская битва, состоявшаяся как раз в день праздника Рождества Пресвятой Богородицы, 8 сентября по тогдашнему стилю, в 1380 году, была столкновением русских князей (не всех) с человеком, который, начиная с 1364 года правил Ордой, ставя ханов-марионеток для удовлетворения формальности. И в итоге к власти пришел хан Тохтамыш, тоже ставленник, но Тимура, который наказал, как ни странно, русских князей за их победу на Куликовом поле, вторгшись в 1382 году в Московское княжество и взяв-таки, хоть и обманом, Москву.

Владимир Леонидович выступал 21 сентября на митинге, который был организован в Москве Евразийским союзом молодежи в память о Куликовской битве. Многие наши слушатели задают вопрос, насколько то было важно? Исчезли бы мы, если бы мы проиграли Куликовскую битву, как

американские индейцы, или как исчезли бы евреи, если бы не победили Гитлера? Насколько то было случайным событием и насколько это событие было материальным, политическим, а насколько духовным? Исчезло бы православие и церковь, если бы проиграна была Куликовская битва?

Священник Владимир Силовьев, настоятель Храма в Старом Симонове в Москве, например, считает, что именно благодаря Куликовской битве наш народ стал «удерживающим», то есть, он позволяет человеческой истории продолжаться, отодвигая конец света.

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Существует правдоподобная версия, что в значительной степени провоцирующую роль сыграли западноевропейские деньги, через генуэзское посредство попавшие к Мамаю, и что вообще его Запад подталкивал. Все дело в том, что Византия старела. И уже во времена Куликовской битвы ей готовили преемницу, и преемницу готовили здесь, на Руси. Еще было не понятно точно, будет ли столицей Москва, Тверь или даже Вильна, но Третий Рим должен был быть, потому что это было воззрение, по крайней мере, Вселенской Православной церкви. Таким образом, к тому, что произойдет столетием позже, имеют отношение и греки, и сербы, и болгары, наши митрополиты, среди которых бывали русичи, бывали греки, был болгарин Киприан. Все они вели себя в этом отношении одинаково – они готовили преемницу. Конечно, если бы мы проиграли сражение, строительство империи осложнилось бы, но русские не исчезли бы.

Более 100 лет назад Ключевский произнес знаменательную фразу: «Русь родилась на Куликовом поле, а не в скопидомном сундуке Ивана Калиты». А Гумилев в 80-м году напечатал в журнале «Огонек» следующую фразу: «На Куликово поле пришли москвичи, владимирцы, суздальцы и так далее, в том числе литовцы, а вернулись с Куликова поля русские». Это интересные оценки очень разных на самом деле ученых, но, безусловно, ученых первого ряда.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из-под Курска. Добрый день, Николай, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Добрый день, уважаемые господа. Видимо, Куликовская битва имела огромное значение, если, несмотря на такое продолжительное время, о ней не перестают говорить. Но сейчас акцентировать внимание на том, что дух православия победил и ислам, и римо-католиков, и буддистов – это победа над здравым смыслом, потому что в нашей стране живут и католики, и протестанты, и буддисты. И все они наши граждане, и это их, наверное, обижает.

Я хочу сказать, что битва продолжается, все эти битвы идут, а место битвы, как вы знаете, есть сердца людей, людские души. Некоторые наши молодые люди считают совершенно по-другому. Они смотрят на битвы и Александра Невского, и остальные и говорят, «надо было проиграть, давным-давно пили бы пиво баварское настоящее, и марки у нас были бы давно, а так мы столько мучаемся».

И еще одно. Высоцкий, когда писал о Куке, разговаривал с папуасом из Новой Гвинеи о войнах. Папуас спросил его: «Сколько вы убили во Второй мировой?» «Ну, во Второй мировой миллионов 20», – ответил Высоцкий. Папуас: «И что, всех съели?» Высоцкий опешил: «Нет». «А зачем же вы тогда воевали?» Спасибо.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Напомню, что сейчас Папуа Новая Гвинея одна из самых, может быть, христианских стран в мире по уровню посещаемости церквей по воскресеньям. Так что съеденный капитан Кук, видимо, довольно положительно отозвался на духовном здоровье этой нации.

И все-таки люди обижаются, точнее, многие говорят, что обидятся буддисты, если окажется, что Челубей был буддистом, хотя историкам, прямо скажем, такой факт неизвестен. У людей прецедентное мышление. То есть, если преподобный Сергей благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву, значит, можно сражаться. А если бы не благословил, тогда разве нельзя сражаться? Видимо, тут два довольно разных подхода к истории. Подход религиозный, мифологический, когда в истории видят миф, в соответствии с которым выстраивается сегодняшнее поведение. И подход, когда просто хочется знать, как оно было на самом деле, просто были там буддисты или нет.

Если были, это просто надо сказать, а обид никаких быть не может, потому что это не имеет отношения к нашему времени.

Игорь Николаевич, вы работаете в Институте истории, учреждении совершенно светском. Для вас то, что преподобный Сергей благословлял Дмитрия Донского на эту битву, – это важный прецедент или это просто исторический факт? Как бы вы оценили изменение сознания за последние шесть веков? Оно изменилось или по-прежнему в истории сегодняшней русский православный видит, прежде всего, опору для сегодняшнего поведения? Печатается ведь много, я думаю, вы знакомы с этой литературой. Какое значение имело благословение преподобного Сергия?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Во-первых, благословение преподобного Сергия – это скорее всего легенда, достаточно поздняя легенда. Если он и благословлял Дмитрия Ивановича, то в лучшем случае на битву при Воже, потому что Дмитрий Иванович, во-первых, должен был получить благословение от своего духовника, каковым был племянник Сергия Радонежского, настоятель Семенова монастыря. Во-вторых, Троица находилась тогда на территории другого княжества. То было Серпуховское княжество, то была епархия Владимира Андреевича Серпуховского. Другой вопрос, что поздние источники создавались там же, и в них роль Сергия и роль Владимира Андреевича приподнималась, а Дмитрия Ивановича, наоборот, слегка принижалась, иногда даже не слегка.

ЯКОВ КРОТОВ: А для современников имело значение, благословил или нет?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Для современников, я думаю, вряд ли то имело какое-то решающее значение. Во-первых, потому что Сергей Радонежский не имел еще тогда такого авторитета. Не будем забывать, что незадолго до того епископ Дионисий пообещал князю не ехать к патриарху и попросил поручиться за себя Сергия, но сам тут же отправился в Константинополь жаловаться на то, что Дмитрий Иванович Донской изгнал нового митрополита Киприана, рекомендованного Сергием, и решил поставить своего митрополита Митяя. Это серьезный в общем-то вопрос. Благословение, наверное, получал, хотя тут тоже

сложный вопрос, ведь Дмитрий Иванович был Киприаном проклят за два года до того и отлучен от Церкви.

ЯКОВ КРОТОВ: Звонок из Петербурга. Добрый день, Сергей Алексеевич, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Начну с того, что низко кланяюсь Якову Гавриловичу и всем собеседникам. А можно перенестись на 100 лет поближе к нам? Такие кровожадные звонки звучат: «немецкие мечи»! А если мы сейчас наше ржавое оружие перекуем на какое-нибудь орало? Так вот, через 100 лет после Куликова поля было Стояние на Угре. Хочется услышать что-то об этом, потому что это родина моих родителей.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Сергей Алексеевич. Да, Владимир Леонидович уже сказал о Стоянии на Угре в 1480 году, когда русские, не вступая в бой, отбили наступление предпоследнего хана Улуса Джучи. Пожалуй, именно с этого года начинает складываться цикл сказаний о Куликовской битве, о Мамаевом побоище, появляются детали, которых не было раньше, древнейшие списки восходят к тому времени. Их довольно тщательно анализировал в своей докторской Андрей Петров, который пришел к выводу, что, например, весь эпизод с запасным полком взят из романа «Александрия», переведенного с сербского, что эпизод с поединком Челубея и Пересвета тоже выдуман.

Владимир Леонидович, допустим, историки точно докажут (хотя история такая наука, что она говорить точно боится), что не было поединка Пересвета и Челубея, не говоря уже о том, что Челубей не был буддистом. Изменит это ваше отношение как православного человека к значению Куликовской битвы?

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Нисколько. Я уже говорил, что тогда впервые в русско-ордынских отношениях прозвучала угроза православию, а, следовательно, базовой составляющей нашей культуры, чего до тех пор не наблюдалось.

Потому, был поединок или нет, в данном случае ничего не меняет, хотя я не вижу особого смысла не доверять этому факту после работ Лихачева, Дмитриева. Кто только с «Задонщиной» не возился! Точно так же я, например, сожалею, что до сих пор не получила своего законного места в учебных пособиях теперь

уже 20-летняя критика историка Кутькина, геолога Флоренского, ныне покойного, и архивиста Долгова. Она была опубликована в журнале «Природа» в 1985 году, Кутькин немножко корректирует место сражения, размещает его там же, но в междуречье Непрядвы и Дона. Я три раза был на Куликовом поле, там же все видно! После того, как вышла Кутькинская публикация, я раскрыл академическое издание всех повестей о Куликовской битве и видел, что в тексте это все есть, просто это устарелая ошибка. Вот это важно. Не из-за левого фланга, а из-за правого был нанесен удар засадного полка. И особенно тяжелые потери Орда понесла, потому что они бросились отступать через Непрядву, а у Непрядвы в нижнем течении действительно крутые и каменистые берега. Когда туда хлынула конница, они передавили друг друга. Это все убедительно.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Игорь Николаевич, православный публицист Борис Колымагин недавно в связи с годовщиной Куликовской битвы сказал, что русское духовенство было заинтересовано в продолжении господства Орды, потому что было освобождено татарами от уплаты дани. Насколько Орда или Мамай, во всяком случае, угрожали православию на Руси, на ваш взгляд?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Что касается отношения православных священников и церкви вообще к ордынской власти, думаю, что это перегиб такой степени, что просто тут не ответишь. Да, действительно, Орда относилась очень лояльно ко всем представителям всех конфессий, с потрясающей веротерпимостью.

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Кроме одного, кроме иудаизма. Почему, непонятно.

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Совершенно верно, непонятно. Но была действительно потрясающая веротерпимость. Но она никак не сказывалась на отношении священников к самой Орде. Достаточно почитать, например, труды тех же самых отцов Русской Православной церкви и можно убедиться, что они все время говорят о том, что существует угроза, что это страшная власть и так далее, говорят о безбожных «царях» (ордынских правителях). В конце концов, не кто иной, как священник

уговаривал Ивана III принять на себя царский титул и говорил о том, что именно он имеет право на этот титул, а не его противник.

Я бы хотел внести небольшие коррективы. Все-таки стояние на Угре было длительным сражением, в котором применялась артиллерия, оно длилось несколько месяцев. Так что то было не совсем просто, хотя подготовлено оно было конечно Куликовской битвой.

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Операция, можно сказать, была, а не сражение.

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Да.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонят из Москвы. Добрый день, Илья, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте. Тут упомянули и Гумилева, и римо-католиков, и геополитику. Но позвольте напомнить с христианской точки зрения, что согласно Гумилеву Россия и Западная Европа разделены таким естественным барьером, как различные суперэтнические целостности, со всеми вытекающими последствиями, вплоть до разных этнокультурных доминант. Но, во-первых, такое разделение существует на уровне человеческой природы, а на уровне христианской Пятидесятницы мы должны, различая разные части целого, все же не разделять их. Во-вторых, а почему собственно мы должны считать суперэтнос конечным продуктом этногенеза? Ведь диалектически развивая идею этноса, мы приходим к ее отрицанию, то есть к идее человечества как единого нераздельного организма. И не в этом ли парадоксальный смысл идеально верной, самой лучшей геополитики?

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Илья. Владимир Леонидович, начиная с конца XV столетия, и в частности с послания епископа Вассиана великому князю Ивану именно в русской традиции (причем, как подчеркивает историк Белякова, этой традиции не знала Византия) появляется приравнивание тех, кто погиб в бою с неверными, с «сыроядцами», как тогда говорили, к мученикам, то есть погибшим воинам прощаются грехи. В середине XVI века митрополит Макарий даже говорил о втором крещении кровью воинов, которые погибли в бою с

татарами. Причем первым прецедентом было именно сражение Челубея и Пересвета. Но в то же время та же историк Елена Белякова говорила о том, что это одним махом упраздняет древнейшую христианскую традицию, которую свято чтит в Византии: воин, убивший на войне, подлежит отлучению от причастия на три года, а то и на десять. Священник, тем более монах, который совершил такое убийство, несет тяжелое наказание. Насколько эта вера в то, что даже священник, даже монах может и должен убить, соответствует христианскому духу, с вашей точки зрения? Давайте не обсуждать, подлинный ли рассказ о Пересвете и Челубее или нет, поскольку он уже вошел в историю, он стал фактом сознания.

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Я только отвечу на одно замечание по предыдущему звонку. Мне представляется, что день Пятидесятницы как раз утверждает праведность национализма. Зачем-то же апостолы получили дар говорить разными языками! Значит, надо дружить с другими народами, но отнюдь не сливаться в аморфное целое.

Теперь к последнему вопросу. Во-первых, такая традиция наложения епитимьи существовала, но давно вышла из употребления. Я хочу напомнить, что когда император Ираклий побил персов и, в конце концов, большими трудами вернул подлинный Крест Спасителя, он стал героем всей Европы, тогда не разделенной на конфессии, и таковым остался навсегда. А он, вообще говоря, был немножко еретик, но тем не менее навсегда вошел в литературу, в живопись. В эпоху Возрождения фрески писались, посвященные подвигу Ираклия. То есть, воинский подвиг всегда считался христианским. Это с одной стороны. Монаху, кстати сказать, никто сражаться не запрещал, запрещено сражаться только священнослужителю, потому что он прикасается к бескровной жертве евхаристия, а не потому что рясу носит. А если монах не в сани, то он такой же, как и все. Мы много знаем о монашествующих воинах, и даже ордена были, правда, на Западе, но когда они появились, мы еще были единым христианским миром. Так что есть и такое, есть и другое.

Заканчивая мысль, хочу сказать, что когда император Павел Петрович, будучи очень ревностным христианином, предложил считать всех погибших на войне святыми мучениками, архиереи возразили ему очень важно и по существу: «Это невозможно, Государь, потому что мы не знаем, с какими мыслями, в каком духовном состоянии погиб человек».

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Даю две справки. Во-первых, есть принцип презумпции невиновности: погиб, так погиб, мы должны предполагать лучшее.

Во-вторых, император Ираклий конечно герой. Однако когда, если не ошибаюсь, в 613 году он просил византийское высшее духовенство отменить канон Василия Великого и не только не отлучать людей, проливших кровь на войне, от церкви, но и причислять погибших солдат к лику святых мучеников, византийский патриарх и Синод при нем категорически все-таки отказали, и правило Василия Великого осталось нерушимым.

Игорь Николаевич, насколько русская православная традиция, имперская, скажем так, соответствует общей православной? Насколько она оригинальна, насколько традиционна?

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Я не возьмусь судить о столь высоких материях, но хотел бы два слова сказать о восприятии Куликовской битвы с христианской точки зрения чуть-чуть в другом ключе. Я понимаю, что это прозвучит, может быть, несколько странно. Вы упомянули, что действительно Куликовская битва произошла 8 сентября. Но она была не просто 8 сентября, она была еще в 6888 году от сотворения мира. То был непростой год, то был год Кириопасхи, в который согласно апокрифам должен был наступить конец Света или начало освобождения. И победа засадного полка приурочивалась к определенному часу. Если вы помните, Боброк Волынский отказался вступать в бой, он сказал, что «надо ждать часа подобного», что «в 8 часов начнем». И речь шла не о том, что солнце изменит свое положение или ветер начнет дуть с другой стороны. Речь шла о Святом Духе, который начинает помогать. Есть такие чтения также в служебной минеи

на 8 сентября, где речь идет о часах служб. То есть, это все сходило в одно, это нагромождение восьмерок воспринималось вполне определенно как начало освобождения православных.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Нам звонит из Москвы профессор Иван Иванович.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте, господа. Передача очень интересна, потому что после большевиков образовалась яма, вакуум идеологический. Сегодня понадобилось новым господам найти какое-то возмещение коммунизму, и потому вспомнили Куликовскую битву. Но на самом деле Куликовская битва, как ее называют, происходила совершенно в другое время, спустя 300 лет. Вспомните, как так называемые господа говорили о том, что Романовых пригласили на русский престол. Но ничего подобного не было, был практически государственный переворот. И война была в этот период в Москве и Московском княжестве. Это, собственно, и было то событие, о котором историки говорят. Вспомним «Заказ Петра» Шварца и Мюллера.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо, Иван Иванович. Куликовская битва произошла в 1380 году и все попытки перенести ее на другую дату, к счастью или к сожалению, пока остаются только гипотезами, не основанными на документах.

У нас есть еще один звонок из Москвы. Добрый день, Марк Яковлевич, прошу вас.

СЛУШАТЕЛЬ: Здравствуйте, господа. Я хорошо помню, как 25 лет назад праздновалось 600-летие Куликовской битвы. Среди множества публикаций была омерзительная статья Вородаева в журнале «Природа», если кто помнит, и так далее. В ней утверждалось, что и на той, и на другой стороне, условно говоря, на стороне татар, были какие-то русские полки, а на стороне русских были какие-то полки татар. Правда это или нет? Автора я, к сожалению, забыл. Подтвердите или опровергните это утверждение, пожалуйста.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо.

ИГОРЬ ДАНИЛЕВСКИЙ: Если опираться на источники, ни подтвердить, ни опровергнуть такую точку зрения невозможно, потому что такой информации нету.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. Владимир Леонидович, среди многих речей, которых много было в связи с годовщиной, еще раз сошлюсь на слова отца Владимира Силowieва из Старо-Симонова монастыря: «Мы видим, что люди разобщены не только по национальным признакам, но и по вероисповедным. Здесь и проходит духовный фронт, на котором продолжается Куликовская битва».

Насколько можно говорить, на ваш взгляд, что Куликовская битва продолжится до тех пор, пока в России не будет одного вероисповедания?

ВЛАДИМИР МАХНАЧ: Дело не в одном вероисповедании. Дело в том, что в нас укрепилась тенденция вводить свободу вероисповедания по-американски. Американцы расчистили себе кусок Североамериканского континента, они – нация иммигрантов, они приезжали религиозными группами, конфессиональными группами, потому там другого и быть не может. В Европе того нету. В любом европейском государстве есть либо религии с полным публично-правовым статусом, либо даже государственные религии. Например, в Финляндии есть первая и вторая государственные религии. Так же в России, есть у нас исторические, а есть иностранные религии. Вот на этом уровне я бы согласился. Оба основных исламских толка, основные направления ислама – суннизм и шиизм – историчны в России. У нас есть целый ряд исторических вероисповеданий. А что касается римского католичества, то уж простите, римское католичество было исторической религией только в исторической России, которая приближалась территориально к Советскому Союзу. В обрзанной же, обкромсанной, коммунистами созданной Российской Федерации римское католичество есть иностранная религия.

ЯКОВ КРОТОВ: Спасибо. В заключение напомним ваши слова о Пятидесятнице, то есть о дне, когда на апостолов, на учеников Христа сошел Святой Дух и они говорили так, что евреи, съехавшиеся тогда в Иерусалим из разных частей Средиземноморья, говорившие на разных языках, не все понимавшие арамейский и тем более не понимавшие еврейский, тем не менее всё понимали, и греки понимали, как

будто бы им говорили по-гречески, и так далее. Сегодня в России люди часто жалуются, что им не дают говорить на русском языке: «Дайте нам в Латвии говорить на русском! Дайте нам на Украине говорить на русском!» И тут у христиан особая позиция – позиция Пятидесятницы, потому что дух может то, чего не может меч, он может дать возможность говорить языком мира, языком любви, веры. Он открывает такую вертикаль, по сравнению с которой любая властная вертикаль – это просто ямка. Порядок, безопасность, империя, нация, кровь – все теряет значение перед лицом Духа Любви.

Культурология Даниила Андреева

Статья 1993 года.

Книга «Роза мира» Даниила Леонидовича Андреева культурологична по своей сути, являясь в некотором смысле и историко-культурным трактатом. Не буду анализировать всю «Розу мира». Меня интересуют в основном 6-й раздел 3-й главы 2-й книги «Метакультура» и 2-я глава 3-й книги «Затомисы», в которых Даниил Леонидович, не будучи философом, но выдающимся поэтом и вестником, подтвердил представления крупнейших историков культуры, работавших последние 200 лет. Интересно, что с рядом работ этих ученых и мыслителей он просто не мог быть знаком.

К представлениям современной истории культуры относятся, прежде всего, два положения: идея о цикличности мировой истории, воспринимаемой в историко-культурном освещении, и идея о бытовании замкнутых региональных культур, или у некоторых авторов – цивилизаций. Я склонен полагать, что эти идеи могут быть отнесены к древнейшим в истории человечества. Так, Книга Бытия дает безусловное представление о циклах в истории человека, которые связаны с ее важнейшими вехами, например, потопом, исходом Авраама из Ура халдейского, исходом евреев из Египта, эпохой пророков и т.д. В Книге пророка Даниила представление о цикличности явлено в виде символов или эмблематических зверей четырех царств, которые не имеют негативной оценки у пророка и не описаны как демонические сущности. Вне пределов библейского круга идея истории как продолжающейся череды циклов свойственна китайской историографии. Крупнейшему китайскому историку Сыма Цяню исторический процесс представляется в виде струйки, но не струйки совершенно ламинарной воды, что естественно для западного европейца, а в виде струйки зерен, которая имеет свою общую хронологическую последовательность и в которой каждое зернышко является законченным замкнутым целым. Наконец, арийский миф, который мы можем наблюдать только через его

развитие в разных системах, дает необычайно четкое представление о сменяющихся друг друга циклах, будь то четыре века от Золотого до Железного в эллинской системе или аналогичные четыре эпохи – Юги в системе индуистской. Индуистская система замкнула колесо, сделав его бесконечным: за Кали-Югой и распадом человечества следует новый импульс, подъем и новая Крита-Юга, новый Золотой век. Представления о бесконечности мира, конечно, не ведические, а индуистские, очень поздние; но во всех системах, восходящих к общеарийскому корню, мы видим идею цикличности.

Даниил Андреев выразил ту же точку зрения, представляя циклы истории в виде сменяющихся друг друга человечеств (как он пишет), ангелов, «даймонов», титанов. Он, во-первых, восстанавливает эпохи, описанные мифами различных народов, во-вторых, демонстрирует собственное представление о цикличности.

Издавна люди представляли культуру регионированной, причем эти регионы всегда охватывали несколько народов или много народов. Здесь противопоставляется не столько свой народ другим, сколько свой культурный ареал – прочему миру. Например, для китайца характерно противопоставление Чжунго – Срединного царства прочей Поднебесной, для эллина – противопоставление своего мира варварскому. Это деление культурных регионов Даниил Андреев представляет в примирительной, но четко регионированной структуре «затомисов», структуре, повторяющей регионированность «Энрофа» в восходящих и нисходящих мирах. Я должен обратить внимание на то, что человечеству не присуща изначально мысль об истории как об эволюции, как о непрерывной цепи, имеющей цель. Эта мысль привнесена Библией. Только Библия рассмотрела впервые развитие, совершенствование человека, то есть провозгласила эволюцию и возможность прогресса. Правда, в Библии прогресс рассматривается лишь во взаимоотношениях человека с Творцом и никак иначе.

Многие исследования, особенно XX века, рассматривают историю человека в ключе того, что не имеет общепринятого

названия, но может быть названо историей Повреждения. Человек изначально благ, первое его повреждение связано с соблазнением в земном Раю и грехопадением. Однако изгнанный из земного Рая человек обладает монотеизмом на уровне еще не вероисповедания, а информации. И эта информация постепенно повреждается. Впоследствии в эпоху строительства башни в долине Сенаар (условно Вавилонской башни) праведный Эвер не соблазняется участием в демоническом проекте, и то сохраняет первоначальный язык. Сохраняется и Ной в силу своей праведности, когда Творец вынужден уничтожить падшее человечество. И так далее. Каждый раз происходит не только устранение падшей части человечества, но и восстановление информации, частично утраченной за предшествующий период. Повреждение информации и воссоздание ее Творцом и Промыслителем рассматривалось в современной науке Вернадским и в большей степени Львом Гумилевым, для которого этнологический, этногенетический процесс есть победа над энтропией. Однажды в частном разговоре он отметил, что энтропия, с его точки зрения, есть дьявол. Это весьма глубокое замечание.

В англосаксонской литературе теорию повреждения разрабатывали члены группы «Инклинги» (Inklings) – Клайв Льюис и особенно Джон Толкиен, «Властелин Колец» которого построен по закону теории повреждения, а «Сильмариллион» представляет как бы иллюстрацию этой теории.

Даниилу Андрееву присуще то же представление. Для него восстановление повреждаемого знания лишено примитивности теософских конструкций конца XIX века и, безусловно, замкнуто на Промысел. Интересно, что Даниил Андреев не мог знать того, что этнография и археология XX века подтвердят многократно: первичность монотеизма и вторичность политеизма. И, тем не менее, он писал свою «Розу» так, как будто для него не было в этом ни малейшего сомнения. Он находил скрытый монотеизм во всех сколько-нибудь выдающихся историко-религиозных системах, что, вероятно, и дало ему основание пользоваться термином «религия правой руки» (или даже термином «все религии правой руки»). В науке

новейшего времени попытка рассмотрения эволюции человека в соответствии с замыслом Творца была сделана однажды и довольно неудачно (хотя и с интересной догадкой) Карлом Ясперсом. Он вычленил свое Осевое время, момент, когда, невзирая на цикличность человеческой культуры, вдруг за короткий двухвековой отрезок времени, в VII-VI веках до Р.Х., по крайней мере, в пяти великих культурах появляются одновременно философия и интерес к человеческой личности. VII-VI века до Р.Х. – это конфуцианство в Китае, проповедь Сиддхартхи Гаутамы в Индостане, проповедь Заратуштры в Арьо-Шайяне, время великих пророков Израиля и возникновения греческой философии.

Представление об истории культур было невозможно до наступления Нового времени, до эпохи итальянского Возрождения при всех его издержках. До того времени совершенно имманентным было рассмотрение человека с этнической и религиозной точек зрения. Главным было то, брат ли ты во Христе, на втором плане – франк ты или лангобард. Верный ли ты мусульманин, а потом уже – араб ты или тюрк. За пределами того люди не мыслили единства, хотя оно существовало, и великие религии создавали великие культуры. При всех разрушениях эпохи Возрождения, которую, по мнению Михаила Илларионовича Артамонова (выдающегося историка и археолога), следовало бы именовать эпохой Вырождения, она сделала возможной историю культур, создав автономные ценности, оторвав этику от религии, а политику от этики, и выявив культуру как целое.

Джамбаттиста Вико в начале XVIII века впервые в академической науке восстановил представление о циклах. Его эпохи Богов, Героев, Людей – это то, что мы видим в Библии, в арийском мифе и у Даниила Андреева: эпохи «праангелов», титанов, современное человечество. Вико всерьез не читали до середины прошлого XIX. Во второй половине XVIII века группа полуграмотных наглецов, провозгласивших себя «просветителями», выступая с позиций плоского и линейного прогрессизма, открыла дорогу утопиям, за которые человечество расплатилось миллионами жизней.

Существование истории культур под давлением энциклопедистов и их клаки стало невозможным, и даже романтизм, гораздо более мудрый и духовный, не смог этого преодолеть. Новые шаги на пути создания истории культур смогли сделать наши великие соотечественники XIX века – Николай Данилевский, Константин Леонтьев, в меньшей степени Алексей Хомяков. Николай Данилевский ввел концепцию «культурно-исторического типа» – замкнутого и самодостаточного. При всех ошибках, которые Николай Данилевский сделал в работе «Россия и Европа», его заслуга безмерна: он сделал возможной историю культур. Константин Леонтьев первым до Льва Гумилева увидел возраст народа, этноса, то есть движение каждого народа по восходящей (к «цветущей сложности») и нисходящей (к распаду).

Использовал ли все это Даниил Андреев? Да, использовал, и этих авторов он, несомненно, знал. Так же как Константин Леонтьев, он видел возможность полного исполнения народом своей сущности, своей задачи в Энрофе с исходом всего народа в вышестоящие слои, с поднятием его в сонм просвещенных данного затомиса. Даниил Андреев оттенил христианское прочтение великолепной леонтьевской философии, может быть, сам не подозревая того. Алексей Хомяков, на которого Андреев обратил, кажется, меньшее внимание, попытался первым объединить представления о региональности, выдвинутые Николаем Данилевским, и об эволюции, к которой он стремился как христианин, как человек, глубоко чувствовавший Библию. И все же я убежден, что впервые это объединение удалось осуществить Даниилу Андрееву.

После работы Освальда Шпенглера «Закат Европы» стало ясно, что античная цивилизация и культура закончены, исчерпаны, что термины «Древний мир» и «Средние века» – нелепость. Затомисы Даниила Андреева – это уже послешпенглеровская наука. Номенклатура затомисов, метакультур, возможна только после Освальда Шпенглера. Затем Ганс Зедльмайр, разрабатывая идеи Шпенглера, предостерег европейцев, что, обезбоживая культуру, они катятся

к гибели. Это предостережение есть и у Даниила Андреева. В последних строках последней главы «Розы мира» он предостерегает об опасности стремления к всемирному тотальному господству «уицраора» (демона великодержавия) США Стеббинга. И наконец, отмечу Арнольда Тойнби, первым в академической науке создавшего номенклатуру «цивилизаций» (или, по Андрееву, «метакультур»), и Льва Гумилева, который окончательно «развел» «региональную культуру» (по Льву Гумилеву, «суперэтнос») и «национальную культуру». См. работу Льва Гумилева «Этногенез и биосфера Земли».

Замечу, что Освальда Шпенглера Даниил Андреев читал, а с работами Зедльмайра, Тойнби, Ясперса, Питирима Сорокина, Льва Гумилева не имел возможности познакомиться. Близость его с Джоном Толкиеном поразительна; они современники, лучшие свои работы писали одновременно, но ни один из них не мог знать о великом соратнике, обладающем таким же обостренным видением реальности зла.

Даниил Андреев создал представление о метакультурах не только в системе восходящих и нисходящих слоев, а прежде всего в Энрофе, причем подробную их номенклатуру дает именно в Энрофе. Если обратиться к «Розе мира» и «Железной мистерии», можно увидеть, что Андреев ясно видел как нисходящие, так и восходящие слои России вплоть до Небесного Кремля, но имел весьма относительное представление о восходящих и нисходящих слоях других метакультур. Так, он пишет, что помимо просветленных Небесный Кремль населен «алконостами» и «сиринами», будущими ангелами, оговорившись, что затомисы других метакультур населены не менее прекрасными существами, и тем самым честно показывая, что не знает, каковы они. Кто-то ему сказал, что они не менее прекрасны, но он их не видел, в то время как Небесную Россию представлял себе очень ясно. Метакультурам дана номенклатура, и гораздо менее важно, что она расходится с номенклатурой Тойнби.

В главе «Метакультуры» определяется понятие «сверхнарод» и приведено четыре варианта мифа сверхнарода.

Первый вариант – «когда мы говорим о системе идейно насыщенных образов, воплощающих какое-либо многообъемлющее интернациональное учение, нашедшее свое выражение в преданиях и культе, в памятниках словесности и изобразительном искусстве, наконец, в кодексе нравственности, когда мы говорим о мифах великих международных религий...». Оставим на совести Андреева (который очень любил Индию) причисление к международной религии сомнительного «международного индуизма», важно, что именно он вкладывает в понятие этого мифа.

Второй вариант – «когда мы говорим о строго координированной же системе идейно насыщенных образов, о системе, отлившейся в определенную религию, игравшую в истории данного сверхнарода весьма значительную роль, но почти не распространившуюся за ее пределы, когда мы говорим о религиозных национальных мифах отдельных сверхнародов: египетских, древнеиранских, еврейских, древнегерманских, галльских и так далее...».

Вторую категорию Андреев «разводит» с третьей, о которой пишет: «мир образов столь же идейно насыщенных и тоже, может быть, связанных, хотя и не так тесно, с идеями религиозного и нравственного понятия, порядка, но не сложившихся в стройную систему и отражающих ряд общих нравственных трансфизических или вселенских истин; общие мифы сверхнародов: римско-католического, северо-западного протестантского и сверхнарода российского».

Второй и третий очень трудно «развести». Я бы сказал, что, может быть, Андреев ошибся, относя галльский (кельтский) миф ко второму варианту, а не к третьему. Четвертый вариант – категория национального мифа. Даниил Андреев предвосхитил тем самым представление Льва Гумилева о суперэтнотипе, которым может быть великая культура, имеющая общий религиозный или культовый стержень, или, например, империя. Так, Россия суперэтнична как империя и создала суперэтническую российскую культуру, безусловно, имперскую. Вместе с тем русская культура принадлежит и к культуре восточнохристианской, которая должна быть отнесена к другой

категории суперэтнического (по Гумилеву), к другому разделу (по Андрееву). Этого до «Розы мира» не сделал даже Лев Гумилев. Если это удастся историкам культуры в наше время, то обязаны мы будем, безусловно, Даниилу Андрееву.

Мы можем, конечно, усомниться в точности воссоздания Андреевым номенклатуры сверхнародов (19 завершенных и 15 трагически не завершенных затомисов), но хочу обратить внимание на то, до какой степени неслучайны наименования затомисов. Некоторые названия малоизвестны. Любого образованного человека не удивит название Рай, Эдем. Но у Андреева мы находим гораздо менее ординарные термины. Это Иалу – название затомиса Египта. Чтобы найти его, надо быть хорошо знакомым с египетской мифологией и представлять себе Небесный Нил, который называется Иалу и течет по полям Иалу в мире усопших, Эанна – название затомиса культуры Месопотамии, у Андреева, вавилоно-ассиро-ханаанского. Эанна – название небесной и земной, неизвестно где находящейся прародины шумеров. Совсем не из учебников и названия Сумера или Меру. Андреев пишет, что не знает, которое из этих названий следует считать более правильным. И то и другое слово используется по отношению и к горе, с которой в индийской мифологии начинается миротворение, и к древнейшему государству в Индостане в индийской исторической традиции. Оба эти названия существуют, но почти никто, кроме индологов, их не знает. Китай в отличие от Индии Андреев детально не изучал, к конфуцианству относился плохо. Тем не менее, удивительно точно и глубоко назван затомис китайской метакультуры – Шан Ти, только несколько искажена транскрипция. Правильно Шан Ди: Ди – это небесный, а Шан – название древнейшей китайской культуры; Поднебесная – основополагающий термин в историософии и в религии Китая, как в конфуцианской, так и даосской системах. Андреев не пропустил и Зервана, зороастрийского, даже, скорее, авестийского Рая, Рая иранской культуры. Поразительно, что он первым обратил внимание на особое существование эфиопской культуры, то есть несостоявшегося африканского христианства.

Он заметил и то, чего не замечали многие: если исламская культура одна, то христианских несколько.

Для меня самое спорное место у Андреева то, что он говорит о культуре Северо-Запада, то есть, что протестантский мир – самостоятельная метакультура. Но если читать внимательно, то это покажется менее странным, потому что Андреев возводит протестантскую метакультуру к кельтской культуре, культуре ищущей Грааль (андреевский «Монсальват»). Тойнби видел в культуре кельтов-христиан трагически незавершенную «дальнезападноевропейскую» культуру. Кельтской культурой занялись всерьез в середине XX века. Потому Андреев мог обладать ничтожными сведениями о культуре кельтов, хотя интуитивно чувствовал ее присутствие в истории человечества.

Даниил Андреев, безусловно, видит культуру регионированной, хотя пользуется сомнительным, с точки зрения христианина или мусульманина, термином «интеррелигия». Он позволил себе этот опасный термин несколько раз. Однако его интеррелигия – не смешение религий, а сумма проявляющих максимальное дружелюбие религий «правой руки», его «Аримойя» – затомис будущей «Розы мира» – это один из затомисов, а не нечто, восстающее над всеми и их объединяющее, это некая еще одна данность метаисторического человечества. Наконец, поразительно, что в 3-й главе 3-й книги («Средние слои Шаданакара») много выше «сакуалы» затомисов им надстоят пять пирамид «трансмифов» величайших религиозных систем. Таким образом, единства человечества и всесмешения, от которого предостерегали все перечисленные мною мыслители от Вико до Гумилева, отнюдь не происходит даже на уровне трансмифов. И лишь в более высоких слоях, в Боге, как сказал бы представитель единобожия, достигается единство человечества, с чем я думаю, трудно не согласиться.

Таким образом, все сказанное дает право утверждать, что при всех неточностях Андрееву впервые удалось объединить идею о цикличности, регионированности великих культур с представлением о линейной эволюции человека. Только это

эволюция не человечества, а Человека, обращенного к Творцу, Человека во взаимодействии с Творцом. Андрееву удалось примирить регионализованность бытия китайской историософии, арийского мифа с линейностью прогресса, о которой говорят пророки, и Евангелие, ибо человек совершенствуется. И наступит конец времен.

Потому то положительное, что сделал Даниил Андреев, перекрывает все, что может найти в его работе самый строгий и скептически настроенный адепт того или иного вероисповедания, заслуженно критикуя те или иные положения «Розы мира». Я понимаю, что найдется достаточное количество полоумных, которым «Роза» будет соблазном, которые сделают из нее псевдоевангелие. Издержки возможны. Я теперь хорошо понимаю, почему вся преисподняя взбесилась, и шел срыв за срывом, когда «Розу» готовили к печати.

Позволю себе еще несколько замечаний, относящихся к тому, что мне пока не удалось осмыслить, а, следовательно, разработать. Во-первых, Льва Гумилева упрекают в религиозной и культурной нетерпимости, а Даниила Андреева – в чрезмерной терпимости. Утверждаю, что «антисистемы» Льва Николаевича и «религии левой руки», как их представлял Даниил Леонидович, – это одна и та же категория, которую поэт интуитивно, а ученый аналитически вводят в науку и философию. Не могу не заметить, что благодаря «Розе мира» мы можем четко (и здесь важен личный опыт Андреева) представить себе, что каждый человек и в наибольшей степени великий мыслитель и художник не свободен от аббераций. Он не свободен от аббераций близости, то есть каждый человек остается человеком своей культуры, нации, эпохи и биографии. Мы, безусловно, видим следы написания «Розы мира» в камере Владимирской тюрьмы в том, что Сталин примерещился ему страшнее и демоничнее Ленина. Мы не можем не видеть, что Андреев – человек, воспитанный на литературе и историографии XIX века. Это проявляется и в представлении о мнимой тираничности Павла Первого, который выглядит у Андреева страшнее, чем Петр Первый, и в упреке в духе народников и позитивистов Петру, который, дескать, должен

был выдвинуть буржуазию. Подобные вещи – вполне естественные aberrации. Удивительная честность автора позволяет их замечать.

Но есть и aberrации второго рода – это помехи. Люди светлой судьбы, особенно люди, перенесшие тяжкие жизненные испытания, не подвластны инвольтациям темных сил. Но именно благодаря «Розе» я еще раз убедился, что в тех случаях, когда демонические силы не в состоянии подчинить себе творца, они создают ему помехи наподобие сетевых наводок, известных любому инженеру-электрику. Это несколько не умаляет достоинство автора «Розы», если вспомнить подобную помеху в творчестве блаженного Августина (его учение о предопределении), что не мешает Церкви почитать его как святого. На этом я хочу закончить.

Лоскутное одеяло

Современное государство Украина состоит из регионов с разной исторической судьбой. Общее у них только одно – все они входили в состав Древней, еще Домонгольской Руси. Но Домонгольская Русь имела все же другой этнический состав. Поэтому серьезных оснований предъявлять какие-либо территориальные претензии на Домонгольскую Русь у нас нет.

Современное государство Украина состоит из регионов с разной исторической судьбой. Общее у них только одно – все они входили в состав Древней, еще Домонгольской Руси. Но Домонгольская Русь имела все же другой этнический состав. Поэтому серьезных оснований предъявлять какие-либо территориальные претензии на Домонгольскую Русь у нас нет. Тогда на территории единой Руси жили не русские, а славяне и русы. Страна была, но единого государства еще не было, поскольку каждое княжество было государством.

Мы, конечно, имеем все основания на правопреемство и по отношению к древнейшим славяно-русским государствам. Но здесь не может быть прямого перехода государственной власти от одного субъекта к другому.

Сегодня большим достижением стало то, что наконец-то появилось понятие «Центральная Украина». Это области Киевская, Полтавская, Житомирская. А до недавнего времени наша официальная политика, дипломаты, СМИ – все противопоставляли Западную и Восточную Украины. Но это лишено всякого смысла. Поскольку Западных Украин – несколько, да и Восточных тоже немало.

Территориально «Центральная Украина» наиболее близка к гетманской, пусть и недолго жившей. Гетман всегда был зависимым лицом, но пользовался определенными привилегиями автономии, так что его можно считать не подданным, а вассалом польского короля. Это важно, потому что – мало ли кто чьим был вассалом? Князь Владимирский был вассалом золотоордынского хана, но пользовался внутри полной независимостью, а английский король довольно долго

был вассалом французского короля. И что характерно, оба случая окончились плохо для сюзерена, а не для вассала. Орда погибла, а Франция была измучена и значительно сократила свое население в Столетней войне.

С донскими казаками не забалуешь

Если идти от центра на Восток, то вторая по значению территория – это левобережная Украина. Она наполовину никогда не входила ни в состав гетманских, ни в состав польских земель. Более того, если Чернигов побыл какое-то время польским городом, то Сумы и Харьков – никогда. Это русские города. Именно на этих территориях формировались русские казачьи полки, которые были развернуты в самые прославленные гусарские, в том числе сумские гусары, черниговские, изюмские – это древнейшие казачьи полки русской армии. Настроение левобережья и осознание себя русскими людьми не вызывает сомнения, но речь сейчас идет о территориях, а не об этнокультурных предпочтениях.

Есть еще один интересный регион, очень странный в составе Республики Украина, – это Донбасс. Каким образом Донбасс оказался в составе Украины? Это произошло при советской власти, но создан он был отнюдь не революционными усилиями. В 1918 г. территория Донецкого бассейна – области Всевеликого войска Донского – была оккупирована немцами. Немцы тогда рвались к углю, поэтому для соблюдения приличия и передали управление оккупированными территориями войска Донского союзному им гетману Скоропадскому. Потом было всякое: у власти был Петлюра, красные, но когда Украинская ССР вошла как изначальный субъект в состав СССР – Донбасс почему-то сохранили в составе Украины.

В России все помнят про Крым, а про Донбасс помнят только донские казаки. Когда шел разговор о признании Российской Федерацией территории Республики Украина, войсковой круг Всевеликого войска Донского заявил, что, если признание Украины состоится и произойдет без изъятия территории Донецкого бассейна, то с этого момента донское казачество имеет территориальные претензии к Украине. При этом следует помнить, что этнические центральные и восточные

украинцы даже более русские, чем казаки. Поэтому к этому надо относиться серьезно. Это не единственный случай германской оккупации во время революции. То же самое будет и в Прибалтике.

«Окатоличенный» запад – это еще не вся Украина

Теперь о Западных Украинах. Они тоже не однородны. В-первых, это Волынь с Подолией. Некоторые украинские авторы их не разделяют, но названия эти существуют уже много веков. Судьба этих земель одинакова: они вошли в состав Великого княжества Литовского в XIV в. на два правления – от Гедимина до его сына Ольгерда. Вошли без каких-либо особых проблем и оставались русскими по населению и православными по вероисповеданию.

В настоящий момент они, разумеется, значительно более украинизированы, чем левобережье. Но важно то, что в культурном отношении его жители иные, нежели их соседи галичане. Потому что они остаются православными и поныне. И довольно тверды в этом. Это Луцкая, Ровенская, Винницкая области. Они остаются православными не только по вероисповеданию, но и по культуре, основу которой составляет восточное христианство.

Далее следует отметить Галицию, или Галичину. Это две с половиной области: Львовская, Ивано-Франковская и половина Тернопольской – искусственное образование советского времени. Дело в том, что Тернополь и юго-западная часть области – это Галиция: униатская и, естественно, достаточно «окатоличенная».

А вот северо-восток – православный, потому что это часть Волыни. Там расположена Почаевская лавра – один из древнейших русских монастырей. Его наместник еще при президенте Кравчуке говорил с амвона, что украинского языка не существует. Когда об этом писал Булгаков – было нормально, но когда так сказал архимандрит Федор, это прозвучало вызывающе.

Разница в том, что тернопольская граница проходит между исторической Волынью и Галичиной. А произошло это довольно просто: Великое княжество Литовское не успело подобрать

Галицию. Мудрейший государственный деятель Великий князь Гедимин при всей его дальновидности не успел включить Галицию в состав Великого княжества Литовского. Он был очень силен, но был противником грубых территориальных захватов.

Галицко-Волынское княжество развалилось до Гедимина. И волынскую проблему он решил так. Младшенького своего Любарта Гедиминовича он женил на волынской княжне. При не имевшем мужского потомства волынском князе. Князь умер. Любарт законно все унаследовал. Кстати, сыном этого Любарта был прославленный во времена Куликовской битвы Дмитрий Михайлович Боброк, помните пресловутый засадный полк? Крестильное имя Любарта было – Михаил. А Галицию захватил валахский (сейчас бы мы сказали – румынский) господарь – наглый, нищий и маломощный, поэтому очень быстро у него Галицию отобрала Польша.

Население Галиции оставалось православным, но галичане все время добивались от Константинопольского патриарха отдельного Галицкого митрополита. Иногда это получалось, иногда – нет. Проблемы-то тогда были между Владимиром (сейчас бы мы сказали Москвой, но тогда формальной столицей был Владимир) и Вильной. А Галицию все время забывали.

Константинополь был сторонником московских земель, ведь литовские русские были ненадежны, а здесь была твердая православная власть. Поэтому поддерживали слабейшего против сильнейшего. И создали-таки Великую Россию. Великую Россию – Российскую империю создала Церковь. Но не только руками русских, а русских, малороссов (украинцев), белорусов, греков, армян, сербов, грузин – всех православных людей. Грекам лучше всех было понятно, что Византия долго не протянет, поэтому они целенаправленно создавали преемницу угасающей Византии.

Екатерининское наследие: Таврия и Новороссия

Последний регион – это Новороссия – вся приморская часть Украины. Включая Таврический полуостров, который в России все время называют по-татарски: Крым. Тем названием, которое ему дали оккупанты только в XVI столетии. А славяне там жили начиная с I в. н.э., то есть с того момента, как

появились. Новороссия – это приобретение Российской империи. Во многом это возвращение древних славяно-русских земель. Разумеется, домонгольского периода.

В отношении Новороссии имеет место такое прецедентное право. Результаты двух русско-турецких войн, которые вела императрица Екатерина II, были зафиксированы двумя бесспорными мирными договорами: Кючук-Кайнарджийским и Ясским. После чего Российская империя эти земли приобрела к большой радости местного православного населения и русских рабов, которых регулярно воровали и угоняли в Крым.

Екатерина поступила очень мудро, восстановив историческое тысячелетнее название – Таврия, потому что для России это святые земли. Святой Владимир крестился в Херсонесе Таврическом. И там в тот момент было русское население. Это доказательно: есть материалы причерноморского археолога Александра Беляева, и специалистам-историкам тут и спорить нечего: это археология, она там везде, на каждом шагу.

Безусловно, к освобождению от вассалитета этих земель от претензий Стамбула имеют отношение и украинцы (малороссы), и великороссы (русские) – тоже. Те, кто служил в русской армии, и были первыми колонистами и чиновниками. Все они считали себя русскими людьми. И без всякого сомнения, малороссы принимали участие в освобождении и присоединении Новороссии. Как и великороссы.

Можно сказать, что при Екатерине пехота, главная сила русской армии, была чисто великоросской. Зато много малороссов – предков будущих украинцев – служило в кавалерии и на флоте.

Не воссоединение, а возвращение...

Отдельно обычно выделяют два региона: Таврию (Крым) и Буковину. Этот аграрный регион, население которого стало грамотным лишь во второй половине XX в., был долгое время под румынской властью. Там до сих пор звучит чистейший русский язык и используют старый календарь, тогда как Румыния давно все реформировала и перешла на латиницу. Кроме того, Буковина невероятно тверда в православии.

Таких обособленных регионов на Украине может оказаться 8 или 10. Часть левобережной Украины русской была всегда, а часть была присоединена при помощи русского населения. Это нонсенс, что Чернигов побывал в Речи Посполитой. Центральную Украину мы получили по просьбе ее народа.

Не было никакого воссоединения Украины с Россией в 1654 году. Россия возвратила себе части Малороссийских земель. Прошение рассматривалось в Москве в 1653 году. Земский собор, созданный уже Алексеем Михайловичем, постановил: поддержать и принять гетмана с его землями. Ратификация этого договора произошла в Переяславле.

Воынь и Подолье с остатком левобережья были приобретены в ходе так называемых трех разделов Польши. В ходе двух первых разделов Россия в отличие от Пруссии и Австро-Венгрии не получила в свой состав ни одного клочка «нерусских» земель.

И только по третьему разделу Польши в 1795 г., когда окончательно исчезло Польско-Литовское государство, Россия приобрела собственно литовские земли. На том основании, что Литва была русским государством. Другим русским государством в XIV–XVI веках.

Молитесь убиенному Государю...

Добрый вечер, дорогие братья и сестры... До сих пор почему-то не прекращаются споры о значении Николая Второго. И одни, вопреки решениям Архиерейского собора о прославлении Царских Мучеников, стараются видеть в Императоре Николае Александровиче святого благоверного Государя, ну, такого как Юстиниан Великий, или Александр Невский и даже иногда, я и такое слышал в своей жизни, величайшего русского святого, а то и величайшего святого всех времен и народов. Это несправедливо. Еще до прославления Царя Николая я говорил об этом. Много лет уж прошло, говорил по радио «Радонеж». Это не канонизация царствования, это канонизация страстотерпческого пути от отречения до трагической кончины в Ипатьевском зале. Твердо на этом стою, я был сторонником прославления, защищал ее по радио, когда на нее нападали.

А сейчас опять есть другие: дескать, «слабенький» у нас был Государь, мог бы все остановить. Я вот об этом.

Начнем с того, что Николай был блестяще образован, причем специально образован как наследник престола. До него такими образованными великими князьями-наследниками были только Павел Первый и Александр Второй. Именно с этими именами катастрофическим пресечением, через цареубийство, связана трагедия марта месяца. Он не был великим Государем. Но он был великолепным русским человеком и грамотным, образованным и воспитанным Государем. И он искренне стремился всю свою жизнь ко благу своего Отечества и своих подданных. Это, безусловно, упрек. Он совершал ошибки. Еще раз скажу, даже Павел совершал ошибки, Александр Второй совершил несколько ошибок. Но они пока еще не прославлены Церковью, что меня искренне изумляет. Однако ошибки совершали и порядочные люди, ошибки, лишний раз напомним, совершали и великие святые. Вместе с тем он очень много сделал для того, чтобы не произошло величайшее несчастье, которое только бывает с нацией – революция. Для того чтобы не

победили худшие из людей, которыми может обладать народ – революционеры. Самые низшие, самые падшие.

Он сделал очень много. Он хотел взаимодействовать с обществом, он предлагал не только взаимодействие земским деятелям, единственным законным представителям русской демократии. Он не только думал сотрудничать, он предлагал им места в правительстве. Над этим трудился Петр Аркадьевич Столыпин. Ведь не пошли же в правительство. Лучше не революционеры, такие, в общем, порядочные люди как граф Гейден, Дмитрий Шипов, даже сын великого славянофила Дмитрий Хомяков, который одно время был председателем третьей Государственной думы, но ушел с этого поста. Мне доводилось отвечать на вопрос, заданный мне перед телекамерами. Судя по всему честным русским человеком. Скажите, Владимир Леонидович, а все-таки последний Император был виноват в происшедшем? Я честно ответил, да был. Тем, что вел себя мягче и человеколюбивее, чем вели себя либеральные и уже тогда почти безбожные европейские правители. Какие забастовки в военное время, надо было провести закон о том, что все рабочие призываются на военную службу. На рабочих местах не было бы ни одной забастовки, потому что, когда ты солдат, забастовка означает расстрел. Либеральная Англия ведь так поступила, мобилизовала на время войны рабочих на их рабочих местах. Можно было бы по условиям военного времени прижать независимую, правда, зависимую от других нерусских капиталов прессу. Можно ведь было. Французы – самая демократичная страна Западной Европы – прижали. Когда началась война, во Франции были готовы специальные зондеркоманды, которые должны были превентивно, при первом же сигнале арестовать возможных оппозиционеров. Не революционеров, оппозиционеров, никого не арестовали, потому что никто не посмел. Все миролюбцы сидели тихо. Наконец можно было решительно сопротивляться заговору, который загонял Государя в угол и даже дошел до фактического его ареста, ареста псковского. В результате безусловного прямого предательства нарушения присяги генералом Рузским.

Да, конечно, даже в той ситуации, когда царский поезд, страшно подумать, был лишен возможности передвигаться в направлении столицы, Царь мог сопротивляться. Это очень легко себе представить. В поезде старик дряхлый, но мужественный при всей своей дряхлости, беззаветно преданный Государю, министр двора барон Фредерикс, государственный чиновник. Вы учтите обстановку того времени, государственный чиновник, который вправе утвердить любое решение Государя. Не сомневайтесь, Фредерикс утвердил бы. Его ратифицировать в отсутствие палаты. Да, в поезде лично преданный Государя его флаг-капитан? свиты контр-адмирал Нилов – личный друг Государя, и в поезде конвой. Конвойные казаки, которые пойдут за Царя на смерть, если Царь прикажет. Мог ли я себе представить, что после того как Нилов ждет в коридоре, а в салоне только русские, русские повышают голос на Императора. Можно было просто крикнуть: «Нилов», – Нилов появился бы в секунду. «Конвой сюда! Рузского повесить на телеграфном столбе», – и повесили бы, между прочим. Быстренько и скоро казаки умеют. Фредериксу дать циркулярную телеграмму. Ни один телеграфист не посмел бы саботировать после того, как задрыгался предатель Рузский в петле, дать телеграмму: «управляю страной, команду армиями, Рузского повесил, Николай.»

Ну, поймите, братья и сестры, и те, кто слишком наивно чтит память последнего Государя, и те, кто ныне преступно, а я бы сказал, тоже наивно сомневаются в том, что он вел себя правильно. Поймите одну вещь – не требуйте от человека, воспитанного в 19 веке, того, чтобы он вел себя как человек, воспитанный в 20 веке или в 18. Императрица Елизавета Петровна так бы и поступила. Даром что дама, но она-то была человеком 18 века, и она победила. Но не только Император Николай, даже такой святорусский богатырь как отец его – Император миротворец Александр Третий внутренне не решился бы отдать такой приказ. Ну, не так они уже были воспитаны – это не недостаток и уж тем более не грех их, это время, когда хотя бы на словах декларировали милосердие. К сожалению, называя его нехорошим словом гуманность,

Император Николай был милосерден. После кровавого воскресенья, в котором он был виноват меньше всех – это была совершенная и удачная, одна из самых удачных в мировой истории, в данном случае эсеровская провокация. Провокация двусторонняя – стрелки эсеров были в толпе. Если бы Император оказался в столице, а его в столице не было, он был в Петергофе. И вышел бы к народу, убийцы застрелили бы его, и был бы вбит страшный клин между самодержавием и нацией. А раз его не было, значит, будут стрелять в народ, и тоже будет вбит клин между праведным православным самодержавием и нацией. Ведь так, беспроегрышная одноходовая комбинация – редко у мерзавцев удается такое. В этой комбинации участвовал загадочным для меня способом либеральный министр внутренних дел князь Святополк-Мирский. Он наложил собственному Царю, что в столице все спокойно. Он точно знал, что будет шествие, он не мог не знать. Три инстанции как минимум ему доложили, ошибиться могла одна из трех, но не все три – так не бывает. И что же Царь уволил Мирского в отставку. А надо было отдать под военный суд. Было за что. Вы подумайте на секунду. Министр в острейшей ситуации лжет главе государства. Можно ли в этом обвинить Государя?

Он назначил русским представителем в 1905 году в окончании Японской войны проверенного чиновника и министра графа Витте. Витте окажется мерзавцем и предателем Государя и интересов России, заключит необоснованный проигрышный Портсмутский договор, в то время как Япония изнемогала под тяжестью войны и не могла ее продолжать. И что же – милосердный Государь благословил Витте и сделал его графом. Но почему? Порядочный человек сначала, задумаемся над этим, полагает, что человек, которого он встретил, а тем более, который с ним служит, тоже порядочен. Но это норма той эпохи. Это мы сейчас привыкли, нас современная пресса приучила к тому, что министр конечно, непорядочен, журналист, конечно же, получил на лапу и вообще политика дело грязное. Хорошему человеку не следует заниматься политикой. Вот чего добились кто – мерзавцы, новые революционеры.

Для чего говорится вам, что политика – дело грязное. Для того, чтобы порядочные, чистые люди, которые и должны-то, не занимались политикой. Император Николай Александрович думал иначе. И в высшем свете он был прав, в высшем освещении, ибо у христианина этика – продолжение вероисповедания его. А политика – продолжение этики. Так жил, так действовал Император Николай. Нет, не можем, не смеем упрекнуть. В ошибках – да. Но не в преступлениях. Но и вместе с тем должны всегда помнить: царствование, которое дало очень много, дало последнего великого государственного деятеля в истории России – Петра Столыпина. И кстати, все хихикаем – такой министр – старик, такой из ума выжил. А блистательные министры..., блистательные министры, министров подбирал – Государь. Министр финансов Владимир Коковцов, главноуправляющий земледелением Кривошеин, министр земледелия Риттих и так далее. Их тоже выбирал Государь. Да даже одно то, что он в молодом еще относительно, невзрачном, не внешне, конечно, в глазах двора, в саратовском губернаторе, правда, родовитом дворянине, земельном дворянине Петре Аркадьевиче Столыпине, нашел последнего великого государственного деятеля отечественной истории, даже если он одно это сделал, он доказал бы, что он на своем месте.

А ведь мировую бойню дважды пытался предотвратить, предлагал самоограничение государств в вооружениях, когда шли юбилейные 97, 98 год, кажется, единственный вспомнил, что прекращение гонки вооружений, тогда так не говорили, это идея Николая Второго. Все борцы с гонкой вооружений во всем мире помалкивали. Превентивным договором с кайзером Германии Вильгельмом Вторым на рейде в Бьерке пытался остановить создание противостоящих военных блоков. То есть, по сути дела, остановить Первую мировую войну или Великую войну. Европейские правительства и государи не поддерживали Императора Николая.

Я говорю, что он не был великим Государем, но выдающимся – был. Удивительно тонко чувствующим всю мировую политику – был. Но изнашивалось русское общество. А

вот чем кончилось. Смена Государя, ну что ж – это смена Государя. Цареубийство – тягчайший грех. Мы с вами его не совершили. У меня нет ни одного предка, который был бы причастен к цареубийству. И в этом я каяться не буду никогда и вам не желаю.

Но каяться мы должны в другом. Мы допустили цареубийство. Монарх даже ограниченный, даже с парламентом, даже, что было совершенно не обязательно, с конституцией. Англичане живут без конституции и неплохо себя чувствуют. А парламент у них с 13 века. Правда, впервые открыт был позже, чем у нас на Руси. У них в 1265, а у нас – в 1211. Государь даже ограниченный исполняет, кроме того, что он первый сын Церкви, еще одну важнейшую роль. Символ единства народного. Всегда. И символом единства народного был наш последний страдалец Государь Николай Второй. И все ведь для этого делал. Как напишет видный публицист 20 века Иван Лукьянович Солоневич, «В народной монархии» своей, прочитайте. Вам что самодержец мешал заниматься кооперацией или физкультурой? – не мешал. Лишили вас Государя. Ваша вина. Примерно так – я по памяти цитирую. И все пошло в разнос в матушке России. Откуда-то Украина появилась. Откуда Беларусь. А потому даже смешное получилось, что часть русских земель назвала себя суверенным Казахстаном. А такого-то и слова при Государе не придумали. И ни один казах такого не знал. Вот это мы виноваты. И мы все-все должны восстановить.

А Государь смиренно принял свой страстотерпческий крест. Чем и возвысился до высот небесных. В храм пойдете, если каждый из вас именно в эти дни, когда мы лишились единства, мы лишились Царя, подаст на молебен прошение, а следовательно, и на литургию, подаст обращение к государю-страстотерпцу Николаю Александровичу и Святым Царственным мученикам безвинным и безвинно убиенным. Вот мы будем правы. В эти дни всем надо помолиться. Мы не защитили государя. И он не смог нас защитить. Но он теперь за нас молится, и мы давайте к нему обратимся молитвенно. И Бог, по милосердию своему, восстановит нам единство.

Помните, с этой страшной даты 2/15 марта у нас не было ни одного русского правительства. Николай был последним. Законным правителем был Верховный правитель адмирал Александр Васильевич Колчак, тоже страстотерпец. Но он до столиц России так и не добрался. Так что он лишь пытался, безнадежно пытался восстановить Россию, которая лишилась Царя. Молитесь убиенному государю Николаю. И Россия восстановится. Помогай вам Бог.

Правая.ру 19.05.07.

Монархия

Монархия (от греческого корня «моно») есть власть одного, что верно лишь в принципе. В истории мировых монархий не редкость – соправление, когда правят вдвоем. А в Риме (правда, кратковременно) правили одновременно даже пять императоров.

ПРИНЦИПЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ВЛАСТИ

В зависимости от принципа наследования власти монархия может быть династической, родовой и выборной.

1. Династическая монархия. В такой монархии действует строго династический принцип, в соответствии с которым престол передается от отца к сыну, но может также передаваться, например, и от брата к брату, как это было на Руси в Раннем и Высоком Средневековье, когда у нас действовало лествичное право, лествичный принцип перехода престола (по-славянски, «лествица» – «лестница»). Однако династический принцип существовал далеко не всегда. Он изобретен западноевропейским феодализмом и распространился потом в другие части света, хотя, возможно, в странах ислама сложился независимо. Нам – Восточной Европе – династический принцип не свойствен, он поздний и заимствованный.

2. Родовая монархия. Гораздо чаще, чем строгое престолонаследие, в монархиях действовал принцип принадлежности к царскому роду. То есть царь должен был происходить из царского рода, но это вовсе не означало, что он автоматически наследовал престол (к царскому роду многие принадлежат).

3. Выборная монархия. Она не является редкостью. В Экваториальной Африке до сих пор сохранились монархические принципы избрания сроком на год племенных королей советом старейшин, а через год этот совет вновь подтверждает или не подтверждает полномочия избранного короля. Заметим, что институты эти, интересно сочетающие элемент монархический со вполне демократической традицией, работают великолепно,

в то время как западная демократия на общегосударственном уровне порождает в той же Экваториальной Африке столь чудовищную коррупцию, что перед ней меркнет даже наша отечественная! Выборная монархия была и в Византии. Более того, православного монарха в принципе легитимирует (делает законным) лишь православный народ, то есть Церковь, ибо Церковь – это сообщество людей. При этом институты легитимации могут быть различны (совершенно необязателен всенародный референдум).

Где лежит грань между собственно монархией и президентской властью в республике? При сильной президентской власти эта грань размыта, хотя она все же существует. Сильная президентская власть – фактически республиканская модификация монархического принципа. Скажем, президент США – в некотором смысле республиканский монарх (его полномочия чрезвычайно широки). Однако в выборных монархиях монарх все же обычно избирается пожизненно. И даже там, где требуется ежегодное подтверждение полномочий монарха, как это было в Вавилоне или Экваториальной Африке, монарх (в отличие от президента республики) может сколько угодно долго продолжать царствовать, если его не отвергает собственное сообщество.

Все три правильные формы власти – монархия, аристократия и демократия – необычайно древние. Во всяком случае, они древнее государства, что является лишним аргументом в пользу первичности общества, приоритета его перед государством. Есть также некоторые основания полагать, что монархия является самой древней из этих трех форм, ибо прообразом монархии, монархического правления, патриархальной царской власти является семья (разумеется, не «шведская» и не вообще семья XX века, а семья нормальная, которая может быть устроена только патриархально).

ДОСТОИНСТВА МОНАРХИИ

Их довольно много, и они приводятся в классической литературе (в частности, у выдающегося русского юриста прошлого столетия Б.Н. Чичерина и у крупнейшего

монархического мыслителя нашего века Л.А. Тихомирова). Остановимся на основных.

По всей вероятности, исключительное достоинство монархии состоит в ее способности сохранять неформальность отношений монарха и подданного даже в больших государствах. Вообще, элемент неформальности, элемент личных связей присущ всем правильным формам государственной власти, но не их искажениям. Если полностью разрушены неформальные связи в представительной демократии или в аристократической системе, представительная демократия вырождается в охлократию, а аристократия – в олигархию. Однако монархия обладает наибольшей устойчивостью в этом плане – она наиболее долго сохраняет элемент неформальности отношений. Не случайно, даже когда русского мужика научили обращаться к помещику на вы (французская форма), на что ушло много времени, к царю он продолжал обращаться на ты – так было принято.

Возможно, в силу этого монархия – важный инструмент объединения и еще более действенный символ единства, причем универсальный. Правильно устроенная монархия может быть символом единства государства, в том числе многонационального, в том числе империи. Заметим, что все империи многонациональны, потому все они приняли монархическую систему. Монархия также может быть символом единства нации, символом общественной устойчивости (благодаря своей надсословности). И, наконец, в христианских государствах монарх – в некотором смысле еще и символ единства Церкви. Даже формально конституционные, а фактически декоративные монархии (вроде современной монархии в Великобритании) продолжают выполнять эту миссию – символа и инструмента единства.

Монархия вводит в канву социальных отношений исключительно благородные принципы. Это, например, верность – один из самых благородных критериев в отношениях между людьми и к тому же главная христианская добродетель. Вряд ли кто-нибудь станет с этим спорить, если учесть, что первое название христиан, когда еще не существовало слова

«христиане», было именно «верные». Вдумайтесь также в смысл слова «верноподданный», акцент в котором явно на первом слове «верный». И.А. Ильин, известнейший мыслитель и правовед нашего века, провел такую границу: «Предел повиновения республиканца – право неповиновения, предел повиновения монархиста – долг неповиновения».

Достоинство монархии, впрочем, вполне распространяющееся на сильную президентскую власть, – возможность принятия оперативного решения в тех случаях, когда времени на обсуждение просто нет. Кстати, правильным монархиям даже и не в составных политических системах не свойственно оперативно единолично принимать решения, если можно подождать и посоветоваться.

Еще одно важное достоинство монархии есть способность эффективно выдвигать наиболее талантливых людей на руководящие посты. В монархических системах эта способность гораздо выше, нежели в республиканских, что легко объяснимо. Любой самый порядочный и благовоспитанный глава республиканского государства – премьер-министр или президент – неизбежно (хотя бы на уровне подсознания, как бы он ни гнал от себя эту мысль) будет видеть в талантливом министре или талантливом генерале конкурента, а следовательно, хотя бы невольно, придерживать его. А монарх социально выведен из конкуренции и благодаря тому не стеснен в подобных решениях. Более того, он сам заинтересован в выдвигании талантливых людей, ибо для монарха и династии поражение страны – это возможная угроза отречения, а гибель страны есть гибель династии и скорее всего личная гибель монарха.

НЕДОСТАТКИ МОНАРХИИ

Главный недостаток династической монархии, как и аристократии, – случайность рождения. На монархии с родовой системой наследования и монархии выборные это не распространяется, но при строго династическом наследовании нет гарантии, что не родится умственно неполноценный наследник. Потому в монархиях династических весьма

желательно делить монархическую власть с какой-либо другой формой власти – с аристократией или с демократией.

Еще один широко распространенный недостаток монархии есть фаворитизм, склонность к выдвижению любимцев. Этот недостаток опять же устраняется составными политиями (составными политическими системами), в которых монархия – не единственная форма, а действует в сочетании с другими формами.

Кстати говоря, не только демократия, а тем более аристократия, но и монархия чаще встречается в истории в составных политиях, нежели в чистом виде. Мы чаще видим монархии с аристократиями и даже монархии с демократиями, чем монархии, управляющие государством нераздельно. Не так уж редки в мировой истории и трехсоставные политии, сочетающие элементы всех трех форм власти.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ МОНАРХИИ

К сожалению, в нас въелось представление, что монархии бывают абсолютными или же конституционными. Но, между прочим, абсолютную монархию придумали в XVI веке и реализовали в XVII веке; а конституционную придумали в XVII веке и реализовали в XVIII веке. Это – новейшие формы монархии, а до того монархическая история насчитывала тысячелетия. Начнем рассмотрение с самых древних разновидностей монархии.

1. МОНАРХИИ ПАТРИАРХАЛЬНЫЕ ИЛИ ТРАДИЦИОННЫЕ

Они характерны для традиционных обществ и могут развиваться в монархии сакральные или в монархии деспотические. Кроме того, черты патриархальной монархии, благодаря исторической памяти многих поколений, сохраняются в той или иной степени и в других монархических разновидностях. Патриархальная монархия, по всей вероятности, имеет не только прообразом своим отцовскую власть, но и прямо происходит из развития семейного принципа (традиционный монарх воспринимается как отец своих подданных). Патриархальная монархия имеет мало возможностей воздействовать на общество реформаторски, ибо традиционное общество почти не допускает этого, что не

исключает реализации полновластия патриархального монарха в экстремальных ситуациях (например, в случае войны или иноземного вторжения).

Патриархальная монархия смыкается с монархией сакральной в одном чрезвычайно древнем обычае – обычае царской жертвы. Обычай добровольного принесения царем себя в жертву во имя спасения своего народа существовал у многих народов. Мифологическое наследие подобного рода изложено в классическом труде Р. Грейвса «Греческая мифология», который написан почти полвека назад, но нисколько не потерял достоинств. Грейвс замечает, что память о жертвоприношении царя достигла времен греческой и римской цивилизаций, но уже в замещенной форме (то есть сохранились символические обряды, связанные с существовавшей в гораздо более глубокой древности царской жертвой).

Видимо, то же самое мы наблюдаем в ежегодном посвящении вавилонского царя для исполнения им жреческих полномочий на свадьбе бога Бела-Мардука. Происходило это так: каждый год царь являлся в главный храм, где его встречал верховный жрец, приветствовал должным образом, а затем наносил удар плетью. Если царь при этом плакал, наступающий год считался гарантированно плодородным и удачным. Не исключено, что жрецы специально тренировались бить не больно, а цари тренировались испускать слезы (это социальные технологии).

Серьезность царской жертвы, память о которой сохранялась в сознании людей в течение тысячелетий, наилучшим образом подтверждает царская жертва, принесенная Иисусом Христом – так она и воспринимается в христианском богословии. Так ее воспринимал и Понтий Пилат – наследник совершенно другой мифологической традиции.

2. САКРАЛЬНЫЕ МОНАРХИИ

Сакральные монархии – это монархии, где первенствующие функции монарха жреческие. Иногда подобные монархии принято именовать «теократиями». Этот термин распространен, хотя и не верен, потому что «теократия» значит дословно «боговластие», а скорее следовало бы пользоваться термином

«иерократия» – «власть жрецов». Сакральная жреческая монархия нередко связана с патриархальной. Из библейского и римского материала явствует, что глава патриархальной семьи был и семейным жрецом. Сакральные монархии часто связаны с традиционными обществами. Такова сакральная монархия Египта, по крайней мере, в Древнем и Среднем царстве, где функции жреца были основными функциями фараона.

Образцами сакральных монархий, но уже других (часто сословных) являются и такие, в которых монарх непосредственно не несет жреческих функций, но является высшим духовным авторитетом. Подобную монархию реализовал классический суннитский ислам, хотя реализовал недолго – на протяжении истории Халифата до тех пор, пока халифы не утратили функций светских правителей. Функцию же духовного авторитета они сохранили дольше.

Многовековая, а может, и тысячелетняя история сакральных монархий привела к относительной сакрализации любой монархической власти: сложению принципа священности особы царя и даже королевской крови. До наибольшего абсурда данный принцип довели французы в Средневековье – королевская кровь считалась настолько священной, что, как и с кем бы ни блудили их короли, королевские потомки признавались принцами крови. И наплодили они этих принцев крови видимо-невидимо. Впрочем, среди них бывали и очень достойные люди. Так, знаменитый французский военачальник, одно время соратник Жанны д'Арк граф Дюнуа был побочным потомком королевской фамилии, и к нему совершенно официально обращались: «Monseigneur le bâtard». Я даже не знаю, как это можно было бы прилично перевести на русский язык – не скажешь ведь: «Ваше высочество ублюдок»?!. Однако нашей монархической традиции это не свойственно.

3. ДЕСПОТИЧЕСКИЕ МОНАРХИИ

Это не ругательный термин – ничего общего деспотические монархии с тиранией не имеют. По-гречески, слово «деспот» означает «владыка», «повелитель». Деспотическая монархия складывается в военизированных обществах, хотя может сохраняться и после того, как они перестают быть

милитаризованными. Из деспотического принципа вовсе не вытекает абсолютность власти деспотического монарха или то, что он правит более жестокими способами. Просто если сакральный монарх по происхождению – жрец, то деспотический монарх по происхождению – генерал. Как раз в деспотических монархиях мы видим обычно реально сильную монархическую власть в сочетании с ограждением чувства собственного достоинства и прав подданных. Как уже говорилось, подданные в таких монархиях – народ-войско.

Классическими деспотическими монархами были ассирийский царь (он – военачальник, не жреческого, а светского происхождения), армянский царь Древности и Раннего Средневековья, а также хан тюркской или монгольской орды (выборный деспотический правитель).

4. СОСЛОВНЫЕ И СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ МОНАРХИИ

Их в истории мы видим чаще всего, может быть, потому, что о патриархальных монархиях сведений сохранилось гораздо меньше (они все-таки существовали слишком давно). Сословные и сословно-представительные монархии действуют в сословных обществах, потому наиболее характерны для потомков арийцев – народов, которые хоть в какой-то степени сохранили арийскую (индоевропейскую) традицию, а они основали большинство известных нам государств.

Для восточноарийских обществ характерно включение царя в сословие, причем, разумеется, не в высшее, а во второе – воинское. Стоит упомянуть, что одно из древнейших персидских наименований царя «кшатра», а на санскрите «кшатра» значит «воин» (индийцы и иранцы были близко родственными народами 3500–4000 лет тому назад). Индийские цари – раджи (обычно правители очень небольших государств) относились как в ведический период, так и в индуистский ко второй варне – варне кшатриев. Близость к воинскому сословию можно заметить и у всех иранских царей (персидских, мидийских и др.). Однако когда персидский шах стал иранским шаханшахом («царем царей»), его власть была сакрализована, но, тем не менее, сословность не была разрушена. В Иране (Эраншахре)

наблюдался некоторый синтез сакральной монархии и монархии сословной. При всех шаханшахах домусульманского периода (а в Иране сменялись не только династии, сменялись господствующие имперские этносы) неизменно действовал совет представителей трех арийских сословий, то есть монархия была реально сословной.

Напротив, в западной традиции сословных обществ монарх был надсословен, видимо, еще с очень глубокой древности. Уже у ахейцев царь выделен из очень развитой и влиятельной ахейской аристократии. Можно даже предполагать, что в ахейских обществах аристократия была сильнее монархии, и все же царский род (там был родовой принцип) выделялся и обособлялся.

Точно так же в традиции Домонгольской Руси князя есть своеобразно обособленное сословие, отстраненное от собственно аристократии – бояр. За всю историю Древней Руси известна одна (в начале XIII века) попытка боярина вокняжиться – попытка неудачная: не признали ни князя, ни бояре, чем и подтверждается действенность правила.

Надо сказать, что сословным обществам монархия, безусловно, показана, она для них полезна, потому что монархический принцип позволяет главу государства в рамках культурной традиции сделать надсословным, а следовательно, сделать арбитром в случае межсословных конфликтов.

Что же касается сословно-представительных монархий, то они возникают по мере роста государств. Ведь прямая демократия возможна только в очень небольшом государстве, где хотя бы полноправных граждан можно собрать на одной площади народного собрания. Видимо, 30 000 полноправных афинян уже близко к пределу численности лиц, участвующих в прямой демократии. С увеличением размеров и многолюдности государства появляется демократия представительная. Она включается в систему сословно-представительных монархий, которые, конечно, в чистом виде монархиями не являются, ибо это – монархия с демократией или, что нередко, монархия с аристократией и демократией.

В лучшие периоды отечественной истории мы можем наблюдать у нас монархию сословную. В Домонгольской Руси IX-XIII веков существовал монархический элемент (княжеская власть) и демократическое вече (то есть прямая демократия в каждом княжестве). С созданием единой России мы перешли к сословно-представительной монархии (в XVI-XVII веках царь правил с аристократической Боярской думой и сословным представительством – Земским собором).

Я не стану спорить с распространенным мнением историков, что сословное представительство и тем самым сословно-представительные монархии складываются в процессе борьбы за объединение государств против феодальной раздробленности. Нередко встречаются упоминания (это характерно для Западной Европы), что короли боролись с крупными феодалами, опираясь на парламент мелкого дворянства и горожан (бюргеров). Я могу лишь иронически заметить, что еще неизвестно, чья сторона в данном случае была инициатором. Может быть, именно мелкие дворяне и бюргеры опирались на королевскую власть в борьбе с крупными феодалами? Но за исключением этой оговорки, я согласен с данным мнением.

Интересно, что парламенты появились в процессе борьбы за единство государства. Первый датируемый в Западной Европе парламент – Кортесы Кастилии (1185 год). Первый датируемый опыт парламентаризма в отечественной истории – Земский собор князя Всеволода III Большое Гнездо (1211 год), то есть наш парламент на 54 года старше английского, созванного впервые в 1265 году. Сословно-представительные монархии преобладают в Западной Европе XIII-XVI веков. В отечественной истории эта форма правления держится с середины XVI века и до конца XVII века. Впрочем, строго говоря, сословно-представительная монархия – это уже составная политическая система.

Стремясь объединить государство, власть – как республиканская, так и монархическая – охотно бросается в объятья парламентаризма. Иначе она терпит поражение. В процессе объединения государства и развития своего

парламентаризма, американцы противникам единства шею сломали, одержав победу в Гражданской войне, а наши школьники до сих пор думают, будто войну вели из-за негров.

Еще в начале 1991 года было очевидно: если расчленение СССР станет свершившимся фактом, ни о каком торжестве парламентских принципов у нас можно не мечтать. Дальнейшее известно – расстрел Верховного Совета РФ в 1993 году. А корни октябрьских событий 1993 года уходят в 1991 год, когда наша страна была расчленена.

5. АБСОЛЮТНЫЕ МОНАРХИИ

Принцип абсолютизма генетически связан с тремя заметными историческими явлениями: с бюрократизацией, отходом от христианских основ и этатизмом.

Во-первых, большому государству свойственна либо монархия с аристократией, либо монархия с демократией. Если же аристократических и демократических институтов нет, неизбежна монархия с бюрократией, ибо при отсутствии оперативной связи со всей огромной территорией государства царь не может эффективно решать все вопросы без бюрократии. Монархия, лишенная представительных форм, заболевает опаснейшей болезнью – бюрократизмом. Франция в качестве бюрократического государства была лидером Западной Европы, а в Высоком Средневековье – и всего мира. Уже в XIV столетии Филипп IV Красивый в значительной степени подмял аристократию, создав мощную бюрократическую систему. Неудивительно, что Франция, правда, уже в XVII столетии стала страной классического абсолютизма.

Во-вторых, абсолютная монархия связана с антихристианскими тенденциями эпохи Возрождения и именно потому так воспевалась эпохой Просвещения. Христианин не мог бы согласиться с абсолютизмом по совести никогда, ибо для него абсолютен только один монарх на Небесах. Однако христианским принципам этики и, следовательно, политики первый удар нанесли в эпоху Возрождения (вспомним известнейшие труды Н. Макиавелли), а эпоха Просвещения вся была посвящена этим ударам – дехристианизации западноевропейской культуры. В качестве инструмента для того

просветители с удовольствием принимали так называемый «просвещенный абсолютизм», который означает лишь одно: на троне сидит абсолютный монарх, которому на ухо нашептывает умные советы один из компании «просветителей».

В-третьих, абсолютная монархия связана с возобладавшем в эпоху Просвещения принципом общественного договора в варианте Томаса Гоббса (принципом Левиафана). Суть его в том, что в интересах дворянства или других сословий полномочия раз и навсегда делегируются государству, и подданным остается только повиноваться. Именно этот принцип был реализован в абсолютизме. Абсолютизм – одна из обнаженнейших форм этатизма, то есть государственничества. И неважно, говорил ли Людовик XIV (лично очень симпатичный король): «Государство – это я», или эту его фразу потом придумали. Гораздо важнее, что он мог так сказать, это вполне вписывается в период его правления и в социальный уклад Франции XVII столетия.

Однако абсолютную монархию не следует путать ни с деспотической монархией (деспотический принцип воинского повиновения не исключает ограничения царской власти), ни с самодержавной (христианской) монархией, ни с тиранией. Как ни мало симпатична абсолютная монархия, тиранией она не является, ибо, во-первых, все абсолютные монархи принимали принцип неприкосновенности частной собственности. Другое дело, что конфисковать имущество могли по инспирированному приговору суда, но это было исключением из правила. Никто из абсолютных монархов не решился на массовые конфискации, на что запросто решались тираны. Во-вторых, даже абсолютные монархи не склонны полностью разрушать традиции. Так, при абсолютизме французском исчезли представительные органы (Генеральные штаты), но городские советы остались, хотя их возможности и были усечены. Существовали органы городского самоуправления и после укрепления абсолютизма в России в XVIII веке. Кроме того, во Франции при абсолютизме сохранились также независимые судебные палаты (так называемые парламенты). Эта склонность соблюдать некоторые принципы собственной культуры, не рвать с ней в корне есть,

безусловно, достоинство, сохраняемое и абсолютной монархией.

6. КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОНАРХИИ

Конституционная монархия идейно связана с абсолютной монархией и тоже представляет собой реализацию принципа общественного договора в различных его вариантах. Только теперь уже власть короля ограничена не так, как она была ограничена в сословных и сословно-представительных монархиях, – она теперь ограничена конституцией. Принцип разделения властей, характерный для конституционных монархий, обязан своим появлением абсолютной монархии, то есть, на некоторое время должен был установиться абсолютизм, чтобы потом общество начало защищаться от государства! Безусловный этатизм абсолютизма вызвал некоторый антиэтатизм. А общество сословное от государства не защищалось, так как оно само государством повелевало.

7. САМОДЕРЖАВНЫЕ ИЛИ АВТОКРАТИЧЕСКИЕ МОНАРХИИ

«Автократия» – термин византийский. Позднее его стали переводить на русский язык, как «самодержавие». Первоначально, когда самодержцем объявил себя создатель России Иван III, наш величайший государь, это лишь означало, что он больше не является вассалом хана, что он абсолютно суверенен. Но постепенно термин «самодержец» стали воспринимать в связи с византийским наследием.

Василевс ромеев (византийский император) был автократом или самодержцем, христианским государем-императором. Формально власть его не была ограничена – сословного представительства при нем не было, и автократ мыслился единоличным источником законов. Однако его нельзя считать не только тираном, но даже абсолютным государем, и вот почему.

Во-первых, василевс ромеев был ограничен как христианский государь. Уже в первые века христианства (первое упоминание у апостола Павла в Новом завете) весьма серьезно разрабатывалась идея взаимодействия и содружества Церкви и государства. Впервые эта идея начала воплощаться в начале IV века при императоре Константине Великом, первом

христианском императоре. На рубеже IV-V веков она была детально разработана Иоанном Златоустом, великим богословом и поэтом (см. его Толкования на послания апостола Павла), а окончательно оформилась в VI веке при императоре Юстиниане Великом.

Данная концепция именовалась «симфонией государства и Церкви» (по-гречески, «симфония» значит «созвучие»). Суть ее такова: Церковь обладает исходно высшей и светской, и духовной властью, ибо глава Церкви – сам Христос, но меч светской власти она вручает христианскому царю и не вмешивается в дела правления государством, однако сохраняет за собой право нравственного суждения по малейшему решению власти. На практике это означало, что в случае редких конфликтов императору противостоял не патриарх, который всегда слабее императора, а Собор из нескольких сот епископов, который заведомо сильнее императора в христианской стране.

Во-вторых, василевс ромеев был ограничен правосознанием. Византийское общество было необычайно правовым. Все его граждане, в том числе и возможные наследники престола, воспитывались в сознании того, что император есть источник законов, но пока нет нового закона, действующий закон писан, прежде всего, для самого императора. Нам бы так воспитывать государственных деятелей!

В-третьих, василевс ромеев был ограничен волей войска и синклита, так как именно они избирали нового императора.

И, наконец, в-четвертых, василевс ромеев был ограничен демократическими кругами столицы, организованными в «димы», то есть в «корпорации граждан» (византийцы стали произносить слово «демос», как «димос»). «Димы» доводили свои пожелания до императора, и с их волей иногда лучше было не спорить.

Таким образом, власть василевса ромеев была реально ограничена и даже сословно ограничена, хотя формально и считалась неограниченной.

Попытка перенесения автократии на отечественную почву дала первую в русской истории тиранию Ивана IV, ибо русские были куда демократичнее византийцев, но значительно уступали им по уровню правосознания. Со смертью тирана византийские принципы были русифицированы, и с 1584 года «самодержавием» у нас уже называется составная система с Боярской думой и Земским собором, то есть сословно-представительная парламентарная монархия. Известный публицист XVII века Ю. Крижанич в «Политике» называет «правильным самовладством» именно сословно-представительную монархию.

Мотивы прароссианства Даниила Андреева

Из книги «Даниил Андреев в культуре XX века»
Москва, изд-во «Мир Урании», 2000
стр. 174–178

Проблема взаимоотношения христианского вероучения и христианской культуры с языческим наследием Древней Руси, к которой Даниил Андреев обращается в главе «Христианский миф и прароссианство», не нова. Так или иначе, ее касались не только многие философы и ученые-гуманитарии, но и литераторы. Тем не менее, подход к ней являл, как правило, удивительный по легкости «размышлизм». Столь вольный подход объяснялся, в частности, тем, что история языческой Руси представлялась необычайно краткой (IX век и частично X век). Так видится она нам при чтении «Начальной летописи». Однако во второй половине XX века, а тем более сейчас – на пороге следующего века – это уже непозволительно. Теперь мы знаем, что славяне Домонгольской Руси отнюдь не были юным народом. Они прошли до превращения в христианское общество примерно тысячелетнюю историю.

Оговорюсь: я согласен не с автором «Розы Мира», а с марксистской исторической наукой в ее утверждении, что христианизация Руси – не одномоментный и не кратковременный процесс, что она заняла несколько столетий. Правда, согласен я с марксистскими учеными только в этом. Они постоянно доказывали, что равноапостольный святой князь Владимир начал процесс христианизации Руси, между тем как я твердо убежден, что он его закончил. После него мы уже имеем христианскую Русь, а до того – века столкновений славян с христианами, начиная с Апостольских времен. Эта моя точка зрения подтверждается теперь археологическими находками в Причерноморском ареале.

Итак, эта проблема не нова, но Андреев оказался одним из первых, кто попытался придать ей стройность. Не вольное

построение, а некая стройная система встает перед нами в совсем небольшой по объему главе. В начале главы читаем:

«На протяжении многих веков христианский миф пронизывал и окутывал духовную жизнь русского общества, сказываясь решительно во всех областях культуры тех эпох – от «плетения словес» [(!) – В.М.], как понимали тогда искусство письменного слова, до орнаментики посуды или покроя одежды. Но анализ легко обнаружит в запасе образов, насыщавших эти искусства, и в эстетических канонах, тогда выработанных, огромный пласт таких, какие не имеют прямого отношения ни к идеологии, ни к пантеону христианства.

Травчатые узоры на тканях и поставцах столь же далеки от христианского мифа в его чистом виде, как жар-птица наших сказок, богатыри наших былин, архитектурные особенности наших теремов или стилизованные петушки и фантастические звери, украшавшие печи, прялки и коньки изб. Этот пласт образов восходит, конечно, к дохристианскому мироотношению, к зачаточной и так и не развившейся славянской мифологии. Но важно то, что это мироотношение также сказывается в XVII веке, как и в XII; совершенно перестает быть заметным или, вернее, меняет свое обличье только в XX веке»³.

Прозорливость Даниила Андреева в этих двух абзацах исключительна. Чтобы сделать подобные выводы, нужно обладать обостренным художественным зрением и огромной искусствоведческой культурой. Меж тем известно, что Даниил Андреев систематически историей искусств не занимался. Точность этих выводов поразительна, хотя я много раз убеждался, что удивительная точность анализа не обязательно приводит в «Розе Мира» к точности частного обобщения.

Далее автор «Розы мира» подробно обосновывает, почему два эти пласта – «прароссианское» наследие Древней Руси и христианская культура не образовали синтеза и практически параллельно сосуществовали на протяжении многих столетий. Весьма интересно и важно то, что отмечается в конце главы, а именно: два эти пласта по непонятной счастливой случайности (видимо, провиденциального свойства) не пришли в состояние борьбы, в каковом случае один из них был бы в России

уничтожен и тем самым был бы нанесен страшный урон всему Энрофу, всем метакультурам, учитывая, какое значение русской метакультуре придается в последующих главах «Розы мира». Вот примерное обобщение, которое сделал Даниил Андреев.

Мне довелось заниматься этой проблемой. На VI конгрессе «Урании» я рассказывал об особом художественном мире Русского Севера. Причем с некоторой осторожностью, но, тем не менее, дерзновенно я обратил внимание на то, что в этом особом мире есть протоарийское прошлое (протоарийский миф), есть общая история славян и ее следы, и есть, наконец, прямой культурный предок – Русский Северо-Запад (Новгородско-Псковский), который, в свою очередь, сохраняет в наиболее целостном, наиболее нетронутom виде русскую домонгольскую культуру, наиболее близок домонгольской культуре и транслирует ее собственно Русскому Северу – Белозерским, Холмогорским, Вологодским землям, Карелии.

Мир Русского Севера представляет нам особенное мироощущение и совершенно особенную эстетику. Главная его черта – единственное в своем роде и во всей истории максимальное сближение и взаимопроникновение двух сред существования человека – естественной богоданной среды обитания (природы) и сотворчески создаваемой человеком среды обитания (культуры).

Например, сравнивая даже очень ранний новгородский храм XII века с северо-восточным владимирско-суздальским храмом, мы сразу видим доминанту второго в пейзаже и естественность, равноправие первого. Новгородский или псковский храм вырос в некотором смысле как гриб. Невозможно представить себе его отсутствие на том месте, где он стоит. Он, с одной стороны, пассивнее среднерусского храма по отношению к ландшафту, а с другой – органичнее в нем.

Мне кажется, что особенный мир Русского Севера являет то самое раскрытие в христианском мышлении, ту самую адаптацию прароссианства в христианской культуре, которая представлялась Андрееву столь важной для будущего России, для будущего Небесного Кремля и для будущего человечества. Это – не отсутствие реализации, а реализация локальная.

Не стану спорить с примерами, приведенными в «Розе Мира»: противоречие внешнего облика и интерьера русского храма и непреодоленное противоречие аскетических идеалов в их сосуществовании с радостным восприятием природы. Но все это вполне преодолено в субкультуре Русского Севера. Христианизированное прароссианство было реализовано на протяжении ряда столетий, хотя и в локальном варианте. И не столь важно, что Андреев этого не замечает (мне неизвестно, в какой степени он вглядывался именно в Русский Север). Он имел полное право сделать свои выводы, ибо отмеченное им противоречие, «недораскрытие» действительно существовало, а временами чрезвычайно усиливалось в столичной культуре Москвы, а тем более Петербурга.

Я даже могу согласиться с единственной сноской к этой главе, которую делает автор: «Один из эпизодов борьбы Церкви с этим мифом в церковном зодчестве можно видеть в запрещении (в XVII веке) шатровых храмов ради возвращения к каноническому византийскому типу»⁴. Полагаю, эта сноска усиливает именно мою позицию, ибо и в XVII, и в XVIII, и в XIX веке, и даже уже в архитектурских работах деревянного зодчества Русского Севера начала XX века деревянный шатровый храм если не количественно, то качественно доминирует. Он задает тон всему этому миру.

Таким образом, я спорю с Андреевым, но одновременно с сожалением должен отметить его правоту, потому что мир Русского Севера убит советской эпохой, и этой субкультуры больше не существует.

Убит тот особый тип хозяйствования, основанный на синтезе промыслов, различных видов сельского хозяйства и рассеянных ремесел, который бытовал столетиями и был естественным для этого ареала. Убита община свободных домохозяев-хуторян Русского Севера, не способных существовать в колхозной структуре, в которой северное сельское хозяйство вымирает, тогда как среднеполосное с грехом пополам адаптировалось.

Исчезло сельское население – ныне на Русском Севере его почти нет. Большинство живет в городах, сохраняя лишь до

известной степени присущую этому ареалу культуру, что среди прочих очень неплохо описал Василий Белов в книге «Лад».

Однако, с другой стороны, я утверждаю, что на Русском Севере христианская адаптация прароссианского потенциала имела место, причем даже еще в домонгольский период, что отразилось в единственном памятнике, представляющем, в сущности, целую панораму жанра – в «Слове о полку Игореве». Никакого пережитка язычества, как религии, в «Слове» нет. И я согласен с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, иронически замечавшим лет 15 назад, что он вообще не представляет, как можно в одно и то же время быть язычником и христианином, и что «двоеверие» придумано за письменным столом. Никакого двоеверия быть не может, а адаптация пластов языческой культуры, как адаптировались до некоторой степени «Эдда» и «Песнь о Нибелунгах», возможна! И когда автор «Слова о полку Игореве» поминает Дажьбога и Стрибога, он делает абсолютно то же самое, что и любой современный ему эллинистически образованный византиец, который, говоря о любви, поминал Афродиту. При этом византийца, православного христианина, никто в язычестве не обвинял, понимая, что Афродита для него – художественный образ. И у автора «Слова» это тоже образ!

Между тем, кроме попытки адаптировать язычество к христианской культуре, предпринятой Русским Севером (и удавшейся, по моему мнению!), в России была сделана еще одна подобная попытка. То была попытка высокой профессиональной культуры выполнить призыв Даниила Леонидовича, им тогда еще не оформленный (он еще не родился). Но и эта попытка была трагически прервана тем же развитием событий. Я имею в виду попытку создания совершенно особенного облика русского христианства, которая была предпринята в России блистательной культурой Модерна в начале XX века. Свидетельства тому – деятельность Талашкинского и, особенно, Абрамцевского (Мамонтовского) кружков.

Надо сказать, что для нас XIX век есть эпоха, безусловно, огромного по масштабу воцерковления русской культуры (точно так же, как екатерининская эпоха – эпоха огромного по

масштабу ее расцерковления). Это колоссальное возвратное движение начинается, прежде всего, в монастырях при учениках Паисия Величковского, то есть как раз при Екатерине II в конце XVIII века. Оно началось и в русской архитектуре с творчества Константина Андреевича Тона при значительном участии его заказчика императора Николая I. В словесной культуре это – становление русской философии (в первую очередь, историософские труды Николая Данилевского и Константина Леонтьева) и постепенно достигавшая вершин русская литература второй половины XIX века.

Предыстория была, но Модерн складывается в условиях, когда общество впервые начинает напоминать своей церковностью общество допетровской Руси; когда общество обращается к природе (строительство дач – целый пласт в русской культуре того времени); когда общество пытается художественно осмыслить дохристианскую культуру.

Искусство Модерна очень светлое, очень радостное, жизнеутверждающее (в противовес мрачному искусству Авангарда, сопутствующему Модерну хронологически), что видно хотя бы на примере широко известного доходного дома Перцова с прекрасными майоликами рядом с храмом Христа Спасителя (художник Малютин, инженер Жуков). Думается, совсем не случаен и чисто формальный признак: господство растительных мотивов в архитектуре и книжной графике Модерна. Модерн есть попытка возвращения к истокам русской культуры, может быть, размаха Возрождения, в начале XX века. Естественно, Модерн тоже был истреблен советской властью, это тоже убитая культура. В архитектуре это единственный стиль, гибель которого можно датировать абсолютно точно – до года. Бессмыслен, смехотворен вопрос, в каком году Классицизм сменяет Барокко? Но Конструктивизм сменяет Модерн точно в 1917 году!

Обращение Даниила Андреева к теме праруссиянства не случайно. Она чрезвычайно важна для России. Я вижу это в исключительной востребованности и даже до какой-то степени в возврате сегодня к художественному наследию начала века, в стремлении реализовать этот не до конца реализованный

потенциал. Андреев указал тенденцию, которая может стать значительной и даже определяющей в самую ближайшую эпоху.

Ссылки на собрание сочинений Даниила Андреева в трех томах издательства «Урания»:

Надо собирать полный Поместный собор

Журнал «Золотой Лев» № 177–178 – издание русской консервативной мысли

(www.zlev.ru)

В принципе, в том, что произносят уже некоторые имена, ничего особенно дурного нет, если правила соблюдать. Всегда есть особо уважаемые лица. Святитель Тихон, в списке из трех, чьи кандидатуры были выбраны для жребия, не был на первом месте. Так, что бывает – Господь поправляет. Он как бы напоминает: «а вы обратились к Моему последнему слову, ведь это Я Глава Церкви?».

Мы потеряли очень хорошего и очень достойного иерарха. Он почил прекрасной смертью. Все когда-то умирают, за исключением пророка Илии, и, как говорят, Иоанна Богослова и короля Артура.

Святейший Патриарх был дважды при смерти и один раз – год назад – просился на покой – архиереи непустили. Он имел на это право, но его непустили, и он смирился. Разве Всевышний его не вознаградил? Накануне кончины, меньше, чем за сутки, он в хорошей, как говорят, физической форме отслужил праздничную службу на Введение. Во-первых, он только что причастился. Во-вторых, какая другая может быть радость у священника, когда он только что отслужил?

Не могу не сопоставить с нижней точкой падения. Когда-то еще не лишённого сана священника Глеба Якунина, ничего не имея в виду, спросили: Отец, а вы сейчас не служите? Слава Богу, не служу; – ответил Якунин. Он это, конечно, случайно сказал, обмолвился, но ведь, как говорится, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Патриарха больше нет. Каково его наследие?

Сейчас надлежит избирать Патриарха. У нас уже есть местоблюститель Патриаршего Престола – высокообразованный, умнейший митрополит Кирилл. Но местоблюститель – это не Патриарх, это тот, кто временно встал во главе, чтобы собрать Собор и избрать Патриарха. Больше

ничего. В традиции Православных Церквей – вообще никого не избирать в местоблюстители. Просто старейший митрополит исполняет полтора-два месяца эту функцию. Это больше почетное и единственное его дело – собрать Собор. Больше ничего. Если конечно, нет никакой трагедии в поместной Церкви.

А такой случай с Русской Церковью был – 21 год боролся с богопротивным Царем Петром I местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Рязанский и Муромский Стефан Яворский – с 1700 по 1721 год. И проиграл. Он все эти годы боролся, чтобы Патриарх был избран. Может быть, Стефан Яворский и хотел стать Патриархом, шансы у него были, но дело же не в этом. Он был достоин Патриаршества. Так на два века мы лишились Патриарха.

Мы не католики, Патриарх – это не четвертый сан, выше сана епископа. Это всего лишь председатель в Соборе епископов. Но, как показывает многовековая практика, он абсолютно необходим. Как без него – так плохо. Иногда удавалось архиерею возвыситься без Патриарха на пост как бы фактически председательствующего. Это святитель Московский Филарет (Дроздов).

Плохо без Патриархов. Хотя, повторюсь, это лишь председатель в Соборе епископов.

Все это было подтверждено на Поместном соборе 1917–1918 гг. Там прямо о положении Церкви прописано следующее: Патриарх есть первый среди равных ему епископов. Это латинское – *primus inter pares*. Латынь тоже священный язык, как и старославянский, и греческий.

Старейшим должен был быть, тем более, что он епископ в Московской области, митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий (Поярков). И ничего бы здесь не было. Митрополит Ювеналий слишком преклонных лет, чтобы стать Патриархом.

Вопрос заключается в другом. Для избрания Патриарха, а мне приходилось об этом писать, необходим полномасштабный Поместный собор. Сам почивший в Бозе Патриарх сказал в середине 90-ых гг.: Мы сейчас стремимся возвратиться к нормам Поместного Собора 1917–1918 гг. Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, нынешний

местоблюститель, тоже высказывался в пользу норм Поместного Собора 1917–1918 гг.

А что это за нормы?

Каждая епархия была представлена одинаковым количеством участников Собора с правом решающего голоса. Это, естественно, епархиальный архиерей (которого не избирали, ибо он представляет и молится за свою епархию), два священнослужителя и три мирянина (священнослужителей и мирян избирали). Сначала избирали выборщиков на приходских собраниях. Затем – на благочиннических. Затем – уже членов Собора на епархиальном собрании.

У нас сейчас много – более полутора сотен епископов. Но надо учесть – речь идет только о епархиальных начальниках, которые по положению представляют свою епархию. Викарный архиепископ или епископ не представляет никого. В 1917 году было установлено, что двое священнослужителей от епархии, из которых один обязан быть священником, а второй может быть либо епископом – викарным, либо священником, либо диаконом, либо псаломщиком. И трое мирян.

Как видите, почивший Патриарх и нынешний местоблюститель одобряли этот род поведения. Вспомнят ли об этом сейчас?

Во-первых, у нас существует точное различие между двумя Соборами – Поместным и Архиерейским. На Архиерейском Соборе могут присутствовать советники, но они ничего не решают. Они могут быть и священниками, и мирянами, но без права решающего голоса. Как, кстати говоря, должно быть и в отношении епископов викарных.

Если собирается Поместный собор, то никак нельзя, чтобы епископ назначил двух попов и трех мирян. Их должны избирать, потому что церковный народ имеет право голоса. Давайте обратимся к истории.

В 1312 году в городе Переяславль-Залесском (в память этого, между прочим, стоит церковь святителя Петра на старейшей Красной площади) был собран Собор, так как святитель Петр был обвинен в симонии – продаже церковных должностей. Святитель блестяще оправдался. Кто его судил –

попы и миряне, потому что архиереи его судить никак не могли. Ведь одним архиереем был он сам, другим – его обвинитель Тверской владыка Феодор, а третьим – Ростовский архиерей, который, будучи единственным нейтральным лицом, конечно, не мог собрать Собор из самого себя. Потому и собрались на Собор мужики, бояре, диаконы, священники. Это вообще наша русская традиция. Она, конечно, завязана на то, что у нас были слишком большие епархии, было слишком мало епископов (в XVIII век вошли, имея на гигантскую империю только 20 архиереев). При императоре Николае I Александровиче мы имели 67 епископов, что все-таки побольше и не на всю Сибирь один архиерей!

Господь нам помогал – среди архиереев было много святых. Но только на это уповать же нельзя. Дал Бог святого, слава Богу, не дал – на это существует каноническое право, Книга правил.

Надо собирать полный Поместный собор. Пора. Это длительный процесс – надо избирать выборщиков, чтобы избрать выборщиков, чтобы избрать членов Поместного Собора от рядового духовенства и от мирян.

Хочу напомнить, что Собору 1917–18 гг. предшествовала и монашеская конференция в Троице-Сергиевой Лавре. И она тоже избрала от монахов 20 человек – членов Собора. Как видите, не епархиальным способом – Монашеский всероссийский съезд.

Были и особые депутаты от военного духовенства, но нам сегодня это не грозит – военного духовенства у нас всерьез нет.

Вот что важно. В принципе, то, что произносят уже некоторые имена (и более других – имя Высокопреосвященнейшего Кирилла), бывает всегда. И в этом ничего особенно дурного нет, если правила соблюдать. Всегда есть особо уважаемые, просто популярные лица. Между прочим, святитель Тихон, в списке из трех, чьи кандидатуры были выбраны для жребия, не был на первом месте. И Патриарх Алексей был не первым. Так что бывает – Господь поправляет. Он как бы напоминает: а вы обратились к Моему последнему слову, ведь это Я Глава Церкви.

Действительно, на Соборе 1917–18 гг. митрополит Антоний Храповицкий прошел уверенно первым. Вторым был очень ученый архиепископ Новгородский Арсений Стадницкий, и только третьим – Тихон Московский. И Господь избрал Тихона.

Может быть, это может научить, может быть, надо уповать все-таки на Божественное решение, а не на человеческое. Церковный народ не ошибается – заведомо недостойные архиереи не попадут в такую тройку, если даже они есть. Но все-таки последнее слово должно быть Божие.

Ничего этого не слышно – ни про избрание духовенства, ни про избрание мирян. Еще раз напомним – о доверии этой традиции говорил и Патриарх, и нынешний местоблюститель. Но дело не в симпатии, а в том, чтобы церковная история продолжалась так, как должна продолжаться.

Еще одна неприятная деталь. Мы привыкли к тому, что Патриархами становятся постоянные члены Священного Синода. Но ведь у нас нет даже положения канонического о Священном Синоде.

В такой гигантской Церкви, как Русская, должен быть мобильный Совет во главе с Патриархом. Но положения-то нет, как он комплектуется, никто не знает, потому что это тихо меняется. Собор в 1917–18 гг. точно постановил, что в Синод, помимо Патриарха (это понятно), входит по положению митрополит Киевский (глава первопрестольной кафедры), пять архиереев избираются Собором раз в три года (потому что Поместный собор должен собираться раз в три года – и тогда ведь ни самолетов, ни компьютеров, ни e-мейлов не было, а сейчас есть все, не трудно собирать Собор!), остальные шесть избираются на год жребием на череду. Половина приезжает, а пятеро являются постоянными членами.

Также Собор повелел учредить и Высший Церковный Совет, в который должны войти 3 архиерея из Синода, 6 священнослужителей, из которых один должен быть монахом из монастыря и 6 мирян. На ВЦС возлагались вопросы общения церкви с обществом и государством.

Может быть, это не действующие правила, но других-то нет. В Уставе 2000 года про то, как формируется Синод, ничего не

сказано.

Правая.ру, 10.12.08

Нас должно стать в три раза больше!

Пять пунктов демографического роста.

России всегда не хватало населения. А как только мы перевалили за Урал – проблема обострилась до предела. Земельные резервы оказались попросту немеренными, никто не препятствовал продвижению русских аж до Тихого океана. Населения в России не хватало и в XVII, и в XVIII веках. Недаром величайший русский учёный Михайло Ломоносов вынужден был написать работу «О сбережении народа». В XIX веке населения продолжало не хватать, в конце столетия выяснилось, что с чудовищной силой.

По нормам элементарной геополитики мы как двубереговая держава, имея основой с одной стороны Балтийское и Чёрное моря, должны были бы с другой стороны опереться и на Тихий океан. Северная, как и мы, страна Канада – внутри пустая, народ её численностью в 30 млн. живёт по берегам Тихого и Атлантического океанов. Канада – в общем, придаток США, отсюда у неё проблем нет. А у нас... Что будет между Дальним Востоком и Европейской Россией, по большому счёту, не важно, но если мы не имеем Дальнего Востока, сомасштабного с Европейской Россией, то рискуем потерять этот Дальний Восток. Не случайно российские власти так настойчиво занимались переселенческой политикой, предлагая крестьянам земли в Южной Сибири и на Дальнем Востоке практически задаром.

Сегодня мы живём в ситуации демографического кризиса – население сокращается. А значит, испытываем серьёзное демографическое давление – со стороны преимущественно мусульман и китайцев. Мусульмане, впрочем, грозят нам только демографическим давлением (нужно лишь чётко следить за притоком незаконных мигрантов-мусульман), а вот китайцы – народ молодой... Достигнув критической массы, они опасны и в геостратегическом отношении. На Дальнем Востоке и в Восточной Сибири в настоящее время уже живёт от 1 до 2 млн. китайцев. Этому народу действительно тесно: ещё немного – и

он может перейти к насильственному освоению новых территорий. В России земля, как известно, «плохо лежит» – так что выводы вполне очевидны.

Чья это проблема?

Во-первых, общества, ибо это проблема людей, которых выдавят с родной земли, богатой и милой сердцу. С земли, которая может обеспечить россиянам очень высокий жизненный уровень.

Во-вторых, церкви. Это ведь земли православные: ситуация грозит потерей канонических территорий РПЦ и значительного числа православной паствы. А земли, просвещённые светом Евангелия, должны и оставаться им просвещёнными.

В-третьих, какое государство захочет терять свои территории?! Лишившись хотя бы части Восточной Сибири и Дальнего Востока, наше государство лишится самого перспективного дохода – дохода от развития Транссибирского пути, самого дешёвого направления транзитной торговли, способного принести России колоссальные прибыли, обеспечивая тем самым существенный рост жизненного уровня населения. Дело за малым – нужно лишь построить терминалы, шоссе вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. Это, заверяю, даст нам больше, чем даёт нефть.

Совпадают тут интересы государства, церкви и общества? Безусловно. Значит, надо назвать это направление приоритетным, во всю силу трудиться на нём.

Нам, русским, непременно надо понять одну вещь: нас сегодня должно было бы быть не менее полумиллиарда. В начале XX века замечательный русский учёный Дмитрий Менделеев, учитывая прирост населения России, предполагал, что к рубежу XX-XXI веков население Российской империи будет составлять 500–560 миллионов. Параллельно с этим и независимо от этого французские социологи пришли к тому, что население России в начале 1960-х годов должно достичь 350 млн. чел.

Если продолжить экстраполяцию до наших дней, то нетрудно получить ту же цифру, что вывел Менделеев. Современный историк Сергей Марочкин корректирует мнения

Менделеева и французов, указывая на то, что в обоих случаях ещё к тому же не учитывался фактор резкого падения младенческой смертности. Марочкин утверждает, что при несомненно сокращающемся приросте всё равно население России должно было бы составить 600 млн., из которых 500 млн. были бы русскими⁵. Но так не случилось – в силу революционных потрясений, всех трагических коллизий XX века, всех античеловеческих и антирусских деяний людей, захвативших власть над Россией, начиная с 1917 года.

Но можно ли всё же достичь этого самого полумиллиарда? Думаю, да. Все – власть, церковь и общество – должны озаботиться этой задачей, посмотреть для начала, что русским (россиянам) вопиюще мешает увеличивать свою численность.

Мешает многое. Ну, скажем, как не признать чудовищной ошибкой, принятое I съездом народных депутатов решение об отмене налога за бездетность! Необходимо не сокращать, а попытаться разработать поощрительное налоговое законодательство, без которого усилия церкви в противодействии абортам и проповеди ценностей многодетной семьи, как и усилия общества на том же направлении, будут малоэффективными. Опыт, который спас, например, Францию от катастрофического падения народонаселения, известен со времён Шарля де Голля. Бездетный налог во Франции того времени был очень высоким, с рождением одного ребёнка он не отменялся, но сокращался, а при наличии двух детей в семье достигался так называемый нулевой баланс. Начиная с третьего чада французские семьи уже получали пособия, прогрессивно возрастающие. Принцип может быть усовершенствован, однако смысл его универсален и весьма действенен.

Второе положение. Нам нужно, конечно же, не просто полмиллиарда, но полмиллиарда образованных и воспитанных людей. Если вопрос образования – это вопрос совместных деланий семьи и школы, а следовательно, общества и государства, то проблема воспитания – поле для совместной деятельности церкви и общества, где государство может лишь благожелательно поддерживать процесс (например, предоставив соответствующие государственные теле- и

радиоресурсы представителям традиционных религий и просвещённой общественности).

Третий пункт вытекает из двух предыдущих. Нам необходимо полмиллиарда собственников. О том, что настоящий член общества – это собственник, знали уже древние. Причём это не обязательно богатый человек, но гражданин среднего и даже небольшого достатка, обладающий каким-либо своим делом – предприятием, мастерской, блоком акций или как минимум собственным жилищем. Разрушение прироста населения приобрело катастрофический характер в СССР начиная с рубежа 1950-х годов – времени начала строительства «хрущёвок», когда был категорически нарушен принцип семейного жилища, люди загнаны в малогабаритные квартиры. Программа «Русское жилище» или «Семейный дом» должна стать в России совместной общественно-государственной программой при благословении и поддержке церкви.

Из первых трёх положений следует и четвёртое. Нам нужен полумиллиард граждан (иначе мы получим просто полумиллиардную толпу, которая никак не помешает демографическому давлению соседей). Настоящий гражданин – это непременно собственник, но он почти всегда также принадлежит и к традиционной религии (хотя бы по признаку культуры). Чтобы не быть толпой, любое общество всегда структурировано, то есть состоит из корпораций. Обществу необходимо трудиться над созданием корпораций, а государству и церкви их поддерживать (пока корпоративность у нас, к сожалению, очень низкая).

Среди наиболее естественных типов корпораций следует различать два – муниципальный тип и религиозное сообщество. Муниципальная корпорация – это, собственно, то же самоуправление. Не хочет гражданин становиться политиком, следовательно, он чувствует себя обязанным принимать участие в работе органов самоуправления. Настоящий гражданин, будучи верующим, также не может мыслить себя вне жизни церковного прихода, мусульманской общины и пр.

И, наконец, пункт пятый. Россию в идеале должен населять полумиллиард патриотов. Это может быть достигнуто по исполнению предыдущих четырёх положений. И в этом положении более всего, пожалуй, заинтересована власть. Патриоты – люди, не шарахающиеся от того или иного вида воинской службы (при полумиллиарде, кстати, нет необходимости производить такой воинский призыв, который шокирует общество ныне)⁶. В принципе, нормальным было бы такое положение: ты не хочешь служить – ну и пожалуйста!

Только при этом надо знать, что отказывающийся от службы родной стране отказывается и от своих гражданских прав. И сейчас в Германии, коли не послужил, не станешь и серьёзным госслужащим, и учителем и пр. Повторюсь, что патриотов не вырастишь, не осуществив четырёх вышеназванных принципов, однако это не означает, что сначала, к примеру, надо нарастить население, а потом уж браться за его воспитание, в том числе и патриотическое. Всем надо заниматься параллельно.

...Сколько нужно времени для выполнения подобной Программы? Не надо строить иллюзий – при расчёте на четырёхдетную семью следует вырастить четыре поколения граждан. Это время порядка столетия.

Долго? Сегодня надо быть реалистами-делателями без радужных планов. Трудно себе представить теперешнюю массовость русских семей даже в четыре-пять человек. Хотя совсем недавно жил и творил мной уже упоминавшийся великий Дмитрий Иванович Менделеев – девятнадцатый ребёнок в семье. Братья и сёстры Дмитрия Ивановича были, верно, хорошими людьми, однако о них мы знаем не так много. Остановись, рожая чад, супруги Менделеевы чуть раньше – и периодическая система элементов была бы, вероятно, открыта не нашим соотечественником...

СМИ «ИНТЕЛЛИГЕНТ»

17.04.06

Нация и национализм

Латинский термин «natio» исходно означал то же самое, что и греческий термин «этнос» и русский термин «народ» (русское слово «народ» и выглядит калькой латинского слова «natio»). Именно так – как «народ», «этнос» – он воспринимался на протяжении большей части всемирной истории. Однако постепенно термин «нация» претерпел определенную эволюцию в западноевропейской культуре.

В какой-то степени эту эволюцию принимала и марксистская наука, хотя в несколько причудливой форме. Марксистская наука исходила из того, что процесс образования классов на смену «племени» приводит «народность», а «нация» создается только в буржуазном обществе. Однако если бы Карл Маркс смог отправиться на машине времени, скажем, в век XVII и объяснить тогдашним немцам, что они – не нация, обратно в свой XIX век он, скорее всего, вернулся бы без роскошной бороды. Отечественные историки в 60-е и особенно в 70-е годы, стремясь избежать столкновения с марксистской доктриной, вообще не пользовались ни термином «нация», ни термином «народность», предпочитая писать «этнос», ибо «этнос» – термин не доктринальный, и им можно было назвать как то, что является народностью, так и то, что является нацией, с марксистской точки зрения.

На самом деле термин «нация» исторически претерпел более серьезные изменения. Еще в Высоком Средневековье (в готическую эпоху XII-XV веков) термин «нация» приобрел значение «землячество». Так, например, в весьма знаменитом в Европе Пражском университете времен Яна Гуса официально числилось четыре «нации» (четыре корпорации студентов и преподавателей): чешская, польская, баварская и саксонская. Очевидно, что это не этническая принадлежность, ибо польская нация тогда состояла почти исключительно из немцев – подданных польского короля, и тем самым из четырех наций Пражского университета три были немецкими. Это не единственный пример – четыре нации было в Болонском

университете, еще больше наций составлял Мальтийский рыцарский орден. В тот период «нация» – почти всегда землячество, которое складывалось довольно легко, потому что как рыцарский орден, так и университет представляли собой весьма замкнутую корпорацию, да и преподавание велось на латыни (языке учености того времени), что тоже способствовало обособлению. Этот этап очень важен для понимания трансформации термина «нация» в западном мышлении, но был и следующий этап.

К концу Средневековья «нацией» начали называть совокупность подданных одного государя и по прямому преемству совокупность граждан одного государства, независимо от того, монархически оно устроено или республикански. В таком случае неудивительно, что в источниках упоминается, например, бургундская нация, ибо Бургундское государство было могущественно и самостоятельно, хотя формально герцог Бургундский был вассалом французского короля. Кстати, вассалом французского короля одно время был и английский король как владевший Аквитанией, который ничуть не чувствовал себя униженным, а кончился тот вассалитет плохо (Столетней войной) не для Англия, а для Франции.

Однако нация как совокупность граждан – совсем не то же самое, что этнос. Например, покуда существовало независимое герцогство Бургундское, говорили о бургундской нации и в то же время не говорили о провансальской нации, хотя провансальцы (обитатели современного юга Франции) до Крестовых походов в Прованс, связанных с Альбигойской антисистемой, были весьма обособлены и говорили на провансальском языке, а бургундцы говорили по-французски.

В литературе часто можно встретить утверждение о процессе превращения феодального государства в государство национальное, который начался задолго до формирования основных буржуазных государств. В связи с этим возможен и другой подход, особенно актуальный на Западе в последние годы: проблема будет сужена и будет касаться распада империй как «феодального наследия» и повсеместного образования

национальных государств. При таком подходе Бургундия как феодальное государство обреченно проигрывало состязание с Францией, потому что Франция становилась национальным государством. Но данный вывод обусловлен лишь тем, что Бургундии не стало, а Франция существует. Аналогично о швейцарской нации, состоящей из четырех этносов, заговорили только потому, что Швейцария сохранила свое единство, защитившись от Бургундии. Это позволяет утверждать: сумеет Бургундия защитить себя, в XX веке пришлось бы писать, что в процессе образования национального государства бургундцы с успехом отразили интернациональную агрессию французов, швейцарцев, гасконцев и аквитанцев! То есть имеет место некая историческая аберрация, основанная на конечном итоге, а этнические процессы здесь ни при чем.

Постепенно термин «нация» приобретал значение «совокупность граждан». Наиболее последовательно добивалась этого, несмотря на все невзгоды и неурядицы, конечно же, Франция. Французская республика, объявив себя единой и неделимой, а свое население поголовно французами, получила массу конкретных неприятностей. Тем не менее, в конце концов, жители Франции действительно начали ощущать себя французами. В настоящий момент французами, то есть лицами, принадлежащими к французской нации, считают себя и бретонцы (этнические кельты), и гасконцы (этнические баски), и французские евреи (которые могут быть весьма различны между собой, ибо одни из них этнические ашкенази, а другие этнические сефарды), и давно связанные с Францией, ставшие преданными французами еще в XIX веке потомки марокканцев берберского происхождения.

Это не означает завершенности во Франции нормальных процессов этногенеза. В этнологии Гумилева существует понятие «ксения» (по-гречески «чужой», «посторонний») – группа иноэтничного происхождения, сохраняющая дружелюбную обособленность и вписавшаяся в этнос на положении субэтнуса. Ксении – не привилегия французов. Так происходит в самых различных странах в самые различные эпохи.

Во Франции еще до объявления всех граждан французами, на первом этапе Столетней войны знаменитейшим героем был рыцарь Бертран дю Геклен. Он не только совершал невероятные подвиги, защищая французского короля, но и сформировал из простонародья патриотическое ополчение «молотобойцев». Дю Геклен создал также прецедент – он был назначен коннетаблем, то есть главнокомандующим войсками Франции, хотя по происхождению был худородным дворянином, а до него коннетаблями бывали только принцы крови. Но когда у французского короля возникли неприятности в Бретани, и он предложил коннетаблю навести там порядок, дю Геклен наотрез отказался, вручил королю золотую шпагу коннетабля, повернулся и уехал, потому как был бретонцем. За ним погнались, и вовсе не за тем, чтобы наказать, а чтобы уговорить вернуться, но он не вернулся. А величайшей героиней второго этапа Столетней войны была Жанна д'Арк – немка из Лотарингии, которая всю свою недолгую жизнь плохо говорила по-французски, но считала своим долгом защищать любимого короля.

Кстати, субэтноты-ксении обычно образуются очень древними реликтовыми этносами. И гасконцы, и бретонцы (то есть и баски, и кельты) были намного старше французов. Однако и это не всегда так – существовал же в Российской империи, к сожалению, революцией и событиями Второй мировой войны полностью ликвидированный, субэтнос русских немцев! Они сами считали себя немцами, и, тем не менее, были субэтном в составе русского народа, ибо никто из них не сомневался в своем долге воевать на стороне России в случае войны с Германией.

Таким образом, с позиции этнологии картина выглядит несколько иначе, нежели с позиции современной западноевропейской теории нации. Но именно такая позиция позволяет Западу поддерживать сегодня турок, ведущих почти неприкрытый геноцид курдов, бесхитростно заявляя, что курды есть, может быть, и этнос, но ни в коем случае не нация, а, следовательно, они не имеют права на создание собственного курдского государства. Одновременно Запад заявляет, что в

Боснии и в Герцеговине «сербы воюют с мусульманами». И хотя очень трудно представить себе этнос или нацию под названием «мусульмане», вся пресса – и западная, и наша – формулируют именно так. На самом деле в Боснии и Герцеговине мусульмане – это омусульманенные сербы, а большинство хорватов – окатоличенные сербы, плюс небольшое количество хорватов, переселившихся туда во времена непродолжительного владычества Австро-Венгрии. Данная позиция более или менее удобна Западу, но удобна она до определенного предела и только в рамках локальной западноевропейской политики. Скажем, на тех же Балканах существует де-факто государство Македония (бывшая республика в составе Югославии), однако де-юре Греция его никогда не признает, ибо часть его находится в Греции в виде греческой области Македония. С другой стороны, македонцы – действительно не сербы. И, тем не менее, ни нации, ни этноса с названием «македонцы» нет, потому что этнически нынешние македонцы – болгары.

Следует подчеркнуть, что представление о нации как о совокупности граждан может быть адекватным, только когда нация складывается длительное время в довольно благополучных условиях единого государства. Такое представление было выработано не менее чем полутысячелетней традицией западноевропейской культурной истории, о чем свидетельствует пример швейцарцев, французов, испанцев, итальянцев (в Италии есть область Фриули, населенная этносом фриулов, которых итальянцы признают обособленными и вместе с тем составляющими часть итальянской нации). Это не означает образование химеры, так как вместе с утверждением, что нация – не этнос, а совокупность граждан, признается, что нация может быть полиэтнична. Но тогда нация – не этнос, а суперэтнос, состоящий из этносов, и химеры не образует. Более того, развитие государства-нации по французскому пути, то есть по пути национального государства («national state» – международный универсальный термин), приводит к усложнению системы, как впрочем, и готовность империи признать нациями входящие в нее этносы. Французам угодно

полагать себя единой нацией, но те же бретонцы в некотором смысле продолжают существовать, и даже с конца XIX века началось бурное увлечение кельтским прошлым, возникли кружки по изучению бретонского языка. Это нисколько не разрушает национальное единство Французской республики, а лишь усложняет систему.

Однако есть одна серьезная оговорка: представление о нации как о совокупности граждан за пределами Запада не действует.

Показателен в этом смысле пример Индии, граждане которой говорят на языках трех больших самостоятельных языковых групп. Ситуация в Индии была настолько противоречива до расчленения Индии на Индию и Пакистан из-за известного противоборства индусов с мусульманами, что с ней не смог справиться и великий Ганди. Но даже сейчас, когда основные мусульманские области уже не одно десятилетие отделены от Индостана государственными границами Пакистана и Бангладеш, Индия являет наисложнейшую этническую картину. И в этих условиях виднейшие деятели новой индийской истории (принадлежавшие клану Ганди) попытались решить внутренние проблемы и преодолеть разногласия, декларировав создание единого национального государства Индия. Они все были деятелями незаурядными и оставили след в мировой истории. Однако то, что удается империям, на пути к национальному государству оказалось недостижимым. Все усилия партии Индийский национальный конгресс приводят лишь к образованию новых и новых сепаратистских, в том числе и террористических групп. В Индии, как известно, два официальных государственных языка – английский и хинди, что отнюдь не является наследием «проклятого колониального прошлого». Просто бенгалец или сикх разговаривать на хинди не желают и при невозможности говорить на родном языке предпочитают общаться по-английски. Таким путем единую индийскую нацию создать вряд ли удастся!

Итак, модель «national state» в Азии не работает. Там понятие «нация» синонимично понятию «этнос». Насколько удастся процесс образования наций в западном смысле слова в

Африке, судить преждевременно. Сепаратизм на этнической почве уже приводил на нашей памяти к вооруженным конфликтам в Бельгийском Конго (Заире) и в Нигерии, то есть в крупнейших и богатейших державах Черной Африки.

Что же касается России, то мы часто слышим утверждение: «Русские к настоящему моменту еще не составляют нации». Однако за ним стоит западная точка зрения, а она-то как раз для России не годится! Национальное единство россиян вряд ли возможно. А национальное единство россиян в границах Российской Федерации невозможно вообще, по двум причинам. Во-первых, согласиться на него для русских, значит признать, что они образуют одну нацию с 15 процентами нерусских в Российской Федерации (хотя на это, возможно, многие бы и согласились). Во-вторых, это значит автоматически признать нерусскими тех русских, которые живут в сопредельных государствах. Но на это не согласится никто, ибо утрата внутриэтнической солидарности приводит к распаду этноса, а этнос на части не распадается, он может обратиться лишь в пыль.

Независимо от того, мыслится ли нация в категории гражданского единства или в категории единства этнического, в политической и социальной практике имеет место такое явление, как национализм.

На протяжении весьма длительного советского периода термин «национализм» считался если не страшным уголовным преступлением, то, по крайней мере, ругательством (обычно употреблялось словосочетание «буржуазный национализм»), и даже еще в начале Перестройки раздавались голоса против развития националистических тенденций. Игра слов с корнем «нация» доходила до того, что один из образованнейших людей нашей эпохи академик Дмитрий Лихачев как-то раз заявил: «Я за национальные, но против националистических тенденций в культуре». Однако если с определением «националистический» связано существительное «националист», то с определением «национальный», видимо, должно быть связано существительное «национал», а такого слова в русском языке нет, есть одно – «националист».

В IV Государственной думе (1912–1917 годов) крупнейшей партией, имевшей 120 депутатских мест, была Партия русских националистов – партия, достаточно либеральная и, как правило, в блоке с другой либеральной партией – Партией октябристов («Союзом 17 октября»).

В западноевропейской терминологии XX века термин «национализм» обычно безоценочный. А по тому, как американцы и англичане освещали историю борьбы 20–40-х годов в Китае, видно, что их симпатии были на стороне китайских националистов, то есть сторонников Чан Кайши (партии Гоминьдан), которые боролись с коммунистической угрозой, но проиграли.

Так что же на самом деле означает термин «национализм» и кто такой «националист»? Как ни воспринимай слово «нация» (как этнос или как гражданское единство), националист есть тот, кто, прежде всего, интересуется делами собственного народа, а делами другого народа иногда и не возражает заниматься, но уж, по крайней мере, во вторую очередь. Заметим, что это нормальная этническая позиция. Здесь уместно вспомнить шутку об отношении к дочери, кузине и соседке: «Я люблю свою дочь больше, чем свою кузину, а кузину больше, чем соседку. Однако из этого, честное слово, не следует, что я ненавижу свою соседку». Интересно, что эта шутка английская, а англичане, вероятно, – самая националистическая нация на Западе. Английских националистов никогда не было именно потому, что все англичане без исключения – националисты.

Существует и следующая фаза национализма – национализм агрессивный, основанный на неприязни к другому народу или группе народов. Но он иначе называется – «шовинизм». Он возникает в XIX веке и своим названием обязан французскому капитану Шовену (Chauvin), жившему более 100 лет назад. В программных документах КПСС повторялся один и тот же нелепый тезис: «нетерпимость к буржуазному национализму и шовинизму». При этом ни в одном энциклопедическом словаре советского времени не объяснялась разница между национализмом и шовинизмом, дабы ни у кого не возникло вопроса: если между ними есть

разница, то, может быть, один приличный, а другой нет? Не случайно также многие составляющие западноевропейских национализмов трактовались у нас искаженно. Например, немецкая националистическая песня «Deutschland ber alles» («Германия превыше всего») была написана еще в XIX веке, когда немцы, тогда разобщенные на множество мелких государств, стремились к созданию единого Германского государства. Трактуется она у нас неверно. Смысл этого стиха лишь в том, что Германия для немца превыше всего, а всё остальное потом, но вовсе не в том, что Германия на земном шаре превыше остальных государств.

Есть еще более агрессивная и негативная форма национализма – «нацизм». Нацизм включает в себя уже не только неприязнь к другим нациям, он опирается на идею национального превосходства. Нацизм может проявляться и в такой форме, как неприязнь к чужому национализму, в то время как себе национализм позволителен.

К нацизму и шовинизму мы имеем право относиться негативно и квалифицировать их как формы людоедские, однако национализм так квалифицировать не удастся.

Но в XIX веке появляется и аномалия противоположного направления – «космополитизм», который опирается на идею неизбежности исчезновения национальных отличий. Космополитизм Константином Леонтьевым был назван «ядом всесмешения». Впрочем, достаточно вспомнить его основное правило: «Всякое упрощение есть деградация». Вряд ли возможно исчезновение национального лица всех народов на Земле, но случись такое, это было бы ужасно – образовалась бы совершенно неструктурированная масса, система упростилась бы до предела, и люди едва ли смогли бы в ней жить.

Наряду с космополитизмом, часто употребляется понятие «интернационализм», но ни в одном справочнике не проведена четкая граница между этими понятиями. Тем не менее «пролетарский интернационализм» в нашей стране декларировал отмирание национальных различий в отдаленном будущем. То есть в его основе лежит та же идея, что и в основе

космополитизма, следовательно, это явление негативное. Допустимый интернационализм можно квалифицировать как сумму дружелюбных национализмов (впрочем, такова и формула империи).

А что же такое «фашизм» и чем он отличается от «нацизма»? Слово «фашизм» происходит от латинского «fascio» – «пучок прутьев». Римские ликторы, сопровождавшие консулов или преторов (римских магистратов), в качестве знака их власти носили пучок прутьев или розог на плече в черте города, а за чертой города в этот пучок вкладывали топорик. Сам термин «фашизм» ничего зловредного не означает и переводится с итальянского, как «единство». Кстати, в русском языке этот корень живет самостоятельно и с фашизмом никак не связан – при продвижении машин на поле боя большие пучки прутьев сваливаются во рвы и называются «фашинами», а лесные дороги чинят «фашинником».

Многие находят некую идеологическую предысторию фашизма, хотя и очень смутную, в выступлениях отдельных публицистов первых лет XX века. Однако в тот момент почва для фашизма еще не была готова. В начале XX века существовали две тенденции разрушения традиционной государственности и традиционной общественности: безудержный радикал-либерализм и социал-анархизм. Безудержный радикал-либерализм, декларировавший всеобщее гражданство, всеобщее избирательное право и неограниченность функционирования рыночной экономики, обычно связывают с англосаксами (англичанами и американцами). Но за исключением фритредерства, то есть неограниченной свободы торговли, другие свои теоретические разработки англичане, будучи традиционалистами, вовсе не торопились у себя вводить. А к уравнительному коллективизму призывали двигаться социалисты различных мастей и анархисты.

Первая мировая война превратила эти тенденции в реальность. Россия и Австро-Венгрия были разрушены и расчленены. В Турции и Германии было разрушено государство, хотя эти страны не подверглись расчленению (Турция потеряла

нетурецкие территории, и то не все). Одновременно образовались многие малые государства, некоторые достаточно искусственно. Для очень и очень многих западноевропейцев рухнул мир, причем мир довольно уютный, мир высокой культуры и цивилизации XIX века. Именно под впечатлением этого разрушения Шпенглер заканчивал свой «Закат Европы».

И тогда появляются сначала первые фашистские теоретические и публицистические работы, а затем и первые фашистские движения. Первыми теоретиками фашизма стали итальянец Б. Кроче и испанец маркиз Х. А. Примо де Ривера. Фашизм на уровне ранних разработок представлял собой как идею, так и практику инициативного силового народного движения с целью воссоздания традиционной общественности и государственности. Фашизм того времени – это прежде всего корпоративизм.

Следует отметить, что мир, созданный в рамках христианских культур Запада и Востока, был весьма корпоративен. Помимо сословий, которые сами по себе есть корпорации, существовали и многие другие корпорации: ремесленные цехи и купеческие гильдии, университетские корпорации и корпорации школьные, монашеские ордена, как рыцарские, так и чисто монашеские, да и сам отдельный монастырь – это корпорация. Впоследствии были известны многочисленные корпорации, объединяющие творческих деятелей. Между прочим, профессиональные союзы – тоже корпорации.

Корпорации были сильны на Западе еще в Позднем Средневековье, а в XVIII века начался процесс их ослабления, который шел по нарастающей, и в начале XX века корпорации были уже значительно ослаблены и даже частично разрушены. Еще задолго до Первой мировой войны были разрушены сословия, по сути дела их как действующих официальных категорий не осталось. В итоге, мир начала XX века обнаружил, что традиционное общество разрушено и превращается в бедствующую аморфную массу, причем бедствующую во многом потому, что общество перестало быть по-настоящему структурировано.

В настоящее время мир ощущает опасную неструктурированность социума и стремится к восстановлению корпораций в том или ином виде. А еще в 60-х годах термин «корпоративизм» у нас прочно ассоциировался с фашизмом, и потому его избегали. Ныне им свободно пользуются в США, где имеет место мощная тенденция к усложнению системы – «коммунитаризм», последователи коего есть и в других странах Запада. Коммунитаризм – это фактически муниципализм. Суть коммунитаризма в развитии коммун, местного самоуправления, местной жизни, замкнутой на сообщество небольшого городка или сектора, района большого города. Кстати, коммунитаризм – тоже корпоративизм.

Между мировыми войнами восстановление корпораций и корпоративного уклада происходило везде, где фашистские движения достигали определенных результатов. Например, в Испании при Франко был восстановлен традиционный парламент (кортесы) как корпоративное представительство. Иными словами, в кортесах заседали не представители абстрактно-статистических жителей, а представители социальных корпораций и муниципалитетов. Такая форма парламентаризма имеет больше шансов на то, что избиратели будут избирать лицо, а не политическую программу, что между избирателем и избираемым сохранятся неформальные отношения, потому в данном случае корпоративизм демократичен, ибо защищает демократию от превращения ее в охлократию.

Конечно, фашизм не исключал силовые методы борьбы, однако после Первой мировой войны и цепи революций к силовым методам привыкли все. Тем не менее, в самой идее первоначального фашизма не было места фашистскому государству. Фашизм существовал только как движение, единственная цель которого – восстановить то, что было раньше, то есть провести определенную социальную реставрацию. В этой связи образование фашистских государств (а таковые образовались) есть измена первоначальному фашизму. Насколько это были жесткие государства и насколько правомочно сближение понятий «фашизм» и «нацизм»?

Нацистских тенденций за Пиренеями – в Испании и Португалии – не было вообще. В этих двух благополучно переживших войну и существовавших после государствах (в одном случае – монархии, другом – республике) имел место восстановительный период, временная диктаторская власть, но никакого нацизма не было.

В догитлеровской Австрии господствующим было фашистское движение, и вплоть до Аншлюса там торжествовал достаточно жесткий консерватизм при полном отсутствии какой бы то ни было нацистской составляющей. Например, в Австрии можно было основать частную школу, причем не только католическую (что было бы естественно, потому как Австрия по большинству населения есть католическая страна), но и протестантскую, православную или иудейскую (мусульман в Австрии не было). Государство, а точнее, общество руками государства не позволило бы основать лишь внеконфессиональную (атеистическую) частную школу. Это – консерватизм, но все же весьма терпимый, для всех оставляющий свое место. Но Австрия была разрушена, и разрушена она была гитлеровцами. Иными словами, германский нацизм уничтожил австрийский фашизм.

Элементы нацистского мировоззрения заметны в Италии Муссолини, хотя это было итогом сближения с Германией и ее сильного влияния.

А саму Германию, хотя в ней все начиналось в 20-е годы с фашистского движения, и вообще нельзя считать фашистской страной, а правильнее считать нацистской, ибо доктринально Германия исходила из идеи национального превосходства, сопрягающейся с идеей расово неполноценных народов. Она стремилась достичь всеевропейского господства и не столько основать империю, сколько выкачивать жизненные блага из сопредельных государств. Кроме того, Германия совсем не стремилась к воссозданию традиционной германской общественности и государственности и тем самым не соответствовала необходимому начальному условию фашизма.

Вряд ли стоит защищать в наше время фашизм, но понять, на каких основаниях он возник, стоит. Во всяком случае,

фашизм есть достаточно симпатичное социальное явление, если вспомнить коллизию австрийцев 20-х годов и даже франкистского Движения фалангистов, спасавшего Испанию от республиканского правительства с его ЧК (именно так по-испански и называлась их карательная структура – «че-ка»). Куда серьезнее параллели у австрийцев 20-х годов и испанских фалангистов не с германскими нацистами, а с отрядами «молотобойцев» Бертрана дю Геклена и с демократическим движением Второго земского ополчения Минина и Пожарского. Последние тоже были народными (при отсутствии государственности) силовыми движениями во имя восстановления традиционной общечеловеческой и государственности, что, кстати, к 1613 году в России и было достигнуто.

В нашей литературе царит дикая путаница: мы путаем понятия «фашизм» и «нацизм», а это – примерно то же самое, что путать советский коммунизм с британским лейборизмом на том основании, что и те, и другие социалисты. Но различать эти понятия очень важно, потому что, тотально отрицая фашизм, мы рискуем негативно отнестись к его главной составляющей – корпоративному движению. А восстановление корпораций в той или иной форме есть насущная задача не только современных западноевропейцев, у нас эта задача обострена до предела. Мы не можем без восстановления социальных структур надеяться на создание гражданского общества.

Не может быть политического православия, как не может быть православия гламурного

2 апреля 2008 г.

Давайте не будем повторять ересей, осужденных на третьем и четвертом Вселенских Соборах. Не может быть политического православия. Но православная политика должна быть во всех аспектах

Выступление на конференции «Христианская политика в XXI веке».

Когда нам сегодня говорят: «православные – займитесь бомжами и проститутками», то самое главное заметно. В некотором смысле не догматическом, а в культурном, а, может быть, и в каноническом, нам предлагают некое скрытое несторианство, а когда нам предлагают забиться в угол перед иконами, нам предлагают некое скрытое монофизитство. Давайте не будем повторять ересей, осужденных на третьем и четвертом Вселенских Соборах.

Не может быть политического православия, как не может быть православия гламурного, может быть только Православие. Но православная политика должна быть во всех аспектах. Я назову несколько.

Вот сейчас прошли выборы. Я узнал как выглядит лицо будущего президента, когда появились предвыборные плакаты. О его политической деятельности и политических интересах я ничего не знаю и я уверен, что тетя Дуся знает меньше, чем Махнач. Это лицемерие, но лицемерие мы должны называть лицемерием, даже в Коране самое страшное обвинение Мухаммеда это «лицемер». Но у нас есть выше авторитет: «Горе вам, фарисеи и лицемеры», – говорил Спаситель.

Когда нам указывают, что вот выбрали, то ни один социолог, включая наших врагов, не сомневается, что никаких 70% не было, никаких 50% явки быть не могло, хорошо, если она была 25%. Никто не сомневается, что на выборах 1996 года Ельцин проиграл Зюганову, а на выборах 2000 года Путин победил, но

только во втором туре. У него шанса ни одного не было пройти в первом, а ведь прошел.

Говорят, ну, мол, какая разница, все равно победил. Но мы православные, мы говорим, что нам нужна нравственная политика, и мы должны нравственному хаму говорить, что он нравственный хам. И если мы видим, что к нему надо относиться только с презрением, то и относимся к нему только с презрением. Это один аспект, который нас касается, нравственный аспект всей нашей политики, это дело только наше, только православных людей.

Второе. Нас безусловно интересует, и гораздо больше, чем проблема несчастных проституток с бомжами, проблема демографическая. Мы проекты предлагали, они опубликованы, направлены на самый верх, и ничего. Это нас касается вместе с государством, это – совместный интерес общества и государства. Еще немного, и мы вымрем и лишимся всей территории на Востоке. Лишимся нашего богатства, которое каждого из нас сделает миллионером. Может сделать больше, чем нефть, транссибирская магистраль и 10% всей пресной воды на планете – озеро Байкал. Скоро питьевая вода будет дороже нефти. Это второе.

Нас интересует миграционная политика правительства, точнее она нас категорически не устраивает. Дело, кстати, не только в иммиграции. Иммигрантов можно защищать милиционерами, но нас, в конце концов, больше, чем милиционеров. Но над нами висит страшная проблема эмиграции. За последние 15 лет из России вывезено приблизительно 1 миллион женщин. Более половины законными женами иностранцев в США, Германию и Египет. Это проблема, и проблема наша, мы должны, между прочим, соответствующим образом девиц воспитывать. Скоро у нас при любой демографической политике просто рожать будет некому, придется, видимо, заниматься почкованием.

Мы должны всегда помнить, что в нашей стране этнокультурные христиане составляют подавляющее большинство населения. В вероисповедном плане церковные христиане не являют собой подавляющего большинства, но все

равно являют собой самую крупную социальную группу. Нас намного больше, чем тех, кто голосует за коммунистов. Власть нас боится, и надо пользоваться тем, что она нас боится .

«Не хочу служить!» – Это логика СОЦИАЛЬНЫХ НИЗОВ

Ты имеешь право пролить кровь за Отечество – и я имею такое право. А раз имею его, то являюсь полноценным гражданином. Сколько обязанностей, столько и прав – естественная логика.

В истории России было три тотальных военных реформы. Первая проходила в период царствования нашего первого государя Иоанна Васильевича – в условиях, когда впервые возникла российская держава. Причина создания поместного войска (отсюда помещик) была проста: имелась необходимость создать общерусскую армию вместо совокупности княжеских, боярских и городских дружин. С этой задачей, надо заметить, Иоанн III вполне справился.

Вторая тотальная реформа состоялась во времена царствования Петра I. Она заключалась в изменении системы комплектования армии, то есть во введении рекрутского набора. Смысл и надобность ее тоже понятны. Начиналась эпоха крупных наемных армий: на таковую у России начала XVIII века не было денег – поэтому пришлось часть бремени военной службы снять с дворян и возложить на бесправных крестьян. Впрочем, и эта реформа полтора века неплохо работала: на основании рекрутского набора мы в XVIII веке впервые взяли Берлин, в XIX разгромили Наполеона...

Третья реформа проходила в 70-е годы XIX века. Ее суть состояла во введении Закона о всеобщей воинской обязанности. Освобождение крестьян сделало более юридически невозможным поставку рекрутов исключительно из них. В соответствии с духом времени, начавшейся эпохой массовых армий и Россия перешла на всеобщую воинскую обязанность, что в целом позитивно отразилось на ее действиях на полях брани.

Что же предлагается теперь и по каким причинам?

Радикалы, вроде Бориса Немцова, выступают за полный переход на наемную или, как сейчас говорят, контрактную

систему комплектования армии. Менее радикальные реформаторы говорят о частично профессиональных ВС с сохранением Закона о всеобщей воинской обязанности. Зачем все это?

Стоит заметить, что система профессиональной армии сосуществовала с системой народной армии не то что веками – тысячелетиями. В греческих городах армии комплектовались из граждан по системе хорошо обученного ополчения. Однако, кроме этого, с умножением войн появились и наемники – средневооруженные пехотинцы, и наемники-кавалеристы. Римская армия была народной, по сути дела, ополченной, хотя и прекрасно обученной. Опять-таки, когда Рим стал всемирной империей, появились и военные профессионалы. А вот пример из отечественной истории. В 860 году киевское войско под водительством князей Аскольда и Дира успешно осаждает Константинополь. Город не взяли, зато приняли крещение, окончательно повернув Русь на путь христианской страны, ну а заодно заключили выгодный договор с Константинополем. Каков мог быть состав войска Аскольда и Дира? Киевская дружина в середине IX века могла состоять из трех-пяти сотен настоящих профессионалов бояр – не более того. Константинополь был городом с населением по крайней мере в 400 тысяч человек, а значит, являться с таким войском против него не было никакой возможности. Даже при привлечении дружин зависимых и союзных князей нельзя представить себе профессиональное войско, численность которого необходима для осады Константинополя (требовалось в десять раз больше – 3–5 тысяч дружинников). Ясно, что было созвано ополчение – наверняка добровольное.

И эта система в отечественной истории повторяется многократно. Взять крупнейшее в масштабе Европы сражение Средневековья – Куликовскую битву. Войско Дмитрия Ивановича состояло из 30–40 тысяч человек, из них профессионалы-дружинники не могли быть более чем третьей частью. Вновь налицо сочетание профессиональной армии и призванной. Последующие российские эпохи дали подобную картину, – нет необходимости разбирать их.

Обратимся к советскому периоду. Разве в это время не было армейских профессионалов? Прочитаем похоронный список подлодки «Курск». Офицеры, мичманы... Это ли не подлинные профи? Матросов действительной службы было совсем немного. В ракетных войсках стратегического назначения боевое дежурство вообще несут одни профессионалы. В авиации летают только офицеры: последние прапорщики отлетали в конце шестидесятых на военно-транспортных самолетах АН-12 хвостовыми стрелками (впрочем, сверхсрочников тоже явными непрофессионалами не назовешь). То есть и ныне мы имеем частично профессиональную армию – по-другому и быть не может.

Теперь о том, как «у них».

Да, в США и Великобритании чисто профессиональные наемные армии. Однако заметим, что это – самые богатые страны мира. При этом многочисленная и хорошо обученная армия Китая комплектуется по системе всеобщей воинской обязанности. Китай нам не указ, скажут иные? Что ж, и несомненно демократический бундесвер сохраняет систему всеобщей воинской обязанности: один год служит всякий немец, не требующий для себя альтернативной службы по пацифистским соображениям.

Заметим, что желающих прибегнуть к последнему варианту очень мало, ибо, во-первых, допустим, ухаживать за тяжелобольными отнюдь не легче, чем тянуть армейскую лямку, а во-вторых, человек, отказавшийся послужить в бундесвере, навсегда лишает себя возможности занять серьезные посты на госслужбе. Неофициально, но его не допустят даже к службе в полиции, учительской работе в государственной школе... Неприлично в Германии не служить в бундесвере – и все! Полагаю, нам не грех задуматься над таким опытом, созданием соответствующей общественной атмосферы.

По-настоящему народную и всеобщую армию, включающую и женское население, имеет государство Израиль. Военную подготовку там проходят все. Израиль считается страной вполне прогрессивной и демократической: интересно, как это вяжется с представлениями наших радикал-демократов о

«несовместимости свободы и прав граждан с обязательным призывом на воинскую службу»?!

Вопрос, впрочем, упирается в другой, более общий: а кого, собственно, считать демократом?

Во все времена демократы добивались военной службы. Так было в Греции, в Риме, в Средние века в городских коммунах... Почему? Да потому что благородная военная служба уравнивала представителя демократических кругов с дворянином-аристократом. Ты имеешь право пролить кровь за Отечество – и я имею такое право. А раз имею его, то я полноправный гражданин. Сколько обязанностей, столько и прав. Это – естественная логика. «Я не хочу служить!» – это не логика общества, народа, нации, но логика быдла, социальных низов, а они к демократам, к гражданам отношения не имеют, в состав оных не включаются.

Другое дело, что сегодня служба в российской армии отнюдь не является предметом гордости. За последние советские десятилетия мы разучились гордиться своим солдатом, а следовательно, и уважать его. В дооктябрьской России человеком с оружием гордились даже тогда, когда им становился выходец из крепостных крестьян. Став солдатом, таковой, перестав быть барским, именовался царским! Теоретически такой человек имел даже возможность стать офицером – и многие ими и становились. А иные выходили и в генералы! Об Антоне Ивановиче Деникине Советская Энциклопедия сообщает, что он – сын офицера. Был бы Деникин не белым, а красным генералом, о нем наверняка сообщили бы, что он – сын выходца из крестьян, такого вот выслужившегося солдата...

Да, дедовщина, неуставные отношения разъедают современную армию и вроде бы требуют перевода таковой на профессиональную контрактную основу. Но что толку говорить об этом, если мы не потянем решение проблемы хотя бы финансово?! Средств категорически не хватит даже для опасно сокращенных ВС, сколь красноречиво ни расписывай прелести наемной армии, что, впрочем, делается в основном в предвыборных целях. Реально нам придется наводить порядок

в обществе и в армии: армия – это особая часть общества, гипертрофированно выявляющая пороки последнего.

Между прочим, государственная программа, которая способствовала бы повышению рождаемости, а значит, и появлению недостающего сегодня призывного контингента, обойдется государству много дешевле, нежели создание требуемой для России контрактной армии (нам так и так жизненно необходимо принимать меры к увеличению народонаселения, дабы не сгинуть как нации).

Далее. Факт, что наша армия недостаточно обучена, не на уровне боеспособна. Но ведь есть опыт зарубежных хорошо обученных и необходимо боеспособных армий, комплектуемых призывниками. К выше называвшемуся Израилю здесь можно добавить хотя бы Швецию, Швейцарию... Там везде не наемные армии, хотя эти государства вполне богаты, могли бы себе позволить «поконтракtnичать»...

И еще один довод против сугубо контрактной армии. Не хотел бы преувеличивать опасности применения подобных ВС против народа ввиду их полной управляемости со стороны власти, однако свободолюбивому гражданину радоваться даже такой гипотетической возможности не пристало.

Против малочисленной контрактной армии «выступает» и самая большая в мире наша сухопутная граница с другими государствами.

Короче, сохранять и развивать профессиональную часть российской армии необходимо. Надо комплектовать контрактниками силы быстрого реагирования – спецназ, ВДВ... Но очевидна и обязательность завтрашних призывных армейских сил.

Что можно предложить для их нормального функционирования?

Первое. Следует, как минимум, вдвое сократить число генеральских должностей. Освободившихся генералов (как это делают с 50-летними генералами в государстве Израиль) надо направить преподавать, охранять природные богатства... То есть вывести на заслуженную военную пенсию с возможностью некоего уважаемого заработка. Смешно сказать, но в настоящий

момент на одинаковое число солдат (скажем, на 10 тысяч) у нас в полтора раза больше генералов, чем в армии исключительно богатых США. Экономия на генералах – это не так мало, как может кому-то показаться.

Второе. Давно пора уничтожить наследие коммунистической эпохи – институт комиссаров, которые превратились в заместителей командиров по политической части, офицеров-воспитателей. Автор этих строк служил в авиации в конце 60-х рядовым, младшим командиром. У солдат были хорошие и доверительные отношения с целым рядом офицеров-командиров, но никогда не с политработниками. Уже тогда их молча не уважали. Как же тогда относятся к ним сейчас?! Россия – православная страна, где также проживает немалое число мусульман. Родители призывников вправе требовать от государства, чтобы безбожник не был воспитателем их сына. 18-летний верующий может воспитывать атеиста-офицера, но никак не наоборот.

Гнать на улицу политработников не надо. Они прошли строевую подготовку и вполне могут занять строевые должности. Того, кому таких должностей не хватит, опять-таки можно направить на охрану природы: у нас с этим сегодня ох как плохо. Немедленно следует также закрыть военный университет – бывшую военно-политическую академию им. Ленина. При этом стоит припомнить, что в русской армии всю воспитательную работу обеспечивал один человек – полковой священник (если полк был гвардейским или укомплектован по штату военного времени, имелся еще полковой дьякон)...

Третье. Думается, пришла пора упразднения внутренних войск. Пока рассуждают о военной реформе, что-то не слышно о реформе МВД. Численность внутренних войск уже стала сопоставимой с численностью Вооруженных Сил. А, собственно, зачем они нужны? Еще в СССР в перестройку I съезд народных депутатов постановил упразднить военные формирования невоенных ведомств. То есть войска КГБ, МВД, Министерства путей сообщения. Но при Ельцине эти контингенты как раз бурно росли, включая контингенты МЧС. С кем должны бороться внутренние войска? С внешним противником борется армия, с

преступниками – полиция (милиция). Выходит, с собственными гражданами? Даже древние греки осознавали, что правитель должен быть слабее совокупности собственных граждан, иначе он превращается в тирана. Вооруженные контингенты МВД должны быть переданы в состав Вооруженных Сил и подчинены Министерству обороны: тогда и можно еще раз разобраться, на какую численность ВС у нас денег хватает.

Четвертое. Как уже было сказано, на протяжении всей истории наблюдается сочетание профессиональной армии с ополчением. Нужно создать в России территориальные войска, обучать их на местах. Это будет вдвое дешевле, чем обучение такого количества общедоверальных призывников. Территориальные войска могут включать в себя пехоту, бронетанковые войска и войска связи, железнодорожные и транспортные войска, службы обеспечения и т.д. Таким образом мы резко удешевим систему мобилизации и создадим возможность постоянно поддерживать подготовленный резерв. К примеру, в Швеции и Швейцарии солдат, отслуживший срочную службу, отправляется домой со своим табельным оружием (которое прячется в специальный сейф). С этим поддерживаемым в хорошем состоянии оружием он время от времени является на стрельбище – в любой момент готов вооружиться и выступить на защиту государства и народа. Кроме этого солдат имеет дома обмундирование, противогаз, если он из велосипедного пехотного подразделения – то и средство передвижения.

И в США есть ополчение, называемое национальной гвардией. В случае очень тяжелых национальных беспорядков за отсутствием внутренних войск именно оно призвано обеспечивать общественный порядок.

Теперь о сроках службы. Для солдат действительной службы реально срок службы в армии можно сократить до 1 года. Для специалистов – высоких профессионалов это можно сделать в пределах полутора лет. Однако и первое, и второе возможно лишь при серьезной военной подготовке в школе.

Увы, в целях сбора возможно большего числа голосов избирателей будущие депутаты, представители партий и

общественных движений предлагают, как правило, популистские и несуразные вещи. Призвал бы читателей анализировать их трезво, памятуя о наших воинских национальных традициях.

Еще раз подчеркну, что военная служба граждан – это демократическая традиция. Никого не надо загонять в казармы силой, но... Отказываешься от службы – отказываешься от политических и ряда других прав, причем пожизненно. Вот это я бы предложил сделать нормой российской жизни непременно. И тогда наверняка большинство российских граждан служило бы, и служило бы хорошо.

Стоит также напомнить, что христианство ничего общего с пацифизмом не имеет, как это пытались внушить обществу коммунисты, а до них Лев Толстой. Христианин миролюбец и миротворец, однако допустить причинение зла другому он не может. Он может позволить обидеть себя, но защита своего государства и народа – дело для него святое. И честно павший на поле брани за други своя на Руси, в общем, уже всегда считался спасенным.

И над этим тоже надо задуматься, когда мы подходим к вопросу о военной реформе.

О благоустройстве общества

Статья 2003 года.

Почти каждый из нас хочет жить в благоустроенном городе самой благоустроенной страны.

Таким образом, можно считать, что идеал благоустроенности – это сразу и социальный идеал, и эстетический, и какой угодно. То есть, мы все, наверное, хотели бы, чтобы Москва была исключительно благоустроена, и чтобы при этом была окружена удивительно благоустроенной Россией. А что такое благоустроенная страна и благоустроенный город? Самая богатая страна? Нет.

Нетрудно видеть, что не самые богатые страны бывали самыми благоустроенными. Но уж, конечно, и не бедные. Идеал всеобщей бедности и теперь, наверное, никого не привлекает. Самая благоустроенная страна в настоящее время все-таки Англия. Как англичане достигли этого состояния?

Во-первых, у них были замечательные основы для единства, для проявления единой национальной воли, и для выработки единых идеалов. Никто для этого не ходил на митинги, и не вырабатывал партийных программ. Наоборот, англичане были разнообразны, как теперь неудачно говорят, «плюралистичны». Каждый англичанин в XVIII-XIX веках прежде всего был англиканином, членом англиканской Церкви, во вторую очередь он был англичанином, а вот в третью очередь он мог быть консерватором, либералом, лейбористом и даже коммунистом. И мы так можем. Только для этого надо отчетливо представить себе, что мы прежде всего православные, затем русские, а потом мы можем быть кем угодно. Тут вам и единство, и разнообразие сразу. Ну чем не идеал?

Во-вторых, англичане традиционны, и мы были традиционны. А слово «традиция» означает примерно то же самое, что и слово «культура». То есть, когда мы говорим, что англичанин – традиционалист, это означает, что он – человек высокой культуры. Вот мы сильно подзабыли, как по-русски пить и есть, как по-русски песни петь. Смею вас уверить, англичане

делают это по-английски. Или вот такой пример. Как дома строятся? Ведь у каждого народа свое жилище, и у каждого – свое место обитания: город или деревня. Если вы посмотрите на новые улицы в небольших английских городах, то вы, не будучи специалистом, не сможете их отличить от находящихся рядом – с домами, простоявшими двести и триста лет, настолько они неуловимо похожи, хотя все разные – здесь вкус одного хозяина, а здесь – другого. А вот этот дом три века простоял, и на нем отразились вкусы всех его владельцев, сменявшихся все это время. Но все они – английские. А вот тут еще строят второй этаж, а цоколь дома уже покрыт мхом. Вот уж не знаю, есть ли у английских строителей рецепты замшения цоколя, или погода помогает, но всё выглядит удивительно по-британски.

У нас ведь тоже есть свои вкусы и свои приоритеты. И русское жилище должно быть окружено не привезенными с юга тополями. У нас – другие деревья: дуб, ель, береза.

А мы имеем право жить в благоустроенной стране? Имеем. Достичь этого не так уж и трудно. Культурные традиции есть традиции общества, традиции устройства общества, управления обществом. Нам неоднократно в нашей истории навязывали бюрократическое правление. И всегда оно заканчивалось плохо. Почему? Потому что оно лежит вне русской национальной традиции. Мы в этом отношении, кстати, похожи на англичан, они тоже бюрократии не любят. Немцы к бюрократии гораздо терпимее, французы просто обожают ее, они поэты бюрократии.

У нас старинная демократическая традиция управления на местах, нам надо местных правителей, начиная со старосты, выбирать и обсуждать их действия и поведение. Так будет по-русски, это – русская социальность.

Мы можем считать делового человека особо ценным членом нации, который выполняет своеобразный подвиг, так же, как учителя, военного. Раньше они были удивительно уважаемые люди. Но и уважение было разное. Во всем, если мы хотим жить в благоустроенной стране, надо считаться с национальной традицией. Она у нас была и в предпринимательстве. На протяжении столетий держалась

своеобразная иерархия достоинства среди деловых людей. Полагали, что делец первого ранга – это промышленник, на втором месте – купец. А банкир – на третьем, его даже иногда пренебрежительно называли «процентщик». Традиция эта прервана чудовищным советским периодом, но она никуда не делась. Другой-то у нас нет, поэтому мы ломаем национальную традицию, когда живем в условиях процветающих частных банков, дикой нетрадиционной торговли и совершенно прежней социалистической промышленности. А это – диспропорция ценностей. Следовательно, так мы не достигнем ни благосостояния, ни благоустроенности общества, ни того равновесия, к которому все стремятся, которого все желают.

Заинтересовано ли общество в целом, в большом количестве богатых людей?

Некоторые полагают однозначно – да. Но как-то очень странно полагают: пусть у нас будет много богачей, а они постепенно научатся жертвовать на школы, на произведения искусства. Но им будут завидовать, и каждый нормальный человек с развитым чувством собственного достоинства вовсе не хочет, чтобы его содержали, он хочет сам содержать себя, семью, детей и, по возможности, внуков.

Общество не заинтересовано в имущественном равенстве, как это ни проповедовали всевозможные социалисты. Люди в это всё равно не верят, потому что все люди – разные. Общество заинтересовано в том, чтобы как можно больше было людей зажиточных, у которых – свое дело, своя роль в предприятии, по возможности, свой дом, то есть в той или иной степени – хозяйство. Именно люди, чем то владеющие, уверены в себе. А, следовательно, эти люди и граждане – хозяева в полном смысле этого слова, и они будут уважать состояние другого, даже если их состояние меньше. Вот они-то и будут созидателями благоустроенной страны. Для этого нужно, чтобы, по крайней мере, каждый второй был хозяином. Это и есть благоустроенное общество. И это реально не через сто лет, а через небольшое количество лет. Лишь надо всем очень этого захотеть.

О конституции

Статья 1995 года.

Любят у нас частенько поговорить о конституции – о «долге перед конституцией», об «ответственности перед конституцией», о «конституционном порядке», о «соответствии законов конституции», и о более серьезных вещах – «верности конституции», «присяге конституции». Говорят-то частенько, но что интересно, никто ведь не торопится объяснить, а что это за штука такая – конституция, что это за существо, которому мы должны быть верны и которому присягаем.

Латинское понятие «конституция», вошедшее в юридическую терминологию самых разных народов, имеет два значения. Исторически сложившееся значение – основной закон, то есть неизменяемая часть законодательства. Любой закон можно принять, а через месяц, в сущности, и упразднить, а вот конституция уже более двух веков никогда не изменялась. Другое, и основное, коренное значение слова «конституция» – «учреждение», установление чего-то, чего раньше не было. Прежде всего, учреждение государства, дотоле не существовавшего. Американская Конституция – это учреждение государства «Соединенные Штаты Америки», которого никогда не существовало, а были английские колонии, только что завоевавшие свою независимость. Конституция Республики Франция – это учреждение нового, революционного государства в старой доброй стране Франции. Страна та же, но государство принципиально новое. Кстати, предлагая русским людям в 1993 году Конституцию, им предлагали признать, что России до тех пор не существовало, по крайней мере, как государства, но скрыли от них, что скрывается в этом термине.

Были ли у русских людей раньше конституции? За советское время их было три – одна краше другой. Пожалуй, самые прекрасные и благодетельные в мире, но ни одна из них не исполнялась, а была красивой картинкой. Ни об одной из них русских людей не спрашивали – пожелают ли они учредить новое государство?

Но советское время – время особенное. Это ведь и вообще был не русский режим, а режим, русским навязанный. А что было раньше? В первом смысле слова, в качестве основных законов, у нас конституция была с 1906 года. Перед избранием Думы Император Николай II манифестом утвердил Основные законы Российской Империи, которые Дума не властна была изменять. Основные законы, безусловно, выполняли эту функцию конституции. Конечно, никто не учреждал нового Государства. Учреждался новый парламентарный государственный строй. Все – от Государя до последнего подданного – понимали, что Государство – то же самое – тысячелетняя Россия.

А в более глубокой древности мы всегда были таким ужасно отсталым народом, что веками жили без конституции? Должен заметить, что многие народы, вовсе не считающиеся отсталыми, без конституции прекрасно живут и по настоящий день. Так, в Великобритании, стране традиций стародавних, проверенных временем, причем в стране, которую все признают демократической, конституции нет. И ничего, обходятся, и совершенно правильно обходятся – ведь им не приходит в голову учредить новую Англию, они предпочитают жить в Старой Доброй Англии. Можно возразить тут, что демократическая традиция Великобритании самая древняя, и именно потому традиция заменяет конституцию. Но вот государство Израиль создано целиком, включая нарезку территории, всего лишь полвека тому назад – в 1948–49 годах. И конституции тоже не имеет. Несмотря на то, что государство молодое, и представляет собой парламентскую республику. Так что без конституции можно обходиться.

А как же обходились без нее русские люди? У нас никогда не было принятия конституции в виде учреждения чего-то нового. Мы в той или иной степени все-таки были верны своей традиции. Но функцию основного закона у нас иногда исполняли определенные законы. Вот, давайте, посмотрим на древнейший период. В середине XI века Великий князь Киевский Ярослав Мудрый, наверняка посоветовавшийся не только с боярской аристократией, но и киевлянами (ни один князь ни на что

серьезное без этого просто не осмеливался), принимает Русскую Правду. Это, конечно, не придуманные Ярославом законы. Это запись существовавших к тому времени много веков, а частично, может быть, и тысячелетий, славянских обычаев. Но с Ярослава они приобретают вид четкого, записанного закона.

Конечно, считать Русскую Правду конституцией даже в смысле основного закона – в XI-XIII веках – затруднительно. Но посмотрите, что происходит дальше. Не стало Киевской Руси. Западные русские княжества постепенно оккупируются западноевропейцами. На Востоке владычествует Орда. Нового общерусского законодательства не создается, да оно и не может быть создано – нет же общерусского государства. Князья издают в своих землях указы, грамоты, имеющие силу закона. Новгородцы создают Новгородскую Судную Грамоту, Псковичи – Псковскую. Но Правда Русская продолжает существовать, она лежит перед этими новыми законами. Ее все имеют в виду, создавая новые законы. И вот в этот период Русская Правда и заимствованный еще из Византии сборник Церковного Законодательства «Мерило Праведное», исполняют роль конституции. Ни одно вече, ни один князь не дерзают отказаться от них, ни, тем более, что-нибудь в них изменить.

Создавая единое Русское государство, великий государь наш Иоанн III опирается на положения Русской Правды. В 1497 году Иоанном III издается Судебник. Это, конечно, не конституция, это небольшая книжка законов для практических надобностей его времени. Первый общерусский закон со времен домонгольских. Но при составлении Судебника учитывается Русская Правда. Так же при составлении Судебника Иоанном IV в 1550 году, столетием позже, при составлении Соборного Уложения царя Алексея Михайловича. Соборное Уложение, охватив основные вопросы гражданского, уголовного, а частично, и административного права, в какой-то степени начинает выполнять функцию конституции.

И вот здесь очень интересная деталь. Петербургская бюрократическая империя законодательствует с трудом, со скрипом. Оторвавшись от Соборных традиций России, законы

издать трудно, да и оказываются они недолговечными. Но Соборное Уложение XVII века не отменяется. Конечно, некоторые его статьи не действуют уже при Петре, тем более, при Александре I, но никто его не отменяет. То есть, Соборное Уложение 200 лет, от царствования Алексея Михайловича до царствования Николая I, выполняет фактически функцию основного закона, функцию конституции. На Руси, кстати, давно привыкли жить «по закону». У нас и обычай имел силу закона неписаного, и так много-много столетий. В русском языке и слово «право» одного корня с такими замечательными коренными понятиями как правда, правый, православие. Это революционеры и другие враги русских всегда стремились доказать, что мы народ неправовой, признаем только власть, а права не знаем. Даже самое поверхностное знание русской истории доказывает, что это не так. Так что есть в русской традиции место конституции как основному закону. Но при некоторых условиях. Это должна быть действительно неизменяемая часть закона. И эта неизменяемая часть должна быть освещена традицией.

А как же быть, если традиция прервана? Вижу один выход. Создавая новый основной закон, постараться установить преемство с основными законами Российской Империи, с более древними законодательствами, начиная с Мерила Праведного и Правды Русской Ярослава. Иначе ничего не получится. Мы ведь уважаем традицию, может быть меньше, чем англичане, но уважаем. Может ли служить миру и единству русских людей документ, который не просто только что издали, обсудив втихую в тесном кругу политиканов, замешав этот документ на крови, пролившейся в столице, но еще и заявив потом, что Конституция необходима, но, конечно, она носит переходный характер. Переходную конституцию, естественно, никто почитать за Основной закон не будет. Да, какая же она конституция, если в момент ее составления те, кто располагает силой, властью, только что раздавили противников. И то понятно, что временный это закон, и не будет ему долгой жизни. Нельзя призывать даже уважительно относиться к такому закону, а тем более, хранить ему верность. Страшно заставлять

присягать на таком законе. Русский человек фальшь чувствует. Ни один воин не присягнет всерьез положить голову за временную, переходную конституцию. А уж если русского воина заставили не всерьез присягнуть, тогда он просто опасен, и прав в этом.

Ну, и конечно, закон тогда основной, когда он писан для всех поголовно. Русский человек традиционно монархист и мог с готовностью принимать законы, изданные царем. Но это отнюдь не означает, что царь может их не исполнять. Напротив, он первый и должен исполнять законы, поскольку он является законодателем. Ну, а в республиканской системе, понятное дело, никто единолично законодателем быть не может. А вот исполнять, по-прежнему, в первую очередь должны высшие чины. Если учесть, что для русских в какой-то степени обычай имеет силу закона, то тем более грубое несоблюдение законов, нарушение, таким образом, стариннейших обычаев, разрешает нарушение законов всем поголовно.

Ну, а как быть с латинским значением слова «конституция»? Конституция как учреждение нового государства, пусть даже и в старой стране. Это возможно у многих народов, возможно и у нас. Но тогда конституция, прежде всего, должна решать коренные вопросы. И первый вопрос – вопрос о правопреемстве. Он может решаться по-разному. Россия может признать себя правопреемницей Российской державы, существовавшей в начале 1917 года, на территории практически всего бывшего Советского Союза, за исключением значительной части Средней Азии. Она может признать себя правопреемницей СССР, в том случае, если конституция декларирует, что СССР в свою очередь в какой-то степени преемствовал исторической России. Это сложнее, но может быть и такая формулировка. Россия может признать преемство от РСФСР в составе СССР, но тогда неизбежно должна вступить в дележку собственности, которая русским людям и РСФСР, несомненно, принадлежит, и за пределами ее территории, в других республиках СССР. Такой собственности как, скажем, автомобильный завод в Риге, филиал Нижегородского автозавода. Или Таллинский морской порт, построенный

русскими людьми для русских надобностей, и русским и принадлежащий. Ну, такое бывает. Многие народы владеют собственностью в других государствах. Если же всего этого не происходит, и вопрос о правопреемстве опущен, русским людям предлагается признать, что историческая Россия уничтожена, бесследно разрушена, что у нас историческую Россию отобрали, а нам швырнули некоторую территорию для проживания, не связанную историческим правопреемством ни с кем и ни с чем.

За вопросом о правопреемстве неизбежно следует вопрос о территории и населении. Он решается в конституции любого государства, или автоматически, когда территорией государства признается вся территория предшествующего государства, существовавшего в той же стране. Если признать территорию исторически сложившейся, то тогда очень странно ответить на целый ряд вопросов – например, куда девалась Черниговщина, бывшая почти всю свою историю в составе России, и Харьковщина, которая просто всегда была русской? Как быть с исторически сложившимися в ходе русско-турецких войн русскими землями в Новороссии, вдоль северного побережья Черного моря? Как могут оказаться вне России такие территории, исторически сложившиеся, как области русских казачьих войск – Терского, Оренбургского, Уральского, Сибирского, Семиреченского? Или вот такой пример – город Ругодив основан русскими в XII веке, первое летописное упоминание под 1171 годом. Затем Ругодив был захвачен Орденом немцев и превращен в немецкую Нарву. Вернулся в состав России. Снова обрусел. Теперь более чем на 90% населен русскими, но, почему-то принадлежит Эстонии, хотя эстонцы в Нарве и вообще никогда не составляли сколько-нибудь заметной части населения. Другой путь – учреждение территории при составлении конституции. Если Российской державы никогда не существовало, и правопреемства она не имеет, тогда, конечно, ее территория создана в 1993 году. Но тогда возникает другой вопрос. А откуда в конституцию попали бесконечные республики со своими границами? Какое учредительное собрание учредило территории Татарии, Башкирии, Чечни? Если до 1993 года России не существовало, и

она правопреемства не имеет, должен был обсуждаться вопрос о создании этих территорий. Нет, они как бы с неба свалились, что, честно говоря, сомнительно.

К вопросу о территории, несомненно, примыкает вопрос о населении, являющийся основанием вопроса о гражданстве. Кто юридически считается нашим? Каковы их права и обязанности? Кто становится гражданином заново учреждаемой России? Это серьезные вопросы, если, конечно, не считать, что любой человек, случайно оказавшийся на территории Российской Федерации в момент принятия Конституции, в силу этого уже гражданин. А тот, кто случайно не находился, например, был в заграничной командировке, или в туристической поездке, тот уже не является? Как приобретается гражданство? Сколько должен прожить в России человек, чтобы стать гражданином? Для любого государства это весьма серьезный вопрос. Интересно, что в нашей переходной конституции вопрос о гражданстве опущен, соответствующая статья говорит только о том, что статус гражданина решается законом о гражданстве. То есть, закон о гражданстве ниже конституции? А кто же тогда принимал конституцию? И не следует ли считать конституцию не действующей на том только основании, что к голосованию по конституции были допущены многие беженцы, оказавшиеся в период перестройки на территории Российской Федерации? Ну, например, несчастные месхи, их историческая родина в Грузии. Сталин выселил их в Узбекистан. Если Узбекистан выгоняет месхов, а Грузия почему-то не желает их пустить к себе, русские из традиционного христианского милосердия могут предоставить им жилье у себя. Но ведь не права гражданства!

Только разрешив вопросы о правопреемстве, территории, населения и статусе гражданина, можно перейти к вопросу о статусе государства. Тип государства – серьезная вещь. Россия исторически была империей. Конечно, Россия может быть не империей, а унитарным государством. А может быть федерацией. Или, даже, конфедерацией. Только ведь кто это определил? Опять-таки, тесный кружок, создавший проект конституции?

А откуда вообще взялась необходимость России быть федерацией? Из периода большевицкой оккупации? Но ведь этот период «отменен». Конституция создает совершенно новое государство. А, следовательно, при создании конституции должен был бы обсуждаться вопрос о типе государства. Кстати, если мы признаем коммунистический режим незаконным и злодейским, мы должны автоматически, создавая новое государство, упразднить и всё коммунистическое наследие. Напомню здесь, что именно коммунистическая власть, в лице Верховного Совета РСФСР, навязала Российской Федерации перед новыми выборами двухпалатный Верховный Совет и съезд народных депутатов. Этого советская власть, почему-то, другим республикам не навязала, а ведь кроме Российской Федерации внутренние деления с автономиями имели также Грузия, Азербайджан, Узбекистан, Таджикистан. И это не говоря уже о том, что все республики бывшего Союза, кроме Армении и Азербайджана, где были проведены этнические чистки, имели гораздо больше, чем Российская Федерация, оснований считаться многонациональными.

В самом деле, первенствующая по численности нация в Казахстане – русские, в Латвии – то же русские. Следовательно, Латвия и Казахстан – это русские государства, пусть даже и независимые. На Украине или в Узбекистане так называемый «коренной народ» в пропорции гораздо малочисленнее, чем в Российской Федерации. Русских в РФ почти 80%. По западным меркам, Российская Федерация – это мононациональное государство, в котором есть еще национальные меньшинства. Даже литовцев в Литве меньше. Оттуда вытекает вопрос, требующий твердого ответа в Основном законе: если Россия собирается вернуть отторгнутые у нее земли бывших союзных республик, тогда она остается многонациональным государством. Если Россия собирается существовать в куцых границах РСФСР, она многонациональным государством не является, и двухпалатный парламент (Верховный Совет и Государственная дума) ей не нужен.

Пятый вопрос, который заранее отказались решать при составлении новой конституции – вопрос о типе власти. Их

всего три – монархия, аристократия и демократия. И никто не мог заранее считать, что в России уже существует демократия, если речь шла об учреждении новой государственности. Кстати, исторически Россия лучшие периоды своей истории существовало как государство, сочетающее все три типа власти. В Домонгольской Руси – князь, бояре, вече. В Русском царстве – Царь, Боярская дума – аристократия, Земский собор – демократия.

Кстати, монархический строй в России никто и никогда не упразднял. Отречение, вынужденное у убиенного государя Николая Александровича предательством, не может считаться законным, хотя бы потому, что русские Основные законы не предусматривали отречения монарха. Тем более незаконным является отречение Николая II за несовершеннолетнего сына. Ну, и наконец, даже если признать этот акт законным, то тогда последний Российский монарх, некоронованный великий князь Михаил, брат государя, оставил вопрос об установлении монархического или иного правления Учредительному Собранию. Учредительного Собрания, как известно, не было, и вопрос, следовательно, остается открытым. Историческая традиция, повторяю, требует смешанной системы, как в XVII веке, как в веке XII.

Шестой вопрос – это вопрос о политической системе. Если принять, что новое государство будет демократическим, то политическая система может называться республикой. И возникает вопрос об избирательной системе. Но мы-то с вами знаем, что Россия – стана стародавней демократической традиции. И у нас была не только допетровская демократия. Великие реформы Государя-Освободителя Александра II восстановили у нас Земства, то есть низовую демократию. Таким образом, более полувека перед революцией Россия была страной с демократическими элементами власти. Что из этого вытекает? То, что мы должны следовать национальной традиции, а национальная традиция указывает на то, что русским неприемлемо господство политических партий. Может быть, их и следует терпеть, но никакими особыми правами, кроме суеты с избирательной кампанией, они обладать не

должны. Русские всегда выбирали конкретную личность – лично знакомого депутата. Кстати, депутат по-русски называется «гласным», то есть «имеющим право голоса». Свидетельство ли это нашей отсталости? Кто знает? На Западе большинство политиков предполагают партийную систему неизбежным злом демократии. Хотя и неизбежным, но все-таки злом, ибо сами политические партии устроены не демократично. Партии – это всегда шайки, накладывающие, естественно, свой отпечаток на демократию и вторгающиеся в жизнь демократии. Попытка устроить демократию по партийному списку в нашей истории однажды уже окончилась провалом. Эта попытка Учредительного Собрания 1917 года.

И еще один важнейший вопрос. Россия не просто исторически страна православная. Россия создана Вселенской православной Церковью как преемница Византии (христианской Римской империи). В пределах странных, навязанных нам границ, люди православные по вероисповеданию – самая крупная общественная группа. А люди, православные по культуре – более 9/10 всего населения. Это православные по рождению великороссы, украинцы, коми, чуваша, мордва, марийцы, удмурты и многие другие. Заметим здесь, что самая крупная культурная группа в Казахстане – это православные. В Латвии – тоже православные, со значительным отрывом, потому что если латыши – лютеране, то латгальцы – римо-католики.

И всех православных, даже не очень церковных людей, не может не касаться акт Священного Поместного Собора Российской Православной Церкви от 3 декабря 1917 года. Собор постановил, что православие, имеющее особые заслуги в создании Российской державы, пользуется в этой державе преимуществом. По тому же акту глава Всероссийского государства, министр вероисповедания и министр народного просвещения могут быть только православными.

Конечно, весьма далекая от православия группа, формировавшая переходную конституцию, могла этого не знать. Но в таком случае все православные могут учрежденное таким образом государство, учрежденное на их земле, на земле Святой Руси, в крайнем случае, терпеть. Своим для них это

государство не будет. Не может быть и такая конституция. Не может такая конституция рассчитывать ни на верность православных христиан, ни на их присягу.

О национальном самосознании народа

Статья 1990 года.

ЭТНОС

Этнос – непреложная категория для исторических наук, объективная и фундаментальная, так как этнос – категория не социальная, а природная. Известна старая удачная шутка (Льва Гумилева): «Если этнос категория социальная, то можно утверждать, что в Москве живут рабочие, служащие и армяне». Каждый человек принадлежит к этносу, причем к одному. Целостность этноса в силу его природной устойчивости ни в какой степени не разрушается заключением смешанных браков. Дети от смешанных браков все равно принадлежат к одному из этносов. Владимир Иванович Даль – сын датчанина и русской – был русским ученым и писателем.

Этносы рождаются и умирают, и проходят одни и те же фазы развития. Сейчас важно учесть, что этнос существует до тех пор, пока сохраняется внутриэтническая солидарность. Утрата ее приводит к обскурации, распаду этноса, то есть к его смерти. Люди умершего этноса, разумеется, при этом не умирают, а в качестве лишенного этнической принадлежности субстрата поступают на формирование других этносов. Следует, помнить, что упразднение, расчленение, трансформация государства, замена одного государства другим или многими другими ведет к определенной трансформации, но не гибели общества, и вообще не сказывается на существовании этноса. Но утрата внутриэтнической солидарности и гибель этноса непреложно приводит к гибели общества и государства. Зависимость только в этом направлении. Когда не стало римлян, Рим прекратил свое существование. Не станет русских, не будет России. Если верна этнологическая теория Льва Николаевича Гумилева, русский этнос с начала XIX века пребывает в фазе этнического надлома. Эту фазу немцы проходили в XVI-XVII веках. Утрата внутриэтнической солидарности была столь значительна, что в религиозных войнах погибло 2/3 всех живших тогда немцев. В фазе

этнического надлома англичане пережили революцию. И тот и другой народ благополучно восстановились и создали весьма значительную культуру и ее производное – государство, существующее и в настоящий момент. Не следует забывать, что русские этнически моложе на 400 лет.

НАЦИЯ

Этнос есть необходимый стержень формирования нации. Термин «нация», прожив сложную историко-культурную эволюцию, имел в разные времена различное значение. Сейчас термин «нация» имеет различное значение в рамках разных культур, существующих на планете. Исходно нация, народ – это, безусловно, этнос: таково первоначальное значение этого латинского термина. Однако в феодальной Западной Европе времен Высокого Средневековья этот термин претерпел серьезную эволюцию. Сначала появилось понимание нации как землячества, как группы выходцев из одной земли. Это значение нации складывается в рыцарских орденах, например, Мальтийском ордене, где алтарь главного орденского собора был окружен национальными капеллами, например, бургундской. Это значение еще более было распространено в средневековых университетах. Так, в пражском университете времен Яна Гуса официально существовали и были представлены в совете четыре нации: чешская, польская, баварская и саксонская. Три из них были немецкими, так как польская нация состояла из немцев, подданных польского короля. Постепенно нация-землячество превращается в нацию-совокупность подданных одного государя. Так складывалась французская нация, но одновременно с ней и бургундская. Первым великим героем Столетней войны был рыцарь Бертран дю Геклен, совершивший множество подвигов, защищая французского короля, и как рыцарь, и как организатор, и как полководец. Рыцарь Бертран дю Геклен стал первым главнокомандующим французскими войсками – коннетаблем незнатного происхождения. До него коннетаблями были принцы крови. Таким образом, дю Геклен принадлежал к французской нации, однако, когда король приказал коннетаблю подавить волнение в Бретани Геклен отказался и покинул службу. Дело

всё в том, что он был бретонец и национальная верность французскому королю не исключала этнической преданности своему народу. И во второй фазе той же Столетней войны великой национальной героиней Франции становится всем известная Жанна д'Арк, немка из Лотарингии, говорившая по-французски с трудом и с чудовищным акцентом.

Постепенно, по мере складывания гражданских обществ в Западной Европе, термин «нация» претерпевает дальнейшую эволюцию: из совокупности подданных, вассалов одного монарха, нация становится совокупностью граждан государства вне зависимости от его политического устройства. Для западных европейцев нация имеет подобное значение и в настоящий момент. Однако, следует помнить, что хотя нация теперь не этнос, а этнокультурная целостность обществ Западной Европы, стержнем нации остается этнос.

Французами в настоящий момент считаются кельты-бретонцы, баски-гасконцы, французские евреи, и даже потомки служивших в 19 веке во французской армии марокканцев. Но все-таки большинство французской нации – природные, этнические французы. В западноевропейском мире, породившем это понимание нации можно назвать только одну нацию не сложившуюся вокруг господствующего этноса. Это, и в этом ее особенная историческая судьба, есть нация швейцарская. Подобное этнокультурное понимание нации существует в Западной Европе. Оттуда оно перенесено в Америку как Северную, так и Южную. Но на остальном пространстве земного шара нация есть по-прежнему этнос. Попытка преодоления этнического восприятия национальности была на наших глазах предпринята в Индии кланом Ганди и партией «Индийский национальный конгресс». Нетрудно увидеть, что попытка эта не удалась. Также, вне всякого сомнения, не существует и «российская нация». Однако интересен другой вопрос, может ли сложиться российская нация? По всей вероятности, нет, даже при условии, что наша общеобразовательная система приложит максимум усилий для перенесения через учебные заведения в общественное сознание западного понимания нации – понимание

этнокультурного. Дело в том, что можно предположить согласие русского этнического большинства на то, что представители других этносов Российской Федерации принадлежат к одной с ними «нации». Имперская терпимость и имперское дружелюбие русских, казалось бы, делает это реальным. Но в условиях расчленения исторической России согласие русских именоваться «россиянами» и стать стержнем российской нации потребует от русских признания того, что 25 миллионов русских, оказавшихся за пределами РФ, более не принадлежат к одной нации. Надо быть необычайно наивным, чтобы предполагать подобную эволюцию русского самосознания. Согласиться на такое, предать своих единоплеменников, русские могли бы только в условиях обскурации, а это – исчезновения этноса. И тогда «российской нации» будет негде складываться, и она тем более лишится этнического стержня. Следует помнить и то, что русские – расчлененная нация, расчлененная не только событиями 90-х годов нашего века, но и событиями первой половины нашего века, когда грандиозные усилия революционной пропаганды привели к распространению представлений о существовании нации украинской и белорусской.

60–70 лет тому назад все без исключения белорусы и подавляющее большинство украинцев считали себя русскими, не подозревая о существовании украинской и белорусской нации. Эта проблема не разрешена до настоящего времени и тоже, как нам представляется, может быть разрешена положительно только с обскурацией русского этноса. С понятием «нация» в любом его смысле связано понятие «национализм». Термин «национализм» воспринимался негативно советской идеологией в силу доктринального марксистского интернационализма. Термин «национализм» внедрялся в сознание общества как ругательство, обычно с эпитетом – «буржуазный национализм». Энциклопедические словари до сих пор в нашей стране не имеют четких определений национализма. В сравнении с этим в Западной Европе понятие «национализм» является безоценочным и негативной нагрузки не несет. Более того, иногда национализм

считается и положительным явлением. Так, например, в описании революционных событий в Китае и борьбы националистов, возглавляемых партией «Гоминдан», с китайскими коммунистами, симпатии Запада, однозначно, были на стороне китайских националистов. Точно также симпатии Запада и на стороне турецких националистов, начиная, если не с младотурецкого движения, то, по крайней мере, с деятельности Кемаля Ататюрка. Собственно термин «национализм» означает вовсе не человеконенавистническую идеологию, превознесение собственной нации над всеми другими, а всего лишь совершенно нормальное поведение человека и общества, при котором дела и интересы своей нации стоят на первом месте, что не исключает на втором и других местах и помощи другим, или союзов с инородцами и иноверцами, и вообще международной терпимости. Националистическое мировоззрение блестяще сформулировано одним английским писателем еще в начале нашего века: «Я больше люблю свою дочь, чем кузину, а кузину люблю больше, чем соседку, но из этого, честное слово, не вытекает, что я ненавижу свою соседку».

Учитывая, что основой нации (в западном понимании) является этнос, а принадлежность к этносу зиждется на внутриэтнической солидарности, национализм – единственное и правильное поведение человека. Однако существует и агрессивный национализм, включающий в себя неприязненное отношение к некой другой нации или группе наций. Подобное негативное явление именуется «шовинизмом». Кстати, это – довольно новое явление в мировой истории, ибо сам термин восходит к имени французского шовиниста капитана Шовена, жившего на рубеже 19–20 веков. Шовинизм должен осуждаться в политике, общественной деятельности и в процессе воспитания и образования, но при этом необходима четкая грань между шовинизмом и национализмом. Наконец, существует и третье, крайнее проявление национализма, включающее в себя идею национального или расового превосходства – это нацизм. Явление, кстати, довольно редкое. Аномалия другого порядка, с вектором другого направления

есть космополитизм – враждебность к национальным различиям или хотя бы даже уверенность в том, что в некоем будущем национальные различия исчезнут. Он представляет собой весьма разрушительную идеологическую структуру, ничуть не менее вредоносную, нежели шовинизм. С точки зрения истории культур космополитизм предполагает предельное упрощение системы, а упрощение в культурных и социальных системах есть всегда деградация.

Что же касается интернационализма, то до настоящего времени ни один ученый или философ не сумел провести хоть какую-нибудь убедительную грань, отделяющую интернационализм от национализма. Интернационализм представляет собой всего лишь идеологию национального дружелюбия, межнациональной терпимости. Мы можем определять его так: интернационализм есть сумма дружелюбных национализмов. В мировой истории эта формула являлась неоднократно основой существования империй.

Культура

Большинство современных философов и ученых склоняются к тому, что культура есть не что иное, как среда обитания, формируемая человеком в истории, совокупность плодов человеческого творчества. Культура, таким образом, есть всё, что не природа. Человек всегда жил в культуре, всегда ее формировал. Заметим, что человек не всегда жил в цивилизации, откуда нетрудно видеть, что цивилизация зависима от культуры и вторична по отношению к культуре.

Культура всегда существует в национальной форме в силу того, что любой народ формирует свою культуру, свой этнокультурный вариант. Однако существуют и более высокие уровни культурного единства: большинство этнических или национальных групп принадлежат к «культурно-историческим типам», которые также называют «великими культурами» или «культурными регионами», а иногда в наши дни именуют «цивилизациями».

Культуры живут дольше государств и даже дольше, чем этносы. Многие культуры давно уже не существуют, такие, как древнеегипетская, месопотамская или античная. В настоящий

момент существуют западноевропейская культура, часто именуемая просто «западная» или, иначе, «мир цивилизованный»; восточноевропейская культура, частью которой является и русская культура наряду с культурами греков, славян, грузин и армян; культура ислама; дальневосточная, объединяющая Китай, Корею, Японию; и другие. Следует отметить, что культурные заимствования в пределах одной великой культуры (по Льву Гумилеву – в пределах суперэтнуса) проходят легко и достаточно незаметно, но заимствования через границу культурного региона происходят с трудом, и подобные заимствования всегда адаптируются в соответствии с нуждами и вкусами заимствовавшей культуры. В отличие от культурных заимствований, заимствования в области цивилизации совершаются довольно легко.

Что же такое цивилизация, возникшая с возникновения городов? Отсюда и происхождение термина. Цивилизация есть совокупность практических достижений культуры. У Данилевского это четвертая сфера, в которой реализует свой творческий потенциал культурно-исторический тип, сфера техническая в широком смысле этого слова. Так, если полководческий гений Ганнибала или Суворова принадлежит к высшим достижениям культуры, структура римского легиона, кутузовского пехотного полка, современной германской механизированной бригады уже принадлежит области цивилизации. Если высшее достижение правовой мысли принадлежит к высотам культуры, то конкретная практика судопроизводства – к области цивилизации. Всем, кто настаивает на необходимости широких заимствований нами достижений Запада, или так называемого «мирового сообщества», или так называемого «прогрессивного человечества», следует учесть примеры наших дней, когда при широчайшем цивилизационном заимствовании собственную культуру сохраняют настоятельно. Так ведут себя японцы, значительный объем цивилизации которых в настоящее время западного происхождения, что не делает японцев одним из народов Запада, ибо эти цивилизационные заимствования

включаются в контекст неприкосновенной дальневосточной великой культуры. Хорошим примером является араб из Кувейта или из Саудовской Аравии, который сидит перед сверхсовременным компьютером в национальном костюме и головном уборе, что свидетельствует о том, что для этих богатых и образованных представителей арабского мира доступны все достижения цивилизации. Но по вероисповеданию они остаются мусульманами, а культурно – арабами. Подобный путь не закрыт и для русских. Понятие «культура» проясняется в особенности, когда мы сравниваем его с понятием «традиция»: по сути дела это почти синонимы. Культура и есть традиция до тех пор, пока она жива, до тех пор, пока существуют, скажем, русские и англичане. Русская культура и есть русская традиция, а английская традиция составляет английскую культуру. И когда мы говорим о том, что англичане традиционны, мы свидетельствуем о том, что это народ чрезвычайно высокой культуры. Когда же традиция пресекается со смертью этноса, понятия культуры и традиции более не совпадают, и культура остается только в музеях. Не стало Рима, усеклись и римские традиции. Античные собрания в крупнейших музеях, библиотеках вмещают для нас то, что осталось от римской культуры. Таким образом, живая культура – это и есть традиция.

Существует никем не установленная, но общепринятая иерархия внутри культуры: наверху ее богословие, философия, затем искусства и фундаментальные науки, далее следует хозяйственная культура, политическая культура, наконец, бытовая культура, которую чаще всего и называют в обиходе традицией. Любой общественный деятель, политик, педагог в России должен быть, прежде всего, обеспокоен разрушением бытовой культуры. За революционный период, продолжающийся в наши дни, подверглись серьезнейшим деструктивным воздействиям русские традиции в отношении пищи, семейного общения, социального досуга. Нетрудно видеть, что русские практически разучились по-русски петь, разрушено традиционное русское жилище. Следует помнить, что 3/4 века назад подавляющее большинство русских людей жили в своих собственных домах. Разрушена традиционная среда обитания

русского человека, как городская, так и сельская. В настоящее время небольшой американский городок более похож на то, что мы вправе именовать русским городом, нежели то, что продолжает создаваться и в наши дни. То есть, при желании сохранить культуру мы неизбежно должны обратиться к воссозданию традиций. В конце концов, задачи стоящие перед русскими все-таки легче, выполнимее задач поставленных перед собою евреями создающими государство Израиль, которым пришлось пойти на оживление мертвого языка для восстановления традиций, и в перспективе, создания израильской культуры.

Территория

Рассматривая территорию как необходимую часть национального сознания и необходимое условие формирования или лечения национального самосознания, мы должны прежде обратиться к принципиальным различиям между категориями «страна» и «государство».

Эти категории различны во многих языках, может быть даже и во всех, как в английском «state» и «country», и для того, чтобы представить себе четче это различие, часто не осознаваемое политиками и публицистами, стоит вдуматься в этимологию. Государство в русском языке связано с категорией «власть», так и происходит от понятия «государь», «правитель». Страна – это сторона, то, что как бы окружает государство, окружает государя. Английское «state» исторически связано с городскими структурами, с категорией города. В то время как страна – «country», что в ином значении слова есть «деревня», то, что окружает государство и в какой-то степени находится даже и за его пределами. Нетрудно видеть, таким образом, что государства создаются, формируются, иногда даже учреждаются, откуда и понятие «конституция» – в первоначальном значении «учреждение нового государства». Конечно, это не исключает того, что так или иначе все государства складываются исторически, но все же это – процесс дискретный. Мы можем усмотреть определенные этапы, племенные границы формирования государственности. Вряд ли мы можем установить подобные границы в процессе сложения

стран. Страны складываются веками, причем сложение страны включает в себя не только осознание целостности территории, земли, «country», жителями этой страны, но и процесс осознания ее существования жителями других, прежде всего сопредельных стран. Границы страны и государства в истории чаще всего не совпадают. Нетрудно видеть, что страна может состоять из нескольких государств. Значительно реже мы можем видеть, как государство включает в себя несколько стран. Обратите внимание на многотысячелетнюю историю Египта. Это, несомненно, страна, и как страна (у древних египтян – Черная земля) он воспринимался не только своими обитателями, но и жителями Палестины, Сирии, Месопотамии, Крита еще 5 тысяч лет тому назад. Однако границы страны и государства могли совпадать. И то были периоды высочайшего рассвета Египта: Древнего, Среднего и Нового царства. Бывали периоды, когда страна делилась на два государства – Верхний и Нижний Египет. Были периоды, когда Египет распадался на области – номы. Каждый ном становился государством, но страна Египет от этого не исчезала. И даже когда Египет входил в состав Персидской империи, империи Александра Македонского, наконец, Римской империи, а значительно позднее в состав Халифата, страна становилась частью более крупного государства, но понятие Египет не исчезало. Страна продолжала существовать.

До 1870 года германских государств было много, однако Германия воспринималась европейскими соседями как страна. Великобритания в начале нашего века состояла из двух стран, отсюда и название «Соединенное королевство» – Великобритании и Ирландии, но Ирландия, не имевшая государственности, не переставала быть страной. Сейчас оно состоит из страны Великобритания и части другой страны – Ирландии.

В 12 веке государством на Руси было каждое княжество, тем не менее, для всех существовала Русь – Русская земля, и для наших предков, и для их соседей. Во второй половине 15 века Русь продолжала существовать. Процесс централизации привел к созданию двух государств: Великого княжества

Владимирского и Великого княжества Литовского, что всеми и осознавалось. Титул виленских князей звучал так: «Великий князь литовский и русский». В 18 веке практически все русские земли оказываются в составе Российской Империи за исключением Галиции. Вся страна входит в состав одного государства.

Русская революция, одной из целей которой, если не основной целью, было разрушение исторической России, привела к расчленению России. Государство и страна снова не совпадали территориально, страна делилась на несколько государств. Советский Союз к 1945 году собрал в свой состав все русские земли. Историческая Россия вошла в СССР, который территориально был больше, поскольку Туркестан – не часть исторической России. И наконец, новые революционные события конца 1980-х начала 90-х годов снова привели к тому, что страна Россия поделена между разными государствами, но страна от этого не исчезает. Никогда не было страны «Советский Союз», было государство «Советский Союз», а страна оставалась Россией. Безусловно, совершенно законно полагать, что в настоящее время существует государство «Украина» и, следовательно, государство «Российская Федерация» может устанавливать те или иные двусторонние или многосторонние отношения, касающиеся Украины. Однако, нет такой страны – Украина, и вряд ли такая страна будет существовать, потому что ее название означает «окраина России», нет и страны «Российская Федерация».

Национальное самосознание и хозяйственные технологии

Выше было разобрано, что в силу представлений о культуре как формируемой человеком среде обитания, часть культуры есть и культура хозяйственная. Следовательно, хозяйственные технологии, так или иначе, при любых международных взаимодействиях должны нести печать национальной традиции. В последние годы не было недостатка в утверждениях, с одной стороны, о присущем русским коллективизме, который необходимо сохранить любой ценой, с другой стороны, о необходимости развития индивидуализма как прогрессивной хозяйственной и социальной тенденции. Между тем и

коллективизм, и индивидуализм – западного происхождения. Русский человек в своей хозяйственной деятельности исконно не индивидуалист, и не коллективист, он – корпоративист. Предкам русских, славянам, присуще было общинное землепользование. Но что представляла собой славянская, а затем и русская община? Это, безусловно, не коллективное хозяйство. Настолько, насколько нам хватает исторических сведений, мы видим, что наши предки не только обрабатывали землю самостоятельно в рамках семьи, но и налоги платили до конца 17 века тоже в рамках семьи. Не община была субъектом налоговых отношений, не она разверстывала подати в пределах круговой поруки. В 9 веке налоги назывались «полюдье», в 12 – «дани», в 17 – «подати». Дани и подати платил домохозяин, и платились они с «дыма» – термин домонгольский, или со «двора» – термин Высокого и Позднего Средневековья. Более того, русская деревня домонгольского периода, новгородская деревня 16 века, а часто, северорусская деревня начала 20 века – это хутор, «деревня» – это один, два или три двора, не более. Именно поэтому они объединялись «погостами». Впоследствии они выросли как центры сельскохозяйственного общения – «села». Деревня начала состоять из многих дворов лишь в итоге крепостнического давления. Вот что стремилось сделать из русского «коллективиста» крепостное право. Там же, где крепостного права не было, прежде всего, на Русском севере, в Южной Сибири, в несколько иных формах в казачьих землях, там хуторское хозяйство сохранялось. И русскому нет нужды превращаться в фермера, приобретать имя «фермер», ибо собственно понятие «крестьянин» и означает фермер, равнозначно понятию «фермер». Какова же была функция общины? Это почти исключительно функция оказания друг другу взаимопомощи. В этом качестве община уходит, несомненно, в глубину языческих веков, а с христианизацией Руси община становится одновременно церковным приходом. То есть, с одной стороны мы видим хуторское хозяйство, с другой сцепленность этих хозяйств в общине. Кстати, именно там, где крепостничества не было, а именно на Русском севере, и в начале нашего века существовал непреложный обычай:

погорельцу новый дом ставить миром, ставить усилиями общины. Русский город, хоть и отличался от западного и не имел в Средние века цеховой организации, тем не менее, был весьма корпоративен. Справка: к началу 13 века не менее 1/5 населения Руси жило в городах. Вместо цеха основой городской корпоративной организации была улица. И купеческие братства, впервые упоминаемые в источниках еще в 11 веке и сохранившееся до 16 века, практически равноценны западноевропейским купеческим гильдиям. В Высоком Средневековье со сменой славянской культуры культурой русской город организуется в сотни и слободы. Крепость этих корпоративных организаций продемонстрирована в конце Смутного времени, когда именно корпорации городских налогоплательщиков, то есть «черные сотни» становятся ядром ополчения Минина и Пожарского. Корпоративные структуры начинают бурно восстанавливаться после отмены крепостного права, но теперь уже в категориях «земства». Однако существует и определенная традиция русского национального коллективизма. Коллектив есть артель. По сути дела отношения внутри артели есть отношения коммунистические. Однако следует помнить, что артель – временное объединение, она существует только на протяжении периода строительства, если артель строительная.

О попытках «разжигания»

Я хочу напомнить одну вещь. Меня никогда не упрекали в нелюбви к мусульманам, меня упрекали, наоборот, в любви к мусульманам. Я хочу напомнить один эпизод, который в связи с этим произошел. У меня есть такой достаточно самозванный мусульманский общественный деятель Гейдар Джамаль. Он не занимает официального поста, но тем не менее его все время таскают то в «круглые столы» и конференции, то на радио и телевидение. Сейчас поменьше, одно время он еженедельно бывал на телевидении. И вот, заметьте, я сейчас высказываю свою и только свою точку зрения. И вот однажды мы участвовали в конференции о взаимоотношениях христианства и ислама в российском фонде культуры у Михалкова. Было это года четыре тому назад. И господин Джамаль увлеченно начал развивать тему русского ислама, да в ключе таком, что христианства русские лишились, это вы, братья и сестры, лишились своего православного христианства, и являются безрелигиозными, не знающими Бога, не знающий Бога в терминологии мусульманской – это хуже язычника, хуже еретика, тот, который даже Бога не знает. В общем, они правы. Так вот, поэтому единственный шанс теперь у русских – обратиться в ислам. Я тогда ему ответил, а он не нашелся, что ответить мне. Я сказал: Гейдар эфенди, я всегда хорошо относился к мусульманам и считал их своими троюродными братьями, потому как, ну, родные братья для меня христиане, но мы не в равном положении. Потому что нам Господь абсолютно недвусмысленно повелел всех обращать в христианство. Первая и вторая главы книги деяний апостольских. А вам Господь столь же недвусмысленно запретил христиан обращать в ислам. Коран ... пророки. Ну, возразить мне он не смог. И вот теперь уже официальное лицо, председатель Совета муфтиев Центральной России, господин Равиль Гайнутдин занимает странную позицию, требующую моего ответа. Ну, пока это был еще не сам Гайнутдин, лицо более чем официальное, хотя у нас в России два верховных

муфтията, они конкурируют и они друг от друга не зависят, так что сразу хочу вам сказать, это не точка зрения всех мусульман. Но пока коллега, товарищ Гайнутдина по Совету муфтиев Аширов хамил и откровенно, оскорбительно, заметьте, мы, Союз православных граждан, его верховный и политический совет, и мы, общество «Радонеж», наша радиостанция, мы помалкивали. Собственно, чего взять с господина Аширова. Он трижды судим, трижды отбывал наказание, причем по совершенно безупречно уголовным статьям, так что, может быть, он и может пройти в воры в законе, но, по крайней мере, с трудом может считаться религиозным авторитетом. Правда, стоит ли обращать внимание на господина Аширова? На него давно должен обратить внимание соответствующий прокурор, потому что речь может идти, уже неоднократно могла идти о разжигании межрелигиозной розни. А, учитывая, что выходки обращены к православным христианам, которых все-таки большинство русские, то и разжигание межнациональной розни. Так оставим в покое Аширова, хотя и обратим внимание прокуроров на странное его публичное поведение. Вот Равиль Гайнутдин, я хорошо помню, как лет десять тому назад эфенди Гайнутдин делал патриотические заявления, поддерживал патриотические тенденции, говорил о союзе мусульман с русскими и другими христианами России. Но чем ближе к нашему времени, чем дальше, тем больше, понимаете. И вот сейчас несколько замечательных явлений подряд. В городе Беслане решено в принципе в память о происшедшей трагедии, в которой погибли многие, и более всего, основные местные уроженцы, осетины, в городе Беслане в память павших, убитых бандитами, как теперь лучше говорят, принято говорить – террористами, в общем, для меня, честно вам скажу, братья и сестры, бандит – он всегда бандит, а террорист ли он, кроме этого, и убил ли он человека как террорист или просто так убил, мне безразлично. Это решать будет его по смерти Господь Бог. Так вот, в данном случае, действительно, речь идет об акте террора, вы помните бесланские события. Так вот, решено поставить храм. И что происходит с эфенди Гайнутдином? Он заявляет протест. Он утверждает, что постройка храма – это,

между прочим, повод разжигания религиозной и межнациональной розни. И требует, чтобы был вместо этого возведен религиозный центр из храмов трех религий, подобно тому, как сделано на Поклонной горе. Давайте посмотрим. То, что сделано на Поклонной горе, мне антипатично. Прежде всего своей дискриминационностью. Собственно, почему в качестве трех религий выбраны христианство, ислам и иудаизм? У нас что, среди павших в Великой Отечественной войне третье место после христиан и мусульман занимают иудеи? Убитые в бою? Павшие на поле брани? Да их для этого слишком мало. Почему же, если там есть синагога, нету буддийского дугана? Или даже небольшого дацана? Надо вам сказать, что дуган – это молитвенное место, а дацан – северо-буддийский монастырь. Ну, все-таки буддизм в Советском Союзе, сейчас в Российской Федерации представлен целыми тремя народами, а не одним-единственным. Буддисты – тувинцы, калмыки и примерно половина верующих бурят, потому что порядка половины верующих бурят – православные христиане. Ну вот, если хотите, два с половиной народа. Это больше выйдет. Иудаизм – не мировая религия, это религия племенная, национальная, если хотите. Буддизм – третья мировая религия, как раз вместе с христианством и исламом. Но вы вправе меня спросить: а при чем буддизм сегодня в отношении заявления председателя Совета муфтиев Гайнутдина? Буддисты в Беслане заведомо не погибли. А вдруг все-таки один попал? слушайте, хотя бы один иудей в Беслане пострадал? То есть, дело не в том, что Гайнутдин выпячивает особую роль иудаизма, видимо, кому-то кланяясь таким способом, в ком-то заискивая таким способом. Дело не только в этом. Дело в реальности. Были ли павшие? Были ли пострадавшие иудеи? Ведь это храм памяти павших и иначе – пострадавших. А пострадали многие. Ведь страдают не только те, кого убивают или даже хотя бы кто ранен. Страдают и их родственники, и их друзья. Но в общем, как-то немножко странно. Это очень странно – почему же трех религий? А я вам скажу, почему. А потому что неудобно верховному муфтию неудобно сказать: нет-нет, рядом с православным храмом поставьте еще мечеть. А почему неудобно? А, вы понимаете, что

в бесланских событиях были и еще пострадавшие, которые считали себя мусульманами. Это сами террористы. И вот с их стороны потерь из христиан и иудеев не было. Только мусульмане или безбожники, которые скрывают это, именуя себя мусульманами. И вообще, бандит, который лезет в больницу к женщинам, а тем более в родильное отделение, он не может даже считаться мусульманином. Это я ответственно вам говорю, потому что любой исламский фундаменталист под дулом автомата не войдет в родильное отделение, шариат, исламское право, запрещает даже приближаться мужчине к родовспоможению. Акушерки могут быть, врачи-гинекологи, разумеется, могут быть, но они должны быть женщинами, вот так. Ну ладно. Так, значит, если поставить памятник двух религий, то, стало быть, как-то получается, что синагога будет в память пострадавших бандитов. Некрасиво, да? совсем некрасиво. Кто населяет Северную Осетию? Среди верующих Северной Осетии, без сомнения, есть мусульмане. Однако большинство все-таки христиане. И исторически Осетия – древняя православная земля. Кроме русских казачьих областей в настоящее время на Северном Кавказе это единственная преимущественно православная земля. Не оскорбляет ли своим требованием и здесь нас с вами верховный муфтий Гайнутдин? Вот, понимаете ли, вот такая вот странная вещь. Этого мало. Господин Гайнутдин уже высказывался против введения в наших школах основ православной культуры. Мы говорили об этом и будем говорить много, и мы будем действовать, и призывать вас действовать, обращаться в прокуратуру, писать письма протеста, в том числе на высочайшие имена – президента, председателя Конституционного суда, председателя Верховного суда, Генерального прокурора. Так вот, высказывался, да. Его коллега Аширов, тот самый уголовник, трижды судимый, он даже требовал рассмотреть введение основ православной культуры как деяние, дискриминирующее, а следовательно, развивающее межрелигиозную и межнациональную рознь. Давайте посмотрим. По статистике социологической, запомните это, мусульман в Российской Федерации приблизительно четыре с

половиной процента. По статистике социологической же, православных в Российской Федерации – около 80 процентов населения. Чувствуете разницу? По статистике этнической, ну, у нас же нет официальной религиозной статистики, у мусульман, кстати сказать, тоже нет, но есть этническая статистика. Следовательно, подавляющее большинство – русских, карел, коми, мордвы, удмуртов, марийцев, чувашей, якутов и так далее и так далее, есть еще народы, Русь велика и обильна. Так вот, если взять по рождению, по этнокультурной принадлежности, то православных христиан будет порядка 90 процентов. Мусульман, по этнокультурной принадлежности будет менее девяти процентов. Ну и как? Ведь православная культура или, строже скажем, восточнохристианская великая культура – это культура, вообще образующая Россию и образующая русскую государственность. Каждая государственность какой-то религиозной системой образована. У нас государствообразующую функцию исполняет православие. Таким образом, когда мы вводим изучение основ православной культуры – а ведь это не религиозный предмет, строго говоря, он изучает религиозный материал, сама по себе дисциплина культурологическая, так, следовательно, нерелигиозная. Так вот, здесь уже разжигание межрелигиозной розни со стороны протестующих, а межнациональной. Более того, даже и ненависть к России как к государственному образованию. Ибо, без более чем 1000-летней истории православия в России, России просто не существует. Нету ее. Она как гриб-поганка неизвестно откуда выросла тогда. Странная Россия, которую и сейчас недруги побаиваются и считают великой державой. Так как же себя ведут эти люди, особенно если учесть, что верховный муфтий Гайнутдин теперь уже второй раз выступил против введения основ православной культуры в региональный компонент. Теперь господи Гайнутдин и Аширов ведут себя еще и дискриминационно, как реальные дискриминаторы. Потому что основы ислама, во всяком случае в регионах Чечни и Ингушетии изучаются в школе. Господин Гайнутдин выдвигает требование открытия пяти региональных исламских университетов. Вот здесь мы вправе будем

потребовать компенсации, причем гигантской компенсации. Почему? У нас пока есть точно одно незаконное государственное учебное заведение. Это российско-еврейский университет имени Маймонида, в Москве. Он получает госфинансирование. Для поступления в университет имени Маймонида, повторяю, это не просто еврейский, это конфессиональный университет, требуется рекомендация раввина. А почему все православные учебные заведения не получают госфинансирования? Теперь предлагается открыть пять исламских университетов, они будут конфессиональными. Это же не татарский университет, скажем, а исламский университет. Не чеченский университет, а мусульманский университет. На госфинансировании. Тогда почему господин Путин, господин Кудрин с финансами и другие господа, которые наши наемники, наши слуги, мы их избираем на государственные должности или назначаем высокими чиновниками для того, чтобы они нас обслуживали. Нас – это, прежде всего православное большинство. Значит, почему они смеют на протяжении почти полутора десятилетий финансировать еврейский университет имени Маймонида и резко не возразили сразу же по поводу проекта открытия пяти мусульманских университетов, а соответствующее количество – это десятки учебных заведений православных – лишены государственного финансирования. Нас что, уже оккупировали? И кто оккупировал, мусульмане? Или мусульмане при поддержке иудеев? Православную страну. Вот о чем думайте, братья и сестры. Ну, и еще есть кое-что. Это позволяет выдвинуть обвинения в разжигании межнациональной и межрелигиозной розни к мэру Москвы господину Лужкову. Человеку, как бы нас с вами это не интересовало, человеку, заметьте, нерусскому. Человеку, у которого в предках не было православных. А вот мусульмане и иудеи как раз у господина Лужкова были. Я имею в виду строительство исламского центра в районе спорткомплекса Олимпийский в Москве. Там всегда была мечеть московская, она существует, старая московская мечеть, которая действовала и в годы Советской власти, была единственной мечетью в Москве. Кстати. До революции мечетей

было больше и никто не станет возражать, что в столице огромного государства, в мегаполисе с неофициально 12-миллионным населением есть место мечетей. Все так. Но там расчищен гигантский квартал, под целый ансамбль. Более того, не только исламский центр, почему-то рядом с храмом, ну, дорогим сердцу каждого христианина, храм Святителя Филиппа Московского, в этом году мы будем отмечать с вами, и этому будут посвящены многие передачи, полутысячелетие, иначе 500-летие с года рождения святителя Филиппа, по рождению Федора Колычева(?). Так вот, почему-то прямо рядом со спорткомплексом, имеющим международное светское значение и Филипповской церковью – гигантский квартал исламского центра. Интересно, правда? Причем, самое интересное, что там поблизости возводится комплекс первого телевизионного канала – ОРТ, и гараж комплекса ОРТ и исламского центра должен быть общий. Следовательно, таким образом мусульмане будут влиять на ведущий телеканал. Они там дружить начнут с ОРТэшниками. мы и так не можем с вами посчитать канал ОРТ ни русским, ни православным. А тут, как интересно, какая связь возникает трогательная, да? А дальше она будет тянуться куда, эта связь? В Турцию, в Саудовскую Аравию. Так вот, гигантский центр этот, самое откровенно наглое, должен быть увенчан еще 75-метровым минаретом. Представляете, Он будет выше, чем столб колокольный Ивана Великого в Кремле, один из бесспорных, наряду с Успенским собором, например, самим Кремлем символов России. Многовековым символом России. В Москве до революционного несчастья было запрещено возводить любые сооружения, которые были бы выше колокольни Ивана Великого. А тепереча что? Минарет. Причем, учтите такую вещь, братья и сестры. Ни один муэдзин не в состоянии с минарета такой высоты доораться до правоверных. Значит, мощные динамики поставят? И рядом с Храмом Филиппа Митрополита будут ораться призывы к пятикратному намазу, в том числе первому намазу на рассвете. На рассвете, как подобает мусульманам. А все живущие вокруг христиане будут это выслушивать и просыпаться от такого своеобразного будильника? Или оттуда

христиан предполагается выселить, хотел бы я узнать у господина Лужкова. В землеотводе под это гигантское строительство виноват Лужков и прежде всего Лужков. То есть, братья и сестры, нам бросают вызов. Вы не будете иметь храм в Чечне. Вас вышвырнули из Чечни. 400 тысяч, между прочим, которым господин президент еще пока не выплатил компенсацию за утрату имущества. И не получил эту компенсацию с чечен. Так вот, вас вышвырнули, вы, конечно, естественно. вы не будете преподавать в Чечне и Ингушетии основ православной культуры. А вот мы будем строить исламский центр чуть не в центре Москвы. Ну, все-таки район метро Проспект Мира, по нынешним масштабам, это близко от центра. Вот задумайтесь обо всем этом. Готовится соответствующее заявление Союза православных граждан. Как и другое заявление по поводу основ православной культуры, они будут зачитаны по радиостанции «Радонеж» в ближайшие дни.

И, заканчивая, давайте свяжем еще одно, связочку, еще узелочек сделаем. Посмотрите. Среди людей, к сожалению, православных, вдруг последнее время прорезалась критика нынешней федеральной компоненты основы православной культуры. Верховный муфтий Гайнутдин и его соратник Аширов требуют отменить ОПК(?) или не строить церковь в память о мучениках Беслана. И тут-то как раз, как бесенок из коробочки, на пружинке, выскакивает министр образования Фурсенко и заявляет, что он изменит. Но пока еще официально этого не сделано. Что он изменит стандарт, федеральный стандарт образования, и основ православной культуры в этом новом стандарте не будет. А будет обязательное для всех история религий. Не слишком ли много? Не слишком ли нагло нас испытывают на прочность? Братья и сестры, невзирая на величайшие дни, а может быть, именно потому, что это хамство обрушивается на величайшие дни христианского года, давайте действовать. Нам необходим православный марш, если хотите, шествие протеста. И мы приступаем к подготовке его. Нам необходимы консолидация и единение всех православных, а также не являющихся антиправославными, например

языческих, общественных организаций, движений и течений. Хватит, нам необходимо рассмотрение правоохранительными органами вопросов о соответствии действий членов Московского муфтията, попадающих под 282 статью – разжигание межнациональной и межрелигиозной розни. Нам, наконец, требуется признание ведущей, господствующей в силу численности, роли православного вероисповедания в нашей стране.

Стенограмма выступления на радиостанции «Радонеж».

О церковном календаре

15 января 2008 г.

Календарь – это то, что связывает культ, прежде всего церковный год, посвященный переживаниям священной истории каждым своим днем, и культуру, все, что к ней принадлежит – словесность, искусство, этику, политику, связывает с богослужением. Народы это чувствовали, и свой календарь всегда берегли.

Все-таки кажется странным, что христианское летоисчисление ведется от Рождества Христова, а праздник Рождества – после Нового года. Вполне естественно, чтобы сначала было Рождество, а потом, как следствие, – Новый год. Не кажется ли вам странным, что наши почему-то новогодние праздники, самые детские праздники, которые только есть в нашей стране, детские и семейные вообще, приходятся самым неподходящим способом, образом на конец рождественского поста. В самом деле, мы так привыкли к навязанному нам календарю, что даже говорим – ну, мол, Рим у католиков, Рождество 25 декабря, а у нас – 7 января. Нет, братья и сестры, это неправда. У нас Рождество празднуется 25 декабря. Только у нас декабрь скособочили. Не праздники не на своем месте, а декабрь не на своем месте.

Вот об этом и стоит поговорить. Календарь – это скелет культуры. Как предположил известный священник и профессор Павел Флоренский, культура происходит из культа, и поэтому и одного корня. Культ же это богослужение. То есть, именно не сама нематериальная вера, вероисповедание, прежде всего, существует в нашем сердце, внутри нас, а то, что зримо и материально. Культ, богослужение порождает культуру, правда потом культура может оторваться от культа, но люди все равно, как правило, принадлежат к той же самой культуре, которую породил определенный культ. Они лгут самим себе, но все равно другой культуры у них нет. Русские люди периода обязательного атеизма оставались людьми культурно-православными, восточными христианами, ибо такова была

культура, она их обязывала. Даже если эти люди заявляли, что они в Бога не веруют.

Но если оторвать культуру от богослужения, то культура хиреет, постепенно замирает, в конце-концов умирает, потому что живой связи больше нет. Культура все больше и больше оказывается в музее, а не в жизни.

Календарь – это то, что связывает культ, прежде всего церковный год, посвященный переживанию священной истории каждым своим днем, и культуру, все, что к ней принадлежит – словесность, различное искусство, этику, политику, связывает с богослужением. Народы это чувствовали, и календарь всегда берегли. Может быть, не подводили такого обобщения, может быть, не считали сознательно, что необходимо сохранить связь культа и культуры, но сохраняли. Интуитивно сохраняли. И если вам кто-нибудь будет лгать, не по злобе, может быть, по наивности, что существует международный календарь, ваш долг опровергнуть этого заблуждающегося человека. Никакого всемирного календаря нет. У иудеев лунный календарь. У мусульман – лунно-солнечный календарь и летоисчисление ведется от года хиджеры, переселения Мухаммеда из Мекки в Медину, это 622 год христианской эры, причем, мусульманский год просто так перевести, отнимая 622, нельзя, потому что мусульманский год короче христианского в силу связанности с луной. В Японии в конце января начнется честно забыл какой год эры императорской династии. Китайцы с японцами принадлежат к одной культуре, великой древневосточной культуре, и тем не менее, китайский новый год и, следовательно, китайский календарь с японским не совпадают. И так далее.

Как видите, все берегут календарь, и только мы, православные восточные христиане, в XX веке постепенно один народ за другим лишены нашего календаря, а нам навязан чужой, западный календарь. Западный григорианский календарь, или календарь нового стиля, и на Западе-то приживался медленно и с трудом. Римо-католики по решению папы Григория приняли эту реформу, она и носит его имя, в XVI столетии из опасения, что, так как пасха движется по календарю

и постепенно сползает, может наступить, правда в невероятном будущем, момент, когда Пасха перестанет быть весенним праздником, это недопустимо, надо исправить календарь. Но, если бы римо-католики подождали еще немножечко и дождались бы до великих географических открытий, они бы сообразили: ну и что, ну и перестанет быть. Пасха ведь для всех, где бы ни жили, для всех христиан. А в Южном полушарии, таким образом, она всегда осенний праздник. И что ж теперь делать живущим южнее экватора? Всем переселиться за экватор на север? Но, увы, настоящей учености латинянам тогда не хватило.

А вот с нами-то что произошло? Мы сохранили календарь старостильный. Календарь юлианский. В начале XX века императорское правительство опросило виднейших ученых, среди которых были не только богословы и историки, но также и математики, астрономы, и почти все профессора Российской империи высказались решительно в пользу сохранения старостильного календаря. А выдающийся историк профессор Болотов даже написал, что видит особую роль России в том, что она сохранит юлианский календарь до тех пор, когда все остальные народы не убедятся в бессмысленности григорианской реформы и не вернуться к юлианскому календарю. Напомню, что протестанты долго не принимали григорианский календарь. Англичане, то есть по вероисповеданию англикане, в силу своего антипапизма держались и приняли новостильный календарь только в XIX веке. Три века прошло.

А что же мы-то? Нам это зачем? Календарь нового стиля введен с 1 февраля 1918 года большевистским уже правительством. Несмотря на неприятие этого почти всем, можно сказать, русским народом. Зачем? Для того, чтобы принять общеупотребительный международный календарь? Облегчить, так сказать, международные контакты? Но у большевиков не было тогда никаких международных контактов, их в феврале 1918 просто никто не признавал. А вот для чего они это сделали, понять очень легко.

Декрет Совнаркома вводит новостильный календарь. А какие еще декреты? В том же феврале Совет народных комиссаров принимает еще важный декрет – об отделении церкви от государства и школы от церкви. И в том же феврале принимает и издает распоряжение о подготовке реформы правописания русского языка, когда исчезают некоторые ненужные якобы буквы, когда по страницам наших книг прости Господи, начинают скакать бесы, потому что только в результате этой реформы отрицательная частица «без» начинает писаться с буквой «с» перед глухими согласными. Такие, например, слова, как «бесчувственный», «бессмертный», и особенно мне нравится «беспартийный».

Времени у большевиков было мало, они боялись вторжения немцев, панически бежали из Петрограда, как он тогда так назывался, в Москву, чтобы быть подальше от возможного немецкого и белогвардейского, кстати сказать, затем наступления.

Они вообще были не уверены, что они удержат всю Российскую империю, и расшвыривали направо и налево наши земли, подтверждая независимость Финляндии, прибалтийских территорий, денег лишних не было, в стране наступал голод, наступала разруха, бестопливные зимы, когда от холода умрут тысячи и тысячи людей. И тут вдруг такие широкомасштабные реформы. Но если календарь, как мы видели, – это скелет культуры и связь ее, то язык – это важнейший инструмент культуры. Уродуя русский язык, тем самым разрушали инструмент русской культуры, а также удаляли русский язык от обязательного его спутника – языка церковнославянского. То есть, опять-таки, боролись за то, чтобы русские люди перестали по возможности понимать богослужение. А отделение церкви от государства – это законное основание для того, чтобы церковь ограбить.

Отделить школу от церкви, это значит отнять, украсть опять-таки, украсть у народа церковно-приходские школы, основные начальные школы, кстати сказать, тогдашней России, снизить грамотность и устранить школу отдельно от церкви, устранить преподавание Закона Божьего. То есть, все это не

просто антирелигиозная, антиправославная деятельность, скажем тверже, это и деятельность по целенаправленному разрушению русской национальной культуры.

Теперь заметим, прямо перед этими событиями, 2 декабря 1917 года, когда большевики уже захватили власть, проходивший Поместный собор Российской православной церкви, как она тогда называлась, принимает очень важный документ – Акт о правовом положении православной российской церкви. Этот соборный акт утверждает, что православный юлианский календарь старого стиля является в России государственным. Что великие христианские праздники являются неприсутственными днями. А нам вернули один день на Рождество, больше ничего и сохраняют такие праздники, как оскорбительный для русских «день независимости». Независимости от чего – от русских земель? День независимости от Харькова и Одессы? Или бесовский день, сатанинский день 1 мая. А настоящие праздники нам не вернули. А ведь это постановление поместного Собора.

Это минимальные требования к светскому государству. Конечно же, к светскому. Ведь отцы Собора прекрасно понимали, что христианского государства больше нет в России. Может быть, когда-нибудь и будет, но нескоро.

Но светское государство бывает приличным, бывает неприличным. Вот приличным мы можем признать только то, которое выполняет эти минимальные требования. Отменить эти требования может только полномасштабный Поместный собор. Но я убежден, что не найдется Собора, который отменит этот акт. И не найдется настолько смелого епископа, который внесет Собору такое предложение. Я полагаю, что наши епископы – настоящие епископы, а если кто-нибудь и найдется, то церковную историю они все знают, и знают, что народ церковный епископа-изменника не один раз в истории непочтительно вышвыривал из его собора. Не будет такого. Значит, эти требования действуют и сейчас, Значит, мы должны добиваться их выполнения. Значит, мы должны добиться для начала того, чтобы все, сначала поголовно священно- и церковнослужители, все преподаватели, ну хотя бы считающие

себя православными, что бы они ни преподавали, все общественные деятели и все политики, которые заявляют себя православными, знали этот акт. Студенты могут спросить, школьники могут спросить. Должны знать.

Учтите, на нашу культуру и на нашу веру посягают и будут посягать. Посягают тем, что детей заставляют веселиться вокруг елки плясать, тогда, когда поститься надо, а когда Рождество наступило и, наоборот, надо кататься на санках, веселиться и вокруг елки плясать, загоняют детишек обратно за парты. А вот еще посягательство на нашу веру и на нашу культуру. Явочным порядком, помимо государства, в Москве это очень распространено, начинают зимний отдых, зимние каникулы, в том числе и взрослые люди на очень многих частных фирмах, с католического Рождества, 25 декабря нового стиля, а заканчивают на наше православное Рождество. Это примерно как если бы мы начали это вводить в Риме. Или изменили бы положение месяца рамадан у мусульман.

В 2008 году исполняется 90-лет со дня принятия решения о переходе на григорианский календарь. Неужели должно наступить 100 лет несоблюдения постановлений поместного Собора Русской Православной Церкви полностью зависящей от нас, пьющей и жрущей на наши средства власти. Может, хватит? Может, мы напомним, что у нас все-таки демократия и мы их всех, от президента до участкового уполномоченного и начальника ДЭЗа, постового милиционера, мы их всех наняли на службу?

О «Чужом Новом годе» и необходимости восстановления Юлианского календаря

13 января 2006 г.

Поздравляем с Русским Новым Годом!

Большинство православных приходов на Западе вынуждены праздновать Рождество в «неправильный» с точки зрения Православной Церкви день. Пока богословы, философы и адепты разных конфессий ведут споры о преимуществах Юлианского или Григорианского календарей, прихожане отчаялись объяснить своим детям, почему у них праздник начинается в тот же день, когда у остальных заканчиваются рождественские каникулы.

Наиболее распространенная точка зрения нашего времени, что мы постепенно пришли к одному международному, мировому или даже всемирному календарю, которым мы и пользуемся, по которому мы и справляем наши странные праздники. На самом деле это не так. Мирового календаря нет.

У иудеев, по-прежнему существует лунный календарь, с соответствующим передвижением нового года. У мусульман летоисчисление ведется по Хиджре, то есть от переселения Мухаммеда из Мекки в Медину в 622 году христианской веры, по лунно-солнечному календарю – по лунному календарю древних арабов, скорректированному по солнечному египетскому. Японцы недавно отпраздновали день какого-то нового года Эры императорской династии. У принадлежащих к той же дальневосточной цивилизации китайцев Новый год с японским, тем не менее, не совпадает. Они блюдут китайскую традицию. Таким образом все оберегают свой календарь. Почему и зачем – станет ясно, если понять, что такое календарь.

Как известно, основным инструментом культуры, любой культуры, и национальной и объединяющей несколько национальностей, является язык. Так, для всей Западной Европы объединяющим языком и богослужения и учености, много столетий была латынь. Или для мусульман и до сих пор

таким языком является классический арабский. Но скелетом культуры остается именно календарь.

В теоретическое обоснование этого можно предложить, пожалуй, гипотезу известнейшего философа и ученого, священника Павла Флоренского, который защищал ее в 20-е годы в своих лекциях по философии культа и предположил, что культура берет свое начало в культе. Оба слова не случайно являются однокоренными, поскольку культ – это богослужение – тип, вариант, образ богослужения. Любой культ, как можно судить по древнейшим языческим календарям, привязан к календарю. Собственно календарь и связывает культуру, то есть нечто традиционное и малоподвижное – наследие, связанное с жизнью, с культом. Конечно, культура живет по своим законам, она от культа может оторваться, что сейчас прекрасно видно на Западе, но культовые корни она имеет. Видимо, Флоренский был прав.

Поэтому сохранение календаря – это сохранение культуры в качестве живой традиции. Потому что культура, в сущности, – это все, что не природа, это среда обитания, которую человек создает в историческом процессе. Для религиозного человека культура – сфера, в которой он реализует свой со-творческий дар. Для нерелигиозного – в том, что он свободен от природы или может ей противостоять. Достаточно привести такой пример. Господь (или безличная природа) создали волка. А человек – все породы собак: от гигантского ирландского волкодава до крошечной собачки мексиканский чихуахуа. Но они все – волки, они все способны скрещиваться и давать плодовитое потомство, поскольку они – один биологический вид. Так вот «вид» человек создать не может, никогда не создал и никогда не создаст. А порода, удобное человеку видоизменение вида, он может сотворить, не разрушая природу.

Но в области культуры человек может творить весьма плодотворно. Таким образом, культура – это все доброе, что создает человек. (Злое он создает, вмешиваясь в природу.) Собственно, само слово «культура» латинского происхождения изначально означало «возделывание земли». Но, уже римляне видоизменили этот термин так, что он стал означать

возделывание города или возделывание человека, то есть его воспитание. И термин «культура» очень близок к термину «традиция».

Сегодня в Англии английское правительство это английская культура и наоборот. Не станет англичан – не будет ни английской традиции, ни английской культуры, кроме как в музеях. Не стало римлян – пятнадцать веков тому назад, и римская культура осталась в музеях: с тех пор она не традиция и не связана с культом.

Вот почему все так тщательно оберегали календарь. Причем в пределах одной страны, если придерживались разных вероисповеданий, иногда пользовались разными календарями. Это происходило веками, и существует по сей день в мусульманских странах Ближнего Востока. В Сирии 20 процентов, то есть каждый пятый сириец – христиане. Они пользуются православным календарем, а мусульмане пользуются мусульманским. Воскресенье чтут христиане, а мусульмане – пятницу. Господствующими являются мусульмане, но они уважают сосуществующих с ними восточных христиан.

В России довольно долгое время был общий с Западом календарь. Дело в том, что мы одного происхождения, у нас общие античные корни, и естественно у нас общие ветхозаветные, библейские корни. И мы долго – формально до середины XI века, реально до начала XIII века – принадлежали одной Вселенской Церкви и к одной христианской жизни, которая имела родственный культ, а потому и одинаковый календарь. Календарь был римского происхождения, но откорректирован был, когда Рим стал христианским, в IV веке нашей эры. И основы календаря были утверждены на первом Вселенском Соборе в 325 году.

Календарь составляли основные христианские праздники, основные посты – Великий и Рождественский, масса памятных дат. Календарь постепенно разрастался, и постепенно все меньше оставалось пустых дней. На каждый день приходился либо праздник, либо память какого-нибудь святого. Таким образом, календарь становился тем самым скелетом, который

жестко связывал культуру. Храм ли построили в память данного святого или праздника, икона ли написана или фреска по какому-то поводу.

Это могли быть народные фольклорные праздники, потому что народные обычаи, появляющиеся в любой культуре, очень жестко завязываются на календарь. Всем известно, что христианство адаптировало и христианизировало некоторые языческие праздники и обычаи, причем в разных странах по-разному. Например, русская масленица – исконно русское явление, хотя предварительную неделю перед началом Великого Поста ввели христиане. Но все равно Масленицу связывают со светлыми, но языческими обычаями, которые было не стыдно благословить. Блин – все-таки образ солнышка. (Именно поэтому блин погребальный, часть заупокойной трапезы, потому что солнечное, светлое привносится в проводы усопшего.)

И календарь все берегли до тех пор, пока в XVI веке цивилизация в Западной Европе не начала иногда обгонять культуру. Это серьезное обвинение, но оно не голословно. Запад, в лице римского духовенства, то есть папского окружения, стал настолько научно грамотным, что посчитал: Пасха постоянно сползает в тон календарю. Это естественно, потому что привести лунный год в идеальное соответствие с солнечным – невозможно. И сдвигается Пасха всегда в сторону лета.

Великие умники XVI столетия страшно перепугались, что через какое-то неизведанное число лет (на самом деле пару тысяч лет), Пасха может перестать быть весенним праздником. Она по смыслу весенний праздник, и в богословском определении о Пасхе Первого Вселенского Собора это подчеркнуто. И от 14 нисана, а нисан – весенний месяц – никуда не денешься, и празднование Пасхи установлено в первое воскресенье после первой субботы, после 14 нисана, с оговоркой: что не может никогда христианская Пасха быть ранее иудейской или с ней совпадать по времени. (Кстати, в этом году у католиков Пасха была раньше иудейской в нарушение

решений Первого Вселенского Собора. Это результат Григорианской реформы).

О, ужас какой! Пасха не будет весенним праздником! Здесь иронично можно заметить, что если бы Рим не был бы столь авторитарен и тороплив, то прошло бы буквально считанные десятилетия, и они стали бы еще цивилизованнее, еще учение. И в результате шедшей эпохи элитных географических открытий догадались бы, что Пасха для христиан Южного полушария – осенний праздник. Но католики не дождались, они отмахнули не последний раз рукой, как мечом и произвели григорианскую реформу.

Григорианская реформа астрономически необоснованна или даже нелепа. Потому что, если Юлианский календарь, наш календарь старого стиля, пользуется високосным годом – это большое основное расхождение лунного и солнечного календаря – дополнительным днем февраля, то Григорианский календарь, который тоже имеет високосный год, привел к тому, что столетия имеют разную продолжительность. А это с точки зрения астрономии полный нонсенс. У них века получаются разной длины. Отсюда и постепенное сползание.

В прошлом XX веке, у нас было 13 дней разницы между Юлианским и Григорианским календарями, на 21 столетие сохранилась эта разница, а, соответственно, в XXII она будет составлять 14 дней различия, так как в XIX веке было 12. То есть примерно за полтора столетия набегает день разницы. Поэтому приходится принимать волевые решения – какое столетие разнится на 13, а какое на 14 дней.

Надо сказать, что по случаю начала XX века императорское российское правительство опросило примерно 20 авторитетнейших ученых российских университетов и духовных академий. Опрошены были математики, астрономы, историки и богословы. Поразительно, что практически все высказались за сохранение Юлианского календаря, который у нас тогда действовал, как и во всей Восточной Европе. А известнейший историк профессор Болотов даже написал послесловием к своему развернутому отзыву, что он видит особую историческую роль России в мире в том, что она сохранит действующим

Юлианский календарь до тех пор, пока и все остальные страны не убедятся в бессмысленности Григорианского и не вернуться к Юлианскому.

Григорианский календарь приживался очень долго. Католики вынуждены были принять его сразу везде по приказу Папы. Естественно, протестанты категорически отказались, потому что в XVI веке они были враждебны к католикам. И весь XVII век почти все протестанты удерживали еще Юлианский календарь такой же, как в России. Постепенно, за восемнадцатое столетие протестантские страны ввели у себя календарь нового стиля, унифицируясь в европейское сообщество, раньше так и называвшееся. Последней, уже во второй половине XIX века сдалась традиционалистка Англия, приняв новостильный календарь.

Сейчас ситуация такая: по Восточной Европе прокатилась полоса революций, и все революционеры были западниками. Это особенность революционеров, они – западники. Каждый раз, когда они дорывались до власти, они навязывали календарь нового стиля. Там, где революция в собственном виде не произошла, как в Греции, все равно местные радикалы, местные революционеры выкручивали руки властям до тех пор, пока государственным календарем не стал новостильный Григорианский.

В результате, сейчас у евреев свой календарь, также, как и у китайцев, мусульман и японцев. Даже в Африке существуют местные календари. И только у нас, восточных европейцев – чужой, навязанный нам календарь.

Как это произошло? Если еще раз вернемся к тому, что календарь скелет культуры. Календарь нового стиля был введен декретом Совета народных комиссаров 1 февраля 1918 года. На первый взгляд это облегчало международный контакт. Но на 1 февраля 1918 у большевистского режима вообще не было международных контактов, он был ни кем не признан, не было никаких международных контактов. Поэтому, видимо, подобная версия не выдерживает критики. Зато очень многое становится понятным, если сопоставить с другими событиями февраля 1918 года. В Большой советской энциклопедии есть два очень

интересных декрета: Декрет о подготовке реформы орфографии русского языка и декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви.

Что за этим стоит: язык, как мы сказали, инструмент культуры подобно тому, как календарь ее скелет. Значит, одновременно наносился удар и по языку культуры. Из всех реформ русского языка самая разрушительная была большевистская, когда некоторые звуки исчезли из языка. Наглая ложь, что буква «ЯТЬ» была не нужна русскому языку, потому что она не означала никакого звука – неправда. Звук, обозначаемый литерой «ЯТЬ» звучал между современными «Е» и «И», что ощущалось на слух.

Известный монархист Василий Шульгин отметил при первой своей встрече с императором Николаем II, что у того было гвардейское произношение, что он произносил «ЯТЬ» почти как «Е». Почти. Сам Шульгин произносил эти звуки более различно. Этот звук исчез из русского языка, потому что убили литеру. Как видно, одновременно с реформой календаря происходит реформа «уродства» языка, прежде всего направленная на то, чтобы русский язык удалился по возможности дальше от церковно-славянского.

Декрет об отделении школы от Церкви и Церкви от государства. Сейчас во всех государствах Европы Церковь отделена от государства, но везде существуют либо государственные Церкви, либо оберегаются исторические религии. Потому что по гипотезе Флоренского – культ связан с культурой. И все оберегают не вероисповедание, а свою культуру. Декрет об отделении Церкви от государства назначал независимое существование данных социальных культур. Государство от Церкви никогда не собиралось отделяться, а наоборот, всегда собиралось вмешиваться в ее дела. Это означало отделение Церкви от культуры. А школа? Почти половина начальных школ Российской Империи были церковно-приходскими. Земских было больше, но их было больше в городах, городках, больших селах. Земских школ в деревнях фактически не было, там только церковь. Значит, удар по

традиционному воспитанию. Вспомним, что культура – это возделывание, в том числе и возделывание человека.

Таким образом, большевики подписывают постыдный Брестский мир, большевики практически не располагают в феврале 1918 года вооруженными силами и всюду капитулируют. Большевики предоставляют независимость по первому требованию Финляндии, прибалтам. Но на этом фоне они целенаправленно разрушают русскую культуру – вот подлинный и страшный смысл введения календаря нового стиля. Еще не могли они тогда начать закрывать и взрывать храмы. Потом, в начале 30-х годов они будут не только храмы разрушать. Они будут уничтожать совершенно светские памятники русской архитектуры, потому что пойдет страшная война – война за уничтожение русской культуры.

К счастью, наша культура оказалась очень прочной, что-то осталось. Но здесь кроется страшный смысл происходящего. Поэтому, стоит задуматься над восстановлением Юлианского календаря. Что, кстати, весьма не дорогостоящая акция – везде внести поправку на 13 дней. В любом случае совершенно необходимо издавать в нашей стране только календари, где указаны две даты: дата по новому и – по старому стилю. Пусть они мелькают перед глазами.

В противном случае, мы – даже христиане – допускаем лицемерие. Многие на полном серьезе уже сейчас говорят, что у католиков Рождество 25 декабря, а у нас 7 января. Да нет же, у нас тоже 25 декабря, только не там это 25 число находится. В самом деле, разве не странно, что летоисчисление у нас от Рождества Христова, а Рождество после Нового года.

Просто Новый год – чужой.

Он не знал, что победил

Статья 1993 года.

Другое название: Он победил

14 ноября 1263 года в Городце на Волге умирал великий князь Александр Ярославич.

Сорока трех лет отроду уходил тот, кто в четырнадцать лет был наместником своего отца в Великом Новгороде, а в шестнадцать – князем. Тот, кто двадцати лет лихим кавалерийским наскоком смел с русских берегов одно из первых посягательств «мира цивилизованного» на Святую Русь (будущую еще!) и мальчишкой получил славное имя – Невский! Тот, кто двумя годами позже как зрелый полководец наголову разгромил самого страшного врага своего времени – орденов крестоносцев, положив предел их движению в прибалтийские русские земли.

Покидал мир тонкий дипломат, чьими партнерами в большой евразийской политике были Батый и Берке, Товтивил Полоцкий и Миндовг Литовский, великий хан Мунке и василевс Михаил Палеолог, Даниил Галицкий и папа Иннокентий IV. Заканчивал свой земной путь верный вассал Орды, принуждавший своих платить дань, но открывший православную епархию в Сарае, добившийся для русских людей права не проливать кровь в ордынских войсках, но получавший ордынскую военную помощь. Властитель, заложивший основу той политики, что привлекала к России народы Евразии еще и в нашем столетии. Уходил из жизни правитель, закрепивший за Владимиром место стольного града, воплотивший безнадежную идею своего предка Андрея Боголюбского, повернувший погибающую Русь к созиданию славной России. Представал перед Царем Небесным великий князь Владимирский, князь Киевский и Великого Новгорода, побратим хана Сартака, отец, дядя и прапра...дед святых князей наших, крестный баскака Амирхана, чьим правнуком станет преподобный Пафнутий Боровский. Патрон ордена святого Александра Невского Российской империи и ордена

Александра Невского Великой Отечественной, небесный покровитель Лавры в Санкт-Петербурге и собора в Софии, памятника всемирного единства православных людей, юнкерского училища и многих монастырей, любимейший русский князь...

Когда-то была «светло светлая и прекрасно украшенная земля Русская... реками и источниками местночтимыми, горами, крутыми холмами, высокими дубравами, чистыми полями... храмами Божьими и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими...». И правда, именем Владимира Мономаха «половцы своих малых детей пугали, а литовцы из болот своих не показывались, а венгры укрепляли каменные стены своих городов..., а немцы радовались, что они далеко – за Синим морем».

Но сгинуло всё. В чем же надежду полагал великий князь Александр Ярославич? А в том, что «не в силе Бог, но в правде».

Дважды Невский спасал Новгород, и дважды новгородцы изгоняли его. И сын его Андрей уже наводил ордынцев на родную землю, воюя с братом родным Дмитрием. И родной внук его, прохвост Юрий Московский (сын и внук святых!) погубил в Орде святого великого князя Михаила Тверского. И хан Узбек ценою отравления законного властителя и чудовищной резни вельмож уничтожил великое дело крещения Орды... Ошибся ли великий князь Александр Ярославич?

Как ни странно, щедрость и благородство до сих пор в цене у русских людей. На этом и покупаемся! Как приятно повторять, тем более за Карамзиным, Пушкиным..., что историческая заслуга Руси в том, что она, истекая кровью, заслонила собой цивилизованную Европу от жадных кочевников! То есть, истекая кровью, спасла монахов, которые нас проклинали, рыцарей, которые нас грабили, купцов, которые торговали русскими пленными... Но с не меньшим успехом можно видеть историческую заслугу Руси в том, что она, истекая кровью, заслонила свободолюбивые народы Азии от жадных западных агрессоров!

Александр Невский совершил культурный выбор, сравнимый по значению с выбором веры при святом Владимире. Орда тогда не принадлежала ни к одной великой культуре и, следовательно, ничем не угрожала нашей великой культуре восточного христианства, Восточной Европы. А Запад? Да, несомненно, мы могли победить Орду в союзе с ним. Но только ценою окатоличивания, ценою крепостничества, расчленения феодальными властителями. Ценою превращения в окровавленный щит Западного мира.

Задумаемся на мгновение: в XII столетии не только наша блистательная культура, но и цивилизация были много выше западной. Что же осталось и где? Примерно триста каменных зданий нам известно со времен Домонгольской Руси, и две трети из них – на Западе, в нынешних Белоруссии и Украине. Сохранились три десятка. Только две трети уже на Востоке, в Великороссии, там, где признавали власть Орды. И только на Востоке все три десятка дошедших до нас икон. Единственная византийского письма икона Древней Руси – это Божия Мать Ченстоховская, украденная поляками! И ни одной книги... Вот цена порабощения Западом.

Выбор Александра Невского означал больше, чем верность «общечеловеческим ценностям» или национальному эгоизму. Великий князь завещал нам верность Православной Церкви и восточнохристианской культуре. Завещал сознание того, что единственная настоящая ценность – это люди: книжники, бояре, пахари, купцы. Уже младший сын Александра – первый московский князь Даниил – стремится собрать на службу потомков Гавриила Олексича, Ратши, чьи отцы совершили великие подвиги вместе с любимым князем русского народа. И случайно ли, что Российскую державу создали единственные прямые потомки неевского героя – московские князья и их бояре, потомки его сподвижников? Россия снова стала «светло светлой и прекрасно украшенной», богатой «бесчисленными городами великими, селениями славными, садами монастырскими». Стала Третьим Римом, защитницей славян и грузин, греков и молдаван, апологетом чести и справедливости во внешних делах своих. Россия стала и чутким другом самых разных

евразийских народов: неслучайно волжские татары устремились в ополчение Минина и Пожарского, а в 1814 году башкиры и калмыки победно проехали по Парижу.

Он не знал, что победил. Он был почти одинок. Он спасал Русь, которая вовсе не желала, чтобы ее спасали! Кончина в сорок три... Он просто надорвался под тяжестью невероятных трудов. Человек не знает итогов жизни своей. Не знали и современники. Быть может, величайший из них, митрополит Кирилл (плохо мы знаем своих великих!) над гробом Александра произнес бессмертные слова: «Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской!» Все же люди восклицали: «Уже погибаем!»

Но мы знаем: он победил, ибо не в силе Бог, но в правде!
1993 год.

Они не знали друг друга

Статья 1994 года.

О сходстве русской и английской культур

О сходстве мистического опыта Даниила Андреева и Джона Толкиена

Три Кольца – королям эльфов, под небом рожденным.

Семь – гномов владыкам в чертогах подземных.

Девять – людям, не вечным, на смерть обреченным.

Одно – Тьмы Властелину на троне черном,

В стране Мордор, где мрак царит.

Кольцо Одно, чтоб всеми править,

Кольцо Одно, чтоб всех найти,

Кольцо Одно, чтоб всех сковать и в темноте свести

В стране Мордор, где мрак царит.

Джон Рональд Руэл Толкиен. «Властелин колец» Перевод с английского Татьяны Антоной и Александра Кучеровского.

Сходство и взаимное притяжение русской и английской культур не просто поражает, но и представляется парадоксальным, хотя, может быть, оно из тех парадоксов, которые и создают цветущую сложность Божественного мироздания.

В самом деле, с начала XVIII века Россия и Англия – злейшие враги на протяжении почти двух с половиной столетий. Россия готова была в союзе с Наполеоном навсегда уничтожить Великобританию как великую державу. Англия была еще деятельнее: в конце XVIII – начале XX столетия английские послы участвовали в успешных заговорах против законной русской власти. Особенно опасна была Великобритания для России в качестве союзницы: как не вспомнить начало Первой мировой войны, когда британское адмиралтейство пропустило немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» в подарок союзнику на Черное море?

Числится за англичанами и преступление пострашнее: их власти активнее всех трудились над выдачей в 1945 году сотен тысяч русских людей (казаков, власовцев, перемещенных лиц)

в лапы Сталина на мучительную смерть. Впрочем, будем справедливы: англичане – это и фельдмаршал Александер, препятствовавший сему мерзкому предательству, и лорд Бетелл, написавший о том же правдивую книгу. Англичане – единственные, кто после книги лорда Бетелла воздвигли памятник выданным и погибшим русским людям.

Казалось бы, более чем достаточно оснований ненавидеть друг друга. Однако развитие отношений русской и английской культур на протяжении многих веков свидетельствует об обратном. Еще в царствование Михаила Федоровича английский механик Христофор Галовей устанавливает часы на Спасской и Троицкой башнях Кремля. Облик верхних ярусов этих башен неопровержимо свидетельствует о влиянии поздней английской готики. В 1770–1790 годы уже английская неоготика послужила толчком к появлению раннего русского архитектурного романтизма в творениях М. Казакова, В. Баженова, И. Фельтена.

Английский пейзажный парк определил облик классического «дворянского гнезда» – русской усадьбы конца XVIII века. Нельзя, кстати, не вспомнить, что дуб – священное дерево и древних бриттов и древних славян!

Одна из величайших эпох проявления русского художественного гения – эпоха модерна конца XIX – начала XX века – тоже имела четкий импульс, связанный с английской культурой: творчество прерафаэлитов и труды В. Морриса. Русский сентиментализм и романтизм с благодарностью учились на творениях Стерна, Байрона, Вальтера Скотта.

Император Александр I, стремясь восстановить исконно русские аристократические традиции, подумывал о перенесении на русскую почву принципов формирования палаты лордов. Тогда же из английской правовой мысли пришел к нам и принцип разделения властей. В судебной реформе императора Александра II в 1862 году использовались многие нормы английского судопроизводства.

Интересно и то, что русскими англоманами часто бывали отнюдь не примитивные западники, а глубокие традиционалисты, такие, как православный патриот,

благотворитель, знаток и ценитель крестьянского искусства Василий Николаевич Киреевский – отец двух выдающихся мыслителей-славянофилов.

Геральдика, по крайней мере, уходящая в глубокое Средневековье, несомненно, отражает не только исторические обстоятельства, но и духовную сущность нации. Странно, что никто до сих пор не обратил внимания на следующее абсолютное совпадение. Флаг Великобритании объединяет кресты св. Андрея и св. Георгия. Русский флаг случаен, он не имеет национальных корней. Иное дело – герб. И что же мы видим? Объединение символов св. Георгия и св. Андрея! Это заинтересовало бы Даниила Андреева, отмечавшего первенствующую роль Андрея Первозванного в созидании нашей метакультуры.

Сказанное дает основание сделать вывод о глубинной схожести двух национальных традиций.

Даже русский гимн «Боже, царя храни» написан по мотивам британского, а переведенный с английского «Вечерний звон» во всем мире воспринимается как типичное порождение русского духа.

Англия также чутко внимала России. Именно на английский язык, прежде всего, переводили сочинения Гоголя и Достоевского. После Всемирной выставки 1901 года в Глазго русский модерн оказал сильнейшее влияние на английскую архитектуру. Тому же способствовал, особенно в графике, работавший в России шотландский архитектор Дж. Валькотт.

Англичане всегда были исключительно восприимчивы к высшим проявлениям духовной жизни России. Об этом свидетельствует, например, богословская переписка великого Хомякова с ученым, англиканским дьяконом Палмером, готовившимся перейти в православие. С середины XIX века много говорят и пишут о сближении и даже воссоединении православия и англиканства, несомненно, самого близкого для православных западного христианского исповедания.

Наконец, забытый, но важный факт. Прошло лишь два года с момента завершения в 1894 году напечатания основного труда

св. Иоанна Кронштадтского «Моя жизнь во Христе», как оно появилось в английском переводе.

В общественной жизни обеим национальным традициям свойствен антибюрократизм, предпочтение выборных лиц чиновникам на всех уровнях управления. Русское земство находит массу параллелей в муниципальных установлениях Англии. Зачаточная форма суда присяжных в России уходит в глубокое Средневековье, а губной староста – прямая параллель англосаксонскому шерифу. У англичан, как и у русских, родственное отношение к монархической традиции. Сэр Артур Конан Дойль отмечал в своем историческом романе «Белый отряд», что англичане никогда не были до конца подданными королевства, но и никогда не стали республиканцами. То же можно сказать о не развившемся до конца демократическом сознании русских в монархической России. Наконец, здесь было бы уместным отметить поразительное сходство церковной истории двух народов: англиканство в свое время порвало с Римом, но в отличие от других протестантских церквей не разрушило мистической жизни Церкви и сохранило священство. Русская церковь также утратила связь со своей старшей сестрой – Константинопольской церковью, сохранив неискаженным полученное от греков православие.

Продолжая сравнивать культуры Англии и России, можно сказать, что в XX веке лишь две литературы во многих своих произведениях отобразили реальность зла в мире и необходимость непрестанной борьбы с ним не только молитвой, не только словом, но и мечем.

Каждый из нас всегда остается человеком своей страны, эпохи, культуры и, наконец, своей биографии. Джон Толкиен и Даниил Андреев – представители практически одной эпохи и почти одного поколения – не могли ничего знать друг о друге и напрямую влиять один на другого. Когда Андреев вышел из Владимирской тюрьмы, ему оставалось не более двух лет жизни. В это время Толкиен осуществлял первое издание своего «Властелина Колец». Тем не менее, осмеливаюсь высказать мысль о родственности индивидуального духовного опыта и даже некоторой близости вкусов этих писателей.

Например, Даниил Андреев не только любил, но и считал чрезвычайно важным хождение босиком. У Толкиена его любимцы хоббиты не носили обуви. Толкиен, как и все члены группы «Инклинги», недолюбливал машинную цивилизацию, а у Андреева особенных высот инженерного «холодного рационализма» достигло «дьяволочеловечество игв». Попробую привести несколько тезисов и сравнить взгляды на мир и борьбу в нем, а также на контакты с иноматериальными слоями у обоих писателей. Толкиен придает огромное значение видению духовных иерархий мира. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть главу «Валаквэнта» в «Сильмариллионе». Даниил Андреев дает отповедь тем, кто не придает значения духовным иерархиям, кто принимает внимание к духовным силам и ангелам за странное проявление язычества и многобожия.

Андреев и Толкиен восстанавливают древние представления о необыкновенно мощных стихиях мира. Цитирую по главе «Валаквэнта»: «Семь владык валаров на Арде и владычиц тоже семь». И в «Розе Мира» на стр. 98 читаем: «Верховных стихиялей – семь».

Оба автора обращают внимание на возможность исполнения духом, видимо, ангелом миссии в материальном мире, что вполне укладывается в христианскую традицию и имеет массу параллелей в аскетической литературе IV-VII веков.

У Толкиена ангелами, которые обрели не только видимый облик, но и материальное тело, являются маги или старцы, на старозельфийском – «истари», то есть всем известный Гэндальф. Особенно интересен небольшой этюд о магах, содержащийся в книге «Неоконченные предания Нуменора». Для описания подобных существ Даниил Андреев вводит и неоднократно использует слово «человекодух».

В произведениях обоих писателей трудно не увидеть общего в трактовке особой народоводительной миссии, которой наделены великие герои, вожди и короли. У Даниила Андреева – это родомыслы; с ними лучше знакомиться не по «Розе Мира», а по поэме «Рух». В связи с этим вспомним королей

Толкиена и особенно последний разговор Арагорна с матерью перед ее смертью во «Властелине Колец».

Самое смелое сравнение, которое позволю себе сделать, – это параллель между сражениями в иноматериальных слоях Шаданакара у Андреева (см. главу «Метаистория» в «Розе Мира») и битвой сил в «Квента Сильмариллион» (глава 3). Идет сражение, которого эльфы не видят, они чувствуют лишь потрясение земли. Конечно, за этими образами лежит основополагающая христианская идея о первом грехопадении, а именно о грехопадении ангелов, и победе архангела Михаила над Сатаной. Трудно не заметить у обоих писателей общности видения событий, определяющих лицо мира».

Наконец, хочу обратить внимание на самые поразительные и даже пугающие параллели, не находящие аналогий у других авторов, но существующие у Толкиена и Андреева. Во «Властелине Колец» Толкиен высказывает мрачное предположение, что силам зла удастся создать потомство от скрещивания людей и орков. Андреев в апокалиптических главах «Розы Мира» предвещает, что силы зла смогут получить потомство от людей и игв. Как заметила однажды Татьяна Антонян, им слышатся те же имена: у Даниила Андреева имя планетарного демона Гагтунгр, у Джона Р.Р. Толкиена властелин тьмы – Саурон, или Гортаур Жестокий.

В произведениях обоих авторов проглядывает убеждение, что древние люди обладали значительными магическими способностями, которые, однако, они не использовали для контактов с силами зла. Современному же человеку магия заказана, так как он утратил способность к светлой магии. Вспомните разговор хоббитов с владычицей Галадриель, во время которого впервые предрекается исчезновение светлой магии, после того как кольца покинут мир. То же самое проскальзывает у Даниила Андреева (см., например, «Роза Мира», стр. 268).

То, что в религиоведении, а теперь и в богословии называется «теорией повреждения», гораздо четче выражено у Толкиена. В основе этой теории лежит представление о том, что человек не перестает утрачивать верное знание о Творце и

мире. Во «Властелине Колец» мы встречаем лишь отзвуки этой теории, тогда как «Сильмариллион» весь выглядит ее иллюстрацией или изложением. У Даниила Андреева в главе о русской истории родомыслы изменяют своей миссии, поддаваясь демоническим инволюциям (Иван IV). В главе о метакультурах говорится о том, что светлая часть культуры постепенно покидает Энроф, в то время как оставшаяся ее часть утрачивает прежние свет и благодать.

Таким образом, Джон Толкиен и Даниил Андреев предстают перед нами не только как мастера слова, поразительно много увидевшие, но и как доблестные и бесстрашные борцы со злом.

Я отметил ранее, что каждый человек принадлежит своей стране и культуре. Рискну предположить, почему эти люди представляют именно Россию и Англию. Почему Россию – догадаться просто. Трудно найти страну, на долю которой выпало столько страдания, сколько России в XX веке. Там в наше время была реально зрима Голгофа. Но почему Англия? Именно потому, что она – самая благоустроенная страна в мире, не самая богатая, но максимально приспособленная человеком. Очевидно, что страну хоббитов Толкиен писал с Англии, тем не менее, именно оттуда из этого удивительного края вересковых пустошей, зеленых газонов и благоустроенных домиков должно было быть особенно ясно видно, что мир меняется не в лучшую сторону.

Цитаты приведены по изданиям:

Андреев Д. Роза Мира. М.: Прометей, 1991.

Дж.Р.Р. Толкиен. Сильмариллион. Урания № 1, 1992.

Оскорбленная Россия

Статья от 30.08.2003.

Течение дней «вымывает» из нашей жизни самые разные вопросы и проблемы. Но вот один вопрос остается незатухающим: каким таким образом и по какому такому «римскому праву» произошел распад СССР? И что это за такая РФ, в которой мы, русские (кому-то приятней слово «россияне») принуждены сегодня существовать? Впрочем, какой же это распад СССР? Это – расчленение! Событие состоялось как сговор трех чиновников (пусть и высоких) в Беловежской пуще с согласия не приглашенного туда четвертого (Назарбаева) и, как считают некоторые политики и политологи, с благословения пятого (Горбачева). Не было ни договорного процесса, ни выработки исторической базы, ни проработки проблемы с точки зрения правопреемства или вопросов континуитета (права государства на некогда насильственно утраченные территории)... Не было никакого парламентского решения по вопросу. Не было встреч глав регионов, автономий. Не было волеизъявления народа. Словом, не было ничего, кроме чиновничьего произвола, в результате которого совершился главный беспредел: административные границы СССР в одночасье стали считаться историческими, государственными.

Стоит заметить, что эти границы сегодня, кроме двусторонних договоров, не охраняются ничем – никаким международным правом. Последний международный акт о безопасности и сотрудничестве в Европе 1975 года продолжает охранять неприкосновенность границ СССР. Но это, как говорится, совсем другой разговор.

Союз ССР неизбежно должен был распасться: всё его устройство предполагало такой исход. Конституция подталкивала к сепаратизму. Один только пункт – неизменность границ союзных республик – чего стоит! И оставалось только дожждаться «созревания» местных бюрократических и партийных элит. И как только подобные элитки созрели, им тут же неудержимо захотелось собственного государствишка!

Консолидация нации – залог ее здоровья, в то время как расчленение – явный признак усталости народа. СССР, созданный террором и кровью, поначалу держался на коммунистическом энтузиазме. Потом энтузиазм иссяк, и остались только две могучих скрепы: надреспубликанские партийные структуры и структуры спецслужб. Они держали обреченное на развал государство до тех пор, пока сами не оказались в униженном и ослабленном положении.

А теперь о России. Само слово «Россия» в советские времена находилось под полузапретом. К юбилею образования СССР в начале 80-х годов выпустили красочный рекламный альбом. Строился он по схеме: «Пою мое Отечество, республику мою» – следом стояло двоеточие и название республики: «Украина», «Азербайджан», «Эстония»... В альбоме были все названия кроме «Россия». Вместо «Россия» стояло «РСФСР»! «Укр. ССР» не было – была «Украина», а вот название «Россия» оказалось под запретом.

Вот есть, например, некая Казахская ССР, Казахстан. А ведь последний должен был при подписании тех же Беловежских соглашений попросту исчезнуть с политической карты мира, ибо он никогда не вступал в Советский Союз. Такого государства вообще не существует, это – некая вырезка из территории РФСФР уже после создания СССР. И сегодня стоило бы говорить о Казахстане как о некоей автономии – ни больше, ни меньше, и только злонамеренное историческое беспамятство да безразличие русских (российских) политиков к национальным интересам не дает этого сделать. Впрочем, юридическая правда вопроса позволяет обратиться к нему когда угодно – международное право тут без всякого сомнения на стороне России. Протяжно пелось о том, что «Украина и Россия – сестры навек». Хорошо пелось, но притом в головах людей опять-таки формировалось сознание-ощущение того, что существует некая равноправная, равноценная России Украина, включающая в себя территории, здравым историческим и юридическим умом не могущие быть признанными украинскими. В самом деле, Донбасс, к примеру, в итоге попал в состав Укр. ССР только потому, что его еще в 1918 году несколько месяцев

оккупировали немцы. Немцы были в дружеских отношениях с режимом Скоропадского в Киеве, это понятно. Но Донбасс-то – историческая донская земля, область Всевеликого войска Донского. И если коммунистическая власть кроила земли, как хотела, то непонятно, почему у российских посткоммунистов нет территориальных претензий к Украине. Вот у Донского казачества они есть, о чем официально заявил Общедонской Казачий круг. Никогда не был в составе Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства Речь Посполита ряд областей левобережной Украины – сумские, харьковские, большей частью черниговские земли. Не «Крым» исторически существует, но Таврия... Вся Новороссия, вся территория нынешнего государства Украина, имеющая выход к Черному морю, – это земли, которые отвоевала у турок Российская Империя. Территории Украины в школьных учебниках исчезли напрочь в 1240 году: то есть, до того была Киевская Русь, потом монголы взяли Киев..., и от середины XIII до середины XVII века – провал, никакого упоминания о западнорусских землях (ни украинских, ни белорусских). И лишь потом откуда-то вынырнул гетман Богдан Хмельницкий с полным затуманиванием территориального вопроса.

Вся советская пропаганда о дружбе и братстве народов СССР подспудно содержала в себе, вбивала на уровне подсознания людям мысль о том, что, по крайней мере, территории 14 союзных республик – это не Россия. В какой-то степени то было перенесено и на отношение к автономным республикам внутри РСФСР, что вполне являет себя и ныне.

Кстати, до Горбачева Верховный Совет состоял из двух палат – Совета Союза и Совета национальностей, что дискриминировало русских, так как таковые совсем не пропорционально были представлены в Совете национальностей. Верховные Советы союзных республик были однопалатными. А что дальше? В перестройку 14 Верховных Советов остались однопалатными, а русским в Российской Федерации навязали двухпалатный орган – с Палатой национальностей в Верховном Совете. Тем самым в наше сознание загонялось еще одно разрушительное понятие:

татары, якуты и другие представители автономий также проживают на своей земле и могут в любой момент раздумать жить вместе с русскими. Они – также не Россия. На I съезде народных депутатов произошёл знаменательный эпизод. Депутат якут рискнул демократически заявить, что, дескать, ему непонятно, почему якуты обладают меньшими правами, чем грузины и на каком основании 900 тысяч эстонцев имеют куда большие возможности, нежели 5 миллионов волжских татар. Горбачев оборвал депутата – вопрос захлебнулся. Отчего? Думается, не пришло ещё тогда время настолько кромсать Россию. Сначала дали разбежаться союзным республикам, а уж потом Ельцин скомандовал автономиям глотать столько суверенитета, сколько они способны проглотить.

Чтобы русские не вспоминали о том, что такое настоящая Россия, в СССР не только создавали мифы и убаюкивающие разум песни. Русских попросту унижали и уничтожали, в первые советские годы – в буквальном смысле слова. В начале двадцатых годов нередки были сообщения о том, что такой-то приговорен Особым совещанием к расстрелу как «религиозник, изувер и патриот». С того коммунисты начинали. Потом патриотизм появился, но – обязательно советский. К русскому патриотизму прибегли лишь на короткий обманный срок, во время Великой Отечественной войны, когда решался вопрос: быть или не быть живым всему государству.

Зато союзные республики «прикармливались». В системе внутрисоюзных цен только 6 республик имели положительный баланс – три славянских и три закавказских. В мировых ценах в донорах оставались только Россия и Азербайджан, последний, разумеется, лишь за счёт нефти. Все остальные были иждивенцами. Между тем, все республики имели свои компартии, свои ЦК. Российской компартии не существовало, а значит, РФ теряла многое в существовавшей тогда системе управления страной. Все республики имели свои академии наук, а, следовательно, имели большое число институтов, докторских мест, аспирантур... А в московских и петербургских вузах ещё имелись и квотируемые места для студентов из национальных республик. Всё то привело к тому, что русские по сравнению с

титульными народами союзных республик, в конце концов, стали отставать в получении высшего образования. То, не забудем, происходило на фоне донорства со стороны СССР множества стран, партий, бандитских групп третьего мира. Кстати, именно такое положение стало причиной того, что рыночную жизнь разные народы СССР начали в разных стартовых условиях. Рынки Москвы захвачены кавказцами – факт. Но почему так? Все кавказцы – жулики и негодяи? Нет. Может быть, все русские не умеют работать? Тоже неправда. Всё дело в сильно различающихся условиях старта: виноваты в сегодняшних издержках и конфликтах не народы, но те, кто «устроил» им их базу. Вот и уходили русские от других своих бывших «братьев и сестер» с удовольствием, под аплодисменты большинства простых людей. Но что получилось?

Все обрели «суверенитет». Не смешно ли? Карельский Верховный совет декларировал суверенитет Карельской АССР в рамках РСФСР и СССР. Это – нонсенс. Суверенитет неделим. Если суверенна Карельская республика, то не суверенны РСФСР и СССР. Если суверенен СССР, то не суверенны РСФСР и Карельская республика. К автономии суверенитет не имеет никакого отношения: первая может быть сколь угодно широкой, самоуправление может быть чрезвычайно развито, однако то и другое осуществляется при общем подчинении некоему центру. Тоска по свободе привела к помрачению ума у самых достойных людей общества.

Разумеется, были и другие. Те, кто не потерял трезвости рассудка, обладая притом должными историческими и юридическими знаниями. Однако они не допускались к СМИ как русские патриоты. Автора этих строк не печатали до 1993 года: демократам нужен был космополитический дух, а тем, кто мнил себя российскими патриотами, – прокоммунистическая основа высказываний. Когда стало «можно» – события уже свершились. Вместо активного вмешательства осталось только анализировать и сожалеть.

Государства, действительно, иногда распадаются. Очень долго живут империи: они существуют до тех пор, пока ведущий

имперский, создавший империю, народ не приходит к старости. Не римлян не стало, потому что рухнул Рим, но Рим перестал существовать по причине умирания римлян.

Империя – очень терпимая форма государства. От федерации ее отличает то, что в ней всегда есть провинции, то есть страны, существовавшие раньше и продолжающие сохранять свой уклад жизни, неповторимый культурный облик, а иногда даже и местную власть (армянский царь был подданным царя царей Ирана, но он был царем и по-настоящему в Армении царствовал). В империи, в отличие от федерации, всё обязательно «завязано» на существовании ведущего народа, притом средние и малые народы чувствуют себя гораздо лучше и свободнее, нежели в унитарных государствах. Но, повторим, случается, что главный, имперский народ стареет и умирает.

Народ стареет и умирает, но то более естественно, чем те случаи, когда такой народ «при жизни» отказывается от своих функций имперского народа!

На каком пути русские? Никто не знает. Наша главная слабость как раз в том, что мы до конца не определились.

Мы хотим идти здоровым государственным путем? Если да, тогда надо непременно заявлять претензии на отторгнутые территории и принимать тех, кто и сейчас хочет жить в России. Хотят или нет абхазы «под российское крыло» – это их право. Но для России принять их – государственная обязанность. То же с армянами, осетинами, лезгинами...

Пока мы не определимся, будет плохо и абхазам, и армянам и так далее, а хуже всего – русским. Почему? Да потому что русские до сих пор имперски мыслят, не хотят идти «другим путем» – не депортируют другие народы с территории РФ, не говоря уже о хоть каких-то намеках на геноцид. Зато русских откровенно выдавливают с территорий бывших союзных республик; вместе с потерей жизненного пространства мы теряем имущество (вернувшись, к примеру, из Казахстана в РФ семья практически всегда оставляет на прежнем месте жизни все, что было нажито многими поколениями родственников).

Что же делать? Как вести себя русским, если здоровый имперский путь оболган всеми, хотя бы из-за слова «империя», ведь большевики, а за ними – вот парадокс-то! – и радикальные демократы постарались сделать все, чтобы у обывателя только при упоминании этого слова возникала отрицательная подсознательная реакция? Как говорить с тем, кто вольно или невольно в эйфорическом дыму 90-х годов прошлого века, в итоге Беловежских соглашений, «закрепивших» прочерченные ленинско-сталинскими картографами произвольные границы, стал обладателем территорий, по праву принадлежащих России? Уверен, позиция России должна быть следующей.

Мы обязаны сказать: господа, земля у вас есть, но законных территорий нет. Мы не собираемся нарушать ныне существующих границ, однако мы их и не признаем. Эти границы существуют де-факто, но не де-юре. Против такой позиции ничего не сможет возразить по существу и международное сообщество. Стоит также провести некоторые различия. Есть два вида земель: одни являются частями исторической Российской империи, другие – частями исторической России. Одни не следует путать с другими. Пройдемся по часовой стрелке, имея ядром Москву, РФ.

Части Российской империи, а не Руси, – это Тува, большая часть Туркестана, Заднепровская Молдова, Кавказ, в том числе Северный, кроме исторических казачьих областей, почти вся Прибалтика... Здесь вопрос может быть поставлен только так: кто хочет жить с нами – живите. Кто нет – вот вам Бог, а вот – порог. Скажем, южные осетины хотят отделиться от Грузии – у них одни настроения, а северные мыслят несколько по-иному...

А вот Казахстан с частью Туркестана, Украина и Белоруссия, Латгалия (исторически не часть Латвии, а Витебской губернии) – это части России, Руси. Тут следует говорить о воссоединении расчлененной России, расчлененной нации. Кстати, в распоряжение ООН предоставлены все необходимые документы, свидетельствующие, что с 1991 года русские являются именно расчлененной нацией. И в любом случае правомерна постановка вопроса о долгах и коррекции границ.

Надо, наконец, перестать путать понятия «страна» и «государство». Они разного происхождения, разного корня. Как и в английских «state» и «country». Страна – это сторона, то, что в стороне от столицы. «Country» – это тоже загород, деревня.

Государство можно учредить, страну – нет. Последняя складывается веками. И не только в сознании ее жителей, но и иноземцев. Было такое государство Советский Союз. Но не было такой страны, хотя и пытались петь об этом песню. Страной была Россия – не случайно иностранцы везде писали «Russia». И мы, в том числе и украинцы, и белорусы, и евреи – все были для них русскими. И остаемся быть таковыми до сих пор. Обвиняется, например, «русская мафия», – а там фамилии, к примеру, Сидорова, Костенко и Гинзбурга... Страна и государство иногда не совпадают территориально. Бывают страны, разделенные на несколько государств, а бывает и наоборот, когда государство состоит из нескольких стран. До 1871 года Германия состояла из множества государств, но для всего мира, тем не менее, существовала страна Германия. Есть Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – государство здесь состоит из одной страны и куска другой страны. Египет на протяжении тысяч лет то совпадал как страна и территория, то нет...

Русь в XII веке состояла из неопределенного числа княжеств-государств. Но Русь-то существовала – и для араба, и для византийца, и для немца! А вот в XVIII веке Россия как страна и государство совпали. В XIX веке территории приросли – они вышли за пределы исторической России, которая как страна, разумеется, не переставала существовать.

Те, кому Россия нравится в расчлененном виде, могут и должны затушевывать различие между страной и государством.

Но нам, болеющим за настоящую Россию, то не простительно.

Мы хотим восстановить нашу страну, которая не переставала быть Россией и при существовании канувшего в Лету СССР. Хотим сделать ее процветающей и достойной для русского человека и для всех, кто хотел бы жить с нами – пусть

на правах провинций, с самыми широкими автономными правами.

Основание Сарайской (Крутицкой) епархии

Православная епархия в столице Орды – Сарае, тремя столетиями позже перенесенная на Крутицы, учреждена в 1261 году.

Многие авторы указывают самые многочисленные причины основания новой кафедры. Во-первых, число русских в Орде в 1250-е годы все увеличивалось. Речь шла уже не столько о русских рабах, духовные нужды которых вряд ли волновали завоевателей, сколько об участвовавших посещениях ханской резиденции русскими князьями с их приближенными, купцами, различными посольствами. Князья содержали в Сарае свои дворы с челядью. Многие из этих русичей волей или неволей проводили в Орде годы.

Во-вторых, ордынская власть к этому времени уже вполне наладила отношения с духовным сословием, находившемся в привилегированном положении по сравнению с остальным русским населением, и, вероятно, не противилась стремлению русского духовенства упрочить свое влияние на новой обширной территории.

В-третьих, в ордынских землях, особенно по Дону, жили бродники – христианизированные потомки хазар и предки донских казаков.

В-четвертых, ханская власть придавала особое значение сарайскому епископу во взаимоотношениях Орды с Византией. Вряд ли случайным совпадением было основание кафедры в том самом 1261 году, когда Михаил Палеолог вышвырнул крестоносцев из Константинополя, восстановив православную столицу. Известно летописное свидетельство о возвращении Феогноста, 2-го епископа Сарайского, в 1279 году “из Грек, послан бо бе митрополитом к патриарху и царем Менгутемером к царю греческому Палеологу” (1).

Русские князья и высшее духовенство, видимо, получали от сарайского архиерея сведения об обстановке в ставке, об отношении хана к тому или иному из русских князей. В какой-то степени епископ мог влиять на эти отношения.

При всей изученности вопроса бросается в глаза странная ситуация, когда историки преимущественно интересуются, чем была полезна сарайская кафедра ордынцам, а не русским, не Византийской империи, не Вселенской Православной Церкви. В конце концов не ордынцы же учредили епархию!

Была и еще одна серьезнейшая причина стремления русского духовенства к усилению влияния в Орде: борьба с римо-католичеством, который с XIII-го столетия постоянно усиливал натиск на Восток. С установлением ордынской власти на Руси в Риме сочли, что теперь появилась возможность распространить папизм как среди русских с помощью Орды, так и среди самих ордынцев, возможно, с помощью наших. Преследовалась и цель привлечь степняков к борьбе с турками-сельджуками, с Никейской (Византийской) империей, с германским императором Фридрихом II Барбароссой. Этот нажим осуществлялся с помощью миссионеров, чаще всего францисканцев и доминиканцев, которых папы, снабдив посланиями, посылали на Русь и в Орду и в XIII и, еще, в XIV веках. Таким из них, как Иоанн Плато Карпини, Гильом Рубрук, Юлиан, мы обязаны интереснейшими свидетельствами о тех странах, где они побывали, но посланы они были совсем не с познавательными целями.

Их донесения подчас даже носили ложный характер при описании собственных миссионерских успехов. Так, венгерский монах-доминиканец Юлиан в 1235 году сообщал о словах, сказанных будто бы князем великой Лаудамерии (Владимира): "...ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти." (2).

Интересно отметить, что еще в булле 1233 года папа Григорий IX давал индульгенцию всем доминиканцам, отправлявшимся на Русь, прощая им такие грехи как поджог и убийство клирика; им также дано было право самим отпускать эти грехи. В ряде посланий, начиная с XIII-го века, папы призывали русских князей к отречению "от своих заблуждений", то есть от Православия.

Геополитическая обстановка в XIII-ом веке была тяжелейшей во всей русской истории. Русь не смогла оградить

себя от вторжения монгольской орды, в кампаниях 1237–38 и 1240 годов опустошавшей ее земли. Ряд важнейших городов был razорен, ремесленники толпами угонялись в полон, страх перед шайками степняков делал невозможным движение купеческих караванов. Еще в XII-м веке иссяк Великий днепровский транзитный “путь из варяг в греки”. К тому же западная граница была враждебна, а уцелевшие города Северо-запада – Новгород, Псков, Полоцк, Смоленск – стремились переориентировать свою торговлю на Балтику, потеряв русский рынок. Упадок торговли поощрял упадок ремесла и наоборот, что образует порочный круг. Падение заказа под влиянием социально-психологического шока было чудовищным: богатейший, никем не razоренный Новгород около 60 лет не вел каменного строительства. Отсеченный Великой схизмой Запад стал окончательно чужим после razорения Константинополя в 1204 году. Византийская империя, выстояв шестивековой натиск Ислама, пала под предательскими ударами крестоносцев. Между Русью и Черным морем вместо “своих поганых” – торков, берендеев, половцев – была Орда. Культурная изоляция и экономический упадок влекли за собой утрату влияния городов и городских монастырей. Место городской Руси заступала Русь аграрная, Русь боярских вотчин, Русь удельной грезни.

Лишь Церковь оставалась твердыней русского человека. Церковь, которую не тронули и монголы, которую “и врата адавы не одолеют...”. Религиозно-культурная терпимость монгол изумляла современников. Ханские ярлыки освобождали духовенство ото всех видов дани, всех повинностей в пользу хана. “Сию грамоту видяще и слышаще от попов и чернецов ни дани, ни иного чего ни хотят, ни возьмут баскаци, князьи писцы, поплужники, тамошники, а возьмут ине по велицей Язе извиняться и умруть” (из ярлыка Менгу-Тимура 1267 г.).

Ярлыки оберегают земли, воды, сады, огороды, мельницы, принадлежащие духовенству. Церковные дома освобождаются от постоя. За оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книг и т.п.) полагалась смертная казнь (как тут не сравнить монгольскую власть с нынешним

режимом!). Ярлык Тайдулы 1347 года прямо обращается к русским князьям с призывом поддерживать все эти привилегии Церкви.

Представляется уместным отметить, что Русская земля, оправившись от первого потрясения, могла сопротивляться, могла добиться разгрома монгольских войск. В 110 тысяч воинов оценивают историки силу объединенных княжеств в XIII-ом веке. Это заведомо больше, нежели силы Батыева (Джучиева) улуса. Но Русь сражалась и на Западе. Поляки, венгры, шведы и несравненно более опасный Тевтонский орден – вот страшные бескомпромиссные враги. Блестящий анализ Льва Гумилева (3) не оставляет сомнений в том, что Русь могла победить ценой союза с папством, ценой... окатоличивания и феодализации. Ценой, которую в конечном итоге отказался платить кн. Даниил Галицкий, которую решительно отвергли св. блгв. кн. Александр Невский и митр. Кирилл.

К тому же, положение и в Орде, и в ставке великого хана отличалось исключительной нестабильностью и, даже, поддавалось русскому влиянию. Во время похода Батый рассорился со своими кузенами, Гуюком, сыном самого великого хана Угедая, и Бури, сыном великого хранителя Ясы, Чагатая. “Отцы стали на сторону Батыя и наказали опалой своих зарвавшихся сынков, но когда умер в 1241 году Угедей, и власть попала в руки матери Гуюка, ханши Туракины, дружины Гуюка и Бури были отозваны – и бедняга Батый оказался властителем огромной страны, имея всего четыре тысячи верных воинов при сверхнатянутых отношениях с центральным правительством. О насильственном удержании завоеванных территорий не могло быть и речи. Возвращение в Монголию означало более или менее жестокую смерть. И тут Батый, человек неглупый и дальновидный, начал политику заигрывания со своими подданными, в частности с русскими князьями Ярославом Всеволодичем и его сыном Александром. Их земли не были обложены данью” (3, стр. 431–432).

Но и Гуюку было несладко. Против него выступили монгольские ветераны, сподвижники его деда, и несториане, связанные с детьми Толуя. Хотя в 1246 году Гуюка

провозгласили великим ханом, но настоящей опоры у него не было. Гуюк попытался найти ее там же, где и его враг Батый, – среди православного населения завоеванных стран. Он пригласил к себе “священников из Шама (Сирии), Рума (Византии), Осов и Руси” и провозгласил программу, угодную этим народам, – поход на латинский Запад.

Миссия Плано Карпини официально состояла в том, чтобы передать великому хану предложение принять римо-католичество. В отношении монгольской державы эти планы на том этапе были безнадежны: сохранилось письмо хана Гуюка папе Иннокентию IV, где хан, угрожая нашествием, требовал полного подчинения. “Отсюда знайте за верное, – сообщал Гильом Рубрук в 1253 году, – что они весьма далеки от веры, вследствие этого мнения, которое укрепилось среди них, благодаря русским, количество которых среди них весьма велико” (1).

В начале 1248 года Гуюк внезапно умер или был отравлен. Батый, получивший перевес сил, возвел на престол сына Толуя, Мункэ, вождя несторианской партии, а сторонники Гуюка были казнены в 1251 году.

После завоевания Руси Батыем и ссоры Батыея с наследником престола, а потом великим ханом Гуюком (1241 год) русскими делами в Золотой Орде заведовал Сартак, сын Батыея. Христианские симпатии Сартака были широко известны, и, даже, есть данные, что он был крещен, разумеется, по несторианскому обряду. Однако, к римо-католикам и православным Сартак не благоволил, делая исключение лишь для своего друга и побратима – Александра Ярославича Невского.

Такое положение продолжалось до смерти Сартака в 1256 году, после чего хан Берке перешел в ислам, но постарался учредить в Сарае епархию Православной Церкви в 1261 году и благоволил православным, опираясь на них в войне с персидскими ильханами, покровителями несторианства. Именно с этого момента несторианская проблема становится для русских неактуальной, а православная контрмиссия – направленной прежде всего против латинян.

Поразительно, однако, как все историки отказываются замечать еще одну причину основания кафедры в Сарае – на наш взгляд – главнейшую: организацию широкой миссии среди ордынцев. Ведь число пленников неуклонно сокращалось с нормализацией уважительных вассальных отношений, воинов Русь перестала выделять в Орду уже при Александре Невском, а для “посольской” церкви священников можно было присылать, рукополагая где угодно.

Правда, может померещиться, что наше миссионерство берет начало только со святителя Стефана Великопермского, и что Домонгольская Русь не знала сщмч. Кукшу и преп. Авраамия Ростовского!

Н.М.Карамзин приписывал замысел учреждения кафедры в Сарае св. блгв. князю Александру Невскому, митр. Макарий (Булгаков) и Е.Е.Голубинский – митр. Кириллу. Оба они, без сомнения, знали, что грозная степная опасность раз уже была отведена от Руси Крестом: половецкая угроза закончилась с крещением многих и многих половцев.

О христианизации половцев сообщают “Житие черноризца Никона” и “Сказание о пленном половчине”. В “Вопрошаниях Кириковых” записано: “И се ми поведал чернец пискупль Лука Овдоким молитвы оглашенныя творити: болгарину, половчину, чюдину, преди крещения сорок дней поста, из церкви исходити от оглашенных”. Известны факты: половецкий хан Амурат крестился в Рязани в 1132 году, Айдар – в Киеве в 1168 году, Бастий – в 1223 году, вступая в союз с русскими против монгол; из православных половцев состояло целое крыло войск царя Давида Строителя в Дидгорской битве; половцы, переселившиеся в Венгрию, были православными. Следует помнить, что и само монгольское нашествие Русь навлекла, заступившись за друзей-половцев.

Бесконечно много писали и будут писать не меньше об Александре Невском, пожалуй, незаслуженно мало о митрополите Кирилле, заслоненном от нас светлым образом великих Святителей Московских. А, между тем, сей владыка занимал первосвятительскую кафедру с 1243 по 1280 годы, то есть дольше, чем кто-либо когда-либо; неустанно разъезжал все

это время по измученной Русской земле, восстанавливая епархии, приходы, монастыри; открыл три новые епархии: Холмскую в 1250 году, Сарайскую в 1261 году и Тверскую – около 1271 года. Именно он достиг согласия между князьями Александром Невским и Даниилом Галицким, между Александром Невским и его братом Андреем. Он созвал Владимирский Поместный собор 1274 года. Он проводил св. князя Александра в последний путь, сказав над его гробом слова, ставшие бессмертными: “Уже зашло солнце Земли суздальской”. Диву даемся, как и до сих пор наша Поместная Церковь забывает о прославлении сего Светильника Божия!

Решительно невозможным представляется нам разделить честь устроения Сарайской епархии между святым князем Александром и великим митрополитом Кириллом!

Положительными свидетельствами в пользу откровенно миссионерского характера новой кафедры служат прежде всего вопросы преосвященного Феогноста 2-го епископа Сарайского Константинопольскому поместному собору и ответы на них: “Если святителю случится служить литургию, а не будет диакона, только много священников, – можно ли ему служить? Если будет нужда, да служит и без диакона со священниками: один из священников пусть говорит ектению внутри алтаря. Если будут многие священники вместе, но не будет диакона, должно ли им служить или нет? Должно; только один из них пусть произносит ектению, стоя в алтаре, а не выходя из него. (Диаконов русских, видимо, всех успели рукоположить во иереев, а диаконов – степняков не вполне подготовили. (В.М.). Если священник убьет на войне человека, можно ли ему потом служить? Это возбранено Св. канонами. (Где это встречались такие драчливые священники? (В.М.)”.

Для нашего вопроса о миссионерском характере епархии особенно интересны следующие три вопроса епископа Феогноста. Во-первых, как подобает крестить несториан? Во-вторых, можно ли “освященную Трапезу” переносить с места на место и употреблять в богослужении. Собор ответил утвердительно, с добавлением: “Ходящие люди (кочевники – В.М.) не имеют себе упокойна места”. В-третьих, можно ли

крестить песком при отсутствии воды? И на это Собор дал благословение.

Епископство Феогноста связано и с его участием в Соборе 1274 года, и в хиротонии знаменитого киево-печерского проповедника Серапиона во епископа Владимирского, и с решением в Константинополе вопроса о крещении дочери хана Менгу-Темира (Анны), вышедшей замуж за ярославского св. блгв. князя Феодора. Феогност трижды был в Царьграде, где был весьма уважаем, как ученейший сарайский архипастырь. (Еще один нами забытый Святитель? – В.М.) (4).

Где же результаты этого деятельного миссионерского служения? Это, прежде всего, почитаемый нашей Церковью Петр царевич Ордынский – неизвестный чингизид. Эти и Четмурза, родоначальник фамилий Сабуровых и Годуновых, по легенде отъехавший на русскую службу при Иване Калите. С.Б.Веселовский (5) убедительно показал, что легендарный Чет мог быть во всяком случае лишь современником св. блгв. князя Даниила Московского. Это слишком еще рано для массового бегства ордынских христиан от насильственной исламизации при хане Узбеке (после 1311 года), но что, если Чет был попросту крещен еще русскими клириками Сарайской епархии?

Широко известно, что нелепое антиордынское возмущение во Владимире при князе Андрее Ярославиче подавлял темник Неврюй. В 1296 году “была брань русским князем”, “в то бо время был посол из Орды Алекса Неврюй”. Это был сын Неврюя, он был уже православным христианином. Интересно, что “был сей съезд во Владимире, где мало не воспоследовало кровопролитий, когда б не смирил их Симеон владыка да владыка Сарайский Измаил”.

Великим баскаком владимирским при трех первых золотоордынских ханах и при трех великих князьях владимирских был некто Амирхан. Мы знаем, что православное имя его было – Захар, что он был крестником самого Александра Невского. Ярославич умел упрочить свое положение! Праправнуком Захара – Амирхана был преп. Пафнутий Боровский, последователь преп. Сергия Радонежского и учитель преп. Иосифа Волоцкого. От родного

брата преп. Пафнутия пошли до наших дней дворянские фамилии Баскаковых и Зубовых. От тех крещеных ордынцев тянутся и линии Аксаковых, Кутузовых, Апраксиных, Бахметевых, Шереметевых, Тютчевых...

Мы проиграли миссионерское состязание с мусульманами, несмотря на то, что в XIII-ом веке христиан в Орде было неизмеримо больше, чем мусульман. Причиной тому была низкая наша энергия этнического поля, низкая солидарность русских, только вступавших в историю на смену славянам. Причиной была и бедность наша в сравнении как с Западом, так и с мусульманской Средней Азией. Орда приняла ислам, чем предопределила Куликово поле.

Но автор всегда считал, что как ни славна Куликовская победа, много большую небесную славу нам принесло бы крещение Орды!

Оставьте в покое 37-ой год!

Беседа Дмитрия Данилова с Владимиром Махначом

17 декабря 2007 года

– Владимир Леонидович, в этом году исполняется сразу несколько юбилеев – 1917-ый и 1937-ой год. Но если с первой датой все более или менее ясно, она хоть как-то переосмысливается, то понимание второй в СМИ как будто застыло на уровне истерики времен «перестройки», если не времен XX съезда КПСС. Почему так происходит?

– А я ожидал, что в этом году пройдут забавные сеансы воспоминаний. Все-таки 70 лет известных событий, круглые даты. Но чтобы понять, почему мы постоянно сталкиваемся с феноменом «37-го», нужно понять, что 1937 год – тоже своего рода «революция». Я убежден, что революция 1917 года в 1937 году отнюдь не закончилась. Кто вообще может знать, когда заканчивается революция? Лет через 50 историки могут счесть, что революция закончилась только в наши дни. Итак, почему 1937 год стал нарицательным? Почему, как только состоялось освящение православного храма в страшном, трагическом месте на полигоне в Бутове, тут же вспомнился 1937 год? Действительно, на том месте в 1937–1938 годах происходили массовые расстрелы людей. Но почему целый ряд СМИ начал писать, что именно тогда началось самое страшное и трагическое, что случилось в стране? Для того нужно разобраться с тем, что стало позже лейтмотивом Хрущева. При Хрущеве послушные органы массовой информации, такие, как газета «Правда», журнал «Коммунист», о котором сейчас многие подзабыли, вбивали в мозги, что революция была прекрасна, но в 1937 году начались сталинские репрессии. Но почему они начались? Дело в том, что непонятно, с какого именно года Сталин у власти. Явно, что не с 1924-го. Но к развернутой коллективизации 1929 года он уже был у власти. 1937 год был этапом революции.

– Вы считаете 37-ой год переворотом?

– Да, то был партократический переворот. Когда Сталин (да и Ленин тоже) стал генсеком, то ровным счетом ничего не значило, кроме буквального: «секретарь по общим вопросам». «Генеральный» в данном случае означает «общий», а вовсе не секретарь масштабом с генерала. Он не был во главе ЦК, он был во главе аппарата, обслуживающего ЦК.

– Вспоминается точка зрения французского историка Николя Верта, который считал, что абсолютно все советские вожди до момента прихода к власти восходили до нее одним и тем же способом – руководя партийным аппаратом, точнее, руководя кадрами.

– Есть другая точка зрения – теория этногенеза Гумилева. Согласно ей, революции начинают пассионарии. Но в революции всплывает сразу огромное количество субпассионариев – людей хаотических. С точки зрения социологии, революцию, да простят меня читатели, начинают все-таки революционные элиты – профессиональные революционеры, занимающиеся этим делом всю жизнь и составляющие революционную олигархию. Революция всегда вызывает к жизни толпу, а то уже революционная охлократия. И они – элиты и охлократия – неизбежно вступают друг с другом в борьбу, иногда не осознавая того. Это два совершенно разных явления – те, кто готовил революцию, и те, кто всплыл уже в ее ходе, тех, кто усерднее всех бегал на митинги. Вступив в борьбу на определенном этапе, толпа уже много позже 1917 года победила революционные элиты. Но победила она их единственным способом, которым может победить охлократия, – вызвав к жизни тирана. А тиран преизрядно сократил поголовье как первых, так и вторых, наиболее крикливых.

– Когда же можно считать начало 1937 года?

– Есть такой мыслитель по имени Абдурахман Авторханов – известный эмигрант-чеченец, преподаватель академии Вест-Пойнт в США. Так вот, он рассмотрел проблему в работе «Технология власти» (к слову, единственная его работа, которую стоит читать). Он дал такое определение: «Февраль привел к власти народ, Октябрь – плебс, Сталин – люмпен-пролетариат». Конечно, это не совсем так. Но столкновение

этих социальных групп прекрасно наблюдается. Но не Сталиным все началось. Началось все первыми революционерами. Начиная с 1905 года, революция уже проливала кровь, устраивала чудовищные погромы и поджоги несчастных помещичьих имений, особенно в сельской местности. То уже было довольно кровавым деянием. Революция в феврале-марте 1917 года разрушила государство уже настолько, насколько то вообще удалось. И помогали разрушать «советы депутатов», между ними даже конкуренция была. Разрушение привело к тому, что можно было начать Большой террор. Его и начали в 1918 году. Октябрь был действительно относительно бескровным, если не считать несчастных женщин, которых спьяну насиловали прямо на улицах. Итак, официально был объявлен Красный террор. Есть подсчеты, сделанные в 60-х годах американским русскоязычным профессором Кургановым. Подсчеты, естественно, округленные. Согласно им, две волны Красного террора, начавшиеся соответственно в 1918 году и в первой половине 20-х годов, включая чудовищное избиение православных, унесли в полтора раза больше жизней, чем унес Сталин в годы всех его репрессий. Это не должен забывать ни один русский человек.

– То есть, Сталин был на этом фоне не так уж и плох?

– Я не апологизирую Сталина, мне он глубоко неприятен. Я даже не могу сказать, что он мне приятнее, чем Ленин. Вообще мне неприятны все революционеры. Но сопоставимые цифры должны были быть, их печатали много раз. Кургановские списки появились у нас еще в 1990 году в «Русском альманахе». Потом их подверг подробному анализу, к сожалению, покойный ныне писатель и исследователь Вадим Кожинов. Пытались это сделать и многие профессиональные историки. Да, в 1937 году убивали. Не так, правда, как в 1921-ом, но довольно-таки массированно. И погибали притом порядочные люди. На Бутовском полигоне расстреливали в основном порядочных людей, среди которых есть и святые мученики. И я прекрасно знаю, как историк-профессионал, что были очень многие священнослужители, а среди них немало и епископов, до того арестованных, пребывавших в тюрьмах и лагерях, или

ссылных. И так, все они были «зачищены». В 1937-ом их всех просто быстренько забрали и убили. Но помимо них было и много других порядочных людей – крестьян. Даже уже необязательно кулаков (кулаков уже почти всех раскулачили), казаков, которых не успели достать в 20-е годы. И прочих неблагонадежных людей, которые просто не успели спрятаться. Как обезлюдела сельская местность! Только в больших городах можно было раствориться и стать почти незаметными для карательных органов. Но есть одно «но». В Красном терроре погибали, за исключением случайностей, почти одни порядочные люди. Революция убивала добрых людей. В 1920–1921 годах коммунистический режим устроил искусственный голод в Поволжье. Его не любят признавать современные коммунисты-депутаты, для которых искусственный голод был только в начале 30-х годов, да и то на Украине. Все это ложь. В начале 30-х годов погибли миллионы жителей не только Украины, но и Северного Кавказа, частично Поволжья, в итоге коллективизации и введения продовольственного налога, который колхозник должен был насильственно отдать. А в 1920–1921 годах искусственный голод был создан «продразверстками», то есть примитивным изъятием зерна. Так вот, согласно профессору Курганову, голод в 1920–1921 годах стоил русскому народу 6 млн. жизней, а голод в начале 30-х годов – 7 млн. жизней. Все это плюс жертвы Красного террора, расстрелянные буржуи, уничтоженные священники вместе с семьями, лучшие крестьяне в дни коллективизации 1929 года. Тогда уже никак не получится в полтора раза больше, а как минимум в два с лишним раза больше.

– Вы сказали о том, что 1937 год был продолжением революции. Чем же тогда это «продолжение» отличалось от начала?

– Тем, что тогда, в начале революции, погибали добрые люди. Но впервые с начала революции в 1937 году вместе с ними погибали убийцы – те, которые убивали все предшествующие 20 лет. Конечно, Никита Хрущев на XX партсъезде в 1956 году взвалил на Сталина то, от чего хотел избавить себя, чтобы укрепиться у власти. Любой

профессиональный специалист по русской истории XX века скажет, что если у Лаврентия Берии руки были по локоть в крови, то только по локоть. После событий конца 30-х годов Лаврентий Берия не занимался карательными делами, а делами, очень нужными Советскому Союзу и будущей России, то есть нашим атомным проектом и нашим ракетным проектом. И с тем он с блеском справился. И если уж Берию считать кровавым, то тогда и академика Курчатова надо «подкрававником» записать к нему в ближайшие сотрудники. Не кровавыми делами они занимались, хотя лагеря были в их полном распоряжении – как Лаврентия Берии, так и академика Курчатова. А вот Никита Хрущев весь в крови – по шею, а может быть, даже вместе с лысиной. Не было ни одного крупного договорного документа, который бы он не подписывал. А сам он – в «белом фраке». Эта кровь была не только на подписанных им приговорах. Между прочим, Никита много подписывал приговоров во время войны – он был членом Военного совета фронта и тоже подписывал, подписывал, подписывал...

– На ваш взгляд, 1937 год возник изначально как миф, только из желания Хрущева обелиться перед историей?

– Безусловно. Мне смешно, когда говорят о XX съезде как о развенчании культа личности. Нет ни одного советского вождя, который не создал бы вокруг себя хотя бы маленький, но культ. Но есть у Хрущева и другие «подвиги». Именно Хрущев устроил последнее гонение на религиозное объединение нашей страны. И почти весь удар пришелся на РПЦ. Именно в итоге короткого в сущности правления Хрущева число православных храмов в нашем многострадальном Отечестве сократилось с 22 тысяч до 7 тысяч. Именно Хрущев добил русского крестьянина. Он обложил каждую яблоньку налогом, после чего яблоньки вырубili, потому что платить было накладно. Он урезал до совершенно смешных клочков приусадебные участки. Конечно, тяжело было быть колхозником при Сталине, но не нужно забывать, что приусадебные участки при Сталине были просто немереными. Если сил еще хватает, и ты согласен рвать жилы, то – пожалуйста. Советская власть тебе даже помогать будет,

для чего существовали «Потребкооперация», «Центросоюз»... К тому же Хрущев начал строительство «хрущоб»-пятиэтажек.

– А здесь-то Хрущев в чем провинился?

– Когда мне говорят, что Никита избавил от жизни в бараках и подвалах, то я, как историк архитектуры по первой своей специализации, вынужден возразить: знаете, это, мягко говоря, не так. Тогда в подвалах жило около миллиона человек. Правда, в полуподвалах, которые были сухими и с окнами. Причем проживали в них только в Москве и Ленинграде. Больше нигде в СССР в подвалах не жили. Никита же в эти тесные пятиэтажные клетушки запихал не только счастливых бывших обитателей подвалов, но еще несколько миллионов из собственных домов, которые никуда не просились. Правда, их и не спрашивали. Итогом того стало резкое падение рождаемости. Вот уж поистине – русские в неволе не рождаются.

– Какая-то совсем невеселая картинка получается...

– Вот-вот. Только-только все плохое после войны начало сходить на нет, стало появляться даже некоторое подобие благосостояния, как появился лысый Никита и довел нас до такого состояния, что мы начали закупать зерно в развитых сельскохозяйственных державах вроде США. Никита Хрущев замаран всем, как только может быть замаран человек. Вот этот человек и создал термин «1937-ой год». Как говорится, судите сами.

– Почему же тогда несколько поколений именно с Хрущевым связывали и связывают до сих пор феномен «освобождения страны»? Что это – стокгольмский синдром в исторических масштабах целой страны?

– Освобождение? Лагерную систему упразднил, между прочим, не Хрущев, а Берия сразу после смерти Сталина. Не думаю, что Берия был притом добрым человеком. Просто он понимал: тирану можно, а ему нельзя. Потому он осознавал – всю эту систему надо потихоньку спускать на тормозах, иначе убьют. Но не успел – убили. Хрущев успел – убивать перестали, и его просто сослали на дачу на «партгоспаек». Но дело не только в том, что он открывал себе дорогу, делая 37-й год

именем нарицательным. Здесь никакого «синдрома» нет, здесь совсем иное. Он и его шестидесятнические сподвижники и сторонники – вся эта интеллигенция, которая и поныне жива, есть духовная, а часто и кровная родня тех, кто убивал первые 20 лет революционного режима или пострадал в 1937–1938 годах. Они – комиссаровы дети, дети убийц и людоедов. Им приятно было все свалить на такое безобразие: «Как же можно?! Убивать можно попа, дворянина, казака, крепкого крестьянина, инженера, наконец. А нас, комиссаров, убивать нельзя, невозможно!» Заметьте, между прочим, что почти все они реабилитированы, а жертвы Красного террора – нет. Это лежит пятном грязного преступления и на нынешнем политическом режиме. Он еще не оправдался перед русским народом. И уж никак не отмолил, ползая в прахе, прощения у Вселенской Православной Церкви, наиболее пострадавшей от комиссаров в те первые 20 революционных лет. Вот почему мне не раз приходилось публично заявлять: «Оставьте 37-й год в покое!» Вот почему я согласен с академиком Игорем Шафаревичем, когда он сказал, что за Сталиным он признает одно доброе деяние – уничтожение ленинской партийной гвардии. Но я, как человек гораздо более молодой, чем Игорь Ростиславович, от себя добавлю: Сталин сделал это плохо. Он не всех их уничтожил. Потому до сих пор мы живем в странном сюрреальном мире, еще сегодня можно услышать стоны: как же так – палачей посмели убивать?

Остатки имперской чести и вирус советского бесчестия

К. Михайловский, В. Махнач

Константин МИХАЙЛОВСКИЙ. Почему в советское время и до сих пор русские национальные интересы почти невозможно отстаивать, само слово «русский» постоянно находилось и ныне является мишенью для яростного огня самых различных политических сил? В советское время можно было говорить о грузинском кино, о литовском баскетболе, а в это время русский хоккей, балет, наука и литература провозглашались исключительно советскими достижениями и только для иностранцев были русскими (но там ведь все советское зло, все коммунистическое проклятие, внушающее вселенский страх и ненависть, называлось русским). Корни этого, безусловно, кроются в самой сущности большевицкого советского режима. За 70 с лишним лет его существования, выращивания «хомо советикуса» – человека безбожного, безродного, антинационального и античеловечного – страна получила и соответствующую (как зеркало народонаселения) политическую «элиту» в лице ЦК КПСС, Политбюро. Ничего русского в составлявших их деятелях (кроме владения плохим русским языком, а также использования привнесенного Сталиным на время войны, а потом, в принципе, отброшенного за ненадобностью примитивного русского шовинизма) уже не было. Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев – какие же все это русские люди? О России ли были их мысли, Россию они представляли и защищали? Осталось ли сегодня что-то русское в политических лидерах, что-то истинно национальное по содержанию и духу, что могло бы возродиться?! Это – вопрос вопросов, проблема из проблем... Можно ли говорить о русской власти, о русском национальном капитале? Имею в виду даже не чисто этническую принадлежность, но сущностные признаки и характеристики, опять-таки русскость в смысле содержания и духа, культуры и истории. Инородно советское продолжает править бал, а русским, по сути, по-прежнему отведена роль

некоего декора, вроде представления танцев с плясками в стиле «а ля рус» да непрямого использования фамилии Ивановы (хочется добавить – не помнящие родства).

Величайшее преступление нашего времени как следствие вышесказанного – развал СССР, советизированной, оскверненной великой России, выделение из этого государства его «обрубка» – РФ. Это – величайшая фальсификация, мистификация, позор для русской национальной элиты, если таковая чудом сохранилась в ленинско-сталинской мясорубке. Могли сказать уставшие от советской неэффективной системы, от лжеидеологической демагогии, так и не создавшей монолита советского народа (не считая «Иванов, не помнящих...» и потомков «латышских стрелков» многих национальностей): расходимся по национальным квартирам – но не в «незыблемых» границах, преступно и волюнтаристски прочерченных ленинскими и сталинскими картографами?! Очевидна была необходимость переговорного процесса для «цивилизованного развода». Не сделали этого! Согласились иметь Россию в прокрустовом ложе РСФСР, к тому же оставив русских за границами РФ на съедение тут же образовавшимся мини-империям, как и многие народы, издавна связавшие свои судьбы с великой русской державой. Теперь, чтобы хоть как-то отвлечь таковых от их бед и страданий, затуманить им мозги, пестуют мифы о славянском единстве, которое якобы все равно рано или поздно соединит братские народы, об СНГ, который как будто неизбежно развивается и укрепляется... А главное, все это для того, чтобы политики и общественность смочь не могли задуматься о необходимости восстановления российской территориальной целостности в законных и разумных границах.

Наш журнал смеет это делать. «Гражданинъ» старается сплотить на своих страницах и в рамках более широкой деятельности редакции единомышленников, граждан страны, сохранивших русский дух и всерьез верующих в общемировые ценности, – всех тех, кому дороги национальные интересы страны в их настоящем понимании: демократов-государственников, патриотов не записных, примитивно ксенофобски настроенных, не лжекосмополитов, но личностей,

прогрессивно и широко мыслящих, умеющих разумно и взвешенно, без шараханья в крайности сочетать общечеловеческие ценности и национальные интересы.

Как мы, русские люди, проиграли большевикам, т.н. пролетарским интернационалистам, в октябре 1917 года и до сих пор не в состоянии признать и оценить трагедию и масштабы этого проигрыша? Ведь истинно русские люди первыми ушли от Советов (потом уже ушли от большевицких Петрограда и Москвы, но не от России украинцы, белорусы, народы Закавказья), создав центры сопротивления, сохранив преемственность национальной государственности на востоке и юге страны, однако потом были разбиты, не получив поддержки от союзников. Именно по русской нации с самой страшной и изничтожающей силой прошло «красное колесо»... Кстати, и в 1990–91 годы уже советизированные русские первыми разрушили Советский Союз, не будучи при этом способными подготовить и вычленить из него Россию в ее подлинных, исторически обоснованных, соответствующих новым реалиям границах, соблюсти русские национальные интересы во всей их полноте.

Отчего в историческом итоге потерпела поражение белая эмиграция – так, что мы сегодня не имеем ни по-настоящему сохранившейся русской элиты, ни русской эмиграции, готовой вернуться в освобожденную страну и стать в ней властительницей умов и политических действий, ни безусловного наследника престола, необходимого для тех, которые предпочли бы для страны строй конституционной монархии? Все это – большие вопросы, требующие честных и ясных ответов.

Возможна ли полная дебольшевизация и десоветизация страны, без которых никакое дальнейшее поступательное движение для России немыслимо?

Что такое сегодня Россия? Что такое русский человек и русская нация? Когда мы ныне говорим «россияне», то подразумеваем некую совокупность людей, среди которых видятся и татары, и якуты, и евреи, и калмыки, но где же собственно русские, государствообразующая нация – как

французы, англичане и др. в полиэтническом государстве? Являются ли русские государствообразующей нацией, как американцы в многорасовых, полиэтнических США? Кремль, где находится президент, – это средоточие православных святынь (если проводить аналогию с ролью англиканской церкви в демократической, многоконфессиональной Великобритании) или просто место прекрасных «памятников архитектуры»? Почему истинным патриотам, не красным и даже не розоватым, не примитивно националистическим, вовсе не шовинистам и не ксенофобам, людям, не терпящим ни малейших слов и действий, направленных на разжигание национальной и религиозной розни, нельзя участвовать в политической жизни страны, создав истинную национальную партию? Отчего русские, за исключением маргиналов (Жириновский в Думе один кричит – да так, чтоб не услышали! – о задавленных интересах русского народа), смирились с продолжением губительного для себя процесса: раньше русских «растворяли» в советских, теперь – в россиянах?

Владимир МАХНАЧ. Да, с русскими обходятся крайне несправедливо. Но найдете ли вообще ее, историческую справедливость, если взглянете на развитие мировых отношений, начиная с октября 1917 года?! Думаю, нет: она рухнула вместе с Россией.

Россия должна была участвовать до конца в победе в I мировой войне над Германией, после чего русское правительство никогда не допустило бы такого чудовищного унижения немцев – с отрезанием территорий, с политической и экономической изоляцией (в отличие от побежденной нацистской Германии), свержением династий etc, которое произошло без России, выведенной большевиками из мировой политики. Но это произошло и привело к Гитлеру. Гитлеризм не может быть оправдан, однако стоит помнить и о том, что немцев поставили на грань этнической депопуляции, самоуничтожения. Гитлеризм не оправдаешь, а немцев?

Историческая справедливость ушла из мира вместе с Россией: Турция должна была лишиться всех чужих территорий, а следовательно, потерять Черное море (христианские греко-

армяно-грузинские земли), острова Эгейского моря, в общем, всю свою европейскую часть и Армянское нагорье, ибо турки не сумели стать европейским народом. Только приход к власти большевиков помог туркам остановить полную деколонизацию деспотической Османской империи, остаться безнаказанными за геноцид армян, ассирийцев, греков, курдов и отрезать даже кусок у арабов – Северную Сирию.

Россия не наблюдала бы за всем этим, зажмурившись, а вот мировое сообщество «зажмуривается» на все эти преступления до сих пор.

Идеи справедливости ушли из мира вместе с русскими царями, их деятельностью на международной арене. С Россией из мирового общения ушло понятие чести.

Кстати, в этом – в том, что Россия до октября 1917 года во всем руководствовалась понятиями христианской справедливости и чести, – ответ и на многие сегодняшние загадки. Отчего руководители нынешней РФ так часто поступают своими такими вроде бы отчетливыми национальными интересами, обязанностями и долгом великой нации? Все дело в извращенных за советское время самих категориях чести. Ведь, вне всякого сомнения, мы, к примеру, вправе владеть землями Курляндии, Лифляндии, Эстляндии (то есть нынешних Латвии и Эстонии) по той простой причине, что мы, русские, их купили. Международное право не признает сроков давности по приобретению земель. Однако русские предпочитают портить жизнь своим соплеменникам в Латвии и Эстонии, именно потому что являются... наследниками категорий чести. В них, этих категориях, вывод таков: ну, не хотят люди, проживающие сегодня в этих землях, жить с нами в одном государстве – пусть так и будет. То же – с Новороссией, всей южной полосой Украины, включая Таврию-Крым, Одессой, некогда величайшим российским портом, огромными территориями нынешнего Казахстана – бывшими областями русского казачества, росчерком большевистского пера вычеркнутыми из РСФСР уже после образования СССР, и т.д.

Категории реальных, унаследованных от Российской империи чести и честности, увы, смешиваются с извращенным

советским взглядом на историографию, географию... Вследствие этого, в итоге, мы сегодня ведем себя так же бесчестно, как вела себя советская власть. Советский режим был агрессивным, но одновременно готовым пожертвовать любыми национальными интересами ради так называемого пролетарского интернационализма. Во имя последнего коммунисты вообще, как известно, кормили массу бандитских режимов, все более вгоняя свой народ в откровенную бедность. Нас, русских, за советское время приучили уступать всем и всегда, спекулируя на понятиях чести и честности, а на деле в целях политических, преступных и обреченных.

На честь, которая пришла к русским с еще даже дохристианских времен (арийская категория), навесили советскую бесчестность. Русские за свою дооктябрьскую историю никогда никого не предавали, как не делали этого иранцы, римляне, византийцы, немцы. Это, кстати, вообще свойство великих имперских народов, заложивших основы современной цивилизации, – не предавать подданных, «младших братьев», союзников. Однако обратному нас начали активнейшим образом учить сразу же после октября 1917 года. Большевики тотчас же предали союзников по I мировой войне: последние тоже вели себя не идеально, но можно было прикрикнуть на них, пригрозить им, однако советская Россия просто их предала, затянув войну на лишний год, что обошлось человечеству в сотни тысяч жизней.

Потом коммунистические правители задружили с Мустафой Кемалем, в угоду которому предали армян, греков, таджиков. Причем не только на Балканах, но даже в Средней Азии. Сегодня русская честь говорит: если Узбекистан хочет жить самостоятельно – пусть живет! Но просоветское бесчестье при этом позволяет терпеть то, что Бухара и Самарканд, эти древние таджикские города, преступно отданы Советами узбекам. А ведь это примерно то же самое, как если бы у русских отняли Москву и Санкт-Петербург. Кавказские татары (азербайджанцы), грузины, молдаване могут создать свои государства, но где русская честь и исторический долг по отношению к абхазам, южным осетинам, карабахцам, лезгинам,

приднестровцам, связавшим свою судьбу с Россией как гарантом безопасности и свободного развития?

Мы без условий признаем существование Эстонии, но одновременно тем самым предаем население ее восточной части, с давних пор населенной в основном русскими. Ведь эстонцы в Нарве – это то же самое, что эстонцы в Мытищах: так складывалось исторически.

И в Восточной Европе к началу 90-х годов прорусски настроенных еще оставалось довольно много, не отождествлявших советских оккупантов с русскими освободителями. В Югославии – подавляющее большинство, в Болгарии – уверенное большинство, в Румынии – большинство, даже в Польше, несмотря на многие обиды (и поляки, заметим, немало прегрешали перед Россией), благодарно помнили освобождение от гитлеризма.

Но мы предали все эти народы, выгнав их в лоно НАТО. Предали тех, кто не хотел коммунизма, но хорошо относился к русским! Не рушить надо было связи, а сначала покончить с коммунизмом, а потом уже решать: друзья, хотите союзнические связи или нет? Может быть, без коммунистического режима некий договор и сохранился бы. А может, и нет, но уж точно не было бы безумного устремления поляков, чехов, словаков и других народов в НАТО. И если бы перед восточными немцами поставили условие невступления в НАТО, то наверняка в Североатлантический союз не поспешили бы прибалты, украинцы... И само НАТО было бы другим – у него не было бы надобности расширяться на восток. И... Много чего могло бы быть, если бы мир увидел нас подлинно сбросившими шоры коммунизма и вернувшихся к сути и духу дооктябрьской политики России, к справедливости поведения, которое Россия демонстрировала на международной арене веками. Весь мир был бы точно другим!

Коммунистический режим предавал все народы, но русских первыми. Вирус этого предательства сидит и в сегодняшних правителях страны. Русская проблема сброшена (и, видимо, намеренно) на откуп маргинальным силам – это в свою очередь как бы маргинализирует русских как таковых.

Так было при большевиках: русский патриот подлежал уничтожению с самого начала существования советской власти. «Приговорен к расстрелу как религиозник и патриот!» – гласит один из номеров «Известий» Советов народных депутатов. С тех пор все продолжается, исключая короткую передышку в войне с гитлеровской Германией на период, когда звенящий зубами об стакан с водой Сосо Джугашвили-Сталин объявил о необходимости «возвращения к русским патриотическим ценностям». Он понял: если храмы в СССР будут закрыты, а на оккупированной территории открываться по первому требованию прихожан, то с падением Москвы его смерть будет лютой и придет, скорее всего, не от немцев, а от «своих».

Кто вообще выиграл войну? «Мальчишки, мальчишки – вы первыми ринулись в бой...» Эти мальчишки погибли или попали в немецкие лагеря, а победу принесли 30–40-летние мобилизованные солдаты. В каких годах они родились? Вот именно, все они родились до революции, были воспитаны либо в православной, либо в семьях других традиционных для России конфессий. Дух Российской империи еще жил в них. Но война закончилась, борьба с русскостью возобновилась, а потом набрала и новые обороты.

Само слово «русский» оказалось под полузапретом. Помнится, одному моему другу, биологу, статью о членистоногих поправили: ареал обитания таких-то не «европейская часть России», а «европейская часть Советского Союза». Географически это неправильно, но... На что не пойдешь ради политической конъюнктуры! И это, подчеркнем, имело место при любом, даже русского состава Политбюро. Отчего?

Российская империя несколько злоупотребляла великорусскими: ну, все-таки пехота и артиллерия русской армии была великорусской (малороссы и те служили на флоте и в кавалерии за редким исключением). Главную тяжесть войн несли на себе великороссы: это – правда, но это не было гонением, а скорее правом на высшую честь. Но мы уже отметили, что эта честь с октября 1917 года обращается в бесчестье.

Советская власть с самого своего начала принимается за уничтожение прежде всего русских деятелей – не только монархистов, но и октябристов, националистов, кадетов, даже эсеров. Зато нерусские (скажем, те, кого постепенно приучают называться украинцами) получают должности: первый председатель Украинской Рады Винниченко становится замминистра, создатель термина «украинцы» недоучка Грушевский – академиком. По воле ЦК большевиков слово «русский» употребляется равным великороссу, лишая права новоявленных украинцев и белорусов зваться русскими. И если тогда только великороссы стали русскими, то в наше время нам пытаются навязать «развитие темы»: русских-де нет, а есть только некие россияне. Права зваться русскими теперь лишают великороссов – это последний этап убийства русской нации. И если мы согласимся на это, – что ж, национально погибнем, безвольно и бесславно растворимся в т.н. евразийстве, так настойчиво навязываемом. Но я все же верю, что этого не случится.

Особая опасность – псевдозащита русского народа самозванцами. Профанация борьбы, клоунада вокруг проблемы с ее дискредитацией. Вот – Жириновский, единственно вопиющий в Думе о русском народе. Еще 10 лет назад я, отвечая на вопрос аудитории о своем отношении к Жириновскому, говорил: 80 процентов того, что вещает лидер ЛДПР, – это то, под чем я подпишусь полностью, 10 проц. – то, что я принял бы, переформулировав в более цивилизованную форму, а вот оставшиеся 10 проц. – это бред сивой кобылы, который перечеркивает все и вся. Это – ложка дегтя, напроць портящая бочку меда и намеренно дискредитирующая все, что делается и может делаться в защиту истинных интересов русского народа. И сегодня я готов подписаться под таким своим отношением к фигуре, созданной при Горбачеве спецслужбами по указке Кремля.

Что делать?

Ситуация крайне сложная. И первое, что мы, русские, должны совершить, – это отказаться от постыдной слабости именовать себя россиянами.

Мы – русские! Кстати, слово «россиянин» – это всего лишь «литературный штиль» 18–19 веков от слова «русский». В надгробном слове о Петре I епископ Феофан Прокопович говорит: «Что творите, о россияне, Петра Великого погребаете...» Неужели он думал, что имеет в виду не русских? Нет, он просто был латинистом. А Херасков потом напишет: «Веселися, храбрый рос...» Впрочем, еще 10–12 лет назад слово «россиянин» как синоним слову «русский» легко произносилось, но сегодня – извините. Ныне оно стало исковерканным, как слово «товарищ» (испоганено коммунистами), а кроме того, просто опасным в свете того, о чем говорилось выше. Нет, нас не случайно приучают к тому, чтобы мы спокойно воспринимали на слух этакое, к примеру: на таких-то соревнованиях первое место занял россиянин Иванов, второе – украинец Петренко, третье – казахстанец Акаев...

Далее. Надо называть русских русскими по всему миру. Какая-нибудь Алена Груздева, выступающая, скажем, во французской команде, не просто наша соотечественница, она – русская. Ивановы и Петровы в Прибалтике, Узбекистане, Грузии и пр. – не русскоязычные, а также русские!

И еще. Новые русские – это как раз преимущественно не русские. Русская мафия – посмотрите на фамилии! – не является русской. Давайте будем зваться русскими там, где это соответствует истине, и не принимать лженаименований.

Русские – государствообразующая титульная нация. Более того, осмелился бы заявить, что русские могли бы стать даже нацияобразующим народом. Как во Франции алжирцы становятся французами и с гордостью себя таковыми величают, так представители всех других населяющих Россию народов могли называть себя русскими. Ведь писал когда-то этнический шотландец Барклай де Толли этническому грузину Багратиону: «Говорю Вам как русский русскому...». Но это – долгий путь нескольких поколений, и его нельзя пройти без разрешения территориальной проблемы – проблемы воссоздания территориальной целостности России.

Кстати, будь решена последняя, тогда можно было бы называться и россиянами, – в конце концов, слово красивое. Но

25 миллионов россиян тогда не должны жить «вне нации», брошенные Москвой. Русские могут и готовы принять в свою нацию других, но при том хватит предавать своих соплеменников!

И последнее. Нельзя мириться с тем, что русских пытаются отлучить от участия в политике, а значит, серьезных попыток повлиять на свою дальнейшую судьбу. Закон о партиях, запрещающий включать слово «русский» в название партии (это якобы разжигает национальную рознь), антиконституционен. На этом, к примеру, уже пострадала партия Русский общенациональный союз, упрямо не отказывающаяся от своего названия (кстати, среди активистов партии есть татарин, якут, бурят...). РОНС – серьезная партия и, уверен, еще поборется за свое будущее, но, как беспартийный, я, собственно, тревожусь не о них, а обо всех русских в целом. Закон направлен исключительно против русской нации: ведь о его составлении и принятии никто не помышлял, пока возникали татарские, башкортостанские и всякие прочие партии (никто не мешал им регистрироваться). Увы, это лишнее свидетельство того, что в Думе с русскими фамилиями сидят вовсе не русские, а советские люди. Неужели такой останется нижняя палата парламента и в новом составе?⁷

А обобщить все вышесказанное хотелось бы одной фразой: давайте все мы, русские, вернем себе остатки имперской чести и избавимся от советского вируса бесчестия...

От Крыма к Таврии!

Таврия (Таврика, Таврида), которую нас приучили называть Крымом, – земля исключительно древняя и ставшая пересечением путей многих народов. Кто были тавры, давшие название полуострову, мы не знаем. Впрочем, в мировой истории это не редкость. Кроме тавров на полуострове проживали киммерийцы и скифы, сарматы и греки – древние и византийские, римляне и понтийцы, готы... Среди прочих, были славяне и русы – в I тысячелетии н. э. еще разные, хотя и довольно близкие народы. Что это означает? А то, что Таврия – славянская земля на всем протяжении всей славянской истории, в I веке н. э. еще единого славянского народа, а не языковой группы многих народов, как теперь. Это – наша земля, у нас на нее двухтысячелетние права. Есть только один народ, который исторически мог бы претендовать на часть этой земли: это – греки. Однако оные, как известно, того не делают.

Таврия, кстати сказать, не только исконно славянская, но и исконно христианская земля. Есть знаменитое предание, сохраненное древнерусской литературой, о миссионерской деятельности в Тавроскифии святого апостола Андрея Первозванного, правдоподобность которого подтверждают и археологические исследования. Среди первых христиан в Таврии имелись и славяне, чему также есть ряд исторических подтверждений. Скажем, русы, по византийским и арабским сведениям, в VIII веке совершают поход на Сурож (нынешний Судак), в IX веке – на районы современной Северной Турции и Дербента. Откуда они делали набеги? Из Киева? Далековато. Легко предположить, что это были причерноморские русы и славяне. В 860 году киевские славяне и русы под предводительством Аскольда и Дира осаждают Константинополь. Не взяв город, они заключают с империей договор и принимают крещение. Опять-таки, откуда они совершают поход? Явно с причерноморской территории. В X веке кто-то, неупомнутый в хрониках, берет Тмутаракань, находящуюся рядышком с Таврией. Этот кто-то, скорее всего,

князь Святослав Игоревич. Тмутаракань была взята очень странно: стены города не были тронуты, зато стены цитадели – разрушены. Отсюда напрашивается гипотеза: Святослава впустили местные славяне, крепость он не брал, зато цитадель, где засели хазары, брать пришлось. Подобный вариант повторится несколькими десятилетиями позже с сыном Святослава – Владимиром, который возьмет Херсонес с помощью местного священника по имени Анастасий. Представить себе, что византийский грек-священнослужитель изменил империи и впустил в город, с его точки зрения, «дикаря», невозможно. Зато легко предположить, что Анастасий был славянином, подданным Византийской империи. Он знал, что Владимир примет крещение, и потому ему, соплеменнику, сотрудничать с владимирским войском было отнюдь не зазорно.

Кстати, земля полуострова, многократно переходя из рук в руки, всегда сохраняла свое название – Таврида. «Крымом» же полуостров начал называться только в XVI веке – по Крымскому татарскому ханству, которое к тому времени им овладело, но само принадлежало Турции. До этого же история развивалась следующим образом.

Византийская империя ослабела, перестав контролировать свои владения. В XIV веке политическая карта полуострова выглядит так: южный берег со сказочным климатом, с прикрытыми от северных ветров горными хребтами сдан в аренду генуэзцам. Жили на южном берегу и перешедшие к оседлому образу жизни татары, армяне, которых было так много, что в некоторых армянских источниках XIV века Таврия называется Приморской Арменией; потомки греков и огреченный язык, потомки готов, славян, русов. Западная часть полуострова принадлежала последнему православному государству до татарского захвата – княжеству Мангупскому (княжеству Феодоро). Причем связь Москвы с последним была столь тесной, что даже рассматривалась возможность брака сына Иоанна III с мангупской княжной.

Крымское татарское ханство владело северо-восточной, преимущественно степной, частью полуострова. Татары появились на полуострове в XIII веке вместе с ордынским

нашествием на Русь, то есть на двенадцать-тринадцать веков позже славян. Довольствуясь небольшой территорией, они имели своей столицей городок Крым – нынешний Старый Крым. Генуэзцы были малотерпимы и крепко их недолюбливали. Княжество же Мангупское становилось все крепче и мощнее. Казалось, что рано или поздно оно вышвырнет генуэзцев, а Крымскому татарскому ханству придется стать вассалом православных мангупских князей. Но все произошло иначе. В 1453 году пал Константинополь, в 1461 году – Трапезунд, еще один осколок Византийской империи на южном побережье Черного моря. В 1475 году огромный турецкий десант высадился в Таврии...

Генуэзские колонии пали сразу. Мангуп, крепость в то время совершенно неприступную, взяли измором через полтора года. На этом кончилась история православных княжеств Таврии. Крымское татарское ханство получило весь полуостров. Однако, побыв не более 20–25 лет независимым, оно, в свою очередь, стало вассалом Османской империи. Последнее – самое важное для понимания нынешней ситуации на полуострове. Стоит еще раз подчеркнуть: отношения крымских татар и обретающей все большее могущество Руси были самыми благожелательными. Но, до турецкого вмешательства. Затем крымское ханство становится инструментом османской политики. В XVI-XVIII веках чуть ли не ежегодно проходят хотя бы маленькие военные операции, маленькие крымские набеги. Триста лет русских людей угоняют и продают на невольничьих рынках Константинополя. Уже одно это, думается, на веки вечные лишает крымских татар каких-либо прав на автономию, не говоря уже о владении полуостровом.

Для военных действий против Крыма коммуникации были слишком растянуты. С этим, прежде всего, оказались связанными неудачи двух Крымских походов князя Василия Голицына в период правления царевны Софьи Алексеевны и малолетнего Петра. Устранить досадный фактор Россия, впрочем, попыток не оставила – два серьезных военных похода последовало во время правления Анны Иоанновны. Походы, в целом, провалились, хотя и доказали, что Перекоп может быть

взят и можно форсировать Сиваш. И лишь в правление Екатерины II совершились две победные русско-турецкие войны. В рамках Кючук-Кайнарджийского мирного договора Крымское ханство признается независимым и лишается права самостоятельных сношений с Константинополем. Впоследствии, когда этот пункт договора был нарушен, русские войска просто заняли Таврию и упразднили ханство. По результатам второй русско-турецкой войны, Ясского мирного договора это было признано и Турцией, с интересной, правда, выговоренной турками оговоркой: Таврия переходит к России, но не может ни при каких обстоятельствах отойти к третьей державе. Если Россия отказывается от владения полуостровом, он должен вернуться к Турции!

Было учреждено название Таврической губернии и Таврической епархии Русской Православной Церкви. Потемкин становится светлейшим князем Таврическим. Знаменательно, что фельдмаршал Долгоруков, взявший Крым в первую русско-турецкую войну, получил титул Крымского. Это справедливо: тогда была победа над ханством. Во втором случае – с Потемкиным – восстановление исторической славянской православной земли.

После первой победы над Турцией Екатерина пригласила таврических греков (а среди них, несомненно, и потомков славян) переселиться в Российскую империю. Многие покинули Крым. Когда Таврия стала российской, проблема населения резко обострилась: православного люда на полуострове оказалось слишком мало. Екатерина приглашает в Таврию переселенцев – греков с Балкан, болгар и немцев. Стоит подчеркнуть, что при этом крымских татар никто с полуострова не вытеснял.

В начале двадцатых годов XX века татарское население составляло на полуострове 170 тысяч, в то время как русское – свыше 400 тысяч (остальные 100 тысяч – армяне, греки, болгары, немцы, караимы, евреи-крымчаки). Но большевицкий режим взял курс на заигрывание с турками. В период правления Мустафы-Кемаля с Турцией был заключен договор о дружбе, в

результате чего политика по отношению к Таврии претерпела существенные изменения.

Что же происходило?

Оказывается незавершенным процесс восстановления исторических названий. Наименования греческого корня были заменены на татарские. Таврическую губернию упразднили. Появляется любезное как туркам, так и татарам имя «Крым». Впрочем, особой любви к новому режиму это у крымцев не пробудило. Турция откровенно ориентируется на Германию, и только страх перед вторжением на ее территорию нескольких союзных военных контингентов удержал ее от вступления во Вторую Мировую войну на ее стороне.

Когда Крымская область была оккупирована немцами, последние сформировали местную администрацию исключительно из крымских татар. Что любопытно, даже немцам приходилось сдерживать ее чересчур «усердствовавшую» по отношению к нетатарскому населению полуострова. История Крыма того времени – это история цепи крупных погромов (несколько населенных пунктов были просто вырезаны). Например, трагедия села Лаки – результат чудовищных действий крымских татар против греков, где немцы несут лишь косвенную ответственность. Детей и стариков заперли в церкви и сожгли. Чем это кончилось, известно: крымских татар депортировали. Замечу, что речь тут не идет о каком-либо оправдании сталинского режима: тот умудрился вместе с крымскими татарами выселить и уцелевших греков и болгар (немецкая община была депортирована еще в начале войны). Причем, если возвращение крымских татар, а им возвращение их имущества более поздними коммунистическими правителями так или иначе имело место, то греки и болгары ничего хорошего так и не увидели. Вот так получилось: к своим историческим недругам мы проявили благоволение, а нами же приглашенных в Россию практически постарались изничтожить.

Уверен, что современным посткоммунистическим лидерам, как в Москве, так и в Киеве, может быть поставлено в вину уже сохранение самого топонима «Крым». Неприятно, что в своей антирусской, антимосковской политике в первой половине XX

века киевское правительство чрезвычайно активно способствовало развитию сепаратистских амбиций крымских татар, проявившихся вместе с нарастанием турецкого влияния. Политика Киева поощряет рост исключительно татарского населения, например, посредством выплат ощутимых валютных премий татарским семьям за каждого рожденного ребенка. Зачем это ему нужно? Трудно сказать. Возможно, это происходит по недомыслию украинских политиков, но, возможно, они надеются получить нечто за проведение подобного курса от Турции. Хотелось бы напомнить им о глупости большевиков, ставивших на Турцию при разжигании «пожара мировой революции». Турки тогда получили то, что хотели, а затем дали большевицкому правительству от ворот поворот. Есть желание наступить на исторические грабли?! Особая ответственность в проблеме лежит, разумеется, и на Москве.

Что может Россия?

Конечно, территориальные претензии никому не нравятся, а благодаря неумелым действиям наших думцев и других малоквалифицированных политиков крымский вопрос имеет сегодня именно такой оттенок. По большому счету, разумеется, куда правильнее было бы еще в 1991 году сказать: границы внутри СССР – это границы административные, Украина имеет полное право быть независимой, но ... в рамках гетманской Украины! Никто не мог бы тогда возразить против этого, ни один политик-юрист мира. Впрочем, и сама Украина тогда вряд ли куда-либо решилась «уйти»: ведь это было бы эфемерное государство без выхода к морю. Эта возможность, увы, оказалась упущенной, но надо, что называется, жить дальше. Есть определенные благоприятные данности: ориентация населения Таврии и населения левобережной Украины на Россию. Имеются уже и, так сказать, промежуточные факторы, например, Севастопольский черноморский филиал Московского государственного университета им. Ломоносова. Для начала Россия должна, в то время как полуостровом обладает Украина, восстановить на всех географических картах наименование «Таврия». Кто нам может воспретить это? И отношение, позиция

будут обозначены... Это всего лишь один момент политической программы, пусть и на сравнительно отдаленное будущее. И пока необходимая стратегическая линия российского правительства не выработана, такие ходы-предложения могут и должны составить стратегическую линию отдельных русских политиков политических партий.

Павел I – Царь и солдат

25 марта 2008 г.

Россия становится, могущественнейшей державой Европы – убивают Павла I. Россия вырывается из тисков крепостничества – убивают императора Александра II. Россия стоит на пороге того, чтобы стать богатой, зажиточной, независимой от Запада державой – низлагают и убивают императора Николая II. Вот какие, даже не тайны, а истины хранит страшный месяц март.

Я снова обращаюсь к трагической дате марта месяца. Это цареубийство 11, то есть по новому стилю 24 марта императора Павла Петровича в цепи трагических цареубийств. Задумайтесь, шесть последних императоров от Павла до Николая. Трое из них были убиты на своем посту. Если к этому прибавить, что императора Александра Первого, придерживавшегося европейской и в силу этого нерусской, иногда не православной политики, похвалить трудно, а об императорах Николае Первом и с большей степенью вероятности Александре Третьем существует версия о их убиении, то можно сказать, что русскую династию и русскую монархию просто-таки истребляли.

Началось все как раз с императора Павла Петровича. Он первым из русских царей на уровне современной науки, современного знания, современного образования кто готовился к занятию трона. Пока он был ребенок, пока он был отрок, пока он был юн, императрица Екатерина Вторая относилась к воспитанию сына очень серьезно. Он получил авторитетного воспитателя, и авторитетного руководителя его занятий Парошина, о чем можно прочитать и в шельдеровской официальной биографии императора Павла и у Ключевского. Его готовили очень всерьез. Его вводили в курс государственных дел с юности, его приглашали в коллегии, приглашали в Сенат. Современники отмечают, что вопросы, которые задавал юный великий князь, были всегда четкими и деловыми. Его даже сделали генерал-адмиралом флота российского. И, кстати сказать, флот он любил всю жизнь.

Именно Павел Первый наладил дело качественного строительства русских кораблей. У нас весь XVIII век хорошие по конструкции корабли строили зачастую, но то частично, то полностью из невыдержанного леса, поэтому они мало служили.

Павел был очень русским человеком. В интернациональном XVIII веке, кроме слова «революционер», безусловно, грязного, должно стать для нас неприемлемым еще одно слово – «интернационалист». Потому что под ним скрывается не имеющий Отечества космополит. Никто никогда еще не сумел доказать существенную разницу между космополитом и интернационалистом.

С Павлом Первым был один очаровательный эпизод. Он был еще совсем молодой наследный великий князь и, желая сделать ему, вероятно, комплимент, какой-то из германских посланников сказал:

– Ах, Ваше Высочество, вы настоящий немецкий принц.

Павел Петрович владел основными европейскими языками и, конечно же, был прекрасно воспитан. Так вот юный великий князь топнул ногой так, что посланник подпрыгнул, и оборвал его:

– Какой я вам немецкий принц, я великий князь российский!

Было бы неплохо, ели бы что-нибудь такое, пусть даже и в десять раз менее убедительно, говорили наши современные политиканы. Нет ведь, не говорят. Все – глобализм – мировое сообщество, прогрессивное человечество, человеческое измерение. А русским все хуже и хуже. А вот Павел Петрович старался всю свою недолгую жизнь, чтобы русским было все лучше и лучше.

Жизнь его была тяжелой. Отчуждение с матерью, объяснимо – гамлетовская ситуация – мать императора Павла убила его отца. Но не только это. Павел Петрович был человеком наступающего романтизма. А императрица Екатерина Вторая, хотя и очень разумная дама и прекрасный государственный деятель, была все-таки еще человеком эпохи интернационализма, так называемой «эпохи просвещения». Следовательно, и масонства тоже. Правда сама она, вроде, этим не грешила и даже масонские ложи запретить ухитрилась.

Она была твердой государыней, которая тоже России принесла немалую пользу.

Но все-таки у Павла было иное мировоззрение. Он был не просто монарх, он еще был и настоящий монархист. Он твердо считал, что каждый монарх таковым является по воле Всевышнего Творца и Всевышнему творцу даст на Страшном суде ответ за все, что произошло во время его царствования. Он предельно сознавал себя ответственным.

Едва вступив на престол император Павел избавил Россию тремя ударами от последствий, чудовищного последствия (простите тавтологию) Указа императора Петра Первого, который повелел, чтобы все дворяне начинали службу рядовыми солдатами гвардии. То есть создавал касту, создавал янычар, преторианцев. Павел Петрович это отменил. Он разбавил гвардию лично преданными ему солдатами и офицерами Гатчинских войск. Он мог не бояться прямого гвардейского бунта и, наконец, издал Указ о престолонаследии. Этот Указ действовал всю дальнейшую историю России. Император Александр Третий – славный потомок Павла Первого – лишь расширил его, потому что членов династии Романовых стало достаточно много и надо было установить абсолютно четкую, только на основании закона действующую систему престолонаследия.

Вообще же Указ о престолонаследии Павла Первого действует в настоящий момент. Ни февральский, ни большевистский режимы, ни странный постбольшевистский режимы не упразднили Указа о престолонаследии, следовательно, он и действует. Как, между прочим, никто не упразднил монархического образа правления в России. Поэтому те, кто симпатизирует искренне России или даже, кто верен идее православной монархии, вправе считать, что мы и сейчас православная монархическая держава, временно пребывающая под республиканским правлением. Не то, что как некоторые говорят, надо восстановить монархию, воссоздать монархию. Ее никто юридически не упразднял и любой, кто возьмет власть и скажет, что он восстанавливает монархию, будет легитимен.

Что еще Павел успел сделать. Меньше пяти лет у него было. Вот у нас сейчас говорят: «ну где ж ему все исправить, у него лет-то было всего семь или восемь, как же он мог-то успеть-то о ком-нибудь». Не важно. Гитлер все, что обещал нации, успел за четыре года.

Давайте посмотрим, что успел, в сущности, тоже за четыре года император Павел? О законе престолонаследия мы уже говорили. Теперь он начинает крестьянское законодательство. Следы его уничтожены, но один Указ – «О предельности трехдневной барщины» – он провел. Как измываются над памятью императора Павла, мол, не соблюдался Указ! А Указ-то о том, что каждую отдельно взятую неделю больше трех дней на помещика работать крестьянин не имеет права быть заставлен. А перестали его выполнять, когда убили императора Павла.

Судя по косвенным данным, император Павел не готовил отмены крепостного право полностью. Он делал другое – законно регламентировал обязанности крестьянина по отношению к помещику-землевладельцу и помещика-землевладельца по отношению к крестьянину. Это не освободило бы крестьян, но ограничило бы возможности помещика и, главное, ввело бы это отношение вообще в законное русло, то есть в силу государственных обязанностей. Крестьянин работает на помещика, как, кстати, и было до Петра, а не принадлежит помещику.

Павел Петрович вел к тому, чтобы восстановились нормы XVII века. Крестьянин не имеет права покинуть свою землю, но и никто не может его лишить этой земли. Тогда следовательно, встал бы вопрос о том, что и торговать крестьянами нельзя. Потому что крестьянина нельзя лишать земли. Я уверен, что если бы крестьянина утвердили в качестве хозяина своей земли, предпринимателя если хотите, дельца на своей земле, то мы бы не проиграли уже Крымскую войну. Следовательно, скорее всего, у нас бы не было и той войны, которая называется революцией.

Затем император реформировал армию. Там были ошибки, у всех были ошибки. В частности, конечно, после удобного

потемкинского мундира затягивать бедных русских солдат, 25 лет служащих, в неудобную, хотя красивую, прусского образца форму, было не очень хорошо. Но почему же мы все на Павла-то валим? Отменили павловскую форму при Александре Первом, да неудобно было солдату воевать в шляпе, она должна была во время боя падать, а он за нее отвечал. Но ведь и в кожаном высоком горшке, именуемом кивер, было не сильно удобнее воевать. У павловского мундира был отложной воротник, у александровского – стоячий. Зато каждый солдат и офицер глядел соколом, он иначе глядеть-то не мог, потому что подбородок у него был подперт воротником. Давайте согласимся с правдой. Начиная с Петра и до вступления на престол Александра Третьего у нас мундиры были более красивы, чем удобны. Но так было во всех армиях мира. Мы ничем в худшую сторону не отличались. Что же так придираются к павловским мундирам?

Зато артиллерия при Павле стала лучше. Она получила удобные стандарты своего веса заряда, а следовательно и метаемого снаряда, получила удобные, хорошие стандартные лафеты. Появились в большем количестве, чем при матушке-государыне Екатерине, егерята и стрелки, полевые стрелки, сражающиеся на пересеченной местности. А кавалерия, как раз получив прусские уставы, самые совершенные в мире, и сама стала, наконец, одной из лучших в мире. Она выдержала сражение с великолепнейшей французской кавалерией.

А еще внешняя политика Павла Петровича. Он смело согласился на приглашение рыцарей Мальтийского ордена стать пожизненным гроссмейстером, то есть великим магистром этого ордена. Некоторые православные вскидываются: как же так православный государь соглашается стать гроссмейстером ордена, признающего главенство Папы Римского, то есть католического? Это что же измена православию! Простите, но ведь его избрал капитул рыцарей Мальтийского ордена. Может быть, юридически с этого момента Мальтийский орден перестал быть католическим? Об этом вслух не говорили, а мы получали Мальту. Конечно, если бы все это удалось сохранить, разумно было бы не становиться владельцами Мальты как части

Российской империи. Но если бы мы укрепили наследственное право государя быть гроссмейстером, то мы с вами получили бы базы на Мальте, а Мальта даже во Второй мировой войне была ключом к восточной части Средиземного моря. Следовательно, мы намного раньше освободили бы Балканы. Мы раньше бы получили Балканы, а может быть и проливы, и турок бы выгнали из Константинополя, не в XVIII-м, но где-нибудь в начале XIX века. Вот, что значила Мальта, которая предательски отнята у нас прямой оккупацией Англией.

Затем, когда англичане предали союзнические соглашения с Павлом Петровичем, он понял, что англичане – наш главный враг. И самый опасный враг тогда, когда формально они были нам союзники. Так было, к сожалению, при Александре Первом, так было и во время Первой мировой войны. Павел Петрович своим проникновением в сущности делающейся политики нашел истинное решение и помирился с Францией. Франция нам не естественный геополитический враг, у Франции нет территориальных претензий к России, наоборот, они просто находятся на разных концах Европы. А вот исключить из числа великих держав, сделать островной, провинциальной державой Англию – это была задача. И вот тут против поразительного возвышения России, заработали английские связи, английские деньги, английская дипломатия. Английский посол Ритворт, вообще-то уже отпущенный в Англию, но не уезжающий, знал, что Павел Петрович – рыцарь и, к сожалению, не пришлет полицейского, чтобы бывшего английского посла взяли за шиворот и проводили до границы. Он сидел и интриговал.

Конечно, Павла Петровича убили масоны, но они работали не на мифическое мировое масонское правительство, которого не было, да и сейчас нет. Они работали на Англию, ведь их масонской родиной была Англия. Эти, по сути дела, продавшиеся англичанам русские масонишки, убили незаурядного во внутренней и выдающегося во внешней политике государя. Россия же в результате смерти императора Павла была втянута в наполеоновские войны, где русские проливали не реки, а по тем временам – моря русской крови ради австрийских, а более всего – английских интересов.

Россия становится, возможно, могущественнейшей державой Европы. Этого нельзя допустить, убивают императора Павла. Россия вырывается из тисков крепостничества, восстанавливает многие национальные русские традиции. Опять-таки – прорыв к могуществу и благосостояние народа. Убивают императора Александра Второго. Россия стоит на пороге того, чтобы стать самой богатой, самой зажиточной, самой в экономическом смысле прогрессивной, независимой от Запада державой. Низлагают и убивают императора Николая Второго. Вот какие даже не тайны, а истины хранит страшный месяц март.

Поэтому давайте вспомним об императоре Павле Первом. Служили панихиды всем, это была народная канонизация его. В 1908 году почитание памяти и мощей императора Павла Первого в Петербурге, даже в Павловском соборе, почивающих под спудом, восстановилось. Была выпущена брошюра петербургскими священниками, где были описаны триста случаев чудесной помощи, в том числе и исцелений от служения панихид при гробе императора Павла. Вспомните и о том, что мы чтим, и правильно делаем, его потомка императора Николая Второго как святого страстотерпца, хотя он отрекся от престола, но пока не можем заказать молебен царственному страстотерпцу Павлу. Под прямой угрозой смерти император Павел от престола не отрекся. Он как истинный царь и солдат был верен Господу и Господом врученному ему долгу, врученной ему миссии до последнего вздоха. Когда мы не имеем права молиться на молебне, мы также молимся на панихиде. И я уверен, помощь убиенного царя Павла не оставит нас.

Император ПАВЕЛ I

В исторической литературе сложилось отрицательное отношение к Павлу I. Император правил всего четыре года, четыре месяца и четыре дня, но за столь кратковременный период он оставил целых четыре тома в Своде Законов Российской Империи.

Вот лишь некоторые штрихи из деятельности Императора.

Первым актом был Указ о престолонаследовании, который положил начало гарантированного перехода императорской власти от отца к старшему сыну. Павел I отменяет рекрутский набор, который был тяжелейшим бременем для народа.

Прощается недоимка в подушном сборе более чем на семь миллионов рублей. Снижается цена на хлеб и хлебная подать заменяется денежной. Запрещается продавать дворовых людей и крестьян без земли. Запрещалось принуждать к работе крепостных по праздничным и воскресным дням, устанавливалась трехдневная барщина.

Вот как писал А. Коцебу: «Народ был счастлив. Его никто не притеснял. Вельможи не смели обращаться с ним с обыною надменностью; они знали, что всякому, возможно, было писать прямо государю, и что государь читал каждое письмо. Им было бы плохо, если бы до него дошло о какой-нибудь несправедливости; поэтому страх внушал им человеколюбие.

Из 36 миллионов людей, по крайней мере, 33 миллиона имели повод благословлять Императора, хотя и не все сознавали это». Один из дореволюционных историков Ф.В. Ростопчин, в своей работе 1864 г. писал:

«Изучение военного и гражданского управления России при Павле I заставляет признать, что этот государь имел трезвый и практический ум и способности к системе. ... Мероприятия его были направлены против глубоких язв и злоупотреблений и в значительной мере ему удалось исцелить от них империю, внеся большой порядок в гвардию и армию, сократив роскошь и беспутство, облегчив тяготы народа, упорядочив финансы, улучшив правосудие. Несомненно, что все мероприятия Павла

источником имели благороднейшие побуждения, и что если он и возбуждал недовольство и ненависть, то главным образом в худших элементах гвардии и дворянства, развращенных долгим женским правлением. Это царствование органически связано не как протест с прошлым, а как первый неудачный опыт новой политики – с будущим. Заложенные Павлом I основы политической, военной и гражданской систем нашли свое продолжение и развитие в двух последующих царствованиях».

Как считает Г.Л.Оболенский – автор большого исследования о Павле Петровиче, – первым, кто произнес слово «безумец» в отношении императора Павла I, был английский посол Уитворт, который, узнав о сближении России с Францией, писал в Лондон: «Император в полном смысле слова не в своем уме...»

И тотчас слух «о безумии» царя стал распространяться его друзьями. Н.П.Панин: «Тирания и безумие», посол Сардинского королевства Бальбо: «Настоящее сумасшествие царя», С.Р.Воронцов: «Правление варвара, тирана, маньяка».

Серьезно занимавшийся эпохой Павла I историк Н.Я. Эйдельман привел немало примеров того, как выдумка, анекдот становились «историческим фактом» под пером недобросовестных историков и затем кочевали из одной работы в другую. На проверку же все оказалось, мягко говоря, ложью. Известно, что Павел I будто бы на бумагу, «содержащую три разноречивых мнения по одному и тому же вопросу, наложил бессмысленную резолюцию: «Быть по сему». Однако, как пишет Эйдельман, М.В.Клочков, исследовавший этот вопрос в начале XX века, нашел этот документ. Там действительно было три мнения: низшей инстанции, средней и высшей – Сената. Резолюция Павла, естественно, означала согласие с последней».

Естественно, что «безумие» царя видели и в его решении «покорения Индии».

Уже в декабре 1800 г. Павел I обращается с посланием к Бонапарту и это свидетельствует, что фактически устанавливаются мирные отношения между двумя великими державами, в условиях формально не прекращенной войны.

12 января 1801 г. атаман Войска Донского Орлов получает приказ «через Бухарию и Хиву выступить на реку Индус». 30 тысяч казаков с артиллерией пересекают Волгу и идут через Казахстан.

В учебниках по истории можно было прочесть об этом как об очередном «безумстве» русского Императора. На самом же деле план этого похода был согласован с Наполеоном, и в его основу были положены совместные действия русского и французского корпусов. Командиром этой объединенной армии был назначен, по просьбе Павла I, генерал Массена, его корпус должен был через Черное море соединиться с 35-тысячной русской армией в Астрахани.

Император был уверен в успешном завершении плана разгрома Англии в Индии. И хотя план этот хранился в глубокой тайне, англичане узнали о нем. Это привело с одной стороны – к падению 2 февраля 1801 г. правительства Питта, а с другой стороны – к напряжению до предела отношений с Россией.

Вся Европа находилась в ожидании...

Весть пришла оттуда, откуда ее ожидали меньше всего. Узнав о смерти Императора Павла, Наполеон пришел в неопишемую ярость. Он был убежден, что это дело рук англичан: «Они промахнулись по мне 3 нивоза, но попали в меня в Петербурге». Англия была спасена, но и история Европы пошла по другому пути.

Нельзя не согласиться с утверждением известного российского историка В.О.Ключевского о Павле I: «Этому царствованию принадлежит самый блестящий выход России на европейской сцене».

Действительно, никогда еще Россия не имела такого авторитета и могущества на международной сцене, как это произошло в период кратковременного царствования Императора Павла I.

Как совершенно справедливо заметил Г.Л.Оболенский: «Да, поистине велика, бывает цена предвзятости, ибо неправда, даже много раз повторенная, все равно никогда не станет правдой. Зато она порождает искаженное общественное мнение, в ее сети попадают не только ее инспираторы и их

доверчивые современники, но и потомки. Утвердившись, искаженные представления проникают в историческое создание, порождая, устойчивые стереотипы-химеры. Так произошло не только с Петром III, у которого исказили даже внешность, но, как видим, и с его сыном».

Г.Л.Оболенский приводит слова И.С.Тургенева, писавшего в 1860 г. о Павле I, которого А.И.Герцен назвал «коронованным Дон-Кихотом». «При слове Дон-Кихот мы часто подразумеваем просто шута, слово «донкихотство» у нас равносильно со словом нелепость. Однако этот сумасшедший странствующий рыцарь – самое нравственное существо в мире, самый простой душою и один из самых великих сердцем людей». Таким Дон-Кихотом и был Павел Петрович, предложивший вместо кровопролитных войн поединки «один на один в открытом поле».

Трагическая кончина Павла I, разговоры, которые ходили в народе, сделали покойного Императора необыкновенно популярным. Почти два столетия тысячи людей приходили на его могилу в Петропавловском соборе с молитвами и просьбами. Слава о его заступничестве была настолько широка, что многие почитали Павла I как «святого царя мученика». По благословению настоятеля собора отца Александра Дернова, причт стал собирать и записывать свидетельства, которые поведали богомольцы у гроба Императора. Факты многочисленных исцелений и помощи, которые многие получали по молитвам «святого царственного мученика» были собраны и изданы в 1901 г.

Известно, что среди русских, оказавшихся в зарубежье после революции 1917 г., до сих пор очень распространена молитва к Императору Павлу I. Вот текст этой молитвы:

«Упокой Господи душу убиенного раба Твоего Императора Павла I и его молитвами даруй нам в дни сии, лукавые и страшные, в делах мудрость, в страданиях кротость и душам нашим спасение Твое.

Призри Господи, на верного Твоего молитвенника за сирых, убогих и обездоленных, Императора Павла и, по молитвам его

святым, подай Господи, скорую и верную помощь просящим
через него у Тебя, Боже Наш! Аминь!»

Параметры христианской политики

1994 (1998, 2000) год.

ЦЕРКОВЬ – СУБЪЕКТ ПОЛИТИКИ

Для древних египтян и древних евреев, персов и римлян, жителей средневекового Кельна и средневекового Новгорода всё в жизни начиналось с Веры. На вероисповедание опиралась нравственность, этика; на этику – политика. Лишь совсем недавно возникло и распространилось ложное утверждение, что «политика – дело грязное». Так говорят те, кто хотел бы, чтобы люди чистые смирились с грязными политиками, чтобы чистые люди политикой заниматься перестали, оставив ее тем, кто «вынужден» делать за нас «грязное дело». А люди тысячелетиями жили иначе.

«Политика – это прикладная этика», – писал философ Георгий Федотов. Значит, бывает политика нравственная, а бывает безнравственная, «грязная». И если мы утверждаем, что политический лидер, министр или «мэр» – «грязный политик», то только потому, что этот человек действительно «грязный», а не потому, что он «мэр» или министр.

Есть и другое ложное утверждение, подобное приведенному выше, что, «Церковь не занимается политикой». Еще как занимается! Есть политика Поместной церкви – в интересах всех христиан данной территории, и есть политика Вселенской Церкви – в интересах всех православных христиан, ныне живущих и тех, кто еще будет жить. Русской Церкви в известном смысле не существует. Есть Вселенская Православная Церковь, и есть Поместные церкви – ее отражения в каждой земле и даже в каждой епархии. Потому корректнее наше старое самоназвание – Православная Российская Церковь, то есть Вселенская Церковь, действующая на территории России. К этому нужно снова привыкать, пока, наконец, Поместный или Архиерейский собор не восстановит нашего исторического наименования.

24 августа 1917 года было установлено, что «Церковь Православная не принимает участия в борьбе политических

партий». Это само собой разумеется, ибо политика любой партии есть политика в интересах некоей группы, а политика Церкви – это политика всего православного народа в полном соответствии с духом знаменитого послания Восточных Патриархов 1848 года.

Церковь Православная – такой же субъект международного права, как и римско-католическая, хотя и не имеет в своем распоряжении крошечного государства Ватикан. Кстати, и римско-католические нунции представляют не государство Ватикан, а Святой престол.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Российская держава создана Вселенской Церковью. Это видно в деятельности святителей Всероссийских, начиная с митрополита Кирилла, современника и друга св. Александра Невского. Это видно и в том, как Церковь отсекала попытки расчленения русского церковного единства, когда не было единства политического. Именно в силу того, что Литва стремилась иметь собственную управляемую, «карманную» митрополию, не была тверда в Православии, она не стала оплотом Вселенской Церкви и не основала Великого государства. Основала его Москва. А вообще-то говоря, vedi себя великие князья литовские со времен Гедимина несколько иначе, Российское государство могло иметь столицей Вильно.

Россия не выбирала себе роль империи. Ее готовили в этом качестве на протяжении XIII-XV столетий: в XIII веке – как союзницу слабеющей Византии, а к концу XIV века готовили Россию как преемницу, которой вручили скипетр вместе с основными нормами, выработанными Церковью и православной государственностью. Пожалуй, греки лучше нас видели, что Константинополь обречен. Именно тогда мы получили идею симфонии – сосуществования и взаимной поддержки Церкви и православного Государя.

Московским князьям, причем даже самым прославленным, Церковь не спускала попытки устранения от великого дела созидания Российской империи как опоры Вселенского Православия. «Москва – Третий Рим» – идея не националистическая, а церковная. Это идея преемства по

православному имперскому служению. Именно церковный смысл монархии делает ее во многом сакральной. Православный царь освящен как своеобразный служитель Церкви.

Вспомним «дело Митяя». Тогда раскольническую попытку создать отдельную от общерусской московскую митрополию возглавил сам великий князь Дмитрий Иванович – будущий Донской герой, святой благоверный князь, канонизированный в 1988 году. Он возглавил эту попытку и проиграл в столкновении с преподобным Сергием, святителем Киприаном, с теми, кто созидал будущую Россию. И в силу этого ныне он канонизирован и чтим всеми нами. Оказывается, проигрывать полезно, если проигрываешь Церкви.

Монархистом можно быть и вне идеи симфонии. Но тогда монархия не имеет ничего священного. Просто рассматривается как наиболее удобный вид власти, что было известно еще Аристотелю. Особый православный характер монархии вытекает из церковного благословения, а никак не из природы монархической власти. К сожалению, иным монархистам об этом приходится напоминать. У них не монархия – атрибут церковности, а Церковь – чуть ли не атрибут монархии, что, вообще-то говоря, – язычество. Только став Православным Царством, Россия получила двуглавого орла. Ныне головы нашим соотечественникам морочат тем, будто головы орла на гербе России смотрят на Восток и на Запад. На деле же, увенчанные коронами, они означают двуединство Церкви и Христианской державы, а третий венец – нисхождение небесного благословения на их симфонию. Это – единственно точное геральдическое прочтение.

Церковь, будучи основательницей государства, вовсе не привязана к территории этого государства. Территория Российской Церкви не совпадала с территорией СССР. Ее юрисдикция не распространялась на Грузию и Армению, зато она действовала за пределами Советского Союза. Тем более не совпадают территории, находящиеся под юрисдикцией Церкви и нынешней Российской Федерации.

Как бы не менялась территория нашей страны, она не будет совпадать с территорией Церкви. В конце концов, они не могут совпадать ни у какой церкви и ни с каким государством хотя бы потому, что Церковь продолжается на Небесах, и к ней принадлежат умершие христиане. Полагаю, у нас есть основания утверждать, что государство на Небесах не продолжается.

Государство не должно ставить знак равенства между Церковью и иерархией, что любила делать бюрократия советского государства. Для нее Церковь удобоугнетаемой была именно в виде бюрократической организации, где «директор» в силу традиции называется «патриархом», а «заведующие отделами» – «епископами». Осознание неприемлемости такого отношения должно возвращать Церковь к историческим, глубоко укорененным нормам.

Сейчас наша Церковь различает Поместный и Архиерейский соборы. Следовательно, надо возвращаться к нормам Собора 1917–1918 годов, к чему призвал и Святейший Патриарх Алексей II. Это означает избрание на приходских, благочиннических и, наконец, епархиальных собраниях представителей клира и мирян. Безусловно, епископы властны сами составить Поместный собор. Состоящий из одних архиереев, он будет вполне каноничным. Но если уж мы различаем два типа Собора (что, кстати, вполне в русской национальной традиции), клириков и мирян должен избирать церковный народ – «хранитель Веры православной». Если же епископы просто «захватили» с собой на Поместный собор кого-то из мирян, то это их свита, и она никого не представляет.

Несомненно, следует восстановить учрежденный Собором 1917 года Высший Церковный Совет, в котором заседали три епископа из Синода, шесть клириков и шесть мирян. Это нужно, конечно, не для того, чтобы умалить права (или, не дай Бог, честь и достоинство!) наших архипастырей, а для того, чтобы заставить государство вести диалог именно с православным народом. Если есть чиновники, которым господин Президент поручает общаться с церковными инстанциями, то должны быть

и православные, которым Церковь поручает общаться с господином Президентом.

В иерархии ценностей православной политики нация занимает особое положение. Нация – в ответе перед Богом и Вселенской Церковью. Государство же – перед нацией. Монархия для нации, а не наоборот – постулирует Иван Ильин в трактате «О монархии и республике». Грязная толпа может запятнать себя грехом цареубийства. Но благородный гнев нации обрушивается на главу государства, изменившего долг перед Церковью или нацией. Так он обрушился на Василия Шуйского и Петра III.

Государство, даже откровенно богоборческое, а тем более нынешнее – лицемерно-доброжелательное к Церкви, злоупотребляет ее статусом «нашей», национальной. Мы должны помнить, что для государства, во всяком случае, не возглавляемого в порядке симфонии с Церковью православным государем, мы такие же чужие, как мормоны или кришнаиты. И даже еще более чужие, потому что «свои потерпят» – как осмеливаются по-прежнему полагать бюрократы.

Конечно, государство безбожников не может постичь мистическую природу Церкви как Тела Христова, но социальную природу, как совокупность всех христиан данной земли, оно понимать обязано. Православные всегда в проигрыше, когда позволяют оказывать давление на своих иерархов, которых миряне все еще плохо защищают. Надо учиться подлинному единению со своими архипастырями, ломать бюрократические привычки, а чиновников и журналистов воспитывать.

Совершенно очевидно, что президент, министр, «мэр» или журналист должен обращаться к епископу только «Ваше преосвященство», а к священнику – «Ваше преподобие». А «отец такой-то» он может говорить только тогда, когда перед интервью подошел под благословение, из чего вытекает, что он – православный христианин. И тогда батюшка ему действительно «отец», а епископ – «владыка».

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЦЕРКВИ

2 декабря 1917 года Святой Поместный Собор Православной Российской Церкви издал знаменитое

определение о публично-правовом положении Церкви. Его должен знать каждый христианин. Это – закон для русского христианина до тех пор, пока другой Собор его не изменит. (Сомнительно, правда, чтобы на это кто-нибудь посягнул).

Пункт первый определения утверждает, что «Православная Российская Церковь занимает первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение». В таком первенствующем положении, не означающем угнетения иноверцев, православие находится в Греции, а также ислам – в целом ряде государств.

Пункт третий декларирует, что «постановления, издаваемые Церковью для самой себя, признаются государством имеющими юридическую силу, поскольку ими не нарушаются государственные законы».

Пункт седьмой гласит, что «Глава Российского государства, Министр Исповеданий и Министр Народного Просвещения и Товарищи (заместители) их должны быть православными».

В последующих пунктах говорится:

- об уголовном наказании за поношение Церкви;
- о законной силе церковного брака;
- о полноправии церковных школ;
- о преподавании Закона Божия в гражданских школах для православных детей;
- о запрещении конфискации церковного имущества;
- о беспрепятственном получении прав юридического лица церковными установлениями...

Кстати, последнее означает, что власти должны моментально регистрировать не только епархии, приходы и монастыри, но и братства, сестричества, просветительские и миссионерские центры, союзы приходов и т.п.

Как не обратиться тут к двум важнейшим моментам церковной жизни, за которые православным еще придется бороться.

ВО-ПЕРВЫХ, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕРКОВНЫХ РЕГИСТРАЦИОННЫХ КНИГ.

Запрещение регистрации Крещения и Брака сегодня выдано за демократическое достижение, поскольку все помнили

времена, когда книги просматривались безбожным начальством и крещеных выгоняли с работы. Ныне начальство либо само крестилось, либо пикнуть не смеет, а православные не знают, кто венчан и может быть церковнослужителем или мирским православным начальником, а кто в блуде живет.

ВО-ВТОРЫХ, ВОЗВРАЩЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ИМУЩЕСТВА.

Средства массовой информации время от времени раздувают кампании с требованиями вернуть Церкви у нее награбленное. Почему-то обычно «награбленными» оказываются иконы из наших музеев, чьи сотрудники погибали в интернационалистических большевицких лагерях, спасая эти иконы...

Необходимо не сталкивать во вражде две стороны великой культуры – литургию и музей, – а вернуть все награбленное. Школы и академии, больницы и богадельни, библиотеки и типографии. Все дома и всю землю, принадлежавшие монастырям, епархиям, братствам, приходам. Ведь грабители – не нищие музейные работники, а бюрократическая система государства, сопротивляющаяся возвращению отнятого в Церкви имущества.

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ БЮРОКРАТИЯ

Во главе Православной Церкви в любом месте ее земного пребывания стоит епископ. Он – преемник апостолов, возглавитель соборной молитвы всех христиан своей епархии. Прежде всего, через его молитву христианин сохраняет единство со всей вселенской Церковью. Более того, в богослужении епископ символизирует Самого Христа. Епископ (по-гречески «блюститель») – вероучитель и судья *a priori*. Христианин принадлежит к Церкви, покуда сохраняет со своим епископом единение в любви. Не повиновение, не субординация, а любовь! Отсюда нетрудно видеть, что власть епископа предельно далека от бюрократической. Церковь вообще отторгает бюрократизацию, ибо любовь – неформальна.

Епископ-викарий предстоятелем не является, он пользуется уважением, подобающим любому епископу, но епископской властью не обладает. Даже если какой либо отдел Патриархии (структурное подразделение, обязанное обслуживать всю

Церковь) возглавляет епархиальный архиерей, то он в своей епархии – вероучитель и судья, а в отделе – клерк.

Коммунистический режим немало потрудился, дабы епископ поменьше общался с православным народом, но побольше с государственными чиновниками. Трудится над этим и нынешний режим, и кое в чем преуспевает не хуже коммунистов.

Участвовала православная общественность в решении вопросов восстановления Храма Христа Спасителя? Обсуждала проекты, решала, кто будет восстанавливать? Нет. Поэтому восстановлением занимаются, в основном, безбожники, искажающие замысел архитектора Константина Тона.

А как обстояло дело с чудовищным комплексом на Поклонной горе? Всё решали между собой правительственные чиновники и чиновники церковные. А ведь администрация с православной точки зрения – не более, чем категория обслуживающего персонала. Тем более администрация церковная, чья единственная функция – претворить в жизнь соборную волю Церкви.

Поскольку русские вообще не любят бюрократов и бюрократии, общение церковных чиновников с безбожниками за спиной церковного народа, а тем более попытки какого-нибудь «отдела» говорить от имени Церкви, могут в перспективе вызвать сколь угодно жестокую реакцию. Ведь христианина ничто не обязывает к единению в любви с клерком, в каком бы сане онный клерк не пребывал.

Есть и еще одно соображение: христианин вправе разорвать отношения с епископом лишь в случае принадлежности последнего к ереси. Слава Богу, пока такого не происходило. Однако, есть для христианина («верного» – таково наше первоначальное самоназвание, сохраненное в богослужении) более тяжкое преступление – отступничество, Иудин грех. В этом случае бесспорно право христиан (оно же и долг!) волочь отступника за бороду из храма, что бывало в истории Церкви.

Крайне осложнена жизнь Церкви фактическим отсутствием церковного суда. Опять порочный круг: Писание запрещает православному вообще судиться мирским судом со своим

собранием, а епископского суда не существует. И этот круг предстоит преодолеть: суд Церкви – строго епископская прерогатива, но не инициатива его совершения. Христианин или группа христиан вправе требовать суда, а уклоняющегося от своего долга архиерея считать отступником.

Жизнь Церкви в России затруднена и застарелой, чисто русской болезнью: малочисленностью епархий, а, следовательно, и непомерными размерами. Нетрудно подсчитать, что если бы мы подходили к важнейшему вопросу о численности паствы с традиционно греческой меркой (или с «прогрессивной» римо-католической), в СССР должно было быть порядка 500 кафедр, в РФ – порядка 400. На нынешней пятикратной недостаточности бюрократия не без успеха паразитирует: бюрократы в рясах стремятся втиснуться между архиереем и церковным народом, а бюрократы в пиджаках – инкорпорировать архиерея в местную «знать».

Справедливости ради отметим, что за время нынешнего патриаршества количество епархий нашей Поместной Церкви возросло почти вдвое. Однако и ныне есть субъекты Федерации без собственных епархий, и ни один «субъект» не обладает несколькими церковными округами. Между тем, очевидно, что такая перенаселенная область, как Московская, должна включать несколько епархий.

Самые серьезные опасения вызывает заметное стимулирование стариннейшей болезни всей Восточной Церкви, неоднократно побежденной ее соборным разумом, но не исчезнувшей. Это скрытый папизм, или, как сказал бы богослов, криптопапизм.

Все епископы равны по благодати и, следовательно, по своей духовной власти в силу собственного апостольского преемства. Архиепископы, а затем и патриархи, появились лишь для удобства церковного управления, прежде всего – для удобства созыва Собора или церковного суда.

Часто говорят, что в Церкви нет места демократии. Но в Церкви нет места и иной монархии, кроме монархии Самого Христа. Можно осторожно предположить, что устройство Церкви включает в себя монархию Господа Бога, аристократию

епископата и демократию церковного народа, пребывающих в согласии. В этом случае Патриарх – лишь символ единства Поместной Церкви и председатель в соборе архиереев.

Однако, побочным следствием византийской идеи симфонии Церкви и христианского государства – идеи поистине великой – явилось преувеличение роли патриарха как, якобы, второго (наряду с императором) элемента симфонии. И в русской практике XVII века первоиерарх воспринимался как носитель почти четвертой степени священства, высшей, нежели епископская.

Восстановивший патриаршее управление Собор 1917–1918 годов сделал все возможное, дабы с возвращением законного возглавления Поместной Церкви не вернулась старая болезнь. Но в последние годы она вернулась: растет число ставропигиальных (изъятых из канонической власти архиереев) монастырей; патриарх освящает храмы вне территории собственной епархии (где он и служить в церкви может только с разрешения местного епископа); патриарх рекомендует покинуть свой пост наместнику монастыря в чужой епархии... И вот уже ставропигии «удостоена» Почаевская лавра (форпост Православия на рубеже униатской экспансии), только не патриаршей, а киевской. А ведь Киев никогда не имел права дарования ставропигии, епископ Тернопольский канонически был вправе резко поставить на место митрополита Киевского. Но что делать, если Москва подает пример...

Установить в Церкви противную ее природе пирамиду власти выгодно только одной враждебной и Православию, и русской нации силе – бюрократии. Естественно, обеим «ветвям» ее: как бюрократам от государства, так и бюрократам рясоносным, чего, с Божией помощью, будем надеяться, не допустят, как складывающееся в России гражданское общество, так и растущее национальное самосознание.

ЦЕРКОВЬ И НАЦИЯ

Тут мы вплотную подходим к проблеме нации, к отношениям нации и государства.

Церковь, несомненно, выше нации. Глава ее – Сам Христос. А вот государство, столь же несомненно, ниже нации,

ибо государство сотворено людьми. Правда, в этом проявился высокий дар сотворчества, дарованный нам Творцом. И все-таки – людьми...

Нацию, этнос сотворил Господь. Не в наказание ли? Приходит на память вавилонское смешение языков. Однако в русском языке понятия «народ» и «язык» – понятия разные.

Все мы потомки Адама и даже Ноя. Но ведь существуют расы, существуют определенные межрасовые барьеры на физиологическом уровне. Вряд ли у нас есть основания утверждать, что все это явилось итогом вавилонского столпотворения. К тому же современная этнология убеждает нас в том, что история языков развивается совершенно иначе, нежели история этносов. Есть этносы, причем враждебные друг другу, говорящие на одном и том же языке. Например, сербы и хорваты.

Этносы могли, таким образом, существовать и до смешения языков. Апостолы посылаются к народам, в Пятидесятницу как высший дар они получают возможность говорить «разными языки». В молитве св. Симеона Богоприимца предвозвещается «свет во откровение языков».

Мы все чувствуем, что существуют неповторимые черты каждого народа. Кстати, и положительные, и отрицательные – с позиций Православия.

Нет русской Церкви, но есть русское Православие, есть русская церковность, несколько отличная, например, от греческой. У каждого народа своя роль. И православные византийцы вряд ли получают на Страшном Суде упрек в том, что не исполнили свой долг. Сколько существовал в истории греко-византийский (ромейский) этнос, сколько Бог дал ему сил, столько он и сохранял империю, Православное Царство. Русские не смогут так ответить на Суде. У нас еще есть силы, но мы, получив скипетр из Константинополя, свою роль до конца не исполнили.

С точки зрения православной политики необходимо реабилитировать понятие «национализм», избавив его от зарубежных интерпретаций. Национализм в его русском варианте проявляется лишь в том, что дела своей нации

касаются русского прежде, а дела других наций – потом. Кстати, в Западной Европе зачастую так этот термин и понимают.

Нам советское владычество навязывало иное. Даже академик Дмитрий Лихачев сказал как-то нелепейшую для человека такой колоссальной культуры вещь: «Я за национальное, но против националистического». Его можно спросить: «Дмитрий Сергеевич, помилуйте. Как звучит существительное от слова «националистический»? Националист. А от слова «национальный»? Национал? Но такого русского слова нет!». Значит именно от прилагательного «национальный» образуется красивое и честное слово «националист».

Агрессивный национализм, враждебный другим народам, именуется шовинизмом, а превозносящий себя над другими этносами – нацизмом. Когда же своей нации разрешается национализм, а другим запрещается – тогда речь нужно вести о том, что подобные формы для христианина неприемлемы. Вот и всё.

Какова альтернатива национализму? Космополитизм – этот «яд всесмешения», как назвал его в прошлом веке Константин Леонтьев? Или интернационализм? Но сумел ли кто-нибудь доказать отличие интернационализма от космополитизма? Впрочем, можно предложить и терпимую формулировку: «интернационализм есть сумма дружелюбных национализмов». Это, кстати, – формула Империи, формула единства наций в общем государстве.

Русских, безусловно, касаются судьбы восточнохристианских этносов – славян и греков, грузин и осетин, коптов и эфиопов. Но русских касаются и судьбы всех этносов, которые пожелали связать с ними свою жизнь – тех, кто даже не будучи православными, сами выбирают соседство с русскими. Имперский долг тяжел, но он – национальная традиция. И мы не можем (как и римляне!) отмахнуться небрежно, когда абхаз или гагауз, сету или житель Памира предпочитает жить в России. Все империи на протяжении столетий жили в этой схеме, нарушающей даже

вероисповедные различия – малый всегда с большим против среднего, а отношения со «средними» бывают различными.

Итак «национальное» – это совершенно необходимая часть православного мировоззрения, и тяжкая ошибка многих наших вполне порядочных патриотов в том, что они этого не поняли, что остались этатистами (государственниками), не становясь националистами.

В России существует опасность национального изоляционизма. В русском народе созрел колоссальный потенциал, не имеющий культурной ориентации. Он может реализоваться как имперский. Это не исключает здорового национализма – не может римлянин не владычествовать над Римом, не может быть России без русских во главе нее! Но если потенциал национального гнева реализуется чисто националистически, тогда имперскому мировоззрению не будет места, и русские замкнутся в своих границах и начнут выкидывать мигрантов, подобно тому, как пытаются вышвыривать русских со своих территорий крошечные прибалтийские этносы. Третьего не дано!

Как же сохранить свой национализм от соскальзывания в шовинизм? Так же просто, как и многие века назад! Рецепт – православие, православная вера, православная нравственность, православная культура, православная элита, православное почитание народом своей православной элиты.

Верхняя иерархия ценностей христианской политики лишь одна – Церковь, Нация, Держава.

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ ПОЛИТИКИ

Есть смысл предложить ряд тезисов, связанных с практической православной политикой.

Первое. Мы живем не в православном и не в русском государстве, хотя в православной и русской стране. Христианам не привыкать строить в подобных условиях свою политику – политику терпимых взаимоотношений с чужими, например, политику взаимоотношений русских князей, бояр, епископов с золотоордынскими ханами. Для нас драгоценен политический опыт греков и армян в Османской империи, украинцев и белорусов в Речи Посполитой. Там – и наша богатейшая

демократическая традиция, сохранившая Православие Западной Руси, и традиция мещанских братств, казачества, интеллектуалов Киевской академии.

Второе. Русский национализм был ближе всех других в империи к Православию, был столпом Церкви. И в советское время бывали у многих народов национал-большевики (и к власти пришли!); русский же был либо большевиком, либо националистом, а не тем и другим одновременно. Теперь же национализм зачастую обретает нехристианский облик. Или же пропаганда стремится выдать за национализм нехристианские тенденции. Это напоминание христианам о национальном долге. Например, в программе «Русского национального единства» (РНЕ Александра Баркашова) содержится уродливая и страшная неправда безбожия. Но в ней есть и правда (в сравнении с «патриотами-державниками») – правда приоритета нации над государством. В то же время пропагандистская ложь провозглашает демагога-государственника Владимира Жириновского «нацистом», хотя он даже и не националист.

Третье. Коммунист не может быть христианином. Бывший коммунист, покаявшийся, конечно, может. Но нераскаянный коммунист даже и в церковь входить не смеет! И не потому что коммунисты убили тысячи и тысячи добрых христиан – Господь молился о Своих мучителях – а потому, что коммунисты разрушили великую христианскую Державу, опору Церкви, потому что соблазнили миллионы «малых сих», потому, что предали и Церковь, и нацию. И нынешних разрушителей Отечества тоже вырастили коммунисты.

Четвертое. Христианам приходится иметь дело с политиками и предпринимателями, хоть и не православными, но и не враждебными Церкви. Где критерий допустимости? За кого можно голосовать, когда нет брата своего?

Приемлем только тот политик, который принимает идею компенсации. Речь идет, прежде всего, о компенсации вероисповедной: Церкви должно быть возвращено всё имущество. Христианское просвещение должно получить права и материальную базу, позволяющие преодолеть последствия советских гонений, в православную страну должен вернуться

православный календарь со всеми праздниками. Речь идет и о компенсации национальной: русские должны иметь реальную возможность восстановить имущественный потенциал, восстановить в течение жизни поколения уровень рождаемости, на всей территории бывшего Советского Союза должны быть устранены последствия многолетней дискриминации русских в уровне образованности.

Пятое. Нам необходимы православные и русские начальники. Церковь учит почтению к начальнику, который «Божий слуга есть», а не системе его назначения. Мы должны приучаться, в том числе и с амвона, почитать и слушать церковного старосту, главу братства, союза приходов, национального вождя и воеводу никак не меньше министра, «мэра» и участкового уполномоченного.

Шестое. Миряне обязаны защищать церковнослужителей и учителей. Чеченский народ, не имеющий государства, имеет армию, общественная организация «Конфедерация народов Кавказа» – армию и секретную службу. Следовательно, их армия – национальная, это вооруженные силы этноса. Следовательно, и русские имеют право на свою гвардию, и православные – на свою.

Седьмое. Православная культурная элита невелика. Тем важнее повседневное воспитание в русском человеке безусловного почтения к своему профессору и учителю. Уважение к учености – традиция Вселенской Церкви и наша многовековая национальная традиция, подорванная революционными недоучками. Русским нужен не интеллигент, а барин – носитель чувства ответственности за Церковь и нацию. Народ, не желающий кормить своего барина, кормит чужого! Чем мы три четверти века и занимаемся...

Восьмое. Излюбленная ложь нашего времени – это «двойной стандарт», когда нам говорят, что можно бомбить Югославию и Ирак, но нельзя бомбить государство Израиль, которое с 1948-го года оккупирует чужие территории, или Турцию, которая захватила половину Кипра, что нельзя выгонять сектантских миссионеров из России, но православные храмы в Галичине можно захватывать с помощью омоновских

дубинок. Лицо, проповедующее подобный «двойной стандарт», должно быть непрестанно обличаемо, как слугитель отца лжи.

Девятое. Христиане Запада – все-таки христиане, и остатки христианской совести они сохранили. Наш долг непрестанно напоминать им обо всех их прегрешениях перед христианским Востоком от погрома Константинополя в 1204 году и многовековой униатской агрессии до избиения сербов и выдачи русских казаков Сталину на убой. Застенчивость в разговоре на эту тему напоминает отступничество.

Десятое. Следует трудиться над восстановлением общества, воссозданием плотной социальной среды. Ее разрушали, разоряя деревню, перекидывая нас из города в город, отправляя на «стройки пятилетки». Из нас делали босяков, «бомжей» (бездомных), а теперь еще и делают беженцев. Христианин бывает только прихожанином конкретной церкви. И все другие прихожане его знают. А он знает их и их детей.

Гражданином России может быть только гражданин Коломны, Ярославля, Вятки..., а не просто «житель». Нас не касается, как наш брат постится и молится – это дело Господа Бога, да еще духовника. А вот, кто и как трудится на благо прихода, братства, всей Церкви и всей нации, – это нас всех касается. Нас касается, какой предприниматель дает деньги на храм или православный университет, а какой кришнаитам или рериховцам.

* * *

Рецептов воссоздания России множество. Мы не ошибемся, если не нарушим верной иерархии ценностей: сперва Церковь, затем русский народ, а лишь потом – государство.

Господь показал пророку Своему Иезекиилю кости сухие. Забудем национальное – не соберутся кости сухие и не покроются плотью. Забудем православное – не оживут кости наитием Святого Духа. Не забудем – восстанет «Собор мног зело».

Перед нами три пути. Историк о будущем России

Статья 1983–1993 годов.

Эти размышления почти без изменений составляли небольшой доклад, который мне довелось дважды прочитать в 1983 году, оба раза в московских квартирах. Слушало несколько десятков человек, весьма образованных, были среди них и гуманитарии. И ни тогда, ни в последующие десять столь насыщенных событиями лет никто не предложил четвертого варианта будущего нашей культуры к тем трем, что видел я тогда. Вижу их и сейчас.

Читатель, скорее всего, изумится не тому, что этот анализ сделан так давно, а тому, что автор не сподобился до сих пор его опубликовать. Увы, в свое оправдание могу заметить, что в нашей стране ни государство, ни общество не привыкли справляться о мнении гуманитариев. Ни один сохраняющий здравый рассудок инженер или предприниматель не отмахнется от мнения математиков и физиков при разработке новых конструкций и технологий. Ни одному профану не придет в голову поспорить о проблемах физики твердого тела. Но уже семь лет политики и администраторы ломают и «перестраивают» наш общий дом, не спросившись историков (математиков этих проблем!). Безапелляционно судит и рядит об истории России первый встречный, не говоря уже о писателях и журналистах. Даже свои корпорации нам иметь отказано: нет Союза историков, хотя есть Союз дизайнеров, видимо, куда более творческих деятелей! В наших Верховных советах и на съездах кого только не встретишь. Но если и мелькнет там филолог, историк, то при ближайшем рассмотрении чаще всего окажется комсомольским, а то и пионерским работником. И это в стране, где потенциал гуманитарных наук, невзирая на марксистский пресс, – один из высочайших в мире. В нашей национальной традиции было совсем иначе: когда в 1638 году созывался Земский собор для принятия ответственных реформ, среди пяти человек,

готовивших к нему материалы, был историк Федор Акимович Грибоедов. А ныне, пожалуй, только историк или искусствовед может объяснить народу, что же такое «культура».

Культура – это не только музеи, библиотеки и театры, о которых вспоминают в наше время, часто с болью и горечью, депутаты самых различных направлений, вспоминают после экономических, политических и национальных проблем. Культура – это среда обитания человека, которую он непрерывно создает. Это – всё, что не природа. Она существует столько, сколько существует человек, с ним и исчезнет. Культура иерархична. На вершине ее – философия, богословие. Затем – литература, искусство, научная мысль. Ниже – политические и хозяйственные принципы. И, наконец, бытовая, житейская культура. Культура порождает цивилизацию. Существует культура только в национальной форме, и ни в какой другой существовать не умеет. Культурные заимствования были во все времена, но они либо адаптируются, «присваиваются» национальной культурой, либо разрушают ее. Однако есть еще самый важный уровень культурной общности, и он выше этноса и государства.

Мы говорим: «римская культура». Но мы говорим и «античная культура», включая сюда традиции эллинов, фракийцев, этрусков, римлян. Этот уровень культуры общепринят в современной философии и науке, но, к сожалению, не в современной школе. Его называли «культурно-историческим типом» (Н.Я. Данилевский), «культурой» (О. Шпенглер), «цивилизацией» (А. Тойнби), «суперэтносом» (Л.Н. Гумилев). Назовем его «региональной культурой» или «великой культурой». Основа нашей национальной трагедии саморазрушения лежит в том, что мы до сих пор затрудняемся в определении собственной принадлежности к великой культуре.

В самом деле, что такое Россия: Восток или Запад? Европа или Азия? На Западе этот вопрос решается просто: то меньшинство, которое относится к нам хорошо, уже за это одно производит русских в европейцы. То же большинство, что относится плохо, уже потому выгоняет нас в Азию. В этом была бы небольшая беда, если бы мы сами не поступали так же. Или

еще вслед за Ф.М. Достоевским начинаем выводить «всемирную отзывчивость» русского человека из нашей принадлежности к обоим мирам – Востоку и Западу. Попробуйте вместо таких упражнений задаться вопросом: а что такое культура Востока? Разве существует азиатское культурное единство? Ну, что общего между персом и китайцем? И если мы сравним культуру француза, турка и вьетнамца, то разве не заметим, что первые два больше похожи друг на друга, чем любой из них на третьего? Итак, никакого Востока не существует. Но существует великая культура Ислама. Существует Дальневосточная культура (Китай, Корея, Япония). Так и в Европе есть две великие культуры: наша, Восточнохристианская, и Западная, по происхождению – Западнохристианская, а ныне именующая себя «миром цивилизованным». Наша великая культура объединяет с русскими не американцев и не азербайджанцев, а греков, славян, грузин, осетин, молдаван...

Сложнее всего ответить на вопрос: что порождает великие культуры, которые появляются много реже, чем государства и даже реже, чем этносы. В наше время почти все согласятся с представлением о религиозном ядре культуры. Но это не разрешает проблемы «мы и западные христиане». Дальневосточная культура, безусловно, существует, но объединяет буддистов, конфуцианцев, даосистов, синтоистов. Мне думается, что ядро каждой великой культуры составляет не религия, а культ, то есть Богослужение. Религия есть связь Человека и Мироздания, она не принадлежит материальной сфере. А культ – материален.

Как мы видим, Россия есть страна православной, Восточнохристианской культуры, и наша традиция в большей степени восходит к возникновению Церкви в первые годы нашей или Христианской эры, чем к адаптированному языческому наследию славян, балтов, кельтов. К православному региону принадлежит не только большинство населения нашей страны (в бывших границах СССР), но и подавляющее большинство этносов, населяющих эту

территорию. Почему же мы до сих пор затрудняемся с ответом на столь легкий вопрос?

Во-первых, к XVI веку русские оказались единственным восточнохристианским народом, сохранившим свое государство, ограждающее культуру. Все остальные были завоеваны либо этносами Запада, либо мусульманами. Вместо естественного противопоставления «Восточная Европа – Западная Европа», возникло ложное «Европа – Россия». Такое состязание вряд ли кому по силам.

Во-вторых, культурная экспансия Запада дала небывалый результат в реформах Петра I: возникла группа «западников», людей чужой культуры внутри самого русского этноса. История дает множество примеров, когда народы разных великих культур уживаются в одном государстве. Но в России суперэтническая граница прошла по этносу, причем по ведущему этносу, на котором, прежде всего, держалась и культура, и государство. В культурной коллизии XVII века исторически оправданы только никониане. Они сохранили русскую национальную культуру как часть Восточнохристианской, в то время как западники ее разрушали, а старообрядцы вели нас к изоляции типа «Россия и Европа».

Человек может в своей жизни поменять и национальную, и великую культуру. Правда, ценой огромных усилий. А этнос? А огромная страна? Иногда может в итоге нового общенационального религиозного движения. Иногда ценой утраты этнокультурного стереотипа – национального лица. И даже в первом случае народ оказывается на периферии своей новой культуры, страна оказывается заштатной провинцией.

Самая болезненная проблема: кто и что разрушает Россию, ибо разрушение России есть разрушение русской культуры и того культурного региона, центром которого она стала полтысячелетия назад. Разрушают Запад и наши западники, и чаще всего не из злого умысла, а в силу непонимания или примитивного понимания реальности Восточнохристианской великой культуры. Не позже XII столетия Запад гордо нарек себя «Миром христианским», отказав в христианстве грекам и грузинам, сирийцам и славянам, посчитав их отщепенцами,

еретиками, «от которых самого Бога тошнит». Позднее Запад претерпел Реформацию, поубивал множество народа в религиозных войнах и ... восстановил единство. Но уже не как Мир христианский, а как «Мир цивилизованный». Раньше нас желали немедленно видеть католиками, а теперь – «цивилизованными». То, что рядом существует регион с достаточно высокой цивилизацией, на знамени которого по-прежнему Крест, а не слово «Цивилизация», было для них настолько невыносимо, что стало неприличным. А мы тому не препятствовали, и сами виноваты! Наши революционеры ненавидели «буржуев» Запада, но оставались западниками в стремлении завоевать цивилизованный мир «трудящихся», а, следовательно, наш мир уничтожить. И тупо уничтожали многомиллиардные культурные ценности: культура ведь всегда материализуема! Регион Восточнохристианской культуры как целое революционеры разрушали куда энергичней цивилизованного Запада: об этом свидетельствует внешняя политика большевиков в отношении греков, армян, сербов.

Но неизмеримо разрушительнее любого западничества наше собственное непонимание собственной культуры, даже если мы доросли до понимания ценности национальной традиции, даже если полагаем, что русская культура со своей «всемирной отзывчивостью» больше тысячи лет стоит враскорячку между мифическими Востоком и Западом. Спокойный, здоровый национализм – нормальное состояние общества (как, скажем, в Англии или Греции). Но национализм может разрушать культуру не хуже космополитизма. На наших глазах кучка политиканов убедила молдаван, что у них отняли латинскую графику, и никто не возразил, что молдавская литература столетиями пользовалась кириллицей, которую у нее действительно насильно отняли, когда было провозглашено Румынское («Римское») государство. Когда мы видим, что у русских отношения портятся не с мусульманскими или западными этносами, а с православными грузинами или молдаванами, трудно усомниться, что атака на Россию есть атака на Восточнохристианскую великую культуру.

Для того, чтобы ясно представить себе, чем может увенчаться такая атака, не избежать выхода за пределы истории культур в область этнологии. Этнология – весьма молодая наука: история этносов получила теоретическое обоснование только в трудах нашего современника Л.Н. Гумилева. На Западе «этнологией» иногда называют этнографию.

Согласно теории Гумилева, русский этнос в XIX веке вышел в фазу надлома, в которой энергия любого народа заметно падает, и он наиболее открыт внешним влияниям. Выход из надлома приводит к стабильности и процветанию фазы инерции, однако требует большого напряжения и может быть связан с серьезными потрясениями. Не все этносы в мировой истории смогли преодолеть надлом. Ответственность нашего времени исключительна, так как от успешного выхода русских из надлома зависит существование России, а от существования России – сохранение в будущем целого культурного региона. Какие же три варианта дальнейшей жизни нам предоставлены на выбор?

ПУТЬ ПЕРВЫЙ: ВОЗРОЖДЕНИЕ

Как кажется, потенциал Возрождения есть. Россия по-прежнему баснословно богатая страна с огромными ископаемыми, природными и человеческими ресурсами. Уже то, что российская культура существует после трех четвертей века гонений и годов нарастающего хаоса, служит основой надежды. Существует она, правда, в несколько усеченном виде: есть превосходная литература, значительная музыкальная школа, высокий научный (в том числе и гуманитарный, что особенно важно) потенциал. Но это почти всё. Выше должна быть философия, рядом – пластические искусства, архитектура. Ниже – хозяйство, политическая школа, бытовая культура. Всего этого уже почти нет. Русские забыли, как по-русски есть, пить, петь... Русской культуре придется стать на время немного «археологической». Музей и библиотека сейчас важнее театра. Ну и что же, пошли же израильтяне ради создания национальной культуры на оживление мертвого языка! Наше положение намного легче. Возрождение – это всегда

возрождение. Н.И. Конрад убедительно показал универсальность этого явления в разных культурах. Всегда, выходя из культурного упадка, люди обращались к классической Древности, к тому, что они избрали классической Древностью, как и наши соотечественники в эпоху Сергия Радонежского в конце XIV века. Мне думается, для нас особенно важна культура модерна начала XX века, когда Россия не только переживала невероятный подъем, но и подходила вплотную к Возрождению. Уникальность российского исторического опыта в том, что модерн обращался ко многим эпохам одновременно в поисках классики. Ценен модерн и тем, что это ближайшее к нам время, когда православные и национальные традиции еще не были прерваны. Для меня весьма отраднo, что этот период нашей культуры сейчас почти всем мил и близок, особенно молодежи. Вообще, в своих студентах (трех институтов разного профиля) и школьниках я чувствую этот потенциал наиболее явственно. Если мы не успеем разрушить Россию до их прихода, Возрождение, скорее всего, наступит. Разумеется, возрождение традиций – это не восстановление ушедшей эпохи. Творцы Итальянского Возрождения полагали, что возрождают Античность, а получили нечто совершенно новое и необычайно оригинальное. Но исходная позиция неизбежно должна быть обращена к славным делам прошлого. На этом пути мы обретем великую страну, нас заставит быть великой державой долг перед Восточнохристианской культурой. Не берусь утверждать, что эта держава восстановит границы СССР – это вообще не моя тема, да и не моя профессия. Но сомневаюсь, что это будут куцые пределы большевицкой РСФСР: геополитическое положение России создано Восточным христианством в общих интересах региона. На этом пути мы будем богаты: ожидающая нас фаза инерции – это высокий уровень благосостояния. На этом пути нас ждет расцвет искусств: если уже не будет своего Данте, то будет свой Киплинг. У нас ведь еще не было своего Киплинга.

ПУТЬ ВТОРОЙ: РАСПАД

Если сильнее окажутся силы деструктивные, страна рассыплется на несколько десятков кусков. Наивнее всего

полагать, что распад можно остановить на пятнадцати кусках, условных, лишенных историко-культурного основания, нарезанных деструктивными силами. Эти шестьдесят-семьдесят смехотворных ломтиков (ибо дробиться, естественно, будет не только РФ) никогда не соберутся вновь, даже если испугаются содеянного: им не позволят и думать об этом. Их поделят: кого Дальнему Востоку, кого – Исламу, кого «общеевропейскому дому», кого – территориальным захватам, кого – в качестве сферы влияния, всех – на плантации или, в лучшем случае, – резервации. И Восточнохристианской великой культуры больше не будет. Конечно, восточные христиане и даже небольшие страны, например, Греция или Сербия, сохранятся, но культурного региона не будет, будет – реликт. Многие глубоко религиозные люди, не только православные, но и католики, и мусульмане, полагают, что это будет означать выход человечества на финишную прямую. Это, конечно, область религии, а не культуры – этого я анализировать не могу. Однако это и признание высоты и ценности нашей традиции. И еще будут десятки миллионов бывших россиян, слишком рано лишившихся своей страны, озлобленных и мелочно мстящих всем, у кого есть государство, или утонченное искусство, или высокий жизненный уровень.

ПУТЬ ТРЕТИЙ: ВЗРЫВ

Мы не можем адекватно оценить энергию своих современников, тем более собственного или близких этносов. Если Возрождения не будет, а энергия русских слишком высока для их ухода с исторической сцены, то сработает инстинкт этнического самосохранения. Этот инстинкт есть всегда, пока жив этнос. Мы не видим его даже в прошедших этапах: это только клей, раствор, на котором держится этническая культура. Пожалуй, его можно было видеть в последней войне. В тридцатые годы советская власть была ненавистна почти всем как губительница России, русской культуры, но нацисты имели достаточно глупости дать заподозрить у них желание уничтожить самый русский этнос, и русские явили чудеса героизма. Но тогда кроме инстинкта были живы остатки бытовой традиции. Сейчас же инстинкт самосохранения может

выплеснуться только в чистом виде. А он, в сущности, биологичен, и это будет страшно. Настоящих противников у русских не найдется: русских даже в границах СССР – половина населения (в РФ – 81%), а многие этносы будут вместе с русскими. Да и не объединятся противники никогда. Держава будет восстановлена в потоках крови. Мне бы не хотелось дожить до такого, но всё же я откровенно предпочитаю третий путь второму, потому что из третьего всё же есть выход в первый в будущем, а второй – фатален. Нет оснований полагать, однако, что после взрыва нет возможности и нового поворота к распаду: ведь руководить будет инстинкт самосохранения, а не высокие идеалы христианства и даже не стереотип державного созидания. Русские и сами могут обрубить «ненужные» земли, взяв предварительно то, что окраины задолжали, и вышвырнув за границу мигрантов. Ведь русским уже всё объяснили про мигрантов... Это тоже будет финал Восточнохристианской великой культуры, только затажной.

Думается, что читатель без труда сможет сам смоделировать десятки политических версий развития событий. Автор – не политолог. Да и зачем? Все они всё равно сведутся к трем вариантам, из которых нам выбирать свой. И теперь варианты всё те же, что и в 1983 году, времени для выбора почти не осталось. Впрочем, есть один пример: год назад нас сильно пугали армией. С позиций историко-культурных армия может стать инструментом, обслуживающим любой из трех вариантов. По первому пути нас однажды повел честный офицер. Его звали Дмитрий Михайлович, князь Пожарский. На третьем пути всё проще. Сегодня же армия, пожалуй, мостит второй путь (к распаду).

Рецептов для эффективного завершения статьи у историка, понятное дело, нет: он на них не имеет права. Есть одно необходимое условие для возможности Возрождения. Люди образованные и творческие должны осознавать себя как русскую христианскую элиту, а весь народ должен теперь же осознать жизненную необходимость хранить, слушать и почитать свою элиту. Без этого Возрождения не получится.

Есть и одно предостережение тем немногим, кто выбрал второй путь. Вы тоже не можете предвидеть последствий своей работы. Смотрите, глазом моргнуть не успеете, как выскочите на третий!

Подданство надо заслужить!

Совершенно не важно, о монархии или о республике мы говорим в данном случае – вопрос о гражданстве распространяется на все государственные формы. Гражданство не сваливается из ниоткуда. Оно зарабатывается годами и даже десятилетиями. И, вне всякого сомнения, права человека, внедряемые сегодня повсеместно, нарушают права гражданина.

Безусловно, в гармонично устроенном мире неравенство представляло собой главное условие этой гармоничности. Так, например, согласно Плутарху, известный античный герой Тесей, дабы граждане не смешивались (замечу, речь не о рабах, а о гражданах), разделил афинян на благородных евпатридов, ремесленников-демиургов и геоморов – земледельцев. И первым вручил вопросы войны и управления, остальным соответствующие сферы, чем создал гармоничное общество.

Или такой вариант неравенства – государство хеттов около 18 в. до Рождества Христова. Граждане делились на 3 главных сословия, хотя первое само делилось на части. К первой категории относились люди. А людьми были все – начиная от аристократов до простых землепашцев. Нетрудно догадаться, что к 3-й относились рабы. Но вот интересно, кто относился ко 2-й категории? Слуги царя. То есть, чиновники. Ты можешь быть богатым, можешь быть хоть министром. Но если ты не сам со своими быками зарабатываешь себе на жизнь, а служишь, ты уже находишься в положении между свободным человеком и рабом. Согласитесь, в этом есть некий смысл, и это очень мобилизует человека. Чего нам так сейчас не хватает.

Безусловно, в древности были общества несвободные. Были также и общества очень свободных людей. Но кто был свободен? Потомственный гражданин. К сожалению, в XIX в. никто ещё не понимал, какая страшная мина закладывается под европейский христианский мир, под весь общественный фундамент, в виде понятия права человека. Появление прав человека означало по факту пренебрежение правами граждан: если есть права человека, тогда уничтожаются права граждан.

Разумеется, права всегда рассматривались как права гражданина. Это необязательно были всегда права господина, не было всеобщего порабощения господами, но к служилому сословию могли относиться только полноправные граждане. В других типах общества, чаще всего, в данную категорию включались также горожане.

И здесь представляется важным вопрос о том, каким образом горожане или крестьяне добивались гражданских прав: они добровольно вступали в ополчение и тем самым уравнивали себя с аристократией – вместе проливали кровь. Не прятались от службы, а, напротив, добивались права служить – хотя бы ополченцем. Вообще дело барина, дело нобиля – проливать кровь... Во Франции это четко формулировалось: дворянство платит налог кровью. Это было справедливо. Когда происходили три раздела Польши, выяснилось, что защищать ее кровью готова только шляхта, больше никому. Потому что замордованному хлопугу было всё равно, а своих горожан в Польше не было – основное население польских городов составляли русские (белорусы), евреи, немцы и даже татары.

Но именно поэтому в других странах, например, в тех же немецких землях, бауэры и бюргеры добивались права служить: того, с кем ты сражался плечом к плечу, ты уже не ударишь плетью! Отсюда же и требование освобождения крепостных крестьян в России после войны 1812 года. Равноконечный крест на шапке ополченца делал его свободным. И Царь Александр I совершил чудовищную ошибку (если не преступление), освободив остзейских ливов и эстов от крепостной зависимости от немецких баронов, но не освободив русских крестьян из крепостного состояния.

В Античном мире правила гражданства были очень строги. Гражданином стать нельзя. Если ты приехал из Коринфа в Афины, то ты – метек, т.е. лимитчик. Лавку иметь можешь, мастерскую – тоже, но прийти на агору и участвовать в обсуждении афинских проблем – не можешь. Подойдет полицейский скиф на правах государственного раба и выгонит тебя вон! С гражданином скиф-полицейский не посмел бы так обращаться.

Но если вставал серьезный вопрос, например, о войне, то демос – гражданское общество – обращался к метекам и вольноотпущенникам: не хочешь ли ты вступить в строй фаланги? Это ведь был справедливый мир – никого силком не гнали, но за одно только то, что метек вступал в строй не своего ополчения, сражался среди афинских граждан, он получал гражданство. Вот что такое гражданство – оно даровалось за заслуги.

Таких примеров очень много. Рим на этом был построен. Римляне были великими администраторами, и они придумали три ступени гражданства. Можно было быть италийским гражданином – первая ступень – с правами внутреннего самоуправления. Так было в Африке и других колониях. Выше – латинское гражданство. Это ограниченные права, но уже в пределах всего государства, а затем – всей Империи. А выше всего – римское гражданство. Провинциалы – это не только славяне, германцы или галлы, но и италики, и жители Северной Африки, – добровольно вступали во вспомогательные войска. Там было труднее и дольше служить, чем в легионах, но это давало не менее, чем латинское гражданство. Ради этого служили.

В 1994 году, выступая в одном месте, я привел такой пример: самниты воевали с римлянами потому, что те обещали, но задерживали предоставление им латинского гражданства. Если бы в 1994 г. чеченцы нападали на русских потому, что мы им не предоставляли русского гражданства, я бы считал, что с Россией всё в порядке и что имя Россия стоит достаточно высоко, я уважал бы этих горных разбойников. Но они не поэтому нападали. Впрочем, мы сами в этом виноваты.

Так заслуживалось гражданство! Великий стратег Афин Перикл, имевший множество заслуг перед отечеством, однажды испытал на себе строгость законов о гражданстве. Дело в том, что его жена Аспасия была хотя и свободнорожденной гречанкой, законной женой, но не была по рождению афинянкой. И Периклу пришлось униженно просить народное собрание, чтобы его сыновьям от нее, вопреки правилам, особым законом даровали афинское гражданство. Конечно, ему даровали, но из

этого примера становится ясно, как трудно заслуживалось гражданство: либо – подвиг, либо особые заслуги и волеизъявление народа. Гражданство не сваливается само собой с небес.

Можно привести и более свежие примеры. Сейчас практически невозможно получить подданство Его Величества короля Швеции. Там социализм, полное социальное обеспечение, но только для подданных Его Величества, то есть для полноправных граждан Швеции. Итак, если вы вздумаете жениться на шведке, вы получите временные права подданного Его Величества, если разведетесь – вы их лишитесь. Мне известен один такой прецедент.

Несколько лет назад в Японии произошла сенсация. Об этом писали в свое время все газеты, все телеканалы передавали, информация проникла в Америку и Европу. Неяпонец получил полные права гражданства, а на самом деле, конечно, – подданство, поскольку Японией правит Император. Может быть, этот вопрос обсуждался и в парламенте Японии – я не знаю, но даровал эти права Император, а у него божественная сущность: он не только микадо, но и тэнно, потомок богини Аматерасу. (Это подтверждает, между прочим, божественное происхождение гражданского неравенства). Речь идёт о чемпионе по борьбе сумо, который оказался родом не японец, а гаваец – канака. Однако, стал национальной гордостью Японии. У него, конечно, есть и деньги, и уважение, но самое дорогое для него – это подданство Императора Японии. При этом подданство это ему даровали непосредственно перед финалом, чтобы чемпионом в национальной борьбе сумо – упаси японский бог! – не стал неяпонец.

Замечу, что совершенно не важно, о монархии или о республике мы говорим в данном случае – вопрос о гражданстве распространяется на все государственные формы. Гражданские общества должны существовать как при современных монархиях (я монархист, но не исключаю гражданских институтов при монархии), так и тем более при демократии, которая вообще не может существовать без

гражданского общества, иначе это власть толпы, охлократия... Сегодня можно легко убедиться, что общества развиваются в мире в сторону расширения прав и свобод. Но общее правило всех гражданских обществ гласит: чем больше свобод, прав для своих, тем меньше прав для чужих.

В Средневековой Европе был такой принцип: городской воздух делает свободным. Во многих европейских городах действовало такое правило: если продержался в городе 1 год и 1 день (хоть всё это время ты прятался в бочке), то город тебя сеньору не отдаст. Сеньору придется иметь дело с городом. Но это не означает равноправия. Это означает всего лишь, что ты стал бюргером города Гента или Брюгге.

Применительно к нашей недавней истории это напоминает казачий принцип «С Дону выдачи нет». Но те, которых не выдают, ещё не казаки, а приписные или ещё дальше – иногородние. Интересно, что, по казачьему обычаю, если у казака жена иногородняя, то ей простится, что казачке бы не простилось, но, с другой стороны, ее и слушать не будут, как старуху-казачку. Казаки чётко делятся на коренных и приписных. У меня станица коренная, а у тебя – приписная. Пусть её приписали два века назад, а всё ещё помнят и проводят границу! Вот это образцовое отношение к гражданству!

Вернемся в европейское Средневековье. Бюргера-ремесленника отдадут другому мастеру цеха. Можно не сомневаться, что мастер будет его драть. Но он отвечает за то, что в установленный срок выведет его из учеников в подмастерья. А уж выбиться в мастера должен сам подмастерье. Но если вы иногородний, то вам никто не гарантирует, что вас возьмут в ученики, что вы всю жизнь не останетесь наемным работником. Это общее правило, на этом мир стоит. Потому что этот город для меня свой, а для тебя, который провел в нем только 1 год и 1 день – ещё не свой.

Гражданство обязательно связано с конкретным населенным пунктом, поэтому если в Античности гражданство ограничивалось полисом, то когда города стали больше, появились цензы. Серьезных цензов существует всего четыре.

Ценз возрастной. Почему повсеместно принят возрастной ценз? Не только потому, что молодым человеком в этом возрасте легко манипулировать, но потому, что в 18 лет у него не только нет здравого смысла, у него нет связей.

Ценз образовательный – потерял было свой смысл, но сегодня вновь становится актуальным. Сейчас мы выращиваем новое поколение неграмотных, и пора вводить образовательный ценз.

Ценз имущественный. Это отнюдь не право для богатых избирать и быть избранным. Это ценз на собственность. Потому что полноправный гражданин – это собственник... Он может быть бедным собственником, но должна быть собственность, которую он защищает для своей семьи, а значит, для своего города, для своей страны.

И, наконец, самый важный ценз – ценз оседлости, тот самый, что дает право лишь сыну афинянина и афинянки стать полноправным афинским гражданином. Тот же самый ценз, если мы хотим оставаться цивилизацией, должен действовать и в нынешней России – для определения полноправных русских граждан.

Последний пример. В сталинский период практиковалось «поражение в правах». Оно применялось порой жестоко и несправедливо, но основа здесь правильная. Если человек был судим и не оправдан по суду (если оправдан – разговора нет!), то он, отбыв наказание, свободен, но не гражданин... Гражданство надо опять заслужить, ведь оно потеряно, гражданская честь не восстановлена отбыванием срока. Он преступник, а значит, не гражданин.

Таким образом, гражданство не сваливается из ниоткуда. Оно зарабатывается годами и даже десятилетиями. И, вне всякого сомнения, права человека нарушают права гражданина.

Необходимо срочно рассмотреть и сформировать механизмы для восстановления гражданства. Европейцы уже нарвались. Мы сегодня наблюдаем трагедию Франции и убеждаемся в том, что там граждане уже не могут защитить свое имущество, а скоро не смогут защитить и самих себя – свои семьи и своих детей. Мы в гораздо лучшем положении,

чем французы. И хотя мы менее свободная страна, чем Франция, – у нас до сих пор затруднения с абсолютно законным правом любого гражданина владеть оружием. Но если бы у нас тысячами сжигались автомобили и разбивались витрины, то я нисколько не сомневаюсь: зазвучали бы выстрелы. Оружие бы нашлось.

Поэтому, я полагаю, мы ещё не совсем потеряны как гражданское общество.

Правая.ру, 2.04.09

Подзолистая чистота и двойной стандарт (о белорусах)

Белорус – он или русский или костельный поляк. Или о том, что случается с тем народом, который не хочет кормить свою настоящую национальную элиту, зато благословляет проходимцев.

Михаил Осипович Коялович, профессор Санкт-Петербургской Духовной Академии и один из величайших белорусов (нами незаслуженно забытый, хотя и сомасштабный как историк с Сергеем Михайловичем Соловьевым или Василием Осиповичем Ключевским) предлагает нечто для осмысления. Русские земли по населению пересекаются – как великорусские, малорусские, белорусские. Например, в тех же брянских лесах трудно различить, кто великоросс, а кто малоросс или белоросс. Но тем не менее: как только начинаются подзолистая почва, лесная стихия (словом, бедные условия для земледелия), – там живет белорус. Пойдет же чернозем и лесостепь, клиньями входящие в другие климатически-территориальные условия, – тут непременно появляется малоросс, или, как мы сейчас говорим, украинец. Интереснейшее наблюдение! Часть русского субэтноса, по Гумилеву, заполняет вмещающий ландшафт, пригодный для обитания. Этакое своеобразие: на подзолистых почвах труда надо меньше, распахать ее можно сохой, зато и жизнь беднее. Жирный же и тяжелый чернозем подчиняется лишь отвальному плугу с четырьмя, шестью, а то и восемью парами быков – зато в награду можно получить преобильнейший урожай.

Так проходила в Западной Руси природная граница белорусов и малороссов.

Впрочем, Кояловича «забыли» этого. Его попросту запретили в советское время – как имперского человека и русского патриота (по культуре, разумеется, истинного белоруса). Он тогда искренне смеялся над первыми украинистами (никаких беларусистов и в помине не было), появившимися на Галичине на австрийские денежки. Сегодня,

однако, нет уже советской власти, но где же труды Кояловича? Увы и ах, как говорится. По Кояловичу могло бы учиться подрастающее поколение: у него князья так князья, бояре так бояре, крестьяне так крестьяне, монахи так монахи. Нет отвлеченных исторических категорий, есть живая история. Однако кому-то печатать замечательного историка и сегодня невыгодно...

Итак, субэтническая основа появления будущих белорусов понятна. Но...Белая Русь нашей домонгольской истории – это только регион Полоцка. Это регион не то что героический, можно сказать – мистический. Князь Полоцкий Всеслав ведь был, пусть и недолго, князем Киевским. Стал им по приглашению самих киевлян, и лишь под давлением других князей вынужден был Киев покинуть. Побыл он и главой Русской земли, славянской нации. Недаром ему приписываются языческие магические качества: был он вроде как даже и оборотнем, мог волком бегать по русской земле. С другой стороны, известно, что этот же Всеслав – благочестивейший христианин. Именно при нем укрепилось почитание первых русских святых – Бориса и Глеба, и дети Всеслава носили полный борисоглебский «набор» – Бориса, Глеба, Романа и Давыда. Полоцкое княжество было значительнейшим, даже богатейшее Смоленское отступало перед ним. Где были построены первые софийские соборы? В Киеве, Новгороде, Полоцке...

Но в итоге, естественно, Полоцкое княжество – это не вся Белоруссия. Сам термин «Белоруссия» сложился позднее – изначально была Залесская Русь, Червоная Русь, Галицко-Волынская Русь. Днепровская Русь вообще, кстати говоря, никак не называлась: это была коренная Русь, просто Русь. Но были еще Белая и Черная Русь. Ныне их границы установить невозможно – никакие исторические источники этого не позволяют. И все же как будто Белая Русь – это регион Полоцка, а Черная Русь – Гродно. То есть, эти две части и составляют современную Белоруссию. Черная Русь исчезла впоследствии как термин: Белая – значит свободная, по славянской терминологии, нашему уху такое название куда как приятнее.

Каковы же были границы той бело-черной Руси?

Сразу же заметим, что это вовсе не границы современной Белоруссии. Ибо несомненно, что частью Белой Руси является смоленщина. Последняя чисто в силу исторических игр попала в состав Великого Княжества Литовского, а потом и стала пядью великорусских земель. В общем, это еще одно доказательство того, что Русь – одна, едина, только многообразна.

Смоленщина – одна из знатнейших и богатейших белорусских земель, но она «ушла», «отщепилась»... Но ведь есть еще и другие земли! Скажем, Латгалия, ныне часть Латвии... Она была заселена особым народом – латгалами или латгальцами и являлась органической частью Белой Руси. С Белой Русью Латгалия имела честь быть в Домонгольской Руси, так же как и в составе Великого Княжества Литовского, а также Речи Посполитой. Но более того! Латгалия оставалась частью Витебской губернии (то есть чисто белорусской областью) в составе Российской империи. Сегодня эта земля принадлежит отчего-то Латвии, и разговор на исторические темы в этом вопросе новоявленными прибалтийскими государствами пресекается, что называется, на корню. А жаль. А почему?! Ответ-то прост: нынешние прибалты извлекли максимум возможного из большевистских геопреступлений, зато явно не желают признать наличие своих лжепреимуществ из оных. Двойной стандарт налицо, но у России не хватает политической воли заявить об этом.

А простые «подзолистые» привыкли терпеть и не жаловаться, тем более что при наличии старшего брата (великороссов) младшему (белороссам) как бы полагается меньше и прав, и ответственности.

Цивилизаторы, они же «зачищенные»

Белорусы первые из русских попали в состав Великого Княжества Литовского. Попали уже при первых литовских князьях-христианах. Что это означает? А то, что белорусы – это те люди, которые крестили, христианизировали литовцев. Откуда попали в Литву христианские слова, христианские термины? Из Белой Руси. Можно улыбнуться: в современном литовском языке «босоножки» – это «босоножкес». Зато совсем не смешно и намного интереснее, что Церковь по литовски – это «Божнича», то есть Божница – слово славянское. Не костел, не черчъ, не та же кирха... Немцы рядом, а речь о Божнице, которой и славяне-то Церковь уже не называют. Сохранилось слово в Литве! И все потому что исторически его дали литовцам белорусы.

Прибалтика и цивилизована-то была белорусами! Первые известные города Белой Руси были основаны белорусами. Это – Юрьев, ныне Тарту (после того, как он пробыл довольно продолжительное время Дерптом), это – Ругодив, теперь Нарва – оба русские города полоцкого происхождения. Основанные полоцкими князьями в начале XII века! Да, они в начале следующего столетия были отняты, однако отнюдь не освободившимся местным населением, но орденовыми немцами, то есть захватчиками. Странно, что мы сохраняем на наших картах оккупационные имена...

Немецкий историк Герман Латвийский подробно описывает, как «зачищали» от русских орденовые земли – те, на которых еще не было Риги, Ревеля (Таллина)... Честный крестоносец недвусмысленно указывает на то, что сии населенные пункты были славянскими и ... их пришлось устранить.

Но изначальная трагедия дальнейшей Белоруссии заключается в том, что ЕЕ ЯДРО, ЕЕ МИСТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ БЫЛИ УБИТЫ ПЕРВЫМИ.

Земли Белой Руси не захватили ордынцы – зато их начало поглощать Великое Княжество Литовское. Литовцы в XIV – начале XV веков были куда как более энергичнее русичей и как

будто не угнетали поглощаемых. Примешь подданство крестьянином – остаешься крестьянином. Был боярином – им и продолжаешь быть. И вообще, «быть за Литвой» означало «не быть за Ордой» – что соблазняло.

Во главе Литвы стояли талантливые политики – Гидемин, Ольгерд... К таким примкнуть было также весьма приятно – вот белорусы и примкнули. К тому же в 1497 году вся самая славная, самая красивая и боголюбивая рать белорусов погибла в битве на Ворксле, когда Витаускас повел ее сокрушать Орду. Остатки знати Белой Руси двинулись частично к великороссам, частично в Польшу. Что продолжило трагедию белорусской земли.

Михаил Коялович с горечью описывает то, как была поглощена элита западнорусской земли. Аристократов не убили, не разорили, не деклассировали. Их «вобрала» чужая культура. Белорусская знать купилась на гербы, девизы, рыцарские турниры, королевские пиры. Хотелось таки дворянину покрасоваться! На это, впрочем, ушло два века, однако явление состоялось. Сегодня все мы, русские, можем лишь скорбеть о потерянных аристократических фамилиях: все знают великолепную польскую актрису Тышкевич (а иные интеллигенты то, что она урожденная графиня), однако мало кому ведомо, что она на самом деле белорусской крови, но ОПОЛЯЧЕНА. И такие блестящие роды можно перечислять долго – при этом становится страшно за белорусский народ. Поляки за деньги «утащили» массу великих белорусских (а значит, русских!) фамилий. С одной стороны, можно посочувствовать тем же полякам, которые главным национальным поэтом имеют Адама Мицкевича – белорусского шляхтича (а в Вильно (Вильнюсе) главная библиотека названа именем Мицкявичуса: так же она значится и по-русски, однако по-английски – Мицкевича, ибо в мире не знают никакого Мицкявичуса, зато есть один единственный поэтический гений белорус Мицкевич). С другой, все-таки белорусы лишились своих интеллектуальных лидеров и – как ни смейся! – оные теперь прочно соотносятся с совсем другими народами.

Стоит признать, что во всем этом есть и немалая вина нас, великороссов. Россия, увы, допустила тиранию Ивана IV. Западная Русь тянулась к Москве, опасаясь Польши и в целом Запада, всякого рода монашеских орденов. Однако Иван IV развязал Ливонскую войну – преступно, без санкции на то Земского Собора и даже Боярской думы. Спровоцированное нападение на Нарву позволило втравить русских в войну друг против друга. Как такое могло произойти?! Ответ прост. Русские люди хорошо видели, что творится на Руси при Иване IV, что такое опричнина. Они не могли не восстать против этого. А ТИРАНЫ ВСЕГДА ВТРАВЛИВАЮТ НАРОД ВО ВНЕШНЮЮ ВОЙНУ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ РАЗВЯЗАТЬ СЕБЕ РУКИ ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ТЕРРОРА. Что и сделал коварный русский правитель.

Последствия этого оказались страшными. Литва объединилась с Польшей. Польский король Сигизмунд (бывший и князем литовским) воспользовался этим для реализации своих (конечно же, мнимых) геральдических прав. Он был литовского происхождения, но уже и поляк. Оттого он просто подарил литовские земли Польше. Русские пытались противодействовать этому, но тщетно. И тут началось самое тяжкое время для Белой Руси.

Знать поглотили окончательно. Пуцины, Глебовичи, иные великие белорусские фамилии стали католическими и – через культурное поглощение – поляками. Русской знати в Белой Руси не осталось. Ее уничтожали и на территории Малой Руси, то есть на земле нынешней Украины. Но на территории последней проходила граница с Дикой землей, татарскими, а следовательно по вассальной присяге, турецкими землями. Оттуда наступали враги, но на нашей территории зато оставались «люди с саблями». Они были шляхтичами с польской точки зрения, но шляхтичами особыми. То есть, иностранной экспансии в Малой Руси противостояли интеллектуальная сила киевских братств, финансово-ремесленная сила братств мещанских, а также воинская сила – казаки. Не граничавшая с Диким полем Белая Русь этого не

имела (и прежде всего военной силы). А значит, в Белой Руси остались лишь «хлобе».

Дальше – уния

Она «повалила» после 1596 года. Как говорится, мало никому не показалось. Спустя всего лишь три десятка лет, и под защитой казацких шашек иерусалимский Патриарх Феофан восстановил русский православный епископат в Малой Руси. А вот в Белой его некому было защитить. В 1653 году гетман Хмельницкий умоляет Россию принять его в подданство, что и происходит по решению Земского собора. Что же происходит в это время в Белой Руси? Увы, там нет достаточно влиятельных сил, чтобы пойти по малоросскому пути. А ведь Россия была в военном отношении тогда уже куда мощнее Польши, могла легко ее «побить». Но не было для присоединения Белой Руси внутренней опоры в ней самой – прежде всего знати. Самое страшное, что на тот момент удалось сделать лютым врагам православного русского народа – это лишить Белую Русь какой бы то ни было национальной элиты...

Поистине можно сказать: если народ не хочет кормить свою знать, он будет кормить чужую. Белорусы уже с XVI века к несчастью для себя начали кормить чужую интеллектуальную силу.

Белые манкурты

Россия в войнах с Польшей добивалась успехов, однако этими успехами пользовались в основном малороссы, причем иногда в ущерб великороссам. И никогда военные победы ничего не давали белоруссам. К несчастью своему, Белоруссия вернулась в состав России только в результате трех разделов Польши. Вообще-то, в этих трех так называемых «разделах Польши» заключается неверный термин. Разделы начала Австрия, а не Россия, захватив русскую Галичину. Россия вынуждена была вмешаться, принять участия в разделительных акциях, дабы не отдавать своей территории! По всем пресловутым разделам Россия не получила НИ КЛОЧКА ЧИСТО ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ. По первым двум наша страна получила только русские земли (белорусские – по второму). По третьему разделу Россия приобрела нерусские земли, но это были этнически литовские территории.

И все же, наконец, белорусские земли попали в состав России! Это случилось в 1796 году, уже в царствование императора Павла I. Но что из того? К этому моменту российские власти прониклись феодальным духом Запада. Как ни был благороден император Павел, он считался с дворянскими привилегиями. Если в Малой Руси православные дворяне сохранились, то в Белой они либо ополчились либо были физически уничтожены. Остатки белорусской знати сошли на нет уже благодаря российскому влиянию, точнее говоря, тому, что католическому беспределу в Белой Руси никто ни в какой мере не подумал препятствовать.

Можно сказать и так. Из-за вышеназванной потери национальной элиты Россия получила под свое крыло часть по сути своего народа, которая сама не знала, чья она часть. Во второй половине XIX века при ревизиях, которые проводились российским имперским правительством в целях сбора налогов, многие белорусы на вопрос о своем происхождении отвечали: «Мы - тутэйшыя». То есть, тутошние, здесь живущие, ибо уже не знали, кто они и откуда. Что они – РУССКИЕ ЛЮДИ.

Впрочем, парадокс заключается в том, кое-чего тут образовалось положительного. Скажем, навязать белорусам чужой литературный и политический язык, как навязали галичане украинцам, не представлялось возможным. Белорусский литературный язык – полная фикция, белорусы везде и всюду говорят по-русски, естественно с сохранением разного рода диалектных отличий. Но диалекты, они и в Великороссии – диалекты.

Взывающее к единству

История, увы, не научила белорусов защищаться. А бытие XX века для них оказалось поистине страшными. Опять возник призрак Великого Княжества Литовского: несколько месяцев просуществовал Литбел – Литовско-Белорусская Федерация, одно из жутких порождений революции 1917 года. Он благополучно развалился, но ведь был! Достаточно сказать, что западные области многострадальной Белоруссии были в 1920 году отторгнуты Польшей, «изнасилованы» последней, в чем поляки, надо заметить, никогда и нисколько не каялись. Что это было на практике?

Начать с того, что поляки уничтожили почти все православные храмы. Польша поощряла любые акты террора, любые выступления против православных белорусов. Если, допустим, вдруг татарин или еще кто «вошел в конфликт» с белорусом, всегда и безусловно прав был татарин. Вот надпись на одном из надгробий: «Алексадер Попенюк. Замучан жидами в лесу 12 января 1932 года». И это – документ из Жировичей, что близ никогда не закрывавшегося православного монастыря. В каких же условиях жили тогда православные белорусы, если рядом с их святыней могли твориться столь беспредельные вещи!

Возникает, разумеется, естественный вопрос: как на все это реагировала Белоруссия, ее народ?

Они этого не приняли. Никогда не соглашались принять. Но – очень тихо. Доказательством тому может служить следующее. Если в Восточной Белоруссии (бывшей в составе СССР) на русского в принципе не обращают внимание, то в Западной, скажем, в Слониме, на него обращен всегда особый взгляд. Потому что освободитель. Потому что свой. Советское тут ни при чем, разумеется. Напротив, православное, родное греет – неубиенное и взывающее к единству. Что делить-то?

Особая тема – взаимоотношения славян, ветвей некогда единого народа. Дико, когда начинают драться братья, но

сегодня это – реалии настоящего, к тому же искусно подогреваемые сторонними силами.

Втравить белорусов в борьбу против великороссов почти никогда не удавалось. Да, они сражались с нами в битве при Орше в 1514 году, во время польского восстания 1831 года. Однако в период польского восстания 1863 года таких уже не было – история все же чему-то да учит. Хоть и без знати, хоть и под польскими панами, подавленные, белорусы все же оставались (и начинали чувствовать себя на новом витке истории) РУССКИМИ ЛЮДЬМИ. Во время же польского владычества в XX веке это вообще проявилось очаровательно: в любой белорусской школе в начале учебного дня положено было петь польский гимн. И как его пели! «Еще польско не сгинэло али сгинуть муси, но погибнуть должна...» – пели по-польски белорусские школьники.

Польша еще не погибла, но – должна! Белорусы оставались русскими людьми и верили, что час освобождения от рабства (а именно так они понимали свое пребывание «под поляками») неизбежно придет.

Если ныне живущим поколениям малоросов удалось внушить, что они – другая, отличная от русских нация, то белорусы в это так и не поверили. Да, они воспринимают себя белыми россами – но на том уровне, как костромич видит себя костромичем, а ярославец – ярославцем и уж тем более, скажем, донской казак представляет уникальность своей «донской казачести».

В этом смысле, что нам, великороссам, с ними делить?! Нечего. У нас все свое, общее, родное.

И это – факты истории и современности, а не какая-то дурная патетика.

Кто же выступает против России?

Однозначно, что все те, кто стоит в этой шеренге и кого белорусский народ отторгает естественным образом – люди отличной от православия конфессии. Говоря проще и точнее – католики. Поздняк, Гриб etc – все они католики, люди, воспитанные в литовско-белорусских областях. Стоит напомнить, что Сталин усугубил ситуацию тем, что подарил два района Белоруссии Литве. То есть католикам. В российско-белорусских отношениях, их возможных противоречиях нет этнической проблемы – это надо подчеркнуть. Есть проблема вероисповедания – отсюда растут уши всех националистов-врагов России, деэтнизированных, возможно, и лично неверующих, но «спонсируемых» католиками, агрессивно настроенными по отношению к православным-великороссам. Белорусский националист сегодня – это непременно костельный поляк, то есть по историческому признанию Польши, белорусский холоп (сволочь, одно слово), который ходил в костел и лишь в следующем поколении мог быть признан настоящим поляком.

И Шушкевич не случайно – костельный поляк, подписавший Беловежские соглашения, прошел две фазы – был сначала ополячен, потом окоммунчен. Партийный персонаж, который не имел реальной народной поддержки и улетевший в небытие при первых же реальных дуновениях истории. Но, проходимец, – оказался в нужный момент в нужном месте (для себя, разумеется).

Теперь белорусы дивятся: что за монстра мы нагрели у себя на груди?! Но так случилось! Приходится расплачиваться за историческую бесцеремонность со своей национальной знатью, элитой – как угодно это назвать.

Что сегодня, что дальше?

Да, Лукашенко. Вроде, правильно мыслит, близок к народу. Но – опять не то.

Почему? Да потому что нынешнему президенту белорусов элементарно не хватает культуры, исторических знаний. Нет должной команды, настоящих квалифицированных советников. Нет видения современного мира, его многослойных реалий – отсюда пародия на патриотизм, государственность, претензии на «отца нации»...

... Что же в итоге означает утрата Белоруссии для России?

Есть разница между утраченными частями. Если Тува, Туркестан, Кавказ (в том числе и Северный Кавказ за исключением казачьих областей), Молдова (то есть, собственно правобережная Молдавия), и, наконец, большая часть Прибалтики – это части Российской империи, то Казахстан, Бессарабия (то есть, то, что мы сегодня почему-то называем Левобережьем, Приднестровьем), Украина, Белоруссия и Латгалия – это части коренной России. Особое положение Белоруссии в этой ситуации – в том, что она сама не возражает против восстановления исторической справедливости и там нет реальных сил, которые могли бы ему противодействовать. Кроме, по сути дела, иноземцев или, по крайней мере, иноверцев.

На решение проблемы нужно, на мой взгляд, этак ... недели две. Но при условии, что в России появилось бы действительно русское правительство, русская исполнительная власть. Не считите это за экстремизм – не надо подтасовок, господа!

Просто с Белоруссией России не о чем смертно спорить – как не о чем делать это в одной семье (приходится извиняться за слова, дискредитированные в Советском Союзе).

Ну не Белоруссии же претендовать на смоленщину (она исторически – ее). И не нам, великороссам, грозить белорусам (самим себе!) какими-то экономическими санкциями.

Если мы, разумеется, не хотим тем самым крепко порадовать действительных врагов русской нации.

Полибиева схема власти

Статья 1970 года.

Разные формы власти известны, конечно, не с античных времен. Они существуют уже много тысяч лет. Республики, видимо, такие же древние, как и монархии. Правда, длительное время их не изучали, изучать формы власти начали эллины. Они вообще любили всё изучать. Их этническое мирозерцание, их этнический стереотип включал в себя познание мира. Их религия была обращена к познанию мира. И потому первыми, кто систематизировал вопрос о власти, охарактеризовал формы власти, были, конечно, эллины. И то естественно. Они создатели полиса, они жили в условиях полиса, от которого, кстати, произошло и слово «политика».

Эллин Аристотель назвал человека «животным политическим». Аристотель – первый, кто написал трактат о политике, точнее трактат, до нас дошедший. И вероятно, даже это не его систематизация. В своем трактате он разработал три основных вида власти: монархия – власть одного, аристократия – власть лучших, и полития – власть полноправных граждан. Всё это весьма искусно описано в его трактате «Политика». Там одних монархий у него шесть. И что особенно интересно, каждая форма власти имеет свою особую разновидность, которую он именует «искажением».

Для монархии искажение – это тирания, власть одного себялюбца, власть монарха, который руководствуется собственными интересами, а не интересами полиса, общества.

Искажение аристократии есть олигархия, собственно власть неких, власть некоторых. Мы употребляем термин олигархия расширительно, имея в виду власть замкнутой шайки, не аристократического сословия лучших, а эгоистической шайки.

Для политии Аристотель полагал искажением демократию, власть, не ограниченную цензом, власть всего населения. С этими терминами уже тогда, в античное время, произошла некоторая эволюция. Вместо «полития» в аристотелевом смысле начали говорить «демократия», совсем не в

ругательном значении, поскольку подразумевалась именно ограниченная демократия, власть граждан, а не населения. А вместо аристотелевой демократии в негативном значении закрепился термин «охлократия», то есть власть толпы («охлос» значит толпа). Однако суть не изменилась.

Итак, существуют три формы и три искажения. И человечество прожило века с этими тремя видами власти и их искажениями. Они принимали разный исторический и культурный облик, имели разные национальные черты. Попытки найти четвертую форму власти были всегда неубедительны. Можно напомнить, что в 60-е годы появилась теория так называемой «партократии», якобы четвертой формы власти, созданной именно социалистическими системами. Но эта теория не выдерживала самой поверхностной критики. На практике такая партократия оказывалась симбиозом различных форм искажений. Чаще всего это была контаминация (смешение) охлократии и олигархии. Но партократия может порождать и тиранию, как свое собственное орудие, по крайней мере, вначале, хотя настоящий тиран, как и подобает тирану, действует в парадигме тирании и, в конце концов, подминает под себя и партократию. Но это в основном современная политология XX века, что для нас сейчас не важно. А важно то, что четвертого вида власти, видимо, не существует. Человек за шесть с половиной тысяч лет своего исторического существования ее не выработал. Зато эти три вида варьировал много раз.

Аристотель не только описывал и определял, он давал и оценки. Идеальной властью он полагал монархию, правда, когда сам монарх есть достойнейший член общества, и уже в силу того прилагающий все свои силы только на благо общества. Хуже была аристократия, еще хуже – полития.

А вот оценка искажений у него прямо противоположна. Демократия, с его точки зрения, немногим отличается от политии. Олигархия значительно хуже аристократии, она от нее далеко ушла. А самое омерзительное искажение – это тирания. То есть, лучшая форма власти порождает наихудшее искажение. В его «Политике» описано, как одна форма власти

переходит в другую, как охлократия успешно порождает тиранию, очень легко, очень органично, что тоже можно многократно наблюдать в истории. Он описал, как образуются синтетические системы, объединяющие две какие-либо формы, а иногда и все три. В его времена была замечательно известна спартанская полития. Она объединяла все три элемента, но не равноценные. Власть двух царей, двух царских родов, давала Спарте элемент монархии, «герусия» – совет старейшин давала элемент аристократии, а демократия была представлена «эфорами», блюстителями, которые обладали правом надзирать за царями и «геронтами». Таким образом, три вида власти в этой политической системе компенсировали друг друга. Мудрый стагирит понимал, что ни одна из форм власти не идеальна, что сама по себе она ни хороша и ни плоха, она может быть различной, но в варианте искажения всегда отвратительна.

Далее идеи Аристотеля разработал великий, а может быть, и величайший греческий историк уже эпохи заката, уже римского времени – Полибий. Он пережил падение Эллады, жил в Риме, был пламенным сторонником Рима и подчинения эллинских полисов имперской системе. Вместе с тем Полибий был любим и уважаем в Элладе как ревностный защитник эллинских интересов, человек, безусловно, честный, не коррумпированный ничем, даже своей симпатией к империи. Именно он сделал следующий шаг, несколько не потерявший важности до наших дней. Современному читателю очень легко обратиться к Аристотелю. Четвертый том собраний его творений имел гигантский тираж, он есть в каждой библиотеке. А вот с Полибием хуже. Академическое издание «Литературные памятники» больше двадцати лет обещало дать новый перевод, но нового Полибия мы так и не получили. В хороших библиотеках есть Мищенко́вский перевод 1912 года.

Так вот, Полибий пришел к очень интересному наблюдению. Самая совершенная политическая система содержит все три вида власти: монархию, аристократию и демократию. Для него таким государством был Рим. Консульская власть или власть диктатора, если избирался диктатор, есть монархический

элемент. Сенат – аристократический элемент. Римское народное собрание в комициях и в лице должностных лиц, то есть плебейских эдилов и плебейских трибунов – это демократический элемент. Эта система победила мир, она стала гегемоном уже на глазах Полибия, который, кстати, был современником и другом победителя Карфагена – Сципиона младшего.

Рим производил сильное впечатление. И Полибия можно понять, но он не был только под обаянием Рима, он скорее был последователем Аристотеля. Можем ли мы принять Полибиеву систему? Я бы назвал ее скорее «Полибиевой схемой». Надо сказать, что мы на две тысячи лет умнее. Мы две тысячи лет христиане и потому знаем, как знают, кстати, и более молодые мусульмане, что идеального государства никогда не было и не будет, оно невозможно. Идеальное государство недостижимо. Потому мы можем избавиться от утопических оценок. Но хотя государство Полибиевой схемы не идеально, мы всё же не лишены права признать его приличным, стабильным, уравновешенным, приспособленным для относительного благоденствия и совершенствования граждан. И вот в этом ключе можно позволить себе посмотреть историческую выборку. В самом деле, действительно ли наиболее удачны те государственные системы, которые приближались или соответствовали Полибиевой схеме?

Что же мы видим? О Риме рассказано самим Полибием. В греческом мире Полибиева схема реализовывалась не раз. Афины достигли вершин своего могущества, когда еще сохраняла свой вес аристократия, когда первый архонт всегда был аристократом, но, тем не менее, появился на короткое время и монархический элемент в лице пожизненного стратега. Надо сказать, что к Полибиевой схеме близки культуры арийского происхождения. Наиболее характерна, пожалуй, типическая Персидская держава Ахеменидов, сословное общество, как все ранние арийские общества, сохранившая на протяжении всей своей истории сословное представительство и имевшая развитую аристократию. Царская власть, аристократическое сословие «артештеран» и демократическое

представительство сословия «вастриошан» дают нам приближение к Полибиевой схеме. Кстати, малоизвестное, даже недавно открытое историками Хеттское государство, западноарийская держава в XVI-XII веках до н.э., тоже явно приближалось к Полибиевой схеме, насколько мы можем судить. Оно было монархическим, но имело и аристократию, и народное собрание на протяжении всей своей истории. Предшественники греков – ахейцы Гомера, победители Трои, имели города-государства с царями во главе, с аристократами и народным собранием, о чем можно судить по поэмам Гомера.

Было ли так только среди индоевропейцев? Нет. Вот, пожалуйста, пример культуры семитического корня, которая приближалась к Полибиевой схеме. Весьма удачливая Ассирийская держава, потрясавшая Вселенную, победившая множество государств, завоевавшая и впервые разрушившая Вавилон, – это тоже монархия с развитой старой ассирийской (ашурской) аристократией и с элементами народовластия.

Можно в Древности еще найти подобные державы, но дело в том, что за пределами античного круга государства Древности довольно плохо описаны. Хочется добавить, пожалуй, только одно. В Древности был великий народ, лишенный инстинктов государственного созидания. Кстати, потому он и был побежден римлянами. Тем доблестным народом были кельты. Они сохранили по сути дела племенной уровень на всем протяжении своей истории. Как были устроены предгосударства кельтов, не совсем государства даже в античном смысле этого слова? То же самое: племенной вождь, а если объединялся союз племен, то мы видим верховного вождя над племенными. Чрезвычайно развитая, устойчивая и уважаемая аристократия, которую нисколько при том не разрушало наличие демократии. Ее, демократии, даже и не могло не быть, потому что кельты были необычайно свободолюбивы, даже, пожалуй, в ущерб самим себе. У кельтов никогда не было внутреннего рабства. Таким образом, и тут мы снова видим общество, приближающееся к Полибиевой схеме.

Что дают три элемента власти государству, которое сохраняет Полибиево устройство? Монархия есть всегда символ

единства. Наличие монархии есть благо любого народа, потому что это персонифицированное единство нации. А в многонациональном государстве персонифицированное единство социума, объединяющего несколько народов, – наиболее зримо, и потому наиболее необходимо. Даже в тех государствах, где монархия представляется чисто декоративной, как, например, Японская монархия времен Сегуната, когда император фактически уже не правил. Или современные западноевропейские монархии. Несмотря на то, что этот элемент власти превратился практически в знак, он продолжает сохранять свою роль объединителя, сохраняет значение символа единства.

Демократия очень важна. Мы плохо представляем себе демократию. Демократия – это именно та форма, которая наилучшим образом мобилизует гражданина или подданного (совершенно неважно, как он называется) быть одним из деятельных элементов своего социума. Это естественно, потому что демократия прямо обращается к каждому гражданину: соучаствуй в наших делах, соучаствуй в системе власти, решай вопрос о мире или войне. А каково значение демократии, если государь облечен харизматическими полномочиями, если государь, прежде всего, духовный глава ислама, как в исламской системе халиф, если государь миропомазан и имеет тем самым особое благословение церкви, как в христианской системе? Ликвидирует ли то значение демократии? Я склонен полагать, что, наоборот, повышает ее. Столь высокопоставленный государь обращается к тебе: о, гражданин, советуй и высказывай свое мнение о насущных делах общества. Любую инициативу и самую драгоценную частную инициативу стимулирует, конечно же, демократия. Правда, демократия не в аристотелевой терминологии, а в более поздней, потому что на протяжении множества тысячелетий общества избегали неограниченных демократий. Для грека и римлянина, для перса, для средневекового западноевропейца, для мусульманина VIII-IX веков, когда ислам совершал свое победоносное шествие, ситуация была совершенно однозначной: демократия осуществляется

полноправными гражданами. То есть, человек сначала вступает в строй фаланги, легиона, ополчения, затем обзаводится своим домом и становится отцом семейства, и только затем и в силу того его признают соучастником демократии. Потому, по сути дела, человечество тысячелетия живет в различных демократиях, но, как бы мы сказали в современной политической терминологии, это всё были демократии цензовые. И, возможно, переход от демократии цензовой к демократии «всеобщего избирательного права» – это не торжество демократии, а ее деградация. Полибий посмотрел бы на это так. Римляне не только не предоставляли права голоса неимущим пролетариям, они не пускали их в легион, потому что не вполне доверяли этим людям, этим римлянам, этим соотечественникам. Демократия есть инициативная часть Полибиевой схемы.

А зачем нужна аристократия? Аристократия – тонкая, особо трудная для постижения, но очень ценная структура. Аристократия – стабилизатор общества. Аристократия консервативна. В среднем аристократия консервативнее демократии и консервативнее монархии. Так она работала еще в Спарте, которую греческие историки вспоминают с неудовольствием, как помеху благим начинаниям спартанского общества или какого-нибудь царя. Герою Леониду, например, Совет старейшин немало крови попортил до его гибели при Фермопилах. Думаю, что аристократии вообще много портили крови и демократиям, и вождям демократии, и монархам. Тем не менее, общества были обязаны аристократии устойчивостью. Ведь сущность аристократии в том, что будущий аристократ не в меньшей степени, чем будущий монарх, и в большей степени, чем представитель демократических кругов, с младенческого возраста воспитывается для занятия определенного положения, последовательно воспитывается в категории ответственности перед всем социумом.

Мы никогда не видим аристократию носителем чужой культуры. Наоборот, аристократ есть всегда носитель национальной культуры, причем высшего уровня культуры. Увлечаться чужим, что бывает иногда разрушительно для

общества и государства, может монарх. И примеров тому в истории тьма от Александра Македонского до Петра Великого. На моду может польститься демократия. Но этого никогда не бывает с аристократией. Сам характер аристократического воспитания оправдывает, вероятно, название этого сословия, этой категории, этого вида власти. «Аристой» – лучшее или благороднейшее, несомненно, восходящее к общеиндоевропейскому корню: «арья» – благородный. И печальна судьба того этноса, который лишился аристократии, особенно если он сделал это по своей воле. Империи сохраняли аристократию включенных в свой состав народов, ибо они понимали, что только таким образом можно составить имперскую знать. Напротив, государства-поработители унитарного типа стремятся выбить или вытеснить аристократию поработенных народов. Колонизированному народу аристократия, безусловно, не нужна, она помеха властителю, от нее надо избавиться.

Весьма печальной, как описывает крупнейший историк середины прошлого века Михаил Осипович Коялович, была судьба предков украинцев и белорусов западнорусского населения, которых в XV веке, а особенно в XVI и начале XVII века поляки путем полонизации и окатоличивания в сущности лишали аристократии, лишали национальной знати, лишали элиты.

Что касается России в целом, то ее аристократии был нанесен удар задолго до революции, о чем будет речь еще ниже. Восстановление Полибиевой схемы для России весьма затруднительно. Аристократию не выращивают в течение одного поколения. Это исключено. Это напоминает анекдот об английских газонах, когда высокопоставленный советский чиновник спрашивает у английского садовника, как достигается столь высокое качество газона. На что садовник отвечает, что газон каждый год засеивается и постригается. «Но это совсем просто, дома в Советском Союзе я заведу такой же газон», – радуется советский партократ. «Простите, сэр, видите ли, мы это делаем триста лет», – поясняет садовник. В сущности это анекдот об аристократии.

Но вернемся к продолжению Полибиевой схемы в истории наших культур, культур христианских, культур, которые начались в Средневековье. Античность ушла, она оставила воспоминания, оставила труды Аристотеля, но началась совершенно другая культура. Первые общества так называемых варварских государств пришли со своим народным собранием и со своей аристократией, пусть племенной, но аристократией. То есть, они пришли еще без государства, точнее я бы сказал, с предгосударством.

Во что постепенно они развились? До феодальной революции IX-X веков они тлели. Но вот мир феодализировался. И вскоре выяснилось, что единственным способом преодолеть феодальную тенденцию раздробления до молекулярного состояния может быть сословное представительство. Мы уже касались сословного вопроса. Сословным было общество Вавилона, общество Ассирии и, безусловно, развитые по своей сословной структуре все общества, созданные индоевропейцами, включая, естественно, и античные. Они ведь тоже созданы индоевропейцами. Но наиболее разработанные, даже юридически разработанные, сословные уклады дает нам, конечно, Средневековье. Средневековое общество вообще не представимо вне сословий. Сословным оно было по сути своей, по феодальному укладу, хотя, конечно, сословное общество необязательно должно быть феодальным. И оно было готово создать и сословное представительство. Условно мы называем его парламентом, хотя это только лишь национальное название сословного представительства Англии. В Швеции то был риксдаг, в Испании – кортесы, во Франции – генеральные штаты, в России – Земский собор, в Польше – сейм. Они возникают еще в XII веке. Первая точная дата – 1185 год, кортесы на уцелевшей от мусульманского завоевания северной Астурийской земле в Испании. В 1211 году первый Земский собор в российской истории, созданный великим Владимирским князем Всеволодом III. К сожалению, иноземными нашествиями XIII века эта традиция была прервана до XVI века. Первый

английский парламент собрался на 54 года позже российского в 1265 году.

Что общего у всех сословных представительств? Наличие двух курий или двух палат. Число курий могло быть и больше. Три курии во Франции – дворянство, духовенство, третье сословие. Могло быть четыре курии. Четырехкуриальная система, кстати, была на московских земских соборах. Но сколько бы ни было курий, как правило, они составляли две палаты. Дошедшая и до нас, до нынешнего времени двухпалатная парламентская система обязана своим происхождением Полибиевой схеме, ибо монарх делил власть с верхней аристократической и нижней демократической палатой. Не важно, кто составлял эту нижнюю демократическую палату. Ее могли составлять мелкие дворяне вместе с буржуа. Но мы уже отметили, что Полибиева схема оперирует в основном политиями, то есть ограниченными, цензовыми демократиями. Они могли развиваться, цензы могли снижаться, всё более широкие круги допускались к выборам в нижнюю палату. Но система в целом не изменялась.

Англия на протяжении большей части своей истории – страна Полибиевой схемы. До начала XX века. Только XX век последовательно лишил реальной власти королевскую власть, королевский монархический элемент и снизил значение аристократической палаты лордов. Но Англия не в XX веке достигла своего могущества мастерской мира и владычицы морей. Она достигла своего могущества именно в Полибиевой схеме, хотя Англия тут не очень типичная страна. И Испания в конце Реконкисты была устроена близко к Полибиевой схеме: король и кортесы. То был расцвет могущества Испании, она считалась сильнейшей страной Европы и более всех была успешна в эпоху великих географических открытий. Думаю, того достаточно. Любой читатель, который пожелает проверить мои слова, проверит их без труда и найдет десятки, а может быть и сотни примеров.

А какова наша отечественная ситуация? Каково наше отношение к этой системе? Берусь утверждать, что в лучшие периоды своей истории, периоды максимального могущества

или консолидации сил во имя восстановления могущества, или в периоды благоденствия, или, наконец, в периоды восстановления утраченного благоденствия Россия была либо устроена в соответствии с Полибиевой схемой, либо стремилась к ее воссозданию. То есть, это наша национальная традиция.

Есть достаточно оснований предполагать, что Полибиева схема у нас, как и у варваров в эпоху Великого переселения народов IV-VII веков, тоже уходит в глубину еще племенную, предгосударственную. Но не будем брать эти века, дабы не становиться на почву гипотез, хотя на ней мы чувствовали бы себя неплохо. Посмотрим государственную эпоху, государственную историю. Российская держава существует не менее 12 веков. В VIII веке в Русской земле уже были городские образования, а раз были города, значит, были государства. Что мы знаем об устройстве тех городов? Единой российской державы не было, в домонгольский период ее вообще не было. Единая Киевская Русь – миф. Была конфедерация земель-княжеств, объединяемая языком, культурой, религией, рынком, монетной системой, как бы ни несовершенна она была, наконец, объединенная династически, одной династией Рюриковичей, укрепившейся к началу XI века повсеместно. Но не было единого государства. Никогда.

Но если мы возьмем каждое княжество в отдельности, то увидим Полибиеву схему: князь, бояре, вече. То есть монарх, аристократия, демократия. Она могла варьироваться, мог быть сильный князь. Наиболее сильными были владимирские самовластцы Андрей Боголюбский и Всеволод III, хотя, кстати сказать, второй из них инициировал первый русский парламент. Мог быть также аристократический перевес, это было заметно в Галицко-Волынской Руси. Мог быть симбиоз демократии и аристократии в борьбе с монархией. Это Новгород, где аристократические элементы и политики объединились против монархического элемента. История не была гладкой, не была идеальной, какой обычно и бывает человеческая история. Она развивалась, и в ходе эволюции летело множество голов. Но в целом мы видим удивительно здоровое, удивительное

процветающее, достигшее таких культурных высот в XII столетии, которые ни одному западноевропейцу еще и не снились. И если мы без предубеждений сопоставим тот уровень с панорамой своей эпохи, так это и нам сейчас не снилось, мы сейчас далеко отстоим от уровня культуры и цивилизации, которые в масштабе той эпохи были достигнуты нашими предками в XII веке. Это, можно надеяться, – наше будущее. Это – социальная система с большой устойчивостью. Ведь по сути дела, пока не ослабел сам народ, что трагически совпало с тяжким ударом как Орды с Востока, так и по всем направлениям с Запада, Русь была не только богата, не только благоденствовала, она была еще и непобедима, к ней особенно никто и соваться не смел.

Итак, мы начали с Полибиевой схемы. Но ситуация иноземного разорения остановила тот процесс. Длительное время российская государственность теплилась по инерции, и русские князья были подвластны либо ордынским, либо западноевропейским властителям. Но вот Россия воссоздается, воссоздается она совершенно другой, совершенно новой, как единая держава. В конце XV века Иоанн Третий Васильевич, величайший из государей нашей истории, возглавляет процесс и успешно его осуществляет. Что происходит? Уже Иван Третий принимает самые серьезные меры для того, чтобы составить аристократию всей Русской земле. Боярская дума из вотчинного совета Московских князей превращается в аристократическую палату всей Русской земли. И титулованные бояре, бояре с княжеским титулом занимают главные места.

Итак, к концу XV века Русь – это страна с монархией и аристократией. А как с демократией? Самое важное, что на низовом уровне российская демократическая традиция не пресекалась. То есть, оставались сотни, слободы, сельские и волостные сходы. А на общегосударственном уровне демократия появится с некоторым отставанием. Всё же в этом трудно не увидеть воссоздание старой национальной традиции равновесия. К середине XVI века на общегосударственном уровне восстановлен демократический элемент Земского собора, и Россия вновь становится государством и социумом,

устроенным по Полибию, если исключить срыв в тиранию, а срывы в тиранию бывали у всех народов. Если у нас был Иван Четвертый, то его старшим современником был Генри Восьмой английский, совершавший свои тиранические безумства на фоне действующего парламента. Так вот, если исключить срыв в тиранию, то в XVI-XVII веках Россия существует со своим сословным представительством, со своим, если хотите, парламентом, и, следовательно, является страной Полибиевой схемы.

Вторая тирания в истории России – тирания Петра. А до печальных событий 1917 года история России вообще имела только двух тиранов. Это не так уж и много по общемировым стандартам. Вторая тирания делает ставку на создание бюрократической системы и срывает нас с нашей традиции, разрушает Полибиеву схему. И что мы видим? Россия весь XVIII век восходит всё дальше к вершинам могущества. Безусловно то, что мы – первая сталелитейная страна мира в екатерининское время, что на русских парусах плавают британский флот, что у нас были Кулибины, Ползуновы и Черепановы. Всё это украшает нашу историю так же, как труды Ломоносова, победы Румянцева и Суворова. Но ведь XVIII век наследовал мощь и благосостояние XVII века, а уже к концу XVIII века Россия настолько отстала, что в первой половине XIX века идет лавинообразный срыв, лавинообразное падение. Видимо, если бы мы при Павле Первом вышли из состояния бюрократической державы, то мы даже не заметили бы того, что отставали. Но то произошло только при Александре II, после того, как Крымская война сыграла роль звоночка с того света.

Что происходит в XIX веке? Кто восстанавливает российские традиции? Павел Первый делает первые шаги, своим указом о трехдневной барщине уравнивает сословия перед законом. Он готовил и крестьянское законодательство. Восстановлением сословного представительства был сделан первый шаг всего за пять лет его правления. К тому времени Екатериной уже было восстановлено хотя бы еще чисто дворянское самоуправление в губерниях. И то всё было обращением к прошлому, восстановлением традиций.

Александр Первый создает Государственный совет, по предложению Сперанского готовит реформы Государственного совета к созданию двух палат – аристократической и сословной демократической.

При Александре Втором Государственный совет, конечно, в полной мере не мог считаться аристократической палатой, ибо в него сановники назначались императором. Но частично эту функцию совет выполнял, ибо назначались они пожизненно, пользовались правом пожизненного пребывания в Государственном совете как пожизненные сенаторы современной Итальянской республики. Это придавало устойчивость суждениям Государственного совета. В ходе Великих реформ Александра II земская и городская реформы восстановили важнейший элемент демократии – низовой демократии, демократии муниципального уровня. Важно отметить, что демократия выстраивается только снизу. Очень легко представить себе демократическое государство, в котором не будет парламента, будет единоличное правление, но будет существовать развитая система муниципалитетов. В таком государстве будет настоящая демократия и демократическая традиция. А в государстве пусть даже с парламентом, но без низовой демократии, с чисто бюрократическим управлением никакой демократии мы признать не можем. Итак, Великие реформы Александра Второго шли по правильному пути. В 1864 году была восстановлена демократия внизу. И если бы бомба Гриневицкого не оборвала созыв Государственной думы, то в 1881 году была бы восстановлена демократия и на общегосударственном уровне.

Таким образом, мы вправе относиться к земской и городской реформам Александра II как к восстановлению управления по Полибию.

Наконец, реформы XX века, то есть реформы императора Николая Второго и статс-секретаря Столыпина полностью восстановили Полибиеву схему. Была созвана Государственная дума, но не был упразднен Государственный совет, о чем мы почему-то забываем. То есть, мы сохранили свою

аристократическую палату. Половина мест Государственного совета начала заполняться по выборам, а остальные по назначению императора пожизненно. То есть, он приобретал свой особый российский облик аристократической палаты. Мы могли надеяться, что с этой системой будет не стыдно устремиться к XXI веку как к уже бывшему некогда в нашей истории XII веку, к высшему уровню нашего благоденствия и могущества. Но в известной всем ситуации тот путь к будущему не состоялся. Мы пошли по другому, гораздо более сложному пути, на котором мы были, безусловно, лишены малейшего элемента национальной традиции в собственном государственном устройстве, были предельно далеки тогда и остаемся далеки сейчас от предложений великого Эллина.

Что можно еще сказать о Полибиевой схеме? Как она выглядит в сравнении с английским «принципом разделения властей», рожденным эпохой Просвещения, который считается едва ли ни абсолютно необходимым условием существования демократии и свободы личности в современном мире? По сути дела, когда принцип разделения властей только-только еще зарождался на теоретическом уровне у английских просветителей, Англия была страной Полибиевой схемы и чувствовала себя великолепно. Единственным элементом разделения, который был ей присущ, была независимость судей.

Независимость судей не обязательно существует только в форме разделения трех властей современных англо-саксонских демократий. Независимость судей известна с глубокой древности. Ее знает ветхозаветный Израиль, ее знала до определенного предела Персидская держава, ее знали эллинские полисы. Ничего нового в этом нет. Кстати сказать, русская традиция тоже имела определенный элемент независимости суда от государства. Так, например, в судебнике Ивана Третьего, который фиксировал средневековые достижения в 1427 году, декларируется: ни один судья не должен дерзать судить без участия лучших людей из данного общества, данного мира. То была зачаточная форма суда присяжных. Правосудие считалось сакральным, потому

посягательство на суд было нарушением божественного установления справедливости.

Если пренебречь этим моментом, то во всем остальном принцип разделения властей очень поздний. Он сконструирован искусственно, только-только начал внедряться в реальные системы к концу XVIII века. Например, в появившейся тогда политической системе североамериканских государств (штатов). Наконец, в XIX веке принцип разделения властей постепенно распространился на фоне ухода с исторической арены государств, устроенных по Полибию. Что имею сказать по этому поводу? Полибиева схема – это тоже троевластие. Но это не принцип разделения властей по замыслу, по описаниям «Политики» Аристотеля и Полибия. Это принцип не разделения, а дополнения властей. Не стремление заставить одну власть контролировать другую, а стремление по совершенно солидаристскому принципу дополнить одну неполномочную и неправомочную власть другой, подкрепить одну власть другой. Вот что является сущностью Полибиевой схемы. Так она работала.

По сути дела для людей, которые жили в этих государствах, полная и абсолютная власть принадлежала только богам. Она не могла принадлежать любому, самому неограниченному монарху. Потому и была возможна логика дополнения властей. Она работала лучше, она тоже включала внутреннюю компенсацию. Аристократия не давала разгуляться монархии и удерживала ее от соскальзывания в тиранию. А демократия тоже бдела, дабы аристократия не выродилась в замкнутую систему, в олигархию. Думаю, что принцип дополнения властей выдержал испытание историей, проверку историей. Я не осуждаю, не пытаюсь подобным сравнением осудить систему разделения властей. Но просто она немножко на другом принципе пытается возместить то, что люди потеряли, а потеряли они государственное устройство по Полибию. Возможно ли оно в современном мире? Для нас, повторяю, это национальная традиция. Еще в конце XVIII века большинство соглашалось с тем, что это лучшая форма устройства. Кстати, и отцы американской конституции тоже так считали. Они создали

демократическую палату (конгресс) и квазиаристократический сенат. И, между прочим, создали пост республиканского выборного монарха в лице президента. Более того, Александр Гамильтон, и не он один, полагали, что Соединенные Штаты как держава крупная неизбежно эволюционируют в монархию. Того не произошло, но такая эволюция казалась им вполне органичной.

Как видите, XVIII век, чье наследие мы сейчас считаем едва ли не идеальным, к Полибиевой схеме относился вполне нормально. Только он забыл о Полибии и так ее не называл. Но мы-то теперь о Полибии помним. Возможно, это может явиться стимулом для государственного созидания по принципу дополнительности, а не конкуренции, по принципу солидарности, которая не есть примитивный коллективизм и не есть стадность.

Портреты русских государей

Павел I – Царь и солдат

Я снова обращаюсь к трагической дате марта месяца. Это цареубийство 11, то есть по новому стилю 24 марта императора Павла Петровича в цепи трагических цареубийств. Задумайтесь, шесть последних императоров от Павла до Николая. Трое из них были убиты на своем посту. Если к этому прибавить, что императора Александра Первого, придерживавшегося европейской и в силу этого нерусской, иногда не православной политики, похвалить трудно, а об императорах Николае Первом и с большей степенью вероятности Александре Третьем существует версия о их убиении, то можно сказать, что русскую династию и русскую монархию просто-таки истребляли.

Началось все как раз с императора Павла Петровича. Он первым из русских царей на уровне современной науки, современного знания, современного образования кто готовился к занятию трона. Пока он был ребенок, пока он был отрок, пока он был юн, императрица Екатерина Вторая относилась к воспитанию сына очень серьезно. Он получил авторитетного воспитателя, и авторитетного руководителя его занятий Парошина, о чем можно прочесть и в шельдеровской официальной биографии императора Павла и у Ключевского. Его готовили очень всерьез. Его вводили в курс государственных дел с юности, его приглашали в коллегии, приглашали в Сенат. Современники отмечают, что вопросы, которые задавал юный великий князь, были всегда четкими и деловыми. Его даже сделали генерал-адмиралом флота российского. И, кстати сказать, флот он любил всю жизнь. Именно Павел Первый наладил дело качественного строительства русских кораблей. У нас весь XVIII век хорошие по конструкции корабли строили зачастую, но то частично, то полностью из невыдержанного леса, поэтому они мало служили.

Павел был очень русским человеком. В интернациональном XVIII веке, кроме слова «революционер», безусловно, грязного, должно стать для нас неприемлемым еще одно слово –

«интернационалист». Потому что под ним скрывается не имеющий Отечества космополит. Никто никогда еще не сумел доказать существенную разницу между космополитом и интернационалистом.

С Павлом Первым был один очаровательный эпизод. Он был еще совсем молодой наследный великий князь и, желая сделать ему, вероятно, комплимент, какой-то из германских посланников сказал:

– Ах, Ваше Высочество, вы настоящий немецкий принц.

Павел Петрович владел основными европейскими языками и, конечно же, был прекрасно воспитан. Так вот юный великий князь топнул ногой так, что посланник подпрыгнул, и оборвал его:

– Какой я вам немецкий принц, я великий князь российский!

Было бы неплохо, ели бы что-нибудь такое, пусть даже и в десять раз менее убедительно, говорили наши современные политиканы. Нет ведь, не говорят. Все – глобализм – мировое сообщество, прогрессивное человечество, человеческое измерение. А русским все хуже и хуже. А вот Павел Петрович старался всю свою недолгую жизнь, чтобы русским было все лучше и лучше.

Жизнь его была тяжелой. Отчуждение с матерью, объяснимо – гамлетовская ситуация – мать императора Павла убила его отца. Но не только это. Павел Петрович был человеком наступающего романтизма. А императрица Екатерина Вторая, хотя и очень разумная дама и прекрасный государственный деятель, была все-таки еще человеком эпохи интернационализма, так называемой «эпохи просвещения». Следовательно, и масонства тоже. Правда сама она, вроде, этим не грешила и даже масонские ложи запретить ухитрилась. Она была твердой государыней, которая тоже России принесла немалую пользу.

Но всё-таки у Павла было иное мировоззрение. Он был не просто монарх, он еще был и настоящий монархист. Он твердо считал, что каждый монарх таковым является по воле Всевышнего Творца и Всевышнему Творцу даст на Страшном

суде ответ за все, что произошло во время его царствования. Он предельно сознавал себя ответственным.

Едва вступив на престол, император Павел избавил Россию тремя ударами от последствий, чудовищного последствия (простите тавтологию) Указа императора Петра Первого, который повелел, чтобы все дворяне начинали службу рядовыми солдатами гвардии. То есть создавал касту, создавал янычар, преторианцев. Павел Петрович это отменил. Он разбавил гвардию лично преданными ему солдатами и офицерами Гатчинских войск. Он мог не бояться прямого гвардейского бунта и, наконец, издал Указ о престолонаследии. Этот Указ действовал всю дальнейшую историю России. Император Александр Третий – славный потомок Павла Первого – лишь расширил его, потому что членов династии Романовых стало достаточно много и надо было установить абсолютно четкую, только на основании закона действующую систему престолонаследия.

Вообще же Указ о престолонаследии Павла Первого действует в настоящий момент. Ни февральский, ни большевистский, ни странный постбольшевистский режимы не упразднили Указа о престолонаследии, следовательно, он и действует. Как, между прочим, никто не упразднил монархического образа правления в России. Поэтому те, кто симпатизирует искренне России или даже, кто верен идее православной монархии, вправе считать, что мы и сейчас православная монархическая держава, временно пребывающая под республиканским правлением. Не то, что как некоторые говорят, надо восстановить монархию, воссоздать монархию. Ее никто юридически не упразднял и любой, кто возьмет власть и скажет, что он восстанавливает монархию, будет легитимен⁸.

Что еще Павел успел сделать. Меньше пяти лет у него было. Вот у нас сейчас говорят: «ну где ж ему все исправить, у него лет-то было всего семь или восемь, как же он мог-то успеть-то о ком-нибудь». Не важно. Гитлер всё, что обещал нации, успел за четыре года.

Давайте посмотрим, что успел, в сущности, тоже за четыре года император Павел? О законе престолонаследия мы уже

говорили. Теперь он начинает крестьянское законодательство. Следы его уничтожены, но один Указ – «О предельности трехдневной барщины» – он провёл. Как измываются над памятью императора Павла, мол, не соблюдался Указ! А Указ-то о том, что каждую отдельно взятую неделю больше трёх дней на помещика работать крестьянин не имеет права быть заставлен. А перестали его выполнять, когда убили императора Павла.

Судя по косвенным данным, император Павел не готовил отмены крепостного права полностью. Он делал другое – законно регламентировал обязанности крестьянина по отношению к помещику-землевладельцу и помещика-землевладельца по отношению к крестьянину. Это не освободило бы крестьян, но ограничило бы возможности помещика и, главное, ввело бы это отношение вообще в законное русло, то есть в силу государственных обязанностей. Крестьянин работает на помещика, как, кстати, и было до Петра, а не принадлежит помещику.

Павел Петрович вёл к тому, чтобы восстановились нормы XVII века. Крестьянин не имеет права покинуть свою землю, но и никто не может его лишить этой земли. Тогда, следовательно, встал бы вопрос о том, что и торговать крестьянами нельзя. Потому что крестьянина нельзя лишать земли. Я уверен, что если бы крестьянина утвердили в качестве хозяина своей земли, предпринимателя, если хотите, дельца на своей земле, то мы бы не проиграли уже Крымскую войну. Следовательно, скорее всего, у нас бы не было и той войны, которая называется революцией.

Затем император реформировал армию. Там были ошибки, у всех были ошибки. В частности, конечно, после удобного потёмкинского мундира затягивать русских солдат, 25 лет служащих, в неудобную, хотя красивую, прусского образца форму, было не очень хорошо. Но почему же мы всё на Павла-то валим? Отменили павловскую форму при Александре Первом, да неудобно было солдату воевать в шляпе, она должна была во время боя падать, а он за неё отвечал. Но ведь и в кожаном высоком горшке, именуемом кивер, было не

удобнее воевать. У павловского мундира был отложной воротник, у александровского – стоячий. Зато каждый солдат и офицер глядел соколом, он иначе глядеть-то не мог, потому что подбородок у него подпирает воротник. Давайте согласимся с правдой. Начиная с Петра и до вступления на престол Александра Третьего у нас мундиры были более красивы, чем удобны. Но так было во всех армиях мира. Мы ничем в худшую сторону не отличались. Что же так придираются к павловским мундирам?

Зато артиллерия при Павле стала лучше. Она получила удобные стандарты своего веса заряда, а следовательно и метаемого снаряда, получила удобные, хорошие стандартные лафеты. Появились в большем количестве, чем при матушке-государыне Екатерине, егерята и стрелки, полевые стрелки, сражающиеся на пересеченной местности. А кавалерия, как раз получив прусские уставы, самые совершенные в мире, и сама стала, наконец, одной из лучших в мире. Она выдержала сражение с великолепнейшей французской кавалерией.

А ещё внешняя политика Павла Петровича. Он смело согласился на приглашение рыцарей Мальтийского ордена стать пожизненным гроссмейстером, то есть великим магистром этого ордена. Некоторые православные вскидываются: как же так православный государь соглашается стать гроссмейстером ордена, признающего главенство Папы Римского, то есть католического? Это что же измена православию! Простите, но ведь его избрал капитул рыцарей Мальтийского ордена. Может быть, юридически с этого момента Мальтийский орден перестал быть католическим? Об этом вслух не говорили, а мы получали Мальту. Конечно, если бы всё это удалось сохранить, разумно было бы не становиться владельцами Мальты как части Российской империи. Но если бы мы укрепили наследственное право государя быть гроссмейстером, то мы с вами получили бы базы на Мальте, а Мальта даже во Второй мировой войне была ключом к восточной части Средиземного моря. Следовательно, мы намного раньше освободили бы Балканы. Мы раньше бы получили Балканы, а может быть и проливы, и турок бы выгнали из Константинополя, не в XVIII-м, но где-нибудь в начале XIX

века. Вот, что значила Мальта, которая предательски отнята у нас прямой оккупацией Англией.

Затем, когда англичане предали союзнические соглашения с Павлом Петровичем, он понял, что англичане – наш главный враг. И самый опасный враг тогда, когда формально они были нам союзники. Так было, к сожалению, при Александре Первом, так было и во время Первой мировой войны. Павел Петрович своим проникновением в сущности делающейся политики нашёл истинное решение и помирился с Францией. Франция нам не естественный геополитический враг, у Франции нет территориальных претензий к России⁹, наоборот, они просто находятся на разных концах Европы. А вот исключить из числа великих держав, сделать островной, провинциальной державой Англию – это была задача. И вот тут против поразительного возвышения России заработали английские связи, английские деньги, английская дипломатия. Английский посол Ритворд, вообще-то уже отпущенный в Англию, но не уезжающий, знал, что Павел Петрович – рыцарь и, к сожалению, не пришлёт полицейского, чтобы бывшего английского посла взяли за шиворот и проводили до границы. Он сидел и интриговал.

Конечно, Павла Петровича убили масоны, но они работали не на мифическое мировое масонское правительство, которого не было, да и сейчас нет. Они работали на Англию, ведь их масонской родиной была Англия. Эти, по сути дела, продавшиеся англичанам русские масонишки, убили незаурядного во внутренней и выдающегося во внешней политике государя. Россия же в результате смерти императора Павла была втянута в наполеоновские войны, где русские проливали не реки, а по тем временам – моря русской крови ради австрийских, а более всего – английских интересов.

Россия становится, возможно, могущественнейшей державой Европы. Этого нельзя допустить, убивают императора Павла. Россия вырывается из тисков крепостничества, восстанавливает многие национальные русские традиции. Опять-таки – прорыв к могуществу и благосостояние народа. Убивают императора Александра Второго. Россия стоит на пороге того, чтобы стать самой богатой, самой зажиточной,

самой в экономическом смысле прогрессивной, независимой от Запада державой. Низлагают и убивают императора Николая Второго. Вот какие даже не тайны, а истины хранит страшный месяц март.

Поэтому давайте вспомним об императоре Павле Первом. Служили панихиды всем, это была народная канонизация его. В 1908 году почитание памяти и мощей императора Павла Первого в Петербурге, даже в Павловском соборе, почивающих под спудом, восстановилось. Была выпущена брошюра петербургскими священниками, где были описаны триста случаев чудесной помощи, в том числе и исцелений от служения панихид при гробе императора Павла. Вспомните и о том, что мы чтим, и правильно делаем, его потомка императора Николая Второго как святого страстотерпца, хотя он отрекся от престола, но пока не можем заказать молебен царственному страстотерпцу Павлу. Под прямой угрозой смерти император Павел от престола не отрекся. Он как истинный царь и солдат был верен Господу и Господом врученному ему долгу, врученной ему миссии до последнего вздоха. Когда мы не имеем права молиться на молебне, мы также молимся на панихиде. И я уверен, помощь убиенного царя Павла не оставит нас.

Александр Второй – восстановитель традиции

1 марта по нашему православному календарю, весьма значительно открывая этот месяц, произошло цареубийство Александра Второго. На следующий день произошли два трагических и героических события, учитывая, какие пласты русской истории они сдвигают. Злополучное и даже злокозненное отречение императора Николая Второго. А 13-го, то есть 24-го по западному календарю марта – память цареубийства императора Павла Первого.

Итак, 1 марта 1881 года император Александр ездил из Зимнего дворца в Казанский собор на освящение гвардейских знамен. Его уговаривали не ехать, уговаривали приближенные, они знали, что это опасно. Революционеры, преступная шайка «Народной воли» устроили постыдную охоту на русского императора.

Шесть покушений, это много. Его пытались взорвать бомбой. Погибли невинные люди, в том числе рабочие, ремонтировавшие некоторые помещения Зимнего дворца. Император не пострадал. На вооруженного только саблей императора набросился стрелок с револьвером и преследовал его по Дворцовой площади. Не попал.

И вот церемония освящения гвардейских знамен. Вторая супруга императора, морганатическая супруга, но обвенчанная, то есть, как женщина вполне законная, светлейшая княгиня Юрьевская умоляла мужа не ездить на эту церемонию. Пытался отговорить и министр-председатель и министр внутренних дел граф Лорис-Меликов. Он знал, что полиция и жандармы уже ведут аресты народовольцев и в считанные дни революционной шайки больше не будет. В эти бы дни побережься. Но император Александр был рыцарь. Он не мог не поехать на богослужение воинской чести, церковное освящение знамён.

Скажем несколько слов об императоре. Он был великим сыном великого отца. И великий отец его, безусловно великий, император Николай Первый очень серьёзно готовил своего сына к занятию престола. Так воспитывали, так образовывали только будущего Павла Первого. Больше настолько образованных императоров не было.

С младенчества Александра Николаевича готовили к занятию престола. Но Павел Первый – это XVIII век. Тогда ещё нормальных принципов образования Нового времени как бы не установилось. А воспитателем будущего Александра Второго был Жуковский, избранный, конечно же, его родителями. Замечательный поэт и великий человек. И он воспитывал не просто настоящего наследника престола, он воспитывал человека, который понимал, любил свою страну, любил и жалел в определенных условиях её народ, и искренне всю жизнь старался, чтобы народу было лучше. Даже за злодеев заступался, при жизни отца ещё, будучи наследным великим князем, например, неоднократно просил смягчить участь сосланных декабристов.

Однажды император Николай грозил при свидетелях Жуковскому: «Я знаю, Василий Андреевич, чьё это влияние».

Однако Василия Андреевича не казнили, не посадили, не выпороли и даже не устранили от наследника. Так воспитателем и остался. По нормам университетов и училищ того времени Александр Второй имел высшее юридическое и высшее военное образование. И соответствующий практический опыт. Потом такое же образование, только, может быть, ещё более качественное, учитывая развитие педагогики и наук, получит наш пока еще последний император, внук его, страстотерпец Николай Второй.

Страстотерпцем станет и Александр Второй, хотя мы пока медлим с его прославлением. Но его не только учили, будущий император совершил длительную поездку по европейским столицам, он был принят в ведущих королевских домах Европы. Но это делали все, это было принято, чтобы наследный принц совершал поездку, пока он ещё не монарх. Однако именно Александр Второй совершил длительное путешествие по всей России, включая ещё диковатую тогда Сибирь. Маршрут с ним, невзирая на занятость главы государства, готовил, помимо, естественно, Жуковского, и царствующий император Николай Первый. Еженедельно великий князь писал своему отцу письмо-отчет о проделанной работе. Между прочим, тем самым наследник доставлял порой ценные сведения своему отцу, у которого, как у царствующего императора не было времени, чтобы объехать такую огромную страну, как Россия.

Это была замечательная поездка. Напомним, что в те времена ещё не было железных дорог, они были в Европейской России, меж двумя столицами – Москвой и Петербургом. Все остальное – конной тягой. Император Николай отвечал, по крайней мере, на каждое второе письмо сына. Это делает честь организации дела. Русских нередко упрекают в неорганизованности, а ведь письмо находило наследника на бескрайних просторах Сибири. Конечно, царское письмо, но всё-таки. Это ведь надо точно знать, где должен в это время быть Александр Николаевич.

Он был готов править Россией. Он был храбрым человеком, лично храбр до чрезвычайности. Это единственный русский царь, который был награждён любимейшим, почетнейшим

офицерским орденом – орденом Святого Георгия четвертой степени. Больше никто. Он получит потом и Святого Георгия первой степени. Но это совсем другое. Это будет столетие беленького эмалевого крестика, столетие Георгиевского офицерского ордена, и в честь столетия император возложит на себя этот знак. Это нормально. Тем более, что он был главой Капитула всех российских орденов. Но орден четвёртой степени он получит в бою, на Кавказе, под пулями. Лихой кавалерийской атакой он, молодой офицер, вызовет попавший в тяжелое положение русский пехотный батальон, после чего его вежливо выгонят с Кавказа, куда он напросился сам, и отец не смог ему отказать. Ведь и Николай Первый был истинный рыцарь.

И позднее, императором, Александр Второй окажется более волевым и более храбрым, чем его министры, когда в 1876 году турки, намереваясь учинить большое кровопролитие, двинут войска в Сербию, и никто из министров не решится подсказать план действий императору, а он просто отдаст приказ канцлеру, князю Александру Михайловичу Горчакову, направить ноту османскому правительству в Константинополь, предостерегая, что либо турецкие войска будут остановлены, либо русский посол немедленно покинет турецкую столицу. Этой одной угрозы хватило. Этого не происходит сейчас. Соединенные Штаты должны дрожать под угрозой, что российский посол просто покинет Вашингтон, а о турках и говорить не приходится. Но не дрожат. Даже турки. Я думаю, что даже княжество Монако сейчас и то не задрожит.

Тогда – дрожали. И не потому, что немедленно последовала бы война, никто не стремился в России к войне, а потому что неисчислимы последствия самого дипломатического акта были для всех нежелательны.

В следующем, 1877 году такой угрозой уже не удастся отвлечь турецкое нападение на болгар, и Александр будет достаточно твёрд для того, чтобы начать войну в защиту братских балканских народов. Конечно, иногда ему не хватало твёрдости и он тоже совершал ошибки, но их совершали и самые великие святые.

Имя императора Александра связывается с тем, что он был царь-освободитель. Вся подготовительная работа была сделана его отцом Николаем Первым и выдающимся министром его графом Киселёвым, но потребовалось огромное волевое усилие, в частности, для того, чтобы преодолеть сопротивление высшего законосовещательного органа империи – Государственного совета. Потребовалось усилие самого императора. И в 1861 году, пусть по реальной необходимости, по реальным надобностям России, с ровно столетним опозданием освобождение крестьян от крепостной неволи окончательно состоялось.

Реформа была проведена с серьезными ошибками, в которых сам Александр Второй не был виновен. Это были ошибки науки, общественной жизни, умонастроений того времени. Немало было и злонамеренности. Крестьяне, освободившись из неволи у помещика, попали в неволю, иногда и к не очень трудолюбивым сородичам. Крестьянин не получил землю для самого себя, а только лишь в наделное пользование. Это ошибка увлечения общиной, которой увлекались и чиновники, видя в ней дополнительный полицейский институт угнетения крестьян. Ошибались ученейшие люди эпохи, славянофилы, потому что видели, правильно видели, в общине традицию. Это была традиция славянская, с глубочайших языческих ещё времен. Только ведь традиция, искаженная веками крепостничества. Наконец, революционеры, тоже ведь, мерзавцы, поддерживали общину, видя, как Александр Герцен, в общине прообраз будущего социализма. Исправлять всё это пришлось уже при Николае Втором самому последнему нашему императору и великому его министру Петру Аркадьевичу Столыпину. Но освобождение крестьян всё-таки состоялось, и народ прозвал Александра царём-освободителем. Сравните: Александра Первого, любимца Европы – Александром Благословенным прозвали не в России, а на Западе – сомнительный комплимент для русского государя. А вот Александра Второго освободителем прозвал собственный народ.

Но были и другие реформы. В земской и городской реформах вернулось, наконец, местное самоуправление. Это было абсолютно необходимо и это то, чего мы не имеем сейчас. Потому что, когда государство управляется неограниченным монархом, но на земском, теперь говорят – на муниципальном, уровне масса выборных лиц, и в основном народ управляется выборными лицами на местах, в этом как раз и есть демократия.

А можно представить себе другое. Это сегодня, когда у нас двухпалатный парламент, зато на местах – одни чиновники, жэковские обнаглевшие служащие и дядя-милиционер. В таких государствах, сколько бы палат у парламента не было, нет никакой демократии, демократия выстраивается только снизу. Насколько мы правильнее по-русски, в славянских, во многом демократических традициях, управлялись после великих реформ Александра Второго. Кстати, задолго до революции эти реформы были названы великими. И сейчас, когда вы слышите «великие реформы в России», это реформы царя-освободителя.

Судебная реформа, самая милосердная в мире, самый милосердный суд. Ведь у нас до Александра Второго был полицейский суд, где не было профессиональной обязательной защиты, не было состязания сторон, не было гласности, не было участия крестьян в судебном заседании. Мы получили присяжных заседателей, профессиональных защитников, которые назывались по-русски присяжные поверенные.

Но мы получили и то, чего не было даже в Европе. Так, русский прокурор мог, имел право убедиться в ходе уже судебного слушания в невинности обвиняемого и отказаться поддерживать обвинение. Французский прокурор не имел подобного права. Он должен был давить до конца. Русский судья ошибочное решение, ошибочный вердикт присяжных заседателей мог отменить, если они ошибались не в пользу обвиняемого, своим единоличным решением. Тогда – новое слушание. Но если присяжные ошибались в пользу – судья не мог отменить их решение. Повторяю, европейские державы не знали, не говоря уже о Соединенных Штатах Америки, столь милосердного суда.

Ну и, наконец, военная реформа, которая уравнивала всех перед воинской службой. Вводилась всеобщая воинская обязанность, которой нас, разрушая русскую национальную традицию, хотят лишить теперь те, кто называет сам себя демократами без достаточного основания. Традиция получила всеобщее оформление при императоре Александре Втором.

А ведь не так много у него времени было. Он царствовал с 1855-го, но венчался на царство, твёрдо не желая венчаться до окончания войны, только в 58-м, а реформы шли с 61-го года, а в 81-м – взрыв бомбы оборвал жизнь государя.

Государь собирался сделать ещё одно деяние – созвать Земский собор, только уже под названием Государственная дума. Это ведь тоже наша старинная русская традиция. В 16 и 17 веках государи управляли Россией с аристократией и демократией. То есть, с Боярской думой и Земским собором. Такими ли уж западническими, как нас нередко стараются в этом убедить, были реформы Александра Второго? Ведь у нас было до Петра широчайшее земское самоуправление, городские сотни и слободы. Наконец, у нас был Земский собор.

То есть, пусть и с определенным западным влиянием, Александр Второй был русский царь и восстанавливал именно наши, национальные традиции. Действуя как бы на английский манер, Александр Второй восстанавливал национальную традицию. И если бы Александр Второй создал Государственную думу, она была бы беспартийной. Нам, русским, присуща беспартийная демократия. Демократия, в которой мы голосуем не за коммуниста или вообще лишённого каких бы то ни было политических убеждений бывшего коммуниста из «Единой России», а такая демократия, когда мы в Совет при государе избираем лично знакомого Ивана Ивановича, Василия Васильевича, и даже Абдурахман Абдурахмановича. И мы получили бы такой парламент, такую Государственную думу.

Но это был бы совсем острый нож революционерам, которые и так оказались в растерянности, когда не они освободили крестьян, а сделал государь-император. За то и стремились убить. Убить, между прочим, восстановителя

допетровских, как монархических, так и аристократических традиций. И заодно демократии.

Вот чего мы могли бы избежать, вот чего не хотели избежать революционеры. Хороших революционеров не бывает.

Раздался взрыв. Погибли или были переранены казаки конвоя. Всего шесть казаков охраняло императора. Карета была разбита в щепки, как Царь уцелел, было совершенно непонятно. Погиб мальчишка, ученик булочника. Он размахивал руками, приветствуя своего государя. И ему оторвало обе руки. Император вышел из расщепленного экипажа и пошел к убийце, которого держали простые люди, его тут же схватили прохожие. Подлетевший полицеймейстер Санкт-Петербурга умолял государя покинуть это место, он-то прекрасно знал, что бомбисты ходят попарно.

Это недостаток петровской России. Лицемерить стали, трусить слишком много стали. До Петра такой начальник полиции, губной староста, схватил бы императора поперек талии, кинул бы его в сани и ударил бы по лошадам, а после уж пусть государь сам решает, что с ним делать. Не посмел полицеймейстер. Вторая бомба убила императора.

Нет на нас грехов цареубийства, ни Федора Годунова, ни Павла Петровича, ни Александра Николаевича, ни Николая Александровича. Это пусть придумывают враги, чтобы русские больше били себя кулаком в грудь. Другой грех есть – допустили. Стеной не сплотились вокруг своих государей. А без государя ох как туго. И никакой выборный глава государства нам подлинного государя не заменит. Пойдете в Храм, не забудьте в поминании усопших записать на панихиду убиенного царя Александра.

Правая.ру, 12.03.08; 25.03.08

Постный устав существует только для монастыря

За некоторое время до начала Великого поста многие начинают задаваться вопросом, как его проводить и насколько серьезно стоит соблюдать постный устав.

Понятие поста присуще большинству религиозных систем. Те или иные посты в различной трактовке, те или иные аскетические упражнения были свойственны и языческим системам. В настоящий момент и мусульмане имеют пост. Но, конечно, христианство придало посту более глубокое, более осмысленное значение, не только ритуальное, как в более ранних или в более простых системах, каковой, например, при всем великолепии философии является ислам. Потому что для христианина любая аскетическая практика, подразумевающая не монашество, не отшельничество, а самую простую аскетическую практику, которая рекомендована любому христианину, не самоценна – «Суббота для человека, а не человек для субботы».

А потому пост представляет собой определенную помощь в сосредоточении, в переживании тех или иных событий Священной Истории, в молитвенной практике. В связи с этим пост может быть связан как с копиями событий Евангельского повествования, так и с некоторым приношением празднику, приношением христианину события.

Прежде всего, Великий пост связан с последующими переживаниями страданий Господних. И особая строгость, особая печаль Великого поста связана, несомненно, с распятием, а не с воскрешением. В противовес ему, Рождественский пост представляет собой некоторое сосредоточение в подготовке к абсолютно светлому событию, к рождению будущего Спасителя, поэтому и сам по себе не содержит скорби.

Таким же «проскинезисом» (почитанием, уважением), сказали бы греки, в честь Богородицы является Успенский пост, а проскинезисом в честь апостолов является Петров пост.

Особые однодневные посты – тоже разные. Понятно, что день строгого поста на Усекновение главы Иоанна Предтечи есть скорбный день, что, соответственно, и подчеркивается строгим постом. Однако такой же строгий пост положен и в праздник Крестовоздвижения, но там ничего скорбного нет. Наоборот, он победительный, утверждающий.

Постных дней бывает разное количество. Год на год не приходится, но, как правило, их чуть больше, чем дней непостных, чем мясоедов. Все зависит от продолжительности Петрова поста, который связан с пасхалией, пасхальным кругом. Он наступает через неделю после Пятидесятницы, дня Святой Троицы, и максимально может достигать 5 с половиной недель, а минимально может составлять 8 дней.

Посты существовали уже у первых христиан, во всяком случае, по Вознесению Христа. Существует и евангельский рассказ о том: Спасителя упрекнули в том, что Его ученики не постятся и не совершенствуются в аскетических упражнениях, присущих не всему ветхозаветному иудейскому миру, но, безусловно, присущих фарисеям (наиболее усердным, честно говоря, тогда иудеям). Как известно, Спаситель ответил на это: «Я же сейчас с ними, какая у них может быть скорбь? Вот когда Меня не будет, когда Меня отнимут у них, тогда они и попостятся». Это был, безусловно, очень многозначный ответ.

Во времена Апостольской Церкви посты уже существовали. И первыми, несомненно, были однодневные, совершаемые еженедельно, в среду и пятницу, а не многодневные посты. Скорее всего, нестрогие, без какой бы то ни было установленной постной практики.

В первые три с половиной – четыре века христианства установились (некоторое время, даже после первого Вселенского Собора 325 года, различные по времени) многодневные посты. Как утверждают историки Церкви, к концу четвертого столетия, хотя и не везде, не во всех диоцезах, не во всех поместных Церквях, существовали все четыре известных нам многодневных поста. Великий пост был везде, а Успенский, по всей вероятности, установился повсеместно

только после третьего и четвертого Вселенских Соборов, когда было догматизировано почитание Богородицы.

Постная практика повсюду была различной. Та практика, которая составляет нынешний постный устав, связана с двумя монастырскими уставами – Иерусалимским и Студийским, которыми очень увлеклись во времена Высокого Средневековья, то есть примерно в XI-XIV веках, и которые на всех оказали очень большое влияние. Но установлены они были конкретно для тех монастырей. За пределами монастырей никаких постных уставов вообще не существовало даже в Средневековье.

Были постные обычаи. Причем средневековая Церковь поступала весьма разумно: никто не навязывал вне монастыря единообразного исполнения постов, и делались всевозможные послабления. Так, когда начали крестить многочисленных кочевников Великой степи, возник вопрос: а как им поститься? И Собор епископов пришел к тому, что во время поста кочевникам следует воздерживаться только от мясной пищи, но ни в коем случае не от молочной, потому что у них никакой другой пищи больше нет.

Так поступали повсеместно. На постную практику и на постные обычаи оказывало влияние и обычное для данной земли, для данной страны меню, обычный рацион. Ведь не только кочевники питаются одной животной пищей, люди вообще по-разному питаются. Предположительно, рекомендуемая нынешними уставами в многострадальной России свирепая постная практика, с указанием в календаре дней, когда можно «вкусать елей», то есть растительное масло, а когда нельзя, относится к Позднему Средневековью, то есть к XVI веку. После XVII века уже последовало послабление, потому что посты начинали не соблюдать.

В связи с этим можно заметить несколько интересных вещей. Во-первых, для русского человека перенесение постной практики Восточного Средиземноморья – практики греков, сирийцев, обитателей Святой Земли – это нонсенс. Ведь мы живем в холодной стране. Следовательно, у нас посты не по числу постных дней, а по рекомендуемым нормам должны быть

смягчены просто потому, что у нас белковая норма должна быть выше, поскольку нам надо поглощать значительно больше калорий, которые мы тратим на собственный обогрев.

Во-вторых, греки, как, впрочем, и сирийцы, вообще любят рыбу. А мясо любят не очень, и не очень много его едят, даже и сейчас. И больше ценят рыбу. Потому поститься им, если не строгий пост, элементарно просто. Для них это почти привычный рацион. Нашим богатством всегда была речная рыба, но за XX век мы, наверное, раза в три сократили ее поголовье. В то время как у греков рыба морская. И там все как было, так и осталось.

В-третьих, у нас нет или дорого стоят многие растительные пищевые продукты с очень высоким питательным качеством. Самый ценный на планете растительный продукт – это финик. В Греции он, правда, тоже не вызревает, ему холодно там, но уже в Сирии растет. Зато такие замечательные продукты, как фиговые, они же смоквы (у нас их называют, на татарский манер, «инжир»), такие, как самые ценные, самые лучшие и необыкновенно питательные бобовые культуры – бобы, фасоль и чечевица – для них не вопрос. Питательнейшая чечевица, если вспомнить Писание, считалась в Риме абсолютно плебейской едой. У нас эти продукты заметно дороже, а некоторые просто не растут.

Нам гораздо труднее поддерживать тот уровень, который незатруднителен для жителей Средиземноморья. Даже на побережье Таврии (в Крыму) у нас холоднее, чем в Элладе, и уже не все растет.

Однако при этом мы ухитряемся сохранять в календаре пост, который у греков вообще вышел из употребления. Как это произошло – сказать затруднительно. По всей вероятности, он не был повсеместным, и потому отпал. Это длинный Петров пост. Он отпал, хотя грекам, у которых в это время уже поспели растительные продукты нового урожая, соблюдать июньский пост было бы нетрудно.

Зато его трудно соблюдать русским, которые его усердно сохраняют. Он существует только в нашей Церкви и у тех, кто у нас учился, то есть у более поздних православных. У

балканских славян, как и у греков, он вышел из употребления. В дореволюционной России он иначе назывался «голодным постом», потому что к концу весны и началу лета запасы прошлого года подъедались, а новых еще не было. Очень легко, даже безо всякой рыбы, соблюдать двухнедельный Успенский пост. И совершенно в ином положении Петров пост, особенно если учесть, что он представляет собой только дань чести апостолам.

Если так уж необходимо сохранять благочестивые воспоминания об апостолах, почему бы не вспомнить, что единственным безгрешным человеком, обладавшим абсолютной личной святостью, была Богоматерь, в честь которой совершается двухнедельный пост. Тогда почему бы не установить однедельный, фиксированный Петров пост, неделю до дня апостолов Петра и Павла.

Нигде нет, а в наших монастырях есть еще один, кроме среды и пятницы, постный день – понедельник, называемый «архангельским». Правда, никто не знает, какой архангел его установил и откуда это взялось. Но мы бедная страна, холодная, так сделаем же себе еще пожестче правило, чем у всех нормальных христиан.

Итак, сильное влияние Иерусалимского и Студийского уставов сказалось и на мирских церквях, то есть на приходских храмах, что, вне всякого сомнения, стало определяющим в период, когда мы захлебывались от консерватизма, во второй половине XVI и в начале XVII века, и кончился тот период расколом. Тогда были прописаны очень жесткие постные нормы.

На сегодня очень многие достойнейшие священнослужители высказывают твердую убежденность, что постный устав – как и когда поститься – существует только для монастыря. А для прихода и для духовенства его не существует. Несомненно, монастырский устав жизни – единственно возможный способ жизни монастыря.

Но существует мнение, что ежели монах служит на приходе, то и его не касается постный устав, потому что он не в том мире, отгороженном от потрясаемого постоянно разными волнениями внешнего мира. Только календарные постные дни.

То есть, для христианина существуют по календарю среда, пятница и многодневные посты, но не более того.

И во вполне православной России устанавливались обычаи, часто далекие от постного устава. У Ивана Сергеевича Шмелева – а уж он-то и православный, и большой традиционалист – можно увидеть, что в Великий пост в предреволюционные времена было принято во вполне православных, глубокоцерковных семьях есть рыбу, не выделяя среды и пятницы, и никому не приходило в голову переходить на сухоядение.

В стремлении жестко соблюдать пост бывает нелепица. В 70-е годы XX века официальный церковный календарь печатал напоминания, что в Лазареву субботу и канун Благовещения разрешено вкушение рыбной икры, что было издевательством над прихожанами. Кто и где мог достать рыбную икру? А в ЦК (центральный комитет коммунистической партии), где икра была, посты не соблюдали. Примерно также сегодня выглядят распоряжения, в какие дни Великого поста можно «вкушать елей», а когда надо заниматься сухоядением.

Еще один момент. Старинная русская болезнь – вместо того чтобы стремиться совершать нечто посильное, надо заламывать невероятные нормы, в том числе и для самого себя, и с них постоянно срываться. Это сказалось, между прочим, и в нашей монастырской практике.

Между прочим, римо-католики в стародавние времена, когда они тоже были большими уставщиками и консерваторами, постную практику соизмеряли с тяжестью трудов. В частности, монахам-проповедникам, и доминиканцам, и преподавателям-иезуитам были официально резко снижены постные нормы, потому что они очень много странствовали и постоянно работали.

Похищенное Возрождение

Статья 2000 года.

Нынче всем нравится модерн. Покажите на улице дом начала нашего века самой простой бабушке, которая и слова-то «модерн» не знает, и она с готовностью его похвалит. Порасспросите самую «продвинутую», а точнее «задвинутую» на современности молодежь, и вы выясните, не без удивления, что им современная архитектура тоже не нравится. И не только здешняя, которую и архитектурой-то назвать бывает трудно, но и европейская, и американская. А предреволюционная нравится, как и живопись «Мира искусства», и стихи акмеистов. Быть может, нравится бесспорный талант тех мастеров и высокое художественное качество? Но вот классицизм радует далеко не всех, а конструктивизм, пожалуй, и никого не радует. Студенты Архитектурного института, где преподает автор, ныне приводят своими вкусами и источниками вдохновения в ступор иных профессоров старшего поколения, воспитанных на образцах конструктивизма и классицизма. И заказчики нынешние липнут на модерн как мухи на мед. И в искусство книги формы модерна мягко, но уверенно возвращаются. И в оформлении наших лучших журналов чувствуется композиция, а еще больше – линия модерна.

ПЕРЕБРАСЫВАЕМ МОСТИК?

Всё это началось, по крайней мере, в 60-е годы. Стихи Николая Гумилева, Марины Цветаевой не только перепечатывали на машинке, но и переписывали от руки. Если томик поэта Серебряного века прорывался в «Библиотеке поэта», он сразу обретал двадцати-тридцатикратную рыночную цену. С скромный сборник «Тарусские страницы» произвел впечатление разорвавшейся бомбы. Школьники нашего поколения с изумлением вспоминают, как сначала открывали для себя Анну Ахматову, позже – Федора Тютчева и только потом – Пушкина! «Возвращенные имена»? Верно. Но верно и то, что когда в 1960 году вышел впервые однотомник Ивана Шмелева, в восхищение приводил не написанный в традициях

бытописательства XIX века «Человек из ресторана», а вполне принадлежащая эстетике модерна «Неупиваемая чаша».

А может, мы инстинктивно стремились перебросить мостик через период разрушения национальных традиций? Такое в русской истории было уже дважды. Впервые в XIII веке, во времена иноземных вторжений с Запада и с Востока. Тогда даже в богатом Новгороде, никем не разоренном и не оккупированном, примерно на шесть десятилетий прервалось каменное строительство. А когда возобновилось, зодчество вернулось строго в точку разрыва: церковь Николы на Липне 1292 года стремится повторить церковь Рождества Богородицы в Перыни 1230-х годов постройки. И икона Николы Липенского из одноименного храма явно связана с иконой Николы из Духова монастыря начала XIII века. Если традиция теплится, она восстанавливает разрыв, перешагивая через время упадка, разорения, порабощения.

Второй мостик был переброшен после смерти Петра I, отвергавшего не только национальные художественные вкусы, но и то, что его подданным нравилось на Западе – высокое католическое барокко. Когда в 1714 году царь запретил каменное строительство по всей России кроме Петербурга, создатели шедевров Нарышкинского барокко в новой столице негодились. Там строили европейские посредственности, создавали вымышленную Петром «Голландию». И что же? После отмены запрета в 1728 году, даже раньше – после смерти Петра в 1725, по всей России обращаются к прерванной традиции, а петровский Петербург остается аппендиксом русской культуры, практически не вызвавшим подражаний. Снова чужое отторгнуто, мостик переброшен, традиция продолжает жить.

Когда уже в 60-е годы все полюбили зодчество модерна, тогда еще официально презиравшееся и активно истреблявшееся, пожалуй, то означало, что общество подсознательно отвергло революцию, ведь именно архитектурная традиция революцией была оборвана наиболее жестко. И вряд ли прав Александр Зиновьев, ныне обвиняющий русский народ в том, что он «совершал предательство в

отношении самого себя», «сбрасывая с себя груз исторической миссии».

Русские провинились исторически не предательством, а этатизмом, сохранением остатков уважения к государству. Тем, что позволили подлинным предателям разрушать свою страну, тогда как необходимо было разрушать чужое государство! Кстати, те предатели, и номенклатурные, и диссидентские, ненавидели только сталинизм, а революцию они обожали и обожают. Задумаемся: Иуда – самый жуткий образец и образ предателя. Но если кому-нибудь удалось бы «вовремя» предать Иуду, остался бы в памяти человеческой этот фантастический персонаж предателем? Или же наоборот, великим праведником?

ГДЕ КОРНИ РУССКОГО МОДЕРНА?

Первую, как на Западе, так и в России, попытку вернуться к национальным, неповторимым для каждой страны традициям совершил еще в конце XVIII века романтизм. Ренессанс стремился повсеместно вернуться к античным образцам. Барокко, отвергая ренессансную универсальность, было разнообразнее в проявлениях, но включало собственную универсальность, универсальность католической Контрреформации. Классицизм, жестко связанный с Просвещением, готов был весь мир перестроить в соответствии с нормами Энциклопедии. А романтизм, воспевая Средневековье, везде пытался вернуть национальную неповторимость, обращаясь к высокой нравственности рыцарства против рационализма и служения наживе буржуазного мира. Романтизм вызвал к жизни готический роман, в поэзии самым заметным жанром становится баллада. В русском романтизме тоже много было готического, в основном потому, что тогда на нас больше других влияли англичане. Англия более всего знаменита как страна традиций. И Россия была такой в XVII веке, и русские всегда так или иначе хотели вернуть своей стране подобный статус, но у англичан получалось лучше, ведь они уже пережили и презрели собственную революцию. Из всех европейских стран Англия дольше всего сохраняла средневековые элементы в искусствах,

особенно в архитектуре. И вскоре за их окончательным исчезновением Англия первой начала возвратное движение в романтизме. А затем Англия станет и первой страной модерна. Уже в начале XIX века в полотнах великого живописца-романтика Джозефа Тернера исследователи различают черты будущего стиля. Прерафаэлитов многие уже просто относят к модерну. В середине столетия Вильям Моррис сражается с порабощающей человека серийной промышленной продукцией, пытаясь вернуть к жизни средневекового ремесленника-художника. И всё это на фоне никогда не уходившей из английской литературы романтической линии.

Русский путь к модерну был и сложнее, и длиннее. В академической живописи у нас чрезмерно засиделся классицизм, и целое поколение талантливейших художников-передвижников было погублено «народолюбцем» Владимиром Стасовым. В русской литературе мощная в первой половине XIX столетия романтическая линия постепенно угасает и во второй половине века едва тлеет в творениях гениального одиночки Николая Лескова. Правда, уверенно тянула к национальной традиции архитектура. Но, когда Константин Тон первым прокладывал этот путь, истории русской архитектуры попросту не существовало. И романтизм даже на короткое время не стал в России стилем эпохи, романтизируя то свое, то чужое. Силем второй половины прошлого века у нас станет историзм, проектирование в исторических стилях. Стремясь к традиционности, въедливо изучая наследие, зодчие и их заказчики от свободного художественного поиска, от стилизации придут к копированию, причем, безупречному. Русский архитектор конца XIX столетия мог создать безупречно готический и безупречно романский проект, возвести ренессансный театр, мавританские бани, русский храм XVI века и русский храм XVII века. Преобладали всё же национальные тенденции. В 1870-е годы даже пойдет мощная волна изучения крестьянского зодчества и строительства по его образцам. Однако, знаменитейшие представители этого направления Виктор Гартман и Иван Ропет (Петров) тоже больше уделяют

внимание деталям, а не глобальной задаче восстановления целостного облика русского жилища, русской среды обитания.

Неверно утверждать, что до эпохи модерна мы мало интересовались частным семейным домом. Пример показал сам Государь: 1825 году строится известнейший «Коттедж» в Петергофе – романтическая версия английского загородного дома. И пошел вал строительства дач: великокняжеских, дворянских, мещанских. Но загородные дома у русских служилых людей (видимо, и у торговых!) были всегда, посему был и вал обратный. Царь, а за ним и вельможи, обзаводятся «крестьянскими домиками» или, просто, деревянными домами для отдыха с семьей и ближайшими друзьями. Смейтесь? Аристократическая прихоть? Аристократия, оторванная от нации петровским западничеством, подбирала корни традиции, исполняла свой вселенский долг, задавала тон. Входил в моду семейный уклад жизни вопреки сексуальной разнузданности народничества (вспомните трагические эскапады Герцена с Огаревым и их печальные семьи). Эталоном «дачного» императора и поразительным эталоном семьянина был русский царь Александр III. Таким же «дачным» был и его сын... Но, эта волна захватывала не только двор и высшее чиновничество, но и русских граждан среднего достатка: офицеров, врачей, весьма средних торговцев, зажиточных ремесленников...

Однако национальная «революция» в архитектуре, позволявшая, казалось бы, построить правильный русский дом, на самом деле загоняла и зодчего и заказчика в тупик, даже в двойной тупик. Прежде всего, она сковывала фантазию их обоих: до многого ли «докопируешься», если в доме появляется ванная комната? Еще страшнее было то, что ренессансные архитекторы не строили вокзалов, а готические – театров. Появились новые типы зданий! Даже дача, при всем стремлении походить на традиционное жилище, есть уже нечто новое.

АБРАМЦЕВО, ПОЛЕНОВО, КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

Выход из тупика нашли художники. Прежде всего, как ни странно, живописцы, а вслед за ними те архитекторы, которые были скорее не зодчими, а художниками. Они вернулись к

стилизации, вернувшись тем самым к романтизму. Был в самом конце XIX века неожиданный всплеск романтизма в архитектуре, предвещающий модерн. И тысячекратно права Евгения Кириченко, определяющая модерн как неоромантизм.

Зодчим историзма не хватало натурального материала, потому что большинство храмов были многократно перестроены, и потому они обращались к живописи. Но русская икона тогда представляла собой в полном смысле «черные доски». Однако же, была живопись, нарочно не коптившаяся и не переписанная – книжная миниатюра. К ней обращались и Горностаев, и Ропет, и Гартман, и Султанов. Но они искали там точные детали. А живописцев Мамонтовского и Талашкинского кружков интересовало парадоксальным образом, как средневековый живописец изображал интерьер, как он изображал храм в целом. А он изображал храм одновременно снаружи и изнутри, сразу несколько фасадов на одной миниатюре. Пренебрегая точностью буквального воспроизведения, он предоставлял нам узнавание конкретного места, то есть прибегал к стилизации. Стилизация, созданная средневековыми мастерами, была впервые открыта художниками романтизма, а затем создала целую эпоху трудами мастеров модерна.

Это было впервые исследовано в архитектурных опытах абрамцевских (мамонтовских) художников Еленой Борисовой. Их начал интересовать не конкретный новгородский храм XII века, а вообще русский храм.

И этот интерес воплотился в совершенно конкретном храме Спаса Нерукотворного Образа в абрамцевском имении Саввы Мамонтова. Храм по проекту Виктора Васнецова, выигранный им в «семейном» конкурсе у Василия Поленова, построен в 1881–1882 годах архитектором Павлом Самариным. В детальном обсуждении проекта и в его реализации (физически, ручками и ножками) участвовала семья капиталистов Мамонтовых и все близкие друзья-художники. Васнецовский храм совершил прорыв в совершенно новое художественное пространство: его называли «новгородско-псковским с владими́ро-московскими элементами», а он не был ни новгородским, ни псковским, ни владимирским, ни ярославским,

он был просто русским. Он не был ни церковью «а la» XII век, ни церковью «а la» XVI век, а церковью XX века, полностью лежащей в традиции русского зодчества всех предшествующих веков. Декларируя это, Васнецов, видимо, чувствовал себя еще неуверенно, потому-то к новенькой церквушке приделал контрфорсы, как будто это был «древний» храм, который впоследствии укрепили. Этот прием затем будет с успехом повторен Алексеем Щусевым в Троицком соборе Почаевской лавры, но уже уверенно как знак.

Модерн с его творческим методом стилизации пришел на Русь изнутри по-русски, в итоге наших собственных мучений в поисках своей традиции.

Был и другой, родственный, путь: в 1892 году Поленов построил себе дом в только что купленном имении «Борок». Ныне, почему-то, «Поленово», хотя «Борком» его назвал сам Василий Поленов. Дом этот подчинен и в композиции, и в эстетике основной идее «комфорта», то есть не только удобства, но и эстетизации самого удобства. «Удобство неизбежно должно быть прекрасным».

Моррис уверенно пришел и расположился на русской почве: мы видим русский дом, но он потомок дома английского. Две эстетики, наконец, сомкнулись. Синтез русской избы и английского «коттеджа» – вот что такое дом в Борке – итог столетнего взаимодействия двух великих культур. Напомним, что «комфорт» – не только удобство, но и эстетизация удобства.

Третий путь в модерн был прост: перенесение английских форм на нашу землю. Так поступали дивные архитекторы Владимир Чагин, Василий Шёне, Роберт-Фридрих Мельцер, чьи высокохудожественные работы на Каменном острове в Санкт-Петербурге были настолько убедительны, что на них купились даже родители модерна – англичане. На Каменном острове снимали нашего «Шерлока Холмса», и англичане купили его в прокат! Для исторической справедливости отметим, что в Гагре лучшие памятники модерна были созданы по швейцарским образцам. Гостиницу «Гагрипш», кстати, сожгли грузины. Итак, принятие метода стилизации средневекового мастера, стилизация английского усадебного дома, перенесение уже

стилизованного английского дома на русскую почву – вот пути нашего модерна.

Причем, всё это загадочным образом давалось ценой решительного отказа от предшествующей эстетики. Мы выросли из историзма, долой историзм! А о романтизме и не вспоминаем! Модерн создавал свою собственную декоративную систему, отказываясь от классических, ордерных декораций. Даже барокко принимало ордер (порядок), хотя Бог весть, что с ним сотворяло! А тут сплошные растения и текущая вода, как у великого мастера английского модерна Обри Бердслея.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СТИЛЬ

Не долгие десятилетия хватило модерну, чтобы завоевать Русь. Все вцепились в него: и Государь, и последний мастеровой, но не нищий. Вот уж кто люто ненавидел модерн, так это босяк Максим Горький! Классицизм «при помощи» правительства стал общенациональным за полвека, а модерн при подозрительном отношении властей – за 10–15 лет. Почему?

Историзм высоко вздернул и художественное, и профессиональное качество работы: изволь-ка побыть строго византийским мастером! Модерн поднял планку еще выше: изволь-ка, мастеровой, быть и византийцем, и тюрком, и шведом, оставаясь русским!

И модерн всё разрешил. Он впервые после Средних веков обрел на русской земле качество, о котором мечтал У. Моррис: он стал и аристократичным, и демократичным. Аристократичным, ибо была высоко вздернута планка. Если у вас будет возможность полистать в хорошей библиотеке «Ежегодник Общества архитекторов-художников», вы поймете это навсегда. Более антисоветского издания вы не найдете! Там почти нет текста, в основном проектные чертежи и фотографии осуществленных проектов. Это – парад культуры! Они не умели строить посредственно! Там архитектура – это и сарай при даче, и подпорная стенка, отделяющая одну террасу на склоне естественного холма от другой. А какие дачи! Дачи врачей, инженеров и десятников, то есть усердных рабочих!

А демократичен модерн был еще и потому, что позволял относительно «красивую жизнь» создать достаточно дешево, технологично. Известный краевед Р. Б. Котельников, металлург по профессии, отмечал, что потрясающей красоты художественный металл малых форм модерна – лестницы, зонты при подъезде, дымники, водостоки – был дешев (!) и предельно технологичен. Так же и в самом каменном строительстве он был технологичен. Посмотрите, и вы увидите, какую квартиру вы «отгрохали» бы этак шестьдесят лет тому назад. В Москве, за двадцать лет (!) увеличившей население с 1 до 2 миллионов к 1916 году, не было проблемы жилья!

Модерн был поистине демократичен, ибо завоевал всю Русь. В деревянном модерне застраивались Кимры – наша обувная столица. Даже самые бедные дома в Ростове Ярославском получали наличники в стиле «модерн». Русский модерн решил проблему Вильяма Морриса: художники работали вместе с кустарями абрамцевских майоликовых и столярных, талашкинских столярных мастерских и получали золотые медали в Париже и в Глазго, а, следовательно, получали и прибыльный экспорт.

«СТАРОЕ... НЕ БОРЕТСЯ С НОВЫМ»

Модерн был на редкость разнолик. Мы не в состоянии постичь разнообразие даже живописного модерна: и весьма непохожих художников «Мира искусства», и Ивана Билибина, и Бориса Кустодиева, и Виктора Борисова-Мусатова. Мы до сих пор не договорились о модерне в литературе, а между тем акмеисты – это безупречный и безусловный модерн. Дмитрий Сарабьянов, автор единственной в России прекрасной книги о модерне, когда-то убедительно доказывал нам, студентам, на специальном семинаре, что модерн не похож на другие стили, потому что он определяется не по множеству совпадений черт, а по совпадению одной или немногих черт. Объездивший всю страну (не вашу РФ, а историческую Россию), автор этих строк заверяет, что модерн – везде.

И это – прекрасно! В России был рижский модерн, мрачный петербургский модерн, любящий других московский модерн, сытый самарский модерн, неожиданно ждущий приключений

нижегородский модерн, «щирий» полтавский модерн и настороженно-боевой пограничный чернигово-сумской. И сказочно, запредельно свободный томский модерн. И Тюмень, вообще не пожелавшая иметь какой-либо модерн. Всё сие означало, что модерн стал не только национальным стилем, но и стилем Империи, ибо Империя многообразна! И если бы не вонючие революционеры, мог бы быть и модерн нивхов, и модерн нганасан, беспредельно усложняя и обогащая русский модерн. Англия была первой страной модерна, а Россия стала величайшей страной модерна. Александр Бенуа понял это, когда всерьез предложил упразднить Министерство императорского двора, взамен которого создать Министерство культуры, которое решило бы вопросы создания имперской культуры. Уходила петербургская бюрократическая унификация, уходило деление страны на столицу и провинцию, чему двести лет мешала Москва. Поклонитесь ей! И восстанавливалась в модерне имперская Русь во всем блеске ея!

Как-то Лев Николаевич Гумилев сказал нечто весьма значительное, за чаем и по другому поводу, и никогда это не опубликовал, а ваш автор ждал, грешен, когда к слову придется. Он сказал: «Старое никогда не борется с новым. Борются две формы нового, а старое уходит само». Новыми были не только Владимир Ульянов, Павел Милюков и прочая, простите, сволочь, но и Петр Столыпин и сам последний Государь. А что касается старой бюрократии, так в том мы сами виноваты.

В котором году закончилось барокко? А в котором классицизм? Бредовый вопрос пьяного профессора, не правда ли? Ведь архитектурные стили не меняются за один год. Но модерн пал смертью храбрых точно 2 марта 1917 года. Пал как святой Андрей Боголюбский, у которого, прежде чем убить, украли меч.

Очевидно, носителями западничества, противниками возврата в новых формах к национальной традиции были преимущественно две социальные группы: старая бюрократия, особенно, высшая, и радикальная интеллигенция. Обе они – и сановники, и разночинцы-недоучки – принадлежали старому. Им

обеим полагалось бы «уйти самим». Конструктивно сопротивляться новому старое не может: посмотрите, например, на современных бессильных коммунистов! Но гадить они могут. Бюрократию оттесняла крепнущая демократическая земская тенденция. Но бюрократия еще могла превратить антибюрократическое движение в антигосударственное: вспомните 9 января 1905 года. Революционеры теряли почву: образованная молодежь зачитывалась «Вехами» и возвращалась в Храм, крестьяне становились бескомпромиссными врагами революции в ходе Столыпинских реформ. Потому оставалось убивать. Ключевую фигуру «нового» – Петра Аркадьевича Столыпина – убил Дмитрий Богров, революционер и стукач охраны одновременно. Символично, неправда ли?

«СЕРДЦЕМ ЧУВСТВУЯ РЕВОЛЮЦИЮ»

Но ведь мы читали, что модерн «эволюционировал» в конструктивизм? Еще до «Перестройки» как-то выпустили альбом с поэтическим названием «Сердцем чувствуя революцию» весьма неплохого качества. Написали бы «Русский авангард 1910–1920-х годов», его смели бы с прилавков за три дня. А ваш автор полистал у того же прилавка и понял – правда, «Сердцем». Модерну противостоял авангард (он же «модернизм», откуда большая путаница). Нет-нет, персональных и групповых обвинений художникам не последует. Просто, одни чувствовали выход нации из надлома, чувствовали Царя, единство, земство, многообразие, гражданина, красоту сарая на дачном участке. А другие чувствовали стадо...

В «Костюмах победивших пролетариев» Владимира Татлина угадываешь зону. «Черный квадрат» Казимира Малевича предвещает тьму кромешную. А павильон «Махорка» Мельникова – это просто готовый образ зоны, даже с будкой для вертухая.

Жаль, что победил авангард. Мог ведь победить модерн. Но, вот, что оставляет надежду. Авангард был и до революции, но в архитектуре его не было. А Веснины? Да, проектировали ребятки, но у них не было заказа на авангард. Не было заказчика на разрушение России.

Мы всё время подходили к тому, что могло быть альтернативой революционной деструкции. Фазу надлома проходят все этносы. У всех она разная, но, довольно, короткая – 100–200 лет. По всему похоже, что у русских должна была быть короткая, столетняя фаза надлома: начало знаменовано декабристами, а конец, вроде бы был означен «Вехами», Столыпинскими реформами и близкой победой в мировой войне. И, всё же, мы из надлома еще не вышли, а, следовательно, нам не хватало национальной солидарности, готовности ответственности кулачищем революционеру и западнику. Не хватало солидарности превратить культурное единство в политическое.

Нам уже доводилось писать также о наличии антисистемы в предреволюционной России – категории людей, говоривших по-русски, но люто ненавидевших всё русское. Именно их архитектурой станет лишенный национального лица конструктивизм. Именно они в период максимального своего триумфа в 1931–1934 годах станут целенаправленно ломать шедевры русского зодчества и стирать с лица земли композиционные и смысловые центры русских городов. Именно их могли остановить только кулачищи. Будущее торжество русского модерна означало гибель антисистемы. Однако, хотели как лучше, а получилась революция. Для нас сейчас важнее всего, что модерн значил что-то серьезное...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Чистый модерн закончил свое победное шествие примерно к 1909 году. Дальше – неоклассицизм, необарокко, «неорусский стиль». А разве не с последнего все началось? Ведь началось с Абрамцева. В 1902 году Федор Шехтель строит выставку в Глазго, а в 1904 возводит Северный (Ярославский) вокзал. Вырисовываются те черты, о которых заботился Бенуа.

Готовы ли мы были обратиться к добротной русской традиции, не поврежденной крепостничеством, мерзостной бюрократией и элегантным, но чужим классицизмом?

Да, тогда мы наблюдали черты нашего Возрождения.

Что такое Возрождение? Возрождение есть возврат к утраченному старому, подъем после провала. Возрождение

всегда отрицает предшествующую эпоху. То есть, как бы ни хулил русских Александр Зиновьев, сегодня он принадлежит к предшествующей эпохе, о нем еще вспомнят во второй половине XXI века. Возрождение обращается к той «классической Древности», которую само избирает. Наше несостоявшееся Возрождение было православным и не могло быть иным! Но обращалось оно, прежде всего, к Русскому Северу, где оцерковленным вставало и русо-славянское язычество (дом Перцовых художника Сергея Малютина, символически стоящий у Храма Христа Спасителя), где оживала сказка.

Наше Возрождение не исчерпало свой потенциал. Взгляните на сегодняшнюю архитектуру. Если перед нами особняк, дача или небольшое деловое здание, то заказчик и зодчий пристраиваются к модерну. Ежели видим перед собой грандиозный офис частного банка или отделения Сбербанка, чувствуется наследие лишенного национальных признаков людоведского конструктивизма, в Москве, непременно, с масонской пирамидкой сверху. Жива антисистема! Все сколько-нибудь приличные церковные проекты наших дней есть продолжение модерна. Русский модерн жил десятилетиями там, где его не прервали: на Псковщине, в Белоруссии, во Франции... И если мы все захотим, чтобы Возрождение настало, оно настанет.

Православие и пацифизм

22 августа 2007 г.

Нельзя сказать, что у Православия и Христианства в целом врагов больше, чем у остальных религий. Каждую религию кто-нибудь ненавидит. Но я решаюсь утверждать, что о Христианстве, лгали больше, чем о любой другой религии. Часто за Христианство выдавали то, что таковым на самом деле не является. Удивительно, но в наши дни православие нередко отождествляют с пацифизмом. Пацифизм – это отказ от войны и признание мира в качестве высшей ценности. Однако, для христианина мир не является высшей ценностью, потому что он не может быть достигнут любой ценой.

Однажды отряд римских легионеров остановился на отдых в селении, жители которого оказались на редкость дружелюбными. Они охотно угощали уставших воинов молоком и пищей, отвели их в прохладное место, где можно было поспать, укрывшись от лучей палящего солнца. Легионер по имени Пахом удивленно спросил своего центуриона: «А почему они такие?» «Да это христиане. Они со всеми такие ...», – отмахнулся старый фельдфебель. С этого момента ещё не крещённый римский воин Пахом проникся идеями христианства, впоследствии став преподобным Пахомием Тезавиархом.

Нельзя сказать, что у Православия и Христианства в целом врагов больше, чем у остальных религий. Каждую религию кто-нибудь ненавидит. Но я решаюсь утверждать, что о Христианстве, а тем более о Православии, лгали больше, чем о любой другой религии. Часто за Христианство выдавали то, что таковым на самом деле не является. Удивительно, но в наши дни православие нередко отождествляют с пацифизмом. Слово пацифизм происходит от латинского слова «пацифик», которое, в переводе на русский, означает «мирный, тихий». Пацифизм – это отказ от войны и признание мира в качестве высшей ценности. На одной международной конференции было сказано, что мир – это наивысший дар Бога человечеству. Однако, для

христианина мир не является высшей ценностью, потому что он не может быть достигнут любой ценой. Разумеется, каждый христианин должен быть миролюбом. Ведь сказано же: «Не убий». А если христианин обладает высокими силами, дарованными ему Богом, то он должен быть и миротворцем. **Предел «терпимости» наступал только тогда, когда нас пытались убедить в том, что христианство и нехристианство – это одно и то же.**

О несовместимости христианства и пацифизма ярко свидетельствуют два святых и праведных мужа Кирилл и Мефодий. Занимаясь миссионерской деятельностью в могущественной Хазарии они однажды заявили хазарским мусульманам, что хотят жить со всеми мирно, но поскольку те посягнули обратить тамошних христиан в ислам, христианские просветители будут вынуждены драться с ними, чтобы спасти своих братьев и сестёр от принятия неистинной веры. Поэтому вместо мира будет стальной обоюдоострый христианский меч. Летописцы сообщают, что в начале 14 века, святитель Пётр, митрополит Московский, отлучил от Церкви некоего «сиита». Сиит – это титул суффийского вождя и учителя. Каким образом мусульманин мог быть отлучен Владимирским митрополитом? Оказывается, суффии доказывали равнозначность христианства и ислама. И данный сиит, несомненно, проповедовал, что он является и христианином и мусульманином одновременно. Пресечение этой лжи являлось одной из немалых заслуг митрополита Владимирского Петра, бывшего выдающимся церковным деятелем и иконописцем.

Разве не мускулистой была политика Константина Великого, первого христианского императора? Разве не достаточны мускулисты были все наши святые князья, а особенно Андрей Боголюбский, Александр Невский, Дмитрий Донской? Между прочим, русские священники отвергали язычество, но молились о ханах Золотой Орды. Однако, преподобный Сергей Радонежский, посвятивший большую часть своей жизни служению миру, благословил Дмитрия Донского на Куликовскую битву.

Каждый христианин, вступая в церковь через Таинство Крещения, слышит прокимен: «Господь – защититель живота моего, от кого утрашуся?». И, в самом деле, если сам всемогущий Бог – защитник не только души, но и земной жизни, неужели мы утрашимся сражений? В бою проявляются самые чистые, самые светлые мотивы поведения человека: жертвенность, долг перед своим Отечеством. К сожалению, порой иначе, чем с мечом в руках, свою веру соблюсти не получается. Например, в XVI веке западным русичам, предкам нынешних украинцев и белорусов, для сохранения своей культурной, экономической и политической независимости следовало бы изгнать, а, в крайнем случае, убить перешедших в католичество литовских князей Ягайло и Витовта, ставших пособниками Польши в сложнейшей геополитической игре католической церкви. Увы, в то время наши предки оказались слабы духом и не смогли защитить ни своей веры, ни своей земли. Расплатой за их малодушие стал Брестский собор 1596 года, на котором была провозглашена уния, т.е. соглашение о подчинении православия в Великом Княжестве Литовском Папе Римскому. Именно тогда впервые возникли проблемы, до сих пор играющие очень важную роль в религиозной жизни Восточной Европы. Тогда же закладывалась и основа будущего украинского сепаратизма. Ценой огромных усилий казакам и мещанским братствам удалось отстоять в XVII веке западнорусские земли от полного поглощения унией и чуждой западноевропейской культурой.

Греху можно и должно противостоять с оружием в руках. Как ни тяжок грех убийства, он все равно намного легче греха вероотступничества. Правда, тот, кто убил грехоподобника, должен покаяться, потому что он лишил его этой возможности. Преподобному Феодосию Киево-Печерскому принадлежит чеканная формулировка: «Живи в мире не только со своими друзьями, но и с врагами своими, но только со своими врагами, а не с врагами Божиими».

Как известно, граф Лев Николаевич Толстой был отлучен от Церкви за то, что брошюры, в которых он излагал суть своего духовного учения, назывались писателем не иначе как

«истинное Евангелие». Церковь актом Священного Синода запретила Толстому лгать на Евангелие и предала его анафеме. По воле Божьей Толстой лишился писательского дара. В конце своей жизни он смог написать только «Воскресенье». Человек, обладающий хотя бы элементарным художественным вкусом, не может не понимать, что это уже не литература. Незадолго до смерти Толстой приходил к Оптиной пустыни, но так и не осмелился войти. Он умер не покайсявись. Два монаха, врач и духовник Оптиной пустыни, ждали его, но родня и окружение не пустили к нему.

Когда-то, двадцать лет назад, я получил в распоряжение список священно-иноков русского Пантелеимонова монастыря. Числом воинов я был просто потрясён. Оказывается, большинство монахов в миру были гусарскими поручиками, артиллерийскими капитанами и т.д.

Задумайтесь о символах подвига. Епископ носит при бедре палицу, священника палицей награждают. Это меч духовный. Сейчас утвердился поздний клобук монаха на поздний греческий образец 17 века, но раньше он был остроконечным, символизируя собой шлем духовного воина. Подвиг священника и монаха – это трижды воинский подвиг.

Честный русский офицер капитан Булатович, закончивший Академию Генерального штаба, служит не только доблестно, но и блестяще. Он – военный советник Абиссинского императора. Об этом написана его книга «С Менеликом II-м». Булатович заканчивает эфиопскую кампанию с Менеликом. Его ждёт блестящая карьера, но Булатович с именем Антоний принимает схиму в русском монастыре Святого Пантелеимона-целителя на святой горе Афон. Когда потом судьба сложилась непросто, то пришлось ехать в Россию и он схимничал в крошечной хижине на земле, принадлежавшей его родне. Когда его спросили: «Как вы относитесь к своей прошлой военной карьере – ведь вы же боевой офицер?». «Хоть сейчас готов в бой», – ответил иеросхимонах Антоний.

Последние несколько лет православных призывают быть «толерантными» и признать равную ценность мусульманских, буддийских или иудейских религиозных постулатов наряду с

христианскими. Такая толерантность вводит в заблуждение как **некоторых** членов Церкви, прихожан, так и множество русских людей, находящихся еще на пути к Храму и Господу.

Ислам, например, действительно довольно близок христианству. Господа нашего Иисуса Христа мусульмане зовут Исса и считают Его Мессией, но почему-то не признают Его Сыном Божиим. Они знают о событиях грядущего Апокалипсиса примерно то же самое, что и мы, христиане. Несомненно, нам суждено вместе бороться против врага рода человеческого. Мы называем его антихристом, а мусульмане – Даджалом. Между прочим, именно мусульмане заложили кирпичом Золотые ворота в Иерусалиме, потому что, по преданию, Машиах, т.е. мессия-антихрист, должен войти в Иерусалим через эти ворота. Вот так, пусть примитивно и простодушно, они поставили заслон на пути антихриста. На службе у Российской Империи всегда состояло огромное количество мусульман. Как правило, православные священники с ними не враждовали. И всё-таки, даже с исламом, наиболее близкой к нам религией, мы не можем согласиться, не изменив своей вере.

России как государства пока еще не существует, но, не взирая на это, ее очень многие побаиваются ее исторического имени и гигантского потенциала. Что мы стесняемся позиции силы, она же противоположна отнюдь не позиции чести, даже не позиции терпимости и дружелюбия. Позиции силы противоположны, лишь позиции слабости. И эту слабость прекрасно видит и не приемлет русский народ и складывающееся в нашей стране гражданское общество. Людей, быть может еще и не вполне верующих, но испытывающих почтение к тысячелетней традиции русской церковности, а значит православных по культурной и этнокультурной принадлежности в границах РФ 90%. Поэтому мы должны научиться твердо говорить с государством и международным сообществом с позиции большинства, благородной терпимости и миролюбивой силы. Мы должны говорить как власть имущие по воле, прежде всего, Всемогущего Бога, который создал в XIII веке русский народ и

даровал ему русскую землю, а Вселенская Церковь сформировала к концу XV века Россию как первенствующую православную державу и защитницу всех восточных христиан. В своей земле мы – русские православные люди – являемся абсолютной властью. **В своей жизни мы должны ориентироваться на тех, кто был верен Православию и любил Россию, благодаря кому она стала величайшей в мире Империей.**

Православие и современное информационное поле

В древние времена на Русской земле голос Церкви был слышнее и действеннее. Авторитет духовных лидеров: иерархов, священников, старцев был одинаково высок и для земледельцев и для царей. Жизненный уклад, мироощущение народа, его исторические свершения, представления о справедливости, письменность, наука, право – все было пронизано православной верой и церковностью. Слово епископа могло примирить враждующих властителей, поднять православный народ на защиту своей веры и Отечества.

Как известно, ополчение, освободившее Москву от поляков осенью 1612 года, было собрано и выдвинулось против врагов благодаря грамотам святого патриарха Гермогена, который призвал народ собраться со всех городов и идти к Москве «на литовских людей». Другой российский святитель – патриарх Филарет, наравне с царем управлял Государством, именовался Великим Государем, «Всеякими же делами царскими и ратными владел» (хронограф митрополита Пахомия, 1639 г.).

Сегодня все иначе. Да, архиерей так же, как прежде может рассылать грамоты, его послание может быть зачитано на городской площади. Но будет ли он ТАК ЖЕ услышан?! Вряд ли. В наши дни голос церковных иерархов часто теряется среди голосов самых разных ораторов, которые выступают и митингуют повсюду БЕСПЛОДНО!

Епископ может написать множество воззваний в адрес министра, губернатора или руководителя предприятия: и те не всегда соблаговолят дать вразумительный ответ. Выступление архипастыря в газете, по радио или на телевидении тоже нередко оказывается «холостым выстрелом», не достигая поставленных целей.

Одна из причин сложившейся ситуации в том, что православные еще слабо освоили новое информационное пространство, которое нас окружает. Чтобы донести то или иное слово, необходимо воспользоваться современными

технологиями и средствами. Печатные издания и электронные СМИ, при кажущемся плюрализме, обладают огромной силой внушения, способностью побуждать и направлять волю, несут не просто информацию, но позицию, оценки и взгляды.

За редким исключением, средства массовой информации подконтрольны тем, кто не придерживается православно-христианских представлений о мире и человеке, о нравственном законе и высоком призвании России. Поэтому, сегодняшним православным просветителям приходится не только знакомиться с новыми технологиями, искать стиль евангельского благовестия в современном обществе, но и преодолевать подчас враждебную идеологическую среду светской нехристианской журналистики.

Что же касается православных публикаций, радиопередач и телевизионных программ, то, безусловно, их оптимальный облик еще не сформировался. Цель православного информационного материала – это свидетельство о Христе, приобщение к христианским нравственным ценностям и культурному богатству, заключенному в православии, предложение христианского осмысления и решения насущных проблем нашего времени. Все это не означает, что статья должна быть написана на церковно-славянском языке, а телевизионная программа выдержана в жанре проповеди или историко-мистической зарисовки. Православный материал должен быть таковым не столько по форме, сколько по сути: по взгляду на мир, ориентирам, оценкам, приоритетам, художественно-этическим решениям. Совершенно не обязательно при этом всякий раз перегружать телеэфир песнопениями или кадрами богослужений. Можно абсолютно светскую тему раскрыть в духе христианской любви с помощью драматургии образов, построения сюжетной линии, авторских предпочтений...

В области православного телевидения мы имеем дело с двумя болезненными крайностями. Нередко даже по центральному телевидению на протяжении 30-минутной программы о чем-то неспешно говорит колоритный священник, пользующийся исключительно церковной лексикой. Создается

впечатление, что программа эта случайно попала в светский эфир откуда-то с «приходского кабельного телевидения». В ином случае о церковных праздниках или святынях в сказочно-мистических интонациях с «придыханием» и особым неестественным трепетом рассказывает ведущий или ведущая, выдавая свои псевдодуховные переживания за объективную реальность. Все это подкрепляется чрезмерными спецэффектами, имитацией таинственности. Журналист словно делится своим невежеством со зрителями. Во время просмотра таких передач мне вспоминаются слова Спасителя: «...может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?» (Лк.6:39).

Автор телепрограммы, затрагивающей вопросы духовной жизни, должен понимать о чем и зачем он говорит. Кроме профессионализма ему необходима особая деликатность, знание православного вероучения, христианской этики, эстетики и этикета. Нельзя допускать поверхностного взгляда на сущность церковных Установлений, Таинств, Традиций, Событий. Нужна определенная зрелость. Слишком мало быть сочувствующим или «околоцерковным» человеком, чтобы осуществлять духовное просвещение средствами телевидения или печати. Слишком мало выучить словарь первичных христианских понятий, прочитать несколько книг или познакомиться с представителями духовенства. Православный журналист должен быть вполне церковным человеком.

Светский подход к церковным темам, как правило, приводит к негативным последствиям творчества. Часто нецерковные журналисты неверно расставляют смысловые акценты, допускают некорректные съемки священных предметов в храме. Очень редко бывает грамотно подобрано музыкальное оформление. Тексты песнопений требуют осмысленного, бережного и благоговейного отношения. Подчас в православном фильме неожиданно услышишь неуместные популярные мелодии или мистические звуки языческого востока... Тексты, читаемые с непомерным пафосом, обычно бессодержательны и заимствованы из какого-нибудь краеведческого сборника. В результате: храм, икона, песнопения и богослужебные тексты рассматриваются только

лишь, как произведения искусства, как уцелевшее прошлое, но не как живое настоящее. Такой взгляд крайне обедняет наше восприятие и отдаляет нас от великого источника творческого вдохновения наших предков и современников, сохранивших связь с живой традицией.

В последнее время стали появляться и такие сюжеты, в которых о жизни Церкви, о ее участии в жизни общества рассказывают на языке уличного жаргона, допуская бестактные комментарии и цинизм. Такое намеренное приземление, по мнению некоторых авторов, делает тему более доступной. На самом деле происходит лишь выхолащивание, утрата смысла. Церковь пытаются уравнивать с ЖЭКом, священника с чиновником и т. д.

Мне думается, что православная телевизионная программа должна быть умеренно динамичной, понятной и интересной светскому зрителю, но корректной по отношению к святыням, христианским понятиям и ценностям, язык должен быть современным, но не примитивным, музыка разнообразной, но не любой, видеоряд – эффектным, но уместным.. Не пойдет на пользу ни раскованность ни чрезмерная сухость. Допустима полемичность, но не мыслима относительность религиозных и нравственных воззрений. Учительство в чистом виде вряд ли будет эффективно. Гораздо важнее – добрые примеры, человеческие судьбы, интересное повествование, нравственные сопоставления.

Актуальность, современный активный стиль и темпоритм – все это должно быть ориентировано на сегодняшнего зрителя, удерживать его внимание. Церковь могла бы использовать возможности телевидения и других СМИ, чтобы глубже, точнее, интереснее отвечать на те вопросы, которые беспомощно поднимаются светскими обозревателями и аналитиками... Церкви есть что сказать о семье, о личности, о социальных язвах: преступности, наркомании, жестокости, болезнях. Церкви есть, что сказать о международных и внутренних событиях, об экологии, об образовании, о науке и культуре.

А сегодня чаще и чаще говорят во всеуслышание обо всем те, кому сказать нечего, кто не имеет представлений о природе

тех или иных явлений, но владеет информационными технологиями и значительными материальными ресурсами.

Православные телепрограммы, на мой взгляд, могут в определенной степени изменить эту ситуацию. Их авторам нужно найти «золотую середину» – чтобы светским зрителям было интересно и понятно, а православным – не противно. Для этого в работе над передачей необходимы: честность, серьезность и благоговение. Кроме того, православные программы должны не столько информировать о чем-либо, не столько учить или наставлять людей, сколько вдохновлять их на добродетель – внутреннюю и внешнюю.

Думаю, что развитие православной журналистики в наше время необходимо для того, чтобы информация, попадающая в наши дома с телеэкранов и через почтовые ящики, стала добрее и честнее. Достижения цивилизации мы можем использовать во зло или на благо. Огнем можно сжечь жилище, а можно согреть его, лекарством – исцелить или отравить. Хорошо, если хотя бы некоторые программы и статьи будут пробуждать в нас добрые чувства и устремления.

Проблема, сформулированная в начале этой статьи, отражает некоторое обесценивание слова церковных иерархов. В значительной мере к этому привела почти вековая кампания обличенных властью безбожников по ослаблению Церкви и дискредитации священнослужителей. Конечно же, частично потерян и прерван миссионерский опыт, истреблены лучшие проповедники, воспитано несколько поколений жителей России, сердцем удаленных от Божиего храма, традиций, устоев и истории родной земли. Есть, на мой взгляд, и другая причина. Многие епископы так часто и бессистемно высказываются по самым разным вопросам в региональной прессе, что их выступления, порой, перестают замечать. Для того, чтобы цена архиерейского обращения, скажем, с телеэкрана возросла, необходимо, на мой взгляд, делать такие обращения более взвешенными, актуальными и действенными, заботиться о состоянии информационной среды до и после эфира с участием архиерея. Если это выступление связано с общественными проблемами, противостояниями или разделениями, то

православным журналистам нужно готовить общественное мнение к принятию и ожиданию официального призыва Церкви, изучать это общественное мнение и добиваться поддержки самых разных сил в печати и на телевидении после выхода обращения в эфир. Нужно знакомить читателей и телезрителей с позитивными результатами прозвучавшего слова, чтобы оно не растворилось в непрерывной болтовне политиков и телеведущих... По малозначительным вопросам пусть лучше выскажется один из настоятелей или даже мирянин.

Сегодня существуют некоторые лояльные к Православию и русской культуре СМИ. Одно из свойств Церкви – способность оживлять то, что казалось уже безжизненным и пустым, сообщать благодатные силы, освящать все «нейтральное». Думаю, исходя из этой возможности, священнослужителям, пишущим и способным убедительно говорить мирянам нужно развивать взаимодействие с теми телерадиокомпаниями, газетами и журналами, которые не имеют враждебного отношения к Православному Российскому Отечеству. В отдельных случаях предвзятую позицию средств массовой информации удастся преодолеть. Для чего это нужно делать? Для того, чтобы доступными средствами обращать людей лицом к живому носителю традиции, среды обитания – культуры, нашего национального облика. Необходимость широкого присутствия православия на современном информационном поле связана с тем, что общество и страна неизбежно погибнут без Церкви, как источника смысла и сил.

Долгое время для борьбы с «религиозным мракобесием» использовались все информационные ресурсы Государства. Настало время использовать все возможности для воспитания нормальных людей на святом и бесспорном примере, для созидания и правды, для излечения душ, покалеченных безбожием и изощренным лукавством пропагандистов, чьи имена, Слава Богу, рассыпаются в неизвестности, ибо «Уста правдивые вечно пребывают, а лживый язык только на мгновение» (Притчи 12:19).

Православная этика и политика

Статья 2002 года.

В наше время политики часто говорят о христианстве, излишне часто о православии. Излишне, ибо очень многих из них во всем этом интересует только тривиальный вопрос о приобретении электората. Их можно понять. Православные христиане в нашей стране, по-видимому, составляют самую значительную общественную группу. Их, несомненно, больше, чем коммунистов. А кого еще, собственно, у нас много, кто еще определился до такой степени, чтобы можно было их посчитать? Но только если говорить о прихожанах, о церковных христианах в полном смысле этого слова. Гораздо больше людей, для которых христианство, православие есть основа их самоидентификации, самоопределения в мире. Это – просто большинство населения Российской Федерации, да пожалуй, что и большинство населения пространства Советского Союза. Ибо восточное христианство – не только церковь, не только вероисповедание, но и культура. А к культуре человек принадлежит по рождению, и редко кому удастся в течение жизни поменять культурную принадлежность. Сказанное, несомненно, касается и людей формально неверующих, точнее, неопределившихся в своем веровании. Что тут удивительного! Ведь культуры складываются веками, иные тысячелетиями. Восточнохристианская культура существует более тысячи лет.

Так вот, понять политиков можно, но отнестись ко многим из них без иронии – намного труднее. Ведь чем иные руководствуются? Представлением о том, что церковь находится вне политики. И вообще словосочетание «христианская политика» невозможно для них, так как мы все же «знаем», что политика – дело грязное. Вот мы, политики, и предложим защищать интересы православных христиан. Мы пообещаем, что храмы больше закрывать не будем или даже новые открыть дозволим, что кое-какие послабления сделаем в вопросах образования, обязательно возведем новый Храм Христа Спасителя, и станем громко сетовать по поводу

избиения западноевропейцами православных сербов. Ведь сетовать никому не возбраняется. Так задешево приобрести голоса долготерпеливых православных горазды многие политики самой разной ориентации. Заметим, как трудно внедряется в нашу прессу представление о политике христианской, церковной, о политическом направлении, отстаивающем интересы христиан. А почему? Все из ревности. Не дай бог появится православное политическое движение, а то глядишь и партия. Она ведь сколько сразу голосов приберет, «отнимет»! Даже коммунисты поторопились заявить, что отныне они не препятствуют членам партии выбирать то или иное вероисповедание. Не правда ли, наивная щедрость? А кто коммунистам сказал, что христиане изменили свое отношение к ним? Кто заверил коммунистов в том, что исповедующий их своеобразное безбожное социальное вероучение может быть допущен в Храм?

Ну да речь не о них. Политиков, которые занимаются лишь подсчетом голосов, можно огорчить. Во-первых, христиане не принимают утверждения, что политика – грязное дело. Подобное утверждение не приняли бы многие люди за многие тысячи лет истории человека. Для древних египтян и евреев, персов и эллинов, жителей средневековых Кельна или Пскова все в жизни начиналось с веры. На камень вероисповедания опиралась нравственность, этика, а на них – и политика. «Политика есть прикладная этика», – писал Георгий Федотов, и думается, был прав. А из этого вытекает, что бывает политика нравственная, а бывает безнравственная. Если мы находим политического лидера грязным, то не потому, что он лидер, а потому, что он действительно грязный человек. Православные обязательно традиционалисты и до сих пор продолжают полагать политику вытекающей из оснований нравственности.

А что можно заметить об утверждении, что Церковь не занимается политикой? Есть решение Поместного собора 24 августа 1917 года: «Церковь православная не принимает участие в борьбе политических партий». Оно действует и поныне. В минувшем году его подтвердили новым определением Архиерейского собора. Само собой разумеется,

ибо политика любой партии есть политика в интересах некоей группы. А политика Церкви есть политика всего православного народа. Еще в середине прошлого века знаменитое послание восточных патриархов определило, что «хранитель веры православной – сам православный народ», а, следовательно, и хранитель того, что из этой веры вытекает: нравственности, а затем и политики. Политика поместной Церкви есть политика в интересах всех христиан данной земли. Политика вселенской Церкви есть политика в интересах всех православных христиан, причем не только живущих, а и тех, которые еще будут жить. Церковь есть нечто целое, а партия – только часть. Но на этом справедливость утверждения как-бы повисает. И если мы обратимся к конкретным политическим решениям, то Церковь ныне препятствует занятию практической политикой священнослужителям, предоставляя это всем остальным членам церкви. Среди них есть и православные политики. Эта отповедь ловкачам – не самоцель. Мы отдаем себе отчет, что есть и другие общественные деятели и лидеры. Более того, мы считаем оправданным предположение, что порядочных людей в политической жизни по-прежнему больше, чем грязных. Но вот тут-то и вступает в силу вся тяжесть минувших десятилетий. Очень многие хотят, но не знают – как. И к достойнейшим соотечественникам, взявшим на себя весьма нелегкое бремя политического служения, обращаться куда благотворнее и интереснее, чем развенчивать прохиндеев.

Итак, опорой христианской нравственности является христианская вера. А это значит, что каждый христианин и христианский политик представляет себе реальным действие Бога в человеческой истории, в каждый текущий момент, его участие в нашей жизни. Собственно, в истории для христианина действуют не объективные законы, политические, экономические и любые другие, а воля Божия и воля человеческая. Причем первая преобладает. Она действует по преимуществу. Христианин, вдумчиво читающий Евангелие, переживает как реальность служение самого Спасителя. Потому и его собственное служение для него реальность, а не политический лозунг или, в лучшем случае, поэтический образ.

И библейский рассказ о жизни первых людей есть основа понимания слова «общество». Рассмотрение общественной жизни с христианской точки зрения есть рассмотрение с позиции высшей объективной нравственности. Оно не может не быть ни вероучительным, ни созерцательным. Добро и зло для христианина совершенно реальные понятия, а не сентиментальные оценочные категории: вот тут получилось побольше добра, а тут, пожалуй, немало злого, да и вообще это как-то субъективно. Нет, добро и зло объективны; субъективны – политические интересы.

Совершенно конкретным понятием для человека православного является грех. В этом понятии для современного, далекого от положительной религии человека тоже есть нечто субъективное, относительное, а субъективное отношение к греху приводит к примирительному, нравственному конформизму. Если грех определяется только целесообразностью, то человек, принявший это суждение, всегда будет стремиться только к удовольствию. Христианин же воспринимает грех совершенно объективно, как преступление против Бога и закона Божьего. Отсюда совершенно иная самооценка. Посмотрите, как на протяжении многих веков люди воспринимали невзгоды, свалившиеся на них: будто неурожай, наводнение, землетрясение или, в особенности, нашествие иноплеменных. Они воспринимали их как следствие повреждения собственной нравственности. Когда на русской земле появился противник непобедимый – ордынцы, это было воспринято современниками той ужасной эпохи как наказание за нравственный упадок. И упадок был. Они не так уж и ошибались, даже с точки зрения историка-позитивиста. Делает ли это христианина покорным рабом? Нет. Взгляните в глубину исторического времени. Люди твердо сознавали, что нашествие ордынцев, венгров, поляков, крестоносцев было воздаянием за их грех, следствием их нравственного упадка. И, тем не менее, они доблестно сражались. И что же, разве из маловерия сражались с бичом Божьим? Ни в коем случае. Сам злодей не становился от этого лучше. Более того, отражение нашествия

иноплеменных было исправлением допущенного по вине самих русских исторического зла.

Это многие знают, но многие этим злоупотребляют. Только посмотрите, как русским навязывается идея общенародного покаяния. Тут правильным пониманием обладает только христианин. Покаяние человека приносится лично Богу. Если расширить понятие личности до соборной личности нации, не изменится ничего. Покаяние приносится Творцу. Причем, покаяние означает для православного принятие на себя обязательства возненавидеть грех и преодолеть его последствие. В чем же может заключаться национальное покаяние русских, всего христианского населения России за безобразия двадцатого столетия? В том, что противно воле Божьей позволили разрушить великую христианскую страну, разрушить собственную державу, создававшуюся, кстати, Вселенской православной Церковью на протяжении веков. Действительно, есть в чем каяться. И это обязывает христианина возложить на себя обязательство восстановления страны и державы. Когда же христианину предлагают покаяться за вымышленное злодеяние перед другими народами, он столь же твердо отвечает, что себе подобным каяться вообще не принято. И, кроме того, у них есть больше оснований покаяться перед населением России, и если захотят, они могут к этому приступить немедленно. «Мы прегрешили перед Творцом», – скажут православные, – «а перед православными прегрешили, и очень много, все прочие».

Православный называет себя и братьев своих рабами Божьими. Ох, как этим любят злоупотреблять! Ну, посмотрите, «какая рабская религия»! А ведь за этой подтасовкой – грубое незнание собственного языка. Понятие раб – корень термина работа – многозначно и означает в данном случае не холоп Божий, а работник Божий. Если честно, то нам всегда казалось, что это горделивое самоназвание, то есть не чей-нибудь работник, а самого Бога. Кроме того, в нем скрывается и еще одна интересная мысль. Если одни люди рабы Божьи, то чьи рабы остальные? Если христианин есть соработник и даже сотворец Создателя, то чьи коллеги-сотрудники все остальные?

Один из выдающихся авторитетов Домонгольской Руси, преподобный Феодосий Печерский замечал: «Живи в мире не только со своими друзьями, но и с врагами своими, но только со своими врагами, а не с врагами Божьими». Вообще христианство многие с вполне оправданным недовольством сравнивают по недоразумению с толстовством, непротивленчеством. Вне всякого сомнения, христианин должен быть миролюбцем, а, если сил хватает, то и миротворцем. Но ни в коем случае не пацифистом. Война – безусловное зло. Мир – добро, но не любой ценой. Еще один немалый христианин, Константин Философ, будущий Кирилл, брат Мефодия, в полемике с мусульманами отмечал: «Мы не любим войну, но будем сражаться с вами, ибо, если мы не станем сражаться, то вы братьев наших отвратите от истинной веры». Не трудно догадаться, что святой Константин подразумевал здесь самое непосредственное сражение с использованием стального меча. Кстати, не что иное, как отвращение православных сербов от истинной веры, пытаются уже второй раз за столетие проделать хорваты – форпост западной агрессии. Вот вам и реальная христианская политика! Христианство есть религия борьбы, воинского долга и воинской верности. Кстати, первым самоназванием христиан, исчезнувшим в богослужении до наших дней, было именно «верные». Конечно, эта борьба, прежде всего, духовная, и в огромной степени с самим собой, с собственными действиями, с собственными помыслами, с собственным грехом. Но ведь и джихад – священная война мусульманина – это, прежде всего, личная война. Однако, как знают историки, джихад бывает и другим. И христианам приходится сражаться, не забывая о внутренней брани, и словом, и мечом.

Общество для православного человека, конечно, превыше государства. И здесь христианин согласится с самым неистовым демократом или либералом. Но каково общество христианское? Его прообраз – семья, следовательно, и основа его – семья. Нормальное общество состоит из семей, даже родов, а вовсе не из атомарно рассыпанных индивидуумов. Христиане всегда будут ориентироваться на ту политику, которая укрепляет права

семьи, а не абстрактные права человека. Заметим, а ведь люди так жили тысячелетиями. И неплохо жили. Права человека – вполне христианское понятие, но, в общем-то, эти права почти совпадают с его обязанностями, а вот права семьи должны быть защищены предельно. Не является общехристианской точкой зрения такая норма как незамедлительное запрещение всех без исключения аборт. Но не считаться с тем, что недоброжелательное отношение к пресечению беременности коренится в основах вероучения, никакому политику не позволительно. И настоящая семья, естественно, многодетна, а не с одним ребенком или без такового. Человеку естественно жить в семье. Даже монах живет в семье, среди своих братьев по обители. Христиане всегда охотно поддержат тех политиков, которые станут серьезно разрешать проблему увеличения народонаселения и упразднят косвенно антихристианский акт – отмену налогового стимулирования деторождения. Конечно, для христианина это не причины, а следствия. Ведь брак – союз душ, а семья – домашняя церковь. Но не дурно политикам хотя бы уяснить христианские следствия, если иные из них и не доросли до понимания первопричины.

Ну, а пресловутое соотношение Церкви и государства? Для любого православного Церковь выше государства. Церковь – это не организация. И порочнейшей коммунистической практикой было отождествление Церкви и ее иерархии. А между тем любой епископ и священник такой же христианин, такой же член Церкви, как последняя бабуся. Если в нашу политику еще не пришло понимание Церкви как Тела Христова, то уж во всяком случае долг каждого политика – принимать, а христианского – добиваться принятия Церкви как совокупности всех христиан, а если только поместной русской церкви, то христиан в России. Потому можно рекомендовать патриотам (а кто у нас теперь не патриот!) отказаться от порочной практики фамиллярного похлопывания Церкви по плечу, бессмысленных разглагольствований о патриотическом долге, патриотической роли, патриотических заслугах нашей Церкви. Нет у Церкви никакого долга и никаких заслуг. А вот государство может быть христианским, и тогда у него есть долг перед Церковью. Для

безбожного государства православные христиане такие же чужие, как баптисты, мормоны или кришнаиты. Христиане, разумеется, законопослушные граждане, но не более того, ведь и нехристиане тоже бывают законопослушными. Да, возможен союз Церкви и государства, он имеет византийское название – симфония, но он возможен только с христианским государством. Что же касается демонстративного появления иных высокопоставленных чиновников на богослужениях и других религиозных церемониях, то их православные давно и не без остроумия окрестили «подсвечниками». Ни государственной, ни национальной Церкви не бывает. А вот православная страна бывает. Православная нация бывает, вне всякого сомнения. И для православных любая страна, где большинство населения православное, есть страна православная. Кстати, самая крупная группа в Латвии – православные христиане. И в нынешнем Казахстане православные составляют большинство. Потому православные христиане никогда не отнесутся одобрительно к разговору о мусульманском Казахстане или протестантской Латвии.

Мы затронули и национальный вопрос. А как с ним быть? Для христианина национализм – совершенно нормальное понятие. Собственно, этот термин означает лишь ту ситуацию, когда для человека, осознающего себя националистом, дела своего народа являются первоочередными, а дела всех других – во вторую и третью очередь. Это ведь нам всем позволено. Это даже и естественно. При этом мы можем и сочувствовать, и помогать другим нациям. Агрессивный национализм, враждебный другим, называется иначе – «шовинизм». К сожалению, это до сих пор затемнено в сознании самых широких кругов наших соотечественников и влечет за собой неприятные последствия, потому что антиподом шовинизму является космополитизм – разрушение национального. Сам по себе космополитизм еще не разрушение веры и нравственности, но безусловное разрушение культуры, которая может существовать только в национальной форме. Культура же производна от вероисповедания. Впрочем, это другая тема. Но христианство гарантирует националиста от соскальзывания в

шовинизм. Национализм христианина всегда будет ответственным. В основе его понимания всегда будет лежать христианское понимание греха. Практическому политику следует помнить, что для христианина нация выше государства. Это и доказать нетрудно, ведь государство – наше творение, мы его создали, мы его и видоизменяем. Государство может быть приличным и неприличным. В некотором смысле политика есть искусство эволюции от неприличного государства к приличному. А наций мы не создавали, они созданы Богом. Но если нация есть реальность более высокая, чем государство, то Церковь есть реальность более высокая, чем нация. И эта иерархия сохраняет дружелюбное взаимодействие различных народов.

Мы уже коснулись вопроса о культуре. Что такое культура? Досадно, ох, как досадно, что даже наиболее симпатичные, стремящиеся к пониманию православной этики и национальному языку политики перечисляют понятие культура, культурные проблемы после проблем политических и экономических. Культура категоризируется по остаточному принципу. На самом деле культура – это все, что не природа. Она – среда обитания, которую создает вокруг себя человек на протяжении всей своей истории. Мы всегда жили в культуре. И культура национальна. Она всегда существует в национальной форме, и ни в какой другой существовать не умеет. Но есть и более высокие культурные общности – культурные регионы. Культура русских, мордвин, удмуртов и многих других православных народов – культура восточнохристианская. Это такой же культурный регион, как культура Запада, культура Дальнего Востока, объединяющая китайцев и японцев. К восточнохристианской культуре принадлежит более 90% населения Российской Федерации. И в пространстве СССР – восточные христиане по культурной принадлежности составляли абсолютное большинство.

Понятие «культура» почти совпадает с понятием «традиция». Следовательно, традиционалист – это человек высокой культуры. Каковы же культурные традиции, вытекающие из православия? Это – почитание учености. В сущности, русский

народ, как и другие православные, прежде всего почитал святость, затем ученость, затем все остальное. Следовательно, православная политика – это воспитание в современном обществе безусловного почтения к своему профессору и учителю. Это готовность современного человека защищать своего учителя так же, как он защищает своего священника.

Наша культурная традиция необходимо требует восстановления плотной социальной среды. Нашу среду разрушали, разоряя деревни, направляя миллионы людей на «комсомольские» стройки, перекидывая из города в город молодых специалистов. Из нас делали босяков, бродяг, «бомжей» (бездомных), а теперь еще делают беженцев. Но христианином бывает только прихожанин конкретной церкви. Гражданином России может стать только гражданин города Ярославля или Нижнего Новгорода, а не просто житель. Наша культура – это складывавшаяся веками городская и сельская среда обитания. Ее разрушали в XX веке из десятилетия в десятилетие. Но с объявленного широковещательно окончания коммунистического правления не изменилось ничего. Наши города всегда выглядели иначе, чем города западноевропейские. Они, в сущности, состояли из усадеб, в том числе и усадеб самых бедных жителей. Русский сто лет назад почти всегда жил в своем собственном доме, а это делает человека и хозяином, и гражданином, и консерватором, сохраняющим уклад обитания. Но более того, жизнь в своем доме существенно облегчает следование нормам христианской морали: и в состоянии семьи, и в воспитании детей. Это же понятно. Не знаю, все ли христиане согласятся, что так называемый военно-промышленный комплекс был еще недавно нашей национальной гордостью, но, безусловно, все согласятся, что строительный комплекс был и остается нашим национальным позорищем. Русским теперь уже как благодеяние преподносится политика, загоняющая их в клетки двадцатипятиэтажных железобетонных бараков, якобы со всеми удобствами, что лишает их привычной и достойной человеческой жизни.

Есть у нас и свои хозяйственные традиции. Большинство русских – посредственные рабочие, но великолепные ремесленники. Это обеспечивало особый уклад в нашей экономике еще в начале XX века, высокий процент кустарного производства продукции, которая, кстати, с блеском конкурировала на европейском рынке. И это соответствует современным тенденциям хозяйства в самых развитых странах, где прогрессируют небольшие, но весьма гибкие предприятия, часто даже семейные или кооперативные.

Наша хозяйственная этика включала в себя определенную иерархию в предпринимательской среде. Предпринимателем 1-го ранга в глазах русского всегда был промышленник, за ним шел купец, а банкиров если не презирали, то недолюбливали, именуя «процентщиками». Восстанавливать частную инициативу, частное хозяйствование в России, начиная с непомерного развития банковского капитала, есть затея враждебная многовековой традиции. Процентщик – человек делающий деньги из воздуха, говоря строже, из времени – не вполне достойный человек. Ибо время человеку не принадлежит. И политическая традиция у нас была весьма сложная. Вне всякого сомнения, русские, хотя бы смутно, в большинстве своем монархисты. Но не следует предполагать, что нашей традиции соответствует бюрократический петербургский период. У нас есть и многовековая демократическая традиция. Вечевая традиция Домонгольской Руси, а затем довольно сложное политическое устройство Новгорода и Пскова. И сельский сход, и сотни, и слободы, на которые делились города, земское самоуправление XVI-XVII веков. И даже свой парламентаризм. Ибо Земский собор – это парламент без всяких оговорок. Именно так он и воспринимался иностранцами в ту эпоху. Но это не демократия для всех кому не лень. Самым большим издевательством над русской демократической традицией за последние годы был, может быть, специальный избирательный участок для «бомжей» (бездомных), устроенный в Санкт-Петербурге. Наша русская демократия – это демократия полноправных совершеннолетних домохозяев. Причем традицию эту оборвала революция.

Преодолевая ее последствия, не дурно было бы к ней вернуться.

Но уж самое невероятное – это партийные списки для голосования, которые и на западе-то есть болезненное явление нашего времени. А в России такого вообще никогда не водилось. Русский голосует за лично знакомого кандидата. И это тоже вполне соответствует коренным нормам христианской этики, потому как элемент личных неформальных отношений гражданина и его представителя вводит такие высоконравственные элементы в общественную жизнь, как доверие и верность.

Завершая, попробуем возвратиться к основаниям, которые были положены краеугольным камнем православной политики. Одним из чудовищных элементов политической жизни является ложь: прямая, беззастенчивая, или более коварная, манипулирующая статистикой и социологией – излюбленнейшая ложь нашего времени. Это так называемый двойной стандарт. Двойной стандарт – это когда нас убеждают, что можно бомбить Югославию или Ирак, но нельзя бомбить государство Израиль, которое чужие территории оккупирует с 1948 года, и нельзя бомбить Турцию, захватившую половину Кипра. Двойной стандарт – это когда нам доказывают, что нельзя выгонять сектантских миссионеров из России, даже и сатанистов нельзя, что это «нецивилизованно». Но православные храмы в Галиции можно захватывать с помощью ооновских дубинок. Для любого православного человека лицо, допускающее двойной стандарт, – лжец. Тем самым политика подобного рода является грязной на этическом уровне.

Но попробуем подняться еще выше, на уровень вероисповедания. Все православные знают, что отец лжи – это сатана. Вот высшая санкция неприятия лжи, которую выбрал для себя истинно русский.

Православный женский день

Статья 2002 года.

«По прошествии субботы Мария Магдалина и Мария Иаковлева и Саломия купили ароматы, чтобы идти помазать Его» (Марк 16, 1).

Так начинается евангелист Марк точный и подробный рассказ о праведных женах-мироносицах, пришедших ко гробу Спасителя в весьма важный, третий по погребению день, когда, как традиционно полагали, душа окончательно покидает тело, и – не нашедших тела. Евангелист заканчивает рассказ словами ангела, возвестившего мироносицам и через них всей вселенной о свершившемся Воскресении: «...Он воскрес, Его нет здесь. Вот место, где Он был положен. Но идите, скажите ученикам Его и Петру, что Он предваряет вас в Галилее; там Его увидите, как Он сказал вам» (Марк 16, 6–7)

Почему все евангелисты уделяют столько внимания приходу мироносиц к святому Гробу, а двое из них добавляют рассказ о том, как первой увидеть Воскресшего была избрана равноапостольная Мария Магдалина? Вот удивительно: именно этим женщинам первым явился Господь, а потом уже Петру и другим ученикам! Раньше всех, раньше любого из мужчин в мире, узнали они о Воскресении.

С женщиной в мир пришел грех. Она первая соблазнилась и соблазнила мужа своего отпасть от воли Божией. Но от Девы был рожден Спаситель. У Него была Мать. На замечание царя-иконоборца Феофила: «От женщин в мир пришло много зла» – монахиня Кассия, будущая создательница канона Великой субботы «Волною морскою», весомо ответствовала: «Но через женщину произошло и высшее благо». Но окончательно женщина оправдана подвигом верности жен-мироносиц. Его ученики – апостолы! – еще оставались в растерянности, сам Петр оплакивал горько свое отречение, а женщины уже спешили ко гробу Учителя. А верность – не высшая ли христианская добродетель? Когда слово «христиане» еще не употреблялось, они так и назывались – «верные». Вспомните Литургию Верных.

Один из прославленных отцов-аскетов говорил своим монахам, что и в последние времена будут святые, и слава их превзойдет славу всех бывших ранее, потому что чудес и знамений тогда не будет, а они останутся верны. Сколько подвигов верности совершили добрые женщины-христианки за века истории Церкви!

И долгие века был у нас православный народный женский праздник, добрый, светлый, связанный с самым главным событием в истории человека – Воскресением Христовым. Праздник женщины-христианки – Неделя святых жен-мироносиц. То подлинный Международный женский день. Его долго помнили и праздновали. На Балканах и в нашем веке в деревнях сохранялся трогательный обычай, когда после службы на Мироносицкую прихожанки отправлялись на кладбище, неся маленькие глиняные сосудики с освященным в храме маслом на могилы своих близких, тем самым освящая и могилы. Сравните этот замечательный и священный обычай с нашим советским неоязыческим обыкновением посещать кладбище в день Пасхи – в день Светлого Христова Воскресения, когда не совершаются заупокойные службы! – да еще устраивать на могилах языческую тризну. Заметьте, нас к этому всегда старательно подталкивали безбожные власти. Еще до «перестройки», когда на Пасху храмы оцепляли дружинники и молодых не пускали, к кладбищам уже устраивали дополнительные рейсы автобусов. Может быть, хватит следовать языческим обычаям? Может быть, лучше восстановим обычай отмечать Неделю жен-мироносиц, День женщины-христианки?

Ведь календарь – драгоценнейшее достояние нашей культуры. Через календарь культ воздействует на культуру, определяет нашу жизнь, жизнь нашей страны. От порядка богослужения, от богослужебных текстов – к народным обычаям, к воспитанию детей, к нравственному здоровью общества. И нам, несомненно, следует сохранять все, что осталось от нашего календаря, и постепенно восстанавливать то, что утрачено, украдено, извращено. От властей надо требовать возвращения украденного коммунистами календаря

так же, как и возвращения церковных ценностей. Государство у нас, конечно, светское, но страна – православная. А государство существует для служения обществу, нации. Пока же мы медлим в растерянности – совсем не как мироносицы, – безбожники продолжают выдавать за Международный женский день – 8 марта, хотя больше ни в одной стране он ни государственным праздником, ни выходным днем не является. Вы задумывались когда-нибудь, что мы в этот день празднуем? С чем поздравляем наших жен, сестер, матерей? В англосаксонских странах празднуют День матери. Это постижимо. А у нас – кого? Может быть, – феминистки? Он так и был задуман рьяной большевичкой Кларой Цеткин и рьяной феминисткой актрисой Элизабет Хепберн, принят в 1910 году на конференции социалисток в Копенгагене. И остается таким же чуждым всем христианам, как и 1 Мая – День международной солидарности пролетариев, то есть – в переводе с латыни – босяков. Зачем нам эти сомнительные праздники? Пусть лучше вернут наши законные выходные в Богоявление, в Благовещение, в Духов день...

А пока давайте поздравлять всех добрых православных русских женщин с Неделями святых жен-мироносиц. И праздновать. И радоваться.

Природа как храм

Статья 1998 года.

Предки русских – славяне – чутко воспринимали природу. С этим связана особая славянская эстетическая одаренность. Вспомните рассказ о послах, направленных святым Владимиром в Константинополь, которые докладывали, что, присутствуя на богослужении в Софийском соборе, долгие века самом значительном храме христианского мира, они не знали, на земле они находятся или на небе. Затруднялись ли киевские бояре X века, участвовавшие в десятках посольств, множестве военных походов, срубившие не один десяток голов в боях, поверить твердой плитке пола у себя под ногами? Вряд ли. Просто для них это был реально представимый художественный образ. Послы славяно-русской державы привели его таким же, как они, славянам: своему князю и своим согражданам – горожанам Киева.

Поразителен пример из жития подвижника и аскета XV века преподобного Антония Сийского, рассказывающий о том, что он любил молиться в круге двенадцати белых берез. Такого подхода не найти за всю историю монашества ни у египетских, ни у сирийских, ни у палестинских, ни у греческих отцов. Там мы видим стремление удалиться от мира, но не желание, чтобы моленное место было прекрасным. Вспомним один из тезисов Даниила Андреева, который видел задачу будущей России в синтезе не реализованного полностью до сих пор творческого потенциала «прароссианства» – культуры, уходящей в языческую Древность, и культуры православной без потери как одного, так и другого, что достаточно тяжело. Эта задача была частично выполнена в прошлом. Я прилагал тезис Андреева к русскому Северу. Там эта задача была решена, но только там, а не во всей России, только в прекрасном мире русского Севера, практически убитом большевицкой эпохой.

Искусство русского модерна начала XX века тоже являет интуитивную близость к этому тезису. Оно глубинно в своих архетипах, связано с растительностью или с текущей водой. Эти

линии модерна особенно видны в декоративных элементах, в прикладном искусстве, в архитектуре. В Москве на набережной близ храма Христа Спасителя стоит творение художника Малютина и инженера Жукова – доходный дом Перцовых – реальный «прароссианский» проект, к тому же осуществленный.

Это примеры слитности природы и культуры, рукотворного творчества и нерукотворного творения Божия, итога сотворческой роли человека, как и во всякой культуре. Рассмотрим сложившуюся в течение многих столетий специфику восточнохристианского города, и русского города в частности, отличного от городов других культур, особенно западных. Что представлял собой западный средневековый город? Он по-своему прекрасен. В историческом центре Ревеля или Львова можно видеть остатки такой застройки. Там фасады домов плотно примыкают один к другому, поскольку земля дорога, а особенно дорога протяженность фасада вдоль улиц. Потому нередко такой фасад включает только дверь и окно, а дальше следует уже соседское владение. Второй этаж чуть-чуть нависает над первым, а третий – над вторым. Тесно, а посреди улицы сточная канава, потому ходить надо с умом.

Для русского же города характерна полностью усадебная застройка. Дома стоят в глубине участка, на улицах лишь храмы, лавки. Во всех старых городах еще сохранились дома, которые стоят не по красным линиям улиц, потому что построены до полицейского требования начала XIX века строиться по ниточке. Это очень показательно и было закреплено законодательно.

Еще в домонгольский период был введен Закон градский, это «Византийская книга Эпарха-градоначальника». С Законом градским надолго приобрело силу «Правило прозора» (от глагола «зрить»): если вы имеете со своего участка прекрасный вид, а сосед застроил этот вид, то вы через суд можете добиться сноса его постройки. Это правило действовало на протяжении веков и имело немалое градообразующее значение.

Думаю, что на особый характер близости нашей среды обитания с богоданной природой влияло и использование дерева, как господствующего многие столетия материала. Сам

характер материала сближает культуру с природой. Русская городская среда обитания сопротивлялась регулярности. Когда появилось требование строить дома вдоль красной линии улицы, русские домовладельцы отгораживались хоть крошечной полоской полурукотворной природы – палисадником между фасадом и тротуаром. Русские города сохраняли усадебный характер застройки вплоть до революции. Каждый дом имел дворик и надворные постройки. Социалистический город все это уничтожил и создал среду обитания, неприемлемую для человека. Сейчас более русским городом выглядит средний американский город, состоящий из частных домов, отгороженных теми же палисадниками.

Современный русский город, построенный в социалистические времена, представляется мне предельно антирусским. В Петербурге правило красной линии появилось в XVIII веке, а в провинции в XIX веке. Но «Правило прозора» продолжало действовать. Мы почти не видим улиц в пределах нашей страны, за исключением Петербурга, где старая застройка образует сплошной непрерывный фасад. Иногда улицу было уместно изогнуть так, чтобы она обошла храм. Таким образом, храм оставался замыкающим объемом, воздействуя на людей как городская доминанта, обращенная к Господу, к Небесам. Кривые улицы русских городов помимо того, что не устраивали в холодную зиму «аэродинамических труб», имели еще и эстетическое значение. Вы постоянно находились как бы в живой среде, двигаясь по улицам, вы открывали следующую доминанту, новый вид. В старых городах, в том числе в Москве и Ярославле, многие улицы обращены на отдаленный храм, стоящий часто в более высокой части города. Иные улицы ориентированы на высокое здание, не всегда храм. Например, переулки вокруг Сухаревки в Москве связаны с давно исчезнувшей Сухаревской башней.

Все это создавало особый характер русского зодчества. Открытый город с широкими улицами, рассчитанный на то, чтобы человек мог быстрее добраться до выезда, покинуть его пределы. Город был тесно связан с природой и сельской жизнью. Все города, в том числе и столичные, имели общинные

выгоны для коров. Для города были характерны связанные с природой композиции. Это хорошо видно в Угличе, и особенно в Воскресенском монастыре – лестницы с площадками, лоджии, галереи. До XVII века парадное крыльцо вело не только на второй, но и на третий этаж. Благодаря всем этим элементам здание – будь то дом или храм – как бы забрасывает корни в пейзаж или вбирает его в себя. Храмы русского Севера кажутся выросшими, как грибы. Когда смотришь на пейзаж, невозможно его представить без выросшего храма. Думаю, что это природное чувство композиции уходит в «прароссианскую» глубину и лишь впоследствии переносится на казенное зодчество.

Россия долго сопротивлялась классицизму. Его пропагандировала Екатерина II, в XVIII веке он оставался казенным стилем и стилем дворянских усадеб. Но в XIX веке классицизм взял реванш и стал всеобщим. Классицизм был принят русскими тогда, когда он обрусел, стал мягче, интимнее и приобрел черты архитектурной уютиности. Классицизм выразил старинную форму, которая называлась прежде «вышкой», потом «теремом», потом «светлицей» в мезонине. Возможно, здесь проявилось подсознательное желание сделать вышку, чтобы полюбоваться природой, войти в этот природный храм.

В Кремле есть Теремной царский дворец 1630 годов. Там наверху есть палата с большими окнами, окруженная открытой галереей, чтобы в хорошую погоду государь мог пригласить гостей прогуляться, а в дурную мог полюбоваться видом из окна палаты.

Колонный портик, родом из Античного мира, не редкость во многих странах. Однако только в России его превратили в террасу для чаепития. А когда портик объединяет два этажа, на него опирается пол балкона. И здесь мы видим то же самое стремление к связи с пейзажем.

В начале XX века монастырь возвращается от упадка в XVIII веке к значению Оптиной, Валаама, Соловков. Это соответствует путям русского искусства, которое возвращается к своим исконным восточнохристианским корням, и тоже

способствует сближению рукотворного храма с храмом природным.

К середине XIX века в русской культуре сложилась особая монастырская субкультура, как в середине XVIII века – дворянская субкультура. Эта субкультура формировала особое отношение к растениям и к природе. Монастырские сады – не только древнее, но и эстетическое явление. Что же заставляло монашествующих окружать себя прекрасными растениями? Особый затворнический характер монастыря. Строго говоря, монах в принципе никогда не должен покидать монастырских стен, за исключением некоторых функций, вынуждающих к тому. Таким образом, монах оказывался лишенным общения с природой, что было недопустимо, потому духовные авторитеты настоятельно предписывали уделять внимание монастырским садам и цветникам. Псково-Печерский монастырь, в котором никогда не пресекались традиции, прекрасно иллюстрирует эти слова. Все свободное место, незанятое дорожками, крутыми склонами, деревьями и постройками, покрыто цветниками с хорошо подобранными цветами. Быть может, цветоводство осознавалось как сотворчество, обращенное к Богу?

Икона «Богоматерь Вертоград Заключенный» Никиты Павловцева относится к середине XVII века. Вертоград – это Рай, но также и сад. Фигура Божией Матери стоит посреди парка. Принципы этого парка были подхвачены у самой модной паркообразующей страны XVII века – Голландии. Это регулярный парк – парк цветников и подстриженных растений с небольшими беседками и водометами – так в XVII веке именовали фонтаны. На Крутицком подворье, где был изысканный гуманитарный центр, в том же XVII веке были устроены такие парки. Иконописец перенес этот парк на икону – для него сад является образом Рая. А любой иконный образ должен обращать нас к первообразу. Таким образом, садоводство приобретает сакральное значение.

Валаам есть место, где человек в рамках субкультуры монастыря входил в прямое взаимодействие с дикой природой. На Валааме в леса подсаживались разные породы лиственных деревьев. Сейчас там смешанный лесопарк. Отдельные

элементы этого великолепного парка имеют легко прочитываемое символическое значение. К игуменскому кладбищу ведет аллея из лиственниц, погружая нас в состояние светлой скорби, приличествующей православному христианину. Ко скиту всех Святых ведет дубовая аллея. Для дуба Валаам слишком холоден, и стоило большего труда его вырастить. И если там светлая скорбь, то здесь утверждение. Дубовая аллея превращает весь остров в единый скит, храм, посвященный всем святым. Дуб, а не береза – символ России. Дуб, как и ель, – священное дерево древних славян.

Следующая сторона полурукотворной валаамской природы – неожиданно открывающиеся обзоры. Там можно неожиданно увидеть одинокое дерево, сбереженную сосну великолепных размеров. Это дает определенный знак, ведь по этим аллеям ходили паломники с церковными песнопениями. Может открыться поклонный крест, и он тоже напоминает о молитве. Открываются неожиданные зрительные связи – вы вступаете под арку дубовой аллеи и входите в другой мир. Арка Владимирского моста – это врата храма. С моста можно увидеть главный собор и колокольню. Это – напоминание о том, что вы не покинуты, что вы в братии, что вы в составе этой братии объединены молитвой с теми, кто постоянно посвящает себя молитвам.

На Никольском острове холоднее, чем на архипелаге в целом, потому что он находится на открытой ветрам Ладоге. Но и там растут клены, и есть цветники, вырастить которые было трудно. Монахи скита «докомпоновали» до некоей богоданной суммы неполную в этом месте дикую природу.

Великий зодчий, создатель Валаамского ансамбля Алексей Максимович Горностаев тоже был включен в эту монастырскую субкультуру. На Валааме нас везде окружает великолепный камень, в основном гранит. В кирпичных постройках Горностаева, в церквях и часовнях, обязательно вставлены колонки из местного шлифованного гранита, что тоже объединяет дикую богоданную природу, природный храм с храмом рукотворным, архитектурным. Это распространено всюду, где есть следы Валаама. На зданиях Валаамских

подворий в Санкт-Петербурге и Москве тоже имеется этот валаамский знак. Главные порталы довольно скромных зданий имеют обрамление из привезенного валаамского гранита, связывающее с природой Святого острова. Древние считали, что у каждого места существует свой ангел. Знак ангела Валаама есть в этих постройках, в каждой привезенной и установленной колонне.

На Соловках можно видеть тесную связь природных объектов и элементов архитектурного ансамбля. Только там колоссальную роль будут играть еще озера и соединяющие их каналы.

Завершая разговор о том, как человек стремился уподобить природу храму, можно сказать следующее. Представляется, что человек выполнял при этом свой изначальный долг, реализуя сотворческий дар, полученный Адамом, дар, который не может быть отнят ни у кого из нас. Вспомним, как богословски важно было то участие Адама в создании всей природы, упомянутое во второй главе Книги Бытия, когда он нарекает имена всем тварям и тем самым становится со-Творцом, а не только Венцом Творения. Вторжение в природу, когда мы выводим новую породу домашнего животного или растения, мы совершаем по нашему со-творческому праву. В обоснование этого смелого утверждения приведу два стиха из псалмов, суть которых иногда удавалось выявить нашей культуре. «Всякое дыхание да хвалит Господа». Виктору Михайловичу Васнецову доведется напрямую проиллюстрировать это, когда в абрамцевской церкви он отказался от геометрических орнаментов и настоял на том, чтобы плиточный пол был выложен цветами, а клиросы были им собственноручно расписаны. И второй, еще более связанный с темой сообщения, которым я и закончу: «На всяком месте владычестве Его благослови душе моя Господа».

Присягавшая России на Коране и Евангелии

В XVIII в. грузинам как этносу грозила полная депопуляция. То есть исчезновение. К моменту вступления в Российскую империю в XIX в. во всех странах мира оценочно грузин оставалось не более 40 000 семей – всего.

Грузия государство чрезвычайно древнее, знавшее очень высокие взлеты. Были времена, когда Грузии принадлежала вся Армения. А Армения простиралась тогда до озера Ван в восточной части нынешней Турции. Это было на рубеже XI–XII вв., в царствование «царя царей» Давида-Возобновителя (иначе Давида-Строителя). Кстати, не очень близкого друга, но военного союзника великого князя Владимира Мономаха. У России тогда были весьма тесные контакты с Грузией.

Второй период расцвета Грузии приходится на XII–XIII вв., период правления царицы Тамары, дочери царя Георгия III (1156–1184 гг.). Она очень популярна в русской поэзии и даже почитаема Русской православной церковью как общая святая. Ее первый муж – Юрий, сын великого русского князя Андрея Боголюбского. Он хотя и не был грузинским царем, но все же был русским мужем грузинской царицы. Преследуемый своим дядей Савалатом, великим князем владимирским Всеволодом Большое Гнездо (1175–1212 гг.), Юрий скрывался в городе кипчакского (половецкого) царя Севенджа. Откуда и был доставлен влиятельным купцом Занканом Зоровавелем «юноша доблестный, совершенный в телосложении и приятный для созерцания» к престолу царицы Тамары.

В тот период Грузия опять стала мощной державой. Значительная часть нынешней Восточной Турции входила тогда в состав Грузинской державы. Но на этом все взлеты кончаются. Начинается период упадка и распада. Грузия рассыпается на несколько частей.

В XVI–XVII вв. на территории нынешней Грузии были три царства – Кахетия, Имеретия и Картли. Кахетия – восточногрузинская, Имеретия – западногрузинская, а Картли –

центральногрузинская – это Тбилиси. Рядом с ними существовали и четыре совершенно независимых друг от друга и от грузинских царств княжества. Например, совершенно независимая от Грузии Абхазетия – ее можно так назвать, приятно для грузин – по-грузински. Но тем не менее это абсолютно негрузинская земля.

Просили, умоляли, 200 лет в ногах валялись...

Действия России не только на Южном, но и на Северном Кавказе во время затяжной Кавказской войны объясняются только одним: нас умоляли о защите и грузины, и армяне. Потому что исключительно исламский, к тому же еще и полудикий Северный Кавказ грозно нависал над цивилизованными христианскими землями. Разумеется, нельзя сказать, что весь Северный Кавказ был полудиким. Здесь жили осетины, лезгины, кабардинцы и прочие древние высококультурные кавказские народы.

Первое посольство Москвы в Грузию случилось в 1589 г., его возглавил князь С. Звенигородский. Далее, в XVII в., посольства Москвы в Грузию были весьма часты. В ответ кахетинский царь Теймураз, имеретинские цари Георгий, Александр и Арчил, правители Менгрелии – Леван и Гурий – Мамия (Мануйло) просили Москву о принятии их в русское подданство. А также о помощи в борьбе против шахского Ирана и султанской Турции. Кроме того, актуальным был вопрос о просвещении и книгопечатании на грузинском языке.

В 1639 г. царь Кахетии Теймураз с сыном и своими вассалами присягнул на верность России. В 1651 г. аналогичную присягу принес имеретинский царь Александр. В 1653 г. внук Теймураза Ираклий прибыл в Москву и прожил в ней около 20 лет, получив воспитание при царском дворе.

В 1684 г. в Москве поселился имеретинский царь Арчил II. При содействии Петра I он основал грузинскую типографию, положив начало печатанию книг на грузинском языке. Сын Арчила Александр сопровождал царя Петра I в заграничной поездке 1697–1698 гг., изучал артиллерию и как первый русский генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) развивал пушечное дело в России.

Грузинские посольства в Москву не прекращались очень долгое время. Грузинские князья прославились в истории Москвы своим гордым нравом и необузданным темпераментом. И тем, что их было слишком много. Всех московская публика не могла и упомнить, поэтому постоянно путала. Кроме того, большинство грузинских князей были крайне бедны. Это служило поводом для насмешек и всевозможных недоразумений, поскольку в европейской традиции титул «князь» означал весьма внушительное богатство.

Но и разбойников на Кавказе хватало всегда. Спуск диких горцев в Грузию, а особенно в Армению, был совершенно нормальным явлением. Так же, как военные грабительские походы Османской империи.

Грузины начали проситься в состав России в конце XVI столетия, в царствование Федора Иоанновича, сына Ивана Грозного – последнего царя ушедшей династии. Сегодня грузинский президент Саакашвили повелел создать музей «двухсотлетней оккупации Грузии». Хотелось бы, чтобы там не забыли создать вводный раздел о том, как грузинские цари 200 лет «в ногах валялись» и добивались этой самой «оккупации». А Россия посылала им деньги и оружие.

Из грамоты царя Теймураза царю Михаилу Федоровичу (1639 г.):

«Видишь, что Мы теперь для обороны страны нашей от врагов и мерзких агарян и от многих других бедствий, как для того, чтобы христианская вера не уничтожилась и царский род не пресекся, подчинились под высокую руку Царского Вашего Величества, чтоб Царское Твое Величество заботилось о нас и охраняло нас от врагов и давало нам помощь и защиту. Потому что мы, православные христиане, и веруем во единого Бога трехипостасного, и имеем одну веру и одно крещение и одну литургию, и следует тебе с нами обращаться с большим вниманием, чем с другими: так это заведено у православных царей и владетелей.

Наше первое великое прошение состоит в том, чтоб Ты, Великий Государь, если пожелаешь оказать угодное мне, Царю Теймуразу, и всей Иверской земле и христианской вере, –

послал бы нам одного князя Великого с войском, чтобы помочь нам против нечистых леков (горцев)...

Если Ты любишь меня, царя Теймураза, и всю Иверскую землю, и хочешь защитить нас от врагов и утвердить христианскую веру и подчинить нас под высокую и великую руку Вашего Царского Величества, то пошли нам одного князя с войском на помощь и прикажи выстроить нам крепость. Тогда леки угомонятся и многие другие враги...

И мы просим тебя, Великий Государь, потому что многих имеем врагов на свете, чтоб Твое Царское Величество не слушало слов других, так как и я не буду слушать слов других, чтобы с сего дня слово наше было словом, любовь любовью, дружба дружбою. И чтобы я, Царь Теймураз, был подчинен под высокую руку Твоего Царского Величества и вся Иверская земля и дети детей моих...».

Но при тех южных границах Московского государства дотянуться царю Федору военной силой до Грузии было просто невозможно. А когда смогли, то помощь последовала. В состав России в разные годы вошли уже, правда, не три царства, а два – Картли и Кахетия во второй половине XVII в. смогли объединиться. А также четыре княжества. Георгиевский трактат подписывал картли-кахетинский царь. Имеретинские правители-царевичи просились отдельно. И отдельно приносили присягу русскому императору за Имеретию.

Извлечение из Георгиевского трактата с Грузией (24 июля 1783 г.) по изданию ПСЗ, т. XIX, №15 835:

Артикул 1. Его Светлость Царь Карталинский и Кахетинский именем своим, наследников и преемников своих торжественно навсегда отрицается от всякого вассальства или под каким бы то титулом ни было, от всякой зависимости от Персии или иной державы; и сим объявляет пред лицом всего света, что не признает над собою и преемником иного самодержавия, кроме верховной власти и покровительства Е.И.В-ва и Ее высоких наследников и преемников престола всероссийского...

Артикул 2. ...обещает Его Светлость без предварительного соглашения с главным пограничным начальником... не иметь сношения с окрестными владетелями. А когда от них приедут

посланцы или присланы будут письма, оные принимая советовать с главным пограничным начальником и с министром Е.И.В-ва о возвращении таковых посланцев и о надлежащей их владетелям отповеди...

Артикул 6. Е.И.В-во, приемля с благоволением признание Ее верховной власти и покровительства над царствами Карталинским и Грузинским, обещает именем своим и преемников своих:

1. Народы тех царств почитать пребывающими в тесном союзе и совершенном согласии с Империей Ее и, следовательно, неприятелей их признавать за своих неприятелей;

2. Светлейшего Царя Ираклия Теймуразовича (Ираклий II (1720–1798 гг.) – грузинский царь, объединивший в 1762 г. Кахетию и Картлию) и его дому наследников и потомков сохранять беспрерывно на царстве Карталинском и Кахетинском.

Власть, со внутренним управлением сопряженную, суд и расправу и сбор податей представить Его Светлости Царю в полную его волю и пользу, запрещая своему военному и гражданскому начальству вступаться в какие-либо распоряжения...

Абхазия вступила в состав Российской империи в 1810 году. Это позже, чем Картли-Кахетинское царство. Но тоже, договорившись между собой, присягали соответственно светлейший князь Шерваши-Абхазский, а также князья и беки абхазские. Причем в документе ритуал не описан, но подписи выделены: отдельно – христиане, отдельно – мусульмане. Наверняка так было потому, что христианские князья присягали на Евангелии, а мусульманские – на Коране.

Пусть торжествует историческая правда – и будет шесть Грузий...

Соответственно, если Советский Союз распался, то Грузинская ССР должна была распасться на шесть составных частей. Это если по совести и по доброй воле.

Но сегодняшняя Грузия претендует даже на негрузинскую часть. Такова ситуация. А историческая правда говорит о

другом. Даже то, что грузинские цари, в частности Давид Великий, владели Абхазией, не доказывает равным счетом ничего.

Нынешний грузинский президент Саакашвили, слава богу, пока не претендует на Армению. А вот Давид-Строитель владел очень большим куском турецкой Армении.

Что же касается Батума (это к вопросу законности владения современной Грузии Аджарией и правильностью поведения Кремля в этом вопросе), то Батумское ханство присоединено к России в результате русско-турецкой войны Николая I в 1828–1829 гг. Аджария действительно населена грузинами, но уже очень давно «омусульманенными». Так что она, в общем-то, тоже может претендовать на некоторое обособление. И, невзирая на подавляющее число мусульман, аджарцы, тем не менее, как и русины в Закарпатье, всегда тяготели более к Москве, нежели к Тбилиси. Что касается абхазов, то их тяготение к Москве и вовсе бесспорно.

В данной ситуации проявляет себя пока никем не оспоренная историческая закономерность: малый народ всегда с большим – против среднего. Абхазы – верные федераты Византии, верноподданные России и Советского Союза. Но только не Грузии. А между византийским и русским периодом они готовы были ориентироваться даже на турок. Потому, что они турок – тоже большой народ – не боялись. Но всегда боялись грузин.

Чудеса грузинской демократии

Не случайно европейская история Грузии начиналась и развивалась через Россию. Но если сегодня кому-то в Европе сказать что Грузия – европейская страна, а грузины – исконные европейцы, то там может случиться шок. Его можно сравнить в памяти европейцев с аналогичным паломничеством новых «европейцев» из Турции. Когда из нескольких сот тысяч турков, принятых Германией, через несколько лет их оказалось миллионы. И они стали бороться за свои этнокультурные права всеми дозволенными и недозволенными методами, включая поджоги автомобилей, беспорядки на улицах и прочие «радости» эпохи борьбы с терроризмом.

Тесно дружить с Грузией хотят и пытаются лишь американцы, имеющие на своей территории штат Джорджия, что переводится как Грузия. Но это означает, что дружить, скорее всего, хотят не с Грузией, а против России или Ирана.

Вот и пытаются новые американо-грузинские отношения догнать и перегнать русско-грузинские традиции, имеющие многовековую историю и богатый взаимный опыт.

Столь насыщенной и богатой историей современные американо-грузинские отношения похвастаться не могут. Разве что невзорвавшейся гранатой на площади в Тбилиси во время выступлений американского и грузинского президентов.

Так чем же запомнятся в истории современные грузинские властители, отвернувшиеся от исторической дружбы с Россией в пользу США?

Преданное де-факто историческое наследие грузинских князей и царей уже стало очень неприятным фактором. В ближайшие годы проклятие гордых и честных предков может объективно похоронить саму идею грузинской демократии. А кроме того, и суверенитет великой Грузии.

Как говорится, вот она и проблема: войну в Грузии, наряду с военными действиями в Ираке, Афганистане, в ближайшей перспективе – в Иране, – американцы, с их падающим долларом, вряд ли потянут. И блудному грузинскому «сыну» Саакашвили придется вновь присягать России одной рукой на Коране, а другой на Евангелии.

Хотя сегодня в Грузии возможно почти все. И радикализм, в рамках которого Саакашвили принесет присягу только на Коране. Но тогда уже не перед Россией, а перед «европейской» Турцией.

Вот такими в ближайшие годы могут быть чудеса грузинской демократии.

Статья также опубликована в газете «Аргументы недели»
Правая.ру, 28.09.07

Размышления о национальном достоянии

Поистине странные волны прокатываются по страницам нашей прессы. Сперва с них начисто смывает тему охраны памятников истории и культуры. Ясное дело: памятники сносили, жгли и продавали коммунисты, их больше нет. А “демократы” вместе с партбилетами сожгли долговые обязательства перед отечественной культурой. Им сначала поносить дайте, а потом охраны требуйте.

Затем на страницах вскипает грозный, ревуший вал заботы о православных. “Вернуть награбленное”! И понимаешь, что в стране молиться не на что: все иконы попрятали противные музейщики. Вот министры и мэры – хорошие: они готовы все храмы вернуть, особенно такие, где две стены вместе держатся, а больше нет ничего... А музейщики – плохие: не хотят, чтобы бабули на одну стенку иконы шестнадцатого века повесили, а на другую – семнадцатого!

А следом новая волна вскипает. Награбленного возвращать не нужно. Нужно защищать от церковников-мракобесов отечественную культуру и университетскую церковь св.Татьяны. И никакая она не церковь, а театр. Театр. ТЕАТР! А если признаемся, что церковь, на завтра мракобесы в Большом театре устроят Храм Христа Спасителя.

Все эти метаморфозы способны в крайнее недоумение повергнуть читателя, если у него память хорошая и он предыдущую метаморфозу помнит. А происходят сии превращения по большей части не по злой воле, а от серости... Когда пытаются писать о культуре, не задумываясь, что же это такое, о чем пишут-то.

Кем-то подсчитано, что до нашего времени сделано порядка шестисот попыток определения культуры. Возможно, и еще будут. Но само это невероятное число заставляет подозревать, что культура – неопределима. Ибо это одно из изначальных понятий, через которое человек определяет множество других. И искусство, и науку, и государство, и общество... Каждое определение принадлежит своему времени,

а культура существует столько, сколько существует человек. С ним и исчезнет. Культуру невозможно определить, но можно описать. И большинство философов и ученых давно склоняются к тому, что культура – это все, что человек создает в своей жизни и оставляет своим потомкам. Культура – все, что не природа. Не только театры, музеи, библиотеки. Вообще – среда обитания человека, “остаточный принцип финансирования” культуры – разрушение этой самой среды.

Давно сложились представления о внутренней иерархии культуры. На вершине – богословие, философия. Ниже – искусства, науки, словесность. Затем – политическая и хозяйственная культура. А фундамент всего – культура бытовая.

К понятию “культура” весьма близко понятие “традиция”. А можно считать, что это вообще одно и то же. А “Культурная традиция” – тавтология, этакое “масло масляное”.

Пока живы русские, русская культура и есть русская традиция. Не стало римлян, и римская культура осталась только в музеях. Когда подчеркивают, что Англия – страна традиций, тем самым утверждают, что это страна высокой культуры. Традиционалист – это не “несовременный” человек: все люди современны. Это – носитель высокой культуры, то есть хранитель среды обитания. Берегите традиционалистов, а то скоро обитать станет негде и не в чем.

Каково, кстати, сейчас положение русской традиции? Положение, как раньше говаривали, “хуже губернаторского”. Мощная литература и превосходная музыка. Высочайший научный уровень, особенно в науках гуманитарных. Так и не смогли разрушить! Но если взять выше: философии, богословия нет. Прервана национальная архитектурная традиция. В изобразительных искусствах, мягко говоря, скучновато. Политическая и хозяйственная культура громогласно объявлены “отсталыми”. Вечно отсталыми! И почти утрачена культура бытовая, а ведь на ней все держится.

Хотим жить дальше – должны оживить традицию. Восстановить то, что уже было. Не для того, чтобы превратиться в людей XIX-го века или XIV-го – все равно не получится. Восстановить, чтобы было чему дальше жить и развиваться. Вот

израильтяне ради восстановления национальной культуры пошли даже на подвиг оживления мертвого языка. Нам проще: наш язык жив. Пока. Но в защите всего общества нуждается. И общество нуждается в защите языка, так как это важнейший стержень культуры, пронизывающий все ее пласты. Кстати, бизнесмен по-русски называется “делец” или “предприниматель”. А “бизнесмен” , по звучанию, служит на бензоколонке. “Бензинсмен”. А “мэрия” в России – это, видимо, место, где держат мерингов?

Так что музей для нас ныне – место наиважнейшее. Место, где мы видим собственную традицию неразорванной. Откуда ей и дальше можно продлиться. Где можно любоваться прекрасной картиной (и иконой!), дабы у нас сейчас писались другие, но не менее прекрасные иконы и картины. И когда к середине 80-х годов почитай весь народ если не защищал памятники архитектуры, то, по крайней мере, интересовался защитой, стало ясно, что защищаем мы не памятники только, а среду обитания. И что приемлемую для русского человека (особенно ребенка!) среду жизнедеятельности мы созидать разучились. И городскую, и сельскую.

Жизнедеятельность – это не только чтобы поспать, поесть и ... наоборот. Это еще означает “радоваться и веселиться”. Повеселишься тут в шестнадцатиэтажном бараке! И до тех пор, пока снова не научимся строить так, как умели еще семьдесят лет назад, – каждый заурядный домик, построенный до начала возведения Светлого Будущего, бесценен. В нем веселиться можно. И радоваться, когда идешь мимо него по улице.

А как же насчет награбленного? Ради сохранения культуры как среды обитания не будем открывать храмы?

Здесь противоречия нет. Выше уровня национальной культуры существует еще великая культура, культурный регион. Была древнегреческая культура, но древние греки входили и в культуру античную. Русские принадлежат к русской культуре, но и к культуре восточнохристианской, православной. Вместе с греками, грузинами, чувашами, карелами и многими другими.

Культур, обязанных своим происхождением христианской вере, по крайней мере две: наша и западная. Так что вполне

уместно полагать, что стержнем культуры служит не религия, а КУЛЬТ. Образ богослужения. Прежде всего православная Литургия, ежедневно совершаемая в наших храмах. И сталкивая друг с другом необходимость открытия храмов и необходимость сохранения памятников и собраний, сталкивают живой стержень культуры и наследие, подлежащее оживлению. Никакой другой культуры у нас с вами не будет, так что это путь к дальнейшему разрушению. Так что каждого создателя подобных конфликтов я рекомендую считать разрушителем русской культуры, будь он журналист или театрал, бюрократ в пиджаке или бюрократ в рясе.

Проблема возвращения икон и других художественных ценностей из музейных собраний в действующие храмы чрезвычайно сложна и многообразна. Прежде всего необходимо отказаться от понятия “возвращения Церкви”. Иконы принадлежат не Церкви, а приходским храмам, соборам и монастырям. Многие из них находились в храмах, которых, увы, не существует. И место их – в музейных собраниях. Происхождение многих икон неизвестно, особенно тех, которые были награблены государством в 20-е годы и прошли через так называемый “Антиквариат”.

Не следует забывать, что были и церковные музеи: епархиальные древлехранилища. В этом случае может стоять вопрос о возвращении икон конкретной епархии, если она готова восстановить свой музей. Троице-Сергиевский (бывший Загорский) музей-заповедник состоит практически из собрания Лавры... Этот музей, несомненно, должен быть возвращен своему владельцу, что, естественно, обязывает Лавру содержать и впредь собрание общедоступным. Требующие возвращения икон в храмы обычно опускают скользкий вопрос об иконах частных коллекций, а ведь из них многие тоже были в храме. И тоже награблены.

Конечно, справедливо в первую очередь требовать с государства. Но все дело в том, что ни одна икона, фелонь или потир, попавшие в музеи, государству не принадлежат. Государству принадлежит только сам музей. А все, что в нем, принадлежит МУЗЕЮ. И если государство вздумает кому-

нибудь подарить музейное сокровище, государство совершит КРАЖУ! Мы, конечно, привыкли, но вряд ли следует воров поощрять общественным мнением. Возвращать богослужебные ценности следует только храмам и монастырям, в крайнем случае – епархиям, если у них есть свой музей. Но не Церкви (Вселенская Православная Церковь общего имущества не имеет), тем более – не патриархии. Все знают, что Святейший Патриарх Московский – это первоиерарх Православной Церкви в России. И никто толком не знает, что такое патриархия. О ней в церковных установлениях ничего не сказано. Если это некая администрация, то ее единственная функция – обслуживать православных христиан. Выполнять их волю, а отнюдь не принимать решения. Как, кстати, любой администрации.

Для того, чтобы решить вопрос: где быть иконам и другим ценностям церковным и как их при любом варианте сохранить в целости, – совершенно необходимо принять юридическую категорию **НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ**. Тогда общество решит, что и кому вернуть, а государство получит инструмент воздействия, позволяющий обязать любого владельца безупречно сохранять национальные ценности. Вне зависимости от того, музей это, храм или частный владелец. Так ведь давно в большинстве стран устроено!

В совершенно особом положении находятся великие святыни, пользующиеся всенародным почитанием, чудотворные иконы, к примеру. Вот им место только в храмах. Здесь нет повода к дискуссии. Можно только изумляться, что и Владимирская икона, и Богоматерь Великая Панагия доселе в Третьяковке. Но даже и на величайшие общенародные святыни в полной мере распространяются все требования режима хранения, в первую очередь – температурно-влажностного. Веками потемневшие и потрескавшиеся иконы переписывали. Не думаю, что самый пламенный ортодокс подозревает, что нация позволит переписать Владимирскую или Толгскую.

Вопрос о режиме хранения должен решаться в каждом отдельном случае особо, притом – жестко, но разумно. Ведь музейным шедеврам тоже лучше храниться в стальных шкафах с инертным газом, а они вместо этого в залах висят. В наше же

прогрессивное время предпочитают не решать никак. Даже тогда, когда решение лежит на поверхности.

В подмосковных Бронницах советская власть не оставила русским людям ни одного открытого храма, и по случаю перестройки одним из первых в области был возвращен христианам великолепный Архангельский собор 1705 года постройки с полностью дошедшим до нас барочным внутренним убранством. Бронницы – город, приход тут же сложился, огромный приход: люди же в церковь не ходили только потому, что очень далеко. И увидев собор в очередной приезд, я с ужасом обнаружил, что к западному входу красавца-собора приколотен безобразный деревянный тамбур. Тамбур не спасал: с каждым входящим в трапезную врывалось облако морозного воздуха. Народу – битком, душно, выдыхаемый воздух ползет вверх по сказочной красоты иконостасу и ... через десять лет придется спасать не только иконы, но и иконостасную резьбу. Нарышкинских иконостасов сохранились единицы.

А как же в минувшие три столетия? А очень просто: Архангельский собор был холодным, в нем зимой не служили. В советское время режим изменили, провели центральное отопление, но в храме устроили архив. Некому было надышаться.

Обидно то, что и проблемы-то в данном случае нет. Рядом стоит весьма вместительный теплый Входеоерусалимский храм. Открывая приход, епархия была обязана взять ОБА храма. Власти, – в крайнем случае, навязать приходу ОБА. И строго потребовать, чтобы зимой служили в зимней церкви, а в Архангельском соборе – летом, а если уж зимой, то лишь несколько самых торжественных богослужений в году.

Похоже, что в епархии о национальном достоянии квалифицированно подумать было некому. А областная администрация, которая радостно помогала раньше шедеврам русского зодчества погибать в качестве складов и мастерских, столь же радостно дожидается ныне их гибели уже в первозданном качестве. Выходы? В епархиальные советы пора избрать образованных православных мирян из числа профессоров, учителей, краеведов, тем более, что в России это

и принято. Невзирая на бедность многократно ограбленной Церкви, восстановить повсюду должности епархиальных архитекторов с большими надзорными правами. В епархиях, где окажется в храмах много древних икон, драгоценной утвари и облачений, понадобится и должность “епархиального искусствоведа” или “епархиального хранителя”. Решительно требовать у местной администрации и бывших арендаторов участия в реставрации и поддержания возвращаемых памятников истории и культуры. Обществу же наконец полезно усвоить, что так называемая “местная власть” – не власть вовсе, а администрация. И эту администрацию (род обслуживающего персонала) мы содержим, в частности, и для того, чтобы оберегать национальное достояние.

Так надо ли добиваться “возвращения награбленного”? Вне всякого сомнения, если мы осмеливаемся утверждать, что покончили с коммунистическим порабощением. Ибо в добольшевистской России по крайней мере девять десятых имущества были в собственности лиц православного вероисповедания. А в нынешней Российской Федерации, как ни условны ее границы, девять десятых граждан – потомки православных, то есть православные по культуре, по культурной принадлежности.

Острейший вопрос о восстановлении прав собственности частных лиц лежит за пределами моей сегодняшней темы. Но и собственность Церкви, то есть, как мы договорились, собственность реальных епархий, монастырей, приходов – это далеко не только храмы. И это, вопреки мнению радикальных журналистов, далеко не в первую очередь художественные шедевры, составляющие национальное достояние, а, следовательно, достояние и мусульман, и буддистов, в том числе и безбожников.

Москва, Тверская, дом 6, во дворе. Великолепное здание подворья Саввино-Сторожевского монастыря. Шедевр архитектуры модерна, созданный архитектором И.Кузнецовым. Биржевую площадь в Китай-городе обрамляют два монументальных пятиэтажных дома. Ильинка, дом 5 – подворье Троицкой Сергиевой лавры. Ильинка, 7 – Иосифова

Волоколамского монастыря. Все это – деловые здания, построенные обителями на свои деньги и на своей земле для сдачи внаймы. На доход со своего подворья Лавра без труда могла бы содержать музей мирового уровня; на доход со своего – Иосифов монастырь восстановил бы свою колокольню, взорванную СОВЕТСКИМИ войсками во время войны, раз уж этого не делает правительство. И обе обители могли бы издать множество книг, так необходимых возрождению русской культуры. На Чистых прудах красивейший семиэтажный квартирный дом (художник С.Вашков) принадлежит приходу церкви Троицы в Грязех. Возрожденный приход бедствует в храме, изуродованном большевистским режимом, а деньги утекают московской администрации. В одной Москве таких построек десятки. А по стране? А сады, пруды, лесные и сенокосные угодья? А вам не кажется, что, получая со всего этого доходы, наши некоммунистические власти если не воры, то уж по крайней мере перекупщики краденого?

Съездите посмотреть храм Рождества Богородицы подмосковного села Поярково, пока не рухнула единственная из известных ученым шатровая колокольня с двумя ярусами звона. Посмотрите, пока не поздно, сфотографируйте или зарисуйте, поплачьте о дивной красоте, для которой любой год может оказаться последним. Легко добраться: 34-й автобус часто бегаёт от станции Сходня, а по Петербургскому шоссе – поворот от Черной Грязи. Асфальтовая дорога до храма; так что реставрировать было бы легко и удобно. И как добивались этой реставрации краеведы, деятели охраны памятников в 80-е годы! Телепередача была. Большая переписка – вплоть до Республиканской прокуратуры. Если погибнет колокольня, будем точно знать виновных: руководство областного управления культуры и Инспекции охраны памятников. Теперь-то у них “денег нет”, а тогда, раньше? Несуществующую усадьбу А.Блока хотели заново построить!

А вот пример полярный: православная община Московского университета возвращает университетский храм св. Татьяны. Я учился в университете в 70-х и свидетельствую: не было человека ни в студенческой, ни в преподавательской

корпорации, кто не знал бы, что наш праздник Татьянин день и почему это так. Ректорат и Совет университета с готовностью “возвращает награбленное”. Дальнейшее вам известно: на страницы вроде бы солидных газет хлынула фантастика, а то и прямая ложь о первоначальной “театральности” Татьянинской церкви. Ну, где вы были, когда из Донского монастыря грубо вышвыривали Музей архитектуры, кстати, спасший этот архитектурный ансамбль и единственное уцелевшее монастырское кладбище? Где были вы, культуртрегеры и свобододолюбцы, когда московское начальство, передавая никогда не существовавшим в Москве церковным общинам здания Архитектурного института, ставит на грань срыва учебный процесс в одном из лучших столичных учебных заведений? Сомневаюсь, грешен, в пользу существования театра МГУ на нынешнем его уровне для возрождения русской культуры. А в пользу музеев, художественных и гуманитарных учебных заведений не сомневаюсь! А может, вас, “театралов”, задело намерение Татьянинского прихода учредить при храме Православный культурный центр? Может, мила сама идея противопоставления Церкви и культуры? А полуразрушенные храмы, вроде поярковского, навязывали нищим новым приходам только ради собственного избавления от ответственности?

Я чувствую себя вправе поставить вполне жесткие вопросы. Я привел несколько примеров, мог бы привести сотни. Но я не предполагаю, что ответы на эти вопросы однозначны. Тем более, что уверен: в безобразном “противоборстве” Церкви и культуры СЕРОСТИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ЗЛОЙ ВОЛИ.

Уверен лишь в том, что Россия – СТРАНА ПРАВОСЛАВНАЯ (о государстве тут речь не идет, но государство существует для обслуживания страны). Уверен, что ПРАВОСЛАВНЫЕ ПО ВЕРЕ – самая крупная социальная группа, а ПРАВОСЛАВНЫЕ ПО КУЛЬТУРЕ – подавляющее большинство населения. Что противоборство Церкви и культуры аномально. Что множество проблем нашего времени легко снимаются введением в обиход категорий НАЦИОНАЛЬНОГО ДОСТОЯНИЯ и НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ. Что разрешить поставленные здесь вопросы

может только само общество, призвав для разрешения высокообразованных традиционалистов, принадлежащих к самой Церкви, являющихся носителями самой русской культуры, живущих в этой культуре. Что суждения этих хранителей культуры должны быть абсолютно независимыми, за исключением ответственности перед Богом и нацией. И что самые уважаемые чиновники любого ранга существуют исключительно для исполнения того, что им повелело общество и его культурная элита.

Расписание на завтра

(из интервью В.Л. Махнача одной из «либеральных» газет)

– Владимир Леонидович, возвращением утраченных Россией территорий нынешняя отечественная политическая элита не желает заниматься в силу ряда причин. Одну из них многие формулируют так: мол, что с возу упало – то пропало, заново прочерчивать границы нет возможности. Нет и смысла – дескать, рано или поздно бывшие республики СССР к России сами «приползут»: зачем же тогда биться за Крым, когда получим всю Украину; к чему нам Приднестровье, когда вся Молдавия окажется «у ног России»? И вы говорите: давайте через Абхазию давить на Грузию – и та «сдастся»... А уж тезис о «показании примера в процветании» и вовсе популярен: тут вроде как «легко и просто» мы способны «притянуть» к себе всех и вся! Но способны ли? Не миф ли это, причем определенно советского содержания? Не упускаем ли мы истинно свое в погоне за всем – нашим и не нашим? Приятно надеяться на то же «славянское единство, которое когда-нибудь якобы снова бросит друг другу в объятья русских, украинцев, белорусов», но в это время – давайте признаем! – те же украинцы все более ощущают себя именно украинцами и все жестче отстаивают «украинские интересы»... А где в это время мы, русские, великороссы, россияне (называйте, как хотите)?

– Со многим я тут согласен, но не со всем. В разных регионах – разное положение. Сторонников объединения России с Белоруссией в рамках государства большинство и среди русских, и среди белорусов. А значит, при изменении политики правящих элит, возможны кардинальные подвижки. Ведь белорусы до сих пор окончательно не убедились в том, что они отдельная от русских нация. На Украине, конечно, другое дело. Большинство живущих там уже считают себя украинцами: в этом их за XX век успели убедить пропагандисты сей идеи. Но и при этом многие – в Таврии, Одессе, всей Новороссии, приморской части Украины – являются сторонниками пребывания с русскими в одном государстве. А в Ужгородской

области население не то чтобы хочет в Россию, но и не считает себя украинским (они – русины, православные). Словом, все Левобережье не прочь жить с русскими в одном государстве. Но дело даже не в этом. Главное, что на Украине тот же православный, культурный факторы более влияют на ситуацию, чем даже в России. Огромное число украинцев не хотят озападничивания, окатоличивания. Это грех не использовать!

– Для чего? Опять тот же вопрос! Для расширения «не Украины» или всей Украины с тем, чтобы опять таки попытаться присоединить последнюю к России? Какова тут конкретная политическая цель?

– Мы можем использовать антикатолический фактор с тем, чтобы в будущем, к примеру, не получить лишь Крым, отдав Украину на Запад, а большую часть Украины, отдав Западу только Галицию.

– Вот это уже интересно. И крайне важно такую мысль сформулировать как элемент серьезной политической доктрины. Ибо, повторимся, хватит что-то где-то поддерживать, стимулировать etc, если мы не понимаем конкретной цели этого! Хватит тратить силы и время, финансовые и прочие средства во имя абстрактных идей типа славянского единства, культурной или религиозной общности, очень похожих на идею мировой революции. Подобным теориям вполне место в университетских аудиториях, но не в кабинетах реально действующих политиков.

– А вот в Грузии фактор православного единства не работает. Грузины – православные, однако это, увы, к нам отношения в реальной жизни не имеет. Зато в Грузии настолько силен сепаратистский фактор, что Тифлис благодаря ему мы можем просто «сжать в клещи».

– И снова спрашивается: для чего? Нужна четко сформулированная позиция по этому вопросу. Прописанная доктрина. Выверенные шаги на политической арене и в политической практике. Мы же не просто хотим «насолить» Шеварнадзе или дестабилизировать ситуации в Грузии, чтобы позлорадствовать над этим! У нас должны быть цели, исходящие из наших насущных потребностей, жизненно важных интересов. Почему Америка имеет эти интересы по всему свету

(четко и подробно расписанные, со средствами достижения таковых), а мы опять-таки по большей части якобы кого-то спасаем, кому-то помогаем, действуя абстрактно, непродуманно, спонтанно?! В отношениях с теми же Грузией, Абхазией, Южной Осетией, Аджарией есть то, что исторически и юридически обосновано, то, на что может и должна претендовать каждая из сторон и все, вместе взятые, по МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ! Давайте пропишем законные претензии и чаяния России в глубоких и безукоризненно четких документах – и пусть наши политики, дипломаты, военные действуют в строгом (и творческом) соответствии с ними.

– Это сложнейшая задача!

– Еще бы! Но без этого дальнейшее успешное развитие России попросту невозможно. Кстати и весь цивилизованный мир смертельно устал от нашей непредсказуемости, по духу советских притязаний то на мировое господство, то на «дестабилизации ситуации во имя обозначения присутствия» (один из тезисов Дмитрия Rogozina и Константина Затулина). У русских царей не было таких благоглупостей и цинизма: они освобождали народы, строили и перестраивали мир на основе и во имя ясных высоких духовных ценностей, возвещая всем и каждому о предназначении своих дел и руководствуясь в них глубоко разработанной внятной политикой.

– Что ж, против этого возразить нечего.

– Каковы должны быть, по-вашему, здесь первые шаги?

– Для начала важно выпустить элементарные карты, как это сделали еще в советское (!) время спокойные и грамотные литовцы. Те не кричали, не митинговали – они предъявили миру границы Великого Княжества Литовского. Нам нужно издать карты Российской Империи и исторической России.

Кстати, необходимо четко заявить, что части исторической Российской Империи и части исторической России – это отнюдь не одно и то же. Если, скажем, основная часть Прибалтики, Кавказ, практически целиком, кроме казачьих областей – Терской, Гребенской, Кубанской, а также Молдавия (Заднепровье) – это части Российской Империи, то большая часть Казахстана, Приднепровья, Украина, Белоруссия,

Латгалия – это территория России. Разница между этим должна быть прояснена на уровне политической элиты. Что и как может и должно быть восстановлено, в каждом случае – конкретный вопрос. Исторические Курляндия, Лифляндия и Эстляндия – это вообще купленные территории (не добровольно присоединенные и не завоеванные), на которые не распространяются сроки давности.

Конкретика вопросов опирается и на конкретику действий. Есть, к примеру, совершенно четкое доведенное до всех международных инстанций официальное заявление Круга Донских атаманов, в котором говорится: если будет подписан российско-украинский договор об отсутствии территориальных претензий, то тогда Донское казачество самостоятельно выступит с территориальными претензиями к Украине. Этот документ всячески замалчивается, но ответственные русские политики не то что могут, но обязаны опираться на него при проработке соответствующего вопроса.

(2002 год)

Революция пока еще не окончена

Англичане в 17 веке были примерно в том возрасте, в котором мы находимся сейчас. Вот в этом возрасте из революции выходили англичане. И они показали блестящий пример. Они сделали революцию непристойностью. Но этот период у них заканчивается. Они состарились. А у нас еще 400 лет впереди

Я ненавижу революцию. Ни октябрьскую, ни мартовскую, какую угодно. Я ненавижу всех революционеров. Но мне близка фраза выдающегося консерватора середины 19 века Жозефа де Мэстра. Монархисту и католику надо было обладать большим джентльменским и гражданским мужеством, чтобы такое написать. Он написал: «Всякая революция является последствием злоупотреблений власти. Но последствия каждой революции неизмеримо страшнее последствий любых злоупотреблений любой власти». Я согласен с де Мэстром. Если мы попадем на том свете в одно место, куда я всем желаю попасть, то нам будет о чем поговорить.

Историк, с моей точки зрения, не обязан различать оттенки продуктов метаболизма. То есть, различать А.Ф. Керенского и И.В. Сталина, Владимира Ульянова-Ленина и Бориса Ельцина. Потому что все они для меня – революционеры наряду с Робеспьерами, Кромвелями и прочими. То есть все они – подонки и мерзавцы. Они разрушители нормальной жизни, нормальных, средних, но честных и часто достойных жителей. Так было всегда.

Обратите внимание – французская революция была не менее кровавой, чем российская. А английская – не менее кровавая, чем французская. Это самая известная революция, хотя были и другие. Но картинка будет та же, только с поправкой на демографическую ситуацию, на численность народонаселения. Я не уверен, что доктор Мальтуз был прав насчет полезности войн, которые вели к полезному сокращению народонаселения. Но Мальтуз был точно прав применительно к революциям. Такой же процент людей (только самих людей

было меньше), погибало и в английской, и в французской, и в российской революциях. А еще больший процент погиб в революции красных кхмеров в многострадальной Камбодже. Там вообще чуть не кончили национальным самоубийством. Повторялись одни и те же игры, доказывающие, что каждый революционер – разрушитель веры, семьи и культуры, которая есть все, что создает человек. Природу ему дает Господь Бог, но культуру создает человек. Посмотрите на английскую революцию: разорение, избиение национальных меньшинств, привод к власти одного религиозного меньшинства, того, который потом стал «малым народом» – это пуритане. Плюс цареубийство. Во французской революции «малым народом» были не пуритане, а деисты, детища французского просвещения. Меньшинство убивало меньшинства, что вызвало восстание в Вандее. В русской революции – все то же самое. И опять цареубийство, запрограммированное, продуманное заранее.

Не будем здесь рассуждать о святости царя-мученика Николая Александровича, очевидной для меня. Но скажем одну интересную вещь: Николай Александрович был добрым народолюбивым царем. Луи XVI был тоже добрым, пусть не талантливый, народолюбивый королем. Карл I Стюарт был великодушным и довольно-таки доброжелательным, заботившимся об Англии королем. Как интересно, что все революции одинаковы в своей разрушительной миссии. Есть один очень важный момент: совершенно бессмысленно говорить, что была февральская буржуазная революция с маленьких букв и «Великая Октябрьская Социалистическая Революция». Сам термин, кстати, придумали при Сталине. В 20-е годы сами большевики называли Октябрь переворотом и гордились тем, что совершили переворот. Точно также глупо говорить о «Великой Февральской революции» и «гнусном октябрьском перевороте». Это фазы одной и той же революции. Если бы мы делили эти фазы на отдельные революции, то тогда мы должны были бы, говоря о французской революции, отдельно писать «фельянская революция», «жирондистская революция», «якобинская революция», «термидорианская

революция» и, наконец, «Великая Бонапартистская Революция». Все они несли страшный вред. Кстати, Французское королевство перед революцией 1789 года было самым многолюдным, самым многонаселенным государством Европы. Мы не отдаем себе отчет, по привычке думая, что Россия была всегда такой великой. А, между прочим, население России в конце 18 века, пока во Франции был король, было в полтора раза меньше, чем во Франции. Во Франции населения было 20 миллионов.

Итак, Россия после Октября была расчленена. Наследники Октября, которые до сих пор находятся еще у власти в нашей многострадальной стране, в 1917 году начали расчленять и в начале 1920-х годов закончили расчленять историческую Россию, которая отнюдь не совпадает с Российской Федерацией, а почти что совпадает с Советским Союзом. СССР и есть, в сущности, Россия. А в 1991 году их наследники, их выкормыши, их потомки повторили то же самое. Ну что ж, с Россией такое бывало, как бывало и с другими странами, все еще восстановится.

В результате все революции привели не к полному, окончательному краху, а к серьезной кровопотере, потере богатства, имущества, нравственности. Революция всегда подрывает в обществе нравственность и это преодолевается потом в обществе десятилетиями и веками. Или вообще не преодолевается. Когда говорят о революции и пути модернизации, в данном случае – о русской революции, то она началась в 1905 год и это была ее первая фельянская фаза. Достоинство нашего государя и твердая воля последнего великого государственного деятеля России Петра Столыпина придавили революцию малой кровью. Число жертв со всех сторон революции 1905–1907 годов – 16 тысяч человек. Для сравнения – в 1870 году Парижская коммуна в одном только Париже с окрестностями стоила 70 тысяч жертв. Придавили, но додавить не смогли, да и Столыпина убили. И сейчас все еще раздаются голоса в ее пользу. Когда в Институте философии РАН считанные дни назад на большом клубном заседании я начал слушать лиц, обладающих учеными степенями докторов и

учеными званиями профессоров, они говорили, что это был «искаженный, неправильный, но путь модернизации», что Россия была даже «страной с колониальной экономикой», что «класс трудящихся» (Боже милостивый! – по Марксу нет «класса трудящихся», трудящиеся представляют собой не один класс) был «недоволен». Это чудовищно – слушать подобное в 2007 году, потому что все это одна сплошная ложь.

Россия была пятой развитой страной мира. По состоянию экономики развитые страны располагались так: Великобритания, Германия, Североамериканские Соединенные Штаты, Франция, Россия. Это означает, что Россия была впереди Италии, Австро-Венгрии, Японии – не последних, между прочим, государств. Пусть не первая, а пятая. Мы постоянно забываем, что Российская империя тогда не была сырьевым придатком Европы, Запада в целом. Да, мы вывозили сырье. Было бы очень странно из такой лесной страны, как Россия, не вывозить лес. Это прибыль немалая. Да, мы добывали нефть. Но любопытно, что та Россия экспортировала керосин, а не гнала сырую нефть по трубе. Каждый школьник знает, что Россия была первой зернопроизводящей страной в мире, и что зерно экспортировалось в Европу. Экспорт зерна из России был равен суммарному зерновому экспорту таких «пшеничных» стран, как США, Аргентина и Австралия. Продукты животноводства тоже экспортировались. Россия была первой страной-экспортером сливочного масла. Сейчас почему-то масло к нам завозят из Новой Зеландии. Но мы забываем, что Россия была еще и экспортером промышленной продукции. Россия имела автомобильную промышленность на уровне таковой, как во Франции, авиационную промышленность на уровне таковой, как в Германии. Россия была одной из ведущих стран-экспортеров продукции легкой промышленности. Весь Китай ходил в русском ситце. Теперь мы ходим в китайском дерьме и радуемся.

К вопросу об Октябре. В разные времена мы вводили начальное, как говорили в 19 веке «народное образование». Россия беспардонно отстала от Германии, а тем более – от Швейцарии. В каждом государстве, по крайней мере – в Европе,

всеобщее, обязательное, бесплатное начальное образование вводили один раз. В нашей несчастной стране это было сделано два раза. Первый раз – в 1908 году, а второй раз – в 1932 году. Вот вам и Октябрь. В конце 20-х годов в крестьянской семье было совершенно нормальным, когда старший сын грамотный, а младший – неграмотный, потому что старший выучился еще до революции, а при младшем школы закрылись, негде ему было выучиться.

После Февраля должен был быть и Октябрь. Александр Исаевич Солженицын правильно написал в «Красном колесе», что если маховик революции запущен, то он будет крутиться, пока ход его не иссякнет. Мы не знаем, когда этот ход иссякнет. Я не уверен, что революция закончена. Да, этот революционный маятник теряет свою инерцию окончательно, он потерял ее почти полностью. Давайте посмотрим на Англию. Английская революция началась в 1642 году. А когда она закончилась? Реставрацией Стюартов? Генералом Монком? Нет. Потому что потом Стюартов погнали. Она может считаться окончательно завершенной в 1715–1718 годах, то есть, уже после королевы Анны с установлением новой династии, и, самое главное – с установлением принципиально новых отношений между королем, парламентом и кабинетом. И вот в этом состоянии Англия живет до сих пор. Она, конечно, эволюционировала за это время, потому что все эволюционируют. Но Англия больше не революционирует. Итак, целых три четверти века заняла эта революция. Ну, если русская революция окажется занявшей сто лет, что ж поделать – мы страна большая. Революция, как сказал мой друг Сергей Петрович Пыхтин, заканчивается тогда, когда перестает действовать полевая артиллерия. А она у нас действует. Исконно русские земли Украины, Белоруссии и Казахстана отторгнуты и оккупированы. Кроме того, есть еще и Чечня. Хочу сказать, что в астрономии термин «революция» означает оборот планеты вокруг светила с возвращением ее на прежнюю точку орбиты. Вот если мы вернемся на исходную (на модернизационном уровне) точку, тогда революция может считаться законченной.

И последнее. Чрезвычайно важно правильно выходить из революции. Я посвятил этому статью еще в 1994 году, которая называется «Как это было у других» и вошла в сборник «Очерки православной традиции». Я сравнил только самые знаменитые революции. Англичане в 17 веке в этническом отношении были примерно в том возрасте, в котором мы, русские, а также волжские татары, литовцы, евреи-ашкенази находимся сейчас, но только на 400 лет моложе. Вот в этом возрасте из революции выходили англичане. И они показали блестящий пример. Они сделали революцию непристойностью. Они сделали ее тем, о чем в приличном обществе не говорят. Когда у них «файв-о-клок», они о революции за чаем не говорят. А если они не говорят о революции за чаем, то значит, что они не говорят о ней в клубе. А если они не говорят о ней в клубе, то значит, они не говорят о ней и в парламенте. А если где и говорят о революции, то в Скотланд-Ярде и принимают немедленные меры к устранению таковой. В результате этого Англия – самая благоустроенная страна Западной Европы и самая благополучная (не самая богатая, кстати). Ей можно позавидовать. Но этот период у них заканчивается. Что поделаешь – они состарились. А у нас еще 400 лет впереди.

Французы опоздали с революцией. Если бы они в 17 веке совершили революцию, то это была бы Фронда и они поступили, как англичане. На пороге революции стояли французы. Но они сделали революцию в конце 18 века и ввели революционные стереотипы. Например, сделали вполне людоедскую песенку государственным гимном. Поколения талантливых художников кисти (де ла Круа), слова (Гюго), кинематографии (их много) воспевали так или иначе революцию, за что Франция поплатилась. Поплатилась она тем, что у нее потом было две империи, две реставрированных монархии, пять республик, вполне жесткая диктатура Леона Гомбетта, попытка фашистского переворота, попытка парашютистского переворота. И вроде бы последний великий француз генерал де Голль французов от всего этого избавил. Но, глядя на то, как обнаглевшие африканские мигранты

безнаказанно жгут тысячи автомобилей природных французов я понял, что я ошибся. Для Франции ничего не кончилось.

Давайте учиться у тех, у кого стоит учиться. Пуритан-революционеров англичане вытеснили в Америку. Католиков, как агентов иностранного государства, зажали в такие рамки, что любой исповедующий римско-католическую веру до 1810 года в казалось бы, парламентской, демократической Великобритании, не мог без особого разрешения удаляться более, чем на 10 миль от собственного дома и более, чем на 10 миль приближаться к Лондону.

Меня хорошо учили – мне повезло в этой жизни. Но величайшим учителем в моей жизни был Лев Николаевич Гумилев. И однажды он сказал фразу, которую нигде не опубликовал. А значит, это должен сделать я. Так вот, эта фраза звучала таким образом: «Старое никогда не борется с новым. Борются две формы нового, а старое уходит само». Нужно, чтобы мы понимали, что тогда было много форм нового. А старой была, пожалуй, старая сановная бюрократия. И низшая бюрократия во многом была старой. Старым были интеллигенты герценовского разлива, они уже уходили сами. Новым был не только Ульянов-Ленин, не только интеллигентный разбойник Павел Милюков. Новым был Петр Столыпин. И новым был наш последний благородный император Николай. А то, что мы вляпались в худшую из всех форм революции, так ну и что ж, придется это исправлять. Так же, как и сейчас нечего говорить о рецидивах Октября. Это все старое – наследие революции и коммунистического режима. И гайдарчубайсы, которые очень любят говорить о Феврале, февралистами не являются. Они не февралисты, они – большевики и потомки большевиков, потомки комиссаров. Вот это – старое. И когда мы посмотрим опять на пример Англии, я хочу сказать – не ошибитесь, что выбрать.

Роль и место Дальнего Востока в развитии России

Выступление на заседании Федерального Собрания 18 октября 2007 года.

Замысел выступить на тему о Дальнем Востоке появился у меня в 2004 году, это был год мрачных юбилеев, в том числе 100-летия со дня начала Русско-японской войны. Как человек, интересовавшийся наряду с прочим и историей военно-морского флота, я читал лекции, делал радиоматериалы по Русско-японской войне. Меня больше всего заинтересовала совершенно особенная проблема: почему ко времени начала той войны Япония не считалась великой державой? Признанными великими державами были тогда только некоторые европейские государства. Чем, собственно, Япония была в первые годы XX века, до победы в Русско-японской войне? О том, насколько это победа, скажу позже.

Соединенные Штаты Америки тогда еще были региональной сверхдержавой. Сейчас широко применяется этот термин. США в 1904 году еще не входили в четверку ведущих промышленных держав, но в 1914 году уже вошли. Но их тогда еще не воспринимали как великую державу, все великие были в Европе, в том числе и Россия. Была также бывшая великая держава Турция, но все уже осознавали, что она бывшая.

Почему тогда наши западные «партнеры» явно (простите за современное отвратительное выражение) дали Японии «отмашку»: «Ребята, можно!»? Этот момент четко связан как с исторической перспективой существования русского Востока, так и с тем, что такое русский Дальний Восток сейчас, каково его значение для всего мира и для России. Мне потребовалось некоторое время на осмысление того. А было это так – русские оказались там, где им оказываться не надо было. Их очень долго там видеть не хотели, но подозревали, что они все-таки появятся. И когда они появились, высказали совершенно недвусмысленное «фе». Кто? Конечно, старейшая империалистическая держава, держава с определенными

имперскими элементами, хотя в отличие от России или Китая не империя в полном смысле слова – это Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии.

Итак, Тихий океан. Там на юге два доминиона, которые населены британцами, – Австралия и Новая Зеландия. Там еще много колоний. Там еще один доминион на севере – Канада. Возможность влиять на США, а тем более побить американцев англичане к началу XX века окончательно утратили. Последний раз попытка англичан приструнить американцев имела место в годы Гражданской войны в США, войны Севера и Юга. То, что император Александр II поддержал Соединенные Штаты и направил из Архангельска крейсера (собственно, паровые клиперы) в Атлантику, было трагической ошибкой, но объяснимой. Мы уже привыкли к тому, что Англия – наш основной враг. Англия, как и Франция, поддерживала Юг. Значит, враг моего врага – мой друг. Значит, надо поддержать Север. Досадная ошибка. Не всегда бывает так.

Представьте себе, что было бы (я не разделяю той антиисторической точки зрения, что история не знает сослагательного наклонения), если бы Россия не поддержала тогда Североамериканские Соединенные Штаты, точнее Север, и президента Линкольна. Весьма и весьма вероятно, что победил бы Юг. Конфедераты победили бы федералистов. И тогда сейчас вместо США имелось бы несколько вполне процветающих государств, каждое из которых было бы не сильнее Мексики. Никакой единственной сверхдержавы просто не было бы. Другого такого шанса уже не будет. А тогда шанс был.

Итак, в начале XX века США не хотят нашего присутствия на Дальнем Востоке, и понятно почему. Великобритания не хочет усиления кого бы то ни было, Япония – еще не состоявшаяся великая держава, и Лондон решает поддержать Японию. Ведь не только из-за выгодных контрактов англичане построили японский флот (почти весь) на своих верфях по очень хорошим проектам. Перед самым началом японо-китайской войны 1892–1893 годов в состав японского флота вошел крейсер «Иосино», самый быстроходный крейсер в мире.

У самих англичан такого корабля не было, а японцам они его построили.

Китай также не хотел, чтобы мы появились на Дальнем Востоке. Но Китай был слабеньким. Китаю до глобальных потрясений оставалось несколько лет. В 1911 году китайская монархия была ликвидирована. Маньчжурская, заметьте, иноземная монархия, но вполне китайская. Китайцы умеют адаптировать иноземцев к своим реалиям даже лучше, чем англичане. Китайцев завоевывают, а они быстро всех подряд – хуннов, киданей, джурдженей, предков маньчжур, монголов и, наконец, самих маньчжур – быстренько китаизируют, и все в порядке. Дальше все идет по-китайски. Мы этого совершенно не умеем. Если мы лишимся навсегда русского истеблишмента, России не будет. Итак, в 1911 году монархии не стало, начался 40-летний период кровавого и грязного безобразия в Китае. Главным импортом Китая во второй половине XIX века (экспорт у него был хороший – шелк, например, чай) был опиум. Когда китайские власти попытались воспрепятствовать скушиванию всех китайцев опиатами, англичане устроили им опиумные войны. Быстро навели порядок – и извольте курить дальше. Между прочим, они то же самое делают сейчас с Российской Федерацией – наплыв и опиатов, и других, более страшных наркотиков. Похоже. Но разница заключается в том, что мы русские. Наши ровесники – волжские татары, литовцы, евреи ашкенази – этносы XIII-XIV веков. У нас история начинается с этого периода. А у современных китайцев она началась в XVIII веке. Они почти что новорожденные. У них силенок хватило выдержать все, даже опиум.

Кто хотел, чтобы мы появились на Дальнем Востоке? Тоже довольно беспомощная и по тем временам отсталая страна – Корея. Для корейцев мы были надеждой, потому что они боялись японцев. И правильно боялись, Япония их потом оккупирует. Но не Корея решала ситуацию.

Так вот, нас на Дальний Восток не хотели пускать. Но, с другой стороны, мы – великая держава. А об этом все знали уже при императрице Екатерине Великой. В 1856 году Россия проиграла мировую войну (так многие ученые называют

Крымскую войну). Африканцы в ней участвовали, азиаты участвовали. Первые – во французских, вторые – в английских войсках. Не участвовали, пожалуй, только американцы. Кое-кто тогда начал Россию списывать со счетов как глобального игрока.

Потребовалось всего 13 лет, чтобы все вспомнили, что Россия великая держава. Как только Пруссия победила при нашей благосклонной улыбке Францию во Франко-прусской войне 1870–1871 годов, Россия заявила, что она не будет исполнять ограничительных норм Парижского трактата 1858 года. Это не вызвало удивления ни у кого.

Также точно никто не удивился, когда Германия объединилась, потому что в свое время действительно великий немец – не Горбачев, а Конрад Вильгельм Аденауэр – не подписал ни одного антинемецкого параграфа. А ему руки выкручивали и СССР, и американцы, и де Голль. Глава правительства побежденной страны, безоговорочно капитулировавшей, ничего идущего во вред немцам не подписал. Если бы так себя вели некоторые руководители нашего многострадального Отечества (имею в виду единственного президента СССР, первого и второго президентов Российской Федерации), то тогда через 5–6 или 8 лет мы бы сказали, что это все шутка была. Никакой независимой Украины не существует, потому что у нее границ нет. Юридически нет границ. И у прибалтийских стран нет границ. И никто бы не удивился. Надо вести себя так, как вел себя глава нашей дипломатии при поражении в Крымской войне граф Орлов, как вел себя Аденауэр. Но совсем не так вели себя некоторые руководители современной России.

А в международных отношениях мало что изменилось. Это только кажется, что произошли значительные перемены.

Давайте обратимся к вопросу о нашем приходе на Дальний Восток. Как мы вообще туда попали? Может быть, нам не надо было туда идти? Сначала мы попали в Сибирь, за Урал, «за Камень», как тогда говорили русские. Это были новгородцы, которые еще в XII веке пришли на Югорскую землю (это низовья Оби). Наш приход туда носил не колониистский, а скорее колониальный характер. Мы шли туда за пушниной. Это самый

дорогой продукт, который вывозила тогда Россия. Она вывозила и соль, и даже металлы, но ничего дороже пушнины Древняя Русь не вывозила, а европейцы к тому моменту своего пушного зверя просто выбили. Но мехов-то всем хочется. Если денег на бобровые и соболиные шкурки не у всех хватало, то уж на беличьи хватало даже у крестьянина. А белки было так много, что даже и сейчас осталось.

Потом начались некоторые ограничения. Они были связаны с возникновением Орды, нашим вассальным отношением к ней и тем, что Орда была все-таки Великой Ордой. Правда, она распалась довольно быстро, уже в начале XIV века. Но некоторое единство ордынских народов продолжало иметь место, то есть нескольких орд – хуаргистская, чеготайская и Великая Орда с ханом в Каракоруме, наследником великого Чингисхана, существовали. Они были связаны между собой, и просто так обижать их было нельзя – до тех пор, пока русские не решили, что время пришло. Создания единой России хотели все русские, этого требовали и сложившиеся условия. Не стало Константинополя, второго Рима. Третьим Римом могла стать только Москва. После оккупации турками Константинополя, продолжающейся до сего дня, независимыми православными государствами помимо России остались несколько крошечных грузинских государств. Грузии как таковой не было, были три царства и четыре независимых княжества. И все они по очереди добровольно вошли в состав Российской империи.

Когда православная церковь решила, что это наш долг, мы ликвидировали Орду за ненадобностью. Орда, конечно, сама на нас напала в 1480 году, но, будем честными, мы ее спровоцировали, нанеся бедному Ахмед-хану все оскорбления, какие только можно измыслить. Да, несчастный он был человек... Он не мог не получать русскую дань, потому что его тогда дагларбеги прикончили бы. Просто возраст Орде вышел...

Мы ликвидировали Орду, но, заметьте, мы не бросились на восток. Наоборот, у нас возникли дипломатические отношения с Казанью, у нас была дипломатическая миссия при дворе сибирского хана, предка знаменитого Кучума. По сути дела, мы осколкам Орды предлагали: оставайтесь независимыми,

чеканьте свои монеты, имейте ханов, но будьте лояльны по отношению к нам. Мы же были лояльны к золотоордынским ханам. Больше мы ни на что не претендуем, чтобы только пленных в Казань не угоняли.

И на протяжении 70 с лишним лет мы твердой рукой проводим дипломатию кнута и пряника в отношении казанцев. Мы не беспокоили сибирцев. Мы хотели, чтобы у нас в Казани, в Астрахани, в Нарыме были лояльные нам ханы. Когда в 1552 году русские войска берут Казань, это происходит потому, что на казанском столе оказалась крымская династия. А крымцы – совершенно другие татары, это другой этнос. Крымцы – вассалы султана в оккупированном Константинополе. Тогдашняя московская власть не могла позволить турецкому шпиону пребывать в такой близости от Москвы. Это нынешнее наше правительство может позволить, чтобы в Тбилиси сидел американский шпион. Тогдашнее русское правительство таких вещей не позволяло, вот почему была взята Казань. А то еще долго существовало бы Казанское ханство. Мы совершенно не хотели его оккупации.

Мы укрепляемся на Урале, потому что после взятия Казани, надо укрепляться на Урале. И тут происходит одна из величайших наших трагедий. Нам рано было «за Камень» расселяться, нам рано было в Сибирь. У нас тогда народа не хватало, у нас и сейчас народа не хватает. Неделю назад я говорил об этом при обсуждении доклада демографа профессора Вишневого. О том, что нам надо решать проблему народонаселения, писал еще Михаил Васильевич Ломоносов и многие другие. Дмитрий Иванович Менделеев писал об этом на рубеже XIX-XX веков. О том, что народа не хватает, знали все. Каждый купец знал, что народа не хватает, потому что у него товару больше, чем покупателей. Каждый воевода или земский староста считал людей, подвластных ему, загибая пальцы, потому что народа чудовищно не хватало из века в век.

Если бы мы пошли за Урал, предварительно восстановив народонаселение, приобретя не белорусские, а хотя бы малороссийские земли, то есть веком позже, в XVII, а не в XVI

веке то, может быть, мы решили бы проблему. Собственно, почему было туда не пойти? Две причины к тому толкали. Сибирский хан Кучум, храбрый человек и хороший военный, сильно обнаглел. Ему нужны были деньги, чтобы своим мурзам давать что-то. И начал Кучум нападать на строгановские владения. А Строгановых царствующая династия привечала особенно. Они единственные имели на Руси титул именитых людей. Строгановы были богаче любого боярина и могли содержать собственные войска. Еще не превратившийся в тирана царь Иван IV разрешил им иметь в качестве военной силы казаков. В Соликамске и Сольвычегодске, неофициальных столицах строгановских владений, были даже свои стрельцы, своя артиллерия. Строгановы хотели защитить свои интересы – они были не только соляными королями, но и пушными, и осуществили блестящий военный поход.

Сейчас появилось много новоявленных «русоедов». Один из них подписывается явно не своей фамилией – Верхотуров, хотя никакой он не Верхотуров. Он поливает грязью нашу сибирскую политику, больше всего от него достается Ермаку Тимофеевичу. Хотя на самом деле отчаянная экспедиция Ермака – это спровоцированная Строгановыми экспедиция в защиту строгановских рубежей. А Ермак вел преимущественно донских казаков, а также всех, кто к нему прибил. У него были свои интересы, – получить пушной ясак, откупиться от царя и еще себе «зипунов набрать», как говаривали. Эта экспедиция могла быть, что называется, одноразовой – побили Кучума и удалились. Все равно ведь понимали, что ходить «за Камень» пока опасно.

Но пришла другая беда. В 1558 году Иван IV навязал нам Ливонскую войну, которая продолжалась 25 лет, почти до его смерти. В 1583 году подписали проигрышный мир (слава Богу, не капитуляцию), а в 1584-м Бог, наконец, избавил русских от первого тирана в русской истории. До того их не было.

В 1564 году гениальный тиран и мерзавец положил начало опричнине. Это был откровенный террор. И народ побежал, спасаясь от террора.

Я опираюсь на исследования (по писцовым книгам) академика Веселовского, профессора Зимина, профессора Скрынникова. Бегство приняло такой размах, что в центральных уездах Московского государства площади под пахотой сокращались в 10–12 раз. А куда бежали? Бежали в Литву, вовсе не считая это непатриотическим. Там большинство населения составляли тогда русские люди, которым еще не объяснили, что они украинцы и белорусы. Бежали на Дон, естественно, поскольку с Дона «выдачи нет». Самые отчаянные бежали в Сибирь. И пошла волна по Сибири. Кучум еще был жив после гибели Ермака, но серьезно упал в авторитете у азиатских своих соседей – алтайцев, Алтын-хана. Уже не так боялись Сибирского ханства. Кроме того, старейшин коренных сибирских народов подкупили. Им сказали, что московский царь будет с них меньший пушной ясак брать, чем брал Кучум. Кто же не согласится?! Почему, собственно, не пойти под власть московского царя, если он тоже ясак берет, но меньший. Для русских, оказавшихся в Сибири, места было сколько угодно. Сибирь чудовищно мало населена и сейчас, а тогда она была неправдоподобно малонаселенной.

И произошла историческая ошибка, историко-биологическая, историко-природная. Русские преждевременно пошли в Сибирь. На то, чтобы вернуть Западную Русь, то есть Украину и Белоруссию, народа не хватало, и рванули на восток, пошли все дальше и дальше. Я выпущу статью в конце этого года об истории присоединения Западной Сибири. Восточную Сибирь ни у кого отвоевывать не надо было. Никто, кроме маленького Сибирского ханства Кучума, не преграждал тогда дорогу. И русские пошли.

После Урала можно было остановиться на Оби. Есть такая наука – геополитика. Один из жесточайших ее постулатов, абсолютно верный, гласит, что границы всегда тяготеют к естественным рубежам. Остановиться можно было на Оби, тем более что мы до Оби уже в XII веке ходили. Но дошли до Оби, а за Обью – никого. Тогда пошли дальше, туда, где свободнее, где нет воевод, чиновников. Русский народ всегда не любил чиновников.

Следующий рубеж. На Иртыше еще кто-то был – это все-таки кучумские земли. А ниже впадения Иртыша в Обь – никого. Пошли дальше. Следующий естественный рубеж – это Енисей с Ангарой, с выходом на берега Байкала, с возможностью забайкальской торговли. Можно было бы остановиться. Но южнее Байкала жили буряты, в сущности, это северные лесостепные монголы. А севернее Байкала, на Ангаре и Енисее, никого нет, потому покатались дальше.

Заметьте, на юг не шли. Почему? Для Евразии характерна устойчивая орография, то есть окаймление горными массивами. Посмотрите, по границам Советского Союза (а почти весь Советский Союз – это и есть историческая Россия) почти везде горы. На юге шли горные гряды. Идти за горы нам как-то непривычно было. Потому на юг не пошли. Последним рубежом могла бы стать река Лена, но за Ленкой-то тоже никого не было. Вот и получилось, что уже в конце XVI века были основаны не только Тюмень, но и Томск, что гораздо восточнее. Уже в конце XVI века попали на Дальний Восток совершенно отчаянные первопроходцы, такие как Семен Дежнев, Василий Поярков, а потом казаки Иван Москвитин, Ерофей Хабаров. Это, правда, уже XVII век. Мы никого не гнули в бараний рог. Приходили и говорили: мы вас защищать будем, обижать не будем, но платите с чума, с юрты в год соболя и 20 белок. Какой-нибудь эвен думал: «Да мне нетрудно и 100 белок добыть, я умею это делать. У меня двое сыновей, дочка тоже умеет из лука стрелять. А русский, между прочим, редкие вещи привозит. Мне атаман подарил нож стальной. А их царю я уж как-нибудь 20 белочек настреляю». Вот так все происходило. Просто мы нигде не могли остановиться, потому при недостатке населения растягивались на чудовищное пространство.

Судьба эвенов – это мой любимый пример того, как мы их завоевывали. Русские появились в так называемой Якутии в XVI веке, а якуты (отсюда и название республики) – в XVII веке. Первое коренное население – эвены. Это субэтнос того же народа, что и эвенки, но они различаются. Эвены – доблестные таежные охотники, но они были с луками и в шкурах. А якуты появились в железных панцирях и с мушкетами. И если бы там

не было наших казачков с пушечками, то эвены вообще исчезли бы. А так эвены до сих пор существуют.

Что происходит дальше? Если в XVI-XVII веках русские люди карты изучали хорошо, даже умели сами составлять превосходные карты, и читали больше исторические хроники, летописи и Священное Писание, то в XVIII веке начали читать ученых «европеев». И какое зло они нам принесли! Во времена Чингисхана, то есть во времена Александра Невского, было известно русским людям понаслышке (они в Каракорум к великому хану вынуждены были ездить на поклон), что река Амур впадает в океан широким устьем. А еще знали совершенно поразительную вещь во времена Чингисхана и Александра Невского, что есть остров Сахалин. А в XVIII веке, после открытий Лаперуза, вся Европа и послушненькая Россия стали считать, что есть полуостров Сахалин. Те же западноевропейские товарищи довели до сведения нашего малоцивилизованного и тупорылого населения, которое, как известно, лаптем щи хлебает, что у Амура вообще устья нет, что река исчезает в песках. А вы знаете, что Амур довольно судоходен чуть ли не в верхнем течении. И ширины, и глубины хватает, и фарватер хороший.

Есть только одна бешеная река, которая не имеет устья, но это случай особый. Она действительно теряется в песках. Это Хуанхэ – Великая Желтая река. Больше таких рек на планете нет. Все остальные впадают в моря.

Студенты, учтите, то, что я демонстрирую, это только терпимый уровень знания географии. Терпимый. Помните, что без географии истории нет. Если вы совсем географию не знаете, то вам зря историю читали. Это безнадежно.

В XVII веке при царе Алексее Михайловиче мы ввязались в дело освобождения братьев наших, потомки которых потом сочтут себя не русскими людьми, а украинцами. Брата всегда защищаешь, к тому же брата во Христе. А в XVIII веке началась большая европейская политика. Была Семилетняя война при императрице Елизавете. Потом измена Родине, которую совершил император Петр III, правда, лишившийся за то и трона, и жизни. Потом русская императрица-немка Екатерина II

вела правильную внешнюю политику, но ей пришлось выдержать три раза военные действия в связи с разделами Польши. Это тоже освобождение своих. Две тяжелые русско-турецкие войны, русско-шведская война, о которой часто забывают. Напряжение сил было большое. Сибирью некогда было заниматься, хотя до Дальнего Востока доходили. А за век нас убедили, что там и делать нечего: Амур в болотах тонет, Сахалин – полуостров. Воспользовавшись тяжелым положением России в 1689 году тогда сильное маньчжурское правительство устроило нам хорошую головомойку и заставило подписать Нерчинский договор, позорный для России, на который сейчас любят ссылаться товарищи, хорошо знающие историю.

Дальше все происходило очень быстро в царствование императора Николая I, страшного «ретрограда», «реакционера» и «мракобеса», ведь у нас были, если верить Михаилу Евграфовичу Салтыкову-Щедрину, одни жулики, воры, губернаторы, которые хуже воров. Нам бы сейчас таких губернаторов...

Так вот, в 1848 году из Санкт-Петербурга, от стрелки Васильевского острова, то есть от Биржи, ушел в плавание на судне «Байкал» с целью исследования Дальнего Востока «пробивший» эту идею капитан-лейтенант Невельской. Он составит карту и неоспоримо докажет, что амурский лиман – это устье Амура, что Амур судоходен, что он вовсе не теряется в песках. Подтвердилось также, что Сахалин – остров. Он открыл нам дорогу на Дальний Восток, потому что добраться до него раньше можно было так: до Байкала, а дальше до Охотска по тракту, но только зимой, и то очень тяжело. А единственным поселением на всем пути тогда был Охотск. И Охотское море холодное, зимой замерзает. Ну какое развитие Дальнего Востока? Русские, правда, ходили и дальше. Русские добирались до Аляски не раз в русской истории. Дежнев видел Аляску. Добирались до Калифорнии, имели владения в Калифорнии. Пытались основать колонию с некоторыми шансами на успех на тогда еще не оккупированных американцами Гавайях. Как это было бы прекрасно! И все без

помощи правительства, без помощи государства, при полном равнодушии верхов. Мы там нашли бы население, мы бы индейцев окрестили.

Итак, на Дальнем Востоке был только промерзший насквозь Охотск. И тут все меняется. Невельской открывает устье Амура и демонстративно водружает русский флаг на южном, азиатском берегу лимана. Другой достойнейший русский человек, капитан 2 ранга Завойко, строит и укрепляет Охотск, а получив данные Невельского, предпринимает экспедицию и основывает Владивосток – замечательный город в бухте Золотой Рог.

В Иркутске появляется новый генерал-губернатор Николай Муравьев, будущий граф Муравьев-Амурский (конечно, в России, как считалось, были одни воры, но почему-то были Кауфман-Туркестанский, Муравьев-Виленский, Муравьев-Амурский). И наводит Николай Муравьев порядок по всей Сибири: тракты, ямская гоньба, школы в большом количестве. В Нерчинске сначала возникает каторжная тюрьма, а потом создаются два крупных учебных заведения – инженерное училище и гимназия. И народу там больше, чем на каторге, кстати сказать.

Это три гиганта, открывшие дорогу на Дальний Восток.

Я частично использую материал недавно опубликованной популярной статьи в православном журнале «Наследник». Автор назвал ее «Три богатыря и один святитель». Совершенно точно. Потому что был еще один человек, создавший русский Дальний Восток, – Иннокентий, епископ Камчатский, Алеутский и Курильский. Он святой. В святцах он значится как Иннокентий Московский, потому что последние почти 10 лет жизни он пробыл митрополитом Московским за все свои заслуги. В его житии и про Дальний Восток написано. Был пострижен в иеромонахи, стал миссионером на Дальнем Востоке.

Собственно, вот эти люди – губернатор, архиерей и два моряка и морепроходца – всё и сделали. Конечно, и другие были. У Гончарова об этом можно прочитать. В своем произведении «Фрегат «Паллада» он описал морскую экспедицию на Дальний Восток. Обратно он возвращался по суше. Он рассказал о тех людях, которых встречал, – об охот-

никах, казаках, купцах, офицерах, чиновниках, о том, какие чудеса они совершали ради России.

Теперь вернемся к упомянутой мной геополитике. Когда я учился в 1970-е годы в университете, она называлась в лучшем случае «буржуазной лженаукой», в худшем – «фашистской». Сейчас геополитические работы выходят у нас. Уже можно читать в русском переводе классиков геополитики Маккиндера, Хаусхофера. Свой светила геополитики Александр Гельевич Дугин у нас есть – правда, он немножко путает науку с мистикой.

Одна из норм геополитики – двухбереговая держава должна устойчиво держаться за оба берега и тяготеть к ним всей своей жизнью. Почему мы, в общем-то, правильно, хотя не всегда удачно, иногда преждевременно, слишком поспешно (при Петре) рвались к берегам Черного и Балтийского морей? Чтобы нам выйти в морские державы и торговать? Балтийское море запирается датскими проливами намертво. А при Иване IV оно запиралось просто вооруженными кораблями Ганзы. Черное море запирается еще надежнее. Можно запирасть Керченский пролив, Босфор, Проπονтиду, Дарданеллы. И даже если ты вышел в Средиземное море, то Суэцкого канала еще нет, а Средиземное море надежно запирается скалой Гибралтар. Нет, не для того, и не для экспансии, в том числе торговой, нам были нужны берега Балтийского и Черного морей, а для того, чтобы мы как двухбереговая держава не мизинцами, как сейчас, а руками за них держались. И нам все равно надо возвращать свой статус на этих морях.

Но когда мы докатились до Дальнего Востока, то характер двухбереговой, а фактически трехбереговой державы изменился. Нам надо было держаться за тихоокеанское побережье или оттуда соскальзывать при любой перемене политической конъюнктуры: вдруг крепкий император появится в Бейпине (Пекине) и погонит нас оттуда. И вылетим. А если держаться за берег, двухбереговая держава все выдержит.

Обращаю ваше внимание на то, что вторая держава в мире по территории, Канада, имеет еще более несообразную с ее территорией численность населения, чем Российская

Федерация. Порядка 30 миллионов человек. Причем канадцы живут в южных частях атлантического и тихоокеанского побережий и в районе Великих Озер. А вся остальная Канада – пустая. Там гуляют индейцы, иногда на вертолете пролетает полицейский, который должен охранять индейцев от чего-нибудь, или другой полицейский, который должен охранять лосей, например (такие полицейские там тоже есть). Но канадцы там не живут.

Южнее находятся Соединенные Штаты. Сейчас, конечно, американцы живут по всей Америке. Но где они жили 100 с небольшим лет назад? Они жили, естественно, в районе Новой Голландии, Нью-Джерси, потом южнее по атлантическому побережью, затем переехали на тихоокеанское побережье.

Так вот, когда на Диком Западе (а Дикий Запад – это тихоокеанское побережье, это Невада, например) еще охотились за индейцами, из Сан-Франциско в Сиэтл уже бегал паровозик. Американцы, укрепившись на атлантическом побережье, укреплялись на тихоокеанском. И мы не можем чувствовать себя спокойно, если не создадим Дальний Восток, сомасштабный Европейской России демографически, в плане сельского хозяйства, промышленности, в военном и научно-культурном отношении. У нас там должны быть свои Сиэтл, Сан-Франциско и Лос-Анджелес, тогда Россия будет в порядке. А что делается внутри России, это никого не касается.

Между Европейской частью России и Дальним Востоком находится Южная Сибирь. Это довольно широкая полоса великолепной плодородной земли, это великолепный климат, кстати, гораздо лучше, чем в Москве. Там, правда, зима посуровее, но и лето длиннее. В Москве 3,5 месяца, а там 4,5. И воды там хватает, и все что угодно растет.

А севернее начинается мерзлотная зона. Русскому человеку там делать нечего. Полезные ископаемые следует, как это и делается, добывать вахтовым методом. Чем меньше народа там будет работать, тем лучше. Американцы тоже не стремятся все переселиться на Аляску. Если там хотят жить ханты и манси, то надо их опекать так же, как канадцы опекают своих индейцев. Пусть на здоровье живут. Ханты и манси за много

веков привыкли там жить, а русским к тем условиям привыкать незачем. Другое дело – лента Южной Сибири и Дальний Восток с его хорошим климатом. Цунами там бывают, правда, но таких цунами, какие обрушиваются на Японию, все-таки не бывает. Японские острова прикрывают нас от цунами. Вообще там хороший климат, достаточно теплый. А небольшой участочек от Владивостока до нашей государственной границы – это вообще субтропики. Кстати, на Южных Курилах, которые время от времени «штатные» патриоты хотят отдать японцам, субтропический климат. На крайне Южном Кунашире – бамбуковые леса, это, может быть, мирового класса курорт.

На Дальнем Востоке были найдены великолепные гавани. Например, Императорская гавань (ныне Советская гавань), Находка – хорошие бухты, хорошие гавани, хорошие условия.

На Дальнем Востоке есть всё. В Восточной Сибири есть нефть. Кремль мечтает ее гнать в Китай. Кремль скоро рабов погонит в Китай, простите. В Туве есть крупное месторождение коксующихся углей. Теперь Кремль мечтает заключить договор и пробить туннель в Китай (там только горные тропы есть), чтобы гнать туда коксующийся уголь. Бог с ним, с углем, у нас угля хватит, мы угольная страна. Так они туда же и молибден потащат, а это лучшее месторождение Советского Союза – Тувинское. Это единственное по-настоящему ценное, что есть в Туве, если не считать министра Шойгу.

Известно, что на шельфе Сахалина есть нефть. Ее хотят почему-то не китайцам, а американцам продать. Побыстрее избавиться, чтобы нефти не было. Я уверен, что нефтяные месторождения Центральной, Восточной Сибири и Дальнего Востока, включая шельфовые, не все разведаны. Я уверен, что нефть будут еще находить.

На отмелях Сахалина и Курил множество рыбы и морепродуктов, и всё съедают японцы. Мы, между прочим, тоже хотели бы поесть моллюсков, мидий, крабов. Это возможно, но при одном условии: если мы оттуда не сдвинемся, если мы оттуда не покатымся.

Теперь о том, что будет, покатысь мы назад на запад с Дальнего Востока (заметьте, русские веками двигались на

восток, сейчас отчетливо двигаются на запад). Если это будет допущено, мы потеряем то, что дороже нефти, – Транссибирскую магистраль. Между бассейнами Атлантического и Тихого океанов самое быстрое сообщение – Транссиб. Да, это требует вложений в европейской части страны. Мы должны быстро менять вагоны (а мы это делать умеем) с узкой на широкую колею, потому что весь Транссиб на другую колею не перестроишь. Но это научились делать еще в довоенные годы. Мы должны построить терминалы, шоссейные дороги, новые железнодорожные ветки, которые связывали бы Транссиб с огромными грузовыми терминалами. Нам будут платить за перевоз грузов, причем в основном контейнерными перевозками, столько, сколько нам за нефть не платят. Это достижимо. Я не уверен, что Стабилизационный фонд годится только для покупки туалетной бумаги членам родного правительства. Не знаю, на что он еще используется. Сейчас деньги есть. Всё окупит Транссибирская магистраль. Это бешеные деньги. Дешевле железнодорожного транспорта только речной. Об этом тоже, кстати, стоит подумать применительно к Амуру.

Если мы покатаемся на запад, то потеряем, может быть, и самое бесценное наше достояние – озеро Байкал.

На планете безумно не хватает пресной воды, и с каждым годом ситуация ухудшается. Одна десятая часть всей пресной воды принадлежит нам. Примерно 5% всей пресной воды на планете – это озеро Байкал. Причем это возобновляемый ресурс. Его как питали 360 рек и ручьев, так и питают. Если чуть-чуть перебрать из Байкала воды, то можно плотину на Ангаре перекрыть на недельку, глядишь, и уровень поднялся. За этим можно следить. Без Байкала мы богатой страной не будем.

Нефть, в конце концов, кончится. Это не возобновляемый ресурс. Байкальская вода никуда не денется. А без пресной воды человек жить не может.

Что меня настораживает? Восточносибирская нефть, проект, связанный с Китаем. Зависшая проблема распродажи шельфовой нефти. Неустойчивая позиция в вопросе рыбодобычи и добычи морепродуктов, прежде всего на отмелях

Сахалина и отчасти Камчатки, то есть полное отсутствие заинтересованности Правительства в защите Дальнего Востока. Я уж не говорю об освоении Дальнего Востока. Ну и Тува еще теперь. Это, конечно, поближе, но тоже далеко. Но интересы России требуют, чтобы все это у нас разрабатывалось.

Меня настораживает еще одна вещь. Начался этот процесс при президенте Горбачеве, успешно совершило все, что нужно, правительство президента Ельцина. Старательно разрушают Тихоокеанский флот и обслуживающие его силы. Наши флоты на Черном море годятся турок пугать. Для того чтобы напугать Саакашвили, вполне достаточно одного сторожевого катера. На Балтике у нас вроде устойчивые отношения с соседями, никого пока пугать не надо. Но это морские запертые флоты как были, так и остались. Океанских флотов у нас два – Северный и Тихоокеанский. Важнее, разумеется, Тихоокеанский. Потому что Северный флот подпирает весьма милитаризованную Европейскую Россию. Мы здесь так и так защищены. А Тихоокеанский – полупустой Дальний Восток. Тем не менее, с удивительной готовностью на Тихоокеанском флоте уничтожили два авианесущих крейсера, пусть плохих, но других пока нет. Относительно нормальный авианосец у нас один – «Адмирал Кузнецов» на Северном флоте. На Дальнем Востоке, в зоне ответственности Тихоокеанского флота, где возможны локальные военные конфликты – в Корее, во Вьетнаме, где угодно, – у нас нет ни одного авианосца, а теперь даже и паршивенького авианесущего крейсера. Хотя они еще не отработали свой ресурс. На Дальнем Востоке под предлогом старения списали ракетные крейсера, которые в состоянии доставить сильную головную боль китайцам одним фактом своего существования. На Дальний Восток загнали, поставили на консервацию великолепное, построенное финнами по нашему проекту, бесценное, единственное, по сути дела, транспортно-десантное судно-док. Это лучший в мире док. Если он загружается катерами, то они сами из него выплывают. Великолепный лихтеровоз. Он не эксплуатируется. Не знаю, готовятся ли его распилить. Он почти не ходил.

Наконец, у нас есть четыре океанские разведывательные судна, в том числе единственный в мире атомный разведывательный корабль. Это самый большой атомный неавианосец в мире. Имя ему «Урал». Сделан по заказу Главного разведывательного управления. ГРУшники все умоляли построить второй такой корабль, чтобы весь земной шар контролировать. Не построили. Потом развалился Советский Союз. Но «Урал»-то есть, у него неограниченная продолжительность плавания. На нем вся лучшая техника, существовавшая 15 лет назад. Наверняка и новенькое что-нибудь есть. Но он в океан не выходит.

Такое стремительное уничтожение Тихоокеанского флота меня пугает, потому что это главная защита, главная опора всего Дальнего Востока.

В.И. Ачкасов, Институт философии РАН:

Владимир Леонидович, лейтмотивом всего вашего выступления была боль за наш Дальний Восток. Что вы считаете самым главным для сохранения Дальнего Востока в рамках нашей державы?

Махнач: Мы укрепились на Дальнем Востоке при императоре Николае I и прекратили продвижение в восточном направлении. Главное, чтобы не было разрыва, чтобы Европейская часть России, Южная Сибирь, Дальний Восток были структурно сбалансированы между собой так, чтобы они обеспечивали нашей стране необходимый геостратегический баланс. Мы, вообще говоря, не проиграли Русско-японскую войну. Мы предательски уступили выигрыш японцам. Наша армия не потерпела военного поражения. Россия могла продолжать воевать, потеряв фактически флот. Разница в том, что если бы Россия выиграла на море, Япония капитулировала бы сразу. А Россия могла продолжать воевать, резерв у нее был достаточно большой. Было несколько предательств, и самое большое совершил Витте, возглавлявший в Портсмуте нашу делегацию на переговорах. Уйдя с моря, перестав быть великой морской державой, надо было тем более продолжать укрепляться на Дальнем Востоке. До постройки Транссиба невозможно было обеспечить настоящую переселенческую

политику. Она с блеском проводилась Петром Аркадьевичем Столыпиным и главным управляющим (тогда он еще министром не был) Кривошеиным. Но слишком мало времени было у исторической России.

Что касается советской власти, то она Дальним Востоком вообще не интересовалась. Переселенческой политики она не вела. Крупный промышленный центр Комсомольск-на-Амуре построен заключенными, а заселить город заключенными нельзя. Можно создать локальную цивилизацию ссыльных, но не заключенных. Если бы мы туда гнали ссыльных, наверное, мы продолжили бы, хотя и довольно жестко, вполне логичную политику Столыпина. Но, к сожалению, никто не занимался в советское время населением Дальнего Востока.

Да, политика у нас была другая, Мы не уничтожали индейцев. Но есть политика терпимая, а есть политика безумная. Есть политика жестокая, есть не очень, но это все равно политика. В отношении других народов, живущих на Дальнем Востоке, у нас не очень много проблем. Там не так уж много нерусского населения. Но товарищ Сталин ухитрился создать нам эту проблему.

Мы вернули в итоге поражения Японии Сахалин. На Сахалине к тому моменту русского населения практически не было. Что делает Сталин? Он распоряжается под гребенку убрать всех японцев, а там были какие-то социалисты, которые хотели остаться на советском Сахалине. Нет, всех до единого убрать. И не отпускать ни одного корейца. Корейцы японцев не любят, а туда их привезли фактически рабами. Среди корейцев некоторые желали уехать. Нет, корейцев не отпускать. В итоге мы имеем следующую дурь. Область имеет почти 350 тысяч населения. На Курилах жителей мало, в основном это Сахалин. Единственный город, похожий на город, – Южно-Сахалинск, 150 тысяч, почти половина населения области. А корейцы все на Сахалине. Но из 150 тысяч жителей Южно-Сахалинска 30 тысяч – корейцы, это довольно много. Причем выгнать их уже нельзя, из них больше половины не знают корейского языка. Они уже говорят и думают по-русски. Но вся розничная торговля в Южно-Сахалинске в корейских руках. А кто они этнически? Да,

многие из них не говорят по-корейски. Но в Сахалинском университете на факультете переводчиков из 60 студентов 50 – студентки-корейки. Они изучают корейский, чтобы быть на переводческой работе и обеспечивать связи с Южной Кореей. А это уже похоже на ту самую агентуру, о которой я говорил. Они что, будут радеть за интересы нашего Отечества? А Южная Корея богаче, чем мы сейчас. Население надо создавать.

Н.В. Гончаров, ИТАР-ТАСС:

Владимир Леонидович, известны ли Вам реалистичные оценки того, какое количество населения при нынешнем российском уровне хозяйствования может принять Дальний Восток? Если говорить о пахотных плодородных землях, то это Амурская область и какие-то отдельные долины.

Махнач: Перед революцией была такая осторожная экстраполяция, что Дальний Восток «в ближайшие десятилетия» (они давно уже прошли) может при сохранении торговых отношений с Маньчжурией вместить население до 50 миллионов человек.

Хочу сказать, что плиты с начертанными китайскими иероглифами «Мы вернемся сюда», которыми вымощена китайцами центральная площадь Читы, – это уголовное дело.

Отдача на откуп китайцам предприятий, нежелание на них работать – это тоже уголовное дело. Чиновнику дали на лапу, и он «обтяпал» предоставление этого предприятия в аренду.

То, о чем рассказала Лариса Николаевна Вдовиченко, для меня ново. Я в Чите не бывал и ничего подобного не слышал ни на Сахалине, ни в Иркутске, что есть проблема участия наших граждан в «Императорских днях божественного тэнно» или еще кого-нибудь божественного в Китае. Это тоже, вообще говоря, уголовное дело. И заводить его необходимо ради спасения самих же китайцев. Это проблема, которая может привести к националистическим эксцессам. Начнут бить морды, в том числе и своим. И всё прекратится за два месяца, ни одного праздника божественного микадо больше не будет. Представьте себе на минуту, что будет с премьер-министром Государства Израиль, если он сделает присутственным днем субботу, или что произойдет с любым лидером мусульманской страны, если

он сделает присутственным днем пятницу. У нас Путин однажды сделал рабочим днем воскресенье, так такие резкие высказывания услышал... Больше он этого не делает. Израильский премьер головы бы не сносил.

Да и работодатель должен соображать хотя бы немного. Например, в Сирии 20% христиан, это каждый пятый. Наверняка там бывают ситуации, когда мусульманин работает у христианина. Человека не станет, если он разок этому мусульманину предпишет праздновать какой-нибудь христианский праздник. А у нас процент выше, не сирийский процент.

С.П. Пыхтин, советник Аппарата Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации:

А кто вообще считал китайцев? У нас есть достоверные сведения? Я говорю не о китайцах, живущих в пределах России. Кто достоверно знает численность населения самого Китая? Почему я этот вопрос задаю? Многие мои знакомые посещали Китай в последние годы, и у них создалось впечатление, что там нет этих полутора миллиардов. И в разговорах с довольно ответственными чиновниками провинциального Китая приводились цифры иногда с пятикратной (!) разницей в численности отдельных китайских городов. Почему мы так слепо верим в то, что чуть ли не каждый четвертый житель планеты – китаец?

Махнач: Эта мысль и мне давно приходила в голову, достоверной статистики действительно нет. Ограничения по рождаемости там есть, об этом говорится и в прессе, и даже в кино. Посмотрите фильм Никиты Михалкова «Урга». Ограничительная норма – один ребенок на китайскую семью. Представителям национальных меньшинств разрешено иметь два ребенка. Они это ограничение иногда нарушают, но за нарушение наверняка наказывают. Значит, нарушают не все. А даже два ребенка – это ниже уровня естественного воспроизводства. Следовательно, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Или великие китайские ученые изобрели способ размножаться почкованием.

Пыхтин: Китайцы сами рассказывали, что у них статистика может охватить в большей мере городское население, а в сельской местности некоторые имеют по 3 и по 5 детей, но их просто не могут сосчитать.

Махнач: Некоторые и у нас по 3 и по 5 детей имеют. Это не показатель.

В.А. Саулкин, обозреватель радио и газеты «Радонеж»:

Мы знаем, что Китай – это особая, древняя цивилизация. Мне в прошлом году пришлось общаться с китайцами, и только один из них, заместитель министра образования Китая, ректор одного из крупнейших университетов, понимал, что Россия – это отдельная цивилизация.

Многие считают нас частью Запада. К Западу отношение резко отрицательное. Мы понимаем почему. Из китайцев никто не знал о том, что на предложение разделить Китай царь-мученик Николай Александрович ответил очень твердо: Китай – древняя страна, с древней цивилизацией, древней культурой, и никогда этот народ разделенным не будет. Мы с вами говорили об экономике, о трубопроводах, о военном аспекте, это все понятно. Но есть точка зрения, что XXI век – это столкновение цивилизаций, скажем, исламской и постхристианской. У меня вопрос: какая модель цивилизации сейчас в нашей стране (надеюсь, что она не постхристианская, а все еще христианская) и как китайская цивилизация, древняя, своеобразная, закрытая, будет в XXI веке взаимодействовать с нашей цивилизацией?

Махнач: Об этом надо лекцию читать. Обращаю ваше внимание на то, что мы по этому вопросу зачитываемся трудами если бы еще сэра Арнольда Тойнби, а то ведь малозначительного Хантингтона, поддаемся напору англосаксов. Между тем англосаксам свойственно говорить о модели цивилизации и считать культуру частью цивилизации. Для русских и немцев по-прежнему характерно говорить о культурах, считая цивилизацию частью культуры. Это очень многое меняет. В Китае тоже наверняка считают цивилизацию все-таки частью культуры. У нас подход родственный, как видите.

Что касается всего остального. Две великие христианские культуры сложились в IX веке. Еще христианская церковь была единой, не считая мелких сект, а культур было уже две – восточнохристианская и западнохристианская. Теперь, пожалуй, последнюю правильнее назвать просто западной. Я говорил об этом здесь неделю назад. Со мной резко не согласился выступавший. Он сказал: мы просто европейцы. Нет, не бывает «просто европейцев».

Великих культур не так уж много. И сейчас, по всей вероятности, заканчивает свое формирование третья христианская культура, которая все больше уходит от Запада, причем с большей неприязнью, чем это делаем мы. Эта третья христианская культура, а следовательно, и цивилизация – латиноамериканская. Хотя они католики, как и французы.

Что касается китайцев. Есть стереотипы поведения у каждого этноса. Один из стереотипов – то, что китайцы жестоки. Это неправда. Они и человеколюбивые, и достаточно гостеприимные, но их конфуцианское мировоззрение приводит к тому, что, если китаец целую неделю никого не надул, не обжулил, не перехитрил, он больной. Есть такая черта. Как вы понимаете, русскому это довольно чуждо. Конфуцианство (я историю религии читаю, хотя и не в Высшей школе экономики) – это религия без Бога, где выше печки ничего нет. А человеку нужно вообще-то, чтобы было что-то выше печки. Потому в III веке до н. э. Китай чуть не стал целиком буддистским, так они бросились в буддизм. А потом китайцы дважды успешно воспринимали христианство. Первый раз на рубеже XVI-XVII веков, когда миссионерами были иезуиты, ученики Франциска Ксаверия, друга Игнатия Лойолы. Второй раз в XIX веке, когда миссионерами оказались мы. Но первый раз христиан передавали маньчжуры, а второй раз передавал Мао. Христиане, правда, и сейчас там есть, они в принципе охотно становились христианами. Более того, в конце сталинского периода (примерно в 1950 году) там было три епархии, и из трех епископов один был китаец. Я даже помню, что его звали преосвященный Симеон Ду. Так что с китайцами можно

находить общий язык, дружить с ними можно. Но родными мы не будем, слишком мы разные.

Н. Волкова, студентка ГУ ВШЭ:

Какие меры нужно принять на федеральном и региональном уровне, чтобы кардинально изменить ситуацию, которая сложилась на Дальнем Востоке, то есть что конкретно нужно сделать? Это первый вопрос.

И второй: каким Вы видите место Дальнего Востока в Азиатско-Тихоокеанском регионе, если говорить об интеграции Дальнего Востока в этот регион?

Махнач: Вы слишком многого от меня хотите – чтобы я здесь ответил на такой вопрос. Да и с административным ресурсом у меня туговато. Хочу заметить, что меры принять можно и нужно. Надо заняться всерьез, например, проблемами рыболовства и тому подобного. Там есть что делать. И это решается почти исключительно административными методами, частично силовым образом, при участии морских пограничных войск. Надо приступить к реконструкции Транссиба. Надо всерьез наладить контроль над количеством рабочих мест в Европейской России, тогда не уедут с Дальнего Востока в Иркутск, в Семипалатинск. Правда, перегружен у нас только один регион – Москва и Московская область, который скоро останется без лесов и парков, потому что рекреационная нагрузка на природу выше любой допустимой. Но проблему надо решать. Если совершенно точно будет известно, что да, в Москве нужны только мусорщики, что ты, кандидат наук, найдешь только место мусорщика, а место электромонтера не найдешь, то и не поедут люди. А все ставки бездельников, которые обслуживают парковки автомашин, в Москве запрещены, упразднены, нет больше таких рабочих мест.

Оттоку надо препятствовать, одновременно решая демографическую проблему. Как? На мастер-классе профессора Вишневого я все сказал, и то будет опубликовано. Проблема решается поощрительным налогообложением со стороны государства. Ее решил на глазах всей Европы де Голль. После ухода великого француза спустили дело на тормозах и перестали так действовать. А он решил ее за несколько лет –

просто ввел высокий налог на бездетность, который при наличии одного ребенка сокращался, по-моему, вдвое, а при двух детях достигал нуля. Только в этом случае переставали взимать налог. При трех детях уже шло государственное пособие, а дальше оно увеличивалось. Грубо говоря, суть в том, что де Голль заставил бездетных и малодетных платить налог.

В беседе снова упомянули Русско-японскую войну, революцию и последовавший сепаратизм. Японскую войну мы обязаны были выиграть, у нас тогда бы революции не было. Задним умом крепки. А что касается революции, революционных событий, то так называемая первая русская революция обошлась стране в 16 тысяч жертв. (Парижская коммуна в 1870 году, локализованная в Париже и окрестностях, стоила 70 тысяч жертв, а фактически 100 тысяч, потому что еще 30 тысяч были сосланы в жуткие условия тропиков). Генералы фон Ренненкампф и Меллер-Закомельский блестяще справились с бунтующими элементами, ничтожными силами наведя порядок на Транссибе. И заметьте: никто не рискнул взорвать, разобрать Транссиб и тому подобное. Хотя могли бы.

О китайцах слишком много говорилось. Я все-таки не о Китае лекцию читал, я не синолог. Да, действительно, нам нужна была маньчжурская пшеница для того, чтобы создавать свой Дальний Восток. Но весь Китай ходил тогда в русских тряпках, а теперь мы – в китайских. Весь Китай носил текстиль русского производства, и не только Китай. Это дореволюционная ситуация.

Нас тянут в ВТО. Если нас затянут в ВТО, чего хочет пока и глава нашего государства, плохо будет. Нас китайцы завалят своими товарами и своей рабочей силой. Нам незачем вступать в ВТО. Правда, из ВТО можно выйти, это понятно. Но вот проблема: иначе с китайской одеждой не получится. Значит, будем есть и их отраву.

Проблема организации китайцев, создания чайна-таунов очень серьезна. У меня есть сведения, что китайцы купили значительную недвижимость в Москве. Это не чайна-таун на Дальнем Востоке. И есть информация, что в пригороде Петербурга планируется построить даже не чайна-таун, а чайна-

мегаполис с населением до миллиона китайцев. Это серьезно. Потому проблема есть, говорить о ней надо, изучать ее надо. Задавать вопросы официальным лицам тем более надо, пусть ответят, зачем и по какому праву они наводняют Россию иностранными гражданами.

Учтите, еще лет 120 назад немецким исследователем отмечалось, что китайцы приезжают куда-то, устраиваются порой на самую непрестижную, низкооплачиваемую, грязную работу, но потом вы их не выдворите оттуда. Потому – никаких китайцев. Они могут, впрочем, как и другие инородцы, работать, если нам это выгодно, на правах кули. Приехал, договор заключил, по договору тебя российские власти защищают, работу сделал, тебе заплатили – и на выезд. И ни малейшего шанса получить гражданство. Японцы, например, замечательно эту проблему решают – не дают японское гражданство никому. Шведы так же поступают, да и другие. Это серьезные моменты.

Есть ли русский сепаратизм и возможен ли он? Хабаровский губернатор Ишаев повел себя в вопросе об островах на Амуре, которые незаконно, антиконституционно передали китайцам, не как сепаратист, а как русский патриот. Я плохо представляю себе, каков он как губернатор, коррумпирован ли он, образует ли свой клан. Но когда ему начали выкручивать руки всерьез и требовать подписи (регион должен дать согласие на изменение границ, это конституционная норма), он сказал, что подпишет после Президента. Ему по факсу переслали документ с подписью «Путин». На нем губернатор Ишаев написал: «Ознакомлен. Ишаев». По-моему, это достойный человек. Так что я не думаю, что возможен русский сепаратизм. А вот обиженность, раздерганность, оторванность – эти проблемы есть. Но они более-менее преодолимы, если больше заниматься Транссибом.

Что касается вопросов о том, авианосец ли «Адмирал Кузнецов», есть ли у нас задача для авианосцев, насколько велика была техническая неудача и надо ли было сохранить «Минск» и «Новороссийск», то эти вопросы исчерпывающе освещены в книге двух инженер-капитанов 1-го ранга с учеными

степенями В.П. Кузина и В.И. Никольского – «Военно-Морской Флот СССР. 1945–1991». Лучше никто не написал. Она в 1996 году вышла. Я и до того точно знал, что флот без авианосцев – это несбалансированный флот. Но г-да Кузин и Никольский убедили меня в этом окончательно.

Роман Ю.П.Вронского «Странствие Кукши за тридевять морей»

В 2006 году, наконец, вышла из печати давно ожидавшаяся книга Юрия Петровича Вронского «Странствия Кукши за тридевять морей». Несколько лет назад переиздавалась его превосходная повесть «Юрьевская прорубь» о Юрьевских мучениках, утопленных в проруби католиками за исповедание православия в 15 веке на территории современной Эстонии, а теперь – большая книга о Руси и сопредельных странах середины 9 века.

У «Странствий Кукши» долгая история. Книга издавалась еще при Советской власти, тогда она называлась «Приключения Кукши из Домовичей». Её помнят те, кто были юношами в то время, но растрепанные, зачитанные до дыр экземпляры я видел в семьях и сейчас, их читали уже дети, и чужие дети читали. По мотивам первой части «Кукши» талантливейший – увы покойный – кинорежиссер очень высокой культуры Станислав Ростоцкий поставил фильм «И на камнях растут деревья». В то время у нас с трудом умели делать исторические фильмы про 19 век, а про предшествующие века не умел никто. Ростоцкий сделал. Это элегантный русско-норвежский фильм, если его покажут по телевидению – посмотрите. Конечно, фильм-то современный, нужна была любовная история, пусть невинная, но любовная. – Героя состарили, он стал юношей 15–17 лет. А по замыслу Юрия Вронского он был мальчиком, отроком 12-летним. Все равно хорошо, это эталонный исторический фильм о Средневековье, который сделан при Советской власти.

В первой части, по которой снят фильм, Кукшу – мальчика-славянина из новгородской деревни захватывают в набеге викинги, и, убежденные, что он приносит им счастье, назвав его старонорвежским именем Эйнар, что значит «счастливый», забирают с собой. Ему от этого нехорошо, он хочет домой, но получается, что он попадает ко двору сначала одного конунга, потом – другого конунга, втянут в интригу, но ведет себя

нравственно. Вот все идет к тому, чтобы совершить убийство. И ему это открывает дорогу стать – ну, не конунгом, но лучшим другом конунга, в перспективе – ярлом, то есть князем старонорвежской короны. А вот этого-то язычник Кукша – ещё не христианин – очень не хочет. Ну, вот не нравится ему убивать. Кукша участвует в походе викингов – и этого в фильме уже нет – дальше он сбегает при трагических обстоятельствах: викинги грабят итальянский город Луна, и когда викинг Сван – в фильме он Сигурд – подкидывает младенца, чтобы поймать его на копье – не выдержавший этого Кукша-Эйнар убивает его. У викингов оставаться больше нельзя, Кукша сбегает, но его ловят сарацины, продают в рабство, и он оказывается в Константинополе, в столице Византии – христианской Империи Ромеев.

Во 2-й части действие происходит в православном Константинополе, в Царьграде. Кукша встречает там – точнее, его находит – не кто-нибудь, а сам юродивый Андрей, Христа ради блаженный, по преданию – вероятней всего славянин. И на собранные милостыней деньги – он отказывается принять другие деньги, хотя ему предлагают – Андрей юродивый выкупает Кукшу. Но тут беда: Константинополь осаждают славяно-варяжские дружины киевских князей Аскольда и Дира, и Кукша свидетель того, как отраженные чудом Аскольд и Дир не только снимают осаду и заключают, правда, выгодный для Киева договор, но и изъявляют желание принять христианство.

В 3-ей части Кукша – бывший Эйнар – но уже крещеный в Константинополе – возвращается через Понт Эвксинский, через Черное море, и порогами Днепра до Киева и претерпевает сложнейшие ситуации в Киеве. Там правит уже его друг – ярл Хаскульд, теперь киевский князь Аскольд, принимающий во святом крещении имя Николай.

Но Кукше – прямо до нельзя – надо вернуться домой. Ему предлагали быть дружинником византийского василевса, еще раньше предлагали стать дружинником старонорвежского конунга – здесь ему предлагают большее: убить Аскольда и стать князем через брак с последней наследницей рода князя Кия – основателя Киева. От убийства Кукша еще раз

уклоняется. Хотя в бою он убивал людей – он воин. И он возвращается на родину.

Последняя, 4-я часть – это Кукша в Смоленске – Гнездове – так называлось первое городище на месте Смоленска, и его возвращение с молодой женой к матери.

В книге действуют около десятка православных святых. Как признанных, так и еще не прославленных: это, конечно, святой Андрей Блаженный, Христа ради юродивый Константинопольский, это святитель Фотий, патриарх Константинопольский, это еще и равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славянские. Это первый святитель Киева Михаил. Ну, и те, кого мы еще не прославили – безусловно, нам следует об этом думать и молиться – это, конечно, Аскольд и Дир, первые христиане – князья киевские (кстати, вероятно и первые мученики, убитые при «языческой реставрации» – перевороте в пользу Олега Вещего и Игоря Рюриковича). Это и первые пещерные монахи Киева. Короче, есть над чем подумать.

Эта книга высоконравственная, но при этом она не перестает быть блестящим авантурным романом, который прочтает ваш ребенок, если ему исполнилось ну, скажем, 12 лет – но прочтает человек, который её не читал, и в 70 лет. Книга Вронского не только превосходно написана, но и очень грамотно отредактирована историком Владимиром Махначом. Её можно рекомендовать в качестве пособия по изучению русской истории, тем более, признайтесь, столь древнюю русскую историю – 9 века – все знают плохо.

Не случайно «Странствия Кукши» признана лучшей среди патриотических художественных произведений 2006 года, награждена грамотой и выдвинута на премию Издательским советом Московской патриархии совместно с общественными организациями.

У книги сложная судьба: её издали, как не странно, при коммунистической власти. И даже фильм по ней поставили, а потом переиздали, но это были только первые две части. А в фильм вошла только первая часть. При нынешнем «демократическом» режиме потребовалось целых 4 года, чтобы

издать её в православных издательствах. Издательство «Отчий дом» во главе со своим шефом Шкатовым четыре года продержало книгу и лишило её великолепных иллюстраций. Бог им судья! Во славу Божию книгу в конце концов сделало издательство «Лепта». Оно выпустило множество прекрасных книг, в том числе работы Юлии Вознесенской, в том числе работы Елены Чудиновой и её теперь уже всемирно известный роман «Мечеть Парижской Богоматери». Дай Бог здоровья издательству «Лепта»!

Книга издана, она продается во многих местах, но она есть всегда в лавке самого издательства «Лепта» в районе Сокольников по адресу Колодезный переулок 2А и в самом известном в Москве православном магазине «Православное слово» на Пятницкой улице, близ храма Троицы в Вешняках, а также в лавках Троице-Сергиевой лавры, как в их магазине у Красных ворот в Москве, так и в Сергиевом посаде, у входа в лавру.

Россия в XX столетии

Статья 1995 года.

Российская деструкция XX века и потрясения, которые эта деструкция периодически вызывает, обусловлены тремя основными факторами. На их фоне все прочие факторы (наличие революционных партий, удачные и неудачные войны, участие в коалициях, иностранная помощь, в том числе активная иностранная помощь тем или иным деструкторам) – факторы незначительные, в силу чего в масштабе истории культуры ими можно пренебречь.

Первый из трех основных факторов – вступление русского и нескольких других видных этносов России (то есть большинства населения страны) в фазу этнического надлома. Через фазу надлома проходят все без исключения этносы. Этнологический фактор для истории культуры – внешний. Он, безусловно, объективен.

Второй фактор – русское западничество. Исторически этот фактор складывался как субъективный. Однако западничество в России начинает свою историю еще до начала фазы этнического надлома, становится данностью, постоянным фактором русской жизни в акматической фазе этногенеза на рубеже XVII-XVIII столетий, и потому сейчас этот фактор надо рассматривать как объективный.

Третий фактор – наличие в русской культуре XIX-XX веков антисистемы. Антисистемы не имеют иных, кроме деструктивных, проявлений. Они приходят и уходят, пересекают не только национальные и государственные границы, но и границы великих культур. Следовательно, они проходят через историю народов в разных фазах этногенеза и по-разному воздействуют на тот или иной этнос. Антисистемы может не быть, она может «сгореть», границы ее бытования в истории не совпадают с этническими фазами, не совпадают они и со временем жизни великих культур.

Таким образом, антисистема есть фактор субъективный, но от этого не менее реальный в конкретном воздействии на

историю народа, культуры, страны.

РУССКОЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО

Начнем с него, так как оно сложилось более чем за столетие до вступления русских в фазу надлома, и прежде всего, оговоримся, что мы называем западничеством. В строго научном смысле западничество без кавычек есть течение философской и общественной мысли середины XIX века (период споров западников и славянофилов). Оно весьма непродолжительно по времени жизни и по воздействию на общество, охватывает всего лишь два поколения мыслителей и политических деятелей.

Однако западничество (как, кстати, и славянофильство) еще с конца прошлого века трактуется публицистами весьма расширительно. Иногда это происходит в полемическом задоре, иногда по злой воле, ради искажения исторических воззрений оппонента, часто по безграмотности.

Мы не склонны ни в коем случае подразумевать под западничеством стремление к социально-экономической или политической модернизации России и отдельных сторон ее жизни. При ближайшем рассмотрении такая модернизация может вовсе и не быть западной, а, наоборот, представлять собой нечто традиционалистское, что не всегда заметно. Западничество не есть заимствование отдельных черт, форм, проявлений, даже имеющих четкое адресное происхождение, привязанных конкретно к национальной традиции одной из стран европейского Запада. Такое заимствование следует рассматривать в парадигме культурных влияний. На протяжении всей мировой истории подобные влияния оказывали друг на друга самые различные страны и, кстати, великие культуры тоже.

Под западничеством мы подразумеваем стремление представителя этой тенденции перейти целиком в своих вкусах, воззрениях, системе мышления (в том числе социально-политического) в другой великий культурный ареал, перейти из восточнохристианской культуры (к которой принадлежат, в частности, русские и большинство этносов России) в западнохристианскую, в культуру Запада. Западничеством мы

также будем считать стремление переместить Россию из ее суперэтнического ареала в другой – западный.

Исходя из вышесказанного, мощное влияние культуры Итальянского Возрождения на русскую культуру в конце XV века в царствование Ивана III или в конце XVI века в Годуновскую эпоху не может считаться западничеством. Более того, в русском обществе и культуре до эпохи Петра I никакого западничества, как постоянного фактора, нет. К сожалению, очень часто (и это традиция еще прошлого столетия) к западникам причисляют исторических деятелей-реформаторов, хотя они оставались людьми своей культуры.

В России для появления западничества сложились две предпосылки еще в допетровскую эпоху.

Первая – в конце XV века Россия должна была создать свою высшую школу, но она того не сделала, что, несомненно, было нашей национальной ошибкой.

Университет – явление довольно позднее. Старейшие университеты Запада начинают свою историю в начале XIII века. Византийская традиция знает университеты с V века, мусульманская (на дальней окраине мусульманского мира – в мавританской Кордове) – с VIII века.

До возникновения регулярных высших школ – университетов высшая школа чаще всего существовала в виде крупных епископских школ. Иногда их считают прямыми предшественниками университетов тех времен. Можно условно назвать такие нерегулярные высшие школы протоуниверситетами.

От университета их отличает нестабильный характер (живет в каком-то городе или аббатстве видный профессор, собираются вокруг него ученики и последователи – есть школа, а умер или уехал – нет школы). Именно подобный неустойчивый характер задолго до возникновения университетов вызвал появление на Западе обширной категории «вагантов» – странствующих студентов.

Протоуниверситеты знала в своей истории и Россия. Первая высшая школа нерегулярного типа была открыта в Киеве при соборной церкви еще крестителем Руси святым Владимиром. О

высшем характере той школы свидетельствует появление в следующем поколении уже целого ряда эллинистически образованных интеллектуалов. Даже в самые мрачные годы раздробленности, иноземного порабощения протоуниверситеты сохранялись. Так, в XIV веке эту роль выполнял Ростовский монастырь «Григорьевский затвор», который, например, дал совершенное эллинистическое образование одному из блестящих филологов Высокого Средневековья – Стефану Пермскому. Но монастырь не может заменить собою университета даже не потому, что монах не годится в качестве профессора (история знает тысячи и тысячи знаменитых профессоров, бывших монахами), а потому, что университет – совершенно особая среда, полностью подчиненная науке, задачам образования.

До конца XV века университет в России ни в коем случае не мог появиться, ибо его просто некому было основать. Все крупнейшие университеты Запада основывались могущественными государями. До создания единой России Иваном III не было и спроса на большое количество высокообразованных людей. А когда этот спрос возник, обучение в России осталось монастырским. Переоценить последствия этой трагической ошибки трудно.

В конце XV века академическая наука в Восточной Европе была в таком же зачаточном состоянии, как и на Западе. Ни о каком приоритете речь идти не могла. Но, возжелав основать университет, русские власти могли бы заполучить сколько угодно высокообразованных греческих профессоров, которых тогда сманивали в огромном количестве в Италию. И первый университет (пусть даже с иноземной профессурой) был бы, тем не менее, высшей школой нашей региональной культуры. Возникла бы высшая школа своего суперэтнуса, высшая восточнохристианская школа. Но момент был упущен, греки уехали просвещать латинский Запад.

А в конце XVI века царь Борис, стремясь учредить университет, уже столкнулся с мощной оппозицией высшего духовенства, обоснованно опасавшегося латинизации. Дело в том, что за минувшее столетие академическое отставание

приобрело чудовищные размеры, и чтобы в эпоху Годуновых основать университет, нужно было не просто пригласить латинских (преимущественно католических) преподавателей, но и ввести латынь в качестве языка преподавания, языка науки. Другого пути уже не было. Однако и в Годуновское время, как это ни прискорбно, университет не был основан.

Первая высшая школа в Восточной Европе возникает в виде Киевской коллегии (тогда еще в составе Речи Посполитой) в 30-е годы XVII века. С переходом гетманской Украины под юрисдикцию московских государей Киевская коллегия становится единственным Российским университетом. В Москве же свой университет был основан еще позже, в 1685 году как Славяно-греко-латинская академия.

Латынь была введена в Киеве и Москве и оставалась на протяжении XVIII столетия основным языком преподавания и в значительной степени мышления всех университетов России (в том числе Московского, основанного в 1755 году). В итоге, запоздав на полтора столетия со своим появлением, высшая школа вестернизировала русских интеллектуалов. Это не делало из них западников, они слишком сильно были привязаны к восточнохристианской культуре собственным вероисповеданием, но предпосылка была создана. Надо сказать, трагическая ошибка XV века была преодолена только к концу XIX века. Мы, наконец, получили не только национальные, но и восточнохристианские высшие школы. Однако революция Новейшего времени снова отбросила нас назад. За национальные ошибки приходится расплачиваться веками.

Вторая предпосылка к появлению западничества была следствием прямой, но весьма растянутой во времени агрессии латинского Запада в западнорусские земли, то есть земли нынешних Украины и Белоруссии. Агрессия протекала не столько в политической, сколько в культурной форме в рамках Великого княжества Литовского и Русского, объединенного с Польским королевством личной унией задолго до поглощения Польшей Литовской державы. Обращена эта вестернизация была исключительно на литовско-русскую знать. Именно знать

(в полном соответствии со шляхетской концепцией Польского государства) подлежала окатоличиванию и постепенному ополячиванию.

Процесс, начавшийся еще в конце XIV века, медленно продолжался в течение XV – первой половины XVI века. Он создал основу для возможного поглощения Литвы Польшей, что произошло в 1569 году, и с того момента стал головокружительно быстрым. Еще два поколения, всего полвека – и предки нынешних украинцев и белорусов остались без национальной знати. В тот момент благодаря деятельности знати Речи Посполитой, с одной стороны, и иезуитов – с другой, ставится вопрос о латинизации (то есть по масштабам того времени вестернизации) и простого народа бывшего Великого княжества. Это осуществляется, начиная с 1596 года, в форме Унии, которую мы склонны рассматривать как инструмент культурной агрессии Запада в восточнохристианские земли Западной Руси.

Если бы западнорусская знать устояла, ареной противоборства Запада и Востока Европы была бы не Украина, а Польша. Но того не случилось, знать была западными русичами потеряна, а сопротивление организовали средние слои социума: казачество, мещанские братства и интеллектуалы (в основном Киевской академии и монастырей), обратившиеся за помощью к Российской державе.

Всё это оставило мощный отпечаток западничества на западнорусском населении, которое постепенно входило в состав Российской державы. Конечно, это – не полноценное западничество хотя бы потому, например, что Киевская коллегия (будущая академия), где преподавание велось на латыни, где была введена в православный обиход иезуитская просветительская драма как учебная драматургия, по-прежнему противостояла латинизации, иезуитскому влиянию на Украине. Но обратим внимание на один типический вариант.

В Западной Руси несколько десятилетий высшее и среднее образование в значительной мере было монополизировано иезуитами и в меньшей другими римско-католическими кругами. Чтобы получить образование, зажиточный малороссиянин или

белорус зачастую притворно принимал католичество, поступал в иезуитскую коллегию, заканчивал иногда Болонский университет, а потом возвращался на родину и каялся православному попу. Но ведь несколько лет притворства не могли не оставить глубокий след в психологии, мировоззрении такого человека!

И всё же настоящее западничество могло сложиться и сложилось в рамках Российской державы лишь при Петре I. Россия к тому времени осталась единственным государством восточных христиан. Все остальные восточнохристианские народы уже были порабощены либо мусульманами, либо западноевропейцами.

Еще историк Сергей Соловьев отметил, что к моменту прихода к власти Петра I русское общество было расколото между тремя партиями: Партией старообрядцев; так называемой Старомосковской партией, стремившейся законсервировать официальное православие и московскую, к тому времени уже имперскую традицию, и Партией западников-реформаторов.

К последней принадлежал клан Нарышкиных, из которого вышел будущий «прорубатель окна в Европу». Позволим себе не согласиться с Соловьевым. Партий было не три, а четыре.

Безусловно, была Партия старообрядцев. Старообрядцы – наследники тех русских кругов, которые стремились к национальной исключительности и, следовательно, к изоляционизму еще в XVI веке. Их апофеозом был Стоглавый собор 1551 года. Не случайно и поныне старообрядцы чтут Стоглав. Возникновение старообрядчества было обусловлено политическими событиями. Константинополь пал под ударами турок, а перед этим вынужденно пошел на унию с латинским Западом. Греки пошатнулись в вере. Это давало некоторые основания к провозглашению национально-религиозной исключительности. Старообрядцы создавали культурную парадигму «Россия и Европа». Такое состязание Россия выиграть никак не могла, ибо Россия вовсе не равноценна всему Западу. Можно противопоставить, скажем, Россию и Францию или Западную Европу и Восточную, но

противопоставление России и Европы равнозначно противопоставлению византийского мира Нидерландам – вот приведенная к абсурду старообрядческая идея.

Старомосковская партия консерваторов, как и все консерваторы, гарантировала спокойствие и благоденствие своей стране и культуре. Однако из-за отсутствия национальной высшей школы (своего Российского университета) Старомосковская партия лишилась к концу XVII века блистательных интеллектуалов, которые могли бы противостоять даже начетничеству старообрядцев. Лидером Старомосковской партии по праву был патриарх Иоаким, человек по происхождению служилый, мелкий дворянин, консерватор охранительного толка.

Партию реформаторов представляли такие имена, как князь Василий Васильевич Голицын и архимандрит Сильвестр Медведев. Князь Голицын – канцлер державы. Антикрепостник, он делал ставку на частную хозяйственную свободу, на либеральное развитие страны. Архимандрит Сильвестр Медведев – универсальный ученый, поэт, писавший латинские и русские стихи, историк, астроном, математик, богослов.

Партия реформаторов была связана с блестяще образованным царем Федором Алексеевичем (чье царствование было коротким), а затем с правительством царевны Софьи Алексеевны. Эту партию в обиходе называли бы умеренными западниками, но мы, как уже говорилось, не считаем сторонников культурного влияния западниками.

Партия реформаторов очень заметна в 80-е годы XVII века своей культурной деятельностью, организацией регулярной армии, большим строительством, в частности, в стиле Нарышкинского барокко. Для этого стиля характерно сохранение национальной традиции и активное заимствование отдельных форм западноевропейского зодчества. Это же можно видеть в литературе, живописи, философии, школьном деле. Детищем именно этих кругов стала Славяно-греко-латинская академия.

Чрезвычайно важно, что так называемая «Софьиная партия» в лице своих лучших представителей апеллировала к

общественности, общественному прогрессу и полагала необходимым культурное заимствование у Запада, но не государством, а обществом.

Тем самым их деятельность лежала в рамках нормальной парадигмы культурных влияний. Мы не рискуем сказать, что они были демократами. Аристократического начала в деятельности этой группы, пожалуй, больше. Но они, безусловно – антибюрократы и, следовательно, антиэтатисты.

Многовековая русская традиция всегда оставалась антибюрократической. Трудно найти страну средиземноморского региона, в которой, как в России, так мало места отводилось бы бюрократическому правлению. Единственное исключение – Англия. Она тоже пережила свое бюрократическое правление и даже свою тиранию. И все-таки Англия являлась всё Средневековье страной сословного представительства. Вслед за Англией, опережая Испанию, страной сословного представительства была Россия. Этатизм в России всегда был связан лишь с носителем центральной власти. Но даже носители этатистских тенденций были антибюрократами, поэтому этатистские тенденции в России, не говоря об антиэтатистских, были антибюрократическими.

Бюрократия в России XVII века, представленная классической фигурой дьяка, воспринималась всем населением, начиная с низов, только как администрация. Власть же, за исключением верховной власти самодержавного Государя, была представлена выборным элементом. «Лучшие люди» судили вместе с любым судьей. То была зачаточная форма суда присяжных, что впервые отмечено Судебником 1497 года, но, несомненно, уходит в более глубокое Средневековье. Выборные должностные лица управляли волостями, то были земские старосты и целовальники. Выборные наподобие англосаксонских шерифов лица отвечали за полицейский порядок и низшее уголовное законодательство, то были губные старосты и целовальники. По сути дела, власть имела под собой мощную демократическую базу. О развитости той демократии можно спорить, но то была не бюрократическая, а антибюрократическая система правления.

На высшем уровне даже до созыва первого Земского собора (парламента Русского государства) сохранялась сильная аристократическая традиция, ибо правительство государства (Боярская дума) было аристократическим.

Бюрократический элемент в Думе был представлен лишь несколькими дьяками. В сравнении с этим Франция, например, создавала свое бюрократическое правление еще во времена Филиппа Красивого. В ряде небольших германских государств существовала давняя средневековая традиция бюрократического управления. В России такой традиции не было.

Но этатисты в России были, и то была четвертая партия – Партия Нарышкиных. Видимо, изначально они не были западниками, но стали ими в силу этатистского мышления, в силу того, что Запад именно в XVII веке предлагал образцы бюрократического правления.

В XVII веке на Западе, особенно в Центральной Европе и во Франции, следовало учиться образцам не демократии или аристократии, а бюрократии, так как в Европе наступал абсолютизм. Он побеждал традиции средневекового сословного представительства и традиции аристократические, подминал под себя городские коммуны. Абсолютизм – один из самых обнаженных вариантов этатизма.

Партия Нарышкиных ринулась в объятия Запада и иностранцев Кукуйской слободы в Москве не из исконного или доктринального западничества, а своего этатизма, ибо они находили там готовые образцы. Это произошло, когда Петр I был еще юн, подвержен влиянию и играл в солдатиков (сначала в игрушечных, потом в живых). Он играл долго, не принимая участия в решении государственных дел, до переворота 1689 года и даже некоторое время после.

Методологически Петр I был тираном, укладывающимся в схемы Аристотеля, но тираном не классическим, ибо исходил не из эгоистической тиранической воли, а из примата государства. Среди панорамы этатистов мировой истории Петр был одним из наиболее выдающихся. Он не случайно играл всю свою жизнь в службу и получал чины, он искренне служил государству, как

Левиафану Гоббса. Гоббсова теория пришлась ко времени и к личности.

Антицерковные реформы Петра родились, разумеется, не из его осознанного антиправославия. Просто Петр не мог себе представить не только мистическую природу Церкви, но и социальную природу, он был лишен понятия «общество». Для него также не существовали понятия «нация», «народ».

Все это были атрибуты государства. Есть только человек и государство – других категорий нет! В этой ситуации вполне естественно его заимствование бюрократических форм у Запада (прежде всего у основного противника России в Северной войне – Швеции). Для него это не было западничеством. Он просто совершенствовал свое государство, конструируя его как некий аппарат или организм, элементом которого являлся любой человек, в том числе и он сам.

Здесь не место отмечать исключительную неэффективность Петровских реформ – сочиненные на бумаге, они не работали в действительности. Интереснее другое – в сфере государственного созидания Петр выступает большим последователем Гоббса, чем сам Гоббс. Он создает одну из наиболее бюрократизированных систем в мировой истории. Петровские реформы привели к чудовищному росту бюрократического аппарата. Выросла и коррупция, так как нормальные в демократическом и аристократическом обществах неформальные связи, объявленные бюрократической системой вне закона, стали незаконными неформальными связями. Сверхбюрократическая система Петра работать не могла, потому на протяжении XVIII и первой половины XIX века шло постоянное смягчение бюрократического характера государства.

Домонгольская Русь управлялась княжеской монархией в сочетании с боярской аристократией и вечевой демократией. В 1211 году, пытаясь добиться консолидации русских в единое государство, Великий князь Всеволод III созвал первое сословное представительство – прообраз будущих Земских соборов. Произошло это на 54 года раньше созыва первого английского парламента. Демократические традиции не умирали

в России даже в период иноземных господств и раздробленности: сохранялись в городах сотни и слободы, а среди крестьян – сельские и волостные сходы, сохранялась традиция судейства совместно с «лучшими людьми».

Петр I явился страшным разрушителем демократических русских традиций. Он не просто прекратил созыв Земских соборов, он уничтожил их основу – низовое Земство, самоуправление, бюрократизировав низшую сферу самоуправления. Интересно вслед за Евгением Анисимовым проследить, как Петр работал со шведскими прототипами.

В Швеции конца XVII века существовала трехчленная система областного управления: приход (кирхшпиль), затем дистрикт (херад) и, наконец, земля – ланц. Более высокие ступени бюрократизированной абсолютистской Швеции были, конечно, чиновничьими, низшим же (очень важным) звеном шведского управления был кирхшпиль – самоуправляемый приход во главе со старостой (фохтом). Деятельность прихода была основана на активном участии в управлении народа, крестьян, что и стало в будущем ядром восстановления шведской демократии.

Разбирая шведский образец, Сенат, естественно с подачи Петра, постановил: «Кирхшпильфохту и из крестьян выборным при судах и уделах не быть. К тому же в уезде из крестьянства умных людей нет». Это про Россию с ее многовековой земской демократической системой! Демократия выстраивается только снизу. Разрушая низовую демократию, Петр I надолго устранял возможность восстановления ее и в более высоких звеньях.

Сложнейшее общество XVII века Петр разрушает его упрощением. Константин Леонтьев впервые сформулировал универсальный культурный исторический тезис: «Всякое упрощение есть деградация», который в наше время был детально разработан Львом Гумилевым. Мы полагаем этот тезис действительно доказанным и универсальным.

В России XVII века высшим сословием являлось не дворянство, а боярская аристократия. Но виднейшие буржуа в России имеют даже особый титул «гости», а еще выше стоят «именитые люди», которые могут сравниться по своему

положению с незначительными боярами. Не только виднейшие купцы, но даже зажиточные ремесленники («посадские люди» в терминологии XVII века) и многие крестьяне могли в реальной жизни быть зажиточнее, а то и влиятельнее низовых служилых дворян.

Это была исключительно сложная система, включающая в себя по горизонтали категории людей служилых, людей посадских и тяглое крестьянство. По вертикали они были весьма смещены относительно оси, так что высший слой каждой категории был много влиятельнее и богаче низшего слоя категории более высокой. Например, богатейший посадский был богаче рядового дворянина.

Петр I спрессовал пять различных категорий земледельцев в одну категорию «крестьян», что блестяще доказал Василий Ключевский. Но выдающийся историк начала XX века не обратил внимания, что Петр был упростиателем и аристократии, размещав отечественную аристократию в рядах низового дворянства. Уравнитель не может возвысить. Петр не возвел служилого дворянина на уровень боярина, а лишь пообещал это, но низвел боярина-аристократа до уровня служилого дворянина, закрепив уравнительную систему своей «Табелью о рангах» 1721 года.

Петр был чрезвычайно активен и в своей культурной политике. Не случайно он строил столицу на голом болотистом месте.

Следует отметить, что русская культура XVII века (особенно в формах искусства, хотя также в политических и социальных формах) уже вступает в формы Нового времени. Стилистически это проявляется в стиле барокко. Барокко – первый стиль, который можно точно описать в истории русской культуры. Русская архитектура уже в первой половине XVII века вполне барочна. Другие виды русского искусства становятся барочными в середине XVII века. Стиль барокко не заимствован у Запада. В нем очень мало западных черт. Это – культурное влияние на уровне стадияльной близости. Весь XVII век барокко, включая Нарышкинское в последнем двадцатилетии XVII века, сохраняет национальную традицию. Искусство остается русским. Но среди

восприятия западных форм явно чувствуются эстетические предпочтения.

Русским нравится искусство католического южноевропейского круга, и отвергается, за редкими исключениями, протестантский круг.

Петр I же своей приверженностью к искусству, политическим и социальным формам североевропейских, протестантских, голландско-германских стран противостоял и национальной традиции, и национальному вкусу. Ему и на Западе нравилось не то, что нравилось его подданным. Конечно, культурное влияние возможно, но так ли безразлично – какое? В Петровскую эпоху русским сословным антибюрократическим формам самоуправления наиболее соответствовали английские образцы. Петр I к Англии присматривался, однако, поглощенный своим этатизмом, ничего интересного не нашел. Русскому художественному вкусу соответствовали итало-фламандские формы, их можно было заимствовать, но Петр насильственно навязывал голландско-германские.

Таким образом, западничество, по-видимому, – это еще и навязывание не тех форм западной культуры, социальной практики, политического устройства, которые созвучны отечественной традиции. А ведь культура необычайно многообразна и многогранна, если во главу угла ставится отечественная традиция, потому на Западе всегда можно найти образцы, достойные подражания, не разрушая при этом систему национального и суперэтнического предпочтения.

Итак, во-первых, Петр, как истинный тиран, ненавидел и разрушал отечественную аристократию. Во-вторых, Петр разрушал отечественную демократию, уничтожая ее основу на уровне муниципального, на уровне низового самоуправления. В-третьих, Петр нарушал традицию нормального взаимодействия с другими культурами, навязывая не то, что органически устраивало большинство его подданных. Он навязывал России облик Голландии, причем не настоящей, а сочиненной им самим. В-четвертых, Петр создал, пожалуй, самое бюрократическое государство своей эпохи.

Через период абсолютизма и бюрократизма проходили многие страны. Свой тиран был и в Англии – Генрих VIII. И парламент, уже ставший традиционным среди европейских государств, послушно голосовал за все безумства тирана. В Швеции при Карле XI риксдаг пикнуть не смел. Но тираны уходят, и муниципальная традиция низовой демократии и даже парламентарная традиция имеют тенденцию восстанавливаться. А что же происходит в России?

Земские соборы и земское самоуправление относятся после Петра I к непросвещенному прошлому России. Когда те или иные острые умы стремятся к восстановлению сословного представительства (пусть даже скромного, низового), они начинают искать формы на Западе, причем произвольно выбирают наиболее заметные или модные. Шведы не прививали себе традицию земских соборов. Испанцы не пытались ввести сейм. Все восстанавливали свою представительную традицию. А русские всегда после Петра пытались восстановить чужую, что связано со сложностями. Но даже и это – не самое страшное.

Есть много примеров тому, как государства, принадлежащие к разным великим культурам, живут бок о бок и не воюют. Часто в одном государстве веками мирно уживаются представители разных суперэтнотосов (скажем, христиане и мусульмане). Но Петр I создает редчайшую ситуацию: он проводит суперэтническую границу не между разными народами, а по ведущему в России великоросскому этносу. Высшее сословие новой России отныне начинает относить себя к культуре западноевропейской. Все же остальные сословия (богатейшее купечество, духовенство, не говоря уже о более низкопоставленных кругах) остаются в рамках своей традиции, своей великой культуры – восточнохристианской. Петровские реформы исподволь вырыли канаву, разделившую этнос на две полярные культурные ориентации. Правда, при Петре это все-таки была канава, а не пропасть.

Вторая половина XVIII века проходит в основном под знаком Екатерины II. Это – особая эпоха, Золотой век русского дворянства, одно из наиболее продворянских правлений в

русской истории. Допетровская Россия дворянской не была. Петр I провел свои реформы с опорой на дворянство, предложив провинциальным служилым людям владичество в стране. Неслучайно при Петре возник и широко употреблялся применительно к дворянам термин «благородное шляхетство».

Но почему католический польский термин? Петр поляков не любил, католичества не терпел, симпатизировал протестантскому миру. Дело в том, что Польша – самая феодальная страна поздней средневековой Европы. Именно Польша делила подданных на шляхетство и хлопство – полноправных и бесправных. Именуя «шляхетством» свое дворянство, Петр недвусмысленно давал определенные гарантии: «Служите, не покладая рук, не жалея жизни своей, и вы будете такими же всевластными в России, как шляхта всевластна в Польше». Конечно, аристократию подобное не соблазняло – она патриархальна. А вот для провинциальных служилых людей, которые по своему реальному положению были менее значительны, чем богатейшее купечество и даже иные крестьяне, то был соблазн. В социальном плане Петровская эпоха, возможно, произвела революцию.

Екатерина II преумножила эту тенденцию, восстановив самоуправление, но самоуправление чисто дворянское. Это – не старинное земство, где целовальники избирались из зажиточных крестьян, а во главе сотен и слобод стояли буржуа из городских сотен и слобод. Это – система выборных должностей, которые могут занимать только дворяне.

Более того, екатерининское правление проходит под знаком Указа о вольности дворянской. Пусть не она его приняла, его утвердил за четыре месяца до своей гибели ее муж Петр III в 1761 году, но сказать этот Указ мог именно при Екатерине. Этим Указом русское крестьянство попало под исключительно тяжелый податной пресс, а высокоразвитая по меркам XVIII века русская промышленность потеряла дальнейший импульс к своему развитию из-за огромных валютных отчислений (от труда русского крепостного крестьянина) на финансирование не русской, а (в погоне за предметами роскоши) французской,

фламандской, итальянской промышленности. Главное, впрочем, не в этом.

Русский крестьянин веками трудился на своего барина, что естественно, так как барин всю жизнь защищал русского крестьянина. Не стоит идеализировать отношения служилого человека и земледельца в России. Они были всякими, но они были нормальными. Если служилый человек переходил границы дозволенного, он мог нарваться на крестьянские вилы. Как правило, этого не происходило, потому что отношения были, в понимании своего времени, справедливыми. Не царь решал, что дворянин не платит налога, ибо дворянин платит налог кровью. Сам крестьянин знал, что его барин – воин и его содержат как воина.

Но теперь крестьянин узнал, что на его шее сидит бездельник, которому почему-то он, крестьянин, принадлежит. Принадлежит ему и крестьянская земля, которую крестьянин привык столетиями считать своей. И, тем не менее, этого бездельника он, крестьянин, должен кормить. Неудивительно, что крестьянство ответило на это пугачевщиной.

Начиная с Петровской эпохи, за крестьянином остались старинные традиционные обязанности, но добавились и новые, так как отныне он подвергался рекрутским наборам и пополнял регулярную российскую армию. Вот с этой эпохи, когда крестьянин продолжал служить свои двадцать пять лет, будучи оторванным от родных, в российских войсках, а дворянин от этой службы избавился Указом о вольности, канава, вырытая Петром, превратилась в пропасть.

Попытка императора Павла I устранить некоторый межсословный дисбаланс привела к гибели самого Павла и к длительной, не прекращающейся и по сей день ненависти к его памяти у представителей того самого западничества, которое возникло за сто лет до его правления. Антинациональная, вне всякого сомнения, особенно со времен Венского конгресса, политика Александра I вызвала национальное негодование. Коллизия еще более усложнилась, потому что защитником национальных интересов выступило западное дворянство. Попытки русского правительства, влиятельных интеллектуалов,

имевших возможность воздействовать на государственную политику, вернуться в свое суперэтническое русло, в рамки восточнохристианской культуры не могли иметь успеха.

Такая политика возникает уже при Николае I, но обречена на провал. Правительство и близкие к правительству круги стремятся восстановить культурное единство с обществом, что образованная его часть встречает в штыки, ибо рассматривает политику правительства как антинациональную со своих западных позиций. Один и тот же исторический деятель XIX века может в итоге дисбаланса XVIII века оказаться поборником национальных традиций и врагом национальных интересов, и наоборот. В этом не только трагедия тридцатилетнего правления Николая Павловича, в этом также недостаточная эффективность Александровских Великих реформ 1860-х годов.

Декабристы представляли собой национальную реакцию на антинациональную политику Александра I. В возникновении декабризма повинны император и бюрократическая государственная политика, поведение Александра I на Венском конгрессе в Париже, его поведение в отношении проигравшей Польши. Но при этом критика и само выступление, казалось бы, национальной аристократии велись не на национальном понятийном уровне. Еще историк Василий Ключевский обратил внимание на воспитание декабристов. Они волнами прошли последовательно воспитание просветительно-классическое, франкмасонское и, наконец, иезуитское. Эти волны вовсе не складывались в некое целое. Масонство было связано с романтизмом и во многом уже в конце XVIII века отвергало Просвещение. Иезуитизм (последняя волна Контрреформации), несомненно, глубоко враждебен масонству. Но все эти волны, сталкиваясь в образованнейшем русском офицере, всё дальше и дальше вводили его от понимания национальных проблем.

Александр I сказал, когда ему доложили о существовании тайных обществ: «Не мне их судить». Обычно эту фразу объясняют терзаниями его совести из-за причастности к цареубийству и отцеубийству 1801 года. Думается, это не так. Его фраза, вероятно, означала: «Не мне их судить, потому что я

такой же как они со своим лагарповским воспитанием, стремлением осчастливить всех людей, отчего многих сделал несчастными». Александру I была свойственна высокая этическая самооценка.

Россия не взорвалась на сто лет раньше вовсе не потому, что привыкла к рабству. Тому были три причины.

1. Как ни странно, причастность крестьян к службе. Каждый рекрут из крепостных знал, что вчера он был человек барский, а сегодня – царский. Во все времена, с начала XVIII века и до окончания истории России в ее исторических формах, рядовой солдат самого низкого происхождения мог выслужить офицерский чин и даже генеральский. Если не в своем полку, то в соседнем он мог видеть офицера из солдат.

2. Россия и в XVIII, и в XIX веке, несмотря на все парадоксы ее правления, продолжает выполнять исторически сложившуюся имперскую функцию: защищает восточных христиан. Так называемые три раздела Польши были освобождением православных христиан от владычества западного. Русско-турецкие войны (две при Екатерине II, потом при Александре I, две при Николае I, при Александре II) были освобождением принадлежащих к той же культуре славян, греков, грузин и армян, даже арабов и коптов от турецкого владычества. Это культурное единство ощущается простым необразованным человеком, да и любым человеком не богословом куда острее, чем принадлежность к строгому догматическому вероисповеданию. Возможность принести пользу своей культуре в какой-то степени сохраняла, невзирая на раскол, национально-культурное единство.

3. Русскую аристократию пытались разрушить все тираны русской истории, но их было всего двое: Иван IV и Петр I. Аристократия после Петра восстанавливается, особенно в екатерининское, а потом в александровское время. Аристократическая традиция, в отличие от бюрократической, присуща менталитету русского народа. Русского аристократа стремились сделать таким же чиновником, каким был любой провинциальный дворянин. Но крестьянин хотел в нем видеть аристократа, ответственного за судьбы не государства, а нации,

общества, культуры. Неслучайно простонародное «барин» восходит не к слову «дворянин», а к старинному термину «боярин». Отсюда продолжали существовать, правда, все в меньшей степени патриархальные отношения земельного дворянина и крестьянина-земледелца. Эта инерция тоже могла бы довольно долго сохранять национально-культурное единство и противостоять деструкции, если бы адекватными реформами удалось преодолеть возникший в этнокультурном поле петровский раскол, но так не случилось. Чем сильнее аристократическое (шире – помещное) дворянство стремилось к возвращению в национальную традицию, тем активнее в обществе формировались новые категории западников.

Западники XIX века – это маргиналы. Их принято называть интеллигентами, однако этот термин ни в коем случае не соответствует таковому в XX веке. Сейчас интеллигентом считается человек, принадлежащий к образованной части общества. В XIX веке интеллигент – это образованный человек, но не аристократ, не помещик, не офицер, не священник (а священство в XIX веке становится всё образованней и влиятельней), не буржуа (всё более заметный в культурной жизни XIX века). Интеллигент XIX века – это образованный маргинал.

Сохрани общество этнокультурную традицию, образованных маргиналов привлекли бы в состав национальной элиты (происходило же то на военной службе, где солдат мог дослужиться и до генерала). Но национально-культурная традиция была разорвана, и маргинал оставался «подвешенным» со своим западническим воспитанием, с неприятием государства обществом, с сознанием общности не с предками, а со всеми «угнетенными». Возвышаясь, маргинал был готовым деструктором. Деструкция же эта есть итог раскола этнического поля, происшедшего в XVIII веке. Число же маргиналов в XIX веке неуклонно возрастает в силу вполне объективной причины: вступления русских в фазу надлома.

ФАЗА ЭТНИЧЕСКОГО НАДЛОМА

Каждый этнос, согласно этнологической теории Льва Гумилева, после прохождения фаз подъема и перегрева

вступает в надлом. Несомненно, это – снижение активности этноса. Еще важнее резкое падение внутриэтнической солидарности, которая является необходимым условием существования этноса. Гумилев объясняет надлом тем, что в итоге фазы перегрева число пассионариев (людей, у которых стереотип служения идее доминирует над стереотипом сохранения рода) сокращается за счет их естественной убыли. В таком случае (если принять это объяснение, небесспорное с нашей точки зрения) влияние каждого отдельного пассионария естественно возрастает. До надлома они попросту мешали друг другу, им было тесно. Теперь влияние каждого из них увеличилось, и каждый увлекает менее энергичных членов этноса в свою сторону.

Но если о пассионарности можно и нужно спорить, даже принимая гумилевскую теорию в основных ее аспектах, то не представляется возможным спорить о наличии самих фаз. Те этносы, чью историю мы можем наблюдать от начала до конца, рисуют нам фактологически смену фаз достаточно точно по Гумилеву. Не он первый заметил прохождение этих фаз. Они были отмечены еще мифологическим сознанием, а в академической науке фазы истории народов достаточно четко просматриваются у Джамбаттисты Вико, Константина Леонтьева, далее у Шпенглера, Сорокина, Тойнби. Сейчас это уже данность.

Что свидетельствует о наступлении фазы надлома в начале XIX века? Первый звонок – восстание декабристов. В большинстве своем декабристы могут быть причислены не просто к служилому дворянству, а к аристократии. Аристократия консервативна, она во все времена – охранительница государства, ведь для нее государство – ее собственность в гораздо большей степени, чем для монарха, не говоря уже о демократии.

Разумеется, аристократия устраивает заговоры, перевороты, меняет не только правителей, но и династии, корректирует государственное устройство. После того как Александр I третирует русских в Париже, чтобы понравиться французам, аристократия должна была бы путем заговора

устранить его. Ведь ликвидировала же она, несомненно, выполняя функцию национальной элиты, непригодного монарха Петра III. В мировой истории таких примеров тоже множество. Но в лице декабристов аристократия посягает на само государство, на свою собственность. Поистине, известная эпиграмма Ростопчина была уместна! Только надломом можно объяснить такую ситуацию. Никакое воспитание декабристов, никакие иноземные или даже ненациональные космополитические влияния не могут объяснить, почему элита сословия принимает участие в разрушении государства, а сословие не отторгает эту часть. Государство постепенно перестает быть своим.

РАССМОТРИМ ПЕРСОНАЛИИ

Гаврила Романович Державин – крупнейший поэт, яркий культурный деятель, глава лидирующего кружка. За свою жизнь был министром у трех государей и считал для себя службу явлением не только нормальным, но и совершенно обязательным.

Следующее поколение – Николай Михайлович Карамзин. Для Карамзина государство, несомненно, свое, и все-таки он не стремится к обыденной службе, ищет службу особую и находит ее в должности историографа. Указ о вольности дворянской позволял не служить, но этические требования побуждали-таки дворянина искать службы, хотя бы ненадолго. А то можно было и невесты не приискать!

Александр Сергеевич Пушкин служить вообще не любил, не умел, чиновником был плохим, и все-таки государство – это его государство. Правда, ощущает он это только в напряженные моменты, когда государству что-то угрожает. Тогда он пишет «Клеветникам России». Можно представить себе Пушкина сражающимся в ополчении, невозможно – в канцелярии. Но Пушкин – деятель русской культуры с необычайно обостренным национальным чутьем.

Уже в поколении Пушкина многие службой откровенно тяготятся. Еще поколение – и появляются лишние люди. Однако лишний человек в любом нормальном обществе – это маргинал. Если общество достаточно гуманно, оно его кормит,

не дает умереть с голоду, но больше ничего ему не гарантирует. И при взгляде на мировую историю это справедливо. Лишние же люди 30–40-х годов бравируют тем, что они лишние.

В классической русской литературе XIX века исчезает герой (не персонаж, а герой в античном смысле этого слова). У Пушкина герой есть. Есть он в романтической литературе пушкинского времени. Романтизм вообще без героя жить не может. А что происходит дальше?

Вот Гончаров – писатель первого ряда, человек не чуждый героизма, по собственной инициативе совершивший кругосветное плавание, откуда возвращается с Дальнего Востока сухим путем через всю Россию.

В своих Записках он с восхищением описывает встреченных им русских людей (офицеров, чиновников, купцов, землепроходцев). Все они сплошь – герои. Однако по возвращении он пишет не о них, а о диванном лежебоке – Обломове, человеке в высшей степени лишнем. Понятно, что критики, немного утрируя, видят в его Обломове осуждение Штольца, добродетельного делового человека, который пытается спасти погрязших в нищете и безделье жителей Обломовки, да и самого Обломова. Но не Штолец – герой Гончарова, а ведь по пути с Дальнего Востока в европейскую Россию он восхищался «штольцаами»!

В ранних вещах графа Льва Николаевича Толстого (например, в романтическом «Хаджи Мурате») герои, конечно, есть, есть они и в «Казаках». Но вот Толстой достигает первой, признанной всем миром высочайшей вершины своего творчества, создав эпопею «Война и мир». В этом огромном сочинении он вывел только одного героя – князя Андрея, да и тот ему не удался (едва ли не самый слабый образ романа). Но есть вторая вершина Толстого – «Анна Каренина». Писатель мог сделать своим героем честного, мудрого государственного мужа, умеющего решать самые сложные задачи. Он делает из него сомнительного для читателя семейного тирана. Он мог бы пойти по другому пути – романтическому и сделать своим героем менее серьезного, довольно бестолкового, но, в общем, честного и храброго офицера. Однако в центре повествования

оказывается взбалмошная дамочка, которая сначала портит жизнь первому, затем второму из этих персонажей и далее закономерно приводит себя на рельсы.

Антон Павлович Чехов бездельником не был, хотя и не был героем. Он был хорошим врачом, трудолюбивым журналистом, изумительно тонким и работоспособным литератором. Но и этот великий мастер рассказа выводит в своих сочинениях бесчисленное количество бездельников. А ведь его героями должны были бы стать его коллега – Ионыч или принадлежащий к его категории просветителей, трудолюбцев – Беликов! Чехов предал и Беликова...

У нас достойными внимания оказались те, кто в литературе других стран был маргинализирован самой литературой, не говоря уже об их маргинализации обществом. Из русских литераторов XIX века только у Лескова маргиналы не в центре внимания. Вот Лесков и остался для всех чужим: для левых и правых, для традиционалистов и реформистов, для революционеров и архиереев.

Однако в русской жизни XIX века героев было сколько угодно! Генерал Ермолов и Петр Столыпин, Муравьев-Амурский, Кауфман-Туркестанский... можно называть множество имен из всех сословий. Достаточно вспомнить один только род Муравьевых (три поколения и три ветви одного рода).

Сенатор Муравьев-Апостол, блестящий дипломат, человек безупречной нравственности, который в эпоху сближения России с Францией при жестком императоре Павле I рискнул вразрез с отечественной политикой предоставить политическое убежище французским эмигрантам, будучи в одном из крошечных германских государств представителем российского флага.

Естественно, никто не посмел арестовать находившихся под покровительством русского агента, даже Франция, которая и не заметила бы границ любого Бадена. Но своего императора Муравьев знал, и знал, что его карьера могла кончиться. Однако известен документ, где рукою государя начертано: «Действительный статский советник Муравьев-Апостол поступил по совести. Павел».

Два сына сенатора – самые яркие и благородные представители декабристского движения, кузены (три брата Муравьевых) – тоже достойные декабристы. Никита Муравьев – автор разумного умеренного проекта конституции в противовес безумной деструктивной «Правде» Павла Пестеля.

С этим либералом и пятью революционерами в ближайшем родстве генерал Муравьев-Карский, взявший ряд самых суровых и стратегически важных для России турецких твердынь, и поразительный Муравьев-Амурский – создатель Российской Сибири и человек, под покровительством которого ссыльные декабристы совершили в Сибири великое дело просвещения.

Их же родственник – Муравьев-Виленский, которого советские авторы предпочитают именовать Муравьевым-Вешателем. А ведь это была только шутка. На первом приеме по случаю назначения виленским губернатором его издевательски спросили, не из тех ли он Муравьевых, которых повесили. На что Виленский жестко ответил: «Я не из тех Муравьевых, которых вешают, а из тех, которые вешают». Сказано это было так сурово и твердо, что и вешать не пришлось.

Был еще и Андрей Муравьев – даровитый духовный писатель, паломник к святым местам Палестины, Греции, Рима, России, чьи книги только сейчас начинают открываться нашему читателю. Был Муравьев – министр юстиции, еще несколько интересных Муравьевых – военных.

Героев хватало, но о них не писали, а между тем страна процветала.

Хозяйственный подъем второй половины XIX века сменился хозяйственным бумом начала XX века. Россия переживала демографический взрыв. В 50-е годы нашего века численность российского населения (по западным данным) должна была превысить 300 млн. человек. Одних это страшило, другими воспринималось как признак неизбежного великого будущего России. Наконец, только во второй половине нашего века благодаря исследованиям физика Федосеева стало известно, что в 1913 году наш жизненный уровень был несколько выше, чем в самой Англии. 75 лет советской власти

мы учились видеть только свои дореволюционные недостатки и не замечали, что, например, старая Россия производила практически все виды продукции, что ее автомобильная промышленность была на уровне немецкой, а авиационная – на уровне американской. Подобные примеры можно привести из разных областей.

Русское хозяйство сохраняло заметную национальную специфику. Значительный удельный вес в экономике в предреволюционной России составляли весьма процветающие мелкие и даже семейные предприятия, высококвалифицированные кустари, которые имели экспорт в страны Европы. Но мы продолжаем считать это признаком отсталости реакционной царской России, хотя конец XX века показывает, что наиболее динамически развивающиеся предприятия современного Запада – именно средние и мелкие (в том числе семейные) предприятия, более гибкие, эластичнее приспособляющиеся к требованиям рынка.

Русские рабочие в 1910-е годы имели самую совершенную систему страхования труда и гарантии для наемных рабочих, что признал президент США Тафт, а мы до сих пор продолжаем подозревать, что несчастному угнетенному русскому рабочему почему-то было необходимо, опережая западных коллег, совершить социальную революцию.

С середины прошлого по вторую половину нашего века (130–140 лет) живет замечательная русская философская школа. У кого угодно это уже называлось бы русской классической философией. По продуктивности идей, трудов, по влиянию на мыслителей других стран были две сопоставимые с ней эпохи: греческая классическая и немецкая классическая философии. Мы этого не замечаем и поныне.

Итак, мы не замечали и не замечаем собственных преимуществ и продолжаем подчеркивать собственные недостатки. Еще в середине прошлого века универсальный мыслитель Алексей Хомяков отметил, что мы заимствуем недостатки Запада, проходя мимо его достоинств. Недостатками Запада мы вытесняем собственные достоинства, при этом наши недостатки при нас остаются. Наблюдение

Хомякова справедливо и для XX века, включая его 90-е годы. В этом нет ничего удивительного – это классическая надломная ситуация.

Что же касается высочайшей русской культуры XIX и начала XX века (Пушкинская плеяда, Серебряный век, блистательная русская архитектура), то для фаз надлома высокая культура естественна. Например, фазу надлома итальянцы проходили в эпоху Возрождения первыми из западных европейцев.

Италия впитала раньше средневековой Европы импульс Ренессанса, идущего из Константинополя, дала наиболее блистательные результаты – эпоху Донателло, Боттичелли, Леонардо. Но кончилась эта эпоха для Италии не только тем, что французские и испанские войска разорвали ее в клочья и оккупировали (мы тоже не раз были оккупированы), но и гораздо большим национальным позором – тем, что итальянцы убивали друг друга: одни сражались в испанских, другие – во французских войсках (что прекрасно описано в романе прошлого века «Турнир в Барлетте» д'Адзельо).

Фаза надлома – всегда тяжелая фаза, и выход из надлома любому этносу обходится дорого. Потому, предаваясь бесконечной скорби по поводу людских потерь XX века, мы лишь продолжаем вести себя как люди надломной эпохи.

Для немцев выходом из надлома была Тридцатилетняя война. Она шла на территории германских земель и стоила жизни двум третям немцев. Это печально, но уцелевшей трети хватило на германский романтизм, немецкую классическую философию, великолепную, в Западной Европе, конечно, лидирующую, немецкую музыкальную школу, борьбу с превосходящим противником в двух мировых войнах и, в конце концов, нынешнюю процветающую Германию. Всею свое время. Они заплатили множеством жизней за выход и вышли. Но помнить надо и о другом.

Не все этносы выходят из надлома, как не вышли ахейцы (предшественники греков); готы, лангобарды в раннем европейском Средневековье. Однако есть и позитивные соображения.

Россия в начале XX века переживает не только хозяйственный и культурный подъем. Русские явно возвращаются к национальным и, более того, региональным восточнохристианским традициям. Это проявляется во множестве черт.

Например, давно замечено, что величайший русский святой XIX века Серафим Саровский и величайший русский поэт Александр Пушкин, будучи современниками, ничего не знали друг о друге. А в следующем поколении наиболее яркий философ Иван Киреевский и крупнейший монашеский авторитет Макарий Оптинский взаимодействуют, занимаясь книгоиздательством: они – близкие люди. Еще поколение, и монашеская традиция становится не лидирующим, но заметным элементом русской культуры. Для Константина Леонтьева Амвросий Оптинский и Оптиная пустынь – стержень его философского творчества. В Оптиной бывали все сколько-нибудь заметные деятели русской культуры.

Архитекторы в середине XIX века тоже уже обратились не только к национальной, но и православной традиции. В середине XIX века живописцы изображали монахов либо пьяными, либо дерущимися друг с другом в трапезной, а в конце XIX века для Михаила Нестерова монашеский подвиг – основная тема творчества.

Есть много оснований полагать, что к началу XX века русская культура обладала потенциалом Возрождения. После работ академика Конрада Возрождение воспринимается как универсальная историко-культурная категория, как форма культурного подъема через обращение к классической Древности.

Конечно, для каждого Возрождения в каждую эпоху в каждой стране существует своя классическая Древность. Для Итальянского Возрождения XV века ею была римская Античность, а для китайцев эпохи Тан – Китай эпохи Хань. Но именно возможность подобных сопоставлений делает Ренессанс универсальной категорией.

Русская культура переживала Возрождение в стилистических формах модерна. Особенность Русского

Возрождения в том, что избранных периодов классической Древности было несколько: Античность, Древний Египет, западноевропейское Средневековье, но доминировало, конечно, отечественное наследие (прежде всего русское Высокое Средневековье XIV-XV веков).

Анализ эволюции русской поэзии от символизма к акмеизму, русской архитектуры от историзма к модерну, русской живописи от плакатно-политического передвижничества к тому же модерну Нестерова, Билибина, Кустодиева, художников «Мира искусства» показывает, что тенденции деструкции уступают место тенденциям созидания.

Примерно то же самое происходит в обществе. В конце XIX века общество еще сочувствовало революционерам и дружно оплакивало их, если они плохо кончали свой жизненный путь. В 1910-е годы общество от революционеров отвернулось. Сборник «Вехи» 1909 года вызвал бурю негодования в интеллигентских кругах, но возражали, критиковали, бесновались представители старшего поколения, а молодежь «Вехами» зачитывалась. Очень скоро повзрослевшие гимназисты и студенты, прочитавшие «Вехи», были бы навсегда потеряны для революции, для деструкции, для надлома.

Давно уже отмечено, что, если бы Столыпинская реформа завершилась (предположительно она должна была окончиться в 1926 году), то для революции навсегда были бы потеряны и крестьяне.

Все это позволяет предполагать, что Россия в начале XX века обладала нереализованным потенциалом культурного Возрождения, а русские обладали потенциалом выхода из фазы надлома. Если наша гипотеза верна, то надлом у русских был очень кратким (примерно столетним), зато чрезвычайно продолжительна самая тяжелая переходная фаза выхода из надлома в инерцию. Кроме того, мы осмеливаемся полагать, что совокупность этносов России в некотором смысле вовремя прошла через революцию.

Французы свою революцию прошли после окончания надлома самым неудачным образом – в фазе инерции. В итоге они романтизировали и героизировали революцию, до сих пор

сохраняют бандитское песнопение в качестве национального гимна, а революционные цвета сделали национальным знаменем.

За это они расплатились на протяжении почти полутора веков тремя революциями, директорией, двумя империями, двумя реставрированными монархиями, пятью республиками, генералом Буланже, вполне реальной гражданской диктатурой Леона Гамбетты, попыткой фашистского переворота. Короче, французов полтора столетия лет трясло, и только великий француз генерал де Голль в конце инерции дал Франции стабильность.

Англичане прошли свою революцию более чем на сто лет раньше – в фазе надлома. В фазе инерции они (ровесники французов) не только не сохранили революционной романтики, героики и истерии, но сделали революцию для себя неприличной. Английский традиционализм – это традиционность, но также отрицание всякой и всяческой революции. Если и есть культурная категория «английскости», то она обращена к нормандскому, англосаксонскому, даже британскому, кельтскому Средневековью, к античной кельто-римской Древности. Она обращена и к более близким эпохам – к традициям елизаветинского времени, когда Англия становилась властительницей морей, к традициям викторианским, когда Англия была уже самой благоустроенной, процветающей державой, хотя и не самой богатой, к любым другим традициям, но только не к революционным!

И русские в тяжелых условиях при серьезном противодействии многих соседей, выходя сейчас из надлома, могли бы точно так же сделать неприличной свою революцию. Тогда нас может ждать по-своему переживаемая некая викторианская эпоха и будущая благоденствующая Россия. На это не жалко ни трудов, ни средств. Любых средств.

АНТИСИСТЕМА

Антисистема – категория новая в гуманитарном знании. Понятие антисистемы предложил Лев Гумилев. Он уделил много внимания этому историческому явлению. Ему посвящена заключительная глава основного трактата Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», значительная часть главы «Этногенез и

культурогенез» работы «География этноса в исторический период».

В своих работах по русской истории Гумилев тоже обращал внимание на антисистемные явления. По сути дела, антисистема принадлежит не этнологии, а культурологии, истории культуры. Но Гумилева это заинтересовало, он подробно и убедительно описал, хотя и не определил, эти структуры, разрушительные для этноса. Антисистемы способствуют сокращению жизни этноса, а следовательно, разрушительные для общества и могут рассматриваться в обеих областях исторического знания.

Нам представляется важным внесение категории «антисистема» в область политической истории, социологии, политологии. Возможно, это важная категория и для ряда областей географической науки.

Весьма интересно – и к этому мы еще вернемся, – что Гумилев не дал дефиниции антисистем. Но называл их и призраками систем, и системами, стремящимися сменить мироощущение на обратное, сменить знак стереотипа поведения данного этноса или его части, субэтноса, социальной страты. Лев Гумилев убедительно отмечает ряд характеристических черт антисистем. Антисистемы отличаются негативным мировосприятием и, как следствие этого, стремятся к разрушению мироздания. Таким образом, пафос антисистемы – самоубийство.

Антисистемы или большинство их рождаются в зонах контакта великих культур, из чего можно сделать вывод, что большинство антисистем синкретичны. Несколько более смелый и, быть может, преждевременный вывод: все синкретические конструкции – религиозные, социальные, философские – суть антисистемы или ведут к образованию антисистемы. Антисистемы всегда характеризуются разрешенностью лжи или даже праведностью лжи для адептов данной антисистемы. Из этого наблюдения необходимо вытекает следующее: антисистемы, по крайней мере, в своей социально структурированной части герметичны и представляют собой структуры со множеством степеней посвящения, в которых на

каждой новой ступени посвящаемому открывается некая новая «истина», иногда полярно исключающая «истину» предыдущую. В силу разрешенности лжи адепты антисистемы охотно используют любые привлекательные стереотипы системы, на которой паразитируют. Правильно воспитанный кармат, принадлежащий к антисистеме мира ислама, вел себя с шиитом как шиит, с суннитом как суннит, казался христианину – христианином, еврею – евреем.

Эта тенденция универсальна, и из нее проистекает печальный вывод о невозможности полемики с антисистемой. Любой наш аргумент будет незамедлительно присвоен и предложен нам уже как аргумент антисистемы. Исключительное удобство разрешенности лжи!

И наконец, об особенностях поведения антисистемы, особенно важной при рассмотрении русской культуры. Если антисистема захватывает большинство населения небольшой страны или большинство членов некоторой замкнутой группы, то она стремительно подталкивает их к самоубийству. Но совершенно иная ситуация наблюдается, когда представители антисистемы захватывают власть в некотором регионе, большинство населения которого не включено в антисистему. Тогда антисистема меняет знак. Прекращая саморазрушение, она порождает в обществе более или менее деспотический режим, в котором представители антисистемы образуют элиту.

Этот режим не разрушает сам социум, ибо социум рассматривается представителями элиты только как некое средство их собственного антисистемного благоденствия, как рабочая скотина. Подобные, сменившие знак антисистемы могут жить долго, отказавшись от основного принципа антисистемы – отвержения мироздания. Однако, потерпев политическое поражение и потеряв место элиты, подобная антисистема снова меняет знак, ибо законсервированный характер не меняет ее сущности: потеряв власть, перестав быть элитой, антисистема снова становится антисистемой, снова подталкивает этнос к саморазрушению.

Существуют два вопроса, поставленные Львом Гумилевым и, как нам представляется, весьма далекие от разрешения. Так,

ученый сблизил понятие «антисистемы» и «химеры ложноэтнической общности», то есть попытки искусственно, политически или шире, социально-культурными средствами, сформировать этнос. Гумилев приводит в разных своих работах множество примеров химер и достаточно убедительно показывает неизбежность их распада. Но вот насколько антисистема есть порождение химеры (а ученый все более склонялся к этой точке зрения), нам думается, судить преждевременно, хотя бы потому, что история знает много больше антисистем, чем химер.

Антисистемы, как видно из работ других авторов, могут рассматриваться уже в древнейшей части документальной истории человечества, на материалах IV-III тысячелетий до нашей эры. В эти эпохи сама чрезвычайная разреженность населения делала сомнительной попытку химеризации. Химеры недолговечны, в то время как срок жизни антисистем может исчисляться многими столетиями, а может быть, и тысячелетиями. Попытка химеризации подразумевает значительность межэтнических контактов. Антисистемы тоже часто возникают в зоне межэтнического контакта, особенно синкретические антисистемы. Но пока невозможно доказать, что антисистемы всегда рождаются только в зоне контакта. Категория «химера» принадлежит этнологии, без сомнения. Категория антисистемы скорее принадлежит культурологии. Оба эти явления, несомненно, деструктивны для этноса и для социума. Химеры распадаются самостоятельно по внутренней деструктивности. Можно предполагать, что антисистемы самостоятельно не распадаются никогда. Все исчезнувшие антисистемы подвергались истреблению.

Таким образом, пока преждевременно считать антисистему порождением химеры или, осторожнее, процесса химеризации; а вот антисистема, действительно, может стремиться породить химеру, что прекрасно иллюстрирует история России. Действующая в революции антисистема или группа антисистем, придя к власти, предприняла попытку тотальной химеризации, создания ложноэтнической общности «советский народ». То, что химеризация не удалась, можно считать большой удачей

русского общества, но, тем не менее, такая попытка имела место.

Еще один вопрос, порожденный гумилевской разработкой антисистем, возможно, и не может быть разрешен средствами исторической науки. В самом деле, совершенно не ясно, каким образом антисистемы могут консервироваться, в течение длительного времени сохраняться в скрытом «эмбриональном» состоянии и затем воспроизводиться. Манихейская антисистема прекращает свое существование, во всяком случае, более не упоминается в исторических источниках уже в VII веке, а в X веке антисистемы манихейского корня распространяются по всем культурам Средиземноморья. Где хранилось учение манихеев в продолжение трех-четырех столетий, нам неизвестно, но философы, историки, практические деятели Средневековья не ошибались, именуя павликиан и богомилов, катаров и альбигойцев манихеями.

Повторим еще раз, что, возможно, эта проблема неразрешима. Если антисистема в неблагоприятных условиях обладает способностью сжиматься до размеров небольшого кружка, никакие исторические источники не донесут до нас этой информации.

Как ненавидели мироздание, как убеждали самих себя и немногих приближенных адептов в допустимости и праведности лжи, на каких кухнях злобствовали, глядя на окружающий мир, те, кто сохранял антисистему на протяжении многих поколений, мы можем только гадать, строить фантазии, но наши гипотезы не будут научными, ибо невозможно существование источников, на которые эта гипотеза могла бы опираться.

Именно эта способность антисистем как бы исчезать, а затем реконструироваться более всего подталкивает нас к скептическому отношению к самой гумилевской теории. А быть может, антисистема есть нечто чисто умозрительное? Может быть, подобным образом было удобно провести обобщение одному Гумилеву? Нам представляется, что, хотя термин «антисистема» – недавний, хотя источники именуют их по-разному: антисистемы оказываются ересями, группами революционеров, интеллектуальными клубами, тем не менее,

Гумилев был прав, и общие черты антисистемы мы можем проследить достаточно убедительно. Люди не знали категории антисистем, и, тем не менее, отдельные религиозные и философские конструкции в разные эпохи, сталкиваясь с разными культурами и социальными системами, вызывали отчаянное и агрессивное сопротивление окружающего мира. Сасанидский Иран был исключительно веротерпим. В нем, кроме зороастрийцев, уживались представители разных религиозных систем, а христиан начали принимать раньше, чем терпимость к ним проявил Императорский Рим. И, тем не менее, манихеи в Иране подвергались истреблению. Римский мир был иным и лежал в рамках иной великой культуры, античной, но тоже стремился к истреблению манихеев. Терпимость первоначального, победоносного Халифата была достаточно высокой. Правда, первые мусульмане старались обратить или уничтожить язычников, но и христиане, и иудеи, и зороастрийцы могли существовать в пределах Халифата вполне безбедно, уплачивая лишь незначительный дополнительный налог.

В то же время в Халифате зиндиков уничтожали, и даже существовала специальная должность инквизитора, чей пост назывался «палач зиндиков». Кстати, «зиндик» – от слова «зенд», что значит «знание», это калька греческого «гностик». Гностик – адепт античной антисистемы. Но это практические представления самых разных народов. Мы можем привести длинную иерархию, в которой не последнее место займет практически поголовное истребление исмаилитов, подчинявшихся Старцу Горы, победоносными монголами.

Генетическое родство многих антисистем не было секретом и для многих самых образованных деятелей Античности и Средневековья. То, что академическая наука до относительно недавнего времени не выделяла антисистем, не удивительно. Слишком иррациональным оказывался предмет изучения. Но до поры. Появляются религиоведение, история культур, этнология. XX век отличается в лучшую сторону от предшествующих эпох существования академических университетских наук тем, что ни один предмет не может быть исключен из числа изучаемых.

Кроме того, поразительные наблюдения делаются на стыках различных академических дисциплин и, что уже совсем интересно, делаются не только учеными, а и художниками слова, и философами. Так происходит и с антисистемой. Гумилев начал изучение своих антисистем с периода эллинизма. Но мы теперь можем предложить рассмотрение их в значительно более удаленную историческую эпоху.

Рассматривая в своем трактате «Вечный человек» столкновение Рима и Карфагена, Гилберт Честертон, решительно принимая сторону Рима, дает Карфагену удивительную характеристику. То был город, государство, общество, которое верило, что зло всегда побеждает добро. Эмоции? Эмоциональная, ненаучная оценка? Однако если мы обратимся к статьям современного американского исследователя ханаанейской мифологии С. Гордона, то мы увидим, что эта система, из которой выросла и религиозная система Карфагена, именно такой и была, и основополагающие мифы Ханаана повествуют о преобладании Ваала над древним богом Элом. Но ведь Эл на семитических языках означает просто «Бог»! И таким образом, мифология Ханаана содержала определенный момент отвержения мироздания, негативного к нему отношения. Кстати, антисистемы часто полагают, что зло неизбежно побеждает. Сомневающийся в этих словах может обратить внимание на любые советские учебники истории. В них в каждую отдельную историческую эпоху побеждает зло – крестьянам всегда становится жить всё хуже и хуже, и даже удивительно, как крестьянство ухитрилось просуществовать до XX века.

В известнейшем трактате «Социализм как явление мировой истории» Игорь Шафаревич рассмотрел уравнилельные социалистические тенденции, начиная с Шумерских храмовых государств, то есть примерно на протяжении пяти с половиной тысяч лет. Определенные примеры в работе Шафаревича могут считаться спорными. Так, например, спорна попытка применить категории социализма для рассмотрения истории Египта. Границы уравнилельных тенденций в древнейшей Китайской истории, безусловно, должны быть скорректированы. Китайский

материал был воспринят автором некритически, но это ничего не меняет. Достаточно того, что социалистические тенденции просматриваются на протяжении тысячелетий, и они всегда, в той или иной степени, разрушительны. Стремятся к разрушению социального уклада, к его предельному упрощению, разрушению аристократии, религиозной общности, семьи, бюрократизации государства и бюрократизации жизни.

Таким образом, эти системы подпадают под определение антисистемы, данное Гумилевым. Является ли социализм антисистемой, или социалистические черты присущи большинству антисистем, могут показать только специальные исследования вопроса. Во всяком случае, чрезвычайно важно, что трактат Шафаревича рассматривает историко-культурные явления, аналогичные соответствующим главам и статьям Гумилева, часто просто одни и те же. Шафаревич даже утверждал, что итог социализма, логический финал, к которому он должен прийти, – это массовое самоубийство. К самоуничтожению стремились типические антисистемы в силу своего негативного восприятия мироздания. Мы можем на недавних примерах отметить правоту подобного утверждения. К тотальному этническому самоубийству вела кхмерский этнос социалистическая система Пол Пота. Гайанская трагедия, чей масштаб был меньше (несколько сот человек), увенчалась на глазах ужаснувшегося человечества успешным групповым самоубийством. Если внимательно изучить замкнутые секты, которые практиковали групповое самоубийство на протяжении XX века, ряд примеров которых имеется, возможно, удастся найти повторяющуюся социалистическую тенденцию, и, несомненно, рассматривая подобные секты, мы найдем у всех антисистемный характер.

Обращение к мифологическим системам Древности и древним культурам дало возможность обобщить антисистемные явления ряду величайших литераторов нашего столетия. Так, великий мистический поэт Даниил Андреев в своей «Розе Мира» усмотрел общее в разрушительных религиозно-философских системах и применил к ним термин «религии

левой руки». По сути дела, он собрал под этим названием то, что у Гумилева названо «антисистемой».

Интересно, что сделал это человек предельно религиозно терпимый, сочинения которого прямо призывают к содружеству религиозных и культурных систем.

Выдающийся английский писатель Джон Рональд Толкин, чьи произведения посвящены активной борьбе со злом, описал неоднократно действие лжи во всей его разрушительности. Можно, как в «Сильмариллионе», так и во «Властелине колец», найти многие черты антисистем, однако, в соответствии с жанром творчества, в вымышленной, сказочно-мифологизированной форме. Нам представляется, что особенно четко антисистема прослеживается в хронике «Падение Нуменора».

Многие работы ученых-религиоведов дают нам основание утверждать, что классические антисистемы, убежденные в примате зла, в примате деструкции в нашем мире, часто явно или скрыто стоящие на позициях негативного мировосприятия, никуда не исчезли. И если они не были заметны в XVIII веке и в первой половине XIX века, то зато сейчас, в наше время, их великое изобилие.

Антисистемами современности занимался видный американский ученый, православный иеромонах Серафим Роуз. Этому посвящена его работа «Православие и религии будущего». Автор рассматривает, как разрушительны синкретические секты и системы, то есть то, что образуется в религиозно-философской жизни в итоге смешения нескольких религиозных учений с принципиально различными системами ценностей, в итоге смешения несовместимого.

Подобные смешения делаются всегда ценою насилия над системой, то есть ценою лжи. Ибо совершенно невозможно образовать непротиворечивую синкретическую структуру из идеалов, например, буддизма и христианства, потому что христиане – последовательные реалисты, а для достаточно глубокого буддиста реальный мир есть майя, иллюзия. Тем не менее, такие секты появляются. Они всегда или часто являются антисистемами, они вносят деструкцию в данное общество, а,

следовательно, сокращают жизнь данного этноса. Богатейшую панораму синкретических антисистем теперь уже удобнее наблюдать не в Америке, а в России, где последовательно даже в поле зрения печати оказываются «Белое братство», «Богородичный центр» и еще более причудливые секты. Менее заметно, но постоянно действуют такие синкретические антисистемы, как секта американского корейца Муна, чья деятельность запрещена в ряде европейских стран.

Наш современник, незаурядный апологет и философ, диакон Андрей Кураев в своих статьях описал еще несколько интересных особенностей антисистем нашего времени.

Например, склонность, в силу разрешенности лжи, скрывать религиозные объединения под вывеской научных, научно-просветительских обществ.

Об антисистемных явлениях в академической среде и возможности сложения антисистем еще в 50-е годы писал замечательный английский писатель и апологет, друг Джона Толкина, Клайв Льюис. Третья часть его космической трилогии, роман «Мерзейшая мощь» – блестящее и убедительное описание антисистемы современности. Миниатюра «Баламут произносит тост» Льюиса – это, буквально, сводка антисистемной методологии, особенно применительно к образовательным системам.

Все перечисленные авторы в основном касались классических, гумилевских антисистем. Нам представляется, что антисистемы, по преимуществу обращенные ко злу, к небытию, негативно воспринимающие мир, человека в этом мире, антисистемы, стремящиеся освободить от оков мира своих адептов, более характерны для Древности и Средневековья.

Антисистемные явления в Новое время проявляются иначе. Во-первых, антисистемы Нового времени, по крайней мере, за пределами узкого круга высших посвященных, негативно ориентированы не на мироздание, а на творение человека, на культуру, на конкретную религиозную систему и порожденную ею великую культуру, на конкретную нацию и созданный ею

национальный культурный вариант, на конкретное государство как порождение национальной культуры.

Подобным антисистемам тоже уже много веков. Возможно, первый европейский пример рассматривает французский историк и популяризатор истории Робер Амбелен в своей переведенной на русский язык книге «Драмы и секреты истории», в главе «Тайный внутренний круг Тамплиеров». После публикации книги Амбелена отпадают все сомнения в том, что тамплиеры образовали своеобразную синкретическую секту-антисистему, что учение этого внутреннего круга состояло из противоречащих друг другу элементов различных религий, что тамплиерство было разрушительно для западнохристианского мира и его культурных порождений – национальных и государственных образований.

Эта старейшая неклассическая антисистема была физически уничтожена, как и антисистемы классические. Здесь мы можем подтвердить печальный вывод Гумилева: антисистема может быть только полностью уничтожена.

Само собой разумеется, люди далеко не всегда были готовы к столь крупному кровопролитию, как тотальное уничтожение адептов антисистемы. Весьма часто антисистемы вытеснялись за пределы страны, государства. В этом случае разрушительное действие антисистемы может сказаться значительно позднее, иногда через много столетий. Уместно отметить, что таким анклавом вытеснения антисистемы во времена Высокого Средневековья была Босния. Разрушительный характер этого европейского захолустья сказался в наши дни.

Всё же антисистема, целенаправленно разрушающая культуру, конкретную религиозную систему, конкретную национальную традицию, для Средневековья – редчайшее исключение. Ей открывает дорогу эпоха Возрождения, автономизировавшая ценности. Итогом этой автономизации явился отрыв этики от религиозного учения и, как прямая закономерность этого, отрыв политики, прикладной этики от, собственно, этической системы, от нравственности. Антиэтичность Возрождения и появление в эту эпоху многих

кружков, поклонявшихся злу в более или менее открытой форме, рассмотрены крупнейшим русским философом второй половины XX века Алексеем Лосевым в его «Эстетике Возрождения».

Но наиболее заметны такие системы становятся с XVIII века, с эпохи Просвещения. В Просвещении расцветают пышным цветом антисистемы, воспринимающие негативно часть мироздания, конкретную культуру, например, региональную или национальную. Их идеологию легко наблюдать в таких сочинениях видных просветителей как «Персидские письма» Шарля Луи Монтескье или «Гурон» Вольтера. Персонаж обладает уровнем цивилизации современных ему французов, говорит на безупречном французском, знает, как вести себя в обществе, а вместе с тем не понимает ничего из культурного комплекса данного общества, а потому воспринимает весь этот культурный комплекс как нелепый, безумный. Владеет техническим уровнем общества, но не воспринимает всё, что составляет его культурную традицию, – монархию и преданность монарху, аристократию, Церковь, коммунальные демократические институты и тому подобное, вплоть до бытовых особенностей, бытовых отличий данного народа.

Подобные «персы», подобные «индейцы» не встречались на Иранском нагорье или в долине Миссисипи, но зато они в изобилии выращивались в аристократических салонах, философских академиях и масонских ложах.

Рассматривая подобную антисистему, хотя и не зная еще этой категории, еще один видный историк XX века Огюстен Кошен, занимавшийся историей Великой Французской революции, предложил категорию «малый народ». Этот термин неудачно переводится на русский язык, в котором «народ» – категория этническая. Вероятно, термин Кошена адекватнее по-русски звучит как «малое общество», так как это категория не этническая, даже не социальная, а чисто культурологическая. «Малое общество» – это группа людей с негативным мировосприятием, группа, принадлежащая по формальным

признакам к данной культуре, но воспринимающая ее негативно, даже с ненавистью.

Интересно, что этот круг можно расширить, применив его к истории английской революции. Там подобным негативным восприятием окружающей культуры отличались пуритане, английские кальвинисты, составившие ядро и наиболее разрушительную силу той революции. Но пуритане достигли апогея своего могущества не в Англии, к счастью для английской культуры, а в Новом Свете, где они составили большинство и в силу того утратили свой антисистемный характер. По принципу разрешенности лжи антисистема «малый народ» вовсе не обязательно должна негативно относиться к самой нации, к идее патриотизма. Французская революция, как известно, проходила под знаменем патриотизма. Вполне достаточно, чтобы вместо реально существующей Франции знаменем патриотов была вымышленная Франция. Чем более пламенно в этом случае адепт антисистемы, адепт будущей Революции любит эту вымышленную Францию, тем более пламенно он ненавидит Францию реальную, со всеми ее нелепыми, с его точки зрения, традициями.

Нам думается, что подобные антисистемы и подобная антисистемность, ориентированная не непосредственно на основы мироздания, не на природный мир, не на установления, присущие большинству людей, например, на семью, а негативно воспринимающие только конкретную национальную культуру, наиболее характерны вообще для Нового времени, вплоть до наших дней.

В истории России мы встречаемся в основном с подобными антисистемами. До XV столетия история русской культуры не знает антисистем. Мощная культура Домонгольской Руси, опиравшаяся к тому же на первоклассную цивилизацию, на исключительно высокий жизненный уровень для XI-XII веков, не восприняла антисистемного влияния, несмотря на высокий для той эпохи удельный вес городского населения (а город, несомненно, более удобная среда для возникновения антисистемы), несмотря на широчайшие международные контакты со всеми регионами, где существовали антисистемы.

Ни от Византии, ни от балканских славян, ни с Запада, ни из мусульманского мира ничего деструктивного заимствовано не было.

В XIII веке и в первой половине XV века новый этнос – русские, или великороссы, переживают фазу подъема. Кроме высокого уровня внутриэтнической солидарности, обычного для подъемов, Русь была слишком бедна для того, чтобы тратить время, силы, мыслительную энергию на отвлеченные построения. И только в конце XV века, накануне создания Российского государства, появляется первая антисистема в виде так называемой «Ереси жидовствующих». Это антисистема Нового времени. Она представляла собой, во-первых, вполне организованный кружок, точнее – ряд кружков довольно высокого среднего уровня образованности, что справедливо позволило Дмитрию Лихачеву считать ее типичной для интеллектуальных ренессансных кружков. Она была синкретична: название ее, родившееся в ту эпоху, более чем условно. Единственно, что и было иудейского в этих группах, – это активное использование талмудической критики Нового Завета. Эти кружки активно прибегали ко всем достижениям оккультизма своего богатого колдовскими увлечениями времени. Они были скептически, особенно по отношению к своему миру, к своей культуре. И, несомненно, претендовали на то, чтобы подчинить своему влиянию всё интеллектуальное ядро, достаточно незначительное в России XV столетия.

Принцип разрешенности лжи прослеживается в этой ранней антисистеме убедительно. Первый новгородский кружок был после нескольких лет существования обнаружен энергичным архиепископом Геннадием. Участники кружка незамедлительно принесли полное и, вероятно, внешне выглядевшее необычайно искренним, покаяние и, покайся, приобрели свободу от ответственности, потому что архиепископ Геннадий про разрешенность лжи еще ничего не знал. Это дало возможность Новгородскому кружку основать Московский и некоторые провинциальные. Но есть и другое применение принципа разрешенности лжи. Московские еретики активно прибегали к подлогу в целях пропаганды. Так, от них сохранилась и описана

историками Казаковой и Лурье Псалтырь, которая по своей структуре, внешним показателям и начальным страницам, действительно, представляла собой образцовую славянскую Псалтырь своей эпохи, но по мере углубления в эту книгу вы видите, как псалмы заменяются специфическими текстами, выработанными внутри антисистемы. Таким образом, грамотный, но малообразованный человек читал то, что было необходимо пропагандисту, искренне при том полагая, что читает Псалтырь.

Интересна аналогия с антисистемой XX века. Автору этих строк довелось видеть в частном собрании в Москве солдатский молитвослов времен Первой мировой войны без даты и места издания. Это, действительно, молитвенник, и начинается он, как все православные молитвенники, утренними молитвами, молитвой Иисусовой, молитвой «Отче наш». Нас не удивило бы, если бы через несколько страниц в книжке оказалась политическая прокламация, – это нисколько не означало бы антисистемного момента, так всегда маскировали свои книги революционеры, те или иные пропагандисты. Если бы, скажем, на седьмой странице обнаружился текст типа «Россией управляет не правительство, а шайка разбойников во главе с венценосным атаманом Николаем II», – это не означало бы антисистемности документа. Вместо того продолжают молитвы. Однако каковы молитвы? Через одну, через две – это молитвы о том, чтобы Господь вразумил правителей прекратить братоубийственную войну. Легко представить себе, какое влияние это оказывало на действующую армию, оказываясь в руках солдат!

Однако вернемся к Позднему Средневековью. На пороге Нового времени Россия встретила еще с одной антисистемой, в отличие от Ереси жидовствующих, не ввезенной, не импортированной, а разработанной с богатейшей фантазией на местном материале. Речь идет об Опричнине.

Приоритет рассмотрения Опричнины как антисистемы принадлежит Льву Гумилеву и Александру Панченко в их замечательном диалоге «Свеча бы не угасла». После трудов Веселовского, Зимина, Скрынникова отпали все возможности

рассмотрения Опричнины строго в рамках социально-политической истории. Ни социально-экономической, ни социально-политической целесообразности, вообще никакой социальной основы у Опричнины не было. Можно считать общим местом работ нашего времени справедливое рассмотрение Опричнины как аппарата личной власти тирана. Это тем более легко принять, что Иван IV не только первый тиран в отечественной истории, но и тиран, мы бы сказали, классический, подходящий под все возможные определения тирана, начиная с античных авторов. Менее очевидно, что Иван IV был первым, прослеженным в нашей истории, западником. Это тоже было проанализировано тем же профессором Панченко в соавторстве с Успенским. Но западничество Ивана – вопрос его личного вкуса.

Общество и русская культура не были готовы вместить фактор западничества, а тиран не располагал механизмами, которые бы позволили ускорить этот процесс. Иное дело – антисистемность его изобретения. Опричина была основана на принципе отречения опричников от собственной нации, сознательного и обязательного отречения от семьи. Опричина подразумевала и отречение от собственного вероисповедания.

Достаточно отметить обязательное участие опричника в пародировании монашеской жизни. Опричник, несомненно, готовился к исполнению своих задач в качестве человека, лишённого шансов на прощение. Опричнику не на что было надеяться в вечной жизни. А в XVI веке это было основой жизни любого человека, в том числе любого разбойника. Опричнику, таким образом, после всех отречений оставалось только служение злу. Это осознавалось окружающей опричника социальной средой. Не случайно пародирование названия «опричина», «опричники» термином «кромешники». Слово «опричь» и означает «кроме». Но вместе с тем «кромешник» прямо указывает на адский характер выполняемой миссии. «Тьма кромешная» читаем в славянском тексте Писания.

Весьма сомнительным показалось бы утверждение, что опричники стремились разорвать связи с материальным миром. Однако история Опричнины и ее соучастников подтверждает,

что все они и привели к гибели свою недолговечную антисистему и друг друга в отдельности. Можно считать последним опричником, который был социально уничтожен в итоге несовместимости с нормальной жизнью страны и общества, Василия Шуйского, самого неудачного правителя в истории России. Ереси жидовствующих, приходящейся на фазу этнического подъема, Опричнине в начале акматической фазы, разумеется, не удалось увлечь в деструкцию большую часть русского общества своих эпох.

Но историко-культурные последствия существования этих антисистем колоссальны, особенно если учесть ничтожное количество адептов первой антисистемы и относительно небольшое – второй. Речь идет о значительном снижении уровня социальной нравственности к концу XVI века, после двух волн антисистем в России.

Тем не менее, в XVII и XVIII веках, в эпоху сложения Российской империи, приобретения русской культурой имперского характера, превращения России в несомненный центр Восточнохристианской культуры и цивилизации мы можем наблюдать много интересных явлений, в том числе и возникновение парадоксального феномена «русского западничества». Но антисистем мы не наблюдаем, не наблюдаем до вступления ведущих этносов России в фазу надлома.

Русская антисистема XIX века определенно формировалась по описанной Огюстеном Кошеном схеме «малого народа» или «малого социума». Она могла быть включена в те или иные организации или не организовываться. Она никогда не была по-настоящему социально структурированной. Хотя в огромной степени, как и любая антисистема, прогрессировала в маргинальных слоях. Она сложилась в необычайно выгодной для расцвета антисистемы ситуации.

Напомним, что фаза надлома резко снижает внутриэтническую солидарность. Снижает солидарность и внутри суперэтноса, внутри великой культуры.

Напомним также, что антисистема могла использовать внутренний раскол этнического поля, тот российский парадокс,

который был создан в XVIII веке распространением русского западничества.

Антисистемные проявления не могут быть объяснены, исходя только из категорий этнологических, из определения характерных черт фазы надлома как таковой. Антисистема не может быть объяснена западничеством, так как не все представители антисистемы ощущали себя западниками, и уж тем более далеко не все западники были носителями антисистемного мышления.

XIX век в России был необычайно удобен для распространения антисистемы. Пожалуй, антисистемное мировоззрение первым наилучшим образом описал Достоевский в строках о Герцене в Дневнике писателя за 1873 год:

«К русскому народу они питали одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего.

Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ, – каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ. Этот идеальный народ невольно воплощался тогда у иных передовых представителей большинства в парижскую чернь девяносто третьего года».

Негативное отношение к России революционера или радикального реформатора само по себе не свидетельствует об антисистемности его взглядов.

Целью революции может быть изменение социальной картины сохраняемого общества и сохраняемого этноса. И тогда революционное мировоззрение не антисистемно, а революционная организация не есть антисистема.

Целью революции может быть коррекция или полная смена элиты данного социума. Это удобно для внедрения в социум антисистемы, но само по себе еще не антисистема. Однако мы видим в России не только негативное отношение к правительству и правящей элите, к сложившейся системе власти. Мы видим устойчиво негативное восприятие национальной традиции, национального уклада, стремление не видеть национальной аристократической традиции,

национальной традиции демократической. Видим презрение к нации, то есть презрение к народу в сочетании с болезненно гипертрофированным требованием к себе служить этому народу. При таком подходе служение народу превращается в служение плебсу. Не только Россия приобретает фантастические черты в умах радикалов, но и русский народ приобретает черты фантастические, черты социальных низов. Несложно видеть, что, когда некий реформатор, радикал рассматривает общество по низшему социальному срезу, – это разрушительно для общества, а, следовательно, и для этноса. Для этноса болезненна утрата национальной элиты, но это возможно преодолеть. Однако в случае антисистемного подхода, который нам сейчас открывается, разрушению подвергается уже не элитарная среда, а средние слои общества, которые и являются несомненным фундаментом, опорой любого общества, следовательно, и любого этноса. Заметим здесь неслучайность того, что в интеллигентском сознании XIX века средних слоев в русском народе как бы и не существует.

Зажиточный крестьянин, обширные слои ремесленников, складывающиеся с развитием промышленности круги высококвалифицированных рабочих, так называемая «рабочая аристократия», профессионально ориентированная нереволюционная интеллигенция, например инженеры, мелкие, в основном провинциальные чиновники, – всего этого как бы нет. Со времен античных мы встречаемся с двумя основными социальными значениями термина «народ», «демос», «пополо». Подход этнокультурный, при котором «демос» практически идентичен этносу: народ есть нация, и социально-стратификационный: если мы отсекаем от народа элиту, как самостоятельное целое, аристократию, «всадничество», то неизбежно должны отсекают и низы, плебс, хлопство, пролетариат. Тогда народ – это среднее большинство гражданского общества и среднее большинство нации.

Легче всего увидеть реальность антисистемы XIX века в противопоставлении дворян народу, а во второй половине XIX века – интеллигенции народу. Эта точка зрения, не изжитая в

нашем обществе и в нашей литературе до настоящего момента, есть итог продолжительного действия антисистемы. Если дворянство или интеллигенция не часть народа, то тогда мы рассматриваем средние слои как часть плебса, отталкиваем базовую и процветающую часть общества к его нижнему полюсу. Одновременно, изолируя элитную, или считающуюся элитной, группу, мы придаем ей черты опричнины, группы, пребывающей вне социума и вне нации.

Замечательную иллюстрацию антисистемного мышления подобного рода наблюдала Евгения Кириченко, один из крупнейших отечественных историков архитектуры. Она отмечает, что постройки архитектора Константина Тона, и прежде всего его храм Христа Спасителя в Москве, воспринимались полярно. Высшей бюрократией и радикальными кругами – как символ бюрократической империи, а всем остальным обществом – как олицетворение национальной православной культуры. Антисистема в России не располагалась только в революционных кругах: они были в любой момент времени малочисленны. Но антисистема вольготно располагалась среди интеллигенции, особенно маргинальной, – а мы отмечали, что большая часть российской интеллигенции XIX века была маргинальна, – и в кругах бюрократических. Ведь чиновники тоже в значительной степени были маргинальны, и не только потому, что существовало более чем значительное количество низших чиновников различного происхождения, а и потому, что в бюрократической системе происходит естественный отрыв ее членов от нормальных аристократических или демократических традиций как воспитания, так и существования. Бюрократизированность старой России – дополнительное условие успеха антисистемы.

Известны события «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года. Блистательно проведенная эсеровская провокация. Уже давно историки располагают сведениями, что священник Георгий Гапон был действительно провокатором, но провокатором эсеровским, и в качестве революционера давно должен был быть реабилитирован. Но гораздо интереснее, что накануне трагедии министр внутренних дел России,

либеральный чиновник, любимый общественностью, князь Святополк-Мирский, на докладе в Царском Селе, на вопрос о положении в столице, дезинформировал Императора, заверив, что в столице все спокойно.

8 января Святополк-Мирский точно знал о готовящемся шествии и как министр внутренних дел, по административной линии и от полиции, и как шеф корпуса жандармов. Минимум три источника должны были предупредить министра.

Мы не можем предполагать, что по каким-то обстоятельствам сплеховал более чем один источник. То есть один из главных, как теперь говорят, силовых министров сознательно спровоцировал трагедию, которая должна была столкнуть в непосредственном противостоянии не правительство с народом, а само государство, монархическую идею и нацию, что и удалось в этой, повторим, блистательно проведенной провокации. Это малоизвестный пример. Их множество, им несть числа.

Давно отмечены и многие другие антисистемные черты в полуобразованной части общества дореволюционной России. Дело в том, что культурная элита России была почти не затронута антисистемными тенденциями. Если мы обратимся к сборнику «Вехи» 1909 года, то мы заметим, что революционная и радикально-реформистская интеллигенция (причислим туда же и многочисленное сочувствующее чиновничество) была абсолютно невосприимчива к высшим достижениям отечественной философской и гуманитарно-научной мысли, о чем свидетельствует статья Николая Бердяева. Мы отметим с вами происходящее в бешеном темпе разрушение семьи, семейного уклада, супружеских отношений в этих кругах, чему посвящена, прежде всего, статья Изгоева. Мы заметим благодаря Семену Франку утопический характер идеологии радикальных кругов и вспомним, что утопии по большей части были связаны с антисистемами XVI-XVIII веков. Возможно, более всего дает для осознания реальности существования антисистем в России статья Сергея Булгакова, благодаря которой мы можем оценить «орденский характер» революционной и радикальной русской интеллигентности (при

отсутствии формальной ее организации). Ну, и, пожалуй, самое главное – стремление к небытию, стремление к смерти.

Булгаков справедливо отмечает, что подлинным гимном русской революционной интеллигенции был похоронный марш. Если мы сопоставим это с воспоминаниями революционеров, а современному отечественному читателю вполне доступны воспоминания Бурцева и Савинкова, то мы получим множество примеров, включая поразительный трагикомический эпизод с террористкой Дорой Бриллиант, которая требовала, чтобы ей тоже разрешили умереть за благо народа.

Итак, по крайней мере, с середины XIX века в России действует антисистема или группа антисистем, разграничить которые возможно с помощью скрупулезного исследования. Антисистема не была локализована политически и даже социально.

Процесс уничтожения, вытеснения в маргинальные слои, вытеснения в эмиграцию представителей антисистемного мировоззрения, сохранивших свои взгляды, хорошо описан у Ивана Бунина в целом ряде его сочинений, но прежде всего в «Окаянных днях».

И остается один вопрос: о судьбе антисистемы. Гумилев отмечает, что антисистема, приходящая к власти, меняет знак, порождая чудовищный, деспотический, полицейский режим, но прекращает деструкцию, став оторванной от социума и этноса правящей элитой. Прямая аналогия подобному поведению наблюдается в русской истории XX века.

В сущности, с точки зрения концепции антисистемы ленинский НЭП и сталинское псевдоимперское поведение – одного происхождения: антисистема меняет знак. Можно было довести в рамках чисто антисистемного правления крестьян Поволжья до тотального голода 1920–1921 годов. Но дальше нельзя, потому что эти крестьяне должны кормить антисистемщиков, пришедших к власти. Можно было уничтожить офицерство, казачество, лучших защитников Отечества, следуя нормам революционной деструкции, можно было проиграть войну накануне победного ее завершения, ибо трудно предположить, что Германия продержалась бы еще один

год по еще какой-нибудь причине, кроме выхода революционной России из мировой войны. Но дальше нельзя. Нельзя бесконечно разрушать социальную среду, порождающую воинов, ибо государство должно стать крепким и защищать представителей антисистемы, оказавшихся у власти.

Вот прямая аналогия XX века с прорывавшимися к власти деструкторами X-XI веков. Потеряв политическую власть в Египте, исмаилитская антисистема породила страшную террористическую машину ассасинов. Из этой аналогии вытекает и необходимость предостережения в нашей сегодняшней ситуации.

Антисистема научилась воздействовать прямо на этническое поле, разрушая уже не культуру, не общество, а этнос. На наших глазах в 90-е годы XX века революционная антисистема потеряла власть, и она неизбежно сменила знак. Те, кто были несколько лет назад деспотическими правителями в рамках полицейского коммунистического режима, снова становятся чистыми деструкторами. Думаю, что наиболее заметно это было в событиях 1 мая 1993 года, когда невозможно было не заметить в действиях обеих сторон стремления добиться кровопролития, развития деструкции любой ценой.

Мы полагаем, что нахождение десятков примеров новейшего времени незатруднительно, и не считаем необходимым выходить в область конкретной политологии.

Антисистема существует, и она продолжает оставаться с нами. Чудовищная бюрократизация страны в наши дни есть ее питательная среда. Рецептов излечения от антисистемы нет.

Все известные исторические антисистемы были уничтожены путем поголовного истребления их представителей. Вместе с тем трудно не замечать, что современное общество вряд ли готово к массовому кровопролитию, которое для того требуется. Даже если общество осознает наличие антисистемы, что, безусловно, необходимо для избавления от нее, хотя бы потому, что восстановиться путем возрождения русская культура может только как культура христианская.

Общество не согласится на поголовное истребление антисистемщиков не потому, что их жалко, а потому, что террор налагает неизгладимую печать на общественную нравственность. Тогда остается только одно: обществу необходимо осознать постоянную угрозу деструкторов и маргинализировать их. Вытолкнуть их в социальные низы. Причем этого не может сделать государство, даже в лице выборных представителей, этого не может сделать судебная система.

Маргинализировать деструкторов – политиков, литераторов, журналистов, военнослужащих – может только общество в целом. Христианам сказано: «Не убий». И еще многое сказано в развитие этого Синайского тезиса. Но христианам никто и никогда не сказал, что человек, опасный для культуры, для общества, может рассчитывать на что-либо иное, чем самый непрестижный, тяжелый и низкооплачиваемый труд. И это самая мягкая и терпимая рекомендация, представляющаяся реальной.

Подводя итог, нам остается повторить, что выход из фазы надлома сам по себе требует максимального напряжения всех сил этноса для преодоления упадка внутриэтнической солидарности.

Способствующее российской деструкции западничество – это, прежде всего, проблема образования и воспитания. Наличие этого фактора требует считать образование первенствующей задачей общества и любого государства, которое общество может позволить себе терпеть.

Избавление от антисистемы возможно только в условиях восстановления внутриэтнической солидарности и создания первоклассной системы образования в России. И только тогда можно не на полицейском, а на этническом и социальном уровне отсечь и вытеснить антисистему.

Русская демография

На протяжении всей послемонгольской истории России всегда не хватало населения. Порой людей не хватало катастрофически. Государственные мужи не могли не учитывать этого обстоятельства в проводимой ими политике. Остро ощущая дефицит собственного населения, Россия в разные времена охотно принимала к себе и греков, и армян, и грузин, и болгар, и сербов. В царствование Михаила Фёдоровича Москва благосклонно относилась к православным эмигрантам из Западной Руси. В 30-е годы 17 века на русской земле переселенцами был основан город Харьков, существующий и поныне. В том же 17 веке талантливый царь Алексей Михайлович и выдающийся государственный деятель Ордын-Нащёкин, движимые не столько добрыми чувствами, сколько реальной опасностью надвигавшейся демографической катастрофы, разработали программу повышения народного благосостояния.

Главной причиной дефицита народонаселения всегда оставалась обширность российских территорий. В третьей четверти 16-го столетия Россия испытала настоящий демографический шок: русские внезапно устремились в Сибирь. Колонизация восточных земель была совершенно непохожа на поэтапное продвижение в 17–18 веках к берегам Чёрного, Каспийского и Балтийского морей. Покорение русскими Запада и Юго-Запада было продиктовано необходимостью возвращения на свои исконные земли, некогда принадлежавшие их предкам славянам, а также воплощением давней идеи создания православного царства. Провозгласив себя третьим Римом, Москва спешила установить статус-кво. Россия ощущала себя наследницей Византии и покровительницей всех восточных христиан. Однако, движение русских в Сибирь не было обусловлено никакой национальной сверхзадачей.

В то время Россия совсем не стремилась к захвату новых территорий. На протяжении целого столетия Россия не хотела даже завоёвывать Казань. До середины 16 века Россию вполне

устраивали терпимые отношения с Казанским и Астраханским ханствами – осколками павшей в 1480 г. Орды. Дипломатические усилия правительств Василия 3-го и ещё юного совсем Ивана 4-го были направлены на то, чтобы поддерживать в Казани власть послушной касимовской династии. Конечно, московские князья хотели видеть татар вассалами, но такими же уважаемыми, какими в 13 веке для Орды были сами русские. Только лишь захват крымской династией казанского престола сделал неизбежным для России взятие Казани. Москва не могла потерпеть рядом с собой турецких агентов.

Вскоре тирания Ивана Грозного кровавой волной захлестнула всё русское общество. Люди, спасаясь от произвола опричнины, бросились бежать с насиженных мест на Восток... Русские предприниматели бывали «за камнем», т.е. за Уралом ещё в 14-м веке. Югорская земля, располагавшаяся в нижнем течении Оби, была новгородской. Купцы искали в тех краях закамское серебро, ходили туда и поохотиться, пушники добыть. Но наши предки совершенно не воспринимали Сибирь как русскую землю.

Никакой государственной политики освоения тамошних земель и в помине не было. Правда, при Иване Грозном к России всё-таки было присоединено Сибирское ханство. Однако, это была абсолютно частная акция, проделанная казаками, т.е. людьми, никому не принадлежавшими и никому не подчинявшимся, под водительством славного Ермака Тимофеевича на деньги именитых людей Строгановых. Тогда это мероприятие выглядело примерно так, как если бы сегодня наши «братки» под предводительством авторитета Лимончика взяли бы Мадагаскар на деньги Березовского. Только задним числом Сибирское ханство было подвёрстано к русским землям. Казачки Ермака, несмотря на то, что они, безусловно, были бойцами экстракласса, не могли решить проблему заселения русскими завоёванной территории. В эти края ринулись беглые мужики из тех, кто посмелее, в поисках воли и свободной земли. Вот так русский народ и начал колонизацию Сибири и Дальнего Востока. Дальнейшее было predetermined...

Все арийцы склонны к миграции. Первое великое арийское переселение было в начале второго тысячелетия до Рождества Христова. С Южного Урала арии достигли Атлантического океана, заселив при этом всю Европу. Другая арийская ветвь постепенно достигла южных границ Индии. Чисто арийским явлением было и Великое переселение народов в 4–7 веках христианской эры. Единственным исключением в этом процессе стало участие гуннов, но оно оказалось кратковременным. Отличились потомки ариев и в эпоху великих географических открытий. В результате очень много народов планеты стали говорить на арийских языках. Сегодня они звучат на всех континентах.

Но не принадлежность русских к потомкам беспокойных ариев была главной причиной того, что нашим предкам удалось добежать до Тихого Океана. Определяющим фактором захвата неведомых земель было совсем другое: русские колонизаторы не встречали на своём пути никаких препятствий. Спасаясь от репрессий Ивана Грозного, переселенцы дошли до Оби. Преодолев этот водораздел, они обнаружили, что за Обью нет никого, кто сопротивлялся бы их появлению. Русские никого не обижали, даже местные названия сохраняли. Большинство местного населения встречало их дружелюбно, спокойно соглашаясь на малую дань. Беглые мужики, продвигаясь, всё дальше и дальше на Восток, достигли ещё одной естественной преграды – Енисея. Казалось бы, можно и остановиться. Но и за Енисеем лежали свободные земли. Не встречая со стороны аборигенов никакого сопротивления, русские дошли до Лены, за которой уже вообще никого не оказалось. Пришлось идти до самого Тихого Океана. Таким образом, сами того не ожидая, русские вдруг очутились в гигантской малонаселённой стране.

При освоении Сибири и Дальнего Востока была допущена серьёзнейшая геополитическая ошибка. Россия обязательно должна была иметь крупные центры, тяготеющие к Тихоокеанскому побережью. В военном, экономическом, демографическом и культурном отношении наш Дальний Восток должен был быть сопоставимым с европейской частью России. Однако, мы слишком поздно это поняли. Россия

всерьёз начала заниматься своей восточной территорией только в конце 19 века. При Столыпине обустройство Дальнего Востока шло очень активно, а большевики этим практически не занимались.

Ярким примером серьёзного подхода к организации инфраструктуры в условиях двубереговой морской державы являются страны Северной Америки. Например, в то время, когда на Диком Западе, т.е. в штате Невада ещё шла охота на индейцев, вдоль всего тихоокеанского побережья США, между Сан-Франциско и Сиэтлом уже функционировала железная дорога. Население Канады сегодня составляет всего около 30 млн. чел. Это гигантская страна, внутри которой почти никого нет. Канадцы живут только на атлантическом и тихоокеанском побережьях, а также в районе Великих Озёр.

Российская Федерация не может сегодня обеспечить все свои регионы высокой плотностью населения, как это можно наблюдать, например, в Европе. Однако, этого и не стоит делать. В Сибири довольно низко к югу опускается пояс вечной мерзлоты. В мерзлотных землях ханты и манси жить могут, а русские – нет. В этих районах следует вахтовым методом добывать полезные ископаемые и, не причиняя особого вреда природе, рубить лес. Зато в Южной Сибири условия для проживания больших групп населения приближаются к идеальным. В этом регионе плодородная лесостепь переходит в южную тайгу. Там изумительный климат, которому может позавидовать Европа. Поэтому, вся Южная Сибирь и Дальний Восток должны иметь очень хорошо развитую инфраструктуру и высокую плотность населения, но для этого у нас сегодня катастрофически не хватает людей.

В 18-м веке «о сбережении народа» писал М. В. Ломоносов. Великий русский учёный первым в России заговорил о важности демографии для жизни государства. С начала 19 века население страны начинает быстро прирастать. Со временем в центральных и черноземных областях России стали сказываться перенаселённость и малоземелье. Этим обстоятельством умело пользовались в целях революционной агитации сначала народники, а за ними эсеры и большевики, постоянно муссируя

в аграрной среде печально знаменитый вопрос о земельных отрезках, раскачивающий крестьянство. Однако, на окраинах империи свободных земель было полно. Ещё при Александре 2-м российские власти стали проводить активную переселенческую политику. Тогда ещё не было транссибирской магистрали, и крестьянские семьи из центральных областей со скотиной и домашними пожитками пешком отправлялись на Восток. Для настоящего, хозяйственного мужика выгоды там были серьёзные. В Южной Сибири крестьяне могли получить в собственность столько земли, сколько было угодно. Только работай!

К концу 19 века Россия уже занимала второе место в Европе по росту населения. Первое место принадлежало католической Ирландии. Ирландцы размножались быстрее всех, а население Ирландии быстро сокращалось, потому что от притеснений англичан ирландцы бежали в Штаты. По расчёту французских социологов, сделанных в 1912 г., через полвека, т.е. в 1962 г. население России должно было составить 350 млн. чел. Примерно в это же время, независимо от французов, великий русский учёный Д. И. Менделеев сделал свою экстраполяцию на конец 20-го века. Согласно выкладкам Менделеева сейчас нас должно было бы быть 500 млн. чел. Нетрудно догадаться, что расчёты французов и расчёты Менделеева не противоречат друг другу, ведь разница между годами экстраполяции составляет 40 лет. Наш современник, историк и социолог С. Н. Марочкин, исследуя труды Менделеева, подтвердил правильность его расчётов. Однако, Менделеев не мог учесть изобретения антибиотиков, которые резко сократили младенческую смертность. Вводя в исследование Менделеева соответствующую коррекцию, Марочкин утверждает, что сейчас население России должно было бы составлять 600 млн. чел., из которых 500 млн. чел. были бы русскими, включая украинцев и белорусов.

Половины миллиарда человек вполне хватило бы для решения стратегических задач, стоящих перед нашей страной в 21-м веке. Дефицит населения грозит обернуться для России потерей территорий. Мусульманский мир опасен для русских

пассивным демографическим давлением. Но, мусульманский мир ни в коем случае не грозит нам завоеванием. Мусульманский мир для этого слишком стар. Самые молодые мусульмане – турки-османы являются ровесниками русских, все остальные намного древнее. Вряд ли они смогут с нами справиться. Но есть и молодой мир, например, Китай. Современные китайцы, согласно теории Л. Н. Гумилёва, появились в 18 веке. Это уже пятая генерация китайцев в истории. Сейчас они переживают сильный подъём. Пока они осуществляют тихое миграционное давление, но они могут ведь и передумать. И что мы завтра будем делать с таким соседом?

Россию сегодня раздирают внутренние противоречия. Три великие составляющие русской жизни: русская церковь, русское общество и русская государственная власть никак не могут договориться друг с другом и постоянно друг на друга обижаются. Государственная власть обижается, что церковь не очень деятельно поддерживает ее, а общество с нею не очень активно сотрудничает. Справедливости ради отметим, что наша государственная власть заработала такое к себе отношение своей советской и постсоветской политикой. Но, тем не менее, такая проблема существует. Действительно, нормальная государственная власть вправе рассчитывать на несравнимо большую поддержку со стороны своих граждан и социальных институтов. Общество обижается на государственную власть по всем известным причинам, которые в этой статье даже и перечислять не стоит. Иногда общество обижается и на церковь, дескать, священники мало занимаются проблемами мирян. К сожалению, в этом также есть доля правды. Церковь обижается на то, что её ограбили. Кстати, церковь – это не только священники и епископы, но и все православные христиане. При коммунистической власти церковь вообще хотели убить физически. Теперь церковь хоть и не убивают, но, правда, пока ничего из награбленного не возвращают. Государственная власть не способствует возвращению основной культуропределяющей силы – православной церкви на своё место.

Перспективная задача восстановления численности русского народа, тех самых 500 млн. чел. русских, которые были убиты, или не были рождены по вине революции, коммунистического режима и нового смутного времени могла бы объединить три великие силы: церковь, общество и государственную власть уже сегодня. Ведь если завтра за Уралом у нас начнут отхватывать территории, то проиграют все. Проиграет государство, потому что без Дальнего Востока и Тихого океана Россия уже никогда не станет великой державой. А что произойдёт с нашей системой противовоздушной обороны? А сколько мы потеряем стационарного военного имущества, которое там всё ещё имеется? Мы позволили латышам уничтожить одну из наших мощнейших радиолокационных станций дальнего обнаружения, а если мы лишимся Сибири, то наше воздушное пространство станет вообще неохранным. Между прочим, США имеют единую систему ПВО с Канадой и вовсе не потому, что им очень хочется защищать канадцев, а потому что на этом участке суши американцам просто необходимо держать станцию электронного наблюдения. При потере стратегически важных территорий за Уралом наше государство потеряет все нити управления и все механизмы давления в Тихоокеанском регионе. Россия уже не сможет влиять на тамошние процессы, а страны Восточной Азии на наши дела влиять будут. Что потеряет общество? Во-первых, оно потеряет жизненное пространство с дивными землями и прекрасным климатом. Именно об этом климате и об этих землях мечтают сегодня китайцы и мусульманские нации. Им не нужна наша зона вечной мерзлоты. Китайцы там не выживут. Они родились в гораздо более мягком климате. Россия потеряет последний шанс стать по-настоящему богатой страной. Русские люди были богатыми и заслужили право быть богатыми. Дело даже не в многочисленных месторождениях нефти и молибдена, которые мы можем потерять. Кроме общеизвестных природных ресурсов в Сибири есть ещё два источника сказочного богатства. Одним из них является транссибирская магистраль. Это самая дешёвая коммуникация, связывающая Европу, Африку и Тихоокеанский регион. Если мы всерьёз развернём

Транссиб, то на одних транспортных доходах мы будем получать больше, чем от продажи нефти. Вторым сибирским источником богатства является Байкал. Он содержит в себе 10% мировых запасов пресной воды, которой в мире всё больше и больше не хватает. Вычерпать Байкал невозможно, потому что его питают 350 рек, а водосброс идёт через одну Ангару. К счастью, построенный коммунистами ЦБК так и не смог испортить Байкал. Впрочем, его всё равно следует поскорее закрыть. Рабочих ЦБК из этих мест также желательно выселить. Древнейшее и чистейшее озеро на планете нам следует беречь как зеницу ока. Если Россия всё это потеряет, тогда она навсегда останется нищей. И, наконец, от потери наших территорий проиграет православная церковь, потому, что утрата православной земли, которая станет неправославной – это не просто потеря источника дохода церковной иерархии, это преступление, за которое церковным иерархам, а, может быть, и всем нам придётся отвечать на страшном суде.

К сожалению, выдвигаемый в этой статье тезис о возможности утраты наших территорий непременно станет реальностью, если Россия помимо всех других необходимых мер, связанных с укреплением своей государственности, не примет срочных мер для изменения демографической ситуации. Прежде всего, стране необходимо полумиллиардное население по описанным выше причинам. К тому же, так оно и должно было быть по расчётам начала века. Для того, чтобы исправить все последствия своего революционного прошлого России нужно полмиллиарда образованных и воспитанных человек. Эта проблема государственной властью вообще не решается. Власть может только поддержать решение этой проблемы, и непременно должно это сделать. Проблема воспитания и образования решается российским обществом в союзе с традиционными религиями. В этом вопросе мусульмане и буддисты будут солидарны с православными. Система образования создаётся совместными усилиями общества и власти, а система воспитания – совместными усилиями церкви и общества. Однако, в этих делах должны участвовать только

традиционные религии. Никакая секта не даст нам ни образованных, ни воспитанных людей.

России необходимо полмиллиарда собственников. Следует вспомнить, что от великого Аристотеля до великого Ивана Ильина на протяжении почти 2-х с половиной тысяч лет множество не самых глупых людей писало о том, что общество не заинтересовано в богачах. Общество может их терпеть. Однако, общество заинтересовано в том, что как можно больше его членов стали собственниками. Полноценный человек – это собственник, который должен быть, хотя бы, владельцем собственного дома, и, вполне возможно, владельцем собственного дела. Как ни странно, главным человекоубецем последнего столетия оказался не Ленин, и не Сталин, а Хрущёв, лишивший миллионы русских людей их собственного жилища. Только в 60-е годы 20-го века русские перестали размножаться так, как размножались раньше. Большинство наших отцов и дедов выросло в крепких многодетных семьях, которые пережили революцию, коллективизацию, тяжелейшую войну – и ту пережили. Не смогли русские люди пережить только печально известных хрущёвских квартир. Огромное количество русских женщин делали аборты не потому, что детей нечем было кормить, а потому, что их просто негде было растить. Без общественно-государственной программы создания достойного семейного жилища население России восстановить невозможно.

России необходимо полмиллиарда граждан. Гражданин – это человек, участвующий в делах политики. Не будучи политиком, гражданин всерьёз интересуется делами избранных им депутатов, градоначальников, советников городской Думы. Гражданин активно участвует в делах своего квартала. Его совсем не устраивает, что босяки разворовывают его оставленный на зиму дачный дом. Гражданин подавляет босяков и будет это делать до тех пор, пока они не прекратят безобразничать. У гражданина есть дети, поэтому его волнует состояние школы, в которой они учатся. Одним словом, гражданин – это тот, которого касается абсолютно всё.

И, наконец, России нужно полмиллиарда патриотов. Римляне не разрешали босякам вступать в свои легионы.

Кстати, в Древнем Риме босяки назывались пролетариями. Латинское слово пролетарий переводится не как рабочий, а как босяк. Босяков не пускали служить в легионы, потому, что им нечего было защищать. А человеку, у которого есть свои политические интересы, своя семья, свой дом, своё имущество, своя страна от Балтийского моря до Тихого океана – такому человеку есть что защищать! Поэтому нам просто необходимо иметь полмиллиарда патриотов.

Что же сегодня могут сделать общество, государственная власть и церковь? Ну, во-первых, осознать важность и срочность стоящих перед ними задач. В обществе должно обсуждаться: быть или не быть русскому народу, владеть, или не владеть ему Россией, которая, между прочим, подарена русскому народу Богом, и за которую Бог с русского народа спросит- это серьёзная тема для обсуждения. Демографическую проблему необходимо решать и с помощью церковной проповеди.

Я хочу, преклонив колена, обратиться к нашим священникам: Батюшки! Перестаньте народ стращать грядущей Божьей карой за сделанные аборты. Главное не пугать, а рассказывать прихожанам о преимуществах многодетной православной семьи. Ведь в конечном итоге, побеждает вовсе не страх перед наказанием, а радость полноценной жизни! И здесь мусульмане будут с нами солидарны. Но, общество не сможет решить эти проблемы без участия государственной власти. Оправдаться перед церковью и перед обществом власть может введением поощрительного налогообложения для многодетных семей. Отмена первым Съездом народных депутатов советского налога за бездетность была, безусловно, ошибкой. Этот налог работал плохо, он был даже в чём-то нелепым, но, тем не менее, его нельзя было отменять до тех пор, пока не будет разработан новый налог. В этом вопросе России мог бы пригодиться зарубежный опыт.

Во Франции в период правления генерала де Голля был принят налог на бездетность, спасший французов от вырождения. В послевоенной Франции стала стремительно падать рождаемость. Правительством был введён довольно высокий налог за бездетность. В случае рождения первого

ребёнка этот налог сокращался примерно вдвое. Рождение второго ребёнка освобождало французов от уплаты налога. А семьям, в которых появлялся третий ребёнок, государство начинало выплачивать очень большие пособия. Де Голь заставил бездетных граждан оплачивать жизнь многодетных. Это было справедливо и очень полезно для Франции.

Сам по себе налог на бездетность Россию не спасёт, но без этого налога усилия церковных проповедников, общественных деятелей и учителей также не достигнут желаемого результата. Сегодня срочно нужно делать всё и сразу. И дай нам Бог это совершить!

Русский Север. Кровь и дух

Статья 1996 года.

СКотоводческая колонизация

Нет ничего более причудливого, чем представление о славянах, созданное у современного образованного человека средним, а часто и высшим образованием.

Славяне пришли на Север грядущей Руси – в этот поразительный мир озер, лесов и болот в VI-VII веках н. э. Менее всего они были лесным народом и образовались как этническая общность (именно как единый народ, а не как языковая общность, как сейчас) во II-I веках до Р.Х. в лесостепи к северу от Черного моря и в широколиственных лесах предгорья Карпат. Сейчас уже только весьма унылый человек может сомневаться в правоте преподобного Нестора Летописца, твердо назвавшего Карпаты родиной славян.

У славян просматриваются предки – более древние народы, которые дали этнический субстрат для нового, рождающегося народа. Это – праславяне или протославяне, которые, видимо, называли себя «венедами» и к моменту рождения славян были разбросаны на обширных пространствах. Они жили не только на территории России. Вена на Дунае и Венеция в Северной Италии напоминают нам о далеко выселившихся небольших группах венедов. Именно от них был унаследован славянский язык.

Другим предком славян, несомненно, были кельты (галлы), которые жили на территории сегодняшней Польши, Белоруссии и даже оставили там свои топонимы. Названия «Галич» и «Галиция» напоминают о некогда живших здесь галлах. В этих участниках будущего рождения славян также почти никто не сомневается.

Однако традиция русской исторической науки начала XX века говорит о том, что был и третий предок славян – сарматы Северного Причерноморья. Они тоже индоевропейцы, тоже арийцы, но иранской группы. К настоящему времени их прямые потомки – осетины.

ЧТО ЖЕ ТО БЫЛИ ЗА ЛЮДИ – ПЕРВЫЕ СЛАВЯНЕ?

Ни в коем случае нельзя согласиться с представлениями об исконном земледелии славян. Прежде всего, славяне были скотоводами, как все ранние индоевропейцы и как жившие в III тысячелетии до Р.Х. их общие предки арийцы. Этот этноним – условный: мы вообще не знаем, как они себя называли. Арийцы были великими скотоводами, сумевшими одомашнить коня и корову. Славяне – прежде всего скотоводы, а это много говорит о восприимчивой и достаточно глубокой религиозности славян.

Представление об исконном славянском земледелии рождено было крепостнической эпохой и всемерно развивалось эпохой советской, потому что из всех видов народов по хозяйственной деятельности земледельцы наиболее удобоугнетаемы. Со скотоводами власти труднее иметь дело. Таким образом, представление об исконном земледелии славян – это идеологема, а не научный факт.

Конечно, славяне знали земледелие. Они не были кочевниками, даже умеренными, отгонными, как сарматы. Славяне – оседлый народ. Но дело все в том, что скотовода от земледельца, прежде всего, отличает не то, чем он занимается (многие скотоводы знают земледелие, и многие земледельцы занимаются скотоводством), а то, что для него есть главная ценность.

У всех индоевропейских народов на первом месте было скотоводство. Ни один германец не знал, чья у него земля (земля вообще была общинная), а вот, сколько у него быков, знал прекрасно. Высшей похвалой девице-красавице у древних греков был эпитет «стобыковая», что означало: в качестве свадебного выкупа за нее не жаль уплатить 100 быков. Отголоски этого мы видим и в «Русской правде» Ярослава Мудрого, где главная ценность – скот, а о ценности земли совсем не упоминается. Оттуда и своеобразное отношение к землевладению, которое, кстати, сохранилось и до наших дней в ощущении русского народа лучше, чем у других народов. Совершенно напрасно это отношение к земле представляется иногда как наследие советского времени, как своеобразная приверженность к «колхозу».

В глазах древнего человека, а потом и в глазах средневекового (по крайней мере, христианина), у земли мог быть только один безусловный владелец – Господь Бог на Небесах. А после него были относительные владельцы. Так и для славянина, жившего в Русской земле, после Господа Бога земля была, прежде всего, русской; лишь вслед за этим, по Божьей воле, она принадлежала князю Мстиславу; потом – боярину, который держал конкретную землю от этого князя; и, наконец, она была наделом земледельца-смерда, которого никто не мог выгнать с его земли, и она не могла быть изъята у общины. Земля была общинная, хотя надел земли переходил от отца к сыну. А вот быки находились всегда в частном владении. Такое положение, в значительной степени сохранившееся до сих пор, напоминает о скотоводческом прошлом наших предков.

В провинциальной (часто очень примитивной) северной иконе поразительно много пейзажных элементов, а в карельской или архангельской иконе еще и очень много животных.

Именно Север создал целую галерею икон святых – покровителей животных. На Севере в каждом селе или погосте будет икона святых Флора и Лавра, хотя «Сказание о чуде архангела Михаила с Флором и Лавром» более древнего происхождения. Стараниями христиан Русского Севера Власий (вообще-то епископ из Малой Азии, где, безусловно, среди озер коровы не паслись) становится покровителем животных. Существует поразительная икона уже XVIII века «Медост патриарх» (от слова «мед») сельского богомаза из Карелии. А «Медост» – это святой Модест, и, конечно же, ничего о животных в его житии нет. Почитая святого Модеста, карельский богомаз, тем не менее, искажает его имя, да еще изображает его в окружении всевозможной домашней твари (там и коровы, и овцы, и куры).

Это только северная традиция, но что она может означать в историко-культурном плане? Где исток и где развитие этой традиции?

Исток ее – арийская скотоводческая традиция, давшая Гаты великого Заратуштры. Как известно, праведный зороастриец категорически не мог обидеть живую тварь. Это не значит, что

зороастрийцы были вегетарианцами. Персы-зороастрийцы мясо ели, были охотниками, исконными скотоводами. Это значит, что они не могли бессмысленно обидеть животное. Именно скотоводческая этика требовала любить и не обижать свою скотину. Кстати, есть и такое место в Гатах Заратуштры как «вечное проклятие тому, кто обидит маленькую пугливую собачку с острым носиком, которая сворачивается клубочком». А это ежик, но специального названия для него при Заратуштре не было.

Арийская традиция дошла до Русского Севера и осела в этом сложнейшем сельскохозяйственном комплексе с промысловым ядром в суровом и очень богатом месте. Здесь холодно, но здесь было неслыханно много рыбы, а леса были богаты, как нигде. Даже сейчас здесь можно заниматься бортничеством, собирать огромное количество грибов и ягод.

Итак, исток традиции прослеживается. Он скотоводческий, хотя и измененный ощущением Севера. Именно Север сохранил вполне оживившееся позднее в России особенное отношение к природе и к животным. И преподобный Серафим Саровский, хотя и не северянин по происхождению, исходил из этой традиции, когда в своих поучениях указывал, что человек весьма грешен перед бессловесными тварями, а перед домашней скотиной особенно. Да и особая религиозная ландшафтность Даниила Андреева тоже родилась не на пустом месте, а из тех течений и корней, которые были сохранены Русским Севером.

Как уже отмечалось, славяне – совсем не лесной народ, но им предстояло прийти в лесной край – на будущий Русский Север. Такое может совершаться только веками.

Были две линии движения славян на Север – с Запада и с Юга. До сих пор не очень понятно, под давлением ли германцев, или по каким-то иным причинам, но они постепенно двигались сюда из Западной Европы. Славяне-кривичи (предки жителей Полоцка и Смоленска), а также славяне, которые так и называли себя «словене ильменские» (предки новгородцев), пришли с Запада, из-за границ нашей страны. А вот славяне-вятичи пришли на Север с Юга.

Между прочим, двоякий характер колонизации Русского Севера сохранился на века и еще ощущался в памятниках культуры XVIII века. Север мог быть единым российским, русским, тем не менее, он делился на новгородский и ростовский, то есть на Север, где господствовали те, кто пришел с Запада, и Север, где господствовали те, кто пришел с Юга. И хотя все, конечно, воспринимали друг друга как братья, а все-таки они были немного разными. Сохранение этой разделенности указывает на достаточно стойкое сохранение кровного родства и отторжение любого инородческого элемента.

Славяне двигались постепенно и в домонгольский период, когда мы имеем дело со славянами. Тогда Север русским еще не стал. На Севере преобладало финно-угорское и, в меньшей степени, балтское население. Однако продвинулись славяне достаточно далеко.

СЕВЕРОРУССКАЯ ЭКОНОМИКА И ДЕМОКРАТИЯ

Новгородцы продвинулись за XIV век до Урала, а в начале XV века были уже за Уралом. Югорская земля (Югра) есть пространство между Уралом и устьем Оби. Так что в Сибири русские оказались задолго до Ермака. Ростовская колонизация и в домонгольский период, и в XIII-XIV веках менее заметна. Она будет связана с монастырским расцветом чуть позже. Но она была. Интересно, что Белозерск – город, несомненно, когда-то связанный с Новгородом, постепенно становится ростовским уделом. Были Белозерские князья: три представителя этого рода сложили головы на Куликовом поле (к тому моменту они были уже младшими князьями Ростовской линии).

Естественно, северные земли были необычайно редко населенными. Там сложился особый характер северного землепользования, и нам одинаково важно представлять себе и боярскую вотчину, и крестьянское хозяйство. Северное сельское хозяйство было сложнейшим комплексом. В лесах центром его не могло быть скотоводство, центром его были промыслы.

Прежде всего, добывали и вывозили с Новгородского севера пушнину. Россия – основной ее поставщик всему «цивилизованному миру». Также экспортировались мед и воск. Свечами из русского воска освещались храмы и дворцы всей

средневековой Европы (прочие же помещения – дешевыми масляными горелками). Еще через Новгород и в XV, и в XVI веках на Запад экспортировалась соль – лучшая соль, единственно белая, если верить западноевропейцам того времени (тамошняя соль была серая). Остальные промыслы были вторичны, хотя немало выплавлялось и металла.

Помимо промыслов, в северное сельское хозяйство входили и земледелие, и скотоводство, и огородничество, и рассеянные ремесла. Причем занимался этим крестьянин-хозяин со своей большой семьей.

На Севере вообще нельзя быть чистым земледельцем, ведь уже Москва находится в области рискованного земледелия. Север никогда себя полностью не прокармливал хлебом. Новгород всегда ввозил хлеб, что, кстати, служило инструментом «разборки» Новгорода с Великим князем в XIV-XV веках. Как только портились отношения, новгородцы перекрывали Великому князю поставки серебра, а ему серебро было нужно для выплаты ордынской дани. «Ах, так!» – говорил очередной Великий князь (тверич, суздаец или москвич – все равно) и перекрывал новгородцам поставку хлеба. После того начинались переговоры.

Такой характер северного хозяйства, в общем, сохранился по XX век (до революционного разрушения). Соответственно, вместе с экономическими особенностями, сохранился и духовный уклад, охраняемый хозяйственной самостоятельностью и своеобразием, и кровнородственная чистота населения русского Севера.

Русский Север – это те окраинные земли России, которые были наименее изувечены и крепостничеством, и бюрократией. Даже сейчас еще можно плыть по северной реке и увидеть стоящий на берегу (увы, уже брошенный) одинокий огромный дом. Это не просто уцелевший дом, других домов рядом и раньше не было, это – северная деревня.

Русская деревня домонгольского периода – это одно- или двудворное хозяйство, то есть то, что позднее называлось хутором. Примерно такой же она оставалась и в Раннем Средневековье, а большие поселения назывались селами или

погостами. В Новгороде же, согласно писцовым книгам, и в XVII веке большинство деревень состояли не более, чем из трех дворов.

Отсюда напрашивается вывод: нам вряд ли необходимо учиться фермерству у «прогрессивного человечества» и переименовывать крестьянина в фермера, ибо русский крестьянин изначально был фермером, он так жил. Нам ни у кого не надо учиться общественному устройству, ибо оно заложено в народном мирозерцании, в котором Дом был главной опорой Семьи, а Семья была хозяйственной ячейкой и школой духовного воспитания.

Во второй половине XIV века началась монастырская колонизация, за ней пошла крестьянская, и во второй половине XV века на суровом Русском Севере – в этом холодном мире – образовалось самое богатое население России.

Отметим, что климат России вообще довольно суров. Наша устойчивая западная граница проходит по положительной изотерме января. Именно из-за холодов западноевропейцы в основном жить в России не очень стремились. И то также стало одним из факторов сохранения этнической однородности Русского Севера.

Русский крестьянин XV-XVI веков был чем-то средним между земледельцем и торговым человеком. Когда великий создатель России, наш первый царь Иван III создает общерусскую армию и проводит поместную реформу, то есть раздает земли в виде оплаты воинам (так называемое «поместное землевладение», откуда и произошел термин «помещик»), к северным землям он не прикасается. И то естественно: как же можно отдать в кормление какому-то воину те земли, с которых поступают главные налоги, где живут такие богатые подданные?!

В конце XIX и в начале XX века происходит некоторое восстановление уклада жизни, оно рождалось на Севере (в Вологде) и распространялось на умеренный Север (на Костромские и Ярославские земли). Прошло некоторое время после отмены крепостного права, и происходит «молочная» северная революция – крестьяне Русского Севера, начиная с

Ярославских земель и далее, вообще отказываются от земледелия, кроме кормового (ведь хлеб можно привезти!) и переходят на молочное животноводство. Не умер в северном крестьянине ариец-скотовод! Лидером того движения был помещик Верещагин (брат знаменитого живописца), но действующими лицами были крестьяне – те самые сохранившиеся фермеры. Мало кто знает, что Россия производила в предреволюционные годы больше всех в мире животного масла и более всех его экспортировала.

Хозяйственное своеобразие Русского Севера было разрушено – всеобщая коллективизация удалась. Но хозяйство Русского Севера коллективизации не поддавалось, в условиях колхоза оно могло только вымереть. Север мог существовать так, как существовал веками – только как община свободных домохозяев. И без общины не мог, потому что фермер-индивидуалист не выжил бы на Севере. И без свободного домохозяина Север не выжил бы, ибо иначе нет причины оставаться в холодном климате. Хозяйство Русского Севера было убито, и с ним погибла и великая культура, а может быть, и особенная религиозность Русского Севера. Этого мира больше нет, и мы можем только прикоснуться к его наследию. А к этому миру стремились прикоснуться всегда.

Новгород как наследник Древней Руси сохранил общинную традицию, следовательно, сохранил низовые устои демократии. В Новгороде демократия состязалась и враждовала с аристократией, однако сохранилась до потери Новгородом своей независимости. А демократия есть одна из составляющих политической жизни Древней Руси, где сочетались все три вида власти (других не бывает!) – монархия (княжеская власть), аристократия (бояре) и демократия (вечевой строй).

Новгородская колонизация – чрезвычайно интересное явление. Русский город домонгольского периода напоминает греческий полис, в Античном мире четверть населения жила в городах и при этом была связана с сельским хозяйством, и русская колонизация по-новгородски тоже несколько напоминает греческую. Она осуществлялась ватагами, которые либо складывались сами собою, либо нанимались боярином. В

первом случае они обычно брали у боярина заем (ссуду) для своей экспедиции на обзаведение инструментом, во втором случае то было долевое участие, в котором предполагалось, что колонисты сумеют основать поселение и через некоторое время уже ничем не будут обязаны боярину. Примерно так же в античной Греции «лишние люди», не имевшие полных прав гражданства, отправлялись из греческих городов, основывали колонии, и те становились полисами, где основатели уже имели полные права гражданства.

Кстати, это нормальный инструмент создания демократии. Демократия, включающая в себя пришлых людей, которые не родились или, по крайней мере, очень долго не прожили в данном городе, есть не демократия, а охлократия (власть толпы). Русский Север не допускал охлократии, отправляя случайных людей на гражданское служение, в котором они становились гражданами – основателями новых поселений.

Крестьянский Север консервативен, и он сохраняет общинный, демократический уклад, во многом идущий из Домонгольской Руси. Кстати, впоследствии именно на Севере община не была изуродована крепостничеством. Так, в Архангельской области и в Карелии крепостничества вообще никогда не было, а в Вологодской области оно было лишь в южной ее части близ Вологды.

Часто задают вопрос: у нас возникли колхозы, потому что крестьяне жили общинами? Значит ли, что община есть прототип колхоза? Нет, ни в коем случае, хотя бы по одной причине: русский крестьянин и в Домонгольской Руси, и позднее платил налоги сам, а не всей общиной в порядке круговой поруки. И землю он обрабатывал сам. И надел земли был его, не говоря уже о тех быках, о которых упоминалось выше. А общинными были луга (покосы и выпасы), иногда рыбные угодья. Но самое главное, членам общины была присуща устойчивая взаимопомощь. Еще в XX веке на Русском Севере, который сохранил не изуродованную традицию, держался обычай погорельцу «ставить дом миром» (смотрите, например, книгу «Лад» Василия Белова).

Там, на Севере, община сохранилась как содружество бывших собратьев. Некогда она была общиной арийцев в чуждом мире. Затем была община просто давно живших в одной земле домохозяев данной земли, скрепленных родственными узами.

КУЛЬТУРА СЕВЕРА

В нашей суммарной истории был только один период, когда, безусловно, не только наша культура, но и наша цивилизация была намного выше западноевропейской. В XI веке на Руси, вероятно, были поголовно грамотные города, в то время как на Западе встречались неграмотные короли, а грамотный барон был белой вороной. Встречались неграмотные бароны и в XII веке.

Одним из крупнейших культурных и культовых центров славян уже в языческой Древности был город Белозерск – «Белоозеро», упомянутый в начальной легенде «Сказание о призвании трех братьев-варягов на княжение». Белоозеро было столь значительным центром, что на княжение там сел второй брат Рюрика (средний) князь Синеус. В середине IX века то был именно город, куда имело смысл приглашать князя. А основан город был не позднее VIII века, что подтверждается археологическими исследованиями.

К этому месту относились особенно – об этом говорит летописный материал, фольклор, немало дает и археология. Это был колоссальный по значению культурный и культовый центр. Есть все основания полагать, что он привлекал к себе своеобразных паломников-язычников (в археологических раскопах обнаружены вещи из самых разных мест), хотя добираться туда было не так уж удобно – только водным путем. Впрочем, вся лесная Русь знала лишь два вида дорог и во времена развитого Средневековья: летом – водный путь, зимой – зимник (по льду замерших рек и озер).

К сожалению, в советский период значительная часть городища древнего Белоозера погибла в итоге ирригационных работ. Там осталось лишь небольшое поле для исследования. А нынешний Белозерск, как многократно бывало с различными

русскими городами, находится несколько в стороне, и это уже город XIV века.

Если не первой по времени, то самой значительной в сохранившейся памяти волной колонизации Русского Севера была новгородская. Новгород на протяжении XIII-XIV веков и частично XV века хранил традиции Древней Руси. Новгород – наследник блестящего прошлого Домонгольской Руси, не этнический, конечно, но культурный наследник, ибо новгородцы были уже не славяне, а русские – народ XIII века.

Культурный уровень Севера был высок всегда. Правда, у нас не хватает древних архитектурных памятников, однако лишь по той причине, что в лесном краю строили из дерева, а дерево долго не живет. Старейшие деревянные жилые дома, сохранившиеся в нашей стране, построены в XVIII веке, старейшие культовые постройки – в XIV и XV веках, но это единицы (одна церковь и одна часовня от XIV века и одна церковь от XV века). Мы же, русские, очень скромные, и потому честно говорим: «На этом месте стояла церковь, но то была не эта церковь, эта построена в XVII веке или даже в XIX веке», тогда как японцы утверждают, например, что на фотографии снят синтоистский храм VIII века. Понятно, что японский храм на этом месте действительно был, но не именно это сооружение из дерева!

Христианство довольно медленно принималось на Руси, в этом советские историки правы. Лгали они в другом. Они полагали, что святой Владимир-Креститель начал крещение Руси, а на самом деле Владимир его закончил. После Владимира Русь – уже христианская страна, и община становится общиной прихожан.

Однако, культурно Север представлял собой чересполосицу. По иконам и фресковым циклам в северных городах (а они все очень поздние – XVII века и даже раннего XVIII века) видно, что Белозерск и Вологда – по-прежнему новгородские, а Тотьма и Великий Устюг – ростовские. Так, в белозерской Успенской церкви XVI века, никогда не расписанной, но со множеством икон, есть огромная икона Софии новгородского извода, по письму явно XVIII века.

Очевидное влияние новгородской традиции! А вот в Великом Устюге новгородской Софии нет.

Кстати, еще одна привычная нелепица – мнимое «двоеверие» домонгольских славян и, даже, средневековых русских. Казалось бы, на это указывают шейные образки с Русского Севера: на лицевой стороне – Богородица, на оборотной – древнеарийская символика. Но человек не может быть одновременно христианином и язычником, Бог у русских был один – Пресвятая Троица. Однако от почитания собственных предков русич отнюдь не отрекался. Вспомним, что в «Слове о полку Игореве» русские князья – Даждьбожьи внуки.

Если действительно прав Даниил Андреев, и мы можем изучать чрезвычайно интересное и полезное для нас (в большинстве – христиан) языческое праславянство, и если именно оттуда идет путь в Небесный Кремль, то он идет, вероятно, через Русский Север, через его понимание мира. Он идет через Русский Север, который не был двоеверным и давно перестал быть языческим, но свое языческое наследство не отбросил, а сумел оцерковать.

Запад в XII веке был еще сельским, хотя там уже имелись большие города. Русь же скандинавы называли «Гардарики» (страна городов). И этих городов в Домонгольской Руси было примерно 400. Они известны по упоминаниям, хотя место некоторых неизвестно до сих пор. Если сделать небольшую экстраполяцию, то получается, что в городах жило от 1/5 до 1/4 населения Древней Руси. Мы не скоро вновь достигли такой цифры – только в XIX веке. Конечно, то были не совсем такие города, какими мы представляем их по современному опыту (и в этом тоже было большое отличие Древней Руси от Запада). Русский город был значительно теснее связан с сельской местностью, с пейзажем и с сельским хозяйством.

Культурный уровень измеряется по нижнему срезу – по распространению культуры в обществе. Постепенно, с утратой статуса «страны городов» Русь перестала быть поголовно грамотной среди городского населения. Может быть, городское население и оставалось грамотным, только его было мало,

сельское же было в значительной степени неграмотным. А вот на Севере сохранялась традиция крестьянской книжности, чему есть масса косвенных подтверждений. Более того, в семьях среднего сословия традиция эта могла достигать настоящей учености.

Так, одним из величайших филологов Средневековья и величайших христианских миссионеров был святитель Стефан Пермский. Он совершил если и не величайший миссионерский подвиг, то неслыханный филологический: он перевел Священное писание с неродного языка на неродной. Кирилл и Мефодий все-таки переводили с родного греческого на славянский, который был известен им с детства, потому что они родом из Фессалоник, где был славянский квартал. Кроме того, у них были помощники – их ученики. А Стефан один переводил с греческого на коми-зырянский язык, хотя он мог бы перевести и со славянского! Он учился в Ростове (изысканном эллинистическом центре), но родом был из Великого Устюга. Отец его был всего лишь пономарь, то есть церковный чтец, низший церковный служитель при соборной церкви. Тем самым мы видим, что в семье великоустюжского пономаря (пусть, не всякого, а выдающегося) можно было выучиться настолько, чтобы поступить в университет того времени!

Во второй половине XIV века происходит нечто, что наполняет новой жизнью Русский Север, хотя потом выяснится, что то была новая жизнь старой культуры. Возникла не новая культура, а новая эпоха – в это время начинается движение монахов на Север. Эту эпоху обычно называют эпохой преподобного Сергия Радонежского, ибо он олицетворяет ее. Эта эпоха была, несомненно, настоящим Возрождением через обращение к античному христианству III-VI веков (пусть и не с нашими корнями, а с помощью угасающего Константинополя). Так сложилось, что Сергей и его ученики и, следовательно, основанные ими монастыри явились важнейшим инструментом этого культурного возрождения.

ПРЕЖНЕЙ РУСИ В XIV ВЕКЕ УЖЕ НЕ БЫЛО

Важно напомнить, что главные, самые страшные вторжения на Русь шли с Запада (из Венгрии, Польши, Литвы, Тевтонского

ордена). На этом фоне ордынское вторжение с Востока – попросту мелочь. Тем не менее, после эпохи вторжений со всех сторон Русь больше не была «Гардарики», то есть страной городов с огромной долей городского населения. Город стал слаб и уже не мог определять культуру, как это было в XII веке. И центром культуры становится монастырь, причем необычный.

Монастырей в Домонгольской Руси было мало, заметно меньше, чем городов. Наверное, мы знаем не все монастыри того времени, тем не менее, их было точно меньше двухсот, а городов было, как уже говорилось, около четырехсот. Кроме того, монастыри были городскими, они находились либо в городе, либо рядом с ним. Например, первые русские иконописцы Алипий и Григорий монашествовали в Киево-Печерском монастыре, но работали они в том же Киеве.

В конце XIV века главным создателем культуры и единственным камертоном, по которому настраивается культура, становится монастырь, однако не городской, а пустынножительный. Сам Сергей с братом ушел от ближайшего города Радонежа верст на 12, а от ближайшего монастыря (Хотькова) верст на 10. Но тогда то была настоящая глушь – гора в дремучем лесу с медведями, оленями. Как известно из «Жития Сергия Радонежского», к Сергию приходил медведь, и тот его прикармливал. Но уже ближайшие друзья Сергия уходили за сотни верст и искали совсем глухие места. Высочайший парадокс духовной жизни: монахи искали уединения, но за ними приходили крестьяне, и складывался новый мир, куда более густо населенный, – мир Русского Севера. О нем мы знаем уже гораздо больше.

Высокая культура, рассеянная в народе Русского Севера, никогда не прерывалась. Именно на Севере вплоть до революции была широко распространена сельская иконопись. Сельский богомаз – фигура не Московской губернии, где работали профессионалы-иконописцы, писавшие любые иконы, и в XIX веке уже штамповавшие иконы как «ширпотреб». Сельский богомаз – фигура Русского Севера. Это люди, не покинувшие крестьянский мир, они сами были из крестьян, хотя и очень уважаемые.

Мир Севера был миром особой культуры. На Севере совершенно особое отношение к пейзажу. Оно не могло сразу сложиться, ведь славяне – лесостепной этнос. Они столетиями вживались в сельский пейзаж. Но есть особый дар Божий славянам – чувство пейзажа. И уже в домонгольский период они овладели этим даром в полной мере. Домонгольские храмы, построенные в разных землях, очень активны во взаимоотношении с пейзажем. Например, с одной стороны – Дмитриевский собор во Владимире и Покровская церковь на Нерли, а с другой – церковь Спаса на Нередице и псковский Предтеченский собор. Это – вообще славянское и, особенно, русское качество. Мы не сумели создать такие совершенные интерьеры храмов, как их делали греки-византийцы, но зато быстро обогнали греков во внешнем облике храма и взаимодействии его с пейзажем.

Однако это взаимодействие разное. Владимирский храм (например, Покров на Нерли) – это драгоценный кристалл, помещенный в пейзаж. Он – главный, он собирает пейзаж на себя, и пейзаж превращается в изумительное, Богом данное обрамление этого кристалла. А новгородский храм – тоже активен в пейзаже, но он как будто вырос на этом месте, как гриб. Видно, что новгородские храмы вылеплены, их стены шероховаты, у них никогда нет безупречно прямых углов. Это рукотворные грибы, от этого не менее прекрасные, но это – другая красота и другая, гораздо большая близость к пейзажу, чем у иных русских людей. Например, на Украине, в Малороссии, в степях Таврии, Причерноморья (ведь украинцы, как и казаки, тоже русские люди) такого чувства пейзажа нет. А на Севере оно было развито повсеместно и среди всего населения.

Традиции новгородских храмов-грибов в какой-то степени обогатились через ростовские артели, начавшие строить каменные храмы на Русском Севере в XV веке. В старейшем из этих храмов – в соборе Спаса-Каменного монастыря 1482 года, взорванного коммунистами в 30-е годы, и в двух последующих – в Кирилло-Белозерском и Ферапонтовом монастырях конца XV века архитектура была дополнена владимирскими приемами, но

они все равно остались удивительно пейзажными. Это потрясающая ландшафтная архитектура!

В конце XV века, в эпоху Ивана III, строится московский Кремль, в Москве работают Аристотель Фьорованти, Алевиз и другие. Довольно быстро, уже в конце 20-х годов XVI века, влияние итальянского Возрождения достигает Русского Севера. Эти итальянизмы видны, например, в интерьерах Кирилло-Белозерского монастыря. Но русские все равно сохраняют то, чего совершенно нет в итальянском Возрождении, – свой удивительный симбиоз с пейзажем.

Это – особая религиозность, обращенная на храм (дом Божий), но не покидающая окружающего мира, окружающего ландшафта. Это ощущение пейзажа как храма присуще именно Русскому Северу (хотя любой тонкий христианин – итальянец, аргентинец, австралиец тоже будет воспринимать природу как творение Божие).

Северный человек воспринимает пейзаж как храм. Пример тому – один из святых Севера преподобный Антоний Сийский, основатель монастыря, который любил уединенно молиться, выбрав для того поляну, окруженную 12-ю белыми березами. Нигде в мире, кроме как на Руси, подвижники не воспринимали моленное место эстетически, не эстетизировали природу, превращая ее в своем сознании в часовню. Круг из белых берез – явление русское и преимущественно северное. В XIX веке эстетизация пейзажа становится очень распространенной. На стыке профессиональной русской традиции и данной северной традиции создавался Валаамский природный и архитектурный ансамбль архитектором Горностаевым.

На Севере было довольно мало церквей, что естественно при таком рассеянном обитании. Церкви были только в крупных селах и на погостах. Потому Север был насыщен часовнями, как никакая другая часть Руси. Часовни ставились над крестами, над колодцами, в память о чем-нибудь (об избавлении от болезни, от стихийного бедствия и так далее), ставились просто при дороге, чтобы путник мог помолиться, а кстати, и отдохнуть (в часовне устраивалась лавочка). Кое-где, например, в глубинном Каргополье (на Кенозере, на Лекшмозере) часовен

еще довольно много, хотя древних мало, потому что они заменялись со временем.

Надо сказать, что при советской власти больше всего погибло именно часовен. Часовни начали первыми закрывать и первыми сносить, что понятно. Чтобы снести монастырь, коммунистам нужно было сначала разогнать братию. Закрывать приходской храм было еще труднее, ибо вначале нужно было сослать или расстрелять батюшку и разогнать церковный актив. А часовни были ничьи, и они погибали первыми. Но часовен на Севере было так много, что даже и сейчас их сохранилось немало.

Беломорско-Балтийский канал стал первой сталинской стройкой и по идеологической причине. Русский Север был самым чуждым большевикам и нуждался в «исправлении». Нигде, как на Севере, не было столько лагерей.

Сегодня мир Русского Севера погиб, его практически больше нет. Но мы, русские, можем еще возродить его, если обратимся к духу Русского Севера, опыту его хозяйственной жизни и культуре народного общежития.

Социальные традиции в русской культуре

Статья 2001 года

КОРНИ ТРАДИЦИИ

У каждого этноса есть свои этносы-предки. Наши основные прямые предки – славяне. Что же касается предков самих славян, то два из них установлены легко, а третий – гипотетический, потому что большинство историков сейчас не считает его предком славян, тогда как в начале XX века доминировала противоположная точка зрения.

Во-первых, это – протославяне или праславяне, которые, возможно, называли себя «венедами». Письменных источников этого народа нет, потому поручиться за то, что они себя называли именно так и никак иначе, мы не можем, но этноним «венед» древнее этнонима «славянин», и они одного и того же корня «вене». История этого народа практически неизвестна, хотя нетрудно предположить, что его этнический подъем начинается еще в начале II тысячелетия до нашей эры, в период Великого арийского переселения. Следы пребывания венедов в Центральной Европе – Вена на Дунае и область венетов (венедов?) в Северной Италии, то есть Венеция. Разумеется, из этого не вытекает, что от Северного Причерноморья или от Карпат и до Северной Италии жили одни только предки славян. Скорее всего, то были обособленные анклавов. Но Дунай, безусловно, – старинная славянская река, о чем свидетельствует фольклор. Древнейший пласт былин связан именно с Дунаем.

Во-вторых, это – кельты, жившие в последние века до н.э. на территории Польши, Белоруссии и вообще по западной части нашей страны. Их упоминает Геродот. Память о кельтах (галлах) – топонимы Галич, Галиция.

В-третьих, это – сарматы Северного Причерноморья. Так же, как и первые два предка славян, сарматы – индоевропейский народ, однако это восточные арийцы иранской группы. Их прямые потомки – осетины.

Наши прямые предки славяне начали свой этногенез, как сейчас полагает большинство историков, где-то между II веком до н.э. и I веком н.э. Датировка Льва Гумилева – I век н.э. Формировались они в необычайно спокойных условиях на редко заселенных тогда равнинах к северу от Черного моря, где если с кем и имели в начале своего этногенеза неприятности, то только со скифами. Вероятно, потому фаза их пассионарного подъема оказалась очень растянутой. Она длилась вплоть до Великого переселения народов IV-VII веков н.э. Со спокойными условиями формирования, видимо, связаны и этнические стереотипы славян, в частности, весьма ослабленный государственный инстинкт, почти как у кельтов, которые проигрывали многим народам именно в силу неумения и нежелания консолидироваться до уровня устойчивой государственности. Из потомков славян ослабленный государственный инстинкт сохранился в этническом стереотипе поляков. У них есть даже поговорка – «Польша стоит беспорядком».

Один из распространеннейших мифов исторической науки и публицистики утверждает, что славяне, да и вообще все предки русских – исконные земледельцы. Однако этому представлению не соответствует ни археологический материал, ни древнейший памятник отечественного права (славянского времени) «Русская правда» Ярослава Мудрого. Источники говорят, что огромной ценностью славян были стада и табуны, но никак не земля. Более того, славянам была присуща общинная форма землевладения, что говорит лишь об одном: у славян были очень прочны стереотипы скотоводческого народа. Они были им свойственны никак не меньше, чем германцам первых веков н.э., описанным Тацитом в его работе «Германия», у которых не было понятия «собственность на землю». Общинная форма землевладения – устойчивая традиция всех ранних индоевропейцев, и в большей или меньшей степени она сохранялась. У славян она сохранялась долго. За неприятием как славянами, так позже и русскими безусловной отчуждаемости земли стоят сохранившиеся скотоводческие стереотипы. «Земля – божья, потом – русская (или германская,

и пр.), потом – общинная. А вот быки мои, и горе тому, кто в этом усомнится!» – такой стереотип очень распространен у индоевропейцев даже в начале нашей эры. Не случайно у древних греков эпитет, означавший необычайно красивую девицу, в переводе звучит как «стобыковая», то есть такая невеста, за которую не жаль ее родителям отдать 100 быков!

Откуда же взялось утверждение об исконно земледельческой сущности славянского хозяйства и поведения славян? Оно представляет собой идеологему, которая была создана очень поздно – во времена сложения крепостничества и радостно подхвачена в советские времена – времена неокрепостничества. Появление этой идеологемы обусловлено тем, что земледельцы, в сравнении с людьми, занятыми всеми остальными коренными способами жизнедеятельности (охотниками, рыбаками, скотоводами, ремесленниками), наиболее удобоугнетаемы. На самом же деле общество славян Древней Руси было, прежде всего, обществом свободных людей, хотя отнюдь не обществом социального равенства. Кстати, термин «Древняя Русь» применим только к «Киевской Руси» или «Руси Домонгольской». Определение «древнерусский» ко всему, что было до Петра I, лишено всякого смысла. От Древней Руси нас отделяет очень многое, в том числе и смена ведущего этноса.

ОБЩЕСТВО ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Главной ценностью в Домонгольской Руси была свобода. Русская правда (не только гражданский, но и уголовный кодекс того времени) не знает тюрем, не знает телесных наказаний, однако знает смертную казнь – явление тогда довольно редкое. Кроме того, Русская правда в качестве наказания знает изгнание и «виру» (денежное наказание, штраф).

Изгнание есть наказание, если влечет за собой утрату прав. В складывающейся городской Руси то было не менее тяжким наказанием, чем в Античном мире. Что касается виры, то вира за убийство свободного человека составляла 40 гривен – сумму очень большую, больше, чем стоимость всего хозяйства земледельца-смерда. В этом случае за него расплачивалась община. Вира за убийство женщины была вдвое меньше – 20

гривен, но и это очень много. Однако интересно, что 40 гривен составляла вира как за убийство княжьего дружинника, так и простого смерда, а 20 гривен – за убийство как боярыни, так и жены, скажем, кузнеца. То есть, социально вира была одинакова. Вира же за убийство холопа любого пола составляла 5 гривен его владельцу. То было просто возмещением (компенсацией) за утрату раба. Иными словами, в Домонгольской Руси самая принципиальная грань проводилась между свободными и несвободными.

Другая принятая тогда норма: вира за нанесение «синей раны», то есть синяка, выше, чем за нанесение «раны кровавой». Для нас это непостижимо, а для общества подчеркнуто свободолюбивого совершенно понятно – синяк позорит в отличие от кровавой раны.

Еще одна норма: если на вас напали с палкой, вы имеете право ответить мечом. Такая унижительная норма современного уголовного законодательства, как превышение меры необходимой самообороны, была бы для того мира просто непонятна. В отличие от нас, они были свободными людьми, потому им и в голову не приходило, что возможны какие-то ограничения в случае самозащиты.

Мир Домонгольской Руси был городским, и стал таковым очень рано. С вопросом о возникновении первых городов связан вопрос о начале русской государственности. Потому отдельные гипотезы, например, указание польского хрониста XV века Мацея Стрыйковского об основании Киева в V веке, изменили бы многие наши представления, но иных доказательств столь раннего основания Киева у нас нет. Тем не менее, в VIII веке города уже существуют, и, следовательно, русская государственность отсчитывается с VIII века. А в XII веке было уже почти 400 городов, и от 1/5 до 1/4 населения Руси жило в городах. Не случайно скандинавы называли Русь страной городов – «Гардарики». После иноземных вторжений XIII века мы несомненно вернемся к столь высокой доле городского населения.

В XI-XII веках не только русская культура, но и цивилизация были выше, чем в любом уголке Западной Европы. Мы достигли

тогда, видимо, поголовной грамотности городского населения, а на Западе грамотность была почти привилегией духовенства, в XI веке там еще встречались неграмотные короли. Русский город был не похож на Западный. Он куда в большей степени связан с сельским хозяйством и не противопоставлен сеньору. Дело в том, что по мере роста богатства на транзитной торговле IX-XI веков город становится сильнее князя, и князь – не сеньор городу, а прежде всего глава городского управления.

Городской характер Руси, доминирование города над князем, славянские стереотипы весьма ослабленной государствообразующей традиции были причиной того, что Домонгольская Русь состояла из многих государств, и государством в ней было каждое княжество.

Другой миф, к сожалению, въевшийся в школьные учебники и программы, – представление о том, что некогда существовало единое государство «Киевская Русь», а потом оно «феодално раздробилось». Но такого государства никогда не существовало! Основан этот миф на одном тексте Начальной летописи, где сообщается следующее: Олег (родич или воевода, приближенный Рюрика) переселяется с наследником Рюрика Игорем из Новгорода на юг, хитростью захватывает Киев, убив Аскольда (кстати, первого князя-христианина, известного в истории Руси; в крещении его звали Николай), и вокняжается в Киеве. Всё, вероятно, так и было – у нас нет оснований не доверять Летописи. Но в Летописи ни слова не сказано о том, что, получив власть в Киеве, Олег сохранил хотя бы тень власти в Новгороде. Мы вообще не знаем о Новгороде ничего с того момента и до конца жизни Святослава, то есть примерно в течение 100 лет. И Святослав, который «рассовывал» сыновей на различные княжеские столы, и Владимир, который вел себя, как его отец, и Ярослав, который следовал политике своего отца и деда, поступали так вовсе не из чадолюбия. Будучи разумными и весьма небездарными политиками, они расширяли сферу своего влияния и не дробили, а объединяли Русскую землю, а другого способа, кроме как «пропихнуть» на свободный княжеский престол брата или сына, у них для того не было. Они не могли посадить на престол своего боярина

(наместника), чтобы управлять его руками, потому что его бы никто не принял, ибо в том мире всё решал город. Уговорить город принять князя или даже оказать на город давление, чтобы тот принял нужного князя, было возможно, но управлять городом дистанционно – нельзя. Любого наместника город попросту выгнал бы.

В действительности, Домонгольская Русь – это конфедерация земель. Вместе с тем это и вполне единая страна. Она едина:

Во-первых, этнически. Видимо, в Домонгольской Руси был не один этнос, а два (славяне и русы), но этот альянс или симбиоз двух народов проходил через все княжества.

Во-вторых: культурно. Разговорный язык и язык книжности были одинаковы для всего населения Домонгольской Руси.

В-третьих: религиозно и церковно-канонически. Вся Домонгольская Русь была одним митрополичьим округом, то есть, митрополит был один – в Киеве, и даже патриарх был общим для всего населения – правда, в Константинополе. Следует отметить, что одномоментного крещения Руси при святом Владимире в 988–989 годах не было. Начало процесса христианизации Руси относится к I-II векам нашей эры (Северное Причерноморье), а с конца X века уже вся Русь становится страной христианской культуры.

В-четвертых: экономически. Единая монетная система действовала на всей территории Древней Руси. Кроме того, ее пронизывали транзитные торговые пути. Днепровский путь «из варяг в греки» общеизвестен, но в 1970-х годах было окончательно доказано, что Волжский транзит древнее и мощнее. Были и менее значительные транзиты, например, Западно-Двинский.

В-пятых: юридически. Русь представляла собой единое правовое пространство, в котором действовали «Правда Русская» и «Мерило праведное».

В-шестых: династически. Русь была объединена единой для всех династией Рюриковичей. Как бы ни враждовали князья, какие бы усобицы ни устраивали, официальная форма

дипломатического обращения князя к князю «брат» сохранялась.

Однако Домонгольская Русь никогда не была объединена политически и не имела общей столицы, ибо политическая мысль того времени не допускала статуса «князя над князем». Великий князь Киевский был лишь первым и наиболее уважаемым среди князей. Но после него были второй, третий, четвертый князь, и далее в порядке патриархальной лестницы. Двух равноправных и равно уважаемых князей среди них не было, но все князья обладали принципиально равным правом княжить (определение Василия Осиповича Ключевского).

XIII век принес нам разорение. Упадок ремесел и упадок торговли, подгоняя друг друга, образуют порочный круг. Русь городская уходит в небытие, на ее место приходит Русь достаточно аграрная. Какое разорение было более тяжким – от ордынских нашествий или от нашествий Запада? Иными словами, прав ли был Александр Невский, выбрав ордынскую ориентацию, хотя вообще-то мог выбрать и западную? Обратимся к статистике.

Сейчас науке известны более 350 каменных зданий Домонгольской Руси, в основном, храмов, хотя есть и дворцы, а также постройки непонятного назначения. Примерно 2/3 этих зданий расположены в коренных русских землях по Днепру, Десне, Западной Двине, то есть на территории нынешних Украины и Белоруссии, и 1/3 – в великорусских землях, включая новгородский северо-запад, что не удивительно. Большая часть зданий лежит в земле, сохранились лишь фундаменты и нижние части стен. В архитектурном объеме сохранились только 30 каменных храмов (менее 1/10 от 350). Однако сохранившиеся храмы расположены с точностью «до наоборот»: 2/3 – в великорусских землях и только 1/3 – в западнорусских. А еще науке известны 30 икон домонгольского письма, и все они великорусского происхождения. Из западнорусских земель до нас не дошло ни одной древней иконы, как не дошло и ни одной древней книги с миниатюрами.

Разумеется, в войнах и стихийных бедствиях гибнут книги, памятники архитектуры и живописи. В великорусских землях,

где признавали власть Орды, русская культура, конечно, тоже страдала. Были и пожары, и войны, и в том числе ордынские разорения городов, но что-то, тем не менее, сохранялось. А в западнорусских землях, где памятников культуры было больше, русская культура страдала не только от войн и стихийных бедствий. Ее уничтожали целенаправленно, потому там памятников сохранилось куда меньше. Вот цена пребывания восточных христиан в составе Западного мира!

На XIII век приходится начало этногенеза русских. Их основными этническими предками, как уже говорилось, были славяне, а также балты и угро-финны. До прихода славян область расселения балтов простиралась преимущественно к западу от Москвы, а угро-финнов – к востоку (уже город Можайск имеет имя балтского корня). В отличие от славян, русские начинают свой этногенез в предельно жестких условиях – в условиях иноземных нашествий со всех сторон и потому, видимо, с самого начала приобретают мощный инстинкт государственного созидания. В итоге, уже к концу XV века (всего лишь за два века!) заканчивается созидание России как державы.

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Во времена Высокого Средневековья с ослаблением городов, с резким уменьшением доли городского населения демократическая составляющая власти становится малозаметной. Однако сохраняется сельский, а возможно, и волостной сход, а в городах складываются свои структуры гражданского общества – сотни и слободы с выборными старостами. Существует и некая демократическая традиция судопроизводства. Во всяком случае, Судебник 1497 года воспрещает судье вести процесс без участия «лучших людей» общества. Мы здесь наблюдаем некую зачаточную форму суда присяжных. Причем Судебник, видимо, лишь зафиксировал сложившуюся практику, как он сделал это и в отношении других норм в других своих статьях. Тем не менее, говорить о возвращении к развитым тенденциям самоуправления можно только с середины XVI века.

В знаменитых реформах Избранной рады самоуправление целиком переходит в руки выборного начальника. Так, главой волостного самоуправления становится земский староста, избираемый из круга местных дворян, а помощниками его – земские целовальники из зажиточных местных крестьян. Если земский староста подобен испанскому алькальду, то англосаксонскому шерифу подобен губной староста – глава полицейской службы и судья по простым вопросам, по несложным делам. Он также избирается из круга местных дворян, а губные целовальники (помощники шерифа) – из местных крестьян. Развитая система самоуправления существует вплоть до Петровского переворота, и существует она на фоне чрезвычайно низкой бюрократизации на местах.

Правда, в городах назначаются коронные представители (воеводы). Однако даже в крупном городе, вроде Нижнего Новгорода, был один воевода и один дьяк воеводской канцелярии. Вероятно, они располагали каким-то обслуживающим персоналом, но прежде всего они были не чиновниками, а местной воинской силой. Например, известно, что в середине XVII века для созыва выборщиков перед Земским собором рязанский воевода Огарев рассылал по станам пушкарей, что говорит о ничтожности его бюрократического аппарата. Есть несколько примеров конфликтных ситуаций, когда в процессе выборов на Земский собор воевода опирался на местную воинскую силу. Так было, например, при выборах на Уложенный собор в 1648 году. Но характерно, что в этих случаях верх одерживали земские выборные власти.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ

Возможно, первый немногочисленный и краткосрочный Земский собор рассматривал Судебник 1497 года. Косвенные свидетельства тому есть. Однако масштабный Земский собор впервые собирается в 1550 году. Земский собор восстанавливает своим появлением триаду верховной власти, наряду с монархом и Боярской думой, то есть восстанавливает

Полибиеву схему, но уже в масштабах единого государства, можно даже сказать империи.

Земские соборы весьма напоминают ранние сословные представительства в Западной Европе. Те бывали одно- и двухпалатными, двух-, трех- и четырехкуриальными. Русский Земский собор представляет собою собрание двухпалатное четырехкуриальное.

Верхнюю палату образуют две невыбираемые курии. Первая курия – Боярская дума, по положению имеющая право участвовать в Соборе, и к ней в Соборе примыкают 2–3 правительственных чиновника (как правило, казначей и печатник). Вторая курия – Освященный собор, в который по русской традиции входит не только епископат, но и некоторые настоятели наиболее авторитетных монастырей. Обычно верхняя палата большую часть времени заседает отдельно, и председательствует в ней чаще всего царь.

Нижняя палата многочисленна и состоит также из двух курий, но эти курии уже выборные. Первая курия – в основном дворянская. Дворяне московские и дворяне земские выбирают своих представителей по двухстепенной системе (с институтом выборщиков). Вторая курия – буржуазная. Она избирается аналогичным образом из представителей московских сотен и слобод и представителей провинциальных посадов. Земский собор, вопреки мнению Ключевского, можно считать парламентом безо всяких оговорок. Именно так его воспринимали и иностранцы-современники. Англичанин сообщал, что в Москве создан «парламент», а поляк – что в московском «сейме» по некоторым вопросам идут бурные дебаты.

Каковы же были функции Земского собора? Во-первых, законодательная. Все важнейшие законодательные акты проходили через Земские соборы. Это и Судебник 1550 года, и Соборное уложение 1649 года, и Земское деяние об упразднении местничества 1682 года, и менее масштабные законы.

Во-вторых, Земские соборы избирали государя. Сразу же после смерти первого русского тирана Ивана IV общество

властно заявило о своих правах, и законному наследнику царю Федору Иоанновичу пришлось пройти процедуру избрания. Далее избирается Борис Федорович Годунов, Василий Иванович Шуйский, Михаил Федорович Романов, его дети. Последнее избрание государя Собором состоялось в 1682 году. Тогда на правах соправительства были избраны цари Иван V и Петр I. Земские соборы имели также власть низлагать государя. Известен один исторический прецедент – низложение в 1610 году профессионально непригодного царя Василия Шуйского.

В-третьих, Земские соборы решали вопросы присоединения новых территорий, а также вопросы войны и мира. Например, Земский собор отверг принятие в подданство Азова, захваченного донскими казаками и предлагавшегося ими царю Михаилу (принятие подарка означало бы войну с Турцией). А в 1653 году Земский собор дал согласие на принятие в подданство гетмана Богдана Хмельницкого с подвластными ему гетманскими территориями Малой Руси.

Земские соборы созывались формально указом царя, но часто по инициативе сословий. Так, по инициативе сословий был созван Собор 1646 года, а затем – через два года – и Уложенный собор. Земские соборы имели тенденцию превратиться в постоянно действующие. Предложение превратить Земский собор в постоянное собрание с годичным сроком полномочий депутатов вносилось в 1634 году стряпчим Иваном Беклемишевым, однако было отвергнуто. По всей вероятности, подобная общественная реакция объясняется тем, что пребывание на Земском соборе для его участников было достаточно обременительно, а Соборы и так заседали в то время каждый второй год.

Как уже отмечалось, правовые тенденции на русской почве были развиты слабее, чем в Западной Европе, а тем более в Византии, и произвольное перемещение черт византийской автократии на русскую почву в XVI веке, вне развитых правовых традиций дало нам первую тиранию. Примерно то же можно сказать о развитости правосознания во всю допетровскую эпоху. Тем не менее, правовые тенденции у нас имели место, и весьма знаменательные. Например, уже в Судебнике 1550 года

содержится статья, ограждающая от произвольного внесудебного ареста. Таким образом, она появляется почти на 130 лет раньше знаменитого английского Habeas Corpus, датируемого 1679 годом.

ПЕТРОВСКИЙ БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Замечание Ключевского о том, что Петровские реформы были связаны с войной, военными задачами, военной необходимостью, справедливо. Его можно распространить почти на весь корпус Петровских реформ, но с незначительной поправкой: речь должна идти, как кажется, о военно-полицейской необходимости. Обратим внимание на реформы управления.

В 1708 году Россия делится на 8 тяжеловесных трудноуправляемых гигантских губерний. Чем это обусловлено? Только что проходит Астраханское, а затем Булавинское восстания, и Петр I просто создает достаточно мощный репрессивный аппарат, который позволит правительству не отвлекаться на подавление еще каких-либо восстаний.

В 1711 году учреждается Сенат. Это непосредственно связано с войной, ибо первоначальный Сенат был своеобразным регентским советом для управления Россией в отсутствие царя, который отправлялся в свой злополучный Прутский поход.

В 1718 году проходит реформа центрального управления. Создаются коллегии (сперва 8, затем 11). Несомненно, на бумаге коллегии выглядят значительно стройнее, чем старая московская, несколько громоздкая система приказов, учреждавшихся по мере возникновения надобности в них. Но коллегии так выглядят лишь на бумаге. Создание системы коллегий – прямое административное фантазирование. Они никак не были соотнесены с нуждами территорий, что вызвало печально известную волокиту в небывалых размерах, то есть резкое замедление принятия решений, и не могло не вызвать значительного роста административного аппарата. Причем интересно, что особенно растет низовой аппарат. При этом, несмотря на стремительно возросший государственный бюджет

и, следовательно, чудовищный налоговый пресс, давивший на сословия, чиновникам стали меньше платить. И по изящному предложению Александра Меншикова Россия становится, видимо, первой страной в истории с узаконенным взяточничеством: низшие канцеляристы, не имевшие чина, официально получают право и тем самым обязанность «кормиться акциденциями».

Народ, безусловно, отвергал Петровские реформы. Приведу малоизвестное наблюдение.

С 1703 по 1709 год через русскую армию прошло 230 000 человек, а убыль убитыми, ранеными, пленными, больными составила за тот период 110 000, то есть почти половину. Обращают на себя внимание очень высокие небоевые потери. Документы фиксируют слишком большое число умерших вследствие поноса. Конечно, за поносом, упомянутым в документах, может скрываться дизентерия и, что гораздо серьезнее, холера. И всё же эта цифра изумляет. Но она становится объяснимой, если предположить с большой долей вероятности, что в нее входит и значительное число дезертиров. Начальство, не желая отвечать за разбегающиеся в полном составе роты, списывало убыль состава «за смертью от болезней». Таким образом, пойманный «мертвец» уже не отправлялся на мучительную смерть как дезертир, а как бродяга, еще раз попадал в солдаты, где имел, естественно, шанс еще раз «скончаться от поноса».

Разумеется, дезертируют из любой армии. Но в русской армии проблемы массового дезертирства никогда не было ни до Петра 1, ни после него (по крайней мере, до зимы 1916 года). Ее не было даже в войнах Екатерины II и в войнах XIX века, то есть в эпохи, когда армия комплектовалась рекрутским набором, а рекрутчина всегда воспринималась любой крестьянской семьей как большая беда. Однако при Петре I эта проблема была.

Петр I нанес чудовищный вред демократическим традициям России. И дело вовсе не в том, что перестали созываться Земские соборы. Через подобные эпохи проходили и западные державы, уже знавшие средневековый парламентаризм. Так

случалось в эпоху абсолютизма, когда сословные представительства ослабевали, а иногда и исчезали. Но в дальнейшем с развитием тенденций формирования гражданского общества парламенты возвращались на свои места. Однако Петр I уничтожил необходимую основу любой демократии – самоуправление, низовое земство. В этом, а отнюдь не в исчезновении Земских соборов – главный вред.

Не меньший вред нанесло и петровское западничество. Пройдя через свой абсолютизм и свою тиранию, английский парламент остался всё же английским парламентом, шведский риксдаг остался шведским риксдагом, как и испанские кортесы. А благодаря западным тенденциям Земские соборы и земское самоуправление стали после Петра I относиться к нашему как бы «непросвещенному» прошлому, и попытки восстановления представительных учреждений пошли по пути копирования зарубежных образцов, что всегда неизмеримо вреднее, чем восстановление собственной традиции.

Тотальная бюрократизация могла опираться только на мощный репрессивный аппарат и заметные репрессивные тенденции. Петр I был одержим идеей контроля и потому создал две параллельные системы: гласных контролеров, названных «ревизорами», и негласных, названных «фискалами». С того момента термин «фискал» становится на века ругательством в русском языке. Но система эта работала плохо.

В характере русского этноса неискоренима неприязнь к бюрократической системе и бюрократам. Ее не смогли уничтожить XVIII, XIX и XX век с его тотально бюрократизованной советской властью. Русскому человеку свойственно уважение к монархам, иногда чрезмерное. И русский человек весьма не лишен уважения к аристократам. Не случайно в простонародном использовании не было ни слова «шляхтич», обычного в первой половине XVIII века, ни слова «дворянин». Знатного человека называли «барин», то есть «боярин», аристократ, носитель аристократической традиции и аристократической ответственности. Таким, собственно, и хотел видеть русский человек своего вождя. У русского человека

полностью отсутствует пиетет к государственному служащему, которого он старается не замечать. Если же это невозможно, чиновник, даже и порядочный, вызывает у него раздражение.

Петр I создал тотальную бюрократическую государственную систему, явившись в этом вопросе глубоким последователем политического философа Томаса Гоббса. Но общество сопротивлялось. И основной реакцией стала не менее тотальная коррупция. Ведь когда из политической системы изымаются законные неформальные связи (условие существования и аристократии, и демократии), общество замещает их незаконными неформальными связями, то есть коррупцией.

Есть и еще более серьезные последствия историко-культурного уровня. Василий Ключевский подробно описал, как Петр I из пяти различных категорий податных людей создал одну – категорию крепостных крестьян. Так же Петр I поступает и с аристократией. Его бюрократизация и в особенности знаменитая «Табель о рангах» призвана социально ликвидировать аристократию, смешав ее с низовыми служилыми людьми. Боярство и дворянство – если и не два сословия, то, безусловно, две совершенно самостоятельные социальные страты (два слоя общества) до Петра I. А «Табелью о рангах» Петр I низводит аристократа до уровня провинциального дворянина. Таким образом, Петр I, как и подобает тирану, выступает в роли упростителя системы. Еще раз обратим внимание на универсальное правило Константина Леонтьева: «Всякое упрощение – всегда деградация».

ДАЛЬНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ XVIII ВЕКА

XVIII век проходит под знаком лишения не только политических прав, но и значительной части гражданских прав основной части русского населения – населения крестьянского. Это вызывает всё большую социальную поляризацию, противопоставление дворян недворянам. Западные тенденции эту поляризацию усиливают, так как дворянам, всё теснее соотнесенным с другим суперэтном – западноевропейской культурой, оказываются

противопоставленными не только крестьяне, но и мещане, и богатейшие купцы, и всё духовенство.

Вместе с тем бюрократическая система ослабевает. Неформальные связи разъедают ее подобно ржавчине. И, наконец, в царствование Екатерины II, помимо незаконных неформальных связей, снова возникают и вполне законные – выборные провинциальные должности, правда, далеко не те, что были в допетровской России.

Они чисто дворянские и замещаются по дворянским спискам дворянскими кандидатами (например, судебские должности). И все-таки это положительная социальная тенденция.

В царствование Павла I делается попытка расширить круг полноправных граждан. Именно при нем свободу от телесных наказаний получают: духовенство, купечество, почетные граждане, т.е. наиболее авторитетные категории недворянского населения. Более того, при Павле I создается и выборный Государственный купеческий Совет. Обладая небольшими полномочиями, он, тем не менее, решает многие вопросы, представляющие интерес для купеческого сословия. Этот демократический опыт был весьма перспективен. Но Совет был упразднен в следующее царствование.

ХІХ ВЕК И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Открывающее собой новое столетие царствование Александра I ни демократическим, ни правовым тенденциям никакого хода не дает. И хотя эта эпоха знает ряд проектов по воссозданию самоуправления и даже по возвращению с ограниченными функциями парламентаризма (проект графа Н.Н. Новосильцева, проект графа М.М. Сперанского), все они остаются на бумаге и известны лишь узкому кругу лиц. Конституционные проекты, созданные в декабристской среде, удручают своей убогостью, ибо срисованы с западных образцов, причем весьма невнимательно. Однако самым главным в обоих вариантах, и в конституционно-монархическом, и в республиканском была концентрация внимания на создании выборного элемента высшей власти, а не на развитии муниципализма (местного самоуправления, основы

демократии). То есть, по сути дела ни проект конституции Н.М. Муравьева, ни «Русская правда» П.И. Пестеля не были демократическими даже в малой степени. Не соотнесены они никоим образом и с русской традицией.

Первые шаги в этом направлении делаются при Николае I усилиями его выдающегося министра графа П.Д. Киселева. По долгу службы занимаясь планомерным улучшением положения государственных крестьян (крестьян не помещичьих), Киселев воссоздает и их волостное самоуправление. Делается это в рамках подготовки освобождения крестьян, и делается как образец: все остальные крестьяне по мере освобождения должны получить такое же самоуправление. Данный пример часто забывают, а ведь это очередной этап в укреплении муниципальной традиции.

Еще меньше хорошего можно сказать о состоянии суда, судопроизводства, которое непосредственно влияет на состояние правосознания в обществе. Более полутора столетия до эпохи Великих реформ Россия знает только полицейский суд. Состязательное судопроизводство забыто. Об участии каких бы то ни было избранных представителей общества в судебном процессе никто не вспоминает. И всё это на фоне довольно жестокого законодательства.

В XVII веке русское законодательство знало примерно 40 казусов, могущих повлечь за собой для правонарушителя смертную казнь. В сравнении с нами куда более «прогрессивная» Франция знала примерно 100 подобных казусов. Петр I круто «исправил» дело – итогом его царствования стало 140 казусов, ведущих к смертной казни. Правда, практика судопроизводства и нежелание целого ряда правителей подписывать смертные приговоры несколько смягчали российскую пенитенциарную систему, что впоследствии отмечал Салтыков-Щедрин. Первой тут была императрица Елизавета Петровна, не утвердившая ни одной смертной казни за свое 20-летнее царствование. Тем не менее, такая ситуация, конечно, вела к значительному снижению правосознания сравнительно с допетровскими временами.

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ

«Великими реформами» в исторической науке принято называть реформы императора Александра II, заслуженно получившего прозвище Царя-Освободителя. Его реформы, безусловно, грандиозны. Начавшиеся освобождением крестьян в 1861 году, эти реформы продолжаются вплоть до проведения военной реформы в 1874 году и имеют тенденцию к продолжению.

Надо сказать, что с точки зрения социокультурной, аграрная реформа была проведена крайне неудачно. Дело в том, что уже с XVII века помещичий крестьянин был прикреплен к земле, не мог от нее избавиться, и не мог ее покинуть. Но обрабатывал он землю, которая состояла из двух наделов. Один надел предоставлялся ему барин, и на этот надел никто не мог посягнуть: ни правительство, ни сам барин, ни сельское сообщество. Другой надел предоставлялся ему сельской общиной и мог по сельскому приговору перераспределяться. Таким образом, будучи крепостным, крестьянин все-таки мог сам распоряжаться одной частью предоставленной ему в надел земли.

А с проведением аграрной реформы вся земля передавалась в общинное пользование. Община, как и прежде, оставалась вправе по сельскому приговору перераспределять наделы. Таким образом, став свободным, крестьянин уже полностью терял право распоряжаться своей землей. Теперь весь его надел целиком принадлежал общине. Кстати, Карамзин (несомненно, подлинный либерал) еще в начале XIX века возражал против скоропалительного освобождения крестьян именно потому, что предвидел такое изменение положения крестьянина как хозяина, а, следовательно, в большой степени и как гражданина.

К сожалению, почти всё тогдашнее общество было сторонником сохранения общины. Революционеры и радикалы видели в общине зачатки грядущего социализма. Бюрократы стремились сохранить общину как элемент полицейского давления (по принципу круговой поруки). Оказавшие сильное влияние на ход реформ, славянофилы поддерживали общину как исконную земскую традицию, не заметив, что община уже

изувечена двухвековым крепостничеством. Против общинного наделного землевладения выступали только либералы-западники. Как раз в этой ситуации они были правы, но остались в меньшинстве. И распутывать данный узел, препятствующий воссозданию гражданского общества в России, пришлось уже в начале XX века.

Однако другие реформы Александра II были проведены значительно удачнее. Это были земская, городская, военная и судебная реформы. Причем первые две можно считать одной реформой – реформой, вновь устанавливающей самоуправление.

Воссозданная в 1862–64 годах низовая демократия была весьма ограничена. Более того, положа руку на сердце, можно смело утверждать: она была даже ограниченнее демократии XVII века. И всё же это была демократия. Она была ограждена довольно жесткими цензами. Цензы гарантировали в земских учреждениях сохранение позиции помещиков. Так, избирательные нормы для землевладельцев были наиболее свободными, для городских домохозяев уезда – жестче, для крестьян – еще жестче. Можно считать недостатком и то, что в уездные земские учреждения землевладельцы и городские домохозяева избирали своих представителей на одностепенных прямых выборах, а крестьяне – на двухстепенных (сначала на волостной уровень, и только затем на уездный). Соответственно подобные выборы в губернские учреждения для первых двух курий становились двухстепенными, а для третьей – трехстепенными.

Всё это так, и всё это оправдано и культурно, и социально. Ввести равенство представительства в середине XIX века означало полностью растворить самый высококультурный элемент общества – элемент дворянский – в крестьянском море. Это было бы резким разрушением пусть не самых удачных, но все-таки уже сложившихся традиций, разрушением петровского масштаба. И, тем не менее, в земских учреждениях дворяне, мещане и крестьяне впервые после полуторавекового перерыва стали заседать вместе и вместе решать дела, представлявшие интерес для всех них.

Земская реформа за первые полвека своей истории дала блистательные результаты. В России значительно улучшились дороги. Дворянские выборные учреждения екатерининского времени были совершенно не способны заниматься дорогами, а многословные земские учреждения занимались ими со вкусом, с интересом. Россия в начале XX века имела одну из лучших в мире систем агрономического и ветеринарного обеспечения, уступая лишь Италии, а ведь ею занимались только земства. Россия резко улучшила свою систему здравоохранения, о чем любой образованный человек знает из беллетристики Антона Чехова и Михаила Булгакова. Но, пожалуй, самыми грандиозными были успехи в области народного образования.

Еще Пушкин писал, что конфискацией церковных имуществ Екатерина II погубила дело народного образования на 100 лет вперед. И действительно, епархии и монастыри вынуждены были закрыть свои школы, которые не на что стало содержать. Постепенно представители дворянского сословия оказались втянутыми в светскую систему обучения. Со временем и духовенство нашло выход за счет развития системы духовных училищ и семинарий. А вот крестьянин в XVIII и XIX веке гораздо чаще был неграмотен, чем в XVII веке.

Теперь же земства открывают школы. В основном, это двухклассные народные училища, а иногда и одногодичные школы грамоты. В итоге доля грамотных стремительно возрастает. К 1908 году в России ежегодно вводится по 10 000 школьных зданий. В 1908 году принимается первый в нашей истории Закон о всеобщем обязательном начальном образовании. Кстати, в начале XX века большинство начальных школ уже четырехклассные. Правительство этим, конечно, тоже занималось. Этим занимались и церковные инстанции. Однако пример показывали именно земства, они задавали тон. Больше всего открывалось земских школ.

Земства, несомненно, способствовали увеличению числа ответственных граждан, которые, имея опыт в местном самоуправлении, тем самым имели опыт нормальной политической деятельности. Заметим, что император Александр

II был убит народолюбцами именно в тот момент, когда готовился подписать указ о созыве Государственной думы, что добавило бы к монархической и аристократической составляющим верховной власти в России еще и демократическую составляющую. В 80-е годы прошлого века то было уже вполне уместно. Ведь прошло 20 лет с начала реформ. Исторически 20–25 лет есть возраст поколения. То есть, как раз сложилось поколение людей, которые могли бы занять кресла в восстановленном российском парламенте.

К процессу восстановления гражданского общества имеет отношение и военная реформа. Русская армия со времен Петра I комплектовалась рекрутским набором исключительно за счет крестьянского сословия. Однако, уравнивая в политических правах граждан России, уже нельзя было возлагать военную службу в основном только на крестьян. Потому вводился обычный для европейских государств того времени Закон о всеобщей воинской обязанности. На практике, правда, были очень большие исключения; в частности, на службу не призывался единственный сын в семье. Военная служба всегда была необходимым элементом построения гражданского общества. И такой закон – существенный шаг в этом направлении.

Но наибольших похвал заслуживает, конечно, судебная реформа. В России было восстановлено состязательное судопроизводство, гласный судебный процесс. Введен по англосаксонскому образцу институт 12-ти присяжных заседателей. Появилась профессиональная адвокатура. Более того, русские судебные уставы были лучше западноевропейских, так как при их создании весьма широко использовалась не только современная западная практика, но и западная правовая мысль. Например, в случае явной ошибки присяжных, совершенной не в пользу подсудимого, судья мог отменить приговор. Однако судья не мог этого сделать, если присяжные ошибались в пользу подсудимого. Такое было возможно далеко не во всех странах. Русский прокурор, в ходе процесса убедившись в невиновности подсудимого, мог отказаться поддерживать обвинение, чего не мог, скажем,

прокурор французский. Вне всякого сомнения, русский суд следует признать необычайно удачным. А о том, насколько он способствовал фактом своего существования росту правосознания в обществе, свидетельствует мемуаристика эпохи. Лучше всего по этому поводу посмотреть «Дневник писателя» Достоевского за несколько лет подряд.

Иногда реформы Александра II называют либеральными и западническими. Они, конечно, были либеральны, поскольку способствовали развитию самостоятельности личности, в том числе и в хозяйственной области, с чего собственно и начинается любой подлинный либерализм. Но признать их западническими довольно трудно, зная, что они восстанавливали земскую традицию, имевшую ранее многовековую отечественную историю; зная, что они действительно использовали западноевропейский опыт в создании судебных уставов, но восстанавливали правовые нормы, которые тоже имели глубокие исторические национальные корни. Скорее можно было бы с похвалой назвать Александра II реакционером в том смысле, что его реформы явились реакцией на искажение социальной системы и посягательство на русскую культуру в течение XVIII и первой четверти XIX веков.

НАЧАЛО XX ВЕКА

Общеизвестно, что в последней четверти XIX столетия Россия, преодолев негативные последствия Великих реформ, входит в полосу экономического подъема, сменившегося в начале следующего века хозяйственным взлетом. На этом фоне мы наблюдаем и грандиозный культурный расцвет.

Однако не менее заметны и негативные элементы в сложной картине эпохи. Нужно только помнить, что эти элементы не порождены последним периодом в истории дореволюционной России, а имеют долгую предысторию в XVIII, а частью и в XIX веках. Уже более двух веков длилась жизнь русского западничества, раскалывавшего, как мы видели, культурное пространство страны. Сначала XIX века русские пребывают в фазе этнического надлома, способствующей снижению внутренней солидарности каждого народа. Наконец,

по крайней мере, с середины XIX века можно с сожалением констатировать действие антисистемы или группы антисистем. Всё это объективно приводило к наличию разрушительных тенденций, осложненных уже рассмотренными нами ошибками в проведении Великих реформ.

Таким образом, блистательный расцвет, могший иметь весьма длительные последствия, не более закономерен, чем начало Русской революции, обычно именуемой «Первой русской революцией». Каковы же основные социальные тенденции в этот странный период выбора между процветанием и деструкцией? Крупных тенденций было две: думская реформа императора Николая II и аграрная реформа П.А. Столыпина.

Созыв Государственной думы, несомненно, представлял собой прямое продолжение реформ середины XIX века, однако, подготовленный на фоне революционных событий, впитал политическую обстановку момента. По никому не известным причинам были гарантированы места рабочим депутатам, которые представляли слои общества, не имевшие опыта земской деятельности. Правительство небезуспешно боролось с революцией, но широким жестом допускало участие в выборах революционных партий и политических групп, прямо не осуждавших террор. Русская традиция знала только опыт беспартийной демократии, и потому следовало максимально затруднить партийный способ выдвижения кандидатов, тем более что единственными партиями, обладавшими некоторым опытом организационной работы, были партии социалистические. Тем не менее, серьезных попыток провести избрание Думы на земской основе предпринято не было. В то время, как в западноевропейской политической практике партии складывались через десятилетия, а иногда и века после начала парламентаризма, наши партии формировались подобно печально памятным партиям французского революционного Конвента. Отмечавшийся современниками «яд партийности» разлагал не только Первую и Вторую думы, но и сделал беспомощной Четвертую в дни февральских событий 1917 года.

Что же касается Столыпинской реформы, то она и задумана была, и проводилась в высшей степени успешно. Здесь нас

интересуют лишь ее социальные следствия, а они таковы: в ходе реформы значительно увеличивались средние слои – необходимая опора гражданского общества. Но рассчитанная примерно на 20 лет аграрная реформа должна была завершиться в середине 20-х годов. Деструктивные силы еще раз опередили, как и в 1881 году...

Русская революция, особенно ее большевицкий этап, была частью осознанно, частью невольно направлена на разрушение русской культуры. Потому ее социальная практика лежит полностью вне русской традиции. Впрочем, эта практика лежит за пределами любых правильных форм, оставаясь в пределах аристотелевых искажений (олигархии, охлократии, тирании и снова олигархии). Но как показывает история, стереотипы социальной жизни России, имеющие под собой прочную культурную основу, устойчиво воспроизводятся и, весьма возможно, будут воспроизведены еще раз – по случаю окончания Русской революции, то есть на наших глазах.

Пока же уровень бюрократизации превосходит всё когда бы то ни было достигнутое в этом направлении на Русской земле – не только петровский, но даже советский уровень. Но это не значит, что подобное развитие государства устраивает общество. И общество в ближайшее время наверняка заставит государство ощутить, что оно – государство – есть, прежде всего, обслуживающий общество персонал. До этого наше общество уже созрело.

Сядут ли козлища справа?

Статья 1999 года.

К сожалению, приходится признать, братья и сестры, что нас в очередной раз обокрали. У нас в очередной раз крадут наши идеи. Так уже бывало. Нетрудно вспомнить, как леворадикальные разрушители Отечества отобрали у нас флаг России, еще не признанный тогда официально, а потом и герб. И затем они долго решали, следует ли лишить его корон, державы, скипетра, или все-таки сохранить его историческое начертание. Кстати, не сохранили. На действующем государственном гербе Российской Федерации отсутствует символика святого апостола Андрея Первозванного, первого крестителя Руси.

И вот у нас снова крадут. Как украли идеи, мысли во время прошлой избирательной кампании 1995–1996 годов, когда противоборствующие стороны – и Ельцин с президентской командой и властными структурами, и Зюганов с коммунистической оппозицией – состязались под теми самими словами, знаменами, лозунгами, которые были созданы патриотическими политиками и за которые двумя-тремя годами раньше человеку вешали на шею ярлык фашиста. Но нет, им всё пригодилось, теперь все стали патриотами. И самое печальное, что патриотами стали и нынешние, и бывшие разрушители Отечества. А теперь у нас крадут достойное имя «правых».

Всегда ли так было? Конечно, нет! Во времена горбачевской «перестройки» ее «прорабы» именовали себя «левыми», то есть революционными, а «правыми» звали коммунистов. Но насидевшись у власти, они решили сами стать «правыми». И теперь коммунисты – это «левые», а радикалы Явлинского и даже, смешно сказать, радикалы Гайдара – это «правые» или даже «правая оппозиция». Безобидно ли это?

Посмотрите сами, как это звучит для русского слуха. Ведь понятия «правый», «правая партия», «правые движения», «правый политик», «правый идеолог», «правый общественный

деятель», «правый профессор» – всё это связано для русского человека с замечательными словами – «право», «правда», «правосознание», «справедливость», «Православие», «праведник». Наконец, «правым подобает похвала» звучит в богослужебном тексте.

А с чем ассоциируется понятие «левый»? Ну, разве что со словосочетаниями «загнать налево» и «сходить налево». «Левый доход», «левые деньги»... Вы чувствуете? Это всё не может не действовать на вас, особенно на уровне подсознания, когда вы даже не анализируете, что вам сказали. «Правый» значит приличный.

Посмотрите на нашу русскую словесность. В ней «правый» соотносилось всегда с непогрешимостью или хотя бы благочестием. В словаре Даля мы читаем: «правый – прямой, истинный, чистый, непорочный». Но есть гораздо более высокий авторитет – авторитет Писаний. В 25-й главе Евангелия от Матфея сказано: «Когда же придет Сын Человеческий во славе Своей и все Святые Ангелы с Ним, тогда сядет на Престоле славы Своей. И соберутся перед ним все народы, и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов. И поставит овец по правую Свою сторону, а козлов – по левую». И много раз и в Писании, и в Предании мы читаем, что Сын Человеческий восседает на Престоле Славы одесную Отца (посмотрите наш православный Символ веры).

Кого же исторически называют «правыми»? Довольно разных по своим убеждениям лиц. Правые – это прежде всего монархисты, но также – националисты, фашисты, английские консерваторы, итальянские либералы, германские христианские демократы. Правыми партиями в дореволюционной Государственной думе были монархисты и русские националисты – весьма достойные люди. И мы видим, что «правыми» бывают разные люди, одни симпатичные, другие – нет. Хотя, если признаться, правые всегда симпатичнее левых.

И все-таки, что же, собственно, объединяет правых, в том числе и тех, с кем мы не хотели бы, может быть, быть одинаковыми? Думаю, можно дать строгое определение. Левый бывает традиционен, но прогресс ему всегда дороже традиции.

Правый бывает прогрессивен, но традиция ему всегда дороже прогресса.

Говорят о правых радикалах и даже правых экстремистах. Это не то, что приличествует христианину. Однако и даже правый экстремист – это всего лишь тот, кто стремится самыми радикальными мерами восстановить разрушенную традицию. В то время как левый экстремист, в том числе и коммунист, – это тот, кто стремится радикально сломать традицию. Вдумайтесь, и всё станет понятным! У нас сейчас почти нет правых политиков среди тех, которых представляют нам СМИ, и почти нет правых политиков, кроме считанных единиц, в Думе. И мы должны думать об этом сейчас, дабы уже на ближайших выборах в Думе стало заметно присутствие подлинно правых политиков. Правых! Ну, а нормальным плодом нашего покаяния перед лицом Господа за всё, что мы позволили сделать с Россией, оказался бы в ближайшие два года во главе государства правый деятель, то есть если и не праведный, то стремящийся к праведному образу правления, к праведной жизни. И это возможно. У Господа всё возможно и, как сказал любимейший наш князь, святой благоверный Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде!»

Сейчас же есть одни левые и другие левые. Предлагаю именовать левых вчерашнего дня, то есть всевозможных коммунистов и тех, кто так не называется, но практически являются коммунистами, как «Аграрная партия», «заднелевыми», потому что их день был вчера, а нынешних властителей именовать «переднелевыми», ибо власть их сегодня.

Заметьте, в таком собрании невозможно быть центристом. В центре чего может находиться политик, если все – левые? На боковой откинутой подножке? Но такой политик всегда проиграет. Это и предостережение, и совет к размышлению общественным деятелям, политикам и избирателям, которые подумывают о центризме. Вот когда у нас будет настоящая правая партия, желательно правая большинства, вот тогда станет возможным и центризм.

Хочу предостеречь. Хотя национализм – это достойная позиция, мы не можем признать правым даже националиста, если он не православный или, тем более, враждебен к Православию. Это вытекает из предложенного выше определения, ибо не может правый испанец не быть римским католиком. Конечно, у него может быть православная душа, он может стремиться к Православной Вселенской Церкви, он может стремиться, наконец, чтобы католичество эволюционировало не в сторону протестантизма, а в сторону Православия. Но быть врагом своей Церкви он не может. Не может правый англичанин не быть англиканином. Не может правый русский не быть православным, пусть и не вполне церковным, но, по крайней мере, искренним и глубоко уважающим стержень нашей традиции, нашей культуры, нашей жизни – Православие.

Вот, пожалуй, и всё. Вот с этими критериями вам будет очень легко ориентироваться в том, что преподносят вам другие, не правые, а левые.

Таврия как часть исторической России

27 февраля 2004 года Экспертный совет Комитета по международным делам Совета Федерации провел заседание по историческим и актуальным проблемам Крыма (Таврии). С докладом на тему о политической истории Таврии выступил Владимир Махнач.

Очерки последней двухтысячелетней политической истории Таврии будут представлены, естественно, пунктиром в виде важнейших узлов, которые имеют отношение к современной этнокультурной и этнорелигиозной ситуации в Таврии. Это естественно, потому что на всё остальное не хватило бы времени, и я заранее готов принять любые претензии, если что-то принципиально важное упущу. В какой-то очень маленькой степени, это будет относиться к нынешним российско-украинским отношениям в связи с проблематикой Таврии (Крыма), а в большей степени в виду претензий и наличия реального крымско-татарского населения полуострова.

Итак, Таврия – чрезвычайно желанная и чрезвычайно доступная территория. Мнимая защищенность ее Перекопским перешейком многократно была опровергнута. Полуостров абсолютно открыт с моря, в том числе с мелководных заливов. Даже сухим путем через Сиваш Таврию достигли впервые не войска Фрунзе в 1920 году, а войска российского фельдмаршала, ирландца по происхождению, Ласси в царствование Анны Иоанновны. Они прошли Сиваш и доказали всем, что он проходим. Потому кто только на полуострове не побывал!

Смотрите, совершенно загадочные «тавры». Мы не знаем, что это за народ. Тем не менее, они оставили свое имя в названии земли. Затем киммерийцы, скифы. Эти уже более представимы. И те, и другие – индоевропейские, или иначе арийские народы. Были сарматы, одни из предков славян. Были там греки античные и греки византийские. Были там римляне. Кстати византийские греки называли себя римлянами – «ромеями». Были там готы, имевшие на полуострове

небольшое королевство в конце IV века нашей эры. Проскользнули, но все же заглянули в степную часть полуострова гунны при своем продвижении в Европу, продвижении на Запад. На протяжении веков там жила значительная армянская колония. Там жили иудеи, причем разные. Из них загадочными являются иудеи-крымчаки, говорившие на тюркском языке, но, тем не менее, ортодоксальные, талмудические иудеи. Кажется, они рассеялись и прекратили свое существование, их было несколько сотен всего в XX веке в годы Великой Отечественной войны.

Жили караимы, то есть иудеи неортодоксальные, отвергающие Талмуд, несомненные потомки хазар. Владели территориями в восточной части полуострова и сами исторические хазары. И, наконец, к этому добавим, что славяне и русы жили там, по крайней мере, с I-II века нашей эры. Это подтверждается археологическими находками фатьяновской культуры протославянского происхождения. И виднейший таврический и причерноморский археолог наших дней Сергей Александрович Беляев мне говорил, что сомневаться в ранней жизни славян в Крыму может только человек абсолютно наивный. Там свидетельства встречаются на каждом шагу. Это чрезвычайно важно отметить вне зависимости от того, какие имеются отличия у современных великороссов и украинцев. Одни считают, что эти отличия – на этническом уровне. А я позволяю считать себе, что эти отличия – на субэтническом уровне. И вообще мы представляем собой единый русский народ, а субэтнотосов у него много. Есть, в конце концов, не похожие друг на друга поморы и донские казаки, но и те, и другие соглашались с тем, что все они русские. Так вот, вне зависимости от того, два это народа или один, наши общие предки славяне и русы жили в Таврии в I и II веке нашей эры.

Должен заметить, отводя упрек мне, как последователю Льва Николаевича Гумилева, что здесь дело не в Гумилеве. Его научные противники, скажем, Борис Александрович Рыбаков и недавно еще читавший лекции в университете Аполлон Григорьевич Кузьмин соглашались как с тем, что славяне и русы

– это два разных народа, так и с тем, что в первом тысячелетии нашей эры славяне – это отнюдь не языковая группа, а единый народ. Сейчас это не так, но тысячу лет назад это было так. Строго говоря, даже 800 лет назад, видимо, это еще было так.

Итак, наши общие предки, несомненно, жили на полуострове. Они оставили там следы своей деятельности. В VIII веке новой эры славяне и русы под водительством новгородского князя Бравлина (это, безусловно, не Новгород на Волхове, это какой-то из южных городов, носивших имя Новгород), берут город Сурож и дурно себя ведут в нем. Сурож, греческая Сугдея, – это нынешний «Судак» в Крыму. Таким образом, один таврический князь взял другой город Тавриды.

На рубеже VIII-IX столетий славяно-русское войско пересекает Черное море для того, чтобы взять и ограбить город Амастриду на южном берегу Черного моря, то есть на северном рубеже близ Эрзурума, на северном рубеже нынешней Турции.

В IX веке славяно-русская рать из Причерноморья берет Бердаа, близ нынешнего Дербента, город уже на Каспии, продемонстрировав тем самым впервые, что предгорья Северного Кавказа легко проходимы для армии как из Причерноморья в Северный Прикаспий, так и наоборот.

В X веке отмечается Святослав Игоревич, всем уже вполне известный исторический киевский князь, который в 965 году, по всей вероятности, оказался на столь важном теперь из-за проблемы Тузлы Керченском проливе и взял Тмутаракань.

Здесь очень интересная деталь. Петербургский исследователь, профессор Гадло, анализируя археологические раскопки Тмутаракани на Таманском полуострове, пришел к интересному заключению. Дело в том, что в середине X столетия Тмутаракань была взята как-то очень странно. Ее стены остались неповрежденными, а цитадель, находившаяся внутри города, была разрушена. Гадло пришел, на мой взгляд, к убедительным выводам, что это, конечно, Святослав (других крупных походов того времени неизвестно), которого впустило местное население в пределы Тмутаракани. То есть, местное население было родственным киевской рати, славяно-русским. Что касается цитадели, то там сидел хазарский гарнизон, и ее

пришлось брать. Если не принять доводы, аргументы Гадло, опубликованные еще в начале 80-х годов теперь уже минувшего века, тогда придется предположить, что Святослав пересек внешнюю линию обороны на вертолетах или хотя бы на аэростатах для того, чтобы потом брать цитадель.

В 988 году сын Святослава Владимир Святославович, Креститель Руси, в конфликте с Византией берет город Херсонес Таврический, то есть административный центр византийских владений на южном побережье Таврии. Опять-таки, Владимира впустили в Херсонес, причем впустил священник, херсонесит по имени Анастасий, в нашем раннем варианте летописи – Настас. Представить себе ромея, тем более священника, который сдает город варварскому князю я, простите, не могу. Но можно представить себе, что это сделал православный священник, зная, что Владимир изъявил за несколько месяцев до того твердое желание креститься, то есть был формально оглашенным, готовился ко крещению. Если он к тому же был славянином или русом, то это представить я тоже могу. Тем более, что он потом служил в Киеве, куда отбыл с Владимиром.

В следующем, одиннадцатом столетии, херсонесский епарх, то есть гражданский начальник, будучи в гостях у Тмутараканского русского князя на пиру, его отравил. После того епископ не впустил его в Херсонесе в соборный храм, а затем он был убит возмущенной толпой. Я могу представить себе, что кому-то не нравится вероломное убийство человека, будучи в гостях, на пиру, на приеме. И нам бы с вами не понравилось. Но убить за это своего, опять-таки, для меня не представимо. Но если значительная часть херсонесского населения, подданных Византии, были славянами, тогда это становится представимым. Каждый из этих фактов доказать невозможно. Зато все они, вместе взятые, выглядят крайне убедительно. Убедительный «пучок».

Итак, мы видим, что в домонгольский период славянское и русское население живет на территории Таврии, которая тогда называлась Таврия, Таврика, Таврида и продолжала так называться, сразу забегая вперед, до шестнадцатого века

нашей эры, даже включая начало шестнадцатого века. Она не меняла своего названия. Это прибрежная зона полуострова, огражденная невысокими, лесистыми горными хребтами от северных ветров. Климат прибрежной Таврии от климата внутренней Таврии отличается разительно, что, наверное, многие из вас знают по собственному опыту, по опыту собственной кожи. Помню, как пару лет назад я был в Ливадии в феврале. Это был какой-то курорт. Днем люди ходили в костюме, просто в костюме. А в то же время в степной зоне дули свирепые ветры и морозец ударял. Византийцам не нужна была внутренняя часть полуострова, тем более, что они, блестящие администраторы и военные, несомненно, знали о незащищенности полуострова Перекопом. Они предпочитали защищать горные перевалы. Кто же жил внутри полуострова тысячу лет тому назад? А этого никто не знает. С точки зрения этнологии, скорее всего, никто. Хотя там были городки, там были горные пещерные города, имевшие наземные постройки. Но все хозяйственные помещения занимали пещеры. С эпохи Иконоборчества (это восьмой век, начало девятого века), когда почитатели икон были вынуждены бежать из Константинополя, там были горные монастыри, дошедшие, сохраненные в какой-то степени до наших дней, а некоторые из них и действовавшие до революции, как Успенский монастырь близ Бахчисарая, теперь восстановленный, слава Богу.

Кто же там жил? С точки зрения этнологии, никто. Этнический субстрат. Но для нас очень важный. То есть, реликтовые осколки киммерийцев, скифов, сарматов, славян, готов, может быть, гуннов, а может быть, даже давно уже исчезнувших тавров. Люди без твердой этнической принадлежности. Вы скажете, что все имеют этническую принадлежность. Да, естественно, можно было и через полтысячи лет после существования готского королевства, продолжать считать себя готом. Хотя готом был дед, а бабушка, его супруга, была гречанкой, а мама вообще была из заскочивших ненадолго гуннов. Но так, по наследству, можно было считать себя готом. Как, например, многие русские люди, которые в фамилии хранят представление об отдаленном,

забытом предке, – Татаринов, Черемисин, Мордовцев, Башкирцев и так далее. Им же несть числа. Все они – русские люди. Но память о предке – вот она, фамилия держит!

Там жил этнический субстрат. Они не высывались за пределы внутренней части полуострова. А византийцы к ним наведывались и местную торговлишку с ними вели, но не стремились присоединить эту обузу к территории империи и продолжали твердо владеть побережьем. Основная их территория – примерно от Фороса до Керчи. И, видимо, значительной частью населения были все те же потомки славян и руссов, но эллинизированные, принявшие православие и говорившие по-гречески.

Еще одно важное подтверждение древнейшего пребывания славян на этой земле. Давно известные названия городов искажает каждый, как ему угодно. Для кого-то Рим – это Рома и женского рода, для нас – Рим, а для поляков – Жим. Что делают в разных языках с Москвой, сами изволите знать. Но каждый народ имеет свое собственное название города, только если он в этом городе живет или жил. Заметьте: Пантикапея, Боспор, Воспоро имеет и старинное русское наименование – Корчев, ныне Керчь. Значит, наши предки там жили в глубочайшей древности, о которой мы говорим. Сугдея, которую итальянцы называли «Солдая», а мы сейчас – не от большого ума – по-татарски «Судак», имеет славянское имя Сурож. Значит, опять-таки, наши предки там жили. И торговые корпорации в Москве и Твери в четырнадцатом и в пятнадцатом веке, ведущие черноморскую торговлю, так и назывались – «гости-сурожане». Не потому, что они из Сурожа. Нет, они отсюда. Но они держали в руках сурожскую торговлю, кстати, мы теперь почему-то считаем не нужным держать ее в своих руках. А нам есть, чем торговать на Сурожской земле.

Что происходит затем? В середине тринадцатого века на полуострове появляются ордынцы, как они появляются у нас, как они появляются на Кавказе. Идет продвижение Орды. Еще даже не Золотой, и даже не Большой, а войск Улуса Джучиева, по имени Джучи, старшего сына Чингиза. Результат этого очень разный. В разных местах – очень разный. Нас с вами сейчас это

не интересует. Интересует только то, что у нас в итоге ордынского захвата Волжской Булгарии начинается новый виток этногенеза и образуется этнос волжских или точнее казанских татар, потомков как булгар Великого Булгара, так и ордынцев. Но в большей степени, конечно, булгар.

А в Таврии происходит иное. Там тоже результатом появления Орды открывается новый виток этногенеза. Но образуется совершенно другой этнос «крымских татар», которые чисто случайно носят то же наименование в русском языке, что и волжские. Это принципиально разные народы. Общее у них только то, что они тюркоязычны. Напомню вам, что в досоветское время не было азербайджанцев. Их в советское время придумали. А были кавказские татары. Этнос крымских татар образуется в итоге этногенеза, начатого вторжением Орды и смешением ордынцев с тем самым непонятным внутренним субстратом горной и степной Таврии во второй половине тринадцатого столетия. Кстати, в конце тринадцатого столетия происходит и первый конфликт ханства, которое назовет себя «Крымом», с Большой Ордой на Волге. То был конфликт хана Менгутимира Четвертого, считая от Батыя, хана Большой Орды, с Темником Ногаем, который владел причерноморскими землями. Конфликт длился довольно долго. Развязывать его довелось преемнику Менгутимира хану Тахте.

Теперь становится ясным, чего стоит замечательное утверждение, появившееся полгода назад в крымско-татарской газете! Там есть замечательное напоминание современного крымско-татарского автора, что русские должны быть всем обязаны крымским татарам, потому что у них они приобрели свою христианскую религию. Поправку на три века татарин забыл сделать. Владимир, действительно, крестился в Херсонесе в десятом веке. Но предки нынешнего крымского автора там появились в тринадцатом. Это бывает. В конце концов, теперь же стало научным открытием, что «украинская цивилизация насчитывает четыре тысячи лет» (!). И непосредственные предки украинцев, «укры», подарили свою высокую культуру египтянам. Вот с чем приходится иметь дело.

К сожалению, иногда политики реагируют на эту абракадабру с доверием.

Херсонес ордынским вторжением был разорен, затем восстановлен, но скоро захирел. Что же произошло в конце тринадцатого и в четырнадцатом веке? Обращаю ваше внимание, коллеги, что Орда Ордой, но в 1204 году крестоносцы взяли и разграбили Константинополь. В этом, 2004 году, году печальный восьмисотлетний юбилей, которому можно было бы здесь посвятить целое заседание, если бы высокое собрание сочло это возможным. Потому что на это событие слишком много завязано из последующих веков политики вплоть до наших дней. Это политическая дата – 1204 год. В 1261 году Михаил Палеолог, первый Палеолог, вышвырнул из Константинополя крестоносцев и восстановил Империю, которая до того сохранялась в азиатских фемах Византии. Таким образом, во второй половине тринадцатого века Византия вроде бы может снова владеть Таврией, но силенок уже не хватает. Энергичных византийцев не хватает. Начинается двухвековая агония, которая закончится турецкой оккупацией Константинополя в 1453 году, через два века без восьми лет, извольте заметить. Именно два века. В силу того ослабевшие василевсы отдают Таврию в аренду генуэзцам. Генуэзцы вели себя на южном побережье Таврии как мерзкие колонизаторы. Местное население их терпеть не могло, как греческое, в том числе, и потомки славян, так и армянское. А это примерно 50 тысяч человек, огромная колония! В армянских текстах четырнадцатого века, кстати, Таврию именуют иногда «Приморской Арменией». И есть армяно-крымская школа книжной миниатюры. Иудейская и полуассимилированная татарская диаспора на южном побережье была малочисленна. И все настолько генуэзцев не могли терпеть, что генуэзцы укреплялись на каждом шагу. Это великолепно сохранившиеся остатки стен Кафы Феодосия. Это консульский замок. Консула присылали из Генуи управлять в Солдае, (Суроже, Судак). А если проплыть вдоль Южного берега на катере, то время от времени вы будете видеть руины, нижние части башен, в которых когда-то укреплялись генуэзцы.

Степную часть, точнее скажем, степной и предгорный северо-восток Таврии занимало вассальное в отношении Сарая Крымское татарское ханство со столицей тогда в городке Крым, нынешнем поселке городского типа Старый Крым. Вот откуда имя. Полуостров ни в коем случае не назывался тогда «Крымом». А вот татарские владенья назывались «Крым». Они тяготились своим вассалитетом и хотели быть независимыми от Орды. И что характерно, в пятнадцатом столетии они были потому в дружественных отношениях с Москвой, которая тоже тяготилась своей подчиненностью Большой Орде. По правилу: «Враг моего врага – мой друг». То были нежнейшие отношения с крымскими татарами в пятнадцатом столетии. О том, почему они прекратились, буквально через несколько слов.

Наконец, западную часть полуострова занимало последнее православное княжество Феодоро (Богодарованное княжество). Оно обычно упоминается и в западноевропейских и в наших документах, как княжество Мангупское. Его столицей был Мангуп. На столовой, совершенно неприступной, с плоской верхушкой, горе Мангуп ныне мертвый город Мангуп. Относительно недалеко от Бахчисарая. Бывал там. Совершенно поразительное место. Столовая гора напоминает четырехпалую руку. Со стороны пальцев там три пояса укреплений, которые делали гору неприступной. А со стороны запястья никаких укреплений нет. Там отвесные скалы. Причем, в Мангупе были источники воды. Потому взять ее измором было чрезвычайно трудно. Там можно было ни один год защищаться. Князья мангупские были византийского происхождения. Безумно интересная династия Гавров. Они были православные огреченные армяне, которые попали в Таврию политическими ссыльными по подозрению в заговоре против императора. Но ссыльные оказались крепкими ребятами! Они основали династию и сколотили княжество. А население мангупское было, конечно, православным по вере, греческим по культуре и языку. Но греческим в тогдашнем смысле слова. Они опять-таки были потомки того самого странного таврического этнического субстрата. Но в том числе, и потомки наших предков, славян.

Москва уделяла серьезное внимание Таврии. Создатель единой России, первый наш царь Иоанн Третий Васильевич, был, среди прочих своих достоинств, типичный однолюб, который очень тяжело переживал потерю первой своей жены, тверитянки, и долго не вступал во второй брак. Так вот, когда овдовел, он даже рассматривал возможность заключения брака с мангупской княжной. В конце концов, он заключил выгоднейший брак с византийской гречанкой Зоей или Софьей Палеолог. Настолько серьезно относились тогда к таврической политике в Москве. Понимаете? Киев еще не планировался как стольный град, а Москва уже вела свою таврическую политику! Вот что я пытаюсь вам представить. И это факты. Здесь нет никаких моих домыслов.

Но всё получилось не так. В 1475 году, когда Орде оставалось существовать еще пять лет (стояние на реке Угре, гибель Орды – это 1480 год), на полуострове высаживается огромный, с артиллерией, турецкий десант. 1453 год – взятие Константинополя, 1461 – Трапезунда, независимого греческого православного государства, растянувшегося вдоль Южного берега Черного моря, тоже осколка Византии. И в 1475 году турки высаживаются в Таврии. Генуэзские колонии капитулировали сразу. И понятно, почему. Известно, что население Кафы, феодосийское население, пригрозило генуэзцам, что если город немедленно не сдадут туркам, то тогда сначала повесят всех генуэзцев, а потом сдадут город. Можно упрекнуть греков, армян и иудеев в недалёковидности. Турки-то оказались хуже генуэзцев! Но их нельзя упрекнуть в неблагодарности. Слишком натерпелись. Это подобно тому, как в обеих мировых войнах ирландцы в какой-то степени поддерживали Германию, в чем я никак не могу упрекнуть ирландцев при всей моей любви к англичанам. Слишком натерпелись. Короче, турки взяли и Мангуп, столицу княжества Феодоро, которое не успело, могло, но не успело распространить свою власть на весь полуостров. Город осаждали полтора года. Мангупская крепость, действительно, была непреступна, учитывая наличие воды, но продовольствие кончилось.

Так закончилось православие, православная власть. Но не православное население, заметьте. И в самые тяжелые времена крымско-татарского ханства, вплоть до ликвидации его во второй половине восемнадцатого столетия, не только существовало православное греческое население в городках южного побережья, но и сохранялись два-три монастыря. Успенский монастырь не был закрыт. Мусульмане его терпели. Его перестала терпеть советская власть. А так ведь он до двадцатого века дожил! Тот самый монастырь, между Бахчисараем и караимским городом Чуфут-Кале. Два километра пешком от Бахчисарая по чудесной, уютной, красивой дороге...

Итак, княжество Феодоро погибло. А крымские татары, пробыли примерно два десятилетия независимыми. Эта датировка возможна, потому что существуют крымские монеты этого времени без символики Большой Орды: то есть, они перестали быть вассалами, разорвали отношения с Сараем. Лет двадцать они были независимыми. А потом они стали вассалами уже Стамбула, «Падишаха Вселенной», как именовали тогда Османского султана.

Мне довелось в Ливадии, в присутствии, в том числе и нескольких, правда, дружественных крымских татар, на конференции, организованной Институтом стран СНГ, сказать, что мы были с крымскими татарами в наилучших отношениях, а столкнули нас турки. И вот сейчас, когда я вижу зримое свидетельство присутствия турок снова на полуострове, я готов предупредить крымцев: «Смотрите, еще ведь раз столкнут! И еще раз вы проиграете! Русские не проиграют. Пройграете опять вы». Это наши дни. Не надо быть даже специалистом по истории архитектуры, с чего я начинал свою профессиональную карьеру, чтобы видеть, что новые мечети на полуострове не татарского, а османского типа. Как, кстати, и новая соборная мечеть в Казани, которую сейчас отделявают в кремле. Везде видна турецкая «лапица».

И вот с этого турецкого десанта начинается трехвековой период, но скорее даже полуторавековой, потому что не с конца пятнадцатого начинается все это, а с начала шестнадцатого, когда русским приходилось строить засеки на южном рубеже,

лесные, лесостепные завалы из деревьев, с торчащими в сторону противника корневищами, защищаясь от набегов крымской конницы. Два с половиной века или немного дольше ежегодно крымцы угоняли рабов для продажи на константинопольских рынках, рабов из предков великороссов, которых теперь велено именовать русскими (а лучше – россиянами!), украинцев, которых теперь не велено именовать русскими, а заодно и поляков. Вся наша западноевропейская политика и в XVII и в XVIII веке была скована тем, что у нас на ногах висел камень крымский, а за ним была Турция, за ним была Османская империя.

Напомню вам, что в 1558 году Иван Четвертый достаточно неудачно и нелепо начинает Ливонскую войну. Чем это аукнулось? Через 13 лет, в 1571 году, идет кульминация Ливонской войны, и крымцы появляются под Москвой. А у нас почти все войска на западе государства. У нас войска на русско-литовской и русско-ливонской границе. В итоге Москва сгорела, кстати, сказать. Кремль и Китай-город невозможно было взять, там каменные укрепления. А Москву крымцы разорили. И, естественно, угнали пленных. Ополонились.

Это повторится в 1591 году, когда мы собирались вернуть и блестяще вернули (честь и слава тогдашнему царю Федору и тогдашнему правителю Борису Федоровичу Годунову!) себе выход, чтобы его снова потерять, к Балтийскому морю – Ижорскую землю, устье Невы. В 1571 году был Давлет-Герай, а в 1591 году под Москвой появляется Казы-Герай Крымский. И стоял он, между прочим, в Коломенском, что сейчас уже Москва, даже не самая окраина. Но то был последний крупный крымский набег. То есть, Крым (как государственное образование) становится орудием антирусской, антиправославной, антивосточнохристианской политики, всегдашней политики Османской империи, а иногда и Западной Европы.

Я писал в свое время, что мы не собирались брать Казань. Мы надеялись, что в Казани будет дружественная династия. И пока было так, мы не брали Казань. Но когда в Казани укрепилась крымская династия, Казань пришлось брать. Мы

могли бы потерпеть и Крымское татарское ханство. Но теперь в Казани сидел даже не агент влияния, а просто турецкий агент, нормальный турецкий агент. Вот этого потерпеть Москва не могла, не имела права! Честно говоря, и сейчас не имеет права. Хотя я и не решаю за всю Москву. Но не имеет!

Потом мы попытались так же поступить с Крымским ханством. В 70-е годы XVIII столетия идет первая русско-турецкая война императрицы Екатерины Второй. Фельдмаршал князь Долгоруков, который получает почетное наименование Крымский, берет Крым. Ханство сохраняют, уже Бахчисарайское ханство, потому что в XVII веке столица была перемещена из Крыма в Бахчисарай, новый город. Бахчисарайские власти подписывают по сути дела вассальный договор, который Россия вообще-то готова была заключать с кем угодно. Средняя Азия, например, по большей части не была территорией Российской империи до 1917 года. Она была территорией Эмиратов. Эмираты были суверенны. Но Эмираты обязались не становиться агентами английской политики. То есть, они обязались согласовывать свою внешнюю политику с Петербургом. На самом деле не только русские, а сама Россия была удивительно терпима всегда. Мы готовы были на этих отношениях сохранить и крымско-татарское ханство. Мы даже пригласили православных, недовольных мусульманской властью, переселиться, если они желают, в российское Причерноморье. Итог того переселения таврических греков – существующий и ныне город Мариуполь, которому, кстати, переселенцы-греки и дали название. Это ромеи, таврические греки. Они не из Эллады, они отсюда, основатели Мариуполя. Мы готовы были сохранить ханство, которое обязывалось согласовывать с нами свою внешнюю политику, то есть не иметь независимой от Петербурга константинопольской политики. Когда это было нарушено, а наши спецслужбы об этом сообщили, тогда пришлось за ненадобностью упразднить Крым. Обращаю ваше внимание: наименование Крым прилипло к полуострову в XVI веке, потому что он стал крымским владением. Он стал иметь Крым своей столицей.

Смотрите, что происходит в XVIII веке. Смотрите, до чего достойно было своего положения наше тогдашнее правительство и до чего неразумно мы ведем себя сейчас, безумно себя ведем. Долгоруков, который взял Крым, стал Крымским, а налаживающий там интересы Российской империи, уже владения Российской империи, Потемкин стал уже Таврическим. Появляется Таврическая губерния, Таврическая епархия православной церкви. До 20-ых годов XX века она и была Таврической. А в советское время, когда ее с перепугу восстановили в годы Второй мировой войны, она почему-то стала «Крымской»!

То есть, до революции 1917 года мы выступали как восстановители того, что было. Мы выступали как законные владельцы земли, где весьма вероятно действовал первый Креститель или Первокреститель Руси Апостол Андрей Первозванный. Это легенда. Мы не можем это доказать. Подписи Апостола Андрея там нигде нет, но церковное предание абсолютно правдоподобно. Христианство оставило археологические следы в Таврии не позднее первых лет II века. Раз археология дает нам начало II века, значит, в I веке там появились первые христиане. Вот вам и Апостольский век.

Мы в XVIII веке восстанавливали владения православных и наших предков славян и русов 18-вековой давности. Потому – Таврия. Потому – восстановление исторических имен. Потому возвращается Феодосия. Город назывался в греко-римской Древности в мужском роде – Феодосий. Потому – Феодосия. Потому – Евпатория, напоминающая о том, что некий Митридат Евпатор некогда владел полуостровом.

То есть, наши права на полуостров никогда никем не оспаривались. А сейчас они оспариваются Киевом. Что можно по этому поводу сказать? Никогда ни Великое княжество Литовское, ни Гетманская Украина в составе Речи Посполитой или кратко временно в разрыве с Польско-Литовской державой, не владели черноморскими землями! Причерноморскими землями владели частично наши общие предки славяне, общие заметьте, не с украинцами, которые для меня просто другие русские люди, а общие с поляками. Да, владели. Потом не

владели. Потом Российская империя, подданными которой были как предки великороссов, так и предки украинцев, вернула нам Причерноморье. Все вернули! Вернула тогда, когда ни один украинец не знал, что он «украинец». Украина существовала, она упоминается впервые в летописи в XII веке, а слово «украинец» придумал на австрийские денежки австрийский прихвостень Иван Франко с товарищами во второй половине XIX столетия. Ну не было такого слова!

Я однажды возразил главе правительства Николаю Рыжкову. Наш диалог шел по радио. Ему задали вопрос в прямом эфире: «Николай Иванович, не следует ли признать, что все-таки то была ошибка – создание Советского Союза, то есть бомба замедленного действия, заложенная под наше государственное пространство, под нашу государственную территорию?». «Нет, что вы!», – ответил честнейший, с моей точки зрения, Николай Иванович, к которому очень хорошо отношусь, – «Нет, что вы! Если бы мы того не сделали, наши братья украинцы и белорусы отказались бы жить с нами в одном государстве». Через два дня я ему по радио ответил: «К сожалению, Николай Иванович вам солгал, но он в этом не виноват, виновато школьное образование его, мое и ваше. Дело в том, что в 1921–1922 годах, когда решался вопрос о Союзе, все украинцы жили в составе Польши, а малороссов еще не успели убедить, что они «украинцы». Это было менее 100 лет тому назад».

Так вот эта территория была возвращена в наше законное владение русскими штыками. Замечу, что пехота у нас тогда была исключительно великоросской. Потому именно русскими штыками и украинскими саблями, если хотите. Малороссы призывались на флот, в том числе с самого начала на Черноморский флот, и в кавалерию. В пехоте и артиллерии вообще хохлы не служили, прошу прощения. Служили только великороссы. Мы вместе возвращали, Российская империя вернула наши общие земли.

Ну, а что касается крымско-татарской проблемы, то они 700 лет там живут. Я отвечаю здесь только за свои слова. Я знаю все их «подвиги» (преступления) в годы Второй мировой войны.

В принципе Сталин мог бы не депортировать (интернировать) крымских татар, а по закону военного времени мог устроить массовые расстрелы. Он гуманно с ними обошелся. Я знаю места, где были целиком уничтожены греческие деревни.

Отдадим должное немецким офицерам. Немецкие власти судорожно одергивали крымско-татарскую полицию. Немцы защищали местное население от крымцев! Такие вот «фашисты проклятые». Я знаю. Но, что же делать?! 700 лет они там жили. Когда я где-то в 1977 или 1978 году оказался в столовой с крымским татаринком, стариком, он, плача, рассказывал, что приехал из Казахстана посмотреть на свой дом. Мне было его жаль, я был на его стороне. Он не мог задержаться, он мог приехать и уехать. Но как только поднимается вопрос об автономии татарского Крыма, то, извините, его поднимают потомки оккупантов, потомки работоторговцев, которые наших с вами предков два с половиной века увозили на невольничьи рынки. И реагировать на это можно только так, как реагируют цивилизованные люди на угрозу вооруженного мятежа. Нет у них, и никогда не будет прав на автономию после тех рабов и тех невольничьих рынков.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА НА КРУГЛОМ СТОЛЕ

Олег Барабанов (Российский институт стратегических исследований): Я разделяю ваш пафос. Но вывод один – денонсация Большого русско-украинского договора. Давайте просчитаем последствия того. Нужно нам это или не нужно? У меня нет ответа. Мне кажется, с практической точки зрения, даже если мы разорвем Большой русско-украинский договор, Крым вряд ли станет российским. И события на Тузле показали, что мы не готовы идти на пролом до конца. Возникает вопрос: что лучше или что менее плохо для нас: украинский Крым или турецкий Крым? Альтернатива украинской Таврии – не российская Таврия, а турецкий Крым. Может быть, не стоит мутить воду?

Владимир Махнач: У меня тоже нет ответа в данном случае, хотя о денонсации этого Большого договора разговор шел неоднократно. Напомню, что он был ратифицирован Государственной думой с большим трудом в силу того, что

депутаты Коммунистической партии единодушно поддержали эту ратификацию. И депутат Горячева тогда сказала, что они, безусловно, будут его поддерживать, потому что это означает поддержку их братьев-коммунистов Украины. Как всегда коммунисты, с моей точки зрения, поступили как интернационалисты, то есть враги русского народа. У меня тоже нет ответа. У меня есть только одно соображение, что нам надо называть вещи своими именами, в частности, называть Крым – Таврией, и противодействовать устремлениям украинофилов соответствующей преподавательской деятельностью, соответствующей пропагандой, соответствующей книгоиздательской политикой уже сейчас.

Мы не всё можем делать, что должны были бы делать. Но я всегда напоминаю, что когда мы подписывали достаточно для нас унижительный Парижский трактат в 1858 году, блестящий дипломат, плохой жандарм (он это очень не любил), но блестящий дипломат граф Орлов вальяжно заявил в Париже: «Да, господа, мы проиграли, и мы уходим с Балкан, но вы не беспокойтесь, мы вернемся на Балканы». И когда появилась Германская империя, и Париж проиграл в 1871 году, всего лишь через 13 лет, мы заявили, что мы более не выполняем Парижский договор, и все этим «умылились» – англичане с горечью, а французы радостно.

Великий немец, которому немцы задолжали золотую статую, с моей точки зрения, Конрад Вильгельм Аденауэр не подписал ни одного анти-немецкого договора! А ведь ему руки не мы выкручивали. Первоначально французы об него просто ноги вытирали, сводя счеты. Американцы виноваты, американцы руки выкручивали. Но Аденауэр не подписал ничего. И вот, когда изменилась коллизия, изменилась внешнеполитическая ситуация, никто и не удивился, что на карте в 1989 году снова появилась единая Германия. Просто вести себя надо так, как ведут себя порядочные люди. В данном случае, как вел себя граф Орлов и как вел себя канцлер Аденауэр.

Кирилл Фролов (Институт стран СНГ): У меня нет вопросов лично к Владимиру Леонидовичу, зато у меня есть некоторые

ответы на те недоумения или ту нерешительность, которая была заявлена (имеет в виду Олега Барабанова). Сегодня, когда Украина, безусловно, бросает вызов России, фактически входит в НАТО, пора обратить внимание на высказывания экспертов, еще вчера казавшихся радикальными, что Россия имеет все права и все возможности выйти из Большого договора хотя бы потому, что ряд его статей Украина не выполнила, в частности, статьи о развитии русского языка, чтобы не допустить угрозы появления войск НАТО на Украине. Эти эксперты говорят, что юридический повод разорвать Договор у нас, безусловно, имеется.

И мы сейчас имеем уникальный шанс грозить выходом из Большого договора Леониду Кучме, который после сообщений генерала Кравченко о том, что Кучма требовал от него политических преследований и слежки за оппозицией в Европе, оказался в полной политической изоляции не только в США, но и в Европе. Как некоторые шутят, «осталось его только с Польшей поссорить» Сейчас Леонид Кучма и его клан перед лицом угрозы Ющенко находится в таком положении, что если Москва проявит последовательную политическую волю, от него можно требовать очень многого, главное проявить политическую волю.

Сейчас, конечно же, нужно требовать не возвращения Крыма, но превращения Крыма и Закарпатья, то есть Подкарпатской Руси, где тоже произошел референдум о федерализации, в субъекты Украинской Федерации. Почему? Потому что Кучма все равно меняет конституцию. И если мы сделаем Крым и Подкарпатскую Русь, нынешнюю Закарпатскую область, а также Донбасс, субъектами Украинской Федерации, заставим его пойти на федерализацию Украины, то мы решим несколько стратегических задач. Угроза выхода России из Большого договора может сработать. Если Кучма пойдет навстречу по-настоящему, а не как раньше, и мы его за это спасем, тогда мы подумаем выходить или не выходить из Большого договора. А если Кучма все равно проигрывает, и к власти приходит Ющенко, то вопрос о выходе из Большого договора возникнет неизбежно.

И Москва должна проявить политическую волю быстрее, чем Ющенко пригласит американцев. То есть, это будет вопрос нескольких часов: кто быстрее разыграет ситуацию, если Ющенко, не дай бог, станет президентом. Хотелось бы еще обратить внимание на то, что время-то в Крыму работает против нас. Речь идет о Турции. Крым стал ареной конкуренции двух центров ислама: турецкого и саудовского. Мало того, у саудовского варианта экспансии есть могущественные союзники, в том числе в Приволжском федеральном округе. Речь идет о проекте «Русский ислам». Его эмиссары, в частности известные всем чиновники округа, активно работают с крымскими татарами и предлагают нам ставить не на русский православный фактор, а на крымско-татарский. Это, конечно, бред. Любое усиление крымско-татарского фактора, который и так активно действует в условиях, когда Крым является ареной конкурентных инвестиций Турции и Саудовской Аравии – это, безусловно, вытеснение, вышвыривание России из Крыма.

Хочу обратить внимание на Приволжский радикальный исламский альянс, который сложился буквально в последние дни. Саратовский муфтий Мухабат Бибарсов, активный проповедник «Русского ислама» и того, что русские должны принимать ислам якобы для противостояния американскому глобализму, ездил в гости на очередную годовщину депортации крымских татар. Поволжско-крымский альянс, таким образом, создан, и одновременно один из олигархов донецкой группы Ринат Ахметов, он же главный спонсор партии мусульман Украины, тоже ездил в гости к меджлису крымских татар. То есть, получается уже Донбасско-крымско-поволжский радикальный альянс. Конечно, этот альянс, помимо фактора Ющенко-США, помимо фактора Турции есть еще одна угроза. И в этой ситуации Россия может и должна действовать. Каким образом? Безусловно, путем мобилизации своей религиозно-политической экспансии в Крыму. Мы сейчас видим, что татары, занимающие 3 процента населения, имеют более 400 своих мусульманских общин, то есть столько, сколько имеется в Крыму приходов Русской Православной церкви, которая окормляет 67 процентов населения. В чем, собственно, кризис

русской идеи, его причина? Большинство нынешних лидеров русского движения Крыма не являются «харизматическими» лидерами, не могут мобилизовать русское большинство.

Конечно, один раз оно было мобилизовано, но компрадорская предательская политика тогдашней Москвы сорвала ту ситуацию. А тогда у нас на руках были все карты! Сейчас у нас снова карты на руках. Но нет «харизматиков». Почему? Потому что мы цепляемся за советский атеизм и послесоветский «бред многоконфессиональности»! Не нужно бояться Православия и самих себя! Все крупнейшие мировые центры власти не боятся своей религиозно-национальной идентичности и проводят религиозно-политическую экспансию. Если нам будут оппонировать американский протестантизм или ислам, не надо бояться нашей собственной религиозно-политической экспансии. А Россия до сих пор говорит о «многоконфессиональности», «атеистичности» и прочем. Не нужно бояться православного фактора. Атеизм есть опиум для народа, есть фактор национального ослабления. Именно в силу атеистичности русского движения в Крыму оно слабо, в нем нету духа, нету воли. Если проводить сопоставимую с крымско-татарской и саудовской религиозно-политическую экспансию, то православных приходов в Крыму должно быть не 400, а 4 тысячи. В процентном отношении: у них 400 на 3 процента, а нас 400 на 67 процентов населения. Вот тогда качественно изменится и ситуация с духом и волей, и ситуация с демографией. Но это стратегия. Теперь о тактике. Безусловно, и сейчас есть молодые депутаты Верховного Совета Крыма, которые могут быть востребованы здесь и сейчас.

В контексте глобального радикального исламского альянса на следующее заседание, которое будет посвящено отношениям Россия-Украина и Россия-Белоруссия, необходимо приглашать фигурантов этой политики. Например, исламская составляющая «донецкого клана». Там есть и православная партия, которая представляет движение православных во главе с архиепископом Августином, движение «Держава» и одесское движение «Единое Отечество». Это все православные партии в донецком клане. Они имеют своих людей в Донбассе и в Крыму.

Короче, есть поле, на котором Россия должна играть. Но что мы видим? Мы видим, что, несмотря на внешнюю риторику, ситуация в СМИ и в бюрократических системах осталась старой. Мы видели, как министр иностранных дел Игорь Иванов вместо того, чтобы решать реальные проблемы соотечественников, проблемы имперской экспансии, реализовывать проект России как центра православного мира, перед саудовским послом обещает поддержать в России еще один международный исламский университет. Маленькая справка: исламских вузов в России уже больше, чем православных. Всё решают какие-то лоббистские факторы, а не национальные. Потому, если решительно не будет обновления здесь и сейчас (потому что время работает против нас), мы опять, в очередной раз, ничего не добьемся. Данный Экспертный совет должен стать местом, по крайней мере, экспертной оценки реальных политических решений, которые должны быть немедленно предложены. С другой стороны, надо пригласить на следующее заседание некоторых ключевых фигурантов политической жизни Украины, а именно представителей православной, проимперской, промосковской политики в донецком клане, которые могли бы тоже здесь сказать свое слово.

Владимир Махнач: Одну секунду, краткая реплика. Совершенно согласен с вами, Кирилл Александрович. Я понимаю, почему вы выделили положение Таврии и Подкарпатской Руси. Но, вообще-то, разговор идеологически надо вести не о Таврии, а обо всей Новороссии, то есть обо всей Причерноморской территории. И восстановить в политическом языке термин Новороссия. Александр Ципко напечатался по этому поводу, вышла его большая статья в «Комсомольской правде». Только вышла она не в начале 1991 года, когда должна была выйти, а в начале 1992 года, уже после драки, где он подчеркнул, что он гражданин исторической России и Советского Союза, что для него всегда именно это и будет его государство. И вообще, если бы украинцам предложили гетманскую Украину, то они, 99 процентов украинцев, кроме отчаянных галичан, все были бы против выхода из состава единого государства. Если бы мы

предложили им историческую гетманскую Украину, она была бы без Закарпатья, без выхода к морю, без Донбасса. Это не наша тема, но напомню здесь об этом просто так. Будет тема украинская, тогда обращусь к этому. Напомню, что Большой круг Всевеликого войска Донского умолял не подписывать Большой договор, о котором сегодня говорилось. А когда он все же был подписан, Дон заявил, что раз Российская Федерация не имеет федеральных претензий к Украине, то донское казачество имеет такие претензии. Этот документ существует. Если мне кто-нибудь скажет, что Всевеликое войско Донское не субъект международной политики, так его не так трудно сделать таковым: это может быть просто полноправный субъект Федерации. Ростовская область – вот вам и Всевеликое Войско Донское.

Кирилл Фролов: Я не упомянул Новороссию именно потому, что в Крыму и в Закарпатье были законодательные местные референдумы, которые, как максимум свидетельствовали о выходе из Украины, как минимум о федеральном статусе. Естественно, проблема Новороссии есть важная тема. Она должна быть. Но это третий, скорее, субъект Федерации. Первый же есть Крым, Крымская Республика. Кстати говоря, и в Галиции есть сепаратистское движение, которое считает, что единственное спасение от русификации есть суверенизация Галиции. Думаю, что это движение очень интересно. Там есть даже монархисты, которые предлагают посадить туда Габсбурга, но на ограниченной территории. Или пусть Ющенко будет президентом суверенной Галиции!

Считаю, что проблема раздела Украины на сферы влияния должна быть предметом диалога России с Западом. Украина, Новороссия, Таврия, Подкарпатская Русь – это земли Православной Русской цивилизации, а Галиция – нет. Нам за нее драться-то не надо. Шутки шутками, а это тоже тема для диалога российской дипломатии, если она действительно будет наступательной и адекватной.

Сергей Картунов: Очень короткая реплика по поводу наших страхов относительно денонсации Большого договора с Украиной. Я хотел бы напомнить совершенно очевидные вещи

международно-правового характера. Известна международно-правовая формула – «Pacta sunt servanda» – «договоры должны соблюдаться». Но обычно забывают неотъемлемую часть этой формулы – «rebus sic statibus» – «при существующем положении вещей». Это означает, что если положение вещей меняется, договор может быть пересмотрен. И новейшая история указывает много примеров такого рода. В 1975 году был подписан, как известно, Хельсинский заключительный акт. Ситуация изменилась, и где теперь Заключительный акт? Совсем недавно американцы вышли из Договора по ПРО, который считался краеугольным камнем стратегической стабильности. Почему? Чем они мотивировали это? Изменением существующего положения вещей. Потому, поддерживая выступление Кирилла Фролова, считаю, что задача нашего Экспертного совета состоит именно в том, чтобы анализировать то, остается ли положение вещей таким, которое было на момент заключения того или иного договора или же оно изменилось. Если оно изменилось, то мы вправе ставить вопрос перед нашим руководством о том, чтобы пересмотреть наше отношение к нему. Вот и всё.

Так ли страшен фашизм, как его малюют?

Что же такое «фашизм» и чем он отличается от «национализма» и «нацизма»?

В нашем политическом, публицистическом, а порой и научном дискурсе царит дикая путаница: мы путаем понятия «фашизм», «национализм» и «нацизм». А это – примерно то же самое, что путать советский коммунизм с британским лейборизмом на том основании, что и те, и другие социалисты. Различать же эти понятия очень важно.

Что же такое «фашизм» и чем он отличается от «национализма» и «нацизма»?

Слово «фашизм» происходит от латинского *fascio* – «пучок прутьев». Римские ликторы, сопровождающие консулов или преторов (римских магистратов), в качестве знака их власти носили пучок прутьев или розог на плече в черте города, а за чертой города в этот пучок вкладывали топорик. Сам термин «фашизм» ничего злобного не означает и переводится с итальянского, как «единство». Кстати, в русском языке этот корень живёт самостоятельно и с фашизмом никак не связан – при продвижении машин на поле боя большие пучки прутьев сваливаются во рвы и называются «фашинами», а лесные дороги чинят «фашинником».

Многие находят некую идеологическую предысторию фашизма, хотя и очень смутную, в выступлениях отдельных публицистов первых лет XX века. Однако в тот момент почва для фашизма ещё не была готова. В начале XX века существовали две тенденции разрушения традиционной государственности и традиционной общественности: безудержный радикал-либерализм и социал-анархизм. Безудержный радикал-либерализм, декларировавший всеобщее гражданство, всеобщее избирательное право и неограниченность функционирования рыночной экономики, обычно связывают с англосаксами (англичанами и американцами). Но за исключением фритредерства, т.е. неограниченной свободы торговли, другие свои теоретические

разработки англичане, будучи традиционалистами, вовсе не торопились у себя вводить. А к уравнительному коллективизму призывали двигаться социалисты различных мастей и анархисты.

Первая мировая война превратила эти тенденции в реальность. Россия и Австро-Венгрия были разрушены и расчленены. В Турции и Германии было разрушено государство, хотя эти страны не подверглись расчленению (Турция потеряла нетурецкие территории, и то не все). Одновременно образовались многие малые государства, некоторые – достаточно искусственно. Для очень и очень многих западноевропейцев рухнул мир, причём мир довольно уютный, мир высокой культуры и цивилизации XIX века. Именно под впечатлением этого разрушения Шпенглер заканчивал свой «Закат Европы».

И тогда появляются сначала первые фашистские теоретические и публицистические работы, а затем и первые фашистские движения. Первыми теоретиками фашизма стали итальянец Б.Кроче и испанец маркиз Х.А. Примо де Ривера. Фашизм на уровне ранних разработок представлял собой как идею, так и практику инициативного силового народного движения с целью воссоздания традиционной общественности и государственности. Фашизм того времени – это прежде всего корпоративизм.

Следует отметить, что мир, созданный в рамках христианских культур Запада и Востока, был весьма корпоративен. Помимо сословий, которые сами по себе являются корпорациями, существовали и многие другие корпорации: ремесленные цехи и купеческие гильдии, университетские корпорации и корпорации школьные, монашеские ордена, как рыцарские, так и чисто монашеские, да и сам отдельный монастырь – это корпорация. Впоследствии были известны многочисленные корпорации, объединяющие творческих деятелей. Между прочим, профессиональные союзы – тоже корпорации.

Корпорации были сильны на Западе ещё в Позднем Средневековье, а в XVIII веке начался процесс их ослабления,

который шёл по нарастающей, и в начале XX века корпорации были уже значительно ослаблены и даже частично разрушены. Ещё задолго до Первой мировой войны были разрушены сословия, по сути дела их как действующих официальных категорий не осталось. В итоге, мир начала XX века обнаружил, что традиционное общество разрушено и превращается в бедствующую аморфную массу, причём бедствующую во многом потому, что общество перестало быть по-настоящему структурировано.

В настоящее время мир ощущает опасную неструктурированность социума и стремится к восстановлению корпораций в том или ином виде, а ещё в 60-ых годах термин «корпоративизм» у нас прочно ассоциировался с фашизмом, поэтому его избегали. Ныне им свободно пользуются в США, где имеет место мощная тенденция усложнения системы – «коммунитаризм», последователи коего есть и в других странах Запада. Коммунитаризм – это фактически муниципализм. Суть коммунитаризма в развитии коммун, местного самоуправления, местной жизни, замкнутой на сообщество небольшого городка или сектора, района большого города. Кстати, коммунитаризм – тоже корпоративизм.

Между мировыми войнами восстановление корпораций и корпоративного уклада происходило везде, где фашистские движения достигали определённых результатов. Например, в Испании при Франко был восстановлен традиционный парламент (кортесы) как корпоративное представительство. Иными словами, в кортесах заседали не представители абстрактно-статистических жителей, а представители социальных корпораций и муниципалитетов. Такая форма парламентаризма имеет больше шансов на то, что избиратели будут избирать лицо, а не политическую программу, что между избирателем и избираемым сохраняются неформальные отношения, поэтому в данном случае корпоративизм демократичен, ибо отстаивает демократию от превращения её в охлократию.

Теперь разберёмся с «национализмом». В политической и социальной практике это явление имеет место независимо от

того, мыслится ли нация в категории гражданского единства или в категории единства этнического.

На протяжении весьма длительного советского периода термин «национализм» считался если не страшным уголовным преступлением, то по крайней мере ругательством (обычно употреблялось словосочетание «буржуазный национализм»), и даже ещё в начале Перестройки раздавались голоса против развития националистических тенденций. Игра слов с корнем «нация» доходила до того, что один из образованнейших людей нашей эпохи академик Д.С.Лихачёв как-то раз заявил: «Я за национальные, но против националистических тенденций в культуре». Однако если с определением «националистический» связано существительное «националист», то с определением «национальный», видимо, должно быть связано существительное «национал», а такого слова в русском языке нет, есть одно – «националист».

В IV Государственной думе (1912–1917 гг.) крупнейшей партией, имевшей 120 депутатских мест, была Партия русских националистов – партия, достаточно либеральная и, как правило, блокирующаяся с другой либеральной партией – Партией октябристов («Союз 17 октября»).

В западноевропейской терминологии XX века термин «национализм» обычно безоценочный. А по тому, как американцы и англичане освещали историю борьбы 20-ых – 40-ых годах в Китае, видно, что их симпатии были на стороне китайских националистов, т.е. сторонников Чан Кайши (партии Гоминьдан), которые боролись с коммунистической угрозой, но проиграли.

Существует, конечно, и национализм агрессивный, основывающийся на неприязненном отношении к другому народу или группе народов. Но он иначе называется – «шовинизм». Он возникает в XIX веке и своим названием обязан французскому капитану Шовену (Chauvin), жившему более 100 лет назад. В программных документах КПСС повторялся один и тот же нелепый тезис: «нетерпимость к буржуазному национализму и шовинизму». При этом ни в одном энциклопедическом словаре советского времени не

объяснялась разница между национализмом и шовинизмом, дабы ни у кого не возникло вопроса: если между ними есть разница, то, может быть, один приличный, а другой нет? Не случайно также многие составляющие западноевропейских национализмов трактовались у нас искаженно. Например, немецкая националистическая песня “Deutschland uber alles” («Германия превыше всего») была написана ещё в XIX веке, когда немцы, тогда разобщённые на множество мелких государств, стремились к созданию единого Германского государства. Трактуется она у нас неверно. Смысл этого стиха лишь в том, что Германия для немца превыше всего, а всё остальное потом, но вовсе не в том, что Германия на земном шаре превыше остальных государств.

Есть ещё более агрессивная и негативная форма национализма – «нацизм». Нацизм включает в себя уже не только неприязненное отношение к другим нациям, он опирается на идею национального превосходства. Нацизм может проявляться и в такой форме, как неприязненное отношение к чужому национализму, в то время как себе национализм позволителен. Именно нацизм (а вовсе не фашизм, как ему кажется) и громит вполне справедливо в своей статье С.Баймухаметов. Однако его критика не может быть отнесена к здоровому национализму, присущему всем народам.

К нацизму и шовинизму мы имеем право относиться негативно и квалифицировать их как формы людоедские, однако национализм так квалифицировать не удастся.

Но в XIX веке появляется и аномалия противоположного направления – «космополитизм», который опирается на идею неизбежности исчезновения национальных отличий. Космополитизм К.Н.Леонтьевым был назван «ядом всесмешения». Впрочем, достаточно вспомнить его основное правило: «Всякое упрощение есть деградация». Вряд ли возможно исчезновение национального лица всех народов на Земле, но случись такое, это было бы ужасно – образовалась бы совершенно неструктурированная масса, система упростилась бы до предела, и люди едва ли смогли бы в ней жить.

Наряду с космополитизмом, часто употребляется понятие «интернационализм», но ни в одном справочнике не проведена чёткая граница между этими понятиями. Тем не менее «пролетарский интернационализм» в нашей стране декларировал отмирание национальных различий в отдалённом будущем. Т.е. в его основе лежит та же идея, что и в основе космополитизма, следовательно, это явление негативное. Допустимый интернационализм можно квалифицировать как сумму дружелюбных национализмов (впрочем, такова и формула империи).

Вернёмся к фашизму. Было бы, конечно, глупо отрицать, что фашизм исключал силовые методы борьбы. Однако после Первой мировой войны и цепи революций к силовым методам привыкли все. Тем не менее в самой идее первоначального фашизма не было места фашистскому государству. Фашизм существовал только как движение, единственная цель которого – восстановить то, что было раньше, т.е. провести определённую социальную реставрацию. В этой связи образование фашистских государств (а таковые образовались) есть измена первоначальному фашизму. Насколько это были жёсткие государства и насколько правомочно сближение понятий «фашизм» и «нацизм»?

Нацистских тенденций за Пиренеями – в Испании и Португалии – не было вообще. В этих двух благополучно переживших войну и существовавших после государствах (в одном случае – монархии, другом – республике) имел место восстановительный период, временная диктаторская власть, но никакого нацизма не было.

В догитлеровской Австрии господствующим было фашистское движение, и вплоть до Аншлюса там торжествовал достаточно жёсткий консерватизм при полном отсутствии какой бы то ни было нацистской составляющей. Например, в Австрии можно было основать частную школу, причем не только католическую (что было бы естественно, потому как Австрия по большинству населения – католическая страна), но и протестантскую, православную или иудейскую (мусульман в Австрии не было). Государство, а точнее, общество руками

государства не позволило бы основать лишь внеконфессиональную (атеистическую) частную школу. Это – консерватизм, но всё же весьма терпимый, для всех оставляющий своё место. Но Австрия была разрушена, и разрушена она была гитлеровцами. Иными словами, германский нацизм уничтожил австрийский фашизм.

Элементы нацистского мировоззрения заметны в муссолиниевской Италии, хотя это – результат сближения с Германией и сильного её влияния.

А саму Германию, хотя в ней всё начиналось в 20-ые годы с фашистского движения, и вообще нельзя считать фашистской страной, а правильнее считать нацистской, ибо доктринально Германия исходила из идеи национального превосходства, сопрягающейся с идеей расово неполноценных народов. Она стремилась достичь всеевропейского господства и не столько основать империю, сколько выкачивать жизненные блага из сопредельных государств. Кроме того, Германия совсем не стремилась к воссозданию традиционной германской общественности и государственности и тем самым не соответствовала необходимому начальному условию фашизма.

Вряд ли стоит защищать в наше время фашизм, но понять, на каких основаниях он возник, стоит. Во всяком случае фашизм – достаточно симпатичное социальное явление, если вспомнить коллизию австрийцев 20-ых годов и даже франкистского Движения фалангистов, спасавшего Испанию от республиканского правительства с его ЧК (именно так по-испански и называлась их карательная структура – «Чека»). Куда серьёзнее параллели у австрийцев 20-ых годов и испанских фалангистов не с германскими нацистами, а с отрядами «молотобойцев» Бертрана Дюгеклена и с демократическим движением Второго земского ополчения Минина и Пожарского. Последние тоже были народными (при отсутствии государственности) силовыми движениями во имя восстановления традиционной общественности и государственности, что, кстати, к 1613 году в России и было достигнуто.

Что же касается современной России, то фашистский (в смысле нацистский) путч ей, конечно, не грозит. Ни во власти, ни тем более в народе для нацизма (равно как и для шовинизма) никакой серьёзной социальной базы нет. Нет даже признаков того, что такая база складывается или сложится вообще в обозримом будущем. Во-первых, имперский народ (а русский народ является именно таковым) по определению не может быть нацистским. А во-вторых, в России будет всегда действовать «прививка» от нацизма, полученная русскими в Великой Отечественной войне. Утверждения же о том, что коммунизм и фашизм – это чуть ли не одно и то же (или, как пишет С.Баймухаметов, «в теоретическом смысле из одного гнезда») – это либо малограмотный бред, либо сознательная и злонамеренная в отношении исторического прошлого нашей страны фальсификация (в данном случае даже уместно говорить об идеологической диверсии). «Русский фашизм» (т.е. «русский нацизм») – такое же бессмысленное словосочетание, как, например, «турецкий интернационализм» или «эстонский космополитизм». Тотально же отрицая фашизм, мы рискуем негативно отнестись к его главной составляющей – корпоративному движению. А восстановление корпораций в той или иной форме – насущная задача не только современных западноевропейцев, у нас эта задача обострена до предела. Мы не можем без восстановления социальных структур надеяться на создание гражданского общества.

А вот что, действительно, у русских в настоящем дефиците, – так это здоровый национализм. Ведь что на самом деле означает термин «национализм» и кто такой «националист»? Как ни воспринимай слово «нация» (как этнос или как гражданское единство), националист – тот, кто прежде всего интересуется делами собственными народа, а делами другого народа иногда и не возражает заниматься, но уж по крайней мере во вторую очередь. Но ведь это нормальная этническая позиция! Здесь уместно вспомнить шутку об отношении к дочери, кузине и соседке: «Я люблю свою дочь больше, чем свою кузину, а кузину – больше, чем соседку. Однако из этого, честное слово, не вытекает, что я ненавижу свою соседку».

Интересно, что эта шутка английская, а англичане, вероятно, – самая националистическая нация на Западе. И английских националистов никогда не было именно потому, что все англичане без исключения – националисты.

Интеллигент

17.03.06

Тирания

Статья 1995 года.

Чего это автор за тиранов принялся? И слово какое-то несовременное. Тиран – это ведь муж, который жену дубасит, застукав ее с соседом. И бабка, что внуку «Сникерс» не покупает, тоже, ясное дело, тиранша. А еще директор школы или, например, гаишник... Пугает нас, что ли, историк? Так у нас же теперь демократия. А при демократии пугать положено Чечней, коррупцией, криминальной обстановкой. Перед выборами положено пугать еще гражданской войной: «Если выберете меня, тогда не будет гражданской войны. А если не выберете, тогда извините...». Лучше смерть, чем гражданская война!

А пугать-то есть уже достаточно оснований. У нас, увы, с марта 1917 года нормальные формы власти не встречались. Ни монархии, ни аристократии. Демократия, кстати, тоже попадаться перестала, в то время как при царе на самом верху государства демократия была, и называлась она Государственной думой. И в губернии, уезде и волости тоже была демократия, и называлась она Земством.

Так вот, как только нормальные формы в России перевелись, как сразу на их месте расплодились искажения. Революция привела к власти олигархию (шайку), но вырастила на бесконечных митингах с хоровым пением и революционную охлократию (толпу). Шайка и толпа вцепились друг другу в глотки – и победила, естественно, охлократия. Победила она единственным способом, которым она и может победить: призвала тирана, который существенно сократил поголовье как олигархов, так и охлократов. После того, как Господь избавил страну от присутствия очередного тирана, снова утвердилась олигархия и назвала свою победу «оттепелью». Но искажения недолговечны, олигархий стало несколько, они сцепились, и новое рождение охлократии носит уже гордое имя «перестройки». Так и болтаемся почти 80 лет: из искажения в искажение, из отклонения в отклонение.

Тем не менее, все совсем неплохо: в стране есть и монархический потенциал, и демократический, и они вовсе не противоречат друг другу. Только ведь шайка не хочет погибать: «Вы нас не трогайте, а то будет гражданская война!». Так она и тирана вызовет на нашу голову. И охлократия тоже не хочет возвращаться к своим законным свалкам и дорожным работам от торговли шоколадками, от почетной деятельности акционеров «МММ». И охлократия тоже всегда готова кричать: «Спаси нас, тиран, от гражданской войны! Лучше смерть, чем гражданская война!..»

Одна из распространеннейших и прилипчивых болезней нашего времени – вольное обращение с понятиями, с историческими терминами. Некоторые из них безбедно существовали веками, а иные – и тысячелетиями. При этом они усложнялись в своей семантике, приобретали оттенки, но сохраняли смысловой стержень. На наших глазах этот основной смысл искажается или даже исчезает. Понятия десемантизируются, лишаются смысла. Таковы термины «империя», «демократия», «фашизм», а в последнее время, кажется, и «семья». Все это, безусловно, вредно сказывается, прежде всего, в системе образования, отвратительно влияет на воспитание молодых людей. Но некоторые случаи прямо-таки опасны в иных политических коллизиях.

Таков термин «тиран» и «тирания». Безусловно, он сохраняет негативную эмоциональную нагрузку, и это прекрасно. Но что, собственно, он означает? Похоже, не знает этого уже большинство. «Тиран – грубый, властный человек». Например, мрачный, грубый семейный тиран. Если мы попросим современного школьника или даже студента определить понятие «тиран», то чаще всего слышим: «жестокий, властный, деспотичный правитель». А между тем любой правитель может считаться властным, ибо такова уж его работа, он осуществляет власть. А понятие «деспот» исторически просто не идентично понятию «тиран».

Древние разбирались с понятием «тиран» достаточно убедительно. Четкость понимания термина сохранялась и в Новое время. Только эпоха революций конца XVIII-XIX веков

внесла в него публицистический оттенок. Революционеры начали для убедительности своих призывов именовать «тираном» сначала любого монарха, а затем и любого монархиста. Повесить ярлык «тирании» означало достаточно легко мобилизовать общественное мнение против того или иного деятеля или даже системы. Куда как удобно! Люди, видимо, были правы, сохраняли эмоционально верное отношение к тирании, но были при этом злонамеренно обмануты революционными демагогами... Эпоха революций миновала. Но она сыграла свою роль, и теперь уже в учебниках, обзорных работах и даже исторических монографиях с понятием «тиран» обращаются вольно. Исключение допускается для некоторых эпох, которым тирания, как форма правления, была особенно присуща. Для эллинской тирании, например, или для тирании эпохи Возрождения в Италии.

И вот, наконец, тирания получает чисто оценочную окраску даже в энциклопедических словарях, что особенно неприятно, поскольку со статьей энциклопедического словаря не принято дискутировать. С точкой зрения даже симпатичного нам книжного или журнального автора мы можем внутренне спорить, но с точкой зрения энциклопедического словаря спорить как-то не приходит в голову, ведь мы в него за справкой заглядываем, а не для спора.

Энциклопедические словари утрачивают строгость ответов на интересующий нас вопрос по мере «полевления» авторов. Еще словарь товарищества «Гранат», издававшийся в России в предреволюционные годы, первоначальное значение термина «тирания» сохраняет, но добавляет к нему и несколько более современных значений, в которых тонет строгость первоначального термина. А что происходит дальше? Посмотрим словари советского времени.

«Краткая советская энциклопедия» 1943-го года вообще не содержит статей «тиран» и «тирания». Думаю, нашим читателям понятно почему. Однако удалимся от эпохи сталинской тирании и раскроем «Советский энциклопедический словарь» 1983 года. Он огромен, 1600 страниц мелкого шрифта почти без иллюстраций. В нем есть и статья «тиран» с тремя значениями

термина. Во-первых, нам сообщается, что «тиран» в Древней Греции и средневековых городах-государствах Северной и Средней Италии – лицо, насильственно захватившее власть. Во втором смысле «тиран» значит правитель, власть которого основана на произволе и насилии, а также деспот. Кстати, этот «деспот» часто искажает значения понятия «тиран». Ну и, наконец, в третьем смысле, «тиран» – это жестокий, властный человек, мучитель. Существует и статья «тирания», содержащая три значения, причем, все три не «семейного» уровня. В первом случае нам объясняют, что тирания – это форма государственной власти в древнегреческих полисах, установленная насильственным путем и основанная на единоличном правлении. Тут же сообщается, что реформы тиранов были направлены на улучшение положения демоса. Второе значение тирании – форма политического устройства ряда средневековых городов-государств в Италии. Третье, переносное, – правление, основанное на деспотизме.

Бросается в глаза, что все определения XX века не обладают той четкостью, которую мы приобретаем, читая «Политику» Аристотеля. Две с половиной тысячи лет назад тирания была совершенно четкой категорией. Тирания у Аристотеля – это искажение одной из форм власти. Поскольку форм власти всего три: монархия, аристократия и демократия (у Аристотеля – «полития»), то искажений тоже три – по одному на каждую. Заметим тут, что каждая из представимых властей имеет у Аристотеля много форм, но только одна именуется отклонением или искажением. Искажением монархии есть тирания. Мы можем найти представление об этом в эллинской литературе и до Аристотеля. Но нашим читателям лучше всего обратиться к великому стагириту, ибо только у него все понятия приобретают исключительную четкость.

Да, действительно, для древнего грека тиран – это правитель, незаконно приобретший единоличную власть. Законного единоличного правителя они именовали царем. Это обиходное представление. Но понятие «тиран» и тогда было более емким, и тогда было более значительным, включающим в себя культурные и социальные оттенки. Так, греки прекрасно

знали, что законного правителя охраняют свободные граждане, а тирана – наемники.

Но еще интереснее взгляд Аристотеля на общую черту, объединяющую все отклонения или искажения, отличающую их от законных и добродетельных форм власти. Все три формы власти – монархия, аристократия и демократия, а также их сочетания действуют в интересах общества. А все три искажения – тирания, олигархия и охлократия действуют в интересах части общества. Например, тирания действует в интересах эгоистической воли самого тирана.

Конечно, марксистско-ленинской исторической науке, убеждавшей нас, что любая власть имеет классовую природу и действует в интересах господствующего класса, подобное определение тирании было просто неприемлемо. И Аристотель представлялся неразумным идеалистом. А между тем его определение господствовало почти две тысячи лет. Первоначальное эллинское представление о тирании, как о власти, основанной на узурпации, утратило свое значение почти полностью, и тираном именовали именно эгоистического правителя, действующего в своих личных интересах. Это очень строгий подход. Степень жестокости того или иного правления исторична, а потому всегда будет относительна, хотя в любую эпоху негативной стороной тирана считалась его жестокость. А вот действия вразрез с интересами общества и даже государства отличали тирана всегда. Средневековые итальянские тираны определялись как таковые уже именно по этому признаку. Среди них могло и не быть узурпаторов, потому что мы знаем целые династии тиранов. В Римини, в Милане – несколько поколений Сфорца. Хотя преемники вступали на престол по праву наследования, они оставались в сознании современников тиранами – из-за манеры и смысла их правления.

Обратимся к русской истории. В ней было всего два тирана до начала советского периода. Это не так много, намного меньше, чем в иных странах, и оба они законного происхождения: и Иван IV, и Петр I – царские дети. Правда, Иван был сомнительно законным ребенком, учитывая

обстоятельства бракосочетания его отца, заключенного в итоге незаконного развода, но другого наследника престола не было, и это забылось до поры. Современниками, однако, он воспринимается как тиран. И Петр был законным наследником с некоторым изъяном: его приход к единоличной власти и устранение старшего брата, Ивана V, были итогом государственного переворота 1689 года. Но не это и современникам, и тем более потомкам, послужило главным аргументом. Представление о Петре как о тиране связано, конечно, не с законностью его воцарения, а с характером его правления вразрез с национальной культурой и всеми политическими традициями России. Плюс, разумеется, исключительная жестокость обоих русских тиранов.

Основные характерные черты тиранов и тираний были известны еще эллинам, они присутствовали в древнегреческой истории, а подмечены были позднейшими исследованиями. Тираны чаще всего порождаются охлократией, толпой, или приходят к власти при участии толпы. Из нормальных форм власти тиранам наиболее ненавистна аристократия, и то закономерно. Монархия не ненавистна, ибо тиран обычно сам выдает себя за законного монарха (в своей идеологии). С демократией тиран не может ужиться, но уживается с охлократией, и потому выдает ее за демократию. Аристократия, как власть традиционная, наиболее традиционная из всех, является естественным оппонентом, самым надежным орудием противодействия тирании, потому и истребляется. Вспомним рассказ о высоких колосьях, которые один тиран рекомендовал сбивать другому. Генрих VIII Английский учинил массовое кровопускание английской знати, а Иван IV – русской. Петр I стремился уничтожить аристократию законодательно, унизив ее до уровня низшего дворянства, а Ферранте Неаполитанский не только убивал знатных людей, но и мумифицировал тела своих жертв. Лучшие часы своей жизни этот правитель проводил в страшной галерее мумий противников.

Характерен имморализм тиранов. Сиджисмондо Малатеста – тиран Римини – совершил все возможные преступления против самых терпимых нравов своей эпохи. Он изнасиловал

собственную дочь и пытался изнасиловать собственного сына. Имморализм тирана есть не только свидетельство глубочайшего нравственного падения, но и весьма закономерная основа мировоззрения тирании. Дело в том, что единолично править, руководствуясь собственными весьма причудливыми представлениями о целесообразности, можно только посчитав свою волю единственно заслуживающей внимания. В этом случае, конечно же, тиран является и источником «морали». Вспомним здесь и безобразные кощунства «всепьянейшего Собора» Петра I, нарочито бросающего вызов не только вероисповеданию, но и культуре своих современников. Иван IV даже сформулировал этот принцип в Первом послании князю Андрею Курбскому: «Жаловать своих холопов есмь вольны, а и казнить вольны же». Вот великолепная формула тирании!

Не сразу, но уже в Средние века, тираны приходят к еще одному важному открытию. Они правят обществом, опираясь на аппарат личной власти. Прообраз этого можно видеть у весьма терпимого и добродетельного Писистрата Афинского: в его личной охране из 50 дубинщиков. Но то были детские игрушки. А вот опричнина Ивана IV, представлявшая собой внесударственный аппарат террора и принуждения, была уже законченным механизмом личной власти тирана. Мы можем видеть множество подобных примеров и в XX веке.

Нетрудно видеть, что тирании являются не в любые исторические эпохи. Так, например, первое тысячелетие христианской государственности, примерно с IV по XIV век, практически не знает тиранов. Не знает тиранов и классический ислам. Устойчивые традиции не дают возможности совершить решительный шаг – перейти от единоличного правления к эгоистическому тираническому.

Бурный рост числа тираний с наступлением Итальянского Возрождения весьма соблазнительно объяснить изменением основного критерия. Как прекрасно понял Гелиан Михайлович Прохоров, у средневекового человека тоже был критерий. Для него мерой всех вещей был Богочеловек Иисус Христос. Трансформировав Протагорову формулу, итальянские гуманисты в основу своей жизни, своего мировоззрения

положили тезис: «человек – мера всех вещей». Как замечает исследователь, человек, в силу многообразия типов личности, весьма неустойчивый критерий и весьма легко заменяется другими критериями: «общество – мера всех вещей»; «государство – мера всех вещей». И потому легче всего сделать такую подстановку: «Человек – мера всех вещей, и так как я, несомненно, человек, я и есть эта мера». Как-то всегда вспоминаешь Протагорову формулу в Итальянском дворике Музея изящных искусств, глядя на копии бессмертных конных статуй: памятников Коллеони работы Вероккьо и Гаттамелаты работы Донателло. Оба – кондотьеры, то есть командиры наемных отрядов. Оба исправно проливали кровь в интересах тех, кто их нанял. Блюли данное слово, не допускали бессмысленного кровопролития. Их даже перекупить нельзя было: до тех пор, пока им платили, они были верны платившему. На исторической арене должен был сначала появиться интеллигент-гуманист и объяснить такому Гаттамелате, что он и есть – мера всех вещей, чтобы кондотьер превратился в Чезаре Борджа.

Еще более интересна общая историко-культурная закономерность. Тирании появляются в основном в переходные эпохи. В самом деле, солдатские императоры означили собой преддверие падения Рима и закат Античности так же точно, как греческие тираны – укрепление полиса и переход от аристократических форм к демократическим и охлократическим. Ренессанс был началом перехода средневековой культуры к новым формам, к эпохе Нового времени. Потому к ряду ренессансных тиранов весьма уместно причислять и нашего Ивана IV. Сталин и Гитлер являются на арену в условиях разрушения своих стран, и – что, может быть, еще важнее – в условиях уничтожения национальных элит.

Кризисные эпохи бывают во всех странах, через них проходят все народы. И здесь представляется важным не допускать еще одной путаницы – путаницы понятий «тирания» и «диктатура». А ведь это стало обиходной ошибкой. Еще в упоминавшемся выше словаре товарищества «Гранат» «диктатура» – это «неограниченная власть в государстве,

временно законно уступленная, или насильственно захваченная одним лицом или группой лиц». Можно отметить нечеткость определения, но первоначальное представление о диктатуре оно сохраняет. В словаре 1943 года есть только одна «диктатура», есть только понятие «диктатура пролетариата». В Советском энциклопедическом словаре 1983 года «диктатура» вновь появляется и имеет уже два значения. Первое: «Сущность государственной власти, обеспечивающая политическое господство тому или иному классу, например, «диктатура буржуазии». И второе: «Способ осуществления государственной власти, политический режим, например, личная диктатура». Конечно, все мы сейчас с удовольствием смеемся над тенденциозными нелепицами советского времени. Но все не так просто. Даже такой тонкий автор, носитель высочайшей культуры, как Клайв Стейплз Льюис, походя объясняет в своем «Баламуте», что тиран есть название диктатора в древности. Выпускник Оксфорда, профессор Кембриджа допускает подобную нестрогость! А ведь диктатура – это совершенно иная власть, диктатура – всегда власть чрезвычайная, экстраординарная, начиная с возникновения этой власти и этого термина в Риме, где диктаторские полномочия присваивались сенатом в особо тяжелые моменты существования государства. Причем, всегда на ограниченный срок, на полгода или год. Диктатора может избрать аристократия, демократия и даже монархия. Недаром историки России отмечают существование диктатуры М.Т. Лорис-Меликова в период Великих реформ Александра II. Диктаторами были Козьма Минин и Джордж Вашингтон. Был диктатором и Оливер Кромвель до тех пор, пока действовал по воле парламента. Но его диктатура выродилась в тиранию. Несомненно, диктатором можно считать генерала Франсиско Франко, при котором Испания продолжала считаться монархией, и вопрос восстановления законного монархического правления был вопросом времени. Порожденные же законным режимом, как в Германии, и незаконным режимом, как в России, Гитлер и Сталин были несомненными тиранами. И в интересах

строгости исторической науки, а еще больше политологии не следует именовать их «диктаторами».

На чем же основано правление тирана? Действительно ли на низкой правовой культуре или на низком личностном самосознании того или иного народа, общества в ту или иную эпоху, как иногда предполагают? Думается, что это не так. Граждане средневековых городов-государств Италии были весьма личностны и свободолюбивы. Генрих VIII, как и позднее Кромвель, пришли к власти в Великобритании с ее не только правовой, но и парламентарной традицией. Оба русских тирана приходили к власти в стране, имевшей законную аристократию Боярской думы и законную демократию Земского Собора.

Позволим себе осторожную гипотезу: успех тирана основан на том, что он превосходит представимый в его эпоху уровень жестокости. Иными словами, будущему тирану можно дать мрачную рекомендацию: если вы захватили власть и понимаете, что обезопасить себя можете, только казнив 10 тысяч человек, то не сомневайтесь, что как только вы начнете казни, вас убьют. Но если вы, например, вместо расстрела посадите эти 10 тысяч человек на колья, да еще соберете наблюдать за этим многотысячные толпы народа, или станете транслировать казнь по телевизору, ваш успех как тирана обеспечен.

Тиран почти никогда не бывает свергнут. Либо естественная смерть, либо, к счастью для нации, – убийство. Цареубийц народы проклинали, а тираноубийцам возводят памятники – как Гармодию и Аристогитону в Афинах. Стало общим местом замечание о том, что мы в истории XX века расплачиваемся за цареубийство. Несомненно, мрачный отпечаток на социальную нравственность накладывали в русской истории все цареубийства: Годуновых, Павла I, Александра II, Николая II. Но, к несчастью для России, в нашей истории были (простите такой термин) и два «тиранонеубийства» – Ивана и Петра, и они тоже наложили свой отпечаток.

К этим мрачным наблюдениям, может быть, стоит присовокупить еще одно оптимистическое: тирании законченные, полноценные не наследуются. После того как в

1584 году умер Иван, сословия тут же заявили о своих правах на власть в Земском Соборе, и последовало мягкое правление царя Федора. После смерти Сталина смягчения начались сразу не при Хрущеве, а, смешно сказать, при Бериин, которому, видимо, природной сообразительности хватило понять, что второго Сталина не будет. Пример от противного. Первый китайский тиран Цинь Ши-хуан был чудовищем. Он воздвиг Великую стену, построил шоссейные дороги, по которым носился в бронированной кибитке, умертвил великое множество народа, обескровив китайцев, и дожил, выживая постепенно из ума, до естественной смерти. Его преемник Эр Ши решил, что и ему тоже позволено править теми же методами, – и был незамедлительно убит.

Нам думается, все эти рассуждения достаточно важны и современны, ибо появились нехорошие симптомы. В 1988 году издательство «Наука» выпускает книгу петербургского исследователя Даниила Альшица «Начало самодержавия в России». Автор усматривает это начало в опричнине Ивана IV. Дело не только в терминологической путанице. Уже давно самодержавная монархия приравнивается к монархии абсолютной, хотя это не верно, по крайней мере, для самодержавия XVI-XVII веков. Кстати, великий политик и мыслитель XVII столетия Юрий Крижанич называл монархию с Земским Собором «правильным самовладством», то есть признавал самодержавие совместимым с парламентаризмом. Так вот, Альшиц утверждает, что для России, в силу состояния городов, характера землевладения и многих других исторически сложившихся причин, опричнина есть более естественная форма укрепления государства, нежели сословно-представительная монархия. Но традиционная монархия восстанавливается после смерти тирана, и весь XVII век мы живем в сословно-представительной монархии. Полагаем, что исследователем руководили весьма благородные побуждения – неприязнь к жестким, деспотическим формам правления и что суть работы была бы иной, если бы не оказался выброшенным термин «тирания».

Есть и другой прискорбный пример. Пару лет назад появилась работа покойного Санкт-Петербургского митрополита Иоанна (Снычева) «Самодержавие духа». Трудно упрекнуть автора в апологии жестокости. Напротив, им выявлены многие положительные стороны русской политической традиции, но вдруг совершенно нормальным у него, законно действующим правителем оказывается Иван IV. А ведь автор этой книги тоже историк. И здесь тоже можно предположить, что автором-архиереем руководили благородные чувства. Не ему одному надоело восприятие отечественной истории как чудовищной мешанины грязи и жестокостей. И тоже можно предположить, что восприятие термина «тирания» в качестве совершенно строгого, исторически действующего на протяжении тысячелетий понятия избавило бы автора от апологии тирана. Ведь Карамзина еще избавляло!

Что до автора этих строк, то, не будучи нисколько профессиональнее коллег, с которыми он полемизирует, он спасался всегда, еще не прочитав Аристотеля, двумя критериями:

- критерием нравственности, который убеждал, что людоед не может быть ни прогрессивен, ни исторически оправдан;

- и критерием целесообразности, по которому мы можем распознать, в чьих интересах совершаются правителем те или иные действия – в интересах общества, государства или в своих собственных, поставлены ли ходом истории те задачи, ради которых основываются города, совершаются экспедиции, проливается кровь в сражениях, или все это порождено воспаленной фантазией тирана. Осмелимся заметить, что эти критерии еще ни разу не подводили.

Требуется государь?

Статья 2001 года.

Тема монархии и монархизма в России за последние годы стала предметом частых, иногда назойливых обсуждений. С одной стороны, это свидетельствует о востребованности если не самой монархии, то хотя бы размышлений на эту тему. Ведь по своей природе Россия – монархическая страна. К тому же, поскольку начиная с 1917 года ни один режим в стране нисколько нелегитимен, можно считать, что монархию у нас никогда и не упраздняли. Возьмем для примера Испанию при Франко. Она являлась монархией, хотя и не управлялась монархом, но считалось, что это «период временных затруднений». Вот и мы в праве так же относиться к своему XX веку.

Однако назойливость нынешних обращений к этому предмету свидетельствует о том, что существует не только социальная, но и конкретная политическая заинтересованность в данной теме. Люди, которые стремятся понять, чем монархия была удачна, достойны всяческого уважения, даже если они недостаточно исторически образованы. Люди же, которые от собственного неумения управлять стремятся ухватиться и за эту «соломинку», могут быть охарактеризованы как очередные российские разрушители. Не наша задача указывать на кого-то пальцем. В нынешней России есть, видимо, и те, и другие.

Впрочем, интерес к монархии имеет положительный смысл и в случае, если российской монархии будет суждено восстановиться, и даже в противном случае. Ведь это необходимый момент национального культурного самопознания. Монархический потенциал в России, несомненно, существует, потому что Россия – страна одной из самых глубоких монархических традиций. В этом отношении, как, впрочем, и во многих других, Россию можно сравнить с Англией, которая на всех поворотах своей истории никогда не могла отказаться от монархии, понимая, что образовавшийся вакуум заполнить

будет нечем. Даже если, как в наше время, страна управляется вполне республикански.

Но если монархия стара, как мир, и если прообразом монархического правления является, без всякого сомнения, семья (рискну утверждать, что первым монархом был Адам, а Ева – обществом), то выходит, что монархия старше государства, ибо уходит корнями в догосударственное бытие человека.

Однако просто сказать «монархия» значит не сказать еще ничего. К сожалению, советская школа оставила в наших современниках весьма прискорбное представление о том, что монархия бывает либо конституционной, либо абсолютной. И споры сейчас проходят между либеральными публицистами, заявляющими, что, мол, хорошо бы ввести монархию, но только конституционную, и публицистами, которые утверждают, что в нашей традиции монархия самодержавна. И ставят при этом парадоксальный знак равенства между самодержавием и абсолютизмом.

На самом деле, абсолютизм как идея родился в XVI веке, а воплотился в XVII. Это очень новая форма монархии. Конституционная монархия как идея родилась в XVIII веке. Эта форма еще новее. Очевидно, что до этого мир пережил несколько тысячелетий монархического развития. История знает примеры традиционной сакральной монархии в Древнем Египте, деспотических монархий Переднего Востока, а также сословных и сословно-представительных монархий. Обратимся к тому, что уже было опробовано в нашем отечестве, так как то, что опробовано не было, вызывает самые серьезные опасения.

Согласно американским исследованиям начала 90-х годов, перенос форм западной демократии в экваториальную Африку приводит к такой безобразной коррупции, которая даже нам, в бывшей РСФСР, не снилась. С другой стороны, у тех же африканцев существуют свои старинные демократические традиции выборов старейшин и выборов старейшинами этнического короля, полномочия которого утверждаются (или не утверждаются) раз в год. Таким-то вот образом и правовая традиция имеет место, и народы оказываются вовсе не такими

уж отсталыми и привыкшими к деспотическому правлению. Важно то, что живет и выживает лишь своя монархия, а не чужая, и выживает лишь своя демократия, а не привнесенная.

Монархия в России уходит корнями в догосударственный период, в те времена, когда мы можем говорить еще не о собственно русских, а лишь о славянах. Прокопий Кесарийский указывает, что у славян были князья. Видимо, тогда, в шестом веке, государственности в полном смысле слова еще не было, разве что начальная варварская предгосударственность. Отсюда мы можем перебросить мостик в наш домонгольский период и увидеть монархический элемент власти во всех землях без исключения. Этот институт – власть князя. Но что это за власть? Еще Василий Осипович Ключевский отмечал служилый характер княжеской власти, сложившийся оттого, что города, появлявшиеся на транзитных торговых путях, были просто сильнее князей с их дружинами. И князь избирал более уютную форму жизни: поступал на службу городу. Даже Олег, мечом захватив город и убив Аскольда, остальную часть жизни ревностно служил интересам Киева. Защищал город, когда нужно, и воевал, где городу было надо.

И так же себя вели все другие князья. Неудачных же князей выгоняли.

Конечно, князь не был наемником на службе города. В Новгородской летописи мы видим, что годичный период отсутствия князя заставляет тужить всех жителей. Отчего так? А оттого, что не имеющий князя город воспринимался как пригород, как город неполноправный. Монархия как признак единства и полноправия земли и княжества воспринималась всеми поголовно, и была, таким образом, востребована обществом. Даже Новгород, в эпоху классического Средневековья управлявшийся республикански, никак мог обойтись без князя.

Однако нельзя не заметить, что хотя князь и полновластен и может воевать, если он сам решил воевать, то и воевать будет один – со своей дружиной и добровольцами. Ополчить же город может только город своим вечевым решением. Таким образом, в домонгольский период мы имели политическую

систему, в которой монархическому элементу княжеской власти содействует не менее мощный аристократический элемент – боярство и демократический городской элемент.

С разрушением русских городов в XIII-XIV веках, в ходе иноземных вторжений, демократический элемент почти исчез. Однако разве не оставалась при этом традиция низовой демократии на Руси? Она была всегда. Сельский сход и сход волостной, городские сотни и слободы – это демократические учреждения.

В Судебнике Ивана III 1497 года устанавливается, что ни один судья не должен судить без «лучших людей». В этом была зачаточная форма института суда присяжных, и, несомненно, она уходит корнями в еще более древнюю традицию. Так что на низовом уровне демократическая традиция у нас, конечно, существовала.

А аристократическая? Она была сильна у нас, как и у всех народов индоевропейского корня. Более того, она была актуальна на национальном уровне. Русский с трудом смирялся с тем, что на смену родовитому аристократу приходил служилый дворянин. Это отношение сохранялось даже в простонародном слове «барин», восходящем к «боярину». Не служилый человек, а аристократ, несущий ответственность за судьбы нации и культуры, – вот кто был нужен русскому мужику. И мужик был абсолютно прав в своей социальной интуиции и нисколько не унижен этим чувством.

Аристократическая традиция сохранялась во всех русских княжествах. И знаменитейший из князей московской династии Дмитрий Иванович Донской в своем завещании требует от сыновей не только любить и награждать, но и советоваться по каждому поводу с боярством. Степан Борисович Веселовский, бесспорный знаток той эпохи, назвал время Дмитрия Донского «золотым веком русского боярства».

Итак, вплоть до создания единой державы Иваном III, расширившим Думу за счет титулованной знати, Россия управлялась монархией с аристократией. Но страна стала слишком большой, и Иван III выдвигает в первый ряд проблему расширения социальной базы правящего слоя.

Развитие этого процесса приходится на середину XVI века, и мы получаем монархическую традицию уже не в конфедерации земель и княжеств, а в единой державе, на общегосударственном уровне. Теперь это – царь, бояре и Земский собор. А, кроме того – земское самоуправление, институты земских и губных старост с целовальниками, и в городах – известные нам сотни и слободы. Так в целом завершается образование сословно-представительной монархии, то есть монархии с парламентом. А то, что Земский собор и был аналогом западного парламента, убедительно доказал академик Черепнин.

Таким образом, наша национальная традиция полностью соответствует идеальному устройству государства, по мысли величайшего греческого историка Полибия: монархия, аристократия и демократия в одной системе. Что с этим боролось в нашей истории? Антиаристократическая тирания Ивана IV и тирания Петра I, стремившегося разгромить как аристократическую, так и демократическую традицию, навязав стране управление бюрократическое. Занятно, но сейчас мы живем в государстве, которое вполне устроило бы Петра. Одна наша столичная бюрократия в 2,7 раза превосходит по числу чиновников суммарный аппарат СССР, РСФСР и ЦК КПСС недавних времен.

Но эта традиция никогда не будет воспринята русской нацией, и рано или поздно, более или менее болезненно (желательно, чтобы менее) будет изжита. Так уже случалось в истории. В прошлом столетии она была изгнана Великими реформами Александра II. Царя-Освободителя следует воспринимать не как западника, модернизировавшего Россию по европейским меркам, а как восстановителя традиции XVII века. А в царствование последнего государя Николая Александровича мы получили не только низовую демократическую традицию, но и завершение ее на общенациональном парламентском уровне Государственной думы. Причем отметим, что место для аристократии, при всей ее ослабленности, резервировалось политической системой постоянно: в этом состоял смысл существования и

деятельность пусть и квази-, но все-таки аристократического Государственного совета.

Присмотритесь: большую часть нашей истории мы живем с монархией, взаимодействующей с аристократией и демократией. И большую часть неприятностей получаем от бюрократического правления. Должно же это нас когда-нибудь чему-нибудь научить! Земство как низовая демократия и Земский собор как проекция низовой демократии на общегосударственный уровень – необходимые условия восстановления монархического правления в России. Труднее восстановить аристократию. Но это стоит любых трудов и затрат. До сих пор барин, в отличие от интеллигента, национально востребован.

Хотелось бы напомнить и об опасностях иного пути. Негодный, не сословно-представительный государь упраздняется сословными учреждениями, как Василий Шуйский, или – при отсутствии этих учреждений – убивается, как Петр III, которого, конечно, низложили бы, но в той политической системе того некому было сделать, и царь лишился жизни.

Удел Константина Тона

Статья 1994 года.

26 октября 1794 года в семье петербургского ювелира Андрея Тона родился сын, будущий архитектор и профессор Академии художеств. Ему предстояла исключительно долгая творческая жизнь, и он всегда был востребован в этой жизни. Исключительно востребован! Шесть крупных храмов в Петербурге и Царском Селе, Большой дворец и Оружейная палата в Кремле, вокзалы первой серьезной железной дороги – все эпохальные сооружения. Соборы и скромные приходские церкви по всей Русской земле, крупные работы в двух знаменитейших монастырях – Симонове и Ипатьевском. Влияние на ряд талантливых зодчих, множество учеников...

Кто еще из русских зодчих столько успел? Споры, начавшиеся при его жизни, не прекращаются и поныне. Резкие, эмоциональные, малопрофессиональные, весьма часто и среди бесспорных профессионалов. Революционер А.И. Герцен (Яковлев): «Пятиглавые судки с луковками вместо пробок, на индо-византийский манер, которые строит Николай с Тоном». Искусствовед и критик В.В. Стасов: «Он был делец самый ординарный, таланта не имел никакого...» Ну, ладно, оставим Герцена со Стасовым, ведь всё революционное, хотя бы радикальное вряд ли вызовет доверие в русском обществе и сегодня, и долго еще... Но вот и князю Е.Н. Трубецкому не нравилась тоновская архитектура, а он был человеком глубочайшей русской и православной культуры, один из первооткрывателей мира нашей иконы. И в Абрамцеве Тона недолюбливали.

С другой стороны – голоса В.А. Жуковского, А.Ф. Вельтмана, Н.В. Кукольника. В 1885 году другой Жуковский, историк архитектуры, сравнивая Храм Христа Спасителя с Успенским собором, отдаст Константину Андреевичу предпочтение не только перед Фиораванти, «но и перед всеми знаменитыми итальянцами». Возражая тем, кто обвинял Тона в «возвратном движении искусства, анахронизме», умный и тонкий И.И.

Свиязев сравнил его с величайшим поэтом: «...Этот «анахронизм» к стилю древних русских памятников имеет точно такое отношение, как стихи Пушкина к Песне о Полку Игореве, которая также написана по-русски, но как? В том-то и дело!»

Стоп! Пушкин... А ведь Тон – художник пушкинского поколения, в котором все – и уже давно – нашли свое место в истории культуры русской. Современники могут увлекаться (в обе стороны!) и ошибаться. Каждая следующая художественная эпоха хоть немного отрицает предыдущую. Для великолепного русского модерна, для князя Е.Н. Трубецкого, абрамцевских художников, для «Мира искусства» тоновский историзм мог быть лишь немного неуклюжим обращением к национальному наследию, которым они сами овладели в совершенстве. Овладели и смотрели свысока, как создатели современных самолетов на «Илью Муромца» Игоря Сикорского. Но мы-то знаем твердо, что вне романтизма и историзма нет пути к модерну. Что не начни Константин Тон, Федор Солнцев, Алексей Горностаев изучать старое зодчество, не было бы шедевров Владимира Покровского и Алексея Щусева. И нам нравится модерн! Всем теперь нравится! Как нравится и классицизм, на котором Тон был воспитан. И времени, дабы отстоялись художественные вкусы, прошло достаточно: 25 января 1881 года старый зодчий покинул этот мир...

Так, стало быть, хулили, до визга доходя, тоновские здания, сносили их с особым остервенением не из-за художественного качества, а из ненависти к культурному повороту, который начала Россия в Николаевскую эпоху! Точнее, к тому, как Россия начала этот поворот.

В первой трети XIX века классицизм, наконец, завоевал Россию. Он обрусел и стал национальным стилем эпохи, тогда как при Екатерине был только стилем дворянской усадьбы, да еще – казенным. Теперь по всей стране возводятся классические храмы, а домики небогатых купцов, средней руки чиновников, даже ремесленников равняются по дворянским особнякам. И в каждом – парадная анфилада, хотя бы в три маленькие комнаты. А одна комната – непременно зал. Двух же залов в классическом особняке не бывает. И еще,

николаевская эпоха – это время, когда самые захолустные городки приобретают классическое благоустройство, мощеные площади, ансамбли торговых рядов, чудесные набережные и городские сады, украшенные элегантными беседками и решетками. Тогда-то классицизм и начинают поносить: сухой, холодный, казенный, делает все города однообразными, а людей – одинаковыми. Особенно старались литераторы – самые даровитые: Николай Гоголь, Аполлон Григорьев, Алексей Толстой...

«...И четырем или шести колоннам вменялось в ряд шеренгою стоять под неизменным греческим фронтоном...»

Сражался с классицизмом романтизм, начав эту битву еще в конце XVIII столетия. Та же битва шла и в Западной Европе, русские были не столь оригинальны. Классицизм битву проиграл, романтизм – не выиграл, во всяком случае, в архитектуре. Нигде не было целой эпохи романтического зодчества, и менее всего, пожалуй, в России.

Романтизм обладал многими чертами Возрождения, только не вполне состоявшегося. Ренессанс отвергал «дикое» Средневековье, пытаясь вернуть к жизни античную культуру. Романтизм не только реабилитировал, но и воспел средневековые культуры, отодвигая Возрождение, а заодно производный от него классицизм. Романтизм обличал рационализм и служение наживе буржуазного мира, воспевая высокую нравственность рыцарства. Романтизм стремился защитить человека от порабощения безвкусной типовой промышленной продукцией, напоминая, что каждый современный ремесленник был художником, что каждый средневековый крестьянин был окружен произведениями искусства.

Так было на Западе, так было и у нас. Мы все еще «учились у Европы»: неслучайно в русском романтизме, и литературном, и архитектурном, так много готического. Как и западные европейцы, русские искали корни своей национальной культуры и пытались восстановить прерванные традиции. Но, если англичанин-романтик, романтик-немец стремились защитить свое национальное бытие, стать немцем и англичанином, а не

безликим обитателем «общеевропейского дома», русский чувствовал, что его задача намного сложнее. Русский не знал, но начинал подозревать, что у него и дом-то другой. Что он принадлежит к другой великой культуре, и не он один...

В XVIII столетии Россия, несмотря на петровское и екатерининское западничество, сохраняла православный характер своей культуры, сохраняла в художественных формах барокко. Посмотрите на самый скромный и провинциальный храмик того времени. Даже если он сильно поврежден, видно, что это храм. А классицизм научил строить такие церкви, что, лишившись в советское время главок и крестов, они похожи ни то на павильоны, ни то на дорожные станции какие-то. Но Церковь испытывала в XVIII веке такое бюрократическое давление, что ее связь с национальной культурой стала едва уловимой.

XIX век уже иной. Уже давно кто-то заметил о Пушкине и Серафиме Саровском, что величайший святой и величайший гений той эпохи нечего не знали друг о друге. Однако уже в следующем поколении преподобный Макарий Оптинский и Иван Киреевский – ближайшие сотрудники в деле просвещения. А в следующем нет значительного мыслителя или писателя, который не бывал бы в Оптиной. Еще в середине XIX века, если художник пишет монаха, то последний либо пьян, либо подрался в трапезной. А для Михаила Нестерова монашеский подвиг – основная тема всей его жизни. Культура постепенно возвращалась к корням более общим, нежели только национальные.

Когда Константин Андреевич Тон в начале 1830-х годов начинал труды по восстановлению традиционного облика православного храма, истории русской архитектуры попросту не существовало. Памятников было куда больше, чем теперь, но за долгую жизнь их многократно перестраивали. Да и не понимали их. Даже у такого знатока, как Иван Михайлович Снегирев, были весьма причудливые представления о стилях русского зодчества. Церковь св. Николая на Берсеневке он отнес к стилю «восточноевропейскому, соединенному с византийским»! В Сухаревой башне обнаружил «смесь

ломбардского стиля с готическим». Византийской архитектуры и вообще никто в мире знать не знал. Творческий метод Константина Андреевича вполне выражает его ответ на однажды заданный вопрос, какому стилю он отдает предпочтение. «Тому, который больше приличен для сущности дела». Ох, не случайно, возводя Большой Кремлевский Дворец, зодчий фактически восстановил в панораме Кремля мощный монолит дворца царя Бориса, утраченный в XVIII веке. И не случайно Кремль больше всего любят фотографировать с Каменного моста. Не случайно, создавая вокзалы в Москве и Санкт-Петербурге, именно Тон безошибочно выразил сущность вокзала. Эта безошибочность сохранилась вплоть до революции. А ныне попробуйте отличить Курский вокзал от крытого рынка! Да, эта эклектика – от глагола «эклего» – «выбирать». Выбираю в поисках стиля! Филолог Владимир Викторович Виноградов писал о Пушкине, что стили «...Ломоносова, Сумарокова..., Жуковского, Батюшкова, Баратынского..., Байрона, Шенье, Горация, Овидия..., Петрарки, Хафиза и других писателей мировой литературы служили ему материалом для оригинального творчества».

Венец творчества архитектора – Храм Христа Спасителя – перекликается многими чертами с соборами Кремля. Его выразительный силуэт, соотношение большой и малых глав, нижняя аркада восходят к Архангельскому собору. Фасадная аркатура, прорезанная окнами – к Успенскому. Византийская традиция живет в крестообразном плане, который на Руси многократно воскресал то в шатровых храмах, то в барочных церквях типа собора Донского монастыря или Николы Морского в Петербурге. Только Византии принадлежит единое внутреннее пространство, в котором иконостас не мешает восприятию всего объема. Объединив иконостас с надпрестольной сенью, зодчий как бы возвел в пространстве собора еще один шатровый храм, воскресив, по мнению Сергея Марочкина, еще одну традицию. На Красной площади в старину устраивались грандиозные богослужения, при которых храмом становилась вся площадь, а храм Василия Блаженного – как бы алтарем, надпрестольной сенью. Да, к фасадам храма можно предъявить серьезные

претензии, многие элементы суховаты, неизжитое наследие классицизма чувствуется. Да, храм не стал шедевром архитектуры, но мы не можем забывать, что говорим о зодчем, открывшем архитектурную эпоху. Ни одна эпоха не начиналась с шедевра.

Храм Христа Спасителя оказался шедевром градостроительным. И здесь была проявлена чуткость к традиции: положение собора относительно Кремля было уподоблено положению Василия Блаженного. Собор был поставлен много ниже Боровицкого храма, что в сочетании с достаточным удалением сохраняло первенствующее положение Кремля в панораме Москвы. Вместе с тем, он стал крупнейшим зданием великого христианского города, которым может быть только кафедральный собор, зрительно дополняя Кремль, выполняя с ним вместе функцию композиционного центра. Некогда Аристотель утверждал, что соразмерный город должен весь просматриваться с верхней точки акрополя. Двухмиллионная Москва просматривалась вся с верхней галереи Храма Христа Спасителя. Утратив собор, Москва утратила основной модуль и начала превращаться из города в «Светлое коммунистическое будущее».

Десятой части того, что можно было сказать о культурно-исторической и художественной роли Константина Тона, хватило бы на добрую память любому архитектору. Но, может быть, осталось важнейшее. Мы сейчас твердо знаем, что культура всегда существует в национальной форме, но почти все национальные культуры объединены в небольшое количество великих культур. Что русская культура есть часть восточнохристианской, а вовсе не «Европа» и не «Азия», потому что в Европе есть две великие культуры, а в Азии – четыре или пять. Это знание – достояние современной научной и философской мысли после работ Константина Леонтьева, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби, Льва Гумилева. Во времена Тона этого не знал никто: «Россия и Европа» Николая Яковлевича Данилевского вышла в 1869 году.

Величие Тона как архитектора и императора Николая I как заказчика было в глубочайшей интуиции, предвосхитившей

философские и научные достижения их века. Обращение к неведомому византийскому наследию означало возвращение домой, в свою родную культуру восточного христианства. Изумительно точно наблюдение знатока архитектуры Евгении Кириченко, что «для А.И. Герцена, В.В. Стасова и других, равно как и для придворных кругов, сооружения, возведенные по проектам К.А. Тона, были олицетворением определенной политической программы – символом официальной народности. Однако для подавляющего большинства населения эти постройки связывались... с подъемом национального самосознания». Вот кто не принимал культурного поворота России: революционеры и бюрократия. Вот кто готовил взрыв России в 1917 году и взрыв ее храма 5 декабря 1931 года.

Сейчас мы избавляемся от последствий революции. Это возможно только на пути подъема национального самосознания, а культурное возрождение есть необходимое условие такого подъема. И на этом пути бывают ошибки. Не излишне вспомнить, что однажды мы уже нашли этот путь.

Христианство и познание

Трудно переоценить роль христианства в формировании крупнейших государств и мировой культуры и искусства, в объединении народов, в развитии основных научных направлений.

Что же касается России, то она обязана Православной Церкви своим происхождением. Объединение разрозненных славянских княжеств, формирование единого государства, имперских и земских традиций, раннего самоуправления – все это происходило под непосредственным благотворным влиянием Церкви, христианских принципов, Опыта Православной Византии.

Следует вспомнить и о том, что письменность, привнесенная святыми равноапостольными братьями Кириллом и Мефодием, началась для славян с богослужебных и библейских текстов. Кроме того, церковно-славянский язык, практически калькированный с греческого, позволил непросвещенным народам усвоить понятия и представления эллинского востока и, главным образом, превзошедшего языческую философию христианства.

Роль Православия в развитии Российского Государства во все времена была созидательной, прогрессивной. Мы не будем в этом кратком обзоре перечислять многочисленные победы и свершения народа, вдохновленного Церковью, великие шедевры архитекторов, иконописцев, композиторов, поэтов и писателей, творивших во Славу Божию и черпавших свои творческие силы в молитве.

Остановимся на одном общем вопросе. Вульгарный атеизм неоднократно пытался противопоставить религию естествознанию. Оснований для такого противопоставления, безусловно, нет и быть не может, ибо религия, в данном случае, – христианство, затрагивает взаимоотношения человека с Богом, духовный мир, изучает духовные законы, рассматривает вопросы о первопричинах и целях всего созданного и происходящего. Естественные же науки охватывают в процессе

познания лишь часть материального мира. Даже материальный мир в целом не может быть объектом познания какой бы то ни было науки и, даже, комплекса наук – в силу бесконечности познания. Тем более духовный мир не является объектом исследований естественных наук. Если какая-то наука или ее представители ничего не знают (или не понимают) о Боге – Творце, Создателе, Абсолютном начале, то на этом основании, безусловно, невозможно отрицание Бога. Как известно, слепой не видит солнца, но это не означает, что солнце не существует.

Итак, религия предполагает целостное восприятие Абсолютного Начала, регулирует наше отношение к Нему, закладывает нравственные основы для направления воли. Естественные науки сводят неизвестное к привычному в материальном мире, устанавливают связи между фактами, полученными во внешнем опыте, систематизируют, обобщают материальный опыт, формулируют закономерности физического мира. Наука отвечает на вопросы как? и почему? Религия – что? и зачем? Исключить одно другим невозможно. В одних случаях различны предметы познания, в других – грани проявлений познаваемого. Кроме того, наука не может оценить в своих рамках подлинность опыта, выходящего за пределы ее оснований, методов и категорий. В то же время существует не мало точек соприкосновения и нет серьезных противоречий между этими двумя основными составляющими познания. Основными потому, что философию можно рассматривать как инструмент богословия, ставящего более глобальные вопросы; а искусство всегда религиозно – скрыто или явно.

Противопоставление Религии и Науки – результат искаженного понимания сущности и религии и науки. Как отмечал профессор Н. Н. Фиолетов: «Недоразумение коренится в неправильности самой методологической постановки вопроса об отношении религии и науки».

Критика Библии нередко основана на отрицании Шестоднева и коррекции сроков существования мира и человека. Однако, актуалистический принцип, предполагающий, что скорость течения времени неизменна, не может считаться безупречным. С учетом необъяснимых сдвигов геологических

пластов и погрешностей радиоуглеродного метода остается открытым вопрос корректности исследований событий большой древности. Кроме того еврейское слово Иом, использованное в Библии для обозначения Дней творения может означать любой период времени, а тем более, если речь идет о Божественных «Днях». Здесь не только уместно вспомнить об относительности времени, но и следует принимать во внимание, что Бог сам творит и время и пространство. К тому же сами понятия пространства и времени возникают в момент появления (сотворения) мира.

В то же время, явление энтропии подтверждает, что мир не развивается от простого к сложному, а деградирует. Максимально совершенным и организованным он был «сразу после» сотворения. Своеобразное нарушение второго начала термодинамики отмеченное в работе В.П. Майкова «Расширенная версия классической термодинамики – физика дискретного пространства – времени» косвенно подтверждает факт стабилизирующего действия внешней энергии, то есть Творца в жизни мира и после завершения его творения. В христианской терминологии это называется Промыслом Божиим. Абсолютная благодать и совершенство Творца означают, что Он не является виновником разрушения. Хаос и разрушение – результат несоблюдения установленных Им законов свободными существами (людьми). В этом смысле изначальное совершенство сотворенного мира и последующие негативные процессы описываются в научных моделях д-ра Хокинга, который ввел понятие «мнимое время», в котором нет ограничений во вселенной. Теория симметричной вселенной академика Наана так же говорит в пользу библейских представлений мира из ничего, а не из какой бы то ни было первоматерии при полном соблюдении закона сохранения $1+(-1) = 0$, следовательно $0 = 1+(-1)$. Косвенно об этом же свидетельствует и теория большого взрыва. Однако Творческая внешняя сила (Божественная) необходима для того, чтобы вызвать к жизни «ничто». Данные о «золотом сечении», современные представления о гармонии, о сложности живого и неживого мира убеждают многих ученых (а не только поэтов) в

величии Творца. Однако и ученому при этом необходим религиозный опыт, ибо недостоверность науки (преобладание гипотетической составляющей над эмпирической, домысла над фактом, отсутствие безупречных и однозначных критериев достоверности) не позволяет получить руководство к нравственному выбору, который должен совершаться «здесь и сейчас», ежемоментно. Это уже область мировоззрения.

Нужно обратить внимание на методологическое сходство религии и науки. Догматы в религии играют роль подобную постулатам в науке. Стройная логика – неотъемлемый элемент богословских построений, личный духовный опыт и опыт Церкви, а главным образом – ее святых – эмпирический элемент. А вот атеизм не имеет возможности проверки, а поэтому – не научен по методам и содержанию. Следует отметить развивающиеся синтез и взаимопроникновение религиозных и светских наук. Так основное богословие тесно связано с философией, нравственное богословие – с психологией, история Церкви неотделима от светской истории, Церковное право немыслимо без логики, гомилетика без риторики. Серьезное изучение Ветхого Завета предполагает знание истории, геологии, физики, глобальных синтетических концепций.

По замечанию Энштейна мотивация научного творчества базируется не на значении, а именно на вере в познаваемость мира и закономерность его устройства. Аксиоматичность и научного, и религиозного знания еще более рельефна, если принять во внимание отсутствие логической цепочки от непосредственного опыта мировосприятия к первичным естественнонаучным и мировоззренческим положениям.

Остается огромное число явлений, объяснение которым в большей степени способна дать религия (с точки зрения смысла и цели), нежели наука (с точки зрения механизмов и природы). В числе таких явлений и т. н. «гений стал» и возникновение жизни (вероятность случайного возникновения из «хаоса» неизмеримо меньше всех мыслимых сроков существования вселенной, предложенных учеными).

Важно понять Религия и Наука – составные части полноценного знания человека о Мире и о себе самом.

Опыт православия и данные богословских наук неоценимы для формирования нравственной личности и получения целостного знания современным человеком, желающим достойно войти в 3-е тысячелетие Христианской эры. Однако, опыт Церкви по освоению информационных технологий отстает от потребностей современного мира.

Христианство не значит пацифизм

Статья 1993 года.

В вопросе о воинском долге мы очень часто исходим из модернизированной христианской морали, причем модернизирована она далеко не самыми добрыми и симпатичными людьми.

Вне всякого сомнения, существует заповедь «Не убий», и ее никто не собирается отменять. Вне всякого сомнения, есть в Нагорной проповеди заповедь «Блаженны миротворцы». Из того вытекает, что христианин должен быть миролюбцем. И, если он в силах, то и миротворцем.

Но из того отнюдь не вытекает, что христианин должен быть пацифистом. А в чем разница? Дистанция колоссальная. Миролюбие – не любой ценой! А миротворчество – тем более не любой ценой. И уж тем более – не ценой предательства.

Дело в том, что тема воинской доблести проходит в христианстве, начиная с Евангелия гораздо более интенсивной линией, чем миротворчество. «Не мир пришел я принести, но меч», – сказано в одном месте, а в другом сказано «разделение». А разделение есть противоборство. «Начальник не напрасно носит меч», – это уже у апостола Павла...

В Евангелии очень много чего сказано. Евангелие не только многозначно, оно даже и антиномично. Но можно проследить, какая мысль, если не главенствует, то наиболее интенсивно проводится. Так вот, это тема верности. А верность – воинское достоинство, прежде всего, наипервейшая воинская доблесть.

Первое, изначальное самоназвание христиан было «верные». И оно сохранилось в важнейшей части Литургии.

Вот, например, такая вещь, к моменту перемены в настроении римского императора (речь идет о Константиновой эпохе) самыми лучшими солдатами римской армии были христиане. Я это прекрасно знал из истории с юности, но не понимал – почему. Объяснил мне это давно, уже много лет назад, всего одной фразой Лев Гумилев: «Они не предавали в эпоху, когда все предавали всех».

Правда, не предавали еще и митраисты. Но почему христианство победило ту честную воинскую религию, – это особая тема. Суть в том, как прекрасно выразил Честертон, что «христианство есть истинная религия не потому, что устраивает всех, а потому, что вмещает всех».

Во всяком случае, то были две единственные созидательные силы, две единственные созидательные религии Поздней Античности. Все остальные были, в лучшем случае, декадансом, печальным сожалением о прошлом (как неоплатонизм), а в худшем случае – антисистемы, деструкция, злобные системы гностиков и манихеев. И за ними не было будущего.

Так или иначе, обе системы, христианство и митраизм, были со стержневой идеей честности, со стержневой идеей верности.

Ни в Новом, ни в Ветхом Завете вы нигде не найдете заповеди «Не предавай», потому что это само собой разумелось. Есть примеры предательств. Есть ветхозаветные примеры, но они настолько самоочевидны для любого из дееписателей Библии, настолько омерзительны, что всё уже само собой сказано.

То есть, военная хитрость – возможна, это не есть предательство. Но нельзя обманывать доверившегося. Это совершенно немыслимо.

Воинская тема никуда не уходит из христианства. Вот, например, преподобный Пахомий Великий, основатель первых общежительных монастырей, в юности был римским легионером. Его манипула куда-то марширует. Останавливается в селении. Жители селения обращают на себя внимание своей исключительной благожелательностью. Пахомий – мальчишка тогда – спрашивает своего центуриона, что это за люди такие. «А это христиане, – отвечает точно знающий старый фельдфебель, – они всех так принимают». И с этого момента Пахомий становится христианином. Но это совсем не означает, что он тут же бросает военную службу, удаляется в пустыню и становится монахом. Его христианство никак не вступает в противоречие с его воинским долгом. Он остается легионером.

Посмотрим на монашеские одежды. Они имеют сплошь воинскую символику. Монашеский клобук – это шлем, шлем духовного витязя. Я имею в виду древнюю остроконечную форму клобука – она у нас теперь сохранилась в схиме. Священник всегда носит через плечо, если только он имеет эту награду, так называемую «палису». Это палица – духовный меч. Епископы все ее носят, а священники не все – только те, кто удостоен.

У апостола Павла сказано: «Наша брань не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесной». Но они настолько сближены, эти два аспекта воинского подвига, что святой Константин Философ (будущий Кирилл), прекрасно образованный, блестящий интеллектual, много позже в полемике с мусульманами говорит им примерно такие слова: «Мы – миротворцы, мы за то, чтобы никогда не было войны, но с вами будем воевать, потому что иначе вы силком обратите наших собратий от истинной веры». Совершенно четкая формулировка. И здесь имеется в виду, конечно, война стальным мечом.

В западном христианстве еще больше – там крестовые походы. Кстати, когда Запад проходил свой героический век, Русь переживала расцвет неслыханно высокой цивилизации, который был, конечно, неведом Западу – до уровня нашего XII века и сейчас далеко. Ну, а Запад того времени даст очень много воинских примеров. Возьмем Альбигойские войны. Альбигойцы были большой пакостью. Мы сейчас привычно осуждаем «невежественных северных воинов», которые явились в цветущий Прованс и разрушили тамошнюю культуру – «Ах, трубадуры, ах, ах!»

А на самом деле, когда всерьез встал вопрос о провансальской Альбигойской ереси, как тогда ее называли (а то было настоящее антихристианство, как мы теперь видим), в Прованс не бросились воевать, туда отправились проповедовать. И первыми – братья доминиканцы. И тогда, хотя посвященный альбигоец не имеет права убивать, но зато прекрасно может отдавать приказы, доминиканским проповедникам стали вспарывать животы и сыпать туда едкие

вещества, чтобы они напоследок могли, как следует, поразмыслить о тщете жизни. И когда это дошло до северных баронов и великолепного, хоть и неграмотного Симона де Монфора, он среагировал так, как и реагирует христианский воин: «Ах, они режут животы нашим монахам!» В такой ситуации христианский воин берется за рукоятку меча, а меч у него тяжелый. И это нормальная реакция. А как, собственно, иначе? Но отнюдь не меч первенствовал во всей этой истории. А слово. Но альбигойцы предпочли уклониться от дискуссии. Это и понятно. В очень общих чертах, альбигойство есть разновидность манихейства. Удивляет, что манихейство, которое как бы иссякло в VI веке, снова появилось пятьсот лет спустя – и в Армении, и в Болгарии, и в Бахрейне даже... А в Провансе то были как раз альбигойцы. В Италии они называли себя «вальденсами» – «ткачами». Это было очень удобно: ткачи странствовали тогда со своими товарами и вербовали приверженцев и агентов. Причем всей сути учения сразу человеку не говорили, чтобы не ошеломить, не оттолкнуть с самого начала. А были разные степени посвящения и разные степени, соответственно, знания. На самом же деле они были такие же ткачи, как масоны – каменщики.

По Леониду Андрееву, то была типичная «религия левой руки», деструктивная религия. По Гумилеву – «антисистема». Гумилев просто изложил это академично, а люди это всегда прекрасно понимали. Люди, к счастью, умные и понимали, что есть иноверцы «приличные» и «неприличные». А мы сейчас, в XX веке, к сожалению, утратили это понимание. Скажем, даже самый агрессивный мусульманин никогда не относился к христианину, как к исмаилиту, потому что исмаилит – это не мусульманин на самом деле, а страшный разрушитель.

Так вот, откуда взялись альбигойцы? Тут возможны гностические корни. Мощные гностические течения были и до манихейства – они плохо относились к окружающему миру. В разных системах по-разному, но мир был для гностиков если и не злом, то чем-то грязным. Словом, единственное, что остается – разрушить мир и помереть. То есть все манихейские системы, в том числе и альбигойство, отличаются

отрицательным мировосприятием: мир есть зло и, стало быть, мир должен быть истреблен. Вступала в силу деструкция. И такое человеку объясняли, разумеется, не сразу в лоб. Все подобные системы отличаются разрешенностью лжи.

Так что в случае с альбигийскими войнами мы как раз и видим защитное, благородное проявление христианского воинского подвига.

Был у нас в стране в начале века такой замечательный человек, знаменитый в свое время подполковник по фамилии Булатович, впоследствии – иеросхимонах Антоний. Пламенный богослов, полемист. Он был офицером Генерального штаба с героической биографией, был советником эфиопского императора, написал о нем книгу. Его ждала блестящая карьера. На этом пике своего военного поприща он отправился в Афон и принял пострижение в русском Пантелеймоновом монастыре. Потом приехал в Россию и монашествовал здесь. В старости, в годы революции, его убили какие-то красные бандиты.

Так вот, когда у этого схимника спросил как-то журналист, как он относится к своему военному прошлому, ведь он не раз участвовал в бою, Антоний ответил: «А я и сейчас, хоть сию секунду, готов в бой». И пояснил: «Разве вы не понимаете, что в бою проявляются самые светлые и благородные помыслы человека? Долг, честь, жертвенность. Человек проявляется в сражении самыми лучшими, а не худшими своими чертами».

Я думаю, что христианство правильнее все же понимал Булатович, нежели Толстой.

Кстати, мне довелось однажды чисто случайно увидеть списки русского монастыря в Афоне. Неполные списки – он огромный был, русский монастырь в Афоне. Так вот, я был тогда изумлен: перечень более чем показателен: иеромонах такой-то – в миру гусарский ротмистр такой-то; иеромонах такой-то – в миру артиллерийский поручик такой-то; и так далее. Среди афонских монахов, причем священномонахов, было огромное число бывших офицеров. Что же касается пацифизма, который мы воспринимаем как отвержение войны и борьбы, абсолютное

непротивление, то этика Льва Николаевича по-своему не противоречива, но она – совершенно нехристианская.

Вдумайтесь: почему люди не церковные, а часто и не христиане, перед революцией так возмущались отлучением графа Льва Толстого? Казалось бы, радуйтесь! Он же теперь ваш, его вам отдали! Так нет же, они возмущены. А после революции тем же возмущались – кто бы вы думали? – большевики. И провозмущались так все семьдесят лет. Мне кажется, что за этим возмущением скрывается чуть ли не досада, что не удастся совершить подмену и назвать христианством то, что таковым не является, то есть пацифизм.

Пожалуй, среди всех религий именно христианство чаще всего пытаются исказить: то есть христианское назвать нехристианским, и наоборот, нехристианское назвать христианским. Христианские философы и писатели не раз проводили четкую границу между христианством и пацифизмом... Нас предусмотрительно лишали этого чтения все семьдесят лет. Но теперь-то можно и прочесть. Хотя бы у Ильина – трактат «О сопротивлении злу силою».

Впрочем, непротивленческая система может прекрасно существовать и сама по себе, не камуфлируясь под христианство. И, может быть, кому-то она и подходит, и нравится. Может быть, это и удобно, когда на твоих глазах душат ребенка и насилуют девицу, – подойти и увещевать. Или вовсе не подходить?..

Есть максима, которую я часто привожу при обсуждении подобных тем. Она принадлежит очень уважаемому человеку в нашем мире, преподобному Феодосию Киево-Печерскому: «Живи в мире не только со своими друзьями, но и с врагами своими. Но только с врагами своими, а не с врагами Божьими».

Критерий один – совесть. Других гарантий нет. У человечества вообще нет гарантий, кроме одной: в человека от рождения заложен механизм, который работает безотказно вот уже несколько тысячелетий. Этот механизм – совесть. Его можно подавлять. Многие с успехом это делают. Его можно испортить. Но он дан человеку от природы. Совесть присуща человеку как биологическому виду.

Царь Павел осознавал себя ответственным

Статья 2001 года.

Другое название: Он осознавал себя ответственным.

Пожалуй, никому из государей в нашей истории так незаслуженно не доставалось посмертных обид и поношений, как Павлу I. Почему-то именно ему вменялись в вину и деспотичность правления, как будто в нашей истории не было явных тиранов – Ивана IV и Петра I, и низкопоклонство перед прусскими образцами, как будто не были западниками императрица Екатерина II и император Александр I – мать и сын императора Павла. Его подозревали в принадлежности к масонской ложе. Его внешнюю политику объявляли безумной. Поколения наших соотечественников (поколения, много поколений!) смотрели на царствование императора Павла через призму картинки Александра Бенуа «Парад при Павле I» и романа Юрия Тынянова «Подпоручик Киж», надо сказать, талантливой картинки и небездарного романа, дающих нам, однако, не портрет эпохи, а ее карикатуру.

Императору Павлу довелось править менее пяти лет. Тем не менее, мы должны объективно оценить то, что им было сделано. Ему досталось тяжкое наследство. В начале XVIII века при Петре I Россия приобрела западничество как часть своей культуры, уводившую нас из восточнохристианской культуры.

Это западничество в довольно злобных, репрессивных формах усилилось в бироновщину, в десятилетнее царствование Анны Иоанновны. После определенного сдвига к православной традиции при Елизавете Петровне мы получили екатерининское царствование – самое дворянское царствование в нашей истории, когда канавка между дворянами и всеми остальными русскими людьми, вырытая еще Петром I, превратилась в пропасть. Тогда был издан Указ о вольности дворянской, но забыт Указ о вольности крестьянской. И вместо барина-защитника, всю свою жизнь служившего и защищавшего, между прочим, крестьянина, на шее мужика вдруг оказался

бездельник. И народ, как известно, на то ответил пугачевщиной. Все это было. Вот что досталось императору Павлу.

Была еще и трагическая личная история. Его отец был убит, когда Павел был еще младенцем, убит матерью. Таким образом, Павел Петрович в какой-то степени ощущал себя в положении Гамлета. Его готовили к государственной деятельности с отрочества, но чем старше он становился, тем дальше его отодвигали от государственных дел. В конце концов, после совершеннолетия он оказался в почетном изгнании, запертым в своих прекрасных дворцах – в Гатчине и Павловске. Нет, пожалуй, худшего воспитания наследника престола, нежели то, что выпало на долю молодого Павла.

А вместе с тем он получил очень неплохое образование. Несомненно, Павел Петрович был самым образованным среди русских государей XVIII столетия. В XIX веке с ним могут сравниться только Александр II – Царь-Освободитель и последний наш государь – Николай II.

Он осознавал себя ответственным. Как-то раз, в юности, явно желая ему польстить, один из германских посланников сказал: «Ах, Ваше Высочество! Вы – настоящий немецкий принц!» На что всегда необычайно вежливый, благожелательный Павел вдруг топнул ногой так, что посланник подпрыгнул, и грозно рыкнул на него: «Какой я вам немецкий принц! Я – Великий Князь Российский!»

Он понимал, что он не просто правитель благовоспитанный, который призван стать благодетелем всего человечества (так будет думать Александр I, чем нанесет огромный вред России и русским). Он полагал, что он отвечает перед Всемогущим Творцом за свою страну, благоденствие своего народа, – за все, что произойдет в его царствование. Он не сомневался (довольно редкое чувство в XVIII столетии) в том, что каждое царствование создается Небесами и монарх имеет особенное благословение Небес, представлявшее на самом деле страшную ответственность: с монарха спросится за малейшего из его подданных. А ведь в XVIII веке монархи чаще воспринимали Помазание Божие не как высшую степень своей ответственности, а как наделение себя особыми правами.

Такова была его мать – императрица Екатерина, которая ждала всю жизнь и не могла терпеть спокойно своего сына, который не ждал никогда.

У него была тяжелая юность. Да что юность! Он долго ждал, ведь екатерининское царствование заняло целых 34 года! Но, впрочем, о тяготах юности, молодости и ранней зрелости Павла I вы можете прочитать во многих книгах. А давайте посмотрим теперь, каковым же было его царствование.

Прежде всего, император Павел избавил Россию от опасностей дворцовых переворотов. Предпосылки к ним были заложены Указом Петра, вводившим нелепую систему престолонаследия «по завещанию». «Правда воли монаршей», как это называлось, превращала монарха из самодержавного правителя в абсолютного деспота. Бог не дал Петру осуществить это мнимое право: он так и не успел на смертном одре назвать, кому завещает корону.

С тех пор Россию периодически лихорадили перевороты. В 1725 году, сразу по смерти Петра, произошел первый переворот, когда гвардейцы и Меншиков поставили Екатерину I царствовать в России, вообще-то не признававшую женских царствований. В 1825 году декабристы пытались совершить последний гвардейский переворот.

Однако заметьте: и переворот 1801 года, цареубийство самого Павла, и декабристский переворот 1825 года не удались. Во многом потому, что тремя Актами Павел I избавил страну от этой угрозы. Он присоединил абсолютно надежные гатчинские части к гвардии, отменил петровский Указ, согласно которому дворяне должны начинать свою службу рядовыми солдатами гвардии, то есть разрушил янычарскую секту, и издал новый Закон о престолонаследии – строгий закон, правда, не русский, действительно западноевропейский. Русская традиция, когда царь избирается на царство, была утрачена, ушли из истории Земские соборы, и оставалось прибегнуть к майоратному способу. И последние пять императоров вступали на престол на основании этого Закона. Это заслуга одного Павла I.

Мы пользуемся термином «крепостное право», не задумываясь о том, что под ним понимаются разные явления.

Так называемое крепостное право XVII века, когда и помыслить нельзя было продать крепостного, было мягче, чем крепостное право в любой стране Западной Европы (может быть, кроме Англии). А крепостное право Екатерины было куда хуже, чем в любой стране Западной Европы и, скорее, напоминало рабство.

И вот император Павел начинает готовить первое крестьянское законодательство. Правда, он успел издать только один Указ – «О предельности трехдневной барщины крестьянина на помещика». Но до нас даже не дошли документы, в которых проектировалось законодательство, можно лишь предполагать, что это не было полное освобождение крестьян, а только закон, который ограничивал и права помещика в отношении крестьянина, и обязанности крестьянина в отношении помещика.

Если бы эти ограждения защитили хозяйственную независимость крестьянина, наша экономика избежала бы крепостнического расслабления, и мы избежали бы отсталости России и, возможно, поражения в Крымской войне. Но и этого Павлу Петровичу сделать не дали. Он принялся реформировать армию. Его критикуют обычно за то, что он ввел после свободных потемкинских мундиров неудобные прусские. Да, это правда! Но заметьте, как все предвзяты и несправедливы. Да, конечно, неудобно сражаться в треугольной шляпе, но разве удобно – в огромном кожаном горшке, в котором сражались герои 1812 года (подразумеваю кивер)! Да, действительно смешно в конце XVIII века носить косицы и букли, но, с другой стороны, у павловского мундира был отложной воротник, а при Александре он стал стоячим, и каждый солдат смотрел соколом, потому что иначе и смотреть-то было нельзя, когда тебе воротник упирается в подбородок! Почему же мы не издеваемся над неудобными петровскими мундирами, неудобными мундирами начала екатерининского царствования, неудобными александровскими мундирами – а всё Павел? Однако... Однако... Флот при Павле I улучшил свое качество, а кавалерия благодаря прусским совершенным уставам стала той блистательной кавалерией, которая побеждала и французов в эпоху наполеоновских войн.

Однако, прежде всего император Павел был выдающимся политиком. Екатерина ненавидела и боялась революций, Павел же их ненавидел как христианин и христианский государь, но не боялся. Екатерина заявляла Павлу, что он безумец, если полагает, что пушки могут бороться с идеями. Уж мы-то хорошо знаем в XX веке, как великолепно пушки борются с идеями! Но он двинул русские войска в Европу, а Суворов получил, наконец, всемирное признание великого полководца...

Нет, он не боялся и готов был противостоять революциям. Но помнил и об интересах России. Получив великолепную возможность провести через черноморские проливы свой флот и даже вспомогательные силы союзного (редчайший случай!) турецкого флота, император Павел не только сумел потеснить французов, не только совершил руками и гением Федора Федоровича Ушакова первое освобождение греков, но и создал поразительный по глубине Мальтийский проект. Вот уж за что несправедливо упрекают императора Павла западники и патриоты!

Западники говорят: куда же нам с суконным рылом на Мальту! А наши не очень умные патриоты: как же мог, как мог император Павел стать гроссмейстером ордена, признававшего первенство римского папы?

Более того, до сих пор ходят феерические легенды, что мальтийские рыцари – это как раз масоны, и вот тут-то и есть главное прегрешение императора Павла. На это последнее обвинение я всерьез отвечать не буду. Это бред! А вот в отношении папизма позволю себе задать вопрос: а может быть, орден, добровольно избравший православного императора своим гроссмейстером, уже тем самым переставал быть римско-католическим?

Во всяком случае, Мальта даже в годы Второй мировой войны была важнейшей ключевой точкой Средиземноморья. А ведь могли же мы владеть Мальтой (нет-нет, не как Русской землей, как орденской), и гроссмейстерский ранг стал бы наследственным в династии русских государей. Так выгодно ли то России? Выгодно ли то Вселенской Православной Церкви? Разве, имея мы базу на Мальте, не были бы на многие

десятилетия раньше освобождены наши братья – балканские славяне и греки? Разве не как православный государь повел себя Павел Петрович?

Божьей милостью император Павел не мог примириться с Французской революцией. Но он посчитался с генералом Бонапартом, в котором почувствовал основателя новой династии. Это очень важный для нас вопрос. Нас сейчас совершенно одолели «легитимисты», полагающие, что законны только так называемые «законные династии». Помилуйте, но ведь у каждой династии был когда-то первый государь! Значит, если монархисты-легитимисты правы, то каждая династия начинается с мерзкого узурпатора, который нелегитимен, а уже наследник этого узурпатора почему-то становится легитимным?! Вы не находите в этом противоречия, для христианина довольно странного? Император Павел полагал иначе: если царские венчания совершаются на Небесах, то и основатель династии – тоже законный государь. И Павел почувствовал в Бонапарте будущего Наполеона!

За этим последовал русско-французский союз. Что он нам сулил? Мы избавились бы от необходимости загребать жар голыми русскими руками для Австрии и, самое главное, Англии – нашей основной противницы на протяжении двух с половиной столетий. Мы получили бы возможность продвинуться на Балканы много раньше и много решительнее, вытесняя англичан.

Есть еще одно безумное искажение смысла политики императора Павла: ему приписывается проект нелепейшего индийского похода через Среднюю Азию, где, несомненно, русская армия должна была без воды погибнуть. А ведь на самом-то деле русские войска должны были двигаться в Индию не через Среднюю Азию, а через Сирию и Месопотамию, где французы уже начали готовить нам операционную базу, провиант, необходимые технические средства. Ни один военный специалист никогда не критиковал проект императора Павла. Месопотамский путь в Индию был более чем реален. И здесь – блестящее геополитическое мышление! Причем мышление в

интересах России, в интересах имперской политики, в интересах Церкви.

Всего того было бы достаточно для того, чтобы признать Павла выдающимся государем. Многие в понимании значения его государственной деятельности проясняют обстоятельства его кончины. Англия была в ужасе: Россия в союзе с Францией могла лишиться ее положения великой державы. Заработало английское золото, заработали английские связи. Именно английский посол финансировал главу антипавловского заговора – графа Палена. Всех, кого Павел не любил как фаворитов императрицы Екатерины, он простил и вернул на службу, но они ему не простили! Именно здесь видна роль масонства, правда, не «всемирного масонского заговора», а масонских связей с центром русского масонства, которым была Англия. Масонство, безусловно, причастно к цареубийству 1801 года, и оно отстаивало английские интересы.

Цареубийство свершилось! Мы все сейчас помним о цареубийстве 1918 года, но ведь было цареубийство и 1881 года, когда погиб Царь-Освободитель, было и цареубийство Федора Годунова, второго правителя законно избранной династии... Было и цареубийство Павла. Причем из всех этих государей, к памяти которых я отношусь с предельным почтением, для России более всех сделал император Павел. А мы плохо помним его имя! А вот он до последних секунд своей жизни сохранил верность России: он отказался спасти свою жизнь, не подписав акт отречения, и погиб воином на своем посту, как древнерусские князья – Михаил Черниговский или, может быть, в еще большей степени, как Михаил Тверской.

Тогда народ его чтит, оплакивал, полагая «убиенным благоверным царем». Постепенно то народное почитание императора Павла пошло на убыль, но вдруг возродилось. Оно возродилось, казалось бы, из ниоткуда. В последние годы XIX века и в предреволюционные годы нашего, XX века всё больше панихид заказывали на гробнице императора Павла в Петропавловской крепости.

В 1908 году Санкт-Петербургские священники составили небольшую брошюру, где было собрано 300 случаев чудесной

помощи по служению этих панихид, чудесной помощи убиенного царя! Не пора ли нам сейчас вспомнить это почитание и переиздать эту брошюру?!

Мы сильно задолжали перед Богом. Есть еще имена XIII века, XVII и последующих, которые ждут своего прославления. Может быть, одним из первых ждет прославления Церковью на земле и убиенный государь Павел?

Человек своей эпохи

Статья 1995 года.

Государь Николай Александрович получил превосходное образование – высшее военное и высшее юридическое. Ему читали лекции такие гиганты, как профессора Бунге и Победоносцев. Он проходил, как и полагалось любому великому князю, воинский ценз, начиная с подготовки рядового солдата, как любой юнкер, и далее – на унтер-офицерских и офицерских должностях, причем попеременно в различных родах войск.

Он был чрезвычайно интересным руководителем внешней политики собственной страны, очень тонким, тонким до прозорливости.

В 1898 году именно Николай II был инициатором Международной Гаагской конференции, именно он совершил первую попытку ограничить, как мы теперь говорим, «гонку вооружений». Термин-то поздний, но речь шла именно об этом, о договорном ограничении развития наиболее разрушительных видов оружия. Много не удалось, но Гаагский международный суд существует, и он – детище Николая II.

Николай II, вероятно, был одним из первых государственных деятелей, кто почувствовал опасность противостояния оборонительных союзов – Русско-Французского (будущей Антанты) и Тройственного (союза центральноевропейских держав), противостояния, приведшего к Первой мировой войне. И ведь не ошибался Государь, когда пытался в Бьорке заключить смягчающий эту ситуацию договор с Германским императором. Мы смело можем говорить о нем как о способном государственном деятеле.

Все невзгоды русской культуры в эпоху, когда мы не знали, как и храмы-то православные по-русски строить, проистекали из того, что мы подходили к России с иностранными мерками. Поворот начался при Николае I, усилился в царствование Александра Николаевича и Александра Александровича, и только при Николае II мы располагали настоящей русской

историей, настоящей историей русской архитектуры. Мы уже знали свое прошлое, и он знал в совершенстве, и был человеком эпохи. Его это интересовало. Он был заказчиком довольно многих сооружений, в том числе и крупномасштабных. Его культурная активность как главы государства и его привязанности как частного лица сказались, например, в строительстве в Царском селе Феодоровского собора архитектором Владимиром Покровским. Храм этот не имитировал архитектуру XII-XVII веков, а строился в традициях национально-романтического модерна. Именно такая архитектура нравилась Императору.

В том же стиле были построены неподалеку для стрелкового полка казармы под названием «Феодоровский городок», при которых располагались и дома духовенства Феодоровского собора, построенные архитектором Степаном Кричинским.

Вкусы Николая II сказались и в традиционных при нем народных гуляниях, когда в национальных костюмах появлялись глава государства и представители знати, а тем более это было характерно для балов того времени, часть которых были костюмированными в национальном стиле. Это не означает, что Николай Александрович был ряженым и любил ряженных. Напротив, он принадлежал к эпохе, когда мы начали возрождать традиции.

Модерн содержал колоссальные предпосылки Возрождения. Что такое Возрождение? Прежде всего вспоминаем Итальянское Возрождение, которое, кстати сказать, явилось крупным отступлением Запада от христианства. Но «возрождение» – термин универсальный. Он означает любой культурный подъем, когда та или иная страна, тот или иной народ обращаются к классической Древности. А классическую Древность своей эпохи каждый выбирает сам. У китайцев она одна, у византийцев – другая. И вот в обращении сразу к нескольким периодам классической Древности заключался огромный потенциал модерна, как несостоявшегося русского Возрождения.

Есть еще одно. Это связано и с культурой модерна и с тем, что модерн был нашим несостоявшимся русским Возрождением. Посмотрите, после преподобного Сергия у нас в стране, пожалуй, ни разу не было «всенародного пастыря». Было много замечательных духовных лиц, и среди них много святых. Но ведь вы не скажете «эпоха преподобного Серафима», вы скажете «Пушкинская эпоха» или «эпоха Александра I». А о конце XIV века мы обычно не говорим «эпоха Димитрия Донского», а говорим «эпоха преподобного Сергия». Не потому, что один святой был больше, а другой меньше, чего мы с вами вообще не можем знать, а потому что такова была его роль. Сергий был всенародным пастырем. А эпоха конца XIV века была эпохой Возрождения и в Византии, и у нас. Это эпоха Рублева. И в начале XX века тоже был всенародный пастырь, впервые за много веков. Конечно, это был св. праведный Иоанн Кронштадтский. Последний Государь знал его, встречался, беседовал с ним. И вот чрезвычайное внимание к нему и вообще к возможности подобной роли духовного авторитета для всех русских людей, объединяющего духовного авторитета, было еще одним соответствием личности Николая II собственной эпохе. Прежде всего ему нравилась национальная традиция. Но модерн ведь вмещал в себя и очень многое другое. Он вмещал в себя и египетское наследие, и античное, и западное, особенно XVIII век.

Николаю II нравилась опера эпохи расцвета русского музыкального искусства. Звезда Мамонтовской оперы, конечно, Шаляпин. И Император пригласил Федора Ивановича ко двору.

Император не гнался за модой. Можно точно сказать, что последнему Государю не нравился авангард, все авангардные проявления, а нравился модерн, который представлен у нас архитектурой очень многих зодчих. Это один из величайших расцветов русского зодчества. В литературе модерн представлен художниками-акмеистами, Гумилевым, в частности. В живописи – художниками «Мира искусства»: Кустодиевым, Нестеровым, Билибиным. Интересно, что Билибин получает крупные заказы государственного масштаба

на монументальное убранство интерьеров в эту эпоху. Он был очень значительным мастером.

Таковы были вкусы последнего Государя. А привязанности? В привязанностях своих он тоже человек эпохи модерна, начала века. Что любит Император Николай II? Кататься верхом: он великолепный наездник. Он любит охотиться, все государи охотились, но есть увлечения, свойственные именно ему, – фотография и езда на автомобиле. Автомобиль тогда был замечательной игрушкой. Кстати, он был превосходным фотографом. В увлечениях он был виртуозен, как и его предки, как, скажем, его тезка и выдающийся прадед Николай I, который был прекрасным мастером акварели. То есть и здесь – это человек своего времени.

Может быть, особенно Николай II как человек своей эпохи выступает в отношении к семье. Несмотря на определенную семейную трагедию, и Александр II был семьянином, и Павел I отличался трогательно-рыцарственным отношением к своей супруге. Образцовый семьянин – Александр III. А Император Николай Александрович – не просто образцовый семьянин, муж и отец. Для него семья и семейный образ жизни имеют не только нравственное значение, но и эстетическое. Это для него самое прекрасное.

Почему я сказал здесь о том, что он человек эпохи? В любую эпоху христианин – значит семьянин, если не монах, конечно. Тут нет ничего удивительного. Но во все эпохи так было по долгу и по традиции. Не всегда можно сказать, что эпоха была «увлечена семейными делами», а вот эпоха модерна, эпоха начала века, была эпохой, когда увлекались частным жилищем, особняком или хотя бы дачкой (сколько дач тогда строилось!). А на дачах, как известно, проводят время в очень тесном кругу семьи. Увлечение семьей – самое прекрасное, что окружает человека. И здесь Николай II, конечно же, человек своей эпохи, только очень хороший человек, очень высокого качества, и даже немного впереди своей эпохи.

Когда-то Лев Николаевич Гумилев сказал между делом: «Старое никогда не борется с новым, борются две формы нового, а старое уходит само». Так вот, новым был не только

Ульянов (Ленин) и прочие людоеды-революционеры, новым был не только разрушавший Россию, Русскую Державу, леволиберальный мир, точнее, либерально-радикальный, потому что либералы бывают и консерваторами, и это самые достойные люди, которые есть в государстве. Таковым и тоже новым был и Петр Аркадьевич Столыпин, и тот, кто его нашел – Император Николай II.

Это тоже была одна из форм нового: Россия общественная, Россия, устранившая бюрократическую переборку между государством и обществом, Россия семейных ценностей, очень тонкого традиционного, традиционалистского, православного искусства. Россия, какой она могла быть, если бы мы не позволили отнять у нас последнего нашего Государя.

Что же было в 37-ом?

Сегодня мы обращаемся к теме, которая должна была бы быть и духовной скорбью, но и большой духовной радостью – прибытие в Москву на Бутовский полигон из Соловецкого монастыря Поклонного креста памяти павших, в том числе и на Соловках. Павших мы, разумеется, чтим, и теперь мы гораздо яснее представляем все после прославления Новомучеников и Исповедников Российских. Все это, может быть, даже не требовало бы особого разговора. Но есть одно но – и здесь должен говорить историк.

Потому что нашей печалью и нашей памятью злоупотребляют особенно сейчас в связи с тем, что дата 8 августа по новому стилю – соответственно, круглая годовщина 8 августа 1937 года – назначена, как начало страшных репрессий.

Никакие репрессии в 1937 не начинались.

Репрессии начались в 1917 году, это были, конечно, репрессии “малой кровью”, но зато с начала 1918 года кровь стала большой, и пошла полоса красного террора.

Есть округленные подсчеты американского профессора Курганова, русского человека, работавшего в США, потомка эмигрантов.

Итак, что дает Курганов? Красный террор с 1917 по 1923 год – рассчитан категориями.

Погибло академиков, профессоров, писателей, художников, учителей и студентов – 160 тысяч человек. Погибло чиновников, офицеров, фабрикантов, торговцев, полицейских с жандармами, не считая Гражданской войны, т.е. только прямые жертвы террора – 50 тысяч человек. Духовенства и церковнослужителей, церковного актива – до 40 тысяч человек. Рабочих и крестьян – 1 миллион 300 тысяч человек.

В итоге, по Курганову, получается 1 миллион 550 тысяч жертв. Причем к ним следует прибавить три миллиона потерь в Гражданской войне.

Это первая волна.

Ничего, получается, в 1937 году не начиналось.

Вторая волна пойдет сразу же – это чисто чекистский террор. С 1923 по 1930 год погибло еще 2 миллиона человек. Еще был первый голод в 1921–1922 годах, который обычно называют голодом в Поволжье (хотя он затрагивал не только Поволжье). Умерло 6 миллионов человек. И второй голод, который обычно называют украинским, хотя он затрагивал Северный Кавказ, русские области Северного Кавказа и немного Поволжье. Умерло 7 миллионов человек.

Убитые так называемые “кулаки” (по мнению чекистов, конечно же, “кулаки”) – еще 750 тысяч жертв.

Следующая волна чекистского террора 1933–37 годов, связанная, кстати, и со стройками каналов и железных дорог, дает еще 1 миллион 600 тысяч жертв.

Получается, если не брать жертв двух искусственно устроенных “голодов”, а только касаться жертв террора, почти 6 миллионов. А если добавить 13 миллионов умерших голодом, то цифра приближается к 20 миллионам.

На этом фоне то, о чем предпочитают говорить – “ежовщина” 1937–38 годов, дает очень скромную цифру жертв – немногим более миллиона. Т.е. количество жертв красного террора, как подсчитали уже после работ Курганова, в два раза превосходит число всех сталинских жертв. Это не оправдывает Сталина и не делает его лучше, одна жертва не лучше другой, но...

Но вот, что важно именно сегодня – почему и когда “37-ой год” был сделан нарицательным? Это произошло при Хрущеве.

Почему, как заходит речь о репрессиях, то все время повторяется: “37-ой год”? А вот почему.

Вернемся к Курганову и его подсчетам уже этого периода. Интеллигенция, рабочие, крестьяне – 635 тысяч погибших. “Чистка” Красной армии, причем в основном комиссаров, тех, кто запятнал себя убийствами в годы Гражданской войны, в 20-ые годы, во время антоновского восстания, подавленного ядовитыми газами Тухачевским – это еще 30 тысяч.

Члены коммунистической партии – считали при Хрущеве – 340 тысяч. Так вот почему “37-ой год”.

Потому, что до 1937 года погибали как жертвы красного террора либо люди невинные, либо просто люди откровенно порядочные. Погибали и подвижники Православия.

А в 1937 году впервые жертвами, наряду с достойными людьми, стало начальство, стали сами чекисты, т.е. убийцы предыдущих десятилетий. Двадцать лет они убивали, наконец, через двадцать лет их тоже стали убивать.

Поэтому, но это ничего не меняет, целый ряд священномучеников, в том числе епископов, погибли именно в 1938 и 1939 годах, и даже в 1940 (это правда). Погибали и другие люди, и ученые, и рабочие с крестьянами погибали. Их всех жалко, и память их драгоценна. Поминать их всех надо, тех, кто канонизирован, на молебнах, остальных – на панихидах.

Но не надо забывать, что когда нам говорят о начале репрессий, это те, кто является либо физическими, либо духовными потомками репрессированных и в значительной степени потом реабилитированных убийц.

Помните об этом и не давайте лгать.

Храни вас Бог!

По материалам выступления в эфире радиостанции «Радонеж»

Правая.ру, 9.08.07

Что можно Косову, можно и всем остальным

Выступление на круглом столе «Косово и Грузия: проблемы безопасности России»

Дом журналистов 20.02.08.

Сейчас всюду раздаются голоса о том, что если можно Косову, то можно абхазам и южным осетинам, можно Приднестровью, хотя об этом почему-то не любят громко говорить, хотя я считаю, что неожиданная антикосовская и антиалбанская позиция Румынии связана только с тем, что у них Приднестровье находится в подбрюшье и никаких других причин у них нет.

Нынче же абхазы живут несколько тысяч лет на своей абхазской земле. Даже в Тбилиси одно время была абхазская династия. Давно, но бывало такое. Южные осетины – действительно беженцы от мусульманского давления, они с разрешения грузинского князя переселились. Но это было тысячу лет назад. Их можно считать коренным населением через тысячу лет с небольшим. На этом фоне албанцы, за исключением, может быть, немногих сотен семей – мигранты, гастарбайтеры, переселенцы 20 века, большая их часть переселилась во второй половине 20 века, после Второй мировой войны. Они точно живут не на своей земле. Это переселение было совершено преступным врагом сербов, «премудрым» Иосифом Броз-Тито. Его секретная биография такова: по одним сведениям он хорват, по другим – он хорватский еврей. Но в любом случае, сербов он ненавидел. Таким образом, то, что произошло с заселением Косово и Метохии албанцами, правопреемствования не порождает. Как все дурное, антирусское, совершенное коммунистическим режимом, у нас в истории правопреемство порождать не может.

Возьмем границы так называемого «Казахстана». Сначала границы нарисовали, потом слово Казахстан придумали. Ни один казах не знал даже еще в 20-е годы, что существует

Казахстан. Преступный режим не может порождать преемство. Об этом, так или иначе, надо говорить.

Второе. Есть очень важный момент. Тут после Косово как-то сразу вспомнили Западную Европу и по телеканалам постоянно напоминали, что есть проблемы Страны Басков, есть проблема Ирландии. Я снисходительно отношусь к ирландскому признанию албанского Косово – не по подлости они это сделали. Им прецедент важен, но только в другую сторону. На самом деле, развернутая пропаганда, которая в эти дни предельно уместна – это наша пропаганда, выгодная нам пропаганда. Она должна включить, вне всякого сомнения, указания на то, что в Италии есть область Фриули и есть этнос фриулов, а не субэтнос итальянцев. В Голландии живут фризы, родственные голландцам, но другие. В Германии, живут лужицкие сербы, они же сорбы, они же лужичане. Почему бы не автономизировать округ Баутцен? Это было бы очень красиво и элегантно. Они сохранили сербо-лужицкий язык и им пользуются. В Баутцене, например, когда туда въезжаешь, все таблички становятся двуязычными, а магазины – только на сербо-лужицком языке, немецкий исчезает.

Этого всего очень много. Таких анклавов великое количество. Вот в Испании, например, если не подталкивать, то сами подталкиваются баски. А если подтолкнуть? Ведь есть в Испании проблемы и помимо басков. Почему бы королевство в Барселоне не основать, да хоть бы и республику? Каталонцы – это тоже не испанцы. Барселона – самый богатый город в Испании, да еще побогаче испанцев.

У нас тоже не хватает национальных округов на территории даже нынешней Российской Федерации. А уж тем более не хватает русских национальных округов в системе государственного ближнего зарубежья. Но если там все достаточно просто, то для Молдавии проблема не исчерпывается, например, только Приднестровьем, есть и гагаузская проблема. Они предпочитают жить в России, а не в Молдавии. Они хоть и турки, но народ православный.

У Саакашвили есть до сих пор необъявленная автономия – есть Осетия с компактно проживающим армянским населением.

Есть регион городов Ахалкалаки. Может, действительно, взять и всем сестрам выдать по серьгам? И сказать всем, что если вы так хотите независимость, вы все это получите. Это замечательно, так делали боевые большевики. Я боевитость люблю, хоть и не коммунист. Они провозглашали «наш ответ Чемберлену». Надо предлагать ответ, когда возражать будет очень трудно. Франция поторопилась. Она бросилась вылизывать американцам орган усидчивости одной из первых. Но я хочу напомнить, что французам повесить проблему легко. Пожалуй, в Гаскони сейчас ее не повесишь. Пожалуй, в Бретани сейчас тоже не повесишь. Но есть еще и Корсика. А корсиканцы отнюдь не считают себя французами.

И последнее, чтобы по этой проблеме все было уже сказано. Руководящие круги племени семинолов, владевших Флоридой, никогда не подписывали договор о своей депортации из Флориды. Как греки, армяне, ассирийцы. А почему бы не изъяснить готовность и не установить контакты МИД Российской Федерации с правительством семинолов?

Правая.ру, 12.03.08

Культурология церковных расколов

Почему – культурология? Разве расколы не явление по преимуществу церковной жизни? Это, безусловно, так. Однако если обратить внимание на обстоятельства, сопутствующие многим разделениям, бывшим в двухтысячелетней истории нашей Церкви, то можно сделать осторожный вывод, что часто причины раскола лежат вне вероучения. Допустимость того, что противник верует истинно, но с ним, тем не менее, следует разорвать молитвенное общение, составляет своеобразный психологический стержень сознания раскольника. Заметим, что именно это много раз помогало легко восстанавливать единство и братолюбие после устранения причины раскола.

Социальный стереотип раскола отличается от социального стереотипа ереси. Взаимные обвинения в ереси – не такое уж частое событие. Нередко на выявление и определение ложности вероучения уходили десятилетия, созывались Соборы, в их числе и Вселенские. Факт же раскола всегда сразу и легко признавался обеими сторонами. И хотя мы не усомнимся, что в расколе лишь одна сторона остается в Церкви, другая же образует раскольничью группу, есть основания для другой – осторожной – гипотезы: виноваты часто бывают обе стороны. Сколько раз православные шли на уступки ради воссоединения раскольников с Церковью. Вспомним хотя бы введение единоверия (православного богослужения по старому обряду) в XIX столетии. Уступки еретикам означали бы отступничество самой Поместной Церкви, уступки раскольникам возможны ради единства христиан. Чистота вероисповедания – прежде всего, но единство Церкви – часть православной веры.

Если мы предполагаем, что причины расколов в значительной части лежат в сфере культуры, уместно подумать: четко ли мы представляем себе, что есть культура? Чаще всего речь идет об искусстве или об умении вести себя в обществе. Но почему мы говорим о древнерусской культуре, о культуре античной, объединяющей эллинов с римлянами, этрусками, фракийцами? Почему пользуемся термином «археологические

культуры»? По определению большинства философов и ученых, культура – это среда обитания, создаваемая для себя человеком. В христианском понимании культура – это то, в чем человек реализует Божественный дар сотворчества Создателю. Большинство национальных культур объединены в немногие великие культуры. И русская культура – такая же часть великой восточнохристианской культуры, как, к примеру, итальянская – часть великой культуры Запада.

Очевидно, прав был священник Павел Флоренский, впервые предположивший, что стержнем культуры служит культ, то есть тип и образ богослужения. Чем дальше от богослужения, тем менее заметны общие черты великой культуры и больше национальные. Так, политика – тоже часть культуры, но уже, к примеру, значительно более русская, чем восточнохристианская. Когда политика определяется культурной традицией, это нормально, но когда пытаются управлять культурой, вместо того чтобы ей служить, – преступно. Радикальное реформаторство весьма часто порождает церковные расколы. Ведь человек крайне чувствителен к изменениям традиции, порой более, чем к разногласиям в вероучении.

Так бывало несчетное число раз. В нашей стране, например, в конце XVII – начале XVIII века, когда за церковным старообрядческим расколом последовал грандиозного масштаба петровский культурный раскол. Та эпоха вроде бы нам хорошо известна: множество книг, кинофильмов, других произведений искусства. Как же дела трехсотлетней давности воспринимаются современным обществом? Вот появляется телесериал о жизни М. В. Ломоносова. Симпатии авторов прямолинейны. Люди первого сорта – это «птенцы гнезда Петрова», «прорубатели окон». Второй сорт – поморские старообрядцы, замкнувшиеся в своем мире. У этих изоляционистов, конечно же, нет будущего, но они вызывают умиление. А третий сорт окопался в Славяно-Греко-Латинской академии – первом, между прочим, московском университете, будущей Московской духовной академии...

Можно было бы не придирааться к кинематографистам: с образованностью у них плоховато, к тому же им часто свойственно романтическое восприятие истории. Однако и в серьезных учебниках нередко вина за церковный раскол возлагается на патриарха Никона и его последователей, тогда как о вине перед Церковью Петра I, тирана и гонителя, вопрос даже не ставится. Нынешние «демократические» политики и журналисты, сплошь почитатели Петра (выдающегося «демократа»!), не позволяют себе и малейшего осуждения старообрядчества, тогда как православные у них – ретрограды, виновные не только в извечной отсталости России, но и... большевизме! Даже А. И. Солженицын не упускает случая упрекнуть Церковь в провинностях перед раскольниками. А некоторые ученые петербургского Пушкинского дома сочетают почтительное отношение к глубоко антицерковным петровским реформам с нежной любовью к старообрядцам. Но ведь протестантствующий модернизм Петра, навязывавший Церкви покорность суе миру сего, на первый взгляд полярно противоположен консервативному духу старообрядчества.

Именно эта двойственность в восприятии нашими современниками истории русских расколов побуждает к рассмотрению их причин с культурологических позиций. Первые осторожные гипотезы были высказаны автором этих строк в небольшом сообщении 1993 года. Тогда профессор и протоиерей Глеб Каледа, видный апологет и просветитель ныне уже, увы, покинувший наш мир, рекомендовал продолжить изучение проблемы, что и делается ныне с благодарной памятью к ушедшему батюшке. Разумеется, в этой небольшой статье мы только приступаем к необъятной теме культурологии расколов, надеясь привлечь к ней внимание коллег, и предлагаем читателю рассмотреть первые два фактора, способствовавшие возникновению весьма известных расколов. Итак, во-первых, церковные расколы обычны для переходных исторических эпох, а во-вторых, в расколах весьма часто повинны государства, вмешивающиеся в каноническую свободу Церкви.

Переходность может быть, разумеется, самого разного свойства. Переходность может лежать в сфере смены историко-культурных эпох, скажем перехода от Средневековья к Новому времени. Может быть связана с редчайшей ситуацией окончания жизни целой великой культуры, например, античной. Возможен переход и этнологического свойства: между фазами, которые проходят в своей жизни все без исключения этносы, народы. Переходность может иметь и политический характер: последствия революций, гибель влиятельных держав. А если держава – империя, последствия ее расчленения так или иначе переживаются всем миром.

Рассмотрим примеры. Донатистский раскол IV века по вопросу об отношении к вероотступникам, не выдержавшим гонений: эпоха переходная – начало христианской Античности. Донатистский раскол падает на эпоху, когда Римская империя (тогда это весь Античный мир) становится христианской, общество в основном становится христианским. Мы можем говорить о пребывании Средиземноморского мира на протяжении III–VI вв. в культуре Античного христианства. Средневековье наступит значительно позднее. Переходный характер налицо.

484–519 гг. – так называемый «раскол Акакия» из-за «Энотикона» императора Зенона. Безусловно, переходная эпоха: падение Рима, вечного города, ощущавшееся всеми как вселенская катастрофа (476 г., прошло всего несколько лет).

Разрыв между христианскими Западом и Востоком в начале VIII столетия по поводу иконоборчества константинопольских императоров Исаврийской династии. Само иконоборчество – конечно, ересь. Однако нас интересует исторический фон переломного характера, и он есть, ибо иконоборчество приходится на этническую фазу надлома ромейского (мы часто говорим ошибочно – «византийского») народа – ведущего в Восточной империи. Причем это играло, возможно, большую роль в разрыве с Западом, чем сама ересь. Ведь лидирующие в Западной Европе франки сами были умеренными иконоборцами, и Карл Великий проявлял иконоборческие симпатии, так что, казалось бы, нет особенных вероучительных

противоречий, а на самом деле Франкская империя и Византия вступили в противоборство. (Вдумчивый читатель попробует окончательно разобраться в исторических деталях этой интереснейшей эпохи, прочитав «Конец и вновь начало» Л. Н. Гумилева и «Вселенские соборы» А. В. Карташева.)

Противостояние Константинопольской и Римской кафедр в патриаршество святителя Фотия Цареградского – эпоха чрезвычайно интересная культурологически (IX век). За время иконоборчества окончательно сложились и всеми ощущались две великие культуры в еще едином вероисповедно христианском мире: Восточное и Западное христианство.

Целую группу расколов на Западе породила эпоха Возрождения. Часть из них позднее оформилась Реформацией в новые вероисповедания. Немало возникло ересей. Однако Англиканская Церковь, сохранявшая несколько столетий в основном римско-католическое вероисповедание, демонстрирует нам раскол, созданный культурно-историческими факторами.

Немало расколов привносит мрачный отсвет в хронику жизни Вселенской Церкви в XIX–XX столетиях. И все они вышивались по одной канве – канве разрушения империй. Греко-болгарский раскол XIX в. был вызван распадом Турецкой империи. Гибель империи Австро-Венгерской – несомненный толчок к расколу македонскому, не преодоленному и поныне, даже укрепленному насильственным расчленением Югославии. Разрушение православного царства – Российской империи – вызывает церковные расколы в Грузии, Финляндии, Польше, Прибалтике, Северной Америке, Западной Европе, Японии, Китае. Раскольничьих групп было бы в наши дни много больше, если бы кириархальные Церкви (Церкви-матери) не сочли возможным многие из них покрыть истинно материнской любовью. Так было в XIX веке с Элладской Церковью. Так Православная Российская Церковь снисходительно простила грузинский, финляндский, американский расколы. Даже расчленение Советского Союза, государства откровенно антихристианского, искусственного, паразитировавшего на

исторической территории России, вызывает на наших глазах украинские и эстонский расколы.

Обращаясь ко второму историко-культурному фактору, прискорбной роли государства в качестве инициатора или, по крайней мере, провокатора расколов, ограничимся в основном теми же примерами. Донатистский раскол усугубляется грубым вторжением государственной власти в жизнь епархий Северной Африки. Раскол Акакия просто-напросто создало государство – конкретно император Зенон, который изданием «Энотикона» не только посягнул уже на каноническую свободу, но и утвердил государственное вмешательство в догматические споры своего времени. Иконоборчество начинается не с еретических построений, а с чисто бюрократических антимонастырских эдиктов императора Льва III, то есть первый толчок к расколу совершает государство, покинув сферу кесарева и вторгаясь в сферу божественного. Точно так же, грубо и противоканонично вмешиваясь в вопрос назначения и смещения первоиерарха, государство провоцировало вмешательство Рима в дела Константинополя, что привело к церковным нестроениям при святителе Фотии.

Греко-болгарский раскол XIX в. имел долгие развивавшиеся в культурной и социальной среде фанариотские, корни (прежде всего лишение болгар в городах богослужения и преподавания на национальном языке). Однако настоящий разрыв произошел только в результате возникновения Болгарского государства. То есть и здесь государство стремится обзавестись своей «собственной» Церковью, чем усугубляет тенденцию, которая могла бы и не привести к расколу.

Расколы в Православной Российской Церкви созданы исключительно правительствами. Так действовало довоенное правительство Финляндии, навязывая новый стиль и разрыв с Матерью-Церковью. В результате – раскол, который был с торопливой готовностью покрыт омофором Константинопольского Патриарха, а нашей Поместной Церковью был прощен только после Второй мировой войны. Та же картина наблюдалась в крошечных прибалтийских республиках, созданных в зоне немецкой оккупации в 1917–1918 гг. Сейчас

мы видим тенденцию совершенно аналогичную: безбожное по сути своей и далекое от православной культуры правительство пытается управлять делами и собственностью Церкви в искусственно образованной, не имеющей исторической территории Эстонской республике.

Раскол грузинский был создан правительством грузинских меньшевиков. Все польские правительства XX века были более или менее антиправославными, учиняли в 20–30-х годах прямые гонения, активно поддерживали униатов. Уход православных в раскол в этом государстве был единственным шансом сохранить хотя бы часть храмов и монастырей. Давление коммунистического режима на возглавлявшего тогда иерархию митрополита Сергия породило разрыв с Патриархией сначала Синода Зарубежной Церкви, затем уже разрыв с Синодальной Церковью митрополита Платона в Америке, митрополита Евлогия в Западной Европе.

Все без исключения украинские расколы XX столетия созданы государством, полицейской силой, считать их националистическими совершенно несправедливо. Не этнос, не национальные движения, а чекистские наганы и омоновские дубинки порождают автокефалистскую тенденцию на Украине начиная с 1918 г. (убиение новомученика митрополита Владимира Киевского на совести тех первых автокефалистов)! И самосвятский раскол поощрялся полицейской властью, как и нынешние две «автокефалии». Более того, весьма вероятно, не без активного вмешательства государства в продолжение большей части советского времени существовал Киевский экзархат. Напомним, что исторически экзархатом называется епархия или группа епархий, чья территория оторвана от канонической территории Поместной Церкви. Непонятно, какие мусульманские или католические земли отсекали Советскую Украину от СССР! У митрополита Киевского никаких оснований для титула экзарха не было, но титул был: власть раскачивала маятник будущего раскола...

Увы, государство часто приводило христиан к расколу, раскольники часто прибегали к помощи государства. Так было и с расколоучителями XVII столетия. Известно, что уже в XVIII

веке старообрядцы именовали Православную Российскую Церковь «Церковью государственной», нередко именуют и сейчас, после десятилетий коммунистических гонений. Но кто апеллировал к государству? Разве патриарх Никон? Нет, первосвященник отстаивал симфонию с государством и внутреннюю каноническую свободу Церкви. Его же противники – протопопы Аввакум Петров и Иван Неронов – требовали от царя Алексея Михайловича силой подавить позицию патриарха и его сторонников.

Последняя попытка раскольников переманить на свою сторону власти была совершена в 1682 г. Это прения в Кремле во время хованщины знаменитого Никиты Пустосвята при поддержке восставших стрельцов с православными архиереями. Тогда расколоучители стремились опереться на поддержку не только правительства царевны Софьи Алексеевны, но и на бунтующую военную силу. Цель оправдывает средства!

Раскольники и государство. Трудно не согласиться с мнением протоиерея Льва Лебедева, убедительно показавшего в лучшей своей работе «Патриарх Никон» (см. его книгу «Москва патриаршая»), как бюрократия, добившись смещения Никона с патриаршего престола, превратила раскол в старообрядчество. При любых ошибках, допущенных и первоиерархом, и Собором, это были лишь ошибки, которые преодолевались. Государство же зафиксировало раскол на три сотни лет: он не преодолен и поныне.

Так почему же возможна удивительная, и весьма последовательная, симпатия одновременно к Петру I с его антицерковными реформами и к старообрядцам? Полагаем, что, так как речь идет о весьма образованных людях, дело не в эмоциональном восприятии колоритных фигур протопопа Аввакума и царя Петра. Вспомним, что предложил Петр России. Он предложил поменять свою великую культуру, перестать быть страной Восточного христианства и стать одной из стран Западного мира, перейти в другой культурный регион, в другой суперэтнос. Это не прямая измена Вселенскому Православию, но ситуация, делающая для человека сохранение православия

затруднительным. Последовав за Петром, русский человек оставался бы православным только по вероисповеданию, перестав быть православным по культуре (последнее в конечном счете ведет к перемене веры).

Что предложили старообрядцы? Изоляционистскую ситуацию, в которой Россия противопоставляется Европе, вместо того чтобы Восточная Европа противопоставлялась Западной. Россия, скажем, может противостоять Франции. Целый культурный регион, объединяющий славян, греков, грузин, может противопоставлять себя Западу. Но сравнение одной страны с целым миром заведомо проигрышно, как проигрышен любой изоляционизм.

Таким образом, и та, и другая стороны стремились свергнуть русских людей в состояние скрытого раскола со Вселенской Церковью. И лишь никонианство (пора это обозначение культурной принадлежности произносить с достоинством!) сохраняло Россию не только страной православного вероисповедания, но и православной империей, лидирующей страной православной культуры.

Думается, наша правота подтверждается той неприязнью не только к никонианству церковному, но и к исполнению Россией своего имперского долга, что была выражена в книге московского псаломщика Б. Кутузова «Церковная реформа XVII в., ее истинные причины и цели». Поразительно, что книга написана клириком Патриаршей Церкви, а издана раскольниками-беспоповцами в русофобствующей Риге в 1992 г. Между тем следует помнить, что Россию как империю, православное царство создала Вселенская Церковь, создала в качестве преемницы погибающей Византии. И нынешние западники, потомки революционеров-цареубийц, наследники петровских реформ, лишаящие Россию ее исторических земель, предающие балканских православных, выдающие за Россию бывшую коммунистическую РСФСР, могут лишь аплодировать московскому изоляционисту.

И наконец, не забудем и нынешних реформаторов-обновленцев, ставящих на грань раскола некоторые церковные приходы. Их предшественники в 20-х годах усердно служили

безбожной коммунистической власти, совместными усилиями разрушая восточнохристианскую культуру. Власти навязали русским чуждый западный календарь, обновленцы стремились перевести на него богослужение и заодно упразднить церковнославянский язык, объединяющий нас со всеми славянами. Ныне обновленческие общины пытаются грубо русифицировать богослужение. Все то же раскольничье стремление служить миру, обмирщить Церковь, вместо православного стремления оцерковить мир. Все те же попытки разрушить православную культуру. И то же стремление опереться на политические силы. Только нынешние обновленцы понимают, что теперь не удастся, как в 20-х годах, послать чекистов выгонять из храмов православных священнослужителей. Потому-то и призывают не к демократическому правительству РФ, а к «мировому», ко «всеми прогрессивному человечеству»...

Да не будет! Не в силе Бог, но в правде.

Примечания

- ¹ - В авторской версии здесь и далее: «советской власти».
- ² - Автор здесь и далее имеет в виду не государство, а государственную власть (прим. Ред. ЗД).
- ³ - том 2, стр. 281
- ⁴ - том 2, стр. 284
- ⁵ - Этнически русскими являются великороссы, малороссы и белорусы (здесь и далее прим. ред. ЗЛ).
- ⁶ - Непременным признаком полноценного гражданина, имеющего право избирать и быть избранным в институты государственной власти, является право и возможность приобретать, хранить и использовать для самозащиты личного огнестрельного нарезного оружия.
- ⁷ - Как показали первые месяцы деятельности Госдумы нового созыва, выборы, состоявшиеся в декабре 2003 года, еще более усилили ее антирусский характер за счет членов «Единой России», что, скорее всего, может принять в скором времени форму оголтелой русофобии, которая наверняка будет центральной задачей в законодательной практике (прим. Ред).
- ⁸ - Решением Временного правительства Россия была объявлена республикой, а Большевицкое правительство росчерком пера отменило весь свод законов Российской империи, что отменяло законодательство о престолонаследии. При этом надо учитывать, что монархия как институт власти не противоречит и вполне совместима с республиканским политическим строем. (прим. ред. ЗЛ).
- ⁹ - И всё-таки вряд ли стоит списывать со счетов французские агрессии против России в 1812 и 1854 годах.